

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2022. 17(4)
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель и издатель –
Cherkas Global University, США

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Адрес для писем:
1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Тел.: +1 202 8437792 (США)
E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Сайт журнала: <https://bg.cherkasgu.press>

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редакционный совет:

- С. И. ДЕГТЯРЕВ (г. Сумы, Украина)
гл. редактор – д-р ист. наук
- Д. ДАРОВЕЦ (г. Венеция, Италия)
- П. ДЖОЗЕФСОН (г. Вотервиль, США)
- Е. Ф. КРИНКО (г. Ростов-на-Дону, Россия)
- Р. МАРВИК (г. Ньюкасл, Австралия)
- Р. В. МЕТРЕВЕЛИ (г. Тбилиси, Грузия)
- Б. Н. МИРОНОВ (г. Санкт-Петербург, Россия)
- Дж. САНБОРН (Пенсильвания, США)
- В. САНДЕРЛЭНД (г. Цинциннати, США)
- С. Г. СУЛЯК (г. Тирасполь, Молдавия)
- Г. ЧЖАН (г. Чанчунь, Китай)
- Ф. Б. ШЕНК (г. Базель, Швейцария)
- М. ШМИГЕЛЬ (г. Банска Быстрица, Словакия)

Подписано в печать 01.012.2022 г.

Заказ № 72.

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай I, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография «Виды Российской империи. Харьков»

BYLYE GODY. 2022. 17(4)
HISTORICAL JOURNAL

Publisher –
Cherkas Global University, USA

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Postal Address:
1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Тел.: +1 202 8437792 (USA)

E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Website: <https://bg.cherkasgu.press>

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Editorial Board:

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Editor in Chief – Dr. (History)

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

P. JOSEPHSON (WATERTOWN, USA)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

Approved for printing 12/01/2022

Order № 72.

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:
Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas I is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo «Views of the Russian Empire. Kharkov»

CONTENTS

ARTICLES

Medieval Silver Bowl from the Lower Tobol Region (Based on Materials from the Vak-Kur Burial Ground) A.A. Adamov, N.P. Turova	1487
The Body Defensive Arms of Nomads in Noghaic-Kazakh Heroic Epos O.M. Agatay, Zh.M. Sabitov	1500
Delimitation of the Border between the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Muscovy in the Interfluvium of the Sula and the Sejma in the first half of the 17th century S.I. Degtyarev, E.M. Osadchij	1513
“Women's Question” in Tibetan-Mongolian Buddhism: Traditions and Modern Realities M.S. Ulanov, V.N. Badmaev	1523
History of Old Believers in the Russian Empire in the 17 th and early 20 th centuries in the Context of the Development of their Dogmatic Doctrine A.E. Lebid, A. Makogon	1538
Images of Antipodes of Peter I in Russian Pre-Revolutionary Historiography: Construction, Functions, Interaction N.A. Mininkov, A.Yu. Peretyatko	1551
Problems of Development of the Outlying Russian Territories in the 18th century: the Search for a Strategy (on the Example of the Volga-Caspian Fishing Region) S.V. Vinogradov, Yu.G. Eshchenko, E.V. Saveleva, O.V. Likholet	1564
Customary Legal Nature of the Institution of Marriage among the Permian Peoples in the 18 th – 19 th centuries O.A. Plotskaya, Yu.E. Kurilyuk, D.A. Ospanova	1575
Modern Research on the Institution of Khan Power of the Kazakhs in the Imperial Period N.N. Kurmanalina, T.A. Ryskulov, Z.Ye. Kabuldinov, O.B. Kuanbay	1585
Buddhist's Traditional Views on Violence and Non-Violence (On the Example of the Kalmyks of the Russian Empire) Yu.Yu. Erendzhenova	1596
Ideology as a Mechanism for the Formation of Historical Discourse (on the Example of the Historiography of the Bashkir Uprising of 1735–1740) V.A. Ivanov, A.I. Kortunov, A.O. Ivanov	1605
The Political Situation in the Uluses of the Kalmyk Khanate in the first half of the 60s of the XVIII century A.V. Tsyuryumov	1618
Family Reading of Nobles in the Information Culture of the Russian Province of the second half of the XIX – early XX centuries R.M. Zhitin, A.G. Topilsky	1625
Vicissitudes of Fate: The Cultural Code of the Stechkin Family T.A. Volodina, E.V. Simonova	1633
Complementary Policy of the Russian Empire in the Kazakh Steppe in Ethno-Cultural and Confessional Spheres (XVIII – 60s of XIX centuries) A. Nurgaliyeva, A. Tasmagambetov, A. Baibulsinova	1643

Psychology of Religion in the Infosphere of the Russian Theological Academies of the XIX – beginning XX centuries. (on the example of the St. Petersburg Theological Academy) O.K. Mikhelson, N.S. Poliakov	1654
Libraries of Orthodox Theological Schools of the Russian Empire D.D. Pyzikov, A.O. Blinkova, T.I. Khizhaya	1666
Historical Controversy N.M. Karamzin and M.M. Speransky as a Mirror of the Dilemma in the Development of Russian Statehood at the beginning of the 19th century V.V. Smirnova, .S.A. Pravkin, A.V. Samigulina, R.V. Shagieva	1675
“Let's Prove, Let's Prove, Citizens, that We Are Ross...”: the Problem of Patriotism during the Patriotic War of 1812 and the Crimean War (on the Example of the Penza Province) S.V. Belousov, O.V. Kolpakova, A.R. Mere	1684
Periodicals of the Russian Empire beginning XIX century as a Source on the History of Siberian Art N.P. Koptseva, K.A. Degtyarenko, Yulia N. Menzhurenko, D.S. Pchelkina	1693
To the Issue of Slavery and Slave Trade Relations among the Highlanders of the Caucasus in the first half of the XIX century T.A. Magsumov, T.E. Zulfugarzade, M.B. Kolotkov, S.B. Zinkovskii	1704
The Fate of the Pension Statute of 1827 in the Russian Empire D.I. Raskin, A.A. Solnyshkin	1712
Troickij Cathedral as the Example of Stone Buildings Dendrochronological Dating (Kyakhhta, East Siberia) Z.Yu. Zharnikov, V.V. Dzyuba, V.S. Myglan, I.L. Vakhnina	1721
Epidemic Riots of the 1830s: Regional Specificity and Imperial Commonality K.S. Barabanova	1733
Organization of Children's Asylums in Penitentiary Institutions of the Russian Empire in the 19th and early 20th centuries (Case Study of Krasnoyarsk Asylum for Prisoners' Children) P.V. Lapo, T.A. Kattsina	1744
To the Issue of the Complex of Historical Sources of the mid–XIX – early XX centuries (On the Example of Ivan Filippovich Cherkasov' Family) A.A. Cherkasov	1753
Factors Hindering Distribution of Orthodoxy among the Kazakhs in the second half of the XIX – early XX centuries Z.T. Sadvokassova, Z.Ye. Kabuldinov, Yu.A. Lysenko	1759
Diplomatic Missions of Mining Engineers in the Foreign Policy of Russia in the XIX – early XX centuries V.G. Afanas'ev, I.V. Voloshinova	1770
Comparative Characteristics of the State of the Judicial System of the Russian Empire before and after the Judicial Reform of 1864. Part 2 I.S. Denisov, R.M. Allalyev, M.G. Smirnov, M.I. Katsarskiy	1780
Influence of the Zemstvo Reform of 1864 on the Development of the History of the Russian Empire A.V. Gurko, R.S. Dzhindzholiya, S.N. Rozhnov, K.D. Savitskaya	1788
Functional Potential of the Finnish Gendarmes during the Great Reforms of Alexander II P.S. Seleznev, O.V. Panina, V.N. Belik, E.G. Bagreyeva	1796
Local Self-Government and Traditional Institutions: Problems of the Influence of Historical and Cultural Heritage in Post-Reform Russia O.V. Golovashina, S.K. Lyamin	1804

Russian Kerosene on the Chinese Market in the late 19 th – early 20 th centuries I.R. Hamzin, R.T. Ganiev, A.V. Kochnev	1812
The Problem of the Development of Institutions of Interaction between the State and Business in the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries K.V. Simonov, T.V. Evgenyeva, K.N. Babichev	1823
The First Concept of Archaeological Education in Russia Yu.G. Kokorina, V.A. Rogozhkin, L.G. Khusnutdinova, E.Z. Zulkarnaeva	1831
The Reflection of the Russian-Turkish War of 1877–1878 on the Pages of “Irkutskie Eparkhial’nye Vedomosti” Newspaper V.V. Barabash, A.A. Gabelnikov, R.A. Savastenko, M.Y. Lavrentyeva	1843
Russian-Turkish War (1877–1878) in the Sources of Personal Origin O.E. Chuikov, V.V. Bogdan, K.V. Taran, L.L. Balanyuk	1850
The History of Contraction of Railway in Siberia: from the Idea to the Final Project E.A. Akhtamov, D.N. Gergilev, T.V. Izluchenko, M.G. Tarasov	1858
From the History of Countering Terror against Officials of the Russian Prison Department at the turn of the 19 th – 20 th centuries A.Y. Epifanov	1867
To the Issue of the Pedagogical Periodical Press of the Church Department of the Russian Empire of the late XIX – early XX centuries A.M. Mamadaliev, V.S. Nikitina, N.V. Svechnikova, I.Yu. Cherkasova	1877
Charitable Activities in Novorossiysk in the late 19 th – 20 th centuries: Organizations and Private Initiatives N.A. Garazha, I.N. Voblaya	1885
The Socio-Cultural Role of Officials of the Russian Empire on the Territory of Kazakhstan in the late XIX century – early XX centuries (based on Museum Photo-Documentary Sources) Y.A. Jassybayev, T. Galiya	1897
Ethnization of the Late Imperial City: Jewish communities of the Orenburg Province in the second half of the 19 th – early 20 th centuries A.A. Avdashkin, A.V. Chernykh	1909
Formation of the Imperial Model of the All-Russian National-State Identity at the turn of the 19 th – 20 th centuries V.V. Titov	1918
The Evolution of the Tactics of the Social Revolutionary Terror in the Period of 1902–1907 P.S. Seleznev, S.P. Mitrakhovich, D.V. Petrosyants, N.V. Malanicheva	1927
The Agrarian Question in the Program of the Cadet Party in 1905–1907 S.V. Rastorguev	1936
“Voprosy Kolonizatsii” Journal as a Historical Source on Colonization Processes in the Russian Empire at the beginning of the 20 th century G. Rajović, S.N. Bratanovskii, A.Y. Epifanov, S.A. Buryanov	1945
The “Cine-Phono” Journal as a Source on the History of Film Adaptation of Literary Works in Russia at the beginning of the 20 th century A.A. Sitnikova, N.M. Leshchinskaia, E.A. Sertakova, M.A. Kolesnik	1955
The Far East of Russia as a Region of Transit Migration on the Eve of the First World War A.V. Antoshin	1968

“Niva” Journal (1909) as a Source on the History of the Artistic Culture of the Russian Empire A.A. Shpak, Ju.S. Zamaraeva, N.N. Pimenova, N.N. Seredkina	1976
Crafts and Employment of Migrants in the Urman Zone of the Turinsk District of the Tobolsk Province According to the Results of a Statistical Survey Conducted under the Leadership of V.K. Kuznetsov in 1912 D.N. Belyanin, V.N. Razgon, A.V. Razgon	1990
To the Issue of Electrification of the Caucasus at the beginning of the XX century G. Rajović, S.N. Bratanovskii	2001
Problems of Interaction between the Turkic Peoples of European Russia in the Coverage of Foreign Historiography T.N. Ivanova, E.K. Mineeva, A.I. Mineev	2010

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1487-1499
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1487

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

ARTICLES

Medieval Silver Bowl from the Lower Tobol Region (Based on Materials from the Vak-Kur Burial Ground)

Aleksandr A. Adamov ^{a,*}, Natalya P. Turova ^a

^aTobolsk Complex Scientific State of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The focus of research was a silver ornamented bowl with carved zoomorphic images, found in the Lower Tobol Basin at the Vak-Kur burial ground. This necropolis belongs to the group of the Yudinskaya archaeological culture monuments of the 10th–13th centuries. The study is intended to introduce a new unique piece of artistic metalworking into scientific use, determine when and where it was manufactured and how it was used in the cult and funerary practice. Objectives: morphological and stylistic description of the item and the context in which the vessel was found; determining the object's chronological range of use and its cultural affiliation; searching for analogues to the object among the archaeological sites of Siberia and other territories; analyzing later graffiti, interpreting their type and determining the sequence of application.

According to the research findings, the bowl dates back to the 10th–11th centuries AD. It is the only silver vessel found among the artefacts of the Yudinskaya culture. Based on the analysis of technological methods and comparison with published items, the place of the bowl's manufacture was identified as the Perm jewelry center workshops. With later depictions of moose, bear and the presence of hang holes, as well as relying on the information found in ethnographic literature, it was assumed that the silver vessel was once used as a cult object at one of the sanctuaries in the Lower Tobol Basin. Furthermore, the bowl appeared to be used during funeral and memorial rites: it served as the source material for plates used as funeral masks); later the bowl became part of funeral accessories or a memorial complex.

Keywords: Western Siberia, Lower Tobol Basin, Middle Ages, Yudinskaya culture, Vak-Kur burial ground, Perm jewelry center, silver bowl, graffiti, toreutics.

1. Введение

Ежегодно коллекция предметов древнего искусства пополняется новыми образцами, изучение которых помогает нам проникнуть в принципы мировосприятия их создателей. Памятники искусства – своеобразные документы мыслей и верований человека Средневековья (Даркевич, 1976: 7).

На территории Зауралья и Предуралья во второй половине I тыс. н.э. появляются высокохудожественные изделия из серебра и бронзы (среди которых встречается и посуда с граффити), которые известны с VII по XIII вв. Значительная их часть датируется IX–XI вв. (Сокровища Приобья, 1996: 6, 13).

Подавляющее количество известной к настоящему времени посуды из цветных металлов обнаружено в составе кладов, а также на современных святилищах народов Западной Сибири. Значительно реже подобные изделия находят при археологических работах на средневековых памятниках. На памятниках Приуралья и Западной Сибири бронзовые и серебряные чаши

* Corresponding author

E-mail addresses: adamowaa@yandex.ru (A.A. Adamov), turova2707@yandex.ru (N.P. Turova)

встречаются как в погребениях, так и в составе так называемых поминальных (жертвенных) комплексов из межмогильного пространства (Зеленый Яр, 2005: 141, 143; Степанова, 2008; Никитина, 2017). По вопросу о месте их производства и датировке существуют различные точки зрения, зачастую недостаточно аргументированные.

На данный момент на памятниках юдинской культуры X–XIII вв., локализованных на территории южнотаежного и лесостепного Зауралья, не найдено серебряных сосудов. Целью данного исследования является комплексный анализ уникальной находки – серебряной чаши с чеканным орнаментом, впоследствии покрытой врезанными зооморфными изображениями, обнаруженной на крупнейшем некрополе юдинской археологической культуры – могильнике Вак-Кур.

2. Материалы и методы

Грунтовый могильник Вак-Кур находится в Ярковетском районе Тюменской области, на правом берегу р. Тобол, вблизи устья р. Тап, в южной части ареала юдинской культуры. Могильник исследован шестью раскопами общей площадью около 1650 кв. м., на которых исследовано 220 погребений (Турова, 2015). По керамическому комплексу со шнуровой орнаментацией некрополь был отнесен исследователями к юдинской археологической культуре и датирован X–XI вв. н.э. (Адамов, 2003: 249) или несколько шире – X–XIII вв. (Зах, Чикунова, 2010: 118), хотя вещей, появившихся в XII и тем более в XIII вв., среди погребального инвентаря могильника не известно. Серебряная чаша обнаружена в межмогильном пространстве некрополя, на небольшой (15 см) глубине от современной поверхности.

Методологическим основанием научных исследований стали принципы историзма, объективности, системный подход. При анализе и интерпретации находок применялись традиционные для исторической науки методы исследования: сравнительно-исторический, типологический, сравнительно-типологический, формально-стилистический, семантический, метод аналогий.

3. Обсуждение

Средневековая металлическая (серебряная, бронзовая и медная) посуда Предуралья и Сибири неоднократно становилась предметом специального изучения. В научной литературе исследованию этой категории изделий посвящены работы описательного, интерпретационного и обобщающего характера.

Впервые сводку прикамских и западносибирских изделий из серебра и бронзы, а также их атрибуцию составил Я.И. Смирнов (Смирнов, 1909). Позднее появляются исследовательские работы, посвященные отдельным группам серебряных вещей: определяется место их изготовления, приводится датировка, анализируется орнаментация (Гаврилова, 1974; Melikian-Chirvani, 1974; Даркевич, 1976; Федорова, 1881; 1982, 1985; Сокровища Приобья, 1996; Руденко, 2006; 2010; 2015; Карачаров, 2016; Маршак, 2017; Чхаидзе, 2017).

Анализу врезанных изображений на металлической посуде, их атрибуции на основе комплексного анализа иконографии образов, а также композиции сюжетов, вопросу о назначении сосудов с врезными изображениями посвящены работы В.Ю. Лещенко, Н.В. Федоровой (Лещенко, 1976; Федорова, 2014). Роль и место металлических изделий, в том числе и посуды, в религиозно-обрядовой практике хантов и манси на протяжении II тыс. н.э. раскрываются в работах А.В. Бауло (Бауло, 2004; 2011). Несмотря на солидную историографию, ключевые проблемы в атрибуции и интерпретации всего корпуса источников далеки от решения.

4. Результаты

Чаша округлой формы, изготовлена из тонкого серебряного листа путем выколотки (Рисунок 1, 1). Края чаши отсутствуют, так как были преднамеренно срезаны. Максимальные размеры чаши 13 x 14,5 см, высота до 5,1 см, толщина от 0,6 до 0,25 мм. С внутренней стороны чаша при изготовлении была декорирована вдавлениями в виде окружностей, нанесенных штампом диаметром 3,17 мм. Штихель, применявшийся для нанесения орнамента, представлял собой тонкую трубочку с острым краем (причем в ее остром крае имелась выщербина длиной около 0,10 мм). Прослеживается один ряд из окружностей, проходивший по краю бортика чаши, сохранившегося на максимальную высоту. На дне сосуда, по центру, нанесена «розетка», состоящая из 11 пирамидок из окружностей, расположенных по кругу. В каждой пирамидке насчитывается по 6 окружностей. Штамп наносился под разными углами, в связи с чем зачастую полная окружность не пробивалась, и тогда мастер иногда наносил повторный удар штихелем. В целом нанесенный орнамент выполнен достаточно небрежно или мастером низкой квалификации.

На территории Предуралья и Сибири с эпохи Средних веков появляется посуда (часто это высокохудожественные изделия) из серебра, бронзы, меди, изготовленная в странах Азии и Европы. Она поставлялась сюда в качестве бытовых изделий, часть из которых затем использовалась населением в погребальном обряде, а часть – накапливалась на святилищах в качестве подношений и предметов, участвовавших в обрядах.

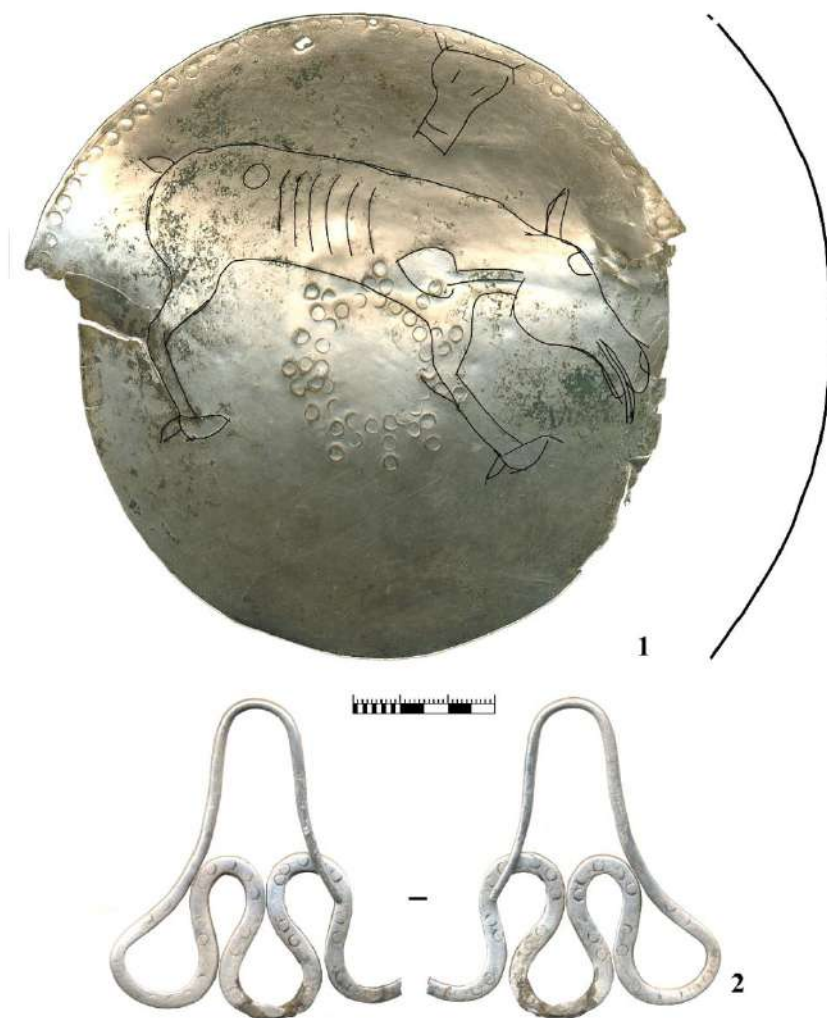

Рис. 1. Находки из могильника Вак-Кур.
1 – чаша, 2 – трехлопастная височная подвеска. 1, 2 – серебро

Чаши из серебра, украшенные циркульным орнаментом, по публикациям нам не известны, однако бронзовые чаши с таким орнаментом встречаются не так уж и редко. Они преимущественно представлены в памятниках IX–XI вв. Такие изделия известны в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья: в Дубовском, Веселовском, Нижняя Стрелка (Архипов, 1973: рис. 73, 1-2; Никитина, Руденко, 1992: рис. 1, 3, 5, 7, 8; Никитина, 2012: рис. 51, 6; 55, 2; 172, 1; 207, 1-3; 255, 5), в Русенихинском могильнике обнаружено четыре чаши (Никитина и др., 2017: рис. 1; 2). Опубликован и ряд находок из Татарстана: два фрагмента из Болгарского городища (Руденко, 2015: илл. 421; 422), из Семеновского (Руденко, 2015: илл. 424), Измерского и Остолоповского селищ (Казаков, 1991: рис. 19, 29-31; Руденко, 2015: рис. 20, 2-3).

Обломок бронзовой чаши был обнаружен на Хейбидя-Пэдарском жертвенном месте в Большеземельской тундре (Ненецкий автономный округ) (Мурыгин и др., 2016: рис. 2.1.15:2(87)). В Сибири две чаши происходят с р. Юрибей на Ямале (Сокровища Приобья, 1996: 122-124, № 57, 58) и с поселения Ярте VI (Плеханов, 2014: табл. 31, 241); обломки чаши найдены и на Гыданском полуострове (Сафонова, 2017).

Еще два сосуда обнаружены на памятнике Зеленый Яр на р. Полууй (в погребении № 28 и в составе даров поминального комплекса, которые датируются XIII в.) (Зеленый Яр, 2005: 116, 141-143). Одна бронзовая чаша XII–XIII вв. обнаружена в Сургутском кладе 1977 г. (Федорова, 1981: рис. 1, 11). Ковш с циркульным орнаментом был найден в погребении № 20 могильника Барсов Городок (Арне, 2005: рис. 49, а, б), а обломки чаши – в Сайгатинском 1 могильнике (Зыков и др., 1994: кат. № 304). Бронзовая чаша была обнаружена в могильнике Арантур 27 (Степанова, 2008: рис. 4). Две чаши происходят из Шурышкарского района (Бауло, 2011: кат. № 382; 383). Обломок чаши известен среди материалов могильника Усть-Балык (Семенова, 2001: рис. 20, 4). Обломок бронзовой чаши обнаружен нами в низовьях р. Тобол на городище Тобол-Тура 1, датированном XII–XIV вв. Еще одна бронзовая чаша найдена достаточно далеко от Западной Сибири – на могильнике у с. Бетени, на левом берегу Енисея (Гаврилова, 1974: рис. 4).

Перечисленные опубликованные изделия не исчерпывают весь круг находок. В свое время Н.В. Федорова писала об известных ей не менее двадцати бронзовых сферических чашах как декорированных циркульным орнаментом, так и гладких (Федорова, 2009: 33). Но в это время только началось масштабное ограбление сибирских древностей черными копателями. К настоящему времени круг подобных изделий мог бы быть значительно расширен. Добытые варварским путем артефакты осели в частных коллекциях, а часть из них, возможно, и в собраниях зарубежных музеев. Из находок, обнаруженных копателями, нам удалось ознакомиться с серебряной чашей, найденной в погребении на р. Большая Умыгтя. Чаша с циркульным орнаментом, который достаточно близок декору на бронзовых чашах из Татарстана и Зауралья, опубликованных К.А. Руденко (Руденко, 2015: илл. 424; 453).

Появление бронзовых чаш с циркульным орнаментом связывают с импортом с территорий мусульманского Востока в IX–X вв. (Гаврилова, 1974: 178), Ирана IX–XI вв. (Сокровища Приобья, 1996: 122, 124) или Восточного Ирана и Средней Азии X–XI вв. (Никитина и др., 2017: 77). При этом авторы преимущественно ссылаются на работу А.С. Меликяна-Ширвани (Melikian-Chirvani, 1974), который осторожно подошел к датировке посуды с циркульным орнаментом, опираясь (применительно к верхней дате) прежде всего на надпись с ковша из могильника Барсов Городок. Отмечая особенности написания трех букв, он датировал эту надпись первой половиной XI в. и подчеркнул, что надпись могла быть добавлена позже – возможность, которую нельзя ни принять, ни отбросить, пока не будут найдены схожие изделия из белой бронзы (Melikian-Chirvani, 1974: 146). Это опасение сейчас можно развеять, так как в 2021 г. на р. Нельым (Уватский район, Тюменской области) был разграблен могильник, в котором копателями обнаружены остатки бронзового ковша с ручкой, с циркульным орнаментом и арабской надписью, которая близка ковшу из Барсова Городка. Правда, надпись состоит, насколько могут судить авторы, из многократного повторения одного и того же слова.

Особенности орнамента чаши из могильника Вак-Кур близки, но не идентичны бронзовым и серебряной чашам с циркульным орнаментом. На изделии с могильника Вак-Кур окружности не имеют центрального углубления, пробивались штихелем, отчего на другой стороне чаши оставались заметные следы. На серебряную чашу с р. Большая Умыгтя циркульный орнамент с точкой по центру наносился с внутренней стороны при помощи сверла, имевшего два выступа – в центре и с краю; с помощью бокового выступа и формировалась окружность. Следы сверления хорошо заметны под увеличением, а с внешней стороны чаши прослеживается едва заметный точечный бугорок – результат давления на сверло, которое концентрировалось именно на центральном выступе. Циркулярный орнамент сверлом был нанесен и на обломок чаши с городища Тобол-Тура 1. С помощью резца и сверла орнамент наносился с внутренней стороны и на три бронзовые чаши из могильника Нижняя Стрелка (Никитина, Руденко, 1992: 52, рис. 1, 3). На ковш из бассейна р. Нельым циркульный орнамент наносился на внешнюю сторону с помощью сверления.

Один из центров производства серебряной посуды, где использовался чекан с рабочим краем в виде окружности, находился в Согде. К согдийской посуде относят ряд сосудов: два из которых – изделия школ А и В, датирующихся в пределах VIII–IX вв. (Маршак, 2017, рис. 20, 65, с. 374, Т28, Т35). С этим же центром связывают два серебряных сосуда (кувшин и котелок), на которых, подобно предыдущим изделиям, чеканом заполнялся орнаментальный фон (Руденко, 2015: кат. № 397, 399). Однако между согдийской посудой и чашей из Вак-Кура имеются серьезные отличия: невысокое художественное исполнение изделия из Сибири, разное применение чекана – в первом случае он использовался для заполнения фона, а во втором – с его помощью наносились орнаментальные линии. Указанные различия не позволяют считать вак-куровскую чашу изделием согдийских мастеров.

В опубликованном Я.И. Смирновым атласе «Восточное серебро» имеется посуда, на которой орнамент представлен оттисками в виде окружностей. Причем штампом формировались именно линии орнамента, как и на чаше из Вак-Кура. Это следующие изделия: золотой кубок из села Рогули Новогригорьевского уезда Ставропольской губернии, золотая чаша из села Карги Днепровского уезда Таврической губернии, серебряная чаша из курганов в Кочкарской долине Токмакского уезда Семиреченской области, две серебряные чаши из села Чердатское Мариинского уезда Томской губернии, кубок (?) из села Ньюское Верхнеудинского уезда Забайкальской области (Смирнов, 1909: № 176, 194, 215, 216, 236, 299). Нехитрый орнамент на эти сосуды нанесен достаточно небрежно, что сближает их с чашей из Вак-Кура. Правда, декор по бортику посуды нанесен с внешней стороны и лишь на золотой чаше имеется орнамент на дне изделия – с внутренней стороны (Смирнов, 1909: № 299).

Аналогии посуде из атласа Я.И. Смирнова были обнаружены в последние годы копателями в Хакасско-Минусинской котловине. Одна серебряная чаша (погнута и свернута два раза) имеет заметное утолщение края, вдоль него идет нехитрый растительный орнамент из завитков, нанесенный штампом из окружности без центральной точки (диаметром около 2 мм); подчеркивает верхний орнаментальный пояс и горизонтальный ряд из окружностей.

Кроме того, судя по всему, в этом же районе Сибири была найдена еще одна серебряная чаша, выставленная на продажу на одном из интернет-форумов в конце 2016 г., но, в отличие от первой, она абсолютно целая (Рисунок 2, 2). Чаша несколько меньшего диаметра: если первая в пределах 20–24 см, то вторая – 11 см. Форма у них, судя по всему, была аналогична, по краю заметное

утолщение, чуть ниже, на внешней поверхности, идет поясок из растительного орнамента (близкий орнаменту большой чаши, но несколько упрощенный), подчеркнутый горизонтальным пояском. Штамп, которым наносился орнамент, также представляет собой окружность без центральной точки (около 2 мм диаметром).

Рис. 2. Серебряная посуда из Сибири.
1 – византийское блюдо из района Горной Субботы (р. Иртыш);
2 – чаша из Хакасско-Минусинской котловины (?). 1, 2 – серебро

Чаши, опубликованные Я.И. Смирновым, с вышеописанными изделиями объединяет близкая форма; они изготовлены из тонкого серебра, с заметным утолщением по краю; по их бортику с внешней стороны штихелем нанесен схожий растительный узор, подчеркнутый горизонтальной линией; изделия характеризуются невысокой техникой исполнения орнамента. В целом можно констатировать, что и чаши, опубликованные Я.И. Смирновым, а также обнаруженные в Хакасско-Минусинской котловине, являются продукцией одного центра, из которого посуда шла в Восточную Европу, в Киргизию, на р. Чулым в Западной Сибири, на Енисей и в Забайкалье. О датировке перечисленных изделий может свидетельствовать пайцза, обнаруженная вместе с кубком из с. Ньюское. Надписи на ней сделаны монгольским квадратным письмом, появившимся в 1269 г. (Поппе, 1941: 9, текст VIII), из чего следует, что кубок изготовлен не ранее последней четверти XIII в. Подтверждают датировку подобных изделий в пределах XIII–XIV вв. и близкие по форме и орнаментации чаши и кубок из погребений кочевников Восточно-Европейской равнины (Чхаидзе, 2017: рис. 3, 4). Можно согласиться с мнением В.Н. Чхаидзе, что подобную посуду следует связывать с ремесленной продукцией городских мастерских Улуса Джучи (Чхаидзе, 2017: 289).

Чаша из могильника Вак-Кур несколько отличается от чаш, описанных выше: вак-куровский сосуд с округлым, а не уплощенным дном; сохранившийся орнамент, идущий по бортику изделия, нанесен с внутренней стороны. Эти различия и датировка могильника (чаша была оставлена на площади некрополя не позже XI в.) свидетельствуют в пользу того, что чаша с Вак-Кура была изготовлена не в зоолотоордынских мастерских.

Таким образом, среди опубликованных материалов не обнаружено близких аналогий (по материалу и технике нанесения окружностей) серебряной чаше из могильника Вак-Кур X–XI вв.

Если изготовление бронзовых чаш с циркульным орнаментом уверенно связывают со Средней Азией, Ираном или Восточным Ираном, то посуда из серебра с незамысловатым орнаментом, выполненным к тому же не очень аккуратно, возможно, происходит из других центров обработки серебра. Например, это могут быть мастерские на Руси, где в ювелирном деле часто использовались чеканы, дающие несомкнутую окружность (как на вак-куровской чаше), что объясняется наличием выщербинки на лезвии рабочего инструмента (Сарачева, 1999: 76, табл. 2). На наш взгляд, достаточно частое употребление инструмента с рабочим краем в виде несомкнутого кольца, скорее всего, свидетельствует о способе изготовления подобного инструмента. А учитывая крайне низкое художественное исполнение орнамента на нашем изделии, предположение о ювелирных мастерских на Руси как месте его изготовления крайне маловероятно.

Говоря о месте производства нашей чаши, нужно обратить внимание на височную подвеску из серебра, происходящую с могильника Вак-Кур, которая при ограблении была выброшена из могилы (Рис. 1, 2). Височная подвеска, судя по всему, была трехлопастная. Часть одной лопасти была отломана грабителями и не сохранилась. Но нужно отметить еще один слом: пластина лопасти была плохо прокована мастером, соединявшим две проволоки, и со временем она расслоилась на две части, скорее всего, затем она была спаяна. В таком виде ее и поместили в погребение. На плоских лопастях чеканом с рабочим краем в виде окружности диаметром 2,70 мм был нанесен узор, идентичный элементам узора на чаше.

Причем чекан, как правило, ставился под углом к поверхности лопастей и штамп отпечатывался не полностью. Мастер был вынужден наносить дополнительные удары. Сам штамп в виде окружности, как и штамп, применявшийся при орнаментации чаши, имел выщербину. Все это свидетельствует о том, что и чаша, и трехлопастная подвеска были изготовлены в одном центре сереброделия, возможно, даже в одной ювелирной мастерской.

Полные аналогии нашей лопастной подвески известны из Сайгатинского IV могильника, датировку которого Н.В. Федорова определила в рамках XIII–XIV вв. (Зыков и др., 1994: 151, № 266), а пара витых подвесок, только четырехлопастных, из Сайгатинского III могильника датируется XIII–XIV вв. (Зыков и др., 1994: 151, № 264). В то же время трехлопастное украшение из Сайгатинского I святилища датировано IX–X вв. (Зыков и др., 1994: 151, № 267), а трехлопастная подвеска с циркульным орнаментом из Сайгатинского I могильника датирована концом X–XI вв. (Карачаров, 2016: рис. 1, 4). Находки трехлопастных височных подвесок с орнаментом, нанесенным округлым чеканом, Н.В. Федорова связывает с Булгарским или Пермским центрами сереброделия (Сокровища Приобья, 1996: 108, 109, № 50). Однако К.А. Руденко обратил внимание на то обстоятельство, что трехлопастные подвески не характерны ни для Прикамья, ни для Булгарии (Руденко, 2006: 103).

Картографирование находок височных колец с петлями (15 пунктов) было выполнено Н.А. Макаровым (Макаров, 2010; рис. 7). Отмечено, что находки таких украшений не известны в ареале родановской культуры, на памятниках Волжской Болгарии, однако присутствие таких вещей в Заволочье, на Вайгаче и в Приобье можно объяснить, лишь сделав предположение о месте их производства в Прикамье или на территории самой Волжской Болгарии, откуда путями пушной торговли они могли распространяться как на северо-восток, так и на северо-запад (Макаров, 2010: 14).

Нам удалось ознакомиться с десятью парами серебряных височных украшений, происходящих из крупного клада серебра, обнаруженного копателями на просторах Сибири (удалось установить, что клад состоял из нескольких десятков пар височных подвесок и крупных проволочных браслетов). Две пары подвесок представляли собой трехлопастные височные кольца, аналогичные подвескам из Вак-Кура, но неорнаментированные. Остальные подвески представлены височными украшениями со сложной полый привеской грушевидной (булавовидной) формы типа 1 и 2 по Ю.А. Подосеновой (Подосенова, 2021: рис. 75; 77). Нужно отметить, что и в Архангельском кладе имеется пара трехлопастных височных колец с орнаментом в виде окружностей на уплощенных лопастях (Носов, Овсянников, 1997, илл. 4, 1, 2), как и на височной подвеске из Вак-Кура. Причем в этом кладе имеются и остатки височного украшения со сложносоставной привеской грушевидной формы (Носов, Овсянников, 1997: илл. 5, 4).

Такое сочетание двух типов височных подвесок в двух кладах не случайно и свидетельствует о синхронности бытования этих типов. Височные украшения со сложной полый привеской грушевидной (булавовидной) формы датируются в пределах второй половины X – XI вв., а их изготовление обоснованно связывается с Пермским и Удмуртским Предуральем (Подосенова, 2021: 87, 108).

Единственная двухлопастная подвеска, обнаруженная в Пермском Предуралье, датируется IX – первой половиной X в. (Подосенова, 2021: 26). В пределах X–XII вв. датированы трехлопастные подвески из поселка Овгорт (Сокровища Приобья, 1996: 108). Пара трехлопастных и пара четырехлопастных височных украшений, декорированных серебряными бусинами, присутствовали в Сургутском кладе (Федорова, 1982: рис. 1), датировка которого определяется XI – началом XIII вв. (Сокровища Приобья, 1996: 140). Бронзовые и медные лопастные подвески известны в могильниках

юдинской культуры – Ликинском (Викторова, 2008: 154, № 73, 74) и Вак-Кур, а также на памятниках усть-ишимской культуры (Конигов, 2007: рис. 215, 27) и на могильнике Барсов Городок X–XI вв. (Арне, 2005: рис. 159).

Наиболее вероятно предположение, что серебряные лопастные привески, как и височные украшения со сложной полый привеской грушевидной формы, массово изготавливались в мастерских Пермского ювелирного центра, причем первые создавались исключительно для экспорта в Сибирь, где бытовали подобные украшения, изготовленные местными мастерами из меди и бронзы. Основываясь на совместном нахождении лопастной привески и чаши из могильника Вак-Кур, украшенных с помощью однотипного чекана (к тому же в обоих случаях орнамент наносился достаточно небрежно), обоснованно можно предположить, что они изготовлены в мастерских Пермского ювелирного центра, о существовании которого писалось неоднократно (Руденко, 2010: 360; Адамов, 2014: 48; Карачаров, 2016: 281; Моряхина, Сарапулов, 2017: 52; Крыласова, Подосенова, 2019: 92; Руденко, Бауло, 2020: 96).

На внутренней стороне чаши, спустя какое-то время после ее изготовления (линии изображений пересекают линии циркульных окружностей орнамента), инструментом с острым концом были нанесены два изображения, а также сделаны два отверстия в верхней (по отношению к поздним врезанным рисункам) части изделия. Одно отверстие правильной округлой формы, второе – подпрямоугольной, что свидетельствует об их асинхронности (Рисунок 1, 1).

Центральной фигурой, располагающейся в верхней половине чаши, является профилированное изображение лосихи (принимая во внимание комолость). Линии плавные, глубокие, четкие. Лосиха показана стоящей, с опущенной головой. Древний художник очень правдоподобно передал основные очертания животного: короткое, но массивное туловище, крупную голову с длинной мордой, крутой выступ челюсти, копыта на длинных, тонких конечностях. Ноздри и глаза обозначены каплевидным контуром. Небольшими треугольниками показаны торчащие уши и хвостик. Из приоткрытой пасти животного свисает язык. Изображение выполнено достаточно реалистично, хотя и присутствуют элементы «скелетного» стиля: показана трахея, сердце, шесть ребер, а также утроба.

Второе изображение расположено над спиной лосихи, у самой кромки чаши, выполнено линией с малой глубиной врезки. Рисунок схематичный, линии угловатые. Изображение в художественном плане менее выразительное, чем рисунок лосихи. Несмотря на это, угадывается широколобая медвежья голова с длинной тупой передней частью морды. Голова представлена видом сверху. Уши и глаза переданы линиями разной длины. Еще одна линия прочерчена поперек морды. Рисунок головы медведя близок изображениям на литой защитной пластине с Барсовой Горы, которые выполнены более реалистично (Ожередов, 2008: рис. 1) и, безусловно, изображают одно животное – хозяина тайги.

Нужно отметить, что края чаши были срезаны уже после нанесения изображений животных, на что указывает траектория среза, учитывавшая расположение врезанных рисунков. Небольшое круглое отверстие имеет хорошо заглаженные края и, вероятно, было сделано после обрезания краев чаши чуть выше горизонтального ряда нанесенного циркульного штампа. Еще одно отверстие (с рваными краями) показывает, что чаша, по крайней мере один раз, была прибита прямоугольным в сечении инструментом.

Говоря о нанесенных на чашу резных рисунках, нужно отметить, что изображения лося/олени являлись наиболее популярными, начиная с раннежелезного века Сибири (Савин, Солодовская, 2010: 185; Федорова, 2014: 96). Средневековые рисунки не столь многочисленны. Изображения лосей/олений представлены на блюде из д. Больше-Аниковская (Лещенко, 1976: рис. 21, а), ковше из Коцкого городка (Лещенко, 1976: рис. 22), блюдах из Слудки (Лещенко, 1976: рис. 25) и Верхнего Прикамья (Лещенко, 1976: рис. 26, б). На одну из подвесок с Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места нанесена фигура лося/олени (Мурыгин и др, 2016: рис. 2.2.25, 1а), а на блюде из д. Керчевая – рисунки медведей (Лещенко, 1976: рис. 35).

Изделия с врезанными изображениями оленя/лося и медведя найдены в пещерах Печорского Приуралья. В Эшмесском пещерном святилище рубежа X–XI вв. н.э. имеются граффити, представляющие собой оленей, лосей, выполненные в традициях «скелетного» стиля: показана линия жизни, элементы скелета (Мурыгин, 2011: 97, рис. 4, 6; 99, рис. 6, 1, 4–6). На оборотной стороне блюда со штампованным изображением трех медвежьих голов в проекции сверху имеются граффити: две медвежьих головы в «жертвенной позе», но без лап, а между ними фигура оленя с изображенной линией жизни и элементами скелета (Мурыгин, 2011: 99, рис. 6, 1). В Канинской пещере обнаружена подвеска с процарапанными изображениями лося/олени (Мурыгин, 1997: 554, рис. 23, 3).

Среди коллекции артефактов из пещеры Жилище Сокола (север Свердловской области) имеется бронзовая бляха, на которой выгравировано профильное изображение медведя в окружении четырех лосей, в изображении которых присутствуют элементы скелетного стиля (Панина, 2003: 47, рис. 3; 4, 1–2). На средневековой височной подвеске с северо-востока Свердловской области (?) нанесены гравированные изображения бобра, двух лосей, лошади и медведя (Бауло, 2011: кат. № 366). На серебряном византийском блюде VII в., покрытом более поздними врезанными рисунками (Яковлев, 2011: 23, 24, ил. 7), авторам удалось выделить не менее 52 изображений, среди

которых имеются фигурки 5 лосей/олений (**Рисунок 2, 1**). Причем два рисунка схожи с изображением лосихи с вак-куровской чаши.

Изучив рисунки на серебряной чаше из юдинского могильника, нужно отметить, что вряд ли изображения двух животных здесь составляют одну композицию. Этому противоречит стилистика самих изображений и характер резных линий, нанесенных с разным нажимом. О возможной одновременности рисунков с одного изделия писал в свое время В.Ю. Лещенко, основываясь на неоднократном перекрытии одних фигур другими и отличиях в манере исполнения (**Лещенко, 1976: 178**). В то же время Н.В. Федорова отмечала, что «назначение гравировок и порядок нанесения их не известны, можно предположить, что наложение одних фигур на другие является своеобразным композиционным приемом (типа создания определенной перспективы в композиции)» (**Федорова, 2014: 97**). Однако находка блюда из Горной Субботы с огромным количеством нанесенных средневековых разноплановых изображений убедительно свидетельствует о многократном и разновременном нанесении изображений. Хотя отдельные изображения вполне могли составлять некие композиции. Если говорить о причинах появления рисунков на посуде, то нам близка точка зрения Н.В. Федоровой, считавшей, что гравировки играли роль своего рода посвятельной надписи (**Федорова, 1985: 129-130**).

Отверстия на чаше и нанесенные изображения животных свидетельствуют о том, что она могла находиться в качестве приклада на культовом месте, где использовалась в обрядовых действиях. Здесь на чашу было первоначально нанесена фигура лосихи, а позднее – голова медведя. Также были пробиты отверстия, служившие для подвешивания чаши. Через какое-то время с бортика чаши были аккуратно срезаны (не затрагивая врезанные изображения) фрагменты металла. Последние могли использоваться для изготовления деталей лицевого покрытия умершего (**Турова, 2019: рис. 3: 4, 9, 10, 21, 22**) или применялись в других ритуальных целях (исследователи неоднократно подчеркивали необычайно большую роль металла в обрядах и ритуалах обских угров) (**Соколова, 2000: 39; Бауло, 2004**).

Впоследствии чаша была изъята с культового места и применялась в обряде погребения: либо в качестве погребального инвентаря (как, например, чаша с граффити из могильника Арантур 27, надетая на голову погребенного) (**Степанова, 2008: 6, 14, 20, рис. 4**), либо в составе поминального комплекса. Из-за неоднократных ограблений некрополя (**Турова, 2015**) судить об этом сложно.

5. Заключение

Таким образом, серебряная чаша, изготовленная в Пермском ювелирном центре в X–XI вв., первоначально использовалась в обрядовых действиях на культовом месте, которое находилось в Притоболье. На чашу были в несколько приемов нанесены зооморфные изображения, а также пробиты отверстия для привешивания. С бортов сосуда осторожно срезали фрагменты металла, сохраняя в целом форму изделия и не затрагивая фигуры лосихи и медведя. Возможно, срезанные с чаши тонкие серебряные пластинки шли на изготовление лицевых покрытий умерших или для осуществления других обрядовых действий. Затем сосуд применялся в погребально-поминальных обрядах. Изделие могло служить в качестве погребального инвентаря либо функционировать в составе поминального комплекса.

Литература

- Адамов, 2003** – Адамов А.А. Исследования на грунтовом могильнике Вак-Кур в Притоболье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX. Ч. 1. С. 248-250.
- Адамов, 2014** – Адамов А.А. Серебряные перстни с чернением болгарского типа из Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. IX. Пермь: ПГГПУ, 2014. С. 44-49.
- Арне, 2005** – Арне Т.Й. Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века. Екатеринбург-Сургут: Уральский рабочий, 2005. 184 с.
- Архипов, 1973** – Архипов Г.А. Марийцы IX–XI вв. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1973. 199 с.
- Бауло, 2004** – Бауло А.В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 160 с.
- Бауло, 2011** – Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 260 с.
- Викторова, 2008** – Викторова В.Д. Древние Угры в лесах Урала: (Страницы ранней истории манси). Екатеринбург: Квадрат, 2008. 208 с.
- Гаврилова, 1974** – Гаврилова А.А. Сверкающая чаша с Енисея (к вопросу о памятниках уйгуров в Саяно-Алтае) // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 177-183.
- Даркевич, 1976** – Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976. 199 с.
- Зах, Чикунова, 2010** – Зах В.А., Чикунова И.Ю. Средневековый могильник Вак-Кур (по материалам 1986, 1987 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1 (12). С. 107-118.

- Зеленый Яр, 2005** – Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье. Екатеринбург-Салехард: УрО РАН, 2005. 368 с.
- Зыков и др., 1994** – Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. 160 с.
- Казаков, 1991** – Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татарское кн. изд-во, 1991. 176 с.
- Карачаров, 2016** – Карачаров К.Г. О серебре закамском // *Седьмые Берсовские чтения*. Екатеринбург: Изд-во КВАДРАТ, 2016. С. 274-284.
- Конилов, 2007** – Конилов Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск: Изд-е ОмГПУ; Наука, 2007. 466 с.
- Крыласова, Подосёнова, 2018** – Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А. Лунница из Рождественского городища // *Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья*. 2018. № 8. С. 31-35.
- Крыласова, Подосёнова, 2019** – Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А. Ромбическая ювелирная подвеска из Рождественского городища // *Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья*. 2019. № 9. С. 86-93.
- Лещенко, 1976** – Лещенко В.Ю. Использование восточного серебра на Урале // Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976. С. 176-188.
- Макаров, 2010** – Макаров Н.А. Русь и Волжская Болгария на Севере // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования. М.: Наука, 2010. С. 7-18.
- Маршак, 2017** – Маршак Б.И. История восточной торевтики III – XIII вв. и проблемы культурной преемственности. СПб.: Академия исследования культуры, 2017. 736 с.
- Моряхина, Сарапулов, 2017** – Моряхина К.В., Сарапулов А.Н. Булгарские перстни с чернью на памятниках Пермского Предуралья // *Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья*. 2017. Вып. VII. С. 52-56.
- Мурыгин, 1997** – Мурыгин А.М. Памятники позднего железного века лесной и тундровой полосы печорского Приуралья // *Археология республики Коми*. М.: ДиК, 1997. С. 478-560.
- Мурыгин, 2011** – Мурыгин А.М. Эпшмесское пещерное святилище эпохи средневековья в Печерском Приуралье // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2011. № 3 (41). С. 94-103.
- Мурыгин и др., 2016** – Мурыгин А.Н., Липс С.А., Кардаш О.В. Древнее святилище на р. Море-Ю: Каталог археологической коллекции предметов IV–XIV вв. Екатеринбург: «Издательская группа Караван», 2016. 312 с.
- Никитина, 2012** – Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // *Археологии евразийских степей*. Вып. 14. Казань: Отечество, 2012. 408 с.
- Никитина, Руденко, 1992** – Никитина Т.Б., Руденко К.А. Чаши из могильника «Нижняя Стрелка» // *Средневековые древности Волго-Камья*. Йошкар-Ола, 1992. С. 51-71.
- Никитина и др., 2017** – Никитина Т.Б., Руденко К.А., Алибеков С.Я. Металлические чаши из Русенихинского могильника эпохи Средневековья // *Археология, этнография и антропология Евразии*. Т. 45, № 2, 2017. С. 71-77.
- Носов, Овсянников, 1997** – Носов Е.Н., Овсянников О.В. Архангельский клад 1989 г. // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. СПб., 1997. С. 146-157.
- Ожередов, 2008** – Ожередов Ю.И. Защитная пластина «Кат-Кар» с Барсовой Горы // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург-Сургут: Уральское издательство, 2008. С. 45-49.
- Панина, 2003** – Панина С.Н. Лоси и медведи в «Жилище Сокола» // *Образы и сакральное пространство древних эпох*. Екатеринбург: «Аква-Пресс», 2003. С. 41-48.
- Плеханов, 2014** – Плеханов А.В. Ярте VI – средневековое «городище» на р. Юрибей (п-ов Ямал). Каталог коллекции. Екатеринбург: Деловая пресса, 2014. 124 с.
- Подосенова, 2021** – Подосенова Ю.А. Височные украшения средневекового населения Пермского Предуралья. Пермский ГГПУ; Пермский ФИЦ УрО РАН, Пермь, 2021. 210 с.
- Попше, 1941** – Попше Н.Н. Квадратная письменность. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 165 с.
- Руденко, 2015** – Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань: Заман, 2015. 528 с.
- Руденко, 2006** – Руденко К.А. К вопросу о булгарском серебре Закамья и Зауралья // *Finno-Ugrica*. 2006. № 9. С. 91-114.
- Руденко, 2010** – Руденко К.А. Этнокультурные контакты народов Западной Сибири и Поволжья в X–XV вв. по находкам художественного металла // *Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний* / Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 357-360.
- Руденко, Бауло, 2020** – Руденко К.А., Бауло А.В. Металлические изделия из ранее неизвестного могильника в бассейне реки Северная Сосьва (север Западной Сибири) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2020. Т. 48. № 2. С. 89-96.

Савин, Солодовская, 2010 – Савин А.Н., Солодовская О.В. Традиционные элементы художественной металлопластики кулайской культуры / *Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею профессора Т.Н Троицкой): Сборник научных трудов*. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2010. С. 181-189.

Сарачева, 1999 – Сарачева Т.Г. Инструменты для нанесения декора на вятчские украшения // *Археологический сборник памяти М.В. Фехнер. Труды ГИМ*. М., 1999. Вып. 111. С. 74-80.

Сафонова, 2017 – Сафонова Е. Ученые разгадали предназначение иранской чаши, найденной на полуострове Гыдан [Электронный ресурс]. URL: https://vesti-yamal.ru/ru/vjesti_jamal/uchenyie_razgadali_prednaznachenie_iranskoj_chashi_naydennoy_na_poluostrove_gyidan163400/ (дата обращения: 20.07.2017).

Семенова, 2001 – Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск: Наука, 2001. 296 с.

Смирнов, 1909 – Смирнов Я.И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1909. 149 с.

Соколова, 2000 – Соколова З.П. Использование металла в культовой практике обских угров // *Этнографическое обозрение*. 2000. № 6. С. 30-45.

Сокровища Приобья, 1996 – Сокровища Приобья // Под ред. Б. Маршака, М.: Краморовского. Санкт-Петербург: Формика, 1996. 228 с.

Степанова, 2008 – Степанова Г.А. Погребение с бронзовой чашей из могильника Арантур 27 (Тюменская область). Препр. Ижевск, 2008. 23 с.

Турова, 2019 – Турова Н.П. Лицевые покрытия в погребальной практике юдинского населения Нижнего Приобья // *Вестник ТГУ*. 2019. № 443. С. 198-208.

Турова, 2015 – Турова Н.П. Проблемы интерпретации нарушенных захоронений юдинского могильника Вак-Кур // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60). Ч. II. С. 191-193.

Федорова, 1982 – Федорова Н.В. Два серебряных сосуда из района г. Сургута // *Советская археология*. 1982. № 1. С. 183-194.

Федорова, 1985 – Федорова Н.В. Импортное серебро в Западной Сибири / *Художественные памятники и проблемы культуры Востока*. Л.: Искусство, 1985. С. 125-133.

Федорова, 1981 – Федорова Н.В. Новый клад эпохи средневековья с Барсовой Горы // *Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа*. Новосибирск: Наука, 1981. С. 148-152.

Федорова, 2014 – Федорова Н.В. Рисунки на металле: графическое искусство населения севера Западной Сибири и Предуралья // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2014. №1 (57). С. 90-99.

Федорова, 2009 – Федорова Н.В. Художественный металл средневекового Востока на севере Западной Сибири // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2009. № 3. Вып. 2. С. 29-33.

Чхаидзе, 2017 – Чхаидзе В.Н. Серебряная посуда из погребений кочевников Восточно-Европейской равнины XIII–XIV вв. // *Поволжская археология*. 2017. № 4 (22). С. 275-296.

Яковлев, 2011 – Яковлев Я.А. Мартиролог югорской археологии // *Ханты-мансийский автономный округ в зеркале прошлого*. Томск-Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. Вып. 9. С. 10-81.

Melikian-Chirvani, 1974 – Melikian-Chirvani A.S. The White Bronzes of Early Islamic Iran // *The Metropolitan Museum Journal*. 1974. V. 9. Pp. 123-151.

References

Adamov, 2003 – Adamov, A.A. (2003). Issledovaniya na gruntovom mogil'nike Vak-Kur v Pritobol'e [Studies on the underground burial ground Vak-Kur in the Tobol River region]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Novosibirsk. 9(1): 248-250. [in Russian]

Adamov, 2014 – Adamov, A.A. (2005). Serebryanye perstni s cherneniem bulgarskogo tipa iz Predural'ya [Silver finger-rings with blackening of the bulgar type from the Cis-Urals]. *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii*. Vyp. IX. Perm'. Pp. 44-49. [in Russian]

Arkhipov, 1973 – Arkhipov, G.A. (1973). Mariitsy IX–XI vv. [Mari People in 9th –11th centuries]. Ioshkar-Ola. 199 p. [in Russian]

Arne, 2005 – Arne, T.J. (2005). Barsov Gorodok. Zapadnosibirskii mogil'nik zheleznoy veka [Barsovo Settlement. A West Siberian burial of the Iron Age]. Ekaterinburg; Surgut. 184 p. [in Russian]

Baulo, 2004 – Baulo, A.V. (2004). Atributika i mif: metall v obryadakh obskikh ugrov [Attribute and myth: metal in the rites of Ob Ugric peoples]. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography. 160 p. [in Russian]

Baulo, 2011 – Baulo, A.V. (2011). Drevnyaya bronza iz etnograficheskikh kompleksov i sluchainykh sborov [Ancient bronze from ethnographic complexes and random gatherings]. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography. 260 p. [in Russian]

- Chkhaidze, 2017** – *Chkhaidze, V.N.* (2017). Serebryanaya posuda iz pogrebenii kochevnikov Vostochno-Evropeiskoi ravniny XIII–XIV vv. [Silver tableware from the nomad burials of 13th–14th centuries on the East European Plain]. *Povolzhskaya arkheologiya*. 4(22): 275–296. [in Russian]
- Gavrilo, 1974** – *Gavrilo, A.A.* (1974). Sverkayushchaya chasha s Eniseya (k voprosu o pamyatnikakh uigurov v Sayano-Altai) [The Sparkling cup from the Yenisey (on the issue of Uyghur monuments in the Altai-Sayan region)]. *Bronzovyi i zheleznyi vek Sibiri*. Novosibirsk. Pp. 177–183. [in Russian]
- Darkevich, 1976** – *Darkevich, V.P.* (1976). Khudozhestvennyi metall Vostoka VIII–XIII vv.: Proizvedeniya vostochnoi toreviki na territorii evropeiskoi chasti SSSR i Zaural'ya [Artistic metal of the East of the 8th–13th centuries: Works of oriental toreutics in the European Part of the USSR and the Trans-Urals]. M., 199 p. [in Russian]
- Fedorova, 1982** – *Fedorova, N.V.* (1982). Dva serebryanykh sosuda iz raiona g. Surguta [Two Silver Vessels from the Surgut Area]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1: 183–194. [in Russian]
- Fedorova, 1985** – *Fedorova, N.V.* (1985). Importnoe serebro v Zapadnoi Sibiri [Imported silver in Western Siberia]. *Khudozhestvennye pamyatniki i problemy kul'tury Vostoka*. L. Pp. 125–133. [in Russian]
- Fedorova, 2009** – *Fedorova, N.V.* (2009). Khudozhestvennyi metall srednevekovogo Vostoka na severe Zapadnoi Sibiri [Artistic metal of the medieval East in the north of Western Siberia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3(2): 29–33. [in Russian]
- Fedorova, 1981** – *Fedorova, N.V.* (1981). Novyi klad epokhi srednevekov'ya s Barsovoi Gory [A new medieval treasure from Barsova Gora]. *Problemy zapadnosibirskoi arkheologii*. Epokha zheleza. Novosibirsk. Pp. 148–152. [in Russian]
- Fedorova, 2014** – *Fedorova, N.V.* (2014). Risunki na metalle: graficheskoe iskusstvo naseleniya severa Zapadnoi Sibiri i Predural'ya [Figures on the Metal: Graphic Art of the Population of the North of Western Siberia and the Urals]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 1(57): 90–99. [in Russian]
- Kazakov, 1991** – *Kazakov, E.P.* (1991). Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy [Bulgarian village of the Xth–XIIIth centuries in the Lower Kama River Area]. *Kazan'*, 176 p. [in Russian]
- Karacharov, 2016** – *Karacharov, K.G.* (2016). O serebre zakamskom [About silver of Zakamye]. *Sed'mye Bersovskie chteniya*. Ekaterinburg. Pp. 274–284. [in Russian]
- Konikov, 2007** – *Konikov, B.A.* (2007). Omskoe Priirtysh'e v rannem i razvitom srednevekov'e [Omsk Irtysh region in the Early and Middle Ages]. *Omsk*. 466 p. [in Russian]
- Krylasova, Podosenova, 2018** – *Krylasova, N.B., Podosenova, Yu.A.* (2018). Lunnitsa iz Rozhdestvenskogo gorodishcha [Rhomboid pendant from the Rozhdestvensk settlement]. *Vestnik Muzeya arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ya*. 8: 31–35. [in Russian]
- Krylasova, Podosenova, 2019** – *Krylasova, N.B., Podosenova, Yu.A.* (2019). Rombicheskaya yuvelirnaya podveska iz Rozhdestvenskogo gorodishcha [Rhomboid pendant from the Rozhdestvensk settlement]. *Vestnik Muzeya arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ya*. 9: 86–93. [in Russian]
- Leshchenko, 1976** – *Leshchenko, V.Yu.* (1976). Ispol'zovanie vostochnogo serebra na Urale [Using oriental silver in the Urals]. *Darkevich V.P. Khudozhestvennyi metall Vostoka [Art metal East]*. M. Pp. 176–188. [in Russian]
- Makarov, 2010** – *Makarov, N.A.* (2010). Rus' i Volzhskaya Bolgariya na Severe [Rus and Volga Bulgaria in the North]. *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: novye arkheologicheskie issledovaniya*. M. Pp. 7–18. [in Russian]
- Marshak, 2017** – *Marshak, B.I.* (2017). Istoriya vostochnoi toreviki III–XIII vv. i problemy kul'turnoi preemstvennosti [History of oriental artistic metalworking of the 3th–13th centuries and problems of cultural continuity]. SPb. 736 p. [in Russian]
- Melikian-Chirvani, 1974** – *Melikian-Chirvani, A.S.* (1974). The White Bronzes of Early Islamic Iran. *The Metropolitan Museum Journal*. 9: 123–151.
- Moryakhina, Sarapulov, 2017** – *Moryakhina, K.V., Sarapulov, A.N.* (2017). Bulgarskie perstni s chern'yu na pamyatnikakh Permskogo Predural'ya [Bulgar rings with niello from the monuments of the Perm Cis-Ural region]. *Vestnik Muzeya arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ya*. VII: 52–56. [in Russian]
- Murygin, 1997** – *Murygin, A.M.* (1997). Pamyatniki pozdnego zheleznogo veka lesnoi i tundrovoi polosy pechorskogo Priural'ya [Late Iron Age monuments of the Pechora Ural region's forest and tundra strip]. *Arkheologiya respubliki Komi*. M. Pp. 478–560. [in Russian]
- Murygin, 2011** – *Murygin, A.M.* (2011). Eshmesskoe peshchernoe svyatilishche epokhi srednevekov'ya v Pecherskom Priural'e [Eshmess cave sanctuary of the Middle Ages in the Pechora Pre-Urals]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 3(41): 94–103. [in Russian]
- Murygin et al., 2016** – *Murygin, A.N., Lips, S.A., Kardash, O.V.* (2016). Drevnee svyatilishche na r. More–Yu: Katalog arkheologicheskoi kolleksii predmetov IV–XIV vv. [Ancient sanctuary on the More–Yu river: catalog of the archaeological collection of items of the IVth–XIVth centuries]. Ekaterinburg. 312 p. [in Russian]
- Nikitina, 2012** – *Nikitina, T.B.* (2012). Pogrebal'nye pamyatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Vyatskogo mezhdurech'ya [Burial sites of the 9th–11th centuries in the Vetluga-Vyatka interfluvial area]. *Arkheologii evraziiskikh stepei*. Vyp. 14. *Kazan'*. 408 p. [in Russian]

- Nikitina, Rudenko, 1992** – *Nikitina, T.B., Rudenko, K.A.* (1992). Chashi iz mogil'nika «Nizhnyaya Strelka» [Cups from the Nizhnyaya Strelka burial ground]. *Srednevekovye Drevnosti Volgo-Kam'ya. Ioshkar-Ola*. Pp. 51-71. [in Russian]
- Nikitina i dr., 2017** – *Nikitina, T.B., Rudenko, K.A., Alibekov, S.Ya.* (2017). Metallicheskie chashi iz Rusenikhinskogo mogil'nika epokhi Srednevekov'ya [Metal Bowls from a Medieval Cemetery at Rusenikha]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 45(2): 71-77. [in Russian]
- Nosov, Ovsyannikov, 1997** – *Nosov, E.N., Ovsyannikov, O.V.* (1997). Arkhangel'skii klad 1989 g. [Arkhangelsk treasure, 1989]. *Slavyane i finno-ugry. Arkheologiya, istoriya, kul'tura*. SPb. Pp. 146-157. [in Russian]
- Ozheredov, 2008** – *Ozheredov, Yu.I.* (2008). Zashchitnaya plastina «Kat-Kar» s Barsovoi Gory [The Kat-Kar armor plate from Barsova Gora]. *Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ya. Ekaterinburg; Surgut*. Pp. 45-49. [in Russian]
- Panina, 2003** – *Panina, S.N.* (2003). Losi i medvedi v «Zhilishche Sokola» [Moose and bears at the «Zhilishche Sokola»]. *Obrazy i sakral'noe prostranstvo drevnikh epokh. Ekaterinburg*. Pp. 41-48. [in Russian]
- Plekhanov, 2014** – *Plekhanov, A.V.* (2014). Yarte VI – srednevekovoe «gorodishche» na r. Yuribei (p-ov Yamal) [Yarte 6 – medieval "fortified site" on the Yuribei River (Yamal peninsula). Catalog of collections]. *Ekaterinburg, Delovaya pressa*, 124 p. [in Russian]
- Podosenova, 2021** – *Podosenova, Yu.A.* (2021). Visochnye ukrasheniya srednevekovogo naseleniya Permskogo Predural'ya [Temple ornaments of medieval Perm Cis-Ural population]. *Permskii federal'nyi issledovatel'skii tsentr Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk. Perm'*. 210 p. [in Russian]
- Poppe, 1941** – *Poppe, N.N.* (1941). Kvadratnaya pis'mennost' [Square Writing]. *M.-L.: Izd-vo AN SSSR*. 165 p. [in Russian]
- Rudenko, 2006** – *Rudenko, K.A.* (2006). K voprosu o bulgarskom serebre Zakam'ya i Zaural'ya [Concerning the issue on Bulgarian silver of the Trans-Kama and Trans-Urals]. *Finno-Ugrica*. 9: 91-114. [in Russian]
- Rudenko, 2010** – *Rudenko, K.A.* (2010). Etnokul'turnye kontakty narodov Zapadnoi Sibiri i Povolzh'ya v X–XV vv. po nakhodkam khudozhestvennogo metalla [Ethnocultural contacts between the peoples of Western Siberia and the Volga region in the 10th–15th centuries according to artistic metal finds]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh sveshchaniy. Materialy XV Mezhdunarodnoi Zapadno-Sibirskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii*. Tomsk. pp. 357-360. [in Russian]
- Rudenko, 2015** – *Rudenko, K.A.* (2015). Bulgarskoe serebro. Drevnosti Bilyara [Bulgarian silver. Bilar ancestors]. *Vol. II. Kazan'*. 528 p. [in Russian]
- Rudenko, Baulo, 2020** – *Rudenko, K.A., Baulo, A.V.* (2020). Metallicheskie izdeliya iz ranee neizvestnogo mogil'nika v basseine reki Severnaya Sos'va (sever Zapadnoi Sibiri) [Metal artifacts from a newly discovered cemetery in the Severnaya Sosva basin (Northwestern Siberia)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 48(2): 89-96. [in Russian]
- Saracheva, 1999** – *Saracheva, T.G.* (1999). Instrumenty dlya naneseniya dekora na vyatichskie ukrasheniya [Tools for decorating Vyatichi jewelry]. *Arkheologicheskii sbornik pamyati M.V. Fekhner. Trudy GIM. M. Vyp. 111*. pp. 74-80. [in Russian]
- Safonova, 2017** – *Safonova, E.* (2017). Uchenye razgadali prednaznachenie iranskoj chashi, naidennoi na poluostrove Gydan [Scientists have unraveled the purpose of an Iranian cup found on the Gyda Peninsula]. [Electronic resource]. URL: https://vesti-yamal.ru/ru/vjesti_jamal/uchenyie_razgadali_prednaznachenie_iranskoj_chashi_naydennoy_na_poluostrove_gydan163400/ (date of access: 20.07.2017).
- Savin, Solodovskaya, 2010** – *Savin, A.N., Solodovskaya, O.V.* (2010). Traditsionnye elementy khudozhestvennoi metalloplastiki kulaiskoi kul'tury [Traditional elements of the Kulai culture's artistic metalworking]. *Arkheologicheskie izyskaniya v Zapadnoi Sibiri: proshloe, nastoyashchee, budushchee (k yubileyu professora T.N Troitskoi): sbornik nauchnykh trudov*. Novosibirsk. Pp. 181-189. [in Russian]
- Semenova, 2001** – *Semenova, V.I.* (2001). Srednevekovye mogil'niki Yuganskogo Priob'ya [Medieval burial grounds of the Yugansk Ob]. *Novosibirsk: Nauka*. 296 p. [in Russian]
- Smirnov, 1909** – *Smirnov, Ya.I.* (1909). Vostochnoe serebro. Atlas drevnei serebryanoi i zolotoi posudy vostochnogo proiskhozhdeniya, naidennoi preimushchestvenno v predelakh Rossiiskoi imperii [Oriental Silver. Atlas of Ancient Silver and Gold Dishware of Oriental Origin Generally Discovered within the Russian Empire]. *Sankt-Peterburg*. 149 p. [in Russian]
- Sokolova, 2000** – *Sokolova, Z.P.* (2000). Ispol'zovanie metalla v kul'tovoi praktike obskikh ugrov [The use of metal in the cult practice of the Ob Ugrians]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 6: 30-45. [in Russian]
- Sokrovishcha Priob'ya, 1996** – *Sokrovishcha Priob'ya* [The Treasures of the Ob River Area]. Pod red. B. Marshaka, M. Kramorovskogo. *Sankt-Peterburg: Formika*. 228 p. [in Russian]
- Stepanova, 2008** – *Stepanova, G.A.* (2008). Pogrebenie s bronzovoi chashei iz mogil'nika Arantur 27 (Tyumenskaya oblast') [A burial with a bronze bowl found at the burial ground of Arantur 27 (Tyumen region)]. *Izhevsk*. 23 p. [in Russian]

Turova, 2019 – *Turova, N.P.* (2019). Litsevye pokrytiya v pogrebal'noi praktike yudinskogo naseleniya Nizhnego Pritol'bo'lya [Face covers in the burial procedure of the Yudin people in the lower Tobol River region]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 443: 198-208. [in Russian]

Turova, 2015 – *Turova, N.P.* (2015). Problemy interpretatsii narushennykh zakhoronenii yudinskogo mogil'nika Vak-Kur [Problems of interpretation of disturbed graves of the Yudin burial ground Vak-Kur]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie: Voprosy teorii i praktiki*. 10(60). Ch. II: 191-193. [in Russian]

Viktorova, 2008 – *Viktorova, V.D.* (2008). Drevnie Ugry v lesakh Urala: (Stranitsy rannei istorii mansi) [Ancient Ugrians in the forests of Ural: (Pages of Mansi early history)]. Ekaterinburg. 208 p.

Yakovlev, 2011 – *Yakovlev, Ya.A.* (2011). Martirolog yugorskoj arkheologii [Martyrology of Yugra archaeology]. *Khanty-mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo*. Tomsk; Khanty-Mansiisk. 9: 10-81. [in Russian]

Zakh, Chikunova, 2010 – *Zakh, V.A., Chikunova, I.Yu.* (2010). Srednevekovyi mogil'nik Vak-Kur (po materialam 1986, 1987 gg.) [The medieval burial ground of Vak-Kur (on the materials of 1986, 1987)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 1(12): 107-118. [in Russian]

Zelenyi Yar, 2005 – *Zelenyi Yar: arkheologicheskii kompleks epokhi srednevekov'ya v Severnom Priob'e* (2005) [Zeleny Yar: an archaeological complex of the Middle Ages in the Northern Ob region]. Yekaterinburg; Salekhard: Ural Branch, RAS. 368 p. [in Russian]

Zykov et al., 1994 – *Zykov, A.P., Koksharov, S.F., Terekhova, L.M., Fedorova, N.V.* (1994). Ugorskoe nasledie: Drevnosti Zapadnoi Sibiri iz sobranii Ural'skogo universiteta [The Ugrik Heritage. Antiquities of Western Siberia from the Collections of the Ural University]. Ekaterinburg: Vneshtorgizdat. 160 p. [in Russian]

Средневековая серебряная чаша из Нижнего Притоболья (по материалам могильника Вак-Кур)

Александр Александрович Адамов ^{a, *}, Наталья Петровна Турова ^a

^a Тобольская комплексная научная станция уральского отделения Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Объектом исследования стала серебряная орнаментированная чаша с резными зооморфными изображениями, обнаруженная в Нижнем Притоболье на грунтовом могильнике Вак-Кур. Некрополь относится к кругу памятников юдинской археологической культуры X–XIII вв. Цель исследования: введение в научный оборот нового уникального образца торевтики, определение периода и места изготовления, характер использования чаши в культовой и погребальной практике. Исходя из цели исследования, были выдвинуты следующие задачи: морфологическое и стилистическое описание изделия и контекста обнаружения сосуда; определение хронологических рамок бытования предмета, его культурной принадлежности; поиск аналогий предмету в археологических памятниках Сибири и других территорий; анализ поздних граффити, интерпретация их видовой принадлежности и установление очередности нанесения.

В результате проведенного исследования чаша датирована в пределах X–XI вв. н.э. Установлено, что изделие является единственным серебряным сосудом, выявленным на памятниках юдинской культуры. На основе анализа технологических приемов и сравнения с опубликованными изделиями установлено место изготовления чаши – мастерские Пермского ювелирного центра. Основываясь на наличии поздних изображений лосихи, медведя и отверстий для привешивания, а также с учетом сведений, имеющихся в этнографической литературе, сделано предположение, что серебряный сосуд одно время использовался в качестве культового предмета на одном из святилищ Притоболья. Кроме того, чаше нашли применение в сфере погребально-поминальной обрядности: она служила исходным материалом для получения пластин, использовавшихся в качестве погребальных масок, впоследствии чаша вошла в состав погребального инвентаря или поминального комплекса.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Нижнее Притоболье, эпоха Средневековья, юдинская культура, могильник Вак-Кур, Пермский ювелирный центр, серебряная чаша, граффити, торевтика.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: adamowaa@yandex.ru (А.А. Адамов), turova2707@yandex.ru (Н.П. Турова)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1500-1512
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1500

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Body Defensive Arms of Nomads in Noghaic-Kazakh Heroic Epos

Otkirbay M. Agatay ^{a, *}, Zhaxylyk M. Sabitov ^a

^a Research Institute for Jochi Ulus Studies, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article describes the data from the Noghaic-Kazakh heroic epos containing information about various types of body armour of nomads of the Eurasia of the late Middle Ages and Modern Age. Previously, this material was not translated into Russian and was not an object of special scientific research. Based on a comprehensive analysis of folklore, artefacts and written sources, an attempt was made to identify the original names as well as the design features and design systems of the bodyarmor of the Turkic warriors in the western part of the Great Steppe in the Middle Ages and Modern Age. Based on the research of the collected, systematized and analyzed data, the main terms used in Noghaic-Kazakh heroic epos have been identified and attributed to denote the samples of defensive arms. Thus, it has been notably determined that in the Middle Ages and Modern Age, the nomadic warriors of Kazakhstan and adjacent territories used the armor *kübe*, the chain mail and the mail and plate armours *kiräwgä*, *badänäh*, and *bäktär*, the plates sewn armour *beren*, the armour plates *chahār-āṭneh*, the quilted soft armour *qata'ū*, armor *torghout*, etc. It has been determined that during the Middle Ages, the meaning of the term denoting one or another type of the armor could change. So, for example, the term *kübe* originally denoted chain mail, then lamellar armor. The analysis of the Kazakh term *qata'ū* showed that it goes back to the Medieval Mongol *ḡatayu (qata'ū) dehel (khatangku dehel)*. The comparison of weapon descriptions in Noghaic-Kazakh heroic epos with authentic samples of defensive arms from archaeological monuments and written sources showed a high level of correlation between folklore and artefacts. The analysis of the collected data showed within the framework of a comprehensive analysis of sources of Noghaic-Kazakh epos can be applied in the study of the military-cultural heritage of the Turkic peoples of Kazakhstan and adjacent territories of the late Middle Ages and early Modern Age.

Keywords: defensive arms, armors, chain mail, nomadic warriors.

1. Введение

Важным направлением современных археологических, исторических, оружейведческих и этнографических исследований является изучение вооружения кочевников Казахстана и сопредельных территорий эпохи Средневековья и Нового времени. В основе подобных исследований, как правило, лежит комплексный анализ вещественных (в том числе археологических), письменных и изобразительных источников. В то же время указанные материалы не всегда позволяют уточнить вопросы, связанные с оригинальными названиями различных видов защитного и наступательного вооружения, особенностями их боевого применения. Ответы на некоторые из этих вопросов содержатся в фольклорных материалах кочевников в целом и эпосе тюркских народов в частности. Работы А.И. Сикалиева, Ю.С. Худякова, К.С. Ахметжана, А.К. Кушқумбаева, Л.А. Боброва показали, что при использовании соответствующих научных методов и сопоставлении фольклорных данных с материалами вещественных, письменных и изобразительных источников тюркские и монгольские эпосы могут сыграть важную роль в изучении военно-культурного наследия номадов Евразии.

* Corresponding author

E-mail addresses: agatayotkirbay@gmail.com (O.M. Agatay), babasan@yandex.ru (Zh. M. Sabitov)

2. Материалы и методы

Исследование основано на комплексном анализе фольклорных, археологических и письменных источников. Основным фольклорным источником являются ногайлинско-казахские героические эпосы «Қырымның қырық батыры» («Сказание о сорока крымских батырах»), «Ер Едіге», «Қарасай Қазы», «Барак батыр», «Шора батыр», «Төрехан батыр», «Орақ Мамай», «Олжаш батыр», «Қобыланды батыр». Используются археологические материалы погребения Степного Прикубанья (РФ), могильников Олень-Колодезь (РФ), Карасуыр (РК), городища Бузук-Тобе (РК) и др. Письменные источники представлены материалами фольклоризированного историко-литературного памятника «Дафтар-и Чингиз-наме» – тюрко-татарской хроники конца XVII в., «Тайной истории монголов» (источник второй половины XIII века), монгольского словаря «Мукаддимат ал-Адаб» XV в., древнерусского памятника «Задонщина» XIV–XV вв., русской служебной документации XV–XVI вв., опубликованной в сборниках «Памятники дипломатических сношений» Московского государства с Польско-Литовским государством (с 1487 по 1533 гг.), «Продолжения Древней российской вивлиофики: Посольской Книги по связям Московского княжества с Ногайской Ордой (с 1533 по 1538 г.)», монгольской летописи XVII в. «Алтан тобчи», цинского источника второй половины XVIII в. «Циньдин Хуанъюй Сиюй тучжи».

Главным методологическим основанием работы является системный подход, состоящий в целостном рассмотрении совокупности объектов, при котором выявляется, что их взаимосвязь приводит к появлению новых интегративных свойств системы. Практическое применение идей системного подхода в сфере исследования вооружения нашло отражение в работах Ю.С. Худякова, М.В. Горелика, В.В. Горбунова, Л.А. Боброва, Д.А. Шереметьева, А.О. Пронина. В статье использованы рациональные положения транскультурного диффузионизма, где изменения культуры и ее единичных элементов сопряжены с такими явлениями, как заимствование, перенос и смешение. Методика обработки источников обуславливалась задачами исследования. На этапах анализа и интерпретации материалов использовались типологический, сравнительно-описательный методы, методы датированных аналогий, реставрации, реконструкции, верификации и корреляции полученных результатов, перевода и анализа фольклорных источников (Бобров, Ожередов, 2021: 12).

3. Целью настоящего исследования является уточнение роли ногайлинско-казахского героического эпоса в изучении защитного вооружения кочевников Казахстана и сопредельных территорий позднего Средневековья и Нового времени. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- а) выявить и атрибутировать основные термины, применяемые в ногайлинско-казахском героическом эпосе, для обозначения предметов защитного вооружения;
- б) сопоставить описания вооружения в ногайлинско-казахском героическом эпосе с подлинными образцами защитного вооружения из археологических памятников и данными письменных источников с целью установления уровня корреляции;
- в) выделить особенности защитного вооружения кочевников региона на основе анализа материалов ногайлинско-казахского героического эпоса.

4. Результаты

Как известно, доспехи предназначены для защиты корпуса и конечностей воина в боевых действиях. Они предохраняют бойца от секущих, режущих ударов сабли, меча, топора, а также колющих ударов копий, пик. В эпоху позднего Средневековья и Нового времени кочевники Центрально-Азиатского историко-культурного региона для защиты в бою использовали пластинчато-нашивные панцири-куяки, кольчуги, кольчато-пластинчатые, стеганные и зеркальные доспехи (Худяков, 2003: 119-120; Бобров, Худяков, 2008: 366-385).

Боевой доспех, который защищает корпус и конечности воина от ударов боевых средств нападения, обозначался в казахском фольклоре термином *сауыт*¹. В ногайлинско-казахском героическом эпосе наиболее часто встречаются следующие названия корпусных панцирей: *көбе сауыт*, *кіреуке сауыт*, *бек сауыт*, *бадана сауыт*, *берен сауыт*, *шарайна*, *қаттау*, реже упоминаются *торсауыт* и *жалаңқат*. Рассмотрим их более подробно.

Самым архаичным среди всех упомянутых, вероятно, является доспех *көбе*. Тюрколог Дж. Клосон, основываясь на древнетюркских (уйгурских, караханидских) письменных источниках, этимологизирует тюркский термин *kübe* как «кольцо», а *kübe: yarik* «одно из колец, составляющих кольчугу» (Clauson, 1972: 687).

Однако казахстанские оружейеды считают, что доспех *көбе* представляет собой соединенные между собой с помощью ремешков, частично прикрывающие друг друга по горизонтали и по вертикали бронирующие пластины (Ахметжан, 2007: 126-129; Кушкумбаев, 2001: 76-77). В таком случае данный вид защитного вооружения может быть отнесен к ламеллярным доспехам. Судя по

¹ В узком значении термином *сауыт* могли называть кольчатый панцирь (Бобров, Пастухов, 2021: 200).

археологическим находкам, ламеллярные доспехи были характерны для древних тюрок, кимаков, енисейских кыргызов, монголов и других кочевников раннего и развитого Средневековья (Худяков, 1997: 115-116; Nicolle, 1999: 291-292; Усманова и др., 2018: 109). Но стоит отметить, что сложные в изготовлении металлические ламеллярные доспехи были доступны в основном состоятельным воинам (Di Cosmo, 2002: 149).

Косвенным подтверждением версии о том, что *көбе* имело ламеллярную структуру бронирования, являются данные эпоса «Ер Едиге»:

*Белое көбе со многими шнурами,
Надевал, где они сошлись в [пластинах?]¹.*

(Здесь и далее в сносках дается оригинальный вариант текста и ссылка на литературу. Также здесь и далее перевод оригинала на русский язык выполнен автором статьи – Авт.).

Данный доспех упоминается и в более поздних фольклорных произведениях. Например, Баракбатыр² из племени табын имел доспех *көбе*:

*Не пронзила стрела [врага],
Через көбе [Барака], что сжимает грудь³.*

Однако сомнительно, чтобы во времена казахско-джунгарских войн у казахов сохранился ламеллярный тип доспеха, который стал выходить из широкого военного обихода тюркских nomadов еще в XIV в. Не исключено, что значение термина *көбе* со временем могло меняться. В отдельные периоды под ним понимали кольчатый, ламеллярный или пластинчато-нашивной панцирь. Последний тип доспеха известен по материалам археологических находок позднего Средневековья. Так, в ходе раскопок городища Бузук-Тобе на территории Туркестанской области Казахстана был обнаружен пластинчато-нашивной панцирь. Доспех датируется XIV–XV веками (Бобров, Худяков, 2002: 119).

К числу наиболее часто встречающихся наименований защитных средств у батыров в эпосе относятся кольчужные и кольчато-пластинчатые доспехи *кіреуке сауыт*, *бек сауыт* и *бадана сауыт*.

Тюрколог В.В. Радлов в своем «Опыте словаря тюркских наречий» указывает, что «*kägäykä* (Кіг. – казахский – Авт.) – панцирь, der Panzer» (Радлов, 1899; Т. II, Ч. 2; 1086). По мнению казахстанских оружейников, *кіреуке* входит в группу кольчатых доспехов. Он является одним из самых часто упоминаемых в ногайлинско-казахском героическом эпосе. В некоторых случаях упоминается богатая отделка *кіреуке*. Так, например, в эпосе «Қарасай-Қази» мать Адиль-султана⁴ в метафорической форме упоминает, что у ее сына был «*кіреуке с яхонтовым воротом*». Материалы вещественных и изобразительных источников подтверждают, что кольчатые панцири могли снабжаться стоячим воротником (Бобров, Худяков, 2008: 405-406), который мог украшаться дорогой тканью:

*Кіреуке с яхонтовым воротом,
Чуть было не порвался⁵.*

На наш взгляд, в ногайлинско-казахских героических эпосах *кіреуке сауыт* считался одним из самых торжественных и дорогих доспехов. Это защитное вооружение в эпосах иногда упоминают вместе с *бек сауытом*.

По утверждению К.С. Ахметжана, казахский *бек сауыт* является кольчато-пластинчатым доспехом, который по характеристике идентичен *бектеру*. Как известно, *бектер* конструктивно отличается от сплошного кольчатого *сауыта* тем, что он собирается из узких, прямоугольных пластин, которые скрепляются между собой кольчужным плетением в вертикальные полосы, в свою

¹ Тоқсан баулы ақ көбе

Тоғысқан жерде кигенмін (Бабалар сөзі, 2006с: Т. 39; 26).

² Барақ батыр, Сатыбалдыұлы (1743–1840), один из известных батыров Младшего жуза казахов, воевавший против волжских калмыков и русских во второй половине XVIII в.

³ Атқан оғы өтпеді

Көкірек қысқан көбеден (Бабалар сөзі, 2010: Т. 60; 94).

⁴ Эпический Адиль-султан – это Адиль-Гирей (уб. в 1579 г.), реальное историческое лицо, брат и наследный принц – калга – крымского хана Мухаммед-Гирея II (время правл. 1577–1584).

⁵ Жағасы жақұт кіреуке

Жыртыла жазды енденіп (Бабалар сөзі, 2007а: Т. 41; 66).

очередь соединенные кольцами кольчуги (Ахметжан, 2007: 135-136). Например, в одном эпизоде ногайлинско-казахского эпоса у Кобыланды-батыра¹ имеется кольчато-пластинчатый доспех:

*Кольчатый бек сауыт
Решился надеть на тело.
Белую саблю, что отсечет камень,
Решился носить, увязав на пояс².*

Термин *бектер*, возможно, персидского происхождения, хотя В.В. Радлов в своем словаре указал «бäктär» как чагатайское слово, означающее «панцырь, оружие – der Panzer, die Waffen» (Радлов, 1911; Т. IV. Ч. 2: 1579). Мы, конечно, не будем здесь останавливаться подробно на происхождении этого термина, но, судя по тому, что термин *бектер* как один из видов доспеха присутствует на персидском языке как *bagtar*, монгольском *bägdär*, чагатайском *bäktär*, тибетском *beg-tse* (Laufer, 1919: 575), русском *бехтерец*, польском *bekhtez* (Gorelik, 1979: 50), данный вид защитного вооружения был широко распространен на всем евразийском пространстве и пользовался высоким спросом у воинов. Т. Олсен пишет, что доспех *бектер* степные воины-кочевники позаимствовали у алан Северного Кавказа (Di Cosmo, 2002: 263). Однако последнее утверждение представляется маловероятным.

В позднесредневековой летописи «Дафтар-и Чингиз-наме» Чингисхан, помимо *тамг*, *уранов* (боевых кличей), своим сыновьям и нойонам выделяет *годные к войне для устрашения [врагов]³ доспехи (sawut)*. Летописец «Дафтара» уточняет виды и названия этих доспехов. Всего перечислено около 20 наименований. Судя по ним, обладатели давали своим доспехам имена (напр. *buzaw baş – телячья голова*, *qatı qaraq – строгий взгляд* – переводы на русский язык автора – У.А.). Также в тексте можно обнаружить и некоторые разновидности кольчато-пластинчатых (*bäktär*, т.е. *бектер*, *бехтерец*) и кольчатых (*kiräwgä*, т.е. *кیرهке*) доспехов (Ivanics, Usmanov, 2002: 59-60).

Однако не следует считать, что Чингисхан действительно дарил эти доспехи своим нойонам. Более того, сомнительно, чтобы кольчато-пластинчатые доспехи вообще использовались монголами в начале XIII в. Несомненно, поздний летописец (как и сказители ногайлинско-казахских эпосов) фиксировал материальные предметы и их названия, исходя из реалий своего времени.

В то же время факт использования кольчато-пластинчатых доспехов степной знатью более позднего периода подтверждается археологическими материалами. Так, в одном из кочевнических погребений Степного Прикубанья, открытых в начале XX в., археологами были обнаружены 11 небольших фрагментов железных кольчуг. Специалисты отмечают, что кольчуга доходила до пояса погребенного; была набрана из круглых в сечении колец диаметром 0,9–1,0 см, в сечении 0,3 см, частого плетения. Там же было обнаружено еще 7 фрагментов *нагрудных пластин*, которые *были вплетены в кольчужную ткань* (курсивы автора – Авт.). Датировка погребений установлена в пределах середины XIII–XIV вв. (Чхаидзе, 2010: 155, 162). Л.А. Бобров и Ю.С. Худяков отмечают, что *бектер* в Средней Азии, благодаря своей нарядности и надежности, быстро стал популярным среди знати и высших нукеров (Бобров, Худяков, 2002: 120).

Одним из видов кольчатого доспеха в эпосе является *бадана* или *байдана*. Термин *бадана* в казахском языке заимствован из арабского *баден*, который означает «тело», «туловище» (Рустемов, 1989: 54). По всей видимости, изначальный смысл предмета заключался в целесообразности защиты тела воина. Английский оружейвед Д. Николь, основываясь на раннесредневековых арабских летописях, интерпретирует термин *badan~badanah* как «маленькая безрукавка или кольчуга», появившаяся в VII веке в Аравии и Андалусии (Nicolle, 1999: 507).

По конструкции *байдана* отличается от остальных кольчатых доспехов сплетением крупных плоских колец, то есть размером и формой колец (Гордеев, 1954: 95; Ахметжан, 2007: 132). В эпосе, например, Амет-батыр⁴ собирается в поход, надевая *бадану*:

*Приводя в порядок снаряжения коня,
Плотно наденет [на себя] бадану⁵.*

¹ *Қара қыпшақ Қобыланды-батыр* – историческое лицо (XV в.). Знаменитый батыр из племени кыпчак, который, по устной истории казахов, был приближенным батыром хана *кочевых узбеков* – Абулхаира (время правл. 1428/29–1468/69).

² *Шығыршықты бек сауыт*,
Бекініп үске киет, – деп.

Тасты кесер ақ алмас,
Беліме орай ілем, – деп (Бабалар сөзі, 2006b: Т. 36; 208).

³ *иғиғда лауиқ һаубät-lik bolmaq üйin*.

⁴ По всей вероятности, это Амет, сын Айсы, фигурирует в тюркском письменном источнике «Дафтар-и Чингиз-наме» как сын *Гайсы Амет*. Согласно указанному источнику, Амет был *бием* при золотоордынском хане Джанибеке и, вероятно, состоял с ним в родстве.

⁵ *Айыл-тұрман бекітін*,

Доспех *байдана* встречается и в древнерусском памятнике «Задонщина», который появился на рубеже XIV–XV вв., где описывается поход Дмитрия Донского на Куликово поле: «...Испытаемъ мечевъ своихъ литовскихъ о шеломы татарскіе, а сулицъ нѣмецкихъ о байданы бесерменскіе» (ХДРЛ, 1936: 122). Это говорит о том, что *бадана* была на вооружении у воинов Великой Степи со времен Золотой Орды. По данным Л.А. Боброва, кольчатый доспех *бадана* использовался казахскими воинами вплоть до середины XIX в. (Бобров, 2016: 214).

Еще одним доспехом, упоминающимся в казахском эпосе, является *берен сауыт*. Он представляет собой пластинчато-нашивной панцирь, бронированный стальными «досками» (железными пластинами), нашитыми на кожаную или тканевую основу (Ахметжан, 2007: 136-137). Термин *берен* в казахский язык, возможно, вошел из средневекового чагатайского языка. В словаре В.В. Радлова *беран* зафиксирован как 1) (на чагатайском) «лучший бархат»; 2) (на кыргызском) «лучшая сталь» (Радлов, 1911; Т. IV, Ч. 2: 1596). Но в казахском фольклоре этот термин широко использовался для характеристики живых существ и неодушевленных предметов, которые отличались великолепием, красотой, прочностью и уникальностью. Например, *берен сұңқар* (*берен сокол*), *берен мылтық* (*берен ружье*), *берен жігіт* (*берен джигит-молодец*), *берен садақ* (*берен лук*) и т.д. (Кайдаров, 1973: 30).

Он же часто упоминается и в героических эпосах как *берен сауыт* (*берен доспех*), *жеңсіз берен* (*безрукавный берен*), так как его делали в форме жилета без рукавов. Например, эпический Абат-батыр, сын Асан-кайгы¹, во главе *сорока батыров*, одетых в *безрукавный берен*, выступает в поход по призыву *справедливого Джанибек-хана*²:

*Выступившие [в поход] батыры
Без рукавов берен надели*³.

Материалы ногайлинско-казахского эпоса фиксируют не только особенности бронирования доспехов, но и их покроя. Так, в частности, упомянуты безрукавные панцири, а также «золотые» и простые воротники. Например, Шора-батыр⁴, сын Нарыка, облачается в *безрукавный доспех «сауыт»* с кольчатой или пластинчатой структурой бронирования:

*Надев панцирь без рукавов,
Взяв бронебойную стрелу,
Пешком ступает в поисках птицы*⁵.

Материалы вещественных источников свидетельствуют, что номады Центральной Азии, действительно, применяли безрукавные кольчатые панцири, а некоторые из кольчуг имели отложные и стоячие воротники (Бобров, Худяков, 2008: 402, 410). Последние могли покрываться цветной материей, в том числе золотой парчой.

В эпосе мы встречаем богато одетых в золоченные доспехи с шелковыми тканями ногайлинских батыров. Так, у эпических батыров Егизбая и Сегизбая есть золоченные кольчуги:

*Кольчугу с золотым воротом
Наденет, застегнув на крючок*⁶.

В связи с дороговизной и сложностью изготовления металлических доспехов в могилы их клали очень редко (Иванов, Кригер, 1988: 18). В.А. Иванов, располагая банком данных по 1022 кочевническим погребениям XIII–XIV вв., совершенным по языческому обряду, расположенным в степях Восточной Европы, от Мугуджар на востоке до Дуная на западе, тоже

Баданасын баса киеді (Бабалар сөзі, 2008b: Т. 51; 323).

¹ Согласно фольклору, *Асан-қайғы* (*Асан-горемычный*) – легендарный народный мудрец казахского, татарского, ногайского народов, живший во времена хана Золотой Орды Джанибека.

² *Әз-Жәнібек – мудрый, справедливый Джанибек* – так прозвали в народе хана Золотой Орды – Джанибек-хана (время правл. 1342–1357). В древнерусских летописях он тоже фигурирует как *добрый царь Джанибек*.

³ *Сайланған өңкей батырлар,
Жеңіз берен ол киді* (Бабалар сөзі, 2008b: Т. 51; 137).

⁴ *Шора-батыра* можно отождествлять с Чуры Нарыковым, который был крупным военно-политическим деятелем (*карачи бек*) Казанского ханства первой половины XVI в.

⁵ *Жеңсіз сауыт киініп,
Қозы жауырын оқ алып,
Құс іздеп жаяу шығады* (Бабалар сөзі, 2007b: Т. 45; 42).

⁶ *Жағасы алтын кіреуке,
Ілгегін сала киеді* (Бабалар сөзі, 2008a: Т. 46; 410).

утверждает, что среди всех найденных элементов вооружения в воинских погребениях кольчуга/доспех составляет всего 1,8 % (Иванов, 2011: 73-74).

Конечно, археологический материал тоже не дает нам абсолютную возможность для полной реконструкции комплекса вооружения номадов Средневековья. Более того, мы всегда должны помнить, что оружие, кроме военной функции в погребальном комплексе, могло играть роль отнюдь не оружия, а некоего социального маркера (Измаилов, 2012: 67).

Например, Мамай-батыр¹, чтобы вернуть откочевавших соплеменников, надевает на себя шелком обвитую кольчугу, надеясь, что в случае гибели она станет ему саваном:

*Обвитая качественным шелком,
Белая кольчуга бадана,
В степи, если погибну,
Саваном будет мне она².*

Несомненно, не каждый воин мог себе позволить такую роскошь, но тем не менее можно допустить, что приближенные хана, султаны, феодальная знать, или, возможно, даже состоятельные воины могли иметь кольчуги, покрытые шелковыми тканями. Несмотря на раннюю датировку, мы должны привести соответствующую аналогию из археологических исследований. Так, например, в Олень-Колодезе (Воронежская область, РФ) были обнаружены остатки *парчовых и шелковых тканей* и *золоченая кольчуга*. На отдельных кольцах кольчуги сохранились следы позолоты. Их диаметр 12 мм, сечение – овал размерами 1,5x2,0 мм. Захоронение датируется концом XIII – началом XIV вв. Особенности погребального обряда свидетельствуют об их принадлежности к кочевой золотоордынской аристократии (Ефимов, 1999: 93, 95, 106).

Из документальных материалов известно, что ногайский *мурза* Кошум (Хаджи-Мухаммед, сын Мусы) через своих послов в 1536 г. в знак дружбы просил у молодого Ивана IV прислать ему *золоченой пансырь*, видимо, принадлежавший уже покойному князю Василию III: «...Друга моего покойника великого Князя, которой вздевал на себя пансырь Князь велики золоченой пансырь, да и золоченое седло, да и узду прислал бы: дружбе знамя то» (ПДРВ, 1791: 325). Такие парадные доспехи воины постордынских ханств (особенно воины и ополченцы Казыев Улуса, Ногайской Орды, ранее Казанской, Астраханского и Крымского ханств) могли получать в виде подарков из Московского государства.

В эпосе очень часто упоминается доспех *шарайна*. Термин *шарайна* с персидского переводится *чәһәр* (четыре) + *айине* (зеркало), то есть дословно *четыре зеркала* (Рустемов, 1989: 301).

Шарайна состояла обычно из четырех крупных пластин: передней, задней и двух боковых. Делалась она из цельного железного листа и надевалась в основном поверх байданы или кольчуги и др. видов доспехов на грудь, область живота, поясницу. Четыре пластины соединялись между собой кожаными ремнями или шарнирами (Бобров, Худяков, 2008: 478-480; Ахметжан, 2007: 142-147; Гордеев, 1954: 105). Факты ношения *шарайны* поверх кольчатого доспеха подтверждаются и материалами ногайлинско-казахского эпоса, к примеру, сказитель описывает защитное вооружение эпического Косай-батыра следующим образом:

*Изнутри белая кольчуга,
Поверх [нее] надел шарайну³.*

В героическом эпосе также встречаются примеры, когда *шарайна* носится поверх стеганого доспеха. Так, у батыра Олжаша⁴ была *шарайна*, которую он надел поверх стеганого панциря:

*Доспех его девятислойный – шелковый каттау,
Пояс-белдик [и] шарайна, что отражает стрелу⁵.*

¹ Эпический *Мамай-батыр* является историческим лицом. Его можно идентифицировать с Мамаем (XV–XVI вв.) – сыном мангытского *бия* Мусы, которые являются потомками Едиге.

² *Шын жібекпенен қаптаған,*

Бадана көзді ақ сауыт,

Өле кетсем далада,

Кебінім деп киеді (Бабалар сөзі, 2006d: Т. 40; 16).

³ *Ішіне киген ақ сауыт,*

Сыртына киді шарайна (Бабалар сөзі, 2008b: Т. 51; 217).

⁴ *Олжаш-батыр* (XVI–XVII вв.) реальное историческое лицо. По всей вероятности, был *батыром* у казахского Есим-хана (время правл. 1598–1628).

⁵ *Сауыты тоғыз қабат жібек қаттау,*

Белдік пен оқ таятын шарайнасы (Бабалар сөзі, 2009: Т. 56; 305).

Данное сообщение, помимо прочего, интересно тем, что сказитель подчеркивает боевую функцию зеркального доспеха.

Как правило, *шарайна* не носилась самостоятельно, без другого корпусного панциря. Поэтому каждый такой случай привлекал внимание современников. Так, например, эпический батыр Алау отправился на бой с калмыками с одной лишь *шарайной* без шлема и панциря:

*Шарайна без доспеха,
На голове есть щит (?)*¹.

Частое упоминание *шарайны* в героических эпосах поздних веков, кажется, объясняет, что это защитное средство появилось позже остальных, в эпоху активной джунгарской экспансии в казахские улусы. А в XIX веке в связи с массовым распространением огнестрельного оружия использование *шарайны* повсеместно начинает исчезать, как и другие традиционные виды вооружения кочевников Евразии (Ахметжан, 2007: 147).

Факты применения народами Центральной Азии зеркальных доспехов *шарайна* подтверждаются как вещественными, так и письменными источниками. Так, например, в цинском источнике «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи», написанном во второй половине XVIII века, отмечается, что мусульмане Центральной Азии используют «пластины, прикрывающие сердце (кит. *хусиньцзин*), именуются *чалаина* (察喇伊納) и изготавливаются из белого железа (кит. *байте*)» (Бобров, Пастухов, 2021: 199).

Следующим видом панциря, встречающимся в эпосе, является доспех из органических материалов – *қаттау*. Так, например, у брата Кази² имеется такой доспех:

*Молодой волк Айдынды-Имаш
Қаттау надел на себя*³.

Немецкий лингвист, алтаист Г. Дёрфер, в своем трехтомнике «Тюркские и монгольские элементы в новоперсидском языке», ссылаясь на записи средневековых персидских авторов, дает очень интересные этимологии к термину *қаттау*. В нем он указан как защитное вооружение, которое собирается из кусков железа, а снаружи обивается бархатом, парчой и т.п., что называется у тюрков *qatlay* (производное от корневого *qat* – *слой*). Соответственно, на чагатайском языке это есть чешуйчатый панцирь ('Schuppenpanzer') (Doerfer, 1965: 308-309). Таким образом, под *қаттау* изначально мог подразумеваться пластинчато-нашивной доспех.

Однако позднее данным термином стал обозначаться стеганый панцирь из органических материалов. Его шивали, простегивали из нескольких слоев мягкой ткани на вате, шерсти, с конским волосом внутри подкладки⁴. Казахи применяли *қаттау* до конца XIX века (Кушкумбаев, 2001: 79; Ахметжан, 2007: 139-140).

В работах М.В. Горелика мы встречаем точно такой же доспех под названием *khatangku dehel*, который почти полностью совпадает по описанию с казахским *қаттау*. Специалист характеризует его как доспех из мягких материалов: кожи (толстой, тонкой), многослойного войлока, тканей, шерстяных и волосяных прокладок. Средневековые монголы называли его *khatangku dehel* (*твердый, как сталь, халат*) (Gorelik 1979: 36, 38). Возможно, здесь М.В. Горелик использует этот термин по «Тайной истории монголов» (Rachewiltz, 1972: 43; Rachewiltz, 2004: 416). Но по «Алтан тобчи» доспех указан *qatayu degel* (Шастина, 1973: 89). Вообще, по Б.Я. Владимирцову (Владимирцов, 1929: 85) и Н.Н. Поппе (Porre, 1987: 131) транскрипция прилагательного термина *khatangku*⁵ (*твердая*), где буквы «ng» отсутствуют, на древнемонгольском будет *χatayu~qatayu* (на совр. халха-монгольском – *qata 'u*, на казахском – *қатты*).

В монгольском словаре «Мукаддимат ал-Адаб» XIII–XV веков прилагательное *твердая* указано как *qata 'u* (Поппе, 1938: 295), а существительное *dehel* на русском языке будет *халат, шуба* (Porre, 1987: 62). Таким образом, казахский *қаттау тон* не что иное, как восходящий к золотоордынскому⁶

¹ *Сауыты жоқ шарайна,*

Басында бар да қалқаны (Бабалар сөзі, 2008b: Т. 51; 351).

² Эпический батыр *Кази* идентифицируется с реальным историческим персонажем – Гази-бием (ум. в 1576 г.), основателем Малой Ногайской Орды.

³ *Айдынды-Имаш жас бөрі,*

Қаттау киген деніне (Бабалар сөзі, 2008a: Т. 46; 142).

⁴ Подробнее о технологии изготовления, особенностях, подвидах данного панциря см. статью К.С. Ахметжана (Ахметжан, 2014; 258-275).

⁵ В казахском языке также есть прилагательное *qatınqı* (*затвердевший*), но оно не применяется к названию рассматриваемого нами доспеха.

⁶ Термины *χatayu* (*qata 'u*) и *dehel* имеют древние тюркские корни, однако *khatangku* (*qata 'u*) *dehel* как наименование конкретного панциря степных воинов-кочевников Средневековья мы впервые наблюдаем в монгольских письменных источниках XIII в.

qatayu (qata'ū) dehel (твердая шуба – *qattau ton*) – самый доступный вид доспеха в арсенале армии Чингисхана и его наследников. Возможно, казахское слово *тон*, часто применяемое в фольклоре в отношении защитного вооружения, и панцирей в частности, – метонимическое название именно этого доспеха.

А.И. Сикалиев отмечает, что ногайские батыры под жесткие кольчуги одевали войлочное одеяние *тегелей* (Сикалиев, 2008: 96), вероятно, являющегося дериватом тюрко-монгольского *dehel* – аналог казахского *qattau ton*. В «Энциклопедическом словаре казахской традиционной культуры» в качестве древней боевой одежды казахов зафиксирован термин *делегей (дегелей?)* – «боевая одежда с остроконечной шапкой, которая имеет наушники и козырек» (КДМЭС, 1997: 75). Однако в ногайлинско-казахском героическом эпосе мы этот термин, к сожалению, не обнаружили.

Тюрко-монгольский термин *dehel* также вошел в русский язык и произносится как *тегилай*. Если учитывать, что русские княжества много заимствовали из военного дела и вооружения Золотой Орды (Spuler 1965: 381), то можно предполагать, что золотоордынский доспех *qatayu (qata'ū) dehel* получил распространение и в русском войске. Так, в переписке московского князя Ивана III Васильевича с польско-литовским королем Казимиром IV от 1489 г. встречается название *тегилай камчаты* (ПДСМГ, 1882: 32).

Помимо ваты, шерсти, конского волоса, доспех *qattau*, возможно, шивался и уплотнялся шелковой тканью. Так, в упомянутом выше цинском письменном источнике указывается, что мягкие органические доспехи¹ мусульманских и джунгарских воинов XVIII века набивались оческами шелковой ваты (Бобров, Пастухов, 2021: 200–201). Это вполне может совпадать с устными данными из казахского героического эпоса. Например, у казахского батыра Олжаша был *девятислойный шелковый каттау*:

*Доспех девятислойный – шелковый каттау,
Пояс-белдик [и] шарайна, что отражает стрелу².*

Очень похожий на доспех *qattau* из органических материалов, по мнению оружейоведа К.С. Ахметжана, редко встречающийся в ногайлинско-казахском героическом эпосе, – это доспех *торгауыт*. Как полагает оружейовед, он делается из нескольких слоев кожи и называется по имени одного из ойратских племен – *торгоут*. Вероятно, ойратская знать и багатуры были снаряжены этим доспехом (Ахметжан, 2007: 141–142).

Мать ногайского Карасай-батыра³ говорит своему сыну, когда тот жалуется, что ему нечего надеть в военный поход:

*Торгауыт с девяноста одним глазом,
Эй [сынук], поменяв его на коня, положила же на ковер⁴.*

Еще один, очень редко встречающийся в эпосе доспех – *жалаңқат*. В эпосе он упоминается как необходимое защитное вооружение для Кобыланды-батыра:

*Телу нужен жалан кат,
Господу Богу [Кобыланды] аманат⁵.*

А.К. Кайдаров коротко отмечает, что *жалаңқат* – это «кольчуга – одеяние под панцирем» (Кайдаров, 1973: 28). Но, по мнению оружейоведа К.С. Ахметжана, *жалаңқат* изготавливался из цельного куска металла в один слой. Название доспеха состоит из двух казахских слов: *жалаң* (непокрытый, обнаженный) и *кат* (слой). По конструкции доспех состоял из двух цельнокованных частей: из выгнутого нагрудника и наспинника, которые соединялись между собой петельками и пряжками. Иногда его изготавливали из толстой кожи, которую усиливали металлическими щитками. По внешнему виду он был выполнен как безрукавный жилет, чуть ниже пояса. *Жалаңқат* может быть аналогом европейской кирасы (Ахметжан, 2007: 138–139). В отличие от других доспехов, в ногайлинско-казахских героических эпосах *жалаңқат* упоминается только один раз, в эпосе

¹ В этом источнике «мягкий» доспех представлен ойратским термином *олбог*, который был транскрибирован китайцами как «элэбокэ» или «аолэбокэ (鄂勒博克)» (Бобров, Пастухов, 2021: 200).

² *Сауыты тоғыз қабат жібек қаттау,*

Белдік пен оқ таятын шарайнасы (Бабалар сөзі, 2009: Т. 56; 305).

³ Брат Гази (Казы) *бия*. В русских источниках зафиксирован как ногайский *Карашай-мурза*.

⁴ *Тоқсан бір көзді торгауыт*

Эй, ат алдырып қойдым-ау кілемге (Бабалар сөзі, 2006d: Т. 40; 435).

⁵ *Денеге керек жалаң кат,*

Жан-Жаббарға аманат (Бабалар сөзі, 2006a: Т. 35; 10). Арабский термин *аманат* у казахов имеет сакральное значение и применяется как *данное на хранение, вверенная вещь*.

Кобыланды батыр. Поэтому мы предполагаем, что этот доспех не был широко представлен в арсенале вооружения армии кочевников или был очень ранним.

5. Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что многие виды и типы защитного вооружения воинов-кочевников, упомянутые в ногайлинско-казахском героическом эпосе, соответствуют подлинным образцам доспехов, которые применяли воины-номады Великой Степи в эпоху Средневековья и Нового времени. Поэтому введение в научный оборот и дальнейший анализ фольклорных произведений тюркских кочевников Средневековья и Нового времени в целом, ногайлинско-казахский героический эпос в частности, представляется актуальной научной задачей. Материалы эпоса могут полноправно привлекаться в рамках комплексного анализа источников по изучению военно-культурного наследия казахов, татар, ногаев и др. тюркских народов указанного исторического периода.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (грант № BR10965240).

Литература

- Ахметжан, 2007 – Ахметжан К.С. Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы: Алматыкітап, 2007. 216 с.
- Ахметжан, 2014 – Ахметжан К.С. Многослойный стеганный панцирь воина-кочевника // Культурно-исторические процессы в Казахских степях в древности и средневековье: традиции и инновации. ТФИА им. А.Х. Маргулана. Т. III. Астана: Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 258-275.
- Бабалар сөзі, 2006a – Бабалар сөзі: Батырлар жырлары. Т. 35. Астана: Фолиант, 2006. 392 б.
- Бабалар сөзі, 2006b – Бабалар сөзі: Батырлар жырлары. Т. 36. Астана: Фолиант, 2006. 480 б.
- Бабалар сөзі, 2006c – Бабалар сөзі: Батырлар жырлары. Т. 39. Астана: Фолиант, 2006. 448 б.
- Бабалар сөзі, 2006d – Бабалар сөзі: Батырлар жырлары. Т. 40. Астана: Фолиант, 2006. 488 б.
- Бабалар сөзі, 2007a – Бабалар сөзі: Батырлар жырлары. Т. 41. Астана: Фолиант, 2007. 448 б.
- Бабалар сөзі, 2007b – Бабалар сөзі: Батырлар жырлары. Т. 45. Астана: Фолиант, 2007. 465 б.
- Бабалар сөзі, 2008a – Бабалар сөзі: Батырлар жырлары. Т. 46. Астана: Фолиант, 2008. 512 б.
- Бабалар сөзі, 2008b – Бабалар сөзі: Батырлар жырлары. Т. 51. Астана: Фолиант, 2008. 448 б.
- Бабалар сөзі, 2009 – Бабалар сөзі: Тарихи жырлар. Т. 56. Астана: Фолиант, 2009. 408 б.
- Бабалар сөзі, 2010 – Бабалар сөзі: Тарихи жырлар. Т. 60. Астана: Фолиант, 2010. 448 б.
- Бобров, 2016 – Бобров Л.А. «Полубайдана» казахского воина из Карагандинского областного историко-краеведческого музея // Вестник НГУ. Серия «История, филология». 2016. Т. 15. № 5. С. 211-216.
- Бобров, Ожередов, 2021 – Бобров Л.А., Ожередов Ю.И. Доспех воина Джамсарана. Центральноазиатский панцирь-«куяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 228 с.
- Бобров, Пастухов, 2021 – Бобров Л.А., Пастухов А.М. Вооружение и знамена мусульманского населения Восточного Туркестана и сопредельных территорий середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 2. С. 186-221.
- Бобров, Худяков, 2002 – Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Защитное вооружение среднеазиатского воина эпохи позднего средневековья / Военное дело номадов Северной и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2002. С. 106-168.
- Бобров, Худяков, 2008 – Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 776 с.
- Владимирцов, 1929 – Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Л.: Издание Ленинградского восточного института им. А.С. Енукидзе, 1929. 436 с.
- Гордеев, 1954 – Гордеев Н.В. Русский оборонительный доспех. Сборник научных трудов по материалам Государственной Оружейной палаты. М.: Искусство, 1954. С. 63-114.
- Ефимов, 1999 – Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // Донская археология. 1999. № 3-4. С. 93-108.
- Жирмунский, 1974 – Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 728 с.
- Иванов, 2011 – Иванов В.А. Вооружение золотоордынского войска в историческом и археологическом контекстах: где истина? / Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 72-77.
- Иванов, Кригер, 1988 – Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 92 с.

- Измаилов, 2012** – *Измаилов И.Л.* Погребально-поминальная обрядность и комплекс вооружения древнего и средневекового населения (к постановке проблемы) // *Поволжская археология*. 2012. 2. С. 66-85.
- Кайдаров, 1973** – *Кайдаров А.Т.* Доспехи и вооружение воина-батыра в казахском эпосе и их этно-лингвистическое объяснение // *Известия АН КазССР*. 1973. № 6. С. 25-34.
- Кравец, 2005** – *Кравец В.В.* Кочевники среднего Дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж: ВГПУ, 2005. 206 с.
- Кушкумбаев, 2001** – *Кушкумбаев А.К.* Военное дело казахов в XVII–XVIII веках. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 172 с.
- КДМЭС, 1997** – Қазақ дәстүрлі мәдениетінің энциклопедиялық сөздігі. Алматы: Сөздік-Словарь, 1997. 368 б.
- ПДСМГ, 1882** – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством в царствование Великого Князя Ивана Васильевича. Сборник императорского русского исторического общества (с 1487 по 1533 гг.). Т. 35, Ч. 1. СПб.: Типография Ф. Елеонского и К^о, 1882. 870 с.
- Поппе, 1938** – *Поппе Н.Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. М.-Л.: АН СССР, 1938. 452 с.
- ПДРВ, 1791** – Продолжение Древней российской вивлиофики. Ч. 7–8. СПб.: Императорская Академия Наук, 1791. 336 с.
- Радлов, 1899** – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. II, Ч. 2. СПб.: Императорская Академия Наук, 1899. 1054–1814 сс. +64 с.
- Радлов, 1911** – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. IV, Ч. 2. СПб.: Императорская Академия Наук, 1911. 1117–2230 сс. +108 с.
- Рустемов, 1989** – *Рустемов Л.З.* Казахско-русский толковый словарь арабско-иранских заимствованных слов. Алма-Ата: Мектеп, 1989. 320 с.
- Сикалиев, 2008** – *Сикалиев А.И.* Ногайский героический эпос (способы эпического изображения героев): Дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.09. Майкоп, 2008. 161 с.
- Усманова и др., 2018** – *Усманова Э.Р., Дремов И.И., Панюшкина И.П., Колбина А.В.* Монгольские воины Улуса Джучи по материалам могильника Карасуыр (Улытау, Центральный Казахстан) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2018. № 46(2). С. 106-113.
- ХДРЛ, 1936** – Хрестоматия по древней русской литературе (XI–XVII вв.). М.: Учпедгиз, 1936. 390 с.
- Худяков, 1997** – *Худяков Ю.С.* Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1997. 160 с.
- Худяков, 2003** – *Худяков Ю.С.* Защитное вооружение номадов Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2003. 202 с.
- Чхаидзе, 2010** – *Чхаидзе В.Н.* Средневековые кочевнические погребения из раскопок Н.И. Веселовского в Степном Прикубанье (ст. Ладожская и пос. Праздничный) // *МИА Северного Кавказа*. 2010. № 11, С. 154-164.
- Шастина, 1973** – *Шастина Н.П.* Лубсан Данзан. Алтан Тобчи. М.: Наука, 1973. 439 с.
- Clauson, 1972** – *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Oxford: Oxford University Press, 1972. 1034 p.
- Di Cosmo, 2002** – *Di Cosmo N.* Warfare in Inner Asian History: 500-1800. 2002.. Leiden; Boston: Brill, 456 p.
- Doerfer, 1965** – *Doerfer G.* Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. В. II. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1965. 671 p.
- Gorelik, 1979** – *Gorelik M.* Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art / *Islamic Arms and Armour*. London, 1979. Pp. 38-63.
- Ivanics, Usmanov, 2002** – *Ivanics M., Usmanov M.A.* Das Buch der Dschingis-Legende (Däftär-i Cingiz-nämä), I, (Vorwort, Einführung, Tränskription, Wörterbuch, Faksimiles). Szeged, 2002. 324 p.
- Lauffer, 1919** – *Lauffer B.* Sino-Iranica: Chinese Contributions to the History of Civilization in Ancient Iran. Chicago: Field Museum of Natural History // *Anthropological Series*. 1919. Vol. 15. No. 3. 630 p.
- Nicolle, 1999** – *Nicolle D.* Arms & Armour of the Crusading Era, 1050-1350: Islam, Eastern Europe and Asia. London: Greenhill Books, 1999. 576 p.
- Poppe, 1987** – *Poppe N.* Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987. 301 p.
- Rachewiltz, 1972** – *Rachewiltz I. de.* Index to the Secret History of the Mongols. Bloomington: Indiana University Press, 1972. 347 p.
- Rachewiltz, 2004** – *Rachewiltz I. de.* The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the thirteenth century. Leiden: Brill, 2004. 1349 p.
- Spuler, 1965** – *Spuler B.* Die Goldene Horde: Die Mongolen in Russland 1223-1502. Wiesbaden: Harrassowitz, 1965. 638 p.

References

- Akhmetzhan, 2007** – *Akhmetzhan, K.S.* (2007). Etnografiya traditsionnogo vooruzheniya kazakhov [Ethnography of Kazakh Traditional Weaponry]. Almaty: Almatykitap, 216 p. [in Russian]
- Akhmetzhan, 2014** – *Akhmetzhan, K.S.* (2014). Mnogosloynnyy stegannyi pantsir' voina-kochevnika [Quilted Armor of a Nomad Warrior]. Kul'turno-istoricheskie protsessy v Kazakhskikh stepyakh v drevnosti i srednevekov'e: traditsii i innovatsii. Trudy filiala Instituta arkhologii im. A.Kh. Margulana. T. III. [Cultural and Historical Processes in the Kazakh Steppes In Antiquity and the Middle Ages: Traditions and Innovations. Proceedings of the Branch of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan. Vol. III]. Astana: Izdatel'skaya gruppa FIA im. A.Kh. Margulana. Pp. 258-275. [in Russian]
- Babalar sozi, 2006a** – Babalar sozi: Batyrlar zhyry. (2006). [The Word of the Ancestors: Heroic Epic]. Vol. 35. Astana: Foliant, 392 p. [in Kazakh]
- Babalar sozi, 2006b** – *Babalar sozi: Batyrlar zhyry.* (2006). [The Word of the Ancestors: Heroic Epic]. Vol. 36. Astana: Foliant, 480 p. [in Kazakh]
- Babalar sozi, 2006c** – *Babalar sozi: Batyrlar zhyry.* (2006). [The Word of the Ancestors: Heroic Epic]. Vol. 39. Astana: Foliant, 448 p. [in Kazakh]
- Babalar sozi, 2006d** – Babalar sozi: Batyrlar zhyry. (2006). [The Word of the Ancestors: Heroic Epic]. Vol. 40. Astana: Foliant, 488 p. [in Kazakh]
- Babalar sozi, 2007a** – Babalar sozi: Batyrlar zhyry. (2007). [The Word of the Ancestors: Heroic Epic]. Vol. 41. Astana: Foliant, 448 p. [in Kazakh]
- Babalar sozi, 2007b** – Babalar sozi: Batyrlar zhyry. (2007). [The Word of the Ancestors: Heroic Epic]. Vol. 45. Astana: Foliant, 465 p. [in Kazakh]
- Babalar sozi, 2008a** – Babalar sozi: Batyrlar zhyry. (2008). [The Word of the Ancestors: Heroic Epic]. Vol. 46. Astana: Foliant, 512 p. [in Kazakh]
- Babalar sozi, 2008b** – Babalar sozi: Batyrlar zhyry. (2008). [The Word of the Ancestors: Heroic Epic]. Vol. 51. Astana: Foliant, 448 p. [in Kazakh]
- Babalar sozi, 2009** – Babalar sozi: Tarikhi zhyrlar. (2009). [The Word of the Ancestors: Historical Epic]. Vol. 56. Astana: Foliant, 408 p. [in Kazakh]
- Babalar sozi, 2010** – Babalar sozi: Tarikhi zhyrlar. (2010). [The Word of the Ancestors: Historical Epic]. Vol. 60. Astana: Foliant, 448 p. [in Kazakh]
- Bobrov, 2016** – *Bobrov, L.A.* (2016). "Polubaydana" kazakhskogo voina iz Karagandinskogo oblastnogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya ["Half-Baidana" of a Kazakh Warrior Stored in the Karaganda Region Museum of Local History]. *Vestnik NGU. Seriya «Istoriya, filologiya»*. 15(5): 211-216. [in Russian]
- Bobrov, Ozheredov, 2021** – Bobrov, L.A., Ozheredov, Yu.I. (2021). Dospekh voina Dzhamsarana. Tsentral'noaziatskii pantsir'-«kuyak» iz sobraniya MAES TGU [Armor of the Warrior Jamsaran: Central Asian 'Kuyak' Armor from the Museum of Siberian Archaeology and Ethnography, Tomsk State University]. Novosibirsk: IPTs NGU, 228 p. [in Russian]
- Bobrov, Pastukhov, 2021** – *Bobrov L.A., Pastukhov A.M.* (2021). Vooruzhenie i znamena musul'manskogo naseleniya Vostochnogo Turkestana i sopredel'nykh territoriy serediny XVIII v. po materialam "Tsin'din Khuan"yuy Siyuy tuchzhi" [Weapons and Banners of Moslem Population in East Turkestan and Adjacent Territories, Mid-18th Century: A Case Study of "Qinding Huangyu Xiyu Tuzhi"] *Mongolian Studies*, vol. 13, no 2, pp. 186–221. [In Russian]
- Bobrov, Khudyakov, 2002** – *Bobrov, L.A., Khudyakov, Yu.S.* (2002). Zashchitnoe vooruzhenie sredneaziatskogo voina epokhi pozdnego srednevekov'ya [Defensive Armament of the Central Asian Warrior of the Late Middle Ages]. *Voennoe delo nomadov Severnoi i Tsentral'noi Azii*. Novosibirsk, pp. 106-168. [in Russian]
- Bobrov, Khudyakov, 2008** – *Bobrov, L.A., Khudyakov, Yu.S.* (2008). Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.) [The Armament and Tactics of the Nomads of Central Asia and Southern Siberia in the Late Middle Ages and Early Modern Period (15th – the first half of the 18th century)]. SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 776 p. [in Russian]
- Chkhaidze, 2010** – *Chkhaidze, V.N.* (2010). Srednevekovye kochevnicheskie pogrebeniya iz raskopok N.I. Veselovskogo v Steptom Prikuban'e (st. Ladozhskaya i pos. Prazdnichnyy) [Medieval Nomad Burials From Excavations of N.I. Veselovskiy in Steppe Kuban Region (Cossack Village Ladozhskaya and Settlement Prazdnichnyy)]. *MIA Severnogo Kavkaza*. 11: 154-164. [in Russian]
- Clauson, 1972** – *Clauson, G.* (1972). An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Oxford: Oxford University Press, 1034 p.
- Di Cosmo, 2002** – *Di Cosmo, N.* (2002). Warfare in Inner Asian History: 500-1800. 2002.. Leiden; Boston: Brill, 456 p.
- Doerfer, 1965** – *Doerfer, G.* (1965). Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen [Turkish and Mongolian Elements in New Persian]. B. II. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 671 [in German]
- Efimov, 1999** – *Efimov, K.Yu.* (1999). Zolotoordynskie pogrebeniya iz mogil'nika "Olen'-Kolodez'" [Golden Horde Burials From Cemetery "Olen'-Kolodez'"]. *Donskaya arkhologiya*. 3–4: 93-108. [in Russian]

- Gordeev, 1954** – *Gordeev, N.V.* (1954). Russkiy oboronitel'nyy dospekh. Sbornik nauchnykh trudov po materialam Gosudarstvennoy Oruzheynoy palaty [Russian Defensive Armor. Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the State Armoury Chamber]. M.: Iskusstvo, pp. 63-114. [in Russian]
- Gorelik, 1979** – *Gorelik, M.* (1979). Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art. *Islamic Arms and Armour*. London, pp. 38-63.
- Ivanics, Usmanov, 2002** – *Ivanics, M., Usmanov, M.A.* (2002). Das Buch der Dschingis-Legende (Däftär-i Cingiz-nämä), I, (Vorwort, Einführung, Tränskription, Wörterbuch, Faksimiles) [The Book of Genghis Legend (Däftär-i Cingiz-nämä), I, (Foreword, Introduction, Transcription, Dictionary, Facsimiles)]. Szeged, 324 p. [in German]
- Ivanov, 2011** – *Ivanov, V.A.* (2011). Vooruzhenie zolotoordynskogo voiska v istoricheskom i arkhologicheskom kontekstakh: gde istina? [Armament of the Golden Horde army in historical and archaeological contexts: where is the truth?]. *Voennoe delo Zolotoi Ordy: problemy i perspektivy izucheniya*. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. Pp. 72-77. [in Russian]
- Ivanov, Kriger, 1988** – *Ivanov, V.A, Kriger, V.A.* (1988). Kurgany kypchakskogo vremeni na yuzhnom Urale (XII–XIV vv.) [Kypchak Barrows in the Southern Urals (12th–14th cc.)]. M.: Nauka, 92 p. [in Russian]
- Izmailov, 2012** – *Izmailov, I.L.* (2012). Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' i kompleks vooruzheniya drevnego i srednevekovogo naseleniya (k postanovke problemy) [Mortuary and Funeral Ceremonialism and a Amours Complex of the Ancient and Medieval Population (To Problem Statement)]. *Povolzhskaya arkheologiya*. 2: 66-85. [in Russian]
- Kaydarov, 1973** – *Kaydarov, A.T.* (1973). Dospekhi i vooruzhenie voina-batyra v kazakhskom epose i ikh etno-lingvisticheskoe ob'yasnenie [The Armour and Weapon of the Batyr Warrior in the Kazakh Epic]. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Social Series*, no 6, pp. 25–34. [in Russian]
- KDMES, 1997** – Kazak dasturly madenietinin entsiklopediyaliq sozdigi [Encyclopedic Dictionary of Kazakh Traditional Culture]. Almaty: Sozdik-Slovar', 1997. 368 p. [in Kazakh]
- Kravets, 2005** – *Kravets, V.V.* (2005). Kochevniki srednego Dona v epokhu Zolotoy Ordy [Nomads of the Middle Don in the Golden Horde Period]. Voronezh: VGPU, 206 p. [in Russian]
- KhDRL, 1936** – *Khrestomatiya po drevney russkoy literature (XI–XVII vv.)*. (1936). [A Reader of Ancient Russian Literature XI–XVII centuries]. M.: Uchpedgiz, 390 p. [in Russian]
- Khudyakov, 1997** – *Khudyakov, Yu.S.* (1997). Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii v epokhu razvitiya srednevekov'ya [Arms of Nomads of Southern Siberia and Central Asia in the Era of the Developed Middle Ages]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of Siberian Section of RAS, 159 p. [in Russian]
- Khudyakov, 2003** – *Khudyakov, Yu.S.* (2003). Zashchitnoe vooruzhenie nomadov Tsentral'noy Azii [Protective Weapons of the Central Asian Nomads]. Novosibirsk: NSU, 202 p. [in Russian]
- Kushkumbayev, 2001** – *Kushkumbayev, A.K.* (2001). Voennoe delo kazakhov v XVII–XVIII vekakh [Military Affair of the Kazakhs in the XVIIth–XVIIIth Centuries]. Almaty: Dayk-Press, 172 p. [in Russian]
- Laufer, 1919** – *Laufer, B.* (1919). Sino-Iranica: Chinese Contributions to the History of Civilization in Ancient Iran. Chicago: Field Museum of Natural History. *Anthropological Series*. 15(3): 630.
- Nicolle, 1999** – *Nicolle, D.* (1999). Arms & Armour of the Crusading Era, 1050–1350: Islam, Eastern Europe and Asia. London: Greenhill Books, 576 p.
- PDRV, 1791** – *Prodolzhenie Drevney rossiyskoy vivliofiki* [Continuation of the Ancient Russian Library]. Part 7–8. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1791, 336 p. [in Russian]
- PDSMG, 1882** – *Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim gosudarstvom v tsarstvovanie Velikogo Knyazya Ivana Vasil'evicha*. Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva (s 1487 po 1533 gg.) [Monuments of Diplomatic Relations Between the Moscow State and the Polish-Lithuanian State During the Reign of Grand Duke Ivan Vasilyevich]. T. 35, Ch. 1. SPb.: Tipografiya F. Eleonskogo i K^o, 1882. 870 p. [in Russian]
- Poppe, 1938** – *Poppe, N.N.* (1938). *Mongol'skiy slovar' Mukaddimat al-Adab* [Mongolian Dictionary Mukaddimat al-Adab]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 452 p. [in Russian]
- Poppe, 1987** – *Poppe, N.* (1987). Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 301 p.
- Rachewiltz, 1972** – *Rachewiltz, I. de.* (1972). Index to the Secret History of the Mongols. Bloomington: Indiana University Press, 347 p.
- Rachewiltz, 2004** – *Rachewiltz, I. de.* (2004). The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the thirteenth century. Leiden: Brill, 1349 p.
- Radlov, 1899** – *Radlov V.V.* (1899). Opyt slovarya tyurkskikh narechiy [Experience of the Dictionary of Turkic Dialects]. T. II, Ch. 2. SPb.: Imperatorskaya Akademiya Nauk, 1899. 1054–1814 ss. +64 p. [in Russian]
- Radlov, 1911** – *Radlov, V.V.* (1911). Opyt slovarya tyurkskikh narechiy [Experience of the Dictionary of Turkic Dialects]. Vol. 4, part 2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1117–2230 pp. + 108 p. [in Russian]
- Rustemov, 1989** – *Rustemov, L.Z.* (1989). Kazakhsko-russkiy tolkovyy slovar' arabsko-iranskikh zaimstvovannykh slov [Kazakh-Russian Explanatory Dictionary of Arabic-Iranian Borrowed Words]. Almaty: Mektep, 320 p. [in Kazakh]

- Shastina, 1973 – Shastina, N.P. (1973). Lubsan Danzan. Altan Tobchi [Lubsan Danzan. Altan Tobči]. Moscow: Nauka, 440 p. [in Russian]
- Sikaliev, 2008 – Sikaliev, A.I. (2008). Nogayskiy geroicheskiy epos (sposoby epicheskogo izobrazheniya geroev) [Nogai Heroic Epic (Methods of Epic Depiction of Heroes)] (PhD thesis). Maykop, 161 p. [in Russian]
- Spuler, 1965 – Spuler, B. (1965). Die Goldene Horde: Die Mongolen in Russland 1223–1502 [The Golden Horde: The Mongols in Russia 1223–1502.]. Wiesbaden: Harrassowitz, 1965. 638 p. [in German]
- Usmanova i dr., 2018 – Usmanova, E.R., Dremov, I.I., Panyushkina, I.P., Kolbina, A.V. (2018). Mongol'skie voiny Ulusa Dzhuchi po materialam mogil'nika Karasuyr (Ulytau, Tsentral'nyy Kazakhstan). [Mongol Warriors of the Jochi Ulus at the Karasuyr Cemetery, Ulytau, Central Kazakhstan]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 46(2): 106-113. [in Russian]
- Vladimirtsov, 1929 – Vladimirtsov, B.Ya. (1929). Sravnitel'naya grammatika mongol'skogo pis'mennogo yazyka i khalkhasskogo narechiya [A Comparative Grammar of Classical Mongol and Khalkha Dialect]. L.: Izdanie Leningradskogo vostochnogo instituta im. A.S. Enukidze, 436 p. [in Russian]
- Zhirmunskiy, 1974 – Zhirmunskiy, V.M. (1974). Tyurkskiy geroicheskiy epos [Turkic Heroic Epic]. Leningrad: Nauka, 728 p. [in Russian]

Корпусное защитное вооружение кочевников в ногайлинско-казахских героических эпосах

Уткирбай Мылтыкбайулы Агатай ^{а, *}, Жаксылык Муратович Сабитов ^а

^а Научный институт изучения Улуса Джучи, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассмотрены материалы ногайлинско-казахских героических эпосов, содержащих сведения о различных типах корпусных панцирей кочевников Евразии позднего Средневековья и Нового времени. Ранее данные сведения не были переведены на русский язык и не становились объектом специального научного исследования. На основе комплексного анализа фольклорных, вещественных и письменных источников предпринята попытка выявления оригинальных названий, а также особенностей конструкции и системы оформления корпусных панцирей тюркских воинов западной части Великой Степи эпохи Средневековья и Нового времени. На основании изучения собранных, систематизированных и проанализированных материалов выявлены и атрибутированы основные термины, применяемые в ногайлинско-казахском героическом эпосе для обозначения предметов защитного вооружения. Так, в частности, установлено, что в эпоху Средневековья и Нового времени воины-номады Казахстана и сопредельных территорий использовали доспех *кәбе*, кольчужные и кольчато-пластинчатые доспехи *кіреуке*, *бадана* и *бектер*, пластинчато-нашивной панцирь *берен*, боевые зеркала *шарайна*, стеганный панцирь *қаттау*, доспех *торғауыт* и др. Установлено, что на протяжении эпохи Средневековья значение термина, обозначающего тот или иной тип доспеха, могло меняться. Так, например, термином *кәбе* первоначально обозначался кольчатый, а затем пластинчатый доспех. Анализ казахского термина *қаттау* показал, что он восходит к древнемонгольскому *хатауи (qata'ū) dehel (хатангу дегель)*. Сопоставление описания вооружения в ногайлинско-казахском героическом эпосе с подлинными образцами защитного вооружения из археологических памятников и письменных источников показало высокий уровень корреляции фольклорных и вещественных источников. Анализ собранных материалов показал, что в рамках комплексного анализа источников ногайлинско-казахский эпос может привлекаться для изучения военно-культурного наследия тюркских народов Казахстана и сопредельных территорий позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Ключевые слова: защитное вооружение, доспехи, кольчуги, воины-номады.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: agatayotkirbay@gmail.com (У.М. Агатай), babasan@yandex.ru (Ж.М. Сабитов)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1513-1522
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1513

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Delimitation of the Border between the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Muscovy in the Interfluvium of the Sula and the Sejms in the first half of the 17th century

Sergey I. Degtyarev ^{a, b, *}, Evgenij M. Osadchij ^c

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b Cherkas Global University, Washington, USA

^c Institute of Applied Physics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Sumy, Ukraine

Abstract

The article deals with issues related to the work of the interstate commission to determine the borders between the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Moscow kingdom in the first half of the 17th century. Based on the analysis of written and visual sources, the authors identified the problems that arose during the work of this commission. They are connected, first of all, with the identification of toponyms mentioned in the texts, and specific geographical and archaeological sites. The basis for the work was a map compiled by Guillaume Levasseur de Beauplan during the work of the commission. Particular attention of the cartographer was riveted to the eastern borders of the Polish-Lithuanian Commonwealth. Not only cities and villages were marked there, but also separate settlements. Their names repeat toponyms in the central part of the Commonwealth. These names are also mentioned in act documents of the XV-XVII centuries. They became weighty arguments in border disputes, and as a result, these territories were recognized as the possession of the Polish Crown.

Upon careful study of the texts of letters that are available today, such conclusions are not so unambiguous. Names were put on the map that, with rare exceptions, had not been mentioned before. In addition, similar names are often found on the territory of the Ukrainian and Polish lands of the Commonwealth. Without accurate maps, it was almost impossible to prove the fact that this particular place or region was mentioned in a border dispute. It was the coincidence of most of the names of border toponyms in uninhabited territories that allowed the Polish side to prevail in polemics with Moscow boundary judges and defend their right to disputed lands.

Keywords: ancient settlement, Guillaume Levasseur de Beauplan, Polish-Lithuanian Commonwealth, Muscovy, XVII century, armed conflict, war, good governance.

1. Введение

Отношения между Московским княжеством и Великим княжеством Литовским, а впоследствии Речью Посполитой, часто носили напряженный характер. Одной из причин этого были постоянные претензии обеих сторон на владение землями Чернигово-Северщины. Несмотря на то, что значительная часть этой территории была слабозаселенной, оба государства прилагали все усилия для включения ее в свои границы. После битвы на Ворскле в 1399 г. южная часть Чернигово-Северщины почти на 250 лет оставалась незаселенной и переходила от одного государства к другому в зависимости от результатов военных конфликтов. В начале XVII в. Московское царство переживало период политической нестабильности и в результате, утратило контроль над Путивльским уездом. Этим не преминули воспользоваться крупные землевладельцы из княжеских и шляхетских фамилий Речи Посполитой, имевших значительные владения на Заднепрянщине. В результате на формально

* Corresponding author

E-mail addresses: s.degtyarev@yur.sumdu.edu.ua (S.I. Degtyarev)

московских землях возникают слободы, замки и городки, населенные украинскими казаками и посполитыми, получившими эти земли в собственность от короля Речи Посполитой. В этой ситуации образовался юридический казус, когда обе стороны имели документы, выданные великими князьями и королями на право владения спорными территориями. Точку в пограничных спорах между двумя государствами должна была поставить межевая комиссия, в задачу которой входило не только установление пограничных знаков, но и юридическое установление принадлежности спорных территорий той или иной стороне.

2. Материалы и методы

Основой для работы являются иконографические и письменные источники. Наиболее информативной картой, отображающей реальное расположение населенных пунктов и топографических ориентиров, является работа французского инженера-картографа, бывшего на службе польского короля Владислава IV, Гийома Левассера де Боплана. Его карта украинских земель, созданная в середине XVII в., и ее многочисленные западноевропейские копии содержат информацию о расположении и названиях городищ, расположенных в междуречье Сулы и Сейма. Именно тут планировалось провести границу между Московским царством и Речью Посполитой.

Во время работы межгосударственной межевой комиссии было создано множество документов, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов и архивах Польши. Часть из них опубликована в сборниках «Метрика Литовская», «Акты Западной России», «Акты, относящиеся к истории Юго-Западной России», «Акты Московского государства», «Дворцовые разряды». В их текстах содержится информация о конфликтах, происходивших во время работы комиссии, и компромиссных решениях, принятых обеими сторонами.

В предлагаемой работе авторы использовали ряд общенаучных и специальных методов исследования. Принципы историзма и объективности позволили учесть общественно-политические реалии приграничных регионов Речи Посполитой и Московского царства. Это положительно повлияло на понимание аргументации сторон, пытающихся доказать свое право на спорные территории. Традиционно были использованы также общенаучные методы исследования – исторический (ретроспективный), иллюстративный и аналитический.

Из числа источниковедческих методов применены критический и археографический, которые позволили объективно оценить информационный потенциал использованных источников, в частности карты украинских земель Гийома Левассера де Боплана и др.

3. Обсуждение

Вопросы, связанные с реконструкцией границ Путивльского уезда в XV–XVII вв., были объектом изучения Е. Русиной. Она на основе актовых документов предложила расположение отдельных волостей Путивльского уезда (Русина, 1996: 366-379; Русина, 1999: 450-456). Значительная часть неопубликованных архивных документов была обработана П. Кулаковским и стала основой для нескольких разделов монографии «Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої (1618–1648)» (Кулаковський, 2006: 197-234). К сожалению, в книге отсутствуют полные тексты многих документов, что не дает возможности их проанализировать и сравнить с имеющимися данными археологии. Вопросы, связанные с рассматриваемой темой, изучались архиепископом Филаретом, А. Лазаревским во второй половине XIX – начале XX вв. и современными исследователями А. Папковым, В. Пономаренко (ИСОЧЕ, 1873; Лазаревский, 1893: 362-499; Папков, 2004: 67-195; Пономаренко, 2006: 59-61).

Археологические исследования древнерусских городищ южной части Чернигово-Северщины в современных границах Сумской, Черниговской и Полтавской областей Украины проводились М.П. Кучерой и Ю. Моргуновым во второй половине прошлого века. В результате были датированы многие городища, упоминаемые в текстах XV–XVII вв. (Кучера, 1999; Моргунов, 1996: 28-131).

В последние несколько лет Путивльской археологической экспедицией под руководством Д. Каравайко были обследованы городища междуречья Сулы и Сейма. В ходе разведок были сняты новые топографические планы и дополнены данные об их укреплениях. Результаты этих исследований были опубликованы в коллективной монографии, содержащей каталог городищ роменско-древнерусского времени (Моргунов и др., 2022: 42-182). Многие из них были объектами пограничных споров и нанесены на топографические карты XVII в.

Определиться с методологическими основами нашего исследования помогли тематически близкие работы И. Сапожникова (Сапожников, 2022), Н. Нищенко (Нищенко, 2018), Ю. Гузенко (Гузенко, 2017), С. Дегтярева (Дегтярьов, 2010), А. Красножона (Красножон, 2018) и других.

4. Результаты

В первой половине – середине XVII в. французским военным инженером Г.Л. де Бопланом была создана общая карта украинских земель, которую впоследствии растражировали западноевропейские издатели. Карта выделяется детализацией и вниманием к мелким деталям. Особое внимание было уделено пограничным с Московским царством землям. В период между

Деулинским перемирием (1618 г.) и Поляновским миром (1634 г.) начинается постепенная колонизация этих земель. Пальму первенства в освоении новых территорий держали украинские казаки, занимавшиеся сезонными промыслами. Со временем здесь стали появляться новые населенные пункты и небольшие замки, основанные князьями и шляхтой Речи Посполитой. Для закрепления права владеть определенными территориями королями Речи Посполитой выдавались грамоты и привилеи, в которых описывалась, какая именно местность предоставляется в собственность. В случае, если это были внутренние территории, проблем с пожалованием не было. Отмечались населенные пункты и земли, которые к ним относились. В случае с юго-восточными границами такая процедура требовала упоминаний определенных ориентиров, названий территории и, самое главное, границ владений.

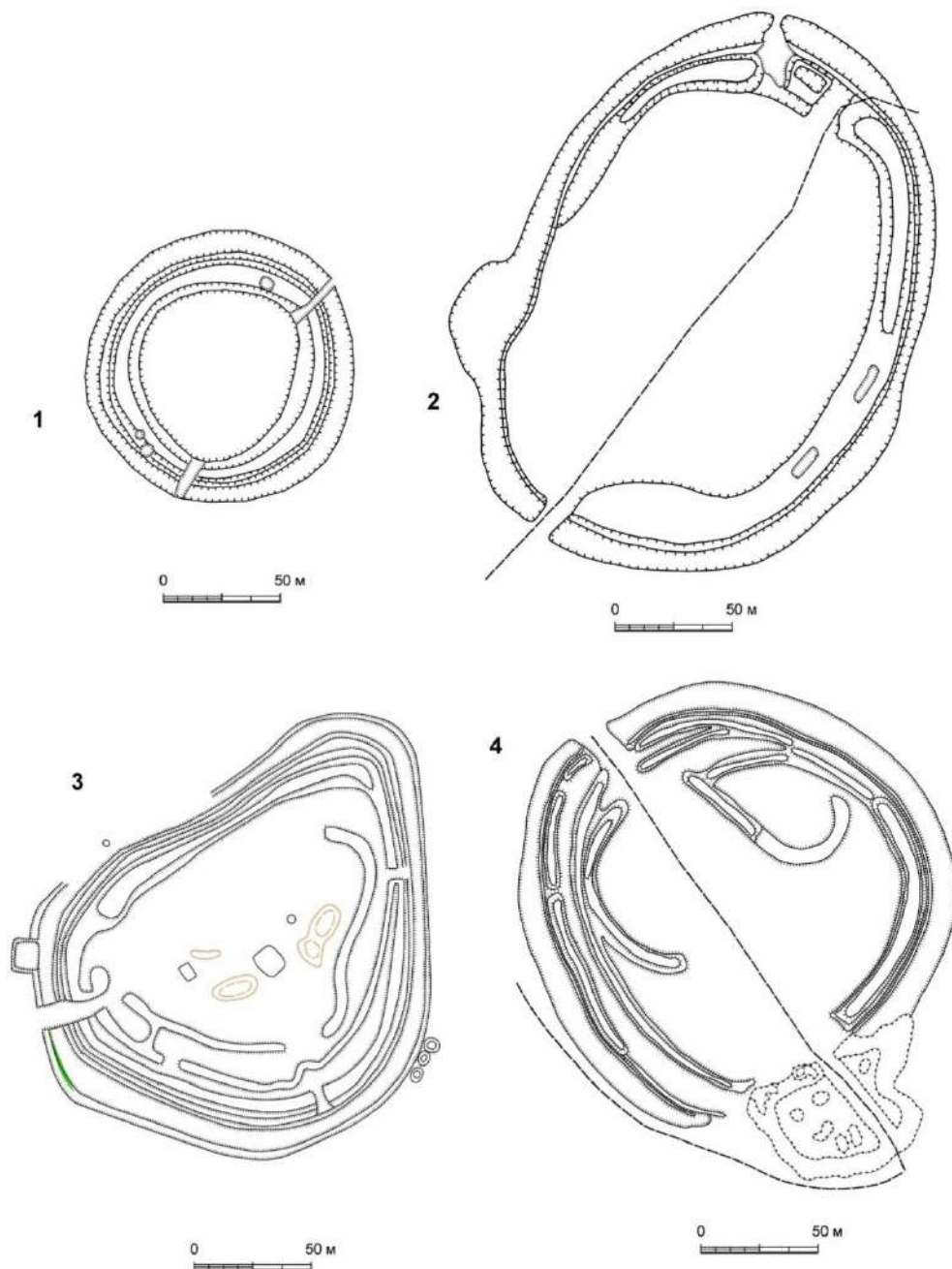

Рис. 1. Древнерусские городища междуречья Сулы и Сейма. 1 – Великий Самбор (Sambory), 2 – Шевченково (Targowice), 3 – Кросна (Taruczka), 4 – Николаевка (Korczyno)

Имеющиеся карты первой половины XVI–XVII вв. дают очень приблизительное представление о расположении населенных пунктов юго-восточной границы Речи Посполитой. Некоторые данные об этих землях предоставляли крупные землевладельцы – князья Корецкие, Жулкевские и Вишневецкие. В грамотах, датированных концом XVI в., есть упоминания только о названиях рек, которые протекали в пожалованных местностях. Слова «пустой» и «пустошь» часто встречаются в

документах того времени, а огромные незаселенные пространства были местом уходов киевских и каневских черкас ([Дворцовые приказы. Т. 2: 908](#)).

Со временем пожалованных территорий становилось все больше и возникла необходимость согласовывать границы между владениями. Для этого начали использовать названия урочищ или территорий, которые могли быть легко идентифицированы. Одним из таких ориентиров были городища древнерусского времени. Они были построены без учета рельефа, имели значительные земляные укрепления и довольно часто были местом, где строились замки и феодальные усадьбы. Городища упоминаются как в московских, так и в польских документах, но часто их названия различаются.

После подписания Поляновского мира начала свою работу межгосударственная комиссия по установлению границ. Межевание проходило трудно, иногда стороны не могли согласовать линию границы именно из-за расхождения в названиях урочищ и рек.

Во время работы комиссии было составлено значительное количество чертежей. К сожалению, на сегодняшний день ни один из них не известен. Но эти документы имели большое значение для работы Г.Л. де Боплана. Часть пограничных территорий имеет очень тщательную детализацию. Здесь обозначено Бельское городище (Ворскла), а также Каменное и Городище (Псел). Но наибольшая концентрация обозначенных городищ находится в междуречье Сулы и Сейма. Они имеют отметку в виде круга в круге и собственное название. На карте городища обозначены исключительно так, как были известны польской стороне. Отдельные названия вообще нигде больше не упоминаются ([Рисунок 1](#)).

Городище «Białowie» обозначено в истоках р. Грайворон. В этой местности известны два укрепления древнерусского времени. Но какое именно из них обозначено, пока выяснить невозможно.

Далее на северо-восток находится городище «Sambory». Оно расположено на заболоченном мысе правого берега р. Ромен при впадении р. Малый Ромен около с. Великий Самбор. Укрепление округлой формы диаметром 80 м. Высота вала составляет 2–3 м. Площадь городища – 0,3 га.

Городище «Targowice» находится на берегу бифуркационной долины, откуда берут истоки реки Езуч и Куколка (возле современного с. Шевченко). Городище построено на краю длинного мыса, перерезающего заболоченную пойму в месте удобной переправы через реку. Городище имело значительные укрепления и площадь 2,1 га.

Городище «Targusza» расположено на р. Езуч (возле современного с. Казацкое), в урочище Кросно. В XVII в. его укрепления и культурный слой были повреждены селитроварами. Первоначальный вал имел высоту до 4 м. Площадь городища – 1,2 га.

Городище «Korczupno» находится в среднем течении р. Курица, на южной окраине современного с. Николаевка. Укрепления также повреждены селитроварами в XVII в. Первоначальный вал имел высоту до 4 м. Площадь городища составляет 1,2 га ([Рисунок 3](#)).

Анализ названий городищ, изображенных на карте, дал неожиданные результаты. Почти все городища названы в честь населенных пунктов, расположенных на территории современной Польши и Западной Украины. К юго-западу от Кракова расположены населенные пункты Кросно (Krosno), Корчина (Korczyna), Тарговиска (Targowiska) ([Рисунок 2](#)). Город Самбор находится на территории Западной Украины. Названия, перенесенные на карту, были важным инструментом колонизации юго-восточных границ Речи Посполитой. Этим польская сторона утверждала свое присутствие на землях, которые до тех пор считались спорными между Московским царством и Речью Посполитой. Во время межевания обе стороны предъявляли грамоты, в которых было указано право на владение определенными территориями ([Осадчий, Коротя, 2020: 412-413](#)).

Один из таких документов – «Prywiley na slezy Litowiez, Czertowicy, Stwoyłowicy, nawiecznost p(an)u Niemire Rezanowiczu» 1449 г., в котором говорится о подтверждении права на владение имением Литовеж, селами Торговица, Червица, Стволовичи ([Lietuvos Metrika. Kn. 3, 1998: 59](#)). В 1450 г. королем Казимиром была выдана копия этого привилея ([АЗР. Т.1: 68-69](#)). Королевские пограничные судьи предъявляли их в качестве доказательства принадлежности этих земель к Короне Польской. Однако исследования документов свидетельствуют, что населенные пункты Литовеж, Стволовичи и Червица расположены на территории Западной Украины. В частности, Литовеж расположен вблизи Сокаля, Червица – на северо-востоке от Ковеля, а Стволовичи – около Барановичей. Населенные пункты с названием Торговица распространены и известны вблизи Дубно, Луцка, Умани. Что касается отождествления села Торговица с городищем Пустая Торговица, то следует учитывать, что село – это значительный населенный пункт с церковью. Культурный слой поселения, расположенного с напольной стороны городища, не содержит материалов послемонгольского времени, а отдельные монеты XVIII в., найденные около городища, связаны с функционированием дороги из Ромен в Конотоп и Батурич ([Моргунов, 1996: 38-42; Osadchij, 2019: 84-87; Degtyarev et al., 2022: 558](#)).

Впервые городище Пустая Торговица встречается в тексте «Путивльской оброчной писцовой книги» 1628–1629 гг. Оно располагалось в границах Липицкого бортного ухода, принадлежавшего путивлянину Гавриле Дашкову ([Лазаревский, 1893: 183](#)). Географические привязки, упомянутые в документе, позволяют четко сопоставить название из письменного источника с археологическим

памятником. Таким образом, первое достоверное упоминание городища Торговица относится к первой половине XVII в. Оно упоминается не как центр волости, а как один из географических ориентиров в определении границ бортного ухода.

Рис. 2. Фрагмент карты Гийома Левассера де Боплана с нанесенными городищами междуречья Сулы и Сейма

То же касается привилея 1448 г., в котором говорится о пожаловании села Пиддубе в Торговицкой волости Черниговского княжества. Этот привилей считался одним из существенных аргументов в пользу польской стороны. Однако Торговицкая волость упоминается в актовом документе Великого княжества Литовского XVI–XVII вв. без точной географической привязки. Тоговицкий замок известен по материалам Вольнской метрики, а сама волость была расположена где-то на реке Сухой Ромен (АЗР. Т. 2: 4-5, 362-364; Анпилогов, 1967: 18; Lietuvos Metrika, 2004: 54; Киевская старина, 1902: 14). К тому же села, существовавшие в этот период в Путивльском уезде, хорошо известны по письменным источникам, а село Пиддубе неизвестно ни до, ни после 1448 г., зато известно село Поддубье в Торговицкой волости, расположенной в Смоленском удельном княжестве. Административно городище Пустая Торговица располагалось в пределах Меленской волости (впоследствии Подпутивльский стан Путивльского уезда), которая входила в состав Путивльского уезда.

Таким образом, анализ географии расположения подавляющего большинства населенных пунктов из этих привилеев свидетельствует о том, что они были расположены на значительном расстоянии от Чернигово-Северщины, в районе Луцк – Броды – Ровно – Дубно.

Наиболее интересным является привилей, датированный 1502 г., в котором упоминается городище Самбор. В нем достаточно подробно описана территория, которая была пожалована князю Михаилу Ивановичу Болкуну королем Александром. В тексте указано городище на р. Самбор, впадающей в р. Ромен (Кулаковский 2006: 202-203). Составители привилея были хорошо знакомы с местностью, ведь достаточно четко описаны река с болотами в верховьях и городище.

Однако в документе есть несколько шероховатостей. Название реки, на которой расположено городище, неизвестно из остальных документов XVI–XVII вв. Напротив, московская и польская сторона в переговорах оперировали гидронимом Малый или Сухой Ромен, что отражено в актовом документе первой половины XVII в. (Кулаковский, 2006: 202-203, 208, 209; Акты, 1885: 6). Название реки Самборец известно из более позднего документа, датированного 1719 г. Скорее всего, это название река получила от имени сел Малый и Большой Самбор (Лазаревский, 1893: 162). Довольно неожиданное уточнение содержится в работе архиепископа Филарета, который пишет, что река, на которой расположено с. Великий Самбор, называется Недра или Самбор (ИСОЧЕ, 1873: 397). Таким образом, небольшая пограничная река имела несколько названий в разное время, но название Самбор не встречается ранее XVIII в.

Не менее интересна сама персона князя М.И. Болкуна. В документе он записан как Михаил Иванович. Суффикс «вич» в отчестве бояр и князей появляется в московских документах в конце XV – начале XVI вв., прежде всего у представителей именитых фамилий и свидетельствовал о высоком статусе и древности рода. В текстах «Литовской метрики» фигурируют в основном имена и фамилии. Князь М.И. Болкун не упоминается ни в московских, ни в литовских документах. Вероятнее всего, он был из сословия служилых князей и тогда написание его имени и отчества вызывает сомнения.

Сам документ датирован 1502 г., то есть временем, когда происходили события литовско-московской войны. В 1500 г. Путивль был захвачен войском под командованием воеводы Захарьича, а территория Путивльского уезда вошла в состав Московского государства (ПСРЛ. Т. XXIV: 214).

Новая граница, установленная после потери Путивля, отражена на карте царевича Федора Годунова. Область «Severa» появляется на карте Московии уже после заключения мира с Великим княжеством Литовским в 1503 г. На ней изображены Путивль и территории к юго-западу от него, где и располагалось городище Самбор (Рыбаков, 1974: 59).

Еще одно упоминание городища Самбор содержится в Русской метрике и датируется 1621 г. Оно было пожаловано Самуэлю Пацу как ленное владение вместе с деревнями Листвин и Смячка: «Takaz derewnie Listwina, Smiaczka u horodyszczza Sambor w ujezdzie czerniechowskim Pacowi [lennym prawem]» (Русская метрика, 2002: 620). В этом документе четко указано, что все из перечисленных владений расположены в границах Черниговского уезда, а следовательно, городище Самбор не может находиться на р. Ромен. То есть до начала работы межгосударственной комиссии нет четко подтвержденного документами названия городища Самбор.

Есть вероятность, что привилей 1502 года был создан позже, когда события войны 1500–1503 гг. уже стерлись из памяти и не вызывали удивления у пограничных судей, а его составители хорошо ориентировались на местности.

Итак, предъявленные польской стороной документы свидетельствовали об исключительном праве владения территориями, на которых располагались городища Самбор и Пустая Торговица. Детальный анализ текстов свидетельствует о попытке любой ценой оставить их на территории Речи Посполитой. Для этого городища получили названия, идентичные топонимам с актов документов XV–XVI вв.

Окончательно граница между двумя государствами была установлена в 1647 г. По результатам работы комиссии Московское царство получило значительные уступки – города Ахтырка и Алешня на Ворскле, деревня Каменное на Псле, города Недригайлов и Вильшана (Ольшана) на Суле. Только в междуречье Сулы и Сейма Речь Посполитая не только не делала уступок, но и получила некоторые приобретения. В 1648 г. по ходатайству канцлера Ежи Оссолинского и воеводы Адама Киселя земли между Сеймом и Конотопским рубежом отмежевывались Речи Посполитой, а взамен этого путивлянам отдавались деревни Знобовка и Волокитино. Однако из-за начавшейся в 1648 г. войны между казаками под руководством Богдана Хмельницкого и Речью Посполитой межевание так и не было завершено. Землями завладели украинские казаки, а деревни так и не были переданы путивлянам (Пономаренко, 2006: 60-61).

В результате анализа текстов привилеев возникает вопрос, зачем польским комиссарам необходимо было убедить царских межевых судей в том, что именно эти городища являлись исконной территорией Короны Польской? Кроме экономического, городища имели еще и оборонное значение. Эти укрепления были частью Посульской черты, построенной в конце XI в. для защиты от нападений кочевников. Они контролировали значительную часть степного коридора, удобного для нападения на Чернигово-Северщину. Почти все городища контролировали брод или удобное место переправы через реки и их заболоченные поймы. Они должны были стать основой для ряда приграничных населенных пунктов, которые защищали границу от нападений татар и московского войска. Подобная линия укреплений была обозначена Г.Л. де Бопланом между Днестром и Днепром, на южных границах Брацлавского и Киевского воеводств. Позже линия обороны от Московии и татар получила название Украинская стена (Дашкевич, 2004: 107).

Косвенно это подтверждает карта, созданная через 140 лет. «Karta granic Polski u Rusyji, zawierająca część Północną Ukrainy, bieg Dniepru od Chelmicza aż do Kiiowa, Deszny, Semu u inszych Rzek mniej znaczących» содержит изображения большого количества населенных пунктов, которые были нанесены еще Г.Л. де Бопланом. Среди них есть названия городищ, но изображения вызывают недоумение. Несмотря на то, что ни одно из городищ никогда не заселялось, они обозначены как населенные пункты и крепости. На карте два городища – «Sambory» и «Targowice» обозначены как «miasto obmurowane», остальные – «miasto otwarte». Именно за Самборское и Торговицкое городища шла наиболее упорная борьба между польскими и московскими представителями, и именно эти городища изображены как функционирующие крепости спустя много лет (Рисунок 3).

Рис. 3. Фрагмент карты Риччи Занони 1772 года с нанесенными укреплениями несуществующих населенных пунктов

Другие древнерусские городища, расположенные в этом регионе, почему-то не попали в поле зрения французского картографа. Городище летописного города Попаш вблизи Недригайлова имеет такую же отметку, но не имеет собственного названия. Оно было хорошо известно роменчанам, которые попытались несколько раз его осадить. Другое городище, детинец летописного города Вяхань, было решено не осаждать до решения вопроса с делимитацией границы. Оно не было нанесено на карту, как и другие укрепления раннего железного века и древнерусского времени.

5. Заключение

Итак, анализируя карту Г.Л. де Боплана и современные данные о расположении городищ древнерусского времени в междуречье Сулы и Сейма, можно сделать предварительные выводы. На карте отображена часть общегосударственного плана по освоению приграничной территории польской стороной в середине XVII в. В этом плане старые укрепления должны были играть роль опорных пунктов Речи Посполитой в обороне от набегов татар и нападений Московского царства. На карту наносились городища, располагавшиеся на приграничных территориях. При этом они получали новые названия, которые были схожи с топонимами на территории Речи Посполитой. Это делалось для того, чтобы при межевании можно было предъявить настоящий королевский привилей на спорные земли. Подобная махинация не вызвала удивления у царских межевых судей, и практически все городища оказались на польской территории. Передача приграничных территорий Московскому государству и прекращение продвижения Речи Посполитой на восток были причиной того, что этот план так и остался нереализованным.

Литература

АЗР. Т. 1 – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Том первый. 1340–1506. СПб.: В типографии II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. 1846. 428 с.

АЗР. Т. 2 – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Том второй. 1506–1544. СПб.: В типографии II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. 1848. 428 с.

Акты, 1885 – Акты, относящиеся к Малороссии. Сообщены В.И. Холмогоровым // *Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском Университете*. М.: В Университетской типографии на Страстном бульваре, 1885 г. Апрель–июнь. Книга вторая. С. 1–46.

Гузенко, 2017 – Гузенко Ю. Битва у Керченській протоці у липні 1621 р.: спроба реконструкції подій // *Емінак*. 2017. № 4, т. 2. С. 5–9.

Дашкевич, 2004 – Дашкевич Я. Великий кордон України за картами Боплана (політичні та конфесійні відносини) // *Історичне картознавство України*. Збірник наукових праць. Львів–Київ–Нью-Йорк: Вид. М.П. Коць, 2004. С. 103–117.

Дворцовые разряды, Т. 2 – Дворцовые разряды, высочайшему повелению изданные II отделением собственной, Его Императорского Величества канцелярии. Том второй (с 1628 по 1645 г.). СПб., 1852. 496 с.

- Дегтярьов, 2010** – Дегтярьов С.І. Маловідомий опис м. Батурин 1760 р. // *Сумський історико-архівний журнал*. №VIII-IX. 2010. С. 32-66.
- Киевская старина, 1902** – Документи, известия и заметки. Сообщил А. Мердер // *Киевская старина*. Январь. 1904. К.: Типография Императорского университета Св. Владимира, 1902. С. 1-20.
- Красножон, 2018** – Красножон А. Нові дані про локалізацію та датування Хаджибейського замку // *Емінак*. 2018. Т. 3. № 1. С. 35-46.
- Кулаковський, 2006** – Кулаковський П. Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої (1618–1648). К.: Темпора, 2006. 496 с.
- Кучера, 1999** – Кучера М.П. Слов'яно-руські городища VIII-XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем. К.: ІА НАНУ, 1999. 252 с.
- Лазаревский, 1893** – Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Т. 2. Полк Нежинский. К.: Типография К.Н. Милевского, 1893. 550 с.
- Моргунов, 1996** – Моргунов Ю.Ю. Древнерусские памятники поречья Сулы. Курск: Изд. ИА РАН, Курского государственного областного музея археологии, 1996. 159 с.
- Моргунов и др., 2022** – Моргунов Ю.Ю., Приймак В.В., Осадчий Є.М., Коротя О.В. Городища роменсько-давньоруського часу Сумської області. Харків: Експрес-книга, 2022. 265 с.
- Німенко, 2018** – Німенко Н. Начерки з історії створення першої археологічної карти України у 20-х роках ХХ ст. // *Емінак*. 2018. Т. 2. № 2. С. 137-141.
- Осадчий, Коротя, 2020** – Осадчий Є.М., Коротя О.В. Козацькі містечка Північного Сходу Лівобережної України. Харків: Експрес-книга, 2020. 428 с.
- Папков, 2004** – Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород: «КОНСТАНТА», 2004. 352 с.
- Пономаренко, 2006** – Пономаренко П.В. Рукописні документи XVII ст. з фондів Путивльського історико-культурного заповідника // *Історико-культурні надбання Сіверщини в контексті історії України* (Матеріали п'ятої науково-практичної конференції). Глухів: РВВ ГДПУ, 2006. С. 59-61.
- ПСРЛ, Т. XXIV** – Полное собрание русских летописей, издаваемое Археографической комиссией. Петроград: 2-ая Государственная типография, 1921. XVI с., 272 с.
- Русіна, 1996** – Русіна О. Путивльські волості XV – початку XVII століть // *Записки Наукового товариства імені Шевченка*. 1996. Т. ССXXX. Праці Комісії спеціальних (допоміжних) історичних дисциплін. С. 366-379.
- Русіна, 1999** – Русіна О. До історії монастирського господарства на Сіверщині (Випис 1606 р. путивльського Молчинського монастиря) // *Український археографічний щорічник*. К., 1999. Вип. 3-4. С. 450-457.
- Руська Метрика, 2002** – Руська (Волинська) метрика. Регести документів Коронної канцелярії для українських земель (Волинське, Київське, Брацлавське, Чернігівське воєводства). Київ, 2002. 983 с.
- Рыбаков, 1974** – Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. М.: Наука, 1974. 113 с.
- Сапожников, 2022** – Сапожников І. Очаків і його околиці на картах і планах експедицій А. Ж. де Лафїтта-Клаве 1784 та 1787 років // *Емінак*. 2022. № 1. С. 25-45. DOI: [https://doi.org/10.33782/eminak.2022.1\(37\).569](https://doi.org/10.33782/eminak.2022.1(37).569)
- ИСОЧЕ, 1873** – Филарет (Гумилевский). Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Стародубский, Мглинский, Новозыбковский, Глуховский и Нежинский уезды. Чернигов: Губернская типография, 1873. Т. VII. 439 с.
- Degtyarev et al., 2022** – Degtyarev S.I., Osadchij E.M., Zabikh Sh.A. Regional Land Road System of Putivl Uyezd in the 17th century // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 557-570.
- Lietuvos Metrika, 1998** – Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3: (1440–1498); Užrašymų knyga 3. Lietuvos istorijos institutas. Vilnius, 1998. 166 p.
- Lietuvos Metrika, 2004** – Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Užrašymų knyga 4. Parengė L. Anužytė. Vilnius, 2004. 285 p.
- Osadchij, 2019** – Osadchij E.M. Fortified Marina on the Land Route from the City of Romny to Konotopin the 17th century // *Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research*. 2019. 6(2): 83-92.

References

- Akty, 1885** – Akty, odnosyashchiesya k Malorossii [Acts relating to Little Russia]. Soobshcheny V.I. Kholmogorovym. *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom Universitete*. M.: V Universitetskoy tipografii na Strastnom bul'vare, 1885 g. April'-iyun'. Kniga vtoraya. Pp. 1-46. [in Russian]
- AZR. T.1** – Akty, odnosyashchiesya k istorii Zapadnoy Rossii, sobrannyye i izdannyye Arkheograficheskoyu komissiyeyu [Acts relating to the history of Western Russia, collected and published by the Archaeographic Commission]. Tom pervyy. 1340–1506. SPb: v tipografii ÍÍ Otdeleniya Sobstvennoy Ye.I.V. Kantselyarii. 1846. 428 p. [in Russian]

- AZR. T.2** – Akty, odnosyashchiesya k istorii Zapadnoy Rossii, sobrannyye i izdannyye Arkheograficheskoyu komissiyeyu [Acts relating to the history of Western Russia, collected and published by the Archaeographic Commission]. Tom vtoroy. 1506–1544. SPb: v tipografii Í Otdeleniya Sobstvennoy Ye.I.V. Kantselyarii. 1848. 428 p. [in Russian]
- Dashkevych, 2004** – *Dashkevych Ya.* (2004). Velykyy kordon Ukrayiny za kartamy Boplana (politychni ta konfesiyni vidnosyny) [Great border of Ukraine according to Boplan maps (political and religious relations)]. *Istorychne kartoznavstvo Ukrayiny*. Zbirnyk naukovykh prats'. L'viv – Kyiv – N'yu-York: Vyd. M.P. Kots'. S.103-117. [in Ukrainian]
- Degtyarev et al., 2022** – *Degtyarev, S.I., Osadchij, E.M., Zabikh, Sh.A.* (2022). Regional Land Road System of Putivl Uyezd in the 17th century. *Bylye Gody*. 17(2): 557-570. [in Russian]
- Degtyarev, 2010** – *Degtyarev, S.I.* (2010). Malovidomyy opys m. Baturyn 1760 r. [A little-known description of the town of Baturin (1760)]. *Sums'kyi istoryko-arkhivnyy*. VIII-IX: 32-66. [in Ukrainian]
- Dvortsovyie razryady, T.2** – Dvortsovyie razryady, vysochayshemu poveleniyu izdannyye II otdeleniyem sobstvennoy, Yego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii [Palace ranks, issued by the highest command of the II department of His Imperial Majesty's own chancellery]. Tom vtoroy (s 1628 po 1645 g.). SPb, 1852. 496 s. [in Russian]
- Huzenko, 2017** – *Huzenko, Yu.* (2017). Bytva u Kerchens'kiy prototsi u lypni 1621 r.: sproba rekonstruktsiyi podiy [The Battle of the Kerch Strait in July 1621: an attempt to reconstruct the events]. *Eminak*. T. 2. 4: 5-9. [in Ukrainian]
- ISOCHE, 1873** – *Filaret (Gumilevskiy).* (1873). Istoriko-statisticheskoye opisaniye Chernigovskoy yeparkhii. Starodubskiy, Mglinskiy, Novozybkovskiy, Glukhovskiy i Nezhinskiy uyezdy [Historical and statistical description of the Chernihiv diocese. Starodubsky, Mglinsky, Novozybkovsky, Glukhovsky and Nezhinsky districts]. Chernigov: gubernskaya tipografiya. T. VII. 439 p. [in Russian]
- Kiyevskaya starina, 1902** – Dokumenty, izvestiya i zametki [Documents, news and notes]. Soobshchil A. Morder. *Kiyevskaya starina*. Yanvar'. 1904. K.: Tipografiya Imperatorskogo universiteta Sv. Vladimira, 1902. Pp. 1-20. [in Russian]
- Krasnozhon, 2018** – *Krasnozhon, A.* (2018). Novi dani pro lokalizatsiyu ta datuvannya Khadzhybeys'koho zamku [New data on the localization and dating of Khadzhibey Castle]. *Eminak*. T. 3. 1: 35-46. [in Ukrainian]
- Kuchera, 1999** – *Kuchera, M.P.* (1999). Slov'yano-rus'ki horodyshcha VIII-XIII st. mizh Sanom i Sivers'kym Dintsem [Slavic-Russian hillforts of the 8th-13th centuries. between San and Seversk Dinets]. K.: IA NANU, 252 p.[in Ukrainian]
- Kulakovskyy, 2006** – *Kulakovskyy P.* (2006). Chernihovo-Sivershchyna u skladi Rechi Pospolytoy (1618-1648) [Chernihiv-Sivershchyna as part of the Polish-Lithuanian Commonwealth (1618-1648)]. K.: Tempora. 496 s. [in Ukrainian]
- Lazarevskiy, 1893** – *Lazarevskiy, A.M.* (1893). Opisaniye staroy Malorossii. Materialy dlya istorii zaseleniya, zemlevladieniya i upravleniya. T. 2. Polk Nezhinskiy [Description of old Little Russia. Materials for the history of settlement, land ownership and management. T. 2. Regiment Nezhinsky]. K.: Tipografiya K.N. Milevskogo. 550 p. [in Russian]
- Lietuvos Metrika, 1998** – Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3: (1440–1498); Užrašymų knyga 3. Lietuvos istorijos institutas. Vilnius, 1998. 166 p. [in Lithuanian]
- Lietuvos Metrika, 2004** – Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Užrašymų knyga 4. Parengė L. Anužytė. Vilnius, 2004. 285 p. [in Lithuanian]
- Morgunov et al., 2022** – *Morgunov, Yu.Yu., Pryymak, V.V., Osadchyy, Ye.M., Korotyia, O.V.* (2022). Horodyshcha romens'ko-davn'orus'koho chasu Sums'koyi oblasti [Settlements of the Romanian-Ancient Russian times of the Sumy region]. Kharkiv: Ekspres-knyha. 265 p. [in Ukrainian]
- Morgunov, 1996** – *Morgunov, Yu.Yu.* (1996). Drevnerusskiye pamyatniki porech'ya Suly [Old Russian monuments of the Sula River]. Kursk: izd. IA RAN, Kurskogo gosudarstvennogo oblastnogo muzeya arkhologii. 159 p. [in Russian]
- Nimenko, 2018** – *Nimenko, N.* (2018). Nacherky z istoriyi stvorenniya pershoiy arkhelohichnoy karty Ukrayiny u 20-kh rokakh XX st. [Sketches on the history of the creation of the first archaeological map of Ukraine in the 20s of the XX century]. *Eminak*. T. 2. 2: 137-141. [in Ukrainian]
- Osadchij, 2019** – *Osadchij, E.M.* (2019). Fortified Marina on the Land Route from the City of Romny to Konotopin in the 17th century. *Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research*. 6(2): 83-92. [in Russian]
- Osadchyy, Korotyia, 2020** – *Osadchyy, Ye.M., Korotyia, O.V.* (2020). Kozats'ki mistechka Pivnichnoho Skhodu Livoberezhnoy Ukrayiny [Cossack towns of the Northeast of the Left Bank of Ukraine]. Kharkiv: Ekspres-knyha. 428 p. [in Ukrainian]
- Papkov, 2004** – *Papkov, A.I.* (2004). Porubezh'ye Rossiyskogo tsarstva i ukrainskikh zemel' Rechi Pospolytoy (konets XVI – pervaya polovina XVII veka) [Border of the Russian Empire and the Ukrainian lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth (the end of the 16th – the first half of the 17th century)]. Belgorod: «KONSTANTA». 352 p. [in Russian]

Ponomarenko, 2006 – Ponomarenko, P.V. (2006). Rukopysni dokumenty XVII st. z fondiv Putyvl's'koho istoriko-kul'turnoho zapovidnyka [Handwritten documents of the 17th century from the funds of the Putivl historical and cultural reserve]. Istoryko-kul'turni nadbannya Siversshchyny v konteksti istoriyi Ukrainy (Materialy p'yatoyi naukovy-praktychnoyi konferentsiyi). Hlukhiv: RVV HDPU. Pp. 59-61. [in Ukrainian]

PSRL, T. XXIV – Polnoye sobraniye russkikh letopisey, izdavayemoye Arkheograficheskoy komissiyey [Complete collection of Russian chronicles, published by the Archaeographic Commission]. Petrograd: 2-aya Gosudarstvennaya tipografiya, 1921. XVI s., 272 p. [in Russian]

Rusina, 1996 – Rusina, O. (1996). Putyvl's'ki volosti XV – pochatku XVII stolit' [Putivl'ski Volosts of the 15th – early 17th centuries]. *Zapysky Naukovoho tovarystva imeni Shevchenka*. T. SSXXX. Pratsi Komisiyi spetsial'nykh (dopomizhnykh) istorychnykh dystsyplin. Pp. 366-379. [in Ukrainian]

Rusina, 1999 – Rusina, O. (1999). Do istoriyi monastyr's'koho hospodarstva na Siversshchyni (Vypys 1606 r. putyvl's'koho Molchyn's'koho monastyrya) [To the history of the monastic economy in the Severshchyna (Inventory of 1606 of the Putivl Molchyn monastery)]. *Ukrayins'kyy arkhеоhrafichnyy shchorichnyk*. K. 3-4: 450-457. [in Ukrainian]

Rus'ka Metryka, 2002 – Rus'ka (Volyn's'ka) metryka. Rehesty dokumentiv Koronnoyi kantselyariyi dlya ukrayins'kykh zemel' (Volyn's'ke, Kyiv's'ka, Bratslavs'ke, Chernihiv's'ke voyevodstva) [Russian (Volyn) metric. Registers of documents of the Crown Chancellery for Ukrainian lands (Volyn, Kyiv, Bratslav, Chernihiv voivodships)]. Kyiv, 2002. 983 p. [in Ukrainian]

Rybakov, 1974 – Rybakov, B.A. (1974). Russkiye karty Moskovii XV – nachala XVI veka [Russian maps of Muscovy in the 15th – early 16th century]. M.: Nauka. 113 p. [in Russian]

Sapozhnykov, 2022 – Sapozhnykov, I. (2022). Ochakiv and Its Outskirts on Maps and Town Plans of A.-J. de Lafitte-Clave Expeditions of 1784 and 1787 [Ochakiv i yoho okolytsi na kartakh i planakh ekspedytsiy A.Zh. de Lafitta-Klave 1784 ta 1787 rokiv]. *Eminak*. 1(37). 25-45. DOI: [https://doi.org/10.33782/eminak2022.1\(37\).569](https://doi.org/10.33782/eminak2022.1(37).569) [in Ukrainian]

Делимитация границы между Речью Посполитой и Московским царством в междуречье Сулы и Сейма в первой половине XVII века

Сергей Иванович Дегтярев ^{a, b, *}, Евгений Николаевич Осадчий ^c

^a Сумский государственный университет, Сумы, Украина

^b Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^c Институт прикладной физики Национальной академии наук Украины, Сумы, Украина

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с работой межгосударственной комиссии по определению границ между Речью Посполитой и Московским царством в первой половине XVII века. На основе анализа письменных и изобразительных источников авторами выделен целый ряд вопросов, возникших в ходе работы этой комиссии. Они связаны, прежде всего, с отождествлением топонимов, упоминаемых в текстах с конкретными географическими и археологическими объектами. Основой для работы стала карта авторства Гийома Левассера де Боплана, созданная им во время работы комиссии. Особое внимание картографа было приковано к восточным рубежам Речи Посполитой. Там были нанесены не только города и села, но и отдельные городища. Их названия повторяют топонимы в центральной части Речи Посполитой. Также эти названия упоминаются в актовых документах XV–XVII веков. Они стали весомыми аргументами в пограничных спорах, и в результате эти территории были признаны владением Короны Польской.

При внимательном изучении текстов грамот, доступных сегодня, подобные выводы не так однозначны. На карту были нанесены названия, которые прежде, за редким исключением, до этого не упоминались. К тому же подобные названия часто встречаются и на территории украинских и польских земель Речи Посполитой. Без точных карт доказать факт упоминания именно этого места или области в пограничном споре было практически невозможно. Именно совпадение большинства названий приграничных топонимов на незаселенных территориях позволило польской стороне взять верх в полемике с царскими межевными судьями и отстоять свое право на спорные земли.

Ключевые слова: городище, Гийом Левассер де Боплан, Речь Посполитая, Московское царство, XVII век, вооруженный конфликт, война, эффективное управление.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: s.degtyarev@yur.sumdu.edu.ua (С.И. Дегтярев)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1523-1537
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1523

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“Women's Question” in Tibetan-Mongolian Buddhism: Traditions and Modern Realities

Mergen S. Ulanov ^{a, *}, Valeriy N. Badmaev ^a

^a Kalmyk State University, Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Abstract

This article attempts to analyze the position of women in Tibeto-Mongolian Buddhism. The authors conclude that due to the dominance of the tantric tradition in it, where the feminine has always been given great importance, the status of women here was quite high. At the same time, due to the prevailing social, historical and cultural circumstances, there was no higher level of Buddhist monasticism (gelongma) in the institute of female clergy. Under these conditions, the female monasteries of Tibet played a subordinate role in relation to the male monasteries. In Mongolia and the Buddhist regions of Russia, a women's monastic system did not historically develop, and women here became nuns of the lowest level of initiation (shabagan) mainly in old age, remaining in the family circle. Because of this, the spiritual statuses of a nun and a laywoman who took the Ubasan vows did not differ much. In the modern period, the situation in Tibeto-Mongolian Buddhism has changed significantly. In the context of cultural and confessional globalization, Buddhism spread in the West, which led to the inclusion of feminist discourse related to the rights of women in religion. As a result, a movement for the revival of the institution of nuns of the highest level of initiation developed. Among the representatives of the Western branch of Tibeto-Mongolian Buddhism, a number of charismatic personalities appeared - nuns who made a significant contribution to the spread of Buddhism in the West. In modern Mongolia, Buryatia, Kalmykia and Tuva, despite the fact that the bulk of the clergy here are still men, one can state a significant religious activity of women, not only clergymen, but also lay women. There is no doubt that the women of Mongolia and the Buddhist regions of Russia, being members of various Buddhist centers, are making a significant contribution to the revival of Buddhism. Modern women actively participate in the daily life of the Buddhist community, comprehend Buddhist philosophy and practice, conduct religious services, and contribute to the transfer of Buddhist knowledge to the younger generation. An important event in the history of Russian Buddhism was the appearance of the first female Buddhist datsan in Buryatia.

Keywords: Buddhism, Tibeto-Mongolian Buddhism; woman, female monasticism, Tibet, Mongolia, Kalmykia, Buryatia, Tuva, feminism.

1. Введение

Актуальность данного исследования обусловлена тенденциями развития современной цивилизации, изменением характера гендерных отношений, трансформацией прежней парадигмы распределения социокультурного пространства между мужчинами и женщинами, изменением социального, политического, культурного и экономического статуса женщин. Сегодня многие мыслители и общественные деятели отмечают, что степень прав и свобод женщин в обществе, возможность их самореализации являются важным критерием цивилизованности любого социума. Неслучайно известный и авторитетный индийский государственный деятель Дж. Неру указывал, что «отношение к женщине является лакмусовой бумагой любого цивилизованного общества. Чем лучше отношение к женщине, тем выше уровень развития данного общества» (Gopal, 1974: 48). Как

* Corresponding author

E-mail addresses: ulanov1974@mail.ru (M.S. Ulanov), badmavov7@yandex.ru (V.N. Badmaev)

известно, значительное влияние на положение женщины в социуме традиционно оказывала религия, которая в течение целого ряда столетий устанавливала в обществе свои ценности и нормы поведения.

Сегодня на положение женщины в религиозных конфессиях и общинах обращают внимание авторитетные международные организации. Так, в 2020 г. специальный докладчик по вопросам свободы религии или убеждений Ахмед Шахид представил в Совете ООН по правам человека свой ежегодный отчет, в котором «рекомендуется публично осуждать проявления враждебности и увековечивание вредных гендерных стереотипов со стороны религиозных деятелей или тех, кто оправдывает их во имя религии» (Позняк, 2020).

Целью настоящего исследования является анализ трансформации традиций тибето-монгольского буддизма на современном этапе исторического развития, связанного с процессом глобализации. Среди ключевых задач данного исследования можно выделить вопросы, связанные с рассмотрением отношения к женщине в истории тибето-монгольского буддизма, положения современных женщин-буддисток в Тибете, Индии (тибетская диаспора), Монголии и буддийских регионах России.

В этой статье используется термин «тибето-монгольский буддизм» для обозначения той традиции буддизма, которая распространена в Тибете, Монголии, а также в России (Калмыкия, Бурятия и Тува).

2. Материалы и методы

Говоря об источниковой базе исследования, необходимо отметить, что в сочинениях отечественных авторов дореволюционного и раннего советского периодов можно обнаружить важные факты и наблюдения о положении женщин в тибето-монгольской традиции буддизма, их религиозном статусе, а также сведения о женском духовенстве. В данной статье, в частности, были использованы этнографические труды И.В. Бентковского, И.А. Житецкого, Г.М. Осокина, Ф.Я. Кона, Н. Нефедьева, В. Паршина, А.В. Попова, А.В. Потаниной, П.А. Ровинского, П. Смирнова, А. Терещенко, Г.Ц. Цыбикова, Б.К. Шишкина (Бентковский, 2011; Житецкий, 2011; Кон, 1936; Нефедьев, 1834; Осокин, 1898; Паршин, 1834; Попов, 1847; Потанина, 1895; Ровинский, 1874; Смирнов, 1999; Терещенко, 1854; Цыбиков, 2013; Шишкин, 1914). В целом данные работы можно рассматривать как источники, в которых описывалось положение восточных женщин на рубеже XIX–XX веков. Из зарубежных источников можно выделить труды Александры Давид-Неель, побывавшей в Тибете в первой половине XX века (David-Neel, 1936: 29). Особый интерес представляет труд тибетского историка XV века Гой-лоцавы Шоннупэла «Синяя Летопись», где содержатся сведения об известных монахинях и йогинях Тибета (Гой-лоцава Шоннупэл, 2001).

Кроме того, в работе были использованы такие памятники монгольского права XVII века, как «Их Цааз» (Их Цааз..., 1981) и «Цааджин бичиг» (Цааджин бичиг, 1998). «Их Цааз» представляет собой свод монголо-ойратских законов, принятых на съезде монгольских и ойратских князей в 1640 г. Данный свод законов использовали долгое время и калмыки (Ulanov et al., 2017: 302-303). «Цааджин бичиг» является образцом Цинского законодательства для монголов. Он был подготовлен в XVII веке особой комиссией Палаты внешних сношений Цинской империи (Уланов, Бадмаев, Мацакова, 2016: 1072).

В основе методологического инструментария настоящего исследования, кроме общенаучных, лежат сравнительно-исторический и сопоставительный методы. Компаративистский подход был применен при сравнительном анализе положения женщин в буддийских региональных традициях. Аксиологический метод использовался при анализе ценностей буддийской культуры, что позволило рассмотреть буддийскую этику как важнейший источник отношения к женщине. Для более эффективного анализа феномена женщины в тибето-монгольской буддийской культуре применялась общая методология гендерных исследований. Гендерный подход в данном случае предполагает рассмотрение гендерных стереотипов и идеалов в том виде, в каком они представлены в религиозном дискурсе.

3. Обсуждение

Что касается историографии проблемы, то в России данную тему стали исследовать главным образом в постсоветский период, когда наряду со значительным количеством трудов, посвященных буддизму в России, появились работы, в которых рассматривалось положение женщин в буддийской культуре монгольских народов. Из трудов современных ученых, посвященных данной тематике, можно выделить работы О.М. Бальжитовой, Т.Б. Бадмацыренова и Е.Л. Бадмацыреновой, Б.А. Бичеева, Л.Ю. Дондоковой, К.А. Наднеевой (Бальжитова, 2007; Бадмацыренов, Бадмацыренова, 2015; Бичеев, 2019; Дондокова, 2008; Наднеева, 2015) и др. Отечественные исследователи в целом отмечают подчиненную роль женщины в тибето-буддийской культуре, несмотря на уважительное отношение к ней в обществе. Так, по мнению Б.А. Бичеева, тибетский «буддизм, несмотря на признание нравственного равенства женщины с мужчиной, назначает ей скромную, полезную деятельность главным образом в семейном кругу, где она может оказать все нравственное влияние на мужа и семью, где она может усовершенствовать частную жизнь – оживлять, украшать ее, а это великое и благородное служение обществу» (Бичеев, 2019: 697).

Из других работ отечественных авторов можно выделить статьи Л.Б. Четыровой (Четырова, 2018) и Ж.А. Аяковой (Аякова, 2018), опубликованные в сборнике «Проблемы трансляции и философской интерпретации буддизма (на материале тибетской и китайской традиций)». Наибольший интерес для нас представляет работа Л.Б. Четыровой, посвященная современному женскому движению в буддизме. Значительная часть статьи посвящена роли женщин в современном тибето-монгольском буддизме. Автор положительно оценивает монгольских и российских женщин-буддисток в постсоциалистическую эпоху. Говоря о современном женском движении в буддизме, Четырова указывает, что оно сформировалось на стыке западной и тибето-буддийской культур как попытка западных монахинь преодолеть имеющиеся традиционные гендерные стереотипы и ограничения в буддизме (Четырова, 2018: 227).

Статья Ж.А. Аяковой посвящена проблеме феминизации тибето-буддийского монашества в Америке. Автор рассматривает буддийский феминизм в США как важную часть «социально ангажированного» буддизма, под которым она понимает широкую вовлеченность буддийских организаций в разного рода социальные процессы и движения. Аякова особо подчеркивает роль западных женщин как в современном тибетском буддизме в целом, так и в процессе его феминизации (Аякова, 2018: 170).

Из работ зарубежных авторов необходимо выделить труды С. Боучер «Поворот колеса: американские женщины, создающие новый буддизм» (Boucher, 1993), Р. Гросс «Буддизм после патриархата: феминистская история, анализ и реконструкция буддизма» (Gross, 1992), Д. Пол «Женщины в буддизме: образы женского начала в традиции Махаяны» (Paul, 1985), М. Шо «Страстное просветление: женщины в тантрическом буддизме» (Show, 1994). Все эти авторы пытаются провести гендерную переоценку буддийской традиции. По их мнению, собственно буддийское учение не делает серьезных гендерных различий, а в тантре даже наблюдается культ женского начала: так, М. Шо указывает, что «тантрические тексты... выражают почтение и уважение к женщине» (Show, 1994: 35). В то же время традиционные буддийские институты в азиатских регионах, по их мнению, зачастую пронизаны духом патриархата и мускулинности, что входит в противоречие с изначальным демократическим духом буддизма (Gross, 1992: 119). С. Боучер даже предлагает проект так называемого «нового буддизма», который должен быть свободен от гендерных стереотипов и ограничений, а также будет отражать опыт деятельности американских женщин-буддисток (Boucher, 1993: 5).

Итак, несмотря на то, что в распоряжении современного востоковедения имеется немалый эмпирический материал, относящийся к проблеме роли женщины в тибето-монгольском буддизме, существует настоятельная потребность в систематизации, обобщении и философско-религиоведческом осмыслении имеющихся в науке данных.

4. Результаты

Женщины в истории тибето-монгольского буддизма

Известно, что буддизм изначально был открыт для всех людей, независимо от их варно-кастовой, расовой, этнической или половой принадлежности. Буддийский опыт создания женских монашеских общин стал революционным шагом в гендерном вопросе. В создании женской монашеской общины проявилось уважительное отношение Будды к женщинам, его стремление к исправлению гендерных недостатков, которые существовали в патриархальном древнеиндийском обществе. Идея гендерного равенства, провозглашенная Буддой, получила свое развитие и в последующее время.

Махаянская традиция в буддизме, к которой принадлежит и тибето-монгольский буддизм, повысила духовный статус женщины. Махаянская традиция буддизма признает относительность, условность различий по половому признаку и не противопоставляет женщин и мужчин. Сутры праджняпарамитского цикла, которые занимают важное место в каноне махаяны, говорят о пустотности всего сущего. Они распространяют пустотность и условность на все бинарные оппозиции, в том числе и гендерные. Учение махаяны о татхагатагарбхе, или природе Будды, которая присутствует в каждом человеке, независимо от пола, также способствовало повышению религиозного статуса женщин. В махаяне основной упор делается на развитии милосердного и сострадательного ума, что априори близко всем женщинам.

Тантрическая традиция в махаяне, распространившаяся в тибето-монгольском регионе, еще больше подняла статус женщины. Тантрический буддизм тесно связан с дионисийским, женским началом в культуре, отличающимся склонностью к иррациональности, интуитивности, эмоциональности, страстности. Согласно тантрическому буддизму, женщина обладает таким же потенциалом для достижения просветления, что и мужчина. При этом, как отмечает Его Святейшество Далай-лама XIV, «в высшей йога-тантре уделяется особое внимание правам женщин. Одним из коренных тантрических обетов высшей йога-тантры является обет не унижать и не оскорблять женщин» (Новые вопросы к Далай-ламе, 2009). Согласно А. Давид-Неель, в тибетском буддийском сообществе первой половины XX века было немало женщин-йогинок, которые обладали

значительными способностями в духовной области или занимали видное место в буддийской иерархии, а некоторые из них даже считались проявлениями божеств – дакинй (David-Neel, 1936: 29).

В то же время, несмотря на все вышесказанное, в большинстве случаев социальные условия и ограничения не способствовали тому, чтобы женщины-йогини становились учителями. Часто у них не было образования для этого. Кроме того, существовало распространенное предвзятое мнение, что по уровню знания они стоят ниже мужчин-йогинов и потому не могут быть хорошими духовными наставниками. При этом, когда они все же давали учения, то делали это с непревзойденным мастерством, что можно увидеть на примере истории уже упомянутых прославленных йогинь. Однако даже у авторитетных женщин-йогинок обычно обучались небольшие группы последователей. Йогини-наставницы, как правило, не писали трактатов, не выступали с широкими проповедями перед большими аудиториями, а просто пребывали в своих пещерах и уединенных жилищах, ограничиваясь узким кругом личных учеников. Поэтому многие тибетцы просто не знали об их существовании.

В тибетской буддийской культуре существовала также и женская монашеская традиция, которая была представлена институтами рабджунма и гецулма. Первые представляли собой монахинь, принявших 10 обетов, а вторые – 36. При этом линии монахинь, имевших полное монашеское посвящение (гелонгма), в Тибете не было. Г.Ц. Цыбиков, который посещал Тибет в 1899–1902 гг., отмечал здесь «более или менее обширные монастыри, принадлежащие исключительно самостоятельным общинам монахинь». При этом количество монахов было неизмеримо больше числа монахинь (Цыбиков, 2015: 154).

Как указывает А.Д. Цендина, на территории Тибета к середине XX века существовало более 800 женских монастырей, в которых проживало около 30 тысяч насельниц. Существовали также и смешанные монастыри, в основном в традиции Ньингма, где одновременно проживали монахи и монахини. Примечателен тот факт, что основная часть женских обителей и монахинь относилась не к господствующей школе Гелуг, а к красношапочным традициям, преимущественно к Кагью и Ньингма. Женские обители существовали здесь не только в рамках буддизма, но и в традиции Бонпо, которая имеет статус автохтонной тибетской религии. В реальности же Бонпо можно определить как особую традицию тибетского буддизма, поскольку ее философия и практика несут явные черты буддийской культуры (Цендина, 2002: 180-181).

Количество монахинь в женских монастырях было сравнительно небольшим: как правило, здесь постоянно проживали 10–50 насельниц. В то же время в отдельных женских обителях насчитывалось до нескольких сотен монахинь. Возникновение женских монастырей в Тибете происходило разными путями. Одним из наиболее популярных вариантов было появление их в качестве своеобразных филиалов мужских монастырей. В таких случаях женские обители находились в формальном подчинении у мужских монастырей. В некоторых случаях они возникали как скиты вблизи резиденций известных своей святостью лам. При этом подобного рода ламами были не только мужчины, но и женщины (Цендина, 2002: 181).

Женские обители не были однородны, они отличались друг от друга по своему статусу, размеру и богатству. В то же время все они уступали по статусу мужским монастырям. В женских монастырях обычно не существовало развитой системы обучения, наподобие той, что была в крупных монастырских университетах традиции Гелуг. Монахини в основном делали упор на тантрические практики, молитвы и ритуалы, особенно на молитву богини Тары, а также практику Чод (Цендина, 2002: 181-182).

Некоторые тибетские монахини, обладавшие особыми способностями или занимавшие важное положение в монастырской иерархии, считались инкарнациями буддийских божеств. В сочинении «Синяя Летопись» тибетского средневекового историка Гой-лоцавы Шоннупэла об истории буддизма есть параграф, посвященный жизни известных монахинь Тибета линии Дампы. Приведем здесь некоторые примеры. Так, монахиня Сангье в течение девяти лет занималась медитацией и обрела способность прямого йогического познания феноменов, а после кремации ее тела, согласно преданию, радуги заполнили все небо. Монахиня Сэрцюнма достигла совершенства в практике наставлений и была очень усердна в созерцании. После ее кремации осталось много реликвий, в том числе изображение Будды Ваджрасаттвы. Монахиня Росэнма обрела способность йогического постижения и достигла духовного совершенства, преодолев концептуальное мышление. В целом рассказы о жизни монахинь достаточно короткие: в них говорится об их происхождении, встречах с Учителем, духовных реализациях и чудесах после кончины, связанных с нахождением священных реликвий, а также радугами и другими знаменами (Гой-лоцава Шоннупэл, 2001: 479-481).

В Монголии женщины также не имели доступа к образованию и постижению буддийской философии: монастырское образование было исключительно мужским, женских монастырей не было. В силу сложившейся практики женщинам были недоступны знания в области буддийской философии, логики, эпистемологии, у них не было возможности активного познания разных степеней буддийского учения. Примерно такая же ситуация была и в Бурятии, Калмыкии и Туве, где местные женщины, несмотря на достаточно высокий статус в семье, не имели доступа к буддийскому образованию, т.к. монастырское образование было сугубо мужским занятием.

Говоря о женском монашестве в Монголии, необходимо отметить, что бытовала только ее самая начальная ступень – шабаганца (тиб. рабджунгма). Иные виды женского монашества (тиб. гелонгма и гецулма) в Монголии распространены не были. Монахиня-шабаганца должна была соблюдать только восемь обетов, среди которых были: отказ от смертоубийства, обмана, хищения, спиртного, вступления в сексуальные отношения; носить монашеское облачение, изменить старое мирское имя на монашеское, отрешиться от мирских страстей и желаний. Данные обеты принимали, как правило, в преклонном возрасте, поэтому этот термин обычно ассоциировался с пожилыми женщинами, которые проживали вместе со своими семьями. В этом плане они мало чем отличались от праведных мирянок (убасанца). В то же время в отдельных случаях престарелые шабаганца могли пребывать при мужских дацанах.

А.В. Попов отмечал, что «чабаганцы же суть настоящие монахини: пожилые женщины с посвящением в этот сан совершенно уже отказываются от наслаждения мира, хотя и живут иногда в своих семействах, они бреют волосы на голове и носят платье красного и желтого цвета...» (Попов, 1847: 12). Эту же информацию подтверждали и другие дореволюционные авторы, в частности К.Ф. Голстунский и П.А. Ровинский. Последний отмечал, что «шабаганцы живут в юртах, но имеют законный доступ в дацаны и вхожи в жилища лам...» (Ровинский, 1874). Голстунский при этом указывал, что шабаганца принимали обеты монаха-гэцула (36 обетов), что не совсем верно, так как общепринято, что духовная степень шабаганца соответствовала степени банди (монг.) или рабджунга (тиб.), что подразумевало соблюдение именно восьми обетов. Важным замечанием Голстунского было то, что «если женщина замужняя, то на вступление в шабаганцы требуется согласие мужа» (Голстунский, 1880: 107-108).

В период цинского господства в Монголии были введены правила, направленные на ограничение количества женского духовенства. Некоторое время монгольским женщинам, как и китайским, даже запрещалось становиться монахинями (Цааджин бичиг, 1998: 97). Однако впоследствии данное предписание было несколько смягчено. Теперь женщины Монголии могли становиться монахинями-шабаганца, но только после достижения пятидесяти лет. Интересно, что А.В. Потанина приводит несколько иной возрастной ценз – 40 лет (Потанина, 1895: 82). В реальности же женщины посвящались в монахини в основном после 60 лет. Поэтому процент духовенства среди женского населения был сравнительно ниже, чем среди мужчин.

Наряду с монахинями в тибето-монгольском буддизме существовала традиция женщин, принявших обеты благодородной мирянки. В Тибете таких женщин называли генинма, в Монголии – убасанца. Как и мужчины – благородные миряне, они принимали следующие пять обетов: не убивать людей, не обманывать, не брать чужого, не прелободействовать, не употреблять спиртного и другие одурманивающие разум вещества. Монгольское законодательство XVII века даже предусматривало отдельное наказание за причинение вреда женщинам-убасанца: «За оскорбление убаша или убасанца оштрафовать одной лошадью. А того, кто их побьет, наказать в зависимости от нанесенного им увечья» (Их Цааз, 1981: 16).

Несмотря на то, что убасанца официально не считались монахинями, они имели достаточно высокий статус в монгольском социуме того времени. В силу этого в дореволюционной литературе их даже иногда причисляли к буддийскому духовенству, вероятно, по аналогии с белым духовенством в православии, что не совсем правильно. Как справедливо указывал К.Ф. Голстунский, «убаша/убасанца – суть миряне, мужчины и женщины, которые... дают обеты держать пост. Кроме того, убаша обязывается исполнять 8 предписаний, а убасанца только пять... До вступления в духовное звание, т. е. монашество, – что допускается по достижению возраста, – убаша носит косу и обыкновенное свое платье и не имеет права надевать одежды того цвета, который принадлежит одежде духовных лиц, т. е. красно-желтого цвета. Убаша и убасанца живут в кругу своего семейства» (Голстунский, 1880: 108).

Широкое распространение института убасанца на территории Забайкалья подтверждают различные дореволюционные авторы. В частности, В. Паршин, посещавший бурятские улусы еще в первой половине XIX века, указывал на тот факт, что значительное количество местных женщин имело духовное звание убасанца, о чем свидетельствует популярная практика ношения красной ленты (орхимжо) через плечо (Паршин, 1884: 48-49). Это же подтверждает и другой русский дореволюционный ученый Г.М. Осокин, посещавший бурятские кочевья уже во второй половине XIX столетия. Он также отмечает существование здесь института шабаганца, которые носили не только орхимжо, но и в соответствии с монашеской традицией брили голову. Ученый также указывает на высокий нравственный уровень и религиозность шабаганца, которые избегали есть мясо и пить вино, не участвовали в различного рода светских празднествах, ограничиваясь главным образом посещением монастырей и священных мест. «Беседа с ламами, – пишет Осокин, – составляет их любимое времяпрепровождение. Некоторые «шабаганцы» славятся также как хорошие ворожеи, лекарки и предсказательницы. Посвящаются в шабаганцы не только вдовы, но и замужние, достигшие 50-60 лет» (Осокин, 1897: 12).

О наличии института шабаганца и убасанца в калмыцких степях писали дореволюционные исследователи Н. Нефедьев и А. Терещенко. Так, Нефедьев отмечал, что пожилые калмыки,

побуждаемые благими устремлениями, принимают временно или до конца жизни духовные обеты благочестия и ведут монашескую жизнь. Такие люди, пишет он, полностью отказываются от убийства любого живого существа; не едят падаль, а в дни поста (мацк) отказываются от мяса; не пьют алкоголь; принимают целебат; избегают мирских радостей и регулярно читают молитвы. «Они называются: мужчина – убуша, а женщина шабганца или убусанца, и для отличия от других носят оркимджи» (Нефедьев, 1834: 374-375). Таким образом, Нефедьев, вероятно, неверно отождествлял шабаганца и убасанца. Интересно, что ту же ошибку допускал и А. Терещенко, который писал, что убусанца или шабганца – это женщина, «посвятившая себя Богу». Он отмечал, что они «дают обет избегать чувственных наслаждений, наблюдать посты, жить в уединении и готовить себя к будущей святой жизни. Они отличаются тем, что носят через плечо перевязь (оркюмджи), которую завидев издали, останавливаются и оказывают знаки уважения» (Терещенко, 1854). Возможно, данная ошибка была обусловлена тем, что жизнь и одежда шабаганца и убасанца в калмыцких степях практически не отличалась. Другой дореволюционный автор, И.В. Бентковский, в работе «Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношениях» также отмечал, что пожилые калмычки иногда посвящают себя служению при монастыре, «и в таком случае обязанность ее заключается в исполнении работ, свойственных женщине, и в некоторых послугах духовенству» (Бентковский, 2011: 468).

Что касается Тувы, то в научной литературе нет каких-либо данных о мирянках-тувинках, принявших буддийские обеты начального этапа. Однако такие случаи имели место, хотя, вероятно, не были широко распространены. Так, дореволюционный исследователь Ф. Кон отмечал, что некоторые тувинские женщины брили головы. Это делали, в частности, женщины, «давшие во время болезни обет сделаться ламами, так называемые «увасанчи», не говоря уже о женщинах «овраках-шиваганчи» (Кон, 1936: 114). Исходя из данной терминологии, становится понятно, что среди тувинцев существовали как мирянки, принявшие пять обетов (увасанчи), так и монахини низшей степени монашества (шиваганчи). Следует отметить, что среди тувинских женщин было немало шаманок. Так, А.В. Потанин отмечал, что «в урянхайской земле шаманов, и женщин, и мужчин, много; женщин как будто даже больше, чем мужчин» (Традиционная культура тувинцев..., 2002: 31). При этом некоторые шаманки состояли в браке с ламами (Хомушку, 1998: 58), что говорит об определенном религиозном синкретизме.

Распространение буддизма среди монгольских народов положительно сказалось на положении женщин. Так, согласно «Их цааз» – монголо-ойратским законам 1640 г., принятым при активном участии буддийского духовенства, женщина, изобличенная в супружеской измене, должна была лишь выплатить незначительный штраф в пользу нойона (правителя улуса) (Их Цааз..., 1981: 23). В то же время, согласно Ясе Чингисхана, измена мужу наказывалась смертной казнью.

Схожая ситуация наблюдалась и среди тувинцев. Так, Б.К. Шишкин в «Очерках Урянхайского края» отмечал, что, согласно тувинским обычаям, женщину бить нельзя. Если женщина уличалась в преступлении и вина ее была доказана, то чиновники из числа китайской администрации, не имея права применить к ней телесное наказание, начинали бить свидетелей преступления (Шишкин, 1914: 104-105). Естественно, что доказать вину женщины при таком порядке судопроизводства было достаточно сложным делом. Известный ученый М.Х. Маннай-оол также писал, что «...в семейно-бытовой сфере авторитет тувинской женщины был велик. Согласно общепринятым правилам, морально-этическим нормам поведения тувинцев к женщине относились с уважением и заботой» (Маннай-оол, 2002: 57).

Женщины в современном тибето-монгольском буддизме

В период культурной революции в КНР почти все женские монастыри Тибета были закрыты или разрушены, а монахини подвергались жестким преследованиям. В дальнейшем, в 1980-е годы, начался медленный процесс восстановления института тибетских женских монастырей. Так, одним из крупнейших женских монастырей современного Тибетского автономного района Китайской Народной Республики является монастырь Цангу, расположенный в Лхасе. Это единственный женский монастырь в столице Тибета, в котором проживает около ста монахинь. В нем регулярно проводятся буддийские обряды и церемонии. Семь раз в году здесь проходят большие буддийские ритуалы. При монастыре есть собственная клиника тибетской медицины (Женский монастырь Цангу).

Достаточно активно развивается женское монашество в среде тибетской диаспоры на территории Индии. Здесь в конце XX века начался процесс, направленный на возрождение линии полностью посвященных монахинь. В последние годы движение набрало обороты, благодаря усилиям женщин во всем мире: они стремятся возродить практику дарования женщинам полных монашеских обетов, которая, к слову, была учреждена самим Буддой, но постепенно прекратила свое существование в большей части буддийского сообщества. Данное движение, инициированное западными женщинами-буддистками, было поддержано и Его Святейшеством Далай-ламой XIV, известным своими прогрессивными и демократическими взглядами. В то же время Далай-лама полагает, что восстановление полной линии женского монашества, которая бы включала в себя институт монахинь-гелогма, следует осуществлять осторожно с тем, чтобы данная реформа не вызвала бы раскол в тибетском обществе, отличающемся восточным традиционализмом

(Никольский, 2007). Некоторые шаги для претворения в жизнь плана возрождения женского монашества делает Кармапа XVII, который является одним из иерархов тибетского буддизма, возглавляя популярную на Западе школу Карма-кагью (*History in the Making...*). Учитывая, что при посвящении в духовное звание гелонгма (санск. бхикшунни), согласно Винаи, необходимо присутствие не только полностью посвященных монахов гелонгма (санск. бхикшу), но и монахинь, планируется пригласить китайских монахинь с Тайваня, где линия бхикшунни сохранилась. В то же время сторонники данного процесса сталкиваются с определенным противостоянием со стороны ряда авторитетных представителей буддийского духовенства, которые ставят под сомнение аутентичность китайской монашеской линии (Суковатая, 2002: 118).

В последнее время данный процесс получил неожиданную поддержку в Бутане, небольшой гималайской стране, где также распространен тибетский буддизм. Здесь к решению назревшей проблемы приобщились некоторые монахи, которые стали даровать женщинам полные обеты самостоятельно, без присутствия гелонгма. При этом ранее такие церемонии были весьма малочисленны. Однако в июне 2022 г. верховный буддийский лидер Бутана Дже Кхенпо неожиданно даровал полные монашеские обеты группе из 144 монахинь. Большинство участвующих в церемонии монахинь родились в Бутане. Некоторые приехали из других стран Азии, однако все они следуют тибетской традиции буддизма. Церемония стала кульминацией многолетнего движения за полное монашеское посвящение гешема (Верховный буддийский лидер Бутана..., 2022). Эта историческая церемония вполне может поспособствовать тому, чтобы полное посвящение стало доступным для монахинь в собственно тибетском сообществе.

В годы культурной революции Тибет покинуло огромное количество лам, в отношении которых новые власти проводили особо жесткую политику. Постепенно некоторые ламы стали посещать Европу и Северную Америку, где у них появились ученики. Все это совпало по времени с ростом интереса к буддизму в странах Запада. С этого момента начался плодотворный процесс изучения и освоения тибетской культуры европейцами и американцами, для которых открылась совершенно новая форма духовности, которая в отличие от дзен была насыщена мистическими практиками и откровениями. Как и в случае с дзен, тибетский буддизм получил популярность прежде всего в среде студенческой молодежи и интеллигенции.

Среди представительниц западного женского монашества можно выделить несколько ярких выдающихся личностей, внесших значительный вклад в распространение буддизма на Западе. Одной из них, несомненно, является достойная Тубтен Чодрон (в миру Шерил Грин). Родившись в 1950 г. в США, она в 1977 г. получила посвящение гецулмы (послушницы) от тибетского учителя в Индии, а в 1986 г. получила посвящение гелонгма (полностью посвященной монахини) на Тайване. В течение многих лет она изучала и практиковала буддизм тибетской традиции в Индии и Непале под руководством тибетских учителей. Она принимает активное участие в межрелигиозных мероприятиях и путешествует по всему миру, преподавая буддийское учение. Видя необходимость специального буддийского монастыря для западных женщин, практикующих тибетскую религиозную традицию, она основала буддийскую монашескую общину в США «Аббатство Шравасты», где является настоятельницей. Это единственный в Америке монастырь тибетского буддизма, предназначенный как для монахов, так и монахинь. Она также является автором целого ряда доступных книг по буддийской философии и медитации, опубликованных на разных языках (*About Bhikshuni...*).

Известным лидером женского буддийского движения на Западе является монахиня Карма Лекше Цомо (в миру Патрисия Дзен). Известно, что она выросла на Гавайях и в 1971 г. получила степень магистра азиатских исследований в Гавайском университете. Затем пять лет училась в Библиотеке тибетских трудов и архивов и несколько лет в Институте буддийской диалектики в Дхарамсале (Индия). В 1977 г. она получила посвящение гецулмы во Франции, а в 1982 г. – посвящение гелонгмы в Южной Корее. В настоящее время она работает профессором богословия и религиозоведения в Университете Сан-Диего, где преподает буддизм и мировые религии. Карма Лекше Цомо является одним из основателей международной женской буддийской ассоциации «Сакьядхита» и благотворительного фонда «Джамьянг». Основной целью данных организаций является поддержка монахинь в их стремлении получить все те же возможности, какими располагают буддийские монахи (Цыремпилов, 2013).

Жизнь современных представительниц западного женского буддийского монашества заметно отличается от жизни азиатских монахинь, так как связана с преодолением целого ряда трудностей. Так, достойная Тубтен Чодрон отмечает, что после того, как восточные женщины получают монашеское посвящение, их активно поддерживают семьи и монашеские общины. Стать монахиней в странах с господствующей буддийской традицией социально приемлемо и почетно. Поскольку в азиатских культурах господствует коллективизм и коллективная идентичность, восточным монахиням сравнительно легко приспособиться к общинной жизни в монастыре. С другой стороны, западные монахини, выросшие в иной социокультурной среде, делающей акцент на личной идентичности, более склонны к индивидуализму, что, естественно, создает определенные проблемы для совместного проживания в монашеской общине. Западные женщины, ставшие буддийскими

монахинями, сталкиваются с непониманием со стороны социума: родственники упрекают их за то, что они бросают работу и отказываются иметь детей; окружающие нередко обвиняют их в лени и паразитизме. Поэтому западная женщина, если ей небезразлично, что о ней думают окружающие, едва ли решится стать буддийской монахиней. В результате монахинями на Западе становятся, как правило, сильные, самодостаточные и целеустремленные женщины. Эти качества, несмотря на их положительный смысл, иногда затрудняют совместную жизнь этих монахинь в монастырском сообществе (Thubten Chodron, 2011).

Что касается Монголии, то здесь после народной революции положение женщины претерпело существенные трансформации. Новые власти Монголии пытались привлечь женщин к строительству социалистического общества. В условиях немногочисленности монгольского народа женщины были человеческим ресурсом, прежде всего трудовым, который нужно было быстро и массово вовлекать в экономику страны. В этой связи борьба шла со всем, что могло сдерживать процесс эмансипации, в том числе с ламами и религией. Идеологическая работа велась таким образом, что именно буддизм выставлялся как детерминирующий фактор отсталости монгольских женщин. Следовательно, их нужно было выводить из-под влияния лам. Под лозунгами решения женского вопроса, просвещения и эмансипации женщин подрывалась социальная база ламства, более того, женщины должны были стать активными участниками антирелигиозной борьбы.

Постсоциалистический период в Монголии был отмечен возрождением и бурным развитием буддизма. Значительную роль в данном процессе играл индийский лама Бакула Ринпоче, который, занимаясь возрождением монгольского духовенства, активно посвящал в монашество не только мужчин, но и женщин. Начала возрождаться и система буддийского образования для женского духовенства.

В данный период стали возникать женские буддийские центры, храмы и даже монастыри. Так, одним из первых женских буддийских центров Монголии стал дацан Тугс-Баясгалант, который находится вблизи крупного монастыря Ганден. Здесь женщины могут получить религиозное образование в буддийской школе в рамках четырехлетней программы обучения. Возникновение данного дацана связано с именем упомянутого выше ламы Бакулы Ринпоче. Интересно, что штат духовенства данного центра составляют не только монахини (тиб. гецулмы), но и благочестивые мирянки (тиб. гененмы) (Четырова, 2018: 220), поэтому в полном смысле монастырем он называться не может.

Другим буддийским дацаном Монголии является монастырь Дулмалин-хийд. Он находится на территории Маймачена, пригорода Улан-Батора. Появление этого центра связано с деятельностью тибетского ламы Сопы Ринпоче и Фондом сохранения традиций Махаяны, которым он руководит уже несколько десятилетий. Данная организация построена по принципу западных религиозных организаций. Буддийское учение в ней передается в более современной форме. В отличие от традиционных дацанов, люди приходят сюда не для слушания молитв или заказа обрядов, а для того чтобы приобщиться к буддийской философии и заниматься медитацией (Четырова, 2018: 220).

Схожие процессы можно обнаружить и в истории бурятского, калмыцкого и тувинского буддизма, где положение женщин в обществе в XX столетии также сильно изменилось, а на религию и буддийскую церковь были серьезные гонения. Однако, несмотря на антирелигиозную политику правительства, согласно засекреченным данным Всесоюзной переписи населения, проведенной в 1937 г., среди калмыков и бурят, даже после двух десятилетий существования советской власти, количество верующих было достаточно большим. Из числа 218 597 бурят и 127 336 калмыков верующими себя признали 82 139 человек. Если же учитывать только взрослое население (от 16 лет и старше), то бурят и калмыков, признавших себя верующими, оказалось почти 60 %, из которых 56,7 % составляли женщины и 43,3 % – мужчины (Максимов, 2011: 284). Если же учитывать, что в тот период многие люди, опасаясь репрессий, тщательно скрывали свою религиозность, то фактический процент религиозности женского населения мог быть еще выше.

В формально независимой Туве с 1929 г. также началась антирелигиозная борьба, важную роль в которой играла Тувинская народно-революционная партия, руководившаяся в своей работе инструкциями Коминтерна. Тувинское партийное руководство стремилось подорвать социальную основу ламства и буддийской религии. В этой связи проводилась отдельная антирелигиозная пропаганда среди тувинских женщин, увязывающая их трудный быт, невежество, «угнетенность» с деятельностью лам и их «вредного» учения, более того, женщины должны были стать активными участниками этой борьбы (Натсак, 2020: 119).

Во второй половине XX столетия буддизм в России, несмотря на все ограничения, являлся существенным фактором в формировании идентичности калмыцкого, бурятского и тувинского народов. Однако ситуация в разных регионах отличалась. В ареале проживания бурятского населения можно говорить о восстановлении, пусть и в достаточно ограниченном виде, буддийской церкви. Так, в Бурятии в середине XX века был открыт Иволгинский дацан, а в Читинской области возобновил свою деятельность Агинский дацан. При этом большую часть прихожан составляли женщины среднего и пожилого возраста. В советский период продолжал свое существование и институт шибганца, который сохранился в сельской местности. Здесь пожилые шибганца нередко помогали ламам при проведении религиозных обрядов.

В Калмыкии ситуация была более сложной, поскольку война, депортация и 13 лет ссылки нанесли сильный урон калмыцкому буддизму. После восстановления автономии на территории республики не произошло возрождения буддийской церкви. Попытки калмыцких верующих официально зарегистрировать хотя бы одну буддийскую общину встречали жесткое противодействие со стороны властей (Очирова, 2004: 10). В этих условиях активизировалась деятельность женских общин, известных в народе как «мацга эмгдуд» (букв. «бабушки, практикующие обряд мацг»). Как отмечает Э.П. Бакаева, практика общины мацга представляла собой переходный этап от монастырско-храмового к бытовому уровню буддизма. Точное время возникновения общин мацг среди мирян неизвестно (Бакаева, 2011: 120). К концу 1980-х годов в г. Элисте насчитывалось несколько общин мацга эмгдуд. Однако с восстановлением буддийской церкви и появлением хурулов в Калмыкии деятельность общин стала приходить в упадок. Уже в конце 1990-х гг. в Элисте оставалась только одна община мацга, объединявшая около двадцати членов; аналогичная община имела в г. Городовиковске (Бакаева, 2011: 121).

В постсоветский период в Калмыкии и Бурятии активно шел процесс этнокультурного возрождения, сопровождавшийся ростом религиозной активности, в том числе и женской. Женщины-мирянки стали активно включаться в религиозную жизнь общества. Возникла религиозная общность мирянок-активисток, которая отличается своей социальной неоднородностью. Ее ядро составляют женщины, которые выделяются не только сильной верой и приверженностью буддизму, но и серьезным интересом к буддийской философии и медитации, что было не характерно для верующих женщин советского и постсоветского периодов. В то же время основная масса буддийских активисток не имеет большого объема знаний буддизма и только частично вовлечена в деятельность буддийских общин. При этом доля женщин среди представителей буддийского духовенства очень мала (Бадмацыренов, 2017: 26).

Несмотря на то, что женщины Калмыкии и Бурятии стали активными участниками буддийских организаций и союзов, их духовный статус, как правило, ниже, чем у мужчин (Бадмацыренов, Бадмацыренова, 2015: 63). О сложном положении женщин-монахинь в современной Бурятии говорит и профессор антропологии Гарвардского университета А. Бернштейн, которая указывает, что бурятские женщины, получившие духовное образование в Индии, не могут найти себя в традиционных институтах буддизма, потому что в Бурятии исторически не существовало женских монастырей (Константинов, 2015).

Подобная ситуация сложилась и в современной Калмыкии. Так, в 1990-е и 2000-е годы несколько женщин-калмычек были посвящены в сан монахинь-гецулмы. Однако большинство из них позже сняли монашеские обеты. Данный факт можно объяснить отсутствием условий для монашеского образа жизни – в Калмыкии нет ни одного женского буддийского монастыря (Четырова, 2018: 224).

Несмотря на проблемы, бурятские и калмыцкие женщины принимают самое активное участие в возрождении буддизма в России. При этом российские буддистки не ограничиваются только религиозной практикой, а осуществляют различного рода проекты в социальной и культурной сферах (Бадмацыренов, Бадмацыренова, 2015: 63).

Если в современной Калмыкии традиция женского духовенства не привилась, то в Бурятии появился даже первый и единственный в России женский буддийский дацан. В переводе с тибетского языка название храма означает «Прорастающий и благородный монастырь». Данный дацан «Зунгон Даржалинг» был построен по благословению Его Святейшества Далай-ламы XIV, который еще в 1992 г. на встрече с буддийской общественностью Бурятии предложил возвести здесь женский храм. Женский дацан, по мнению духовного лидера буддистов, будет способствовать миру и гармонии на бурятской земле (Доржиева, 2018).

Дацан «Зунгон Даржалинг» расположен в Улан-Удэ. Одной из важных задач буддийского женского центра является помощь женщинам, которые приезжают не только из районов Бурятии, но и разных регионов России. Следует отметить, что его прихожанами являются не только женщины, но и мужчины. При этом службу и индивидуальный прием здесь проводят женщины, что является главным отличием дацана от других буддийских храмов России. Сегодня здесь служат три женщины-священнослужителя, имеющих статус гененма, то есть соблюдающих пять обетов мирян. В дацане они носят традиционный монгольский ламский халат, значительно отличающийся от тибетского.

Настоятелем дацана уже длительное время является Зоригма Будаева. По профессии она логопед-дефектолог и до принятия сана женщина-лама работала доцентом в Институте повышения квалификации. Настоятельница, как и остальные женщины-священнослужители, живет вне стен дацана. Все женщины живут в обычных семьях и имеют детей. Это является главным отличием от более распространенных на Востоке женских буддийских монастырей. Настоятельница дацана «Зунгон Даржалинг» довольно успешно устанавливает международные контакты и участвует в международном женском буддийском движении. З. Будаева выступала на нескольких конференциях, организованных по линии движения «Сакьядита», регулярно знакомит международную буддийскую общественность с проблемами бурятских женщин-буддисток (Шевцова, 2004).

В современной Бурятии есть монахиня, которой удается успешно совмещать полноценное монашество с активной научной и общественной деятельностью. Таковой является доктор философских наук, профессор И.С. Урбанаева, известная в буддийском мире как монахиня-гецулма Тензин Чойдрон. В 1996 г. по благословению авторитетного буддийского учителя Геше Джампа Тинлея она создала в Улан-Удэ буддийский центр, получивший название «Зеленая Тара» и активно развивающийся в настоящее время. В 2003 г. она получила посвящение гецулмы от Его Святейшества Далай-ламы XIV в Дхарамсале (Индия). Сегодня И.С. Урбанаева сочетает плодотворную научную академическую работу с активной буддийской практикой, занимаясь переводами текстов с тибетского на русский язык (Четырова, 2018: 225-226). Она проводит исследования буддийской философии и осуществляет академическую презентацию буддизма.

Отличительной особенностью современной религиозной ситуации в Бурятии является тот факт, что здесь сохраняется традиция монахинь-шибаганец. Монахинями в миру, как и прежде, становятся женщины пожилого возраста. Они нередко принимают участие во внехрамовых молебнах и обрядах вместе с ламами-мужчинами. Во время служб монахини имеют право сидеть рядом с ламами. При этом исследователи отмечают, что количество пожилых бурятских женщин, принявших монашеский постриг и обеты шибганца, значительно сокращается, что может привести к исчезновению здесь этой уникальной традиции. Неслучайно глава Буддийской традиционной сангхи России Хамбо-лама Д. Аюшеев в одном из своих интервью заметил, что планирует поддерживать данную практику, следуя которой бурятские «женщины, вырастив детей и внуков, принимают обеты» (Бадмацыренов, Бадмацыренова, 2015: 62).

5. Заключение

Подводя итоги данного исследования, можно сделать вывод о том, что положение женщины в тибето-монгольском буддизме было достаточно высоким. Несомненно, что одной из главных причин такого положения дел было доминирование в нем тантрической традиции, где женскому началу всегда придавалось большое значение, а критика и унижение женщин считались одним из самых страшных проступков. В то же время в силу сложившихся социальных и историко-культурных обстоятельств в институте женского духовенства отсутствовала высшая ступень буддийского монашества (гелонгма). В современный период гендерная ситуация в тибето-монгольском буддизме значительно изменилась и можно отметить усилившуюся религиозную активность женщин.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№075-03-2022-119/1 «Буддизм и глобальные вызовы современного мира»).

Литература

Аякова, 2018 – Аякова Ж.А. «Американизация» буддизма: социальный активизм и феминизм // Проблемы трансляции и философской интерпретации буддизма (на материале тибетской и китайской традиций). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. С. 149-174.

Бадмацыренов, Бадмацыренова, 2015 – Бадмацыренов Т.Б., Бадмацыренова Е.Л. Женщины в буддийских сообществах Бурятии: историко-социологический анализ // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 6. Серия: Философия, социология, политология, культурология. С. 60-65.

Бадмацыренов, 2017 – Бадмацыренов Т.Б. Социальная структура буддийского сообщества: компоненты и их взаимодействия // Ойкумена. 2017. № 2. С. 18-28.

Бакаева, 2011 – Бакаева Э.П. К этническим характеристикам калмыцкого буддизма: обряд «мацг» // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1. Ч. 2. С. 120-123.

Бальжитова, 2007 – Бальжитова О.М. Об основных принципах образования женских буддийских общин // Вестник Бурятского государственного университета. 2007. № 5. С. 8-13.

Бентковский, 2011 – Бентковский И.В. Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношениях / Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. Ставрополь: Издательство СГУ, 2011. Т. 2. С. 450-468.

Бичеев, 2019 – Бичеев Б.А. Образ благочестивой женщины в поучениях тибетского царя Усун Дебескерту // Монголоведение (Монгол судлал). 2019. № 18. С. 689-699.

Верховный буддийский лидер Бутана..., 2022 – Верховный буддийский лидер Бутана возрождает традицию дарования монахиням полных обетов гелонг-ма. 24.06.2022. [Электронный ресурс]. URL: <http://savetibet.ru/2022/06/24/gelong-ma-ordination.html>

Гой-лоцава Шоннупэл, 2001 – Гой-лоцава Шоннупэл. Синяя Летопись. Перевод с тибетского Ю.Н. Рериха, перевод с английского О.В. Альбедилы и Е.Ю. Харьковской. СПб.: Евразия, 2001. 768 с.

Голстунский, 1880 – Голстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-Хун-тайджия, и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1880. 143 с.

- Дондокова, 2008** – Дондокова Л.Ю. Статус женщины в традиционном обществе бурят (вторая половина XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: БГСХА, 2008. 208 с.
- Доржиева, 2018** – Доржиева Э. Только женщина может понять женщину. 02.11.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.infpol.ru/179442-tolko-zhenshchina-mozhet-ponyat-zhenshchinu/>
- Житецкий, 2011** – Житецкий И.А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М.: Книга по Требованию, 2011. 111 с.
- Женский монастырь Цангу** – Женский монастырь Цангу [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chinahighlights.ru/lhasa/attraction/canggu-nunnery.htm>
- Их Цааз..., 1981** – Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. М.: Восточная литература, 1981. 148 с.
- Кон, 1936** – Кон Ф.Я. За 50 лет. 2-ое изд. М.: Советский писатель, 1936. 201 с.
- Константинов, 2015** – Константинов А. Глобализация веры. За что идут культурные войны и к чему призывают новые религии. 16.04.2015. [Электронный ресурс]. URL: https://expert.ru/russian_reporter/2015/10/globalizatsiya-veryi/
- Максимов, 2011** – Максимов К.Н. Исторические источники по изучению репрессивной политики советского государства против буддийского духовенства в 1920 – начале 1930 гг. // Память мира: историко-документальное наследие буддизма. М.: РГГУ, 2011. С. 275-284.
- Маннай-оол, 2002** – Маннай-оол М. Обычаи тувинского народа // *Ученые записки Тувинского института гуманитарных исследований*. Выпуск XIX. Кызыл: ТИГИ, 2002. С. 52-60.
- Наднеева, 2015** – Наднеева К.А. Многоуровневый образ женщины монголоязычных народов // *Философия права*. 2015. № 6(73). С. 84-88.
- Натсак, 2020** – Натсак О.Д. Антирелигиозная и внутривластная борьба в Тувинской Народной Республике в контексте социализации тувинских женщин // *Общество: философия, история, культура*. 2020. № 12(80). С. 113-120.
- Нефедьев, 1834** – Нефедьев Н. Отрывок из путевых записок по северо-восточным берегам Каспийского моря // *Журнал Министерства внутренних дел*. 1834. № 6. С. 296-375.
- Никольский, 2007** – Никольский В. Далай-лама поддержал восстановление полных монашеских обетов для женщин в традиции тибетского буддизма. 25.07.2007. [Электронный ресурс]. URL: http://savetibet.ru/2007/07/25/dalai_lama_about_nuns.html
- Новые вопросы к Далай-ламе, 2009** – Новые вопросы к Далай-ламе. 18.10.2009. [Электронный ресурс]. URL: http://savetibet.ru/2009/10/18/dalai_lama.html
- Осокин, 1898** – Осокин Г.М. Материалы к этнографии Западного Забайкалья. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1898. 13 с.
- Очирова, 2004** – Очирова Н.Г. Буддийское духовенство и развитие калмыцкой культуры / Буддийское духовенство и культура калмыцкого народа. Элиста: АПП «Джангар», 2004. С. 5-13.
- Паршин, 1834** – Паршин В. Поездка в Забайкальский край. Ч. I. М.: Типография Н. Степанова, 1844. С. 48-49. 143 с.
- Позняк, 2020** – Позняк О.С. ООН отделила права человека от религии. 17.03.2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2020-03-17/13_483_rights.html
- Попов, 1847** – Попов А.В. Замечания на статью Г. Щукина о ламайской вере // *Отечественные записки*. 1847. Т. 53. Отд. VIII. С. 4-13.
- Потанина, 1895** – Потанина А.В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Китаю. М.: Географическое отделение Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1895. XLII, 296 с.
- Ровинский, 1874** – Ровинский П.А. Мои странствования по Монголии // *Вестник Европы*. 1874. № 7. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/r/rowinskij_p_a/text_0020oldorfo.shtml
- Смирнов, 1999** – Смирнов П. Путевые заметки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1999. 248 с.
- Суковатая, 2002** – Суковатая В.А. Феминистская теология и гендерные исследования в религии: перспективы новой духовности // *Общественные науки и современность*. 2002. № 4. С. 183-192.
- Терещенко, 1854** – Терещенко А. Улус Хошотский, или Хошоутовский // *Москвитянин*. 1854. Т. 1. № 1/2 [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-turk.livejournal.com/395791.html?ysclid=l8ok62c910227995500>
- Традиционная культура тувинцев..., 2002** – Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX – начало XX века) / Подготовка текстов, предисловие и комментарий А.К. Кужугет. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2002. 224 с.
- Хомушку, 1998** – Хомушку О.М. Религия в истории культуры тувинцев. М.: ИЭА РАН, 1998. 177 с.
- Цааджин бичиг..., 1998** – Цааджин бичиг («Монгольское уложение»). Цинское законодательство для монголов 1627–1694 гг. М.: Восточная литература, 1998. 341 с.
- Цендина, 2002** – Цендина А.Д. ...И страна зовется Тибетом. М.: Восточная литература, 2002. 301 с.
- Цыбиков, 2015** – Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. М.: Эксмо-Око, 2015. 475 с.
- Цыремпилов, 2013** – Цыремпилов Н. Легко ли быть феминисткой в буддизме. 11.10.2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://asiarussia.ru/buddhism/587/>

Четырова, 2018 – Четырова Л.Б. Особенности трансляции буддизма в международном женском буддийском движении / *Проблемы трансляции и философской интерпретации буддизма (на материале тибетской и китайской традиций)*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. С. 202-231.

Шевцова, 2004 – Шевцова Е. Женщины-ламы спасут мир и согласие // Номер один в Улан-Удэ. № 43. 27 октября 2004 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://baikal-info.ru/number1/2004/43/003002.html>

Шишкин, 1914 – Шишкин Б.К. Очерки Урянхайского края. Томск: Типолитография Сибирского товарищества печатного дела, 1914. 327 с.

About Bhikshuni... – About Bhikshuni Thubten Chodron [Electronic resource]. URL: <http://thubtenchodron.org/biography/>

Boucher, 1993 – Boucher S. Turning the Wheel: American Women Creating the New Buddhism. Updated and expanded edition. Boston: Beacon Press, 1993. 408 p.

Chodron, 2011 – Chodron T. Western Buddhist nuns: A new phenomenon in an ancient tradition. 06.2011. [Electronic resource]. URL: <http://thubtenchodron.org/2011/06/west-ordained-life/>

David-Neel, 1936 – David-Neel A. Tibetan Journey. London: J. Lane, the Bodley Head, 1936. 276 p.

Gopal, 1975 – Gopal S. Jawaharlal Nehru: A Biography. Vol. I. London: J.Cape. 1975. 398 p.

Gross, 1993 – Gross R. Buddhism after Patriarchy: A Feminist History, Analysis, and Reconstruction of Buddhism. Albany: State University of New York Press, 1993. 365 p.

History in the Making... – History in the Making: The First Step Toward Full Ordination for Tibetan Buddhist Nuns. [Electronic resource]. URL: <https://kagyuooffice.org/history-in-the-making-the-first-step-toward-full-ordination-for-tibetan-buddhist-nuns/>

Paul, 1985 – Paul D.Y. Women in Buddhism: Images of the Feminine in the Mahayana Tradition. Berkeley: University of California Press, 1985. 333 p.

Show, 1994 – Show M. Passionate enlightenment women in tantric Buddhism. New Jersey: Princeton University Press, 1994. 35 p.

Ulanov et al., 2017 – Ulanov M.S., Badmaev V.N., Holland E.C. Buddhism and Kalmyk Secular Law in the Seventeenth to Nineteenth Centuries // *Inner Asia*. 2017. 19: 297-314.

Ulanov et al., 2016 – Ulanov M.S., Badmaev V.N., Matsakova N.P. Buddhism and Legal Tradition in Mongolia // *Bylye gody*. 2016. 4: 1068-1076.

References

Ayakova, 2018 – Ayakova, Zh.A. (2018) «Amerikanizatsiya» buddizma: sotsial'nyi aktivizm i feminizm [“Americanization” of Buddhism: social activism and feminism]. Problemy translyatsii i filosofskoi interpretatsii buddizma (na materiale tibetskoi i kitaiskoi traditsii). Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN. Pp. 149-174. [in Russian]

Badmatsyrenov, 2017 – Badmatsyrenov, T.B. (2017). Sotsial'naya struktura buddiiskogo soobshchestva: komponenty i ikh vzaimodeistviya [The social structure of the Buddhist community: components and their interactions]. *Oikumena*. 2: 18-28. [in Russian]

Badmatsyrenov, Badmatsyrenova, 2015 – Badmatsyrenov, T.B., Badmatsyrenova E.L. (2015) Zhenshchiny v buddiiskikh soobshchestvakh Buryatii: istoriko-sotsiologicheskii analiz [Women in Buddhist communities of Buryatia: historical and sociological analysis]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. Seriya: *Filosofiya, sotsiologiya, politologiya, kul'turologiya*. 6: 60-65. [in Russian]

Bakaeva, 2011 – Bakaeva, E.P. (2011). K etnicheskim kharakteristikam kalmytskogo buddizma: obryad «matsg» [To the ethnic characteristics of Kalmyk Buddhism: the rite of “matsg”]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 1(2): 120-123. [in Russian]

Bal'zhitova, 2007 – Bal'zhitova, O.M. (2007). Ob osnovnykh printsipakh obrazovaniya zhenskikh buddiiskikh obshchin [On the basic principles of education of women's Buddhist communities]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5: 8-13. [in Russian]

Bentkovskii, 2011 – Bentkovskii, I.V. (2011). Zhenshchina kalmychka Bol'shederbetovskogo ulusa v fiziologicheskom, religioznom i sotsial'nom otnosheniyakh [Kalmyk woman of Bolshederbetovsky ulus in physiological, religious and social relations]. Opal'nye: Russkie pisateli otkryvayut Kavkaz. Antologiya: V 3 t. Stavropol: Izdatel'stvo SGU. Vol. 2: 450-468. [in Russian]

Bicheev, 2019 – Bicheev, B.A. (2019). Obraz blagochestivoi zhenshchiny v poucheniyakh tibetskogo tsarya Usun Debeskertu [The image of a pious woman in the teachings of the Tibetan king Usun Debeskertu]. *Mongolovedenie (Mongol sudlal)*. 18: 689-699. [in Russian]

Chetyrova, 2018 – Chetyrova, L.B. (2018). Osobennosti translyatsii buddizma v mezhdunarodnom zhenskom buddiiskom dvizhenii [Features of the translation of Buddhism in the international women's Buddhist movement]. Problemy translyatsii i filosofskoi interpretatsii buddizma (na materiale tibetskoi i kitaiskoi traditsii). Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, pp. 202-231. [in Russian]

Dondokova, 2008 – Dondokova, L.Yu. (2008). Status zhenshchiny v traditsionnom obshchestve buryat (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The status of women in the traditional society of the Buryats (the second half of the XIX – early XX century)]. Ulan-Ude: BGSKhA, 208 p. [in Russian]

- Dorzheva, 2018** – *Dorzheva, E.* (2018). Tol'ko zhenshchina mozhet ponyat' zhenshchinu [Only a woman can understand a woman]. 02.11.2018. [Electronic resource]. URL: <https://www.infpol.ru/179442-tolko-zhenshchina-mozhet-ponyat-zhenshchinu/> [in Russian]
- Goi-lotsava Shonnupel, 2001** – *Goi-lotsava Shonnupel* (2001). Sinyaya Letopis' [The Blue Chronicle]. Perevod s tibetskogo Yu.N. Rerikha, perevod s angliiskogo O.V. Al'bedilya i E.Yu. Khar'kovoi. St. Petersburg: Evraziya, 768 p. [in Russian]
- Golstunskii, 1880** – *Golstunskii, K.F.* (1880). Mongolo-oiratskie zakony 1640 goda, dopolnitel'nye ukazami Galdan-Khun-taidzhiya i zakony, sostavlennye dlya volzhskikh kalmykov pri kalmytskom khane Donduk-Dashi [Mongol-Oirat laws of 1640, additional decrees of Galdan-Khun-taijia and laws compiled for the Volga Kalmyks under the Kalmyk Khan Donduk-Dashi]. St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk, 143 p. [in Russian]
- Ikh Tsaaz..., 1981** – Ikh Tsaaz («Velikoe ulozhenie»). Pamyatnik mongol'skogo feodal'nogo prava XVII v. [Their Caaz ("The Great Code"). Monument of the Mongolian feudal law of the XVII century]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1981. 148 p. [in Russian]
- Khomushku, 1998** – *Khomushku, O.M.* (1998). Religiya v istorii kul'tury tuvintsev [Religion in the history of Tuvian culture]. Moscow: IEA RAN, 177 p. [in Russian]
- Kon, 1936** – *Kon, F.Ya.* (1936). Za 50 let. 2-oe izd. Za 50 let. [For 50 years]. 2-oe izd. Moscow: Sovetskii pisatel', 201 p. [in Russian]
- Konstantinov, 2015** – *Konstantinov, A.* (2015). Globalizatsiya very. Za chto idut kul'turnye voyny i k chemu prizyvayut novye religii. [Globalization of Faith. What are the cultural wars going on for and what are the new religions calling for]. 16.04.2015. [Electronic resource]. URL: https://expert.ru/russian_reporter/2015/10/globalizatsiya-very/
- Maksimov, 2011** – *Maksimov, K.N.* (2011). Istoricheskie istochniki po izucheniyu repressivnoi politiki sovetskogo gosudarstva protiv buddiiskogo dukhovenstva v 1920 – nachale 1930 gg. [Historical sources on the study of the repressive policy of the Soviet state against the Buddhist clergy in 1920 – early 1930]. Pamyat' mira: istoriko-dokumental'noe nasledie buddizma. Moscow: RGGU, pp. 275-284. [in Russian]
- Mannai-ool, 2002** – *Mannai-ool, M.* (2002). Obychai tuvinskogo naroda [Customs of the Tuvan people]. *Uchenye zapiski Tuvinskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*. V.XIX. Kyzyl: TIGI, pp. 52-60. [in Russian]
- Nadneeva, 2015** – *Nadneeva, K.A.* (2015). Mnogourovnevnyi obraz zhenshchiny mongoloyazychnykh narodov [Multilevel image of a woman of Mongolian-speaking peoples]. *Filosofiya prava*. 6(73): 84-88. [in Russian]
- Natsak, 2020** – *Natsak, O.D.* (2020). Antireligioznaya i vnutripoliticheskaya bor'ba v Tuvinskoj Narodnoj Respublike v kontekste sotsializatsii tuvinskikh zhenshchin [Antireligious and internal political struggle in the Tuvan People's Republic in the context of socialization of Tuvan women]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 12(80): 113-120. [in Russian]
- Nefed'ev, 1834** – *Nefed'ev, N.* (1834). Otryvok iz putevykh zapisok po severo-vostochnym beregam Kaspiiskogo morya [An excerpt from travel notes on the north-eastern shores of the Caspian Sea]. *Zhurnal ministerstva vnutrennikh del*. 6: 296-375. [in Russian]
- Nikol'skii, 2007** – *Nikol'skii, V.* (2007). Dalai-lama podderzhal vosstanovlenie polnykh monasheskikh obetov dlya zhenshchin v traditsii tibetskogo buddizma [The Dalai Lama supported the restoration of full monastic vows for women in the tradition of Tibetan Buddhism]. 25.07.2007. [Electronic resource]. URL: http://savetibet.ru/2007/07/25/dalai_lama_about_nuns.html [in Russian]
- Novye voprosy k Dalai-lame, 2009** – Novye voprosy k Dalai-lame [New Questions to the Dalai Lama]. 18.10.2009. [Electronic resource]. URL: http://savetibet.ru/2009/10/18/dalai_lama.html [in Russian]
- Ochirova, 2004** – *Ochirova, N.G.* (2004). Buddiiskoe dukhovenstvo i razvitie kalmytskoj kul'tury [Buddhist clergy and the development of Kalmyk culture]. Buddiiskoe dukhovenstvo i kul'tura Kalmytskogo naroda. Elista: APP «Dzhangar», pp. 5-13. [in Russian]
- Osokin, 1898** – *Osokin, G.M.* (1898). Materialy k etnografii Zapadnogo Zabaikal'ya [Materials for the ethnography of Western Transbaikalia]. Moscow: Tip. A.I. Mamontova i K^o, 13 p. [in Russian]
- Parshin, 1834** – *Parshin, V.* (1834). Poezdka v Zabaikal'skii krai [A trip to the Trans-Baikal Territory]. Vol.1. Moscow: Tipografiya N. Stepanova, 143 p. [in Russian]
- Popov, 1847** – *Popov, A.V.* (1847). Zamechaniya na stat'yu G.Shchukina o lamaiskoj vere [Remarks on G.Shchukin's article on the Lamai faith]. *Otechestvennye zapiski*. 53(VIII): 4-13. [in Russian]
- Potanina, 1895** – *Potanina, A.V.* (1895). Iz puteshestvii po Vostochnoi Sibiri, Mongolii, Kitayu [From travels in Eastern Siberia, Mongolia, China]. Moscow: Geograficheskoe otdelenie Imperatorskogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya, antropologii i etnografii. LII, 296 p. [in Russian]
- Poznyak, 2020** – *Poznyak, O.S.* (2020). OON otdelila prava cheloveka ot religii [The UN has separated human rights from religion]. 17.03.2020. [Electronic resource]. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2020-03-17/13_483_rights.html
- Rovinskii, 1874** – *Rovinskii, P.A.* (1874). Moi stranstvovaniya po Mongolii [My wanderings in Mongolia]. *Vestnik Evropy*. 7. [Electronic resource]. URL: http://az.lib.ru/r/rovinskij_p_a/text_00200l-dorfo.shtml [in Russian]

Shevtsova, 2004 – *Shevtsova, E.* (2004). Zhenshchiny-lamy spasut mir i soglasie [Lama women will save peace and harmony]. *Nomer odin v Ulan-Ude*. 43. [Electronic recourse]. URL: <http://baikal-info.ru/number1/2004/43/003002.html> [in Russian]

Shishkin, 1914 – *Shishkin, B.K.* (1914). Ocherki Uryankhaiskogo kraya [Essays of the Uriankhai region]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela, 327 p. [in Russian]

Smirnov, 1999 – *Smirnov, P.* (1999). Putevye zametki po Kalmytskim stepyam Astrakhanskoi gubernii [Travel notes on the Kalmyk steppes of Astrakhan province]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 248 p. [in Russian]

Sukovataya, 2002 – *Sukovataya, V.A.* (2002). Feministskaya teologiya i tendernye issledovaniya v religii: perspektivy novoi dukhovnosti [Feminist theology and tender studies in religion: perspectives of new spirituality]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 4: 183-192. [in Russian]

Tereshchenko, 1854 – *Tereshchenko, A.* (1854). Ulus Khoshotskii, ili Khoshoutovskii [Khoshotsky Ulus, or Khoshoutovsky]. *Moskvityanin*. Vol. 1. 1(2). [Electronic resource]. URL: <https://rus-turk.livejournal.com/395791.html?ysclid=180k62c910227995500>

Traditsionnaya kul'tura tuvintsev..., 2002 – Traditsionnaya kul'tura tuvintsev glazami inostrantsev (konets XIX – nachalo XX veka) [Traditional culture of Tuvans through the eyes of foreigners (late XIX – early XX centuries)]. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2002. 224 p. [in Russian]

Tsaadzhin bichig..., 1998 – Tsaadzhin bichig («Mongol'skoe ulozhenie»). Tsinskoe zakonodatel'stvo dlya mongolov 1627–1694 gg. [Tsaajin bichig (“Mongolian code”). Qing legislation for the Mongols 1627–1694]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1998. 341 p. [in Russian]

Tsendina, 2002 – *Tsendina, A.D.* (2002). ...I strana zovetsya Tibetom [...And the country is called Tibet]. Moscow: Vostochnaya literatura, 301 p. [in Russian]

Tsybikov, 2015 – *Tsybikov, G.Ts.* (2015). Buddhist-palomnik u svyatyn' Tibeta [Buddhist pilgrim at the shrines of Tibet]. Moscow: Eksmo-Oko, 475 p. [in Russian]

Tsyrempilov, 2013 – *Tsyrempilov, N.* (2013). Legko li byt' feministkoi v buddizme [Is it easy to be a feminist in Buddhism]. 11.10.2013. [Electronic resource]. URL: <http://asiarussia.ru/buddhism/587/> [in Russian]

Ulanov et al., 2016 – *Ulanov, M.S., Badmaev, V.N., Matsakova, N.P.* (2016). Buddhism and Legal Tradition in Mongolia. *Bylye gody*. 4: 1068-1076.

Verkhovnyi buddiiskii lider Butana..., 2022 – Verkhovnyi buddiiskii lider Butana vozrozhdaet traditsiyu darovaniya monakhinyam polnykh obetov gelong-ma (2022). [The Supreme Buddhist Leader of Bhutan revives the tradition of giving full gelong ma vows to nuns]. 24.06.2022. [Electronic resource]. URL: <http://savetibet.ru/2022/06/24/gelong-ma-ordination.html> [in Russian]

Zhenskii monastyr' Tsangu - Zhenskii monastyr' Tsangu. [Tsangu Convent]. [Electronic resource]. URL: <https://www.chinahighlights.ru/ghasa/attraction/canggu-nunnery.htm> [in Russian]

Zhitetskii, 2011 – *Zhitetskii, I.A.* (2011). Ocherki byta astrakhanskikh kalmykov. Etnograficheskie nablyudeniya 1884–1886 gg. [Essays on the life of Astrakhan Kalmyks. Ethnographic observations of 1884–1886]. Moscow: Kniga po Trebovaniyu, 111 p. [in Russian]

«Женский вопрос» в тибето-монгольском буддизме: традиции и современные реалии

Мерген Санджиевич Уланов ^{a, *}, Валерий Николаевич Бадмаев ^a

^a Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, Элиста, Республика Калмыкия, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье предпринята попытка проанализировать положение женщины в тибето-монгольском буддизме. Авторы делают вывод о том, что в силу доминирования в нем тантрической традиции, где женскому началу всегда придавалось большое значение, статус женщины здесь был достаточно высок. В то же время в силу сложившихся социальных и историко-культурных обстоятельств в институте женского духовенства отсутствовала высшая ступень буддийского монашества (гелонгма). В этих условиях женские монастыри Тибета играли подчиненную роль по отношению к мужским. В Монголии и буддийских регионах России исторически не сложилась женская монастырская система, и женщины здесь становились монахинями низшей ступени посвящения (шабаганца), преимущественно в пожилом возрасте, оставаясь в кругу семьи. В силу этого духовные статусы монахини и мирянки, принявшей обеты убасанца, отличались не сильно.

В современный период ситуация в тибето-монгольском буддизме значительно изменилась. В условиях культурно-конфессиональной глобализации буддизм распространился на Западе, что привело к включению в него феминистского дискурса, связанного с правами женщины в религии. В результате получило развитие движение за возрождение института монахинь высшей ступени

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ulanov1974@mail.ru (М.С. Уланов), badmav07@yandex.ru (В.Н. Бадмаев)

посвящения. Среди представительниц западной ветви тибето-монгольского буддизма появился целый ряд харизматичных личностей – монахинь, внесших значительный вклад в распространение буддизма на Западе.

В современных Монголии, Бурятии, Калмыкии и Туве, несмотря на то, что основную часть духовенства здесь по-прежнему составляют мужчины, можно констатировать значительную религиозную активность женщин, причем не только священнослужителей, но и мирянок. Несомненно, что современные женщины Монголии и буддийских регионов России, являясь членами различных буддийских центров, вносят значительный вклад в возрождение буддизма. Они активно участвуют в повседневной жизни буддийского сообщества, постигают буддийскую философию и практику, занимаются проведением религиозных служб, способствуют передаче буддийских знаний молодому поколению. Важным событием в истории российского буддизма стало появление первого женского буддийского дацана на территории Бурятии.

Ключевые слова: буддизм, тибето-монгольский буддизм, женщина, женское монашество, Тибет, Монголия, Калмыкия, Бурятия, Тува, феминизм.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1538-1550
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1538

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

History of Old Believers in the Russian Empire in the 17th and early 20th centuries in the Context of the Development of their Dogmatic Doctrine

Andrii E. Lebid ^{a, b, *}, Anatolii Makogon ^a

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b Cherkas Global University, Washington, USA

Abstract

The article examines the formation and development of the idea and cult of Old Believers in the Russian Empire. The doctrine of the Antichrist in the Russian Orthodox tradition, which had a literal character, is analyzed. It is shown that in the Western Christian tradition there was no clear and distinct doctrine of the Antichrist. Antichrists were usually called opponents of the Church and political opponents. These views later influenced the formation of the Old Believer theory of the dismembered Antichrist. In intra-Protestant polemics, representatives of other, ideologically hostile, Protestant currents were called antichrists.

It is proved that the Old Believers' doctrine of the spiritual Antichrist was most influenced by two books published before the split: «The Book of Cyril of Jerusalem» and «The Book of Faith». Moreover, they both gained authority among the various versions of Old Believers.

The crisis of the concept of the Third Rome, the decline of piety and other events, influenced the further development of the Old Believers, who did not accept Nikon's reforms, and who became in rigid religious opposition to them.

As the Antichrist the Old Believers had in mind a particular person, such as Patriarch Nikon, king Alexei Mikhailovich, Arseniy the Greek – a prominent figure in Nikon's reforms, Emperor Peter I, etc., thus expressing their opposition to them.

Another part of Old Believers tried to think about the Antichrist not literally, but allegorically. Thus, the theory that the Antichrist is a departure from the true faith was gradually consolidated. Thus, Old Believers divided into those who understand the Antichrist spiritually, and the «sensualists» – supporters of a literal interpretation of this image. The difference in views on the figure of the Antichrist became decisive in the division of Old Believers into two directions: popovtsy and nepopovtsy.

Keywords: Russian Empire, Old Believers, tradition, doctrine, dogma, end of history, education, discriminatory, social exclusion, discriminatory law, discriminatory policies.

1. Введение

Тема конца истории, в различных толкованиях, достаточно широко освещалась в связи с работами Ф. Фукуямы, у которого представлена либерально-марксистская версия конца истории. Конец истории в интеллектуальной европейской традиции преимущественно освещался как достижение всех целей, поставленных перед человечеством, как исчезновение всех противоречий, которые двигали всю его историю, что приведет к ее замедлению или даже остановке, в результате чего останется некая, предположительно благая жизнь, которую трудно назвать историей в собственном смысле.

* Corresponding author

E-mail addresses: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (A. Lebid)

Теории Ф. Фукуямы уходят корнями в тексты Д. Юма, Г. Гегеля и К. Маркса. Последний, сильно завися от идей Г. Гегеля, считал, что с завершением классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом история завершится.

Нельзя в этом контексте не вспомнить и А. Кожева, который в комментариях к Гегелю говорил о конце истории, предвосхитив идеи Ф. Фукуямы. Все эти концепции базируются на идее однонаправленного, линейного времени, которая появилась в результате критики христианством античных циклических теорий космоса. Также нельзя отрицать мифологические и религиозные корни, которые подспудно существовали в оформлении теории конца истории, а именно: античных воззрений о «золотом веке», иудаистских воззрений о «рае на земле», различных мессианских религиозных течений.

В этой связи, применительно к целям данного исследования, необходимо сделать введение о том, как понимает конец истории самая мессианская мировая религия – христианство. Христианство разработало собственную эсхатологию, которая базируется на идее принципиальной конечности настоящего мира (а значит, и истории). Состояние нового человечества не будет историчным ввиду уничтожения мира и времени и перехода на иной, трансцендентный по отношению к любой историчности и темпоральности уровень, имеющий качество вечности, не в смысле вечного, зонического, времени, а в смысле запредельного любой темпоральности.

Являясь, таким образом, историчной религией, христианство тем не менее постулирует конец истории. Наиболее емко эсхатология христианства изложена в фундаментальной работе Б. Дейли (Daley, 1991), где разобраны различные ее версии, как ортодоксальные, так и гетеродоксальные.

История «расколичества» – важный вопрос социокультурного и духовно-религиозного развития Российской империи, где уже с XVII века появились «мистические» и «рационалистические» секты (Маргаритов, 1910: 1-2). Этот вопрос всегда был актуальным для правительства, являясь «крайне опасным» для православной церкви, государственного порядка и морально-нравственных устоев российского общества эпохи империи (Маргаритов, 1910: 228).

В этом контексте следует упомянуть действовавший на то время циркуляр «О распределении сект по степени их вредности», классифицировавший их по трем группам: «вредные», «особо вредные», «менее вредные». В начале XX века появляется четвертая категория сект – «изуверские», в отношении к которым применялись специальные меры профилактического, запретительного и контролирующего характера.

2. Материалы и методы

Источники и материалы, использованные авторами для анализа и концептуализации старообрядческой догматической традиции и вероучения, можно разделить на несколько типов: во-первых, это фундаментальные работы по истории раскола, принадлежащие перу как светских, так и церковных деятелей: историков, философов, богословов, историков церкви, религиоведов и др. Во-вторых, нами были проанализированы материалы эпистолярного наследия вероучителей старообрядчества и их последователей, воспоминания современников, материалы прессы (как официальной, так и издаваемой старообрядческими сообществами). В-третьих, это различные апологетические работы по старообрядчеству, в которых нашли свое отражение догматические, вероучительные, канонические, культовые и другие вопросы староверов. В-четвертых, были изучены основные правительственные постановления по расколу, что позволило определить характер и особенности государственного урегулирования вопроса по расколу.

При подготовке рукописи нами были использованы различные принципы и подходы научного исследования: принцип историзма (обозначил конкретно-исторические события, явления и обстоятельства, связанные с расколом), принцип объективности (критический подход к изучению конкретного фактологического материала по расколу), принцип системности (комплексный подход к исследованию проблемы раскола как целостной) и др.

Помимо прочего, при подготовке данной статьи авторами были использованы методы научного исследования: метод концептуального анализа (смысловая дифференциация старообрядческих категорий «духовного антихриста» и «расчлененного антихриста», их семантики и прагматики), компаративистский анализ (дифференциация поповской и беспоповской старообрядческой традиции и их рецидивы), историко-хронологический метод (ограничение темпоральности исследования периодом империи), историко-типологический метод (дифференциация оценок и отношений к расколу в работах светских и духовных лиц), метод анализа (выделены факторы и аспекты дискуссий по расколу с последующим обобщением полученных результатов), структурный метод (обозначены особенности формирования семантического поля старообрядческих версий и толков).

3. Обсуждение

Проблемы, связанные с расколом, привели к необходимости не только их «положительного решения» на государственном уровне, но и требовали своего осмысления. В этой связи актуальным стал вопрос изучения раскола, «научное изучение которого началось, собственно, с 1850-х гг. До того

времени преобладала полемическая литература о расколе, обращавшая главное внимание на догматическую сторону вопроса» (Брокгауз, Ефрон, 1899: 284).

В контексте этого оправданным и необходимым является не столько разрешение этого вопроса, сколько его систематическое изучение как представителями духовенства, так и научного светского сообщества историков, философов, религиоведов и других специалистов.

Анализируя огромный пласт полемической и научной литературы по вопросам старообрядческого раскола (в распоряжении авторов имеется более 500 источников по истории старообрядчества, изданных в период до 1917 года), мы пришли к осознанию того факта, что все они могут быть классифицированы по нескольким критериям: хронологическому, типологическому, тематическому, историографическому, формально-содержательному и др. (Lebid, Shevchenko, 2021a).

В рамках данного исследования предлагается несколько иной подход, а именно: конкретно-исторический и концептуальный (догматический). Логика такого подхода обусловлена тем, что феномен старообрядчества мы можем рассматривать в контексте его становления и развития, а также места и роли в общественно-политической, социально-культурной и духовно-религиозной жизни Российской империи. В этом отношении история старообрядчества может быть рассмотрена с точки зрения численности его последователей, социального состава, ареала распространения, политики властей по отношению к ним и др. (Lebid, Shevchenko, 2021b).

С иной стороны, история старообрядчества — это и вопросы его смыслового и доктринального конституирования, выработки культа и духовных практик, концептуализации основоположений, отличающих его от «новообрядцев». В рамках данного исследования мы концептуализируем старообрядческий образ «духовного антихриста» в контексте осмысления ими «конца истории» как конца света.

Следуя нашей логике классификации научных работ по проблеме, следует отметить ряд обзорных работ, в которых были освещены общие вопросы религии и веры в Российской империи, в том числе с точки зрения формирования системы их регулирования и бюрократического мониторинга и контроля (Верт, 2012; Варадинов, 1863; Lebid et al., 2021; Degtyarev, 2014); деятельность государственных органов по вопросам религий и вероисповеданий — Министерства внутренних дел, Департамента духовных дел иностранных исповеданий, Департамента полиции при нем и др. (Василевский, 1914; Ершова, 1995; Есипов, 1863; Кельсиев, 1860; Марков, 1914); вопросы нормативно-правового обеспечения деятельности по расколу (Введенский, 1912; Собрание постановлений..., 1875) и проч.

Исторический контекст становления и развития старообрядчества в его сравнении с другими проявлениями раскольниковства в Российской империи занимает значительное место в научных исследованиях по этому вопросу (Андерсон, 1904; Андреев, 1870; Бороздин, 1907; Быковский, 1906; Костомаров, 1871; Мельгунов, 1919; Стрельбицкий, 1898; Мельников, 1991; Мельников, 1915) и др.

Концептуальная (догматическая) составляющая старообрядчества была отражена в работах Н.С. Гурьяновой (Гурьянова, 1996), А.И. Мальцева (Мальцев, 1995), И. Нильского (Нильский, 1869), С. Позднякова (Поздняков, 1994) и др.

Этот вопрос также может быть раскрыт при анализе других источников: эпистолярного наследия, воспоминаний современников, материалов прессы и др. (Иоанов, 1855; Раскол..., 1882; Рассказы, 1861; Старая вера, 1914; Тайны раскольников..., 1871; Якименко, 1995; Ясашнов, 1908) и др.

Важнейшими источниками по старообрядчеству, освещающими историю раскола, становление основных течений старообрядчества, а также полемику его вероучителей с никонианами и др., являются работы С.А. Зеньковского и др. (Зеньковский, 2006; Каптерев, 1996); со стороны поповцев белокриницкой иерархии история старообрядчества (с догматическими, вероучительными, каноническими и прочими вопросами) освещается Ф.Е. Мельниковым (Мельников, 1999), Д.С. Варакиным (Варакин, 2000), О. Швецовым (Арсений Уральский, 1999).

Общеэнциклопедическим источником по старообрядчеству является работа «Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы» (Вургафт, Ушаков, 1996).

Ценнейший апологетический труд по старообрядчеству принадлежит И.А. Кириллову (Кириллов, 1916). П.С. Смирнов издал огромное количество первоисточников и текстов ранних старообрядцев, хотя нужно отметить, что его работы отличаются некоторой конфессиональной предвзятостью (Смирнов, 1893). Также Н.И. Субботин ... (Субботин, 1874-1886).

4. Результаты

Дабы разобрать особенности старообрядческого вероучения, в частности о духовном антихристе и конце истории, необходимо остановиться вкратце на понимании этой фигуры в основных христианских течениях, с которыми исторически соприкасалось старообрядчество, от которых зависело или которые критиковало. Крайне незначительное в научной литературе освещение этой проблемы, конфессиональная и политическая ангажированность этого вопроса обуславливают актуальность данного исследования.

Основным мнением по поводу того, как понимать фигуру антихриста как в православии, так и в католичестве является мнение, что это будет вполне определенная личность, которая явится в конце

истории, выдавая себя за Христа и разрушая Его учение. Безусловно, что все связанное с этой фигурой толкуется иносказательно, аллегорически и гипотетически. Никакого ясного и четкого знания про это не существует, и слишком буквальный подход только огрубляет и искажает понимание этого непростого религиозного явления.

В позднеантичной и раннесредневековой христианской традиции учение об антихристе не было догматически закреплено, различные авторы по-разному могли истолковывать загадочные апокалиптические события, относящиеся к будущему. Об этом писали Иринея Лионский, Ипполит Римский, Кирилл Иерусалимский, Ефрем Сирийский, Амвросий Медиоланский, Иероним Стридонский, Августин, Иоанн Дамаскин и др. (Оксиюк, 1999).

В русской православной традиции учение об антихристе приобрело скорее буквальный характер. Это заметно по богословским текстам XIX в., некоторые из которых имеют догматический характер (Макарий, 2006: 616; Нильский, 1899: 52; Филарет, 1882: 287; Беляев, 1894: 1024, 1027). В целом подавляющее большинство богословов и писателей главной православной конфессии Российской империи понимало фигуру антихриста как конкретного человека и все связанное с ним истолковывало очень буквально, правда оставляя вне понимания и разума весьма многое из связанного с этой фигурой, в частности его привязку к историческим личностям и т.д.

В западной христианской традиции не было четкого и ясного учения об антихристе. В средневековой историософии прообразами антихриста считались различные лица из Библии и конкретные исторические персонажи, которые были врагами и гонителями церкви, например Ламех, Нимрод, Ахав, Голиаф, Иуда, Симон Волхв, Антиох IV Епифан, император Нерон.

Широко популярны были в Средневековье легенды о последнем могущественном императоре, который разгромит врагов церкви перед приходом антихриста, обеспечив торжество христианства по всему миру, что, очевидно, было навеяно хилиастическими представлениями ранних церковных писателей. Но эти легенды не были восприняты экзегетической традицией ранней церкви.

На это накладывались и политические события, где антихристами назывались противники Церкви и политические оппоненты. Подобные воззрения, как мы увидим ниже, повлияли на становление старообрядческой теории «расчлененного антихриста». Такие средневековые западнохристианские писатели, как Кассиодор, Хаймон Хальберштадский, Вальфрид Страбон, Адсон из Монтье-эн-Дера, Гонорий Отенский, Руперт из Дойца, Оттон Фрайзингентский, Герхох Рейхерсбергский, Фома Аквинский и другие, уделили место в своих сочинениях истолкованию фигуры антихриста и антихристов (Книга об антихристе, 2007: 573-604).

В среде образованных мирян приобрели популярность гетеродоксальные теории Иоахима Флорского, Петра Оливи, Умбертино да Казале, Джона Уиклифа, вальденсов и гуситов. Здесь появился заметный сдвиг в толковании лица антихриста, под которым понималась теперь сама Римская церковь вообще и Римский папа в частности (Православная энциклопедия, 2001: 570). Все это повлияло на события Реформации и на трактовки антихриста среди протестантских писателей.

Кроме М. Лютера, подобные воззрения развивали Ф. Меланхтон, У. Цвингли, Ж. Кальвин, Г. Буллингер, Т. Библиандер, Т. Мюнцер и др. Иногда, во внутрипротестантской полемике, антихристами называли представителей других, идейно враждебных, протестантских течений. Вообще, лютеранское учение о двух антихристах, папе и турецком султани, о духовном и плотском, о западном и восточном стало общим для большинства протестантских теологов, и, самое главное, как будет явлено ниже, послужило отправной точкой для старообрядческих полемистов в их постепенном оформлении учения о духовном антихристе.

На старообрядческое учение о духовном антихристе более всего повлияли две книги, изданные еще до раскола московским печатным двором: «Книга Кирилла Иерусалимского» (1644) и «Книга о вере» (1648). Первая состояла из различных полемических сочинений антикатолического (отчасти антипротестантского) характера, в основу которых был положен «Просветитель литовский» – сборник, составленный из произведений украинско-белорусских полемистов, в частности Стефана Зизания (Тустановского). Как показал К. Студинский, воззрения С. Зизания во многом базируются на трактате «De raris Romae» протестантского теолога З. Любберта (Студинский, 1895: 153-154).

Присутствуют и другие подобные толкования, что вкуче с обличительными текстами в отношении римских догматов свидетельствует об отождествлении римской духовной власти с антихристом и даже конкретно высших представителей этой власти. Именно здесь мы видим зачатки теории духовного антихриста у старообрядцев-беспоповцев, для которых «Кириллова книга» была непререкаемым авторитетом.

Второй авторитетнейший для старообрядцев источник – «Книга о вере» – также был составлен преимущественно из сочинений украинских православных полемистов, боровшихся с унией. Основным источником для книги стало полемическое сочинение архимандрита Киево-Печерской лавры Захарии (Копыстенского) «Палинодия», написанное в ответ на сочинение униата Л. Кривзы «Obrona iedności cerkiewney» (1617).

Стоит добавить и влияние теолого-политической концепции «Москва – Третий Рим», в которой говорится, что Москва заняла место первого Рима и второго (Константинополя) как политически, так и религиозно, а четвертому не бывать. Поэтому, когда произошел русский церковный раскол,

окончательно зафиксированный на Большом Московском соборе в 1666 г., кризис концепции Третьего Рима, упадок благочестия и прочие события повлияли на дальнейшее развитие старообрядцев, не принявших реформы Никона и ставших в жесткую религиозную оппозицию.

Сильное влияние на раннее старообрядчество оказали тексты раннего защитника старых обрядов Спиридона Потемкина (Гурьянова, 2010: 120). Но у первых ревнителей старых обрядов еще не сложилась четкая доктрина об антихристе. В их взглядах переплетаются разные теории «чувственного» и «духовного» антихриста, т.е. определенного человека и антихриста как некоего «злого духа». Причем в качестве личности антихриста они видели патриарха Никона, царя Алексея Михайловича и Арсения Грека, видного деятеля Никоновских реформ (Смирнов, 1898: 1-57).

У диакона Федора, пустозерского союзника и сподвижника протопопа Аввакума, в сочинении «Послание ко всем православным об антихристе» начала формироваться теория «расчлененного антихриста», т.е. антихриста как определенного ряда лиц, приходящих в историю, чтобы погубить истинное благочестие (Субботин, 1881: 261-267). С Никоном связывает антихриста и инок Авраамий (Авраамий, 1670). Представление о том, что Никон есть антихрист, держалось в раннем старообрядчестве весьма долго.

Несмотря на то, что часть староверов пыталась узнать антихриста в конкретных исторических лицах, иная часть их пыталась размышлять не буквально, а иносказательно, аллегорически. Так постепенно закреплялась теория о том, что антихрист есть отступление от истинной веры. Такая теория утверждала, что в Московском государстве пало истинное благочестие и воцарился богоборческий дух, который старообрядческие полемисты стали называть духовным антихристом, а лица, причастные к этому духу – цари, церковные начальники и прочие, назывались «сосудами», «послушниками», «слугами» антихриста.

Первые зачатки такого учения можно было увидеть уже у Аввакума, толковавшего в 1669 г. Илию и Еноха приточно, а не буквально, а также у инока Авраамия (1670–1671). На Дону подобные идеи распространял Козьма Косой, а в Поморье – соловецкий диакон Игнатий (Православная энциклопедия, 2001: 577). Но самое раннее сочинение, полностью посвященное теории духовного антихриста, было написано неизвестным автором, заключенным Долматова монастыря, пославшим в Тюмень текст, носивший название «Об антихристе и тайном царстве его» (Смирнов, 1898: 019-034). Именно в этом сочинении проводится мысль о двоякой сущности антихриста, мысленной и чувственной.

Таким образом, старообрядчество разделилось на тех, кто понимает антихриста духовно, и на «чувственников», сторонников буквального толкования. На Новгородском старообрядческом соборе 1696 г. учение о духовном антихристе было соборно закреплено (Смирнов, 1898: 045).

Именно разный взгляд на фигуру антихриста стал, на наш взгляд, решающим в разделении старообрядцев на два направления – поповцев и беспоповцев. Различная эсхатология гораздо больше определяла разногласия между ними, чем вопросы канонического права. Первые исповедовали конвенциональную теорию чувственного антихриста, а вторые в большинстве своем исповедовали теорию духовного антихриста. Следует добавить еще и теорию расчлененного антихриста, которую исповедовали староверы страннического согласия, дескать, антихрист – это ряд лиц, последовательно являющихся в истории.

Рассмотрим кратко развитие и трансформацию учения о духовном антихристе в различных беспоповских согласиях Российской империи на протяжении XVIII–XIX веков, почти не затрагивая учение староверов поповцев, так как оно практически не отличалось от исповедования этого вопроса в официальной православной церкви.

Главными направлениями беспоповства являются поморцы, федосеевцы, филипповцы, странники и спасовцы. Основные эсхатологические воззрения их были изложены Н.С. Гурьяновой (Гурьянова, 1988: 17-60). Первое беспоповское согласие, выделившееся из основной массы старообрядцев, было согласие федосеевское, основанное Феодосием Васильевым в 90-х годах XVII века в Новгородских землях. Именно его сочинения и послания стали доминирующими в раннем беспоповстве в отношении учения о духовном антихристе, несмотря на то, что часть беспоповцев, живших преимущественно на Керженце, выдвинула идею, что антихрист воцарился в лице императора Петра I (Смирнов, 1909: 150-157).

Феодосий написал сочинение, полностью посвященное теме антихриста, в ответ на сочинения митр. Стефана (Яворского) и митр. Иова Новгородского. Антихрист в этом сочинении трактуется как отступление от истинной веры, его первое явление было при папе Льве IX, когда произошло разделение западной и восточной церкви, а в 1666 году власть антихриста перешла на православную Русь, основными знаками чего являются новопечатные книги, четвероконечный крест, имя Иисус (староверы всегда пишут и произносят Иисус), троеперстное крестное знамение, прекращение благодати священства и др. (Смирнов, 1909: 168-174).

Такой версии учения об антихристе старообрядцы-федосеевцы придерживаются и по сей день. Федосеевская теория духовного антихриста выражалась и в отрицательном отношении к государственной власти, что отразилось в неприятии моления за царя, хотя та и позволила основать в Москве центр федосеевского согласия на Преображенском кладбище в 1771 году. Поэтому у некоторых федосеевских наставников (И. Ковылин, Д. Битюковский) сформировалось учение, что

духовный антихрист царствует в церкви, хотя у основателя согласия Феодосия Васильева антихрист представлялся духом, воцарившимся во всем обществе, а не только в церкви. Далеко не все федосеевцы придерживались умеренной теории духовного антихриста, ряд сочинений конца XVIII – начала XIX веков говорит о более радикальном отношении к государственной власти, объявлявшейся антихристовой (например, у казанских федосеевцев или в текстах С. Гнусина).

Не менее авторитетными среди беспоповцев являются также полемические тексты основателей и насельников Выголексинского общежития, ставшим основой поморского беспоповского согласия. Особенно это касается текстов Андрея Денисова, лидера и наставника Выговских поселенцев. В своем сочинении «Об антихристе» А. Денисов считает, что в результате падения Римской империи (в смысле теории трех Римов) антихрист уже пришел и царствует в мире и ассоциируется с Римским папой (Гурьянова, 1988: 22-23).

Автор также имеет в виду Петра I, который изменил государственное управление и перенес празднование Нового года, что свойственно антихристу, но А. Денисов конкретно не говорит о Петре, а только намекает, предлагая читателю самому подумать (Гурьянова, 1988: 23-24). То же можно увидеть и в текстах поморца Спиридона Иванова, с привлечением элементов теории чувственного антихриста, под которым имелся в виду император Петр I.

Естественно, и моления на службах за настоящую государственную власть не было. Причем выговцы не гнушались в доказательной базе своего учения приводить цитаты протестантов, католиков и вообще светских писателей. Таковы были воззрения первых поморских начетчиков нач. XVIII в. в отношении теории духовного антихриста.

Но к середине столетия эти воззрения претерпели некоторые изменения, что было связано с лояльностью в отношении государственной власти, с которой руководители общежития достигли определенного соглашения в связи с экономическими интересами государства на Выгу. Так, в произведениях М. Вышатины уже меняется акцент в сторону чувственного антихриста (Гурьянова, 1988: 26). Это сильно снижало радикальность поморской эсхатологии, что отразилось в отмене догмата о не молении за государя в 1737 году.

Дальнейшие тексты выговских начетчиков смещали акцент от светской власти в теории духовного антихриста к власти духовной, как, например, в сочинении 1745 г. Гавриила Украинцева, заявлявшего, что антихристом был Никон и его новое учение, отрицая отождествление антихриста с императором Петром I (Гурьянова, 1988: 27-28).

В том же духе написаны сочинения Ивана Васильева и Тимофея Андреева, поморских авторов последней трети XVIII в., где развивается теория духовного антихриста, царствующего с 1666 г., но его царство ограничивается только церковной жизнью, а именно бытием официальной православной церкви, но это не влияет на взаимоотношение поморцев с государственной властью. Такая умеренная эсхатологическая теория была призвана оправдать безиерархическое существование поморской церкви (Гурьянова, 1988: 30).

На тексты поморцев сильно повлияли произведения жившего в Стародубье беспоповца-федосеевца Ивана Алексеяева. Безусловно, все связанное с антихристом толкуется поморцами иносказательно и аллегорически, вплоть до полностью размытой и неопределенной картины, как мы видим в «Щите веры», внушительном полемическом сочинении, которое приписывается Тимофею Андрееву. Здесь снижение радикализма не позволяет говорить даже об антицерковной, в отношении главенствующей церкви, позиции поморцев конца XVIII в.

Однако были и более радикальные эсхатологические теории среди поморцев. Имеется в виду филипповское согласие, которое выделилось из поморской традиции в связи с отказом принимать моление за государственную власть. Основатель филипповцев, старец Филипп, отстаивал радикальную теорию духовного антихриста и наступления последнего времени, крайне отрицательно относясь к государственной власти, что и выразилось в его собственном самосожжении вместе со сторонниками в 1742 году.

Еще одно крупное беспоповское согласие, странническое, или бегунское, выделилось из филипповского согласия в конце XVIII в. и являлось еще более радикальным. Основатель согласия, старец Евфимий, положил в основу своей теории антихриста бытовавшую еще в нач. XVIII в. теорию об императоре Петре как антихристе.

Именно в сочинениях Евфимия была разработана теория расчлененного антихриста, где антихрист – это российские императоры (Гурьянова, 1988: 44-45). Учение Евфимия носит острую социальную направленность и направлено против реформ Петра и других российских императоров, а именно против изменения календаря, подчинения духовной власти светской, запрета на пустынножительство, переписи населения, подушной подати, социального неравенства и т.д. (Мальцев, 1988).

В XIX в. учение о духовном антихристе не претерпело каких-либо значительных изменений. Стоит лишь отметить произведения уже упоминавшегося С. Гнусина, федосеевского наставника и начетчика. У него под влиянием текстов И.Г. Юнга-Штиллинга к фигуре антихриста добавляется личность Наполеона. Основные идеи такого понимания изложены С. Гнусиным, где автор говорит о монархе-завоевателе, который соединяет в себе власть духовную и светскую и истребляет христианскую веру, пытаясь господствовать над всем миром (Православная энциклопедия, 2001: 579).

В федосеевской среде было также популярно издание так называемого «Апокалипсиса седмитолюкового», якобы изданного при царе Иване Васильевиче, где отчетливо проводится мысль, дескать, все духовенство – это слуги антихриста, что указывает на составление текста беспоповцами. Староверы-поповцы критически относились к этому тексту, а «Окружное послание» 1862 года даже запрещало его распространение.

Интересно, что в нестарообрядческой среде, среди противников политического режима (А.П. Шапов, А.И. Герцен, В.И. Кельсиев), приобрело популярность учение странников о расчлененном антихристе, где первым антихристом был, как уже говорилось, Петр I. Антимонархическая направленность этого учения вдохновила членов герценовского кружка издавать сочинения староверов-странников, в том числе и старца Евфимия, что послужило немаловажным вкладом в последующие революционные события в Российской империи. Фигура антихриста, таким образом, приобрела не только духовный, но и социально-политический аспект ввиду политических катаклизмов в России в нач. XX в.

Стоит сказать и о староверах-поповцах, которые придерживались чувственного понимания фигуры антихриста. Именно в их среде написан самый, наверное, интеллектуально глубокий текст об антихристе в XIX в., а именно книга епископа Арсения Уральского «Книга об антихристе», впервые изданная в 1888 году (Арсений Уральский, 2005).

Книга полемически направлена против беспоповцев и теории духовного антихриста. Антихрист у Арсения Уральского – это конкретный человек, а не некое отступление, нечестие или ереси, как у беспоповцев (Арсений Уральский, 2005: 23).

Основной метод критики еп. Арсением – это то, что, по его мнению, беспоповцы слишком вольно пользуются мысленными (аллегорическими) толкованиями, выдергивая их из одного контекста и помещая в другой, кроме того, они совсем отвергают исторический, буквальный смысл священных текстов, которому он сам отдает предпочтение. Отмечая очень сильную аргументацию этого старообрядческого автора и серьезную эрудицию в отношении православных богословских источников, заметим, что в святоотеческой экзегетической традиции безусловно не отбрасывается буквальное толкование, но аллегорическое, и даже анагогическое, считается выше и авторитетнее, хотя оно не должно противоречить буквальному, а дополнять и духовно возвышать.

Из-за гонений на старообрядцев, которые то ослаблялись, то усиливались вплоть до нач. XX в., представители различных согласий не могли открыто вести полемику, выслушав все аргументы оппонентов и выдвинув свои тезисы. Писались лишь тексты, которые ходили в общинах, переписывались и редко печатались. Но в связи с революционными событиями 1905–1907 годов, особенно после издания манифеста «Об укреплении начал веротерпимости» (17 апреля 1905 г.), а также указа «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин» (17 октября 1906 года), староверы разных согласий могли открыто заявлять о своих религиозных взглядах, открыто и публично вести полемику по любым религиозным вопросам, в том числе и на довольно щекотливую тему, как понимать антихриста.

В нач. XX века жизнь старообрядческих общин в Российской империи, после революционных событий 1905 года, стала более свободной от государственного давления и, главное, более публичной. Они стали собираться на совместные полемические беседы, для выяснения разногласий, чтобы по возможности прийти к объединению. Хотя объединиться им так и не удалось, эти публичные беседы очень отчетливо показали все главные различия, острые углы и особенности учения того или иного старообрядческого согласия. Более всего велась полемика по поводу Белокрыницкой иерархии, которую большая часть поповцев обрела в 1846 г. в лице греческого митрополита Амвросия. Также велась полемика и по другим вопросам.

Основной нерв учения о духовном антихристе сосредоточен у поморцев нач. XX в. на церковной сфере. Никак не затрагивается государство и общественная жизнь. Этот сдвиг, произошедший в сер. XVIII в., в связи с ослаблением радикализма поморцев в отношении государственной власти присутствует и у поздних поморцев, которые после реформ и указов 1905–1907 годов вполне себя комфортно чувствовали, развивались, открывали новые общины, выпускали печатные издания (журнал «Щит веры») и пр. Об этом свидетельствует еще одна значимая полемика поморского наставника Ф.Ф. Румянцева с тем же Ф.Е. Мельниковым, состоявшаяся в 1913 г. также в Москве, стенограмма которой была опубликована в 1915 г. (Беседы старообрядцев, 1915).

Эти полемики свидетельствуют об окончательной догматизации учения об антихристе и конце истории в старообрядческой мысли времен Российской империи. Главным здесь является, на наш взгляд, различие подходов в толковании священных текстов. Буквализм отодвигает конец истории на неопределенное будущее, и, чтобы его как-то опознать, приходится сопоставлять исторические события с буквальными соответствиями из вероучительных книг. У поморцев эта теория претерпела сильные изменения в сторону снижения градуса, т.е. распространения духовного антихриста лишь на церковные круги. В то время как более последовательная старопоморская, федосеевская, филипповская, и особенно странническая, концепция духовного (или расчлененного) антихриста несколько по-иному, т.е. более пессимистично, смотрит на состояние мира перед концом истории, не ограничиваясь чисто церковными аспектами, а включает сюда социальные, политические и даже бытовые вопросы.

5. Заключение

Рассмотрев трансформацию теории духовного антихриста среди беспоповских старообрядческих течений в Российской империи, сделаем выводы в отношении понимания ими конца истории. Сама история понимается беспоповцами как священная, т.е. события истории нагружены религиозным смыслом, связанным с целью христианской жизни. Но смысл этих событий являет постепенную духовную деградацию человечества, или отпадение от истины.

Знаковыми ступенями отпадения для старообрядцев-беспоповцев, которые ссылаются на «Книгу о вере», являются такие исторические события: 1) отпадение Римской церкви от восточной; 2) отпадение Малой Руси, т.е. уния 1595 г.; 3) отпадение от истинного православия Москвы, окончательно случившееся в 1666-м г. на Большом Московском соборе.

Исключение составляют учение радикальных федосеевцев и филипповцев, для которых антихрист присутствует также и в государственных и социальных институтах, а также учение странников, для которых антихрист является расчлененным, т.е. воплощенным в ряде российских императоров, начиная с Петра I.

Важно отметить протестантские корни учения о духовном антихристе и вообще антикатолическую направленность, которая была унаследована от украинских антиуниатских полемистов. Однако старообрядцы по-своему развили эти протестантские тенденции в сторону пессимистического взгляда на духовное состояние современного им общества Российской империи. Наиболее радикально это было выражено в общинах филипповцев, и особенно странников, которые отличались крайним обрядовым ригоризмом, жестким следованием уставной традиции, крайним аскетизмом, длинными уставными богослужениями, завышенными требованиями в молитвенной практике и даже определенным нормативным бытом.

В отдельных случаях это выражалось в неприятии любых государственных документов (особенно денег и паспортов), в остром социальном протесте, в отказе от экономического (а не только лишь религиозного) общения с членами иных конфессий (особенно с официальной церковью), в бегстве от мира, скрытничестве и странничестве.

Если в фукуямовском понимании конца истории все противоречия сняты и наступил как бы «рай на земле» для «последнего человека», то для радикальных старообрядцев конец истории – это перманентный негативный фатализм.

Остальные беспоповцы (в основном это поморцы) не отказались от учения о духовном антихристе, но ослабили его накал, ограничив власть антихриста лишь церковной средой. Для них история закончилась лишь в смысле упразднения священноначалия, т.е. церковной иерархии, и, соответственно, в упразднении некоторых церковных таинств.

Это выражалось в их достаточно активной социальной и экономической жизни в Российской империи, особенно в нач. XX в. Примечательно, что в Российской империи, несмотря на периоды гонений на старообрядцев, сформировался целый веер различных течений и согласий, которые, несмотря на разногласия с официозом и между собой, смогли выживать, развиваться, устраивать церковное и даже отчасти политическое бытие. Однако с приходом новых элит и властей (большевизм), заявивших о своем понимании конца истории (коммунизм и победа труда над капиталом), все надежды и стремления староверов рухнули, а наиболее радикальные течения (филипповцы, и особенно странники) были почти уничтожены.

Литература

- Августин Блаженный, 1998** – *Августин Блаженный* (1998). Творения, Т. 4: О Граде Божьем. Книги IV–XXII. СПб.: Алетейа. 1998.
- Андерсон, 1904** – *Андерсон В.* (1904). Старообрядчество и сектантство. Исторический очерк религиозного разномыслия. СПб., 1904. 460 с.
- Андреев, 1870** – *Андреев В.В.* (1870). Раскол и его значение в народной русской истории. Исторический очерк. СПб., 1870. 412 с.
- Арсений Уральский, 1999** – *Арсений Уральский* (1999). Оправдание Старообрядствующей Святой Христовой Церкви в ответах на притязательные и недоумительные вопросы настоящего времени. Письма. М.: Китеж, 1999.
- Арсений Уральский, 2005** – *Арсений Уральский* (2005). Книга об антихристе и о прочих действиях, иже при нем быти хотящих. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Беляев, 1898** – *Беляев А.Д.* (1898). О безбожии и антихристе. Сергиев Посад, 1898.
- Беседы..., 1915** – Беседы старообрядцев Белокриницкой иерархии с старообрядцами поморцами в Москве, в 1913 году (стенографическая запись). М., 1915.
- Бороздин, 1907** – *Бороздин А.К.* (1907). Русское религиозное разномыслие. СПб., 1907. 236 с.
- Брокгауз, Ефрон, 1899** – *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Раскол. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* *Энциклопедический словарь*. Том 26. СПб., 1899. С. 284-303.
- Быковский, 1906** – *Быковский И.К.* (1906). История старообрядчества всех согласий. Единоверие, начало раскола и сектантства. М., 1906. 144 с.

- Варадинов, 1863** – *Варадинов Н.В.* (1863). История Министерства внутренних дел. Восьмая, дополнительная книга. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1863. 656 с.
- Варакин, 2000** – *Варакин Д.С.* (2000). Рассмотрение примеров, приводимых в защиту реформ патриарха Никона. М.: Издательство журнала «Церковь», 2000.
- Василевский, 1914** – *Василевский М.Н.* (1914). Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I. Казань, 1914. 254 с.
- Введенский, 1912** – *Введенский А.* (1912). Действующие законоположения касательно старообрядцев и сектантов. Одесса, 1912. 197 с.
- Верт, 2012** – *Верт П.* (2012). Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 210 с.
- Вургафт, Ушаков, 1996** – *Вургафт С.Г., Ушаков И.А.* (1996). Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы. Опыт энциклопедического словаря. М.: Церковь, 1996.
- Гурьянова, 1988** – *Гурьянова Н.С.* (1988). Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск: Наука. 1988.
- Гурьянова, 1996** – *Гурьянова Н.С.* (1996). История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII в. Новосибирск, 1996. 232 с.
- Гурьянова, 2010** – *Гурьянова Н.С.* (2010). Об эсхатологических построениях старообрядцев-беспоповцев в XVIII в. *Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV–XXI вв.* Новосибирск: Издательство СО РАН, 2010. С. 119-160.
- Ершова, 1995** – *Ершова О.П.* (1995). Роль Министерства внутренних дел в формировании политики в отношении старообрядчества в середине XIX в. // *Старообрядчество: история, культура, современность.* 1995. 4: 9-18.
- Есипов, 1863** – *Есипов Г.* (1863). Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и тайной розыскных дел канцелярии Г. Есиповым. СПб., 1863. 546 с.
- Житие, 2010** – *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения.* СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2010.
- Зеньковский, 2006** – *Зеньковский С.А.* (2006). Русское старообрядчество. М.: Институт ДИ-ДИК, 2006. 688 с.
- Иоанов, 1855** – *Иоанов А.* (1855). Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, собранное из потаенных старообрядческих преданий, записок и писем. СПб., 1855. 341 с.
- Каптерев, 1996** – *Каптерев Н.Ф.* (1996). Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996.
- Кельсиев, 1860** – *Кельсиев В.* (1860). Сборник правительственных сведений о раскольниках. Ч. 2. Лондон, 1860. 221 с.
- Кириллов, 1916** – *Кириллов И.А.* (1916). Правда старой веры. М.: Типография тов-ва Рябушинских, 1916.
- Книга зеркало таинств..., 2004** – *Книга зеркало таинств и конца всемирного.* М.: Старообрядческое издательство «Третий Рим», 2004.
- Книга о вере..., 1648** – *Книга о вере единственной истинной православной.* М.: Печатный двор, 1648.
- Книга об антихристе, 2007** – *Книга об антихристе.* СПб.: Амфора, 2007.
- Костомаров, 1871** – *Костомаров Н.И.* (1871). История раскола у раскольников. *Вестник Европы.* 1871. 3(4): 470-537.
- Макарий, 2006** – *Макарий (Булгаков).* (2006) Православно-догматическое богословие. Т. 2. СПб.: Аксион эстин, 2006.
- Мальцев, 1988** – *Мальцев А.И.* (1988). Социально-политические взгляды Евфимия по его сочинениям и позднейшим старообрядческим источникам. Новосибирск, 1988.
- Мальцев, 1995** – *Мальцев А.И.* (1995). О взаимоотношениях старообрядцев филипповского и федосеевского согласий в XVIII в. // *Гуманитарные науки в Сибири.* 1995. 1: 55-61.
- Марков, 1914** – *Марков В.С.* (1914). К истории раскола старообрядчества: Переписка профессора Н.И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношений к нему правительства (1865–1904). М., 1914. 943 с.
- Мельгунов, 1919** – *Мельгунов С.П.* (1919). Из истории религиозно-общественных движений в России XIX в. М.: Задруга, 1919. 237 с.
- Мельников, 1915** – *Мельников Ф.Е.* (1915). О старообрядческом священстве до митрополита Амвросия. М.: Типография Товарищества Рябушинских, 1915. 26 с.
- Мельников, 1991** – *Мельников Ф.Е.* (1991). История старообрядческой церкви. Краткий очерк. М.: Церковь, 1991. 38 с.
- Мельников, 1999** – *Мельников Ф.Е.* (1999). Краткая История древнеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул: Лествица, 1999. 570 с.

- Нильский, 1869 – Нильский И. (1869). Семейная жизнь в русском расколе. Исторический очерк раскольнического учения о браке. СПб., 1869. Т. 1–2.
- Нильский, 1899 – Нильский И.Ф. (1899). Об антихристе против раскольников. СПб., 1899.
- Оксиюк, 1999 – Оксиюк М. (1999). Эсхатология св. Григория Нисского. М.: Паломник, 1999.
- Поздняков, 1994 – Поздняков С.В. (1994). К вопросу о философской концепции протопопа Аввакума // *Старообрядчество: история, культура, современность*. 1994. 1: 23–30.
- Православная энциклопедия, 2001 – Православная энциклопедия. Т. 2. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001.
- Пругавин, 1904 – Пругавин А.С. (1904). Старообрядчество во второй половине XIX в.: Очерк из новейшей истории раскола. М., 1904. 280 с.
- Раскол..., 1882 – Раскол в России. Извлечения из журнала «Русский вестник». [б/м]. 1882. 656 с.
- Рассказы..., 1861 – Рассказы из истории старообрядчества, по раскольничьим рукописям, переизданным С. Максимовым. СПб., 1861. 164 с.
- Смирнов, 1893 – Смирнов П.С. (1893). История русского раскола старообрядчества. Рязань, 1893. 348 с.
- Смирнов, 1898 – Смирнов П.С. (1898). Внутренние вопросы в расколе. СПб.: Товарищество «Печатня С.В. Яковлева», 1898.
- Смирнов, 1909 – Смирнов П.С. (1909). Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб.: Типография М. Меркушева, 1909.
- Собрание постановлений..., 1875 – Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1875. 694 с.
- Старая вера..., 1914 – Старая вера: Старообрядческая хрестоматия. М., 1914. 400 с.
- Стрельбицкий, 1898 – Стрельбицкий И. (1898). История русского раскола, известного под именем старообрядчества. Одесса, 1898. 216 с.
- Студинський, 1895 – Студинський К.Й. (1895). Пересторога – руський пам'ятник початку XVII в. Львів. 1895
- Субботин, 1874–1886 – Субботин Н.И. (1874–1886). Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 1–8. М.: Братское слово, 1874–1886.
- Тайны раскольников..., 1871 – Тайны раскольников, старообрядцев и других сектаторов. Составлены на основании неизданных записок и документов В. Поповым. СПб., 1871. 127 с.
- Филарет, 1882 – Филарет (Гумилевский) (1882). Православное догматическое богословие. СПб., 1882.
- Якименко, 1995 – Якименко Б.Г. (1995). Эсхатологическая идея Града Небесного Нового Иерусалима и ее отражение в общественной мысли Руси XIII – нач. XVIII вв. Старообрядчество: история, культура, современность. 1995. 3
- Ясашнов, 1908 – Ясашнов М.Ф. (1908). Наше старообрядчество: Его ближайшие задачи и основные стремления. М., 1908. 48 с.
- Daley, 1991 – Daley, B.E. The Hope of the Early Church. Cambridge: Cambridge University Press. 1991.
- Degtyarev, 2014 – Degtyarev S. The History of Bureaucracy of the Russian Empire in the Russian Historiography of XIX – Early XX Century // *Bylye Gody*. 2014. 34(4): 554–558.
- Lebid, Shevchenko, 2021a – Lebid A., Shevchenko N. Review of Pre-Revolutionary Historiography of Schismatics, Heresies and Sectarianism in The Russian Empire // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1211–1224.
- Lebid, Shevchenko, 2021b – Lebid A., Shevchenko N. Some Aspects of the Religious Life of the Ukrainian Provinces of the Russian Empire in the first half of the 19th century // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 629–640.

References

- Anderson, 1904 – Anderson, V. (1904). Staroobryadchestvo i sektantstvo. Istoricheskij ocherk religioznogo raznomysliya [Old Believers and Sectarianism. A Historical Sketch of Religious Dissent]. SPb. 460 p. [in Russian]
- Andreev, 1870 – Andreev, V.V. (1870). Raskol i ego znachenie v narodnoj russkoj istorii. Istoricheskij ocherk [The Schism and its significance in Russian national history. Historical Sketch]. SPb, 412 p. [in Russian]
- Arsenij Ural'skij, 1999 – Arsenij Ural'skij (1999). Opravdanie Staroobryadstvuyushchej Svyatoj Hristovoj Cerkvi v otvetah na prityazatel'nye i nedoumitel'nye voprosy nastoyashchego vremeni. Pis'ma [The Justification of the Old-Ritualist Holy Church in Answers to the Claiming and Perplexing Questions of the Present Age. Letters]. Moskva: Kitez. [in Russian]
- Arsenij Ural'skij, 2005 – Arsenij Ural'skij (2005). Kniga ob antihriste i o prochih dejstvakh, izhe pri nem byti hotyashchih [The Book of the Antichrist...]. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury. [in Russian]
- Avgustin Blazhennyj, 1998 – Avgustin Blazhennyj (1998). Tvoreniya, T. 4: O Grade Bozh'em. Knigi IV–XXII [Works: On the City of God]. Sankt-Peterburg: Aleteja. [in Russian]
- Belyaev, 1898 – Belyaev, A.D. (1898). O bezbozhii i antihriste [On Godlessness and the Antichrist]. Sergiev Posad. [in Russian]

- Besedy..., 1915** – Besedy staroobryadcev Belokrinickoj ierarhii s staroobryadcami pomorcami v Moskve, v 1913 godu (stenograficheskaya zapis') [Talks of the Old Believers of the Belokrinitsa Hierarchy with the Old Believers of the Pomors in Moscow, 1913 (verbatim record)]. Moskva, 1915. [in Russian]
- Borozdin, 1907** – *Borozdin, A.K.* (1907). Russkoe religioznoe raznomyslie [Russian Religious Dissent]. SPb, 236 p. [in Russian]
- Brokgauz, Efron, 1899** – *Brokgauz, F.A., Efron, I.A.* (1899). Raskol [The Schism]. Enciklopedicheskiĭ slovar'. Tom 26. SPb. Pp. 284-303. [in Russian]
- Bykovskij, 1906** – *Bykovskij, I.K.* (1906). Istoriya staroobryadchestva vsekh soglasij. Edinoverie, nachalo raskola i sektantstva [History of Old Believers of all faiths. Unificationism, the beginning of schism and sectarianism]. Moskva, 144 p. [in Russian]
- Daley, 1991** – *Daley, B.E.* (1991). The Hope of the Early Church. Cambridge: Cambridge University Press.
- Degtyarev, 2014** – *Degtyarev, S.* (2014). The History of Bureaucracy of the Russian Empire in the Russian Historiography of XIX – Early XX Century. *Bylye Gody.* 34(4): 554-558. [in Russian]
- Ershova, 1995** – *Ershova, O.P.* (1995). Rol' Ministerstva vnutrennih del v formirovanii politiki v otnoshenii staroobryadchestva v seredine XIX v. [The role of the Ministry of Internal Affairs in shaping policy toward Old Believers in the mid-19th century]. *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'*. 4: 9-18. [in Russian]
- Esipov, 1863** – *Esipov, G.* (1863). Raskol'nich'i dela XVIII stoletiya, izvlechennye iz del Preobrazhenskogo prikaza i tajnoj rozysknyh del kancelyarii G. Esipovym [Schismatic cases of the 18th century, extracted from the cases of the Preobrazhensky Prikaz and the secret investigation files of the office by G. Esipov]. SPb. 546 p. [in Russian]
- Filaret, 1882** – *Filaret (Gumilevskij).* (1882). Pravoslavnoe dogmaticheskoe bogoslovie [Orthodox dogmatic theology]. SPb. [in Russian]
- Gur'yanova, 1988** – *Gur'yanova, N.S.* (1988). Krest'yanskij antimonarhicheskiĭ protest v staroobryadcheskoj eschatologicheskoi literature perioda pozdnego feodalizma [Peasant antimonarchist protest in old believer eschatological literature of late feudalism]. Novosibirsk: Nauka. [in Russian]
- Gur'yanova, 1996** – *Gur'yanova, N.S.* (1996). Istoriya i chelovek v sochineniyah staroobryadcev XVIII v. [History and Man in the Writings of Old Believers of the 18th Century]. Novosibirsk, 232 p. [in Russian]
- Gur'yanova, 2010** – *Gur'yanova, N.S.* (2010). Ob eschatologicheskikh postroeniyah staroobryadcev-bespopovcev v XVIII v. [On the eschatological constructs of the Old Believers of the Unbelievers in the 18th century]. *Tradicii otechestvennoj duhovnoj kul'tury v narrativnykh i dokumental'nykh istochnikakh XV-XXI vv.* Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN. Pp. 119-160. [in Russian]
- Ioanov, 1855** – *Ioanov, A.* (1855). Polnoe istoricheskoe izvestie o drevnih strigol'nikah i novykh raskol'nikah, tak nazyvaemykh staroobryadcah, sobrannoe iz potaennykh staroobryadcheskiĭ predanij, zapisok i pisem [Full Historical Account of the Ancient Strigolniks and New Schismatics, the So-Called Old Believers]. SPb. 341 p. [in Russian]
- Kapterev, 1996** – *Kapterev, N.F.* (1996). Patriarh Nikon i car' Aleksej Mihajlovich [Patriarch Nikon and Tsar Alexei Mikhailovich]. T. 1. Moskva: Izdatel'stvo Spaso-preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya. [in Russian]
- Kel'siev, 1860** – *Kel'siev, V.* (1860). Sbornik pravitel'stvennykh svedenij o raskol'nikah [Compendium of government information on dissenters]. Ch.2. London. 221 p. [in Russian]
- Kirillov, 1916** – *Kirillov, I.A.* (1916). Pravda staroj very [The Truth of the Old Faith]. Moskva: Tipografiya tov-va Ryabushinskiĭ. [in Russian]
- Kniga o vere, 1648** – *Kniga o vere edinstvennoj istinnoj pravoslavnoj* [A book about faith]. Moskva: Pechatnyj dvor, 1648. [in Russian]
- Kniga ob antihriste, 2007** – *Kniga ob antihriste* [The Book of the Antichrist]. Sankt-Peterburg: Amfora, 2007. [in Russian]
- Kniga zercalo tainstv, 2004** – *Kniga zercalo tainstv i konca vsemirnogo* [The Book of the Mirror of the Mysteries and the End of the World]. Moskva: Staroobryadcheskoe izdatel'stvo «Tretij Rim». [in Russian]
- Kostomarov, 1871** – *Kostomarov, N.I.* (1871). Istoriya raskola u raskol'nikov [The history of schism in schismatics]. *Vestnik Evropy.* 3(4): 470-537. [in Russian]
- Lebid et al., 2021** – *Lebid, A.E., Kostenko, A.M., Shevchenko, N.A.* (2021). N.V. Varadinov's research papers and publications as a source on the history of the Russian Empire of the first half of the 19th century. *Bylye Gody.* 16(1): 118-125.
- Lebid, Shevchenko, 2021a** – *Lebid, A., Shevchenko, N.* (2021). Review of Pre-Revolutionary Historiography of Schismatics, Heresies and Sectarianism in The Russian Empire. *Bylye Gody.* 16(3): 1211-1224.
- Lebid, Shevchenko, 2021b** – *Lebid, A., Shevchenko, N.* (2021). Some Aspects of the Religious Life of the Ukrainian Provinces of the Russian Empire in the first half of the 19th century. *Bylye Gody.* 16(2): 629-640.
- Makarij, 2006** – *Makarij (Bulgakov).* (2006). Pravoslavno-dogmaticheskoe bogoslovie [Orthodox and Dogmatic Theology]. T. 2. Sankt-Peterburg: Aksion estin. [in Russian]

- Mal'cev, 1988** – *Mal'cev, A.I.* (1988). Social'no-politicheskie vzglyady Evfimiya po ego sochineniyam i pozdnejshim staroobryadcheskim istochnikam [The Social and Political Views of Euphemia according to his writings and later Old Believer sources]. Novosibirsk. [in Russian]
- Mal'cev, 1995** – *Mal'cev, A.I.* (1995). O vzaimootnosheniyah staroobryadcev filippovskogo i fedoseevskogo soglasij v XVIII v. [On the Relationship of Old Believers of the Filippov and Fedoseevsky Sessions in the 18th Century]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 1: 55-61. [in Russian]
- Markov, 1914** – *Markov, V.S.* (1914). K istorii raskola staroobryadchestva: Perepiska professora N.I. Subbotina, preimushchestvenno neizdannaya, kak material dlya istorii raskola i otnoshenij k nemu pravitel'stva (1865–1904) [Toward a History of the Old Believer Schism]. Moskva. 943 p. [in Russian]
- Mel'gunov, 1919** – *Mel'gunov, S.P.* (1919). Iz istorii religiozno-obshchestvennyh dvizhenij v Rossii XIX v. [From the History of Religious and Social Movements in Russia in 19th]. Moskva: Zadruga, 237 p. [in Russian]
- Mel'nikov, 1915** – *Mel'nikov, F.E.* (1915). O staroobryadcheskom svyashchenstve do mitropolita Amvroziya [On the Old Believer priesthood before Metropolitan Ambrosius]. Moskva: Tipografiya Tovarishchestva Ryabushinskih, 26 p. [in Russian]
- Mel'nikov, 1991** – *Mel'nikov, F.E.* (1991). Istoriya staroobryadcheskoj cerkvi. Kratkij ocherk [History of the Old Believer Church]. Moskva: Cerkov', 38 p. [in Russian]
- Mel'nikov, 1999** – *Mel'nikov, F.E.* (1999). Kratkaya Istoriya drevnepравoslavnoj (staroobryadcheskoj) cerkvi [A Brief History of the Old Orthodox (Old Believers) Church]. Barnaul: Lestvica, 570 p. [in Russian]
- Nil'skij, 1869** – *Nil'skij, I.* (1869). Semejnaya zhizn' v russkom raskole. Istoricheskij ocherk raskol'nicheskogo ucheniya o brake [Family Life in the Russian Schism. A Historical Sketch of the Schism's Teaching on Marriage]. SPb. T. 1-2. [in Russian]
- Nil'skij, 1899** – *Nil'skij, I.F.* (1899). Ob antihriste protiv raskol'nikov [About the Antichrist against the schismatics]. SPb. [in Russian]
- Oksiyuk, 1999** – *Oksiyuk, M.* (1999). Eskhatologiya sv. Grigoriya Nisskogo [The Eschatology of St. Gregory of Nyssa]. Moskva: Palomnik. [in Russian]
- Pozdnyakov, 1994** – *Pozdnyakov, S.V.* (1994). K voprosu o filosofskoj koncepcii protopopa Avvakuma [On the Philosophical Concept of the Protopop Avvakum]. *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'*. 1: 23-30. [in Russian]
- Pravoslavnaya enciklopediya, 2001** – Pravoslavnaya enciklopediya [Orthodox Encyclopedia]. T. 2. Moskva: Cerkovno-nauchnyj centr «Pravoslavnaya enciklopediya», 2001. [in Russian]
- Prugavin, 1904** – *Prugavin, A.S.* (1904). Staroobryadchestvo vo vtoroj polovine XIX v.: Ocherk iz novejshej istorii raskola [Old Believers in the second half of the 19th century]. Moskva. 280 p. [in Russian]
- Raskol..., 1882** – Raskol v Rossii. Izvlecheniya iz zhurnala «Russkij vestnik» [The Schism in Russia. Excerpts from the journal “Russky Vestnik”]. [b/m]. 1882. 656 p. [in Russian]
- Rasskazy..., 1861** – Rasskazy iz istorii staroobryadchestva, po raskol'nich'im rukopisyam, pereizdannym S. Maksimovym [Stories from the History of Old Belief, from schismatic manuscripts]. SPb. 1861. 164 p. [in Russian]
- Smirnov, 1893** – *Smirnov, P.S.* (1893). Istoriya russkogo raskola staroobryadchestva [History of the Russian Old Believer Schism]. Ryazan'. 348 p. [in Russian]
- Smirnov, 1898** – *Smirnov, P.S.* (1898). Vnutrennie voprosy v raskole [Internal Issues in the Schism]. SPb: Tovarishchestvo «Pechatnya S.V. Yakovleva». [in Russian]
- Smirnov, 1909** – *Smirnov, P.S.* (1909). Spory i razdeleniya v russkom raskole v pervoj chetverti XVIIIveka [Disputes and Divisions in the Russian Schism in the First Quarter of the Eighteenth Century]. SPb: Tipografiya M. Merkusheva. [in Russian]
- Sobranie postanovlenij..., 1875** – Sobranie postanovlenij po chasti raskola [Collection of Resolutions on the Part of the Schism]. SPb. 694 p. [in Russian]
- Staraya vera, 1914** – Staraya vera: Staroobryadcheskaya hrestomatiya [The Old Faith: An Old Believer Textbook]. Moskva. 400 p. [in Russian]
- Strel'bickij, 1898** – *Strel'bickij, I.* (1898). Istoriya russkogo raskola izvestnogo pod imenem staroobryadchestva [History of the Russian Schism known as Old Belief]. Odessa. 216 p. [in Russian]
- Studins'kij, 1895** – *Studins'kij, K.J.* (1895). Perestoroga – rus'kij pamyatnik pochatku XVII v. L'viv. [in Ukrainian]
- Subbotin, 1874–1886** – *Subbotin, N.I.* (1874–1886). Materialy dlya istorii raskola za pervoe vremya ego sushchestvovaniya [Materials for the History of the Schism in its First Period of Existence]. T 1-8. Moskva: Bratskoe slovo. [in Russian]
- Tajny raskol'nikov, 1871** – Tajny raskol'nikov, staroobryadcev i drugih sektatorov. Sostavleny na osnovanii neizdannyh zapisok i dokumentov V. Popovym [Secrets of schismatics, Old Believers and other sectarians]. SPb. 127 p. [in Russian]
- Varadinov, 1863** – *Varadinov, N.V.* (1863). Istoriya Ministerstva vnutrennih del. Vos'maya, dopolnitel'naya kniga [History of the Ministry of the Interior. The Eighth, Supplementary Book]. SPb.: Tipografiya Ministerstva vnutrennih del, 656 p. [in Russian]

Varakin, 2000 - Varakin, D.S. (2000). Rassmotrenie primerov, privodimyh v zashchitu reform patriarha Nikona [Consideration of examples given in defense of the reforms of Patriarch Nikon]. Moskva: Izdatel'stvo zhurnala «Cerkov'». [in Russian]

Vasilevskij, 1914 - Vasilevskij, M.N. (1914). Gosudarstvennaya sistema otnoshenij k staroobryadcheskomu raskolu v carstvovanie imperatora Nikolaya I [State system of relations to the Old Believer schism in the reign of Emperor Nikolai I]. Kazan'. 254 p. [in Russian]

Vert, 2012 - Vert, P. (2012). Pravoslavie, inoslavie, inoverie: ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossijskoj imperii [Orthodoxy, Non-Orthodoxy, and Non-Orthodoxy: Essays on the History of Religious Diversity in the Russian Empire]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 210 p. [in Russian]

Vurgaft, Ushakov, 1996 - Vurgaft, S.G., Ushakov, I.A. (1996). Staroobryadchestvo. Lica, sobytiya, predmety, i simvoly. Opyt enciklopedicheskogo slovarya [Old Believers. Persons, Events, Objects, and Symbols. The Experience of an Encyclopedic Dictionary]. Moskva: Cerkov'. [in Russian]

Vvedenskij, 1912 - Vvedenskij, A. (1912). Dejstvuyushchie zakonopolozheniya kasatel'no staroobryadcev i sektantov [Current legal provisions for Old Believers and Sectarians]. Odessa, 1197 p. [in Russian]

Yakimenko, 1995 - Yakimenko, B.G. (1995). Eskhatologicheskaya ideya Grada Nebesnogo Novogo Ierusalima i ee otrazhenie v obshchestvennoj mysli Rusi XIII - nach. XVIII vv. [The eschatological idea of the Heavenly City of New Jerusalem and its reflection in the social thought of Russia in the XIII - early XVIII centuries]. *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'*. 3. [in Russian]

Yasashnov, 1908 - Yasashnov, M.F. (1908). Nashe staroobryadchestvo: Ego blizhajshie zadachi i osnovnye stremleniya [Our Old Believership: Its Immediate Objectives and Main Aspirations]. Moskva, 48 p. [in Russian]

Zen'kovskij, 2006 - Zen'kovskij, S.A. (2006). Russkoe staroobryadchestvo [Russian Old Believers]. V dvuh tomah. Moskva: Institut DI-DIK, 688 p. [in Russian]

Zhitie..., 2010 - Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe i drugie ego sochineniya [The Life of Protopop Avvakum]. Sankt-Peterburg: Izdatel'skaya gruppa «Azbuka-klassika». 2010. [in Russian]

История старообрядчества Российской империи XVII – начала XX вв. в контексте развития их догматического вероучения

Андрей Евгеньевич Лебедь ^{a, b, *}, Анатолий Анатольевич Макогон ^a

^a Сумской государственный университет, Сумы, Украина

^b Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы становления и развития идеи и культа старообрядчества в Российской империи. Проанализировано учение об антихристе в русской православной традиции, которое носило буквальный характер. Показано, что в западной христианской традиции не было четкого и ясного учения об антихристе. Антихристами, как правило, назывались противники Церкви и политические оппоненты. Эти воззрения позднее повлияли на становление старообрядческой теории «расчлененного антихриста». Во внутрипротестантской полемике антихристами называли представителей других, идейно враждебных, протестантских течений.

Доказано, что на старообрядческое учение о духовном антихристе более всего повлияли две книги, изданные еще до раскола: «Книга Кирилла Иерусалимского» и «Книга о вере», причем обе они снискали авторитет среди различных версий старообрядчества.

Кризис концепции Третьего Рима, упадок благочестия и прочие события повлияли на дальнейшее развитие старообрядцев, не принявших реформы Никона и ставших в жесткую религиозную оппозицию по отношению к ним.

В качестве антихриста старообрядцы имели в виду конкретную личность, например патриарха Никона, царя Алексея Михайловича, Арсения Грека – видного деятеля Никоновских реформ, императора Петра I и др., выражая тем самым свою оппозицию по отношению к ним.

Другая часть старообрядцев пыталась размышлять об антихристе не буквально, а иносказательно, аллегорически. Так, постепенно закреплялась теория о том, что антихрист есть отступление от истинной веры. Таким образом, старообрядчество разделилось на тех, кто понимает антихриста духовно, и на «чувственников» – сторонников буквального толкования этого образа. Различие во взглядах на фигуру антихриста стало решающим в разделении старообрядцев на два направления: поповцев и беспоповцев.

Ключевые слова: Российская империя, старообрядцы, традиция, вероучение, догматика, конец истории, образование, дискриминация, социальная изоляция, дискриминационное законодательство, дискриминационная политика.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (А.Е. Лебедь)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1551-1563
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1551

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Images of Antipodes of Peter I in Russian Pre-Revolutionary Historiography: Construction, Functions, Interaction

Nikolaj A. Mininkov ^{a,*}, Artyom Yu. Peretyatko ^{b,c}

^a South Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

^b Cherkas Global University, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of the images of the antipodes of Peter I in Russian pre-revolutionary historiography. The authors proceed from the fact that a historical narrative can be not only a scientific, but also a figurative and artistic work. In the latter case, it is fundamentally important how the historian builds images in his narrative. The article analyzes the works of I.I. Golikov, N.G. Ustryalov, N.I. Krasnov, M.N. Pokrovsky and P.N. Krasnov. The authors come to the conclusion that in all the cases they analyzed, the construction of the images of antipodes pursued primarily publicist and presentational goals. It helped the historian to reveal the current socio-political concept using historical examples. However, the difference between these concepts forced historians to choose different characters for the role of the antipodes of Peter I and build the relationship between the images of the hero and his antipode in different ways. In the case of I.I. Golikov and N.G. Ustryalov, the idealized Peter I was opposed by the demonized I.S. Mazep and tsarevna Sophia. N.I. Krasnov, on the contrary, revealed the shortcomings of the figure of Peter I by opposing him to K.A. Bulavin, and both of these characters in his narrative were rather positive, which made it possible to interpret their conflict as a tragedy. M.N. Pokrovsky, sharply criticizing Peter I, clearly contrasts his own author's image of the emperor with his traditional image in Russian historiography, drawing his own Peter I from the contrary. Finally, P.N. Krasnov, trying to restore the idealized image of the emperor, discredited image of K.A. Bulavin by N.I. Krasnov, creating an antipode to an antipode.

Keywords: historiography, antipodes, Peter I, I.S. Mazepa, tsarevna Sophia, K.A. Bulavin.

1. Введение

Филологический поворот в современном научном гуманитарном познании предполагает использование в нем понятия «образ», широко распространенного в литературоведении. Однако образы исторических персонажей создавались историками и ранее. Осознанно или нет, отдельные историки стремились с помощью образов доказательно утвердить в сознании читателя свои политические идеи и исторические воззрения. Одним из распространенных приемов для достижения этой цели было использование сравнений, к которому историки приходили путем элементарного логического мышления: сравнение образов нескольких исторических персонажей позволяло убедительно и доступно донести до читателя важные для исследователя идеи. Значительным достоинством этого приема были его демократичность и простота: с одной стороны, как мы увидим ниже, к нему интуитивно прибегали и авторы, не имевшие специального исторического образования, а с другой – использование сравнения позволяло создавать литературные и понятные широкому читателю тексты. Частным случаем сравнения является создание образов, выражающих крайности и противопоставляемых друг другу, т. е. формирование образов исторических антиподов. Однако если

* Corresponding author

E-mail addresses: mininkov@aaanet.ru (N.A. Mininkov), ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

тема конструирования образов в отечественной историографии анализировалась многократно, то тема использования российскими историками в своем нарративе образов-антиподов остается почти не изученной. Поэтому в своей статье мы хотели проанализировать на конкретном примере, как отечественные историки конструировали не просто образы, но образы-антиподы, как взаимодействовали между собой эти образы в рамках отдельного авторского повествования и, шире, в рамках историографии в целом.

Для достижения этой цели мы решили обратиться к работам нескольких российских дореволюционных исследователей, посвященных Петру I. В 2014 г. филолог О.Н. Шевцова в одной из своих статей проанализировала композицию «Истории царствования Петра Великого» Н.Г. Устрялова и отметила, что «начиная с “Деяний Петра Великого” И.И. Голикова, в историографии была заложена другая традиция, по которой историком формировался образ главного врага царя, его своеобразный антипод» (Шевцова, 2014: 118). К сожалению, подробно обосновывать и развивать данную мысль О.Н. Шевцова не стала, ограничившись указанием на то, что у И.И. Голикова антиподом Петру является И.С. Мазепа, а у Н.Г. Устрялова – царевна Софья (Шевцова, 2014: 118-119). Даже конкретный образ Софьи у Н.Г. Устрялова О.Н. Шевцова подробно не анализировала, но указала на то, что «сильный и демонический образ главного противника Петра» был важен для композиции «Истории царствования Петра Великого», причем об этом она написала в той части своей статьи, которая посвящена «художественной образности» разбираемого ею текста Н.Г. Устрялова (Шевцова, 2014: 117-118). Таким образом, из исследования О.Н. Шевцовой следует, что создание образов антиподов Петра I достаточно распространено в отечественной историографии, а работа авторов с этими антиподами может быть значима для композиции их текстов, причем не только содержательно-научной, но и образно-художественной.

Тот факт, что историки часто конструировали образы отдельных персоналий при описании Петровской эпохи, объясняется спецификой самого исторического материала. Исключительно яркая и харизматичная личность первого российского императора привлекала к себе множество людей. Наиболее выдающиеся из них, преуспевшие как в сфере государственной и военной деятельности, так и, не в меньшей степени, в злоупотреблениях и казнокрадстве, широко известны не только в историографии, но и в отечественной культуре, в которой они представлены, начиная с «Полтавы» А.С. Пушкина, под собирательным образом «птенцов гнезда Петрова». Вне учета исторической роли этих лиц и влияния их на самого монарха в историографии не было бы создано сколько-нибудь полного и законченного образа самого Петра Великого. Не случайно в этой связи обобщенную монографическую характеристику личности и деятельности видных людей из ближайшего петровского окружения давал выдающийся исследователь российской истории раннего Нового времени Н.И. Павленко (Павленко, 1985). Имеется немало исторических трудов и произведений художественной литературы об отдельных выдающихся сподвижниках царя-реформатора (Беспярых, 2008; Дружинин, 1997; Дудаков, 2011).

Но у Петра I были не только единомышленники и сподвижники. На жизненном пути его вставали и совершенно иные люди, противостоявшие царю или с самого начала его жизни, или в ходе сложившихся определенным образом исторических обстоятельств. Несомненно, что их характеристики и анализ действий Петра I по отношению к ним не в меньшей степени способствуют углубленному раскрытию личности царя, чем описания его отношений со сподвижниками. Поэтому логично и закономерно, что размышления историков о личности и деятельности Петра Великого заставляли их обращаться и к персоналиям противников царя. И в некоторых случаях в нарративе историка кто-то из идейных противников Петра I дорастал до его полноценного антипода, с конструированием полноценного образа и раскрытием личности и политики первого русского императора через противопоставление этому образу. Это уже само по себе предполагает признание исторической значимости деятельности антиподов для времени царствования Петра I, прежде всего тогда, когда они прямо выступали против царя. Однако для историков обращение к личностям петровских антиподов еще и давало возможность более ярко и конкретно представить петровское время как исторический период, полный глубоких внутренних противоречий и острейших противостояний на общественном и личном уровне.

Конечно, противников Петра I в русском обществе того времени было множество. На это прямо указывал еще писатель и экономист того времени И.Т. Посошков. Он писал, что «великий наш монарх <...> ничего не успеет, потому что пособников по его желанию не много, он на гору аще и сам-десять тянет, а под гору миллионы тянут» (Посошков, 1951: 99). И, хотя открыто высказывали свое недовольство Петром I далеко не все из них, даже в дошедших до нас архивных материалах представлено недовольство представителей разных слоев населения. Как справедливо писал Е.Ф. Шмурло, разговоры с критикой царя вели «сын боярский, крестьянин, нищий, хлебный старец монастырский, раскольник, посадский человек, драгунский капитан и отставной прапорщик; кликуша, старица-черница, дьячек и священник, каждый на свой лад, и все на одну тему: "какой это царь! Весь мир переел, немцы обошли его! Давно бы разделаться с ним надо!"» (Шмурло, 1912: 5-6). Известия о подобных «непригожих» высказываниях историк получал из множества дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии.

Но все эти люди, проходившие по делам о «непригожих речах», были людьми второго исторического плана. Противопоставлять их царю, презентовать их в качестве полноценных антиподов Петра I историки не могли. Да и сам царь об абсолютном большинстве таких лиц просто ничего не знал, поскольку их дело ограничивалось застенками и пыточными карательных учреждений. На роль антиподов Петра I, как мы указывали выше, подходили только личности, чья деятельность была значима для царствования первого российского императора, люди, имевшие определенное политическое влияние и общественный вес, персонажи, представлявшие интересы серьезных в социальном и политическом отношении сил. Такие люди часто и сами прямо противопоставляли себя царю, а их действия представляли для него определенную опасность. Соответственно, свое отношение к подобным персонажам проявляли разные историки, исследовавшие Петровскую эпоху, однако на роль петровского антипода они выбирали разных лиц. Отношение к конкретным противникам Петра I у разных историков не было одинаковым и зависело от многих обстоятельств, и важнейшей из которых была сама цель историка, создававшего образ царского антипода. Ею могли быть как стремление к более полной и глубокой характеристике самого Петра I, так и апология царя за счет демонизации его противников, а в некоторых случаях антиподы интересовали историка сами по себе, становясь не вспомогательными фигурами для описания личности императора, но фигурами, равновеликими ему.

Следовательно, образы антиподов Петра Великого в трудах историков интересны не только в контексте изучения того, как происходит формирование образов исторических антиподов, но и сами по себе, поскольку они представляют собой значимое явление в рамках обширной отечественной историографии на петровскую тему.

2. Материалы и методы

В качестве примеров мы избрали нарративы пятерых авторов, совершенно различных по значению в отечественной историографии, уровню владения методами исторической науки, амбициям и политической позиции. Их объединяет то, что они в своем нарративе противопоставляли образу Петра I образ другого персонажа (за одним исключением, в котором уместнее говорить об антипode антипода). Этими авторами являются И.И. Голиков («Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России»), Н.Г. Устрялов («История царствования Петра Великого»), Н.И. Краснов («Исторические очерки Дона. Усмирение Петром Великим Булавинского бунта»), М.Н. Покровский («Русская история с древнейших времен») и П.Н. Краснов («Картины былого Тихого Дона»). Мы проанализируем их повествовательную стратегию, соотношение образов героя и антипода в их нарративе и на этом основании покажем, насколько сложным и неожиданным может быть конструирование образов антиподов в историческом повествовании.

3. Результаты

И.И. Голиков

Первый образ антипода Петра I прослеживается уже в первом большом российском труде об императоре, созданном И.И. Голиковым. Этот историк конца XVIII в. принадлежал к решительным апологетам царя. «Голиковский Петр I – это прежде всего неутомимый работник, рачительный и заботливый хозяин, доходивший в своих заботах и наставлениях до каждого подданного», – писал исследователь творчества И.И. Голикова С.А. Мезин (Мезин, 1991: 103). Подобная оценка уже не вполне соответствовала исторической мысли своего времени, когда стал заметен отход от апологетики царя времени Феофана Прокоповича и М.В. Ломоносова, вызванный стремлением к более глубокому пониманию не только позитивных, но и негативных сторон петровского царствования. Однако И.И. Голиков не принял этого поворота в общественной мысли России и в формировавшейся отечественной исторической науке по отношению к создателю Российской империи. Решительно защищая Петра I якобы от нападок шведского автора И.Г. Страленберга, который был в русском плену, И.И. Голиков имел в виду вовсе не И.Г. Страленберга, умершего к тому времени. Он имел в виду своих современников, прежде всего представителей просвещенного дворянства, вроде князя М.М. Щербатова, которые допускали критику отдельных сторон деятельности царя (Виденкина, 2021: 24).

Не приемля критику Петра I, И.И. Голиков в то же время понимал, что апологетика царя должна быть убедительной. Добивался он этого, в частности, путем создания образа петровского антипода. На эту роль он избрал украинского гетмана И.С. Мазепу. При всем своем крайне негативном отношении к гетману И.И. Голиков тем самым показал, возможно сам не осознавая этого, насколько крупным и незаурядным был этот деятель российской и украинской истории (Таирова-Яковлева, 2011: 10). В то же время в рамках российской традиции фигура И.С. Мазепы объективно является наиболее очевидной для создания убедительного для читателя негативного образа царского антипода. Его канонический образ в русской культуре основан на теме предательства, принципиально важной в христианской культурной традиции и не утратившей свое значение в Новое время. В этой связи показательна известная история с чеканкой в Российской империи в 1709 г. уникального ордена Иуды для И.С. Мазепы. Современные исследователи Д.И. Антонов и М.Р. Майзульс интерпретируют

вкладываемое в него российскими властями символическое значение так: «Чтобы осудить и дискредитировать изменника, они мобилизуют самый мощный из негативных образов – фигуру Иуды, апостола-хриstopродавца» (Антонов, Майзульс, 2013: 204-205).

Поэтому и И.И. Голиков строил свой подчеркнuto негативный образ гетмана И.С. Мазепы на основе темы измены его России и Петру I. Начало измены, согласно И.И. Голикову, имело место тогда, когда гетман после поражения шведов при Лесной написал два письма Карлу XII, «обнадеживая его как о своем, так и о всех малороссийских людях доброхотстве и готовности к услугам» (Голиков, 1838: 24). Историк всячески подчеркивал как серьезность подготовки И.С. Мазепы к переходу на сторону шведов, так и то, что гетман при этом поддерживал уверенность Петра в его верной службе. При описании этих событий И.И. Голиков использовал подчеркнuto экспрессивную лексику: «изверг сей, под видом осторожности от вторжения неприятельского, укрепил для него нужные города, паче же Батуриин, Ромен и Гадяч, и снабдил оное множеством провианта и всякой амуниции» (Голиков, 1838: 24). Чтобы скрыть свои замыслы от царя, гетман приказывал в своих универсалах народу «блостися от страшного неприятеля, неприятеля, намеревающагося вступить в их отечество», чтобы все это «не подпало обычному шведскому грабительству» (Голиков, 1838: 24). Но все это, в интерпретации И.И. Голикова, петровский антипод делал с коварным замыслом, потому что «мнил <...> приуготовить королю шведскому укрепленные города и в них магазейны и соблюсти для него же все имущество малороссиян» (Голиков, 1838: 25). И «изверг» – это далеко не самое грубое оскорбление И.С. Мазепы в данном нарративе. Он еще «безбожный клятвопреступник», «коварник» и, конечно же, «второй Иуда» (Голиков, 1838: 24-26).

Однако предательские планы гетмана не осуществились. На пути их стал, как утверждал И.И. Голиков, сам «народ Малороссийский» (Голиков, 1838: 28). Как только Мазепа объявил своему войску о намерении перейти на сторону шведского короля, войско разбежалось, и с ним остались только «единомышленные ему» казацкие старшины и полторы–две тысячи служивших за жалованье сердюков (Голиков, 1838: 28). Народ, подчеркивал И.И. Голиков, не пошел за гетманом-изменником. Так был создан образ антипода царя, потерпевшего заслуженное поражение и вскоре после этого окончившего свои дни.

Таким образом, в нарративе И.И. Голикова образ антипода Петра I стилистически и идейно наиболее примитивен. Противопоставление Петра I и И.С. Мазепы морально предельно однозначно: это противостояние добра и зла, где одна сторона прямо сравнивается с Иудой. Поэтому в данном случае к образу царя образ его противника добавляет мало. Его функция скорее чисто служебная и сводится к возвеличиванию главного героя нарратива через демонстрацию аморальности его врагов.

Н.Г. Устрялов

Следующим по времени большим трудом, посвященным первому императору России, стало сочинение известного историка Н.Г. Устрялова «История царствования Петра Великого», которое автор посвятил императору Александру II. Но создавался этот труд еще при Николае I, когда образ Петра I стал одной из основ идеологии режима, наряду с теорией официальной народности: власть конструировала в массовом сознании петровский культ и способствовала сооружению монументов этого царя (Сокол, 2006: 39-44). Сказывалось личное отношение правящего императора к Петру I. По справедливому замечанию Р.С. Уортмана, Петр Великий – это «кумир Николая» (Уортман, 2002: 455). Все это не могло не сказаться на содержании труда близкого к властям историка. И для более полного и завершенного формирования образа героя-царя Н.Г. Устрялов использовал, как ранее И.И. Голиков, прием контраста, когда царю противопоставлялся его антипод. Но если И.И. Голиков предсказуемо избрал на роль петровского антипода гетмана И.С. Мазепу, то Н.Г. Устрялов проявил больше изобретательности, обратившись к фигуре царевны Софьи, чей образ получился у него крайне отталкивающим.

Этому способствовало как описание внешности царевны, так и логично его развивающее описание личных качеств Софьи. Царевна, по словам Н.Г. Устрялова, была «не красавица собой, нестройная станом от излишней тучности, с лицом суровым, она казалась несколькими годами старше, чем была действительно» (Устрялов, 1858а: 27). Столь же неприятны, как внешность, были и ее душевные качества: «Грудь ее пылала властолюбием и сладострастием; в голове таились отважные замыслы; ей душно было в скромном тереме» (Устрялов, 1858а: 27). «София захотела быть русскою Пульхериею», которая взяла реальную власть «из слабых рук брата своего, Феодосия» и «так долго и славно царствовала в Византии», – подчеркивал Н.Г. Устрялов притязания царевны (Устрялов, 1858а: 27). Этим притязаниям, согласно Н.Г. Устрялову, соответствовали методы борьбы ее за власть. «Бойкая на словах, хитрая, вкрадчивая, с смиренным благочестием на лице, с неукротимыми страстями в сердце», она сумела войти в доверие к старшему брату, царю Федору (Устрялов, 1858а: 27). Историк допускал, что уже во время похорон Федора Софья «обдумывала план, каким бы образом вырвать кормило правления из рук ненавистной мачехи» (Устрялов, 1858а: 28).

Он подробно показывал, как Софья от замыслов перешла к делу и обратилась к «ближнему свойственнику, поседевшему в крамоле, боярину Ивану Михайловичу Милославскому» (Устрялов, 1858а: 28). Он посоветовал ей привлечь стрельцов, «чтобы в кровавом бунте истребить фамилию

Нарышкиных и ее приверженцев», и далее при ее участии заговорщики составили «список обреченных на убийство» (Устрялов, 1858а: 28). «София со своими клеветами» распространяли слухи среди стрельцов, подталкивая их к бунту (Устрялов, 1858а: 29). Мы бы снова обратили внимание на оценочную лексику: она у Н.Г. Устрялова не так груба, как у И.И. Голикова, но относящиеся к царевне и ее сторонникам выражения типа «поседевший в крамоле», «клеветы», презентация цели ее заговора как «кровавого бунта» с истреблением семьи Нарышкиных направлены на формирование у читателя однозначного представления о Софье как об аморальной властолюбивце.

Страшная опасность, исходившая от стрельцов, поднявших бунт по проискам царевны, нисколько, как писал Н.Г. Устрялов, не испугала десятилетнего царевича Петра. Со ссылкой на свидетельство русского посла в Голландии, сделанное через 15 лет после бунта, он утверждал, что «среди убийств Петр не обнаружил ни малейшей перемены в лице и своим бесстрашием изумил стрельцов» (Устрялов, 1858а: 45). Как мы видим, эмоции Петра, не важно, вымышленные или реальные, но тоже весьма неоднозначные для ребенка, на чьих глазах совершаются убийства, Н.Г. Устряловым, напротив, подаются в самом лучшем свете.

Утвердившись во власти, царевна, как писал историк, стремилась выразить свое тщеславие в литературных текстах и искусстве. Она «желала видеть свою персону не вместе с братьями, а отдельно, и притом с пышною арматурою, в подражание портретам римских императоров, окруженных курфюрстами» (Устрялов, 1858b: 46). В не менее негативном свете в устряловском нарративе показан и фаворит Софьи, князь В.В. Голицын. Н.Г. Устрялов приводит сведения о том, что князь «опасался, чтобы любовь Софьи к нему не остыла», и использовал чародейство с помощью одного из крестьян его деревни, знавшего «тайную силу трав» (Устрялов, 1858b: 48). От этого крестьянина он получал «коренья», которые подкладывал в пищу царевне «для прилечения» (Устрялов, 1858b: 48). Но вскоре после того князь этого крестьянина «велел сжечь <...> в бане», как писал Н.Г. Устрялов, чтобы «не было от него проносу», или донесения (Устрялов, 1858b: 48). Упоминание историком этого откровенно незначительного эпизода с явно негативной подачей образа князя-фаворита царевны дополняло резко отрицательную характеристику самой Софьи. При этом только в примечаниях Н.Г. Устрялов сделал важное разъяснение, позволяющее интерпретировать всю приведенную им информацию совершенно по-другому. Дело в том, что об истории с князем В.В. Голицыным и сожженным им мужиком известно лишь из показаний, добытых под пытками, причем демонстрирующих занятую цепочку свидетелей: расстрига Сенька Медведев «с пытки» признал, что слышал эту историю от Васька Владимиров, а тот «с пытки» подтвердил его слова, но с дополнением, что сам только слышал о злодеянии князя от некоего Васьки Иванова (Устрялов, 1858b: 344). Сам же Голицын это обвинение решительно отрицал: «Ничего такого не делывал и не мыслил и человека в бане не сжигал» (Устрялов, 1858b: 344). Поэтому достоверность данного эпизода, мягко говоря, сомнительна. Но для усиления негативного впечатления у читателя от образа Софьи как антипода Петра I Н.Г. Устрялов в основном тексте своего труда приводит компрометирующие В.В. Голицына сведения как бесспорный факт, притом, что он был сильным источниковедом и не мог не понимать их сомнительность.

Следовательно, в нарративе Н.Г. Устрялова в общих чертах воспроизводится та же схема, что и в нарративе И.И. Голикова: идеализированному образу Петра I противопоставляется его демонизированный антипод, роль которого сводится к созданию контраста для достоинств главного героя. Однако нельзя не отметить, что Софья Н.Г. Устрялова, в отличие от И.С. Мазепы И.И. Голикова, все же представляет собой образ живого, хотя и неприятного человека, а не основанную на одном главном факторе, предательстве, условную фигуру второго Иуды.

Таким образом, И.И. Голиков и Н.Г. Устрялов создали свои яркие и резко негативные образы петровских антиподов. Оба историка целиком и полностью были на стороне Петра в описаниях острых политических столкновений между царем и его антиподами. Оба историка выступали панегиристами Петра I, что в отношении Н.Г. Устрялова указывали Н.А. Добролюбов и С.М. Соловьев (Веркеенко, Казакова, 2005: 182-183). Однако после них культ Петра Великого в отечественной историографии начал уходить в прошлое. Отдаленным предшественником этого явления в исторической мысли выступил А.С. Пушкин. Он в своей незавершенной «Истории Петра I» сделал серьезную попытку отойти от традиционной апологетики царя и уяснить особенности его жизни и деятельности во всей сложности и противоречивости (Эйдельман, 1984: 40). Серьезной была и попытка С.М. Соловьева отойти от крайностей идеализации Петра I. Однако его мысль о том, что государственное начало играет исключительно «созидательную, творческую роль <...> в русском прошлом и настоящем» не позволила историку вполне отрешиться от традиционной петровской апологетики (Цимбаев, 1990: 347). Подводя итоги осмысления роли Петра I в русской истории и создания его образа как творца новой России, В.О. Ключевский записал в 1891 г.: «Чтобы сделать Петра Великим, его делают небывалым и невероятным. Между тем надобно изобразить его самим собою, чтобы он сам собою стал велик» (Ключевский, 1968: 326). Исследователь не отрицал позитивной оценки Петра I в русской истории вообще. Но для него это вовсе не исключало критического отношения к некоторым сторонам личности и деятельности царя. При подобном

подходе В.О. Ключевский уже не нуждался в обращении к такому приему, как создание образов петровских антиподов.

Н.И. Краснов

Однако образ антипода Петра I мог использоваться и для разрушения культа императора. При этом наиболее интересным нам представляется вариант, когда авторские симпатии распределялись между Петром и его антиподом. Подобный случай нам неожиданно удалось обнаружить не в российской научной историографии, а в донском региональном любительском историописании. Необычно сложные и неоднозначные образы Петра I и его антипода К.А. Булавина создал военный статистик Н.И. Краснов в малоизвестной статье «Исторические очерки Дона. Усмирение Петром Великим Булавицкого бунта» (Краснов, 1882a; Краснов, 1882b; Краснов, 1882c; Краснов, 1882d).

Сложность этих образов во многом объясняется биографией и политическими воззрениями самого Н.И. Краснова. Он принадлежал к одному из известнейших донских дворянских родов, но значительную часть жизни провел в Санкт-Петербурге, на военно-административных должностях в Главном управлении казачьих войск, дослужившись до генерал-лейтенантского чина (Донцы..., 2003: 247-248). Он был человеком либеральных взглядов и надеялся, что запущенные властями в конце 1850 гг. системные преобразования российского казачества «дадут возможность развития в донской области промышленности и образования, которые находятся в застое» (Краснов, 1864: 212). Однако одновременно Н.И. Краснов понимал, что непродуманная попытка лишить казаков их привилегий может привести к самым непредсказуемым последствиям. Примером этого для него было Булавицкое восстание (Краснов, 1864: 210-211). При этом Н.И. Краснов не скрывал, что изучает прошлое ради того, чтобы «на основании прошедшего намечать, как бы подсказывать будущее» (Краснов, 1881: 66). И поэтому высокопоставленный чиновник в своих любительских исторических штудиях раз за разом обращался к истории Булавицкого восстания, пытаясь понять, что заставило казаков подняться против власти и в чем заключалась приведшая к этому роковая причина. В своих нарративах 1860–1880 гг. он усложнял образы Петра I и К.А. Булавина, пока не создал концепцию, на наш взгляд, достойную научной историографии, а не любительского историописания.

Булавицкое восстание Н.И. Краснов характеризовал как «кровавую трагедию» (Краснов, 1882d: 124). Для генерала события 1707–1709 гг. на Дону не были предательским бунтом черни в разгар тяжелейшей войны, но и от идеализации идей восставших правительственный чиновник был далек. Он описывал именно кровавую трагедию, порожденную как обстоятельствами, так и противоположностью конкретных личностей, неспособных понять друг друга, личностей, чьи интересы в это время столкнулись на Юге России.

Петр I для Н.И. Краснова «гениальный, энергичный и неутомимый государь» (Краснов, 1882d: 124). Эти качества особенно выделяются на фоне основной массы русского народа, «не терпящего постоянной, упорной деятельности» и способного на подвиг, но ненавидящего кропотливую, упорную работу (Краснов, 1882d: 121). Здесь и кроется корень трагедии. Не одобряя негативных качеств русского народа, Н.И. Краснов подчеркивал, что с ними следует считаться, и обвинял Петра I в том, что он этого не делал. «Своего народа в этом отношении не хотел понять великий русский государь, не советовавшийся с сведущими, выборными людьми, и желавший переделать натуру нашего простолюдина по немецким нравам и обычаям, по западноевропейским образцам», – писал он (Краснов, 1882d: 121).

Напротив, К.А. Булавин предстает в рассматриваемом нами тексте «народным бунтарем», за спиной которого «скрывались недовольные царем донские казаки и отягощенный и обездоленный русский народ» (Краснов, 1882d: 125). Н.И. Краснов постоянно подчеркивает народность Булавицкого восстания и доходит даже до идеи о том, что личность К.А. Булавина для хода восстания была не важна: «Умен ли, силен, речист, даровит ли предводитель – в данном случае было не важно. Нужен был вождь для восстания против правительства; народ уже давно был приготовлен и ждал случая воочию указать правительству, что он доведен до крайности» (Краснов, 1882d: 125).

Соответственно, Петр I интерпретируется Н.И. Красновым как гений-одиночка, возвышающийся над своим окружением и своей эпохой. Генерал даже подчеркнуто полемизирует с С.М. Соловьевым, доказывая, что настоящим противником повстанцев-булавиццев было «вовсе не государство, как выражается Соловьев, а одна колоссальная личность» (Краснов, 1882d: 125). Поэтому для него Булавицкое восстание подавил не князь В.В. Долгоруков, а Петр I: «Страшный, по могущим быть от него последствиям, булавицкий бунт сломлен твердостью, настойчивостью и чудовищной энергией Петра, следившего шаг за шагом за перипетиями этой последней борьбы казачества против администрации» (Краснов, 1882d: 124). Если личность К. Булавина для хода восстания не важна, то личность Петра I, напротив, оказывается определяющей: Н.И. Краснов подчеркивает, что при Михаиле Федоровиче или Алексее Михайловиче повстанцы вполне могли бы победить (Краснов, 1882d: 125).

К.А. Булавин позиционируется как смелый и достойный, но в целом ординарный казак, «личность, не наделенная выдающимися умственными дарованиями» (Краснов, 1882d: 135). Почти все его действия на самом деле инспирированы извне, в лучшем случае волей народа. Так, в начале

восстания, убивая князя Ю.В. Долгорукова, атаман повстанцев выступает «простым исполнителем общего решения верховых казачьих городков» (Краснов, 1882d: 136). На пике восстания он добровольно отказывается от руководства собственно боевыми отрядами казаков, передав военное командование более «способным людям», в частности И.Ф. Некрасову (Краснов, 1882d: 139). «Он даже не вождь в смысле военачальника, а скорее оратор, бунтарь», – подводит итог Н.И. Краснов (Краснов, 1882d: 139). В худшем случае К.А. Булавиным манипулируют окружающие его люди, вплоть до пресловутого «предателя» И.С. Мазепы (Краснов, 1882d: 147).

И в итоге в интерпретации Н.И. Краснова выходит, что Петр I был носителем прогресса, желающим уничтожить «своеволие казаков», чтобы «приуготовить их к восприятию гражданственности на общих для империи условиях» (Краснов, 1882d: 125). Однако при этом и желания народа, и исторические права сословий самодержец игнорировал. Н.И. Краснов прямо обвинил русских историков в том, что, верно излагая хронологическую канву Булавинского восстания, они «преклонялись перед всеми, даже несимпатичными чертами преобразователя России, совершенно забывая народ» (Краснов, 1882d: 139-140). И, хотя прямо об этом генерал не написал (возможно, по цензурным соображениям), вся логика его текста говорит о том, что тот же самый упрек в забвении собственного народа он адресовал и Петру I.

Итак, К.А. Булавин взял на себя «тяжелую обязанность – отстоять против правительства права, нравы, обычаи и самоуправление казачьих городков, и отстоять от произвола администрации до конца обездоленный русский народ» (Краснов, 1882d: 139). Именно поэтому его массово поддерживали донские казаки; и именно поэтому, по мнению Н.И. Краснова, его нельзя было сравнивать с С.А. Разиным, который якобы был только «богатырем-разбойником» (Краснов, 1882d: 119, 139), не более того. «Он несет на себе бремя общего войскового дела», – писал о К.А. Булавине донской историк (Краснов, 1882d: 139). И в итоге, в отличие от И.И. Голикова и Н.Г. Устрялова, Н.И. Краснов антипода Петра I полностью оправдывал. Но в то же время признавал, что объективно он творил зло: «Нравственной ответственности за содеянное зло Булавин перед лицом беспристрастной истории нести не должен, ибо он действовал по повелению донского правительства, а мы видели, каким был войсковой круг перед эпохой преобразований» (Краснов, 1882d: 139).

Таким образом, у Н.И. Краснова за внешним противопоставлением Петра I К.А. Булавину стоит более глубокое противопоставление Петра I русскому народу. При этом народ трактуется генералом, в актуальной политике выступавшим за реформы сверху, как косная сила, а народный лидер – как недалекий человек, подверженный чужому влиянию. Но, не идеализируя Булавинское восстание, Н.И. Краснов оправдывает его и фактически признает моральное право простых людей защищать свои интересы. Здесь уместно привести слова Н.И. Краснова, о которых упоминает его биограф В.Н. Королев. Генерал выступал за то, чтобы родной ему Донской край развивался «хотя и медленно, но взамен того настойчиво и верно» (Королев, 1991: 242). И поэтому, симпатизируя Петру I как реформатору, донской историк отвергал его методы. Именно образ неумного, но честного и борющегося за правду, как он ее понимал, К.А. Булавина позволил ему показать, почему восстания против первого русского императора были неизбежны и спровоцированы его собственной политикой.

И в нарративе Н.И. Краснова мы находим наиболее сложный из разбираемых нам случаев вариант соотношения образов Петра I и его антипода. Прежде всего, ни один из этих образов не является однозначно положительным или однозначно отрицательным: и император, и противостоящий ему К.А. Булавин в повествовании предстают яркими и контрастными персонажами, за каждым из них стоит своя правда, но каждый из них имеет и серьезнейшие недостатки. Что еще важнее, ни один из этих образов нельзя назвать менее важным, служебным: они именно дополняют друг друга и могут быть в полной мере раскрыты только в паре. И в итоге Н.И. Краснов рисует в содержательном отношении не панегирик Петру I, в чем он обвинял русских историков, но именно трагедию, столкновение сложных фигур, ведущее к фатальной развязке. Оговоримся при этом, что в источниковедческом и вообще общеисторическом плане, конечно, Н.И. Краснов сильно уступал классикам русской историографии, и его текст, хотя и содержит интереснейшую концепцию в историографии Петра I, оказался забыт не случайно, а из-за фактических и концептуальных ошибок автора.

М.Н. Покровский

Образы и сюжеты в историографическом и литературном нарративе не остаются неизменными. История переписывается постоянно, и то, что сложилось в исторической мысли прошлого, всегда подлежит пересмотру. Его ускорению способствуют кризисы общества, а тем более такой системный кризис, какой Россия переживала на рубеже XIX–XX вв. В это время в отечественной историографии переоценка коснулась и образа Петра I. Образ создателя Российской империи представлял собой краеугольный камень идеологических построений самодержавия в новой России от времен Елизаветы Петровны и Медного Всадника до празднований петровских юбилеев в 1872 и в 1909 гг., и поэтому критики самодержавия были заинтересованы в разрушении не только идеализированного, но и вообще сколько-либо положительного образа первого российского императора.

Поэтому на первый план исторического повествования в это время часто выходила уже не апологетика царя, а его весьма резкая критика. Особенно ярко эта тенденция проявилась в большом труде «Русская история с древнейших времен» М.Н. Покровского, историка-марксиста и ученика В.О. Ключевского. По традиции и в полном соответствии с исторической реальностью образ Петра I занял в этом нарративе значительное место. Однако образ этот подавался историком настолько критически, что на первый взгляд даже не нуждался в антиподе, призванном сделать его более убедительным. М.Н. Покровский трактовал Петра I как сугубо отрицательного персонажа, а его оценки показательно расходились с традицией отечественной историографии. Так, в русской исторической мысли утвердился образ Петра I как покровителя наук, причем лично всерьез интересовавшегося современной наукой. Отсюда известная характеристика его А.С. Пушкиным – «академик», и, как указывает О.Б. Леонтьева, соответствующий «образ царя-учителя, неустанно заботившегося о просвещении своих подданных» (Леонтьева, 2011: 234). Однако М.Н. Покровский этот образ снизил и искажил так, что речь идет фактически о карикатуре на него: «Научные интересы самого Петра – если о них можно говорить – не шли дальше собирания "монстров" и "опытов" вроде попытки создать породу высоких людей, поженив добытую откуда-то царем "чрезмерно высокую" финку с показывавшимся в балаганах за деньги французским великаном» (Покровский, 1966: 605). Еще более известен исторический образ «царя-мастерового», или, по словам А.С. Пушкина, царя-«плотника». Этот образ, как отмечала О.Б. Леонтьева, традиционно подразумевал фигуру «царя-труженика, не чуравшегося самой "черной" физической работы ради блага своей державы» (Леонтьева, 2011: 234). Но М.Н. Покровский воспользовался и этим традиционным образом, чтобы создать на него карикатуру: он писал, что «солдатом Петр стал гораздо ранее, нежели "мастеровым", и что барабанную науку он изучал в свое время не с меньшим рвением, нежели впоследствии ремесло корабельного плотника» (Покровский, 1966: 609), и вообще «его удовольствия носили резко выраженный военный характер» (Покровский, 1966: 610).

Наконец, на смену романтическому «герою» А.С. Пушкина, победителю шведов под Полтавой, приходит уже не карикатурный образ, но образ подчеркнуто милитаризированный. М.Н. Покровский видит у Петра I прежде всего «любовь к военщине и солдатские замашки», причем еще до Фридриха Великого, который «сделал всех королей капралами» (Покровский, 1966: 611). При этом грубые солдатские замашки не исключают крупных недостатков в военном строительстве, в том числе даже в морском деле, которому царь уделял самое большое внимание. Традиционное представление о царе как о создателе военного флота, которое А.С. Пушкин выразил в слове «мореплаватель», ничуть не соответствовало, согласно М.Н. Покровскому, реальному положению русского флота. В нем, по его словам, «куда-нибудь годились только галеры, очень практичные для мелкой войны в финских шхерах, но не для открытого моря» (Покровский, 1966: 616). И далее он указывал на конкретные недостатки судов и даже на задержку уплаты жалованья матросам. Отметим, что на существенные недостатки флота петровского времени указывается в современной историографии (Петрухинцев, 2003: 117-128).

И поэтому, хотя образа царского антипода на основе исторической личности, противостоявшей Петру Великому, М.Н. Покровский не предложил, антипод императору в его нарративе незримо присутствует, причем его присутствие принципиально для раскрытия негативного образа героя. Точнее, сам образ Петра становится антиподом отечественной историографической традиции с ее идеализацией создателя Российской империи и в полной мере воспринимается читателем на основе контраста с ней и своеобразного развенчания мифов. М.Н. Покровский рассматривает традиционные для раскрытия образа Петра I сюжеты, однако обманывает ожидания читателя, показывая вместо героя карикатуру или ограниченного милитариста. Поэтому, в отличие от антиподов в трудах прежнего времени, посвященных Петру I, антипод царя, созданный М.Н. Покровским, имеет не исторический, но историографический смысл. В то же время морально М.Н. Покровский, подобно большинству своих предшественников, рисует совершенно ясную черно-белую картину: его демонизированный Петр I противостоит идеализированному петровскому мифу имперской историографии.

П.Н. Краснов

Любопытный образ антипода второго порядка, историографического антипода, в это время создала и донская историография. Системный кризис Российской империи затронул и казачество: в условиях экономических проблем на Дону все большей популярностью пользовались либеральные партии. В IV Государственной думе область Войска Донского оказалась представлена 9 кадетами, 3 прогрессистами, 1 беспартийным и всего 1 монархистом (Корниенко, 2013: 70). Донские консерваторы били тревогу, и один из них, Ф.К. Траилин, в личной переписке прямо объяснял подобные результаты выборов «растлением новых поколений» (Корниенко, 2013: 70).

Поэтому с начала XX в. в казачьей среде активизировалась политическая борьба, в том числе в форме «борьбы за историю». Важнейшим успехом консерваторов стала печать книги будущего атамана Донского Войска П.Н. Краснова «Картины былого Тихого Дона», популярного издания, предназначенного для чтения «в семье, школе и войсковых частях» (Краснов, 1909: форзац). П.Н. Краснов в своем нарративе только пересказывал уже известные факты из истории казачества,

часто с недобросовестными искажениями. Однако хороший литературный язык и занимательность обеспечили популярность его книге, переиздаваемой и в наши дни (Краснов, 2011).

П.Н. Краснов в рамках монархической традиции выступал панегиристом Петра I, восхваляя все его деяния. Однако ему мешал тот образ К.А. Булавина, честного казака, вставшего за народ, который предложил его собственный отец, Н.И. Краснов. И поэтому, если М.И. Покровский создавал образ самого Петра I, представляющий собой антипод традиционным образам Петра в отечественной историографии, то П.Н. Краснов создавал антипода для петровского антипода.

С фактической точки зрения весь текст П.Н. Краснова о Булавином бунте представляет собой сокращенную версию разобранных нами статьи его отца. Однако образ К.А. Булавина был подвергнут полной переоценке. П.Н. Краснов полностью убрал мотивы «народного бунтаря» и умственной ограниченности К.А. Булавина. С подобных позиций были, например, переоценены сношения К.А. Булавина с И.С. Мазепой. У Н.И. Краснова эти персонажи прямо противопоставляются – как честный «народный бунтарь», выполнявший волю народа, и «коварный и лживый» изменщик, предающий страну ради корыстных интересов, и И.С. Мазепа манипулирует К.А. Булавиным (Краснов, 1882d: 140, 147). Но П.Н. Краснов, убрав мотив несамостоятельности действий К.А. Булавина, интерпретирует переписку К.А. Булавина и И.С. Мазепы как обычную переписку двух изменников (Краснов, 1909: 153-154).

В итоге центральным сюжетом в тексте П.Н. Краснова, как и в тексте его отца, становится борьба К.А. Булавина за традиционные казачьи права, причем в этой борьбе его поддерживает, пусть и неуверенно, большинство донских казаков (Краснов, 1909: 156). Однако П.Н. Краснов отказывался рассматривать эту борьбу как народную. Напротив, она приобретает в его нарративе черты предательства и восстания против собственной матери. «Много низкой подлости и гадкого расчета было в этом движении. Молодая Россия вела тяжелую войну со шведами. Все войска были заняты отражением врага внешнего, который был уже на русской земле», – писал донской автор (Краснов, 1909: 156). «Сыну нельзя восставать на мать, а Тихий Дон, искони русский – не мог и не должен был идти против России», – восклицал он (Краснов, 1909: 156).

В итоге, при сохранении фактической канвы Булавиного восстания, описанной Н.И. Красновым, и его принципиального утверждения, что К.А. Булавин защищал интересы всего войска, П.Н. Краснов не соглашался с тем, что бунташный атаман должен быть оправдан «перед лицом беспристрастной истории». Напротив, он рассматривал К.А. Булавина как одного из величайших, если не величайшего преступника в донской истории: «Он был хуже Разина. <...>. Булавин восстал против царя! Этого на Дону никогда не бывало. Из-за мелкой, личной обиды (борьбы за войсковые права – Авт.) он поверг Войско Донское в великий позор. 17 тысяч казненных помощников его лягут на его совесть. И умер он подлой смертью – смертью самоубийцы» (Краснов, 1909: 156).

И, таким образом, если М.Н. Покровский пытался переписать историю, предложить новую интерпретацию образа Петра I, то П.Н. Краснов в рамках российского монархизма и казачьего традиционализма, напротив, пытался восстановить традиционную интерпретацию истории, поколебленную его собственным отцом. При этом его нарратив, в отличие от нарративов остальных разобранных нами авторов, в принципе не содержал никаких новых фактов, но сводился к попытке сохранить уже устаревшие в научной историографии традиционные представления о прошлом, в том числе и с помощью переосмысления установленных исследователями фактов, эти представления разрушающих. Однако этому препятствовали труды его отца, куда более серьезного исследователя, показавшего неоднозначность Булавиного бунта. И требовался антипод уже не Петру I, а его положительному антагонисту, чтобы снова демонизировать его и скомпрометировать его образ. И в нарративе П.Н. Краснова К.А. Булавин противопоставляется не столько Петру I (он не является прямым антиподом императору: их фигуры слишком разномасштабны), сколько образу К.А. Булавина, созданному Н.И. Красновым.

4. Заключение

В своей небольшой статье мы не претендуем на обобщение всех образов антиподов Петра I в отечественной дореволюционной историографии. Тем не менее разобранных нами примеров достаточно, чтобы понять, что функции антипода героя и его образа в историческом нарративе могут быть самыми разнообразными, а антипод может даже не присутствовать в тексте напрямую. Возможны и иные повествовательные стратегии, но в рассмотренных нами текстах можно выделить 4 варианта использования образа антипода Петра I:

1) Служебный антипод. В этом случае роль антипода сводится к созданию контраста для фигуры героя. Он нужен только для того, чтобы черты главного персонажа на его фоне смотрелись более рельефно. В случае с Петром I подобная структура взаимодействия образов часто предполагает, что идеализированному императору противопоставляется демонизированный злодей, необходимый, чтобы подчеркнуть неприглядность сил, с которыми боролся основатель Российской империи. При этом антипод может быть как достаточно условной фигурой, основанной на одном качестве (случай И.И. Голикова), так и реалистичным, но сугубо отрицательным персонажем (случай Н.Г. Устрялова).

2) Два героя-антипода. При подобной структуре взаимодействия образов может быть вообще не вполне ясно, кто из двух основных персонажей является главным героем. Они раскрываются друг через друга, и образ каждого из них не может быть в полной мере понят без образа антипода. Мы разобрали подобный случай на примере нарратива Н.И. Краснова, который выделяется из остальных текстов еще и моральной неоднозначностью, и это не случайно: подобное взаимодействие героя и антипода является эффективной повествовательной стратегией для описания сложных персонажей, поскольку позволяет противопоставить достоинства первого недостаткам второго, и наоборот, достоинства второго недостаткам первого.

3) Антипод традиционному общепринятому образу героя. Образ Петра I настолько укоренен в русской культуре, что можно говорить о его типичных, общепринятых чертах, известных далеко за пределами исторического сообщества хотя бы благодаря литературным произведениям А.С. Пушкина. Это позволяет противопоставить традиционному образу Петра другой образ Петра, раскрывающийся через контраст и вызывающий сильную эмоциональную и интеллектуальную реакцию именно благодаря своей неожиданности. Подобный случай мы наблюдали в тексте М.Н. Покровского, и он хорошо подходит для деконструкции положительного петровского мифа: самая идеализированность традиционного образа Петра позволяет играть на контрасте, разрушая его с помощью фактов, которые не смотрелись бы особенно компрометирующими для иного правителя России.

4) Антипод нетрадиционному образу антипода. Переписывание истории даже на основании новооткрытых фактов часто вызывает негативную реакцию у консервативных и традиционалистских сил. В подобных условиях они оказываются заинтересованы в восстановлении существовавшего прежде представления об истории. И это достаточно просто совершить (по крайней мере, для массового читателя) через дискредитацию нетрадиционных образов исторических персонажей, предложенных отдельными историками. Мы это видели на примере П.Н. Краснова, который в фактическом отношении, описывая Булавинское восстание, только пересказывал (с сокращениями) статью своего отца Н.И. Краснова, однако при этом откатывал рисуемый им сложный образ петровского антиподонародного бунтаря К.А. Булавина к традиционному образу предателя-бунтовщика К.А. Булавина, что позволяло скомпрометировать лидера восстания и снова возвеличить Петра I.

Таким образом, использование историками образов-антиподов было не случайным. Благодаря этому приему им удалось сделать выразительными персонажами как Петра Великого, так и, не в меньшей степени, его антиподов. Использование данного приема возможно не только в истории, но и в историографии, когда выстраивается новый образ известных исторических личностей, противоположный по смыслу какому-либо из существующих.

В то же время нельзя не отметить, что во всех разобранных нами нарративах создание образов антиподов имело не познавательную, а презентационную цель, способствовало не установлению новых фактов, но более ясному донесению до читателей концепцию автора. При этом авторская концепция во всех этих случаях была политически ангажирована. Поэтому, на наш взгляд, можно говорить еще и о публицистичности приема использования историками образов-антиподов: его использование часто может являться маркером попытки не просто донести до читателя исторические факты, но и сформировать у него четко выраженную позицию по актуальной и связанной с современностью исторической теме.

Литература

- Антонов, Майзульс, 2013 – Антонов Д.И., Майзульс М.Р. Цена крови, или Проклятые деньги Иуды Искарота // *Антропологический форум online*. 2013. № 18. С. 191-213.
- Беспярых, 2008 – Беспярых Ю.Н. Александр Данилович Меншиков: мифы и реальность. СПб., 2008. 240 с.
- Веркеенко, Казакова, 2005 – Веркеенко Г.П., Казакова О.Ю. «Любознательный и честный труженик» Н.Г. Устрялов (1805–1870). Орел, 2005. 198 с.
- Виденкина, 2021 – Виденкина К.А. Князь М.М. Щербатов и консервативное направление российской общественно-политической мысли второй половины XVIII в. Ростов-на-Дону-Таганрог, 2021. 182 с.
- Голиков, 1838 – Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Т. 4. М., 1838. 562 с.
- Донцы..., 2003 – Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. 599 с.
- Дружинин, 1997 – Дружинин В.Н. Державы Российской посол. М., 1997. 485 с.
- Дудаков, 2011 – Дудаков С.Ю. Петр Шафиров и другие... М.-Иерусалим, 2011. 434 с.
- Ключевский, 1968 – Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. 524 с.
- Корниенко, 2013 – Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. 232 с.
- Королев, 1991 – Королев В.Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону, 1991. 464 с.
- Краснов, 1864 – Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. СПб., 1864. 352 с.

- Краснов, 1881** – Краснов Н.И. Исторические очерки Дона. Борьба Чернышева с войсковыми атаманами // *Русская речь*. 1881. № 5. С. 66-93.
- Краснов, 1882a** – Краснов Н.И. Исторические очерки Дона. Усмирение Петром Великим Булавинского бунта // *Русская речь*. 1882. № 1. С. 179-212.
- Краснов, 1882b** – Краснов Н.И. Исторические очерки Дона. Усмирение Петром Великим Булавинского бунта // *Русская речь*. 1882. № 2. С. 108-127.
- Краснов, 1882c** – Краснов Н.И. Исторические очерки Дона. Усмирение Петром Великим Булавинского бунта // *Русская речь*. 1882. № 3. С. 115-137.
- Краснов, 1882d** – Краснов Н.И. Исторические очерки Дона. Усмирение Петром Великим Булавинского бунта // *Русская речь*. 1882. № 4. С. 118-147.
- Краснов, 1909** – Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона. СПб., 1909. 522 с.
- Краснов, 2011** – Краснов П.Н. История Войска Донского. Картины былого Тихого Дона. М., 2011. 464 с.
- Леонтьева, 2011** – Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара, 2011. 447 с.
- Мезин, 1991** – Мезин С.А. Русский историк И.И. Голиков. Саратов, 1991. 133 с.
- Павленко, 1985** – Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1985. 332 с.
- Петрухинцев, 2003** – Петрухинцев Н.Н. Два флота Петра I: технологические возможности России // *Вопросы истории*. 2003. № 4. С. 117-128.
- Покровский, 1966** – Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 1. М., 1966. 725 с.
- Посошков, 1951** – Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951. 409 с.
- Сокол, 2006** – Сокол К.Г. Монументальные памятники Российской истории. Каталог. М., 2006. 429 с.
- Таирова-Яковлева, 2011** – Таирова-Яковлева Т.Г. Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства». М., 2011. 525 с.
- Уортман, 2002** – Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М., 2002. 606 с.
- Устрялов, 1858a** – Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 1. СПб., 1858. 399 с.
- Устрялов, 1858b** – Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 2. СПб., 1858. 582 с.
- Цимбаев, 1990** – Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев. М., 1990. 366 с.
- Шевцова, 2014** – Шевцова О.Н. Композиция произведения по новой русской истории второй четверти XIX века: труд Н.Г. Устрялова «История царствования Петра Великого» // *Диалог со временем*. 2014. № 48. С. 110-123.
- Шмурло, 1912** – Шмурло Е.Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства. Вып. 1 (XVIII век). СПб., 1912. 277 с.
- Эйдельман, 1984** – Эйдельман Н.Я. Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984. 368 с.

References

- Antonov, Maizul's, 2013** – Antonov, D.I., Maizul's, M.R. (2013). Tsena krovi, ili Proklyatye den'gi Iudy Iskariota [The price of blood, or the Cursed money of Judas Iscariot]. *Antropologicheskii forum online*. 18: 191-213. [in Russian]
- Bespyatykh, 2008** – Bespyatykh, Yu.N. (2008). Aleksandr Danilovich Menshikov: mify i real'nost' [Alexander Danilovich Menshikov: myths and reality]. SPb. P. 240. [in Russian]
- Dontsy..., 2003** – Dontsy XIX veka [Don Cossack of the nineteenth century]. Rostov-on-Don, 2003. P. 599. [in Russian]
- Druzhinin, 1997** – Druzhinin, V.N. (1997). Derzhavy Rossiiskoi posol [Powers of the Russian Ambassador]. М. P. 485. [in Russian]
- Dudakov, 2011** – Dudakov, S.Yu. (2011). Petr Shafirov i drugie... [Petr Shafirov and others...]. М.; Jerusalem. P. 434. [in Russian]
- Eidel'man, 1984** – Eidel'man, N.Ya. (1984). Pushkin: Istoriya i sovremennost' v khudozhestvennom soznanii poeta [Pushkin: History and Modernity in the Poet's Artistic Consciousness]. М. P. 368. [in Russian]
- Golikov, 1838** – Golikov, I.I. (1838). Deyaniya Petra Velikogo, mudrogo preobrazovatelya Rossii [Acts of Peter the Great, the wise reformer of Russia]. Vol. 4. М. P. 562. [in Russian]
- Klyuchevskii, 1968** – Klyuchevskii, V.O. (1968). Pis'ma. Dnevnik. Aforizmy i mysli ob istorii [Letters. Diaries. Aphorisms and thoughts about history]. М. P. 524. [in Russian]
- Korniyenko, 2013** – Korniyenko, B.S. (2013). Pravyj Don: kazaki i ideologija nacionalizma (1909–1914). [Right Don Cossacks and the Ideology of Nationalism (1909–1914)]. SPb. P. 232. [in Russian]
- Korolev, 1991** – Korolev, V.N. (1991). Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh [Old Veshki. The story about the Cossacks]. Rostov-on-Don. P. 464. [in Russian]
- Krasnov, 1864** – Krasnov, N.I. (1864). Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb. P. 352. [in Russian]

- [Krasnov, 1881](#) – *Krasnov, N.I.* (1881). Istoricheskie ocherki Dona. Ot Razina do Bulavina [Historical sketches of the Don. From Razin to Bulavin]. *Russkaya rech'*. 1: 76-102. [in Russian]
- [Krasnov, 1882a](#) – *Krasnov, N.I.* (1882). Istoricheskie ocherki Dona. Usmirenje Petrom Velikim Bulavinskogo bunta [Historical sketches of the Don. The pacification of the Bulavinsky rebellion by Peter the Great]. *Russkaya rech'*. 1: 179-212. [in Russian]
- [Krasnov, 1882b](#) – *Krasnov, N.I.* (1882). Istoricheskie ocherki Dona. Usmirenje Petrom Velikim Bulavinskogo bunta [Historical sketches of the Don. The pacification of the Bulavinsky rebellion by Peter the Great]. *Russkaya rech'*. 2: 108-127. [in Russian]
- [Krasnov, 1882c](#) – *Krasnov, N.I.* (1882). Istoricheskie ocherki Dona. Usmirenje Petrom Velikim Bulavinskogo bunta [Historical sketches of the Don. The pacification of the Bulavinsky rebellion by Peter the Great]. *Russkaya rech'*. 3: 115-137. [in Russian]
- [Krasnov, 1882d](#) – *Krasnov, N.I.* (1882). Istoricheskie ocherki Dona. Usmirenje Petrom Velikim Bulavinskogo bunta [Historical sketches of the Don. The pacification of the Bulavinsky rebellion by Peter the Great]. *Russkaya rech'*. 4: 118-147. [in Russian]
- [Krasnov, 1909](#) – *Krasnov, P.N.* (1909). Kartiny bylogo Tihogo Dona [Pictures of the last of the Quiet Don]. SPb. P. 522. [in Russian]
- [Krasnov, 2011](#) – *Krasnov, P.N.* (2011). Istoriya Voiska Donskogo. Kartiny bylogo Tikhogo Dona [History of the Don Host. Pictures of the last of the Quiet Don]. M. P. 464. [in Russian]
- Leont'eva, 2011 – *Leont'eva O.B.* Istoricheskaya pamyat' i obrazy proshlogo v rossiiskoi kul'ture XIX – nachala XX vv. [Historical memory and images of the past in Russian culture of the 19th - early 20th centuries]. Samara, 2011. P. 447 [in Russian].
- [Mezin, 1991](#) – *Mezin, S.A.* (1991). Russkii istorik I.I. Golikov [Russian historian I.I. Golikov]. Saratov. P. 133. [in Russian]
- [Pavlenko, 1985](#) – *Pavlenko, N.I.* (1985). Ptentsy gnezda Petrova [Chicks of Petr's nest]. M. P. 332. [in Russian]
- [Petrukhintsev, 2003](#) – *Petrukhintsev, N.N.* (2003). Dva flota Petra I: tekhnologicheskie vozmozhnosti Rossii [Two fleets of Peter I: technological capabilities of Russia]. *Voprosy istorii*. 4: 117-128. [in Russian]
- [Pokrovskii, 1966](#) – *Pokrovskii, M.N.* (1966). Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Book 1. M. P. 725. [in Russian]
- [Pososhkov, 1951](#) – *Pososhkov, I.T.* (1951). Kniga o skudosti i bogatstve i drugie sochineniya [The Book of Poverty and Wealth and Other Writings]. M. P. 409. [in Russian]
- [Shevtsova, 2014](#) – *Shevtsova, O.N.* (2014). Kompozitsiya proizvedeniya po novoi russkoi istorii vtoroi chetverti XIX veka: trud N.G. Ustryalova «Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo» [The composition of a work on the early Modern history of Russia written in the second quarter of the 19th c.: the "History of the reign of Peter the Great" by N.G. Ustryalov]. *Dialog so vremenem*. 48: 110-123. [in Russian]
- [Shmurlo, 1912](#) – *Shmurlo, E.F.* (1912). Petr Velikii v otsenke sovremennikov i potomstva [Peter the Great in the assessment of contemporaries and posterity]. Ed. 1 (XVIII c.). SPb. P. 277. [in Russian]
- [Sokol, 2006](#) – *Sokol, K.G.* (2006). Monumental'nye pamyatniki Rossiiskoi istorii [Monumental monuments of Russian history]. Katalog. M. P. 429. [in Russian]
- [Tairova-Yakovleva, 2011](#) – *Tairova-Yakovleva, T.G.* (2011). Ivan Mazepa i Rossiiskaya imperiya. Istoriya «predatel'stva» [Ivan Mazepa and the Russian Empire. History of "betrayal"]. M. P. 525. [in Russian]
- [Tsimbaev, 1990](#) – *Tsimbaev, N.I.* (1990). Sergei Solov'ev [Sergei Solov'ev]. M. P. 366. [in Russian]
- [Uortman, 2002](#) – *Wortman, R.S.* (2002). Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii [Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy]. Vol. 1. M. P. 606. [in Russian]
- [Ustryalov, 1858a](#) – *Ustryalov, N.G.* (1858). Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo [History of the reign of Peter the Great]. Vol. 1. SPb. P. 399. [in Russian]
- [Ustryalov, 1858b](#) – *Ustryalov, N.G.* (1858). Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo [History of the reign of Peter the Great]. Vol. 2. SPb. P. 582. [in Russian]
- [Verkeenko, Kazakova, 2005](#) – *Verkeenko, G.P., Kazakova, O.Yu.* (2005). «Lyuboznatel'nyi i chestnyi truzhenik» N.G. Ustryalov (1805–1870) [«Inquisitive and Honest Worker» N.G. Ustryalov (1805–1870)]. Orel. P. 198. [in Russian]
- [Videnkina, 2021](#) – *Videnkina, K.A.* (2021). Knyaz' M.M. Shcherbatov i konservativnoe napravlenie rossiiskoi obshchestvenno-politicheskoi mysli vtoroi poloviny XVIII v. [Prince M.M. Shcherbatov and the conservative direction of Russian social and political thought in the second half of the 18th century]. Rostov-na-Donu, Taganrog. P. 182. [in Russian]

Образы антиподов Петра I в российской дореволюционной историографии: конструирование, функции, взаимодействие

Николай Александрович Мининков ^{a,*}, Артем Юрьевич Перетятко ^{b,c},

^a Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

^b Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу образов антиподов Петра I в российской дореволюционной историографии. Авторы исходят из того, что исторический нарратив может являться не только научным, но и образно-художественным произведением, и в последнем случае принципиально важно то, как историк выстраивает образы в своем повествовании. В статье проанализированы работы И.И. Голикова, Н.Г. Устрялова, Н.И. Краснова, М.Н. Покровского и П.Н. Краснова. Авторы приходят к выводу, что во всех разобранных ими случаях конструирование образов антиподов преследовало прежде всего публицистически-презентационные цели, помогало историку раскрыть на исторических примерах актуальную общественно-политическую концепцию. Однако различие этих концепций заставляло историков не только выбирать разных персонажей на роль антиподов Петра I, но и по-разному строить взаимоотношение образов героя и его антипода. В случае И.И. Голикова и Н.Г. Устрялова идеализированному Петру I противопоставлялись демонизированные И.С. Мазепа и царица Софья соответственно. Н.И. Краснов, напротив, раскрывал недостатки фигуры Петра I через противопоставление ему К.А. Булавина, причем оба этих персонажа в его повествовании были скорее положительными, что позволяло истолковать их конфликт как трагедию. М.Н. Покровский, резко критикуя Петра I, четко противопоставляет собственный авторский образ императора его традиционному образу в отечественной историографии, рисуя своего Петра I от противного. Наконец, П.Н. Краснов, пытаясь восстановить идеализированный образ императора, дискредитировал противопоставленный ему Н.И. Красновым образ К.А. Булавина, создавая антипода антиподу.

Ключевые слова: историография, образы-антиподы, Петр I, И.С. Мазепа, царица Софья, К.А. Булавин.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mininkov@aaanet.ru (Н.А. Мининков),
ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетятко)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1564-1574
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1564

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Problems of Development of the Outlying Russian Territories in the 18th century: the Search for a Strategy (on the Example of the Volga-Caspian Fishing Region)

Sergey V. Vinogradov ^a, Yuliya G. Eshchenko ^{a, *}, Elena V. Saveleva ^a, Oleg V. Likholet ^a

^aAstrakhan State University named of V.N. Tatishchev, Russian Federation

Abstract

On the example of one of the peripheral territories of the Russian Empire of the XVIII century – Volga-Caspian fishing region – the article discusses the role of migration as an important element of the state policy of land development and settlement. The main wealth of the Volga-Caspian region was the presence of rich fish resources. Fish products and delicacies were in high demand both within the country and abroad. However, the remoteness of the territory from the central regions and the lack of a free labor market under serfdom hindered successful colonization. The paper proves that throughout the entire 18th century, through the struggle of various power groups in the ruling elite for control over fisheries, there was a search for an effective strategy for the development of the Volga-Caspian fishing region. The problems of the political center could not but affect the problems of the periphery, including migration to the region, setting its qualitative and quantitative character.

The article analyzes the state laws adopted during the study period, the implementation of which contributed to the development and development of the Volga-Caspian fishing region. The study is based on a significant number of documents that contribute to a better understanding of the problems of integrating the Volga-Caspian fishing region into the economic life of the Russian Empire in the 18th century. Most of the documents from the collections of the State Archives of the Astrakhan Region are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Caspian Sea, Volga-Caspian fishing region, Astrakhan province, fishery, fisherman, development, resettlement, marginal territories, labor migration.

1. Введение

Заселение обширных, отдаленных от центра страны окраинных территорий, присоединенных к России в XVI–XIX вв., освоение их природных богатств проходили в условиях острой нехватки человеческих ресурсов. Несмотря на сложные условия, Российское государство успешно решало эту задачу, вырабатывая различные стратегии освоения периферии. Поиск эффективной для каждого региона стратегии освоения диктовался его географическим положением, удаленностью от центра, внешнеполитической ситуацией на его рубежах. Помимо этого, немалую роль в данном процессе играли субъективные факторы: личность государя, борьба за влияние различных властных групп, их идеи, концептуальные подходы к развитию страны и т.д. Весь этот сложный комплекс отношений влиял самым непосредственным образом на миграцию в регион, задавая ее качественный и количественный характер. Все высказанные соображения хорошо иллюстрирует история освоения Волго-Каспийского рыболовного района в XVIII в.

Исследователи традиционно к Волго-Каспийскому рыболовному району (далее – ВКРР) относили территорию приблизительно в 390 000 км², (Струбалина, 1989: 3) от г. Камышина (ныне

* Corresponding author

E-mail addresses: dissovetsdm@yandex.ru (S.V. Vinogradov), pushistik_yuliya@mail.ru (Yu.G. Eshchenko), elenasava03@gmail.com (E.V. Saveleva), oleg.liholet@mail.ru (O.V. Likholet)

Волгоградская область) на севере до среднего Каспия на юге и от низовьев реки Кумы на западе до южного берега полуострова Мангышлак на востоке (Кузнецов, 1902: 113-114; Лактионов, 1924: 94-95; Загородников, 1929: 1-2). Центр района составляли северная часть Каспийского моря и низовья рек Волги и Урала, где сосредотачивались основные рыбопромысловые центры. В административном отношении значительная доля ВКРР входила в Астраханскую губернию, в ней же находились административные органы, регулировавшие рыбный промысел в районе (ГААО. Ф. 677. Оп. 1. Д. 628. Л. 9-10).

Среди переселенцев в ВКРР были военные, казаки, а также крепостные и государственные крестьяне. Однако главной силой, осваивавшей регион, была вольная миграция: купцы-рыбопромышленники, беглые крепостные крестьяне, отставные служилые люди и т.д. С самого начала российского освоения этого района вольная миграция была тесным образом связана с добычей рыбы. Рыбопромысловая деятельность в ВКРР в силу природной и организационной специфики складывалась не на крепостнической, а на товарно-денежной основе и поэтому была привлекательна для большинства переселенцев, нуждавшихся в заработках. Процесс заселения края во второй половине XIX – начале XX вв. рассматривался нами в предыдущих работах (Vinogradov et al., 2021). Данное исследование посвящено изучению конкуренции различных стратегий освоения ВКРР в XVIII в., влиявших на динамику трудовой миграции в регион.

2. Материалы и методы

2.1. Основными источниками для написания статьи послужили материалы Государственного архива Астраханской области (ГААО), сборники опубликованных документов и законов, касавшихся освоения территории ВКРР в исследуемый период.

Говоря об архивных материалах, необходимо упомянуть документы Канцелярии астраханского гражданского губернатора (1757–1918 гг.), Астраханского городского магистрата (1736–1866 гг.) и Астраханской казенной палаты (1703–1920 гг.). Особую ценность, на наш взгляд, представляют сохранившиеся в архиве Манифест Екатерины II от 31 июля 1762 г. «Об отдаче в отступное содержание астраханского купечества казенных рыбных промыслов» и Указ Правительствующего сената от 10 апреля 1797 г. «О помежевании кн. Куракина рыболовными водами», имевшими важное значение в истории освоения ВКРР.

Много сведений относительно развития рыбного промысла было найдено в отчетах Астраханской рыбной конторы (1718–1796 гг.), в протоколах Управления Каспийско-Волжскими рыбными промыслами (1797–1918 гг.), журналах заседаний Экспедиции по организации Эмбенского лова, списках рыболовных участков, сдававшихся в аренду, различных прошениях от рыбопромышленников. Эти документы раскрывают особенности взаимодействия государственных органов, рыбопромышленного купечества и членов рыболовных ватаг.

Часть архивных документов, касающихся торговой активности астраханских предпринимателей в других губерниях, особенностей работы государственных рыбных промыслов, организации купцами-рыбопромышленниками морского лова в конце XVIII в., ходатайств помещиков центральных губерний о поимке беглых крестьян и др., вводится в научный оборот впервые.

2.2. Теоретическая база основана на совокупности научных принципов исследования – объективности, системности, историзма. Принцип объективности необходим при проведении анализа и верификации источников делопроизводственного и личного характера. Принцип системности позволил рассмотреть проблему освоения ВКРР как совокупность взаимосвязанных государственных задач, таких как увеличение доходов казны от использования богатых рыбных ресурсов, включение окраинной территории в единый хозяйственный комплекс, заселение стратегически важного приграничного региона. Принцип историзма дал возможность рассмотреть смену государственных стратегий освоения ВКРР в контексте изменения политической и экономической ситуации в империи. При работе над исследованием авторами применялся комплекс конкретно-исторических методов исследования, а также такие общенаучные методы, как сравнение, анализ и синтез.

3. Обсуждение

Конкуренция различных стратегий освоения ВКРР, ярко проявившаяся в XVIII веке в борьбе различных политических сил и групп влияния как в Санкт-Петербурге, так и в регионе, до настоящего времени не становилась предметом специального исторического исследования, поэтому ее ход и результаты приходилось восстанавливать из архивных документов, законодательства того периода и работ исследователей, посвященных различным аспектам хозяйственной жизни и развития ВКРР в исследуемый период.

Много интересных сведений по истории региона в XVIII в. были оставлены современниками (Татищев, 1990; Гмелин, 1777; Соймонов, 1763; Озерецковский, 1804).

В XIX – начале XX вв. проблемы освоения ВКРР в XVIII в. косвенно затрагивались в статьях и монографиях ученых и чиновников, связанных с рыбным промыслом. Среди исследований этого периода по объему собранного материала и глубине выводов выделяются работы академика

К.Э. Бэра, в 1852–1856 гг. возглавлявшего работу Каспийской экспедиции Императорского Русского географического общества ([Исследования о состоянии..., 1860–1876, Т. 2](#)), участника этой же экспедиции Н.Я. Данилевского ([Исследования о состоянии..., 1860–1876, Т. 3](#)); О.А. Гримма, в 1874–1876 гг. возглавлявшего работу Арало-Каспийской экспедиции Петербургского общества естествоиспытателей ([Гримм, 1896](#)), В.А. Кевдина ([Кевдин, 1915](#)). Определенная информация об организации рыбного промысла в XVIII в. содержится в работах И.Д. Кузнецова ([Кузнецов, 1902](#)), К.С. Бородина ([Бородин, 1903](#)), В.Г. Степанова ([Степанов, 1914](#)).

Активная работа по изучению истории колонизации ВКРР в XVIII в. велась в 1920-е гг. астраханскими историками, группировавшимися вокруг краеведческого журнала «Наш край» ([Кисилевич, 1924а; Кисилевич, 1924б; Любомиров, 1926; Загородников, 1929; Пальмов, 1924; Юдин, 1925](#)). После закрытия журнала в 1928 г. исследования по этому направлению, к сожалению, были свернуты.

В 1950–1980-е гг. был опубликован ряд работ, касавшийся истории Астрахани в исследуемый период ([Бурдей, 1954; Вереин, 1958; Васькин, 1974; Струбалина, 1989](#)). В этой череде выделяются монография Н.Б. Голиковой, посвященная астраханскому восстанию 1705–1706 гг. ([Голикова, 1975](#)), и исследование А.И. Юхта по экономическому развитию Астраханской губернии в 1720–1760-е гг. ([Юхт, 1994](#)).

В 2000 г. вышла коллективная монография обобщающего характера, одна из глав которой освещала различные аспекты истории Астрахани в XVIII в. ([История Астраханского края, 2000](#)). На современном этапе определенный вклад в разработку региональной истории XVIII века внесли исследования А.Л. Рябцева ([Рябцев, 2002](#)) и М.М. Имашевой ([Имашева, 2015](#)).

4. Результаты

Длительное время после присоединения Астраханского ханства к Русскому государству в 1556 г. Астрахань являлась единственным большим городом на значительном пространстве от Казани до Каспийского моря ([Вереин, 1958: 7](#)). Только через тридцать лет на этой территории стали появляться русские крепости, ставшие впоследствии крупными городами: Самара (1586 г.), Царицын (1589 г.), Саратов (1590 г.) ([Бурдей, 1954: 32](#)). Тем не менее, огромные земли в нижнем течении Волги, по которому проходили важные для России торговые пути со странами Востока, контролировались номинально. Точек опоры было крайне мало. В условиях значительной активности проживавших в регионе кочевых племен, а также происков соседних государств (Турция, Иран), необходимо было усиливать миграционный процесс населения из центральных регионов, направленный на заселение ВКРР ([История Астраханского края, 2000: 210-224](#)).

Значительные рыбные ресурсы и отсутствие крепостных порядков привлекали в Волго-Каспийский регион (низовья Волги и северное побережье Каспийского моря) сильных и инициативных людей со всей страны: беглых крепостных, казаков, отставных военных, купцов-рыбопромышленников ([Васькин, 1974](#)). Эти люди, добровольно переселяясь в ВКРР, положили начало его хозяйственному освоению.

Правительство в XVI–XVII вв. предпочитало не вмешиваться в хозяйственную деятельность переселенцев. Пользуясь этим, жители города Астрахани и близлежащих поселений занимались рыболовством в нижнем течении Волги и северной части Каспийского моря без каких-либо ограничений. Никаких налогов в пользу государства за добычу рыбы, причем не только для питания, но и в коммерческих целях, астраханцы в XVI–XVII вв. не платили ([Юдин, 1925: 58](#)). Собственность города на рыбный промысел основывалась на силе обычая, традиции, давности владения и т.п., так как никаких юридических документов, закреплявших за Астраханью рыбный промысел в ВКРР, не было. Существенные хозяйственные послабления в XVII в. способствовали притоку мигрантов и, как следствие этого, возникновению в ВКРР нескольких крупных поселений: Черный Яр, Красный Яр, Гурьев, Терской городок и т.д. ([История Астраханского края, 2000: 178-180](#)).

Радикальное изменение в хозяйственной деятельности переселенцев произошло в начале XVIII в. В 1704 г. в поисках средств на продолжение Северной войны Петр I специальным Указом объявил рыболовные воды государственной собственностью ([ПСЗ, 1830: 232-240, 270-271](#)). Через год, в 1705 г., была объявлена государственная монополия на продажу соли, которая была необходима для длительного хранения рыбопродуктов ([ПСЗ, 1830: 279-280](#)). Эти решения серьезно ударили по интересам астраханцев и стали одной из причин астраханского восстания 1705 г. ([Голикова, 1975: 71-73](#)).

Государственная монополия на рыбный промысел снизила привлекательность ВКРР для потенциальных переселенцев. О замедлении миграционных процессов свидетельствует прекращение строительства крупных поселений в первой половине XVIII в. Увеличилось количество жалоб в губернскую канцелярию от рыбопромышленников о нехватке рабочих рук. Астраханские власти не могли найти достаточного количества арендаторов для сдачи им пустующих участков рыболовных вод ([ГААО. Ф. 614. Оп. 1. Д. 84. Л. 24, 41, 45-52; Д. 209. Л. 5-15; Д. 260. Л. 41-50](#)).

Много интересных сведений о хозяйственном положении Астраханской губернии в середине XVIII в. содержится в докладных записках и письмах известного государственного деятеля и ученого В.Н. Татищева, написанных в период его службы астраханским губернатором в 1741–1746 гг.

Информацию о состоянии рыбного дела в ВКРР он получал от астраханских купцов, в частности от крупного астраханского рыбопромышленника Федора Кобякова. Из бесед с купцами явствовало, что в условиях государственной монополии на рыболовные воды значительно возросла роль бюрократии. Состояние дел в рыбной отрасли при такой системе управления во многом зависело от личности губернатора (Татищев, 1990: 287). Высокой оценки Кобякова заслужила деятельность П.М. Апраксина, который, будучи в 1708–1713 гг. казанским губернатором (Астрахань в 1708–1717 гг. входила в состав Казанской губернии), смог подобрать чиновников и организовать дело так, что рыбный промысел процветал. Он сумел привлечь для аренды рыболовных вод не только астраханских, но и казанских купцов. Благодаря этому в регионе практически не оставалось незанятых участков и государство получало значительный доход от их эксплуатации. Кроме того, П.М. Апраксин успешно использовал практику морального поощрения наиболее успешных рыбопромышленников. Предприниматели, сумевшие добиться высокого улова и заплатившие в срок налоги в пользу государства, могли рассчитывать на поощрение от губернатора (например, похвальный лист или жалованный ковш и т.д.). По мнению Ф. Кобякова, это была действенная мера для стимулирования хорошей работы (Татищев, 1990: 289). При губернаторе П.С. Салтыкове (1717–1719 гг.) рыбный промысел пришел в упадок. Эффективным хозяйственником зарекомендовал себя будущий кабинет-министр А.П. Волынский, служивший астраханским губернатором в 1719–1725 гг. В период его работы все рыболовные участки были заняты арендаторами и, следовательно, государство получало значительную прибыль от их эксплуатации (Пальмов, 1924: 131).

В.Н. Татищев в начале 1740-х гг. застал в Астраханской губернии иную картину. Он отмечал: «Состояние здешней губернии, которую вижу в таком худом состоянии, что и верить не можно, и суще доходы казенные, мню, едва ли не до половины упущены, а люди разорены и разогнаны». Виной этого являлись, по убеждению Татищева, злоупотребления со стороны местных чиновников (Татищев, 1990: 286).

Из предоставленных Астраханской рыбной конторой сведений в январе 1742 г. следовало, что все участки рыболовных вод в Астраханской губернии разделялись на две группы: казенные и сдаваемые в аренду рыбопромышленникам (Татищев, 1990: 289).

По мнению В.Н. Татищева, ярким примером казнокрадства и бесхозяйственности было состояние казенных рыбопромысловых предприятий. В то время они представляли собой деревянные заграждения, перекрывавшие притоки Волги в местах наиболее активного хода рыбы на нерест, так называемые учуги (Струбалина, 1989: 6–8). Чиновники Астраханской рыбной конторы не имели сведений о состоянии дел на учугах. По мнению Татищева, ведение рыбного хозяйства на государственных промыслах «составляло какую-то тайну для Рыбной конторы» (Пальмов, 1924: 116).

Новому губернатору удалось выяснить следующее: все учуги находились в аварийном состоянии. Эти потенциально высокодоходные предприятия не только не приносили казне прибыль, но, наоборот, забирали оттуда не менее 1000 руб. в год на свое содержание. В таких условиях Татищев предложил Правительству отдать учуги в аренду рыбопромышленникам (Татищев, 1990: 288).

Не лучше обстояли дела и со второй категорией рыболовных участков. Из 53 участков, предназначенных для сдачи в аренду, в 1741 г. было сдано только 38. В Астраханской рыбной конторе сдаваемые в аренду рыболовные участки не были нанесены на карту, отсутствовали сведения об их расположении. Для полного покрытия всех участков не хватало ни рыбопромышленников, ни рабочих. По сведениям Татищева, ежегодный доход государства с участков, сдаваемых в аренду, исчислялся в 3 238 руб., «праздные» участки, по его подсчетам, могли принести еще не менее трети от этой немалой по тем временам суммы (Пальмов, 1924: 116).

В.Н. Татищев заметил также следующую чиновничью уловку: были созданы рыболовные участки, располагавшиеся перед учугами и забиравшие у них часть улова. Желаящие взять их в аренду находились всегда, так как там гарантированно шла рыба. Губернатор прекратил подобную практику, снижавшую эффективность работы государственных рыбопромысловых предприятий (Пальмов, 1924: 133).

Решая проблему нехватки рабочих рук для арендуемых рыболовных участков, В.Н. Татищев стал привлекать для работы на них калмыков, не имевших своего скота. Благодаря поддержке губернатора астраханские рыбопромышленники смогли в 1742 г. нанять почти 13 000 рабочих из калмыков, что несколько ослабило дефицит рабочей силы, но заполнить все рыболовные участки все равно не удавалось (Пальмов, 1924: 134).

Рыбопромышленники жаловались на обязательное участие в заседаниях коммерц-коллегии, где они только присутствовали, не имея право голоса. Это отрывало от дел и, по словам Ф. Кобякова, «заставляло прибегать к нелегальным способам освобождения от этих докучливых занятий, в виде откупа взятками секретарям и подьячим» (Татищев, 1990: 289). По словам В.Н. Татищева, Ф. Кобяков высказывал губернатору идею об устройстве в Астрахани городского самоуправления – магистрата. По его мнению, «оний об исправлении гражданства прилежно надзирал бы» и купцам не надо было бы «входить в разного рода противозаконные сделки с чиновниками, сопровождавшиеся убытком для купцов и вредом для дела». По всей видимости, Татищев разделял мнение рыбопромышленника о создании в Астрахани магистрата либо вкладывал в уста Ф. Кобякова свои мысли (Татищев, 1990:

289). Но как бы то ни было, эта идея была доведена им до сведения Правительства и была успешно реализована в 1762 г.

Замедление миграции и неэффективность государственного управления в рыбном промысле заставили Правительство Екатерины II искать другие стратегии освоения ВКРР. В 1762 г. императрица своим манифестом отдала астраханские казенные рыбные промыслы в «вечное содержание» астраханскому купечеству «как для городского пропитания», так и для «свободного торга». За это право «коллективного владения» рыболовными водами астраханское купечество должно было платить государственный налог, который был зафиксирован на уровне 1760 г. (ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 174. Л. 1-3).

Это правительственное решение способствовало быстрому развитию рыбного промысла, торговли и усилению вольной миграции в ВКРР. После 1762 г. резко снизилось количество жалоб со стороны рыбопромышленников о нехватке рабочих рук на рыбопромысловых предприятиях и, наоборот, заметно участились запросы в Астраханскую губернскую канцелярию от помещиков центральных и поволжских губерний о поимке беглых крепостных (ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 262. Л. 3-9; Д. 273. Л. 1-12об.; Д. 350. Л. 1-8; Д. 460. Л. 1-3; Д. 477. Л. 1-2; ГААО. Ф. 687. Оп. 5. Д. 21. Л. 1-30).

С середины XVIII в. государство способствовало казачьей миграции в ВКРР. Казачьи станицы возникали вдоль основных губернских дорог: Московского и Кизлярского трактов. В 40–80-е гг. XVIII в. на Московском тракте было создано пять казачьих станиц. К концу века общая численность казачьего населения в Астраханской губернии составляла приблизительно 6 тыс. человек (обоих полов), из них служивых казаков было около 2 800 человек (История Астраханского края, 2000: 213, 222-223).

С 1765 г. Правительство разрешило продажу помещикам пустовавших государственных земель в Астраханской губернии (ПСЗ, 1830: 91-98). Условием земельных сделок было заселение будущими владельцами своих имений крепостными крестьянами. Тем самым делалась попытка запустить процесс дворянской миграции, хорошо зарекомендовавший себя в других регионах страны. Первыми помещиками в губернии стали астраханские чиновники: губернатор Н.А. Бекетов, директор таможни, коллежский асессор И.И. Григорьев, директор государственных садов князь Ф.П. Долгоруков, секретарь губернатора Ф. Пушкин и др. (Любомиров, 1926: 65).

Но надежды на дворянскую инициативу не оправдались. В Астраханской губернии было мало земель, пригодных для успешного ведения сельского хозяйства. К тому же из-за засушливого климата оно здесь требовало значительных затрат. Максимальную ценность в имениях представляли рыболовные участки по берегам Волги и Каспийского моря. Для их освоения вовсе не требовалось затратное масштабное переселение крепостных крестьян. Достаточно было набрать несколько бригад (ватаг) сезонных рабочих, размещавшихся во временных поселениях с несколькими хозяйственными постройками. Астраханские помещики так и поступали, не заботясь об освоении имений (Васькин, 1974).

Правительство пыталось контролировать помещиков, заставляя их каждые пять лет отчитываться о заселении приобретенных земель. С целью обхода такого контроля астраханские помещики стали изобретать различные мошеннические схемы обмана государства, наподобие описанной Н.В. Гоголем в романе «Мертвые души» (Гоголь, 1959).

Государство боролось с астраханскими Чичиковыми. Некоторых удавалось разоблачить, лишить приобретенных имений (Любомиров, 1926: 65-66). Но главного результата – быстрого освоения пустовавших земель губернии с помощью помещичьей миграции – достигнуто не было. По официальным отчетам к концу XVIII в. помещики основали и заселили в губернии 18 сел (История Астраханского края, 2000: 222). К 1800 г., по официальным данным, в губернии помещиками было заселено приблизительно 3,5 тысячи крепостных крестьян мужского пола. Это было даже меньше казачьей миграции. К тому же, помня поэму Н.В. Гоголя, можно усомниться даже в этих данных. Похоже, что не верили им и в Санкт-Петербурге. Правительство Александра I в 1806 г. прекратило в Астраханской губернии продажу частным лицам государственных земель (Любомиров, 1926: 65).

С 1785 г. в Астраханскую губернию началось переселение государственных крестьян. Но эта правительственная инициатива натолкнулась на скрытое противодействие губернских властей. Дело в том, что часть земель, предназначенных для заселения государственными крестьянами, была уже незаконно занята местными чиновниками. «В тень» было выведено около 220 тысяч десятин государственных земель (Васькин, 1974: 34-35).

Чтобы скрыть это, прибывавших в Астрахань переселенцев перенаправляли в отдаленные районы губернии, где не было земли, пригодной для ведения сельского хозяйства. В таких условиях переселенцы разбегались. Часть из них устраивалась на рыбные промыслы, другая – возвращалась в родные места. В 1800 г. генерал П.И. Львов, инспектировавший Астраханскую губернию, доносил в Санкт-Петербург о том, что «тысячи государственных переселенцев праздно бродили по Астрахани» (Любомиров, 1926: 70). Другой современник, протоиерей Скопин, также писал о «многих неустроенных государственных крестьянах в Астраханской губернии» (Скопин, 1891: 26).

Многочисленные нарушения в государственной переселенческой политике привели к тому, что в 1800 г., по результатам проверки комиссии П.И. Львова, губернатор И.С. Захаров был отстранен от

должности и отдан под суд «за поселение государственных крестьян в неположенных местах» (Любомиров, 1926: 71).

В начале XIX в. в Астраханскую губернию было переселено около 16 000 государственных крестьян. Новыми поселенцами было образовано 15 сел (История Астраханского края, 2000: 223). Из-за негативного отношения местных властей к государственным поселенцам наблюдался постоянный их отток. И все же при всех недостатках в организации и саботаже губернских чиновников контролируемая Правительством миграция государственных крестьян дала Астраханской губернии намного больше переселенцев, чем дворянская (Любомиров, 1926: 71).

Правительство Павла I в освоении ВКРП сделало ставку на крупное дворянство. При новом императоре крупнейшие землевладельцы смогли получить в собственность обширные участки прибрежных рыболовных вод. В апреле 1797 г. Правительствующий сенат издал Указ, по которому все «рыбные ловли» Астрахани, которые были переданы в 1762 г. Екатериной II в общее пользование купечеству города, передавались в «вечное владение» вице-канцлеру князю Александру Борисовичу Куракину (ГААО. Ф. 687. Оп. 5. Д. 18. Л. 1-10). Обширные имения в ВКРП также получили младший брат А.Б. Куракина, генерал-прокурор Алексей Борисович Куракин, князь Николай Борисович Юсупов (младший) и др. крупные чиновники, близкие к императору (ГААО. Ф. 687. Оп. 5. Д. 25. Л. 9). Сделано это было под надуманным предлогом о том, что рыболовные воды, переданные купцам-рыбопромышленникам предыдущим Правительством, «по укоренившимся среди них злоупотреблениям, городу никакого дохода не приносят». Помимо купеческих вод, князь Александр Куракин сумел получить в «вечное владение» государственные промыслы (учуги) (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1. Л. 3). За свои новые приобретения Александр Куракин должен был платить в казну столько же, сколько платили купцы, а также 12 тыс. руб. в год «в пользу города Астрахани» (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1. Л. 2).

Куракины сдали свои рыбные промыслы в аренду купцу из г. Вольска П.С. Сапожникову – будущему основателю самой известной рыбопромышленной фирмы Астрахани «Братья Сапожниковы» (1819–1918 гг.). Арендная плата в год составила 450 тыс. руб., что являлось огромной суммой для начала XIX в. Впоследствии П.С. Сапожников сумел также взять в аренду рыболовные воды в имении князя Н.Б. Юсупова (Марков, 2008: 258-259).

Новые владельцы крупных имений Астраханской губернии так же, как и помещики екатерининского времени, мало заботились об освоении и заселении своих владений. Прежде всего их интересовал доход с рыбного промысла. Причем в своих владениях они закрывали глаза на использование нанятыми ими рыболовными ватагами запрещенных законом орудий лова, нанося тем самым урон рыбным запасам (Юдин, 1925: 67).

Перераспределение рыболовных вод в пользу дворянства при Павле I серьезно ударило по астраханскому рыбопромышленному купечеству. Архивные данные свидетельствуют о сокращении доходов астраханских купцов всех гильдий между 1796 и 1802 гг. (ГААО. Ф. 433. Оп. 15. Д. 3. Л. 121-135).

Вытесненное дворянами из устья р. Волги и побережья Каспия купечество занялось освоением морского рыбного промысла. В этом деле рыбопромышленники нашли поддержку и содействие со стороны государственной власти, которая была заинтересована в усилении российского влияния на Каспийском море.

В связи с этим Комиссией по рыбным и тюленьим промыслам при Астраханском губернском правлении (далее – Комиссия), пришедшей в 1797 г. на смену Астраханской рыбной конторе, акватория Каспия была разделена на три крупных участка: Эмбенский (устье реки Эмбы на восточном побережье Каспийского моря), Западно-Каспийский и Персидский, где астраханские рыбопромышленники брали промыслы в аренду у Персии (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 22. Л. 3).

Осуществление вылова рыбы на любом из участков могло осуществляться только после разрешения Комиссии. Для осуществления весеннего лова заявки принимались с января по март, а для осеннего – с июня по август (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 22. Л. 2). Разрешения – билеты – выдавались Комиссией после предварительной заявки со стороны рыбопромышленников, в которой они должны были указать количество людей в ватаге, которая должна была осуществлять лов, и количество лодок, закреплявшихся за ней (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 22. Л. 4).

Заявки в порядке поступления заносились в реестровую книгу. Случалось, что их количество превышало число участков. В этом случае Комиссия проводила конкурс (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 14. Л. 12-12об.). Особым спросом среди рыбопромышленников пользовались участки в устье реки Эмбы (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 22. Л. 2). Процедура проводилась максимально открыто. На ней присутствовали губернатор, предводитель губернского дворянства, городской голова, чиновники Комиссии, рыбопромышленники и старшины ловецких ватаг (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 7. Л. 5-5об.).

В особый ящик размещались пронумерованные билеты, число которых соответствовало количеству заявок. Билеты эти доставал «младенец из бедных сирот». По традиции рыбопромышленники отчисляли ребенку «за его труд 100 р.». Каждый бюллетень озвучивался лично губернатором. Победителю вручался его билет, который давал ему право в течение трех лет заниматься рыбным промыслом на данном участке (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 24. Л. 12).

Победители заранее, до выхода на лов, оплачивали первый год эксплуатации участка (10 руб. за лодку в весенний лов и 5 руб. – в осенний). В последующие два года плата также вносилась авансом перед выходом в море (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 22. Л. 19). Трехлетний срок эксплуатации рыболовного участка был определен для поощрения рыбопромышленников к освоению российского участка Каспийского моря, не занятого частными имениями, и созданию на побережье заведений по переработке и хранению рыбы, которые в Астрахани второй половины XVIII в. получили название «вавилонны» (Юдин, 1925: 66). Впоследствии, в XIX в., они стали основой для развития мощных рыбных промыслов – центров по переработке рыбы и крупных рыбацких поселений на берегах Каспийского моря.

Дополнительным, так называемым «частиковым сбором», который составлял десятую часть добычи, обкладывался лов в устье реки Эмбы. Собранная сумма, в размере 5 100 руб. в год, поступала в распоряжение Приказа общественного призрения. Но ни угроза нападения прибрежных кочевых племен, ни повышенное налогообложение не сокращали количество желавших работать на этом рыболовном участке. В XVIII – первой половине XIX вв. это были никому не принадлежавшие воды и поэтому российские законы, ограничивавшие использование некоторых рыболовных снастей (ставные сплошные сети, называемые свинчатками, забойки, перегородки и т.д.), на них не распространялись, чем максимально пользовались рыбопромышленники (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 22. Л. 20). В устье Эмбы рыболовецкие ватаги занимались добычей самой дорогой рыбы осетровых пород.

В связи с тем, что долгое время рыболовные ватаги находились в автономном плавании и возможность контроля над ними как со стороны власти, так и рыбопромышленников была ограниченной, особые требования со стороны Комиссии предъявлялись к старшинам ватаг.

Рыбопромышленники также тщательно подходили к назначению кандидата на эту должность, понимая, что от ватажного старшины, от его авторитета среди ватажников (а в ней собирались самые разные люди, в том числе было много беглых) зависели сохранность имущества и будущая прибыль купца (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 14. Л. 23).

Перед выходом на лов старшины собирались в Астраханской рыбной конторе, где принимали присягу. Там же с ними проводился инструктаж на случай различных происшествий в открытом море. Для старшин, ватаги которых выходили на эмбенский и персидский участки (то есть за границы Российской империи), выдавались особые документы – паспорта, подписывавшиеся губернатором и секретарем Комиссии. В него вписывали каждого ватажника, а также количество лодок, закрепленных за ватагой. Старшина должен был предъявлять этот документ при пересечении границы империи. В случае смерти старшины или отстранения его от должности рыбопромышленник обязан был в кратчайшие сроки уведомить об этом соответствующего чиновника Комиссии и назначить нового старшину, который должен был также пройти процедуру присяги и инструктаж. В случае замены старшины на ватагу выписывался новый паспорт (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 27. Л. 5-6).

На Эмбенском участке в районе лова постоянно крейсировало несколько (3–5) вооруженных судов, принадлежавших Комиссии. Они обеспечивали охрану рыболовных ватаг от нападения кочевников. Экипажами этих судов на берегу создавалась укрепленная застава, которая также служила защитой от нападения местных племен. На заставе располагался ответственный за данный участок чиновник Комиссии (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 22. Л. 24).

Для обеспечения порядка во время лова Экспедицией также назначалась бригада смотрителей (от 10 до 15 человек). При необходимости смотрители помогали рыбопромышленникам и старшинам разбирать споры, наказывать виновных. В случае серьезных беспорядков корабли охраны оказывали помощь смотрителям в подавлении бунта. С целью повышения эффективности контроля за работой ватаг еще до выхода в море каждой ватаге выдавались флаги особого цвета. На судне, где находился старшина, поднимался большой флаг (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 27. Л. 10).

Перед выходом на морской промысел весь рыболовный флот собирался в Астрахани. В начале весны рыболовные суда устремлялись к морю. По прибытии каждой ватаги ее старшина обязан был явиться на заставу, предъявить паспорт и согласовать место для лова. Каждая ватага стремилась быстрее добраться до заставы, чтобы получить лучшее место. Всего же на Эмбенском участке одновременно работало около 50 ватаг (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 22. Л. 24).

По окончании лова, перед отбытием, ватажные старшины должны были также отметить на заставе. При этом в паспорт вносились сведения о погибших или бежавших ватажниках, утраченном во время лова имуществе. По прибытии в Астрахань рыбопромышленники сдавали в Экспедицию флаги и значки своих ватаг и представляли отчет о производстве лова (ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 22. Л. 25).

5. Заключение

В XVIII в. Волго-Каспийский рыболовный район являлся окраинной территорией, активно осваиваемой Российской империей. Основным инструментом его заселения и освоения являлась миграция населения из центральных районов страны. В освоении и заселении ВКРР присутствовали разные виды миграций: вольная, крестьянская, служилая, казачья, монастырская, кочевая и т.д.

Главным богатством района было наличие значительных запасов рыбы. Поэтому рыболовные воды являлись не только источником продовольствия, но и ключевым экономическим ресурсом региона, обеспечивавшим материальное благосостояние населения. По мере заселения и освоения ВКРР различные группы влияния стремились к установлению контроля над рыбным промыслом.

В XVIII в. основными группами влияния, борющимися за право быть опорой центральной власти в районе, а следовательно, за максимальный доступ к основному экономическому его ресурсу, являлись государственное чиновничество, дворянство и рыбопромышленное купечество. Во взаимодействии центральной власти с доминантной силой (или силами) в регионе строилась стратегия освоения и заселения территории, поощрялись определенные виды миграции.

С 1704 по 1762 гг. рыболовные воды стали государственной собственностью, что резко подняло роль и влияние бюрократии, контролировавшей рыбный промысел. Результатами государственной монополии стали неэффективное управление, упадок рыбопромысловых предприятий, нехватка на них рабочих, отъезд из Астрахани рыбопромышленников, замедление вольной миграции.

Правительство Екатерины II, обеспокоенное положением дел в ВКРР, объявило в 1762 г. рыболовные воды городским достоянием, тем самым ставка в развитии рыбного промысла была сделана на купечество. Вторая половина XVIII в. – это период укрепления рыбопромышленного капитала и увеличения потока вольной миграции. Другой формой успешного переселения в Астраханскую губернию стало создание казацких поселений. Казаки занимались охраной пограничной территории и путей сообщения.

При Екатерине II была сделана попытка заселения свободных земель в регионе путем продажи их дворянам. Правительство это делало в надежде, что новые хозяева земель заселят их крепостными крестьянами из центральных районов. Однако опыт, оправдавший себя в других регионах страны, в Астраханской губернии не дал результатов. Успешное ведение сельского хозяйства из-за жаркого, засушливого климата и отсутствия плодородных земель требовало значительных затрат, а расходы на переселение крепостных крестьян могли и вовсе не окупиться. Поэтому дворяне на своих землях предпочитали заниматься добычей рыбы, особо не заботясь о заселении купленных земель.

При Павле I дворянам удалось отнять прибрежные рыболовные воды у купечества. Указ 1762 г. был отменен, а большинство рыболовных участков в низовьях р. Волги и северного побережья Каспийского моря в 1797 г. было передано во владение крупным землевладельцам, к которым благоволил император, – Куракиным, Юсуповым и т.д. Это решение стало ударом по астраханскому купечеству и вольной миграции в ВКРР. Рыбопромышленники, вытесненные с побережья, вынуждены были начать освоение морского рыбного промысла на Каспии.

Но ни одна из стратегий, применявшихся в XVIII в., в условиях крепостного права и отсутствия свободного рынка труда, не привела к однозначному успеху. Процесс заселения ВКРР продвигался медленными темпами. К концу XVIII в. в ВКРР проживало не более 50–70 тыс. человек (Любомиров, 1926: 76). Более точные данные определить невозможно из-за большого количества сезонных рабочих на рыбных промыслах, кочевого населения, фиктивных данных по помещичьей миграции, значительного количества беглых, не значившихся в каких-либо списках. Но, с другой стороны, можно констатировать привлекательность ВКРР для населения центральных регионов страны, которое, несмотря на все препятствия, мигрировало в район и осваивало эту территорию.

Литература

Бородин, 1903 – Бородин Н.А. Каспийско-Волжское рыболовство и его экономическое значение. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1903. 96 с.

Бурдей, 1954 – Бурдей Г.Д. Борьба России за Среднее и Нижнее Поволжье в XVI в. // *Преподавание истории в школе*. 1954. № 5. С. 27-36.

Васькин, 1974 – Васькин Н.М. Заселение Астраханского края. Волгоград: Нижневолжское книжное издательство, 1974. 47 с.

Вереин, 1958 – Вереин Л.Е. Присоединение Нижнего Поволжья к русскому государству. Начало строительства русской Астрахани. Астрахань: Волга, 1958. 46 с.

ГААО – Государственный архив Астраханской области.

Гмелин, 1777 – Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы: В 3-х ч. Ч. 2. СПб.: Имп. Акад. Наук, 1777. 404 с.

Гоголь, 1959 – Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 6 т. Т. 5. Мертвые души. М.: Гослитиздат, 1959. 575 с.

Голикова, 1975 – Голикова Н.Б. Астраханское восстание 1705–1706 гг. М.: Изд-во МГУ, 1975. 332 с.

Гримм, 1896 – Гримм О.А. Каспийско-Волжское рыболовство. СПб.: Тип. В. Демакова, 1896. 154 с.

Загородников, 1929 – Загородников Ф.И. Рыболовство Астраханского края. Астрахань: Изд-во Астраханского ОкрОНО, 1929. 127 с.

Имашева, 2015 – Имашева М.М. Мусульманское предпринимательство Астраханской губернии в конце XVIII – начале XX вв.: экономические и социальные аспекты развития. Астрахань: ИП Сорокин Роман Васильевич, 2015. 186 с.

- Исследования о состоянии..., 1860–1876** – Исследования о состоянии рыболовства в России. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1860–1876. Тт. I–IX. Т. II. 216 с.; Т. III. 107 с.
- История Астраханского края, 2000** – История Астраханского края. Астрахань: Изд-во АГПУ, 2000. 1122 с.
- Кевдин, 1915** – *Кевдин В.А.* Современное рыболовство России. М.: Тип. «Земля», 1915. 153 с.
- Кисилевич, 1924a** – *Кисилевич К.С.* К ловецкому вопросу // *Наш край*. 1924. № 1. С. 1-64.
- Кисилевич, 1924b** – *Кисилевич К.С.* Рыбная промышленность // *Наш край*. 1924. № 2. С. 5-16.
- Кузнецов, 1902** – *Кузнецов И.Д.* Очерк русского рыболовства: промысел различных водяных животных. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1902. 128 с.
- Лактионов, 1924** – *Лактионов С.Ф.* О границах будущего Астраханского округа с Автономной Калмыцкой областью, бывшим Царицынским округом и Киргизской республикой // *Наш край*. 1924. № 1. С. 65-99.
- Любомиров, 1926** – *Любомиров П.Г.* Заселение Астраханского края в XVIII в. // *Наш край*. 1926. № 4. С. 54-77.
- Марков, 2008** – *Марков А.С.* Братья Сапожниковы. Астрахань: Волга, 2008. 322 с.
- Озерецковский, 1804** – *Озерецковский Н.Я.* Описание Колы и Астрахани: из сочинений академика Николая Озерецковского. СПб.: Имп. Акад. Наук, 1804. 131 с.
- Пальмов, 1924** – *Пальмов Н.Н.* К истории рыбной промышленности Астраханского края в первой половине XVIII в. // *Наш край*. 1924. № 4. С. 113-136.
- ПСЗ, 1830** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 4. СПб.: Тип. II Отд. Собст. Его Имп. Вел. Канц., 1830. 881 с.
- Рябцев, 2002** – *Рябцев А.Л.* Роль Ирана в восточной торговле России в XVIII в. М.: Изд-во МПГУ, 2002. 214 с.
- Скопин, 1891** – *Скопин Г.А.* Дневник происшествий Герасима Алексеевича Скопина // *Саратовский исторический сборник*. Саратов: Тип. губ. земства, 1891. Т. 1. С. 1-40.
- Соймонов, 1763** – *Соймонов Ф.И.* Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний, яко часть истории Государя Императора Петра Великого. СПб.: Имп. Акад. Наук, 1763. 380 с.
- Степанов, 1914** – *Степанов В.Г.* Необходимость упорядочения рыболовства в Каспийском море. Астрахань: Типолит. Т-ва печ. дела Окур, Апресянц и Винников, 1914. 27 с.
- Струбалина, 1989** – *Струбалина Н.К.* Из истории освоения рыбных богатств Каспия и Астраханского края. Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1989. 94 с.
- Татищев, 1990** – *Татищев В.Н.* Записки. Письма. М.: Наука, 1990. 440 с.
- Юдин, 1925** – *Юдин П.* К истории Астраханского рыболовства // *Наш край*. 1925. № 7. С. 58-69.
- Юхт, 1994** – *Юхт А.И.* Торговля с восточными странами и внутренний рынок России: 20–60-е гг. XVIII в. М.: ИРИ РАН, 1994. 261 с.
- Vinogradov et al., 2021** – *Vinogradov S.V., Turitsyn I.V., Eshchenko Y.G., Saveleva E.V.* Meaning of Labor Migration in the Developing of the Outlying Territories of the Russian Empire in 1861–1914 (on the Example of the Volga-Caspian Fishing Region) // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 750-759. DOI: 10.13187/bg.2021.2.750

References

- Borodin, 1903** – *Borodin, N.A.* (1903). Kaspiskoe-Volzhscoe rybolovstvo i ego jekonomicheskoe znachenie [Caspian-Volga fishing and its economic importance]. SPb.: Tip. V. Kirshbauma. 96 p.
- Burdej, 1954** – *Burdej, G.D.* (1954). Bor'ba Rossii za Srednee i Nizhnee Povolzh'e v XVI v. [The struggle of Russia for the Middle and Lower Volga region in the XVI century]. *Prepodavanje istorii v shkole*. 5: 27-36. [in Russian]
- GAO** – Gosudarstvennyj arhiv Astrahanskoj oblasti [State Archives of the Astrakhan Region].
- Gmelin, 1777** – *Gmelin, S.G.* (1777). Puteshestvie po Rossii dlja issledovanija treh carstv prirody: v 3-h ch. Ch. 2 [Journey through Russia to explore the three kingdoms of nature: in 3 parts. Part 2]. SPb.: Imp. Akad. Nauk. 404 p. [in Russian]
- Gogol, 1959** – *Gogol, N.V.* (1959). Sbranie sochinenij v 6 t. T. 5. Mertvyje dushi [Collected works in 6 volumes. Vol. 5. Dead souls]. М.: Goslitizdat. 575 p. [in Russian]
- Golikova, 1975** – *Golikova, N.B.* (1975). Astrahanskoe vosstanie 1705-1706 gg. [Astrakhan uprising of 1705-1706]. М.: Izd-vo MGU. 332 p. [in Russian]
- Grimm, 1896** – *Grimm, O.A.* (1896). Kaspiskoe-Volzhskoerybolovstvo [Caspian-Volga fishing]. SPb.: tip. V. Demakova. 154 p. [in Russian]
- Imasheva, 2015** – *Imasheva, M.M.* (2015). Musul'manskoe predprinimatel'stvo Astrahanskoj gubernii v konce XVIII – nachale XX vv.: ekonomicheskie i social'nye aspekty razvitija [Muslim entrepreneurship in the Astrakhan province in the late 18th - early 20th centuries: economic and social aspects of development]. Astrakhan: IP Sorokin Roman Vasil'evich. 186 p. [in Russian]
- Issledovanija o sostojanii..., 1860–1876** – Issledovanija o sostojanii rybolovstva v Rossii [Research on the state of fishing in Russia]. SPb.: Tip. V. Bezobrazova I komp., 1860–1876. Vol. I-IX. [in Russian]

- Istorija Astrahanskogo kraja, 2000** – Istorija Astrahanskogo kraja [History of the Astrakhan region]. Astrakhan: izd-vo AGPU, 2000. 1122 p. [in Russian]
- Judin, 1925** – *Judin, P.* (1925). K istorii Astrahanskogo rybolovstva [On the history of the Astrakhan fishery]. *Nash kraj*. 7: 58-69. [in Russian]
- Juht, 1994** – *Juht, A.I.* (1994). Torgovlja s vostochnymi stranami i vnutrennij rynek Rossii: 20-60-e gg. XVIII v. [Trade with Eastern countries and the domestic market of Russia: 20-60s XVIII century]. M.: IRI RAN. 261 p. [in Russian]
- Kevdin, 1915** – *Kevdin, V.A.* (1915). Sovremennoe rybolovstvo Rossii [Modern fishing in Russia]. M.: tip. "Zemlja". 153 p. [in Russian]
- Kisilevich, 1924a** – *Kisilevich, K.S.* (1924). K loveckomu voprosu [To a fishing question]. *Nash kraj*. 1: 1-64. [in Russian]
- Kisilevich, 1924b** – *Kisilevich, K.S.* (1924). Rybnaja promyshlennost' [Fishing industry]. *Nash kraj*. 2: 5-16. [in Russian]
- Kuznecov, 1902** – *Kuznecov, I.D.* (1902). Oчерk russkogo rybolovstva: promysel razlichnyh vodjanyh zhivotnyh [Essay on Russian fishing: fishing for various aquatic animals]. SPb.: tip. V. Kirshbauma. 128 p. [in Russian]
- Laktionov, 1924** – *Laktionov, S.F.* (1924). O granicah budushhego Astrahanskogo okruga s Avtonomnoj Kalmyckoj oblast'ju, byvshim Caricynskim okrugom i Kirgizskoj respublikoj [On the borders of the future Astrakhan Region with the Autonomous Kalmyk Region, the former Tsaritsyn Region and the Kyrgyz Republic]. *Nash kraj*. 1: 65-99. [in Russian]
- Ljubomirov, 1926** – *Ljubomirov, P.G.* (1926). Zaselenie Astrahanskogo kraja v XVIII v. [Settlement of the Astrakhan region in the 18th century]. *Nash kraj*. 4: 54-77. [in Russian]
- Markov, 2008** – *Markov, A.S.* (2008). Brat'ja Sapozhnikovy [Sapozhnikov brothers]. Astrakhan: Volga. 322 p. [in Russian]
- Ozereckovskij, 1804** – *Ozereckovskij, N.Ja.* (1804). Opisanie Koly i Astrahani: iz sochinenij akademika Nikolaja Ozereckovskogo [Description of Kola and Astrakhan: from the writings of Academician Nikolai Ozeretskovsky]. SPb.: Imp. Akad. Nauk. 131 p. [in Russian]
- Palmov, 1924** – *Palmov, N.N.* (1924). K istorii rybnoj promyshlennosti Astrahanskogo kraja v pervoj polovine XVIII v. [On the history of the fishing industry of the Astrakhan region in the first half of the 18th century]. *Nash kraj*. 4: 113-136. [in Russian]
- PSZ, 1830** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe [Complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting first]. T. 4. SPb.: Tip. II Otd. Sobst. Ego Imp. Vel. Kanc., 1830. 881 p. [in Russian]
- Rjabcev, 2002** – *Rjabcev, A.L.* (2002). Rol' Irana v vostochnoj torgovle Rossii v XVIII v. [The role of Iran in the eastern trade of Russia in the XVIII century]. M.: Izd-vo MPGU. 214 p. [in Russian]
- Skopin, 1891** – *Skopin, G.A.* (1891). Dnevnik proisshestvij Gerasima Alekseevicha Skopina [Incident diary of Gerasim Alekseevich Skopin]. *Saratovskij istoricheskij sbornik*. Saratov: Tip. gub. zemstva. T. 1. Pp. 1-40. [in Russian]
- Sojmonov, 1763** – *Sojmonov, F.I.* (1763). Opisanie Kaspijskogo morja i chinennyh na onom Rossijskih zavoevanij, jako chast' istorii Gosudarja Imperatora Petra Velikogo [Description of the Caspian Sea and the Russian conquests made on it, as part of the history of the Sovereign Emperor Peter the Great]. SPb.: Imp. Akad. Nauk. 380 p. [in Russian]
- Stepanov, 1914** – *Stepanov, V.G.* (1914). Neobhodimost' uporzjadochenija rybolovstva v Kaspijskom more [The need to streamline fisheries in the Caspian Sea]. Astrakhan: tipo-lit. T-va pech. dela Okur, Apresjanc i Vinnikov. 27 p. [in Russian]
- Strubalina, 1989** – *Strubalina, N.K.* (1989). Iz istorii osvoenija rybnyh bogatstv Kaspija i Astrahanskogo kraja [From the history of the development of fish resources in the Caspian Sea and the Astrakhan region]. Volgograd: Nizhne-Volzhscoe knizhnoe izdatel'stvo. 94 p. [in Russian]
- Tatishhev, 1990** – *Tatishhev, V.N.* (1990). Zapiski. Pis'ma [Notes. Letters]. M.: Nauka. 440 p. [in Russian]
- Vaskin, 1974** – *Vaskin, N.M.* (1974) Zaselenie Astrahanskogo kraja [Settlement of the Astrakhan region]. Volgograd: Nizhnevolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo. 47 p. [in Russian]
- Verein, 1958** – *Verein, L.E.* (1958). Prisoedinenie Nizhnego Povolzh'ja k russkomu gosudarstvu. Nachalo stroitel'stva russkoj Astrahani [Accession of the Lower Volga region to the Russian state. The beginning of the construction of the Russian Astrakhan]. Astrakhan: Volga. 46 p. [in Russian]
- Vinogradov et al., 2021** – *Vinogradov, S.V., Turitsyn, I.V., Eshchenko, Y.G., Saveleva, E.V.* (2021). Meaning of Labor Migration in the Developing of the Outlying Territories of the Russian Empire in 1861–1914 (on the Example of the Volga-Caspian Fishing Region). *Bylye Gody*. 16(2): 750-759. DOI: 10.13187/bg.2021.2.750
- Zagorodnikov, 1929** – *Zagorodnikov, F.I.* (1929). Rybolovstvo Astrahanskogo kraja [Fishing of the Astrakhan region]. Astrakhan: izd-vo Astrahanskogo OkrONO. 127 p. [in Russian]

Проблемы освоения окраинных российских территорий в XVIII в.: поиск стратегии (на примере Волго-Каспийского рыболовного района)

Сергей Вадимович Виноградов ^a, Юлия Геннадьевна Ещенко ^{a, *}, Елена Викторовна Савельева ^a,
Олег Владимирович Лихолет ^a

^a Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Российская Федерация

Аннотация. На примере одной из периферийных территорий Российской империи XVIII в. – Волго-Каспийского рыболовного района – в статье рассматривается роль миграции как важного составного элемента государственной политики освоения и заселения земель. Главное богатство Волго-Каспийского региона заключалось в наличии богатых рыбных ресурсов. Продукты и деликатесы из рыбы пользовались высоким спросом как внутри страны, так и за ее пределами. Однако отдаленность территории от центральных регионов и отсутствие свободного рынка труда в условиях крепостного права препятствовали успешной колонизации. В работе доказывается, что на протяжении всего XVIII в. через борьбу различных властных групп в правящей элите за контроль над рыбным промыслом шел поиск эффективной стратегии по освоению Волго-Каспийского рыболовного района. Проблемы политического центра не могли не отражаться на проблемах периферии, в том числе на миграции в регион, задавая ее качественный и количественный характер. Авторы анализируют менявшиеся в течение XVIII в. стратегии освоения и заселения региона, делают выводы относительно их эффективности.

В статье анализируются государственные законы, принятые в исследуемый период, реализация которых способствовала развитию и освоению Волго-Каспийского рыболовного района. Исследование выполнено на основе значительного количества документов, способствующих лучшему пониманию проблем интеграции Волго-Каспийского рыболовного района в экономическую жизнь Российской империи в XVIII в. Большинство документов из фондов Государственного архива Астраханской области вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Каспийское море, Волго-Каспийский рыболовный район, Астраханская губерния, рыбный промысел, рыбопромышленник, освоение, переселение, окраинные территории, трудовая миграция.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dissovetdm@yandex.ru (С.В. Виноградов),
pushistik_yuliya@mail.ru (Ю.Г. Ещенко), elenasava03@gmail.com (Е.В. Савельева),
oleg.liholet@mail.ru (О.В. Лихолет)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1575-1584
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1575

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Customary Legal Nature of the Institution of Marriage among the Permian Peoples in the 18th – 19th centuries

Olga A. Plotskaya ^{a,*}, Yuliya E. Kurilyuk ^b, Djamilya A. Ospanova ^c

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^b Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^c Turan University, Republic of Kazakhstan

Abstract

The uniqueness and specificity of customary law regulation of various legal institutions is clearly manifested in the historical past, reflecting not only the established traditional ideas of peoples, but also the originality of the ethno-legal history of development. The study of the customary legal nature of the institution of marriage among the Permian peoples in the 18th – 19th centuries in modern conditions is especially relevant, as it allows us to show the national color and ethnic code of the Eastern Finno-Ugric peoples, as well as traditional ideas about marriage, enshrined in customary law, noting trends and ways of transforming this legal institution.

The customary law of the Permian peoples in the 18th – 19th centuries regulated the institution of marriage on a par with the norms of positive law. At the state level, it was forbidden to marry people with dementia or mental disabilities; a ban was introduced on marriage without the mutual consent of the spouses; degrees of kinship that did not allow marriage were legalized; age criteria for marriage; prohibition of marriage without the consent to this action on the part of guardians or trustees.

The institution of marriage among the Permian peoples underwent changes during the period under review. Not only legal customs changed, but also the norms of positive law. However, customary law was of great importance, since it regulated especially those areas of public life that the legislator did not always have time to regulate. The customary law of the Permian peoples, adapted to the economic and economic structure, supplemented the norms of positive law, without contradicting the latter. It detailed the institution of marriage, obliging the parties to be married to observe the wedding ceremony and ritual and traditional rites. The ritualization of wedding actions and the inclusion of customary legal elements in them made it possible not only to preserve, but also to transfer the value of the institutions of marriage and the traditional Perm family to future generations.

Keywords: Komi, Zyryans, Permians, Votyaks, Udmurts, positive law, customary law, marriage.

1. Введение

Уникальность и специфика регулирования обычным правом различных правовых институтов ярко проявляется в историческом прошлом, отражая не только сложившиеся традиционные представления народов, но и своеобразие этноправовой истории развития. Исследование обычно-правовой природы института брака у пермских народов в XVIII–XIX веках в современных условиях представляется особенно актуальным, так как позволяет показать национальный колорит и этнический код восточных финно-угорских народов, а также традиционные представления о браке, закреплённые обычным правом, отмечая тенденции и пути трансформации этого правового института.

* Corresponding author

E-mail addresses: olga.plockaya@mail.ru (O.A. Plotskaya), YEKurilyuk@fa.ru (Yu.E. Kurilyuk), azizkhan_o606@mail.ru (D.A. Ospanova)

В исследуемый период обычное право, основанное на правовых обычаях, «вышедших» из глубин народного сознания, занимало значительное место в функционировании традиционно-этнического закрытого общества. Пермские народы широко использовали нормы обычного права, ввиду того, что позитивное право не всегда эффективно и своевременно могло урегулировать детали общественных отношений, возникавших в северной глубинке.

Обычно-правовые табу, нормы-принципы, воззрения и установления осуществляли роль институциональных гарантов, способствующих обязательному и неукоснительному соблюдению бытовавших традиционных норм поведения. Обычное право эффективно регулировало аутентичный, автохтонно-традиционный образ жизни пермских народов.

Неподдельный научный интерес сегодня вызывает изучение института брака у пермских народов в XVIII–XIX веках, основанного и регулируемого не только позитивным правом, но и обычным, так как, раскрывая исторические особенности его развития, подобное исследование, безусловно, приобретает значимость для оценки современных брачно-семейных отношений, существующих у обозначенных народов. В данной работе речь будет идти о пермских близкородственных народах, относящихся к восточной финно-угорской группе (коми-зыряне (зыряне), коми-пермяки (пермяки), удмурты (вотяки).

Данный труд в некотором смысле является логическим продолжением ранее изданных работ, посвященных ряду исследований обычного права у финно-угорских и самодийских народов (Plotskaya et al., 2021; Plotskaya et al., 2022). Поэтому исследование института брака у пермских народов в XVIII–XIX веках сегодня характеризуется не только теоретическим, но и практическим значением. Актуально исследовать роль института брака у пермских народов, регулировавшегося нормами обычного и позитивного права.

2. Материалы и методы

Источниковой базой настоящей работы являются найденные и введенные авторами в научный оборот архивные документы Российского государственного архива древних актов – РГАДА (г. Москва, Российская Федерация), Фольклорного архива Сыктывкарского государственного университета – ФА СыктГУ (г. Сыктывкар, Российская Федерация), Национального архива Республики Коми – НА РК (г. Сыктывкар, Российская Федерация), в которых достаточно много внимания уделяется представлению брачных обрядов и ритуалов, матримониальных правовых обычаев, включающих также сведения о наследственных, семейно-патриархальных и договорных отношениях, связанных с институтом брака.

Данные архивные источники, находящиеся на постоянном хранении в обозначенных архивах, представляют собой важнейшие носители историко-этнографической и этноправовой информации об институте брака, его формах, особенностях заключения, процедурности и ритуализации, которые были распространены в локальных этногруппах пермских народов в исследуемый период.

Специфика заключения брака, его правовые последствия, уникальные традиционные особенности этнолокальных групп у пермских народов, связанные в том числе и с территориальным фактором, в не систематизированном виде представлена в таких архивных материалах, как духовные завещания, купчие, жилые записи, мировые и др. Хотя данных архивных документов, особенно датированных XVIII веком, дошло до наших дней немного, все же они формируют устойчивый информационный образ об институте брака. Представление об этом институте создается через хозяйственно-экономические описания, гендерные, возрастные критерии, которые отражают обычно-правовой порядок, распространенный в этнолокальном обществе, виды культурно-обрядовой и ритуальной деятельности, наполненной символизмом, а также специфику правопонимания и мироощущения членов такого общества.

Безусловную актуальность для данной работы имеет исследование норм позитивного права, так как институт брака регулировался также в рассматриваемый период нормативными правовыми актами, издаваемыми на государственном уровне. Они сгруппированы в таком официальном и полном корпусе законодательных актов Российского государства, начиная с середины XVII века до начала XX века, как «Полное собрание законов Российской империи».

Сегодня, к сожалению, практически отсутствуют официальные, признанные на государственном уровне, сборники писаных форм права, которые отражали бы правовые обычаи, существовавшие у коми-зырян, коми-пермяков, удмуртов. Много ценнейшей историко-правовой информации предоставляют «...сохранившиеся русские документы» (Вершинин, Визгалов, 2004: 4), отражавшие различные исторические факты и события в определенный хронологический период. Поэтому исследование обычно-правовой природы института брака у пермских народов в обозначенные хронологические рамки имеет определенную специфику и связанные с ней сложности, так как важнейшую информацию необходимо аккумулировать и собирать «по крупицам».

Брачно-семейные отношения, основанные на нормах обычного права, у зырян, пермяков, вотяков были широко представлены также в периодических печатных изданиях XIX века. Поэтому в настоящей работе используются публикации из периодической печати, прежде всего в таких

изданиях, как «Вестник Европы», «Журнал Министерства народного просвещения», «Вологодские губернские ведомости», «Вятские губернские ведомости» и др.

Методологическим инструментарием, применяемым в данном исследовании, является интеграция взаимосвязанных и взаимодополняющих научно-методических принципов, методов и подходов. Сравнительно-правовой подход позволяет проследить эволюционные изменения института брака у восточных финно-угров, регулируемого нормами позитивного и обычного права на протяжении двухвекового периода развития.

Кроме глубинного источниковедческого анализа, в настоящей работе применяется контент-анализ, позволяющий установить не только полнотекстовое содержание источников, но и определить специфику института брака, выделяя особенности его заключения.

Широкое применение в данной работе методов анализа и синтеза позволило исследовать источниковую основу, выявляя закономерности в регулировании института брака нормами позитивного и обычного права у пермских финно-угорских народов.

Использование сравнительно-исторического, а также системного методов предоставило возможность рассмотреть институт брака, систематизируя полученную информацию о нем, учитывая исторические события, происходившие на протяжении двухвекового периода. Кроме того, широкое применение в работе метода толкования (герменевтического) позволило осуществить толкование ряда нормативных правовых актов, привлекаемых в качестве источников в данное исследование.

3. Обсуждение

Несистематизированные описания и данные о брачно-семейных отношениях у зырян, вотяков, пермяков проводились не только в исследуемый период, но и ранее. Однако отрывистые данные, описывающие различные исторические события, не могли дать полной картины развития института брака у пермских народов.

Исследовательский и научный интерес к изучению жизнедеятельности восточных финно-угров постепенно проявляется по мере освоения этих земель, а также после включения их в общероссийское экономическое пространство. Важно понимать, что у исследователей XVIII–XIX веков часто не было цели описания обычно-правового опыта пермских народов, так как важнейшими задачами перед ними стояли изыскания в хозяйственно-экономической, географо-климатической, а позже в геологической и других сферах деятельности. Важно отметить, что в дореволюционной отечественной историографии описание брачно-семейных отношений, регулировавшихся обычным правом, часто являлось лишь побочным продуктом основной цели исследования.

Различный уровень раскрытия обозначенной темы в дореволюционных работах позволил отобрать те публикации, которые олицетворяли наиболее значимые достижения российской дореволюционной науки в сфере исследования института брака у пермских народов. В этой связи следует отметить таких исследователей, как О. Ежов, П. Ефименко, Г. Миллер, М. Михайлов, И. Попов, А. Фукс и др. ([Ежов, 1857](#); [Ефименко, 1874](#); [Миллер, 1791](#); [Михайлов, 1850](#); [Попов, 1875](#); [Фукс, 1844](#)).

Российские ученые современного периода изучают обычное право и его значение в жизнедеятельности различных народов. Это работы таких ученых, как М.Б. Аверин, Н.А. Алимбай, С.В. Березницкий, И.И. Галечко, А.В. Дарчиев, С.В. Дарчиева, П.В. Никитин, А.В. Попова, С.А. Правкин, П.В. Примак, Б.К. Смагулов, В.В. Смирнов, В.В. Титов, Р.В. Шагиева, М.А. Хватова, А.Б. Храмцов и др. ([Аверин и др., 2020](#); [Алимбай, Смагулов, 2021](#); [Березницкий, 2020](#); [Дарчиев, Дарчиева, 2021](#); [Правкин и др., 2021](#); [Титов, 2021](#); [Храмцов, 2021](#) и др.). В их научных работах исследуются историко-теоретические проблемы обычного права у различных народов. Однако в них отсутствуют матримониальные аспекты, регулировавшиеся нормами государственного и обычного права пермских народов.

Безусловно, необходимо отметить вклад современных ученых в исследование института брака у вотяков, зырян, пермяков. Среди таких ученых отметим имена Ю.В. Александрова, М.В. Гришкиной, Д.В. Вишняковой, А.К. Гагиевой, П.А. Колесникова и др. ([Александров, 2014](#); [Гришкина, 2010](#); [Вишнякова, 2014](#); [Гагиева, 2014](#); [Колесников, 1982](#)).

Несмотря на существование значительного количества научных работ по историко-этнографическим вопросам развития восточных финно-угорских народов, предпринятые и осуществленные исследования в сфере изучения обычно-правовой природы брачного поведения у коми, удмуртов в XVIII–XIX веках на сегодняшний день не систематизированы.

Исходя из сказанного, целью настоящей работы является исследование обычно-правовой природы института брака у пермских народов на протяжении XVIII–XIX веков.

4. Результаты

Институт брака у пермских народов, как и у многих других, в рассматриваемый период представлял собой сложный и упорядоченный комплекс ритуалов, сопровождавшийся совершением обрядов. Это не только правовой, но и социально-культурологический институт, имевший духовный колорит, который регулировался множеством норм, включая правовые, канонические, моральные,

этические. Заключение брака являлось важным шагом в жизни мужчины и женщины, так как оно позволяло создать семью, в которой формируется «внутренний мир» человека (Пономарева, 2021: 321).

Институт брака у пермских народов в течение рассматриваемого периода подвергался изменениям. Менялись не только правовые обычаи, но и нормы позитивного права. Однако обычное право имело огромное значение, так как оно регулировало особенно те сферы общественной жизни, которые не всегда успевал регламентировать законодатель ввиду наличия большого количества различных народов, населявших территориальные пространства Российского государства и имевших особенности в введении традиционного образа жизни, в способах ведения хозяйства, особенно «в условиях экстремального климата» (Копцева, 2021: 990), что является актуальным, к примеру для северных коми (коми-ижемцев).

Позитивное право регламентировало требования к заключению брака. Так, в 1722 году российский законодатель запрещает заключать браки с людьми, имеющими слабоумие, психические отклонения: «...понеже какъ... детямъ ихъ таковмъ дуракамъ, ...которые ни въ науку, ни въ службу не годились, и въ предъ не годятся, отнюдь жениться и замуж итти не допускать и венечныхъ памятей не давать...» (ПСЗ РИ. СП, 1830: 643-644). Подобные ограничения, вводимые законодателем, понятны, так как от безумных людей «...добраго наследія к Государственной пользе надеяться не можно...» (ПСЗ РИ. СП, 1830: 643-644).

В том же 1722 году, уделяя значительное внимание подсудности и предметам ведения светского суда и Синода, законодатель вводит запрет на вступление в брак без взаимного согласия брачующихся, выделяя в тексте источника права отдельный пункт «15. О принужденныхъ бракахъ, которые бывають въ детяхъ за страхъ родителей, а въ рабахъ по принужденію господей ихъ, безъ произволенія сочтаныхъ» (ПСЗ РИ. СП, 1830: 650-652). Также в этом источнике запрещалось и кровосмешение (ПСЗ РИ. СП, 1830: 650-652).

Спустя два года законодатель распространяет этот запрет и на зависимое население: «...дабы отныне родители дѣтей и всякаго званія люди рабовъ своихъ и рабынь къ брачному сочтанію, безъ самопроизвольнаго ихъ желанія, отнюдь не принуждали и не брачили...» (ПСЗ РИ. СП, 1830: 197-198).

Законодательно закреплялись и степени родства, соблюдение которых являлось одним из важнейших требования для заключения брака. Этой проблеме было посвящено несколько нормативно-правовых актов. В 1787 году законодатель указал: «...брачившіеся между собою присвоенія хотя и имеютъ, но отдаленныя отъ двухъ или трехъ родовъ, а паче по сватовству и кумовству, ...буде же которые и по разсмотренію ихъ Преосвященныхъ найдутся точно въ возбраненныхъ къ браку степеняхъ: тогда уже о таковыхъ велеть производить изслѣдованія, и решенія чинить по правиламъ Святыхъ Отець церковнымъ установленіямъ...» (ПСЗ РИ. СП, 1830: 897-898).

В 1810 году законодатель, ссылаясь на Священное писание, детально прописывает степени родства, наличие которых делает невозможным для вступления в брак: «сочетаются въ бракъ съ матерями ихъ, уже овдовевшихъ.... Срамоты отца твоего и срамоты матери твоя, да не открыеши,Срамоты сестры твоя..., да не открыеши срамоты ихъ, ... Срамоты дщере сына твоего, или дщере твоя да не открыеши срамоты ихъ...» (ПСЗ РИ. СП, 1830: 40-41) и т.д. Если все же подобные близкородственные браки будут заключены, то законодатель закрепил норму о признании таких браков недействительными, так как они «будутъ подлежать къ расторженію...» (ПСЗ РИ. СП, 1830: 40-41).

В 1830 году на государственном уровне закрепляются возрастные критерии для вступления в брак. Священникам запрещалось «...отнынѣ впредъ венчать браки, если женихъ и невеста не достигли еще: первый осмнадцати, а последняя шестнадцати летъ» (ПСЗ РИ. СВ, 1830: 740-741).

Эти критерии распространялись и на представителей «...греко-уніатского исповѣданія» (ПСЗ РИ. СВ, 1830: 110).

В 1836 году законодательно был закреплен запрет на заключение брака без наличия согласия на данное действие со стороны «опекуновъ или попечителей» (ПСЗ РИ. СВ, 1830: 651-652). Кроме того, это требование являлось императивной нормой для несовершеннолетних: «принимая въ соображеніе, что по правиламъ объ опеку и попечительство надъ несовершеннолѣтними, вообще, они, до вступленія въ полный возрастъ, не въ правѣ ни делать долговъ, ни давать письменныхъ обязательствъ иначе, какъ съ согласія и за подписью своихъ попечителей, не можетъ допустить предложенія, чтобы при столь важномъ на всю жизнь обстоятельстве, каковъ есть брак, согласіе или дозволеніе сіе не требовалось...» (ПСЗ РИ. СВ, 1830: 651-652).

Анализ нормативно-правовых актов, издаваемых на протяжении рассматриваемого периода, выявил стремление законодателя урегулировать брачно-семейные отношения.

Предъявляемые и законодательно оформленные требования к заключению брака во многом соблюдались пермскими народами в XVIII–XIX веках.

Выделим обычно-правовые особенности, встречавшиеся в этот период при заключении брака. Д. В. Вишнякова отмечает, что по народным представлениям у коми «девичья зрелость достигалась в 15–16 лет, к 16–18 годам» (Вишнякова, 2014: 18). А. И. Михайлов, исследуя обычаи зырян, отмечает, что 16–17-летний возраст для мужчины – это то время, когда его семья стремилась женить

(Михайлов, 1850: 9). По мнению Г.И. Обуховой, «тяглоспособный возраст у удмуртов наступал ... с 15-17 лет» (Обухова, 1985: 20).

Отметим также характерный для пермских народов обычай заключения брака со значительной возрастной разницей между женихом и невестой, как правило, невеста должна быть старше жениха. Исследователи акцентируют внимание на том, что еще на заре XVIII века у крестьян-вотяков мальчиков старались женить в достаточно юном возрасте на работоспособных и половозрелых девушках. Целью являлось, прежде всего, получение в семью новых рабочих рук: «женили сыновей от 8 до 12 лет на 20-летних девушках...» (Верецагин, 1996: 122-123). Даже в удмуртском фольклоре отражаются качества девушки, как хорошей работницы: «девушка красивой не должна быть, а работающей должна быть» (Герд, 1926: 51), «выбирая – чалую найдешь» (Герд, 1926: 51).

Архивные документы содержат информацию о более раннем возрасте вступления в брак, который должен был быть дополнительно разрешен архиереем: «Невеста моложе, так... поп не венчал..., ходили куда-то..., к архиереям, справки доставали, чтоб венчали» (ФА СыктГУ. АФ 1325-21).

Нередко сами родители жениха и невесты вступали в «браный сговор» с целью заключить брачный договор и поженить детей. Подобные брачные договоры, так же, как большинство договоров, регулирующих хозяйственно-экономическую жизнь крестьянского общества, заключались в устной форме, когда стороны давали «честно слово». В текстах архивных документов такие договоры назывались «словестные» (РГАДА. Ф. 966. Оп. 1. Д. 2. Л. 1).

Важно отметить, что пермские народы старались соблюдать нормы позитивного права, а потому обрядно-ритуальные действия государственного бракосочетания, как правило, откладывались до срока законодательно санкционированного совершеннолетия жениха и невесты (Верецагин, 1996: 124).

Одним из наиболее важных требований для вступления в брак являлось условие об отсутствии близкородственных (кровных) и духовных связей. «Между кровными родственниками браки считаются недопустимыми до пятого колена» (Вишнякова, 2014: 19), так же, как и браки между крестными (Вишнякова, 2014: 20), т.е. лицами, находящимися в духовно-религиозном родстве. У удмуртов «...до четвертого колена венчать нельзя» (Богаевский, 1888: 62), поэтому часто молодые люди предпочитали находить себе невест из «ближайшей деревни, так как брать невест из своей деревни – не в обычае» (Бехтерев, 1880: 142).

Нередко браки заключались по взаимному согласию. Супруги осознавали, что «зависимы друг от друга в интересе общего благосостояния, ...уважают друг друга» (Држевецкий, 1872: 42).

Однако зырянские этнографы описывают случаи, когда в прошлом «женили и выдавали замуж насильно, без согласия парня или девушки, ибо в этом деле большую роль играло состояние, достаток и возможное приданое невесты» (Традиционная культура..., 1994: 165). Инициатива у удмуртов часто исходила от представителей рода жениха: «родители мальчика стремились заранее вступить в сговор с семьей будущей невестки» (Гришкина, 2010: 33).

Однако тенденция заключения «браков по расчету» в XIX веке исчезала. Молодым парням «всегда предоставляется полная... свобода со стороны родителей... без всякого... понуждения к браку...» (Попов, 1875: 4).

В патриархальных семьях последнее и решающее слово было за главой семьи, именно оно «составляет для всех прочих членов семейства как бы закон...» (Попов, 1875: 4).

Глава семейства имел особый статус, так как он управлял семейным имуществом, представлял интересы семьи в общинных и государственных органах (НА РК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 54. Л. 132).

В соответствии с нормами обычного права отец коми-крестьянки, в силу различных причин не вышедшей замуж, мог передать ей в наследство даже часть собственного имущества (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 196. Л. 1; Ф. 100. Оп. 1. Д. 348. Л. 1).

Девушка, выходя замуж, могла попасть в малую или большую семью своего супруга. Если она попадала в последнюю, то приобретала статус младшего члена большой семьи.

Процедура заключения брака у пермских народов сопровождалась большим количеством обрядовых церемоний, среди которых можно выделить сватовство, включавшее рукобитие, проведение девичника, а после пир у невесты (жениха) и т.д. «Обряды бракосочетания... осознавались... как... установление определенных связей между двумя группами родственников...» (Александров, 2014: 188).

Во время процедуры сватовства в подтверждение своей симпатии и серьезных намерений «жених... требует от нее отдачи в его руки каких-нибудь вещей ей, как бы в залог...» (Попов, 1875: 4).

У пермяков «сватовщики на рукобитье отправлялись с рыбным пирогом... В случае согласия на свадьбу происходил обмен подарками...» (Черных, 2007: 114). У удмуртов происходил «сговор кельшон, когда родители жениха отправлялись к родителям невесты договариваться о свадьбе» (Черных, 2007: 158).

Приданое имело большое значение, размер которого часто зависел от навыков и умений будущей супруги. В его состав могли входить различные предметы хозяйственного назначения (ФА СыктГУ. АФ 1307-16). Приданое, «вещи, нажитые в браке, женщины-представительницы северных народов сильно оберегали» (Замараева и др., 2021: 952).

К концу XIX века количество вещей, передаваемых в качестве приданого, и их стоимость увеличиваются. Судя по архивным данным, зырянские крестьяне передавали в качестве приданого даже недвижимое имущество – «сенокосную пожню» (НА РК. Ф. 130. Оп. 1. Д. 54. Л. 1)

Отметим еще один правовой обычай, существовавший у удмуртов достаточно продолжительный период, включая XVIII век. Речь идет о многоженстве, а точнее двоеженстве, «ежели муж своею женою не будет доволен» (Миллер, 1791: 77). М.В. Гришкина также подтверждает существование этого обычая, но замечает, что «...к концу XVIII в. с распространением христианства двоеженство отошло в прошлое» (Гришкина, 2010: 33). А.А. Фукс считает, что уже в I половине XIX в. данный обычай у удмуртов не встречался (Фукс, 1844: 42). Однако исследователь упоминает о ситуации с некрещеными вотяками, которые «могут иметь по две и по три жены и удалять их от себя, также и жены убегают от своих мужей» (Фукс, 1844: 42).

5. Заключение

Таким образом, необходимо отметить, что обычное право у пермских народов в XVIII–XIX веках регулировало институт брака наравне с нормами позитивного права. Оно стабилизировало, санкционировало и закрепляло важнейшие требования к процедуре, условиям заключения брака, а также связанные с этим имущественно-экономические отношения, возникавшие с момента вступления в брак, особенности семейной иерархии в большой и малой патриархальной семье.

В XVII–XIX вв. на территории проживания коми-зырян, коми-пермяков, удмуртов общественные правовые отношения, включая институт брака, регламентировались не только нормами обычного, но и позитивного права. На государственном уровне запрещалось заключать браки с людьми, имеющими слабоумие или психические отклонения; вводился запрет на вступление в брак без взаимного согласия брачующихся; узаконивались степени родства, не позволявшие вступать в брак; возрастные критерии для вступления в брак; запрет на заключение брака без наличия согласия на данное действие со стороны опекунов или попечителей.

Институт брака у пермских народов в течение рассматриваемого периода подвергался изменению. Менялись не только правовые обычаи, но и нормы позитивного права. Однако обычное право имело огромное значение, так как оно регулировало особенно те сферы общественной жизни, которые не всегда успевал регламентировать законодатель. Обычное право пермских народов, адаптированное к хозяйственно-экономическому укладу, дополняло нормы позитивного права, не противореча последнему. Оно детализировало институт брака, обязывая брачующиеся стороны соблюдать свадебный церемониал и ритуально-традиционные обряды. Ритуализация свадебных действий и включение в них обычно-правовых элементов позволяли не только сохранить, но и передать ценность институтов брака и традиционной пермской семьи будущим поколениям.

Литература

- Александров, 2014 – Александров Ю.В. Обычное право удмуртов: (XIX – начало XX вв.). Ижевск: Удмуртия, 2014. 270 с.
- Бехтерев, 1880 – Бехтерев В.М. Вотяки, их история и современное состояние. Бытовые и этнографические очерки // *Вестник Европы*. СПб., 1880. Т. 5. Кн. 9. Сентябрь. С. 141-172.
- Богаевский, 1888 – Богаевский П.М. Очерк быта сарапульских вотяков / *Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее*. М., 1888. Вып. III. С. 13-64.
- Верещагин, 1996 – Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. 197 с.
- Вершинин, Визгалов, 2004 – Вершинин Е.В., Визгалов Г.П. Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов. Екатеринбург: «Издательство «Тезис», 2004. 200 с.
- Вишнякова, 2014 – Вишнякова Д.В. Брачно-семейные отношения коми крестьянства и их обычно-правовое регулирование во второй половине XIX – начале XX вв. / *Социально-культурные процессы на территории Коми края: история и современность: Сб. статей*. Сыктывкар, 2014. С. 17-24.
- Гагиева, 2014 – Гагиева А.К. Коми крестьянка в региональном социуме XVIII в. // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2014. № 1. С. 28-31.
- Герд, 1926 – Герд К.П. Пословицы и поговорки вотяков / *Вотяки. Сборник по вопросам быта, экономики и культуры вотяков*. М., 1926. С. 49-62.
- Гришкина, 2010 – Гришкина М.В. Семья как хозяйственная единица и транслятор нравственных ценностей удмуртского крестьянства (XVII – первая половина XIX в.) // *Вестник Удмуртского университета*. 2010. Вып. 3. С. 32-41.
- Држевецкий, 1872 – Држевецкий А. Медико-топография Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии: Дисс. ... д-ра медицины. СПб., 1872. 106 с.
- Ежов, 1857 – Ежов О. Личность и отличительные качества зырян // *Вятские губернские ведомости*. 1857. № 22. С. 134-137.
- Ефименко, 1874 – Ефименко П. Юридические знаки // *Журнал министерства народного просвещения*. СПб., 1874. № 10. С. 53-170.

Колесников, 1982 – Колесников П.А. Воздействие народных масс на государственное законодательство России XVII–XVIII вв. / *Проблемы истории крестьянства Европейской части России (до 1917 г.): Межвузовский сборник научных статей*. Пермь, 1982. С. 158-174.

Миллер, 1791 – Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков: Монография. СПб.: Имп. Акад. наук, 1791. 126 с.

Михайлов, 1850 – Михайлов М. Усть-Вымь // *Вологодские губернские ведомости*. 1850. № 22. С. 242-243.

НА РК – Национальный архив Республики Коми.

Обухова, 1985 – Обухова Г.И. Семейно-имущественные отношения по обычному праву у крестьянства Удмуртии в XVIII в. (по актам крепостных контор) / *Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX вв.: Сб. статей* / Отв. ред. В.Е. Майер. Устинов, 1985. С. 18-34.

Попов, 1875 – Попов И. Черты из быта, нравов и обычаев Зырян Яренского уезда, Удорского края // *Вологодские губернские ведомости*. 1875. № 90. С. 3-4.

ПСЗ РИ. СВ, 1830 – V – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. V. СПб., 1830. № 3981. С. 110.

ПСЗ РИ. СВ, 1830 – V – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. V. СПб., 1830. № 3807. С. 740-741.

ПСЗ РИ. СП, 1830 – VI – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. IV. СПб., 1830. № 3949. С. 643-644.

ПСЗ РИ. СП, 1830 – VI – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. VI. СПб., 1830. № 3963. С. 650-652.

ПСЗ РИ. СП, 1830 – VII – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. VII. СПб., 1830. № 4406. С. 197-198.

ПСЗ РИ. СВ, 1830 – XI – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XI. СПб., 1830. № 9252. С. 651-652.

ПСЗ РИ. СП, 1830 – XXII – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XXII. СПб., 1830. № 16577. С. 897-898.

ПСЗ РИ. СП, 1830 – XXXI – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XXXI. СПб., 1830. № 24091. С. 40-41.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Традиционная культура..., 1994 – Традиционная культура народа коми. Этнографические очерки. Сыктывкар: «Коми книжное издательство». 1994. 272 с.

ФА СыктГУ – Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета.

Фукс, 1844 – Фукс А.А. Поездка к вотякам Казанской губернии. Письма А.А. Фукс к супругу ее К.Ф. Фуку. Казань: Губ. тип., 1844. 43 с.

Черных, 2007 – Черных А.В. Народы Пермского края. История и этнография. Пермь: Пушка, 2007. 296 с.

Alimbay, Smagulov, 2021 – Alimbay N.A., Smagulov B.K. Contribution of Russian Researchers in the Collection and Study of Materials on the Customary Law of the Kazakhs (late 18th – early 20th centuries) // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 85-96.

Averin et al., 2020 – Averin M.B., Nikitin P.V., Popova A.V. The role of the Ministry of Justice in improving the judicial system of the national outskirts of the Russian Empire (late 19th century – 1914) // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 162-172.

Bereznitsky et al., 2020 – Bereznitsky S.V., Galechko I.I., Primak P.V. Laws of the Russian Empire and hunting of the indigenous peoples of Siberia // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 31-39.

Darchiey, Darchieva, 2021 – Darchiey A.V., Darchieva S.V. To the Issue of the Marriage of the Kartlian Prince Bagrat and the Ossetian Princess (late XVIIth century) // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 461-470.

Khramtsov, 2021 – Khramtsov A.B. Results and Prospects of Studying the Process of Settlement and Development of Crafts in the Southern Settlements of the Trans-Urals (late XVIII – early XX centuries) // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 74-84.

Koptseva et al., 2021 – Koptseva N.P., Degtyarenko K.A., Shpak A.A. The Journal «Nature and People» (1910) as a Source of the Peoples History in the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 990-999.

Plotskaya et al., 2022 – Plotskaya O.A., Ruchkina G.F., Alekseeva D.G., Naumkina V.V. The Hereditary Legal Status of Women among the Permian Peoples in Customary and Positive Law in the XVIII–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 49-56.

Plotskaya et al., 2021 – Plotskaya O.A., Sokolskaya L.V., Kaliakperova E.N., Alekseeva D.G. Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1594-1601.

Ponomareva, 2021 – Ponomareva M.A. Family and Ideas of the Worldview of the Russian Local Nobility at the turn of the XIX – early XX centuries (on the Example of the Memoirs of S.E. Trubetskoy, A.A. Kornilov, V.V. Rozanov) // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 316-323.

Pravkin et al., 2021 – Pravkin S.A., Smirnova V.V., Shagieva R.V., Khvatova M.A. Model of Conciliatory Law and Social Cooperation S.M. Solovyov as a Contribution to the Development of the Concept of the State (Law) School in Russian Historiography // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 620-628.

Titov, 2021 – Titov V.V. Formation of the All-Russian Imperial identity in the Grand Duchy of Finland in the Reign of Alexander III: historical contexts and Political constraints // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 138-145.

Zamaraeva et al., 2021 – Zamaraeva Y.S., Sertakova E.A., Sitnikova A.A. Northern Peoples of the Russian Empire in the Materials of the Krasnoyarsk Subdivision of the East Siberian Russian Geographical Society // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 948-959.

References

Aleksandrov, 2014 – Aleksandrov, Yu.V. (2014). Obychnoe pravo udmurtov: (XIX – nachalo XX vv.) [Common law of the Udmurts: (XIX – early XX centuries)]. Izhevsk. [in Russian]

Alimbay, Smagulov, 2021 – Alimbay, N.A., Smagulov, B.K. (2021). Contribution of Russian Researchers in the Collection and Study of Materials on the Customary Law of the Kazakhs (late 18th – early 20th centuries). *Bylye Gody*. 16(1): 85-96.

Averin et al., 2020 – Averin, M.B., Nikitin, P.V., Popova, A.V. (2020). The role of the Ministry of Justice in improving the judicial system of the national outskirts of the Russian Empire (late 19th century – 1914). *Bylye Gody*. 55(1): 162-172.

Bekhterev, 1880 – Bekhterev, V.M. (1880). Votyaki, ih istoriya i sovremennoe sostoyanie. Bytovye i etnograficheskie ocherki [Votyaki, their history and current state. Household and ethnographic essays]. Vestnik Evropy. SPb. [in Russian]

Bereznitsky et al., 2020 – Bereznitsky, S.V., Galechko, I.I., Primak, P.V. (2020). Laws of the Russian Empire and hunting of the indigenous peoples of Siberia. *Bylye Gody*. 55(1): 31-39.

Bogaevskij, 1888 – Bogaevskij, P.M. (1888). Oчерk byta sarapul'skih votyakov [Essay on the life of the Sarapul Votyaks]. *Sbornik materialov po etnografii, izdavaemyj pri Dashkovskom etnograficheskom muzee*. M. [in Russian]

Chernyh, 2007 – Chernyh, A.V. (2007). Narody Permskogo kraja. Istoriya i etnografiya [Peoples of the Perm Territory. History and ethnography]. Perm'. [in Russian]

Darchiey, Darchieva, 2021 – Darchiey, A.V., Darchieva, S.V. (2021). To the Issue of the Marriage of the Kartlian Prince Bagrat and the Ossetian Princess (late XVIIIth century). *Bylye Gody*. 16(2): 461-470.

Drzheveckij, 1872 – Drzheveckij, A. (1872). Mediko-topografiya Ust'-Sysol'skogo uezda Vologodskoj gubernii [Medical topography of the Ust-Sysolsky district of the Vologda province]: dis. ... d-ra mediciny. P. 106. [in Russian]

Efimenko, 1874 – Efimenko, P. (1874). Yuridicheskie znaki Legal signs [Legal signs]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 10: 53-170. [in Russian]

FA SyktGU – Fol'klornyj arhiv «Syktyvkarского gosudarstvennogo universiteta» [Folklore archive of Syktyvkar State University].

Fuks, 1844 – Fuks, A.A. (1844). Poezdka k votyakam Kazanskoj gubernii. Pis'ma A. A. Fuks k suprugu ee K.F. Fuksu [A trip to the votyaks of the Kazan province. Letters from A.A. Fuchs to her husband K.F. Fuchs]. Kazan'. [in Russian]

Gagieva, 2014 – Gagieva, A.K. (2014). Komi krest'yanka v regional'nom sociume XVIII v. [Komi peasant woman in the regional society of the XVIII century]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. Pp. 28-31. [in Russian]

Gerd, 1926 – Gerd, K.P. (1926). Poslovicy i pogovorki votyakov [Votyak proverbs and sayings]. Votyaki. *Sbornik po voprosam byta, ekonomiki i kul'tury votyakov*. M., 49-62. [in Russian]

Grishkina, 2010 – Grishkina, M.V. (2010). Sem'ya kak hozyajstvennaya edinica i translyator npravstvennyh cennostej udmurtskogo krest'yanstva (XVII – pervaya polovina XIX v.) [The family as an economic unit and translator of the moral values of the Udmurt peasantry (XVII – the first half of the XIX centuries)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*: 32-41. [in Russian]

Khramtsov, 2021 – Khramtsov, A.B. (2021). Results and Prospects of Studying the Process of Settlement and Development of Crafts in the Southern Settlements of the Trans-Urals (late XVIII – early XX centuries). *Bylye Gody*. 16(1): 74-84.

Kolesnikov, 1982 – Kolesnikov, P.A. (1982). Vozdejstvie narodnyh mass na gosudarstvennoe zakonodatel'stvo Rossii XVII – XVIII vv. [The impact of the masses on the state legislation of Russia of the XVII – XVIII centuries]. *Problemy istorii krest'yanstva Evropejskoj chasti Rossii (do 1917 g.)*: 158-174. [in Russian]

Koptseva et al., 2021 – Koptseva, N.P., Degtyarenko, K.A., Shpak, A.A. (2021). The Journal «Nature and People» (1910) as a Source of the Peoples History in the Russian Empire. *Bylye Gody*. 16(2): 990-999.

Mikhailov, 1850 – Mikhailov, M. (1850). Ust'-Vym' [Ust'-VYM]. *Vologodskie gubernskie vedomosti*. 22: 242. [in Russian]

Miller, 1791 – Miller, G.F. (1791). Opisanie zhivushchih v Kazanskoj gubernii yazycheskikh narodov, yako to cheremis, chuvash i votyakov [Description of the pagan peoples living in the Kazan province, like Cheremis, Chuvash and Votyaks]. SPb. [in Russian]

NARK – Nacional'nyj arhiv Respubliki Komi [The National Archive of the Komi Republic].

Obuhova, 1985 – *Obuhova, G.I.* (1985). Semejno-imushchestvennye otnosheniya po obychnomu pravu u krest'yanstva Udmurtii v XVIII v. (po aktam krepostnyh kontor) [Family and property relations according to customary law among the peasantry of Udmurtia in the 18th century. (according to acts of serfs)]. Semejnyj i obshchestvennyj byt udmurtov v XVIII–XX vv.: sb. statej. Otv. red. V.E. Majer. Ustinov. Pp. 18-34. [in Russian]

Plotskaya et al., 2021 – *Plotskaya, O.A., Sokolskaya, L.V., Kaliakperova, E.N., Alekseeva, D.G.* (2021). Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries. *Bylye Gody*. 16(4): 1594-1601.

Plotskaya et al., 2022 – *Plotskaya, O.A., Ruchkina, G.F., Alekseeva, D.G., Naumkina, V.V.* (2022). The Hereditary Legal Status of Women among the Permian Peoples in Customary and Positive Law in the XVIII–XIX centuries. *Bylye Gody*. 17(1): 49-56.

PSZ RI. SV, 1830 – V – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 2. T. V. SPb., 1830. № 3981. Pp. 110. [in Russian]

PSZ RI. SV, 1830 – V – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 2. T. V. SPb., 1830. № 3807. Pp. 740-741. [in Russian]

PSZ RI. SP, 1830 – VI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 1. T. IV. SPb., 1830. № 3949. Pp. 643-644. [in Russian]

PSZ RI. SP, 1830 – VI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. VI. SPb., 1830. № 3963. Pp. 650-652. [in Russian]

PSZ RI. SP, 1830 – VII – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 2. T. VII. SPb., 1830. № 4406. Pp. 197-198. [in Russian]

PSZ RI. SV, 1830 – XI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 2. T. XI. SPb., 1830. № 9252. Pp. 651-652. [in Russian]

PSZ RI. SP, 1830 – XXII – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 2. T. XXII. SPb., 1830. № 16577. Pp. 897-898. [in Russian]

PSZ RI. SP, 1830 – XXXI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 2. T. XXXI. SPb., 1830. № 24091. Pp. 40-41. [in Russian]

Ponomareva, 2021 – *Ponomareva, M.A.* (2021). Family and Ideas of the Worldview of the Russian Local Nobility at the turn of the XIX – early XX centuries (on the Example of the Memoirs of S.E. Trubetskoy, A.A. Kornilov, V.V. Rozanov. *Bylye Gody*. 16(1): 316-323.

Popov, 1875 – *Popov, K.A.* (1875). Ohotnich'e pravo sobstvennosti u zyryan [Zyryan's hunting ownership]. *Izvestiya Imperatorskogo Obshchestva lyubitelej estestvoznaniya, antropologii i etnografii*. 28: 96-102. [in Russian]

Pravkin et al., 2021 – *Pravkin, S.A., Smirnova, V.V., Shagieva, R.V., Khvatova, M.A.* (2021). Model of Conciliatory Law and Social Cooperation S.M. Solovyov as a Contribution to the Development of the Concept of the State (Law) School in Russian Historiography. *Bylye Gody*. 16(2): 620-628.

RGADA – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

Titov, 2021 – *Titov, V.V.* (2021). Formation of the All-Russian Imperial identity in the Grand Duchy of Finland in the Reign of Alexander III: historical contexts and Political constraints. *Bylye Gody*. 16(1): 138-145.

Tradicionnaya kul'tura..., 1994 – Tradicionnaya kul'tura naroda komi. Etnograficheskie ocherki [The traditional culture of the Komi people. Ethnographic essays]. Syktyvkar: "Komi knizhnoe izdatel'stvo". 272 p. [in Russian]

Vereshchagin, 1996 – *Vereshchagin, G.E.* (1996). Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 2. Votyaki Sarapul'skogo uezda Vyatskoj gubernii. [Collected works: in 6 vols. Vol. 2. Votyaks of the Sarapulsky district of the Vyatka province]. Izhevsk. [in Russian]

Vershinin, Vizgalov, 2004 – *Vershinin, E.V., Vizgalov, G.P.* (2004). Obdorskij kraj i Mangazeya v XVII veke [Obdorsky Krai and Mangazeya in the XVII century. Collection of documents]. Ekaterinburg. [in Russian]

Vishnyakova, 2014 – *Vishnyakova, D.V.* (2014). Brachno-semejnye otnosheniya komi krest'yanstva i ih obychno-pravovoe regulirovanie vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Marriage and family relations of the Komi peasantry and their customary legal regulation in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Social'no-kul'turnye processy na territorii Komi kraya: istoriya i sovremennost'*: 17-24. [in Russian]

Yezhov, 1857 – *Yezhov, O.* (1857). Lichnost' i otlichitel'nye kachestva zyryan [Personality and distinctive qualities of zyryans]. *Vyatskie gubernskie vedomosti*. 22: 134-137. [in Russian]

Zamaraeva et al., 2021 – *Zamaraeva, Y.S., Sertakova, E.A., Sitnikova, A.A.* (2021). Northern Peoples of the Russian Empire in the Materials of the Krasnoyarsk Subdivision of the East Siberian Russian Geographical Society. *Bylye Gody*. 16(2): 948-959.

Обычно-правовая природа института брака у пермских народов в XVIII–XIX веках

Ольга Андреевна Плоцкая^{a, *}, Юлия Евгеньевна Курилюк^b, Джамия Азизихановна Оспанова^c

^a Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^b Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^c Университет «Туран», Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Уникальность и специфика регулирования обычным правом различных правовых институтов ярко проявляется в историческом прошлом, отражая не только сложившиеся традиционные представления народов, но и своеобразие этноправовой истории развития. Исследование обычно-правовой природы института брака у пермских народов в XVIII–XIX веках в современных условиях представляется особенно актуально, так как позволяет показать национальный колорит и этнический код восточных финно-угорских народов, а также традиционные представления о браке, закрепленные обычным правом, отмечая тенденции и пути трансформации этого правового института.

Обычное право у пермских народов в XVIII–XIX веках регулировало институт брака наравне с нормами позитивного права. На государственном уровне запрещалось заключать браки с людьми, имеющими слабоумие или психические отклонения; вводился запрет на вступление в брак без взаимного согласия брачующихся; узаконивались степени родства, не позволявшие вступать в брак; возрастные критерии для вступления в брак; запрет на заключение брака без наличия согласия на данное действие со стороны опекунов или попечителей.

Институт брака у пермских народов в течение рассматриваемого периода подвергался изменениям. Менялись не только правовые обычаи, но и нормы позитивного права. Однако обычное право имело огромное значение, так как оно регулировало особенно те сферы общественной жизни, которые не всегда успевал регламентировать законодатель. Обычное право пермских народов, адаптированное к хозяйственно-экономическому укладу, дополняло нормы позитивного права, не противореча последнему. Оно детализировало институт брака, обязывая брачующиеся стороны соблюдать свадебный церемониал и ритуально-традиционные обряды. Ритуализация свадебных действий и включение в них обычно-правовых элементов позволяли не только сохранить, но и передать ценность институтов брака и традиционной пермской семьи будущим поколениям.

Ключевые слова: коми, зыряне, пермяки, вотяки, удмурты, позитивное право, обычное право, брак.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: olga.plockaya@mail.ru (О.А. Плоцкая),

YEKurilyuk@fa.ru (Ю.Е. Курилюк), azizkhan_0606@mail.ru (Д.А. Оспанова)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1585-1595
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1585

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Modern Research on the Institution of Khan Power of the Kazakhs in the Imperial Period

Nurgul N. Kurmanalina ^{a, *}, Timur A. Ryskulov ^a, Ziyabek Ye. Kabuldinov ^a, Olzhas B. Kuanbay ^b

^a Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Ankara University, Ankara, Republic of Turkey

Abstract

The article deals with the problems of modern historiography on the topic of the history and evolution of the khan's power in the traditional Kazakh society of the modern period. Khan power of the Kazakhs has deep roots of its origin in the period of antiquity, but institutionally it takes shape in the era of the Middle Ages, the time of the Mongol conquests. In Russian pre-revolutionary historiography, the institution of khan power was not generally distinguished from the general context of Kazakh history into a separate subject of study. The situation began to change in the Soviet period, when special attention was paid to the state-legal aspects of the development of the Kazakh society of modern times. Modern Kazakh and Russian historiography of the problem is represented by works written using new scientific approaches and theoretical concepts. At the same time, in the study of the institute of khan power, there are still a number of unexplored aspects, as well as an assessment of the khan power of the Kazakhs, and its role in the weakening and decline of the Kazakh Khanate.

Keywords: Genghisides, sultans, institute of khan power, Kazakh zhuzes, Russian Empire, control system.

1. Введение

В период Нового времени Российская империя была крупнейшей сухопутной державой, занимавшей колоссальные территории на Евразийском континенте: от Памира и Гиндукуша на юге до Арктики на севере, а также от Тихого океана на востоке до Балтии на западе. Важным компонентом в военно-политическом господстве России был контроль над обширными степными пространствами Западной Сибири, частями Волжско-Уральского междуречья, северного Приаралья, а также нижнего и среднего Прииртышья. Указанные территории исторически составляли ареал тюркской степной кочевой цивилизации, этнически воплощенной в период Нового времени в казахский племенной союз, а в государственно-правовом плане существовавший в виде трех казахских жузов, управлявшихся избираемыми ханами. В этой связи представляет интерес то, как Российская империя выстраивала свою внешнюю политику, направленную на покорение и дальнейшую инкорпорацию Казахского ханства, к границам которого Россия вышла с завоеванием Западной Сибири в начале XVIII века. Казахское ханство занимало обширную площадь с громадным и неосвоенным земельным фондом, благоприятным как для ведения земледелия, так и скотоводства, занятия звероловными промыслами, а кроме того, имело стратегически важное транзитное положение, поскольку именно через земли Казахского ханства проходили торговые караванные пути из России в среднеазиатские государства, Афганистан и Персию. Население Казахской степи было относительно малочисленным, принимая во внимание соотношение с занимаемой территорией, вело кочевой образ жизни, имело собственные исторически сложившиеся традиционные институты государственного устройства и общественной организации. Важным компонентом во внутреннем устройстве и проведении внешней политики Казахского ханства был институт ханов или же институт ханской власти. Именно взаимоотношения русских царей, а затем и российских императоров с

* Corresponding author

E-mail addresses: nurgulca@mail.ru (N. Kurmanalina)

казахскими ханами стали основой двухсторонних военно-политических, культурно-хозяйственных и торговых связей между Казахстаном и Россией в период Нового времени. Как показали дальнейшие исторические события, процесс присоединения казахских жузов к Российской империи юридически и фактически занял чуть более ста лет, начиная с 1730 года, т.е. времени принесения ханом Младшего жуза Абулхайром присяги на верность императрице Анне Иоанновне. На протяжении всего этого периода процесс присоединения или же инкорпорации казахских жузов напрямую зависел от отношений Российской империи с казахскими ханами, некоторые из которых в стремлении сохранить свою власть все больше стали опираться на российские колониальные военно-административные власти Западной Сибири и Оренбуржья. Такая опора на самодержавие привела к постепенному ослаблению ханской власти как таковой, которая в казахском обществе начала переживать внутренний кризис своего развития. В итоге были приняты такие имперские законодательные акты, как Устав о сибирских киргизах (казахах) 1822 года и Устав об оренбургских киргизах (казахах), которые де-юре и де-факто привели к ликвидации ханской власти в Младшем и Среднем жузах. Одновременно с этим Российская империя перешла к новым, более прямым формам военно-политического контроля над казахскими территориями обоих жузов, установив в них новые формы административного управления, но уже с опорой на султанское сословие, когда последние назначались главами организуемых внешних округов в Среднем жузе, а также утверждались султанами-правителями в Младшем жузе.

2. Материалы и методы

Основными материалами при проведении данного исследования стали труды, посвященные проблематике казахско-русских отношений в период нового времени, хронологически охватывая 1730–1820-е гг., т.е. времени существования Казахского ханства как де-юре независимого государственного образования. В частности, авторы опирались на сведения, заимствованные из работ современных казахстанских и российских историков. Они представлены как отдельные научные статьи, опубликованные в рецензируемых журналах, сборниках конференций, а также в виде параграфов и разделов в коллективной монографии и прочих изданиях. Дополнительно привлечены материалы с опубликованных архивных сборников и материалы из самого архивного фонда, а также казахского фольклора. Например, в Российском Государственном историческом архиве (РГИА) в фонде 1264 – «Первый сибирский комитет», хранятся отчеты о деятельности комитета и отчеты М.М. Сперанского о состоянии управления Сибирью, где имеются сведения, касающиеся рассматриваемой проблемы.

В историографическом исследовании методологическую базу составили современные концепции, основанные на культурном и цивилизационном плюрализме, рассматривающие кочевую (номадическую) культуру наравне с другими цивилизациями. В основе исследования лежат принципы историзма и научного объективизма. В работе использованы такие научные методы, как анализ, синтез, сравнительно-исторический, а также историко-типологический дали возможность более детально раскрыть рассматриваемую проблему. Использование вышеназванных методов при написании данной работы послужило раскрытию особенностей в исследовании указанной темы, благодаря чему систематизированы заключения и выводы авторов по ключевым аспектам истории института ханской власти.

3. Обсуждение

Вопросы института ханской власти у казахов в период нового времени представлены в ставших классическими работах таких дореволюционных авторов, как Ч.Ч. Валиханов, И.Г. Георги, А.И. Левшин. Ч.Ч. Валиханов пишет, о том, как воспринимались султаны простым народом, по их мнению, потомки Чингис-хана происходили от солнечного света и имели божественное происхождение (Валиханов, 1985: 39). По мнению И.Г. Георги, в имперский период характер ханской власти был ограниченным (Георги, 1799: 124). В работе А.И. Левшина сравнительном плане подробнее описываются вопросы, касательно института ханской власти. Например, он детально описывает процедуру возведения в ханское достоинство султана Меньшей орды Ширгазы (Левшин, 348-349). В целом, дореволюционные авторы в силу своих возможностей собирали сведения, оценивали, и публиковали результаты своих наблюдений. Благодаря их трудам можно ознакомиться с первичными источниками по истории института ханской власти у казахов в новое время.

В советское время данная проблематика была разработана казахстанскими историками М.П. Вяткиным, Е.Б. Бекмахановым, С.З. Зимановым, С.Е. Толыбековым и др. в свете формационного подхода и теории марксизма-ленинизма. М.П. Вяткин в одном из своих главных трудов, посвященных известному батыру Младшего жуза Срымү Датову хорошо показал процесс ослабления ханской власти в указанном Младшем жузе, вызванный как внутренними причинами – борьба между чингизидами, часть из которых опиралась на российские колониальные власти, другая же на широкие народные массы, так и внешними – усиление российского влияния на казахские жузы (Вяткин, 1947: 147-150). Е.Б. Бекмаханов в своих основных трудах рассматривал развитие института ханской власти в казахском кочевом государстве, отмечая, что восстание Кенесары Касымова привело к восстановлению данного института в казахском кочевом обществе на короткий срок, а также имело ограниченный географический охват, распространяясь на земли подконтрольные султану Кенесары Касымову (Бекмаханов, 1957: 111-112). С.Е. Толыбеков указывал на слабость власти казахского кочевого хана, опираясь на труды

дореволюционных авторов (Толыбеков, 1971: 344). Б.С. Сулейменов и В.Я. Басин указывали, что ослабление ханской власти в Младшем жузе было вызвано стимулированием со стороны царской колониальной администрацией борьбы феодальных группировок за власть (Сулейменов, Басин, 1981: 66). Согласно заключению, С.Е. Зиманова, если власть ханов, открыто перешедших в лагерь колонизаторов, лишалась поддержки основной массы, а также части крупной знати и была слабой, то власть ханов, выдвинутых знатью без влияния колониальных властей, была относительно независима и сильна (Зиманов, 2009: 114). С.Е. Зиманов в своем труде более подробно изучал вопросы ханской власти. Согласно его выводам, в низвержении ханской власти в основном участвовали три силы: 1) народные массы в отдельных местах требовали ее ликвидации; 2) намерение царской власти, которая хотела использовать ханскую власть, затем уничтожить ее; 3) тенденции к децентрализации власти усложняли кризис ханской диктатуры (Зиманов, 2009: 156). Хотя отдельные вопросы института ханской власти изучались в советский период, в целом, рассматриваемая тематика не выступала в ряде актуальных проблем.

4. Результаты

Известно, что традиционное казахское общество ханского периода исторически состояло из двух социальных групп – ак-суйек (белая кость) и кара-суйек (черная кость), т.е. знати и престолярства. И все-таки именно ханы, происходившие из султанов, являлись вместе с указанным султанским сословием элитой, или верхушкой казахского традиционного социума. Положение ханов в казахском традиционном обществе хорошо описывает следующий архивный документ: «*Киргизы (казахи – Авт.) имеют два различных сословия: сословие благородства и сословие престолярное. Сословие благородства заключается в одних султанах. Султаны происходят от поколения ханов, древних владетелей киргизских, получают звание свое наследственно и сообщают оно потомственно. По согласию какого-нибудь рода султаны сии без всякого участия ханов призываются для управления оными. Султаны не редко лишаются власти, но никогда не лишаются сего именованья*» (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 319. Л. 14). Именно в этих понятиях «сословие благородства» и «сословие престолярное» обозначены русским дореволюционным автором традиционные казахские социальные группы ак-суйек и кара-суйек.

Высшее аристократическое сословие казахов составляли чингизиды, именуемые *торе*, которые не относились ни к одному из казахских родов или племен, образующих трехжузовую этнополитическую систему. Исторически престиж и авторитет представителей чингизидской династии признавались, помимо самих казахских жузов, в ряде тюркоязычных государствах и народах, где они олицетворяли собой память о великом монгольском правителе, «Сотрясателе вселенной» Чингисхане. Авторитет и почитание чингизидов напрямую выражались в приглашении их рядом среднеазиатских государств на роль правителей – ханов. Как пример можно привести Хивинское ханство, каракалпаков, Бухарский эмират и др. (Материалы..., 1969; История Казахстана..., 1997: 516). Лишь только представители чингизидского сословия могли стать ханами, что по факту формировало у них политическую монополию на верховную власть в кочевом обществе казахов. Само же чингизидское сословие состояло из султанов.

По мнению историков А.Х. Бикенова и М.С. Жакина, с древности и до XVIII века ханская власть у кочевников наследовалась с соблюдением особых правопреемственных традиций, когда власть предоставлялась не прямо сыну, а братьям правителя, то есть по принципу старшинства в роде (Бикенов, Жакин, 2003: 78). Вместе с тем передача власти от одного представителя династии к другому требовала соблюдения процедуры легитимации со стороны широких народных масс, что является прямым свидетельством бытующего с древности сохранения принципов кочевой военной демократии. Данная процедура требовала от претендентов-султанов всеми силами стараться заслужить расположение народа. Таким образом, в кочевом обществе недостаточно было иметь соответствующую генеалогию, необходимо было еще уметь находить общий язык с широкими народными массами и элитой, считаться с их интересами (Ужкенов, 2020: 503). Вместе с тем исторически были примеры того, когда в казахском обществе ханская власть передавалась от отца к сыну, как это было сделано ханом Младшего жуза Абулхайром, передавшим власть своему сыну Нуралы, а в Среднем жузе хан Абылай выбрал своим преемником старшего сына Уали. В данных случаях также сыграл свою роль фактор поддержки со стороны российских пограничных властей Западной Сибири и Оренбуржья. Кроме того, как отмечают исследователи, далеко не всегда процесс передачи власти проходил мирно и безболезненно для страны, поскольку нередко во время избрания ханов возникали враждующие группировки султанов, всеми средствами боровшихся за власть. Данное обстоятельство возникало от того, что не было строго закрепленных правил или же уложений, по которым проходил процесс передачи власти или избрания хана. В итоге групповая борьба между султанами нередко оборачивалась сильными распрями и вооруженными столкновениями. Нередко после кончины хана в государстве наступали смутные времена, вызванные кризисом власти (История Казахстана, 1997: 520).

Институционально фигура или должность хана заключалась не только в соблюдении принципа принадлежности к правящей династии, освященной веками и традицией, но и это должен был быть, говоря современным языком, умелый администратор, знаток традиций и обычаев, организатор

хозяйственной жизни населения, верховный арбитр в суде и спорах, знающий основы животноводства, харизматичный и волевой военачальник, обладающий к тому же и личной храбростью (ханы Тауекель, Жангир, Абылай). Кроме того, в сознании народа хан символизировал благополучие общества, смена же его в результате болезни или смерти в бою всегда рассматривалась как перемена к плохому и даже предвещала катастрофу. Данный набор характеристик, присущий претендентам на ханский трон, может говорить о наличии в казахском традиционном кочевом обществе принципа меритократии (Ужкенов, 2020: 503).

Употребление титула «хан» в смысле государя, правителя уходит в глубь веков – древнетюркскую традицию хаканов/каганов, а возможно, и в хуннский период. Вместе с тем институт и сам титул хана, бытовавший у казахов в период Нового времени, имеет своим генезисом эпоху Средневековья, а именно так называемый монгольский период в истории Евразии, т.е. XVIII век. Возникшее в середине XV века на территории Семиречья (Жетысу) Казахское кочевое государство было построено на принципе верховенства ханской власти. Как доказывает специалист по средневековой истории Н.А. Атыгаев, опираясь на источники разных языков, Казахское ханство в период своего возникновения и укрепления признавалось как независимое государство, а его хан приравнивался к правителям других сопредельных стран того периода. Казахское ханство было полноправным субъектом международных отношений и имело дипломатические отношения с рядом соседних государств, включая Китай, Россию, Иран, Афганистан, а также Турцию (Атыгаев, 2015: 112, 287). Именно ханская власть была фактором политической консолидации родов и племен, населявших восточную часть Дешт-и-Кипчака, а сильная ханская власть являлась силой, цементирующей государственное единство и стабильность. К примеру, видный историк-востоковед Б.Е. Кумекоев и другие историки Казахстана единогласны во мнении о том, что при сильных и харизматичных ханах, таких как Касым, Хак-Назар, Тауекел, Есим, Тауке-хан, Казахское государство было политически единым, централизованным и играло заметную военно-политическую роль в регионе Средней Азии, Джунгарии, а также Иране и Афганистане. Ханы объединяли народ, закрепляя за ним этническую территорию, способствовали развитию материальной и нематериальной культуры (Кумекоев, 2015: 45). Исторически Казахское ханство сыграло свою судьбоносную роль для современного Казахстана, послужив для него этническим и территориальным фундаментом, поскольку во многом нынешние границы республики на 80–90 процентов соответствуют границам единого Казахского ханства в период его наивысшего могущества. Вот почему в 2015 году на государственном уровне происходило празднование 550-летия Казахского ханства – исторически важной даты для Республики Казахстан, являющейся его правопреемником. Институт ханства в Казахском государстве и обществе начинает ослабевать по ряду внешних и внутренних факторов, начиная примерно с 1730 года, когда началась постепенная трансформация института ханской власти, вызванная начавшимся процессом присоединения казахских жузов к Российской империи.

Рассмотрение властных и социальных функций хана широко представлено во многих работах современных историков Казахстана. Так, И.В. Ерофеева выделяет в качестве самой главной функции ханской власти у казахов организацию вооруженной защиты населения от вторжений извне и военных набегов в соседние этнокультурные ареалы, которая играла интегрирующую роль в потестарно-политической системе казахского традиционного общества (Ерофеева, 1996: 43). Ханы могли быть одновременно батырами (военными предводителями ополчений) и дипломатами. Кроме того, хан мог быть главнокомандующим непосредственно или же мог делегировать свои полномочия другому, как, например, в случае с ханом Тауке, который вследствие тяжелой болезни не мог самостоятельно вести войска в бой. Хотя ханская власть предполагала верховную власть, но при этом те или иные решения правителя могли подлежать изменению в силу необходимости хану считаться с мнением народа, а также членов ханского совета, как это было с ханом Младшего жуза Абулхайром, когда часть старшин выступила против самостоятельного принятия решения о российском протекторате. Судебные же полномочия хана как верховного арбитра актуализировались лишь тогда, когда ведущие тяжбу стороны не могли прийти к самостоятельному решению конфликта. Примечательно, что в казахском традиционном кочевом обществе даже сам хан мог быть призван в качестве ответчика, как, например, в случае Нуралы-хана, когда он был приговорен к выплате куна простому кочевнику за причиненные побои. Одной из наиболее важных функций хана, являвшихся его прерогативой, было ведение внешнеполитических дел, предполагавших переговоры, заключение военно-политических союзов и мирных соглашений. При этом необходимо было согласование с членами ханского совета и приближенными, поскольку те или иные решения правителя в Казахском ханстве могли быть пересмотрены под давлением общества или знати (Шотанова и др., 2022: 594). При наличии у хана большого круга полномочий и функций, делавших его власть верховной, все же власть его не была абсолютной.

В Казахском ханстве, начиная с первой трети XVIII века, именно ханы и султаны-чингизиды были проводниками для российской имперской власти в ее продвижении в глубь казахских степей. Именно через ханов Российской империей был проложен путь к инкорпорации казахских жузов, о чем единогласно свидетельствует большинство исследователей. Вплоть до конца XVIII века царское правительство в своей политике по подчинению казахских жузов делало ставку на ханов и султанов как своих прямых агентов в степи (Мажитова, 2014: 91), а чингизиды как сословие были объектом

имперской политики в освоении Казахской степи уже в XVIII веке (Ужкенов, 2020: 514). Царские власти в своей политике подчинения казахских жузов пытались воздействовать на них с помощью ханов, выработав из них инструмент для проведения своей «восточной политики» (Султанов, 2011: 108). З.Е. Кабульдинов оценивал роль и место ханов и султанов в казахском традиционном обществе периода нового времени как защитников и выразителей интересов своего народа (подданных) с одной стороны, но с другой все больше опиравшимися на поддержку российских колониальных властей для укрепления своей личной власти (Кабульдинов, 2018: 53, 60).

Со временем ханы из опоры российских имперских властей в их продвижении в казахские степи сами стали опираться на колониальную власть, используя ее материальные и военные ресурсы в стремлении сохранить свою личную власть за собой и своими потомками. Данное обстоятельство во многом стало причиной ослабления авторитета ханской власти в казахском обществе, которое больше не видело в ханах свою надежную опору. Таким образом, возник кризис внутреннего развития института ханской власти в казахском традиционном кочевом обществе. Ситуацией не замедлили воспользоваться российские колониальные чиновники, сделав первый шаг по внедрению административных порядков России во внутреннюю социально-политическую структуру Казахстана, что отмечается в работе Б.М. Абрахмановой. Она, ссылаясь на архивные источники, приводит заключения М.М. Сперанского, где подчеркиваются слабые стороны социально-политического развития казахского общества того периода, которые Россия может выгодно использовать без нарушения международно-правовых норм:

1. Отсутствие международно-правовых форм протеста со стороны казахов или других народов против занятия Россией этих районов в момент основания здесь крепостей. Поэтому земельные претензии, предъявляемые казахами после многолетнего функционирования штатных государственных укреплений России, не могут иметь силы.

2. Отсутствие юридических договорных отношений с казахами или другими государствами о согласии или несогласии с проведением западносибирских линий. Это снимает ответственность с российского правительства за правомерность или неправомерность своих действий при основании линий.

3. Отсутствие правового понятия государственной границы и органов, специально предназначенных для фиксации и охраны границ у казахов.

4. Казахи юридически являются подданными Российской империи, что дает ей право «... с важными обоюдными выгодами как для России, так и для киргиз-кайсаков и по действительному праву может быть увеличено влияние Российского правительства на дела во внутренних занимаемых киргизских землях» (Абрахманова, 2010: 15; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 319. Л. 50).

Внедрение указанной прямой системы административного управления теперь требовало только ликвидации ханской власти, ставшей к тому времени рудиментом, что позволяло Российской империи перейти к следующему этапу включения казахских жузов в свой состав, тем самым юридически завершить присоединение Среднего и Младшего жузов к империи, поставив под контроль внутривосточную ситуацию в степи и способствовать приведению казахов в «гражданское состояние», как писал М.М. Сперанский (Традиционное казахское..., 2014: 54).

Все большее вовлечение казахских жузов в орбиту влияния Российской империи привело к трансформации общественных институтов, в том числе и института ханской власти. Даже сама процедура возведения в ханское достоинство претерпела немало изменений. К примеру, исследователь Т.Т. Далаева в своей статье, изучая вопросы изменения формы и содержания церемонии возведения хана на престол, приводит сведения о трансформации процедуры выбора ханов – Нуралы, Абылая – после принятия подданства империи. Она также рассматривает указ «Об обрядах выбора и утверждения киргиз-кайсацких ханов в их достоинстве» № 17080 от 9 ноября 1792 г. Согласно указу, в ритуале возведения в ханское достоинство созыв курултая остается необходимым, но место проведения церемонии определяется царской администрацией. Были исключены некоторые процедуры, например, поднятие хана на белой кошме, также добавлены детали: зачитывание патента и официальное оформление клятвы, то есть подписание присяги на верность. Церемония сопровождалась салютом из пушек, а спустя пару дней устраивался бал. То есть постепенно увеличивается роль империи в данной процедуре и это оформляется соответствующими документами, конкретно обозначается по пунктам. Но тем не менее автор замечает, что если присмотреться к другим национальным окраинам, где влияние царской администрации не было сильным, то там наблюдается традиционная церемония возведения в ханское достоинство. Даже после реформ 1822–1824 гг., приведших к ликвидации ханской власти в казахских жузах, описанный обряд назначения хана будет служить дальше для возведения в должность старших султанов (ага-султанов), возглавлявших казахские внешние округа в Западной Сибири. Хотя форма ритуала сохранила свою востребованность, однако структура процедуры сильно трансформировалась (Далаева, 2011: 20-23). Об этом также пишет и Ж.С. Мажитова: «Начиная с середины XVIII в., по мере усиления позиций России в регионе она (избрание хана) постепенно превращалась в фикцию, в которой переплелись старый принцип избрания на ханский престол претендента с новыми, привнесенными извне, значительно трансформировавшими данный порядок в сторону ослабления этого важного выборного института» (Мажитова, 2014: 94).

В работах историков можно заметить несколько моментов, которые в некоторой степени повлияли на ускорение ослабления ханской власти у казахов:

- в период казахско-джунгарского устанавливается отчетливая степная демократия, что приводит к возрастанию авторитета биев и батыров, представителей «кара суйек», наряду с мощной властью чингизидов – ханов (Козыбаев, 1996: 10);

- ставленники России не пользовались в среде старшин и биев уважением отчасти от того, что последние уже не принимали активного участия в них, соответственно, ханская власть не пользовалась авторитетом и среди народа (Мажитова, 2014: 94);

- ...имперские власти обеспечивали «избрание» (а по сути, назначение) в качестве ханов не слишком эффективных правителей, не способных поддерживать в народе образ ханов как сильных и энергичных властителей, защитников интересов Казахстана перед российскими властями (Почекаев, 2017: 126; Быков, 2006: 136);

- регулярные войны, изменение сложившихся путей кочевков, увеличение влияния оседлых культур, сжатие пастбищных угодий – указанные факторы повлияли на ослабление ханского престижа;

- восстание Срыма Датулы (Датова) указало на ослабление ханской власти в среде казахского народа. Факт убийства хана Срымом Датулы было переломным моментом, показывавшим личное отношение предводителя восстания к этому (по его мнению) ненужному и изжившему себя институту, хотя еще чуть больше века назад по законам Тауке-хана убийство хана рассматривалось как серьезное преступление, грозившее смертной казнью;

- в целом ход событий в конце XVIII – начале XIX вв. в Младшем жузе способствовал сильному падению авторитета института ханской власти и перед казахским населением, и перед царской администрацией (Ужкенов, 2020: 503-504, 517);

- роль биев, которые выполняли в Казахской степи не только функции судей, но и предводителей родов были движущей силой казахского общества, что можно проследить во всех работах русских дореволюционных исследователей края. Без поддержки сословия биев ханская власть, особенно после присоединения Казахстана к России, потеряла бы свою силу и постепенно значение (Мажитова, 2014: 91);

- после Абылай-хана его сыновья Уали, Ишим и Касим старались властвовать над народом, но они не могли править в направлении, созданном Абылаем. Вместо того чтобы объединять народ, их правление вызвало недовольство племен и нарушило мирный быт, в результате чего страна стала разрозненной, а господство ханов привело к саморазрушению (Бабалар..., 2012: 155);

- царская власть одновременно противопоставляла друг другу разные династии чингизидов, а также отдельных ханов, султанов (Быков, 2006: 136);

- если народом избирался сильный и самостоятельный, влиятельный султан, его российская администрация не признавала в качестве хана (например, султаны Каратай, Арынгазы, Каип-Гали, Кенесары, Абулгазы и пр.). Абылай тоже по этой же причине был утвержден ханом очень поздно (Быков, 2006: 136).

Первые попытки изменения административного управления в Казахской степи империей предпринимались уже в конце XVIII века, они отражены в рескрипте Екатерины II от 12 ноября 1786 г. барону О.А. Игельstromу – Симбирскому и Уфимскому наместнику, в ведении которого находились казахские дела. Императрица предлагала изыскать возможность организации уездов. Установление определенного количества территориальных единиц создало бы возможность организации низовых структурных звеньев управления. По проекту А.О. Игельstromа были созданы расправы для управления тремя основными союзами племен Младшего жуза. Однако указанные планы, и в особенности их осуществление, не принесли желаемого результата в силу ряда причин. Пограничный суд, организованный из представителей казахской знати и царской администрации, предназначенный для разбора межродовых тяжб и русско-казахских разногласий, был закрыт в 1799 г., поскольку также не смог нормально функционировать. Расправы распались в 1806 году. Так, в течение первого столетия (1730–1820-е гг.) казахи Младшего и Среднего жузов управлялись через пограничную систему, вместе с тем реальная власть внутри казахского общества еще оставалась в руках ханов и султанов (Койгельдиев, 2002: 10), а русское правительство не вмешивалось во внутреннее управление казахов (Султанов, 2011: 108).

К 20-м годам XIX века русская администрация уже смогла распознать действительное значение казахских ханов, поскольку многолетняя опора на ханскую власть показала, что она не имеет под собой реальной экономической и социальной основы (Абдрахманова, 2010: 50).

Оренбургский генерал-губернатор П.К. Эссен разработал проект «Устава об управлении оренбургских киргизов», который был представлен на рассмотрение в Комитет азиатских дел (впоследствии – Азиатский департамент Министерства иностранных дел) (Почекаев, 2017: 129). Эссен предложил правительству в своем проекте Устава об оренбургских киргизах 1822 г. полностью ликвидировать институт ханской власти в Меньшей (Зауральской) орде, однако проект не приняли. После долгих обсуждений он был утвержден с доработками под заглавием «Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» в январе 1824 года (Быков, 2006: 141).

Вслед за Средним жузом ханская форма правления была упразднена и в Младшем жузе. Положение об отдельном управлении оренбургскими казахами 1824 г. отстраняло от власти последнего хана Шергазы, сослав его в Калугу (Касымбаев, 1996: 60; Почекаев, 2017: 129).

Абдрахманова сопоставляла деятельность Западно-Сибирской администрации с Оренбургской в деле пользования Уставами 1822–1824 гг. Если Сибирский оставлял право «выдвижения» в аппарат управления окружных и волостных органов лиц казахской национальности из султанской прослойки, то оренбургские администраторы практиковали обязательное назначение султанов-правителей на служебные должности. Также Западно-Сибирская администрация, опираясь на Устав 1822 года, допускала большую самостоятельность юрисдикции обычного права казахов по сравнению с оренбургской, которая без учета объективных условий края и своих реальных возможностей в способностях регулировать весьма своеобразные гражданско-правовые процессы внутри кочевого народа сильно сужала на практике юрисдикционную самостоятельность правовых институтов казахов, что вызывало трудности для нормального функционирования самих органов управления Оренбургского ведомства (Абдрахманова, 2010: 103).

Реформами 1822–1824 гг. была ликвидирована ханская власть, а следовательно, и политическая самостоятельность обоих жузов. Практически ханская власть была отменена сверху, без хотя бы видимого согласия одно- или многосторонних переговоров с влиятельными султанами (Койгельдиев, 2002: 10; Касымбаев, 1996: 58).

Согласно заключению А.Ю. Быкова, звание хана, по мнению царской администрации, стало постепенно восприниматься как должность. Но самими казахами данный институт по-прежнему понимался традиционным образом (Быков, 2006: 132). Так, если российские исследователи историю ханской власти у казахов заканчивают введением рассмотренных выше Уставов, то большинство казахских историков считают последним ханом Кенесары Касымова, следовательно, по этой интерпретации ханская власть просуществовала до 1847 г., т.е. до смерти Кенесары-хана. Кроме того, в казахском фольклоре Кенесары называется ханом, признанным всеми тремя жузами и даже за пределами Казахской степи.

«Ханом был, правил Кенесары,

Имя его вознеслось дальше трех жузов» (Бабалар..., 2006: 290).

Отдельные авторы, оценивая историческую значимость ликвидации ханской власти в казахских жузах, отмечают разрушительные последствия, другие указывают на положительные стороны, в итоге приведшие социум на путь развития, а иные принимают обе стороны. Также есть те, кто принимал данный процесс лояльно. Это зависело и от позиции исследователя. Например, по мнению М.К. Койгельдиева, «...казахская государственность в виде ханской власти была ликвидирована поэтапно. В течение почти столетия. Методы действия русской администрации в зависимости от конкретной ситуации менялись, но основная цель – уничтожение всех внешних проявлений национальной государственности – оставалась неизменной» (Койгельдиев, 2002: 10).

В числе негативных последствий можно перечислить следующие: российская административно-политическая система, вторгаясь в традиционную структуру общественных отношений казахов, неизбежно разрушала их... (Абдрахманова, 2010: 107); отмена ханской власти в Казахской степи фактически разрушила интегральную основу Казахского ханства как суверенного государства, и отсюда же начали постепенно обрушаться и остальные структурные элементы традиционной политической системы казахов (Ужкенов, 2020: 516); насильственное и неискusstvenное вторжение царской администрации в жизнеустройство номадов огромной степи привело к драматическим последствиям; строгая колониальная политика уничтожала традиционный общественно-социальный строй и сложившиеся порядки; принужденный переход к оседлости привел к сокращению пастбищных земель, количества скота, что в целом способствовало ухудшению благосостояния степного населения (Султанов, 2011: 111).

Отмечая некоторые позитивные моменты для казахского общества, возникшие после ликвидации ханской власти, следует указать на территориально-хозяйственный принцип организации кочевого населения в противоположность родовому, что в некоторой степени ограничило родовой и жузовый трайбализм. Кроме того, российские власти поставили окончательную точку в ограничении прав чингизидов и приравнивании к ним казахской элиты менее знатного происхождения (бии, батыры, старшины), обеспечив себе лояльность ее представителей (Быков, 2006: 130; Почекаев, 2017: 130). Таким образом, одним из видимых последствий ликвидации ханской власти в какой-то степени стала национальная консолидация и отчасти эгалитаризация социальных слоев населения Казахской степи.

Согласно выводам Б.М. Абдрахмановой, разрушительные последствия российского экономического и политического влияния, несмотря на всю катастрофическую болезненность его для казахского общества в конкретном пространственно-временном отрезке истории этого народа, т.е. в первой трети XIX века, имели позитивное значение для его дальнейшего развития (Абдрахманова, 2010: 109). Т. Султанов же считал, что принятие казахами царского протектората избавило народ от порабощения Джунгарским ханством, а также способствовало разложению в жузах родового быта, седентаризации (оседанию) казахского народа и приобщению к более развитой европейской цивилизации (Султанов, 2011: 111).

В целом же можно констатировать, что реформы системы органов власти и управления в Казахстане 1820–1840-х годов увенчались успехом и цель имперских властей в их проведении (усиление контроля российской администрации за казахскими правителями, внедрение в Казахстане имперских властных институтов) была достигнута. Более того, официальное закрепление полномочий российских

чиновников по регламентации внутренних дел казахов позволило имперским властям начать преобразования и по другому направлению – расширению сферы действия имперского законодательства на казахские жузы (Почекаев, 2017: 132). Так, процесс ликвидации традиционных институтов характеризует становление и развитие системы колониального управления (Быков, 2006: 130).

Вследствие упразднения ханской власти некоторая часть султанов-чингизидов начинает переходить в ряды чиновников царской России, в дальнейшем не представляя ощутимой угрозы для беспрепятственного проведения имперской политики в степи (Ужкенов, 2020: 518). Отдельная их часть выражала свое неприятие нового положения организацией вооруженных восстаний, вызванных реформами российского правительства, которые были чужды нравам и духу казахского народа всех трех жузов, которые, однако, зачастую заканчивались безрезультатно (Койгельдиев, 2002: 10).

5. Заключение

С изменением административного управления в Среднем и Младшем жузах некоторые чингизиды (султаны по происхождению), принимая новые, проводимые сверху условия, старались интегрироваться в новую систему в форме национального (туземного) чиновничества, как, например, старшие султаны окружных приказов в Среднем жузе или султаны-правители в Младшем жузе. Отдельная их часть выражала свое недовольство и выступала против трансформации управления казахами.

Ханская власть как социально-политический институт казахского общества исторически глубоко уходит в древний период. С постепенным включением казахских жузов в состав Российской империи социальная структура казахской общины постепенно меняется. Институт ханской власти у казахов просуществовал юридически до 1824 г., фактически же можно считать до 1847 года, когда казахский народ, как следует из фольклора, признал последним ханом всех трех жузов внука Абылай-хана, предводителя национально-освободительного движения Кенесары Касымова. И только после смерти хана заканчивается история ханской власти.

Российская сторона в связи с необходимостью создания единообразных территориальных единиц и системы управления в стране в целом старалась как можно быстрее узаконить юридически и фактически присоединение новых территорий Казахского ханства.

Как принято говорить, у медали две стороны (или, как у казахов, «таяқтың екі ұшы бар» – у палки есть два конца), и в оценке и осмыслении исторического значения ликвидации института ханской власти требуется объективное суждение. Исследователи в силу своей приверженности той или иной позиции по-разному интерпретировали и оценивали рассматриваемую проблему.

В целом для казахского народа имевшие место существенные негативные последствия в ходе указанных изменений с точки зрения зрения культурного развития будущих поколений (ликвидация данного института и введение взамен него новых административно-управленческих преобразований, произошедших в Казахской степи) способствовали формированию начального фундамента гражданского общества, а институт ханской власти как элемент кочевой цивилизации рано или поздно был обречен на уничтожение.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта ИРН АР08052271 «Новые рассекреченные российские архивы о неизвестных страницах жизни и деятельности казахских ханов, султанов, батыров (XVIII – первая половина XIX вв.)».

Литература

Абдрахманова, 2010 – Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Караганда: Типография «Гласир», 2010. 380 с.

Атыгаев, 2015 – Атыгаев Н.А. Казахское ханство в потоке истории. Очерки. Алматы: «Издательство Елтаным», 2015. 384 с.

Бабалар..., 2006 – Бабалар сөзі: Жүз томдық. Т. 29: Тарихи жырлар. Астана: «Фолиант», 2006. 400 б.

Бабалар..., 2012 – Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Т. 88: Тарихи аңыздар. Астана: «Фолиант», 2012. 432 б.

Бекмаханов, 1957 – Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. Москва: Издательство Академии Наук СССР, 1957. 335 с.

Бикенов, Жакин, 2003 – Бикенов А.Х., Жакин М.С. Принципы передачи ханской власти в традиционном казахском обществе (по материалам XVIII в.) / *Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: Международный Евразийский форум (III научная конференция): Тезисы докладов и сообщений* / Под ред. А.П. Толочко. Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. С. 78-79.

Быков, 2006 – Быков А.Ю. Ханская власть у казахов: звание и/или должность // *Этнографическое обозрение*. 2006, № 3. С. 127-148.

Валиханов, 1985 – Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата: Глав. ред. КСЭ, 1985. Т. 2. 416 с.

Вяткин, 1947 – Вяткин М.П. Батыр Срым. М.-Л.: изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1947. 392 с.

Георги, 1799 – *Георги И.* Описание всех обитающих в российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / В четырех частях. СПб., 1799. Ч. 2. 186 с.

Гундова, 2021 – *Гундова О.Е.* Институт ханской власти у казахских родов... в оценках отечественных ученых и чиновников (XVIII – начало XIX в.) // *Известия АлтГУ. Исторические науки и археология.* 2021. № 2(118). С. 19-23.

Далаева, 2011 – *Далаева Т.Т.* Ритуал возведения в ханское достоинство: проблемы трансформации формы и содержания // *Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки».* № 2(29). 2011. С. 15-24.

Ерофеева, 1996 – *Ерофеева И.* Титул и власть: к проблеме типологии института ханской власти в Казахстане в XVIII – начале XIX вв. // *Казахстан и мировое сообщество.* № 4. 1996. С. 37-46.

Зиманов, 2009 – *Зиманов С.З.* Политический строй Казахстана первой половины XIX века и Букеевское ханство. Алматы: Изд-во «Арыс», 2009. 496 с.

История Казахстана..., 1997 – *История Казахстана* (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Том 2. Алматы: «Атамұра», 1997. 624 с.

Кабульдинов, 2018 – *Кабульдинов З.Е.* Султанмамет султан: государственный деятель, дипломат и батыр. Издание 1-ое. Алматы, 2018. 304 с.

Касымбаев, 1996 – *Касымбаев Ж.* Ликвидация казахской государственности (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) // *Казахстан и мировое сообщество.* № 4. 1996. С. 53-61.

Козыбаев, 1996 – *Козыбаев М.* Некоторые проблемы казахской государственности // *Казахстан и мировое сообщество.* № 4. 1996. С. 3-12.

Койгельдиев, 2002 – *Койгельдиев М.К.* Казахская государственность и национальная элита // *Отан тарихы. Отечественная история.* 2002. № 4. С. 7-16.

Кумеков, 2015 – *Көмеков Б.Е.* Қазақ мемлекеттілігінің тарихы және Қазақ хандығы. Алматы: Қазақ университеті, 2015. 46 б.

Лапин, 2012 – *Лапин Н.С.* Деятельность О.А. Игельстрома в контексте казахско-российских взаимоотношений (1780-е – 1790-е годы). Астана: Издательство «Сарыарка», 2012. 384 с.

Левшин, 1996 – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей / Под общ. ред. М.К. Козыбаева. Алматы: Санат, 1996. 656 с.

Мажитова, 2014 – *Мажитова Ж.С.* Место и роль биев в системе ханской власти в оценках российских исследователей (XVIII – первая половина XIX в.) // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия «История».* 2014. № 3. С. 91-100.

Материалы..., 1969 – *Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII вв.* (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969. 651 с.

Моисеев, 1999 – *Моисеев В.А.* Русские ученые и путешественники XVIII – начала XIX в. о государственности и ханской власти у казахов // *Россия и Восток: проблемы взаимодействия.* Новосибирск, 1999. Ч. II. С. 5-7.

Почекаев, 2017 – *Почекаев Р.Ю.* Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XIX вв. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 384 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Сулейменов, Басин, 1981 – *Сулейменов Б.С., Басин В.Я.* Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981. 247 с.

Султанов, 2011 – *Султанов Т.* Рождение казахской государственности. История Казахского ханства. Изд. второе. Алматы: Мектеп, 2011. 160 с.

Тленшина, Паршин, 2016 – *Тленшина Г.М., Паршин И.А.* Институт ханской власти в традиционном обществе казахов (историография проблемы) / *Исторические исследования: Материалы IV Междунар. науч. конф.* Казань: Бук, 2016. С. 102-107.

Традиционное казахское..., 2014 – *Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации* (XIX – начало XX в.). Монография / коллектив авторов. Барнаул: АЗБУКА, 2014. 272.

Ужкенов, 2020 – *Ужкенов Е.М.* Активизация колониальной политики и отмена ханской власти в Младшем жузе // *Из истории Казахстана (XVIII – начало XIX веков): Коллект. монография / Под ред. Кабульдинова З.Е.* – Алматы: Изд-во ИП «Базарбаева», 2020. С. 491-525.

Shotanova i dr., 2022 – *Shotanova, G.A., Uzhkenov, E.M., Dzhumagalieva, K.V.* The Steppe Elite of the Kazakhs of the Junior Horde in the Period of Vassalage: New Approaches and Problems of Rethinking // *Bylye Gody.* 2022. 17(2): 590-603.

References

Abdrakhmanova, 2010 – *Abdrakhmanova, B.M.* (2010). Istoriia Kazakhstana: vlast', sistema upravleniia, territorial'noe ustroistvo v XIX veke [History of Kazakhstan: power, management system, territorial structure in the XIXth century]. Karaganda: tipografiia «Glasis». 380 p. [in Russian]

- Atygaev, 2015** – *Atygaev, N.A.* (2015). *Kazakhskoe khanstvo v potoke istorii. Ocherki* [Kazakh Khanate in the flow of history. Essays] Almaty: «Izdatel'stvo Eltanym». 384 p. [in Russian]
- Babalar..., 2006** – Babalar sozi: Zhuz tomdyk. T. 29: Tarikhi zhyrlar [The words of the ancestors: One hundred volumes. Volume 29: Historical poems]. Astana: «Foliant», 2006. 400 p. [in Kazakh]
- Babalar..., 2012** – Babalar sozi: Zhuztomdyk. T. 88: Tarikhi anyzdar [The words of the ancestors: One hundred volumes. Volume 88: Historical legends]. Astana: «Foliant», 2012. 432 p. [in Kazakh]
- Bekmahanov, 1957** – *Bekmahanov, E.B.* (1957). *Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii* [Kazakhstan's accession to Russia]. Moskva: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 335 p. [in Russian]
- Bikenov, Zhakin, 2003** – *Bikenov, A.Kh., Zhakin, M.S.* (2003). *Printsipy peredachi khanskoi vlasti v traditsionnom kazakhskom obshchestve (po materialam XVIII v.)* [The principles of the transfer of khan power in the traditional Kazakh society (based on the materials of the XVIIIth century)]. *Stepnoi krai Evrazii: istoriko-kul'turnye vzaimodeistviia i sovremennost': Mezhdunarodnyi Evraziiskii forum (III nauchnaia konferentsiia): Tezisy dokladov i soobshchenii*. Pod red. A.P. Tolochko. Omsk: Omsk.gos.un-t. Pp. 78-79. [in Russian]
- Bykov, 2006** – *Bykov, A.Iu.* (2006). *Khanskaia vlast' u kazakhov: zvanie i/ili dolzhnost'* [Khan power of the Kazakhs: rank and/or position]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 3: 127-148. [in Russian]
- Dalaeva, 2011** – *Dalaeva, T.T.* (2011). *Ritual vozvedeniia v khanskoe dostoinstvo: problemy transformatsii formy i soderzhanii* [The ritual of erection into the khan's dignity: problems of transformation of form and content]. *Vestnik KazNPU im. Abaia. Ser. Istoricheskie i sotsial'no-politicheskie nauki*. 2(29): 15-24. [in Russian]
- Erofeeva, 1996** – *Erofeeva, I.* (1996). *Titul i vlast': k probleme tipologii instituta khanskoi vlasti v Kazakhstane v XVIII-nachale XIX vv.* [Title and power: to the problem of the typology of the institute of khan power in Kazakhstan in the XVIII-early XIX centuries]. *Kazakhstan i mirovoe soobshchestvo*. 4: 37-46. [in Russian]
- Georgi, 1799** – *Georgi, I.* (1799). *Opisanie vsekh obitaiushchikh v rossiiskom gosudarstve narodov. Ikh zhiteiskikh obriadov, obyknovenii, odezhd, zhilishch, uprazhnenii, zabav, veroispovedanii i drugikh dostopamiatnosti. V chetyrekh chastiakh* [Description of all the peoples living in the Russian state. Their everyday rituals, habits, clothes, dwellings, deed, amusements, religions and other memorabilia. In four parts]. S.-Petersburg. Ch. 2. 186 p. [in Russian]
- Gundova, 2021** – *Gundova, O.E.* (2021). *Institut khanskoi vlasti u kazakhskikh rodov... v otsenkakh otechestvennykh uchenykh i chinovnikov (XVIII-nachalo XIX v.)* [The institution of khan power of the Kazakh tribes... in the assessments of domestic scientists and officials (XVIII – the beginning of the XIX centuries)]. *Izvestiia AltGU. Istoricheskie nauki i arkheologii*. 2(118): 19-23. [in Russian]
- Istoriia Kazakhstana..., 1997** – *Istoriia Kazakhstana (s drevneishikh vremen do nashikh dnei)* [History of Kazakhstan (from ancient times to the present day)]. In five volumes. Vol. 2. Almaty: «Atamura», 1997. 624 p. [in Russian]
- Kabul'dinov, 2018** – *Kabul'dinov, Z.E.* (2018). *Sultanmamet sultan: gosudarstvennyj dejatel', diplomat i batyr* [Sultanmamet Sultan: statesman, diplomat and batyr]. Izdanie 1-oe. Almaty. 304 p. [in Russian]
- Kasymbaev, 1996** – *Kasymbaev, Zh.* (1996). *P. Likvidatsiia kazakhskoi gosudarstvennosti (vtoraia polovina XVIII – pervaiia polovina XIX vv.)* [Liquidation of the Kazakh statehood (the second half of the XVIII – the first half of the XIX centuries)]. *Kazakhstan i mirovoe soobshchestvo*. 4: 53-61. [in Russian]
- Koigel'diev, 2002** – *Koigel'diev, M.K.* (2002). *Kazakhskaia gosudarstvennost' i natsional'naia elita* [Kazakh statehood and national elite]. *Otan tarikhy. Otechestvennaia istoriia*. 4: 7-16. [in Russian]
- Kozybaev, 1996** – *Kozybaev, M.* (1996). *Nekotorye prolemy kazakhskoi gosudarstvennosti* [Some problems of Kazakh statehood]. *Kazakhstan i mirovoe soobshchestvo*. 4: 3-12. [in Russian]
- Kumekov, 2015** – *Kumekov, B.E.* (2015). *Kazak memlekettiliginin tarikhy zhane Kazak khandygy* [History of Kazakh statehood and Kazakh khanate]. Almaty: Kazak universiteti, 46 p. [in Kazakh]
- Lapin, 2012** – *Lapin, N.S.* (2012). *Dejatel'nost' O.A. Igel'stroma v kontekste kazahsko-rossijskikh vzaimootnoshenij (1780-e – 1790-e gody)* [Activity of O.A. Igelstrom in the context of Kazakh-Russian relations]. Astana: Izdatel'stvo «Saryarka». 384 p. [in Russian]
- Levshin, 1996** – *Levshin, A.I.* (1996). *Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei* [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]/ pod obshch. red. M.K. Kozybaeva. Almaty: Sanat. 656 p. [in Russian]
- Materialy..., 1969** – *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV - XVIII I vv. (izvlecheniia iz persidskikh i tiurkskikh sochinenii)* [Materials on the history of the Kazakh khanates of the XV-XVIII centuries (excerpts from Persian and Turkic writings)]. Alma-Ata, 1969. 651 p. [in Russian]
- Mazhitova, 2014** – *Mazhitova, Zh.S.* (2014). *Mesto i rol' biev v sisteme khanskoi vlasti v otsenkakh rossiiskikh issledovatelei (XVIII – pervaiia polovina XIX v.)* [The place and role of the biys in the system of khan power in the assessments of Russian researchers (XVIII – the first half of the XIX centuries)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. Seriiia «Istoriia»*. 3: 91-100. [in Russian]
- Moiseev, 1999** – *Moiseev, V.A.* (1999). *Russkie uchenye i puteshestvenniki XVIII – nachala XIX v. o gosudarstvennosti i khanskoi vlasti u kazakhov* [Russian scientists and travelers of the XVIII – early XIX centuries. On statehood and khan power of the Kazakhs]. *Rossiia i Vostok: problemy vzaimodeistviia*. Novosibirsk. Ch. II. Pp. 5-7. [in Russian]

Pochekaev, 2017 – *Pochekaev, R.Iu.* (2017). Gubernatory i khany. Lichnostnyi faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii: XVIII – nachalo XIX vv. [Governors and khans. Personal factor of the legal policy of the Russian Empire in Central Asia: XVIII – early XIX centuries]. M.: Izd.dom Vysshei shkoly ekonomiki. 384 p. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Shotanova i dr., 2022 – *Shotanova, G.A., Uzhkenov, E.M., Dzhumagalieva, K.V.* (2022). The Steppe Elite of the Kazakhs of the Junior Horde in the Period of Vassalage: New Approaches and Problems of Rethinking. *Bylye Gody*. 17(2): 590-603.

Sulejmenov, Basin, 1981 – *Sulejmenov, B.S., Basin, V.Ja.* (1981) Kazahstan v sostave Rossii v XVIII – nachale XX veka [Kazakhstan as part of Russia in the XVIII – early XX centuries]. Alma-Ata: «Nauka» KazSSR. 247 p. [in Russian]

Sultanov, 2011 – *Sultanov, T.* (2011). Rozhdenie Kazakhskoi gosudarstvennosti. Istoriia Kazakhskogo khanstva [Birth of Kazakh statehood. History of the Kazakh Khanate]. Izd.vtoroe. Almaty: Mektep. 160 p. [in Russian]

Tlenshina, Parshin, 2016 – *Tlenshina, G.M., Parshin, I.A.* (2016). Institut khanskoj vlasti v traditsionnom obshchestve kazakhov (istoriografiia problemy) [The institute of khan power in the traditional society of the Kazakhs (historiography of the problem)]. *Istoricheskie issledovaniia: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. Kazan'*: Buk. Pp. 102-107. [in Russian]

Traditsionnoe kazakhskoe..., 2014 – Traditsionnoe kazakhskoe obshchestvo v natsional'noe politike Rossiiskoi imperii: kontseptual'nye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.) [Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: conceptual foundations and implementation mechanisms (XIX – early XX centuries)]. Monografiia. Kollektiv avtorov. Barnaul: AZBUKA, 2014. 272 p. [in Russian]

Uzhkenov, 2020 – *Uzhkenov, E.M.* (2020). Aktivizatsiia kolonial'noi politiki i otmena khanskoj vlasti v Mladshem zhuzhe [Activation of colonial policy and the abolition of khan power in the Little Zhuz]. Iz istorii Kazakhstana (XVIII – nachalo XIX vekov): kollekt. monografiia. Pod red. Kabul'dinova Z.E. Almaty: Izd-vo IP «Bazarbaeva». Pp. 491-525. [in Russian]

Valikhanov, 1985 – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1985). Sobranie sochinenii v piati tomakh [Collected works in five volumes]. Alma-Ata: Glav. red. KSE. T. 2. 416 p. [in Russian]

Vjatkin, 1947 – *Vjatkin, M.P.* (1947). Batyr Srym [Batyr Srym]. M.-L.: izd. i 1-ja tip. Izd-va Akad. nauk SSSR. 392 p. [in Russian]

Zimanov, 2009 – *Zimanov, S.Z.* (2009). Politicheskii stroi Kazakhstana pervoi poloviny XIX veka i Bukeyevskoe khanstvo [The political system of Kazakhstan in the first half of the XIX th century and the Bukey Khanate]. Almaty: Izd-vo «Arys». 496 p. [in Russian]

Современные исследования об институте ханской власти у казахов в имперский период

Нургуль Нурсултановна Курманалина ^{a, *}, Тимур Азизбекович Рыскулов ^a,
Зиябек Ермуханович Кабульдинов ^a, Олжас Бекенулы Куанбай ^b

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

^b Университет Анкара. г. Анкара, Республика Турция

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы современной историографии, касающиеся истории и эволюции ханской власти в традиционном казахском обществе периода Нового времени. Ханская власть у казахов имеет глубокие корни своего происхождения, уходящие в древний период, однако институционально она оформляется в эпоху Средних веков – время монгольских завоеваний. В российской дореволюционной историографии институт ханской власти преимущественно не выделялся из общего контекста казахской истории в отдельный предмет изучения. Ситуация стала меняться в советский период, когда особое внимание уделялось государственно-правовым аспектам развития казахского общества Нового времени. Современная казахстанская и российская историография проблемы представлена работами, написанными с применением новых научных подходов и теоретических концепций. Вместе с тем в изучении института ханской власти все еще остается ряд неизученных аспектов, а также не дана оценка ханской власти у казахов и ее роли в ослаблении и упадке Казахского ханства.

Ключевые слова: чингизиды, султаны, институт ханской власти, казахские жузы, Российская империя, система управления.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nurgulca@mail.ru (Н.Н. Курманалина)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1596-1604
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1596

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Buddhist's Traditional Views on Violence and Non-Violence (On the Example of the Kalmyks of the Russian Empire)

Yulia Yu. Erendzhenova ^{a, *}

^a Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Russian Federation

Abstract

The article deals with the ideas of Buddhist Kalmyks, who became Russian subjects in the 17th century and made a significant contribution to the strengthening of Russian statehood, about violent and non-violent methods of conflict resolution. Kalmyks traditionally profess Buddhism, which organically entered their ethnic culture and had a noticeable impact on their worldview. It is determined that the Kalmyks faithfully carried out military service for centuries, often being at the forefront of the Russian army. They guarded the southern borders of the country, participated in many Russian military campaigns. At the same time, the Kalmyks formed specific views based on the Buddhist ethics of non-violence, which was reflected in their legislative acts. The combination of the Buddhist ethics of non-violence and military prowess for the Kalmyks themselves might not seem contradictory to them due to their specific views on “skilful means” and spiritual development in accordance with Vajrayana Buddhism. Idealizing the image of angry protector deities, the Kalmyks could justify the military methods they used to influence their opponents, since they were defending the holy teaching and their people. However, it is important to bear in mind that the ideas of the Kalmyks cannot be equated with the very Buddhist idea of worshiping angry deities. According to Buddhist sources, the essence of this idea lies in the symbolic use of destructive states of mind on the path of rapid spiritual transformation. The Kalmyks could literally, that is, not quite correctly, interpret the Tantric teaching. At the same time, this interpretation allowed them to maintain spiritual strength to protect not only the Buddhist religion and their people, but also the entire population of Russia. The conclusions drawn allow us to expand the view of the ethical ideals of peoples who traditionally practice Buddhism.

Keywords: Kalmyks, Buddhism, military history, violence, ethics of non-violence, skilful means, Buddhist tantra.

1. Введение

Глобальные вызовы современного мира во многом обусловлены интерсоциальными проблемами, которые вызывают различного рода конфликты: политические, экономические, культурные. Культурные конфликты, обусловленные глубинными аксиологическими противоречиями, порождают межнациональную, межэтническую, межкультурную, межрелигиозную и даже межличностную рознь.

В современной науке сложились понятия «жесткая сила», что предполагает военные способы решения конфликтов, и «мягкая сила», под которой подразумевается использование невоенных методов воздействия на противоположную сторону. «Мягкой силой» пользуются негосударственные акторы, среди которых особое место занимают религиозные организации (Лебедева, 2017). Опираясь на религиозно-философские доктрины, религии апеллируют к равенству людей перед нравственными нормами и склоняют своих последователей к мирному разрешению конфликтов.

* Corresponding author

E-mail addresses: yulia.er16@gmail.com (Yu.Yu. Erendzhenova)

Одной из таких религий является буддизм, широко известный своим принципом ненасилия (санскр. ахимса). Понимание причинно-следственного закона кармы и взаимозависимости бытия позволяет буддизму активно включаться в процесс решения глобальных проблем человечества. В качестве примера обратимся к опыту реализации проекта «Буддизм и международное гуманитарное право», инициированного Международным Красным Крестом.

В ходе исполнения проекта коллектив ученых выявил, что буддийское учение имеет большой потенциал для уменьшения страданий людей, находящихся в зоне военных конфликтов. При этом исследователи подчеркивают, что буддийская религия не способна полностью удержать своих последователей от вовлечения в вооруженные столкновения (Bartles-Smith et al., 2020). Из этого следует, что доктринальный отказ буддизма от насилия не может быть решающим фактором при оценке реакции буддистов на случаи, когда требуется применение «жесткой силы», как и не является достаточным основанием для уверенности в приверженности буддистов «мягкой силе».

Так, для объективного исследования отношения буддистов к насилию и ненасилию важно изучить опыт тех людей, которые считают себя буддистами длительное время, то есть относят себя к так называемому «традиционному буддизму». В числе этих последователей Будды находятся и российские калмыки. В XVII веке они стали подданными России и тем самым привнесли буддийскую религию в российское социокультурное пространство. Логично предположить, что, много веков являясь адептами буддизма, калмыки должны были отказываться от участия в любых конфликтах, предполагающих насилие. Однако история убедительно доказывает, что калмыки активно участвовали во многих военных кампаниях России.

В связи с этим возникает необходимость исследования оснований интеграции традиционных представлений калмыков о насилии с доктринальным буддийским учением о ненасилии. Для достижения поставленной цели следует определить традиционное отношение калмыков к насилию посредством анализа их военной истории, затем рассмотреть влияние буддийской этики ненасилия на представления калмыков, а также обосновать возможное допущение насилия в самой буддийской культуре, распространившейся в калмыцком обществе.

2. Материалы и методы

Эмпирическая база исследования представлена нормативно-правовыми документами, которыми руководствовались предки калмыков (ойраты), находясь в пределах Монгольской империи, и сами калмыки, будучи подданными Российской империи. Это – текст XIII века «Цаган теуке» (с монг. «Белая история») (Белая история, 2001) и законы XVII в. «Ики Цааджин бичиг» (с монг. «Великое уложение») (Монголо-ойратские законы..., 1880). Основные вехи военной истории калмыков приведены по результатам ряда исторических исследований ведущих калмыковедов.

В работе также используются религиозные источники – труды буддийских наставников, обладавших большим авторитетом среди калмыков в XVII – начале XX вв. Первый из них – это индийский пандит (с санскр. ученый) Шантидева (685–763), написавший трактат «Вступление в практику Бодхисаттв» (Шантидева, 2007), где изложены краеугольные идеи буддизма Махаяны. Это направление буддизма провозглашает своими главными принципами сострадание и личное совершенствование во имя спасения всех живых существ.

Наиболее известным буддийским автором среди калмыков является Чже Цонкапа (1357–1419), основатель тибетской буддийской традиции гелуг. Его труд «Большое руководство к этапам пути мантры» (Цонкапа, 2019) систематизирует знания и опыт тибетцев, которые они передали калмыкам, о сущности и отличительных характеристиках буддизма Ваджраяны. Считается, что данное буддийское направление сформировалось в Индии на базе интеграции буддийской теории о природе Будды и практики тантры.

Поскольку исследование поднимает вопрос о допущении насилия в буддизме, в качестве источника также рассматривается текст «Колесо острых орудий тренировки ума в Махаяне» Дхармаракшиты (ок. X в.) (Dharmarakshita, 2010). Воззрения этого буддийского учителя оказали непосредственное влияние на Джово Атишу (982–1054), главного проповедника тибетской традиции кадам, на которую опирался вышеупомянутый Чже Цонкапа.

Данные тексты рассматриваются, исходя из принципа «когнитивной скромности», разработанного в рамках межкультурной философии. Посредством «когнитивной скромности» становится возможным проникнуть в суть буддийской культуры и объяснить допустимость насилия в буддийской теории и практике с точки зрения буддийских авторов. Межкультурная философия призывает учитывать мнение восточных философов о содержании и особенностях их традиций равноценно и равнозначно с западными теориями (Степанянц, 2020: 10-25).

Методологический инструментарий исследования включает историко-культурологический подход, принцип «когнитивной скромности», феноменолого-герменевтический анализ. Ретроспективный ракурс вкупе с анализом отражения религиозной тематики в культуре обуславливает историко-культурологический подход к исследованию традиционных взглядов калмыков-буддистов о насилии и ненасилии. Данный подход обосновывает обращенность к калмыцкой военной истории, а также изучение

базовых законодательных источников, на основе которых сформировались представления калмыков о применении насильственных и ненасильственных способов наказания за правонарушения.

Феноменолого-герменевтическая методика позволяет на основе герменевтического анализа текстов сосредоточить внимание на значении отдельных феноменов в субъективной реальности человека. Под текстами понимается все, что может быть интерпретировано. Соответственно, с помощью этой методики можно постараться заглянуть в субъективный мир калмыков и выявить значение идей о насилии и ненасилии для них самих же.

3. Обсуждение

Проблема соотношения идей буддизма (наряду с другими религиозными традициями) с практикой насилия и ненасилия является предметом изучения многих ученых. Особое звучание она приобрела в связи с ростом экстремистских формирований, оправдывающих свои устремления религиозными представлениями, и случаев межнациональных распри с религиозной коннотацией. Исследователи убеждены, что данная проблематика должна рассматриваться как можно шире, чтобы определить наиболее глубокие связи между религией, этничностью, национализмом, а также расовыми, политическими, гендерными и экономическими факторами (Murphy, 2011: 1-2).

В отечественном дискурсе вопрос о насилии и ненасилии в буддизме поднимается в работах С.В. Постникова и С.В. Резника. Оба исследователя отмечают, что учение действительно обязывает буддистов выбирать позицию ахимсы, однако в особых случаях при необходимости защиты в альтруистических целях разрешается применять силу (Постников, 2016; Резник, 2018). При этом Ж.А. Аякова подчеркивает, что именно буддийская этика ненасилия, пропагандирующая толерантность и всеобщую ответственность, может быть одним из факторов устойчивого развития всего человечества (Аякова, 2017).

Известный философ-религиовед А.П. Забияко в свою очередь задается вопросом о том, насколько устойчивым является сам буддизм по отношению к отказу от насилия. Несмотря на то, что в буддизме репрессивное содержание религии минимизировано, все же нельзя идеализировать восприятие буддийских идей, так как оно может исказиться в силу модификации и мимикрии самого «вируса насилия» (Забияко, 2011).

Справедливости ради необходимо отметить, что буддисты осознают угрозу такого исхода. К примеру, еще в 2003 году буддийский монах из Шри-Ланки Махинда Дигаль, одновременно являвшийся преподавателем британского Университета Бат Спа, проанализировал религиозные тексты и сделал довольно категоричный вывод о том, что буддисты не должны искать никаких оправданий для насилия (Deegalle, 2003).

Кандидат богословия С.И. Шатравский обращает внимание на то, что призыв к насилию среди буддистов по сути обусловлен этнополитическими мотивами, либо фигуранты экстремистских действий на самом деле представляют нео- или псевдобуддийские организации (Шатравский, 2020). Одно из подтверждений этого находим в словах духовного лидера тибетской буддийской традиции Его Святейшества Далай-ламы XIV, который связывает акты самосожжения тибетцев в большей степени с их протестом против политической ситуации в Тибете (Davis, 2016). Если тибетцы совершали насилие только над собой, то члены псевдобуддийской организации «Аум синрикё» подвергли страданиям тысячи людей, ссылаясь на якобы особые методы духовного спасения буддизма Ваджраяны (Watanabe, 2019).

Ваджраяна в своей полноте упрочилась в Тибете. Дж. Далтон, изучив древние манускрипты и исторические хроники, сделал вывод о том, что тибетцы не сразу поняли символический смысл тантрических практик и порой совершали даже ритуальные убийства. Однако впоследствии была осуществлена ревизия, и религиозный культ был приведен в соответствие с доктринами Ваджраяны (Dalton, 2011: 95-109).

К. Гиллберг подчеркивает, что исторически тибетская культура, равно как и любая другая, не была склонна к отказу от насилия. Однако исследовательница соглашается, что более прочная адаптация буддизма в Тибете привела к тому, что тибетцы стали мягче и миролюбивее. Интересно, что относительно воинственный настрой среди тибетцев все же сохраняется до сих пор, поскольку они ждут начала священной войны, предсказанной в тантрическом учении Калачакры (Gillberg, 2006).

Краеугольные буддийские идеи, включая принцип ахимсы, отразились в социальных нормах и культурных ценностях калмыков (Бадмаев и др., 2018: 23-64). Это было закреплено в законодательных актах, регулировавших жизнь калмыцкого общества (Ulanov et al., 2017). Одним из первых, кто обратил внимание на религиозный фактор военной истории калмыков, был дореволюционный исследователь Г.Н. Прозрителев, описавший калмыцкие знамена с буддийскими изображениями и текстами (Прозрителев, 1912: 90-95).

Б.У. Китинов полагает, что воинственность калмыков так же, как и их предков – ойратов, не противоречила буддийским установлениям. Более того, в буддийских текстах, которые получили широкое хождение в калмыцком обществе, прямо говорится о важности справедливой войны, необходимой для защиты Отечества и веры (Китинов, 2013). Вероятно, таких идей придерживались

калмыки-казаки, составлявшие значительную военную силу области Войска Донского, но сохранившие верность буддийской религии (Уланов, Андреева, 2021).

Что касается вопроса о принципиальном отношении буддизма к войне и воинской повинности, то М.С. Уланов нашел подтверждение тому, что Будда Шакьямуни не призывал к полному разоружению. В буддийской традиции даже существует предписание о том, что человек имеет право принять монашеские обеты только после исполнения воинского долга (Уланов, 2015).

Таким образом, результаты исследований позволяют сформировать общую картину буддийской этики ненасилия, идей о насильственных методах борьбы, их восприятию буддистами разных времен и стран, включая калмыков. Тем не менее все еще неясным остается механизм интеграции этики ненасилия и воинского долга как у калмыков, так и у других традиционных буддистов.

4. Результаты

По калмыцкому обычаю все взрослые дееспособные мужчины считались воинами, они с детства занимались боевой подготовкой, чтобы стать искусными всадниками и владеть оружием. Калмыки постоянно совершенствовали свои навыки за счет боевого опыта и различных тактических приемов (Очиров, 2012). В калмыцком фольклоре сохранились песни о мужестве, храбрости и доблести калмыцких воинов (Коваева, Хабунова, 2010).

История калмыков неразрывно связана с их военным прошлым. Добровольно войдя в состав России, калмыки защищали ее южные границы, выступали под знаменами Петра I, участвовали в русско-турецких войнах 1735–1739 гг., 1768–1774 гг., исполняли воинский долг во время Семилетней войны 1756–1763 гг., часть калмыков несла постоянную службу в составе Донского казачьего войска (Шовунов, 1991).

Во время Отечественной войны 1812 года калмыцкие воины служили в 3-й Западной армии. Их численность личного и конского состава превышала количество людей в других национальных полках. Калмыцкая конница производила лобовые атаки, а в случаях отступления участвовала в арьергардных боях (Очиров, 2022).

Все эти факты свидетельствуют о том, что калмыки считали своим долгом прибегать к насилию при необходимости защиты интересов империи. Однако, если обратиться к законодательным актам, которыми издавна руководствовались калмыки, то в них довольно четко прослеживается их осознанный выбор принципа ненасилия.

В «Цаган теуке», одном из древнейших монгольских текстов, датированном XIII веком, все монгольские народы признавали равенство светских правителей и буддийских духовных наставников. Наряду с этим они обязались следовать буддийским заповедям, квинтэссенцией которых являлись сострадание и отказ от какого-либо насилия (Белая история, 2001: 72-81).

Присутствуя на съезде всех монгольских народов в 1640 году, калмыки дали клятву быть верными буддийской религии в составленном своде законов «Ики Цааджин бичиг». Свою верность этическим идеалам буддизма они подтвердили тем, что в перечне наказаний за различного рода преступления практически отсутствует смертная казнь. Лишь две провинности карались смертной казнью – дезертирство с поля битвы и намеренное утаивание информации о возможном нападении врагов. Во всех остальных случаях, даже за серьезные конфликты и убийство человека, полагалось выплатить штраф. Несколько статей посвящены принципам почтительного поведения мирян по отношению к буддийским монахам. При этом прописаны наказания и для монахов в случае их неэтичного поведения (Монголо-ойратские законы..., 1880: 35-60).

Таким образом, можно сделать вывод, что с принятием буддизма калмыки отказались от жестокости, признали возможность ненасильственных методов разрешения конфликтов и наказания, стали придерживаться буддийских этических принципов, продиктованных буддизмом Махаяны.

Этический идеал Махаяны – Бодхисаттва, в сознании которого присутствуют сострадание и бодхичитта (с санскр. мысль о просветлении). Эти качества способствуют отказу Бодхисаттвы от вредности и обеспечивают мощную духовную трансформацию. В калмыцкой буддийской традиции воспевался образ Бодхисаттвы, сформировавшийся на основе религиозно-философского текста Шантидевы «Вступление в практику Бодхисаттв».

Шантидева детально расписывает путь, который необходимо пройти личности, нацеленной на просветление ради всеобщего блага. Тех, кто решается пройти этот путь, Шантидева называет «Высшими Героическими Существами» (Шантидева, 2007: 73). Об одном из Бодхисаттв, Ваджрапани, он пишет следующие строки: «Я принимаю Прибежище в том, кто видом своим устрашает Посланцев Владыки Смерти и других злобных существ и рассеивает их в четырех сторонах света – в Держателе Ваджры» (Шантидева, 2007: 84).

В главе, посвященной развитию терпения, Шантидева указывает на то, что настоящим врагом следует считать гнев, поскольку он является причиной многих страданий. Победа в яростной схватке с этим врагом должна привести Бодхисаттву к блаженству (Шантидева, 2007: 148). Судя по этому, буддистам предлагается направить ярость на свой же гнев и, избавившись от него, обрести счастье. Получается, что благая цель оправдывает довольно жесткий метод – ярость.

Такая противоречивость буддийского подхода имеет доктринальное основание в идее «упая каушалья» (с санскр. искусные средства). Упая каушалья – буддийская категория, обуславливающая применение широкого спектра методов Бодхисаттвы. Примечательно, что под «искусными средствами» в буддизме зачастую понимаются поступки, которые порицаются той же буддийской этикой (к примеру, убийство или ложь) (McGarrity, 2009).

Буддисты делают акцент на том, что видимые проступки относятся к физическим и речевым актам, при этом нигде не упоминается, что Бодхисаттва может преступить запреты на негативные деяния ума. Считается, что интенциональность Бодхисаттвы обусловлена его устремленностью к освобождению во благо всех живущих. Тогда и все его действия на уровне тела и речи приобретают добродетельный окрас, хотя и видятся обывателям как прямое нарушение буддийских заповедей.

Если рассматривать духовный путь Бодхисаттвы с учетом идеи «искусных средств», то особый смысл приобретает указание в текстах на различные виды боевого оружия. В популярном трактате Дхармаракшиты «Колесо острых орудий тренировки ума в Махаяне» даются рекомендации по практике развития бодхичитты. Дхармаракшита так же, как и Шантидева, признает, что Бодхисаттвы «благодаря геройской силе всегда пребывают в счастье» (Dharmarakshita, 2010: 93).

Далее по тексту автор в традиционном буддийском стиле осознает необходимость отказа от цепляния за собственную самость и взывает к божеству Ямантаке с просьбой о помощи: «...Прокрути колесо острых орудий три раза над его головой... Обнаженными клыками четырех сил ударь врага... Призови его, призови его, гневный Ямантака! Ударь его, ударь его, пронзи сердце этого врага – самость... Нанеси смертельный удар в сердце этого мясника и врага – эго!» (Dharmarakshita, 2010: 98).

Крайне важно обратить внимание на то, что подобная риторика имеет своей целью борьбу только с внутренним врагом. Это подтверждают строки Шантидевы: «Те, кто, презрев все страдания, уничтожают врагов – ненависть и прочие клеши, – одержавшие такие победы – вот кто Герои, а остальные победители – это убийцы трупов» (Шантидева, 2007: 152). Иными словами, в буддизме нисколько не поощряется убийство живых существ, которые и так умрут вследствие омрачений и кармы. Тема насилия поднимается только в связи с внутренней духовной трансформацией личности. По всей видимости, этот процесс довольно труден и требует жесткого сопротивления со стороны буддиста. Академик А.А. Гусейнов справедливо заметил, что отказ от насилия отнюдь не показатель слабости и бездействия. Наоборот, сторонники ненасильственной борьбы обладают огромным мужеством и бесстрашием (Гусейнов, 1992).

Упоминание Ваджрапани и Ямантаки в исследуемых текстах отсылает к буддизму Ваджраяны, где «искусные средства» имеют особый оттенок. Как разъясняет Чже Цонкапа, главным методом Ваджраяны является йога божества, при которой буддисты визуализируют себя в образе тантрического божества. Символический характер данной религиозной практики требуется для использования деструктивных состояний ума на пути быстрого духовного развития. В то же время предписывается сохранять интенцию бодхичитты как гарантию того, что тантристы не станут нарушать буддийские этические принципы и давать волю страсти и гневу в действительности (Цонкапа, 2019: 96-118).

В «Цаган теуке» делался акцент на приверженности монгольских народов тантрическому буддизму (Белая история, 2001: 77-78), а в «Ики Цааджин бичиг» первым из божеств упоминается Очир-дара (санскр. Ваджрадхара), персонификация изначального Будды в Ваджраяне (Монголо-ойратские законы..., 1880: 35). Г.Н. Прозрителев зафиксировал, что калмыцкие воины изображали грозных буддийских божеств-защитников на своих боевых знаменах (Прозрителев, 1912: 90).

Эти божества в буддизме Ваджраяны называются дхармапалами и относятся к просветленным личностям, намеренно обретшим гневный образ. У дхармапал крепкое телосложение, несколько голов, множество рук и ног, рты с длинными клыками искривлены в гневной улыбке, в выпученных и налитых кровью глазах застыла злость, волосы связаны в пучок и скреплены змеей (Nebesky-Wojkowitz, 1996: 6).

С.Р. Батомункуева на основе ритуального текста составила описание Шестирукого Махакалы, главного защитника тибетской традиции гелуг, к которой традиционно относят себя калмыки. Он физически подобен герою, «свирепый и могущественный, с гневным лицом и оскаленными острыми клыками». Наряду с чисто религиозными принадлежностями в руках божества-защитника находятся атрибуты воина: изогнутый нож, трезубец, аркан. Устрашающий образ дополняется ожерельем из пятидесяти свежих кровоточащих голов. В его свите присутствует защитница Палден Лхамо, неистово размахивающая пылающим огнем мечом. Далее приводится описание других дхармапал, грозный вид которых дополняется кровью, черепами и различным оружием (Батомункуева, 2021).

Думается, что калмыки, в большинстве своем не сведущие в содержании и символизме буддийской тантры, могли буквально воспринимать этих божеств за некий идеал воина. Тогда следует признать, что неверные с точки зрения буддийской этики поступки в субъективной реальности калмыков могли изначально трактоваться ими как подобающее поведение в контексте защиты святого учения и своего народа.

Если вновь вспомнить случаи саможжения тибетцев в XXI веке, то исследователи Дж. Собослай и Дж. Грубер обратили внимание не столько на доктринальное основание этих актов, сколько на их субъективное значение для самих тибетцев. Судя по их действиям и высказываниям непосредственно перед смертью, они были уверены в своем долге, заключавшемся в защите религии, идентичности и культуры, даже ценой собственной жизни (Soboslai, Gruber, 2018).

5. Заключение

Таким образом, интеграция традиционных представлений калмыков о насилии с доктринальным буддийским учением о ненасилии, вполне вероятно, произошла вследствие их приверженности буддизму Ваджраяны. Тантрический буддизм, призывая к борьбе с внутренними врагами, допускает насильственные методы и использует военную символику в изображениях божеств-защитников. Соприкасаясь с таким религиозным культом, калмыки могли считать насилие необходимым средством для обретения всеобщего блага, что помогло им сохранить славу воинов и в то же время духовно развиваться.

Необходимо отметить, что это справедливо в большей степени в контексте защиты религии и Отечества, но не агрессии. Законодательные источники, регулировавшие общественную жизнь калмыков, свидетельствуют об отказе калмыков от насильственных методов разрешения конфликтов и наказания. Сделанные выводы позволяют немного расширить взгляд на этические идеалы народов, традиционно исповедующих буддийскую религию.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№ 075-03-2022-119/1 «Буддизм и глобальные вызовы современного мира»).

Литература

- Аякова, 2017 – Аякова Ж.А. Буддийская этика ненасилия как фактор устойчивого развития // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2017. № 2. С. 118-122.
- Бадмаев и др., 2018 – Бадмаев В.Н., Долгорсурэн Ж., Уланов М.С. Калмыцкий этнос: культурные традиции и цивилизационные вызовы. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2018. 119 с.
- Батомункуева, 2021 – Батомункуева С.Р. Образ Шестирукого Махакалы и его окружения в тексте «Ритуал умилостивления и подношения торма Быстродействующему Защитнику Мудрости – Шестирукому Махакале» // *Oriental Studies*. 2021. № 14(3). С. 568-580.
- Белая история, 2001 – «Белая история» – монгольский историко-правовой памятник XIII – XVI вв. / Пер. П.Б. Балданжапова, Ц.П. Ванчиковой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 253 с.
- Гусейнов, 1992 – Гусейнов А.А. Этика ненасилия // *Вопросы философии*. 1992. № 3. С. 72-81.
- Забияко, 2011 – Забияко А.П. Есть ли у буддизма иммунитет против насилия? Дискуссионные проблемы теории и практики / *Буддизм Ваджраяны в России: от контактов к взаимодействию / Материалы II Международной научно-практической конференции*. М.: Алмазный путь, 2011. С. 765-771.
- Китинов, 2013 – Китинов Б.У. Война в буддийской традиции (на примере истории буддизма у ойратов) / *Буддизм Ваджраяны в России: Исторический дискурс и сопредельные культуры / Коллективная монография*. М.: Алмазный путь, 2013. С. 45-54.
- Коваева, Хабунова, 2010 – Коваева Б.М., Хабунова Е.Э. Народная протяжная песня как памятник воинской доблести калмыков // *Научная мысль Кавказа*. 2010. № 4-2(64). С. 31-33.
- Лебедева, 2017 – Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // *Вестник МГИМО-Университета*. 2017. № 3(54). С. 212-223.
- Монголо-ойратские законы..., 1880 – Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-Хун-Тайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук Даши / Пер. К.Ф. Голстунского. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1880. 143 с.
- Очиров, 2012 – Очиров А.В. Участие калмыков в войнах России (первая треть XVIII – начало XIX в.) // *Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2012. № 9(113). С. 333-338.
- Очиров, 2022 – Очиров У.Б. Национальные конные полки 3-й западной армии в осенних боях 1812 г. // *Центр и периферия*. 2022. № 2. С. 29-37.
- Постников, 2016 – Постников С.В. Ретроспективный взгляд на отношение религии к войне и вооруженному насилию // *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук*. 2016. Т. 10. № 2. С. 85-90.
- Прозрителев, 1912 – *Прозрителев Г.Н.* 1812–1912. Военное прошлое наших калмык. Ставропольский калмыцкий полк и Астраханские полки в Отечественную войну 1812 года. Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Вып. 3. Ставрополь: Типография губернского правления, 1912. 354 с.

Резник, 2018 – Резник С.В. Концепты насилия и ненасилия в идеологии и культурных практиках мировых религий (к постановке проблемы) // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право»*. 2018. Т. 43. № 3. С. 498-503.

Степанянц, 2020 – Степанянц М.Т. Межкультурная философия: истоки, методология, проблематика, перспективы. М.: Наука – Вост. лит., 2020. 183 с.

Уланов, 2015 – Уланов М.С. Религиозно-философский взгляд буддизма на проблему войны и мира // *Вестник Калмыцкого университета*. 2015. № 4(28). С. 53-58.

Уланов, Андреева, 2021 – Уланов М.С., Андреева А.А. Буддизм и донские калмыки-казаки в социокультурном пространстве России // *Новые исследования Тувы*. 2021. № 2. С. 100-114.

Цонкапа 2019 – Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам пути мантры (Нагрим Ченмо): В 3 т. Т. I. / Пер. А. Кутявичуса. СПб.: Изд-е А. Терентьева, 2019. 512 с.

Шантидева, 2007 – Шантидева. Bodhicaryāvatāra: Вступление в практику Бодхисаттв / Пер. И.С. Урбанаевой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. 327 с.

Шатравский, 2020 – Шатравский С.И. Экстремизм в буддизме: правда или вымысел? // *Профилактика религиозного экстремизма: ценностно-мировоззренческие аспекты / Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции*. Орел: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2020. С. 116-123.

Шовунов, 1991 – Шовунов К.П. Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 189 с.

Bartles-Smith et al., 2020 – Bartles-Smith A., Crosby K., Harvey P., et al. Reducing Suffering during Conflict: the Interface Between Buddhism and International Humanitarian Law // *Contemporary Buddhism*. 2020. Vol. 21. No. 1-2. P. 369-435.

Dalton, 2011 – Dalton J.P. The Taming of the Demons: Violence and Liberation in Tibetan Buddhism. New Haven & London: Yale University Press, 2011. 311 p.

Davis, 2016 – Davis L.S. Enacting the Violent Imaginary: Reflections on the Dynamics of Nonviolence and Violence in Buddhism // *SOPHIA*. 2016. No. 55. P. 15–30.

Deegalle, 2003 – Deegalle M. Is Violence Justified in Theravada Buddhism? // *The Ecumenical Review*. 2003. Vol. 55. No. 2. Pp. 122-131.

Dharmarakshita, 2010 – Dharmarakshita. Theg pa chen po'i blo sbyong mtshon cha 'khor lo [Koleso ostrykh orudii trenirovki uma v Makhayane] // bLo sbyong brgya rtsa phyogs sgrig [Sbornik sotni trenirovok uma]. Lhasa: Ser gtsug nang bstan dpe rnying 'tshol bsdu phyogs sgrig khang, 2010. Pp. 109-122.

Gillberg, 2006 – Gillberg C. Warriors of Buddhism: Buddhism and violence as seen from a Vajrayana Tibetan Buddhist perspective // *Scripta Instituti Donneriani Aboensis*. 2006. No. 19. Pp. 77-92.

McGarrity, 2009 – McGarrity A. Using Skilful Means Skilfully: The Buddhist Doctrine of Upāya and Its Methodological Implications // *Journal of Religious History*. 2009. № 33. P. 198-214.

Murphy, 2011 – Murphy A.R. (ed) The Blackwell Companion to Religion and Violence. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2011. 632 p.

Nebesky-Wojkowitz, 1996 – Nebesky-Wojkowitz de. R. Oracles and Demons of Tibet. The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deities. Delhi: Book Faith India, 1996. 666 p.

Soboslai, Gruber, 2018 – Soboslai J., Gruber J. The Bodhisattva, the Dharmarāja, and the Dalai Lamas: Evaluating the Religious and Political Causes of Tibetan Self-Immolation // *Journal of the American Academy of Religion*. 2018. No. 86(3). P. 759-788.

Ulanov et al., 2017 – Ulanov M.S., Badmaev V.N., Holland E.C. Buddhism and Kalmyk Secular law in the Seventeenth to Nineteenth Centuries // *Inner Asia*. 2017. Vol. 19(2). Pp. 297-314.

Watanabe, 2019 – Watanabe M. Salvation and Violence in Japanese Buddhism: The Case of Aum Shinrikyō // *The Dao Companion to Japanese Buddhist Philosophy. Dao Companions to Chinese Philosophy*, edited by G. Kopf. Dordrecht: Springer, 2019. Pp. 287-304.

References

Ayakova, 2017 – Ayakova, Zh.A. (2017). Buddiiskaya etika nenasiliya kak faktor ustoichivogo razvitiya [Buddhist ethics of non-violence as a factor of sustainable development]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2: 118-122. [in Russian]

Badmaev et al., 2018 – Badmaev, V.N., Dolgorsuren, Zh., Ulanov, M.S. (2018). Kalmytskii etnos: kul'turnye traditsii i tsivilizatsionnye vyzovy [Kalmyk ethnos: cultural traditions and civilizational challenges]. Elista: Izdatel'stvo Kalmytskogo universiteta. 119 p. [in Russian]

Bartles-Smith et al., 2020 – Bartles-Smith, A., Crosby, K., Harvey, P. et al. (2020) Reducing Suffering during Conflict: the Interface Between Buddhism and International Humanitarian Law. *Contemporary Buddhism*. 21(1-2): 369-435.

Batomunkueva, 2021 – Batomunkueva, S.R. (2021). Obraz Shestirukogo Makhakaly i ego okruzeniya v tekste «Ritual umilostivleniya i podnosheniya torma Bystrodeistvuyushchemu Zashchitniku Mudrosti – Shestirukomu Makhakale» [The Image of the Six-armed Mahakala and His Retinue in the Text «The Ritual of Propitiation and the Offering of the Torma for the Swift-Acting Wisdom Protector, the Six-armed Mahakala»]. *Oriental Studies*. 14(3): 568-580. [in Russian]

- Belaya istoriya, 2001** – «Belaya istoriya» – mongol'skii istoriko-pravovoi pamyatnik XIII – XVI vv. [“White History” – Mongolian historical and legal monument of the XIII – XVI centuries], 2001. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN. 253 p. [in Russian]
- Dalton, 2011** – Dalton, J.P. (2011). The Taming of the Demons: Violence and Liberation in Tibetan Buddhism. New Haven: Yale University Press. 311 p.
- Davis, 2016** – Davis, L.S. (2016). Enacting the Violent Imaginary: Reflections on the Dynamics of Nonviolence and Violence in Buddhism. *SOPHIA*. 55: 15-30.
- Deegalle, 2003** – Deegalle, M. (2003). Is Violence Justified in Theravada Buddhism? *The Ecumenical Review*. 55(2): 122-131.
- Dharmarakshita, 2010** – Dharmarakshita (2010). Theg pa chen po'i blo sbyong mtshon cha 'khor lo [Wheel of sharp weapons of mind training in Mahayana]. *bLo sbyong brgya rtsa phyogs sgrig* [Compilation of hundreds of mind trainings]. Lhasa: Ser gtsug nang bstan dpe rnying 'tshol bsdu phyogs sgrig khang, pp. 109-122. [in Tibetan]
- Gillberg, 2006** – Gillberg, C. (2006). Warriors of Buddhism: Buddhism and violence as seen from a Vajrayana Tibetan Buddhist perspective. *Scripta Instituti Donneriani Aboensis*. 19: 77-92.
- Guseinov, 1992** – Guseinov, A.A. (1992). Etika nenasiliya [Ethics of non-violence]. *Voprosy filosofii*. 3: 72-81. [in Russian]
- Kitinov, 2013** – Kitinov, B.U. (2013). Voina v buddiiskoi traditsii (na primere istorii buddizma u oiratov) [War in Buddhist tradition (on example of Buddhist history of the Oirats)]. *Buddizm Vadzhrayany v Rossii: Istoricheskii diskurs i sopedel'nye kul'tury: Kollektivnaya monografiya*. Moscow: Almaznyi put', pp. 45-54. [in Russian]
- Kovaeva, Khabunova, 2010** – Kovaeva, B.M., Khabunova, E.E. (2010). Narodnaya protyazhnaya pesnya kak pamyatnik voinskoi doblesti kalmykov [Folk lingering song as a monument to the military prowess of the Kalmyks]. *Nauchnaya mys' Kavkaza*. 4-2(64): 31-33. [in Russian]
- Lebedeva, 2017** – Lebedeva, M.M. (2017). «Myagkaya sila»: ponyatie i podkhody [Soft power: the concept and approaches]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 3(54): 212-223. [in Russian]
- McGarrity, 2009** – McGarrity, A. (2009). Using Skilful Means Skilfully: The Buddhist Doctrine of Upāya and Its Methodological Implications. *Journal of Religious History*. 33: 198-214.
- Murphy, 2011** – Murphy, A.R. (ed) (2011). The Blackwell Companion to Religion and Violence. Malden, MA: Wiley-Blackwell. 632 p.
- Mongolo-oiratskie zakony..., 1880** – Mongolo-oiratskie zakony 1640 goda, dopolnitel'nye ukazy Galdan-Khun-Taidzhiya i zakony, sostavlennye dlya volzhskikh kalmykov pri kalmytskom khane Donduk Dashi [Mongol-Oirat laws of 1640, additional decrees of Galdan-Khun-Taiji and laws drawn up for the Volga Kalmyks under the Kalmyk Khan Donduk Dashi], 1880. Saint-Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 143 p. [in Russian]
- Nebesky-Wojkowitz, 1996** – Nebesky-Wojkowitz, de. R. (1996). Oracles and Demons of Tibet. The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deities. Delhi: Book Faith India. 666 p.
- Ochirov, 2012** – Ochirov, A.V. (2012). Uchastie kalmykov v voynakh Rossii (pervaya tret' XVIII – nachalo XIX v.) [Participation of Kalmyks in wars of Russia (first third of 18th – beginning of 19th centuries)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 9(113): 333-338. [in Russian]
- Ochirov, 2022** – Ochirov, U.B. (2022). Natsional'nye konnye polki 3-i zapadnoi armii v osennikh boyakh 1812 goda [National cavalry regiments of the 3rd Western Army in the autumn battles of 1812]. *Tsentr i periferiya*. 2: 29-37. [in Russian]
- Postnikov, 2016** – Postnikov, S.V. (2016). Retrospektivnyi vzglyad na otnoshenie religii k voine i vooruzhennomu nasiliyu [Retrospective view on the relation of religion to war and armed violence]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk*. 10(2): 85-90. [in Russian]
- Prozritelev, 1912** – Prozritelev, G.N. (1912). 1812–1912. Voennoe proshloe nashikh kalmyk. Stavropol'skii kalmytskii polk i Astrakhanskii polki v Otechestvennuyu voinu 1812 goda [The military past of our Kalmyks. Stavropol Kalmyk regiment and Astrakhan regiments during the Patriotic War of 1812]. *Trudy Stavropol'skoi uchenoi arkhivnoi komissii. Vypusk 3. Stavropol': Tipografiya gubernskogo pravleniya*. 354 p. [in Russian]
- Reznik, 2018** – Reznik, S.V. (2018). Kontsepty nasiliya i nenasiliya v ideologii i kul'turnykh praktikakh mirovykh religii (k postanovke problemy) [The concepts of violence and nonviolence in ideology and cultural practices of world religions (problem statement)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 43(3): 498-503. [in Russian]
- Shantideva, 2007** – Shantideva (2007). Bodhicaryāvatāra: Vstuplenie v praktiku Bodhisattva [Bodhicaryāvatāra: Entry into practice of Bodhisattvas]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo nauchnogo tsehra SO RAN. 327 p. [in Russian]
- Shatravskii, 2020** – Shatravskii, S.I. (2020). Ekstremizm v buddizme: pravda ili vymysel? [Extremism in Buddhism: fact or fiction?]. *Profilaktika religioznogo ekstremizma: tsennostno- mirovozzrencheskie aspekty: Materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Orel: Orlovskii gosudarstvennyi universitet imeni I.S. Turgeneva, pp. 116-123. [in Russian]

Shovunov, 1991 – *Shovunov, K.P.* (1991). Ocherki voennoi istorii kalmykov (XVII–XIX vv.) [Essays on the military history of the Kalmyks (XVII–XIX centuries)]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo. 189 p. [in Russian]

Soboslai, Gruber, 2018 – *Soboslai, J., Gruber, J.* (2018). The Bodhisattva, the Dharmarāja, and the Dalai Lamas: Evaluating the Religious and Political Causes of Tibetan Self-Immolation. *Journal of the American Academy of Religion*. 86(3): 759–788.

Stepanyants, 2020 – *Stepanyants, M.T.* (2020). Mezhhkul'turnaya filosofiya: istoki, metodologiya, problematika, perspektivy [Intercultural philosophy: origins, methodology, problems, perspectives]. Moscow: Nauka – Vostochnaya literatura. 183 p. [in Russian]

Tsonkapa 2019 – *Tsonkapa, Je.* (2019). Bol'shoe rukovodstvo k etapam puti mantry (Nagrim Chenmo) [The Great Guide to the Stages of the Mantra Path (Nagrim Chenmo)]. Volume 2. Saint-Petersburg: Izdanie A. Terent'eva. 800 p. [in Russian]

Ulanov, 2015 – *Ulanov, M.S.* (2015). Religiozno-filosofskii vzglyad buddizma na problemu voyny i mira [Religious and philosophical view of Buddhism on the problem of war and peace]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. 4(28): 53–58. [in Russian]

Ulanov, Andreeva, 2021 – *Ulanov, M.S., Andreeva, A.A.* (2021). Buddizm i donschie kalmyki-kazaki v sotsiokul'turnom prostranstve Rossii [Buddhism and the Don Kalmyk Cossacks in the Sociocultural Space of Russia]. *Novye issledovaniya Tuvy*. 2: 100–114. [in Russian]

Ulanov et al., 2017 – *Ulanov, M.S., Badmaev, V.N., Holland, E.C.* (2017). Buddhism and Kalmyk Secular Law in the Seventeenth to Nineteenth Centuries. *Inner Asia*. 19(2): 297–314.

Watanabe, 2019 – *Watanabe, M.* (2019). Salvation and Violence in Japanese Buddhism: The Case of Aum Shinrikyō. *The Dao Companion to Japanese Buddhist Philosophy. Dao Companions to Chinese Philosophy*. Dordrecht: Springer, pp. 287–304.

Zabiyako, 2011 – *Zabiyako, A.P.* (2011). Est' li u buddizma immunitet protiv nasiliya? Diskussionnye problemy teorii i praktiki [Is Buddhism immune to violence? Controversial Problems of Theory and Practice]. *Buddizm Vadzhrayany v Rossii: ot kontaktov k vzaimodeistviyu. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Moscow: Almaznyi put', pp. 765–771. [in Russian]

Традиционные представления буддистов о насилии и ненасилии (на примере калмыков Российской империи)

Юлия Юрьевна Эрендженова ^{a, *}

^a Калмыцкий государственного университета им. Б.Б. Городовикова, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются представления калмыков-буддистов, в XVII веке ставших российскими подданными и внесших значительный вклад в укрепление российской государственности, о насильственных и ненасильственных методах разрешения конфликтов. Калмыки традиционно исповедуют буддизм, который органично вошел в их этническую культуру и оказал заметное влияние на их мировоззрение. Определено, что калмыки на протяжении веков верно несли военную службу, зачастую находясь в авангарде российской армии. Они охраняли южные рубежи страны, участвовали во многих военных кампаниях России. В то же время калмыки сформировали специфические взгляды, обусловленные буддийской этикой ненасилия, что было отражено в их законодательных актах. Сочетание буддийской этики ненасилия и воинской доблести для самих калмыков могло не казаться им противоречивым ввиду их специфических взглядов на «искусные средства» и духовное развитие в соответствии с буддизмом Ваджраяны. Идеализируя образ гневных божеств-защитников, калмыки могли оправдывать используемые ими военные методы воздействия на противников, поскольку защищали святое учение и свой народ. Однако важно учитывать, что представления калмыков нельзя приравнивать к самой буддийской идее поклонения гневным божествам. В соответствии с буддийскими источниками, сущность этой идеи заключается в символическом использовании деструктивных состояний ума на пути быстрой духовной трансформации. Калмыки могли буквально, то есть не совсем верно, интерпретировать тантрическое учение. При этом данная интерпретация позволила им сохранить духовную силу для защиты не только буддийской религии и своего народа, но и всего населения России. Сделанные выводы позволяют расширить взгляд на этические идеалы народов, традиционно исповедующих буддизм.

Ключевые слова: буддизм, калмыки, военная история, насилие, этика ненасилия, искусные средства, буддийская тантра.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: yulia.er16@gmail.com (Ю.Ю. Эрендженова)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1605-1617
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1605

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Ideology as a Mechanism for the Formation of Historical Discourse (on the Example of the Historiography of the Bashkir Uprising of 1735–1740)

Vladimir A. Ivanov ^a, Aleksey I. Kortunov ^{a, *}, Aleksey O. Ivanov ^b

^a M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Russian Federation

^b College of the M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the historiography of the Bashkir uprising of 1735–1740 as part of the key task of the study to identify the mechanism of formation of historical discourse and the special role of ideology in this process. The purpose of this work is to show how ideology determined the nature and content of historical discourses. As an example, discourses devoted to one of the largest and longest national uprisings in the history of Russia of the XVIII century were taken. The main sources of this research are discourses devoted to this event. They are numerous and different in their tasks, scale, breadth and depth of penetration into the topic. As a result of the study, the authors came to the conclusion that every historical discourse is the product of an ideology that determines (dictates) its interpretative component. Historiographical criticism can claim to be scientific and correct only if it is directed at discourses created in the same historical period and in the same ideological field in which the critic works.

Keywords: Bashkir uprising, ideology, historiography, historical discourse, critical discourse analysis, narrative, Southern Urals.

1. Введение

Исторический дискурс справедливо относится к наиболее сложным для критического дискурс-анализа (КДА) типам. Причиной этому служит относительная субъективность исторических дискурсов, так как они напрямую связаны с устройством общества, основу которого составляет человек, что в свою очередь не может не затрагивать сферу личного бытия ученого-исследователя и его интересов. Эта особенность способствует непреднамеренной субъективизации предмета исследования. Также особенностью создания исторического дискурса является и то, что он образуется с помощью нескольких видов текстов, связанных между собой. Это в первую очередь первоисточники, а во вторую – основанные на них вторичные тексты.

Цель настоящей работы – показать, как идеология (сама по себе – дискурс) определяла характер и содержание исторических дискурсов. В данном случае речь пойдет о марксистско-ленинской теории социально-экономических формаций как составляющих исторический процесс и о классовой борьбе как движущей силе истории. В качестве примера были взяты дискурсы, посвященные башкирскому восстанию 1735–1740 гг. – самому масштабному и продолжительному (не считая участия башкир в восстании Пугачева) национальному восстанию в истории России XVIII в. По своим масштабам и социальным характеристикам оно сопоставимо с Астраханским восстанием 1705–1706 гг. и восстанием Кондратия Булавина 1707–1708 гг., но имело свою причинно-следственную специфику, как раз и являющуюся основным объектом исследования и трактовки региональными исследователями.

* Corresponding author

E-mail addresses: ivanov-sanych@inbox.ru (V.A. Ivanov), kortunov@rambler.ru (A.I. Kortunov), ivanov_alex1990@mail.ru (A.O. Ivanov)

2. Материалы и методы

2.1. Основными источниками настоящего исследования являются дискурсы, посвященные указанному событию – восстанию башкир в 1735–1740 гг. Они многочисленны и различны по своим задачам, масштабам, широте и глубине проникновения в тему (среди них основными являются работы известного историка И.Г. Акманова – ведущего современного исследователя истории башкирских восстаний XVII–XVIII вв.). Хронология появления этих дискурсов – более 100 лет, начиная с 1900 по 2016 гг. (Добросмыслов, 1900; Акманов, 2016). Эмпирическая база для этих дискурсов остается неизменной в течение всего столетия. Примечательно, что среди нарративов основным является сочинение П.И. Рычкова «История Оренбургская» (Рычков, 2001) – одного из активных участников описываемых событий. По своему характеру и содержанию – это внутренний официальный источник-нарратив со всеми его достоинствами и недостатками. К первым относится непосредственность наблюдения (нарративист – участник события), ко вторым – возможность и вероятность субъективного отбора и передачи сведений.

2.2. Методологическую основу исследования составили традиционные общенаучные принципы историзма и объективности. При проведении исследования авторы опирались на теорию дискурсологии исторических дискурсов. Здесь показательно мнение британского историка Э. Хобсбаума о том, что история уже сама по себе является дискурсом, что историю можно понять в том случае, если понять язык, на котором в каждую конкретно взятую эпоху люди говорили, думали и принимали решение, а также французского философа Ж. Деррида о том, что не существует иного метода изучения истории, кроме интерпретации имеющихся в распоряжении историка вербальных источников. Причем Ж. Деррида считает некорректным со стороны историка трактовать события прошлого с позиций своей эпохи, поскольку язык – это сложная система значений – многосоставной код, лексические единицы которого для каждой отдельно взятой целевой аудитории имеют свое значение (Миньяр-Белоручева, 2015: 12).

3. Обсуждение

Отметим, что исторический дискурс среди категорий академических (научных) дискурсов выделяется своей сложностью. Обусловлено это рядом черт, специфических именно для исторических дискурсов. А именно: исторические дискурсы обнаруживают тенденцию к субъективности, поскольку они имеют дело с проблемами, относящимися к устройству общества, положению в нем человека, и это обстоятельство не может не затрагивать личную сферу бытия исследователя, комплекс его интересов. Оно увеличивает риск непреднамеренной субъективизации предмета исследования и его результатов (Фуко, 2004; Кротков, 2015).

Французский философ Ролан Барт считает, что дискурсант в одном и том же лице может выступать и как участник исторического события, и как его описатель-нарративист, который всегда преследует цель: с помощью языковых конструкций (контента) не только передать аудитории все доступные ему знания о проблеме, но и убедить ее в правильности именно его знаний (Барт, 2003: 432).

Таким образом, мы можем утверждать, что целью критического дискурс-анализа является поиск ответа на вопросы: кто и зачем говорит, каких социальных позиций придерживается, на какие источники (нарративы) опирается, какие средства передачи дискурса используются, какая социальная группа и как объективизирует свое сознание через данный дискурс (Тимошук, 2012: 66-67).

Исторический дискурс уникален тем, что он формируется несколькими видами текстов, концептуально связанных между собой: первоисточники и созданные на их основе вторичные тексты, т.е. научно-исторические или художественные произведения.

По мнению доктора филологических наук, профессора А.П. Миньяр-Белоручевой, исторический дискурс можно классифицировать на два основных вида: первичный исторический дискурс и вторичный исторический дискурс. Первичный исторический дискурс (документальный и описательный) – это фактологическое описание исторической реальности, соотношенной с пространственно-временным континуумом. А вторичный исторический дискурс создается посредством составляющих его вторичных, по отношению к первоисточникам, текстов, т.е. научно-исторических и художественных произведений, в которых прослеживаются не только первоисточники, но и их оценка. Во вторичном историческом дискурсе присутствует историческое сознание автора, его восприятие и интерпретация событий прошлого, изложенных в первоисточниках. Вторичный исторический дискурс, обогащенный знанием прошлого, дополняется опытом самого автора текста (Миньяр-Белоручева, 2015: 11-12).

А.П. Миньяр-Белоручева также утверждает, что не менее важным обстоятельством является и то, что исторический дискурс неизменно идеологичен: «Под историческим дискурсом понимаются научные исторические тексты, «погруженные» в историческое прошлое и способствующие воссозданию картины исторической действительности с определенной идеологической позиции» (Миньяр-Белоручева, 2014: 10-11).

Соответственно, КДА не просто направлен на изучение структуры текста. Он призван выявить выражаемые этими структурами (подразумеваемые) значения, мнения и идеологию. Таким образом,

задача КДА состоит в том, чтобы постичь внутреннюю логику явления, ее смыслы и выявить способы, приемы, посредством которых создается и разворачивается в реальности описываемый сюжет (Ирхин, 2014: 128-129).

4. Результаты

Цель исторического дискурса – интерпретация исторических фактов в контексте идеологии, или идеологий (государственной, религиозной, альтернативной), действующих в обществе в данный исторический период. Поэтому едва ли корректно упрекать дискурсанта в непонимании или ошибочной трактовке тех или иных исторических явлений: он трактует их «с определенной идеологической позиции». Идеологическая позиция российских историков XIX – начала XX вв. не могла не быть монархическо-государственнической. Поэтому вполне естественно, что в дискурсе Р.Г. Игнатьева (1880 г.), посвященном башкирскому восстанию 1735–1740 гг., обозначенному им как «бунт Карасакала», причинами восстания явились деятельность Оренбургской экспедиции (посягательство на башкирские вольности) и происки казахского (киргизского) хана Абулхаира, преследовавшего свои политические цели. Преследуя эти цели, Абулхаир втайне поддерживал авантюриста-самозванца Карасакала (в восприятии Р.Г. Игнатьева – личности совершенно «темной»), выступавшего с явно сепаратистскими, антирусскими лозунгами, подхваченными частью башкир (и не только знатью). В результате произошел «кровавый бунт», стоивший башкирам больших жертв (Игнатьев, 2013: 19-49).

Историк А.И. Добросмыслов – продолжатель темы башкирских восстаний в дореволюционной историографии – в своем дискурсе 1910 г. опирался на тот же корпус нарративов, что и его предшественник (Добросмыслов, 1900). Правда, в отличие от Р.Г. Игнатьева, непосредственно работавшего с источниками, названный автор значительную часть информации получал из более раннего дискурса – «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева, в котором приведены многочисленные и пространные выдержки из «доношений» И.К. Кирилова Сенату и Кабинету по поводу башкирских дел (Соловьев, 1895–1896).

Как историк, сформировавшийся в пореформенный период, А.И. Добросмыслов по своему мировоззрению, вероятнее всего, был государственником-монархистом, поэтому оценочный аспект в его дискурсе прослеживается, главным образом, в контексте, насколько глубоко цели и идеи башкирского восстания противоречили целям и идеям Российской государства. Олицетворением государства в той ситуации выступали начальник Оренбургской экспедиции И.К. Кирилов, а после него В.Н. Татищев. Бухгалтером, а затем и секретарем экспедиции все годы ее работы являлся П.И. Рычков. Составленные И.К. Кириловым и П.И. Рычковым официальные нарративы и правительственные указы являются источниковой базой дискурса А.И. Добросмылова.

Цель своего исследования А.И. Добросмыслов определяет как расширение фактологии изучаемого события: «...Я нашел, что весьма многие подробности, касающиеся этого события, имеющие существенное значение для истории Оренбургского края, еще не известны в исторической литературе, что и побудило меня составить настоящий очерк» (Добросмыслов, 1900: 4-5), – что значительно расширяет его нарративистскую составляющую.

Основной причиной башкирского бунта 1735 г. А.И. Добросмыслов называет недовольство башкир увеличением на их землях пришлого (не башкирского) элемента – припущенников. Автор по архивным материалам Тургайского областного правления приводит данные о челобитных башкир Канлинской, Еланской, Иректинской, Уранской и других волостей (всего 9 волостей), в которых они просят удалить припущенников с их земли. А с 1735 г. к этому добавляются еще и опасения, связанные с началом Оренбургской экспедиции (Добросмыслов, 1900: 4-8).

Априори сочинение А.И. Добросмылова следовало бы рассматривать как вторичный исторический дискурс. Фактически же и С.М. Соловьев, и Р.Г. Игнатьев, и А.И. Добросмыслов создали три первичных дискурса, то есть фактологические описания одной и той же исторической реальности – башкирского восстания 1735–1740 гг., которое, с позиций государственнической идеологии, представляло собой сопротивление части подданных политике государства, то есть бунт. И здесь невольно как пример восприятия русским образованным обществом подобных явлений вспоминается знаменитое определение, данное А.С. Пушкиным Пугачевскому восстанию.

В этой связи критические замечания современных историографов о том, что А.И. Добросмыслов «не видел принципиальной разницы между правительственно-дворянской и крестьянской колонизацией, говоря, что башкиры были недовольны всеми переселенцами. Ход восстания им дан односторонне, в основном в плане освещения мероприятий властей по его подавлению. Историк приходит к выводу о восстании, как о выступлении башкир против всех русских. Общая оценка движения в работе дается как бунт» и выглядит не совсем корректно (Удербоева, 2016).

Первые советские историки Урала, рассматривая башкирское восстание 1735–1740 гг. в контексте общей истории региона, в объяснении его причин обнаруживают уже идейно-классовый подход. По мнению М.Л. Муртазина (1928 г.), деятельность Оренбургской экспедиции была направлена на «искоренение» башкирского народа и укрепление имперской власти на Урале,

а восстание Карасакала – попытка башкир создать собственное независимое ханство, что явилось поводом для правительства усилить ограничение башкирских прав и вольностей вплоть до их полной ликвидации (Муртазин, 2007: 22-27). С ним согласен и Ш.И. Типеев, также считавший, что основной причиной «восстания Кара-Сакала» была борьба башкир за сохранение своей «старой, свободной жизни», на которую покусился Петр I (Типеев, 1930: 47).

То есть, по сути, то же самое понимание причин и характера восстания 1735–1740 гг., что и у дореволюционных историков, но разительно меняется интонация и лексика повествования. М.Л. Муртазин: царское правительство вело дело к «искоренению» башкирского народа (что, впрочем, прочитывается в «разсуждении» Кириллова – Румянцева на имя императрицы Анны Иоанновны от декабря 1735 г.) (Соловьев, 1895–1896: 1536-1538); стремясь избежать подобной участи, народ восстал.

У Ш.И. Типеева более патетически: «...Так кончилось героическое восстание (1735–1740 гг.) башкир. Так страшно жестоко было разгромлено это восстание. Так пали башкирские герои, боровшиеся против русского дворянского государства, против правительства, грабежа. Сообщники Кара-Сакала (самозванца), башкирского «Пугачева», простого мужика Мендигула наводили страх на все русское дворянство, поэтому дворянский суд решил отрубить голову даже мертвецам из руководителей его. Башкиры этих жестоких экзекуций не страшились. Они показали только, как нужно умирать за свободу и как нужно бороться против ига русских бояр, дворян, помещиков и купцов» (Типеев, 1930: 53-54), то есть советские историки 1920-х гг. фактически продолжали развивать концепцию своих дореволюционных предшественников о башкирском восстании 1735–1740 гг. («бунт Карасакала») как об общенациональном противодействии колониальной политике имперской власти на Урале. Такая их оценка в современной историографии отмечена как позитив (Акманов, Имангалин, 2012: 734-736).

В 1930-е гг. в советской исторической науке окончательно утверждается марксистская теория общественно-экономических формаций, через призму которой предписывалось трактовать историю тех или иных региональных сообществ, то есть установить их место в формационной схеме. Применительно к башкирам первым это сделал А.Л. Чулошников в процессе подготовки к изданию сборника «Материалы по истории Башкирской АССР». Первая часть «Материалов», опубликованная в 1936 г., включает в себя нарративы, относящиеся к башкирским восстаниям XVII–XVIII вв. Ее открывает большая статья А.Л. Чулошникова, в которой автор определяет башкирское общество как феодальное и социально дифференцированное. Но главное – не единодушное в своем отношении к колонизаторским действиям русской имперской власти. Интересы башкирской знати – баев, мурз, тарханов, батырей, старшин – и массы рядовых общинников, которые по своему национальному составу и социальному положению тоже были неоднородны, совпадали лишь частично – в сохранении своих вотчинных прав. Поэтому восстания не носили общенационального характера, башкирская аристократия, исходя из своих меркантильных интересов, могла занимать как проправительственную, так и антиправительственную или сепаратистскую позицию и фактически, по мнению А.Л. Чулошникова, восстания первой половины XVIII в. – это гражданская война среди различных социальных групп башкирского общества. Они не были ни сплоченными общенародной идеей, ни классово выдержанными (в ходе восстаний погрому и разграблению подвергалось и не башкирское население). То есть, налицо типичное колониальное движение, направленное против гнета метрополии (Российской империи) и периодически руководимое собственными феодалами-эксплуататорами. Прогрессивное значение башкирских восстаний состоит в том, что они тормозили распространение и укрепление крепостничества на Урале (Материалы..., 1936: 4-64).

Статья А.Л. Чулошникова сразу же подверглась «разгромной» критике со стороны А.В. Пясковского и Н.В. Устюгова. Первый обвинил автора в антимарксизме и антиисторизме за предложенную им трактовку башкирских восстаний не как классовых, а как национальных, направленных против русской колонизации края. Показанное А.Л. Чулошниковым пассивное, а зачастую и враждебное, отношение небашкирского населения к восстаниям было расценено как противопоставление башкир-вотчинников и сходцев и припущенников по национально-социальному признаку: башкиры – эксплуататоры, не башкиры – эксплуатируемые (Аетбаев, 2018: 40-47).

Н.В. Устюгов же вообще считал, что автор статьи не разобрался в теме, уделил лишнее внимание социальной характеристике башкирской знати в ущерб показу социальной специфики многонациональной трудящейся массе башкирского общества. Данную А.Л. Чулошниковым трактовку процесса переселения небашкирского населения на башкирские земли как продолжение колониальной политики царской власти рецензент расценил как политически неверную (Устюгов, 1938: 145-147).

И хотя лично для А.Л. Чулошникова эта критика трагических последствий не имела, в 1942 г. он умер в блокадном Ленинграде, но в последующих дискурсах, освещавших историю Башкирии первой половины XVIII в., его разработки не используются.

В 1950 г. Л.Н. Устюгов публикует монографию, в которой дает собственную характеристику и оценку башкирского восстания 1737–1739 гг. Опираясь на более обширный, нежели у его предшественника, корпус нарративов, автор дает погодное изложение этого события.

В интерпретации Л.Н. Устюговым использованных нарративов история восстания выглядит следующим образом. Причины – постройка городов на башкирских землях и начало работы Оренбургской экспедиции, взимание штрафных лошадей за участие в восстании 1735–1736 гг. и жестокость властей при его подавлении. Но главное – противоположное понимание имперской властью и местными башкирскими феодалами принципов вассалитета (Устюгов, 1950: 36-55).

Характер восстания – противоречия внутри башкирской знати и конфликты между башкирами и небашкирами (припущенниками, мещеряками, татарами и др.) препятствовали превращению восстания во всеобщее, и межнациональная конфликтность в нем была весьма существенной (Устюгов, 1950: 63).

Историческое значение восстания – по целям, выдвигаемым лидерами восстания из числа башкирской знати, восстание было реакционным, поскольку настраивало народ на разрыв с Русским государством. Вместе с тем в восстаниях 1730-х гг. можно отметить и крупные прогрессивные черты, приведшие к положительным результатам. Вооруженный протест против активизации колониальной политики центральных властей помешал превращению Башкирского края в колонию с бесправным, закрепощенным населением, как это было в Поволжье. Башкиры смогли сохранить вотчинное право на свои земли, при этом правительству не удалось превратить их в податное сословие. Они использовались на службе преимущественно для обороны внешних границ. Все это – результат башкирских восстаний, главным образом восстаний 30-х гг. XVIII столетия (Устюгов, 1950: 144).

Свою концепцию башкирских восстаний XVIII в. Л.Н. Устюгов изложил и в разделах, написанных им для первого тома «Очерков по истории Башкирской АССР», вышедшего в свет в 1956 г. (Очерки..., 1956: 169-184).

Дальнейшее свое развитие концепция Л.Н. Устюгова получила в исследованиях его ученицы Н.Ф. Демидовой – автора вступительной статьи к VI тому «Материалов по истории Башкирской АССР», в 1956 г. защитившей кандидатскую диссертацию на тему «Башкирское восстание 1735–1736 гг.».

Необходимо отметить, что эти работы были написаны после появления Постановления ЦК ВКП(б) от 27 января 1945 г. «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации», в котором отмечалось, что «отдельными историками и литераторами, работающими в Башкирской АССР, были допущены в освещении исторического прошлого башкирского народа серьезные идеологические ошибки. В подготовленных к печати «Очерках по истории Башкирии...» не проводятся разграничения между истинными национально-освободительными движениями башкир и грабительскими набегами башкирских феодалов на соседние народы. Недостаточно показывается угнетение башкир феодалами, идеализируется патриархально-феодалное прошлое башкирского общества. Вследствие чего было, в частности, предписано считать важной задачей научных работников и писателей БАССР создание произведений, правдиво освещающих историю башкирского народа, его лучшие традиции, «совместную с русским народом борьбу против царизма и иноземных поработителей...», и этого Н.Ф. Демидова в своей диссертации, естественно, не учитывала (Демидова, 2020: 33-45).

С целью преодоления «националистических и вульгаризаторских тенденций» в освещении восстания 1735–1736 гг. автор предлагает найти в источниках ответы на следующие вопросы: каков характер восстания? Каковы были его движущие силы? К чему повела бы победа восстания? Каковы были его объективные результаты? Ответы на эти вопросы сводятся к следующему: восстание было реакционным, поскольку инициировалось башкирскими феодалами, отстаивавшими свои еще родоплеменные права и привилегии; всенародный характер оно имело только для башкир, сопротивлявшихся колонизаторской политике имперской власти; победа восстания привела бы к консервации уже фактически отживших родоплеменных отношений в башкирском обществе, затормозив тем самым его дальнейшее развитие. Поскольку главная причина восстания 30-х гг. XVIII в. лежала во внутренней борьбе между преобладающей частью башкирских старшин и царским правительством, выражавшим интересы русского дворянства. Борьба велась практически за сохранение господствующего положения башкирской верхушки, за право эксплуатации простых общинников, за наиболее полное присвоение прибавочного продукта. Поэтому объективно поражение восстания ускорило развитие производительных сил края и открыло для его населения более прогрессивный путь дальнейшего социально-экономического развития (Материалы..., 2002: 7-8, 12).

Если советским историкам причины восстания 1735–1740 гг. были ясны, то их зарубежный коллега Б.Э. Нольде в этом вопросе не столь категоричен. В своей фундаментальной монографии, посвященной истории формирования Российской империи, анализируя результаты деятельности имперской власти по усмирению предыдущих башкирских выступлений 1705–1710 и 1726–1727 гг., исследователь отмечает, что в своих действиях правительство удовлетворило все требования нерусской знати, поэтому, с его точки зрения, выяснить причины следующего восстания 1735–1740 гг. трудно (Нольде, 2013: 336). Но, в общем, это был социально-политический кризис, преодоление которого стоило башкирам огромных людских и материальных потерь. Однако в итоге башкиры смогли сохранить свой традиционный образ жизни, свои племена, богатые природными ресурсами земли, а также умеренный размер ясака. То есть восстание, конечно, было событием, но его значение для истории башкир преувеличивать не стоит (Нольде, 2013: 348).

Завершает советскую историографию восстания 1735–1740 гг. учебный дискурс И.Г. Акманова. Используя те же самые нарративы, что и его предшественники, автор также считает, что главная причина восстания – усиление колониальной политики имперской власти, проявившейся, в том числе, и в организации Оренбургской экспедиции. Применяя политику «разделяй и властвуй», власть отвратила от восстания большинство небашкирского населения, тем самым вызвав обострение отношений между различными народами края. Привлекая русских, мишарей, чуваш, мари к подавлению восстания, власть провоцировала башкир на разорение «верного» населения и ответные антибашкирские действия с его стороны (Акманов, 1977: 67-76).

Восстание носило массовый характер, поскольку его движущей силой выступали рядовые башкиры, тогда как феодальная знать раскололась на две враждующие группы и действовала по обе стороны «фронта». Первоначально восстание было направлено против собственных феодалов – проводников колонизаторской политики царизма, но по мере жестокого подавления в нем проявляются и антирусские тенденции, хотя ни о каком отделении от России восставшие не помышляли. В целом же это было народное антифеодальное восстание – «важный этап в общей героической борьбе масс против гнета и насилия» (Акманов, 1977: 81-84).

Таким образом, мы видим, что авторы дискурсов XIX – первой половины XX столетий были едины в обозначении причины восстания 1735–1740 гг. Расхождения начинаются в характеристике его движущих сил и оценке характера и исторического значения (см. [Таблицу 1](#)).

Таблица 1. Характеристика движущих сил и оценке характера и исторического значения восстания 1735–1740 гг.

Характеристики восстания	Автор						
	Р.Г. Игнатьев	А.И. Добросмыслов	Ш.И. Типеев	А.Л. Чулошников	Л.Н. Устюгов	Н.Ф. Демидова	И.Г. Акманов
Причины восстания							
Усиление колонизаторской политики	X	X	X	X	X	X	X
Оренбургская экспедиция	X	X	X	X	X	X	X
Движущие силы восстания							
Феодальная знать	X	X	X		X	X	
Башкиры-вотчинники	X	X	X	X			X
Весь народ				X			
Характер и значение восстания							
Бунт	X	X					
Феодальное антирусское	X			X	X	X	
Антифеодальное							X
Национально-освободительное			X				

Из приведенной [Таблицы 1](#) очевидно, что различия в трактовке нарративов с целью получения нового исторического знания начинаются в советское время и теперь уже они были обусловлены новыми идеологическими парадигмами. Подобный подход игнорирует один из важных методических принципов научного источниковедения, а именно – психологическое толкование источника, без которого невозможно приблизиться к пониманию исторического источника ([Лаппо-Данилевский, 2013: 248](#)). В формулировке А.С. Лаппо-Данилевского это означает «установление соответствия между психическим значением данного образа у его творца и у историка, т.е. к установлению того факта, что одно и то же или, по крайней мере, приблизительно однородное психическое значение ассоциируется с одним и тем же вещественным образом и у его творца, и у историка» ([Лаппо-Данилевский, 2013: 251](#)). На практике это означает установление соответствия ассоциаций историка-дискурсанта, изучающего нарратив, ассоциациям автора-нарративиста. Обратимся к примерам.

Основным источником по истории восстания 1735–1740 гг. в Башкирии является «История Оренбургская» П.И. Рычкова – участника Оренбургской комиссии, написанная в 1744 г. и впервые

опубликованная в 1759 г. Оренбургская экспедиция – продолжение государственной политики в области расширения и укрепления границ на юго-востоке, то есть государство действует в своих геополитических интересах, не консультируясь со своими подданными по поводу целесообразности и правомерности своих действий. А оно обязано это делать?

Тем более что в «Резолюции» (указе) по проекту И.К. Кирилова от 1 мая 1734 г. четко указано, что, во-первых, постройка нового города в устье р. Орь, о чем просят как хан киргиз-кайсацкой (казахской) Малой («Меньшой») орды, так и сами «башкирцы», предпринимается с целью обеспечения максимально выгодных для обеих сторон условий вхождения казахов Малой орды в российское подданство; во-вторых, Оренбург нужен не только для содержания киргиз-кайсаков, но и «для отворения свободного с товарами пути в Бухары, в Водокшан, в Балх и в Индию, ... тот же город закроет за собою Башкирцов и все набеги воровских Киргиз-Кайсаков, которые теми местами проходили, пресечет...» (ПСЗРИ, 1830: 314).

То есть при прямом прочтении Указа какие-либо посягательства на традиционные земельные права башкир в нем найти трудно. Более того, строительство города Оренбурга в устье р. Орь (левый приток Урала) предполагалось на землях Младшей киргиз-кайсацкой (казахской) орды, о чем хан Орды Абулхаир и был уведомлен специальной грамотой (Рычков, 2001: 30-32). Кроме того, в октябре 1735 г. (уже после начала восстания) последовал специальный рапорт И.К. Кирилова в Кабинет «о принадлежности земель, на которых основан г. Оренбург», в котором он уведомлял о том, что на той земле «жилья и кочевья никакого не было» (Материалы..., 2002: 84).

Можно согласиться с тем, что, через призму современных норм межнационального взаимодействия, политика «разделяй и властвуй», открыто провозглашаемая правительством по отношению к трем соседним, но постоянно враждующим друг с другом кочевым народам – башкирам, киргиз-кайсакам и калмыкам – выглядит цинично. Но с точки зрения тогдашней имперской власти подобная политика была выгодна тем, что в случае каких-то возмущений эти три народа будут «друг друга смирять и лучшему послушанию приводить без движения Российских войск» (ПСЗРИ, 1830: 316). Или, как писал И.К. Кирилов в письме к Э. Бирону 23 июля 1735 г.: «...Вышеупомянутые новые владения присовокупятся – и страх на обе стороны прибудет, что во время какого воровства Башкирцев Койсаками, а Койсаков Башкирцами смирять, к чему и Калмыки близки...» (Соловьев, 1895–1896: 1534).

Но едва ли, с точки зрения научного источниковедения, будет методологически верным современные нравственные понятия и категории переносить на почти 300 лет назад и через их призму оценивать события и поступки людей той эпохи. Об ошибочности подобного подхода еще в начале XX в. предупреждал французский историк Л. Леви-Брюль, утверждавший, что коллективные представления на ранних этапах развития общества существенно отличаются от современных идей и понятий и не могут отождествляться с ними (Данилевский, 1998: 332).

Из имеющихся нарративов следует, что на первых порах башкиры внешне были лояльны к действиям правительства: тарханы сотнями шли на службу в экспедицию; башкиры рода кара-табын по решению общего собрания сами выбрали и отвели удобное место под строительство Верхнеицкой пристани в устье р. Уельяды (Рычков, 2001: 37-38; Материалы..., 2002: 20).

И.Г. Акманов почему-то считает, что власти старались скрыть от населения цель и сущность экспедиции и прежде всего – основание города на р. Орь (Акманов, 1977: 28). Но тогда как понять, что башкиры активно привлекались к работе в экспедиции, причем на особых условиях: прибывшие в Уфу тарханы «в поход с ним, Кириловым, записывались, которым при записке на их тарханство давались от него, Кирилова, подтвердительные указы» (Рычков, 2001: 37-38; Материалы..., 2002: 20-24).

Еще до начала Оренбургской экспедиции, 18 мая 1734 г., была утверждена «Инструкция Статскому Советнику Ивану Кирилову, отправленному для постройки города при Устье реки Орь», в которой, в частности, предписывалось отменить, применительно к башкирам, институт аманатства, заменив его институтом совместных судей, не допускать никаких притеснений башкир, которые будут прикомандированы к Оренбургской экспедиции (ПСЗРИ, 1830: 324-325).

Вместе с тем складывается впечатление, что конфликт был неизбежен. На это указывает ряд фактов: во-первых, два документа, одновременно появившихся в феврале 1735 г. Первый – письмо приказчика Иргинского медеплавильного завода купцов Осокиных Р. Набатова начальнику Главного правления сибирских и казанских заводов В.Н. Татищеву. В нем автор выражает опасение по поводу участвовавших больших съездов башкир, «каких прежде не бывало», и просит содействия в дополнительном снабжении завода боеприпасами и присылке специалиста-канонера. Второй – секретная инструкция И.К. Кирилова капитану Уварову и поручику Ветошникову, командированным для постройки Верхнеицкой пристани, быть по отношению к башкирам настороже, «потому что известно – ветренной и обманчивой народ» (Материалы..., 2002: 19).

Во-вторых, в марте того же года В.Н. Татищев – главный управляющий уральскими заводами – сообщал в Казанскую губернскую канцелярию о проведении башкирами «великих съездов и советов, каких давно не бывало». Однако эти опасения были расценены И.К. Кириловым как неосновательные. Более того, он объяснял башкирские собрания тем, что на них они обсуждают объявленную им службу на р. Ори для построения города (Соловьев, 1895–1896: 1532).

То есть в крае явно «пахло грозой». Поэтому записка И.К. Кирилова от апреля 1735 г. об организации ландмилицейских рот и их размещении в Уфе, Бирске, Мензелинске и Табынске не представляется чем-то из ряда вон выходящим. Это было вполне логичным шагом администратора, обеспокоенного перспективой сохранения порядка в крае (Материалы..., 2002: 24-26). А по мнению П.И. Рычкова, очевидца и участника событий 1735–1740 гг., к восстанию башкирские старшины готовились загодя, еще до начала Оренбургской экспедиции. На это их подстрекал старшина Телекой-Кубовской волости (Ногайская дорога) Токчура.

Личность Токчуры фигурирует только у П.И. Рычкова. Каким образом он оказался в столице в момент разработки проекта экспедиции – не известно. А.И. Добросмыслов полагал, что он был одним из сотрудников А.И. Тевкелева еще во время его миссии к Абулхаир-хану в 1733–1734 гг. (Добросмыслов, 1900: 8).

Можно предположить, что Токчура не только был осведомлен об официально обозначенных планах Оренбургской экспедиции, но и по-своему их понимал и толковал. В письме к Кильмяку-абызу (Кильмяку Нурушеву, мелкому феодалу Ногайской дороги) Токчура сообщал о том, что он «уведомился, аки всеми их землями хотят завладеть [русские власти], и того б ради всеми силами противиться, и город Оренбург строить не давать, толкуя, что из-за того уже им [башкирам] никакой воли не будет» (Рычков, 2001: 38).

Нельзя не отметить, что, в общем-то, это была субъективная, тенденциозная, если не сказать – провокационная трактовка планов и задач экспедиции. Но она оказалась искрой в бочке с порохом.

Дальнейшие события подробно освещены в литературе. Здесь хотелось бы остановиться только на следующем моменте. Зимой 1735 г. Кильмяк Нурушев (Кильмяк-абыз) и примкнувшие к нему башкирские старшины проводят съезды-йыйыны, на которых договариваются о восстании. Однако И.К. Кирилов, находившийся в то время в Уфе, к сведениям об этих собраниях относился вполне индифферентно, очевидно полагая, что башкиры, обладавшие некоторой автономией, вправе собираться и решать какие-то свои дела: «Но Кирилов, несмотря на то сообщенное ему известие, приуготовления свои к походу продолжал и в Кабинет от 10 марта доносил, что то известие неосновательно и в Башкирии обстоит покойно, а сборы де чинятся для того, что башкирцам к службе наряд учинен, кое они между собою располагают...» (Рычков, 2001: 43-44).

В апреле–июне И.К. Кирилов, выполняющий государственный проект, обозначенный соответствующим указом от 1 мая 1734 г., и обличенный этим же указом соответствующими полномочиями, стоит лагерем на р. Чесноковке в 10 верстах от Уфы, ожидая прикомандированных к нему драгун Вологодского полка. Именно туда Кильмяк (между прочим, подданный Российской империи) присылает к нему своих посланцев «с объявлением, что они такого его походу изнести не могут и принуждены будут в том всеми своими силами препятствовать». Посланцев (тоже, кстати, подданных российских) жестоко наказали, в общем-то, ни за что – они были посланцы, не более того, один из них даже погиб «по учиненным ему розыскам, причем полковник Тевкелев ревность свою показал», а другой – взят под караул (Рычков, 2001: 44).

При всей жестокости происшествия (о котором, кстати, сам И.К. Кирилов нигде не упоминает) считать его чем-то из ряда вон выходящим едва ли будет адекватно для той эпохи. Трудно представить, чтобы И.К. Кирилов – представитель (а на тот момент и носитель) верховной власти в крае – вступил с подданными этой власти в дискуссию по поводу правомерности или неправомерности действий этой власти.

В интерпретации И.Г. Акманова, основного исследователя истории башкирских восстаний XVIII в., данный эпизод выглядит так: «собравшиеся [на йыйын на р. Чесноковке] пытались получить официальное разъяснение от властей о целях и сущности намеченных мероприятий. Однако власти не намеревались согласовывать свои действия с мнением коренных жителей и круто расправились с послами. Последние были избиты и заключены в тюрьму» (Акманов, 1977: 33). И позже: «прибытие И.К. Кирилова во главе экспедиционного корпуса вызвало большое беспокойство среди башкир. После ряда йыйынов (съездов) они направили к нему своих послов и просили разъяснить цель приезда Экспедиции в Башкирию. Однако Кирилов арестовал послов. Ни к чему не привела и попытка башкир обратиться с челобитной к самой императрице Анне Ивановне. Подобным отношением к башкирам И.К. Кирилов и уфимские власти подтолкнули их к крайнему средству в борьбе за свои права. Башкиры взяли в руки оружие» (Историко-культурный..., 2007: 158).

В данном случае, очевидно, будет одинаково неверным давать психологическое толкование источника с позиций какой-то одной из сторон. С позиции Кильмяка-абыза и его единомышленников «этими действиями власти еще раз продемонстрировали свои методы управления краем, нежелание считаться с мнением коренных жителей и тем самым еще более обострили без того острую обстановку. Компромисс между сторонами был исключен, и башкиры вынуждены были избрать крайнее средство в борьбе за свои права» (Акманов, 1977: 33). С позиций власти, выраженной П.И. Рычковым, «чрез сей злостной башкирский поступок [т.е. нападение на роты Вологодского драгунского полка 1 июня 1735 г.] довольно уже означилось, что от онаго необузданного народа добраго надеяться невозможно» (Рычков, 2001: 46).

Наиболее конструктивной представляется третья позиция, согласно которой восстание 1735–1740 гг. – это противостояние двух амбиций: башкирской феодальной знати во главе с Кильмяком Нурушевым и центральной власти в лице И.К. Кирилова и других руководителей Оренбургской экспедиции.

Можно предположить, что определенная часть башкир интуитивно это понимала и от участия в восстании воздержалась. Уже с первых дней восстания было очевидным, что башкирское общество раскололось на «бунтовщиков» и «верных», которые поддерживали власть, а также «колеблющихся», которые, «убоясь» угроз быть порубленными восставшими, то приставали к ним, то приходили к властям с повинной. Эта ситуация, которая сохранялась во все время восстания, наглядно представлена в экстракте, составленном в Кабинете в августе 1735 г. (*Материалы...*, 2002: 44-48)

Ситуация, безусловно, была хорошо известна И.К. Кирилову, который в своих «доношениях», по сути, дезавуировал тревожные сведения, поступающие в Сенат и Кабинет: «однако Кирилов послал от себя курьера в Кабинет нарочного от 23 июля и, причтя все то более упомянутого подполковника [Чирикова] оплошности, просил, чтоб на Уфу отправить из Сената сыщиков или нового воеводу, дабы всех воров, кои в нападении были, с женами и с детьми искоренить, а земли их отписать и отдать в роздачу русским и верным башкирцам, объявляя, что то нападение учинено от некоторых малых аймаков, да и то не целыми родами, многие ж в воровстве не были, а прочие де волости и тюби, также вся Сибирская и Осинская дороги, к тому воровству не пристаили...» (*Рычков, 2001: 46-47*). А в доношении императрице от 16 августа 1735 г. об этом вообще упомянуто вскользь: «...а за камандованиями в Верхо-Яицкую пристань и в Сакмарск, и навечной квартире меньше девяти рот драгун вологодских пять, казанских три, новых три, итого одиннадцать рот, оныя все, опричь двух рот новых, пошлютца для искоренения воров и на винтер квартиры в Уфу; служилых мещеряков пятьсот, из них останутца двести, а триста отпустятца к Уфе ж; казаков яицких двести, уфинских сто сорок, что же, Всемилостивейшая Государыня, касается до воров башкирцев, о том послал доношение в Сенат» (*Лобашкова, 2002: 207-208*).

Возникает вопрос, чем руководствовался И.К. Кирилов в своих «доношениях»: стремлением предотвратить свертывание Оренбургской экспедиции, как это считает И.Г. Акманов (*Акманов, 1977: 33*) или действительно убежденностью в возможности и пользе постепенной интеграции башкир в систему российской государственности (*Азнабаев, 2005: 185*)?

Ответ на этот вопрос дает Именной Указ от 11 февраля 1736 г. генерал-лейтенанту А.И. Румянцеву (бывшему в то время одновременно и астраханским, и казанским губернатором) и И.К. Кирилову, в котором, по мнению Б.А. Азнабаева, как раз и была реализована интеграционная программа И.К. Кирилова (*Азнабаев, 2005: 185*). С одной стороны, в нем предписывалось самыми жесткими мерами прекратить башкирское возмущение, с другой – в целом данный указ не был репрессивным, поскольку права и привилегии, полученные башкирами в период их вхождения в состав Российского государства, были сохранены (*ПСЗРИ, 1830: 742-743; Азнабаев, 2005: 186*).

Между тем ситуация в Башкирии в 1735 – начале 1736 гг. складывалась весьма неоднозначной. Если одни башкиры Ногайской дороги примкнули к Кильмяку-абызу, то другие оставались верными (кого было больше, установить невозможно). Последние сами ловили бунтовщиков и «сдавали» их властям (*Рычков, 2001: 49*).

Сам Кильмяк-абыз, объединившись со старшиной Акаем Кусумовым, в сентябре 1736 г. напал на отряд Кирилова, шедший из Оренбурга в Уфу. Здесь следует иметь в виду, что предводители восстания – Кильмяк-абыз, Акай Кусумов, Бепеня Торопбердин (тархан и мулла Куваканской волости Сибирской дороги), Месегут, Умир, Ишалю, Султанмурат (о них никаких данных нет) – указом от 11 февраля 1736 г. уже были объявлены вне закона, так что терять этим людям уже было нечего. Очевидно, справедливости ради следует также отметить, что и сами вожаки восстания не собирались в своих действиях соблюдать какие-то «церемонии». На большом йыйыне в мае 1735 г. было принято решение заставить бунтовать «чуваши, черемисы и мещеряков; кто в бунт не склонен, тех рубить» (*Акманов, 1977: 32*). Причем угрозы «побить», «рубить» и «колоть» за отказ участвовать в восстании звучали часто и повсеместно (*Материалы...*, 2002: 47-48, 50, 57, 72, 126).

И.К. Кирилов был первым российским администратором в Башкирии, который настойчиво добивался наказания всех участников восстания, независимо от причин, побудивших их сложить оружие. Таким образом, Кирилов считал, что на башкир должны быть распространены законы о государственных преступлениях (*Азнабаев, 2005: 184*). Его установка на жестокое подавление восстания была поддержана Кабинетом и Сенатом. Поэтому в 1736 г. на территории Башкирии проводятся широкомасштабные карательные акции. Так было в Табынской волости, где в отместку за нападение на отряд Кирилова, произведенное Акаем Кусумовым, «немалое число» башкир Ногайской дороги было побито (*Рычков, 2001: 50*). Не обеляя ни одну из сторон, следует отметить, что события шли как бы по замкнутому кругу: акция восставших – акция властей – акция восставших – акция властей... и так до бесконечности.

5. Заключение

Приведенные выше примеры с очевидностью показывают, что всякий исторический дискурс – суть порождение идеологии, определяющей (диктующей) его интерпретационную составляющую. В контексте государственной идеологии (С.М. Соловьев, Р.Г. Игнатьев, А.И. Добросмыслов, Б.Э. Нольде) башкирское восстание 1735–1740 гг. – это бунт, беспощадный с обеих сторон и бессмысленный. После его подавления башкиры ничего не приобрели, но и ничего не утратили.

С точки зрения советской историографии 1920–1930-х гг. в 1735–1740 гг. башкиры вели общенациональную освободительную борьбу против российского царизма и русских феодалов-дворян (М.Л. Муртазин, Ш.И. Типеев).

Советская историография 1950-х гг. различает в восстании как реакционные, антирусские тенденции, исходящие от башкирской феодальной знати, цепко держащейся за свои права и привилегии, полученные еще от Московского царства в лице Ивана IV Грозного. Крепнущая Российская империя старые договорные отношения с башкирами не признавала и стремилась их аннулировать. Столкновение двух амбиций вылилось в вооруженный конфликт, закончившийся своеобразным компромиссом: башкиры были жестко усмирены, но и империя оставила в силе традиционные для башкир права и льготы. Так что в этом контексте восстание 1735–1740 гг. было реакционным по характеру, но прогрессивным по итогам (А.Л. Чулошников, Л.Н. Устюгов, Н.Ф. Демидова).

И, наконец, в современной интерпретации (И.Г. Акманов, И.Ф. Амантаев) восстание – антифеодальное, национально-освободительное, «уникальный пример героической защиты башкирами своих прав и свобод».

Отсюда вывод методического характера: претендовать на научность и корректность историографическая критика может лишь в том случае, если ее острие будет направлено на дискурсы, созданные в тот же исторический период и в том же идеологическом поле, в котором работает критик. В противном случае, стоит только подойти к нарративу и построенному на его основе дискурсу с нейтральной позиции (как это сделали мы на приведенных выше примерах), правы оказываются ВСЕ, что для науки отнюдь не конструктивно.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01153, <https://rscf.ru/project/22-28-01153/>

Литература

- Аетбаев, 2018** – Аетбаев А. А.П. Чулошников и подготовка к печати «Материалов по истории Башкирской АССР» // *Ватандаш*. 2018. № 9. С. 40–47.
- Азнабаев, 2005** – Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа: РИО БашГУ, 2005. 210 с.
- Акманов, 2016** – Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков: феномен в истории народов Евразии. Уфа: Китап, 2016. 376 с.
- Акманов, 1977** – Акманов И.Г. Башкирское восстание 1735–1736 гг. Учебное пособие к спецкурсу «Классовые и национально-освободительные движения в России в конце XVII – первой трети XVIII в.». Уфа: Башкирский гос. ун-т, 1977. 84 с.
- Акманов, Имангалин, 2012** – Акманов И.Г., Имангалин И.К. Историография башкирского восстания 1735–1736 годов // *Вестник Башкирского университета*. 2012. Т. 17. № 1(1). С. 734–736.
- Амантаев, 2010** – Амантаев И.Ф. Отечественные и зарубежные исследователи о башкирском восстании 1739–1740 гг. // *История науки и техники*. 2010. № 6 (спецвыпуск № 2). С. 79–82.
- Барт, 2003** – Барт Р. Системы моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашиных, 2003. 511 с.
- Данилевский, 1998** – Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 1998. 399 с.
- Демидова, 2020** – Демидова Н.Ф. Научные труды по истории Башкортостана. Уфа: Полиграфдизайн, 2020. 358 с.
- Добросмыслов, 1900** – Добросмыслов А.И. Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 г. Оренбург: Типолит. Ф.Б. Сачкова, 1900. 104 с.
- Игнатьев, 2013** – Игнатьев Р. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период). Т. VII. Уфа. [Электронный ресурс], 2013. 407 с.
- Ирхин, 2014** – Ирхин Ю.В. Дискурс-анализ: сущность, подходы, методология, проектирование // *Социально-гуманитарные знания*. 2014. № 4. С. 128–143.
- Историко-культурный..., 2007** – Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан. М.: Феория; Уфа: Дизайн. Информация. Картография, 2007. 695 с.
- Кротков, 2015** – Кротков Е.А. Философско-методологический анализ научного дискурса // *Современный дискурс-анализ*. 2015. № 2(13). С. 4–16.

- Кузеев, 1978 – Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1978. 263 с.
- Лаппо-Данилевский, 2013 – Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Екатеринбург: Деловая книга, 2013. 602 с.
- Лобашкова, 2002 – Лобашкова Т.А. «Отправили для Нашего интереса в Наши подданные земли...»: Доношения И.К. Кирилова из Оренбургской экспедиции. 1734–1735 гг. // *Исторический архив*. 2002. № 1. С. 203-215.
- Материалы..., 1936 – Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. 631 с.
- Материалы..., 2002 – Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. Т. VI. Уфа: Китап, 2002. 766 с.
- Миньяр-Белоручева, 2014 – Миньяр-Белоручева А.П. Оценка в историческом дискурсе // *Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика*. 2014. Т. 3. № 3. С. 7-11.
- Миньяр-Белоручева, 2015 – Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса // *Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»*. 2015. Т. 2. № 2. С. 8-16.
- Муртазин, 2007 – Муртазин М.Л. Башкирия и башкирские войска в Гражданскую войну. М.: Инсан, 2007. 205 с.
- Нольде, 2013 – Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 845 с.
- Очерки..., 1956 – Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. 1. Уфа: Башкнигоиздат, 1956. 303 с.
- ПСЗРИ, 1830 – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. IX. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1022 с.
- Рычков, 2001 – Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа: Китап, 2001. 295 с.
- Соловьев, 1895–1896 – Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 4. Т. XVI–XX. СПб.: Тип. тов. «Обществ. польза», 1895–1896. 1656 с.
- Тимошук, 2012 – Тимошук Е.А. Дискурсивный анализ как феноменологическая стратегия социокультурного описания // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2012. Вып. 4(12). С. 66-73.
- Типеев, 1930 – Типеев Ш.И. Очерки по истории Башкирии. Уфа: Башкирское государственное издательство, 1930. 222 с.
- Удербаета, 2016 – Удербаета С.К. Отражение истории кочевых народов Центральной Азии в «Трудах» Оренбургской ученой архивной комиссии // *Электронный научный журнал «edu.e-history.kz»*. 2016. № 4(08).
- Устюгов, 1950 – Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 155 с.
- Устюгов, 1938 – Устюгов Н.В. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. Башкирские восстания в XVII – первой половине XVIII в. М., 1936 (рецензия) // *Историк-марксист*. 1938. № 1(065). С. 145-147.
- Фуко, 2004 – Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.

References

- Aetbaev, 2018 – Aetbaev, A. (2018). A.P. Chuloshnikov i podgotovka k pechati «Materialov po istorii Bashkirskoi ASSR» [A.P. Chuloshnikov and preparation for printing of “Materials on the history of the Bashkir ASSR”]. *Vatandash*. 9: 40-47. [in Russian]
- Aznabaev, 2005 – Aznabaev, B.A. (2005). Integratsiya Bashkirii v administrativnuyu strukturu Rossiiskogo gosudarstva (vtoraya polovina XVI – pervaya tret' XVIII vv.) [Integration of Bashkiria into the administrative structure of the Russian state (second half of the XVI – first third of the XVIII centuries)]. Ufa: RIO BashGU, 210 p. [in Russian]
- Akmanov, 2016 – Akmanov, I.G. (2016). Bashkirskie vosstaniya XVII-XVIII vekov: fenomen v istorii narodov Evrazii [Bashkir uprisings of the XVII-XVIII centuries: a phenomenon in the history of the peoples of Eurasia]. Ufa: Kitap, 376 p. [in Russian]
- Akmanov, 1977 – Akmanov, I.G. (1977). Bashkirskoe vosstanie 1735-1736 gg. Uchebnoe posobie k spetskursu «Klassovye i natsional'no-osvoboditel'nye dvizheniya v Rossii v kontse XVII – pervoi treti XVIII v.» [Bashkir Uprising of 1735-1736 Textbook for the special course “Class and national liberation movements in Russia at the end of the XVII – first third of the XVIII centuries”]. Ufa: Bashkirskii gos. un-t, 84 p. [in Russian]
- Akmanov, Imangalin, 2012 – Akmanov, I.G., Imangalin, I.K. (2012). Istoriografiya bashkirskogo vosstaniya 1735-1736 godov [Historiography of the Bashkir Uprising of 1735-1736]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. Т. 17. 1(1): 734-736. [in Russian]

- Amantaev, 2010** – *Amantaev, I.F.* (2010). Otechestvennye i zarubezhnye issledovateli o bashkirskom vosstanii 1739-1740 gg. [National and foreign researchers about the Bashkir uprising of 1739–1740]. *Istoriya nauki i tekhniki*. 6: 79-82. (spetsvypusk № 2). [in Russian]
- Bart, 2003** – *Bart, R.* (2003). Sistemy mody. Stat'i po semiotike kul'tury [Fashion systems. Articles on the semiotics of culture]. M.: Izd-vo im. Sabashnikovyykh, 511 p. [in Russian]
- Danilevskii, 1998** – *Danilevskii, I.N.* (1998). Drevnyaya Rus' glazami sovremennikov i potomkov (IX–XII vv.). Kurs lektsii [Ancient Russia through the eyes of contemporaries and descendants (IX–XII centuries). Course of lectures]. M.: Aspekt Press, 399 p. [in Russian]
- Demidova, 2020** – *Demidova, N.F.* (2020). Nauchnye trudy po istorii Bashkortostana [Scientific works on the history of Bashkortostan]. Ufa: Poligrafizain, 358 p. [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1900** – *Dobrosmyslov, A.I.* (1900). Bashkirskii bunt v 1735, 1736 i 1737 g. [Bashkir revolt in 1735, 1736 and 1737]. Orenburg: Tipolit. F.B. Sachkova, 104 p. [in Russian]
- Ignat'ev, 2013** – *Ignat'ev, R.* (2013). Sobranie sochinenii (ufimskii i orenburgskii period). T. VII. [Collected works (Ufa and Orenburg period)]. T. VII. Ufa. [Electronic resource]. 407 p. [in Russian]
- Irkhin, 2014** – *Irkhin, Yu.V.* (2014). Diskurs-analiz: sushchnost', podkhody, metodologiya, proektirovanie [Discourse analysis: essence, approaches, methodology, design]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 4: 128-143. [in Russian]
- Istoriko-kul'turnyi..., 2007** – Istoriko-kul'turnyi entsiklopedicheskii atlas Respubliki Bashkortostan [Historical and cultural Encyclopedic Atlas of the Republic of Bashkortostan]. M.: Feoriya; Ufa: Dizain. Informatsiya. Kartografiya, 2007. 695 p. [in Russian]
- Krotkov, 2015** – *Krotkov, E.A.* (2015). Filosofsko-metodologicheskii analiz nauchnogo diskursa [Philosophical and methodological analysis of scientific discourse]. *Sovremennyyi diskurs-analiz*. 2(13): 4-16. [in Russian]
- Kuzeev, 1978** – *Kuzeev, R.G.* (1978). Istoricheskaya etnografiya bashkirskogo naroda [Historical ethnography of the Bashkir people]. Ufa: Bashk. kn. izd-vo, 263 p. [in Russian]
- Lappo-Danilevskii, 2013** – *Lappo-Danilevskii, A.S.* (2013). Metodologiya istorii [Methodology of history]. Ekaterinburg: Delovaya kniga, 602 p. [in Russian]
- Lobashkova, 2002** – *Lobashkova, T.A.* (2002). «Opravili dlya Nashego interesa v Nashi poddannye zemli...»: Donosheniya I.K. Kirilova iz Orenburgskoi ekspeditsii. 1734–1735 gg. [“They were sent for Our interest to Our subjects' lands...”: Denunciations of I.K. Kirilov from the Orenburg expedition. 1734–1735]. *Istoricheskii arkhiv*. 1: 203-215. [in Russian]
- Materialy..., 1936** – Materialy po istorii Bashkirskoi ASSR. Ch. I. Bashkirskie vosstaniya v XVII i pervoi polovine XVIII vv. [Materials on the history of the Bashkir ASSR. Part I. Bashkir uprisings in the XVII and first half of the XVIII centuries]. M.-L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1936. 631 p. [in Russian]
- Materialy..., 2002** – Materialy po istorii Bashkortostana. Orenburgskaya ekspeditsiya i bashkirskie vosstaniya 30-kh godov XVIII v. [Materials on the history of Bashkortostan. The Orenburg expedition and the Bashkir uprisings of the 30s of the XVIII century]. Ufa: Kitap, 2002. 766 p. [in Russian]
- Min'yar-Belorucheva, 2014** – *Min'yar-Belorucheva, A.P.* (2014). Otsenka v istoricheskom diskurse [Evaluation in historical discourse]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika*. 3(3): 7-11. [in Russian]
- Min'yar-Belorucheva, 2015** – *Min'yar-Belorucheva, A.P.* (2015). Tipologiya istoricheskogo diskursa [Typology of historical discourse]. *Elektronnyi zhurnal “Yazyk i tekst langpsy.ru”*. 2(2): 8-16. [in Russian]
- Murtazin, 2007** – *Murtazin, M.L.* (2007). Bashkiriya i bashkirskie voiska v Grazhdanskuyu voinu [Bashkiria and Bashkir troops in the Civil War]. M.: Insan, 205 p. [in Russian]
- Nol'de, 2013** – *Nol'de, B.E.* (2013). Istoriya formirovaniya Rossiiskoi imperii [The history of the formation of the Russian Empire]. SPb.: Dmitrii Bulanin, 845 p. [in Russian]
- Ocherki..., 1956** – Ocherki po istorii Bashkirskoi ASSR. T. I. Ch. 1 [Essays on the history of the Bashkir ASSR]. Ufa: Bashknigoizdat, 1956. 303 p. [in Russian]
- PSZRI, 1830** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 1. T. IX. [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. 1022 p. [in Russian]
- Rychkov, 2001** – *Rychkov, P.I.* (2001). Istoriya Orenburgskaya po uchrezhdenii Orenburgskoi gubernii [The history of Orenburg on the establishment of the Orenburg province]. Ufa: Kitap, 295 p. [in Russian]
- Solov'ev, 1895–1896** – *Solov'ev, S.M.* (1895–1896). Istoriya Rossii s drevneishikh vremen [The history of Russia since ancient times]. SPb.: Tip. tov. «Obshchestv. pol'za», 1895–1896. 1656 p. [in Russian]
- Timoshchuk, 2012** – *Timoshchuk, E.A.* (2012). Diskursivnyi analiz kak fenomenologicheskaya strategiya sotsiokul'turnogo opisaniya [Discursive analysis as a phenomenological strategy of socio-cultural description]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. 4(12): 66-73. [in Russian]
- Tipeev, 1930** – *Tipeev, Sh.I.* (1930). Ocherki po istorii Bashkirii [Essays on the history of Bashkiria]. Ufa: Bashkirskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 222 p. [in Russian]
- Uderbaeva, 2016** – *Uderbaeva, S.K.* (2016). Otrazhenie istorii kochevykh narodov Tsentral'noi Azii v «Trudakh» Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii [Reflection of the history of the nomadic peoples of

Central Asia in the "Works" of the Orenburg Scientific Archival Commission]. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal "edu.e-history.kz"*. 4(08). [in Russian]

Ustyugov, 1950 – Ustyugov, N.V. (1950). Bashkirskoe vosstanie 1737–1739 gg. [Bashkir Uprising of 1737–1739]. M.-L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 155 p. [in Russian]

Ustyugov, 1938 – Ustyugov, N.V. (1938). Materialy po istorii Bashkirskoi ASSR. Ch.I. Bashkirskie vosstaniya v XVII – pervoi polovine XVIII v. M., 1936 (retsenziya) [Materials on the history of the Bashkir ASSR. Ch.I. Bashkir uprisings in the XVII – first half of the XVIII century. M., 1936 (review)]. *Istoriikmarksist*. 1(065): 145-147. [in Russian]

Fuko, 2004 – Fuko, M. (2004). Arkheologiya znaniya [Archaeology of Knowledge]. SPb.: ITs «Gumanitarnaya Akademiya»; Universitetskaya kniga, 416 p. [in Russian]

Идеология как механизм формирования исторического дискурса (на примере историографии башкирского восстания 1735–1740 гг.)

Владимир Александрович Иванов ^a, Алексей Иванович Кортунов ^{a,*}, Алексей Олегович Иванов ^b

^a Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Российская Федерация

^b Колледж Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, Российская Федерация

Аннотация. В статье проводится анализ историографии башкирского восстания 1735–1740 гг. в рамках ключевой задачи исследования по выявлению механизма формирования исторического дискурса и особой роли идеологии в данном процессе. Цель настоящей работы – показать, как идеология определяла характер и содержание исторических дискурсов. В качестве примера были взяты дискурсы, посвященные одному из самых масштабных и продолжительных национальных восстаний в истории России XVIII столетия. Основными источниками настоящего исследования являются дискурсы, посвященные указанному событию. Они многочисленны и различны по своим задачам, масштабам, широте и глубине проникновения в тему. В результате исследования авторы пришли к выводам, что всякий исторический дискурс – порождение идеологии, определяющей (диктующей) его интерпретационную составляющую. Претендовать на научность и корректность историографическая критика может лишь в том случае, если она будет направлена на дискурсы, созданные в тот же исторический период и в том же идеологическом поле, в котором работает критик.

Ключевые слова: башкирское восстание, идеология, историография, исторический дискурс, критический дискурс-анализ, нарратив, Южный Урал.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ivanov-sanych@inbox.ru (В.А. Иванов),
kortunov@rambler.ru (А.И. Кортунов), ivanov_alex1990@mail.ru (А.О. Иванов)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1618-1624
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1618

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Political Situation in the Uluses of the Kalmyk Khanate in the first half of the 60s of the XVIII century

Aleksandr V. Tsyuryumov ^{a, *}

^a Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article analyzes Imperial Russia's policy towards the Kalmyk Khanate in the early-to-mid 1760s. The period witnessed a transfer of power, and the new ruler was to traditionally face the shaping of an opposing party. The latter was founded by *noyons* (landlords) of the Dorbet Ulus to be further joined by quite a number of smaller groups.

The critical and persisting 'Dorbet' question had arisen from the years-long dynastic feuds of the 1720s–1730s, which led not only to a power shift but also to an increase in mutual annexations of commoners. The Collegium of Foreign Affairs approached the tie of reciprocal claims with a proposal that households (yurts) to have left their landlords after Donduk-Dashi ascended to the throne be duly returned.

In the face of new conditions, Khoshut landlord Zamyán started requesting a permission to adopt sedentary life. The Collegium examined consequences of sedentarization and – though did meet that very request – tended to disapprove it for the whole Kalmyk people since that would result in decreased defensive capacities across southern frontiers of the country.

Keywords: Kalmyks, Kalmyk Khanate, Lower Volga region, Astrakhan province, Board of Foreign Affairs, nomads.

1. Введение

На протяжении XVIII века Калмыцкое ханство играло заметную роль в охране южных границ Российской империи и являлось важным фактором стабилизации политической обстановки во всем приграничном регионе. Между тем в самом ханстве она значительно ухудшалась в моменты смены правителя. Калмыцкое влияние сразу же сказывалось на степном междуречье Волги и Дона и Предкавказье. Нужно сказать, что правительственные круги империи накопили значительный опыт принятия решений для преодоления престолонаследных кризисов и нормализации политической обстановки в ханстве. Подобная кризисная ситуация грозила сложиться после смерти хана Дондук-Даши (1741–1761).

Правительственный опыт формировался в последние годы правления императора Петра I и калмыцкого хана Аюки. По замыслу Коллегии иностранных дел после смерти Аюки планировалось передать власть представителю параллельной ветви правящего рода – нойону Дорджи Назарову. Но он в силу различных причин отказался от престола. В условиях намечающегося политического кризиса астраханский губернатор А.П. Волынский вынужден был передать власть официальному наследнику Церен-Дондуку. Затянувшееся решение престолонаследного вопроса привело к появлению нового претендента на престол – нойона Дондук-Омбо. В противостоянии двух соперников прошла вторая половина 20-х гг. В 1731 г. оно завершилось открытым столкновением и откочевкой большей части улусов на Кубань в пределы Крымского ханства.

* Corresponding author

E-mail addresses: tsyuryumov@yandex.ru (A.V. Tsyuryumov)

В последующее четырехлетие баланс сил между волжской группировкой хана Церен-Дондука и кубанской – нойона Дондук-Омбо сложился в пользу последней, и в 1735 г. ханская власть была передана Дондук-Омбо. В 1741 г. после его смерти власть была передана в руки нового хана – Дондук-Даши.

Незадолго до смерти хана Дондук-Даши был назначен его наследник – старший сын Убаши, спустя три года взойшедший на престол в 16-летнем возрасте. Именно эти события определили круг вопросов, решение которых имело первостепенное значение для предотвращения возможного политического кризиса. Прежде всего необходимо было организовать систему контроля над действиями недовольных нойонов. Для этого в улусы были отправлены офицеры, подчинявшиеся руководителю калмыцкой комиссии или астраханскому губернатору и имевшие под командой небольшие отряды казаков. Главная их задача – не военные действия, а применение мирных переговоров. Следующая задача была связана с охраной ханской ставки, которая предусматривала стягивание к ней улусов приближенных нойонов. При этом владения недовольных отводились несколько дальше от ставки. Но здесь вступало следующее требование: все калмыцкие улусы должны были кочевать на одной с ханом территории – на правобережье (нагорной стороне) Волги или на левобережье (луговой стороне). Это позволяло исключить возможность неконтролируемого ухода улусов на Кубань, на территорию Крымского ханства или за р. Яик в киргиз-кайсацкие степи. Данные требования определяли задачи астраханской администрации.

2. Материалы и методы

Источниками написания статьи стали архивные материалы Национального архива Республики Калмыкия (фонд 36 «Состоящий при калмыцких делах при Астраханском губернаторе»). К ним относятся указы Коллегии иностранных дел калмыцкому хану Дондук-Даши и наместнику Убаши, астраханскому губернатору и главе калмыцких дел. Значительная информация с подробным анализом событий содержится в донесениях указанного главы А.Д. Бехтеева в Коллегию. Ряд документов был использован из 48, 51 и 57 томов «Сборника Русского исторического общества», известного как политическая переписка императрицы Екатерины II. Это указы Коллегии иностранных дел с резолюциями Екатерины II ([Бумаги императрицы..., 1885](#); [Политическая переписка..., 1886](#); [Политическая переписка..., 1887](#)).

Методологической основой стали требования современной научной исторической науки. Общефилософские принципы объективности и историзма позволяют дать комплексную оценку историографии и источниковой базы. Мы исходим из того, что суждения, оценки и выводы, содержащиеся в исследовании, должны строиться только на основе исторических источников изучаемой эпохи.

3. Обсуждение

В современной историографии данной проблеме не уделялось внимание. Авторы ссылались лишь на молодой возраст наместника ([Батмаев, 1993](#); [Колесник, 2003](#); [Дорджиева, 2002](#)), вскользь упоминая начинавшиеся волнения в улусах. Лишь в двух работах была отражена история первых лет правления самого молодого правителя Калмыцкого ханства ([Митиров, 1998](#); [Цюрюмов, 2007](#)). Одним из направлений исследования стала история Дербетского улуса в составе Калмыцкого ханства ([Цюрюмов, 2007](#); [Цюрюмов, 2008](#); [Цюрюмов, 2013](#); [Цюрюмов, 2021](#)).

Значительно большее внимание было уделено вопросу о переходе на оседлость владельца Замьяна ([Пальмов, 1929](#); [Пальмов, 1932](#); [Пальмов, 1992](#); [Очерки, 1967](#); [История..., 2009](#); [Орлова, 2006](#)).

Таким образом, в историографии показано, что многие внутривластные события в ханстве имели особый резонанс, так как территория кочевий калмыков характеризовалась близостью южных границ Российской империи ([Маркедонов, Силаев, 2005](#)). Кроме того, властям России долгое время не удавалось найти действенные механизмы для взаимоотношений с калмыками. Имперская и губернская администрации не успевали решать весь спектр управленческих вопросов. На наш взгляд, поиск его продолжался вплоть до ухода большей части калмыцкого народа в Китай. Поиск механизмов управления, усилившийся в политике властей Российской империи в начале 1760-х гг., и является целью данной статьи.

4. Результаты

В первые годы правления наместника Убаши (1761–1771) политическая ситуация в ханстве развивалась достаточно стабильно. Но затем в ряде калмыцких улусов она стала меняться. Причина этого была связана с нежеланием ряда владельцев подчиняться власти молодого правителя. Весной 1763 года Убаши перешел на луговую сторону Волги в 7 верстах ниже Енотаевской крепости, за ним перешли хошоуты Тукчи и Эремпель, здесь зимовали табун-отоковский владелец Бамбар, зюнгары Шеаренга.

На нагорной стороне остались Яндык, Камчик и Эмеген-Убаши, икицохоры Асархи и Маши и улус Дондуковых, отказавшиеся подчиниться приказу правителя. Хошоутовский Замьян из-за нападения хата-мутов и Басурман-Тайджи также остался на нагорной стороне. Дербетский Галдан-Церен остался кочевать в верховьях Сала. В урочище Яшкуль находились багуты и баруны (3000 киб),

а эркетени – в верховьях р. Уласту на Дону. Всего на нагорной стороне оставались, не подчинившись наместнику, около 20 тыс. калмыков (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 355. Д. 5-7, 9).

Сложная ситуация складывалась в Эркетеневском улусе, в котором заправляли зайсанги Никмар и Наян. Не подчиняясь наместнику, улус начал медленно кочевать к Волге на соединение с улусами барунов и багутов. В улусе сильны были настроения, связанные с ожиданиями скорого назначения главным управителем князя А. Дондукова, возглавившего Бага-Цохоровский улус.

Одновременно возник спор наместника с владельцами Кирипом, Асархой и Маши, от которых он требовал вернуть беглые кибитки. Владельцы долгое время не отвечали, давая тем самым пример другим. Наместник вынужден был послать зайсангов Балдана-даргу и эркетеневского Наяна. Необходимо отметить, что в данном случае захваты кибиток были обоюдными. Например, зайсанг владельца Маши Солом-Нормо рассказал главе калмыцких дел Н.Г. Спицыну, что 500 киб. их цохоров кочуют в улусах наместника на луговой стороне и при рыбных ватагах на Волге. Все это грозило началом нового междоусобия (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 330. Л. 99-100об., 112-113).

По-прежнему самым сложным оставался вопрос о Дербетском улусе, точнее вопрос о подчиненности дербетских нойонов хану. Еще в 1752 г. они жаловались, что сначала 600, затем 125 кибиток были захвачены ханом Дондук-Даши. Хотя обе стороны признавали существование соглашения хана с Лабан-Дондуком и его сыновьями Шампиль-Нормо и Солом-Доржи, заключенного в присутствии знатных зайсангов, по которому из Дербетского улуса были возвращены 534 кибитки торгоутов. Они были оставлены под управлением Даши-Дондука и Гумеджапа до получения особого императорского указа (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 330. Л. 50об.-51).

Еще 15 ноября 1760 г. глава калмыцких дел генерал Спицын доносил, что дербетский владелец Галдан-Церен продолжает выдвигать претензии к хану Дондук-Даши, хотя определенные в суде ханские зайсанги должны были отобрать все чужие кибитки, находившиеся в Дербетском улусе. Затем хан и нойон договорились «разобрание» учинить весной через своих зайсангов. Но в конце декабря этого года нойон сообщил, что получил от Н.Г. Спицына и хана запрещение кочевать на Дону. В начале января следующего года Галдан-Церен с частью войска неожиданно покинул военный лагерь в урочище Манхамара на Волге (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 330. Л. 6-8об.)

В ответ хан предпринял поход на дербетов. Эрмпель и Цебек-Доржи принудили дербетов кочевать по Сарпе по безводным местам, а также забрали нойонского сына. От этого пало много скота. Галдан-Церен сообщал, что опасается нападения торгоутов, собравших 10-тысячное войско, и с 1500 чел. приходится на краю своего улуса (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 330. Л. 12, 23-24).

О причине обострения дербетского вопроса 30 апреля 1761 г. сообщал глава калмыцких дел Н.Г. Спицын, отмечавший, что, когда Галдан-Церен выступил в поход, его мать, жена и малолетний сын были взяты под караул Цебек-Дорджи и Зало-ламой. Его улусным людям «грабеж учинили», заставили кочевать «по безводным и бескормным» местам, отчего скот «в худобу привели и поморили». Во время перекочевки многих дербетских людей «плетьми до смерти секли». Но донской наказной атаман А.И. Иловыйский тогда же сообщал, что Галдан-Церен не подчинился приказу о переходе на луговую сторону, а перешел на казачью сторону Дона (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 330. Л. 43, 50).

Сообщения о дербетах поступили и из Крыма. По сведениям российского консула в Крыму А.Ф. Никифорова, Галдан-Церен еще в 1762 г. просил протекцию у крымского хана. Но ему было отказано, так как подобное противоречило договору с Россией. Тогда прозвучала просьба разрешить зимовать на степной стороне Кубани. Получив разрешение, калмыки весной вернулись к Волге. Одновременно с известиями консула в Коллегию иностранных дел получили мнение наместника Убаши о том, что еще хан Дондук-Даши сообщал о 6 зайсангах, которые подталкивают к непослушанию владельца улуса. 13 апреля Убаши сообщал имена двоих – Таскир и Черен-Даша. Он предлагал призвать владельца и зайсангов для отправки в столицу и арестовать зайсангов (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 334-338).

Коллегия иностранных дел стала реагировать на эти события в январе следующего года. 15 января 1763 г. была составлена подписанная графом М. Воронцовым и князем А. Голицыным Промемория Коллегии иностранных дел в Военную коллегию. В ней сообщалось, что конфликт Галдан-Церена с наместником произошел из-за «маловажных причин, которые могли бы решены быть и добрым способом». Дербеты ранее неоднократно уходили на Дон и творили там «предерзости и своеволия, не единожды оттуда уже отлучаемы были» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 38об.-39об.).

Из донесения нового главы калмыцких дел полковника А.Д. Бехтеева от 8 марта 1763 года видно, что Галдан-Церен все еще упрямится кочевать вместе с другими улусами, продолжает оставаться на реке Дон, прикрываясь разными несущественными причинами. Ему неоднократно указывалось кочевать вместе с другими улусами (Бумаги императрицы..., 1885: 455).

В указе Коллегии иностранных дел калмыцкий народ был characterized как «легкомысленный», поэтому успокоить его рекомендовалось «добрыми способами» и не употреблять силы и принуждения. Но в случае необходимости можно применить и строгие меры, но только после применения «всех легких мер» (Бумаги императрицы..., 1885: 456-457).

Ситуация стала меняться летом, когда 29 августа дербеты вернулись к Волге и отправили судью в Зарго для разбирательств. Но 5 сентября астраханский губернатор Н. Бекетов сообщил, что

продолжаются жалобы на наместника Убаши. После развода с женой губернатор советовал отдать сыну наследную часть для содержания матери или разбраться в Зарго. Но Галдан-Церен требовал разбраться при дворе. Поэтому ему вновь разрешался приезд в столицу, но указывалось все споры решать в Зарго. 12 ноября 1763 г. вице-канцлер князь А. Голицын написал Галдан-Церену, что императрица указала с наместником разбраться только в Зарго ([НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 350. Л. 334-338](#)).

Осенью 1763 г. русский резидент А.М. Обресков доносил из Константинополя, что дербетский владделец Галдан-Церен искал контакты с крымским ханом. Он хочет получить протекцию или позволения кочевать будущей зимой в кубанской степи. Здесь он кочевал прошедшей зимой ([Политическая переписка..., 1886: 82-83](#)).

Потому предлагается отправить письмо от вице-канцлера и разрешить упомянутому владельцу приехать в столицу. Улус его должен кочевать, не удаляясь на кубанскую сторону, там, где будет назначено судом Зарго. Донской войсковой атаман С.Д. Ефремов должен соблюдать предосторожности, чтоб улус не ушел на кубанскую сторону. Кроме того, Зарго должно прислать уполномоченного зайсанга или ламу с предложением примирения Галдан-Церена с наместником ханства. В случае неподчинения дербетского владельца Бехтеев должен приказать наместнику ханства и Зарго, собрав войска, захватить Дербетский улус. Помощь в этом окажет донское войско. Консул А.Ф. Никифоров должен сообщить крымскому хану о мерах сдерживания калмыков от кочевания на кубанской стороне. Галдан-Церен будет вызван в столицу с несколькими зайсангами, которые его «в развращении содержат». Во время его отъезда Дербетский улус должен оставаться под присмотром Зарго, не пытаясь уйти на кубанскую сторону. Если владделец передумает ехать в столицу и начнет с улусом своим уходить на Кубань, то наместник ханства, собрав свои войска, должен отрезать от Дона и кубанской степи и затем силой к себе забрать. Бригадир Бехтеев должен написать войсковому атаману Ефремову об оказании военной помощи ([Политическая переписка..., 1886: 83](#)).

Окончательное решение было принято, когда в ноябре 1763 года императрица поставила резолюцию по поводу представления наместника Убаши о несогласиях между Галдан-Цереном, женой его и сыном: «Весьма нужно, чтобы Галдан-Церен слушал только решения Зарго» ([Политическая переписка..., 1886: 166](#)).

Спустя несколько лет вопрос о месте кочевий дербетского улуса вновь начал обостряться. В 1766 году калмыцкое войско расположилось на границе с Кубанью. Его предводитель, владделец Басурман-Тайджи, получил приказ следить за дербетами, аналогичное указание получили находившиеся рядом владельцы Асарха и Кирип. Определенный в дербетском улусе прапорщик Варламов и царицынский дворянин Корноухов с помощью подкупа должны были узнать об отправке в Крым и на Кубань десяти дербетских посланцев. Новый глава калмыцких дел подполковник И.А. Кишенков в письме к правителям Дербетского улуса подтвердил, чтобы они весной переходили на луговую сторону по льду для торгов. Последовавший Указ Коллегии иностранных дел предписывал в случае отказа дербетов кочевать к Волге призвать донское войско и заставить их двигаться обратно. Нужно сказать, что в этот раз положение осложнялось из-за волнений в кубанских и черкесских землях. Поэтому необходимо было наместника ханства Убаши склонить кочевать летом на нагорной стороне Волги, а дербетский улус перевести на луговую сторону ([Политическая переписка..., 1887: 484-485](#)).

Изменилась ситуация и в самом улусе. По мнению наместника ханства, в улусе руководят всем зайсанги с согласия матери – владелицы Абы. В улусе все почитают ее как госпожу свою, без ее согласия ничего не делается. Подполковник Кишенков предлагает в случае подтверждения подозрений отлучить Абу из Дербетского улуса, определить ей «пропитание», содержать ее при городе или, как бездетную, отпустить к родственникам. Глава Коллегии иностранных дел Н.И. Панин поддержал это предложение, добавив, что в случае если подозрения не подтвердятся, то ее можно пригласить в столицу «погостить здесь» ([Политическая переписка..., 1887: 486](#)).

Следующим по важности стал вопрос о переходе к оседлости. Значительная информация по этой проблеме сохранилась в тексте доклада Коллегии иностранных дел от 5 июля 1764 г. В нем впервые сообщалось о желании владельца Замьяна к оседлому поселению. Прежде всего Коллегия считала нежелательным поселение целого народа, так как, кочуя с места на место, калмыки являются важным прикрытием российской границы от соседних народов. В случае же оседлого поселения калмыцкого народа пограничные степи останутся пустыми и будут привлекать другие варварские народы. Например, кочующие за Яиком киргиз-кайсаки давно уже стремятся к переходу на луговую сторону Волги. Но до этого они не допускаются калмыками, так как те могут соединиться с кубанскими народами мусульманского вероисповедания. В верховьях реки Кумы, между Астраханью и Кизляром, имеются просторные степи, где горские или кубанские народы навсегда могут остаться и при этом они не будут опасаться калмыков, чьи оседлые поселения также будут подвержены опасности от набегов. Для защиты границ необходимо легкое калмыцкое войско, которое успешно использовалось в предыдущих войнах с Турцией. В будущем калмыцкий народ не должен менять образ жизни. Ведь он предан «древним своим обычаям», поэтому с недоверием относится к восприятию другого ([Политическая переписка..., 1886: 406-407](#)).

Коллегия считала, что пока калмыцкий народ еще в таком состоянии остается, то «по всяким и маловажным причинам тревожиться может». Поэтому необходимо смотреть, чтобы переход к оседлости не привел волнению народа. Если позволить владельцу Замьяну по собственному его желанию поселиться оседло, то необходимо учитывать два обстоятельства. Во-первых, не пренебрегать его желанием жить оседло. Это будет первый опыт, который позволит узнать, какие впрямь можно ожидать успехи, и продолжать ли обоседление дальше или отказаться от него. Во-вторых, важно, чтоб владелец Замьян находил поддержку и покровительство в особом отношении императрицы. При этом необходимы предосторожность и «сокрытие всего того от общаго в народе калмыцком о сем сведенья. Переход к оседлости Замьяна не должен давать повод другим владельцам ([Политическая переписка..., 1886: 408](#)).

Место под поселение владельцу Замьяну надо выбрать совместно с астраханским губернатором. Лучшим признавалось место в урочище на нагорной стороне реки Волги, в шестидесяти верстах выше Астрахани, против Круглого острова, называемого «Крымский Затон». Здесь достаточно лугов и сенных покосов. Река Волга тут уже, поэтому калмыцкие улусы здесь имеют место переправы. Даже киргиз-кайсаки в 1738 году тут через Волгу переправлялись во время набега ([Политическая переписка..., 1886: 411](#)).

При этом важно, чтобы калмыки селились не одни, а вместе с россиянами, чтобы иметь всевозможную помощь. Сюда могут быть переведены 250 казаков, еще 250 – в урочище по Волге, выше Астрахани в 30 верстах, называемое «Коровья Лука». На строение для калмыков дворов и заготовку дров, а также сена для лошадей и скота ассигновать астраханскому губернатору из астраханских доходов по три тысячи рублей в год ([Политическая переписка..., 1886: 412-413](#)). При этом Коллегия допускала, что о возможных в будущем поселениях решение будет принимать астраханский губернатор генерал-майор Н. Бекетов ([Политическая переписка..., 1886: 410-411](#)).

Коллегия вновь объясняла значение незадолго до этого проведенной реформы традиционного суда Зарго. Она считала, что новый порядок правосудия, установленный в форме Зарго должен быть полезен, так как несовершеннолетний наместник ханства Убаши из-за начавшихся волнений в улусах нуждается в поддержке. При этом и сам наместник будет иметь меньше власти в народе, и владельцы останутся в повиновении Зарго, поэтому они будут меньше недовольны наместником. Например, владелец Замьян, чтоб не нарушать уставленного порядка и правил, может разбирать судебные споры в общенародном суде. Он надеется, что все требуемые им люди будут без всякого рассмотрения собраны и ему отданы. Но ему надо показать, что это может произойти только по суду, по древним калмыцким правам. При этом он должен чувствовать покровительство императорской власти ([Политическая переписка..., 1886: 410](#)).

Владелец Замьян просил включить в состав нового суда своего зайсанга. По древнему обычаю калмыцкий суд состоял из восьми человек. Коллегия иностранных дел предписала включить одного члена суда от всех трех хошоутовских владельцев. Если между ними не будет единого мнения, то предлагалось тянуть жребий. Все добровольно согласились с кандидатурой зайсанга хошоутовского владельца Тукчи, наиболее знатного и богатого из хошоутов. Коллегия определила этот выбор «честолюбивым» желанием некоторых хошоутовских владельцев ([Политическая переписка..., 1886: 410-411](#)).

5. Заключение

Неподчинение дербетского владельца Галдан-Церена и других показывает, что калмыцкое общество находилось в начальной стадии политического кризиса. Его начало традиционно приходилось на первые годы правления нового хана, то есть представляло собой столь свойственный кочевому государству кризис престолонаследия.

Коллегия иностранных дел отнеслась к идее нойона Замьяна перейти на оседлый образ жизни неоднозначно. Место заселения должен был определить астраханский губернатор, были намечены мероприятия по хозяйственному обустройству. В то же время Коллегия была против перехода на оседлый образ жизни всего калмыцкого народа, ибо это привело бы к запустению нижневожских степей и появлению здесь других кочевых народов.

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Литература

[Батмаев, 1993](#) – *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII–XVIII вв. События, люди, быт. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 382 с.

[Бумаги императрицы..., 1885](#) – Сборник Русского исторического общества. Бумаги императрицы Екатерины II. Т. 48. 1762–1763. СПб., 1885. 662 с.

- Доржиева, 2002** – *Доржиева Е.В.* Исход калмыков в Китай 1771 г. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2002. 212 с.
- История..., 2009** – История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 т. Т. 1. Элиста: ИД «Герел», 2009. С. 420-431.
- Колесник, 2003** – *Колесник В.И.* Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Восточная литература, 2003. 286 с.
- Митиров, 1998** – *Митиров А.Г.* Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.
- Маркедонов, Силаев, 2005** – *Маркедонов С.М., Силаев Н.Ю.* Кавказский фронт // *Дружба народов*. 2005. № 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.gorky.media/druzhba/2005/7/mark11.html>
- НАРК** – Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. 36. Состоящий при калмыцких делах при Астраханском губернаторе. Оп. 1. Д. 1-423.
- Орлова, 2006** – *Орлова К.В.* История христианизации калмыков: середина XVII – нач. XX в. М.: Вост. лит., 2006. 205 с.
- Очерки..., 1967** – Очерки истории Калмыцкой АССР. Дookтябрьский период. М.: Наука, 1967.
- Пальмов, 1929** – *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Часть III–IV: Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам. Астрахань: Калмиздат, 1929. 392 с.
- Пальмов, 1932** – *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Часть V: Дела земельные. Астрахань: Калмиздат, 1932. 186 с.
- Пальмов, 1992** – *Пальмов Н.Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России / Предисл. Л.С. Бурчиновой. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 158 с.
- Политическая переписка..., 1886** – Сборник Русского исторического общества. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Т. 51. 1763–1764. СПб., 1886. 569 с.
- Политическая переписка..., 1887** – Сборник Русского исторического общества. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Т. 57. 1764–1766. СПб., 1887. 605 с.
- Цюрюмов, 2007** – *Цюрюмов А.В.* Дербеты Калмыцкого ханства (XVII век) / *Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Сборник научных трудов*. Элиста, 2007. С. 56-62.
- Цюрюмов, 2008** – *Цюрюмов А.В.* Дербетский улус Калмыцкого ханства в XVIII в. / *Востоковедные исследования в Калмыкии. Сборник научных трудов*. Выпуск 4. Элиста, 2008. С. 50-61.
- Цюрюмов, 2012** – *Цюрюмов А.В.* Калмыцкое ханство в составе России: черты фронта // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2012. № 1 (30). С. 22-25.
- Цюрюмов, 2021** – *Цюрюмов А.В.* Новые источники по истории Дербетского улуса // *Монголоведение*. 2021. 13(3). С. 440-449.

References

- Batmaev, 1993** – *Batmaev, M.M.* (1993). Kalmyki v XVII–XVIII vv. Sobytiya, lyudi, byt. [Kalmyks in the XVII–XVIII centuries. Events, people, life]. Elista, 382 p. [in Russian]
- Bumagi imperatritsy..., 1885** – Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. Bumagi imperatritsy Ekateriny II. [Collection of the Russian Historical Society. Papers of Empress Catherine II]. Т.48. 1762–1763. SPb., 1885. 662 p. [in Russian]
- Dorzheva, 2002** – *Dorzheva, E.V.* (2002). Iskhod kalmykov v Kitai 1771 g. [Exodus of Kalmyks to China in 1771]. Rostov-na-Donu: SKNTs VSh, 212 p. [in Russian]
- Istoriya..., 2009** – Istoriya Kalmykii s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of Kalmykia from ancient times to the present day]. V 3 t. Т. 1. Elista: ID «Gerel». Pp. 420-431. [in Russian]
- Kolesnik, 2003** – *Kolesnik, V.I.* (2003). Poslednee velikoe kochev'e: Perekhod kalmykov iz Tsentral'noi Azii v Vostochnuyu Evropu i obratno v XVII i XVIII vekakh [The Last Great Nomad Camp: Transition of the Kalmyks from Central Asia to Eastern Europe and Back in the 17th and 18th centuries]. М.: Vostochnaya literatura, 286 p. [in Russian]
- Mitirov, 1998** – *Mitirov, A.G.* (1998). Oiraty-kalmyki: veka i pokoleniya [Oirats-Kalmyks: centuries and generations]. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 384 p. [in Russian]
- Markedonov, Silaev, 2005** – *Markedonov, S.M., Silaev, N.Yu.* (2005). Kavkazskii frontir [Caucasian frontier]. *Druzhba narodov*. 7. [Electronic resource]. URL: <http://magazines.gorky.media/druzhba/2005/7/mark11.html> [in Russian]
- NARK** – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya [National Archives of the Republic of Kalmykia].
- Orlova, 2006** – *Orlova, K.V.* (2006). Istoriya khristianizatsii kalmykov: seredina XVII – nach. XX v. [The history of the Christianization of the Kalmyks: mid-XVII – early of the 20th centuries]. М.: Vost. lit., 205 p. [in Russian]
- Ocherki..., 1967** – Ocherki istorii Kalmytskoi ASSR. Dooktyabr'skii period [Essays on the history of the Kalmyk ASSR. Pre-October period]. Izdatel'stvo «Nauka», Moskva, 1967. [in Russian]

Pal'mov 1929 – *Pal'mov, N.N.* (1929). *Etyudy po istorii privolzhskikh kalmykov. Chast' III-IV: Ogranichitel'nye meropriyatiya pravitel'stva v otnoshenii k kalmykam* [Etudes on the history of the Volga Kalmyks. Part III-IV: Restrictive measures of the government in relation to the Kalmyks]. Astrakhan': Kalmizdat. 392 p. [in Russian]

Pal'mov 1932 – *Pal'mov, N.N.* (1932). *Etyudy po istorii privolzhskikh kalmykov. Chast' V: Dela zemel'nye* [Etudes on the history of the Volga Kalmyks. Part V: Land affairs]. Astrakhan': Kalmizdat. 186 p. [in Russian]

Pal'mov, 1992 – *Pal'mov, N.N.* (1992). *Ocherk istorii kalmytskogo naroda za vremya ego prebyvaniya v predelakh Rossii. Predisl. L.S. Burchinovi* [Essay on the history of the Kalmyk people during their stay in Russia. Foreword L.S. Burchinova]. 2-e izd. Elista : Kalm. kn. izd-vo. 158 p. [in Russian]

Politicheskaya perepiska..., 1886 – *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. Politicheskaya perepiska imperatritsy Ekateriny II* [Collection of the Russian Historical Society. Political correspondence of Empress Catherine II]. T. 51. 1763–1764. SPb. 569 p. [in Russian]

Politicheskaya perepiska..., 1887 – *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. Politicheskaya perepiska imperatritsy Ekateriny II* [Collection of the Russian Historical Society. Political correspondence of Empress Catherine II]. T. 57. 1764–1766. SPb. 605 p. [in Russian]

Tsyuryumov 2007 – *Tsyuryumov, A.V.* (2007). *Derbety Kalmytskogo khanstva (XVII vek)* [Derbets of the Kalmyk Khanate (XVII century)]. *Problemy etnogeneza i etnicheskoi kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov. Sbornik nauchnykh trudov*. Elista. Pp. 56-62. [in Russian]

Tsyuryumov 2008 – *Tsyuryumov, A.V.* (2008). *Derbetskiy ulus Kalmytskogo khanstva v XVIII v.* [Derbet ulus of the Kalmyk Khanate in the 18th century]. *Vostokovednye issledovaniya v Kalmykii. Sbornik nauchnykh trudov*. 4. Elista. Pp. 50-61. [in Russian]

Tsyuryumov 2012 – *Tsyuryumov, A.V.* (2012). *Kalmytskoe khanstvo v sostave Rossii: cherty frontira* [Kalmyk Khanate within Russia: features of the frontier]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*. 1(30): 22-25. [in Russian]

Tsyuryumov 2021 – *Tsyuryumov, A.V.* (2021). *Novye istochniki po istorii Derbetskogo ulusa* [New sources on the history of the Derbet ulus]. *Mongolovedenie*. 13(3): 440-449. [in Russian]

Политическая ситуация в улусах Калмыцкого ханства в первой половине 60-х годов XVIII века

Александр Викторович Цюрюмов ^{a, *}

^a Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу политики Российской империи в отношении Калмыцкого ханства в первой половине 1760-х годов. В этот период в ханстве произошла смена правителя, против которого традиционно начала формироваться оппозиция. Сначала выступили нойоны Дербетского улуса, затем правители целого ряда более мелких владений.

Обострившийся «дербетский» вопрос имел давние корни, связанные с многолетней династийной усобицей 20–30-х годов XVIII века. Как известно, она привела не только к смене правителя ханства, но и к росту взаимных захватов подвластного населения. Этот узел взаимных претензий попыталась решить Коллегия иностранных дел путем возврата кибиток, бегство которых произошло после прихода к власти хана Дондук-Даши.

В новых условиях хошоутовский владелец Замьян стал просить разрешения перейти на оседлый образ жизни. Коллегия рассмотрела последствия перехода к оседлости. Одобрив решение нойона, она была против перехода всего калмыцкого народа, так как это вело к снижению обороноспособности южных рубежей страны.

Ключевые слова: калмыки, Калмыцкое ханство, Нижнее Поволжье, Астраханская губерния, Коллегия иностранных дел, кочевники.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tsyuryumov@yandex.ru (А.В. Цюрюмов)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1625-1632
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1625

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Family Reading of Nobles in the Information Culture of the Russian Province of the second half of the XIX – early XX centuries

Ruslan M. Zhitin ^{a,*}, Alexey G. Topilsky ^a

^a Derzhavin Tambov state university, Russian Federation

Abstract

The article deals with the problem of the existence and transformation of the culture of family reading among the nobility in the second half of the XIX – early XX centuries. The features of the selection of literature for evenings with the family are analyzed, the features of the reader's interest among different social and age groups of nobles are characterized (including through reference to memoirs).

To develop sources of different content and types, historical-comparative and historical-typological methods were used to perform comparative characteristics of family reading of different noble families.

In the course of the study of the information culture of the Russian nobility, it was possible to establish the fundamental importance of family reading for the formation of interests, creative abilities, moral qualities of the upper class. Daily reference to books formed an unobtrusive perception of book culture, determined interest in the printed word. The formation was the development of works of different linguistic affiliation and genres, which developed the horizons and erudition of family members.

Through the active development of the book heritage, the early socialization of noble youngsters took place, interest in certain topics and directions in literature was formed. At the same time, the image of reading parents became a role model and formed the necessary conditions for the reproduction of reading traditions in the future.

Keywords: noble libraries, home reading, education, estates, book culture, Russian empire.

1. Введение

Исследование является частью общей проблемы формирования частных библиотек дореволюционной России как элемента трансфера, адаптации и рецепции книжной культуры в среде российского дворянства конца XVIII – начала XX вв. Исходной точкой является предположение, что дворянская повседневность обрела свое специфическое значение в процессе формирования литературных предпочтений и вкусов. Создание, освоение и рефлексия книжного наследия обеспечивала формирование новых поведенческих стереотипов, расширяло эрудицию, определяло мировоззрение. Однако если проблемы формирования книжных коллекций дореволюционной России уже достаточно исследованы в историографии (Акользина, 2020), то изучение проблемы книжности высшего сословия по-прежнему остается в тени. Анализ данного вопроса позволяет оценить специфику усвоения книжных знаний в среде дворянства, определить роль книги в формировании повседневности частных имений.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования стали мемуары и воспоминания российских дворян, отражающие различные аспекты книжной культуры. В дневниковых записях В.И. Буслаева (Буслаев, 1897: 1-131) и Н.П. Грот (Грот, 1900: 1-29) дается ценная информация о литературных пристрастиях,

* Corresponding author

E-mail addresses: istorik08@mail.ru (R.M. Zhitin), a-topil@yandex.ru (A.G. Topilsky)

составе собраний частных владельцев. Интересными по своему содержанию являются записки Ф.Ф. Вигеля (Вигель, 1928: 41-148), раскрывающие факты детского восприятия прочитанных книг.

Ценным дополнением к источникам личного происхождения стали опубликованные каталоги усадебных коллекций, показывающие разнообразие фондов дворянских библиотек (Вышеславцев, 1895). Их изучение раскрывает общий контекст информационно-библиотечной среды, сформировавшейся в дореволюционной России. Данные материалы дополняют документы из Государственного архива Российской Федерации, раскрывающие персональный состав дворянских букинистических собраний (ГАРФ. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 74).

Основой методологии работы стали принципы объективности и историзма. Принцип объективности позволил дать всесторонний анализ категорий исторической действительности, связанных с книгой и знанием. Принцип историзма создал возможности для изучения исторического контекста развития дворянских библиотек, исследования специфики чтения на разных этапах развития информационной культуры в стране.

В работе также использовались традиционные методы исторического познания. Для разработки разных по содержанию и типам источников применялись историко-сравнительный и историко-типологический методы, позволяющие выполнить компаративные характеристики семейного чтения разных дворянских семей.

3. Обсуждение

Исследование книжной культуры дворянского сословия России принадлежит к малоизученным аспектам историографии повседневности провинциальных усадеб. Историков, прежде всего, интересовали социальные особенности развития имений. Различные аспекты культуры чтения высшего сословия изучались в общих трудах по истории поместий.

В дореволюционной историографии проблема дворянской книжной культуры решалась через призму исследования персонального состава частных библиотек. Комплексную оценку читательских пристрастий российских букинистов дал Н.А. Рубакин. В труде «Этюды о русской читающей публике» он обобщил круг чтения дореволюционных обывателей, указал на наличие значительных книжных коллекций высшего сословия. Одновременно автор представил исчерпывающий обзор регионального книжного рынка, раскрыв источники комплектования библиотечных собраний (Рубакин, 1895: 11-26).

Ценный фактический материал о частных книжных коллекциях конца XIX века обобщил У.Г. Иваск (Иваск, 1905). Им представлена информация о более чем 1300 библиотеках России, раскрыта их жанровая и языковая принадлежность. Показанное автором разнообразие выявленного репертуара свидетельствует о широком кругозоре представителей высшего сословия. Труды У.Г. Иваска дополняют работы Е.А. Шуманского, раскрывающие особенности комплектования библиотечных собраний ряда российских букинистов (Шуманский, 1905: 39-156). В монографии С.Ф. Либровича «История книги в России» обобщается многовековая история личных библиотечных фондов дворянских семей, дается общее представление о зарождении отечественного книжного рынка (Либрович, 1914).

Развитие читательской культуры крупных отечественных библиофилов исследовал Г.Н. Геннади. В работе «Русские книжные редкости» он обобщил данные из известных каталогов книговладельцев. Автором даны общая характеристика качественно-количественно состава представленных собраний, информация о наиболее ценных изданиях в репертуаре выявленных коллекций (Геннади, 1872: 1-29).

На первом этапе развития советской историографии специальных исследований книжной культуры российского дворянства опубликовано не было. Высшее сословие изучалось в рамках трудов по истории классовой борьбы, а его культура объявлялась враждебной советскому государству.

Попытки обобщить персональный состав дворянских библиотек предпринял С.Р. Минцлов. Автор изложил общие сведения об усадебных коллекциях, дал краткие характеристики наиболее ценных собраний (Минцлов, 1925). Однако приведенные им данные часто страдали неточностями и ошибками (Шилов, 1929: 165).

Более подробно книжный мир дворянских имений изучался в историографии 1960–1980-х гг. Большой фактический материал о частных библиотеках России XIX века обобщил С.П. Луппов (Луппов, 1973). В его работах даны развернутые характеристики семейных коллекций Голицыных, Волконских, Строгановых и других российских библиофилов. Ценные сведения о собрании И.И. Шувалова обобщила А.Г. Обрадович (Обрадович, 1998), С.Р. Долгова проанализировала источники по книжным фондам рода Меншиковых (Долгова, 1983).

Большой интерес у советских исследователей вызвало обращение к репертуару франкоязычной литературы в частной книготорговле. Итогом разработки данного направления можно считать выход монографии «Французская книга в России» (Французская..., 1986: 5-59). В исследовании представлена деятельность Санкт-Петербургских и московских лавок по закупке и распространению печатной продукции среди российских обывателей. Авторы показали высокое значение французских изданий в читательской культуре поместного дворянства.

Значительно возрос интерес к изучению дворянской книжной культуры в последние десятилетия. В исследованиях Н. Токмаковой определено жанровое своеобразие книжных коллекций Лутовиновых-Тургеневых, показана роль собраний в формировании мировоззрения владельцев коллекций (Токмакова, 2012).

Проблему домашнего чтения в дворянских семьях затрагивает С.И. Лякишева. Она показала букинистические пристрастия известных представителей российского дворянства, определила социальную роль книги в имениях помещиков. По ее мнению, усадебные собрания «формировали характер и мировоззрение, способствовали систематическому самообразованию» (Лякишева, 2009).

Таким образом, изучение дворянской книжной культуры далеко до своего завершения. Исследователи проанализировали различные аспекты развития домашних библиотек высшего сословия, обобщили литературные предпочтения владельцев имений. Однако жанры и особенности чтения в имениях остаются малоисследованными в историографии.

4. Результаты

Всеобщая модернизация Петра I вызвала не только технико-технологические изменения в экономике России, но и обусловила секуляризацию личности, формирование нового образа мышления в среде наиболее образованной части общества – российском дворянстве. Втянутые в неформальные поведенческие стратегии, дворяне активно усваивали ранее неизвестные для себя культурные нормы и стереотипы, знакомились с западной культурной практикой. Особый интерес у высшего сословия вызывали иностранные книги, быстро превратившиеся в важный элемент трансферта и рецепции зарубежных знаний и умений (Соловьев, 2020). В результате к концу XVIII в. семейное чтение превращается в один из самых характерных компонентов дворянской поместной культуры и образа жизни.

Основа книжной культуры высшего сословия конца XVIII – конца XIX вв. бытовала в традициях семейного чтения. Этому способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, достаточно высокий уровень грамотности помещиков для овладения читательскими компетенциями, во-вторых, размеренный образ поместной жизни, позволяющий рассматривать чтение как важную форму семейного досуга. Исторической подоплекой данных процессов стали «Манифест о даровании вольности российскому дворянству» (1762 г.) и «Жалованная грамота» Екатерины II 1785 г., фактически освободившие владельцев имений от обязательной службы и послужившие основанием для развития особого быта. Формирование культуры чтения, таким образом, шло в замкнутом пространстве российских усадеб и обуславливало новые форматы повседневно патриархальных семей.

О включенности абсолютно всех представителей высшего сословия в процессы семейного чтения оставлено достаточно большое количество воспоминаний. В этом отношении характерно описание провинциальной книжной культуры помещиков, оставленное мемуаристом И. Бестужевым-Лада. Раскрывая общепринятый формат семейного досуга, связанного с книгой, он писал: «...Вечер. Семья в сборе. ...Все сидят на своих любимых местах. Горит лишь одна лампа, под которой кто-то из членов семейства – чаще, понятно, глава семьи, но это совсем необязательно – читает вслух книгу. А все слушают и затем обсуждают услышанное» (Лякишева, 2009: 17). Таким образом, читательские практики существенно отличались от индивидуальных форм работы с литературой. При этом важным условием семейных посиделок являлось наличие диалога всех членов семьи, благодаря которому происходило культурное взаимообогащение всех представителей рода.

Обращение к воспоминаниям разных представителей высшего сословия XIX века говорит о раннем приобщении большинства дворян к семейному чтению. При этом интеллектуальный уровень дворянских недорослей и их внимание к жанрам литературы, прежде всего, зависел от образованности и качества книжного вкуса русских дворянок, на которых возлагались основные обязанности по воспитанию подрастающих чад. «Женский мир был неотделим от детского, и женщина-читательница породила ребенка-читателя», – писал М.Ю. Лотман (Лотман, 2014: 62).

Дворянки относились с особым вниманием к читательской культуре своих детей, так как она формировала интеллектуальный тип личности, приучала ребенка слушать и анализировать прочитанное. Ф.И. Буслаев вспоминал, как «матушка любила слушать [его] чтение, сидя за рукоделием». «Большую часть поэтических произведений, – отмечал он, – читалось попеременно («то она, то – я»). Тщательно отбирая произведения для таких посиделок, мать Ф.И. Буслаева быстро стала его «главной воспитательницей и наставницей в литературе» (Буслаев, 1897: 34). При этом знакомство с книгой часто объединялось с музыкой и пением. У моей «родительницы был хороший голос и музыкальный слух, и она любила за рукоделием сопровождать работу пением» (Буслаев, 1897: 37).

Чтение своему ребенку, как распространенное социокультурное явление, с одной стороны, содержало важный педагогический аспект, связанный с воспитанием собственных детей на известных художественных образах. С другой – оно отражало пафос эпохи просвещения, определяемый эмансипацией прекрасного пола, повышением уровня его образования. Именно с понятием книжности в конце XVIII – начале XIX вв. ассоциировался новый образ дворянки – просвещенного и эрудированного члена общества. Недаром часть женщин ревностно относилась к руководству чтением в семье, не доверяя его гувернанткам. «Домашние библиотеки женщин конца

XVIII – начала XIX века сформировали облик людей 1812 года и декабристской эпохи, домашнее чтение матерей и детей 1820-х годов взрастило деятелей русской культуры середины и второй половины XIX века», – справедливо замечал Лотман (Лотман, 2014: 50).

Многодетность дворянских женщин и сильная загруженность вопросами воспитания обуславливали приглашение приемных учителей. Это был особый класс наемных работников, отвечавших за образование недорослей. Воспоминания Ф.Ф. Вигеля, М.А. Дмитриева и многих других дворян подтверждают высокие профессиональные качества и доброту приглашенных учителей. Они «с честью и успешно исполняли свои обязанности, отдавшись им по призванию и неся их с полным достоинством» (Массон, 1996: 42). Высокие оценки работы педагогов были обусловлены тщательностью отбора кандидатов, требования к которому были закреплены и на государственном уровне. В указе 1757 года определенно говорилось: «Повелено учителей из иностранцев без свидетельства и аттестатов о знаниях никому в домах своих не держать под опасением неукоснительного штрафа за каждого по 100 руб., а тех учителей, кои без аттестатов школ имеют, будут высланы за границу».

Фактов широкого применения положений данного закона во второй половине XVIII века найти не удалось, тем не менее даже просвещенные и обеспеченные дворяне не были застрахованы от некачественных специалистов. Единичные примеры нерадивых гувернантов, бросающих тень на дворянских учителей, тут же делались объектами шуток. Достаточно вспомнить Вральмана из комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль», навсегда закрепившего за российскими гувернантками образ глупого, хитрого приспособленца.

Основным требованием к читаемой литературе являлось воспитание чувства патриотизма и гражданственности, формирование культурной идентичности, разностороннее гуманитарное образование. Литература в обязательном порядке должна была обобщать светские этические и этикетные нормы. При этом особое внимание уделялось как отечественной, так и зарубежной классике, проверенной временем. Так, вспоминая о своих книжных пристрастиях, В.И. Буслаев отмечал разнообразие художественной литературы – как по жанрам, так и авторам произведений. Так, были популярны баллады Жуковского, в том числе «Двенадцать спящих дев», «Певец во стане русских воинов», а также «Сельское кладбище» Грея. Одновременно в числе любимых сочинений он называл «Умиравшего Тасса» Батюшкова, «Чернеца» и «Княгиню Наталью Долгорукую» Козлова.

Свободное владение иностранными языками давало возможность дворянам осваивать зарубежную литературу. Так, знание французского языка позволяло им в оригинале читать «Сида» П. Корнеля, «Андромаху» Ж. Расина, «Тартюфа» Мольера, «Генриаду» Вольтера, а изучение английского – «Макбета» и «Гамлета» на языке Шекспира. Немецкоговорящие дети могли познакомиться с популярными в первой половине XIX века Гете и Шиллером. В ряде семей читали латинские издания Плутарха, Тацита, Тита Ливия, Горация и других античных писателей.

Знакомство с разнообразной по жанровому и языковому содержанию литературой формировало профессиональные увлечения подрастающего поколения. Шарль Массон находил в образовании, обусловленном семейным чтением, множество положительных свойств. Законченное домашнее воспитание, по его мнению, давало молодым людям широкие и систематические познания. К тому же русские всегда «умели блеснуть этими познаниями». Понимая все это, дворяне стремились повышать свой образовательный уровень при всяком удобном случае. Так, Н.П. Грот вспоминала о высоком образовательном уровне своей матери, позволявшем ей свободно переводить с французского, немецкого и английского садовые книги и применять полученные знания на практике. Другой мемуарист, пензенский дворянин П.И. Юматов, вспоминал о первом опыте знакомства с сочинением Плутарха для юношества, переведенным на русский язык в 1809 году. Эта книга так понравилась автору, что он получил «охоту ознакомиться с историей», «распределением государств в Европе», что в последующем привело его к систематическому увлечению географией.

Особенно сильно читательский досуг в дворянской семье расширял выход специальной детской литературы, известной еще с конца XVIII века. Достаточно популярны в данный период были «Детское чтение для сердца и разума» Н.И. Новикова, «Детская библиотека» Г. Гампе, «представляющего замечательную для того времени попытку дать детям осмысленное и полезное чтение». Здесь печатались короткие рассказы о жизни современников, юношеские басни, повести, сказки. Позднее начало выпускаться «Зеркало добродетели и благонравия для детей», в котором печатались богато иллюстрированные детские рассказы и повести. Подростков привлекало красочное издание, даже если смысл произведения был не совсем ясен. «Я всякий день читал свою единственную книжку «Зеркало добродетели» моей маленькой сестрице, никак не догадываясь, что она еще ничего не понимала, кроме удовольствия смотреть картинки», – вспоминал С. Аксаков. Тем не менее чтение подобных журналов воспроизводило особую культуру семейных посиделок и межличностного общения, где главная роль отводилась печатному слову и книге.

Общая религиозность дворянского сословия накладывала свой отпечаток на круг семейного чтения. Ребенка с рождения знакомили с христианскими этическими нормами и традициями. Чтение религиозной литературы было связано с посещением церкви и ежедневной молитвой. М.А. Дмитриев вспоминал, как, «затворивши двери в комнату», мать «молилась, читая по книжке утренние

молитвы». Ею она ставила «возле себя», причем он «не скучал этим, вникая в слова молитв, и с благоговением разделял с нею ее возношение души к Богу» (Барашев, 2010: 227). Так, среди книг тарханской библиотеки следует назвать «Путешествие ко Святым местам» А.Н. Муравьева, «Молитвослов», «Училище благочестия, или Примеры христианских добродетелей, выбранные из житий святых», «Книга хвалений, или Псалтирь российская».

О раннем знакомстве с религиозной литературой вспоминал и генерал С.А. Тучков: «На третьем году возраста начали уже меня учить читать по старинному букварю и катехизису, без всяких правил». При этом он отмечал, что подобные занятия уже тогда прочно вошли в повсеместную практику: «В то время большая часть среднего дворянства таким образом начинала воспитываться».

Решающую роль в качестве подготовки дворянина играло разнообразие репертуара личной библиотеки. Эпоха просвещения делала книжное коллекционирование важной частью дворянской культуры, необходимой принадлежностью каждого богатого дома. Монументальным собранием обладали орловские дворяне Цуриковы. Их коллекция начала формироваться еще во времена Елизаветы Петровны. К началу XIX столетия собрание объединяло 3 689 томов на французском (более 1 500 изданий), русском (более 1 100 изданий) и немецком (более 400 изданий) языках. Превалирование франкоязычной литературы отражало активное вовлечение орловских владельцев в процесс «галломании». Они любили чтение классиков французской драматургии Ж.-Б. Расина, Ж.-Б. Мольера, Н. Буало, П. Корнеля, поэтов Шарля-Огюста де Лафара, Жанти Бернара, просветителей Вольтера, Дени Дидро и др. При этом достаточно много франкоязычных изданий относилось к периодическим изданиям (462 тома).

Энциклопедический состав книжной коллекции характерен для библиотеки Лутовиновых-Тургеневых в с. Спасском-Лутовиново. Основа их коллекции – светские книги французских просветителей XVIII в. «вольнодумного содержания». Владельцы могли похвастаться полной коллекцией изданий Руссо, включающей 10 томов, напечатанных в Париже в 1775 году, посмертным изданием сочинений просветителя, опубликованным в Женеве в 1785 г., многотомным трактатом «Эмиль, или о воспитании» и рядом других произведений. Мемориальную ценность представляло также «Полное собрание сочинений Вольтера», изданное и переведенное на базе казинской типографии И.Г. Рахманинова в Тамбовской губернии. Эти книги уцелели после пожара учреждения в 1787 г., были запрещены и конфискованы по распоряжению Екатерины II, однако часть тиража все-таки попала к Лутовиновым-Тургеневым.

Большую роль в комплектовании библиотеки в Спасском-Лутовиново сыграла мать И.С. Тургенева – Варвара Петровна Лутовинова-Тургенева. «Я читаю, как поедает раки, книг много, да глаз нет», – писала она в семейной переписке. Туристические посещения Европы и Америки, Индии, Китая, Турции позволяли ей закупать значительный объем зарубежной литературы. Среди приобретенных ею изданий можно отметить многотомник «Французский путешественник» Делапорта, «Путешествие к Северному полюсу Кука», «Путешествие Мезендорфа в Оренбург и Бухару». Внимание к книгам разного содержания характеризуют широту читательских интересов владельцев библиотек, показывают источники интеллектуального развития знаменитой дворянской семьи.

Формирование помещичьих библиотек не всегда поступательно. Из-за низкого развития книготорговли в стране дворяне испытывали значительные трудности с покупкой новых изданий. Еще в 1773 году издатель Н.И. Новиков сетовал о сложности с приобретением и «употреблением на пользу» книг для «живших в отдаленных провинциях» букинистов. Продающаяся в Петербурге книга по рублю доходит туда в три рубля, а иногда и больше; через сие охотники покупать книги уменьшаются, замечал он (Книга..., 1978: 115).

О сложностях комплектования личной библиотеки вспоминал и И.А. Салов. По его наблюдениям, «книги были тогда редкостью; они были наперечёт». Отсутствие книжных лавок заставляло владельцев «доставать желаемые книги». При этом люди дорожили книгами как «дикивинкою» и перед тем, как «воротить их назад, непременно делали несколько выписок, а иногда и переписывали целую повесть или поэму в стихах, не говоря уже о мелких стихотворениях, из которых они составляли в своих тетрадках целые сборники». Эта литературная забава, по мнению автора, заставляла многих дворян иметь рукописную библиотечку и развивать охоту к сочинительству.

Поскольку семейное чтение в дворянской семье было одной из форм контроля за подрастающим поколением, жанры читаемой литературы жестко контролировались родителями. Изучение личных воспоминаний помещиков говорит о существовании особой внутрисемейной цензуры, относящейся к широкому кругу художественной литературы, доступной только взрослым и подготовленным читателям. Так, пензенская дворянка А.Е. Лабзина вспоминала о четком предостережении со стороны родителей: «Ежели тебе будут предлагать книги какие-нибудь для прочтения, то не читай, пока не просмотрит твоя...». Только после благословения она могла брать в руки интересующее ее произведение и то с наставлениями: «Скуку твою проводи не рассеянием, но трудами и чтением полезных книг».

Нежелательными для семейного чтения были также произведения по астрологии, эзотерике, магии. Коллекция таких книг была в старокутлявском имении рода Долгоруких (Пензенская

губерния). Знакомство с такими книгами для детей семейства было недопустимо, однако, как и все запретное, недоступные книги вызывали жгучий интерес. Для Е.П. Блаватской, прочитавшей их в 15 лет, данный опыт был болезнен. В последующем она вспоминала, что вся чертовщина средних веков нашла себе прибежище в ее голове и скоро уже ни Парацельс, ни К. Агриппа ничему уже не могли ее научить. Однако подобный опыт был скорее исключением из правил вследствие значительного контроля со стороны родителей за воспитанием дворянских недорослей.

5. Заключение

Таким образом, исследование информационной культуры взрослого дворянства позволило установить основополагающее значение семейного чтения для формирования интересов, творческих способностей, нравственных качеств высшего сословия. Ежедневное обращение к книгам формировало ненавязчивое восприятие книжной культуры, определяло интерес к печатному слову. Формирующим оказывалось освоение разных по языковой принадлежности и жанрам произведений, развивавшим кругозор и эрудицию членов семьи. Через активное освоение книжного наследия проходила ранняя социализация дворянских недорослей, формировался интерес к отдельным темам и направлениям в литературе. При этом образ читающих родителей становился образцом для подражания и формировал необходимые условия для воспроизводства читательских традиций в дальнейшем.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (Проект № 22-28-01964).

Литература

- [Акользина, 2020](#) – *Акользина М.К.* История частных библиотек Тамбовской губернии в исследовательской литературе // *Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки»*. Тамбов, 2020. Т. 25. № 184. С. 121-128.
- [Барашев, 2010](#) – *Барашев М.А.* Домашнее воспитание в русской дворянской семье второй половины XVIII – начала XIX в. // *Вопросы образования*. 2010. Вып. 1. С. 225-236.
- [Буслаев, 1897](#) – *Буслаев Ф.И.* Мои воспоминания. М., 1897. 387 с.
- [Вигель, 1928](#) – *Вигель Ф.Ф.* Записки. М., 1928. Т. 1. 1928. 377 с.
- [Вышеславцев, 1895](#) – *Вышеславцев А.В.* Систематический каталог художественно-исторической библиотеки А.В. Вышеславцева. СПб., 1895. 25 с.
- [ГАРФ](#) – Государственный архив Российской Федерации.
- [Геннади, 1872](#) – *Геннади Г.Н.* Русские книжные редкости: библиографический список русских редких книг. СПб., 1872. 150 с.
- [Грот, 1900](#) – *Грот Н.П.* Из семейной хроники: воспоминания для детей и внуков. СПб., 1900. 186 с.
- [Долгова, 1983](#) – *Долгова С.Р.* О библиотеке Меншикова // *Русские библиотеки и их читатель (из истории русской культуры эпохи феодализма)*. Л., 1983. С. 87-98.
- [Иваск, 1905](#) – *Иваск У.Г.* Описание русских книжных знаков. М., 1905. Вып. 1. 348 с.
- [Книга..., 1978](#) – *Книга в России до середины XIX века* / Ред. А.А. Сидоров, С.П. Луппов. Л., 1978. 321 с.
- [Либрович, 1914](#) – *Либрович С.Ф.* История книги в России. СПб.-М., 1914. Часть 2. 234 с.
- [Лотман, 2014](#) – *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2014. 412 с.
- [Луппов, 1973](#) – *Луппов С.П.* Книга в России в послепетровское время (1725–1740). Л., 1973. 380 с.
- [Лякишева, 2009](#) – *Лякишева С.В.* Усадебные библиотеки и домашнее чтение дворян как образец книжной культуры России XIX века: Автореферат дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03. М., 2009. 22 с.
- [Массон, 1996](#) – *Массон Ш.* Секретные записки о России. М., 1996. 208 с.
- [Минцлов, 1925](#) – *Минцлов С.Р.* Синодик библиотек, архивов и коллекций, погибших во время великой войны и революции. Берлин, 1925. 11 с.
- [Обрадович, 1998](#) – *Обрадович А.Г.* Собрание книг И.И. Шувалова в научной библиотеке Российской академии художеств // *Философский век. Альманах*. 1998. Вып. 8. С. 204-210.
- [Рубакин, 1895](#) – *Рубакин Н.А.* Этюды о русской читающей публике: факты, цифры и наблюдения. СПб., 1895. 246 с.
- [Соловьев, 2020](#) – *Соловьев А.А.* Интеллигентность из крестьян Иван Голышев и Иван Сытин: книгоиздательская и просветительская деятельность // *Интеллигенция и мир*. 2020. № 4. С. 26-37.
- [Токмакова, 2012](#) – *Токмакова Т.Н.* К вопросу об истоках формирования родовой библиотеки И.С. Тургенева // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2012. № 2(22). С. 12-20.
- [Французская..., 1986](#) – *Французская книга в России в XVIII в.: очерки истории* / АН СССР; под редакцией С.П. Луппова. Л., 1986. 252 с.
- [Шилов, 1929](#) – *Шилов Ф.Г.* Судьбы некоторых книжных собраний за последние 10 лет (опыт обзора) // *Альманах библиофила*. 1929. Кн. 1. С. 165-200.

Шуманский, 1905 – Шуманский Е.А. Справочная книга для русских bibliофилов. Одесса, 1905. 203 с.

References

- Akol'zina, 2020 – Akol'zina, M.K. (2020). Istoriya chastnykh bibliotek Tambovskoi gubernii v issledovatel'skoi literature [The history of private libraries of the Tambov province in research literature]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. Tambov. 25(184): 121-128. [in Russian]
- Barashev, 2010 – Barashev, M.A. (2010). Domashnee vospitanie v russkoi dvoryanskoi sem'e vtoroi poloviny XVIII – nachala XIX v. [Home education in a Russian noble family of the second half of the XVIII – early XIX century]. *Voprosy obrazovaniya*. 1: 225-236. [in Russian]
- Buslaev, 1897 – Buslaev, F.I. (1897). Moi vospominaniya [My memoirs]. M., 387 p. [in Russian]
- Dolgova, 1983 – Dolgova, S.R. (1983). O biblioteke Menshikova [About the Menshikov library]. *Russkie biblioteki i ikh chitatel' (iz istorii russkoi kul'tury epokhi feodalizma)*. L. Pp. 87-98. [in Russian]
- Frantsuzskaya..., 1986 – Frantsuzskaya kniga v Rossii v XVIII v.: ocherki istorii [French book in Russia in the XVIII century: Essays on History]. AN SSSR; pod redaktsiei S.P. Luppova. L., 252 p. [in Russian]
- GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation].
- Gennadi, 1872 – Gennadi, G.N. (1872). Russkie knizhnye redkosti: bibliograficheskii spisok russkikh redkikh knig [Russian Book Rarities: a bibliographic list of Russian rare books]. SPb., 150 p. [in Russian]
- Grot, 1900 – Grot, N.P. (1900). Iz semeinoi khroniki: vospominaniya dlya detei i vnukov vnukov [From the family chronicle: memories for children and grandchildren]. SPb., 186 p. [in Russian]
- Ivask, 1905 – Ivask, U.G. (1905). Opisanie russkikh knizhnykh znakov [Description of Russian book signs]. M. Vyp. 1. 348 p. [in Russian]
- Kniga..., 1978 – Kniga v Rossii do serediny XIX veka [The book in Russia until the middle of the XIX century]. Red. A.A. Sidorov, S.P. Luppov. L., 1978. 321 p. [in Russian]
- Librovich, 1914 – Librovich, S.F. (1914). Istoriya knigi v Rossii [The history of the book in Russia]. SPb.-M. Chast' 2. 234 p. [in Russian]
- Lotman, 2014 – Lotman, Yu.M. (2014). Besedy o russkoi kul'ture: byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka) [Conversations about Russian culture: the way of life and traditions of the Russian nobility (XVIII – early XIX century)]. SPb., 412 p. [in Russian]
- Luppov, 1973 – Luppov, S.P. (1973). Kniga v Rossii v poslepetrovskoe vremya (1725–1740) [The book in Russia in the post-Petrine period (1725–1740)]. L., 380 p. [in Russian]
- Lyakisheva, 2009 – Lyakisheva, S.V. (2009). Usadebnye biblioteki i domashnee chtenie dvoryan kak obrazets knizhnoi kul'tury Rossii XIX veka [Manor libraries and home reading of nobles as an example of the book culture of Russia of the XIX century]: Avtoreferat dis. ... kand. ped. nauk: 05.25.03. M., 22 p. [in Russian]
- Masson, 1996 – Masson, Sh. (1996). Sekretnye zapiski o Rossii [Secret notes about Russia]. M., 208 p. [in Russian]
- Mintslov, 1925 – Mintslov, C.R. (1925). Sinodik bibliotek, arkhivov i kollektzii, pogibshikh vo vremya velikoi voiny i revolyutsii [Synodic of libraries, archives and collections that died during the Great War and Revolution]. Berlin, 11 p. [in Russian]
- Obradovich, 1998 – Obradovich, A.G. (1998). Sobranie knig I.I. Shuvalova v nauchnoi biblioteke Rossiiskoi akademii khudozhestv [Collection of books by I.I. Shuvalov in the Scientific Library of the Russian academy of arts]. *Filosofskii vek. Al'manakh*. 8: 204-210. [in Russian]
- Rubakin, 1895 – Rubakin, N.A. (1895). Etyudy o russkoi chitayushchei publike: fakty, tsifry i nablyudeniya [Sketches about the Russian reading public: facts, figures and observations]. SPb., 246 p. [in Russian]
- Shilov, 1929 – Shilov, F.G. (1929). Sud'by nekotorykh knizhnykh sobranii za poslednie 10 let (opyt obzora) [The fate of some book collections over the past 10 years (review experience)]. *Al'manakh bibliofila*. Kn. 1. Pp. 165-200. [in Russian]
- Shumanskii, 1905 – Shumanskii, E.A. (1905). Spravochnaya kniga dlya russkikh bibliofilov [Reference book for Russian bibliophiles]. Odessa, 203 p. [in Russian]
- Solov'ev, 2020 – Solov'ev, A.A. Intelligenty iz krest'yan Ivan Golyshev i Ivan Sytin: knigoizdatel'skaya i prosvetitel'skaya deyatel'nost' [Intellectuals from peasants Ivan Golyshev and Ivan Sytin: publishing and educational activities]. *Intelligentsiya i mir*. 2020. № 4. S. 26-37. [in Russian]
- Tokmakova, 2012 – Tokmakova, T.N. (2012). K voprosu ob istokakh formirovaniya rodovoi biblioteki I.S. Turgeneva [To the issue of the origins of the formation of the generic library of I. S. Turgenev]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*. 2(22): 12-20. [in Russian]
- Vigel', 1928 – Vigel', F.F. (1928). Zapiski [Notes]. M. T. 1. 377 p. [in Russian]
- Vysheslavtsev, 1895 – Vysheslavtsev, A.V. (1895). Sistemicheskii katalog khudozhestvenno-istoricheskoi biblioteki A.V. Vysheslavtseva [Systematic catalog of the Art and Historical Library of A.V. Vysheslavtsev]. SPb., 25 p. [in Russian]

Семейное чтение дворян в информационной культуре российской провинции второй половины XIX – начала XX вв.

Руслан Магомедович Житин ^{а, *}, Алексей Геннадьевич Топильский ^а

^а Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается проблема бытования и трансформации культуры семейного чтения среди дворян во второй половине XIX – начале XX веков. Проанализированы особенности подбора литературы для вечеров в кругу семьи, охарактеризованы (в том числе благодаря обращению к мемуарам) особенности читательского интереса среди разных социальных и половозрастных групп дворян.

Для разработки разных по содержанию и типам источников применялись историко-сравнительный и историко-типологический методы, позволяющие выполнить компаративные характеристики семейного чтения дворянских семей.

В ходе исследования информационной культуры российского дворянства удалось установить основополагающее значение семейного чтения для формирования интересов, творческих способностей, нравственных качеств высшего сословия. Ежедневное обращение к книгам формировало ненавязчивое восприятие книжной культуры, определяло интерес к печатному слову. Формирующим оказывалось освоение разных по языковой принадлежности и жанрам произведений, развивавших кругозор и эрудицию членов семьи.

Через активное освоение книжного наследия проходила ранняя социализация дворянских недорослей, формировался интерес к отдельным темам и направлениям в литературе. При этом образ читающих родителей становился образцом для подражания и формировал необходимые условия для воспроизводства читательских традиций в дальнейшем.

Ключевые слова: дворянские библиотеки, домашнее чтение, Просвещение, усадьбы, книжная культура, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: istoriko8@mail.ru (Р.М. Житин), a-topil@yandex.ru (А.Г. Топильский)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1633-1642
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1633

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Vicissitudes of Fate: The Cultural Code of the Stechkin Family

Tatiana A. Volodina ^{a,*}, Elena V. Simonova ^a

^aTula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

For the first time in history researches, the article analyzes the life of Stechkin family as a complex phenomenon of the socio-cultural life of the provincial gentry. The authors seek to reveal the factors that influenced the formation of a whole cohort of remarkable representatives of this genus, who left a noticeable mark in the history of the country in the XX century. In contrast to non-fiction narratives, usually devoted to the Stechkins, the article is written on the basis of a wide range of archival materials that have been introduced into research for the first time. The authors pay priority attention to ups and downs of Stechkin kin in the XVIII century, trying to explain the characteristic features of their social rise caused by the impulse of Peter's reforms, and analyze their role in the social life of the Russian province. Revealed by a dotted line the impoverishment of the genus in the XIX century, the authors come to the conclusion that it was the combination of two opposite factors – stressful and difficult service, replaced by freedom and sybaritism – that eventually led to the formation of the phenomenon of the Stechkins of the XX century.

Keywords: history of the genus, Stechkins, provincial gentry, XVIII century, mentality.

1. Введение

Род – целое, а не сумма последовательных поколений...
 П.А. Флоренский

Исследования биографического или генеалогического характера дают возможность не только реконструировать персональные жизненные перипетии отдельного человека, но и проанализировать модели и практики поведения целого рода. Такой подход позволяет выявить конкретно-исторические проявления жизни и деятельности определенной группы в диахронном измерении, вписав их в широкий контекст социального развития общества.

Предлагаемая работа посвящена истории рода Стечкиных в XVIII–XIX вв., которые долгое время были тесно связаны с Тульским краем, хотя их деятельность отнюдь не ограничивалась локальными рамками. О тульских Стечкиных, которые оставили заметный след в истории страны, существует достаточно обширная литература, хотя вся она посвящена XX столетию. Все они – конструкторы, ученые, врачи, преподаватели – обладали некоей общей константой: привычкой к напряженному интеллектуальному труду и роскошью самостоятельности мышления, чувством собственного достоинства и упорством в преодолении жизненных препятствий. Для того чтобы пояснить свою мысль, приведем лишь один пример. Борис Сергеевич Стечкин, «бог моторов» и сподвижник Сергея Королева, дважды был арестован в 1930-е гг. и в общей сложности провел по тюрьмам и шарашкам 8 лет. И вот с таким опытом за плечами он не боялся мыслить. В воспоминаниях его племянника, О.Я. Стечкина, находим свидетельство, относящееся к 1950 г. (племянник в то время был аспирантом Академии общественных наук при ЦК КПСС): «Бываю у дяди Бори. С ним мы спорим на философские и политические темы и смотрим только что появившийся

* Corresponding author

E-mail addresses: volodina.tatiana2016@yandex.ru (T.A.Volodina)

телевизор. Дядя настаивает на том, что марксистская философия – это религия, а советский политический строй – монархия. Впрочем, он не считает, что это плохо» (Стечкин, 2022: 221).

Задача данной статьи – понять источники такой константы. Можно ли отыскать в родовой исторической нити ту преемственность, которая в виде семейных рассказов, поступков и жизненных ситуаций формировала паттерны их поведения как своеобразный историко-генетический код рода?

История рода Стечкиных актуальна и в другом отношении. Современные историки признают, что роль провинциального дворянства в социальной жизни России XVIII в. недостаточно изучена, ибо традиционно в центре внимания исследователей оказывались либо родовитая столичная знать и фавориты, принимавшие активное участие в государственной политике, либо представители интеллектуально-культурной элиты (Глаголева, Ширле, 2012). В современной историографии явно не хватает работ, посвященных административной и социокультурной роли провинциального дворянства средней руки. Фактор, афористично сформулированный Павлом I: «У меня столько же полицеймейстеров, сколько помещиков», – не находится в фокусе внимания исследователей.

2. Материалы и методы

Источниковую базу статьи составляют печатные источники и архивные материалы, относящиеся к периоду XVIII – начала XIX вв. Большинство архивных источников впервые введены в научный оборот. Прежде всего, это материалы федеральных и региональных архивов, которые содержат информацию о деятельности и продвижении Стечкиных по государственной службе (РГАДА. Ф. 210, 248, 286), материалы об истории дворянского рода (РГИА. Ф. 1343) и которые позволили охарактеризовать эволюцию имущественного состояния и социального статуса Стечкиных (ЦАМО. Ф. 203; ЦАНО. Ф. 639). Однако в наибольшей степени были использованы источники о социальной жизни помещиков Стечкиных, об их хозяйственно-экономической деятельности и взаимоотношениях с крепостными, о коммуникации с губернскими и уездными властями, об отношениях с дворянским обществом и соседями-помещиками (ГАТО. Ф. 3, 39, 51, 55, 118, 121, 187, 819, 1770).

Эти материалы легли в основу выявления персональных характеристик представителей рода Стечкиных, которые определяли их продвижение вверх или вниз по социальной лестнице в контексте общего развития российского общества. Статья написана на основе принципов историзма и объективности в рамках историко-антропологического подхода с учетом современных достижений изучения истории ментальности. При работе с источниками были применены историко-генетический и просопографический методы. Это позволило выявить диахронные факторы, определявшие судьбу разных поколений Стечкиных. Историко-системный метод лег в основу исследования рода как целостной структуры, где члены семьи объединены и связаны неким общим культурным кодом.

3. Обсуждение

Необходимо отметить, что в таком ключе тема в исторической науке практически не изучалась. Литература о Стечкиных, во-первых, посвящена в основном периоду XX в., а во-вторых, – носит по большей части краеведческий или научно-популярный характер (Рассаднев, 1996; Стечкины, ЗДР, 2020; Чуев, 1978; Чуев, 1998; Володина, Симонова, 2021; Зеленко, Трухачев, 2013; Володина, Симонова, 2020; Володина, 2020). В силу этого мы чаще всего не находим в ней ссылок на источники, да и вообще какого-либо научно-справочного аппарата. Единственным автором, который хотя бы косвенно касался исторических корней Стечкиных, был Феликс Чуев. Впрочем, этот писатель, которого можно отнести к «национал-консервативному» крылу советской литературы, главным образом концентрировал свое внимание на том, из какого исторического материала выковывались «солдаты империи» (Резник, 2015: 312–315). В научно-популярном нарративе факты кочевали из одной публикации в другую и от многократного повторения приобретали ореол достоверности.

Написал, например, Феликс Чуев в своей книге, что со времен Екатерины фамилия Стечкиных писалась с мягким знаком (Стечькины). В доказательство он даже процитировал свидетельство Пушкина о том, что Пугачев казнил «гвардии прапорщика Ивана Стечькина с женою Василисой Петровою» (Чуев, 1978: 7–8). На самом деле в прижизненном издании Пушкина фамилия прапорщика Стечкина приводится без всякого мягкого знака (Пушкин, 1834: 83). Да и в архивных документах конца XVIII в. фамилия Стечкиных никакого мягкого знака не содержит (ГАТО. Ф. 819. Оп. 7. Д. 947; ГАТО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 7363).

В хронологически длинном архивном деле (1828–1852 гг.), демонстрирующем историю разорения Николая Яковлевича Стечкина (по сути, это было разорение всех тульских Стечкиных), мы можем видеть, когда появился этот мягкий знак. В этом объемном деле в ранних документах главный фигурант еще значится Стечкиным, а вот по мере приближения к краху и банкротству мы уже видим новое написание фамилии – Стечькин (ГАТО. Ф. 51. Оп. 14. Д. 1972. Л. 1–3, 104, 109). Где и в силу чего произошли эти изменения (ошибка писаря, стремление сохранить репутацию) можно только гадать, но в любом случае это произошло не во времена Екатерины. Однако озвученная Чуевым версия о мягком знаке, который появился в написании фамилии еще в XVIII в., повторяется авторами как неопровержимая истина (Рассаднев, 1996: 6).

4. Результаты

Мы постарались твердо стоять на фундаменте источников и документов в разысканиях об истории рода Стечкиных. Обратившись же к подлинным документам как к точке опоры, мы убеждаемся, что тульские Стечкины корнями своими уходят... в Поволжье (Нижний Новгород, Кострома и прилегающие территории). В фондах департамента герольдии Сената сохранились дела Стечкиных о занесении их в родословные книги дворянства. Две ветви этой дворянской фамилии указаны там по Нижегородской и Симбирской губерниям (РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 6948, 6949), а одна – по Тульской (РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 6950).

На самом деле это был один и тот же род, просто в первой половине XVIII в. от него отпочковалась тульская ветвь. Впрочем, даже в екатерининские времена тульские Стечкины все еще помнили о своих нижегородских корнях. В этом нас убеждает инцидент, произошедший в 1776 г., когда поручика Якова Петровича Стечкина вызвали в Тульскую провинциальную канцелярию. Из Петербурга пришел запрос, на который он должен был сообщить «о дворянстве известия, какими предки его чинами служили, и от которого государя в дворянское достоинство пожалованы, имеет ли на дворянство и на вотчины жалованные грамоты или другие какие иные доказательства» (ГАТО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 7363. Л. 3).

Повод был, прямо скажем, неприятный. В московскую розыскную экспедицию угодил некий Прокофий Данилович Стечкин, отставной поручик, который во время следствия указал, что справиться о его дворянском статусе можно у родственников в Нижегородском, Арзамасском и Тульском уездах. Щекотливость ситуации состояла в том, что розыскная экспедиция занималась делами о разбоях, воровстве и убийствах. Признаваться в родственных связях с потенциальным каторжником было не с руки. Из Арзамаса ответ вообще не пришел, прапорщик Василий Стечкин из Нижнего от такого «родственничка» откrestился, а тульский Стечкин дал «признательные показания». Он сообщил, что не помнит (т.к. по смерти отца остался в малых летах), где именно и в каких чинах служил его собственный прадед – Василий Афанасьевич Стечкин. Документы же письменные многие сгорели при пожаре в московском доме в 1762 г. Впрочем, Яков Петрович сообщил, что его родной дед – Яков Васильевич – служил в Преображенском полку капитаном. Вот у него был брат Данила Васильевич, который и приходится этому Прокофию Стечкину дедом, но сам Яков Петрович Стечкин о службе своего двоюродного деда ничего не помнит. Неудобное родство с арестантом он признавал: «Отец мой Петр Яковлевич служил по гражданской части статским советником, а брат его двоюродный, отец Прокофия, служил прапорщиком в бомбардирской роте лейб-гвардии Преображенского полка» (ГАТО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 7363. Л. 4).

Впрочем, к концу XVIII в. и нижегородские Стечкины уже утрачивали представление о тульской ветви. В родословной, которую в Нижегородское дворянское собрание подал в 1788 г. прапорщик Андрей Васильевич Стечкин, лишь мелькает человек, которого можно назвать «общим прадедом» – Василий Афанасьевич Стечкин, а далее – ни одного Якова или Петра не наблюдается (ЦАНО. Ф. 639. Оп. 126. Д. 10220. Л. 4).

Именно в поволжские земли уходили истоки стечкинской породы. Видный нижегородский краевед А.П. Мельников в 1891 г. докладывал Нижегородской архивной комиссии, что ему удалось приобрести 20 столбцов старинных документов, относящихся к концу XVII в. из семейного архива курмышских помещиков Стечкиных (ДНУАК, 1891: 609). Впрочем, встречаются известия еще более древние, во всяком случае, уже в XV в. дети боярские Стечкины владели селом неподалеку от Балахны (СНМНГ, 1863: XXII). Если это так, то род Стечкиных обосновался на этих землях еще в ту пору, когда они представляли собой русское пограничье. Во всяком случае, в начале XVII в. мы находим представителей рода среди нижегородского служилого сословия; в платежной книге денежных сборов Нижегородского уезда за 1629 г. Стечкины – Василий Андреевич и Михаил Антонович – упоминаются как владельцы поместья в сельце Стечкино, Лукино тож (ДНГАК, 1912: 91–92).

Эта нижегородская ветвь Стечкиных нитью тянется через XVIII–XIX вв. Дмитрий Данилович Стечкин имел поместье в Арзамасском уезде при Анне Иоанновне; в Ардатовском уезде судьей служил коллежский асессор Андрей Васильевич Стечкин; в 1772 г. гвардии прапорщик Иван Данилович Стечкин был комиссаром в Ядрине Нижегородской губернии; в первой половине XIX в. судьей в г. Курмыше был коллежский асессор Андрей Васильевич Стечкин; а в Гороховце судьей долгие годы служил поручик Александр Иванович Стечкин, кавалер орденов Станислава, Владимира и Анны (РГАДА. Ф. 281. № 339/108; АК, 1770: 181; АК, 1772: 186; АК, 1806: 293; АК, 1811: 305; АК, 1842: 63). Обратим внимание на одну особенность: среди нижегородских Стечкиных часто мелькают имена Андрей, Василий, Данила и Иван (ДНГАК, 1912: 51–53). Эта «повторяемость» имен нередко встречалась в дворянских фамилиях и связана была с тем, что сына было принято называть в честь деда. Среди тульского рода в XVIII–XIX вв. набор приоритетных имен был другой: Яковы, Петры и Николаи.

Стечкина, который послужил своеобразным связующим звеном этих двух линий, звали Яковом Васильевичем. Мы находим его в боярских списках петровского времени. Он записан в рубрике «жильцы в офицерах, гусарах, копейщиках, рейтарах с 7205 г.» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 60. Л. 449). Это значит, что, по крайней мере, в период 1697–1713 гг. он находился на военной службе. В его судьбе мы видим, какой социальный лифт беспокойные петровские времена предоставляли

активным и деятельным выходцам из мелкого провинциального дворянства. Во-первых, в «офицеры и рейтары» Яков Стечкин набран был из жильцов, значит, уже переместился из Нижнего Новгорода в Москву. Жильцы относились к престижному военно-служилому слою и должны были нести службу в Москве. Однако военный человек при царе Петре долго на одном месте не засиживался, в 1698 г. царь отправляет Якова Стечкина воеводою в провинциальные города к северо-востоку от Костромы (Судиславль, Буй, Любим и Кадый) с приказом «за всем смотреть, денежные и хлебные и всякие доходы собирать и к Москве высылать безо всякого мотчания» (ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 2747. Л. 43). Выполняя наказ государев, воевода не забывал и о себе: в 1699 г. он при помощи хитрой сделки (якобы обмен) прикупил себе поместье в Костромском уезде. А в 1718 г. мы находим Якова Васильевича уже капитаном Преображенского полка, покупающим дом в Москве «со всяким дворовым и хоромным строением в приходе церкви Спаса Преображения, что на Песках» (Получается, дом находился в районе современного театра им. Е. Вахтангова) (ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 2747. Л. 43). Преображенский капитан приобрел также имения в Клинском и Верейском уездах. Как видим, продвигаясь вполне успешно по военной службе (а при Петре это была трудная стезя), Яков Стечкин в плане недвижимости и имений стремился продвинуться поближе к Москве.

Заложенный фундамент семейного благополучия затем был многократно увеличен его сыном – Петром Яковлевичем. Кто из них, отец или сын, начал прикупать поместья в Тульском уезде, точно не известно, однако уже в 1735 г. ассессор Петр Яковлевич Стечкин владел селом Логиновым Тульского уезда и заповедным лесом неподалеку (ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 3585). Впрочем, жалобу на чужих крестьян-порубщиков подал тогда управитель, объяснив: «господин мой ныне имеется при Сенате в Питербурхе» (ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 3585. Л. 106.). Заниматься купленными имениями Петру Стечкину было действительно некогда. Службу свою он начал в гражданском ведомстве, в 1726 г. мы находим его секретарем Соляной конторы в Москве, здесь он прослужит многие годы, дослужится до чина статского советника (гражданский чин 5-го класса) и своим детям оставит уже очень солидное наследство. На протяжении всей жизни он будет приобретать деревни и крестьян в разных уездах Тульской округи (Логиново, Китаевка, Малахово, Балакирево, Плутнево, Труфаново, Улыбышево, Трещево, Никола-Крюк) – и у петровского вельможи Петра Матвеевича Апраксина, и у обедневшей вдовы, и у дворян средней руки по просроченным закладным (ГАТО. Ф. 819. Оп. 7. Д. 947. Л. 1-2; Ф. 39. Оп. 2. Д. 2747. Л. 410б.-42; Ф. 55. Оп. 2. Д. 747). Возникает закономерный вопрос: откуда Петр Стечкин брал деньги на округление своих владений?

Здесь нужно разъяснить, что представляла собой Соляная контора в XVIII в. Для пополнения государственного бюджета Петр I ввел в 1705 г. казенную монополию на соль, велел продавать ее вдвое дороже той цены, по которой ее поставляли подрядчики (ПСЗРИ, 1830: № 2009). Главная соляная контора как раз и должна была обеспечить солью страну, увязав в единое целое производство соли, доставку ее по всей стране, соблюдение казенной монополии и приток соляных денег в бюджет. При этом до половины всего объема соли в стране производили в своих пермских владениях могущественные Строгановы, которые могли фактически шантажировать государство, требуя себе льгот и привилегий. Население же в ответ на повышение казенной цены разворачивалось в сторону тайной продажи соли (Троицкий, 1966: 160-170). В общем, служба Стечкина была отнюдь не синекурой. Тысячи пудов соли то и дело где-то застревают, подмокали, пропадали, и в Соляную контору летели грозные указы Сената: выслать «баронов Строгановых и советника Стечкина к соляному отправлению, не приемля никаких отговорок, объявляя им с подпискою, чтоб до тех мест ехали денно и ночью и по приезде остановившейся соли в надлежащие места отправили всю сполна в самой скорости» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 24. Д. 1606. Л. 107, 146, 172, 309; Д. 1610. Л. 824, 858, 872).

Соляная казенная монополия создавала массу проблем, альтернатива напрашивалась сама собой – отпустить соль в вольное рыночное плавание, обложив ее продажу торговыми налогами. Именно с таким проектом выступил в 1745 г. статский советник Стечкин, доказывая, что в этом случае исчезнет почва для злоупотреблений, цены на соль снизятся, товарооборот увеличится и казенные интересы не пострадают. Однако могущественный реформатор П.И. Шувалов полагал, что все эти фритредерские мечтания приведут лишь к потерям доходов в бюджете страны, а потому проводил политику повышения казенной цены на соль (Троицкий, 1966: 165-166). Сенат, рассмотрев проект Стечкина, вынес решение: «Его мнение о бытии соляной продаже в вольной торговле, чтоб народу была польза, и промышленники остались с довольствием, за действительное причесть никак невозможно» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 24. Д. 1612. Л. 853).

Далеко не полный спектр проблем, с которыми сталкивался Стечкин, служа в Соляной конторе, рисует нам сенатский указ от 18 сентября 1752 г. (ПСЗРИ, 1830: № 10027). Указ этот утверждал разработанные статским советником Стечкиным «кондиции», на основе которых следовало заключать контракты с подрядчиками, бравшими на себя обязательство доставить эльтонскую соль вверх по Волге. Поваренная соль легко растворима в воде, и документ этот свидетельствует, что Стечкин прекрасно отдавал себе отчет, как легко она «растворяется» на волжском пути. Недаром контракт предусматривал определенную норму потерь, закладывая их на «усушку и утечку». Подрядчик мог взять предоплату за доставку, а потом выставить тысячу резонов, почему он оказался не в состоянии выполнить свои обязательства. Баржа могла сесть на мель, получить пробоину или быть застигнутой ледоставом.

Грузчики и бурлаки, набранные из беглых и лихих людей, могли начать промышлять разбоем и разбегаться, достигнув среднего Поволжья. А местная администрация поволжских городов рьяно искала среди этих бурлаков беглых и охотно их арестовывала, тем самым останавливая ход баржи. Местные власти с радостью готовы были сгрузить соль с такого «остановленного» корабля на склады своего города. Подрядчик же по ходу судна сгружал часть груза своим доверенным контрагентам, у которых были налажены цепочки тайной продажи соли. А советник Стечкин ломал голову, каким образом составлять контракты, чтобы преодолеть все эти каверзы и подводные камни.

Впрочем, в специфике Главной соляной конторы кроется ответ на вопрос об источниках доходов, на которые статский советник скупал тульские имения. Всякая монополия создает благодатную почву для «договоренностей». Стечкину, с одной стороны, приходилось ладить с солепромышленниками, подрядчиками, владельцами барж, целовальниками (купцами, которые имели право торговать казенной солью), а с другой – обеспечивать солью города и веси Российской империи. На такой службе, естественно, его личное благосостояние только возрастало.

Каким же образом досталось Стечкину столь привлекательное место? Выяснить это мы можем, обратившись к документам 1732–1734 гг., когда под следствием оказался Алексей Васильевич Макаров, человек заметный и могущественный (ОДИБ, 1889: 37-75). Макаров был тем самым знаменитым кабинет-секретарем царя Петра, который не только управлял канцелярией государя, но и входил в число «птенцов гнезда Петрова». При дворе Екатерины I он фактически не уступал по влиянию самому Меншикову, затем занял пост президента Камер-коллегии, которая занималась государственными финансами, и был переведен в Москву. В 1732 г. из-за дряг по поводу наследства один из родственников обвинил Макарова во взяточничестве и в сокрытии секретных бумаг (документы царя Петра, письма царевича Алексея, письма Меншикова, приходо-расходные книги).

В документах следствия по делу Макарова многократно встречается имя Петра Стечкина и его жены Натальи Никифоровны, которые не раз были подвергнуты допросу. Именно здесь мы находим указание, что ассессор Соляной конторы Петр Стечкин приходился Макарову племянником (ОДИБ, 1889: 39, 43). Это, как мы понимаем, могло быть лишь в одном случае: преображенский капитан Яков Васильевич Стечкин был женат на сестре Макарова. В деле Стечкин и его жена проходили как люди, близкие Макарову. Стечкина обвиняли в том, что он составил опись утаенных документов и скрепил своей подписью некий список бумаг, относившихся к петровскому царствованию. А Наталья Стечкина во всех этих перипетиях то скачет стремглав в карете, чтобы вовремя изъять компрометирующие бумаги, то сопровождает мужчин в переговорах, то печатывает документы. Жена Стечкина уверенно командует канцеляристами, собственноручно подписывает протокол допроса (грамотна) и под предлогом своей болезни вынуждает следствие допрашивать ее в домашней постели, а не в присутствии (ОДИБ, 1889: 43-44, 55).

Вероятно, лишь железные нервы и мужество позволили чете Стечкиных выскользнуть из объятий этого дознания без потерь. Во времена Анны Иоанновны это было непросто. Однако совершенно понятно, что место в Главной соляной конторе юный Петр Стечкин получил благодаря родственным связям и покровительству Макарова.

Следующее поколение семьи представлено сыном статского советника – Яковом Петровичем Стечкиным. Он не был единственным ребенком нашего соляного деятеля. В недрах архивов сохранилась исповедная роспись 1756 г. из храма Успения на Могильцах, что был расположен на Пречистенке, неподалеку от московского дома Стечкиных (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 236. Л. 83об.). Петр и Наталья Стечкины в этом документе не упоминаются, очевидно, они к этому времени уже умерли. Главой семьи здесь числится сержант Измайловского полка Николай Петрович Стечкин (22 года). Затем следуют его братья: Яков Петрович – подпрапорщик Семеновского полка (18 лет) и Павел Петрович – солдат Семеновского полка (16 лет). Затем уже перечисляются сестры: Мария Петровна (19 лет), Екатерина Петровна (7 лет) и Елена Петровна (4 года). У нас нет сведений о судьбе всех членов этой семьи, но здесь важно другое. Старший брат больше нигде не упоминается, возможно, он рано умер или погиб. Однако даже после раздела имений с младшим братом и сестрами Якову достанется солидный кусок; своему сыну и жене он оставит около 500 душ крестьян (ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 2747. Л. 400б.-410б.). С него-то и начинается семейный разворот: от службы – к сибаритству.

Яков Петрович Стечкин поступил на военную службу в 1752 г., т.е. еще при жизни своего отца, и служил сержантом в Семеновском полку. Если в 1756 г. ему было 18 лет, значит, родился он в 1738 г. В возрасте 23 лет он принялся хлопотать об отставке под предлогом болезни; 4 января 1762 г. получил ее и отправился жить в свое имение Тархово Верхнеломовского уезда. Мы не знаем доподлинно мотивов выхода в отставку Якова Стечкина, но одно можно сказать точно: службою он тяготился. Вряд ли в столь молодом возрасте Стечкин был одержим тяжкими болезнями, тем более что прожил он достаточно долго и умер в интервале 1790–1803 гг. (ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 2747). Кроме того, до появления «Манифеста о вольности дворянства» выход в отставку «на собственное пропитание» (т.е. вчистую, без перевода в гражданскую службу) был очень затруднен (Фазизова, 1999: 68-78).

Эта отставка была маркером прощания дворянства с последними отблесками петровской служебной ляжки, подожди Стечкин еще чуть-чуть, и он получил бы законное право уйти из полка просто по своему желанию; «Манифест о вольности дворянства» был подписан 18 февраля 1862 г.

Подарком Елизаветы Петровны было и присвоение Стечкину звания армии поручика (РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Кн. 506. Л. 62-63; ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 2747. Л. 42).

Сухие строки и даты указов рисуют нам здесь зарождение тех социокультурных тенденций в жизни дворянства, которые полностью разовьются при Екатерине. Это та дилемма, перед которой вставало дворянство во второй половине XVIII в. – служить или не служить? И если служить – то сколько, как, где и до каких чинов? Отголоски этой рефлексии мы находим даже в привычных образах школьной программы: Стародум и Митрофан, Чацкий и Петруша Гринев.

Семеновский полк, наряду с Преображенским, принадлежал к элитным гвардейским частям, более половины штата здесь составляли дворяне. Солдаты и унтер-офицеры гвардейских полков из числа дворян жили на съемных квартирах и служили в окружении своей дворни. По задумке Петра I гвардейские полки должны были представлять собой нечто среднее между военно-учебным заведением и образцовой военной частью. Служба в гвардии давала прекрасный старт для начала карьеры и обрращения нужными связями, но требовала значительных расходов. Это гвардейским полкам в первую очередь адресовался указ 1758 г., который запрещал солдатам и унтер-офицерам ездить в каретах и запряжкой цугом (ПСЗРИ. № 10838; Дирин, 1883: 272). В отличие от петровских времен, когда службу дворянский недоросль начинал реально в солдатах, при Елизавете Петровне широко распространилась практика записи в полки детей, для того чтобы к 16–17 годам, когда нужно было фактически явиться на службу, молодой дворянин пребывал уже в унтер-офицерских чинах (капрал, подпрапорщик, сержант). Модели поведения здесь были разные, мы можем увидеть их на примере А.В. Суворова и Н.М. Карамзина (Геруа, 1900; Манойленко, Манойленко, 2016).

Суворов, записанный в Семеновский полк 12 лет от роду, явился на службу спустя 6 лет (1748 г.) в звании капрала. В 1751 г. он получил звание сержанта, а в 1754 г. был выпущен в Ингерманландский пехотный полк поручиком. Заметим попутно, что Яков Петрович Стечкин явно был знаком с Суворовым и встречался с ним: они в 1752–1754 гг. служили в одном полку. Карамзин тоже был записан в Преображенский полк в 8-летнем возрасте (1774), а начал службу в 1781 г. в чине подпрапорщика. Однако сразу же после кончины отца (1783 г.), когда гнев родителя уже не мог обрушиться на его голову, Николай Карамзин вышел в отставку с присвоением чина поручика (Манойленко, Манойленко, 2016: 61).

Был ли для Якова Стечкина возможен «суворовский вариант» поведения? Конечно, был, тем более что в период войн (1756–1763 гг. – Семилетняя война) этот путь ускоренной военной карьеры привлекал многих. Несмотря на то, что в Семилетней войне гвардейские полки непосредственно не участвовали, только за 1758–1759 гг. из семеновских унтеров вышли в армию обер-офицерами более 140 человек (Карцов, 1854: 14). Гвардейские чины считались на два ранга выше армейских; сержант гвардии, переводясь в армию, получал офицерский чин и по условиям военного времени мог быстро дорасти до капитана или подполковника. Точно так же при выходе в отставку в качестве «утешительного чинопроизводства» сержанту присваивался чин поручика армии. И тогда до конца жизни во всех официальных бумагах и прошениях человек именовал себя «поручик такой-то», а жена его называлась «поручицей». Подписываться вместо этого «отставной сержант такой-то» было неприглядно и унижительно. Кроме того, это могло породить у окружающих некоторые сомнения насчет дворянства такого сержанта. Исправить ситуацию могло поступление на гражданскую службу и продвижение по карьерной лестнице уже в чиновниках, однако Яков Стечкин после увольнения из гвардии нигде не служил.

Выходя поспешно в отставку, Яков Стечкин патента (официальный документ на офицерский чин) не взял, а это было важно. И важно настолько, что в 1790 г. Яков Стечкин даже обратился в Петербург за подтверждением этого своего статуса и получил официальную бумагу: «Мы сим жалуем и повелеваем всем нашим подданным помянутого Якова Стечкина за нашего от армии поручика надлежащим образом признавать и почитать» (ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 2747. Л. 440б.).

Уход в партикулярную жизнь меняет те социальные роли, в которых выступает Яков Стечкин. Во-первых, ему гораздо активнее приходится заниматься имением. Причем это не касалось хозяйствования как такового: в каждой деревне непосредственное управление лежало на плечах старост и управляющих, ибо земли, доставшиеся от отца, были слишком разбросаны. Владелец же занимался делами, связанными с земле- и душевладением. Самой актуальной проблемой были споры и судебные разбирательства с соседями касательно земли: оспаривание собственности, запашка межи, самозахваты пастбищ и т.п. (ГАТО. Ф. 51. Оп. 13. Д. 1140). Так, например, в 1767 г. крестьяне Стечкина и его соседа помещика Лихохвостова не давали спуска друг другу в борьбе за лес, который находился между поместьями. Лихохвостов в иске утверждал, что стечкинские крепостные избивают, грабят и травят собаками его людей, а староста Стечкина сам «писцовый рубеж запахивает и признаковые деревья на том рубеже срубил» (ГАТО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 4420. Л. 3). Три года (1812–1815 гг.) тянулось судебное разбирательство между вдовой, поручицей Настасьей Григорьевной Стечкиной, и подпоручиком Николаем Сухотиным вокруг земельных дач деревни Борисовка (ГАТО. Ф. 51. Оп. 7. Д. 555). Даже война с Бонапартом не могла остановить дворян в стремлении отстаивать свои права на лужки, деревни и души.

Вторую по значимости головную боль представляли собой крестьяне, и главной задачей здесь было их сохранение и приумножение. Раздоры по поводу крепостных уже проникают внутрь семьи. Вдова, поручица Настасья Стечкина, в 1803 г. купила за 225 рублей дворовую женку с 4 детьми и передала их в услужение своей дочери. Купчая, правда, не была оформлена должным образом; и после смерти дочери вдове Стечкиной пришлось обращаться в суд, чтобы вырвать своих крепостных из цепких рук зятя (ГАТО. Ф. 51. Оп. 6. Д. 203).

Интересным представляется дело 1749 г. о беглом стечкинском крестьянине села Труфанова, который бежал еще в 1735 г. и был пойман в Малороссии с краденными лошадьми. Схваченный крестьянин, назвавшись чужим именем, утверждал, что он беглый рекрут и после наказания шпицрутенами был зачислен в Луцкий драгунский полк. Все бы ничего, но спустя много лет его угораздило попасть в полковую команду, которая была послана в Тулу для приемки оружия. Случайная встреча и опознание закончились для солдата следствием. К этому моменту бывший крепостной Стечкина прослужил в солдатах уже 14 лет. Примечательно, что помещик отнюдь не требовал вернуть ему бывшего крепостного, он настаивал только, чтобы военная коллегия причислила того в зачет рекрутов во время ближайшего набора (ГАТО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 270).

Вообще сдача в рекруты практиковалась Стечкиными (как, собственно, и другими помещиками) как легкий, эффективный и безубыточный способ поддержания социального порядка. Самых буйных мужиков, отличавшихся «продерзостным поведением», можно было всегда сдать в рекруты. Кстати, в городах такая практика тоже бытовала, только там инициатором отдачи в рекруты выступала городская община (Каменский, 2006: 135-136).

За сдачу рекрута сверх нормы помещик получал специальный документ – зачетную рекрутскую квитанцию. Рекрутские квитанции ходили на рынке как своеобразные ценные бумаги, ее всегда можно было продать государству или частному лицу. Вот и коллежский регистратор Николай Яковлевич Стечкин (сын Якова Петровича) получил по такой рекрутской квитанции из казенной палаты тысячу рублей (ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 3. Д. 4684).

А в 1783 г. Якову Стечкину пришлось и вовсе столкнуться с неординарной ситуацией: вдруг вскрылось, что трое его крестьян в селе Труфаново (мужики в возрасте от 20 до 40 лет) оказались «с вырезанными у них детородными удами» (ГАТО. Ф. 1770. Оп. 2. Д. 4610). Крепостные Стечкина уклонились в скопчество, это религиозно-мистическое течение как раз начало распространяться в 1770-е годы (Энгельштейн, 2002: 25-58). Расследование велось уголовной палатой, но толку было немного. Крестьяне так и не выдали проповедника скопчества и твердили только, что оскопили себя «ради спасения души». Отбыв годичный срок в тюрьме, они были возвращены помещику.

Вот тут Яков Петрович и вовсе занервничал: он принялся бомбардировать консисторию требованиями развести скопцов с женами, дабы женщин можно было вновь выдать замуж. Трудно уловить все мотивы его поведения. Чего тут было больше: опасений насчет дальнейшего распространения скопчества среди крепостных, заботы о твердости устоев православия, беспокойства по поводу нравственности (а то жены скопцов уже начали рожать неизвестно от кого) или же заинтересованности хозяина в том, чтобы его люди «плодились и размножались»? Скорее всего, играли роль все эти факторы. Впрочем, помещика ожидало разочарование. Шесть лет шло церковное разбирательство, однако бабы, привезенные на допрос в консисторию, заявили, что вовсе не хотят развода и «выходить в замужество за других не желают» (ГАТО. Ф. 1770. Оп. 2. Д. 4610. Л. 21-22). Развод так и не состоялся.

Нужно заметить при этом, что Яков Петрович Стечкин даже в условиях провинциальной жизни сохранял вкус к «умственности». Во всяком случае, он участвовал в выборах депутата и в выработке наказа от тульского уездного дворянства при созыве Уложенной комиссии; его подпись стоит в числе других 27 тульских дворян под текстом составленного ими наказа (СРИО, 1869: 415). Это был первый случай, когда дворянство было призвано к тому, чтобы подавать не свои личные челобитные, а попытаться сформулировать общие принципы законодательства (Богословский, 1897). С непривычки это давалось с большим трудом. В наказах говорилось о правовом оформлении и межевании земельных владений, о прозрачном и понятном законодательстве по поводу разделов и наследования, об эффективном и простом судопроизводстве, об искоренении взяточничества. Все эти принципы, как мы уже видели, отражали реальные проблемы, с которыми сталкивались Стечкины, да и в целом российские дворяне. В целом повседневная жизнь отставного поручика демонстрирует нам, как провинциальное дворянство (при недостаточной развитости государственного аппарата) выполняло функции социально-административного контроля в селах и деревеньках огромной страны.

5. Заключение

Золотой век благородного сословия был недолог, фактически в роду Стечкиных весь он выпал на долю одного Якова Петровича. Эволюция рода Стечкиных в XIX в. заслуживает отдельного рассмотрения. Если коротко – они теряли. Теряли чины, карьеру, особняки, разум, земли и деньги, беззаботно проживая то, что было накоплено усилиями предыдущих поколений (ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 539; Ф. 51. Оп. 21. Т. 2. Д. 4324; Ф. 51. Оп. 21. Т. 2. Д. 4324; Ф. 51. Оп. 14. Д. 1972; Ф. 121. Оп. 1. Д. 181; Ф. 187. Оп. 1. Т. 2. Д. 4299). И только утратив все это, Стечкины, как будто вернувшись памятью к жизненной энергии своих предков, потянулись к целеустремленности и деятельности. Деятельность

была разноплановая: техника, медицина, литература, журналистика, революционные акции или консервативные демарши. К началу XX в. им всем пришлось думать, как заработать на кусок хлеба, однако в стечкинском *modus vivendi* прослеживается одна общая черта: они не удовлетворяются исключительно «куском хлеба». Появляются вдруг страсть, азарт и упорство во всяком деле и вместе с этим – стремление осмыслить свою жизнь. Отсюда, возможно, они так часто тянутся к перу. Старая закваска XVIII столетия в виде твердости и воли к действию, перебродив несколько десятилетий в свободном ничегонеделании и скептицизме, оформилась в особую породу людей, одновременно стойких и мыслящих. Выработался некий странный микс, в котором «барство» сочеталось с полным пренебрежением ко всяким внешним проявлениям статусности, гедонизм – с желанием напряженного труда до изнеможения, а свободомыслие – с признанием приоритета государственных интересов.

6. Благодарности

Исследование проведено при поддержке гранта правительства Тульской области в сфере науки и техники № ДС/137 «Тульские Стечкины: феномен рода».

Литература

- АК, 1770** – Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1770 г. СПб., 1770. Ч. 1. 235 с.
- АК, 1772** – Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1772 г. СПб., 1772. 221 с.
- АК, 1806** – Адрес-календарь. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова на 1806 г. СПб., 1806. Ч. 2. 492 с.
- АК, 1811** – Адрес-календарь. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова на 1811 г. СПб., 1811. Ч. 2. 512 с.
- АК, 1842** – Адрес-календарь. Месяцослов и общий штат Российской империи на 1842 г. СПб., 1842. Ч. 2. 279 с.
- Богословский, 1897** – Богословский М.М. Дворянские наказания в Екатерининскую комиссию 1767 года // *Русское богатство*. 1897. № 6. С. 46–83; №7. С. 136–152.
- Володина, 2020** – Володина Т.А. Олег Яковлевич Стечкин: памяти солдата, учителя, человека // *Тульский краеведческий альманах*. Тула, 2020. С. 204–217.
- Володина, Симонова, 2020** – Володина Т.А., Симонова Е.В. Я.С. Стечкин «Записки русского хирурга» // *Тульский краеведческий альманах*. Тула, 2020. С. 194–203.
- Володина, Симонова, 2021** – Володина Т.А., Симонова Е.В. Яков Стечкин: портрет провинциального хирурга в реалиях 1920-х годов // *Новейшая история России*. 2021. № 3. С. 654–673.
- ГАТО** – Государственный архив Тульской области (ГАТО).
- Геруа, 1900** – Геруа А. Суворов-солдат. 1742–1754. (Итоги архивных данных о его службе нижним чином). СПб., 1900. 83 с.
- Глаголева, Ширле, 2012** – Глаголева О., Ширле И. (ред.). Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. М., 2012. 656 с.
- ДНГАК, 1912** – Действия Нижегородской губернской архивной комиссии. Т. XIII. Вып. III. Нижний Новгород, 1912. 245 с.
- Дирин, 1883** – П. Дирин. История лейб-гвардии Семеновского полка. Т. 1. СПб., 1883. 477 с.
- Зеленко, Трухачев, 2013** – Зеленко В., Трухачев В. Стечкин – конструктор и пистолет // *Оружие*. 2013. № 1. С. 8–17.
- Каменский, 2006** – Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006. 403 с.
- Карцов, 1854** – Карцов. История Лейб-гвардии Семеновского полка. 1683–1854. Т. 2. СПб., 1854. 659 с.
- Манойленко, Манойленко, 2016** – Манойленко Ю.Е., Манойленко А.С. Военный род Карамзиных // *Военно-исторический журнал*. 2016. № 11. С. 59–62.
- ОДИБ, 1889** – Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн. VI. М., 1889. 706 с.
- ПСЗРИ, 1830** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830.
- Пушкин, 1834** – Пушкин А.С. История Пугачевского бунта. Ч. I. СПб., 1834. 662 с.
- Рассаднев, 1996** – Рассаднев С.А. Хирург Яков Сергеевич Стечкин. Тула, 1996. 63 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов (РГАДА).
- РГИА** – Российский государственный исторический архив (РГИА).
- Резник, 2015** – Резник С.Е. Против течения. Академик Ухтомский и его биограф: документальная сага с мемуарным уклоном. СПб., 2015. 364 с.
- СРИО, 1869** – Сборник Русского исторического общества. Т. 4. СПб., 1869. 511 с.
- СНМНГ, 1863** – Список населенных мест Нижегородской губернии. СПб., 1863. 185 с.
- Стечкин, 2022** – Стечкин О.Я. Тропую памяти / Ред. Володина Т.А., Симонова Е.В. // *Тульский краеведческий альманах*. Вып. 19. Тула, 2022. С. 188–233.

- Стечкин, 2001** – *Стечкин О.Я.* Тропкою памяти. Рукопись. В личном архиве авторов статьи. 239 с.
- Стечкин, 2020** – *Стечкин Я.С.* Записки русского хирурга // *Тульский краеведческий альманах*. Вып. 17. Тула, 2020. С. 194-203.
- Стечкины, ЗДР, 2020** – Стечкины. Знаменитые династии России: еженедельное издание. Изд. ДеАгостини. М., 2020. № 324. 31 с.
- Троицкий, 1966** – *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. 275 с.
- Фаизова, 1999** – *Фаизова И.В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. 221 с.
- ЦАНО** – Центральный архив Нижегородской области.
- ЦИАМ** – Центральный государственный архив города Москвы.
- Чуев, 1978** – *Чуев Ф.* Стечкин. Сер. ЖЗЛ. М., 1978. 256 с.
- Чуев, 1998** – *Чуев Ф.* «Выше окружающих людей...» / В кн. Солдаты империи: Беседы. Воспоминания. Документы. М., 1998. С. 71-151.
- Энгельштейн, 2002** – *Энгельштейн Л.* Скопцы и царство небесное. М., 2002. 336 с.

References

- AK, 1770** - Adres-kalendar'. Obshchaya rospis' nachal'stvuyushchikh i prochikh dolzhnostnykh lits po vsem upravleniyam v Rossiiskoi imperii na 1770 g. [Address-calendar. The general list of commanding and other officials in all departments in the Russian Empire for 1770]. SPb., 1770. Ch.1. 235 p. [in Russian]
- AK, 1772** - Adres-kalendar' Obshchaya rospis' nachal'stvuyushchikh i prochikh dolzhnostnykh lits po vsem upravleniyam v Rossiiskoi imperii na 1772 g. [Address-calendar General list of commanding and other officials in all departments in the Russian Empire for 1772]. SPb., 1772. 221 p. [in Russian]
- AK, 1806** – Adres-kalendar'. Mesyatsoslov s rospis'yu chinovnykh osob ili obshchii shtat Rossiiskoi imperii na leto ot Rozhdestva Khristova na 1806 g. [Address-calendar General list of commanding and other officials in all departments in the Russian Empire for 1772]. SPb., Ch. 2. 492 p. [in Russian]
- AK, 1811** – Adres-kalendar'. Mesyatsoslov s rospis'yu chinovnykh osob ili obshchii shtat Rossiiskoi imperii na leto ot Rozhdestva Khristova na 1811 g. [Address-calendar. Monthly book with a list of officials or the general state of the Russian Empire for the summer from the Nativity of Christ for 1811]. SPb., 1811. Ch. 2. 512 p. [in Russian]
- AK, 1842** – Adres-kalendar'. Mesyatsoslov i obshchii shtat Rossiiskoi imperii na 1842 g. [Address-calendar. Monthly book and the general state of the Russian Empire for 1842]. SPb., 1842. Ch.2. 279 p. [in Russian]
- Bogoslovskii, 1897** – Bogoslovskii, M.M. (1897). Dvoryanskie nakazy v Ekaterininskuyu komissiyu 1767 goda [Noble orders to the Catherine's commission of 1767]. *Russkoe bogatstvo*. 6: 46-83; 7: 136-152. [in Russian]
- Chuev, 1978** – *Chuev, F.* (1978). Stechkin [Stechkin]. Ser. ZhZL. M., 1978. 256 p. [in Russian]
- Chuev, 1998** – *Chuev, F.* (1998). «Vyshe okruzhayushchikh lyudei...» [“Above the surrounding people ...”]. V kn. Soldaty imperii: Besedy. Vospominaniya. Dokumenty. M. Pp. 71-151. [in Russian]
- Dirin, 1883** – *Dirin, P.* (1883). Istoriya leib-gvardii Semenovskogo polka [History of the Life Guards Semenovskiy Regiment]. T. 1. SPb., 477 p. [in Russian]
- DNGAK, 1912** – Deistviya Nizhegorodskoi gubernskoi arkhivnoi komissii [Actions of the Nizhny Novgorod provincial archival commission]. T. XIII. Vyp. III. Nizhnii Novgorod, 1912. 245 p. [in Russian]
- Engel'shtein, 2002** – *Engel'shtein, L.* (2002). Skoptsy i tsarstvo nebesnoe [Skoptsy and the kingdom of heaven.]. M., 336 p. [in Russian]
- Faizova, 1999** – *Faizova, I.V.* (1999). «Manifest o vol'nosti» i sluzhba dvoryanstva v XVIII stoletii [“Manifest of Liberty” and the Service of the Nobility in the 18th century.]. M., 221 p. [in Russian]
- GATO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tul'skoi oblasti [State Archive of the Tula Region].
- Gerua, 1900** – *Gerua, A.* (1900). Suvorov-soldat. 1742–1754. (Itogi arkhivnykh dannyykh o ego sluzhbe nizhnim chinom) [Suvorov-soldier. 1742–1754 (Results of archival data on his service as a lower rank)]. SPb., 83 p. [in Russian]
- Glagoleva, Shirle, 2012** – *Glagoleva, O., Shirle, I.* (red.). Dvoryanstvo, vlast' i obshchestvo v provintsial'noi Rossii XVIII veka [Nobility, power and society in provincial Russia of the 18th century]. M., 656 p. [in Russian]
- Kamenskii, 2006** – *Kamenskii, A.B.* (2006). Povsednevnost' russkikh gorodskikh obyvatelei: istoricheskie anekdoty iz provintsial'noi zhizni XVIII veka [Everyday life of Russian urban residents: historical anecdotes from the provincial life of the XVIII century]. M., 403 p. [in Russian]
- Kartsov, 1854** – *Kartsov* (1854). Istoriya Leib-gvardii Semenovskogo polka. 1683–1854 [History of the Life Guards Semenovskiy Regiment. 1683–1854]. T.2. SPb., 659 p. [in Russian]
- Manoilenko, Manoilenko, 2016** – *Manoilenko, Yu.E., Manoilenko, A.S.* (2016). Voennyi rod Karamzinykh [Military family of the Karamzins]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 11: 59-62. [in Russian]
- ODIB, 1889** – Opisanie dokumentov i bumag, khranyashchikhsya v Moskovskom arkhive ministerstva yustitsii [Description of documents and papers stored in the Moscow archive of the Ministry of Justice]. Kn. VI. M., 1889. 706 p. [in Russian]

- PSZRI, 1830** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 1-e. SPb., 1830. [in Russian]
- Pushkin, 1834** – *Pushkin, A.S.* (1834). Istoriya Pugachevskogo bunta [History of the Pugachev rebellion]. Ch. I. SPb., 662 p. [in Russian]
- Rassadnev, 1996** – *Rassadnev, S.A.* (1996). Khirurg Yakov Sergeevich Stechkin [Surgeon Yakov Sergeevich Stechkin]. Tula, 63 p. [in Russian]
- Reznik, 2015** – *Reznik, S.E.* (2015). Protiv techeniya. Akademik Ukhtomskii i ego biograf: dokumental'naya saga s memuarnym uklonom [Against the stream. Academician Ukhtomsky and his biographer: a documentary saga with a memoir bias]. SPb., 364 p. [in Russian]
- RGADA** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- SNMNG, 1863** – Spisok naselennykh mest Nizhegorodskoi gubernii [List of settlements in the Nizhny Novgorod province]. SPb., 1863. 185 p. [in Russian]
- SRIO, 1869** – Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Russian Historical Society]. T.4. SPb., 1869. 511 p. [in Russian]
- Stechkin, 2001** – *Stechkin, O.Ya.* (2001). Tropoyu pamyati. Rukopis'. V lichnom arkhive avtorov stat' [The path of memory. Manuscript. In the personal archive of the authors of the article]. 239 p. [in Russian]
- Stechkin, 2020** – *Stechkin, Ya.S.* (2020). Zapiski russkogo khirurga [Notes of a Russian surgeon]. *Tul'skii kraevedcheskii al'manakh*. 17: 194-203. [in Russian]
- Stechkin, 2022** – *Stechkin, O.Ya.* (2022). Tropoyu pamyati [Path of memory]. Red. Volodina T.A., Simonova E.V. *Tul'skii kraevedcheskii al'manakh*. Vyp. 19. Tula. Pp. 188-233. [in Russian]
- Stechkiny, ZDR, 2020** – Stechkiny. Znamenitye dinastii Rossii: ezhenedel'noe izdanie [Stechkins. Famous dynasties of Russia: a weekly edition]. Izd. DeAgostini. Moskva, 2020. 324. 31 p. [in Russian]
- Troitskii, 1966** – *Troitskii, S.M.* (1966). Finansovaya politika russkogo absolyutizma v XVIII v. [The financial policy of Russian absolutism in the XVIII century]. M., 275 p. [in Russian]
- TsANO** – Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti [Central Archive of the Nizhny Novgorod Region].
- TsIAM** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv goroda Moskvy [Central State Archive of the Moscow city].
- Volodina, 2020** – *Volodina, T.A.* (2020). Oleg Yakovlevich Stechkin: pamyati soldata, uchitelya, cheloveka [Oleg Yakovlevich Stechkin: in memory of a soldier, teacher, man]. *Tul'skii kraevedcheskii al'manakh*. Tula. Pp. 204-217. [in Russian]
- Volodina, Simonova, 2020** – *Volodina, T.A., Simonova, E.V. Ya.S. Stechkin «Zapiski russkogo khirurga»* [Ya.S. Stechkin “Notes of a Russian surgeon”]. *Tul'skii kraevedcheskii al'manakh*. Tula, pp. 194-203. [in Russian]
- Volodina, Simonova, 2021** – *Volodina, T.A., Simonova, E.V.* (2021). Yakov Stechkin: portret provintsial'nogo khirurga v realiyakh 1920-kh godov [Yakov Stechkin: a portrait of a provincial surgeon in the realities of the 1920s]. *Noveishaya istoriya Rossii*. 3: 654-673. [in Russian]
- Zelenko, Trukhachev, 2013** – *Zelenko, V., Trukhachev, V.* (2013). Stechkin – konstruktor i pistol [Stechkin – designer and pistol]. *Oruzhie*. 1: 8-17. [in Russian]

Превратности судьбы: культурный код рода Стечкиных

Татьяна Андреевна Володина ^{a, *}, Елена Викторовна Симонова ^a

^aТулский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Российская Федерация

Аннотация. В статье впервые в исторической науке анализируется феномен рода Стечкиных как некоего комплексного явления социокультурной жизни российского провинциального дворянства. Авторы ставят перед собой задачу проанализировать факторы, повлиявшие на формирование целой когорты недюжинных представителей данного рода, оставивших заметный след в истории страны в XX в. В отличие от научно-популярного нарратива, в рамках которого обычно описывают Стечкиных, статья написана на основе широкого круга архивных материалов, которые впервые вводятся в научный оборот. Приоритетное внимание авторы уделяют жизненным перипетиям Стечкиных в XVIII в., стремясь объяснить характерные черты их социального взлета, вызванного импульсом петровских реформ, и проанализировать их роль в социальной жизни российской провинции. Наметив пунктиром процесс оскудения рода в XIX в., авторы приходят к выводу, что именно сочетание двух разнонаправленных факторов – напряженная и трудная служба, сменившаяся свободой и сибаритством – привели в итоге к формированию феномена Стечкиных XX столетия.

Ключевые слова: история рода, Стечкины, провинциальное дворянство, XVIII век, менталитет.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: volodina.tatiana2016@yandex.ru (Т.А. Володина)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1643-1653
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1643

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Complementary Policy of the Russian Empire in the Kazakh Steppe in Ethno-Cultural and Confessional Spheres (XVIII – 60s of XIX centuries)

Agila Nurgaliyeva ^{a, *}, Asset Tasmagambetov ^a, Alfiya Baibulsinova ^a

^a West Kazakhstan University, Uralsk, Republic of Kazakhstan

Abstract

As a methodological basis, this article relies on the concept of a new imperial history. It analyzes the features of the ethno-confessional policy of the Russian government at the first stage of the “nominal annexation” of the steppe territory, when Islam was seen as a tool to appease the Kazakhs. It was not unambiguously unifying in nature, did not aim to radically change the Kazakh environment by forcibly imposing “progressive” cultural and historical traditions, ignoring the existing ones and breaking the established foundations. At this stage, the Russian government not only allowed, but even ensured the propaganda of Islam in its Russian version, seeing it as an important means of administrative control. This policy can be called complementary, because the authorities were forced to reckon with the religious traditions of the subject population, and maintained tolerance and religious pluralism. The presence in the steppe of a combination of Russian legal norms and legal customs of Kazakh nomads is noted. It is shown that archival documents, together with the publications of contemporaries, help to form a complete picture on the issue of the features of the state-confessional and ethno-cultural policy.

Keywords: Russian Empire, Kyrgyz steppe, complementary policy, “nominal accession”, Islam, civilizing mission, Tatars.

1. Введение

В условиях формирования новых методологических парадигм и исторических концепций научное реконструирование истории нашего общего имперского прошлого поможет лучше понять настоящее и увидеть перспективы будущего. Анализ практических и теоретических ошибок власти при реализации этнокультурной и конфессиональной политики в прошлом, полезных исторических уроков может способствовать оптимизации путей ее дальнейшего развития. В науке XX века использовались исторических клише вроде «добровольного присоединения» Казахстана к России, извечной «дружбы» народов Казахстана с русским «старшим братом», присоединении казахских земель как «абсолютном зле».

В постсоветской и младоказахской историографии сформировалась концепция «духовного колониализма», разделяемая многими казахскими исследователями. Этноконфессиональную политику российских властей в Казахстане можно, на наш взгляд, назвать комплементарной. Она не носила однозначно унифицирующего характера, не ставила целью радикально изменить казахскую среду насильственным наложением «прогрессивных» культурно-исторических традиций, игнорируя имевшиеся и ломая сложившиеся устои, допускала социальную и конфессиональную плюральность. Это нашло непосредственное отражение в правовом регулировании деятельности социокультурных институтов. Применение термина «комплементарность» вполне допустимо при рассмотрении ситуации в границах единого социокультурного пространства, которое представляли собой владения Российской империи в Казахстане.

* Corresponding author

E-mail addresses: agilamus789@gmail.com (A. Nurgaliyeva)

Поступательное развитие исследований в области этноконфессиональной политики Российской империи в казахских землях невозможно без использования опыта, накопленного предыдущими поколениями исследователей.

2. Материалы и методы

Источниковой базой послужили материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан (г. Алматы, Казахстан). Использованы документы из фонда 4 «Областное правление оренбургскими киргизами: распоряжения, циркуляры и предписания Оренбургской пограничной комиссии» о работе экспедиций для сбора сведений о казахских обычаях, мерах противодействия пропаганде среднеазиатских ханств в Казахской степи, назначении мулл, а также рапорты и представления начальников дистанций и чиновников особых поручений. Из этого фонда также использовано «Положение об управлении Оренбургским краем» 1844 года. Также анализировались документы фонда 338 «Омское областное управление за 1822–1838 гг.» о принятии на службу по ведомству областного правления в окружные приказы татар на должности переводчиков и мулл, о запрещении жителям Бухары, Коканда и Хивы проезда через казахские территории.

Важным историческим источником явились материалы из опубликованных сборников документов. Это Указы Екатерины II, содержащиеся в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ), переписка с оренбургским генерал-губернатором Игельстромом, Уставы о сибирских и оренбургских киргизах, опубликованные в сборнике «Материалы по истории государственного строя Казахстана».

Публикации дореволюционной периодической печати позволили проанализировать политические взгляды авторов статей и их отношение к конфессиональной и этнокультурной политике в казахских землях. В данной работе привлекаются подобные материалы таких изданий, как «Вестник Европы» (Герман, 1822), «Журнал Министерства внутренних дел» (Артемьев, 1859), «Военный сборник» (Голосов, 1863), «Православное обозрение» (Сотников, 1872), «Русский архив» (Юдин, 1897).

Исследование основывается на принципах научности, историзма и объективности. Использовался стадийный подход, предполагающий выделение вертикальных диахронных связей во времени при рассмотрении этапов религиозной и этнокультурной политики Российского государства в Казахской степи. Эта политика рассматривалась как формирующаяся, обусловленная историческими, социокультурными реалиями, имперскими традициями с учетом реалий кочевого казахского общества.

Системный метод позволил систематизировать полученные результаты и выводы, выделяя общие тенденции в развитии этноконфессиональной политики российских властей. С помощью историко-генетического метода тема исследования представлена как эволюционирующий процесс, для которого характерно сложное динамическое сопряжение опыта реформирования с сохранением консервативных традиций имперской веротерпимости. Изучение эволюционных перемен, происходивших в законодательстве и конфессиональной политике российских властей, обусловило потребность в применении синхронного и диахронного методов исследования. На основе проблемно-хронологического метода удалось определить основные проблемы и факты в истории взаимоотношений между государством, исламом и институтами традиционного казахского общества и рассмотреть их в хронологическом порядке.

3. Обсуждение

Проблема комплиментарности в конфессиональной и этнокультурной политике Российской империи в литературе до настоящего времени не рассматривалась, поэтому в данной работе мы остановимся на обзоре только тех исследований, в которых развиваются близкие к нашей теме идеи.

Из дореволюционных публикаций отметим труды А.И. Добросмыслова (Добросмыслов, 1902а, 1902б), Л.Л. Мейера (Мейер, 1865), В. Григорьева (Григорьев, 1874).

В XXI веке отмечается рост исследовательской активности в изучении имперской истории вообще, и Российской империи в частности. Это касается и западной науки, и научной мысли России и Казахстана.

На протяжении последних трех десятилетий концептуальные основы европейской новой имперской истории формировали исследования профессора швейцарского происхождения Андреаса Каппелера. Он известен своими трудами по проблемам национального самосознания и национальных движений народов, входивших в состав Российской империи. Его монография, увидевшая свет в Германии, с которой он был связан многолетней научной деятельностью, и изданная затем в России, представляет для нас значительный интерес (Каппелер, 2000). Ученый отмечает, что в ходе заселения Степи восточными славянами и колонистами кочевники стали объектом цивилизаторской активности России. Проводниками цивилизаторской политики, по мнению исследователя, становились русские и другие славянские переселенцы, а также мусульмане из Среднего и Нижнего Поволжья: «Делу цивилизации диких кочевников должна была служить не только колонизация их земель восточными славянами, но и просветительская и миссионерская

деятельность татар-мусульман среди казахов, так что ислам также становился средством и инструментом новой политики» (Капшелев, 2000: 124-125). Он отмечает, что функции татар «в значительной мере определялись их хозяйственной, политической и культурной посреднической деятельностью между Россией и Средней Азией, к которой они были особенно близки и предрасположены как мусульмане» (Капшелев, 2000: 105).

В очень содержательном издании «Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология» хотелось бы выделить тезис вводной статьи к одному из разделов, подчеркивающий важность изучения религиозной проблематики: «конфессиональный вопрос требует нашего внимания еще и потому, что он является ключевым для полного освещения и национального вопроса» (Верт и др., 2005: 536). В антологии имеется статья Вирджинии Мартин, специально посвященная казахам. В ней она показала, как казахи адаптировали свою судебную практику, основанную на адате, к вводимым в степи русской администрацией новым юридическим отношениям. Она отметила трудности согласования российских законодательных норм с обычаями казахов кочевников при попытках администрации распространить среди коренного населения более современных, цивилизованных юридических отношений. Разрешение кочевникам сохранять свое обычное право в форме, приспособленной к российской системе, было, по ее мнению, одной из попыток управлять ими наиболее эффективным и упорядоченным способом (Мартин, 2005: 381). В другой своей работе В. Мартин отметила, что казахи не всегда принимали «татарский шариат», стремясь остаться в рамках «казахской правовой культуры» (Мартин, 2001: 104-106), поэтому в Казахской степи в течение века царила атмосфера правового синкретизма: обычно-правовые, российские и шариатские нормы смешивались и действовали бок о бок.

О муллах из числа татар Поволжья как проводниках российского имперского влияния в казахских степях в конце XVIII – начале XIX веков пишет и Пол Верт: «Эти действия татар, и особенно их критика русскими учеными в конце XIX века, по всей видимости, породили распространенное, но довольно сомнительное утверждение, что казахи до того времени не были «настоящими мусульманами, хотя они сами явно считали себя таковыми» (Верт, 2005: 63, 79).

Подобную мысль проводит и российская исследовательница Н.М. Емельянова: «Стремясь культурно интегрировать казахов в состав России, оградить их от влияния учителей ислама из Ташкента, Бухары и Хивы, правительство в XVIII веке сделало татарских мулл официальными проводниками своего влияния среди казахов. Верные империи, татары должны были способствовать тому, чтобы перспектива российского подданства стала для казахского населения более привлекательной, чем возможность объединения с мусульманами государств Средней Азии» (Емельянова, 2018: 61).

Для использования при анализе деятельности представителей местной администрации, призванных проводить в жизнь официальный имперский курс, нам представляются перспективными идеи Паоло Сартори и Павла Шаблея, известных специалистов по истории мусульманских обществ, истории Центральной Азии и исламскому праву в Российской империи. В совместной монографии «Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи» они подробно рассмотрели кодификацию обычного права в Казахской степи (Сартори, Шаблей, 2019). В качестве теоретической методологической рамки ими предложен термин «правовая гибридность», означающий, что российские власти вынуждены были допускать существование правового разнообразия и даже использовать в гражданских судах практики, основанные на адате и шариате (Сартори, Шаблей, 2019: 3). По мнению Паоло Сартори, выраженном в его более ранней работе, власти почти не сомневались в том, что они лучше, чем имперский закон, могут справиться с тонкими вопросами местной рутины, например с нотариализацией прав собственности (Сартори, 2016: 19).

Идею правовой гибридности развивают в своей статье, выполненной на высоком научном уровне, К. Балабиев и Ж. Турекулова. Они пишут о множественности и взаимодополняемой форме судебных практик среди казахов: казийные, бийские, имперские, «народные» – аксакалов и пр. суды (Балабиев, Турекулова, 2018: 211-212).

Интерес представляет статья Б.А. Мирзагельдиева. Привлекает его мысль о том, что русское правление сыграло важную роль в развитии институционализации мусульманского духовенства в Казахстане (Mirzageldiyev, 2019: 31).

Отметим, что работы последних лет стали более разнообразными по источниковой базе и богатству сюжетов. Особенно хотелось бы выделить исследования Г.С. Султангалиевой (Султангалиева, 2000; Султангалиева, 2020). Они характеризуются использованием новых архивных данных и высокой научно-аргументационной обоснованностью.

4. Результаты

На этапе так называемого «номинального присоединения» казахского народа к империи в Петербурге на некоторое время установился взгляд на казахов как простодушных, невежественных скотоводов, нуждающихся в окультуривании и цивилизаторском преобразовании, и авторы, писавшие о них, делали акцент на цивилизаторской миссии России. Например, выражением

официальной точки зрения может служить замечание Л. Мейера: «Для нас почти довольно знать, что мы столкнулись здесь с народом кочевым, полудиким и бывшим таковым издревле» (Мейер, 1865: 1).

А. Артемьев делает акцент на цивилизаторской миссии России. В этих целях использовались наиболее видные представители казахской знати, которых периодически приглашали в Санкт-Петербург и Москву для знакомства с достижениями русской культуры, рассчитывая через них более эффективно влиять на народные массы. Они «возвращались в степь с совершенно другими понятиями, нежели с какими оставляли ее, проникались расположением ко всему русскому в замену прежнего пристрастия к своему кочевому и мухамеданскому» (Артемьев, 1859: 10).

В правящих кругах, впрочем, как и среди большинства публикаций того времени, отсутствовало единство мнений о целесообразности и масштабах культурного воздействия на казахов. Однако господствовало представление о малой степени их исламизации.

В 20–40-е годы XIX века в ходе продолжающегося всестороннего изучения Казахстана материалы о нем все чаще появлялись на страницах официальных органов, известных журналов и газет, и среди них можно найти весьма значительные. Хотелось бы выделить большую статью Ф.И. Германа. В ней автор подчеркивает, что «правительство почитает всех киргизцев магометанами», при этом сам он не разделяет такого мнения: «Киргизцы вообще не имеют и не знают никакой религии; только те из них, кои воспитывались или долго живали в Бухарии, Хиве и других городах Средней Азии, где Алкоран наблюдается до изуверства, исповедуют закон Магометов, однако ж не очень слепо и строго. Султаны и те из киргизцев, кои, часто бывая на линии, имеют связи с татарами, также больше или меньше показывают наружную привязанность к их вере» (Герман, 1822: 217).

В целях эффективного освоения новых территорий в Средней Азии и Казахстане правительство нуждалось в получении достоверной информации, полезной для управления ими и для подготовки будущих реформ. Поэтому были нужны люди, хорошо знающие языки, особенности быта и историю проживающих там народов, и в состав администрации в казахских степях иногда привлекались известные специалисты-востоковеды. Например, Василий Васильевич Григорьев, петербургский востоковед академического направления, в 1851 году получил назначение в Оренбургское генерал-губернаторство. Там он работал чиновником особых поручений, начальником канцелярии генерал-губернатора Оренбургской пограничной комиссии, управляющим Областью оренбургских киргизов.

В его историческом очерке анализируются промахи российской политики в отношении казахов: «Мы вообразили, что киргизы тождественны этнографически с нашими поволжскими татарами. И потому сто двадцать лет всю переписку с ними вели на татарском языке, в полной уверенности, что относимся к киргизам на их родном, вполне понятном им наречии» (Григорьев, 1874: 233–234). Он не избежал влияния европоцентристского стереотипа ко всему, что связано с исламом. Для исследования российской политики в отношении казахов публикации Григорьева представляют особый интерес. Они выделяются на фоне большинства работ, написанных практиками.

Хотелось бы отметить статью православного священника Сотникова. Работа написана с целью обоснования необходимости более решительных действий по христианизации казахов, поскольку для этого имелись достаточно благоприятные условия. Живя среди казахов, автор лучше, чем официальные круги, представлял реальную ситуацию, и, несмотря на проскальзывающее предвзятое отношение к степнякам-кочевникам («они, по большей части, беспечны и в высшей степени ленивы»), он смог дать обстоятельную характеристику официальной правительственной религиозной политике. Как и многие его современники, он отразил точку зрения о слабом развитии ислама среди казахов: «Ислам среди киргизов не имеет еще развитых и определенно выраженных начал, не получил среди них полного и всестороннего приложения в жизни, но усвоен ими односторонне и неполно, ...религия их до сих пор есть смесь ислама с остатками древнего шаманства, которое частью уже слилось с исламом, а частично осталось среди них в виде народных суеверий и обыкновений» (Сотников, 1872: 783).

Немалая доля объективности присуща работам А.И. Добросмыслова. Полемизируя с рядом современников, он пишет: «Рассуждения о покровительстве исламу основаны на недостаточном знакомстве с историей киргизского народа вообще и, в частности, с историей этого народа после принятия им русского подданства. Киргизы, как известно, задолго до принятия русского подданства уже были магометане и духовных служителей получали из Бухары, Хивы и, вероятно, из других тогдашних мелких среднеазиатских ханств. Если киргизы, как в прошлом, так еще и в настоящем (XIX) столетии не так наружно религиозны, как, например, татары, которых мы постоянно имеем перед глазами, то это еще далеко не значит, чтобы они не были магометанами» (Добросмыслов, 1902а: 60–61). В действиях Екатерины II автор этих строк явно видит политический расчет. По его мнению, главным побудительным мотивом действий правительства было то, что оно «не только не располагало средствами к усмирению киргизов и водворению среди них гражданственности, но и опасалось совершенно их потерять». Поэтому, считает он, «императрица Екатерина II и решилась при посредстве религиозного чувства и татарской грамотности положить начало, так сказать, приручению киргизов, или, как в екатерининское время выражались, «вселить людскость и лучшее

обхождение». Императрицей, по его мнению, двигало желание «не насаждение ислама», а, напротив, с помощью ислама превратить казахов в «граждан России» (Добросмыслов, 1902b: 170-173).

Присоединение в первой половине XVIII века к Российскому государству Казахской степи, очень весомое в геополитическом плане, поставило вопрос об освоении новых земель. Включение казахских степей, уникальных в этнокультурном плане, в унитарную государственную систему России происходило с учетом особенностей населения. Оно растянулось на 150 лет, в течение которых казахи жили относительно автономно.

Своеобразный либерализм русской императрицы в данном случае был, скорее, вынужденным: он в значительной степени определялся соображениями обеспечения относительно прочных рубежей обороны на юге. Наряду с чисто военными, стали применять меры мирные. Российская империя объявляет себя покровительницей завоеванных народов: их религии, традиций, обычаев. Власти осознавали, что ислам является важным элементом для умиротворения Казахского края.

Только в течение 1782–1786 гг. вышло 4 указа о скорейшем строительстве мечетей в Оренбургском крае. Обращаясь к оренбургскому генерал-губернатору Игельstromу, русская императрица отметила, что «такое сооружение мест для публичной молитвы привлечет и прочих в близости кочующих или обитающих к границам нашим; сие и может послужить со временем к воздержанию их от своеволий лучше всяких строгих мер» (ПСЗРИ-1. № 16255: 450). В письме к нему от 3 июня 1786 г. она продолжила эту мысль: «Разделение степи для киргизцев сперва на три части и построение там городов, також где прилично для главнейших их родов мечетей, школ и гостиных дворов, весьма полезны и нужны; чем скорее вы к сему приступите, тем нам приятно будет» (ПСЗРИ-1. № 16400: 604-605).

Из казны были отпущены значительные суммы для постройки при пограничных линиях мечетей и при них школ. Екатерина II проявила также заботу о формах и содержании обучения, что видно из указа от 12 ноября 1786 г.: «...как предписано уже от нас устроить при мечетях школы, то и принять меры к скорейшему введению тамо учения по нормальным правилам, заимствуя оные из Устава народных училищ в Российской империи, нами апробированного, и сносясь о том с Комиссией народных училищ; для перевода же потребных к тому книг употребить тех мулл, которые переводили Учреждения наши, или и других людей по вашему усмотрению способных, с наблюдением токмо, дабы учебные книги печатались на их языке вместе с Российским» (ПСЗРИ-1. № 16710: 1107).

В качестве инструмента политики в Казахской степи использовались духовные служители из мусульман Поволжья. Выбор татарских мулл не был случайным: в глазах российского правительства общность этнической принадлежности татар и казахов, наличие длительных в исторической ретроспективе татаро-башкиро-казахских связей общения должны были обеспечить успех представителям «татарского мира» как посредникам в деле политической интеграции Казахской степи в состав империи (Султангалиева, 2000: 22). Как писал ученый того времени А. Добросмыслов, татары и строительство мечетей были «мостами», «через которые должны ступить кыргызы, чтобы быть ближе к русскому народу» (Добросмыслов, 1902b: 173).

Русской императрице мероприятия по направлению в степь мулл из Поволжья представляли как инициативу снизу. В 1787 году в Петербурге побывала депутация казахских старшин и видных людей из казахских родов во главе с султаном Ерали, будущим ханом Младшего жуза. Они были приняты при дворе и подали прошения, на основании которых императрица издала указ от 21 апреля 1787 года. Среди ее повелений был пункт 4-й, касающийся мулл: «Стараться снабдить их потребным числом мулл из людей достойных, известного поведения и в верности испытанных, каковых можно иметь из Казанской губернии, по сношению с тамошним генерал-губернатором» (ПСЗРИ-1. № 16534: 839).

Российские власти пытались ввести в практику обучение детей казахской знати. С этой целью в 1789 г. барон Игельstrom предписал пограничной экспедиции присылать в устроенную при оренбургской мечети школу по двое детей из каждого казахского рода. «19 декабря 1789 года, – сообщает А. Добросмыслов, – пограничная экспедиция разослала в Малую орду приглашения привозить в школу детей следующим лицам: алимулинского поколения главным старшинам – биям Жанназару, Каракубеку, Муразбеку и десяти родовым старшинам; байулинского – главным старшинам батырю Сырым Датову, бию Каратау Гумерзакову и семнадцати родовым старшинам и семиродского – главным старшинам батырям Тлянчи Букенбаеву и Жанбулату Карабанову и тринадцати родовым старшинам» (Добросмыслов, 1902a: 56). Власти надеялись, что молодежь, в силу возрастных особенностей, легче воспримет планируемые нововведения и, став носителем синкретичной культуры, будет проводником российского влияния среди казахов.

Указом Екатерины II от 22 сентября 1788 г. с целью контроля над мусульманской частью населения было учреждено Оренбургское магометанского закона духовное собрание (ОМДС), в ведение которого были отнесены и казахи (ПСЗРИ-1. № 16710: 1107). Оно регламентировало исполнительные институты в Казахской степи по имперскому сценарию. Кандидаты на должность муллы проходили проверку на лояльность Российской империи при ОМДС, а затем они получали указ Оренбургского губернского правления, то есть становились «указными муллами» и направлялись в казахскую Степь. Их главной обязанностью, по мнению Н.М. Емельяновой, в свою

очередь было воспитание казахских единоверцев в духе преданности Российской империи (Емельянова, 2018: 64).

Герман в своей статье подтверждает порядок утверждения на должность муллы: «Начальство... осведомляется предварительно об их поведении и согласии того общества, к которому они принадлежат, на их увольнение; потом посылает к Муфтию для испытания или утверждения в познании правил и обрядов веры и тогда уже определяет в просимые звания, выдавая на оные виды и наставление, в котором предписывает внушать ордынцам правила подданства, повиновение властям» (Герман, 1822: 217-218).

Кандидатами на духовные должности подбирались обычно татары или башкиры, но бывали и исключения. В указанной статье Германа приводится следующий факт: «В 1819 году, по домогательству некоторых знатнейших киргизцев, утвержден Оренбургским муфтием в звании казия, или духовного первослужителя в улусах алимулинских, киргизский старшина Мухаммет-Жан, долгое время живший в Бухарии» (Герман, 1822: 219).

Велика была роль мулл при рассмотрении судебных дел. В 1786 г. по ходатайству О.А. Игельстрома в Оренбурге был учрежден Пограничный суд и подчиненные ему три судебные расправы в Степи – коллегиальные советы с судебными функциями «для разбора дел об азиатцах» (ПСЗРИ-1. № 16400: 605). Расправы, состоявшие из председателя и двух членов родовых старшин из казахов, а также присланных из Оренбурга писарей, должны были рассматривать дела согласно с народными обычаями. П.А. Юдин обвинял барона Игельстрома в том, что тот всеми мерами старался «омагометанить ордынцев» и поэтому при устройстве расправ «нашел нужным и даже «полезным» натолкать туда руководителями все тех же магометанских мулл, о чем и вошел к государыне с особым представлением». По мнению автора статьи, Екатерина II по незнанию всех обстоятельств «вполне согласилась с доводами своего сподвижника» (Юдин, 1897: 521). Однако из ее именного повеления в адрес барона Игельстрома такой вывод вряд ли вытекает.

Ввиду безграмотности судей огромную роль при судебных разбирательствах приобрели письмоводители из татарских мулл. В результате это привело к постепенному повышению роли шариата при решении судебных тяжб. При рассмотрении дел признавалась принадлежность казахов к мусульманам. «Правительство, – свидетельствует Герман, – почитает всех киргизцев магометанами, и повышаемые из них в старшинское достоинство, также и подсудимые, приводятся в нужном случае к присяге пред алкораном или увещеваются магометанским ахуном» (Герман, 1822: 219).

Первоначальный этап выстраивания государственной линии по интегрированию Казахской степи в правовое поле Российской империи завершился реформами М.М. Сперанского 1822 года. Со второй четверти XIX в. правительство приступает к более жесткой регламентации жизни казахского населения, но при этом продолжает учитывать его социальные и культурные особенности. Это нашло отражение в таких важных документах правительства 20-х годов XIX века, как «Уставы» по управлению («сибирскими» – 1822 года и «оренбургскими» – 1824 года) казахами.

В 1824 г. на казахов Среднего жуза был распространен «Устав о сибирских киргизах». По мнению В. Мартин, он представлял собой первую систематическую попытку России проводить в жизнь свои имперские цели (Мартин, 2005: 360). В нем вместо применявшегося прежде по отношению к неславянским народам термина «иноверцы» использован термин «инородцы». Это понятие выражало в первую очередь этническое, а не конфессиональное содержание. По замыслу М. Сперанского Устав, признавая особенность культурного сообщества казахов-кочевников, должен был учитывать специфику их образа жизни и хозяйствования. Этот документ, хотя и положил начало ограничению функций кочевых судей-биев, но предоставил казахам возможность решать гражданские и уголовные дела на основе обычного права (адата), за исключением особо тяжких преступлений (государственная измена, убийство, барымта), подлежавших рассмотрению согласно общероссийским нормам. В то же время должно было обеспечиваться хотя бы частичное сглаживание культурных различий и постепенный переход казахов к оседлости, которая рассматривалась как более высокая ступень общественного развития. Согласно пункту 124 «Устава», в каждой волости предусматривалось строительство молитвенного дома и дома для служителя мусульманского культа (Материалы, 1960: 100). В связи с этим Ч. Валиханов назвал М. Сперанского «Апостолом Магомета в Сибирской степи», который заботился о построении мечетей и татарских училищ при окружных приказах (Валиханов, 1985: 99).

Американский исследователь доктор Стивен Сабол высоко оценил этот проект, отметив, что автор проекта «Устава о сибирских киргизах» значительное внимание уделил коренным обычаям, истории, языку, образованию, духовным вопросам и ценностям. При этом «реформы Сперанского принимали в расчет местные обычаи и религию, пытаясь при этом интегрировать их с русскими обычаями, религией, правовыми кодексами и образованием» (Sabol, 2003: 28).

«Устав об оренбургских киргизах» ограничивал суд биев, все важные дела должны были рассматриваться Пограничной комиссией или военным судом. 14 июня 1844 года было принято новое Положение об управлении Оренбургским краем, где вновь были предусмотрены некоторые уступки в пользу народного суда (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2156).

Для приведения в исполнение § 64 этого Положения с целью собрания и систематизации казахских народных обычаев, имеющих силу закона, и составления их свода для руководства при разбирательствах в народном суде, Оренбургская пограничная комиссия в декабре 1845 г. распорядилась собрать предварительные сведения о казахских обычаях (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 401). В степь была командирована экспедиция под председательством чиновника особых поручений д'Андре (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2382. Л. 69). Д'Андре составил «Программу по руководству при собирании сведений о казахских обычаях, имеющих в Орде силу закона», которая представляет собой список из 162 вопросов, разбитый на два раздела и несколько подразделов (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2382. Л. 7-12). Однако представленный д'Андре в Пограничную комиссию сборник был ею признан неудовлетворительным.

Для окончательного дополнения и исправления свода казахских обычаев Оренбургская пограничная комиссия решением от 23 июня 1849 г. командировала в степь чиновника особых поручений Азиатского департамента МИД Осмоловского. Этот человек, по мнению администрации, был более прочих способен исполнить данное поручение, так как, кроме казахского, владел еще несколькими восточными языками, имел знания в области религии и истории Востока (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2382. Л. 69-71об.). В мае 1850 г. Осмоловский в рапорте на имя генерал-майора М.В. Ладыженского доложил о выполнении поручения. В нем он выразил «чувствительнейшую благодарность» полковнику Ахмеду Джантюрину, биям кипчакского рода Балгоджину Джангурчину, Кусулбаю Сатубалдину и в особенности Наурузбаю Казыбаеву (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2382. Л. 111). На заседании Пограничной комиссии работа Осмоловского была одобрена. Но в протоколе отмечено, что сбор обычаев был проделан только в Восточной части Орды и работу следует продолжить, так как жители «Восточной части, в которой составлен сборник, заметно отличаются от своих соплеменников, кочующих в прочих частях, как по понятиям своим, так и образу жизни. Кроме того, на киргизов Восточной части, имеющих по своим торговым оборотам беспрепятственные сношения с другими народами: бухарцами, хивинцами, коканцами и, наконец, русскими – легко может действовать чуждое влияние, могущее значительно изменить самобытность народного характера и, следовательно, его обычай» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2382. Л. 119-120). В связи с этим было принято решение продолжить работу. Однако, как отметили П. Сартори и П. Шаблей, дальнейшие усилия в сфере кодификации были свернуты или «заморожены» из-за разногласий среди чиновников разного управленческого уровня (Сартори, Шаблей, 2019: 4).

Пограничное начальство считало, что существовавшее российское законодательство создано для всех вообще состояний в государстве и применение его часто встречает затруднения в определении наказания обвиняемым-казахам, поскольку во многих случаях его нормы не могли соответствовать ни обычаям этого народа, ни его понятиям о преступлениях. Этим и объясняются неоднократные попытки создать свод местных законов, реально применявшихся при разбирательствах спор и преступлений биями и старейшинами, который должен был включать и применявшиеся нормы шариата, и нормы обычного права казахов.

Российские власти стремились противостоять политическому влиянию среднеазиатских ханств на казахское общество. С целью ограничения деятельности в казахских жузах мусульманских проповедников они запретили жителям Средней Азии проезд через эти территории (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 444. Л. 80). На официальную деятельность «пришлых» мулл накладывался запрет.

Беспокойство российской администрации хорошо прослеживается на основании архивных материалов. Вызывает особый интерес объемное Дело «Об ограничении въезда в Казахскую степь подданных среднеазиатских ханств». В ноябре 1853 г. начальник 53-й дистанции Области оренбургских киргизов Сулейман Джихангиров в своем Представлении в Оренбургскую пограничную комиссию поднял вопрос о том, как поступать с выходцами из среднеазиатских государств, прибывающими в Казахскую степь. Пограничная комиссия составила и разослала циркуляр от 16 марта 1854 г., в котором строжайше предписывалось задерживать и представлять в ближайшее укрепление в степи или на линию подданных среднеазиатских областей, намеревающихся обучать детей грамоте или просящих подаяния. «При появлении в здешней степи не только коканских, но и подданных Казах, доставивший начальству подозрительного азиатца должен был объяснить, где и при каких обстоятельствах тот появился, и получить 5 рублей наградных. В этом же циркулярном письме объявлялось, что впредь муллы и другие русские подданные могут проживать в степи только при наличии «письменных видов» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3558. Л. 23). Лица как первой, так и второй категории подлежали выдворению за пределы степи (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3558. Л. 80б.).

В официальной российской печати того времени также проводилась идея об опасной провокационной деятельности агитаторов из среднеазиатских ханств. Так, в одной из статей «Военного сборника» читаем: «...Эмиссары Хивы, проникая в киргизскую степь с торговыми караванами и под видом мулл, возбуждали религиозный фанатизм и ненависть между родами, подучали их не только на грабеж караванов, но и к нападению на Линию» (Голосов, 1863: 36).

Для придания легитимности действиям российской администрации в отношении населения Казахской степи татарские муллы были уполномочены принимать присягу у султанов и аульных старшин (Султангалиева, 2020: 485). О практике принятия присяги по догматам своей веры сообщал

еще А. Левшин. Для примера приведем выдержку из описания церемонии возведения в 1812 г. в ханы Младшего жуза Ширгазы Айчувакова в его книге: «...Хан встал на ковре на колени и произнес торжественно пред Ал-Кораном присягу в верности России, повторяя слова оной вслед за читавшим ее по утвержденной форме первенствующим из магометанского духовенства. В заключение поцеловал он Коран, поднял его на голову и, встав, приложил к присяжному листу вместо подписи печать свою» (Левшин, 1996: 349).

Что касается судебных дел, А. Сотников отмечает, что присяга по Корану принималась казахами при судебных разбирательствах, но только тогда, когда следствие вели русские чиновники, в народном же суде присяга принималась по народным обычаям (Сотников, 1872: 775).

В XVIII–XIX вв. власти поощряли расширение торговой деятельности. «Татарские и русские купцы, – отмечает Андреас Каппелер, – развернули значительную активность в торговле с казахами, которая становилась важнейшим источником и поставщиком продуктов для российской промышленности» (Каппелер, 2000: 138). Благоприятствующими условиями для их деятельности были два существенных момента: во-первых, отсутствие языковых проблем в контактах с местным населением и, во-вторых, тот факт, что татары, будучи мусульманами, могли иметь доступ к среднеазиатским рынкам.

В казахских степях появились города – центры мусульманского торгового капитала, такие как Уральск и Семипалатинск. Правительство даже заставляло татар-торговцев переселяться туда.

Татарские муллы оказали значительное влияние на духовную культуру казахского общества как с точки зрения его ознакомления с классическим исламским наследием, так и в плане его просвещения в целом. Они преподавали в школах татарский язык, а позднее часто и русский. Татарский язык был даже официальным языком общения между российскими властями и местными правителями.

Однако российские власти посчитали, что татарские письмоводители выполнили к середине XIX в. возложенные на них посреднические функции, поэтому встал вопрос об их замене. В 1844 г. при Оренбургской пограничной комиссии была образована школа для казахских детей и началась подготовка письмоводителей из казахов. В Положении об этой школе говорилось: «Главная цель учреждения школы, кроме распространения между киргизами русского языка и некоторой грамотности, состоит в приготовлении способных людей к занятию по пограничному управлению мест письмоводителей при султанах, правителях и дистаночных начальниках в орде, а также к исправлению и другим должностей, в которые исключительно назначаются киргизы» (Васильев, 1896: 4). В школе, кроме русского и татарского языков, давались начальные математические знания. Также учащиеся обучались чтению и начальному толкованию Корана, навыкам ведения следствия, объяснения законов с тем, чтобы они могли производить следствия по назначению правителей. Главное внимание в учебном плане уделялось овладению русским языком и литературой.

С середины XIX в., после присоединения Средней Азии к России, казахи, по сравнению с ней, представлялись уже достаточно интегрированной частью империи, и конфессиональная и социокультурная политика в отношении казахов подверглась серьезной ревизии. Рост популярности ислама в Степном крае вызывал все большую озабоченность у государственных чиновников. Ислам уже представал тупиковым направлением и силой, мешающей сближению казахов с русскими. Правительство теперь желало устранить влияние татарского духовенства на казахское население, поэтому, начиная с 60-х гг., произошел поворот от политики веротерпимости (и даже покровительства) к ограничению мусульманского влияния на казахское население.

5. Заключение

Среди наиболее важных выводов исследователей досоветского периода мы выделяем установление общей тенденции на постепенное усиление исламизации казахского общества в период его нахождения в составе Российской империи. И эти суждения подтверждаются архивными данными и другим документальным материалом. Ислам, причем «по-русийски» организованный, рассматривался как важное средство привлечения казахов на сторону российского государства. Российские власти считали, что татары, уже достаточно давно интегрированные в империю, помогут противостоять опасной конфессиональной экспансии в степь с юга.

Имперская политика в Казахстане отличалась гибкостью и менялась. В отношении казахов применялись стратегии, рассчитанные на инклюзивность и сотрудничество, а не на ассимиляцию. Здесь виден принцип взаимной лояльности (лояльность правительства в обмен на лояльность населения).

Государственно-конфессиональную политику в областях, населенных казахами, можно характеризовать как политику сдержанного прагматизма. В культурно-религиозной сфере российские власти придерживались в целом лояльного подхода и принципа невмешательства.

Все сказанное выше позволяет охарактеризовать политику России в казахских жузах как комплементарную. И нам хотелось бы предложить термин «комплементарный колониализм» как тему для дискуссии.

Литература

- Артемов, 1859** – Артемов А. Несколько заметок о киргизской степи Оренбургского ведомства // *Журнал Министерства внутренних дел*. 1859. Ч. 38. Кн. X. С. 1-44.
- Балабиев, Турекулова, 2018** – Балабиев К., Турекулова Ж. Гибридность и когерентность правовых практик у казахов: суд аксакалов в системе правовых институтов и практик (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Ab Imperio*. 2018. № 3. С. 187-214.
- Валиханов, 1985** – Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе. Собр. соч. в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата, 1985.
- Васильев, 1896** – Васильев А.В. Исторический очерк народного образования в Тургайской области и современное его состояние. Приложение. Оренбург, 1896. С. 3-12.
- Верт и др., 2005** – Верт П., Кабытов П.С., Миллер А.И. (сост.). Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005.
- Верт, 2005** – Верт П.В. От «сопротивления» к «подрывной деятельности» / Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005. С. 48-82.
- Герман, 1822** – Герман Ф.И. О киргизцах // *Вестник Европы*. 1822. № 22. С. 217-227.
- Голосов, 1863** – Голосов Д. Поход на Хиву в 1839 г. отряда русских войск, под начальством генерал-адъютанта В.В. Перовского // *Военный сборник*. 1863. Т. XXIX. № 1-2. С. 56-69.
- Григорьев, 1874** – Григорьев В. Русская политика в отношении Средней Азии: Ист. очерк / *Сб. государственных знаний*. Т. 1. СПб., 1874. С. 233-261.
- Добросмыслов, 1902b** – Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Тверь: Типолит. Н.М. Родионова, 1902. 529 с.
- Добросмыслов, 1902a** – Добросмыслов А.И. Заботы императрицы Екатерины II о просвещении киргизов // *Труды Оренб. ученой архивной комиссии*. Вып. IX. Оренбург, 1902. С. 51-63.
- Емельянова, 2018** – Емельянова Н.М. Религиозная политика как инструмент интеграции казахов в состав России в XVIII–XIX вв. // *Ислам в современном мире*. 2018. № 14(2). С. 61-76.
- Каппелер, 2000** – Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 1997.
- Левшин, 1996** – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996.
- Мартин, 2005** – Мартин В. Барымта: обычай в глазах кочевников, преступление в глазах империи / Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005. С. 360-388.
- Материалы..., 1960** – Материалы по истории государственного строя Казахстана, 1960. Алматы: Наука, 1960. Том. 1. 441 с.
- Мейер, 1865** – Мейер Л.Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1865. 386 с.
- ПСЗРИ-1, 1830** – Полное собрание законов Российской империи. 1830. Т. 22. СПб.
- Сартори, Шаблей, 2019** – Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 280 с.
- Сотников, 1872** – Сотников А. Несколько слов о возможности учреждения миссии между киргизами Средней орды // *Православное обозрение*. 1872. Т. I. С. 771-790.
- Султангалиева, 2000** – Султангалиева Г.С. «Татарская» диаспора в конфессиональных связях казахской степи (XVIII–XIX вв.) // *Вестник Евразии*. 2000. № 4. С. 20-36.
- Султангалиева, 2020** – Султангалиева Г.С. Татарские муллы, командированные в степь «...для разъяснения, обнародования и внушения правил» // *Историческая этнология*. 2020. Т. 5. № 3. С. 481-496.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Юдин, 1897** – Юдин П.А. Барон Игельстром в Оренбургском крае // *Русский архив*. Вып. 1. Кн. I. С. 513-555.
- Martin, 2001** – Martin V. Law and Custom in the Steppe. The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century. London; New York, 2001.
- Mirzageldiyev, 2019** – Mirzageldiyev B.A. Politics of the Russian Empire towards Islam in the Kazakh steppe: a revision of some aspects // *Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия «Исторические науки. Философия. Религиоведение»*. 2019. № 3(128). С. 31-43.
- Sabol, 2003** – Sabol St. Kazakh Resistance to Russian Colonization: Interpreting the Kenesary Kasymov Revolt, 1837–1847 // *Отан тарихы/Отечественная история*. Алматы. 2003. № 3.
- Sartori, 2016** – Sartori P. Vision of Justice. Shari'a and Cultural Change in Russian Central Asia. Leiden, 2016.

References

- PSZRI-1, 1830** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. 22.
- CGA RK** – Central'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

- Artem'ev, 1859** – *Artem'ev, A.* (1859). Neskolko zametok o kirgizskoj stepi Orenburgskogo vedomstva [A few notes about the Kyrgyz steppe of the Orenburg department]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennih del*, Ch. 38. Kn. X. Pp. 1-44. [in Russian]
- Balabiyev, Turekulova, 2018** – *Balabiyev, K., Turekulova, Zh.* (2018). Gibridnost' i kogerentnost' pravovykh praktik u kazakhov: sud aksakalov v sisteme pravovykh institutov i praktik (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Hybridity and coherence of legal practices among the Kazakhs: the court of aksakals in the system of legal institutions and practices (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Ab Imperio*. 3: 187-214. [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1902a** – *Dobrosmyslov, A.I.* (1902a). Zaboty imperatricy Ekateriny II o prosveshenii kirgizov [Empress Catherine II's concern for the enlightenment of the Kyrgyz]. *Trudy Orenb. Uchenoj arhivnoj komissii*. Vyp. IX, Orenburg. Pp. 51-63. [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1902b** – *Dobrosmyslov, A.I.* (1902). Turgajskaya oblast. Istoricheskij ocherk [Turgai region. Historical sketch]. Tver': Tipo-lit. N.M. Rodionova, 529 p. [in Russian]
- German, 1822** – *German, F.I.* (1822). O kirgizcah [About Kyrgyz people]. *Vestnik Evropy*. 22: 217-227. [in Russian]
- Golosov, 1863** – *Golosov, D.* (1863). Pohod na Hivu v 1839 g. otryada russkikh vojsk, pod nachalstvom general-adyutanta V.V. Perovskogo [A campaign to Khiva in 1839 by a detachment of Russian troops, under the command of Adjutant General V.V. Perovsky]. *Voennyj sbornik*. Vol. XXIX. 1–2: 56-69. [in Russian]
- Grigor'ev, 1874** – *Grigor'ev, V.* (1874). Russkaya politika v otnoshenii Srednej Azii: Istorichesky Ocherk [Russian policy towards Central Asia: Historical essay]. *Sb. gosudarstvennykh znaniy*. Vol. 1, SPb., Pp. 233-261. [in Russian]
- Kappeler, 2000** – *Kappeler, A.* (1997). Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya [Russia is a multinational empire]. Moscow. [in Russian]
- Levshin, 1996** – *Levshin, A.I.* (1996). Opisanie kirgiz-kazachih ili kirgiz-kajsackih ord i stepej [Description of the Kyrgyz-Cossack or Kyrgyz-Kaysak hordes and steppes]. *Almaty*. [in Russian]
- Martin, 2005** – *Martin, V.* (2005). Barymta: obyčaj v glazakh kochevnikov, prestupleniye v glazakh imperii [Barymta: custom in the eyes of nomads, crime in the eyes of the empire]. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya*. Moscow. Pp. 360-388. [in Russian]
- Martin, 2001** – *Martin, V.* (2001). Law and Custom in the Steppe. The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century. London; New York.
- Materialy..., 1960** – *Materialy po istorii gosudarstvennogo stroya Kazakhstana* [Materials on the history of the state system of Kazakhstan]. Vol. 1. *Almaty: Nauka*, 1960, 441 p. [in Russian]
- Mejer, 1865** – *Mejer, L.L.* (1865). Kirgizskaya step Orenburgskogo vedomstva. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami Generalnogo shtaba [Kyrgyz steppe of the Orenburg department. Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff]. SPb., 386 p. [in Russian]
- Mirzageldiyev, 2019** – *Mirzageldiyev, B.A.* (2019). Politics of the Russian Empire towards Islam in the Kazakh steppe: a revision of some aspects. *Vestnik Yevraziyskogo natsional'nogo universiteta imeni L.N.Gumileva. Seriya: Istoricheskiye nauki*. 3(128): 31-43.
- Sabol, 2003** – *Sabol, St.* (2003). Kazakh Resistance to Russian Colonization: Interpreting the Kenesary Kasymov Revolt, 1837–1847. *Оман тарихы/National history*. *Almaty*. 3.
- Sartori, 2016** – *Sartori, P.* (2016). Vision of Justice. Shari'a and Cultural Change in Russian Central Asia. Leiden.
- Sartori, Shabley, 2019** – *Sartori, P., Shabley, P.* (2019). Eksperimenty imperii: adat, shariat i proizvodstvo znaniy v Kazakhskoy stepi [Experiments of Empire: Adat, Shariah and Knowledge Production in the Kazakh Steppe]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 280 p. [in Russian]
- Sotnikov, 1872** – *Sotnikov, A.* (1872). Neskolko slov o vozmozhnosti uchrezhdeniya missii mezhdru kirgizami Srednej ordy [A few words about the possibility of establishing a mission between the Kyrgyz of the Middle Horde]. *Pravoslavnoe obozrenie*. I: 771-790. [in Russian]
- Sultangaliyeva, 2020** – *Sultangaliyeva, G.S.* (2020). Tatarskiye mully, komandirovannyye v step' «...dlya raz'yasneniya, obnarodovaniya i vnusheniya pravil» [Tatar mullahs sent to the steppe "... for clarification, promulgation and suggestion of rule]. *Istoricheskaya etnologiya*. 5(3): 481-496. [in Russian]
- Sultangaliyeva, 2000** – *Sultangaliyeva, G.S.* (2000). «Tatarskaya» diaspora v konfessional'nykh svyazyakh kazakhskoy stepi (XVIII-XIX vv.). *Vestnik Yevrazii*. 4: 20-36. [in Russian]
- Valikhanov, 1985** – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1985). Zapiska o sudebnoy reforme. Sobr. soch. v pyati tomakh [A note on judicial reform]. Vol. 4, Alma-Ata. [in Russian]
- Vasil'ev, 1896** – *Vasil'ev, A.V.* (1896). Istoricheskij ocherk narodnogo obrazovaniya v Turgajskoj oblasti i sovremennoe ego sostoyanie. Prilozhenie [Historical sketch of public education in the Turgai region and its current state. Application]. Orenburg. Pp. 3-12. [in Russian]
- Vert, 2005** – *Vert, P.V.* (2005). Ot «soprotivleniya» k «podryvnoy deyatelnosti» [From "resistance" to "subversion"]. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya*. Moscow. Pp. 48-82. [in Russian]

Vert i dr., 2005 – Vert, P., Kabytov, P.S., Miller, A.I. (sost.) (2005). Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya [Russian Empire in foreign historiography]. Moscow. [in Russian]

Yemel'yanova, 2018 – Yemel'yanova, N.M. (2018). Religioznaya politika kak instrument integratsii kazakhov v sostav Rossii v XVIII–XIX vv. [Religious policy as a tool for integrating Kazakhs into Russia in the 18th–19th centuries]. *Islam v sovremennom mire*. 14(2): 61–76. [in Russian]

Yudin, 1897 – Yudin, P.A. (1897). Baron Igelstrom v Orenburgskom krae [Baron Igelstrom in the Orenburg region]. *Russkij arhiv*. 1. Kn. I. Pp. 513–555. [in Russian]

Комплементарная конфессиональная и этнокультурная политика Российской империи в Казахской степи в XVIII – 60-е гг. XIX вв.

Агила Нургалиева ^{a, *}, Асет Тасмагамбетов ^a, Альфия Байбулсинова ^a

^a Западно-Казахстанский университет, Уральск, Республика Казахстан

Аннотация. В качестве методологической основы данная статья опирается на концепцию новой имперской истории. В ней анализируются особенности этноконфессиональной политики Российского правительства на первом этапе «номинального присоединения» территории степи, когда в исламе виделся инструмент умиротворения казахов. Она не носила однозначно унифицирующего характера, не ставила целью радикально изменить казахскую среду насильственным наложением «прогрессивных» культурно-исторических традиций, игнорируя имевшиеся и ломая сложившиеся устои. На этом этапе российское правительство не только допускало, но даже и обеспечивало пропаганду ислама в его российском варианте, видя в нем важное средство административного контроля. Эту политику можно назвать комплементарной, т.к. власти вынуждены были считаться с религиозными традициями подвластного населения, сохраняли толерантность и религиозный плюрализм. Отмечается наличие в степи сочетания российских правовых норм и правовых обычаев казахов кочевников. Показано, что архивные документы в совокупности с публикациями современников помогают составить цельную картину по вопросу об особенностях государственно-конфессиональной и этнокультурной политики.

Ключевые слова: Российская империя, Киргизская степь, комплементарная политика, «номинальное присоединение», ислам, цивилизаторская миссия, татары.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: agilamus789@gmail.com (А. Нургалиева)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1654-1665
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1654

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Psychology of Religion in the Infosphere of the Russian Theological Academies of the XIX – beginning XX centuries. (on the example of the St. Petersburg Theological Academy)

Olga K. Mikhelson ^{a,*}, Nikolai S. Poliakov ^a

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The paper treats the infosphere of the spiritual educational institutions of Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries in the field of psychology of religion. Special attention is paid to the psychology of religion at the St. Petersburg theological academy. The article presents the history of the formation and development of the psychology of religion among the St. Petersburg clergy, traces its path from experience psychology to experimental psychology, highlights the specific characteristics of the St. Petersburg theological academy psychology of religion school. It is demonstrated that the psychology of religion in prerevolutionary Russian spiritual educational centers, although developed within the Orthodox theological tradition, was located within the world information field of the period, and was significantly influenced by advanced philosophical and scientific theories of that time, and in some particular issues was even ahead the Western tradition of the psychology of religion. Special attention is paid to the interpretation of the theories of A.A. Fischer, the founder of experience psychology in Russia, I.A. Chistovich and his course of “Experience Psychology”, V.N. Karpov’s approach to psychology of religion as the foundation of ethics, V.S. Serebrennikov and the shift from experience psychology to experimental psychology, mostly inspired by W. Wundt’s ideas. The paper demonstrates that a more natural-scientific and, to a lesser extent, humanitarian approach to the psychology of religion was formed among the St. Petersburg clergy than in other theological academies of Russia, which corresponded to the status of St. Petersburg as a world center for the research of physiology and psycho-neurology of that time.

Keywords: psychology of religion at the St. Petersburg theological academy, experience psychology, experimental psychology, Chistovich, Karpov, Serebrennikov.

1. Введение

Психология, понимаемая в отечественной духовной традиции как наука о душе, а соответственно, максимально приближающаяся к христианскому пониманию психологии религии, играла одну из ключевых ролей в российском религиозном образовании второй половины XIX в., поскольку, начиная с 1850 г., в программах духовных учебных заведений учебные курсы по психологии заменили запрещенную властями философию, которая воспринималась как опасная и ведущая к вольнодумству. Впоследствии философия была возвращена, но часто именно как часть психологии, а в духовных академиях были открыты кафедры психологии. Задача данного исследования заключается в определении информационного поля, в котором создавалась отечественная православная традиция психологии религии, что требует помещения теорий российских мыслителей в общий мировой контекст психологической науки того времени и выявления влияний западной философской и научной литературы на формирование психологии религии в духовных учебных заведениях Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. В свою очередь психологические труды отечественных богословов, в том числе созданная ими

* Corresponding author

E-mail addresses: olia_mikhelson@mail.ru (O.K. Mikhelson)

учебная литература, формировали инфосферу духовных академий, бесспорно воздействуя на студенчество и определяя его подход к психологии религии.

2. Материалы и методы

Основной источник данного исследования – труды преподавателей духовных академий России второй половины XIX – начала XX вв., как исследовательские, так и методические. Поскольку объем статьи не позволяет представить всю богословскую традицию психологии религии указанной эпохи, особое внимание было уделено подходам, выработанным в СПбДА, в частности А.А. Фишером, В.Н. Карповым, И.А. Чистовичем и В.С. Серебренниковым, хотя они также помещены в контекст российской и мировой науки. Для изучения обозначенных выше источников использовался текстологический метод, включающий в себя раскрытие внутреннего содержания и логики источников, а также вычленение и анализ основных положений и понятий, выдвигаемых их авторами. Герменевтический метод интерпретации текста, подразумевающий социокультурный контекстуальный анализ, был необходим для того, чтобы учитывать общий контекст, в котором эти труды создавались, что способствует более полному пониманию и раскрытию смыслообразующих положений работ. Также использовался сравнительный метод, позволивший обнаружить параллели и различия между разными источниками, таким образом определив их взаимовлияние и специфику. Указанная методология позволила очертить интеллектуальное пространство и информационное поле российских духовных академий XIX – начала XX вв. в области психологии религии.

3. Обсуждение

В последние годы вышло немало работ, посвященных анализу развития психологии в целом и психологии религии в частности в духовных школах России XIX–XX вв. Их авторы представляют варианты осмысления психологической мысли профессоров духовных академий Российской империи в первую очередь в русле православной богословской традиции. История преподавания психологии и психологии религии в отечественных духовных школах представлена Л.Ф. Шеховцовой и Ю.М. Зенько, указавшими не только профессорско-преподавательский состав, занимавшийся вопросами психологии, темы и направления их исследований, но и отметившими ряд студенческих работ (Шеховцова, Зенько, 2017). Значительное количество статей, написанных в основном преподавателями православных университетов, посвящено отдельным персоналиям и их концепциям, но также существует и ряд работ общего характера (Костригин, Стоюхина, 2016; Мазиллов, Костригин, 2016; Хондзинский, 2015), в том числе знакомящих с подходом к психологии и психологии религии в СПбДА (Стебнев, 2017). Бесспорно, труды профессоров духовных академий России упоминались и в исследованиях, посвященных изучению истории отечественной психологии (Абульханова-Славская, Анцыферова, Брушлинский, 1997; Ананьев, 1947; Михельсон, 2018), однако представляется, что им незаслуженно уделено недостаточное внимание, т.к., например, учебник «Общей психологии» Чистовича вполне стоит разбирать как заметную веху в отечественном психологическом дискурсе, особенно для своего времени. Проблематика инфосферы отечественных духовных академий рассматривается Т.В. Чумаковой (Чумакова, 2022).

4. Результаты

Психология как наука о душе и формирование конфессиональной психологии религии в России

Начать разговор о психологии религии в отечественных духовных академиях следует с того, что традиционно в период, предшествовавший выделению психологии в отдельную отрасль естественно-научного знания, произошедшего ближе к концу XIX в., психология понималась как наука о душе, причем вполне в христианском смысле. Весьма симптоматично в этой связи, что в качестве первой отечественной работы, «специально посвященной психологии» (Ананьев, 1947: 2), как правило, указывается книга именно московского протоиерея Иоанна Кандорского «Наука о душе, или ясное изображение ее совершенств» 1796 г. (Кандорский, 1796: 5). Иными словами, во многом психология разрабатывалась внутри не только философской, но и богословской мысли, что особенно типично для России. Стоит отметить, что еще на протяжении практически столетия, прошедшего с работы Кандорского, психология в России будет пониматься как «наука о душе» и, соответственно трактоваться и разрабатываться преимущественно конфессионально. В итоге это приведет к существенной полемике относительно понимания психологии как науки, что найдет свое отражение в знаменитой статье И.М. Сеченова 1873 г. «Кому и как разрабатывать психологию» (Сеченов, 1947).

Поэтому закономерно, что интерес к «науке о душе» в кругах русского духовенства был значителен. Начиная с 1808 г., психология, понимаемая конфессиональным, а не научным образом, постепенно проникает в программы обучения семинарий, поскольку ряд вопросов «науки о душе» разбирается в рамках курсов по философии. В 1836 г. в Киевской духовной академии архимандрит Феофан (Авсенеv) начинает читать курс психологии в рамках занятий по философии и логике. При этом совершенно не случайно другой профессор Киевской духовной академии, Ф.А.Терновский, в 1884 г. указывает, что Авсеев читал «историю души» (Терновский, 1884: 9). Христианское понимание

психологии вплоть до конца XIX в. было общепринятым в России, тем более в духовных кругах. Преподавание психологии в Санкт-Петербургской духовной академии также изначально было введено в рамках курса по философии, который с 1843 г. (и вплоть до запрета преподавания философии и закрытия кафедр философии в российских университетах в 1950 г.) читал А.А. Фишер ([Колубовский, 1901](#)).

Опытная психология А.А. Фишера

Австриец по происхождению, Фишер был хорошо знаком с вольфианской школой, и этот подход лежал в основании преподавания философии в учебных заведениях России середины XIX в. Следует отметить, что именно в работах Христиана Вольфа психология получила статус отдельной дисциплины. Как отмечает В.В. Васильев, «в этом смысле справедливо будет сказать, что Вольф создал психологию как науку» ([Васильев, 2010: 26](#)). Взгляды Вольфа и его последователей на психологию, с одной стороны, как рациональную, а с другой – эмпирическую претерпели некоторое изменение, и в поздних работах Вольф относит эмпирическую психологию к области философии, в отличие от рациональной, которую он считает «наукой о том, что возможно посредством человеческой души» ([Васильев, 2010: 34](#)). В своих предшествующих программных работах по психологии «Рациональная психология» (1732 г.) и «Эмпирическая психология» (1736 г.) Вольф предлагает традиционное христианское тройственное деление человека на тело, душу и дух. В своей эмпирической психологии он исследует «душу отдельно от тела – в соответствии с декартовскими принципами» ([Васильев, 2010: 32](#)). Затем Вольф рассматривает материальный физический мир, после чего вновь переходит к психологии, объясняя соотношение души и тела, а потом рассуждая «и о высшем условии психофизического взаимодействия – о Боге» ([Васильев, 2010: 32](#)).

Влияние вольфианских идей заметно в труде Фишера «Введение в опытную психологию», хоть и написанного через столетие после работ Вольфа. Под «опытной» психологией в России того времени понимается не чисто умозрительный подход, свойственный теологическому учению о душе, а основанный на опыте, наблюдении и интроспекции. Согласно Фишеру, цель психологии – «объяснить духовные явления» ([Фишер, 1839: 6](#)), при этом он считает, что психология – наука сугубо опытная, однако на «жизнь души» можно смотреть метафизически. Фишер отмечает: при «двух совершенно различных в нас совершаемых процессах – органическому и духовному, весьма естественно предположить два соответствующих им начала, а следовательно, кроме видимого тела, допустить и невидимый дух, основание и опору явлений духовных, как почти всегда и предполагали» ([Фишер, 1839: 7](#)). Фишер замечает, что его опытная психология не занимается «вопросом о природе и существе духа, его самостоятельности и совершенном отличии от материи» и оставляет философии «мнение о природе души», поскольку «к наукообразному» изучению души, что он расценивает как задачу своего труда, «ведут только психологические исследования». Однако он отмечает, что существование особого духовного начала, изучение которого является прерогативой метафизики, подтверждают и «правила строгого естествознания» ([Фишер, 1839: 33](#)).

Вполне в вольфианском ключе Фишер решает и вопрос о соотношении философии и опытной психологии. Последняя выступает в его системе подготовительной ступенью для философского осмысления, однако опытная психология имеет большое значение, поскольку без нее философия – «лишь мечта воображения», лишенная естественно-научных оснований. Еще одно сближение концепций Вольфа и Фишера мы видим в упоре Фишера на важность воспитания души и воспитательную ценность философии, в основе которой опять же лежит опытная психология. Поэтому Фишер уверен, что каждый человек должен заниматься изучением опытной психологии. В этой связи опытная психология имеет и высокую прикладную ценность, в частности, ее данные, согласно Фишеру, должны учитываться при разработке уголовного законодательства.

Именно воспитательный аспект выдвигаемой Фишером платформы опытной психологии придает последней столь высокую значимость. Так, Фишер подчеркивает: «Если все вообще наше земное существование имеет свое значение и свою цену единственно только по отношению своему к жизни будущей, вечной, то без сомнения, наше знание тем благороднее и драгоценнее, чем более возвышает оно дух наш над тленностью и ничтожностью жизни чувственной, чем более ведет оно к созерцанию нашего вечного назначения, наполняет сердце наше благоговением, любовью и умилением к Богу, и утверждает нас в той радостной уверенности, что всеблагий Бог, создавший человека, украсил его дарами своими пред всеми земными творениями, избрал его своим подобием, своим любимцем» ([Фишер, 1839: 51](#)). Завершает свой труд Фишер утверждением, что опытная психология, от поверхностного изучения которой «произошли вольнодумства и безверие», при ее «основательном и добросовестном» исследовании, напротив, может стать основой веры, чтобы «представить христианство в полном блеске славы и благотворным лучам его открыть вход даже в сердца тех, которые в гордости знания до сих пор смотрели на веру как на посох немощного» ([Фишер, 1839: 53](#)).

Итак, Фишер вполне в духе Просвещения видит воспитание и исправление человеческой природы целью опытной психологии и философии. Соответственно, его проект опытной психологии оказывается основанием для морального совершенствования человека, и более того, он призван раскрыть природные склонности человека к благу и к богу, тем самым становясь основанием уже не

только философского знания, но и веры. Соответственно, мы видим, как Фишер выступает апологетом научной психологии, поскольку его опытная психология включает научный подход, но при этом он пытается некоторым образом ее «оправдать», вписав в богословскую картину мира, указывая на принципиальное значение именно опытной психологии в воспитании души.

И.А. Чистович и его «Курс опытной психологии»

Ученик Фишера, И.А. Чистович продолжил исследование и преподавание психологии в СПбГА. В своем Курсе опытной психологии он определяет последнюю как «науку о душе человеческой как реальном основании духовной жизни человека» (Чистович, 1868: 3), следовательно, вполне очевидно, что Чистович трактует психологию в религиозном смысле. Он пишет свой учебник через десять лет после сочинения архимандрита Гавриила (Кикодзе) «Основания опытной психологии» (Кикодзе, 1858), и закономерно мы можем обнаружить в этих трудах заметные параллели, в том числе методологические. Во введении в свой учебник Кикодзе отмечает: «Весь наш организм есть орудие души», душа постоянно проявляет себя в его изменениях и состояниях; следовательно, изучая эти состояния организма, «мы познаем свойства самой души». Он подчеркивает, что любое «душевное явление, всякий внутренний факт», может быть предметом интроспекции, поскольку «самосознание наше есть постоянный внутренний опыт». И метод самонаблюдения (интроспекция) «нигде не может иметь такого обширного применения, как в психологии», которая должна «отбросить в сторону бесплодные умозрения» и обратиться «к строгому опыту, беспристрастным наблюдениям, анализу явлений и фактов», поскольку это «превосходный метод», придающий естественным наукам «завидную точность, занимательность и основательность» (Кикодзе, 1858: 1-2).

Чистович стоит на тех же позициях, постулируя значимость именно опытной части психологии. Он начинает свою работу с представления своей концепции сознания, рассматривая его как «общую и основную форму нашей душевной жизни», которую «нельзя производить из деятельности других душевных сил: ощущения, представления, мышления, желаний и чувствований, потому что оно ни с одной из них не связано исключительно, но есть постоянный спутник всех психических процессов» (Чистович, 1868: 10). С другой стороны, сознание не является и «производителем душевных состояний, потому что оно от себя ничего не привносит в содержание душевной жизни, но только освещает данные уже явления душевной жизни, делая их различными одно от другого в их качественной определенности» (Чистович, 1868: 10). Согласно Чистовичу, в душе человека бывает два рода состояний: произведенные телом (ощущения) и произведенные духом (самостоятельные желания и побуждения). Первыми управляют психофизические законы, вторыми – «психические, или законы духа». Таким образом, единство сознания и тождество личности (Чистович, вслед за Локком, придерживается теории тождества личности) обеспечиваются именно душой.

В русле теории И.Ф. Гербарта, описывающего подпороговые бессознательные части сознания (Герbart, 2007: 96-97), Чистович делил психическую жизнь на сознательное и бессознательное (бессознательное). Он замечал: «Даже самая малоразвитая человеческая душа имеет такое бесчисленное множество представлений, что произошел бы совершенный беспорядок, если бы каждое из них постоянно находилось в сознании», поэтому, согласно Чистовичу, бог «установил смену сознательности и бессознательности представлений» (Чистович, 1868: 51). При этом бессознательное постоянно воздействует на сознание.

Стоит отметить, что методологически Чистович пытается совместить богословский и научный подходы и находит основания физиологии и психологии в боге, также рассматривая вопросы, скорее относимые к области философии, – логику, эстетику, этику и даже семантику. Показательный пример хода аргументации Чистовича – его рассуждения о языке. Он пишет: «Рассмотрение физиологических и психологических условий происхождения и образования языка приводит нас к убеждению, что язык есть ни непосредственно дело Божие, ни произвольное изобретение человека, но что он образовался и образуется по законам духовно-чувственной природы человека» (Чистович, 1868: 107). Очевидно, что Чистович находит интересный способ объединить естественную природу возникновения языка с основанием этой природы в боге. Еще более красноречива трактовка Чистовичем феномена инстинктов. «Внешнее основание инстинкта заключается в общей целесообразности природы. Инстинктивные силы, достигая своих целей, не сознают ни этих целей, ни способов, которыми они достигают их. Но так как нельзя представить целей, не признавши бытия ума, который один может поставить цели для деятельности, то, следовательно, допуская цель в явлениях инстинкта, мы должны признать бытие Высшего Ума, который, создавши силы природы, направил их к деятельности, сообразной с поставленными на них целями» (Чистович, 1868: 123). Таким образом, Чистович, как до этого делал и Фишер, пытается совместить использование научного подхода с собственными теологическими воззрениями, находя основание естественных явлений в боге.

В духе Ж.-Ж. Руссо и других философов Просвещения Чистович описывает «естественный характер», основывающийся на естественной свободе, и «нравственный характер», основывающийся на нравственном выборе, который воспитывается и поддерживается воспитанием (Чистович, 1868: 179). С этими аспектами характера человека тесно связана теория чувств, разработке которой посвящена значительная часть труда Чистовича. Он выделяет умственные, нравственные, эстетические и религиозные чувства. Стоит подчеркнуть, что системное рассмотрение и изложение

этой темы Чистовичем практически на три десятилетия предвосхитило посвященную феноменологии чувств работу Теодюля Рибо «Психология чувств» (*La Psychologie des sentiments*), вышедшую в 1896 г. и изданную на русском языке уже через год (Рибо, 1897).

Согласно Чистовичу, религиозное чувство может принять «множество форм и оттенков» в зависимости от того, «насколько полны и возвышены идеи человека о Божестве и его свойствах по естественному настроению души». Оно принимает форму экзальтации «в душах нежных», соединяясь в них «с пламенным воображением». У людей «с развитым самообладанием» оно имеет более спокойную форму, поскольку в этом случае «нравственный порядок жизни устанавливается убеждением». По своей природе религиозное чувство – «чистое и высокое», однако под воздействием «одностороннего настроения ума и влиянием сердца» оно может получить «ложное направление». Два типичных варианта «злоупотреблений», вызванных этим ложным направлением религиозного чувства, по Чистовичу, – исступление и фанатизм. В случае исступления человек, «чрезмерно увлекаясь воображением, считает свои мечты видениями и откровениями духовного мира и усваивает себе непосредственное общение с Богом». В случае фанатизма человек, «преследуя какую-то ложно поставленную, преимущественно религиозную цель, направляет к ней все свои мысли и действия и только по отношению к ней определяет достоинства всех действий и не соглашающихся с ним в мыслях и поступках преследует как врагов религии или безбожников, думая тем угодить Богу» (Чистович, 1868: 181-182). Как можно заметить, Чистович довольно критично оценивает эти крайние степени проявления религиозных переживаний.

Разработав свою теорию «злоупотреблений религиозными чувствами», Чистович предвосхитил идеи, в дальнейшем разрабатываемые во французской школе психологии религии, занимавшейся различными психопатологиями, возникающими на основе религиозности, таким образом снова опередив свое время. В 1901 г. швейцарский философ и психолог Э. Мюрисье в своей работе «Расстройства религиозного чувства» будет доказывать, что заболевания, связанные с религиозными эмоциями, демонстрируют две основные тенденции (в здоровом состоянии неразделимые), соответствующие индивидуальному и социальному элементам в религии: мистицизм и фанатизм. Если выделяется и преувеличивается индивидуальный элемент, мы имеем дело с мистиком, ищущем облегчения в тяжелом психологическом и физическом беспокойстве, заикленном на одной, главной идее; когда же увеличивается социальный элемент, мы имеем дело с фанатиком (Murisier, 1901). Эти идеи Мюрисье очевидным образом перекликаются с пониманием сходных явлений Чистовичем.

В оставшейся части учебника Чистовича им представлена интерпретация взаимоотношений души и тела, а также психических и телесных проявлений, влияющих на душу, таких как темперамент, пол, возраст и т.д. Душа и душевные явления, согласно Чистовичу, не имеют никакой материальной природы и, в отличие от тела и других материальных предметов, не имеют никаких материальных оснований. Следовательно, душа принципиально не материальна и трактуется Чистовичем вполне в христианском стиле, как целостная (единая), простая и подлинная. При этом дух понимается Чистовичем в близкой взаимосвязи с душой, и, хотя Чистович полагает, что в душе нет никаких частей или отсеков, он отмечает, что порой трудно провести черту между духом и душой, так тесно они переплетены. В результате он приходит к выводу, что понятие духа не обозначает какого-либо особого начала или некой высшей природы, стоящей над душой, а составляет ступень развития души. Чистович пишет: «Человеческая душа, которая сознает себя в своей деятельности как деятельное начало, самоустраивающее и оценивающее свою жизнь по идеям истинного, доброго и прекрасного, называется духом» (Чистович, 1868: 196). Фактически Чистович объединяет душу и дух, и в этом плане он расходится с другим традиционным богословским подходом – трихотомией, рассматривая дух как самосознающую и саморефлексирующую душу.

Что касается диалектики души и тела, Чистович закономерно подчеркивает, что у них две принципиально противоположные природы, что доказывается в их реальных опытных проявлениях. Но между ними есть тесное взаимодействие и взаимопроникновение, и тело есть орган души, посредством которого душа общается с внешним миром и осуществляет какую-либо деятельность. Но при этом душа также зависима от тела, поскольку тело может воздействовать на душу, например, вследствие болезни. Оказывают влияние на душу и такие телесные особенности, как темперамент, пол и возраст. Любопытно, что Чистович также рассматривает феномен сна, характеризуя его с психологической и физической стороны. Сон представляет для него интерес не только из-за того, что в это время начинается исследование сна в психологии, но и поскольку сон уникальным образом объединяет тело и душу, воздействуя на оба эти начала. «Сон есть как бы хаотическое, неупорядоченное состояние духа, в котором различные образы возникают и смешиваются между собой без участия упорядочивающей их воли» (Чистович, 1868: 217).

Кикодзе выразил эту мысль еще четче, утверждая, что «во многих психологиях встречается мысль, что человек состоит из трех начал или существ, а именно: тела, души и духа». Но это мнение «не может быть допущено», и возникло исключительно из стремления найти более простой способ, чтобы объяснить «соединение в человеке духовного и телесного», поскольку тогда неким посредником между телом и духом выступает душа. Заканчивает свои рассуждения Кикодзе следующей сентенцией: «Нет нужды доказывать невозможность этого тройственного состава

человека, но что сказать о тех психологах, кои придумывают еще более странные деления человека и толкуют о душе в обширном значении, о душе в тесном смысле и о духе? Это уже более чем смешно» (Кикодзе, 1858: 37). Несмотря на гневные замечания Кикодзе, стоит отметить, что как трехстороннее (трихотомическое), так и двухстороннее (дихотомическое) богословие имеют давнюю традицию в христианстве. Обычно они трактуются как непротиворечащие друг другу, поскольку дихотомия не отрицает наличия духа, а трихотомия признает только две природы человека: телесную и духовную (Давыденков, 2013: 284-287). Для православного богословия, пожалуй, типичнее дихотомия, что подтверждается как подходом Чистовича, так и Кикодзе.

Завершая разбор учебника Чистовича по опытной психологии, важно упомянуть, что он был высоко оценен, получив первую премию митрополита Макария, которые и позднее присуждались духовной учебной литературе, и был рекомендован для всех учебных заведений. В заключении Учебного комитета Святейшего синода отмечалось: «С появлением книги Чистовича в первый раз является курс опытной психологии, обработанный вполне научным аналитическим методом и знакомящий насколько это возможно и уместно в учебном руководстве с новейшими психологическими исследованиями» (Первое присуждение, 1869: 80). На протяжении еще трех десятилетий он будет использоваться как основной курс по опытной психологии во всех учебных заведениях России, формируя представление студентов о психологии и ее основных понятиях, принципах и теориях, таким образом определяя их информационное поле в вопросах психологии религии.

Выпускник Санкт-Петербургской и профессор Киевской духовных академий, П.С. Авсенеv также внес вклад в развитие отечественной опытной психологии, хотя его подход скорее предстает сугубо богословским, недаром он сам пишет, что иное наименование психологии – антропология или «философия подлежающего духа». Психологию он также понимает как науку об «устройстве и жизни души», нацеленную на самопознание человека (Авсенеv, 1869: 2). В психологии Авсенеv выделяет три ступени: первая из которых – «опытная», поскольку источником психологии являются внутренние переживания человека, следующие – умозрение и Откровение. Методом опытной психологии Авсенеv называет наблюдение, а ее смысл видит в том, чтобы оказать «важную услугу» естественным наукам, поскольку она выступает своеобразным мостом между материальным и духовным мирами, и между миром естественных наук и теологией. В качестве примера, иллюстрирующего этот тезис, Авсенеv приводит «животный язык», который «служит преобразованием человеческого слова, а оно уже является образом слова Божественного» (Авсенеv, 1869: 15). Как нетрудно заметить, сочинение Авсенева разительно отличается от «Курса опытной психологии Чистовича», поскольку на самом деле скорее представляет собой работу по православной антропологии.

В.Н. Карпов. Психология религии как основа этики

В том же 1868 г. в свет выходит сочинение В.Н. Карпова «Вступительная лекция в психологию» (Карпов, 1868), также профессора СПбДА, наиболее прославившегося своими переводами Платона. Карпов отмечает, что психология как наука о душе «рассматривает приобретаемые внутренним опытом факты, пользуясь материальными плодами самопознания» и определяя их «значение и достоинство». Исследуя различные факты самопознания, психология способна «объяснить природу, происхождение и назначение человека» и так всесторонне определить «законы его деятельности» (Карпов, 1868: 192). Начало психологии, как и Чистович, Карпов видит в сознании. При этом он критикует материалистический подход к душе и к пониманию сознания, считая, что подобная материалистическая интерпретация легитимизирует упадок нравов в обществе. Карпов пишет: «Сознание есть свет, развевающий таинственный мрак, которым облечено нравственное существование человека. Это светильник, при котором видно все, что в нем есть, и без которого все было бы погребено во тьме безотчетных животных ощущений» (Карпов, 1868: 195). Поэтому исследование сознания – основа психологии, и его смысл «в озарении фактов познающей, желающей и чувствующей» природы человека. Рассматривая вопрос о предмете психологии, Карпов замечает, что она «стоит на точке сознания фактов внутреннего опыта» и своими заключениями «готова проникнуть и в смежные с сознанием пределы неосознаваемого» (Карпов, 1868: 198). То есть Карпов, как и Чистович, фактически пишет о том, что психология занимается не только сознанием, но и бессознательной сферой человека, в чем также наследует традиции Гербарта.

Карпов также полагает, что психолог должен так ограничить свой предмет, «чтобы само это ограничение давало право рассуждать о разумно-свободной душе вообще» и давало возможность исследованиям выходить на общечеловеческий уровень и иметь общечеловеческое значение. Для того чтобы этого добиться, в психологию, согласно Карпову, следует ввести разграничение понятий материи и формы фактов внутреннего опыта. По мнению Карпова, материю явлений внутренней жизни человека «составляет все то, что существенно входит в нравственную ее природу, никогда от нее не отделяется и так ее характеризует, что без этого она не была бы тем, что есть, а именно, нравственной человеческой природой». Форма нравственной жизни – это «разумное соотношение фактов внутреннего опыта». Благодаря ей человек способен «связывать различным образом и направлять к разным целям» свои мысли, желания и чувствования, отсюда, согласно Карпову, и происходит множественность ощущений (Карпов, 1868: 202-203).

По этой причине посредством психологии возможно «оценивать и современную, и историческую деятельность человека». Таким образом, Карпов в первую очередь постулирует значимость психологии как этической дисциплины. Получается, что, по Карпову, психология – искусство внутреннего созерцания себя, своеобразная совесть, вынесение оценки собственной «умственной деятельности и совершенствования». Традиционно в качестве методов психологии Карпов указывает внутренний опыт и самопознание. Но свою методологию он обогащает философскими стратегиями, поскольку считает, что, ограничивая психологию исключительно внутренним опытом и сознанием, невозможно группировать и классифицировать явления внутренней жизни, следовательно, в психологии нужен не только анализ, то есть, фактически, опытная психология, но и синтез, то есть психология умозрительная. Цель психологии, и тут Карпов продолжает линию Фишера, хотя ссылается на Лейбница и Вольфа, – самоусовершенствование человека. Он говорит: «Душа сама в себе не Бог, не природа, не человек, поскольку человек также телесен, но она должна раскрывать в человеке лучшее – истину, добро и красоту. В этом ее большая польза. Она вводит в сознание и осмысляет наши стороны жизни, разные, даже инстинктивные, и дает нашей душе способ совершенствоваться» (Карпов, 1868: 219). Но вот что представляет несомненный интерес, так это концепция областей психологии Карпова. Заканчивая свою работу, мыслитель указывает, что психология состоит из трех разделов – феноменологии души (описывает разные явления сознания), биологии души (соотносит явления сознания с человеческой природой) и патологии души (занимается душевными болезнями).

От опытной психологии к психологии экспериментальной

Одним из учеников Карпова был А.Е. Светилин, чьи «Лекции по психологии» не опубликованы, однако они достаточно хорошо изучены (Хондзинский, 2015). Подход к психологии Светилина был описан в его некрологе в 1887 г. О. Эрихсенем, замечавшим: «Признавая самостоятельность духовной субстанции и существование независимого от материи источника психических явлений, борясь против воззрений как грубых, так и умеренных материалистов, Светилин вместе с тем требовал полного освобождения психологии от метафизических предпосылок, отказываясь от попытки сделать предметом изучения саму субстанцию духа и считая возможным научно исследовать только душевные явления» (Эрихсен, 1887). Эрихсен также утверждал, что для Светилина была важна и экспериментальная психология, разрабатываемая в это время В. Вундтом, поскольку она позволяла изучать взаимосвязи физиологии и психологии.

Этот переход от опытной к экспериментальной психологии еще более очевиден по трудам другого профессора СПбДА – В.С. Серебренникова. В 1879 г. Вундт открыл в Лейпциге первую в мире лабораторию экспериментальной психологии (Ждан, 2004: 237), которую, как и лекции немецкого психолога, посещал Серебренников. Хотя с рядом идей Вундта Серебренников не соглашался, в его труде 1899 г. «Опытная психология и ее методы» прослеживается влияние ключевых концепций Вундта. Когда Серебренников пишет о традиционной психологии, он отмечает, что ее методы можно разделить на две группы: методы «ознакомления с единичными фактами душевной жизни» и методы «обработки этих фактов согласно задачам психологии» (Серебренников, 1899: 641).

При этом методом для ознакомления с фактами служит исключительно наблюдение, как наблюдение за другими людьми (внешнее наблюдение), так и за собой (интроспекция, или внутреннее наблюдение). Этот метод несовершенен из-за своей субъективности. Интересно, что Серебренников считает важным аспектом восприятия то, что наше восприятие окружающих, их чувств и переживаний невозможно без подобного личного опыта, на котором мы основываемся, интерпретируя опыт других людей. Фактически в этих рассуждениях он очень близок к разработке теории эмпатии, которая столь важна для современной психологии, и объясняет биологические основания морали и альтруистического поведения. Серебренников при этом полагал, что с восприятием опыта другого (эмпатией) связан и «очень крупный недостаток», присущий объективному наблюдению, – его неточность, поскольку душевная жизнь других «обнаруживается нами в той мере, в какой она обнаруживается вовне и в этих обнаружениях понимается нами» (Серебренников, 1899: 656). В России за несколько лет до этого феномен эмпатии описывался А.А. Токарским, вообще считавшим сочувствие, трактуемое им как «временное чувство, возникающее в ответ на те или другие выражения чувств, испытываемых другим человеком» (Токарский, 1895: 123), источником возникновения нравственности, в чем его идея необыкновенно современна.

По мнению Серебренникова, каждое душевное явление можно рассматривать с двух точек зрения: как предмет созерцания, имеющий точное содержание, и как событие, для возникновения которого необходимы определенные условия. При этом, в идеале, душевные явления должны нами обнаруживаться в «совершенно определенном и неизменном знаке», видимо, виде, и этот «знак» (вид) должен в нас вызывать одинаковые душевные представления. В действительности добиться выполнения этих условий, по Серебренникову, невозможно. Психическая жизнь динамична, и одни и те же феномены не проявляются в ней в точности одинаково даже у одного и того же человека, а восприятие субъективно. Кроме того, без последующей систематической научной обработки полученные данные представляют собой «беспорядочное разнообразие». «Задача психологии – свести это разнообразие к единству, открыть лежащую в основе душевной жизни сущность,

с неизменными законами ее развития» (Серебренников, 1899: 660). Для осуществления этой задачи психологи пользуются не специфически психологическими методами, а «методами сравнивающей деятельности ума», т.е. сравнительным методом, раскрывающим логику и взаимосвязи явлений, который свойственен гуманитарным дисциплинам. Таким образом, Серебренников выдвигает платформу своеобразной феноменологии душевных явлений и их последующей классификации, основывающейся на логических умозаключениях. Резюмируя, Серебренников пишет: «Неудивительно поэтому, что традиционная психология очень и очень далека от идеального состояния» (Серебренников, 1899: 662). Ссылаясь на статью Вундта «Задачи экспериментальной психологии» 1882 г., Серебренников утверждает, что решить методологические проблемы опытной психологии возможно за счет привлечения экспериментальных методов.

В 1882 г. теория экспериментальной психологии Вундта еще только развивалась, свое более полное воплощение она получит в работе 1887 г. «Очерки психологии» (*Grundriss der Psychologie*), переведенной в 1912 г. на русский язык, куда войдут и предшествующие статьи Вундта по экспериментальной психологии (Вундт, 1912a). Однако еще в 1886 г. в Санкт-Петербурге был опубликован труд «Очерк психологии» (Вундт, 1886), который содержал значительную часть статей, позднее вошедших в «Очерки», поэтому русскоязычный читатель был знаком с концепцией экспериментальной психологии Вундта и раньше. Согласно немецкому психологу, экспериментальные методы психологии подобны методам естествознания и призваны «осуществить точный анализ психических процессов, подобный анализу, предпринимаемому естествознанием в применении к явлениям природы» (Вундт, 1912a: 242). При этом эксперименты не исключали наблюдения и интроспекции, а только позволяли сделать их точнее.

Согласно Вундту, далеко не вся область психического поддается экспериментальному исследованию, а только элементарные процессы. Высшие психические процессы Вундт предлагал изучать в рамках параллельно разрабатываемой им психологии народов, которая, как известно, основывалась на анализе языка, мифологии и обычаев и нашла свое отражение на страницах одноименного десяти томного труда, издаваемого с 1900 по 1920 годы. Небольшая теоретическая часть этого гигантского сочинения была переведена на русский язык и опубликована в 1912 г. под названием «Проблемы психологии народов» (Вундт, 1912b). Стоит подчеркнуть, что психология народов Вундта может быть смело названа именно психологией религии. Удивительным образом в дальнейшем развитии психологии религии его концепция была оставлена практически на столетие, обретя новую жизнь лишь в связи с концепцией культурной психологии Якоба Белзена (Belzen, 2010). Экспериментальная же психология Вундта, находясь в рамках исследования элементарных явлений, изучает ощущения, время реакций, простейшие ассоциации и представления. Вундт использовал материальные раздражители и регистрировал вызываемые ими эффекты и время реакций. В этом смысле его экспериментальная психология, как он отмечает, не столько психологическая, сколько психофизическая, и Вундт пытался применять в ней методологию естественных наук.

Вслед за Вундтом Серебренников полагает, что «эксперимент является особым видом наблюдения», заключающегося «в наблюдении над переменами, производимыми нами в явлениях посредством произвольного систематического изменения их условий с целью выяснения их происхождения» (Серебренников, 1899: 666). «Цена выше всего точные факты», экспериментальная психология «расчленяет душевную жизнь на отдельные явления и исследует каждое из них особо», а результаты ее исследований «отличаются конкретной определенностью» (Серебренников, 1899: 667). Эксперимент в психологии имеет два главных преимущества по сравнению с просто наблюдением. Можно создавать одинаковые условия для наблюдаемых явлений, можно точнее выявить саму природу и происхождение этих явлений, повторяя эти явления в разных условиях. Причем изменение этих условий может быть и количественное, и качественное. В эксперименте можно также изучать продолжительность и силу различных душевных явлений. Любопытно, что Серебренников критикует И. Канта, считая, что идея о том, что измерение душевных явлений невозможно, это восходящий к философии Канта «предрассудок» (Серебренников, 1899: 669).

Иной подход предлагает Серебренников, утверждая, что его экспериментальная психология – это вовсе не физиологический способ и не психофизический (Вундт), а именно психологический. Подобные измерения, согласно Серебренникову, были бы психофизиологическими, если бы основывались исключительно на физиологических процессах, а поскольку они измеряют душевные явления, то таким образом они не физиологические и даже не психофизические, а именно психологические. Получается, что Серебренников, хотя и находился под влиянием работ Вундта, был с ним принципиально не согласен и не считал, что, наряду с физиологией и теоретической психологией, нужна некая промежуточная психофизиология, их объединяющая.

Более того, Серебренников пишет, что в результате вундтовского разделения психологии «общество повернулось спиной к экспериментальной психологии». И далее: «Мысль Вундта была ошибочной. Экспериментальные исследования показали, что душевные явления, например память, воображение, и пр., можно изучать экспериментальным путем не с психофизиологической, а с психологической точки зрения» (Серебренников, 1899: 675–676). Серебренников считал, что и сам Вундт якобы к этому в итоге пришел и признал свою ошибку, что представляется несколько спорным,

поскольку скорее речь может идти не об изменении позиции Вундта относительно экспериментальной психологии, а о его программе психологии народов.

Подводя итог анализу экспериментальной психологии Серебренникова, стоит подчеркнуть, что для него это естественная наука, при этом «отличающаяся от физиологической или психофизиологической». Можно предположить, что одной из причин, побудивших Серебренникова подчеркивать психологическую основу экспериментальной психологии, могло быть критическое отношение духовенства к попыткам исследовать душу материальными средствами. В результате отметим, что Серебренников в своем подходе пытается совместить, на наш взгляд, не вполне совместимое: и строго научный метод экспериментальной психологии, восходящий к Вундту, и отрицание физиологической основы из этого метода. В своем подходе к психологии религии Серебренников, как и другие профессора духовных академий, пытался совместить строгий экспериментальный подход, свойственный европейской научной психологии того времени, с традиционным христианским учением о душе. Его необыкновенное увлечение психологией оказало значительное воздействие на учащиеся Санкт-Петербургской духовной академии, что в 1900 г. вылилось в образование в ней Студенческого психологического общества.

5. Заключение

Таким образом, мы можем проследить, как на протяжении второй половины XIX в. в Санкт-Петербургской духовной академии произошел переход от преподавания и изучения опытной психологии к психологии экспериментальной, что вполне отражало мировые тенденции развития психологического знания и методологии, находящиеся в информационном поле как преподавателей, так и студентов СПбДА. Интересно, что Петербургская психологическая школа, возникшая и развивающаяся в СПбДА, заметно отличалась от школ других духовных образовательных центров России. Например, подход и работы профессора Московской духовной академии А.И. Введенского можно скорее охарактеризовать как религиозно-философские. В этом плане очень показателен его труд «Религиозное сознание язычества» (Введенский, 1902), который фактически представляет собой учебник по истории религий, написанный в стиле работ голландской школы К. Тиле. Однако среди петербургского духовенства формировался более естественно-научный и в меньшей степени гуманитарный подход к психологии религии, что соответствовало и статусу Петербурга как ключевого мирового центра по исследованиям физиологии и психоневрологии, каким город стал благодаря трудам И.М. Сеченова и В.М. Бехтерева.

6. Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 22-28-00862 «Инфосфера духовных учебных заведений Российской империи XIX – нач. XX вв.»

Литература

- Абульханова-Славская и др., 1997 – Абульханова-Славская К., Анцыферова Л., Брушлинский А. и др. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М., 1997. 576 с.
- Авсеев, 1869 – Авсеев П.С. Из записок по психологии. Киев, 1869. XVI, 246 с.
- Ананьев, 1947 – Ананьев Б.Г. Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков. М., 1947. 168 с.
- Васильев, 2010 – Васильев В.В. Философская психология в эпоху Просвещения. М., 2010. 520 с.
- Введенский, 1902 – Введенский А.И. Религиозное сознание язычества (опыт философской истории естественных религий). Том I. Основные вопросы философской истории естественных религий (Prolegomena), религии Индии. М., 1902. 752 с.
- Вундт, 1886 – Вундт В. Очерк психологии. СПб., 1886. 224 с.
- Вундт, 1912a – Вундт В. Очерки психологии. М., 1912. 300 с.
- Вундт, 1912b – Вундт В. Проблемы психологии народов. М., 1912. 132 с.
- Герbart, 2007 – Герbart И.Ф. Психология. М., 2007. 288 с.
- Давыденков, 2013 – Давыденков О. Догматическое богословие. М., 2013. 624 с.
- Ждан, 2004 – Ждан А.Н. История психологии. От Античности до наших дней. М., 2004. 576 с.
- Кандорский, 1796 – Кандорский И.М. Наука о душе, или Ясное изображение ее совершенств, способностей и бессмертия. М., 1796. 184 с.
- Карпов, 1868 – Карпов В.Н. Вступительная лекция в психологию // Христианское чтение. 1868. № 2. С. 189-229.
- Кикодзе, 1858 – Кикодзе Г. Основания опытной психологии. СПб., 1858. 336 с.
- Колубовский, 1901 – Колубовский Я.Н. Фишер, Адам Андреевич / Русский биографический словарь: В 25 томах. СПб.-М., 1901. Т. 21. С. 150-151.
- Костригин, Стояхина, 2016 – Костригин А.А., Стояхина Н.Ю. Умозрительная и интроспективная психология в России в XIX – начале XX вв.: определение понятий, границы направлений // Психология и психотехника. 2016. № 9(96). С. 755-763.

Мазиллов, Костригин, 2016 – Мазиллов В.А., Костригин А.А. Психология в системе философского знания XIX в.: богословская традиция // *Вестник ПСТГУ. Серия 4 «Педагогика. Психология»*. 2016. № 3(42). С. 97-111.

Михельсон, 2018 – Михельсон О.К. Из истории российского религиоведения: у истоков научной психологии религии в России (конец XIX – начало XX в.) // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2018. № 1. С. 145-170.

Первое присуждение, 1869 – Первое присуждение премии Преосвященного Архиепископа Макария, назначенной за учебники для духовных семинарий // *Харьковские епархиальные ведомости*. 1869. № 18.

Рибо, 1897 – Рибо Т. Психология чувств: В 2 частях. Киев, 1897. 378 с.

Серебренников, 1899 – Серебренников В.С. Опытная психология и ее методы // *Христианское чтение*. 1899. № 1. С. 639-677.

Сеченов, 1947 – Сеченов И.М. Кому и как разрабатывать психологию / Избранные философские и психологические произведения. М., 1947. С. 222-308.

Стебнев, 2017 – Стебнев А.С. История развития психологии в Санкт-Петербургской духовной академии в дореволюционный период // *Психологические, социальные и педагогические исследования*. 2017. № 22. С. 88-90.

Терновский, 1884 – Терновский Ф.А. Авсенева, Петр Семенович / Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира (1834–1884). Киев, 1884. С. 9.

Токарский, 1895 – Токарский А.А. Происхождение и развитие нравственных чувств // *Вопросы философии и психологии*. 1895. № 1(26). С. 115-144.

Фишер, 1839 – Фишер А.А. Введение в опытную психологию. СПб., 1839. 53 с.

Хондзинский, 2015 – Хондзинский П.В. Синтез опытной психологии и метафизики в духовно-академической науке второй половины XIX столетия: А.Е. Светилин и его ученики // *Государство. Религия. Церковь*. 2015. № 4(33). С. 152-174.

Чистович, 1868 – Чистович И.А. Курс опытной психологии. СПб., 1868. VIII, 272 с.

Чумакова, 2022 – Чумакова Т.В. Инфосфера духовных учебных заведений Российской империи XIX – начала XX в. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2022. № 2. С. 264-274.

Шеховцова, Зенько, 2017 – Шеховцова Л.Ф., Зенько Ю.М. Психология в духовных школах России // *Христианская психология*. 2017. № 1. С. 9-34.

Эрихсен, 1887 – Эрихсен О. Светилин // *Церковный Вестник*. 1887. № 31.

Belzen, 2010 – Belzen J. A. Towards cultural psychology of religion: principles, approaches, applications. Dordrecht, 2010. 284 p.

Murisier, 1901 – Murisier E. Les maladies du sentiment religieux. Alcan, 1901. 174 p.

References

Abul'hanova-Slavskaya dr., 1997 – Abul'hanova-Slavskaya, K., Ancyferova, L., Brushlinskij, A. (1997). Psihologicheskaya nauka v Rossii XX stoletiya: problemy teorii i istorii. [Psychological science in Russia of the XX century: Problems of Theory and History]. Moscow. 576 p. [in Russian]

Anan'ev, 1947 – Anan'ev, B.G. (1947). Ocherki istorii russkoj psihologii XVIII i XIX vekov. [Essays on the History of Russian Psychology of the XVIII and XIX centuries]. Moscow. 168 p. [in Russian]

Avsenev, 1869 – Avsenev, P.S. (1869). Iz zapisok po psihologii. [From Notes on Psychology]. Kiev, XVI +246 p. [in Russian]

Belzen, 2010 – Belzen, J.A. (2010). Towards Cultural Psychology of Religion: Principles, Approaches, Applications. Dordrecht. 284 p.

Chistovich, 1868 – Chistovich, I.A. (1868). Kurs opytnoj psihologii. [The Course of Experience Psychology]. St.Petersburg. VIII, 272 p. [in Russian]

Chumakova, 2022 – Chumakova, T.V. (2022). Infosfera dukhovnykh uchebnykh zavedenii Rossiiskoi imperii XIX – nachala XX v. [Infosphere of theological schools of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*. 2: 264-274. [in Russian]

Davydenkov, 2013 – Davydenkov, O. (2013). Dogmaticheskoe bogoslovie [Dogmatic Theology]. Moscow. 624 p. [in Russian]

Erihsen, 1887 – Erihsen, O. (1887). Svetilin. [Svetilin]. *Tserkovnyj Vestnik*. 31. [in Russian]

Fisher, 1839 – Fisher, A.A. (1839). Vvedenie v opytnuyu psihologiyu. [Introduction to Experience Psychology]. St.Petersburg. 53 p. [in Russian]

Gerbart, 2007 – Gerbart, I.F. (2007). Psihologiya [Psychology]. Moscow. 288 p. [in Russian]

Kandorskij, 1796 – Kandorskij, I.M. (1796). Nauka o dushe, ili YAsnoe izobrazhenie ee sovershenstv sposobnostej i bessmertiya. [The Science of the Soul, or a Clear Picture of its Perfections of Abilities and Immortality]. Moscow. 184 p. [in Russian]

- Karpov, 1868** – *Karpov, V.N.* (1868). Vstupitel'naya lekciya v psihologiyu. [Introductory Lecture in Psychology]. *Khristianskoe chtenie*. 2: 189-229. [in Russian]
- Khondzinsky, 2015** – *Khondzinsky, P.V.* (2015). Sintez opytnoj psihologii i metafiziki v duhovno-akademicheskoy nauke vtoroj poloviny XIX stoletiya: A.E. Svetilin i ego ucheniki. [Synthesis of Experience Psychology and Metaphysics in Spiritual and Academic Science of the second half of the XIX century: A.E. Svetilin and his Students]. *Gosudarstvo. Religiya. Cerkov'*. 4 (33): 152-174. [in Russian]
- Kikodze, 1858** – *Kikodze, G.* (1858). Osnovaniya opytnoj psihologii. [The Foundations of Experience Psychology]. St. Petersburg. 336 p. [in Russian]
- Kolubovskij, 1901** – *Kolubovskij, Ya.N.* (1901). Fisher, Adam Andreevich [Fisher, Adam Andreevich]. In "Russkij biograficheskij slovar". St. Petersburg-Moscow. Vol. 21, pp. 50-151. [in Russian]
- Kostrigin, Stoyuhina, 2016** – *Kostrigin, A.A., Stoyuhina, N.Yu.* (2016). Umozritel'naya i introspektivnaya psihologiya v Rossii v XIX – nachale XX vv.: opredelenie ponyatij, granicy napravlenij. [Speculative and Introspective Psychology in Russia in the XIX – early XX centuries: Definition of Concepts, Boundaries of Directions]. *Psihologiya i psihotekhnika*. 9(96): 755-763. [in Russian]
- Mazilov, Kostrigin, 2016** – *Mazilov, V.A., Kostrigin, A.A.* (2016). Psihologiya v sisteme filosofskogo znaniya XIX v.: bogoslovskaya tradiciya. [Psychology in the System of Philosophical Knowledge of the XIX century: the Theological Tradition]. *Vestnik PSTGU. Seriya 4: Pedagogika. Psihologiya*. 3(42): 97-111. [in Russian]
- Mihel'son, 2018** – *Mihel'son, O.K.* (2018). Iz istorii rossijskogo religiovedeniya: u istokov nauchnoj psihologii religii v Rossii (konec XIX – nachalo XX v.). [From the History of Russian Religious Studies: the Origins of Scientific Psychology of Religion in Russia (late 19th – early 20th centuries)]. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom*. 1: 145-170. [in Russian]
- Murisier, 1901** – *Murisier, E.* (1901). Les maladies du sentiment religieux [Diseases of religious sentiment]. Alcan. 174 p. [in French]
- Pervoe prisuzhdenie, 1869** – Pervoe prisuzhdenie premii Preosvyashchennogo Arhiepiskopa Makariya, naznachenoj za uchebniki dlya duhovnyh seminarij [The first award of the Right Reverend Archbishop Makarii Award for Textbooks for Theological Seminaries]. *Khar'kovskie eparhial'nye vedomosti*. 1869. 18: 3. [in Russian]
- Ribot, 1897** – *Ribot, T.* (1897). Psihologiya chuvstv [The Psychology of the Emotions]. Kiev. 378 p. [in Russian]
- Sechenov, 1947** – *Sechenov, I.M.* (1947). Komu i kak razrabatyvat' psihologiyu. [Who and how should Develop Psychology]. In "Izbrannye filosofskie i psihologicheskie proizvedeniyai". Moscow. Pp. 222-308. [in Russian]
- Serebrennikov, 1899** – *Serebrennikov, V.S.* (1899). Opytnaya psihologiya i ee metody [Experience Psychology and its Methods]. *Khristianskoe chtenie*. 1: 639-677. [in Russian]
- Shekhovcova, Zen'ko, 2017** – *Shekhovcova, L.F., Zen'ko, Yu.M.* (2017). Psihologiya v duhovnyh shkolah Rossii. [Psychology in the Theological Schools of Russia]. *Khristianskaya psikhologiya*. 1: 9-34. [in Russian]
- Stebnev, 2017** – *Stebnev, A.S.* (2017). Istoriya razvitiya psihologii v Sankt-Peterburgskoj duhovnoj akademii v dorevolucionnyj period. [The history of the development of psychology at the St. Petersburg Theological Academy in the pre-revolutionary period]. *Psihologicheskie, social'nye i pedagogicheskie issledovaniya*. 22: 88-90. [in Russian]
- Ternovskij, 1884** – *Ternovskij, F.A.* (1884). Avsenev, Pyotr Semyonovich. [Avsenev, Pyotr Semyonovich]. In "Biograficheskij slovar' professorov i prepodavatelej Imperatorskogo universiteta sv. Vladimira (1834–1884)". Kiev. P. 9. [in Russian]
- Tokarskij, 1895** – *Tokarskij, A.A.* (1895). Proiskhozhdenie i razvitie нравstvennyh chuvstv. [Origin and Development of Moral Feelings]. *Voprosy filosofii i psihologii*. 1(26): 115-144. [in Russian]
- Vasil'ev, 2010** – *Vasil'ev, V.V.* (2010). Filosofskaya psihologiya v epohu Prosveshcheniya. [Philosophical Psychology in the Age of Enlightenment]. Moscow. 520 p. [in Russian]
- Vvedenskij, 1902** – *Vvedenskij, A.I.* (1902). Religioznoe soznanie yazychestva. [The Religious Consciousness of paganism]. Moscow. 752 p. [in Russian]
- Wundt, 1886** – *Wundt, W.* (1886). Oчерк psihologii. [An Essay on Psychology] St.Petersburg. 224 p. [in Russian]
- Wundt, 1912a** – *Wundt, W.* (1912). Oчерки psihologii. [Essays on Psychology]. Moscow. 300 p. [in Russian]
- Wundt, 1912b** – *Wundt, W.* (1912). Problemy psihologii narodov. [Problems of Psychology of Peoples] Moscow. 132 p. [in Russian]
- Zhdan, 2004** – *Zhdan, A.N.* (2004). Istoriya psihologii. Ot Antichnosti do nashih dnei [History of psychology. From Antiquity to the present day]. Moscow. 576 p. [in Russian]

**Психология религии в инфосфере российских духовных академий XIX – нач. XX вв.
(на примере Санкт-Петербургской духовной академии)**

Ольга Константиновна Михельсон ^{a, *}, Николай Станиславович Поляков ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу инфосферы духовных учебных заведений Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. в области психологии религии. Особое внимание уделяется психологии религии в Санкт-Петербургской духовной академии. В статье представлена история становления и развития психологии религии среди петербургского духовенства, прослежен ее путь от опытной психологии к психологии экспериментальной, выделена специфика, характерная для Санкт-Петербургской школы. В статье демонстрируется, что психология религии в духовных учебных центрах, хоть и развивалась внутри православной богословской традиции, находилась в рамках современного ей мирового информационного поля и была под значительным влиянием передовых философских и научных теорий того времени, а в некоторых частных вопросах даже опережала западную традицию психологии религии. Особое внимание в статье уделено интерпретации теорий А.А. Фишера, основателя опытной психологии в России, И.А. Чистовича и его «Курса опытной психологии», подходу В.Н. Карпова к психологии религии как к основанию этики, В.С. Серебренникову и его переходу от опытной психологии к экспериментальной психологии, в основном вдохновленному идеями В. Вундта. В статье демонстрируется, что среди петербургского духовенства формировался более естественно-научный и в меньшей степени гуманитарный подход к психологии религии, чем в других духовных академиях России, что соответствовало статусу Петербурга как ключевого мирового центра по исследованиям физиологии и психоневрологии того времени.

Ключевые слова: психология религии в Санкт-Петербургской духовной академии, опытная психология, экспериментальная психология, Чистович, Карпов, Серебренников.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: olia_mikhelson@mail.ru (О.К. Михельсон)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1666-1674
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1666

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Libraries of Orthodox Theological Schools of the Russian Empire

Denis D. Pyzikov ^{a,*}, Alexandra O. Blinkova ^b, Tatiana I. Khizhaya ^c

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

^b Oslo Metropolitan University, Norway

^c Vladimir State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the reading circle of students of theological schools of the 19th – early 20th centuries. In the Russian Empire, libraries played an exceptional role in religious education, being part of the system of state disciplinary practices aimed at building a "new world". The goal is to analyze the infosphere of Orthodox theological schools, which implies research of the reading circle of both teachers and students based on a study of the book collections of theological seminaries and academies, personal book collections of teachers and bishops, and periodical literature. Archival documents and memoirs are also valuable sources. The composition of libraries, as a component of the infosphere of the Orthodox religious institutions of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries, seems to be a clear catalyst in the analysis of Russian cultural and historical discourse and the history of religious, philosophical, and theological thought. The formation and replenishment of the collections of the libraries of theological schools, seminaries and academies reflects the history of these educational institutions themselves. The student's and teacher's circle of reading was not limited only by various kinds of philosophical and theological literature, but secular fiction and periodicals were also popular. The composition of the collections, especially student's libraries, reflected the socio-cultural dynamics within the Russian Empire. The fundamental reason for this proposal is that the infosphere of Orthodox theological schools of the Russian Empire in the 19th-early 20th century deserves a comprehensive analysis, especially relevant in the time of active growth of theological education in modern-day Russia.

Keywords: libraries, library collections, scope of reading material, infosphere, theological school, religious education.

1. Введение

Несомненно, тема состава библиотечных фондов духовных учебных заведений, то есть книг, которые непосредственным образом могли влиять на мировоззрение учеников и преподавателей духовных школ XIX – начала XX вв. вызывает огромный интерес сегодня в наши дни, когда в России идет активное развитие теологического образования. Среди существующих трудов по теме исследования преобладают локальные обзорные работы, в то время как общие теоретические и генерализирующие исследования малочисленны. В свою очередь имеющийся материал для разработки темы включает в себя не только каталоги библиотек и архивы, но и богатую мемуарную литературу.

2. Материалы и методы

Одним из главных источников при подготовке статьи были труды дореволюционных авторов, зачастую – мемуары воспитанников и преподавателей духовных заведений, которые описывали состояние библиотек в соответствующих образовательных учреждениях и обрисовывали общее

* Corresponding author

E-mail addresses: ddpyzikov@gmail.com (D.D. Pyzikov)

интеллектуальное пространство и актуальный уровень научного дискурса, царившего в семинариях и академиях.

В статье использованы метод интеллектуальной истории, метод социокультурного контекстуального анализа и историографического описания. Сделана попытка акцентировать внимание на «локальных историях» библиотек православных духовных учебных заведений параллельно с микроисторическим исследованием интеллектуальной атмосферы, царившей в них.

3. Обсуждение

Первоочередное значение имеют данные, которые мы можем почерпнуть в фундаментальных дореволюционных источниках. Это, например, исследования по истории духовных академий: Санкт-Петербургской (Чистович, 1889), Московской (Глубоковский, 1914), Киевской (Титов, 1913), Казанской (Знаменский, 1892) – также работы, посвященные духовным семинариям (Доброленский, 1904; Дьяконов, 1907) и т.д.

С 1990-х гг. ввиду очевидного изменения культурно-политического климата в стране усилился интерес к тематике духовного образования в Российской империи. Стали выходить работы общего характера, где история семинарий/академий и их быта рассматривается в широком социокультурном контексте эпохи (Тарасова, 2005; Сухова, 2006). Появились исследования, направленные на анализ личных библиотечных собраний священников (Мангилева, 2014). Актуализировался интерес к кругу чтения семинаристов и студентов академий (Попова, 2018). Ценными представляются исследования библиотек духовных школ специалистами библиотечного дела за счет наличия и представления конкретного профильного материала (Фунтикова, 2001). Стали защищаться диссертации, посвященные библиотекам духовных учебных заведений (Потапова, 1999; Салоников, 2004). Сделаны важнейшие первые шаги по изучению всей многогранности инфосферы духовных учебных заведений Российской империи XIX – начала XX веков, в рамках которой тема библиотек является отдельной областью и предметом исследования (Чумакова, 2022). Представленная статья направлена на продолжение исследования инфосферы духовных учебных заведений Российской империи с целью заполнить многочисленные пробелы в истории отечественной науки о религии.

4. Результаты

Общее положение библиотек духовных заведений Российской империи в XIX – начале XX вв.

Оснащение библиотек духовных заведений Российской империи XIX – начала XX вв., а также интерес воспитанников духовных школ к чтению были совсем неоднородными и зависели как от ступени образования (училище, семинария, академия), территориального нахождения (столичная школа, уездная школа), архиерейских пристрастий (особенно в формировании частных архиерейских коллекций), так и личных предпочтений самих учащихся и правил духовных школ в отношении пользования учащимися книжными коллекциями библиотек.

Так, например, Константин Петрович Дьяконов в своей книге, посвященной реформам духовной школы в царствование императора Николая I, отмечает, «как жадно, под влиянием возбужденной любознательности, читали они [ученики] книги семинарской библиотеки» (Дьяконов, 1907: 178). В том же ключе он пишет и о чтении в академиях: «И вот все, оставшееся от слушания лекций и письменных работ, время студент проводил за чтением, которое было необыкновенно развито в академиях. Студент постоянно был за книгой, даже во время чая или прогулок в саду» (Дьяконов, 1907: 298). С другой стороны, в духовных учреждениях рангом пониже, а именно в духовных училищах, мы обнаруживаем иную картину, которую можно охарактеризовать словами воспитанника Вятского духовного училища Павла Николаевича Луппова: «В общем, чтение у нас было развито несильно» (Луппов, 1913: 37).

Своя библиотека имелась в каждом духовном учебном заведении. Однако оснащение библиотек разительным образом отличалось в зависимости от ступени образования: большинство училищных библиотек и множество семинарских были достаточно скромны. Как пишет воспитанник Воронежской семинарии Павел Владимирович Цезаревский, «почитать же удавалось не всегда, потому что порядочная книга может попасть в руки семинариста только случайно и то на самый короткий срок» (Цезаревский, 1906: 244-246). Только библиотеки духовных академий располагали богатыми книжными фондами, что справедливо отмечает Борис Васильевич Титлинов (Титлинов, 1908: 241).

До централизованного создания образовательных комплексов Духовного ведомства (школы при архиерейских домах, духовные училища, семинарии, академии) и, соответственно, образования библиотек при них, крупнейшими православными книжными собраниями владели монастырские библиотеки, которые начали складываться в XI в. Также существовала традиция функционирования личных архиерейских библиотечных собраний. Таким образом, в послепетровский период библиотечные фонды учебных заведений, подчиненных Духовному ведомству, формировались из различных источников, но в первую очередь за счет поступлений из монастырей и личных епископских собраний.

Фонд каждой библиотеки духовных заведений предполагал наличие фундаментальной и ученической части. Фундаментальная библиотека предназначалась для преподавательского состава, и книги из нее ученикам могли быть выданы только с одобрения руководства заведения. Состав фундаментальной библиотеки чаще всего включал в себя учебные пособия и справочники для учителей: по церковной и светской (отечественной и зарубежной) истории, каноническому праву, словесности, философии, классической литературе, естественным наукам, математике, географии и др. Ученические библиотеки состояли из учебников по соответствующим предметам и книг для внеклассного чтения, в т.ч. периодики. Издания Библии (чаще всего славянская Библия), творения Святых отцов, жития святых, духовно-нравственные сочинения и пр. могли находиться как в одной, так и в другой библиотеке.

Важно отметить, что формирование и пополнение фондов библиотек зависело от программ развития учебных заведений, которые делились по временным интервалам на протяжении всего XIX в. и характеризовались определенными «тенденциями» в обучении. Так называемая «тенденция в науку» ознаменована деятельностью Комиссии духовных училищ при Святейшем синоде (1808–1839). С приходом на пост обер-прокурора Николая Александровича Протасова в 1836 г. проводится ряд реформ, в том числе преобразование Комиссии в Духовно-учебное управление при Святейшем синоде (1839–1867) и связанная с ним тенденция «в практичность». Таким образом, период 1814–1840 гг. и 1867–1884 гг. ознаменован «научным» образованием, а период 1840–1867 гг. – «практичным» (Манчестер, 2015: 209-210).

С одной стороны, при Протасове были улучшены бытовые условия в духовных училищах и семинариях, но с другой – реформы часто критиковались за практический курс, который в том числе характеризовался введением предметов по сельскому хозяйству, медицине, естествознанию и т.д., что, по мнению критиков, отвлекало учеников от философии и богословия и, в общем, негативно сказывалось на их непосредственном профильном образовании. Так, преподаватель Волынской семинарии Феофан Леонтьевич Доброленский в книге «Наши духовные семинарии в пятидесятых годах» пишет: «По такой системе велось дело обучения в семинарии для того, чтобы ни учителя, ни питомцы школы не развивались умственно, не вдумывались в дело и не осмыслили свое горькое положение» (Доброленский, 1904: 7). Далее автор выдвигает свою точку зрения на отсутствие релевантных книг и учебников для профильного образования в семинарской библиотеке, а именно, что чиновники духовно-учебного управления чуть ли не специально держали книги в дефиците и не отправляли по запросам на места. Недоброжелательно «Протасовские» изменения оценивает и уже цитировавшийся К.П. Дьяконов, в том числе он упоминает позицию Протасова о вреде философии в семинариях (Федорук, 2010).

Большинство учебных книг поступало в фундаментальные библиотеки по предварительно составленным и одобренным спискам за счет специально выделенных Духовным ведомством финансов. Но из-за того что часто этих средств не хватало, преподаватели были вынуждены приобретать их на собственные деньги, особенно научную богословскую и церковно-историческую литературу. Также научная и художественная литература поступала в дар, например, из личных библиотек архиереев или преподавателей учебного заведения по завещаниям. Большинство книг и учебников для студенческих библиотек приобреталось самими учениками, периодика же могла выписываться по согласованию с руководством заведения и за счет ассигнований Духовным ведомством.

Общественно-политические тенденции второй половины XIX в. сказались на библиотечных фондах учебных заведений. К концу XIX в. все чаще в студенческих библиотеках можно было обнаружить литературу революционно-демократического содержания. После проверки студенческой библиотеки Московской духовной академии были изъяты экземпляры сочинений Д.И. Писарева, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского и др. (Тарасова, 2005: 33). Зачастую в рамках студенческих библиотек, которые, напомним, формировались за счет личных средств обучающихся, возникал пласт нелегальной литературы (Богословский, 1921).

Особое место в формировании фондов библиотек духовных учебных заведений занимала деятельность духовно-цензурного комитета. Помимо того, что в библиотеки официально не могли попасть светские издания или периодика, которые, по мнению цензуры, могли негативно отразиться на мировоззрении воспитанников, так еще и было запрещено использование светских учебников. Вместо этого преподавателям предлагалось вести занятия по собственным лекциям, так называемым запискам. Эти подготовленные лекции также проходили через духовно-цензурный комитет и должны были получить его одобрение.

Формирование библиотек духовных школ Российской империи в XIX – начале XX вв. на примере нескольких духовных училищ, семинарий и духовных академий.

В 1867 г. Духовно-учебное управление Святейшего синода было упразднено и преобразовано в Учебный комитет при Святейшем синоде. Новый орган в преддверии очередных реформ духовного образования собирал сведения о подготовке духовно-учебных заведений епархий к преобразованиям. Представляется, что одним из самых активных и известных нам ревизоров был Иван Александрович Ненарокомов, за авторством которого сохранились отчеты о ревизии Костромского духовного училища

в 1867 г., Нижегородского, Самарского, Астраханского, Рязанского духовных училищ в 1868 г., Тульского и Владимирского духовных училищ в 1869 г. Обследование и ревизия библиотек не были, конечно, основной целью и темой отчетов, но систематическое, хоть и довольно краткое, упоминание о состоянии библиотек в каждом учебном заведении позволяет выявить общие тенденции.

На примере Владимирского духовного училища можно представить себе картину общего состояния библиотеки среднестатистического духовного училища Российской империи во второй половине XIX в. Ревизор отмечает, что, в первую очередь, библиотека не соответствует уставу духовных училищ: в ней недостаточно руководств и пособий для учителей, учебников и совсем отсутствует детская литература. Вследствие последнего факта в училище была заведена ученическая библиотека, составленная на пожертвования учеников. Хоть и весьма немногочисленная, ученическая библиотека, как и училищная, содержится «с замечательным усердием» (Ненарокомов, 1869: 40). Как можно понять из отчетов И.А. Ненарокомова, инициативным ученикам приходилось самостоятельно приобретать книги для детского чтения и только благодаря энтузиазму некоторых учителей библиотека, в том числе и училищная, содержится в порядке, что необходимо для тщательного контроля и ухода за книгами ввиду их немногочисленности.

Недостаточно оснащенную книгами библиотеку находим и в Псковском духовном училище из ревизионного отчета Михаила Харлампиевича Григорьевского в 1871 г.: «в отделе для преподавателей содержится всего 52 тома книг по предметам училищного курса; ученическая библиотека насчитывает 103 единицы. Из периодических изданий выписываются «Семья и школа», «Школьная жизнь», «Детское чтение» и «Руководство к преподаванию общеобразовательных предметов» (Григорьевский, 1874: 30).

Дополняет картину состояния библиотек духовных училищ уже цитировавшиеся выше воспоминания и заметки бывшего воспитанника Вятского духовного училища П.Н. Луппов (Луппов, 1913). Автор замечает, что в исполнение новых программ духовных училищ учебные заведения в последней четверти XIX в. должны были заводить библиотеки для внеклассного чтения и, вообще, всячески поощрять самостоятельное чтение учеников. Но распространенная практика показывала, что руководства учебных заведений, наоборот, смотрели на внеурочное чтение недоброжелательно, считая, что оно отвлекает от занятий. Дисциплинарные ограничения использовались против учеников с плохой успеваемостью и новичков, которым в первое свое учебное полугодие не выдавали книг. Луппов вспоминает, что сама библиотека в Вятском духовном училище была небольшая и помещалась в одном шкафу. Основу ее составляли уже упоминавшиеся журналы «Детское чтение», «Семья и школа», а также «Странник», приключенческие романы «Вокруг света за 80 дней» Жюль Верна, одна первая часть «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо и несколько рассказов Томаса Майн Рида. Стоит отметить, что в библиотеке не было отечественной классики, например сочинений А.С. Пушкина или Н.В. Гоголя. По воспоминаниям воспитанника, некоторые неудовлетворенные училищной библиотекой ученики втайне от начальства доставали книги из городской публичной библиотеки.

Коллекции семинарских библиотек, безусловно, были намного богаче библиотек духовных училищ. Библиотека Новгородской семинарии в середине XVIII в. была одной из самых крупных и выдающихся среди библиотек духовных учебных заведений. Петр Васильевич Знаменский оценивал ее как лучшую библиотеку при духовной семинарии (Знаменский, 2001: 453). Во многом это связано с возникновением первоначального ядра библиотеки в 1706 г. – созданием книжного собрания Новгородской школы братьев Лихудов. К их собранию, благодаря митрополиту Иову (ум. в 1716 г.), добавилась библиотека Новгородского архиерейского дома. А позже, в 1742 г., в состав библиотеки Новгородской духовной семинарии попала библиотека Феофана Прокоповича. Согласно каталогу 1806 г. библиотека включала в себя 4 523 наименования в 8 565 томах на латинском, русском, немецком, греческом, французском, древнееврейском и других языках (особая группа – «малоизвестные языки») по тематикам: исторические книги, богословские, юридические, философские, «классические», риторические, «библейские», «учебники», медицинские, географические, святоотеческие, «смесь» и др.

Как пишет Николай Вячеславович Салоников, который ввел в научный оборот документы из Государственного архива Новгородской области, «по данным каталогов XIX в., библиотека Новгородской духовной семинарии, сохранившая свое основное ядро – западноевропейскую старопечатную книгу – в XIX – начале XX в. комплектовалась в основном литературой на русском языке, предназначенной для массового читателя, включая беллетристику и периодические издания... Ее численность, очевидно, превышала 14 тыс. томов» (Салоников, 2004: 46). Заметка профессора Павла Владимировича Верховского является важным источником по фиксации памятников письменности, которые перекочевали из личной библиотеки Прокоповича в библиотеку Новгородской духовной семинарии. Предоставлены целые кодифицированные списки ценных объектов (Верховский, 1913: 6–8). Однако актуальное, на момент написания заметки, состояние библиотеки автор находит плачевным. Верховский заведование библиотекой именуется не иначе как «тяжелой повинностью», которая переходит от одного преподавателя (обычно – истории) к другому, с учетом отсутствия специального вознаграждения («хотя в других семинариях оно дается»). Среди

«сокровищ» упоминаются книги Феофана и многие редкие петровские издания, ценные книги Св. Писания, творения Святых отцов, книги по истории гражданской и церковной, по юриспруденции, философии и богословию, медицине и языковедению XVII–XVIII вв. на древних и новых языках и пр.

Не так обстояло дело с библиотекой Псковской духовной семинарии. Из отчета М.Х. Григоревского следует, что экземпляров Библии недостаточно для имеющегося количества учеников, а обзор философских учений основывается на записках, составленных по программе Учебного комитета. В целом в фундаментальной библиотеке числится 4 770 книг, из них 2 912 на русском языке, 1 252 – на латинском и греческом, остальные – на немецком и французском. С 1872 по 1879 г. в библиотеку поступило 203 наименования в 329 томах, включая большое количество рекомендованных Учебным комитетом пособий по всем семинарским предметам. Однако пособия по древним языкам, отмечает Григоревский, весьма малочисленны. Пользование библиотекой для учеников возможно только по рекомендации наставника или на срок не более 10 дней. В ученической библиотеке на 1870 г. числится 295 наименований, а в 1871 г. коллекция дополняется 483 наименованиями, 419 из которых пожертвованы протоиереем М.К., а остальные – либо выписаны на деньги самих учеников, либо же пожертвованы другими лицами. Всего в 1871 г. в ученической библиотеке насчитывается 778 наименований в 1 272 томах. Однако Григоревский подмечает, что «интересных, полезных и имеющих ближайшее применение к семинарскому курсу книг немного», основное количество – это старинные сочинения по естественной истории, сельскому хозяйству, всеобщей истории и проповеди (Григоревский, 1874: 14).

Библиотека Санкт-Петербургской духовной академии была открыта в том же 1809 году, когда было основано само учебное заведение. Как отмечает Илларион Алексеевич Чистович, «академическая библиотека рукописей до 1858 года была весьма незначительна: в ней находилось только 432 рукописи различного содержания» (Чистович, 1889: 97). В этом же году в духовную академию было разрешено перевезти библиотеку Новгородского кафедрального Софийского собора (1 575 рукописей, 485 старопечатных книг, несколько раскольнических и 22 книги на иностранных языках), а затем – библиотеку старопечатных книг (383 наименования) и рукописей (1 355 наименования), до этого находящуюся в Кирилло-Белозерском монастыре. Бывали случаи, когда пополнение академической библиотеки происходило за счет приобретения личных библиотек покойных профессоров и священников, до этого работавших в академии. Как отмечает Чистович, во второй половине XIX в. в фонд библиотеки различными способами, зачастую дарением, поступали весьма ценные экземпляры различной литературы во всем своем многообразии: церковнославянские старопечатные книги, преимущественно заграничной и южнославянской печати XV и XVI вв., рукописи по гражданской и церковной истории России, о расколе, западных религиозных обществах, богослужебные униатские книги и пр. Подобные ценные материалы хранились в фундаментальной библиотеке и пользоваться ими имели право только преподаватели академии. Таким образом, студентов чаще всего не допускали к ценным рукописным источникам и их работа в фундаментальной библиотеке была весьма ограничена.

Много дорогих и коллекционных изданий, которые представляли собой библиографическую редкость, поступало в дар от высокопоставленных особ, например обер-прокурора Синода Константина Петровича Победоносцева и духовника императорской семьи протопресвитера Иоанна Леонтьевича Янышева. По отчету за 1888 г. академическая библиотека включала в себя 41 500 названий книг и брошюр в 79 000 экземплярах, 3 761 название рукописей в 3 844 экземплярах (Чистович, 1889: 224). К концу XIX – началу XX вв. библиотека состояла из 80 000 названий в 150 000 томах, включая 4 116 рукописей. Таким образом, основной печатный фонд библиотеки Санкт-Петербургской академии увеличился в два раза за последнее десятилетие XIX в.

Библиотека Московской духовной академии была учреждена в 1814 г. и первоначально состояла из книг Троице-Сергиевой лавры и Московской славяно-греко-латинской академии. Кроме того, коллекция с начала XIX в. дополнялась отдельными экземплярами из Московской синодальной библиотеки.

В дальнейшем академическая библиотека ежегодно пополнялась литературой, которая выписывалась по заявкам преподавателей. Большое пополнение книгами по истории и богословию библиотеку ожидало при ректоре Филарете (Гумилевском) и профессоре Александре Васильевиче Горском, хлопотами которого Московская духовная академия в 1859 г. приобрела рукописное собрание (в количестве 263 экземпляров) Иосифо-Волоколамского монастыря. Также большое количество книг поступило в библиотеку от митрополита Филарета (Дроздова). К концу XIX – началу XX вв. фонд библиотеки состоял из 100 000 названий, включая 1 500 рукописей.

Стоит отметить, что студенческая библиотека в Московской духовной академии складывается только в 1881 г. После очередной реформы 1884 г. и новым уклоном в практическую сторону обучения «студентов почти совсем перестали пускать для занятий в богатую лаврскую библиотеку рукописей» (Глубоковский, 1914: 10), а научная кафедра превратилась в «архиерейские подмости». Однако такая политика в отношении допуска учащихся к библиотечным фондам не была

уникальным явлением. Подобную картину, по отзывам И.А. Чистовича, мы могли наблюдать и с допуском студентов в библиотеку Санкт-Петербургской духовной академии.

В первое время после своего основания в 1842 г. Казанская духовная академия пользовалась книгами местной духовной семинарии. Одновременно с этим по фондам семинарии составлялся список книг, которые руководство хотело видеть в академической библиотеке. Этот каталог, включавший в себя учебники и руководства по различным наукам, а также Библии, книги для богослужений и т.д., был отправлен в Духовно-учебное управление (Знаменский, 1892: 502). Однако последняя инстанция затягивала с утверждением этого каталога и отправкой необходимых книг, и академия вынуждена была пользоваться помощью других учебных заведений, которые смогли выслать дубликаты необходимых книг. Ответ из Духовно-учебного управления поступил только спустя два года, и в 1844 г. Казанской духовной академии разрешили выписать по 270 дубликатов сочинений из Петербургской и Киевской академий, 128 сочинений из Московской духовной академии и 9 – из Тверской семинарии: античных классиков, творений Святых отцов, средневековых богословских сочинений и различных учебников. В последующие два года ассортимент вырос с 894 сочинения в 1 785 томах в 1844 г. до 1 405 сочинений в 2 902 томах в 1846 г.

Тем не менее библиотека Казанской духовной академии все равно оставалась достаточно немногочисленной, а самостоятельная студенческая библиотека появилась только в 1850 г.: «Преосвященный Афанасий винницкий, ревизовавший академию, дивился скудности ее научных средств. Видя, что студентам почти нечего читать, он выразил желание, чтобы при академии была основана особая студенческая библиотека, и по возвращении в Петербург сам выслал оттуда все книги журнала Петербургской академии, Христианского чтения, с 1821 по 1846 г., именно для студенческой библиотеки» (Знаменский, 1892: 504-505).

При открытии миссионерских отделений в 1853 г. библиотека получила книги на арабском, турецком и персидских языках за счет Духовно-учебного управления, но этот вклад оценивался только 25 сочинениями в 52 томах. К концу XIX – началу XX вв. фонд библиотеки состоял из 30 тыс. названий, включая вошедшую в ее состав библиотеку Соловецкого монастыря в 1855 г.

5. Заключение

История формирования и пополнения коллекций библиотек рассмотренных духовных училищ, семинарий и духовных академий отражает историю самих этих учебных заведений. Разнообразие источников, за счет которых расширялись фонды библиотек, будь то монастыри, личные архиерейские или преподавательские собрания, либо целенаправленная закупка литературы за счет личных или государственных средств, свидетельствует об огромном потенциале книжной и читательской культуры в этих учебных заведениях. Круг чтения учеников/студентов и преподавателей духовных школ не ограничивался только православными богословскими сочинениями, но также включал в себя источники по инославным христианским вероисповеданиям и другим конфессиям на иностранных языках. Стоит выделить старопечатные книги, рукописные сочинения раскольников, которые стали пополнять библиотеки академий после открытия в них миссионерских отделений. Большой популярностью пользовались художественная светская литература и периодика.

Оснащение библиотек духовных заведений Российской империи XIX – начала XX вв., а также интерес воспитанников духовных школ к чтению были совсем неоднородными и зависели как от ступени образования (училище, семинария, академия), так и личных предпочтений самих учащихся и правил духовных школ в отношении пользования учащимися книжными коллекциями библиотек.

Во второй половине XIX – начале XX вв. возник феномен нелегальных студенческих библиотек, а также тайных ученических журналов. Такие изменения, безусловно, отражали социокультурную динамику внутри Российской империи. Так, например, тайный журнал воспитанников Тамбовской духовной семинарии «Факел» сообщал о плачевном духовном воспитании самих учеников, обличая недостойное поведение старшекурсников в алтаре, которые, «наряженные в ректорскую мантию танцевали лезгинку» (ГАТО Ф. 186. Оп. 114. Д. 1. Л. 284). Такое внутреннее наблюдение от самих же учеников духовной школы свидетельствует как о влиянии революционных настроений в семинаристской среде, так и о необходимости обновления духовного образования.

6. Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 22-28-00862 «Инфосфера духовных учебных заведения Российской империи XIX – нач. XX вв.».

Литература

Богословский, 1921 – Богословский И.А. Из материалов по истории подпольной библиотеки и тайного кружка Владимирской семинарии. Кострома, 1921. 48 с.

Верховский, 1913 – Верховский П.В. Библиотека Новгородской духовной семинарии и ее сокровища. Варшава, 1913. 10 с.

ГАТО – Государственный архив Тамбовской области.

- Глубоковский, 1914** – *Глубоковский Н.Н.* За тридцать лет (1884–1914 гг.): к столетнему юбилею Императорской Московской духовной академии (1 окт. 1914 г.). М., 1914. 19 с.
- Григорьевский, 1874** – *Григорьевский М.Х.* Отчет о ревизии Псковской духовной семинарии и училища: 1873 год. СПб., 1874. 31 с.
- Доброленский, 1904** – *Доброленский Ф.Л.* Наши духовные семинарии в пятидесятых годах. Почаев, 1904. 15 с.
- Дьяконов, 1907** – *Дьяконов К.П.* Духовные школы в царствование императора Николая I. Сергиев Посад, 1907. 436 с.
- Знаменский, 1892** – *Знаменский П.В.* История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 годы). Казань, 1892. 593 с.
- Знаменский, 2001** – *Знаменский П.В.* Духовные школы в России до реформы 1808 г. СПб., 2001. 800 с.
- Луппов, 1913** – *Луппов П.Н.* В духовном училище: Вятское духовное училище в начале последней четверти прошлого столетия: Воспоминания и заметки бывшего воспитанника. СПб., 1913. 70 с.
- Мангилева, 2014** – *Мангилева А.В.* Книжная культура провинциального духовенства второй половины XIX – начала XX в.: история библиотеки протоиерея Е.А. Попова // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2014. № 3. С. 49-52.
- Манчестер, 2015** – *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015. 448 с.
- Ненарокомов, 1869** – *Ненарокомов И.А.* Отчет о ревизии Владимирской семинарии и тамошнего духовного училища (в 1869 г.) с изложением сведений о приготовлении духовно-учебных заведений Владимирской епархии к полному преобразованию по высочайше утвержденным 14 мая 1867 года уставам. СПб., 1869. 63 с.
- Попова, 2018** – *Попова О.Д.* Читательский интерес семинаристов в период общественного подъема во второй половине XIX – начале XX века // *Обсерватория культуры*. 2018. № 5. С. 608-620.
- Потапова, 1999** – *Потапова Е.В.* Влияние духовно-цензурных комитетов на развитие библиотечного дела в России во второй половине XIX века: Дисс. ... канд. пед. наук. М., 1999. 143 с.
- Салоников, 2004** – *Салоников Н.В.* Библиотека Новгородской духовной семинарии: состав и история формирования: Дисс. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2004. 190 с.
- Сухова, 2006** – *Сухова Н.Ю.* Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М., 2006. 656 с.
- Тарасова, 2005** – *Тарасова В.А.* Высшая духовная школа России в конце XIX – начале XX века: история императорских православных духовных академий. М., 2005. 567 с.
- Титлинов, 1908** – *Титлинов Б.В.* Духовная школа в России в XIX столетии. Вып. 1. Вильна, 1908. 385 с.
- Титов, 1913** – *Титов Ф.И.* Киевская духовная академия в ее трехвековом прошлом и в 1911–1912 учебном году: (Из отчета о состоянии Акад. в 1911–1912 учеб. г.). Киев, 1913. 20 с.
- Федорук, 2010** – *Федорук В.Н.* Реформа духовно-учебных заведений при обер-прокуроре Н.А. Протасове // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2010. № 2(15). С. 176-181.
- Фунтикова, 2001** – *Фунтикова С.П.* Православные библиотеки: прошлое и настоящее. М., 2001. 128 с.
- Цезаревский, 1906** – *Цезаревский П.В.* Шестидесятые годы в духовной семинарии. Воспоминания // *Звонарь*. 1906. № 2. С. 244-246.
- Чистович, 1889** – *Чистович И.А.* Санкт-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858–1888 гг.). СПб., 1889. 232 с.
- Чумакова, 2022** – *Чумакова Т.В.* Инфосфера духовных учебных заведений Российской империи XIX – начала XX в. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2022. № 2. С. 264-274.

References

- Bogoslovskii, 1921** – *Bogoslovskii, I.A.* (1921). Iz materialov po istorii podpol'noi biblioteki i tainogo kruzhka Vladimirskoi seminarii [Materials on the history of the underground library and the secret circle of the Vladimir Seminary]. Kostroma, 48 p. [in Russian]
- Chistovich, 1889** – *Chistovich, I.A.* (1889). Sankt-Peterburgskaya dukhovnaya akademiya za poslednie 30 let (1858–1888 gg.) [St. Petersburg Theological Academy for the last 30 years (1858–1888)]. SPb, 232 p. [in Russian]
- Chumakova, 2022** – *Chumakova, T.V.* (2022). Infosfera dukhovnykh uchebnykh zavedenii Rossiiskoi imperii XIX – nachala XX v. [Infosphere of theological schools of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*. 2: 264-274. [in Russian]
- Dobrolenskii, 1904** – *Dobrolenskii, F.L.* (1904). Nashi dukhovnye seminarii v pyatidesyatykh godakh [Our Theological Seminaries in the Fifties]. Pochaev, 15 p. [in Russian]

- D'yakov, 1907** – *D'yakov, K.P.* (1907). Dukhovnye shkoly v tsarstvovanie imperatora Nikolaya I [Theological schools in the reign of Emperor Nicholas I]. Sergiev Posad, 436 p. [in Russian]
- Fedoruk, 2010** – *Fedoruk, V.N.* (2010). Reforma dukhovno-uchebnykh zavedenii pri ober-prokurore N.A. Protasove [Reform of spiritual and educational institutions under the chief prosecutor N.A. Protasov]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk.* 2(15): 176-181. [in Russian]
- Funtikova, 2001** – *Funtikova, S.P.* (2001). Pravoslavnye biblioteki: proshloe i nastoyashchee [Orthodox libraries: past and present]. M., 128 p. [in Russian]
- GATO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti. Vypiska iz otcheta o revizii Tambovskoi dukhovnoi seminarii [Extract from the audit report of the Tambov Theological Seminary]. 1907. [in Russian]
- Glubokovskii, 1914** – *Glubokovskii, N.N.* (1914). Za tridsat' let: (1884-1914 gg.): k stoletnemu yubileyu Imperatorskoi Moskovskoi dukhovnoi akademii (1 okt. 1914 g.) [For thirty years: (1884-1914): to the centennial anniversary of the Imperial Moscow Theological Academy (October 1, 1914)]. M., 19 p. [in Russian]
- Grigorevskii, 1874** – *Grigorevskii, M.Kh.* (1874). Otchet o revizii Pskovskoi dukhovnoi seminarii i uchilishcha: 1873 [Report on the revision of the Pskov Theological Seminary and School: 1873]. SPb, 31 p. [in Russian]
- Luppov, 1913** – *Luppov, P.N.* (1913). V dukhovnom uchilishche: Vyatskoe dukhovnoe uchilishche v nachale poslednei chetverti proshlogo stoletiya: Vospominaniya i zametki byvshego vospitannika [At the Theological School: Vyatka Theological School at the Beginning of the Last Quarter of the Last Century: Memoirs and Notes of a Former Pupil]. SPb, 70 p. [in Russian]
- Manchester, 2015** – *Manchester, L.* (2015). Popovichi v miru: dukhovenstvo, intelligentsiya i stanovlenie sovremennogo samosoznaniya v Rossii [Priests in the World: Clergy, Intelligentsia and the Formation of Modern Self-Consciousness in Russia]. M., 448 p. [in Russian]
- Mangileva, 2014** – *Mangileva, A.V.* (2014). Knizhnaya kul'tura provintsial'nogo dukhovenstva vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.: istoriya biblioteki protoiereya E. A. Popova [Book culture of the provincial clergy in the second half of the 19th – early 20th centuries: the history of the library of Archpriest E.A. Popov]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri.* 3: 49-52. [in Russian]
- Nenarokomov, 1869** – *Nenarokomov, I.A.* (1869). Otchet o revizii Vladimirskoi seminarii i tamoshnego dukhovnogo uchilishcha (v 1869 g.) s izlozheniem svedenii o prigotovlenii dukhovno-uchebnykh zavedenii Vladimirskoi eparkhii k polnomu preobrazovaniyu po vysochaishe utverzhdennym 14 maya 1867 goda ustavam [Report on the revision of the Vladimir Seminary and the local theological school (in 1869) outlining information on the preparation of the theological and educational institutions of the Vladimir diocese for a complete transformation according to the charters approved on May 14, 1867]. SPb, 63 p. [in Russian]
- Popova, 2018** – *Popova, O.D.* (2018). Chitatel'skii interes seminaristov v period obshchestvennogo pod"ema vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [The reader's interest of seminarians during the period of public upsurge in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Observatoriya kul'tury.* 5: 608-620. [in Russian]
- Potapova, 1999** – *Potapova, E.V.* (1999). Vliyanie dukhovno-tsenzurnykh komitetov na razvitie bibliotchnogo dela v Rossii vo vtoroi polovine XIX veka [The Influence of Spiritual-Censorship Committees on the Development of Librarianship in Russia in the Second Half of the 19th Century]: dis. ... kand. ped. nauk. M., 143 p. [in Russian]
- Salonikov, 2004** – *Salonikov, N.V.* (2004). Biblioteka Novgorodskoi dukhovnoi seminarii: sostav i istoriya formirovaniya [Library of the Novgorod Theological Seminary: composition and history of formation]: dis. ... kand. ist. nauk. Velikii Novgorod, 190 p. [in Russian]
- Sukhova, 2006** – *Sukhova, N.Yu.* (2006). Vysshaya dukhovnaya shkola: problemy i reformy (vtoraya polovina XIX veka) [Higher Theological School: Problems and Reforms (second half of the 19th century)]. M., 656 p. [in Russian]
- Tarasova, 2005** – *Tarasova, V.A.* (2005). Vysshaya dukhovnaya shkola Rossii v kontse XIX – nachale XX veka: istoriya imperatorskikh pravoslavnykh dukhovnykh akademii [The Higher Theological School of Russia in the late 19th – early 20th centuries: the history of the imperial Orthodox theological academies]. M., 567 p. [in Russian]
- Titlinov, 1908** – *Titlinov, B.V.* (1908). Dukhovnaya shkola v Rossii v XIX stoletii [Theological school in Russia in the 19th century]. Vyp. 1. Vil'na, 385 p. [in Russian]
- Titov, 1913** – *Titov, F.I.* (1913). Kievskaya dukhovnaya akademiya v ee trekhvekovom proshlom i v 1911–1912 uchebnom godu: (Iz otcheta o sostoyanii Akad. v 1911-1912 ucheb. g.) [Kyiv Theological Academy in its three-century past and in the 1911-1912 academic year: (From the report on the state of the Academy in 1911–1912 academic year)]. Kiev, 20 p. [in Russian]
- Tsezarevskii, 1906** – *Tsezarevskii, P.V.* (1906). Shestidesyatye gody v dukhovnoi seminarii. Vospominaniya [The sixties in the seminary. Memories]. *Zvonar'.* 2: 244-246. [in Russian]
- Verkhovskii, 1913** – *Verkhovskii, P.V.* (1913). Biblioteka Novgorodskoi dukhovnoi seminarii i ee sokrovishcha [Library of the Novgorod Theological Seminary and its treasures]. Varshava, 10 p. [in Russian]

Znamenskii, 1892 – Znamenskii, P.V. (1892). *Istoriya Kazanskoj dukhovnoj akademii za pervyi (doreformennyj) period ee sushchestvovaniya (1842–1870 gody)* [History of the Kazan Theological Academy for the first (pre-reform) period of its existence (1842–1870)]. Kazan', 593 p. [in Russian]

Znamenskii, 2001 – Znamenskii, P.V. (2001). *Dukhovnye shkoly v Rossii do reformy 1808* [Theological schools in Russia before the reform of 1808]. SPb, 800 p. [in Russian]

Библиотеки православных духовных учебных заведений Российской империи

Денис Дмитриевич Пызиков ^{a, *}, Александра Олеговна Блинкова ^b, Татьяна Игоревна Хижая ^c

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

^b Университет Осло Метрополитен, Норвегия

^c Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена библиотекам православных духовных учебных заведений Российской империи. В Российской империи библиотеки играли исключительную роль в духовном образовании, будучи частью системы государственных дисциплинарных практик, направленных на строительство «нового мира». Цели и задачи работы заключаются в исследовании инфосферы православных духовных учебных заведений и подразумевают анализ круга чтения преподавателей и учащихся на основе изучения состава библиотечных фондов училищ, семинарий и академий, личных книжных собраний преподавателей и архиереев, периодических изданий. Ценными источниками также являются архивные документы и мемуарная дореволюционная литература, которая изнутри рисовала историю духовных учебных заведений и передавала состояния и настроения, царившие в учебной среде. Состав библиотек, как непосредственная составляющая инфосферы православных духовных заведений Российской империи XIX – начала XX вв., представляется наглядным катализатором при анализе отечественного культурно-исторического дискурса и истории религиозно-философской и богословской мысли. Формирование и пополнение коллекций библиотек духовных училищ, семинарий и духовных академий отражают историю самих этих учебных заведений. Круг чтения учеников и преподавателей духовных школ не ограничивался только различного рода философской и богословской литературой, но популярностью пользовались также художественная светская литература и периодика. Состав фондов, особенно студенческих библиотек, отражал социокультурную динамику внутри Российской империи. Актуальность данной проблемы состоит в востребованности многостороннего изучения инфосферы православных духовных учебных заведений Российской империи XIX – начала XX вв., что особенно важно в наши дни, когда в России идет активное развитие теологического образования.

Ключевые слова: библиотеки, библиотечные фонды, круг чтения, инфосфера, духовная школа, религиозное образование.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ddpyzikov@gmail.com (Д.Д. Пызиков)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1675-1683
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1675

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Historical Controversy N.M. Karamzin and M.M. Speransky as a Mirror of the Dilemma in the Development of Russian Statehood at the beginning of the 19th century

Vera V. Smirnova ^{a,*}, Sergey A. Pravkin ^a, Alla V. Samigulina ^b, Rosalina V. Shagieva ^c

^a Russian University of Transport, Moscow, Russian Federation

^b Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^c State University of Management, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article provides an analysis of the controversy between Nikolai Mikhailovich Karamzin and Mikhail Mikhailovich Speransky on the fate of monarchical statehood in Russia. It is noted that it was N.M. Karamzin and M.M. Speransky with the types of state they proposed (pro-Western-liberal or conservative-autocratic), having begun an important discussion about the further development of the Russian state, became a kind of “mirror” of the probabilistic modernization of the Russian state. Reformer M.M. Speransky worked out in detail and actually began to implement the Russian state model with a new (liberal) type of constitutionalism. In his project, the legislature dominates the decisions of other authorities. N.M. Karamzin opposed this with his concept of Russian statehood, speaking from the standpoint of protective conservatism, uniting them with liberal elements, opposing parliamentarism and limiting autocracy, believing that this could lead to constitutionalism, which would destroy monarchical power. Having initially a contractual nature of its formation, the Russian monarchy is characterized by strict legality, which is based on the principles of natural law. Monarchical power is limited by “root” laws. Refusing Western borrowing, he stakes on the development of a natural, traditional form of the Russian state.

The article states that in the studied projects M.M. Speransky and N.M. Karamzin, which were a conservative or liberal reaction to the revolutionary and post-revolutionary events in France, reflected as in a mirror the main dilemma in the development of the Russian statehood of that time – the need to achieve the same goal – the modernization of the monarchy – by choosing one of the opposite means.

Keywords: statehood, monarchy, autocracy, conservatism, liberalism, constitutionalism, fundamental law, legitimism, legality.

1. Введение

В первой половине XIX в. большое значение для российской государственности в контексте развития конституционализма имела деятельность реформатора Михаила Михайловича Сперанского, разработавшего План государственного преобразования России в 1809 г.¹ и дополнившего его в целом ряде статей, записок и других работ (Сперанский, 1905: 359).

С иных, менее либеральных государственно-правовых предпочтений представлял себе дальнейшую эволюцию российской монархии Николай Михайлович Карамзин, известный автор «Истории государства Российского». Симпатизируя на первых порах взглядам либерально настроенных представителей русского дворянства, он по мере проведения в жизнь соответствующих этим взглядам государственных преобразований пишет «Записку о древней и новой России в ее политическом и

* Corresponding author

E-mail addresses: veryvera@list.ru (V.V. Smirnova), pravkin@bk.ru (S.A. Pravkin), all-samigulina@yandex.ru (A.V. Samigulina), shagsas@mail.ru (R.V. Shagieva)

¹ Далее – План государственных преобразований.

гражданском отношении¹», в которой отвергает необходимость доведения их до конца. Особо категорично он выступает против разработки конституции, каким-то образом посягающей на исключительные прерогативы императорской власти, ибо это неизбежно повлечет трансформацию традиционного для России самодержавия в конституционную монархию (Карамзин, 1991: 95).

Находясь на позициях послереволюционного легитимизма, Н.М. Карамзин со своими консервативными проектами выступил идеологом оппозиции. Он полагал, что вместо конституции у Российского государства есть более весомое учредительное основание: «Россия получила Уложение, скрепленное патриархом, всеми значительными духовными, мирскими чиновниками и выборными городскими. Оно после хартии Михайлова избрания есть донныне важнейший Государственный завет нашего Отечества» (Карамзин, 1991: 95). Указывая на стороны, чьим волеизъявлением было составлено это общественное соглашение, подчеркивая его законодательное оформление, российский историк раскрывает перед современными их представителями (российским государем и его подданными) изначально правовую природу российской государственности и ее юридическую закрепленность, предопределенную Божественным правом и базирующуюся на народных традициях. Оставаясь в рамках государственного идеала консерваторов-охранителей, он все же допускал наличие свободы, связывая ее не только с народовластием, но и с другими вариантами государственности.

Обращение к истокам вариативности реформаторских и охранительных проектов М.М. Сперанского и Н.М. Карамзина начала XIX века представляется весьма интересным, поскольку чередование именно этих тенденций определило дальнейшую судьбу российской монархической государственности, а теперь становится даже злободневным с точки зрения их близости к современному периоду, когда столкновение либерального и консервативного путей модернизации отечественной государственности обрело небывалую остроту.

2. Материалы и методы

С учетом исследуемой проблематики основное внимание в работе уделено произведениям Н.М. Карамзина и М.М. Сперанского, а также публикациям, посвященным реформаторской деятельности М.М. Сперанского и концепции государственного устройства Н.М. Карамзина.

Методологическая база исследования в первую очередь опирается на общенаучные методы логического анализа, который применялся при осмыслении концепций по устройству государственности, предложенных М.М. Сперанским и Н.М. Карамзиным (Сперанский, 1905: 359; Карамзин, 1991: 127). В качестве приемов историко-политического исследования применяется ретроспективный, формально-юридический (аналитический) метод, всегда используемый авторами (Pravkin et al., 2021: 620-628). Полезными оказались отдельные элементы системного подхода, благодаря которым концептуальные основы Плана государственных преобразований 1809 г. удается рассмотреть в целостном контексте их взаимообусловленности исторической полемикой реформаторских и охранительных проектов М.М. Сперанского и Н.М. Карамзина.

Анализ политико-правовой мысли видных деятелей России проведен с применением сравнительно-правового метода, широко используемого в научной литературе, в том числе и для сопоставления государственно-правовых воззрений М.М. Сперанского и Н.М. Карамзина, в том числе и одним из соавторов данного исследования (Петровская, Шагиева, 2012: 7). Проведенный сопоставительный анализ позволяет получить собственные оригинальные результаты, помогающие в осмыслении современных политических процессов в России, в использовании накопленного исторического опыта проведения государственно-правовых реформ в контексте развития российского конституционализма, в оценке его положительных элементов для современного научного поиска и практики их внедрения в жизнь.

3. Обсуждение

Исследованием политических и политико-правовых взглядов М.М. Сперанского и Н.М. Карамзина занимались многие ученые (Киселев, 2006: 464; Корчагова, 2015: 345-349; Сыпых, 2009: 783; Чибиряев, 1993: 235). Были рассмотрены как общественно-политические взгляды Н.М. Карамзина, касающиеся структуры сословной организации российского общества и соответствующих ей разновидностей государственного устройства (Жданова, 2012: 108-110), так и направленность политических взглядов, место и специфика политического мировоззрения Н.М. Карамзина в общем компендиуме консервативных и монархических концепций, современных историку (Куприн, 2017: 81-88; Гросул, 2000: 440). Проведено изучение воздействия преобразований, осуществленных царем Петром I, на судьбу российской государственности с точки зрения ретроспективной оценки, данной Н.М. Карамзиным (Сараева, 2018), и значения принципа законности в системе легитимизма Н.М. Карамзина (Pravkin et al., 2020: 67-76).

Анализировались конституционные взгляды и реформы М.М. Сперанского (Муравьева, 1999: 57-65), в частности, отдельно рассматривался проект предлагаемых им правительственных нововведений (Карева, 2013: 29-38), а также роль М.М. Сперанского в развитии и становлении

¹ Далее – «Записка о древней и новой России».

российского государства и права (Кассихина, 2017: 4-13). В целях выявления меры воздействия европейских идеологических моделей конституционализма на проводимые в России государственные преобразования рассматриваемого периода и на взгляды российских либералов – графа М.М. Сперанского, П.А. Словцова, В.В. Попугаева и др. и консерваторов – князя М.М. Шербатова, Н.М. Карамзина, С.С. Уварова и др. уже проводились научные исследования, в том числе с использованием методов компаративистики (Петровская, Шагиева, 2012:110-135; 136-158). Вопреки устоявшимся подходам к раскрытию исторической полемики Н.М. Карамзина и М.М. Сперанского, ярче всех представляющих диаметрально противоположные позиции, основной целью данной статьи явилось доказательство того, что данная политика является отражением важной закономерности – сочетания в развитии российской государственности начал традиционности и обновления, ибо в ее модернизации проявляется определенная цикличность, реформы сменяются контрреформами, что создает питательную среду как для русского консерватизма, так и для либеральных идей. Это и составило основную задачу проведенного сопоставления работ Н.М. Карамзина и М.М. Сперанского, так как в подобном контексте научных исследований обнаружить не удалось.

4. Результаты

В понятие «государственное устройство» в начале XIX века вкладывали прежде всего форму правления. Однако данная форма предполагала и определенную территориальную организацию. Кроме того, в этот период под формой государства понимали определенную идею развития государства. Различные состояния общества требуют различного политического устройства. Именно поэтому Н.М. Карамзин в целях обоснования формы государства пользовался категорией нравственного закона. Государственную форму почти все теоретики в XIX веке объясняли историческими закономерностями, самобытностью, обычаями. Поэтому, когда Н.М. Карамзин говорит о силе традиции в определении государственной формы, то данное положение достаточно прогрессивно и соответствует степени развития науки. Юристы второй половины XIX века выводили форму правления из нравственной идеи. На первое место у Карамзина выходила не сама форма, а ее идеологическая основа: идея русского государства.

Так как организация верховной власти связывалась Карамзиным с понятием формы государства, то государственное устройство выступало внутренним выражением идеи власти. Такие понятия, как «дух народа», «идея государства», введенные в научный оборот Карамзиным, употреблялись даже в конце XIX и начале XX веков. Карамзин стремился раскрыть связь формы правления с идеями православия и народности. Идея государства Карамзина получила развитие в течение XIX века, особенно в концепции С.С. Уварова и К.П. Победоносцева. В течение второй половины XIX века юридическая наука связывала форму государства с национальной психологией, духом народа, естественной средой и т.д.

Среди форм монархии симпатии Карамзина были на стороне самодержавия, которое, по его мнению, составляет душу и жизнь русского народа. Значение самодержавия историк выводил также исходя из обширности государства. Всю политическую систему государства он выразил одной формулой: Дворянство, Духовенство, Сенат, Синод и Государь над ними как законодатель и единственный источник власти – чем обосновал идеал абсолютной монархии (Карамзин, 1991: 109).

Если у Сперанского монархия строится на разделении властей, то у Карамзина – на неограниченной власти. Сперанский не отрицает монархию, но предлагает использовать в ней элементы буржуазного конституционализма, например двухпалатный парламент. В министерской реформе Александра I он видел основание отделения исполнительной власти от самодержавной, в судебной сфере предлагая укрепить функции Сената.

По Карамзину, Сенат является лишь «совестью монарха», который исправляет его ошибки. Коренные законы являются единственным механизмом ограничения власти, а гарантией законности выступает личная добродетель царя. Карамзин выступает как идеолог российской фундаментальной государственности. Центром исторической концепции он сделал правление Ивана III, фактического основателя системы старомосковского единодержавия. Карамзин Н.М. обосновывает модель «истинной монархии». Он раскрывает самодержавие как надклассовую силу, показав его эволюцию к просвещенному абсолютизму. Свобода, по Карамзину, реализуется через безопасность в монархии. Только усовершенствование самодержавной формы могло, по его мнению, обеспечить национальную независимость, так как Россия спасалась единоначалием и мудрым самодержавием. Признавая самодержавие прогрессивной формой правления, он стремился в общественном мнении преодолеть точку зрения на самодержавие как отсталую модель государственного развития. В основу формы правления он положил понятие «динамичной монархии», себя ограничивающей законом, развивая программу просвещенного абсолютизма. Нравственные принципы самодержавия являлись главной составной частью его теории. Динамичность самодержавия рассматривается им с точки зрения его эволюции от жесткого абсолютизма Петра I к мягкому просвещенному правлению Екатерины II.

Обосновывая достоинство неограниченной монархии, Карамзин отмечал, что она основывается на соблюдении принципа законности, что прогрессивная монархия строится на эффективном управлении. Однако понимание прогрессивной «истинной» монархии, а также законности в

воззрениях Н.М. Карамзина нуждается в специальном пояснении, приобретающем черты оригинальности при сопоставлении с подходом к этим политико-правовым феноменам со стороны М.М. Сперанского.

В основу модели «истинной монархии» Н.М. Карамзина (в качестве исторического образца выступает российское государство) положены такие идеи: «Мудрость веков и благо народное утвердили сие правило для монархий, что закон должен располагать трон, а Бог, один Бог, – жизнь царей. Кто верит Провидению, да видит в злом самодержце бич гнева небесного! Снесем его, как бурю, землетрясение, язву, – феномены страшные, но редкие, ибо мы в течение девяти веков имели только двух тиранов...»¹ (Карамзин, 1991: 47). Н.М. Карамзин был искренне убежден, что Россия без этих правовых основ легко станет жертвой революционного безначалия и анархии: «...Законы народа должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств» (Карамзин, 1991: 91). Опираясь на такую важную методологическую предпосылку, Карамзин вполне ожидаемо не поддерживает предпринимаемую М.М. Сперанским попытку перенести на российскую почву Кодекс Наполеона 1804 г., какими бы привлекательными не представлялись реформаторам его положения: «Для старого народа не надобно новых законов: согласно со здравым смыслом, требуем от Комиссии систематического изложения наших» (Карамзин, 1991: 93). И это неудивительно для взглядов Н.М. Карамзина, который был убежден, что русское право имеет свои глубокие исторические корни, не менее фундаментальные, чем у римского права, а в основе создания русской государственности присутствовало договорное начало – непосредственное народное согласие. Из этой методологической предпосылки проистекает его категорическое неприятие предлагаемого М.М. Сперанским заимствования европейского политического революционного опыта в пользу эволюции естественного традиционного варианта российской монархической государственности.

Поэтому соответствующим образом он относился и к попыткам реформировать российскую государственность в духе исторического опыта Западной Европы. Это неприемлемо для российской монархической государственности, обладающей своими «законными правами» и освещенной свыше правдой бытия, «ибо к древним государственным зданиям прикасаться опасно. Россия же существует около 1000 лет не в образе дикой Орды, но в виде государства великого, а нам все твердят о новых образованиях, о новых уставах, как будто мы недавно вышли из темных лесов американских» (Карамзин, 1991: 56, 63).

Продолжая сопоставление политико-правовых взглядов либералов и консерваторов, важно указать на то, что М.М. Сперанский, опираясь на свой богатый жизненный и достаточно длительный административно-управленческий опыт, приходит к мысли о необходимости государственно-правовых преобразований в России, начинать которые следует с реорганизации центральных органов управления. Размышляя о будущем государственном устройстве, великий русский реформатор считал неизбежным вместо дворян назначать на должности в центральных органах управления чиновников незнатного происхождения, как это имело место в ходе подобных реформ в европейских странах: «Нормальное функционирование органов управления возможно только в том случае, если они несут ответственность за свои действия. И никакие частные реформы не дадут результатов, так как на данном этапе развития России необходима новая система управления. А начать надо с выработки конституции, основного уложения государства» (Сперанский, 2015: 63).

В свою очередь, Н.М. Карамзин усматривает в этом серьезную опасность, ибо умаление власти самодержца неизбежно приведет к дуализму: «Две власти государственные в одной державе суть два грозные льва в одной клетке, готовые терзать друг друга, а право без власти есть ничто...» (Карамзин, 1991: 48). По мысли российского консерватора, модель предлагаемой им «истинной монархии» несовместима с конституционно-ограниченной монархией и ее разделением властей.

Опираясь на глубоким знанием российской истории, знаменитый историограф убедительно доказывает, что «Россия гибла от разновластия, а спасалась мудрым самодержавием». Однако Н.М. Карамзин обозначил и для российского самодержавия пределы произвола – самодержец имеет право на многое, тем не менее само его полновластие неприкосновенно: российский император не может собственным законом упразднить самодержавие, не может посягнуть на сложившиеся правовые основы абсолютной монархии, а призван их охранять (Карамзин, 1991: 96).

Данные доводы и соображения, как известно, были прямо противоположны тем реформам государственного управления, которые предполагались для осуществления либеральными чиновниками во главе с М.М. Сперанским и в основе которых находилась теория разделения властей, реализованная уже в Англии, США и Франции. Будучи разделенными, ветви власти сверху донизу в своем функционировании призваны руководствоваться законами, соответственно законодательная власть должна возвышаться по отношению к другим ветвям власти. По мысли Сперанского, «1) что коренные законы государства должны быть творением народа; 2) что коренные законы государства полагают пределы самодержавной воли» (Киселев, 1996: 317). Однако, в том числе и благодаря возражениям главного российского историографа, высказанным в «Записке о древней и новой

¹ Здесь Н.М. Карамзин имеет в виду Иоанна Грозного и Павла I.

России», о том, что вместо принятия конституции необходимо просто обновить кадровый состав (подобрать 50 хороших губернаторов), предлагавшиеся М.М. Сперанским реформы не были доведены до логического конца, и Россия не встала в тот момент на путь конституционализма.

В «Записке о древней и новой России» Н.М. Карамзин выступил противником парламентаризма даже в самых ограниченных формах, считая, что народ восстановил монархию в 1613 г., поэтому она является формой народного правления и ограничить ее возможно только «святыми уставами нравственности» (Карамзин, 1862: 39).

Таким образом, становится очевидным, что именно главный российский историограф заложил научно-методологические основы специфического, естественно-правового подхода к пониманию законности в самодержавной монархии в России. Легитимизм, проистекающий из фундаментального «народного соглашения», с точки зрения Н.М. Карамзина, изначально послужил ценностной, цивилизующей основой объединения русской нации. С этим впоследствии соглашались отечественные ученые-правоведы даже во 2-ой половине XIX столетия, признавая основным принципом организации русской монархии строгую законность, основанную на коренном праве народа (Дорохов, 2005). На основе этого Н.М. Карамзин настаивает на сохранении существующей в России системы государственных учреждений, параллельно выдвигая идею возвышения значимости исполнения ими коренных законов, которые устанавливаются на все времена и имеют характер учредительных, обеспечивая личную безопасность. Тем самым отношение к законности принципиально отличается от «прозападной» позиции М.М. Сперанского, ибо оно у Карамзина отражало характер первоначальной, а не делегированной власти.

Что касается М.М. Сперанского, то хотя он также считал необходимым развивать российскую государственность на базе установления неперменных законов, однако вкладывал в них иное содержание. В результате великий российский реформатор попытался соединить несоединимое, ибо, желая модернизировать российское единовластие на основе таких конституционных актов, не осознавал неизбежности разрушения самодержавия как конечного итога предлагаемой его трансформации.

В отличие от М.М. Сперанского, Н.М. Карамзин разглядел эту опасность для дальнейшего развития российского самодержавия, ибо объединение единоличного монархического устройства с коренными законами лишь внешне сходно с системой западного легитимизма. Опираясь на терминологию легитимизма, Н.М. Карамзин как сторонник консерваторов-охранителей резко критикует идеи просвещения.

Законность как правовая категория выступила концентрированным выражением существующего типа государственного устройства. В аспекте приведенного рассуждения приходится констатировать, что любое умаление власти монарха неминуемо приводит к разрушению существующей системы легитимизма, к нарушению действия принципа законности.

Говоря о подобном предложении государственного преобразования в проекте М.М. Сперанского, Н.М. Карамзин прямо определял источник данных идей, ибо они представляют собой произвольное подражание революционной Франции, которая является очагом революционной заразы и безбожия (Башилов, 2004: 527). Как раз отталкиваясь от опыта становления во Франции новой государственности, сопряженной с чередованием республиканского и монархического правления, великий российский историк лишь укрепился в своей позиции относительно наличия и сохранения для упрочения российской государственности системы коренных и неизменяемых законов.

И Н.М. Карамзин, и М.М. Сперанский после французской революции отрицательно относились к республиканской форме правления. Поэтому в либеральных планах Сперанского основой правления также выступает «истинная монархия», основанная на «коренных законах» (Сперанский, 2015: 324). Такую монархическую стабильность он считал основой либерального проекта. В связи с этим великий российский реформатор включал в систему «Основных законов» Российской империи как обязательное в рамках западной модели легитимизма законодательное положение о подчинении верховной власти ею же изданным законам.

В противоположность этому Н.М. Карамзин, как уже отмечалось ранее, предлагал в области законодательства лишь проведение систематической работы по упорядочению всего накопленного законодательного массива в духе Соборного Уложения. В качестве исторического образца он предлагал использовать и опыт византийской систематизации римского права, в частности составление *Codex Iustiniani*. В итоге Н.М. Карамзин выступал за издание обширного свода законов, изложенных в систематическом порядке, очищенных от устаревших норм и с комментариями. При этом законодательным приоритетом у Карамзина выступали гарантии неприкосновенности правящего класса и основ общей безопасности, и только вслед за этим в законодательных актах речь должна пойти об обеспечении прав собственника, наследования, завещания и т.д. (Карамзин, 1991: 95).

Очень специфичен его подход к правам гражданским, которые должны закрепляться пословно: «У нас дворяне, купцы, мещане, земледельцы и проч., – все они имеют свои особенные права – общего нет, кроме названия русских» (Карамзин, 1991: 65).

Что касается М.М. Сперанского, то он в законодательстве выдвигал на первое место раздел о гражданских и политических правах. Выступая за эволюционное развитие России «через правильные

законы», дарованные монархом «сверху», великий российский реформатор представлял себе такую модель преобразованного российского государства, в котором можно было бы «правление доселе самодержавное учредить на непрременном законе» (Сырых, 2009: 677). По его представлению, государством должны при этом управлять не люди, а законы.

Можно согласиться с утверждением, что «расхождение предложений Н.М. Карамзина с проектами М.М. Сперанского заключалось не в содержании политических взглядов (оба хотели «учредить Россию на законах непрменных»), а в способе их реализации» (Адоньева, 2011: 30). Так, гарантом прав и свобод М.М. Сперанский понимал Конституцию, а Н.М. Карамзин, как было уже отмечено, волю самого монарха.

5. Заключение

Рассмотренные концепции развития отечественной государственности в начале XIX века, выдвинутые признанными лидерами двух противоборствующих сторон – М.М. Сперанским и Н.М. Карамзиным, являлись и различными, и одновременно в чем-то похожими, отражая общественно-политический запрос на поиск путей модернизации отечественной государственности. Рассмотренная историческая полемика была своевременна и свидетельствовала о реальности предлагаемых реформаторами перемен и готовности довести их до конца, что и вызывало такое упорное сопротивление со стороны консерваторов-охранителей. Трудно сказать, что именно послужило основной причиной сделанного выбора – известные исторические события, недостаточность средств или изменение взглядов монарха в силу непредвиденных обстоятельств, но это не являлось темой нашего исследования. Нас интересовала сама конституционная альтернатива, ставшая объектом развернувшейся дискуссии.

В силу этого можно констатировать общую направленность выдвигаемых М.М. Сперанским и Н.М. Карамзиным проектов – видеть Россию великой, сильной и процветающей мировой державой. Кроме этого, оба хотя и полемизирующих друг с другом мыслителя отдавали отчет в том, что существует специфика русского реформаторского пути, в какой бы форме он не протекал – либеральной или консервативной. Из этого проистекает то внимание, которое уделяется в анализируемых проектах роли российской монархии как объединяющей и цивилизирующей силы и тем средствам и способам, которые ею могут быть при этом применены.

Различие программ М.М. Сперанского и Н.М. Карамзина состояло в том, что первый был убежден в необходимости путем законодательных преобразований установить в нашем Отечестве конституционализм, для чего предлагал реформировать систему государственной власти и управления на началах разделения ветвей власти; Н.М. Карамзин же предлагал исправить ситуацию более прогрессивными чиновниками. В реформе государственного управления Сперанский видел постепенное обособление исполнительной власти от монархической. Карамзин полагал русскую государственническую традицию в сосредоточении власти, а не в ее разделении.

Н.М. Карамзин и М.М. Сперанский имели схожие взгляды на методы реформирования системы управления: оба предлагали модель эффективной бюрократии, усиления компетенции губернских органов и местных. Н.М. Карамзин выступает против усложнения системы управления. Высказываясь против умножения исполнительных функций, он выступал и за сокращение числа чиновников. Н.М. Карамзин выступал за законное разграничение компетенции. Нужны не новые порядки, а новые люди. Таким образом, идее Сперанского о развитии законодательных учреждений Карамзин противопоставил идею законодательной власти царя. У Сперанского воля законодательного органа преобладает над решениями других органов власти. Н.М. Карамзин стремился сохранить систему, в которой вся власть сосредоточивается в монархе, который является источником законодательной инициативы и сохраняет высшую исполнительную власть, то есть осуществляет контроль за деятельностью правительства.

Литература

Адоньева, 2011 – Адоньева И.Г. Российская империя в первой четверти XIX в. Политическое развитие: Учебное пособие. Новосибирск: НГТУ, 2011. 47 с.

Башилов, 2004 – Башилов Б. История русского масонства (XVII–XX вв.). М.: Лепта-Пресс, 2004. 1248 с.

Гросул, 2000 – Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / Под ред. В.Я. Гросула. М.: Прогресс-традиция, 2000. 440 с.

Дорохов, 2006 – Государство, право и местное самоуправление: история и современность: Монография / Под общ. ред. Н.И. Дорохова. М.: МИЭМП, 2006. 473 с.

Жданова, 2012 – Жданова О.В. Общественно-политические взгляды Н.М. Карамзина // *Юридическая наука*. 2012. № 2. С. 108–110.

Карамзин, 1862 – Карамзин Н.М. Письмо к Императрице Елизавете Алексеевне от 24 января 1818 г. // *Неизданные сочинения и переписка Н.М. Карамзина*. Ч. 1. СПб.: Тип. Н. Тиблена, 1862. 240 с.

Карамзин, 1991 – Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 127 с.

Карева, 2013 – Карева А.В. Традиции и новации в истории отечественной государственности: план государственных преобразований М.М. Сперанского // *Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина*. 2013. № 1(38). С. 29-38.

Кассихина, 2017 – Кассихина В.Е. М.М. Сперанский, его роль в развитии и становлении российского государства и права // *Государство и право в XXI веке*. 2017. № 8. С. 4-13.

Киселев, 1996 – Великие государственные деятели России: Учебное пособие для вузов и школ / Под ред. А.Ф. Киселева. М.: ВЛАДОС, 1996. 464 с.

Корчагова, 2015 – Корчагова М.Н. Из истории государственного управления России (реформы М.М. Сперанского и М.Б. Барклая-де-Толли) // *Вестник университета*. 2015. № 6. С. 345-349.

Куприн, 2017 – Куприн Л.Ю. Был ли Карамзин консерватором? Консервативно-монархическая концепция Н.М. Карамзина в современной историографии // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2017. № 3-1. С. 81-88.

Муравьева, 1999 – Муравьева Л.А. Конституционные взгляды и реформы М.М. Сперанского // *Финансы: теория и практика*. 1999. № 3. С. 57-65.

Петровская, Шагиева, 2012 – Петровская О.В., Шагиева Р.В. Либеральная и консервативная альтернативы развития российской государственности середины XVIII – первой четверти XIX вв. М.: Экслибрис-Пресс, 2012. 184 с.

Сараева, 2018 – Сараева Е.Л. Н.М. Карамзин о сохранении национальной идентичности русского народа в условиях дихотомии Россия – Запад // *Верхневолжский филологический вестник*. 2018. № 3. С. 265-273.

Сперанский, 1905 – Сперанский М.М. План государственного преобразования графа М.М. Сперанского: (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.): С прил.: «Записки об устройстве судебных и правительств. учреждений в России», (1803 г.), статей «О государственных установлениях», «О крепостных людях» и «Пермского письма к императору Александру». М.: Русская мысль, 1905. 359 с.

Сперанский, 2015 – Сперанский М.М. О коренных законах государства. М.: Эксмо. 2015. 544 с.

Сырых, 2009 – Правовая наука и юридическая идеология России. Т. 1. XI – начало XX в.: Энциклопедический словарь биографий / Отв. ред. В.М. Сырых. М.: РАП, Издательская группа «Юрист», 2009. 920 с.

Чибиряев, 1993 – Чибиряев С.А. Великий русский реформатор: жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского. М.: Воскресенье, 1993. 235 с.

Pravkin et al., 2020 – Pravkin S.A., Smirnova V.V., Shagieva R.V., Hvatova M.A. The value of the principle of legality in the system of legitimism N.M. Karamzin // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 55. Is. 1. Pp. 67-76.

Pravkin et al., 2021 – Pravkin S.A., Smirnova V.V., Shagieva R.V., Hvatova M.A. Model of conciliatory law and social cooperation S.M. Solovyov as a contribution to the development of the concept of the state (law) school in Russian historiography // *Bylye Gody*. 2021. Vol. 16. Is. 2. Pp. 620-628.

References

Adon'eva, 2011 – Adon'eva, I.G. (2011). Rossijskaja imperija v pervoj chetverti XIX v. Politicheskoe razvitiye: uchebnoe posobie [Russian Empire in the first quarter of the XIX century. Political Development: A Study Guide]. Novosibirsk: NGTU. 47 p. [in Russian]

Bashilov, 2004 – Bashilov, B. (2004). Istorija russkogo masonstva (XVII-XX vv.) [History of Russian Freemasonry (XVII – XX centuries)]. М.: Lepta-Press. 1248 p. [in Russian]

Chibirjaev, 1993 – Chibirjaev, S.A. (1993). Velikij russkij reformator: zhizn', dejatel'nost', politicheskie vzgljady M.M. Speranskogo [The great Russian reformer: life, activity, political views of M.M. Speransky]. М.: Voskresen'e, 235 p. [in Russian]

Dorohov, 2006 – Gosudarstvo, pravo i mestnoe samoupravlenie: istorija i sovremennost': monografija [State, law and local self-government: history and modernity: monograph]. Pod obshh. red. N.I. Dorohova М.: MIJeMP, 2006. 473 p. [in Russian]

Grosul, 2000 – Russkij konservatizm XIX stoletija. Ideologija i praktika [Russian conservatism of the nineteenth century. Ideology and practice]. Pod red. V.Ja. Grosula. М.: Progress-tradicija, 2000. 440 p. [in Russian]

Karamzin, 1862 – Karamzin, N.M. (1862). Pis'mo k Imperatrice Elizavete Alekseevne ot 24 janvarja 1818 g. [Letter to Empress Elizaveta Alekseevna dated January 24, 1818]. Neizdannye sochinenija i perepiska N.M. Karamzina. Ch. 1. SPb.: v Tip. N. Tiblena. 240 p. [in Russian]

Karamzin, 1991 – Karamzin, N.M. (1991). Zapiska o drevnej i novoj Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnoshenijah [A note about ancient and new Russia in its political and civil relations]. М.: Nauka. Glavnaja redakcija vostochnoj literatury. 127 p. [in Russian]

Kareva, 2013 – Kareva, A.V. (2013). Tradicii i novacii v istorii otechestvennoj gosudarstvennosti: plan gosudarstvennyh preobrazovanij M. M. Speranskogo [Traditions and innovations in the history of national statehood: the plan of state reforms by M. M. Speransky]. *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina*. 1(38): 29-38. [in Russian]

Kassihina, 2017 – Kassihina, V.E. (2017). M.M. Speranskij, ego rol' v razvitii i stanovlenii rossijskogo gosudarstva i prava [M.M. Speransky, his role in the development and formation of the Russian state and law]. *Gosudarstvo i pravo v XXI veke*. 8: 4-13. [in Russian]

Kiselev, 1996 – Velikie gosudarstvennye dejateli Rossii: uchebnoe posobie dlja vuzov i shkol [Great statesmen of Russia: a textbook for universities and schools]. Pod red. A.F. Kiseleva. M.: VLADOS, 1996. 464 p. [in Russian]

Korchagova, 2015 – Korchagova, M.N. (2015). Iz istorii gosudarstvennogo upravlenija Rossii (reformy M.M. Speranskogo i M.B. Barklaja-de-Tolli) [From the history of public administration in Russia (reforms by M.M. Speransky and M.B. Barclay de Tolly)]. *Vestnik universiteta*. 6: 345-349. [in Russian]

Kuprin, 2017 – Kuprin, L.Ju. (2017). Byl li Karamzin konservatorom? Konservativno-monarhicheskaja koncepcija N. M. Karamzina v sovremennoj istoriografii [Was Karamzin a conservative? The conservative-monarchical concept of N. M. Karamzin in modern historiography]. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. 3-1: 81-88. [in Russian]

Murav'eva, 1999 – Murav'eva, L.A. (1999). Konstitucionnye vzgljady i reformy M. M. Speranskogo [Constitutional views and reforms of M. M. Speransky]. *Finansy: teorija i praktika*. 3: 57-65. [in Russian]

Petrovskaja, Shagieva, 2012 – Petrovskaja, O.V., Shagieva, R.V. (2012). Liberal'naja i konservativnaja al'ternativy razvitija rossijskoj gosudarstvennosti serediny XVIII – pervoj chetverti XIX v.v. [Liberal and conservative alternatives for the development of Russian statehood in the middle of the 18th – the first quarter of the 19th centuries.] M.: Jekslibris-Press. 184 p. [in Russian]

Pravkin et al., 2020 – Pravkin, S.A., Smirnova, V.V., Shagieva, R.V., Hvatova, M.A. (2020). The value of the principle of legality in the system of legitimism N.M. Karamzin. *Bylye Gody*. 55(1): 67-76.

Pravkin et al., 2021 – Pravkin, S.A., Smirnova, V.V., Shagieva, R.V., Hvatova, M.A. (2021). Model of conciliatory law and social cooperation S.M. Solovyov as a contribution to the development of the concept of the state (law) school in Russian historiography. *Bylye Gody*. 16(2): 620-628.

Saraeva, 2018 – Saraeva, E.L. (2018). N.M. Karamzin o sohranenii nacional'noj identichnosti russkogo naroda v uslovijah dihotomii Rossija – Zapad [N.M. Karamzin on the preservation of the national identity of the Russian people in the context of the Russia-West dichotomy]. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik*. 3: 265-273. [in Russian]

Speranskij, 1905 – Speranskij, M.M. (1905). Plan gosudarstvennogo preobrazovanija grafa M.M. Speranskogo: (Vvedenie k Ulozheniju gosudarstvennyh zakonov 1809 g.): S pril.: «Zapiski ob ustrojstve sudebnyh i pravitel'stv. uchrezhdenij v Rossii», (1803 g.), statej «O gosudarstvennyh ustanovlenijah», «O krepostnyh ljudjah» i «Permskogo pis'ma k imperatoru Aleksandru» [Plan for the state transformation of Count M. M. Speransky: (Introduction to the Code of State Laws of 1809): With appendix: "Notes on the structure of the judiciary and governments. institutions in Russia ", (1803), articles "On state institutions", "On serfs" and "Perm letter to Emperor Alexander"]. M.: Russkaja mysl'. 359 p. [in Russian]

Speranskij, 2015 – Speranskij, M.M. (2015). O korennyh zakonah gosudarstva [On the fundamental laws of the state]. M.: Jeksmo. 544 p. [in Russian]

Syryh, 2009 – Pravovaja nauka i juridicheskaja ideologija Rossii. T. 1. XI – nachalo XX v.: jenciklopedicheskij slovar' biografij [Legal science and legal ideology of Russia. T. 1. XI – early XX centuries: encyclopedic dictionary of biographies]. Otv. red. V.M. Syryh. M.: RAP, Izdatel'skaja gruppa «Jurist». 2009. 920 p. [in Russian]

Zhdanov, 2012 – Zhdanova, O.V. (2012). Obshhestvenno-politicheskie vzgljady N.M. Karamzina [Socio-political views of N.M. Karamzin]. *Yuridicheskaja nauka*. 2: 108-110. [in Russian]

Историческая полемика Н.М. Карамзина и М.М. Сперанского как зеркало дилеммы в развитии российской государственности в начале XIX века

Вера Владимировна Смирнова ^{a, *}, Сергей Александрович Правкин ^a,
Алла Викторовна Самигулина ^b, Розалина Васильевна Шагиева ^c

^a Российский университет транспорта, Российская Федерация, Москва, Российская Федерация

^b Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^c Государственный университет управления, Российская Федерация, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье приводится анализ полемики Николая Михайловича Карамзина и Михаила Михайловича Сперанского о судьбах монархической государственности в России. Отмечается, что именно Н.М. Карамзин и М.М. Сперанский с предложенными ими типами

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: veryvera@list.ru (В.В. Смирнова), pravkin@bk.ru (С.А. Правкин), all-samigulina@yandex.ru (А.В. Самигулина), shagsas@mail.ru (Р.В. Шагиева)

государства (прозападно-либеральным или консервативно-самодержавным), начав важную дискуссию о дальнейших путях развития государства российского, стали своего рода «зеркалом» вероятностной модернизации русского государства. Реформатор М.М. Сперанский детально разработал и фактически приступил к осуществлению российской государственной модели с конституционализмом нового (либерального) образца. В его проекте законодательная власть доминирует над решениями других органов власти. Н.М. Карамзин противопоставил этому свою концепцию российской государственности, выступая с позиций охранительного консерватизма, соединяя их с либеральными элементами, выступая против парламентаризма и ограничения самодержавия, считая, что это может привести к конституционализму, который погубит монархическую власть. Имевшей изначально договорный характер своего образования, русской монархии присуща строгая законность, которая базируется на принципах естественного права. Монархическая власть ограничена «коренными» законами. Отказываясь от западного заимствования, Карамзин делает ставку на развитие естественной, традиционной формы российского государства.

В статье констатируется, что в исследованных проектах М.М. Сперанского и Н.М. Карамзина, являвшихся консервативной либо либеральной реакцией на революционные и послереволюционные события во Франции, отразилась как в зеркале главная дилемма в развитии российской государственности того времени: необходимость достижения одной и той же цели – модернизации монархии – путем выбора одного из противоположных средств.

Ключевые слова: государственность, монархия, самодержавие, консерватизм, либерализм, конституционализм, коренной закон, легитимизм, законность.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1684-1692
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1684

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“Let's Prove, Let's Prove, Citizens, that We Are Ross...”: the Problem of Patriotism during the Patriotic War of 1812 and the Crimean War (on the Example of the Penza Province)

Sergei V. Belousov ^{a,*}, Olga V. Kolpakova ^a, Anastasia R. Mere ^a

^a Penza State University, Russian Federation

Abstract

The article examines the trends of the existence of the patriotic consciousness of the population of the Russian province during the Patriotic War of 1812 and the Crimean War of 1853–1856 using the example of the materials of the Penza province. The work is based on the materials of the State Archive of the Penza region, the data of the periodical press (“Penza Provincial Vedomosti”), as well as on the data contained in various ego sources (letters and memoirs). Based on the revealed patterns of transformation of various components of patriotism of the population of the Russian province, three phases are distinguished, different in nature, time duration and intensity of patriotic upsurge. The first phase associated with the outbreak of war is characterized by a patriotic upsurge, the stability and intensity of which depend on the nature of the war, which determines the value attitude of the population.

The conditions of the Patriotic War of 1812 and the Crimean War are characterized by a lack of up-to-date information about the course of hostilities, and therefore receiving news about the failures of the Russian army leads to a crisis – a short-term phase of “shock”, followed by an intense patriotic upsurge, the potential of which, after the end of hostilities and the end of the war, is transformed into a modernization wave.

Keywords: patriotism, Patriotic War of 1812, Crimean War of 1853–1856, regional identity, Penza province.

1. Введение

На современном этапе развития гуманитарных наук возрастает интерес исследователей к рассмотрению проблем общественного бытия в рамках междисциплинарного подхода. Одной из подобных проблем является сфера социально-психического: изучение ментальности, культурно-исторических особенностей человеческого мышления и мировосприятия сквозь призму исторической психологии.

Одним из компонентов общественного сознания выступает патриотизм – социально-психический феномен, включающий в себя разнообразные переживания, чувства, установки, поведение и идентификации, определяющие ценностное отношение человека к своему Отечеству (Юревич, 2016: 8). Как и другие элементы общественного сознания, проявления патриотизма динамичны и зависят от ряда объективных и субъективных факторов, таких как конкретно-исторические условия и субъективные особенности индивида. Патриотическое сознание населения как бы связывает воедино власть и социум, являясь, вместе с этим, индикатором их взаимоотношений. Таким образом, осмысление проблем бытования патриотизма в том или ином социуме позволяет исследователю обратиться к выявлению наиболее эффективных вариантов взаимоотношений власти и общества, в том числе в кризисных условиях войн и военных конфликтов.

* Corresponding author

E-mail addresses: sergbel_1812@mail.ru (S.V. Belousov), al.olga3443@yandex.ru (O.V. Kolpakova), anamere@mail.ru (A.R. Mere)

Первая половина XIX в. в истории России была отмечена двумя крупными военными конфликтами европейского масштаба – Отечественной войной 1812 г. и Крымской войной 1853–1856 гг. Войны эти различны по своей сути. Война с Наполеоном с начального периода и до завершения военных действий носила освободительный характер, в то время как Крымская война претерпела трансформацию от наступательной к оборонительной. Различны для России и итоги этих войн: победа и поражение. Но и «Гроза 12-го года», и Восточная кампания вызвали в российском обществе масштабный патриотический подъем. В этом контексте определенным интересом представляет сравнение патриотических переживаний населения Российской империи в эпоху Отечественной войны 1812 г. и Крымской войны 1853–1856 гг., которое позволит выявить определенные тенденции в отношении к войне представителей российского социума первой половины XIX в.

Патриотизм как социально-психологический феномен коррелирует с социальной идентификацией индивида: с одной стороны, с национальной и имперской идентичностью (общероссийской), с другой – региональной идентичностью, определяющей специфику патриотических переживаний населения конкретных территорий. В этой связи целесообразно обратиться к изучению тенденций бытования патриотизма на территории конкретного региона.

По степени близости к основным театрам военных действий и, как следствие, качеству и объему получаемой актуальной информации об успехах или неудачах русского оружия можно выделить три региона: «зона конфликта», «столица» (в период Отечественной войны частично входила в «зону конфликта»; Москва, Санкт-Петербург и их окрестности) и «провинция» (регионы в равной мере удаленные как от зоны боевых действий, так и от столичного региона) (Мере, 2022: 273). Последний регион в связи с обозначенной спецификой представляет особый интерес.

В годы Крымской войны 1853–1856 гг., как и в период Отечественной войны 1812 г., жители Пензенской губернии, являвшейся типичной представительницей третьей группы регионов – «провинции», явили множество примеров проявления патриотизма. Обращение к материалам Пензенской губернии при рассмотрении особенностей бытования патриотического сознания населения позволяет сделать выводы об их специфике применительно ко всему региону.

2. Материалы и методы

Эмпирический фундамент исследования составляют опубликованные и неопубликованные письменные свидетельства различных типов: нормативно-правовые акты, делопроизводственные документы, данные периодической печати, источники личного происхождения (письма и мемуары).

Патриотические переживания человека – сложный психический феномен, в связи с чем особую значимость в рамках изучения данной проблематики приобретают источники личного происхождения, такие как письма и воспоминания. Патриотические переживания населения российской провинции в эпоху Отечественной войны 1812 г. нашли отражение в воспоминаниях В.П. Беляева (Беляев, 1990), Ф.Ф. Вигеля (Вигель, 2003) и др., а также в ряде эпистолярных источников, как опубликованных (К чести..., 1988), так и находящихся в фондах Государственного архива Пензенской области (ГАПО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 430. Л. 735–736; ГАПО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 182. Л. 170б.)

О патриотическом подъеме, охватившем российское общество в годы Крымской войны, свои воспоминания оставили Л.М. Жемчужников (Жемчужников, 2009), В.Е. Певницкий (Певницкий, 1905). Ценным источником, позволяющим посмотреть со стороны на жизнь пензенского общества этого периода, являются воспоминания британского военнопленного Генри Этвилла Лейка, находившегося в Пензе в период своего российского плена зимой–весной 1856 г. (Lake, 1856).

Делопроизводственные документы представлены материалами Государственного архива Пензенской области (ГАПО), содержащими материалы межведомственной переписки, прошения и деловые письма, на основании которых представляется возможным создать своеобразную зарисовку общественного отклика подданных Российской империи на реалии Отечественной войны 1812 г. и Крымской войны 1853–1856 гг. Нормативно-правовые акты (рескрипты, манифесты) позволяют выявить специфику официальной риторики в отношении причин и сущности войны.

Немаловажным источником для рассмотрения заявленной темы является газета «Пензенские губернские ведомости», на страницах которой содержатся данные о проявлении жителями губернии примеров деятельного патриотизма, а также литературно-художественные материалы патриотического толка (ПГВ, 1853–1856).

Комплексное рассмотрение представленного круга источников в рамках дискурсивного и компаративного анализа позволяет составить наиболее полное представление об особенностях патриотического сознания населения Пензенской губернии в период обозначенных войн.

Теоретико-методологическую основу исследования составили научные принципы историзма, системности и объективности, а также совокупность специально-исторических методов. Среди них историко-сравнительный метод позволил выделить общее и особенное при сравнении патриотических переживаний населения российской провинции в годы Отечественной войны 1812 г. и Крымской войны 1853–1856 гг. Историко-генетический метод дал возможность рассмотреть феномен патриотического подъема в годы войн в его динамике, обусловленной воздействием внутренних и внешних факторов.

Изучение феномена социально-психического обуславливает возможность применения в рамках исследования микроисторического подхода, позволившего раскрыть специфику бытования имперского сознания малых групп и конкретных индивидов, локализованных в рамках отдельных территорий.

3. Обсуждение

Вопрос о патриотических переживаниях населения в годы Отечественной войны 1812 г. и Крымской войны 1853–1856 гг. был освещен в ряде научных исследований.

Проблема патриотизма населения Российской империи в период нашествия Наполеона вызывает в научном сообществе многочисленные дискуссии. Так, в работе Н.А. Троицкого «1812. Великий год России» (Троицкий, 1988) содержалась неоднозначная оценка патриотических переживаний различных категорий населения. С точки зрения исследователя, проявление подлинных патриотических чувств было характерно исключительно для народных масс: представители дворянства и духовенства в их число не входили. Эта работа стала отправной точкой полемики о крестьянском патриотизме, развернувшейся в 1990-е гг. на страницах журнала «Родина» (Вероломство..., 1992).

Различные проявления патриотизма населения Пензенской губернии в эпоху Отечественной войны 1812 г. освещены в работах С.В. Белоусова (Белоусов, 2012; Белоусов, 2016). Автор отмечает противоречивость отношения к войне различных категорий населения.

Изучение патриотизма российского общества в период Крымской войны в большинстве своем проводится в контексте рассмотрения общественного дискурса, развернувшегося в образованных кругах российского социума. Исследователи отмечают, что разделение общества по отношению к войне (совпадавшее во многом с разделением по линии «западники – славянофилы») не влияло на патриотические переживания населения: и консерваторы, и сторонники «поражения во имя модернизации» в равной мере радовались победам и огорчались неудачам русского оружия (Носков, 2002; Кудрявцев, 2009).

Ряд исследователей выявил, что общественные настроения населения Российской империи в ходе Крымской войны претерпевали изменения. Е.П. Гурьевым в ходе рассмотрения войн, которые Российская империя вела с момента своего возникновения до окончания существования, были проанализированы взаимосвязи между целями, характером войны и ее итогами с точки зрения количественного анализа патриотизма (Гурьев, 2017). Так, Е.П. Гурьев отмечает, что Отечественная война 1812 г., носившая общенациональный характер, вызвала патриотический подъем всей страны. Крымская война 1853–1856 гг., отнесенная исследователем к разряду империалистических, на начальном этапе не вызвала подъема морального духа даже в рядах действующей армии; перенос же военных действий на территорию Российской империи вызвал патриотический подъем (Гурьев, 2017). В работах Н.М. Крота, С.В. Черницына, О.О. Завьяловой, С.М. Самохина подчеркивается, что уже после завершения военных действий охвативший общество патриотический подъем трансформировался в масштабную модернизационную волну, ставшую предвестницей Великих реформ 1860–1870-х гг. (Крот и др., 2017; Самохин, 2018; Самохин, 2020).

Рассмотрению проявления патриотизма жителями Пензенской губернии в годы Крымской войны 1853–1856 гг. посвящен ряд работ Е.Г. Кузнецова, в котором, в частности, приводятся сведения о благотворительных пожертвованиях (Кузнецов, 1998a), деятельности Русской православной церкви (Кузнецов, 2004), сборе государственного подвижного ополчения (Кузнецов, 1998b). В.И. Пономарев, обратившийся к изучению рекрутских наборов в годы Крымской войны, в своей работе приводит примеры уклонения от рекрутской повинности жителей татарских сел (Пономарев, 2016). Л.М. Артамонова обратилась к изучению общественного отклика на Крымскую войну в учебных заведениях Поволжья и Урала, осветив в своей работе многочисленные примеры деятельностного патриотизма жителей обозначенных регионов (Артамонова, 2017).

4. Результаты

И в период Отечественной войны 1812 г., и в Крымскую войну 1853–1856 гг. отношение к войне различных категорий провинциального населения было противоречивым: патриотический подъем, охвативший Россию, соседствовал с сугубо прагматическими устремлениями (Белоусов, 2016: 52). Преобладали, однако, патриотические настроения, нашедшие отражение как в общественной дискуссии, так и в деятельности населения на благо русской армии. Не оставались в стороне от патриотической волны, захлестнувшей российское общество, и жители Пензенской губернии.

В движении этих патриотических волн можно проследить определенную закономерность: своеобразное движение «маятника» динамического изменения патриотических переживаний населения. На основании колебаний этого «маятника» прослеживается несколько этапов, в равной мере применимых как к Отечественной, так и к Крымской войнам. Представляется, что эти колебания определялись рядом объективных и субъективных факторов. К числу объективных – стоит отнести реалии военного времени, скорость распространения информации, воздействие официальной пропаганды. К числу вторых – субъективные особенности личности (в том числе

личные убеждения), а также степень интериоризированности в сознании населения тех или иных элементов официальной пропаганды.

Первый этап, связанный с началом войны, сопровождается масштабным патриотическим подъемом. Однако, если в 1812 г. этот подъем был связан с общенациональным характером войны и необходимостью защиты государственного суверенитета, то в 1853 г. патриотические настроения населения подогревались имперской патетикой государственной пропаганды. Ситуация изменилась в 1854 г., когда в войну против России вступили европейские державы – Великобритания, Франция и Сардинское королевство. Перенос военных действий на территорию Российской империи еще больше всколыхнул общество, а имперские переживания переросли в общенациональную патриотическую волну (Гурьев, 2017). Стоит отметить, однако, что на начальном этапе Отечественной войны 1812 г. в официальном дискурсе также прослеживались имперские нотки. Так, в воззвании Святейшего синода, адресованном епископу Пензенскому и Саратовскому Афанасию, подчеркивалась взаимосвязь нашествия Наполеона на Россию с Великой французской буржуазной революцией, ниспровергнувшей «престол единодержавия и алтари христианские», что апеллировало к миссии России как защитницы православной веры (ПСЗ, 1830).

В своих воспоминаниях Ф.Ф. Вигель, во время Отечественной войны живший в Пензе, отмечает живой интерес жителей губернии к военным действиям. Сбор ополчения явил множество примеров деятельностного патриотизма. Так, при наборе полковых и сотенных начальников явились на службу военные штаб- и обер-офицеры, однако их не хватило для пополнения всех мест. После того как замещение этих должностей было дозволено служащим и отставным гражданским чиновникам, «сотни предложили свои услуги» и «канцелярии стали пустеть», несмотря на то, что вступление в ополчение означало для них потерю двух или трех чинов. В рядовые «бросились» семинаристы, сыновья священников и церковнослужителей. Не остались в стороне от царящего в обществе патриотического воодушевления дворовые люди и крепостные крестьяне: «Радость была написана на лице тех, на коих пал жребий. Семейства их, жены, матери осыпали их ласками, целовали, миловали, дарили чем могли. «Голубчик, ведь ты идешь за нас да за Божье дело», – повторяли они», – читаем в мемуарах Ф.Ф. Вигеля (Вигель, 2003: 326).

Однако немало было и проявлений личных прагматических устремлений. Так, некоторые пензенские дворяне под различными предлогами уклонялись от выполнения разовых поручений по сопровождению рекрутских партий, строевых лошадей или военнопленных, старались сдать в ополчение крестьян неугодных или обладающих физическими недостатками, а при выступлении в поход поволжского ополчения пытались остаться дома (Белоусов, 2016: 28). Представители купечества пытались извлечь из сложившихся условий определенную экономическую выгоду. Так, в период формирования ополчения резко выросли цены на предметы вооружения (Бабкин, 1962: 91).

Начало Крымской войны было встречено провинциальным обществом с воодушевлением. В.Е. Певницкий, обучавшийся в 1856 г. в Казанской духовной академии (в данном учебном заведении обучались, в том числе, жители Пензенской губернии, о них автор мемуаров упоминает в связи с приездом на службу в Пензенскую семинарию в 1857 г.), оставил интересные воспоминания, позволяющие оценить влияние Крымской войны на патриотическое сознание населения российской провинции: «Великими стимулами поднятия духа, оживления и возбужденного настроения послужили в академической нашей жизни случившиеся в то время великие события – Крымская война, смерть императора Николая и воцарение Александра II, с отрадными слухами об обновлении России. Живо представляется мне, с какой энергией студенты добывали газеты и с каким интересом собирались в кружки, читали передовые статьи, корреспонденции и разные реляции о ходе войны, в которых смело заявлялось, что российской силе вся вооруженная Европа не страшна, что мы врагов своих шапками закидаем, что наши войска везде – и на суше, и на море победоносно бьют своих врагов. От таких реляций все приходило в радостное воодушевление и особенно возликовали, когда пришло известие о поражении турецкого флота при Синопе адмиралом Нахимовым. Долго такое восторженное настроение занимало нас, студентов. В этом настроении мы выучили наизусть появлявшиеся в то время патриотические стихотворения, декламировали их и распевали. Из них особенно часто слышался – и на распев – из речи – мотив, всем даже впоследствии надоевший: «Вот в воинственном азарте» и проч.» (Певницкий, 1905: 319).

Вступление в войну на стороне Турции европейских держав всколыхнуло общество. В ответ на Манифест от 14 декабря 1854 г. о вступлении в Крымскую войну Англии и Франции на стороне Турции «пензенским дворянством и градским обществом» были направлены императору «изъявления верноподданнических чувств». Своё отношение к началу новой войны жители губернии выразили в следующих словах: «Благодарим, Всемилостивый Государь, всеподданнейше благодарим за доверие к нам, Русским. Произнесите, Ваше Величество, одно слово, и пензенское дворянство принесет ко Святому престолу Вашему и свое достояние, и своих детей, и себя самих... Пусть враги наши ополчаются, пусть увлекают за собой и других легкомысленных... Россия никого не боится! Все мы готовы, по слову Вашему, с железом в руках, с крестом в сердце, стать противу врагов наших во славу нашего государя...» (Журнал..., 1855: 243).

Воспоминания В.Е. Певницкого иллюстрируют значимость, которую официальная пропаганда имела для поддержания стабильного патриотического подъема населения на начальном этапе войны.

Патриотические установки транслировались посредством различных каналов, особую важность среди которых имели периодическая печать и Русская православная церковь (Колпакова, 2021: 71). Использовались апелляции к исторической памяти: на страницах официальной периодики проводились параллели между настоящим конфликтом и героическими страницами русской истории: освобождением Москвы от польско-литовских интервентов в 1612 г. и Отечественной войной 1812 г. (ПГВ, 1854).

Наступление второго этапа, характерного для патриотических переживаний населения Пензенской губернии в годы Отечественной войны 1812 г. и Крымской войны 1853–1856 гг., было определено специфическими условиями, связанными с доступом провинциального общества к актуальной информации о ходе военных действий. В период Отечественной войны общество испытывало недостаток официальной информации и было вынуждено прибегать к использованию неофициальных каналов, что привело к появлению слухов, с которыми власть была вынуждена бороться. Кроме того, в связи с уровнем развития средств сообщения новости из столицы доходили до Пензы с задержкой в 2–3 недели, что еще больше усугубляло ситуацию (Белоусов, 2012: 84). Во время Крымской войны согласно циркуляру МВД Департамента полиции сообщения о военных действиях было разрешено публиковать лишь в одном издании – «Одесском вестнике» (Выжимов, 2007: 129). Как следствие, среди публикаций официальной части газеты «Пензенские губернские ведомости» за 1853–1856 гг. отсутствуют сводки событий Крымской войны, новости о победах и поражениях: понять, что страна живет в военное время, можно исключительно по манифестам, воззваниям и рескриптам, а также многочисленным сведениям о добровольных пожертвованиях в пользу «сражающейся в Крыму армии», размещенным на страницах издания (ПГВ, 1853–1856). Таким образом, общество существовало в условиях недостатка достоверной информации о реалиях военных действий, что негативно влияло на отношения власти и общества. Этот информационный голод стал одним из факторов, приведших в движение «маятник» патриотических переживаний.

Точкой отсчета нового «периода колебания» – фазы «шока» – стало получение известий о неудачах русского оружия. В период Отечественной войны тревога и беспокойство населения провинции начали проявляться с известиями о первых неудачных столкновениях с войсками Наполеона и отступлении русской армии, однако поворотным моментом стало известие об оставлении Москвы неприятелю, дошедшее до пензенского общества 8 сентября 1812 г., еще более обескураживающее на фоне контраста с полученными 2 сентября новостями о победном для России Бородинском сражении (Белоусов, 2016: 33).

Пензенское общество встретило неприятные известия с крайним недоумением, наблюдался рост панических настроений (Петерсон, 2002: 34). Повсюду царил атмосфера траура, вплоть до начала контрнаступления русской армии были отменены балы (Вигель, 2003: 346). После вступления войск Наполеона в Москву инсарский дворянин А.П. Вельшев писал своему отцу: «Наконец я к вам пишу, но в какое время, когда несчастие обременяет государство, когда Москва в руках извергов. Ах! Кто бы подумал, что толпа, собранная со всех сторон, разного исповедания, разных государств, разного образа мыслей, в виду целой армии, гораздо и числом, и устройством, и храбростью превосходнее, одного государя, одного закона, могли спокойно и беспрепятственно занять древнюю столицу Московскую. Кто бы мог ожидать сего страму и стыда?» (ГАПО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 430. Л. 735-736).

Одновременно с недоумением и растерянностью сдача Москвы вызвала среди населения недовольство действиями власти. Великая княгиня Екатерина Павловна в своем письме Александру I от 6 сентября указывала на этот факт: «Взятие Москвы довело ожесточение умов до высшей степени. Недовольство достигло предела, не щадят даже вас лично... Вас во всеуслышание винят в несчастье вашей империи, в крушении всего и вся, наконец в том, что вы уронили честь страны и свою собственную» (К чести..., 1988: 99).

В период Крымской войны началом фазы «шока» послужило получение первых известий о неудачах русской армии в Крыму (начиная со сражения на реке Альме). О своеобразном «шоке», охватившем население российской провинции после получения известий о первых неудачах русской армии в Крымской войне, упоминает в своих воспоминаниях В.Е. Певницкий: «Но восторженность студентов продолжалась недолго. Она сменилась, для разнообразия, другим возбужденным состоянием. Пришло известие, что на речке Альме целая армия с кремневыми плохими ружьями и дырявыми сапогами пала от новых и метких ружей французов и других европейцев, и в бухте Севастопольской Меншиков сам добровольно потопил знаменитый уже по Синопу русский Черноморский флот; враги разгромили адским огнем из своих невиданных пушек Севастопольскую крепость... Что такое это? Как могли допустить такие оплошности? В негодующем возбуждении волновалось юношество, в простоте сердца веря прежним донесениям газет о нашей непобедимой силе, и еще нисколько не зная, что вся наша сила была фиктивная, в пустом самомнении и самовосхвалении...» (Певницкий, 1905: 320).

Л.М. Жемчужников, в годы Крымской войны находившийся в Пензенской губернии, оценивал официальную позицию российского правительства в следующих категориях: «Объявляя войну, “Незабвенный” (речь идет об императоре Николае I – прим. авторов) издал Манифест, грозя миллионами штыков соединившимся против нас Турции, Франции, Англии и Сардинии, и заключил его словами: «Разумейте народы и покоряйтесь, так как с нами Бог». Безграничная вера императора в свое могущество отразилась на обществе и литературе: появились хвастливые стихи; в одних

осмеивалась Англия, «покоряющая Русь на карте указательным перстом»; в других – требовали от Европы, чтобы ее народы сняли шапки и пали на колени пред мощью России». Далее автор отмечает, что подобные «шапкозакидательские» настроения сошли на нет, как только появились известия о поражениях русских войск (Жемчужников, 2009: 207). Растерянность и недоумение, характерные для фазы «шока», в реалиях Крымской войны переросли в критическое отношение общества к российской действительности и правящему режиму (Крот и др., 2017: 108).

Вслед за кратковременным периодом «шока» наступает фаза усиления патриотических переживаний населения, сопровождающаяся появлением своеобразных отношений сопричастности власти и общества в борьбе против врага, грозящего независимости государства.

О росте национального самосознания и патриотизма, а также об охватившем население России чувстве мести по отношению к французам после сожжения Москвы говорится в обнаруженных в Государственном архиве Пензенской области «Записках неизвестного, относящихся к войне с Наполеоном в 1812 г.» за предположительным авторством пензенского чиновника И.И. Мешкова: «Возвеличился Бонапарте! Думал, что все покорил, и мир сделает славной. Но во всем ошибся! Напротив, старой и малой, все вооружились за славу и честь имени русского. Тут только началась война, и война страшная, ибо сделалась война народа, которая не может иначе кончиться, как истреблением врага» (ГАПО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 182. Л. 170б.)

Новый патриотический порыв, охвативший пензенское общество на этом этапе, проявлялся, как отмечает Ф.Ф. Вигель, даже в мелочах: дамы «отказались от французского», многие надели народные костюмы, обрядившись в сарафаны, кокошники и повязки. Модное веяние не обошло стороной и мужчин: гражданские чиновники, причастные каким-либо образом к сбору ополчения, получили возможность носить наряд, подобный мундирам ополченцев – серые кафтаны и сабли (Вигель, 2003: 348).

Во время Крымской войны событием, обусловившим поворот от фазы «шока» к новому этапу, стала оборона Севастополя 1854–1855 гг. Пик патриотического подъема населения Пензенской губернии пришелся на время сбора государственного подвижного ополчения в 1855 г. Среди писем губернатору Панчулидзеву, содержащихся в Государственном архиве Пензенской области, имеется одно интересное сообщение, в котором адресант (поименованный в письме чином майора), имевший проблемы с левой ногой и зрением, просил, несмотря на названное свое увечье, принять его в ряды ополченцев, чтобы выступить против врагов «всей Российской империи на защиту веры, Престола и Отечества» (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3270. Л. 51).

На этом этапе в ходе Крымской войны в структуре патриотического сознания происходит смещение акцентов в сторону рационального патриотизма, проявлением которого являлась идея «поражения во имя модернизации», характерная для общественного дискурса «столицы» (Крот и др., 2017: 108). Массив исторических источников, привлекаемых в рамках данного исследования, не позволяет, однако, доподлинно установить бытование подобных элементов в патриотическом сознании населения Пензенской губернии. С другой стороны, между властью и социумом начинают складываться отношения сопричастности, основанные на трансформации патриотизма от стихийного к осознанному.

5. Заключение

Рассмотрение тенденций трансформации патриотического сознания населения Пензенской губернии в контексте Отечественной войны 1812 г. и Крымской войны 1853–1856 гг. позволяет представить этот процесс как своеобразное движение «маятника» патриотических переживаний, включающее в себя три фазы, в равной мере характерные для обоих конфликтов.

Первая фаза, коррелирующая с начальными этапами войны, характеризуется патриотическим подъемом среди провинциального населения. Однако насыщенность патриотических переживаний зависит от характера военного конфликта. Если в эпоху Отечественной войны 1812 г. – общенациональной по своей сути – патриотизм не требовал сильной подпитки со стороны официальной пропаганды, то в годы Крымской войны официальный имперский дискурс играл важную роль в поддержании патриотических настроений общества. На этом этапе общество проявляет лояльность к власти, однако недостаток актуальной и полной информации, полученной из официальных источников, постепенно приводит к кризису, наиболее ярко проявившемуся в фазе «шока»: появляется недовольство действиями власти. Кратковременная фаза «шока» сменяется новым, более интенсивным, нежели на начальном этапе, патриотическим подъемом. На этом этапе между властью и обществом обозначаются своеобразные отношения сопричастности. После завершения военных действий патриотический подъем трансформируется в модернизационную волну, которую власть может или погасить (как было после Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии), или «оседлать» (как было после завершения Восточной кампании).

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20015. <https://rscf.ru/project/22-18-20015/>. Russian Science Foundation, сокращенное наименование – RSF. Ссылка на информацию о проекте: <https://rscf.ru/en/project/22-18-20015/>.

Литература

Артамонова, 2017 – Артамонова Л.М. Отклики на Крымскую войну 1853–1856 гг. В учебных заведениях Поволжья и Урала: оказание помощи морякам и их семьям // *Известия вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2017. № 3(43). С. 5-16.

Бабкин, 1962 – Бабкин В.И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М.: Соцэкгиз, 1962. 212 с.

Белоусов, 2012 – Белоусов С.В. «Куда пятишься, Барклай проклятый!»: официальная информация и слухи в российской провинции в 1812 году // *Родина*. 2012. № 6. С. 84-87.

Белоусов, 2016 – Белоусов С.В. Пензенская губерния в «эпоху Отечественной войны 1812 г.» Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2016. 309 с.

Беляев, 1990 – Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережившем. Красноярск, 1990. 379 с.

Выжимов, 2007 – Выжимов Е.Д. «Тамбовские губернские ведомости» как источник изучения патриотической деятельности жителей губернии в период Крымской войны 1853–1856 гг. // *Вестник ТГУ*. 2007. № 2. С. 129-131

Гурьев, 2017 – Гурьев Е.П. Войны российской империи в системе количественных признаков феномена патриотизма // *Наука. Общество. Оборона*. 2017. № 1. С. 4.

ГАПО – Государственный архив Пензенской области.

Журнал..., 1855 – Журнал Министерства внутренних дел. Ч. 13. С. 243.

Вигель, 2003 – Вигель Ф.Ф. Записки. М.: Захаров, 2003. 608 с.

Певницкий, 1905 – Певницкий В.Е. Записки протоиерея Певницкого // *Русская старина*. 1905. Т. 123. № 8. С. 314-334.

Колпакова, 2021 – Колпакова О.В. Деятельность православного духовенства Пензенской епархии в годы Крымской войны // *Вестник военно-исторических исследований: Сб. науч. тр.* / Под ред. С.В. Белоусова. Вып. 13. Пенза: Изд-во ПГУ, 2022. С. 69-72.

Крот, Самыгин, 2014 – Крот М.Н., Самыгин П.С. Испытание Крымом: имперское сознание российского общества в эпоху Крымской войны 1853–1856 гг. и на современном этапе // *ИСОМ*. 2014. № 4. С. 21-27.

Вероломство..., 1992 – Круглый стол: Вероломство по плану. Чья победа? Лица или маски? // *Родина*. № 6–7. С. 36-39, 72-75, 133-137.

Кудрявцев, 2009 – Кудрявцев В.В. Крымская война в оценках русских западников // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»*. 2009. № 5. С. 7-10.

Кузнецов, 1998a – Кузнецов Е.Г. Благотворительные пожертвования жителей Пензенской губернии в годы Крымской войны 1853–1856 гг. // *Краеведение*. 1998. № 1–2. С. 12-13.

Кузнецов, 1998b – Кузнецов Е.Г. Пензенское ополчение времен Крымской войны (1853–1856) // *Краеведение*. 1998. № 3–4. С. 35-37.

Кузнецов, 2004 – Кузнецов Е.Г. Деятельность Православной церкви Пензенской губернии в годы Крымской войны 1853–1856 гг. // *Краеведение*. 2004. № 1. С. 50-55.

К чести..., 1988 – К чести России. Из частной переписки 1812 года. М.: Современник. 240 с.

Мере, 2022 – Мере А.Р. «Нескончаемая череда обедов, балов и концертов...»: светская жизнь пензенского общества в годы Крымской войны 1853–1856 гг. / Теория и практика изучения истории городских и сельских населенных пунктов: Сборник материалов Всероссийских краеведческих чтений, посвященных 100-летию со дня рождения С.О. Шмидта. Институт регионального развития Пензенской области. Пенза, 2022. С. 272-276.

Жемчужников, 2009 – Жемчужников Л.М. Мои воспоминания из прошлого. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2009. 656 с.

Носков, 2002 – Носков В.В. Крымская война и развитие славянофильской философии истории // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2002. № 2–2. С. 103-119.

ПГВ – Пензенские губернские ведомости.

Петерсон, 2002 – Петерсон Г.П. Исторический очерк Керенского края. Пенза, 2002. 96 с.

ПСЗ, 1830 – Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., 1830. Т. XXXII. № 25195.

Пономарев, 2016 – Пономарев В.И. К вопросу о рекрутских наборах в Пензенской губернии в годы Крымской войны // *Известия Смоленского государственного университета*. 2016. № 3(35). С. 269-276.

Самохин, 2018 – Самохин И.В. Войны в истории политической модернизации Российского государства XVIII – первой половины XX // *Манускрипт*. 2018. № 12–2. С. 253-263.

Самохин, 2020 – Самохин И.В. Крымская война как фактор изменения ментальных установок российского социума во второй половине XIX в.: модернизация или протомодернизация (методологический анализ) // *Манускрипт*. 2020. № 13–2. С. 82-89.

Троицкий, 1988 – Троицкий Н.А. 1812: Великий год России. М., 1988. 348 с.

- Юревич, 2016 – Юревич А.В. Психологические аспекты патриотизма // *Прикладная юридическая психология*. 2016. № 1. С. 5-21.
- Lake, 1856 – Lake H.A. Kars and our captivity in Russia: with letters from Sir W. F. Williams, major Teesdale, and the late captain Thompson. London: R. Bently, 1856. 367 p.
- Krot et al., 2017 – Krot, M.N., Chernitsyn, S.V., Zav'yalova, O.O. (2017). The Crimean War of 1853 – 1856 as a Factor of the Modernization Turn in Russia // *Bylye gody*. 2017. 43(1): 103-111.

References

- Artamonova, 2017 – Artamonova, L.M. (2017). Otkliki na Krymskuyu voinu 1853-1856 gg. V uchebnykh zavedeniyakh Povolzh'ya i Urala: okazanie pomoshchi moryakam i ikh sem'yam [Responses to the Crimean War of 1853-1856 In educational institutions of the Volga region and the Urals: assistance to sailors and their families]. *Izvestiya VUZov. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*. 3(43): 5-16. [in Russian]
- Babkin, 1962 – Babkin, V.I. (1962). Narodnoe opolchenie v Otechestvennoi voine 1812 goda [The People's Militia in the Patriotic War of 1812.]. M.: Sotsekgiz, 212 p. [in Russian]
- Belousov, 2012 – Belousov, S.V. (2012). «Kuda pyatish'sya, Barklai proklyaty!»: ofitsial'naya informatsiya i slukhi v rossiiskoi provintsii v 1812 godu ["Where are you going, Barclay the damned!": official information and rumors in the Russian province in 1812]. *Rodina*. 6: 84-87. [in Russian]
- Belousov, 2016 – Belousov, S.V. (2016). Penzenskaya guberniya v «epokhu Otechestvennoi voiny 1812 g.» [Penza province in the "era of the Patriotic War of 1812"]. Saransk: NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya, 309 p. [in Russian]
- Belyaev, 1990 – Belyaev, A.P. (1990). Vospominaniya dekabrista o perezhitom i perechuvstvovannom [Memoirs of the Decembrist about the experienced and felt]. Krasnoyarsk, 379 p. [in Russian]
- GAPO – Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti [The State Archive of the Penza region].
- Gur'ev, 2017 – Gur'ev, E.P. (2017). Voiny rossiiskoi imperii v sisteme kolichestvennykh priznakov fenomena patriotizma [Wars of the Russian Empire in the system of quantitative signs of the phenomenon of patriotism]. *Nauka. Obshchestvo. Oborona*. 1: 4. [in Russian]
- K chesti..., 1988 – K chesti Rossii. Iz chastnoi perezpiski 1812 goda [To the honor of Russia. From private correspondence of 1812]. M.: Sovremennik, 1988, 240 p. [in Russian]
- Kolpakova, 2021 – Kolpakova, O.V. (2021). Deyatel'nost' pravoslavnogo dukhovenstva Penzenskoi eparkhii v gody Krymskoi voiny [Activities of the Orthodox clergy of the Penza Diocese during the Crimean War]. *Vestnik voenno-istoricheskikh issledovaniy: sb. nauch. tr.* Pod red. S.V. Belousova. 13. Penza: Izd-vo PGU, pp. 69-72. [in Russian]
- Krot et al., 2017 – Krot, M.N., Chernitsyn, S.V., Zav'yalova, O.O. (2017). The Crimean War of 1853 – 1856 as a Factor of the Modernization Turn in Russia. *Bylye gody*. 43(1): 103-111.
- Krot, Samygin, 2014 – Krot, M.N., Samygin, P.S. (2014). Ispytanie Krymom: imperskoe soznanie rossiiskogo obshchestva v epokhu Krymskoi voiny 1853–1856 gg. i na sovremennom etape [The Test of Crimea: the Imperial Consciousness of Russian Society in the Era of the Crimean War of 1853-1856 and at the present stage]. *ISOM*. 4: 21-27. [in Russian]
- Kudryavtsev, 2009 – Kudryavtsev, V.V. (2009). Krymskaya voina v otsenkakh russkikh zapadnikov [The Crimean War in the assessments of Russian Westerners]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 5: 7-10. [in Russian]
- Kuznetsov, 1998a – Kuznetsov, E.G. (1998). Blagotvoritel'nye pozhertvovaniya zhitelei Penzenskoi gubernii v gody Krymskoi voiny 1853-1856 gg. [Charitable donations of residents of Penza province during the Crimean War of 1853-1856]. *Kraevedenie*. 1–2: 12-13. [in Russian]
- Kuznetsov, 1998b – Kuznetsov, E.G. (1998). Penzenskoe opolchenie vremen Krymskoi voine (1853–1856) [Penza militia during the Crimean War (1853–1856)]. *Kraevedenie*. 3–4: 35-37. [in Russian]
- Kuznetsov, 2004 – Kuznetsov, E.G. (2004). Deyatel'nost' Pravoslavnoi tserkvi Penzenskoi gubernii v gody Krymskoi voiny 1853-1856 gg. [Activity of the Orthodox Church of Penza Province during the Crimean War of 1853-1856]. *Kraevedenie*. 1: 50-55. [in Russian]
- Lake, 1856 – Lake, H.A. (1856). Kars and our captivity in Russia: with letters from Sir W.F. Williams, major Teesdale, and the late captain Thompson. London: R. Bently, 367 p.
- Mere, 2022 – Mere, A.R. (2022). «Neskonchaemaya chereda obedov, balov i kontsertov...»: svetskaya zhizn' penzenskogo obshchestva v gody Krymskoi voiny 1853–1856 gg. [“An endless series of dinners, balls and concerts...”: the social life of Penza society during the Crimean War of 1853–1856]. *Teoriya i praktika izucheniya istorii gorodskikh i sel'skikh naseleennykh punktov: sbornik materialov Vserossiiskikh kraevedcheskikh chtenii, posvyashchennykh 100-letiyu so dnya rozhdeniya S.O. Shmidta. Institut regional'nogo razvitiya Penzenskoi oblasti*. Penza. Pp. 272-276. [in Russian]
- Noskov, 2002 – Noskov V.V. (2002). Krymskaya voina i razvitie slavyanofil'skoi filosofii istorii [The Crimean War and the Development of the Slavophile Philosophy of History]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 2–2: 103-119. [in Russian]
- Peterson, 2002 – Peterson, G.P. (2002). Istoricheskii ocherk Kerenskogo kraya [Historical sketch of the Kerensky region]. Penza, 96 p. [in Russian]

- Pevnitskii, 1905** – Pevnitskii, V.E. (1905). Zapiski protoiereya Pevnitskogo [Notes of Archpriest Pevnitsky]. *Russkaya starina*. 123(8): 314-334. [in Russian]
- PGV** – *Penzenskie gubernskie vedomosti* [Penza provincial Vedomosti]. [in Russian]
- Ponomarev, 2016** – Ponomarev, V.I. (2016). K voprosu o rekrutskikh naborakh v Penzenskoi gubernii v gody Krymskoi voiny [On the issue of recruitment in the Penza province during the Crimean War]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3(35): 269-276. [in Russian]
- PSZ, 1830** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii s 1649 g. [The Complete Collection of laws of the Russian Empire since 1649]. SPb, 1830. T. XXXII. № 25195. [in Russian]
- Samokhin, 2018** – Samokhin, I.V. (2018). Voiny v istorii politicheskoi modernizatsii Rossiiskogo gosudarstva XVIII – pervoi poloviny XX [Wars in the History of Political Modernization of the Russian State XVIII – the first Half of XX]. *Manuskript*. 12-2: 253-263. [in Russian]
- Samokhin, 2020** – Samokhin, I.V. (2020). Krymskaya voina kak faktor izmeneniya mental'nykh ustanovok rossiiskogo sotsiama vo vtoroi polovine XIX v.: modernizatsiya ili protomodernizatsiya (metodologicheskii analiz) [The Crimean War as a factor of changing the mental attitudes of Russian Society in the second half of the XIX century: modernization or protomodernization (methodological analysis)]. *Manuskript*. 13-2: 82-89. [in Russian]
- Troitskii, 1988** – Troitskii, N.A. (1988). 1812: Velikii god Rossii [1812: Great Year of Russia]. M., 348 p. [in Russian]
- Verolomstvo..., 1992** – Kruglyi stol: Verolomstvo po planu. Ch'ya pobeda? Litsa ili maski? [Round table: Perfidy according to plan. Whose victory? Faces or masks?]. *Rodina*. 6-7: 36-39, 72-75, 133-137. [in Russian]
- Vigel', 2003** – Vigel', F.F. (2003). Zapiski [Notes]. M.: Zakharov, 608 p. [in Russian]
- Vyzhimov, 2007** – Vyzhimov, E.D. (2007). «Tambovskie gubernskie vedomosti» kak istochnik izucheniya patrioticheskoi deyatel'nosti zhitelei gubernii v period Krymskoi voiny 1853-1856 gg. ["Tambov Provincial Vedomosti" as a source for studying the patriotic activities of the inhabitants of the province during the Crimean War of 1853-1856]. *Vestnik TGU*. 2: 129-131. [in Russian]
- Yurevich, 2016** – Yurevich, A.V. (2016). Psikhologicheskie aspekty patriotizma [Psychological aspects of patriotism]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*. 1: 5-21. [in Russian]
- Zhemchuzhnikov, 2009** – Zhemchuzhnikov, L.M. (2009). Moi vospominaniya iz proshlogo [My memories from the past]. M.: Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh, 656 p. [in Russian]
- Zhurnal..., 1855** – *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del* [Journal of the Ministry of Internal Affairs] Ch. 13. P. 243. [in Russian]

«Докажем, докажем, граждане, что мы россы...»: проблема патриотизма во время Отечественной войны 1812 г. и Крымской войны (на примере Пензенской губернии)

Сергей Владиславович Белоусов ^{a, *}, Ольга Васильевна Колпакова ^a, Анастасия Романовна Мере ^a

^a Пензенский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на примере материалов Пензенской губернии исследуются тенденции бытования патриотического сознания населения российской провинции в годы Отечественной войны 1812 г. и Крымской войны 1853–1856 гг. Работа базируется на материалах Государственного архива Пензенской области, данных периодической печати («Пензенские губернские ведомости»), а также на сведениях, содержащихся в различных эго-источниках (письмах и воспоминаниях). На основе выявленных закономерностей трансформации различных компонентов патриотизма населения российской провинции выделяются три фазы, различные по своему характеру, временной протяженности и интенсивности патриотического подъема. Первая фаза, связанная с началом войны, характеризуется патриотическим подъемом, стабильность и интенсивность которого зависят от характера войны, определяющего ценностное отношение населения. Условия Отечественной войны 1812 г. и Крымской войны отличаются недостатком актуальной информации о ходе боевых действий, в связи с чем получение известий о неудачах русской армии приводят к кризису – кратковременной фазе «шока», сменяющейся затем интенсивным патриотическим подъемом, потенциал которого после завершения боевых действий и окончания войны преобразуется в модернизационную волну.

Ключевые слова: патриотизм, Отечественная война 1812 г., Крымская война 1853–1856 гг., региональная идентичность, Пензенская губерния.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sergbel_1812@mail.ru (С.В. Белоусов), al.olga3443@yandex.ru (О.В. Колпакова), anamere@mail.ru (А.П. Мере)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1693-1703
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1693

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Periodicals of the Russian Empire beginning XIX century as a Source on the History of Siberian Art

Natalia P. Koptseva ^a, Ksenia A. Degtyarenko ^a, Yulia N. Menzhurenko ^{a, *},
 Daria S. Pchelkina ^a

^a Siberian Federal university, Russian Federation

Abstract

The article provides a source analysis of the publication «Siberian Bulletin» (the initiator of the publication and its editor – G.I. Spassky), published in St. Petersburg in 1818–1824 and including information on the history, archeology and ethnography of Siberia. The basis of the research was the articles of G.I. Spassky, V.V. Dmitriev (as well as anonymous publications) in the issues of 1818. The Siberian Bulletin refers to the monuments of culture and art of the ancient peoples of Siberia, which are represented by inscriptions, inscriptions, images on stones, from mounds or graves, from ruins, heterogeneous buildings and military fortresses; from the remains of mining operations. Also, the authors of the publication consider them historical and anthropological sources for the knowledge of man, the way of life of that time period. The publication under study has significance in connection with the activities of its authors in the study and description of samples of the culture of ancient Siberia. "Siberian Bulletin" as a historical source contains unique factual and descriptive information about early examples of ancient Siberian art, as well as its primary processing, classification of objects.

Keywords: periodical press, Russian Empire, Siberia, Siberian art.

1. Введение

В начале XIX века в общественном сознании Российской империи активно формируется образ Сибири, на что активно влияла также художественная литература. И Сибирь виделась как бескрайнее пространство, чей образ постепенно приобретал устоявшиеся черты экзотического дикого отдаленного края с северной суровой природой, обладающего неистребимыми запасами ресурсов, населенного сильными людьми. Подобный образ повлиял на растущий интерес к Сибири со стороны исследователей, которых привлекали история, фольклор, языковые особенности, многонациональный состав территории, т.е. этнографические и культурные факты. Одними из важнейших субъектов исследования Сибири становятся авторы периодической печати. Материалы по «сибирской тематике» появляются на страницах как столичной, так и провинциальной прессы. Анализ древнего сибирского искусства не был ранее исследован учеными, занимающимися историческими источниками, в связи с чем представляется важным изучить данный аспект в контексте культурного освоения Сибири в Российской империи.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковой базой статьи выступили выпуски издания «Сибирский вестник» за 1818 г., выходящего в Санкт-Петербурге в 1818–1824 гг.

2.2. В основе исследования лежит подход, в рамках которого издания периодической печати выступают историческими документами наравне с законодательной и делопроизводственной

* Corresponding author

E-mail addresses: yulia-avdeeva2406@mail.ru (Yu.N. Menzhurenko)

документацией, литературными памятниками и научными трудами, политико-публицистическими произведениями и источниками личного происхождения (Рышков, 2010). Журналы и другие виды изданий рассматриваются как источники, которые обладают достаточной степенью содержательности и историчности сведений (Данилевский и др., 2004). Методологической основой исследования стал источниковедческий анализ и историко-культурный системный подход.

3. Обсуждение

В современном отечественном искусствознании практически отсутствует опыт комплексного исследования процесса становления и развития художественной и архитектурно-градостроительной культуры на территории Сибири. Исключение составляет работа искусствоведа Г.Г. Гурьяновой, которая представила обоснование и содержание историографических этапов исследования древнего и средневекового искусства Сибири, начиная с XVII века (Гурьянова, 2000).

Исследования разных аспектов древнесибирского искусства представлены следующими работами: историография искусства (Боровка, 1931; Познанский, Ларичев, 1997), становление и развитие сибирской живописи (Ковтун, 1995; Ситникова, 2022), скульптура (Мошинская, 1976), культовые изделия из керамики и их орнамент (Чиндина, 1984), гравировки на металлических изделиях эпохи раннего железа (Казанцева, Чемякин, 1999), фольклор, наскальное искусство (Абсалямов, 1997; Лещинская, 2021), археологические памятники (Китова, 1993), старинные каменные строения (Абрамов, 1864), сибирское иконописание (Абрамов, 1859; Велижанина, 1987; Гольнец, 1988).

Современные ученые занимаются исследованиями древнейшего сибирского бытового и культового искусства (Порхунев и др., 2010; Лбова и др., 2019), его форм и строения (Федорова, 2014), стилистических и территориальных его особенностей (Бобров, Моор, 2019; Есин и др., 2019), архаического и традиционного искусства народов Сибири как источника в создании образцов современного искусства (Купченко, 2015), гравировок на металлических изделиях (Федорова, 2014); наскального искусства (Заика, 2009; Тарасова, Смолина, 2021), Шишанских писаниц (Мельникова и др., 2011; Мельникова и др., 2012); орнамента (Татауров, Лебедева, 2016), ювелирно-камнерезного искусства (Лобацкая, 2018), архитектуры (Туманик, 2013) и скульптуры (Морозов, 2010).

4. Результаты

4.1. Общая характеристика журнала

Периодическое издание «Сибирский вестник» – первый краеведческий журнал Российской империи, издававшийся в Санкт-Петербурге в период 1818–1824 гг. С 1825 по 1827 гг. журнал выходил под названием «Азиатский вестник». Его создателем и редактором был Григорий Иванович Спасский – горный инженер, знаток истории, археологии Сибири.

Тематика публикаций была определена исторической областью изучения Сибири и раскрывалась в ее географических и территориальных описаниях, в отчетах о путешествиях, летописях, этнографических материалах, а также в описаниях древнего искусства Сибири.

4.2. Материалы по истории древнего сибирского искусства в периодическом издании «Сибирский вестник»

В рамках данного исследования в качестве источниковедческой базы были взяты 1-я, 2-я, 3-я, 4-я части журнала «Сибирский вестник» за 1818 год, где опубликованы материалы под авторством Г.И. Спасского, а также В.В. Дмитриева. Были и анонимные публикации.

В выбранных выпусках имеются следующие разделы: «Картина Сибири» (только в первой части), «Путешествия по Сибири» (отсутствует только во второй части), «Древности Сибири», «Изображение обитателей Сибири» и «Смесь» (только в первой и второй частях), «Собрание сведений о Сибири и странах, сопредельных оной» (отсутствует только в первой части).

В первой части журнала «Сибирский вестник» за 1818 год Г.И. Спасский открывает раздел «Древности Сибири» (Сибирский вестник, 1818. 1: 67-70), акцентирует внимание на памятниках культуры и искусства древних народов Сибири, способных «осветить исторический мрак древности – познать нравы и умственную способность людей тех глубоких времен и наконец достигнуть познания сходства их по сходству климата» (Сибирский вестник, 1818. 1: 67): «Народы исчезли, скрылись от наблюдательного ока истории, и существование их осталось почти в одних только оных памятниках, доселе сохранившихся от истребительной косы времени» (Сибирский вестник, 1818. 1: 69). Автор сравнивает некоторые древние памятники Сибири с памятниками Нового Света, описание которых было зафиксировано путешественниками.

Состав древних памятников определен из «начертаний и надписей; из курганов, или могил; из развалин, разнородных зданий и военных крепостей; из остатков горных работ, или так называемых Чудских копей, произведенных для добычи руд, и из других предметов» (Сибирский вестник, 1818. 1: 69), примеры которых представлены в журнале.

Так, в статье «О древних Сибирских начертаниях и надписях» (Сибирский вестник, 1818. 1: 71-85) раскрыты особенности изображений, выполненных на камне. Сибирские же «начертания» «представляют изображения людей, разных животных, луки, колчаны и другие подобные сим вещи и

суть следствия умопроизведения простого, необразованного народа, сходного в обыкновениях жизни с настоящими сего края кочевыми обитателями» (*Сибирский вестник*, 1818. 1: 71-72), отмечена труднодоступность расположения наиболее древних памятников – «по ужасной и почти неприступной крутизне многих утесов» (*Сибирский вестник*, 1818. 1: 72).

В качестве примера автор приводит описания конкретных памятников. Например, «начертания или изсечения на так называемом писаном камне, лежащем над рекою Томью повыше города Томска» (*Сибирский вестник*, 1818. 1: 72): «сей камень или утес состоит из зеленоватого сланца; высота его простирается до 10 сажень. – Начертания находятся на гладких сторонах камней и на высоте от подошвы утеса самые верхние почти в 6 сажнях. <...> Нижняя часть утеса на двухсаженной высоте выходит уступом, или по местному названию *залавком*, на котором, стоя, ясно можно видеть начертания» (*Сибирский вестник*, 1818. 1: 72-73) (*Рисунок 1*):

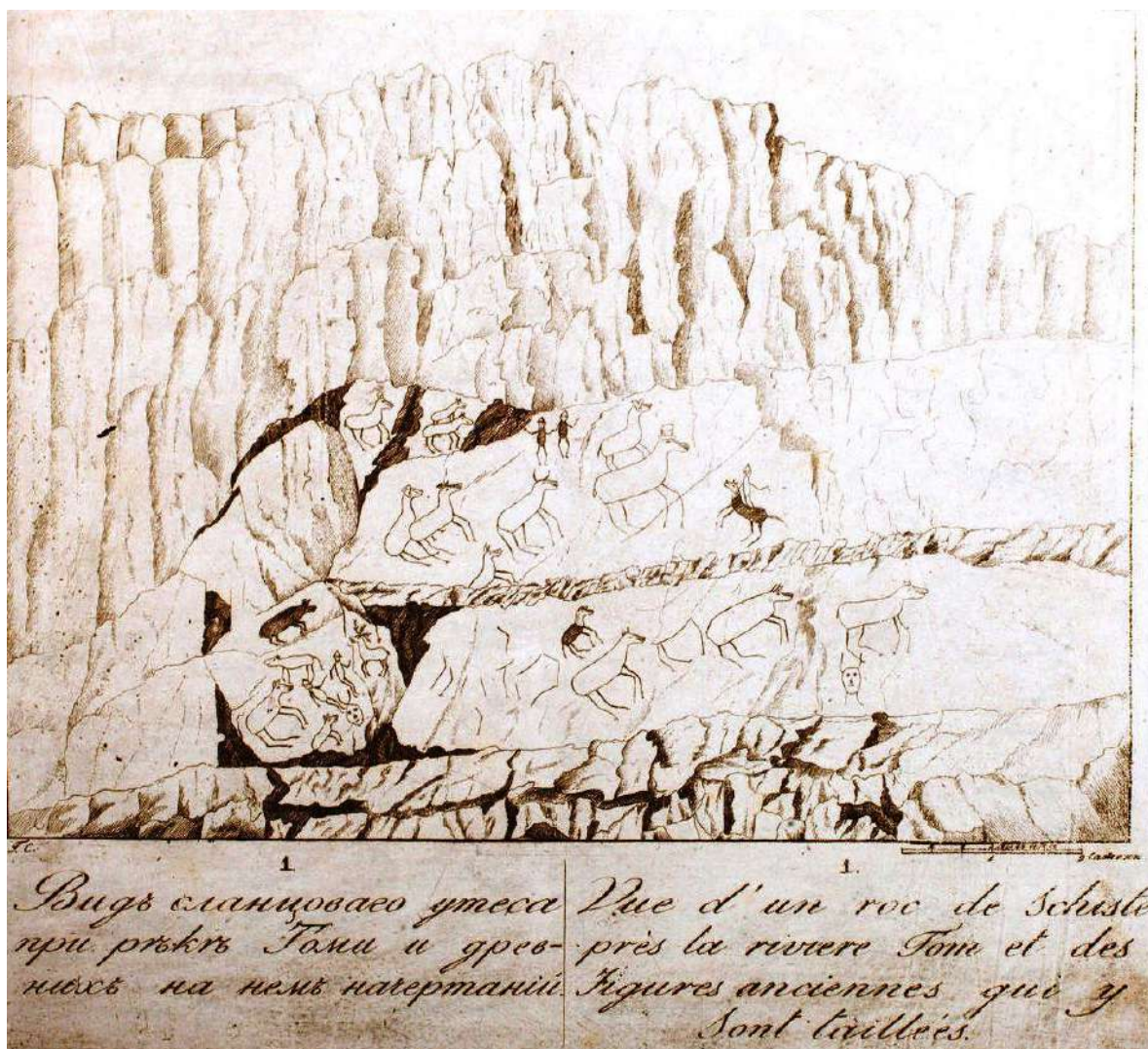

Рис. 1. Изображение начертаний на утесе у реки Томь

В других примерах начертаний присутствуют высеченные знаки, напоминающие очертания букв, обнаруженные на утесах, камнях у курганов, на старинных могилах (*Сибирский вестник*, 1818. 1: 76-78): «Если сие начертания действительно заключают в себе письмена, а не какие-либо условные и заручительные знаки, употребление которых донныне сохранилось между кочующими в Сибири народами под именами Тамги и Тавра, также и у обитающих в других местах народов: то не лучше ли искать источник оных не в Рунических Цельтских и тому подобных, но в древних и новых письменах Восточных?» (*Сибирский вестник*, 1818. 1: 80). Спасский считает надписи одной из разновидностей памятников культуры и искусства древних народов Сибири. В первом случае это надписи, обнаруженные «над речкою Смолянкою, в Иртыш впадающую, в одной версте от ее устья и в 45 верстах от Устькаменогорской крепости» (*Сибирский вестник*, 1818. 1: 81), выполненные «красной краской», и они «не представляют никакого сходства с известными буквами и, кроме древности своей и необыкновенного вида, важны тем еще, что встречаются гораздо реже иссеченных на камнях начертаний» (*Сибирский вестник*, 1818. 1: 81) (*Рисунок 2*):

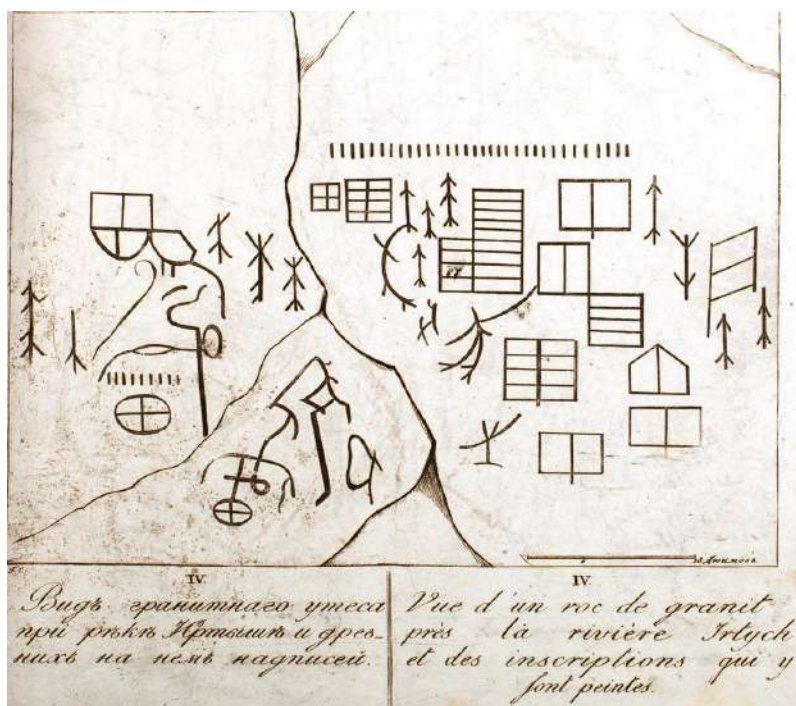

Рис. 2. Изображение надписей на гранитном утесе у реки Иртыш

В следующих примерах автор приводит надписи, «в которых с первого взгляда усмотреть можно нынешние Восточные буквы» (*Сибирский вестник*, 1818. 1: 81). С одной стороны, это также надписи на утесе (у «реки Енисей против Абаканского острога, называемого Перевозною горою») (*Сибирский вестник*, 1818. 1: 81-82), выполненные черной краской. С другой – надписи «близ входа в пещеру на правой ее стороне» (*Сибирский вестник*, 1818. 1: 83) – «одной из пещер на правом берегу реки Бухтармы близ соединения оной с Иртышом и в 12 верстах от Бухтарминской крепости» (*Сибирский вестник*, 1818. 1: 82). Автор доказывает принадлежность надписей «Восточному письму»: все надписи «писаны сверху вниз, от левой к правой руке, по образцу Монгольского и Манжурского письма; 2 буквы в них состоят из смеси Монгольских с Татарскими, которые изображены не искусно и даже грубо» (*Сибирский вестник*, 1818. 1: 83). Спасский полагает, что время создания предшествовало процессу «покорения Сибири Русскими» (*Сибирский вестник*, 1818. 1: 84).

В публикации «О Сибирских древних курганах» во второй части журнала «Сибирский вестник» (*Сибирский вестник*, 1818. 2: 147-177) описаны памятники, «известные под именем Чудских курганов, или могил» (*Сибирский вестник*, 1818. 2: 147), расположенные на территории Южной Сибири, «на покатосях Саянских и Алтайских гор» (*Сибирский вестник*, 1818. 2: 147). Отмечена специфика камней, расположенных у курганов, зачастую представленных, например, гранитом, порфиром, яшмой; несоответствие в ряде случаев состава камней составу местных горных пород, и, как следствие, доставка каменных глыб из отдаленных мест. Габариты некоторых камней – «длины до 1,5 сажени, ширины 2 аршина и около аршина толщины: которых кубический вес составит до 200 пудов» (*Сибирский вестник*, 1818. 2: 149). Выделена некая разновидность таких памятников: «На некоторых курганах встречаются камни, отесанные наподобие истуканов, также с начертаниями лиц человеческих, животных и других предметов» (*Сибирский вестник*, 1818. 2: 149) (Рисунки 3 и 4).

Например, «песчаниковые камни, стоявшие также на кургане, <...> первый из них называют кочующие *киджи ташь* (мужчина камень). На верхней его стороне высечено грудное изображение мужчины, держащего в левой руке чашку, подобную жертвенным (цеце), <...> на правом боку сего камня приметны начертанные два человеческие образа: один на лошади и вооружен копьем с значком, разделенным на три лопасти, другой пеший с огромным луком, за ним двугорбый верблюд; на левом боку против самой головы копье с таким же значком, ниже его птица, потом некоторое животное и младенец с чашкою в руках. – Сверх того по обе стороны головы начертаны уши. Другой камень, называют кочующие *кысь ташь* (девица камень). На верхней его стороне высечено грудное изображение женщины; на правом боку по порядку начертаны двугорбый верблюд, младенец, имеющий острую на голове шапочку и опять верблюд; на левом же несколько верблюдов сряду один за другим, <...> песчаниковый камень, с высеченною на нем продолговатую личиною, занимающую почти половину онаго. Рядом с ним поставлены две каменные плиты одинаковой величины, но без всяких начертаний» (*Сибирский вестник*, 1818. 2: 150-152).

Подобную специфику имеют памятники Алтайских гор: «сланцовый камень, стоящий на кургане, <...> представляет нагую женщину с чашкою в руках, изсеченную с особенным, против других здешних истуканов, рачением и искусством» (*Сибирский вестник*, 1818, 2: 152-153); камень «из гранита и представляет как бы воина, держащего в правой руке чашку, в левой меч» (*Сибирский вестник*, 1818. 2: 153).

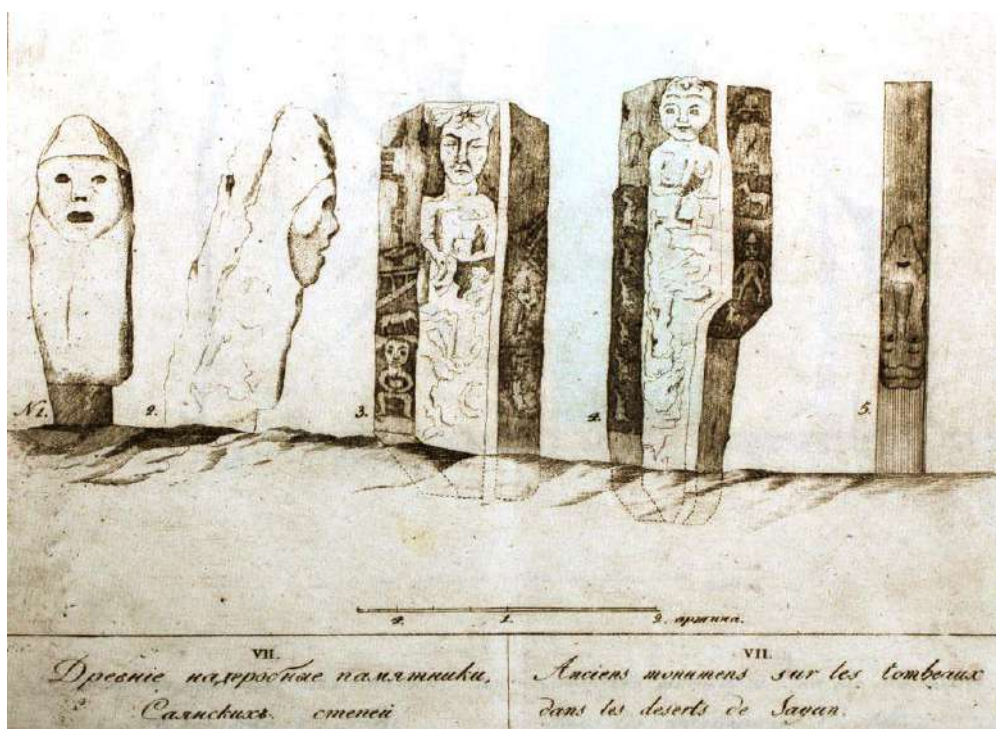

Рис. 3. Изображение надгробных памятников Саянских степей

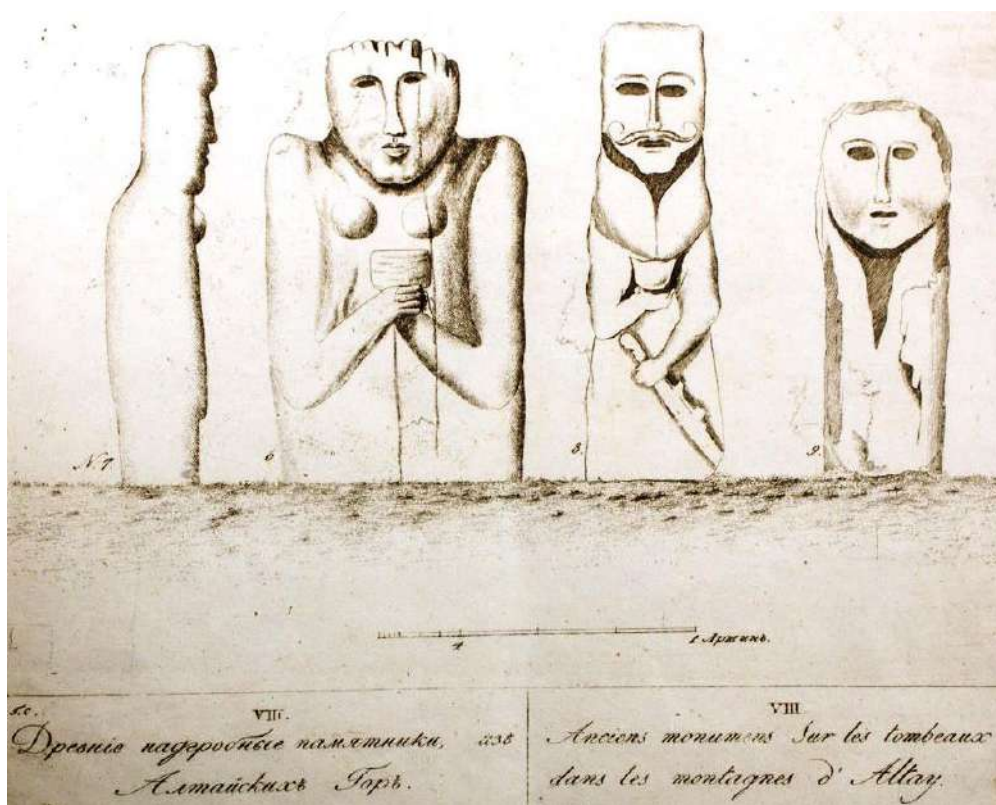

Рис. 4. Изображение надгробных памятников в Алтайских горах

Сами курганы подразделялись на «Чудские и Киргизские. <...> Чудскими называли они те, которые отличаются большими насыпями и камнями, а Киргизскими, не имеющие сих памятников и других некоторых признаков. В Чудских курганах находили они золотые, серебряные и медные вещи, <...> встречались также и небольшие сосуды серебряные, золотые и серебряные запястья, ожерелья, кольца, <...> сверх того вещи, похожие на оленей, птиц и других животных, <...> из меди находимы были котлы, сосуды, кувшины, чаши, топоры, ножи разных видов, кинжалы, молоты, кирки и принадлежащие к платью и конской сбруе разные безделки; изредка попадались драгоценные искусно ограненные камни, муравленые и простые глиняные сосуды» ([Сибирский вестник, 1818. 2: 158-160](#)). Предметы, найденные на территории Саян и Алтая, искусно выполнены: «все находимые по Енисею орудия и украшения показывают гораздо большее искусство и великолепие, а по Иртышу найденные кинжалы и орудия тяжелы и грубой работы, без всякого украшения» ([Сибирский вестник, 1818. 2: 173](#)).

Что касается источников происхождения данных предметов, Спасский делает предположение о местном производстве: «Когда же оные предприимчивые народы умели отыскивать руды, обрабатывать их и даже выплавлять металлы: то почему не приписать им и того, чтобы из получаемых металлов делали они сами для себя и вещи. Не показывают ли самые металлические произведения их всегда вкуса Азиатского? Один взгляд на вырытые из курганов вещи может в том удостоверить» ([Сибирский вестник, 1818. 2: 176-177](#)).

В статье «О древних развалинах в Сибири» ([Сибирский вестник, 1818. 3: 52-107](#)) автор обращает внимание на древние сооружения, городища, которые к современному ему времени практически полностью перестали существовать. В большей части описания бывших строений составлены по данным ученых, путешественников, полученных ранее: Паллас, Миллер и др. Несмотря на многочисленные описания древних строений, памятники искусства прослеживаются слабо и в большей степени относятся к религиозным сооружениям: «Все найденные в Аблайкиде произведения живописи изображены главными только красками, без всякого различия света и тени. Достойно примечания, что большая часть голов окружена была лучами» ([Сибирский вестник, 1818. 3: 71](#)).

Публикация «Памятники древности в Сибири северной и восточной» ([Сибирский вестник, 1818. 4: 108-123](#)) так или иначе обобщает в себе описания разных типов памятников древности – надписи на камнях, развалины и др. При этом автором подчеркнута скудность памятников древности северных территорий (которые больше говорят об историко-культурной специфике проживающих там народов) по отношению к более южным.

5. Заключение

Таким образом, проанализированные материалы первых четырех частей журнала «Сибирский вестник» за 1818 год позволяют зафиксировать определенную историческую очередность возникновения и развития древнего сибирского искусства, его региональную специфику и уникальность. И это позволяет выстраивать возможные исторические, этнокультурные, экономические связи среди народов, населяющих в древности территорию Сибири и соседние территории, а также исследовать возможные пересечения с народами Сибири, населяющими это территорию в современное автору время и сегодня.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта «Формирование модели организации и устойчивого функционирования сельского хозяйства на основе видов традиционного природопользования коренных народов севера Красноярского края в комплексе видов деятельности (оленоводство, охота, рыбная ловля, собирательство, первичная и (или) промышленная переработка) при поддержке Краевого государственного автономного учреждения «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности».

The work was carried out within the framework of the project "Formation of a model for the organization and sustainable functioning of agriculture based on the types of traditional nature management of the indigenous peoples of the north of the Krasnoyarsk Territory in a complex of activities (reindeer herding, hunting, fishing, gathering, primary and (or) industrial processing)" with the support of the Regional State Autonomous Institution "Krasnoyarsk Regional Fund for Support of Scientific and Scientific and Technical Activities".

Литература

[Абрамов, 1859](#) – *Абрамов Н.А.* Старинные иконы в Тобольской епархии // *Известия Императорского археологического общества*. Т. 1. СПб., 1859. С. 352-357.

[Абрамов, 1864](#) – *Абрамов Н.А.* О старинных каменных строениях в Тобольске. ТГВ. № 45. 1864. 386 с.

[Абсалямов, 1997](#) – *Абсалямов М.Б.* Миф в древнем искусстве и культурах Сибири. Наскальное искусство Азии. Кемерово: Общество с ограниченной ответственностью «Авторское издательство Кузбассвузиздат», 1997. С. 44-52.

- Айналов, 1913** – Айналов Д.В. История русской живописи от XVI по XIX столетие. СПб., 1913. 100 с.
- Алексеев, 1932** – Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Т. 1. Иркутск, 1932. 368 с.
- Алексеев, 1974** – Алексеев В.Н. Рисунки «Истории Сибирской» С.У. Ремезова: проблемы атрибуции // *Древнерусское искусство: Рукописная книга*. Вып. 2. М., 1974. С. 175-196.
- Беднарик, Девлет, 1993** – Беднарик Р.Д., Девлет Е.Г. Проблемы сохранения древнего искусства Сибири / Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1993. С. 37-48.
- Бобров, Моор, 2019** – Бобров В.В., Моор Н.Н. Образ собаки в наскальном искусстве народов Южной Сибири и Монголии (эпоха бронзы и скифское время) // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2019. № 2(64). С. 128-139.
- Боровка, 1931** – Боровка Г.И. Искусство доисторическое / Сибирская советская энциклопедия. Т. 2. Новосибирск, 1931. С. 355-362.
- Васильевский, Дроздов, 1983** – Васильевский Р.С., Дроздов Н.И. Палеолитические скульптурные изображения из Восточной Сибири. Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск: Наука, 1983. С. 59-65.
- Васильчиков, 1872** – Васильчиков А.И. О портретах Петра Великого. М., 1872. 126 с.
- Велижанина, 1987** – Велижанина Н.Г. К истории иконописания Западной Сибири // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. Новосибирск, 1987. С. 125-141.
- Голынец, 1988** – Голынец Г.В. Невьянская иконописная школа второй половины XVIII–XIX вв. и ее стилистические особенности // *Из истории художественной культуры Урала: Сб. науч. тр.* Свердловск, 1988. С. 32-44.
- Гурьянова, 2000** – Гурьянова Г.Г. К проблеме историографии древнего и средневекового искусства Западной Сибири. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2000. С. 38-40.
- Данилевский и др., 2004** – Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. М., 2004. 701 с.
- Дегтяренко, 2022** – Дегтяренко К.А., Менжуренко Ю.Н., Пчелкина Д.С., Шпак А.А. Древние художественные произведения Центральной Сибири // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2022. Т. 15. № 6. С. 799-810.
- Ерлих, 1989** – Ерлих В.А. Бронзовый век Западной Сибири. История исследований и идей. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1989. 19 с.
- Есин и др., 2019** – Есин Ю.Н., Магай Ж., Монна Ф., Ожередов Ю.И. Изображения верблюдов эпохи палеолита с реки Томь в Западной Сибири // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2019. № 2(64). С. 41-68.
- Жигаева, Жигаев, 2022** – Жигаева А.А., Жигаев И.Г. Классификация интертекстуальных связей произведений изобразительного искусства относительно статусов художественного образа // *Северные архивы и экспедиции*. 2022. Т. 6. № 2. С. 182-189.
- Заика, 2009** – Заика А.Л. Древнее наскальное искусство Приенисейской Сибири (общая характеристика). Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2009. С. 82-88.
- Казанцева, Чемякин, 1999** – Казанцева Т.П., Чемякин Ю.П. Гравировки на металлических изделиях эпохи раннего железа Приуралья и Западной Сибири. 120 лет археологии восточного склона Урала. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та. Ч. 1: Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. 1999. С. 103-111.
- Китова, 1993** – Китова Л.Ю. Изучение археологии Сибири эпохи палеометалла в 1920–1930-х гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1993. 22 с.
- Ковтун, 1995** – Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы на юге Западной Сибири (Нижнее Притомье и сопредельные регионы). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1995. 21 с.
- Купченко, 2015** – Купченко Л.А. Архаическое и традиционное искусство народов Сибири как творческий источник в создании современных изделий декоративно-прикладного искусства / *Сборник статей*. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2015. С. 120-124.
- Ларичев, Аннинский, 2005** – Ларичев В.Е., Аннинский Е.С. Древнее искусство: знаки, образы и Время. Медведь, мамонт и змеи в художественном творчестве палеолита Сибири (семантические реконструкции). Институт археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: Филиал «Гео» Издательства СО РАН, Издательский дом «Манускрипт», 2005. 113 с.
- Лбова и др., 2019** – Лбова Л.В., Казаков В.В., Жумадиллов К.Б. Информационная система «Древнейшее искусство Сибири и Дальнего Востока» – новый научно-образовательный ресурс в Новосибирском государственном университете // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология»*. 2019. Т. 18. № 5. С. 9-20.
- Лецинская, 2021** – Лецинская Н.М. Культурологические подходы к анализу произведений декоративно-прикладного искусства // *Северные архивы и экспедиции*. 2021. Т. 5. № 2. С. 9-15.

- [Лобацкая, 2018](#) – Лобацкая Р.М. Формирование архетипа пейзажа в ювелирно-камнерезном искусстве Восточной Сибири. Красноярск: Издательство Поликор, 2018. С. 33-38.
- [Лукина, 1984](#) – Лукина Н.В. Искусство и фольклор народов Западной Сибири. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 1984. 126 с.
- [Мельникова и др., 2011](#) – Мельникова Л.В., Николаев В.С., Демьянович Н.И. Шишкинская писаница. Иркутск: Изд-во Ин-та земной коры СО РАН, 2011. Т. 1. 426 с.
- [Мельникова и др., 2012](#) – Мельникова Л.В., Николаев В.С., Демьянович Н.И. Шишкинская писаница. Иркутск: Изд-во Ин-та земной коры СО РАН, 2012. Т. 2. 288 с.
- [Морозов, 2010](#) – Морозов А.В. К проблеме изучения искусства малых форм эпохи неолита – энеолита Сибири (на примере анализа образа медведя) // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2010. № 2(13). С. 12-19.
- [Мошинская, 1976](#) – Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.: Наука, 1976. 130 с.
- [Оглы, 1982](#) – Оглы Б.И. Иркутск: о планировке и архитектуре города. Иркутск: Иркутское книжное изд-во, 1982. 109 с.
- [Познанский, Ларичев, 1997](#) – Познанский Б.Ц., Ларичев В.Е. Статья доктора А. Сальмони о древнесибирском искусстве (1929 г.) // *Гуманитарные науки в Сибири*. 1997. № 3. С. 86-92.
- [Порхунов и др., 2010](#) – Порхунов Г.А., Воложанина Е.Е., Воложанин К.Ю. История Сибири: Хрестоматия. Омск: Изд-во ОмГПУ. 2010. 294 с.
- [Русакова, Миненко, 1987](#) – Русакова Л.М., Миненко Н.А. Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. АН СССР, Сибирское отделение, Институт истории, филологии и философии. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1987. 196 с.
- [Рынков, 2010](#) – Рынков В.М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // *Отечественные архивы*. 2010. № 3. С. 44-50.
- [Сибирский вестник, 1818](#) – Журнал «Сибирский вестник» 1818 года издания.
- [Ситникова, 2022](#) – Ситникова А.А. Северные экспедиции и образ Арктики в зарубежной живописи XIX века // *Северные архивы и экспедиции*. 2022. Т. 6. № 1. С. 240-249.
- [Сулоцкий, 1864](#) – Сулоцкий А.И. Описание наиболее чтимых икон, находящихся в Тобольской епархии. СПб., 1864. 170 с.
- [Тарасова, Смолина, 2021](#) – Тарасова М.В., Смолина М.Г. Произведения наскального искусства Южной Сибири: модель мироотношения // *Сибирский антропологический журнал*. 2021. Т. 5. № 4. С. 34-52.
- [Татауров, Лебедева, 2016](#) – Татауров С.Ф., Лебедева Ю.А. Изучение орнаментального искусства тюркоязычного населения Сибири // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. 2016. № 2(10). С. 94-101.
- [Туманик, 2013](#) – Туманик А.Г. Архитектура и изобразительное искусство Сибири XVIII – первой четверти XIX века // *Вестник ТГАСУ*. 2013. № 3. С. 76-87.
- [Федорова, 2014](#) – Федорова Н.В. Рисунки на металле: графическое искусство населения севера Западной Сибири и Предуралья // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2014. № 1(57). С. 90-99.
- [Федорова, 2014](#) – Федорова Н.В. Традиции в древнем и средневековом искусстве севера Западной Сибири // *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани*. Казань: Отечество, 2014. С. 111-113.
- [Ченченкова, 1995](#) – Ченченкова О.П. Древняя скульптура Западной Сибири. Автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. СПб., 1995. 26 с.
- [Чиндина, 1984](#) – Чиндина Л.А. Орнамент керамики степановских памятников. Искусство и фольклор народов Западной Сибири. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 1984. С. 30-51.
- [Koptseva et al., 2022](#) – Koptseva N.P., Degtyarenko K.A., Pchelkina D.S., Menzhurenko Yu.N. The Image of the North in Periodicals of the Russian Empire at the end of the XIX century // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 867-875.
- [Koptseva, Kirko, 2014](#) – Koptseva N.P., Kirko V.I. Post-Soviet practice of preserving ethnocultural identity of indigenous peoples of the North and Siberia in Krasnoyarsk Region of the Russian Federation // *Life Science Journal*. 2014. 11(7): 180-185.
- [Zamaraeva et al., 2019](#) – Zamaraeva Yu.S., Luzan V.S., Methyaeva S.V., Seredkina N.N., Koptseva N.P., Fil'ko A.I., Khrebtov M.Ya. Religion of the Evenki: History and Modern Times // *Journal of the Siberian Federal University. Humanities*. 2019. 12(5): 853-871.

References

- [Abramov, 1859](#) – Abramov, N. A. (1859). Starinnye ikony v Tobol'skoj eparhii [Antique icons in the Tobolsk diocese]. *Izvestiya Imperatorskogo arheologicheskogo obshchestva*. Т. 1. SPb, pp. 352-357. [in Russian]

- Abramov, 1864** – *Abramov, N.A.* (1864). O starinnyh kamennyh stroeniyah v Tobol'ske [About ancient stone buildings in Tobolsk]. TGV. 45. 386 p. [in Russian]
- Absalyamov, 1997** – *Absalyamov, M.B.* (1997). Mif v drevnem iskusstve i kul'turakh Sibiri [Myth in ancient art and cultures of Siberia]. Naskal'noe iskusstvo Azii. Kemerovo: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Avtorskoe izdatel'stvo Kuzbassvuzizdat", pp. 44-52. [in Russian]
- Ajnalov, 1913** – *Ajnalov, D.V.* (1913). Istoriya russkoj zhivopisi ot XVI po XIX stoletie [The history of Russian painting from the 16th to the 19th century]. SPb., 100 p. [in Russian]
- Alekseev, 1932** – *Alekseev, M.P.* (1932). Sibir' v izvestiyah zapadno-evropejskih puteshestvennikov i pisatelej [Siberia in the news of Western European travelers and writers]. Irkutsk. T 1. 368 p. [in Russian]
- Alekseev, 1974** – *Alekseev, V.N.* (1974). Risunki «Istorii Sibirskoj» S. U. Remezova: problemy atribucii [Drawings of S.U. Remezov's "History of the Siberian": problems of attribution]. *Drevnerusskoe iskusstvo: Rukopisnaya kniga*. Vyp. 2. Moskva, pp. 175-196. [in Russian]
- Bednarik, Devlet, 1993** – *Bednarik, R.D., Devlet, E.G.* (1993). Problemy sohraneniya drevnego iskusstva Sibiri [Problems of preservation of the ancient art of Siberia]. *Sovremennye problemy izucheniya petroglifov*. Kemerovo: Kemerovskij gosudarstvennyj universitet, pp. 37-48. [in Russian]
- Bobrov, Moor, 2019** – *Bobrov, V.V., Moor, N.N.* (2019). Obraz sobaki v naskal'nom iskusstve narodov YUzhnoj Sibiri i Mongolii (epoha bronzy i skifskoe vremya) [The Image of a Dog in the Rock Art of the Peoples of Southern Siberia and Mongolia (Bronze Age and Scythian Time)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2(64): 128-139. [in Russian]
- Borovka, 1931** – *Borovka, G.I.* (1931). Iskusstvo doistoricheskoe [Art prehistoric]. *Sibirskaya sovetskaya enciklopediya*. Novosibirsk, T. 2, pp. 355-362. [in Russian]
- Chenchenkova, 1995** – *Chenchenkova, O.P.* (1995). Drevnyaya skulptura Zapadnoj Sibiri [Ancient sculpture of Western Siberia]. Avtoreferat dis. ... kand. iskusstvovedeniya. SPb. 26 p. [in Russian]
- Chindina, 1984** – *Chindina, L. A.* (1984). Ornament keramiki stepanovskih pamyatnikov [Ornament of ceramics of Stepanovo monuments]. *Iskusstvo i fol'klor narodov Zapadnoj Sibiri*. Tomsk: Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet, pp. 30-51. [in Russian]
- Danilevskij et al., 2004** – *Danilevskij, I.N., Kabanov, V.V., Medushevskaya, O.M., Rumyancheva, M.F.* (2004). Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod [Source studies: Theory. History. Method]. M., 701 p. [in Russian]
- Degtyarenko et al., 2022** – *Degtyarenko, K.A., Menzhurenko, Yu.N., Pchelkina, D.S., Shpak, A.A.* (2022). Drevnie hudozhestvennye proizvedeniya Central'noj Sibiri [Ancient Works of Art of Central Siberia]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 15(6): 799-810. [in Russian]
- Dem'yanovich et al., 2008** – *Dem'yanovich, N.I., Mel'nikova, L.V., Nikolaev, V.S.* (2008). K voprosu o paleoliticheskikh izobrazheniyah na Shishkinskoj pisanice [On the issue of Paleolithic images on the Shishkinskaya Pisanitsa]. *Izvestiya laboratorii drevnih tekhnologij*. 6(1): 133-144. [in Russian]
- Erlih, 1989** – *Erlih, V.A.* (1989). Bronzovyj vek Zapadnoj Sibiri. Istoriya issledovanij i idej [Bronze Age of Western Siberia. History of research and ideas]. Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. Kemerovo. 19 p. [in Russian]
- Esin et al., 2019** – *Esin, Yu.N., Magaj, Zh., Monna, F., Ozheredov, Yu.I.* Izobrazheniya verblyudov epohi paleolita s reki Tom' v Zapadnoj Sibiri [Images of Paleolithic camels from the Tom River in Western Siberia]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2(64): 41-68. [in Russian]
- Fedorova, 2014** – *Fedorova, N.V.* (2014). Risunki na metalle: graficheskoe iskusstvo naseleniya severa Zapadnoj Sibiri i Predural'ya [Drawings on metal: graphic art of the population of the north of Western Siberia and the Urals]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 1(57): 90-99. [in Russian]
- Fedorova, 2014** – *Fedorova, N.V.* (2014). Traditsii v drevnem i srednevekovom iskusstve severa Zapadnoj Sibiri [Traditions in the Ancient and Medieval Art of the North of Western Siberia]. *Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Kazani*. Kazan': Otechestvo, pp. 111-113. [in Russian]
- Goly nec, 1988** – *Goly nec, G.V.* (1988). Nev'yanskaya ikonopisnaya shkola vtoroj poloviny XVIII–XIX vv. i ee stilisticheskie osobennosti [Nev'yansk icon-painting school of the second half of the 18th – 19th centuries and its stylistic features]. *Iz istorii hudozhestvennoj kul'tury Urala: Sb. nauch. tr.* Sverdlovsk, pp. 32-44. [in Russian]
- Gur'yanova, 2000** – *Gur'yanova, G.G.* (2000). K probleme istoriografii drevnego i srednevekovogo iskusstva Zapadnoj Sibiri [To the problem of historiography of ancient and medieval art of Western Siberia]. *Pyatye istoricheskie chteniya pamyati Mihaila Petrovicha Gryaznova: Tezisy dokladov Vserossijskoj nauchnoj konferencii*. Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet im. F.M. Dostoevskogo, pp. 38-40. [in Russian]
- Kazantseva, Chemyakin, 1999** – *Kazantseva, T.P., Chemyakin, YU.P.* (1999). Gravirovki na metallicheskih izdeliyah epohi rannego zheleza Priural'ya i Zapadnoj Sibiri [Engravings on metal products of the Early Iron Age in the Urals and Western Siberia]. 120 let arheologii vostochnogo sklona Urala. Ch. 1: Iz istorii ural'skoj arheologii. Duhovnaya kul'tura Urala. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. un-ta., pp. 103-111. [in Russian]

Kitova, 1993 – *Kitova, L.Yu.* (1993). Izuchenie arheologii Sibiri epohi paleometalla v 1920-30-h gg. [Study of the archeology of Siberia in the Paleometallic era in the 1920-30s.]. Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. Kemerovo. 22 p. [in Russian]

Koptseva et al., 2022 – *Koptseva, N.P., Degtyarenko, K.A., Pchelkina, D.S., Menzhurenko, Yu.N.* (2022). The Image of the North in Periodicals of the Russian Empire at the end of the XIX century. *Bylye Gody*. 17(2): 867-875.

Koptseva, Kirko, 2014 – *Koptseva, N.P., Kirko, V.I.* (2014). Post-Soviet practice of preserving ethnocultural identity of indigenous peoples of the North and Siberia in Krasnoyarsk Region of the Russian Federation. *Life Science Journal*. 11(7): 180-185.

Kovtun, 1995 – *Kovtun, I.V.* (1995). Izobrazitel'nye tradicii epohi bronzy na yuge Zapadnoj Sibiri (Nizhnee Pritom'e i sopredel'nye regiony) [Visual Traditions of the Bronze Age in the South of Western Siberia (Lower Tom Region and Adjacent Regions)]. Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. Barnaul. 21 p. [in Russian]

Kupchenko, 2015 – *Kupchenko, L.A.* (2015). Arhaicheskoe i tradicionnoe iskusstvo narodov Sibiri kak tvorcheskij istochnik v sozdanii sovremennyh izdelij dekorativno-prikladnogo iskusstva [Archaic and traditional art of the peoples of Siberia as a creative source in the creation of modern products of arts and crafts]. *Sbornik statej*. Novosibirsk: Novosibirskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, pp. 120-124. [in Russian]

Larichev, Anninskij, 2005 – *Larichev, V.E., Anninskij, E.S.* (2005). Drevnee iskusstvo: znaki, obrazy i Vremya. Medved', mamont i zmei v hudozhestvennom tvorchestve paleolita Sibiri (semanticheskie rekonstrukcii) [Ancient Art: Signs, Images and Time. Bear, mammoth and snakes in the art of the Paleolithic of Siberia (semantic reconstructions)]. Institut arheologii i etnografii SO RAN. Novosibirsk: Filial «Geo» Izdatel'stva SO RAN, Izdatel'skij dom «Manuskript», 113 p. [in Russian]

Lbova et al., 2019 – *Lbova, L.V., Kazakov, V.V., Zhumadilov, K.B.* (2019). Informacionnaya sistema «Drevnejshee iskusstvo Sibiri i Dal'nego Vostoka» – novyj nauchno-obrazovatel'nyj resurs v Novosibirskom gosudarstvennom universitete [Information system «Ancient art of Siberia and the Far East» – a new scientific and educational resource at Novosibirsk State University]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologiya*. 18(5): 9-20. [in Russian]

Leshchinskaya, 2021 – *Leshchinskaya, N.M.* (2021). Kul'turologicheskie podhody k analizu proizvedenij dekorativno-prikladnogo iskusstva [Culturological approaches to the analysis of works of decorative and applied art]. *Severnye arhivy i ekspedicii*. 5(2): 9-15. [in Russian]

Lobackaya, 2018 – *Lobackaya, R.M.* (1995). Formirovanie arhetipa pejzazha v yuvelirno-kamnereznom iskusstve Vostochnoj Sibiri [Formation of the landscape archetype in the jewelry and stone-cutting art of Eastern Siberia]. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Polikor. Pp. 33-38. [in Russian]

Lukina, 1984 – *Lukina, N.V.* (1984). Iskusstvo i fol'klor narodov Zapadnoj Sibiri [Art and folklore of the peoples of Western Siberia]. Tomsk: Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet. 126 p. [in Russian]

Mel'nikova et al., 2011 – *Mel'nikova, L.V., Nikolaev, V.S., Dem'yanovich, N.I.* (2011). Shishkinskaya pisanica [Shishkinskaya pisanitsa]. Irkutsk: Izd-vo In-ta zemnoj kory SO RAN. T. 1. 426 p. [in Russian]

Morozov, 2010 – *Morozov, A.V.* (2010). K probleme izucheniya iskusstva malyh form epohi neolita - eneolita Sibiri (na primere analiza obraza medvedya) [On the problem of studying the art of small forms of the Neolithic - Eneolithic Siberia (on the example of the analysis of the image of a bear)]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*. 2(13): 12-19. [in Russian]

Moshinskaya, 1976 – *Moshinskaya, V.I.* (1976). Drevnyaya skul'ptura Urala i Zapadnoj Sibiri [Ancient sculpture of the Urals and Western Siberia]. M.: Nauka. 130 p. [in Russian]

Ogly, 1982 – *Ogly, B.I.* (1982). Irkutsk: o planirovke i arhitekture goroda [Irkutsk: about the layout and architecture of the city]. Irkutsk : Irkutskoe knizhnoe izd-vo. 109 p. [in Russian]

Porhunov et al., 2010 – *Porhunov, G.A., Volozhanina, E.E., Volozhanin, K.Yu.* (2010). Istorija Sibiri: Hrestomatiya [History of Siberia: Reader]. Omsk: Izd-vo OmGPU. 294 p. [in Russian]

Poznanskij, Larichev, 1997 – *Poznanskij, B.C., Larichev, V.E.* (1997). Stat'ya doktora A. Sal'moni o drevnesibirskom iskusstve (1929 g.) [Article by Dr. A. Salmoni on ancient Siberian art (1929)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3: 86-92. [in Russian]

Rusakova, Minenko 1987 – *Rusakova, L.M., Minenko, N.A.* (1987). Tradicionnye obryady i iskusstvo russkogo i korennyh narodov Sibiri [Traditional rites and art of the Russian and indigenous peoples of Siberia]. AN SSSR, Sibirskoe otdelenie, Institut istorii, filologii i filosofii. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie. 196 p. [in Russian]

Rynkov, 2010 – *Rynkov, V.M.* (2010). Periodicheskaya pechat': mesto v sisteme istoricheskikh istochnikov [Periodical printing: a place in the systems of historical Easterners]. *Otechestvennye arhivy*. 3: 44-50. [in Russian]

Sibirskii vestnik, 1818 – *Zhurnal «Sibirskii vestnik»* 1818 goda izdaniya. [in Russian]

Sitnikova, 2022 – *Sitnikova, A.A.* (2022). Severnye ekspedicii i obraz Arktiki v zarubezhnoj zhivopisi XIX veka [Northern expeditions and the image of the Arctic in foreign painting of the XIX century]. *Severnye arhivy i ekspedicii*. 6(1): 240-249. [in Russian]

[Sulockij, 1864](#) – *Sulockij, A.I.* (1864). Opisanie naibolee chtimyh ikon, nahodyashchihhsya v Tobol'skoj eparhii [Description of the most revered icons located in the Tobolsk diocese]. Sankt-Peterburg. 170 p. [in Russian]

[Tarasova, Smolina, 2021](#) – *Tarasova, M.V., Smolina, M.G.* (2021). Proizvedeniya naskal'nogo iskusstva Yuzhnoj Sibiri: model' mirootnosheniya [Works of rock art of Southern Siberia: a model of world relations]. *Sibirskij antropologicheskij zhurnal*. 5(4): 34-52. [in Russian]

[Tataurov, Lebedeva, 2016](#) – *Tataurov, S.F., Lebedeva, Yu.A.* (2016). Izuchenie ornamental'nogo iskusstva tyurkoyazychnogo naseleniya Sibiri [The study of the ornamental art of the Turkic-speaking population of Siberia]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. 2(10): 94-101. [in Russian]

[Tumanik, 2013](#) – *Tumanik, A.G.* (2013). Arhitektura i izobrazitel'noe iskusstvo Sibiri XVIII – pervoj chetverti XIX veka [Architecture and fine arts of Siberia in the 18th – first quarter of the 19th centuries]. *Vestnik TGASU*. 3: 76-87. [in Russian]

[Vasil'chikov, 1872](#) – *Vasil'chikov, A.I.* (1872). O portretah Petra Velikogo [About portraits of Peter the Great]. Moskva. 126 p. [in Russian]

[Vasil'evskij, Drozdov, 1983](#) – *Vasil'evskij, R.S., Drozdov, N. I.* (1983). Paleoliticheskie skulpturnye izobrazheniya iz Vostochnoj Sibiri [Paleolithic sculptures from Eastern Siberia]. *Plastika i risunki drevnih kul'tur*. Novosibirsk, Nauka, pp. 59-65. [in Russian]

[Velizhanina, 1987](#) – *Velizhanina, N.G.* (1987). K istorii ikonopisaniya Zapadnoj Sibiri [On the history of icon painting in Western Siberia]. *Tradicionnye obryady i iskusstvo russkogo i korennyh narodov Sibiri*. Pp. 125-141. [in Russian]

[Zaika, 2009](#) – *Zaika, A.L.* (2009). Drevnee naskal'noe iskusstvo Prienisejskoj Sibiri (obshchaya harakteristika) [Ancient rock art of the Yenisei Siberia (general characteristics)]. *Krasnoyarskij kraj: proshloe, nastoyashchee, budushchee : materialy mezhdunarodnoj konferencii, posvyashchennoj 75-letiyu Krasnoyarskogo kraja*. Krasnoyarsk: Krasnoyarskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. V.P. Astaf'eva, pp. 82-88. [in Russian]

[Zamaraeva et al., 2019](#) – *Zamaraeva, Yu.S., Luzan, V.S., Metlyaeva, S.V., Seredkina, N.N., Koptseva, N.P., Fil'ko, A.I., Khrebtov, M. a.* (2019). Religion of the Evenki: History and Modern Times. *Journal of the Siberian Federal University. Humanities*. 12(5): 853-871.

[Zhigaeva, Zhigaev, 2022](#) – *Zhigaeva, A.A., Zhigaev, I.G.* (2022). Klassifikaciya intertekstual'nyh svyazej proizvedenij izobrazitel'nogo iskusstva otnositel'no statusov hudozhestvennogo obraza [Classification of intertextual connections of works of fine art relative to the status of the artistic image]. *Severnyye Arhivy i Ekspedicii*. 6(2): 182-189. [in Russian]

Периодические издания Российской империи нач. XIX в. как источник по истории сибирского искусства

Наталья Петровна Копцева ^a, Ксения Александровна Дегтяренко ^a, Юлия Николаевна Менжуренко ^{a, *}, Дарья Сергеевна Пчелкина ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье проведен источниковедческий анализ журнала «Сибирский вестник» (инициатор появления издания и его редактор – Г.И. Спасский), издававшийся в Санкт-Петербурге в 1818–1824 гг. и включавший сведения по истории, археологии и этнографии Сибири. Основой проведенного исследования стали статьи Г.И. Спасского, В.В. Дмитриева (а также анонимные публикации) в выпусках 1818 года. «Сибирский вестник» обращается к памятникам культуры и искусства древних народов Сибири, которые представлены начертаниями, надписями, изображениями на камнях из курганов, или могил, из развалин, разнородных зданий и военных крепостей; из остатков горных работ. Также авторы издания считают их историческими и антропологическими источниками для познания человека, образа жизни того времени. Изучаемое издание обладает значимостью в связи с деятельностью его авторов по изучению и описанию образцов культуры древней Сибири. «Сибирский вестник» как исторический источник содержит уникальную информацию фактического и описательного характера о ранних образцах древнесибирского искусства, а также ее первичную обработку, классификацию объектов.

Ключевые слова: периодическая печать, Российская империя, Сибирь, сибирское искусство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: yulia-avdeeva2406@mail.ru (Ю.Н. Менжуренко)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1704-1711
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1704

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of Slavery and Slave Trade Relations among the Highlanders of the Caucasus in the first half of the XIX century

Timur A. Magsumov ^{a, b, c, *}, Teymur E. Zulfugarzade ^d, Mikhail B. Kolotkov ^e, Sergei B. Zinkovskii ^f

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

^d Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russian Federation

^e Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

^f Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of slavery and slave trade relations in the Caucasus in the first half of the XIX century among the highlanders. The work is based on sources on the research problem, namely the materials of the State Archive of the Krasnodar Krai, as well as the memoirs of F. Tornau, A. Fonville, P. Butkov, S. Smolensky, A. Berger, etc.

The methodology includes historical-systemic, historical-genetic, synthetic research methods, as well as the method of historiographic (content) analysis.

Based on the research, it was concluded that slavery was widespread in the Caucasus, since the slave trade was a profitable business. Most of the slaves were sold abroad to Turkey.

With the arrival of Russia in the Caucasus, the slave trade becomes contraband, but the mountain aristocracy saw the prohibition of the slave trade as a violation of their economic interests. The mountain poorest strata saw protection in the face of Russia and turned to Russian military settlements for help, massively becoming subjects of the Russian Empire. The main source of slaves was their own poorest population; the captured Russian-speaking people were the second largest source during the Caucasian War.

Slavery in the Caucasus has taken very unusual forms, as there is mass evidence that not only prisoners and tribesmen, but even relatives and guests were sold as slaves. The profits of the slavers led to the fact that Turkish smugglers took very high risks. There were also cases of corruption on the part of Russian officials and the military, who turned a blind eye to the slave trade, also receiving profit or other bonuses from this business.

With the end of the Caucasian War and the inclusion of the Caucasus in the legal system of Russia, slavery and the slave trade as a social institution gradually came to naught.

Keywords: slavery, slaves, slave relations, slavery in the Caucasus, Caucasus.

1. Введение

Проблема невольничьих отношений на территории Кавказа всегда привлекала мнение исследователей. Точки зрения авторов порой отличались диаметральной противоположностью, что говорит о том, что этот весьма сложный вопрос требует аккуратного и тщательного рассмотрения. С учетом того, что А.А. Черкасовым в 2020 году в журнале «Былые годы» был опубликован и систематизирован целый комплекс источников по проблеме рабства на Кавказе (Cherkasov, 2020) – 1200 документов Государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация),

* Corresponding author

E-mail addresses: nabonid1@yandex.ru (T.A. Magsumov)

анализ вопросов невольничьих отношений у кавказских народов может быть сделан объективно и фактологически обоснованно. Этому и посвящена данная работа.

2. Материалы и методы

Материалами для данной работы послужил комплекс источников, основными из которых стали материалы Государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация), а именно – рапорты офицеров, солдат, казачьих атаманов, гражданских чиновников, касающиеся работоторговли, пленения горцами русскоязычных граждан, а также перебежничества горцев на российскую территорию. Коллекция ценнейших источников собрана А.А. Черкасовым, она включает 1200 документов и содержится в отдельном (специальном) томе журнала «Былые годы» объемом более 850 страниц. Собрание документов сопровождается аналитической статьей автора, в которой кратко описана история рабства на Кавказе, приведены статистические данные о количестве документов по годам (с 1792 по 1860), статистический анализ демографической ситуации, а также глубокий историографический анализ (Cherkasov, 2020).

Также значительный интерес представляют мемуары русского офицера, разведчика и участника Кавказской войны Федора Федоровича Торнау, который в своей работе «Воспоминания кавказского офицера», помимо детального описания Кавказа, значительное внимание уделил и проблеме рабства у кавказских народов (Торнау, 1864). В советское время были опубликованы и воспоминания А. Фонвиля «Последний год войны Черкесии за независимость 1863–1864 гг. Из записок участника-иностранца», который также в своих мемуарах уделяет место проблеме невольничьих отношений (Фонвиль, 1927).

Среди других известных мемуаров отметим труд Э. Спенсера «Путешествия в Черкесию» (Спенсер, 1839), опубликованный в Лондоне в 1839 году по результатам путешествия автора по территориям восточного Черноморья и Кавказа, мемуары Дж. Белла «Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1838 гг.» (Белл, 2007) и др. (см., напр.. Берже, 1858; Бутков, 1869; Зубарев, 1842; Смоленский, 1875).

Методология исследования включает комплекс специальных исторических и общенаучных методов:

- историко-системный – применялся для анализа института рабства на Кавказе в неотрывной связи с исторической, экономической, социальной и политической обстановкой;
- историко-генетический – использовался для понимания причинно-следственных связей между социально-экономической и политической обстановкой и особенностями развития института рабства на Кавказе;
- историографический/источниковый анализ (метод контент-анализа) – применялся для анализа источников и литературы по проблеме исследования.

3. Обсуждение

Как было указано выше, проблему невольничьих отношений исследователи начали активно обсуждать еще с момента появления русских экспедиционных военных сил и переселенцев на Кавказе. Традиционно мы рассмотрим дореволюционную, советскую и современную историографии. Как было указано ранее, исследований по анализируемой нами проблеме достаточно много, поэтому мы остановим свое внимание на наиболее известных или наиболее близких к нашей теме работах.

Из дореволюционных трудов отметим работы Ф.А. Щербина «История Кубанского казачьего войска» (Щербина, 1913), которая много внимания уделяет освещению институту рабства у горских народов, а также изданную А.А. Каспари монографию «Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа» (Каспари, 1904).

В советской историографии проблемой рабства занимались М. Вагнер, опубликовавший статью «Кавказ и земля казахов в годы с 1843 по 1846» в сборнике «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.» (Вагнер, 1974), В.А. Золотарев и И.А. Козлов, издавшие монографию «Российский военный флот на Черном море и в Восточном средиземноморье», в которой также уделено внимание и проблеме рабства (в свете борьбы русского флота с турецкими моряками-контрабандистами, перевозившими рабов) (Золотарев, Козлов, 1988) и др.

Из современных фундаментальных исследований, непосредственно посвященных проблеме рабства на Кавказе, выделим монографии Е.А. Чуприной «Когда Таманью владели турки...», в которой на основе источников сделан глубокий анализ работоторговли в восточном Причерноморье и Тамани (Чуприна, 1997).

Из комплексных фундаментальных трудов, которые в том числе затрагивают и тему невольничьих отношений на территории Кавказа, отметим монографию Ю.Ю. Клычникова и С.И. Линца «Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки)», посвященную этническим противоречиям кавказских народов и междоусобной борьбе, которая также не обходит стороной тему рабства (Клычников, Линец, 2006), монографию Ю.Ю. Клычникова «Очерки истории прошлого народов Северного Кавказа» (Клычников, 2004), а также работу Э. Фукса об этнических особенностях народов России, выраженных в живописи (Фукс, 1994).

Непосредственно вопросы рабства у горских народов анализируют статьи А.А. Черкасова об эволюции института рабства на Кавказе в IV–XIX веках (Cherkasov et al., 2018), статьи Е.И. Иноземцевой и Б.В. Виноградова о работорговле в Дагестане в XVII – начале XIX веков (Иноземцева, Виноградов, 2000), исследование Б.В. Виноградова и Н.А. Гусевой о понимании горцами работорговли и особенностях данного института на Кавказе (Виноградов, Гусева, 2001) и др.

Что касается других статей в периодических изданиях и сборниках, в которых институт рабства на Кавказе затрагивается лишь опосредованно, выделим работу Л.Н. Хлудовой и А.А. Цыбулькиной, анализирующую освещение торговли кавказскими рабынями на территории Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа литературными произведениями и историческими источниками XIX в. (Хлудова, Цыбулькина, 2016); статью Г. Раджовича, Д. Ежевски, А. Вазеровой, М. Трайлович об изучении института обмена пленными как особой формы диалога между русским и черкесским народами (Rajović et al., 2018); статью А.А. Черкасова, В.Г. Иванцова, М. Шмигеля, А. Валлоу о политике кавказских властей в отношении горцев Черкесии, перешедших на сторону России (1815–1861) (Ivantsov et al., 2017); Е.И. Иноземцева рассматривала особенности социально-правового положения рабов на феодальном Северо-Восточном Кавказе с точки зрения обычного права и религиозных воззрений (Inozemtseva, 2019); положением лично зависимых жителей аулов армавирцев в период до отмены крепостного права в России занимались С.Л. Дударев и С.Н. Ктиоров (Dudarev, Ktiarov, 2020) и др.

Некоторые проблемы рабства на Кавказе освещает также и Д.Г. Анучин в исследовании быта горских народов Правого крыла Кавказской линии (Анучин, 2001).

4. Результаты

Рабство было широко распространено на Кавказе. Если Европа и Россия к началу XIX века избавились от этого пережитка, то Ближний и Средний Восток, Африка, США и Южная Америка еще тяготелись этим атавизмом.

Работорговля и рабский труд были на Кавказе весьма выгодным делом. Однако после того как Российская империя начинает вторгаться в Кавказский регион, торговля невольниками становится под запретом. В частности, показателен рапорт гражданского губернатора Бришорна от 4 сентября 1812 года: «В бытность мою в Усть-Лабе нашел я, что ввиду вашего благородия вывозят в пределы наши на продажу под именем ясирей невольников закубанских владельцев. Предписав Усть-Лабинскому карантину, чтобы торговля невольниками, яко противозаконный и даже предосудительный и в нетитуции Российской империи и немедленно был прекращен и на сей конец, так называемых ясирей отнюдь не принимать в карантин, а отсылать обратно, к прекращению сего неустройства содействовать всеми мерами» (ГАКК. Ф. 687. Оп. 1. Д. 2. Л. 38).

В данных запретах кавказская аристократия видела проблему, так как нарушались веками сложившиеся правила, которые, впрочем, были выгодны лишь самой знати и работорговцам. Горские же простолюдины (крестьяне), каковых было абсолютное большинство, в лице России видели защиту как своей жизни, так и свободы. Источники прямо указывают на этот факт: «Рапорт полкового есаула Зенченка, коим на отношение сей конторы № 504 доносит, что явившихся 4-го числа сего месяца на закубанской стороне при самом берегу реки Кубани против Великолагерного кордона в месте с российской женщиной Надеждой (коя за объявлением себя крестьянкой есаула Петра Капусты перевезена уже на нашу сторону и для надлежащего карантинного очищения отправлена 5-го числа в сию контору), черкесской породы двух мужеска пола и одной женска – всего трех душ через присланного от сей конторы переводчика он расспрашивал подробно, какой нации люди, на что они ответствовали, что с них российского ни одного нет, а есть один именем Короф из кабардинцев, а жена его из абазинцев, другой же Абред, называющийся мужем крестьянки Капустиной Надежды из беракийцов (?), находились все они до сделанного ими побега в крестьянах у абазинских владельцев, именующихся Хакахо Холил и Магамгирей Холил. Докладывает при том, что люди сии через того же переводчика просят довести до сведения начальства, яко они имеют сильное желание принять христианскую веру, в ответ чего хотя и подтверждает переводчик, что их принять в Россию нельзя, и чтобы они удалились непременно в свое место, но они прося от России защиты остались опять на месте на той стороне против самого кордона, не следуя никуда от Кубани (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 29. Л. 112об.-113).

Институт рабства у горцев, как уже говорилось выше, был для аристократии весьма прибыльным. Поэтому в рабов обращали не только своих сородичей – горцы воровали русскоязычных подданных (обычно казаков) в приграничных селах и также их обращали в рабство, зачастую требуя потом с тех же казаков выкуп: «Рапорт от смотрителя господину генерал-майору и кавалеру Дебу декабря 6 дня 1822 года № 223. ...Находящийся для собрания своих дворов за рекой Кубань нахичеванский армянин Ефрем Атаманов прибыл сего месяца 4 числа к заведываемому мною карантину и объявил, что в бытность его назад тому пять дней за рекой Лабой на речке Коз темиргойского владения в ауле Игурхае видал там у владельца Шмафа Аджугуева увезенных оним в недавнем времени Кубанского казачьего полка Григориополисской станицы с хуторов казака Емельяна Безбородина с малолетнею его дочерью Эриною и другой семьи женщину Эрина еж Евдокимова, которых вышеписанный владелец желает отдать на выкуп и требует за казака

Безбородина с дочерью 60 рогатых скотин, и серебром 100, а на курс на ассигнации 400 рублей, да за женщину Евдокимову 60 же скотин, а буде желать родственники оных выкупить, то срок оному положен не более 12 дней; армянин же Атаманов и ныне находится у нас, карантин ожидает» (ГАКК. Ф. 686. Оп. 1. Д. 16. Л. 43).

Причем подобные случаи в рапортах военнослужащих являются весьма частым явлением: «Доставленную из-за реки Кубани Атугаевского владения узденем Аджубом Смаиловым пленную женщину, показывающуюся Круглолесского селения женою однодворца Гурьева, Аксиньей Харитоновой дочерью, при сем для должного очищения во оной карантин препровождаю, которую и благоволил по должном очищении отправить ко мне» (ГАКК. Ф. 686. Оп. 1. Д. 5. Л. 50); «...Пассажиры вывезенные от закубанцев из плена атугайским узденем Аджибием Смаиловым селения Круглолесского женщина Аксинья Голубева с грудным мальчиком, рожденным во время нахождения ее в плену, и того же селения две малолетние девочки Настасья Коровина и Авдотья Логунова» (ГАКК. Ф. 686. Оп. 1. Д. 5. Л. 3150б.); «...Благоволи оная войсковая канцелярия для поступивших в здешний центральный карантин на очищение российской женщины, захваченной с Круглолесского селения Василисы Сафроновой, с ее сыном Семеном лет 9-ти, предписать кому следует к продовольствованию оных на 14-ти дневный карантинный срок провианта...» (ГАКК. Ф. 250. Оп. 3. Д. 17. Л. 80). Не будет, на наш взгляд, преувеличением тезис о том, что воровство русских подданных было массовым.

Описываются также случаи попираания неписанных законов кавказского гостеприимства, когда в рабство обращали даже гостей (Cherkasov, 2020: 387).

Многие невольники добровольно искали счастья в России, в результате чего бежали от своих хозяев: «...полковник Веселовский, при рапорте от 30-го минувшего июля за № 296, представил ко мне выбежавших под покровительство России черкес Тликича Абата и Гомирза Абзака, которые в отобранных от них показаниях изъяснили, первый: лет ему от роду 80, веры магометанской, желая быть российскоподданным и поселиться на всегданнем жительстве в Черномории, он бежал от владельца своего шапсутского дворянина Мустафы Шепсио и явился в Абинское укрепление, а второй лет ему от роду 15, веры магометанской, крестьянин черкеса Ротоко Хеш, будучи притесняем этим владельцем своим, решился убежать от него в Россию с намерением поселиться на жительстве в Черномории» (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1314. Л. 91-910б.); «...Зовут его и прозывают как выше значится; лет от роду 30, веры магометанской, простого звания, жительство имеет Закубанью в Ауле Абат, находился во крестьянстве черкесина этого аула Кошумиза, женат, имеет жену Нагай, 28-ми лет. Детей сына Мустафу 8-ми, дочерей Наччо 10-ти и Ацайхос 6 лет, а по случаю большого неурожаа хлебов в азиатских землях, не в силах далее продовольствовать себя равно и семейство свое выбежал в крепость Цемис. А с тем доставлен чрез крепость Анапу в Тамань; желает быть навсегда российским подданным и водвориться на жительство войска Черноморского в татарском курене Ада» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1618. Л. 462-4620б., 465-4650б.).

Торговали невольниками горцы, как правило, с турецкими купцами, которые перепродавали рабов у себя на родине с весьма высокой наценкой. Русский флот активно боролся с контрабандой, о чем сохранилось немало рапортов.

Имелись и случаи коррупции со стороны российских чиновников. В качестве примера можно привести отрывки из обширного рапорта вице-адмирала Серебрякова: «(...) Выданной Степанову инструкцией между прочим предписывалось ему: а) отнюдь не приставать к берегам, где нет русских управлений; но если бы указана надобность по случаю бури для спасения пристать к такому берегу, то наблюдать чтобы люди с баркаса не смели нисколько сообщаться и не позволять шкиперу брать какой-либо груз или пассажиров или переменять матросов без ведома начальства и написания о том же в судовом паспорте и б) если шкипер во время следования морем выйдет из повиновения и сделает что-либо противное инструкции, то по прибытии в порт тотчас объявить о том же начальству. (...) 18-го октября 1852 года упомянутый баркас отправился из форта Головинского в укрепление Бомборы, а 28 того же месяца лазутчики дали знать бывшему воинскому начальнику форта, что баркас тот пристал к неприятельскому берегу между фортами Головинским и Навагинским и намерен нагрузить 50 душ девок, для продажи в Турции, и что гвардион баркаса отдан в плен горцам. (...) Сведения это передано было начальнику 1-й половины команд Азовских казаков, подполковнику Бараловичу, который донося об этом мне, присовокупил, что преданный нам горец (из числа упомянутых выше 3-х убыхов) Пата Чизма видел гвардиона Степанова в доме одного почетного горца из того же племени который, пользуясь всеми выгодами, принял Степанова и угощал как лучшего гостя. (...) Между тем баркас по прибытии к турецким берегам, сгрузил пассажиров и прибыл в турецкий город Батум, где гвардион Степанов, скрыв это, объявил, что баркас занесло туда противною погодою и потому гвардион этот при отношении нашего вице-консула, бывшего в Батуме, отправлен в Редут-Кале, а оттуда 14 декабря 1852 года препровожден в г. Сухум. (...) При допросе, в присутствии Сухум-Кальского карантинно-таможенного правления, Степанов показал, что со времени отплытия его из Сухумского порта, до 4-го ноября он не замечал намерения шкипера пристать к берегу в недозволенном месте. Но по выходе того числа из укрепления Св. Духа, на половине пути между фортами Навагинским и Головинским, шкипер усмотрев вечером на берегу огонь, переменял парус и,

по сигналу, пустился к берегу; а когда пристал к оному, то втащил баркас в речку и оставался более 20 дней в горах, выжидая удобного случая отправиться за границу; его же Степанова передали какому-то горцу верстах в 5-ти от берега, откуда он приведен к баркасу тогда дня, когда последний, нагруженный горцами более 40 душ обоюбого пола, готов был к отплытию. В это время, не имея возможности сопротивляться поступкам шкипера, он Степанов начал упрекать его в неправильности действий; но шкипер обещал дать ему в подкуп восемьдесят рублей, а потом, когда он отказался от денег, стал страдать лишением жизни. После этого посадили его Степанова на баркас, отплыли в море и по прибытии через три дня к турецким берегам, сгрузили пассажиров в городе Нризо (возможно, город Ризе?), а его отправили на филюге в город Батум, дав ему при этом двадцать один рубль серебром. Денег этих сначала он, Степанов, не принимал; но потом рассудив, что у него не было средств для пропитания, принужден был взять их, не зная, как долго пробудет за границей. Между тем в городе Батуме он явился к консулу и, наученный шкипером и матросами, по глупости, не сказал ему правды, а объяснил, что прибыл по противной погоде, и получив от консула бумагу, 6 декабря отправился из Батума на баркасе другого шкипера в Редут-Кале. (...) Подсудимого рядового Степанова за предоставление шкиперу турецкого баркаса, на котором он был гвардионом, приставать в противность инструкции к черкесскому берегу, нагрузить и вывезть в пределы Турции горцев, по показанию его, более 40 душ обоюбого пола; получение за то от шкипера денег 21 руб. серебром, изворотливые и ложные при следствии и в суде показания, наказать шпиц-рутенами через пятьсот человек три раза и на основании 432 ст. 1 кн. 1 час. СВП(?) и 1861 и 2132 ст. уложения о наказаниях уголовных и исправительственных, лишить воинского звания и всех прав состояния, сослать в каторжную работу в крепостях на шесть лет» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1364. Л. 12-16об.).

Данная ситуация отнюдь не была единичной и отчетливо показывает выгоду работорговли и тот риск, на который были готовы идти горские и турецкие «кушцы» и их российские поделщики.

И, наконец, случаи продажи своих родственников в рабы тоже была обыденным делом. В качестве одного из многочисленных примеров приведем отрывки из рапорта старшины Савицкого командующему Черноморской кордонной линией генерал-майору Кухаренко от 16 июля 1854 года: «Находившаяся в Женеевском ауле при Славянском посту состоящем, черкесанка Пецер 15-го сего июля являсь в том посту жалуется, что жительствующий в этом же ауле простой черкес Гасан Меджаков с обольщением взял ее за себя в замужество, сманул ее от родных из Закубани и действительно женился на ней, но проживши несколько времени польстясь по корыстолюбию на большую сумму, вздумал продать во крестьянство не признавая ее уже за жену, предоставляя себе власть что он ее увозил за Кубанью и потому имеет полное право продать во крестьянство» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1496. Л. 1, 8.).

Разумеется, мы не можем в масштабах данной статьи осветить все нюансы института рабовладения на Кавказе в первой половине XIX века, остановившись лишь на главных особенностях. Отметим только, что с завершением Кавказской войны и включением Кавказа в правовую систему России это явление как социальный институт в течение всего лишь нескольких лет сошло на нет.

5. Заключение

В ходе проделанной работы мы можем сделать следующие выводы:

1. Рабство было широко распространено на Кавказе, так как работорговля была прибыльным делом, а рабский труд использовался достаточно широко. Однако большую часть рабов горцы продавали за границу, как правило, в Турцию.

2. Торговля невольниками с приходом России на Кавказ становится нелегальной, данные деяния представляют собой состав преступления, именуемого контрабандой.

3. Горская аристократия видела в запрете работорговли ущемление своих экономических интересов. Однако горские простолюдины видели в лице России защиту и обращались за помощью в русские военные поселения, массово переходя в подданство Российской империи.

4. Основным источником новых рабов было собственное беднейшее население (в основном крестьяне), а также пленные русскоязычные люди, как правило из казаков, так как казачьи деревни располагались на границе Российской империи вплотную к горским территориям. В условиях и во время Кавказской войны пленные были законной добычей. Институт пленения, рабства и последующего освобождения (выкупа или побега) широко описан в трудах как военнотружеников (Ф. Торнау, А. Фонвиль и др.), так и иностранных путешественников (Дж. Белл, Э. Спенсер и др.).

5. Рабство на Кавказе приняло весьма необычные формы, так как есть массовые свидетельства о том, что в рабство продавали не только пленных и соплеменников, но даже родственников и гостей.

6. Прибыль работорговцев приводила к тому, что турецкие контрабандисты рисковали, плавали в штормовом море в зимний период, когда русские крейсерские суда массово не могли выходить в рейд. Наблюдались и случаи коррупции со стороны российских чиновников и военных, которые закрывали глаза на торговлю невольниками, получая с турецких контрабандистов прибыль или другие бонусы.

Литература

- Анучин, 2001** – Анучин Д.Г. Очерк горских народов Правого крыла Кавказской Линии // Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Ч. 2. Нальчик, 2001.
- Белл, 2007** – Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1838 гг. В 2 т. Т. 1. Нальчик, 2007.
- Берже, 1858** – Берже А.П. Краткий обзор горских племен на Кавказе, составленный Ад. Берже, правителем дел Кавказского отдела Императорского географического общества. Тифлис, 1858.
- Бутков, 1869** – Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. В 3 ч. Ч. 2. СПб., 1869.
- Вагнер, 1974** – Вагнер М. Кавказ и земля казахов в годы с 1843 по 1846 // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.
- Виноградов, Гусева, 2001** – Виноградов В.Б., Гусева Н.А. «И с боя взятыми рабами суда в Анапе нагружать» (к изучению горской парадигмы работорговли) / *Археология, этнография и краеведение Кубани*. Армавир-Краснодар, 2001.
- Золотарев, Козлов, 1988** – Золотарев В.А., Козлов И.А. Российский военный флот на Черном море и в Восточном средиземноморье. М., 1988.
- Зубарев, 1842** – Зубарев Д. О народонаселении за Кавказом // *Русский вестник*. 1842. № 6.
- Иноземцева, Виноградов, 2000** – Иноземцева Е.И., Виноградов Б.В. К вопросу о работорговле в Дагестане в XVII – начале XIX века // *Вопросы северокавказской истории*. Вып. 5. Армавир, 2000.
- Каспари, 1904** – Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа / Издатель А.А. Каспари. СПб., 1904.
- Клычников, 2004** – Клычников Ю.Ю. Очерки истории прошлого народов Северного Кавказа / Под ред. проф. В.А. Казначеева. Пятигорск, 2004.
- Клычников, Линец, 2006** – Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки). Пятигорск, 2006.
- Кокиев, 1926** – Кокиев Г. Очерки по истории Осетии. Часть 1. Владикавказ, 1926. 160 с.
- Покровский, 1989** – Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века. Краснодар, 1989.
- Смоленский, 1875** – Смоленский С. Воспоминания кавказца // Военный сборник. 1875. № 10.
- Спенсер, 1839** – Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. Лондон, 1839. Репринт / Пер. Н. Нефляшевой. Майкоп: Адыгея, 1994.
- Сталь, 1900** – Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // *Кавказский сборник*. 1900. Т. 21. С. 60-173.
- Торнау, 1864** – Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 1864. Репринт: М., 2000.
- Фонвиль, 1927** – Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863–1864 гг. Из записок участника-иностранца. Краснодар: Общество изучения автономной области и адыгейского историко-этнографического музея, 1927.
- Фукс, 1994** – Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. Галантный век. М., 1994.
- Хлудова, Цыбулькинова, 2016** – Хлудова Л.Н., Цыбулькинова А.А. Торговля невольницами на черноморском побережье Северо-западного Кавказа в живописных и письменных источниках XIX в. // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016. № 3/2.
- Чуприна, 1997** – Чуприна Е.А. Когда Таманью владели турки... (Краеведческие очерки). Армавир, 1997.
- Щербина, 1913** – Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Том 2. История края. Екатеринодар: Печатник, 1913. Репринт: Краснодар, 2001.
- ГАКК** – Государственный архив Краснодарского края.
- Cherkasov et al., 2018** – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Šmigel' M., Bratanovskii S.N. Evolution of the Institution of the Slave Trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 50. Is. 4: 1334-1346.
- Cherkasov, 2020** – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57-1. Is. 3-1 (Special issue).
- Dudarev, Ktitorov, 2020** – Dudarev S.L., Ktitorov S.N. On the Position of Aul Armavir Residents Personal Dependent People at in the Period before Elimination of the Serfdom Law in Russia // *Slavery: Theory and Practice*. 2020. 5(1): 37-49.
- Inozemtseva, 2019** – Inozemtseva E.I. Features of the Socio-Legal Status of Slaves in the Feudal Northeast Caucasus from the Perspective of Customary Law and Religious Beliefs // *Slavery: Theory and Practice*. 2019. 4(1): 4-19.
- Ivantsov et al., 2017** – Ivantsov V.G., Cherkasov A.A., Smigel M., Valleau A. The Policy of the Caucasian Authorities Regarding the Mountaineers of Circassia who fled to the Russian Side (1815–1861) // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3: 871-877.
- Rajović et al., 2018** – Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M. The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the beginning of the 19th Century: Part II // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 47. Is. 1: 153-160.

References

- Anuchin, 2001** – Anuchin, D.G. (2001). Ocherk gorskikh narodov Pravogo kryla Kavkazskoi Linii [Essay on the mountain peoples of the Right Wing of the Caucasian Line]. Russkie avtory XIX v. o narodakh Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza. Ch. 2. Nal'chik. [in Russian]
- Bell, 2007** – Bell, Dzh. (2007). Dnevnik prebyvaniya v Cherkesii v techenie 1837–1838 gg. [Diary of stay in Circassia during 1837–1838]. V 2 t. T. 1. Nal'chik. [in Russian]
- Berzhe, 1858** – Berzhe, A.P. (1858). Kratkii obzor gorskikh plemen na Kavkaze, sostavlennyy Ad. Berzhe, pravitelem del Kavkazskogo otdela Imperatorskogo geograficheskogo obshchestva [A brief overview of the mountain tribes in the Caucasus, compiled by Ad. Berger, governor of affairs of the Caucasian department of the Imperial Geographical Societ]. Tiflis. [in Russian]
- Butkov, 1869** – Butkov, P.G. (1869). Materialy dlya novoi istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god [Materials for the new history of the Caucasus, from 1722 to 1803]. V 3 ch. Ch. 2. SPb. [in Russian]
- Cherkasov et al., 2018** – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel', M., Bratanovskii, S.N. (2018). Evolution of the Institution of the Slave Trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries. *Bylye Gody*. 50(4): 1334-1346.
- Cherkasov, 2020** – Cherkasov, A.A. (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1(3-1) (Special issue).
- Chuprina, 1997** – Chuprina, E.A. (1997). Kogda Taman'yu vladeli turki... (Kraevedcheskie ocherki) [When the Turks owned Tamanya ... (Local history essays)]. Armavir. [in Russian]
- Dudarev, Ktitorov, 2020** – Dudarev, S.L., Ktitorov, S.N. (2020). On the Position of Aul Armavir Residents Personal Dependent People at in the Period before Elimination of the Serfdom Law in Russia. *Slavery: Theory and Practice*. 5(1): 37-49.
- Fonvil', 1927** – Fonvil', A. (1927). Poslednii god voiny Cherkesii za nezavisimost' 1863–1864 gg. Iz zapisok uchastnika-inostrantsa [The last year of the Circassian war for independence 1863-1864. From the notes of a foreign participant]. Krasnodar: Obshchestvo izucheniya avtonomnoi oblasti i adygeiskogo istoriko-etnograficheskogo muzeya. [in Russian]
- Fuks, 1994** – Fuks, E. (1994). Illyustrirovannaya istoriya nravov. Galantnyi vek [An illustrated history of morals. Gallant age]. M. [in Russian]
- GAKK** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [State Archive of the Krasnodar Krai].
- Inozemtseva, 2019** – Inozemtseva, E.I. (2019). Features of the Socio-Legal Status of Slaves in the Feudal Northeast Caucasus from the Perspective of Customary Law and Religious Beliefs. *Slavery: Theory and Practice*. 4(1): 4-19.
- Inozemtseva, Vinogradov, 2000** – Inozemtseva, E.I., Vinogradov, B.V. (2000). K voprosu o rabotorgovle v Dagestane v XVII – nachale XIX veka [To the issue of the slave trade in Dagestan in the 17th – early 19th centuries]. *Voprosy severokavkazskoi istorii*. Vyp. 5. Armavir. [in Russian]
- Ivantsov et al., 2017** – Ivantsov, V.G., Cherkasov, A.A., Smigel', M., Valleau, A. (2017). The Policy of the Caucasian Authorities Regarding the Mountaineers of Circassia who fled to the Russian Side (1815–1861). *Bylye Gody*. 45(3): 871-877.
- Kaspari, 1904** – Pokorenniy Kavkaz. Ocherki istoricheskogo proshlogo i sovremennogo polozheniya Kavkaza [Conquered Caucasus. Essays on the Historical Past and the Present Situation of the Caucasus]. Izdatel' A.A. Kaspari. SPb., 1904. [in Russian]
- Khludova, Tsybul'nikova, 2016** – Khludova, L.N., Tsybul'nikova, A.A. (2016). Torgovlya nevol'nitsami na chernomorskom poberezh'e Severo-zapadnogo Kavkaza v zhivopisnykh i pis'mennykh istochnikakh XIX v. [Slave trade on the Black Sea coast of the North-Western Caucasus in the picturesque and written sources of the 19th century]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 3/2. [in Russian]
- Klychnikov, 2004** – Klychnikov, Yu.Yu. (2004). Ocherki istorii proshlogo narodov Severnogo Kavkaza [Essays on the history of the past of the peoples of the North Caucasus]. Pod red. prof. V.A. Kaznacheeva. Pyatigorsk. [in Russian]
- Klychnikov, Linets, 2006** – Klychnikov, Yu.Yu., Linets, S.I. (2006). Severokavkazskii uzel: osobennosti konfliktnogo potentsiala (istoricheskie ocherki) [The North Caucasian Knot: Features of the Conflict Potential (Historical Essays)]. Pyatigorsk. [in Russian]
- Kokiev, 1926** – Kokiev, G. (1926). Ocherki po istorii Osetii [Essays on the history of Ossetia]. Chast' 1. Vladikavkaz. 160 p. [in Russian]
- Pokrovskii, 1989** – Pokrovskii, M.V. (1989). Iz istorii adygov v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka [From the history of the Circassians at the end of the 18th – the first half of the 19th century]. Krasnodar. [in Russian]
- Rajović et al., 2018** – Rajović, G., Ezhevski, D.O., Vazerova, A.G., Trailovic, M. (2018). The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the beginning of the 19th Century: Part II *Bylye Gody*. 47(1): 153-160.
- Shcherbina, 1913** – Shcherbina, F.A. (1913). Istoriya Kubanskogo kazach'ego voiska [History of the Kuban Cossack army]. T. 2. Istoriya kraia. Ekaterinodar: Pechatnik. Reprint: Krasnodar, 2001. [in Russian]
- Smolenskii, 1875** – Smolenskii, S. (1875). Vospominaniya kavkaztsa [Memoirs of a Caucasian]. *Voennyi sbornik*. 10. [in Russian]

- Spenser, 1839 – Spenser, E. (1839). Puteshestviya v Cherkesiyu [Travel to Circassia]. London. Reprint. Per. N. Neflyashevoi. Maikop: Adygeya, 1994. [in Russian]
- Stal', 1900 – Stal', K.F. (1900). Etnograficheskiy ocherk cherkesskogo naroda [Ethnographic essay of the Circassian people]. *Kavkazskii sbornik*. 21: 60-173. [in Russian]
- Tornau, 1864 – Tornau, F.F. (1864). Vospominaniya kavkazskogo ofitsera [Memoirs of a Caucasian officer]. M. Reprint: M., 2000. [in Russian]
- Vagner, 1974 – Vagner, M. (1974). Kavkaz i zemlya kazakhov v gody s 1843 po 1846 [The Caucasus and the land of the Kazakhs in the years from 1843 to 1846]. *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. Nal'chik*. [in Russian]
- Vinogradov, Guseva, 2001 – Vinogradov, V.B., Guseva, N.A. (2001). «I s boya vzyatymi rabami suda v Anape nagruzhat'» (k izucheniyu gorskoj paradigmy rabotorgovli) [“And to load ships from the battle taken by slaves in Anapa” (to the study of the mountain paradigm of the slave trade)]. *Arkheologiya, etnografiya i kraevedenie Kubani*. Armavir-Krasnodar. [in Russian]
- Zolotarev, Kozlov, 1988 – Zolotarev, V.A., Kozlov, I.A. (1988). Rossiiskii voennyi flot na Chernom more i v Vostochnom sredizemnomor'e [Russian navy in the Black Sea and the Eastern Mediterranean]. M. [in Russian]
- Zubarev, 1842 – Zubarev, D. (1842). O narodonaselenii za Kavkazom [On the population beyond the Caucasus]. *Russkii vestnik*. 6. [in Russian]

К вопросу о рабстве и работорговых отношениях у горцев Кавказа в первой половине XIX века

Тимур Альбертович Магсумов ^{a, b, c, *}, Теймур Эльдарович Зулфугарзаде ^d
 Михаил Борисович Колотков ^e, Сергей Борисович Зинковский ^f

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Российская Федерация

^d Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

^f Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу рабства и работорговых отношений на Кавказе в первой половине XIX века у горских народов. В основу работы легли источники по проблеме исследования, а именно материалы Государственного архива Краснодарского края, а также мемуары Ф. Торнау, А. Фонвиля, П. Буткова, С. Смоленского, А. Берже и др.

Методология включает историко-системный, историко-генетический, синтетический методы исследования, а также метод историографического (контент) анализа.

В ходе проделанной работы были сделаны выводы о том, что рабство было широко распространено на Кавказе, так как работорговля была прибыльным делом. Основную часть рабов продавали за границу в Турцию.

С приходом России на Кавказ работорговля становится контрабандой, однако горская аристократия видела в запрете работорговли ущемление своих экономических интересов. Горские же беднейшие слои видели в лице России защиту и обращались за помощью в русские военные поселения, массово переходя в подданство Российской империи. Основным источником рабов было собственное беднейшее население; вторым по массовости источником в период Кавказской войны были пленные русскоязычные люди.

Рабство на Кавказе приняло весьма необычные формы, так как есть массовые свидетельства о том, что в невольники продавали не только пленных и соплеменников, но даже родственников и гостей. Прибыль работорговцев приводила к тому, что турецкие контрабандисты шли на весьма высокие риски. Наблюдались также и случаи коррупции со стороны российских чиновников и военных, которые закрывали глаза на торговлю невольниками, также получая с этого дела прибыль или другие бонусы.

С завершением Кавказской войны и включением Кавказа в правовую систему России рабство и работорговля как социальный институт постепенно сошло на нет.

Ключевые слова: рабство, невольники, невольничьи отношения, рабство на Кавказе, Кавказ.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nabonid1@yandex.ru (Т.А. Магсумов)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1712-1720
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1712

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Fate of the Pension Statute of 1827 in the Russian Empire

David I. Raskin ^{a,*}, Andrej A. Solnyshkin ^a

^a St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the fate of the Pension Statute of 1827. The Pension Statute of 1827 became the basis of the system of pensions for civil servants in the Russian Empire. He completed the formation of the Russian bureaucracy. During the adoption of the Statute, the financial capabilities of the state were not taken into account. But very soon it became clear that the payment of pensions to retired employees placed a heavy burden on the State Treasury. At the same time, the amount of pensions lagged more and more behind the salaries of officials and was clearly insufficient. As a result, a project was born to switch to a “funded pension system” by creating an Emerital fund (following the example of the Kingdom of Poland). But the Emeritus Committee, specially created in 1843 to develop this project, found that the creation of such a system was unrealistic. When discussing the reform of the Pension Statute in the Committee of Ministers in 1850–1851. Count D.N. Bludov proposed to return to the practice of the 18th century, when pensions were paid only to those who did not have their own means of subsistence. This proposal was unanimously rejected by all ministers. There was also a proposal to abolish all pension benefits for "special types of service" – educational, medical, customs, etc. This proposal was also not supported by the majority of ministers. The Decree of Nicholas I on November 6, 1852 made only partial changes to the Pension Statute of 1827. These changes mainly concerned the length of service required to receive a pension. But the problem of the need, on the one hand, to reduce state spending on the payment of pensions, and on the other hand, to increase the size of pensions remained. In 1866, a special commission was created under the Ministry of Finance to prepare a new pension statute, but its proposals were never implemented, and in 1883 the commission was closed. Archaism of the Pension Statute of 1827 to the end XIX – early of the 20th centuries was obvious, but until 1917 this charter remained almost unchanged.

Keywords: Pension Statute, bureaucracy, pensions, Bludov, Nikolai I, Emeritus Committee, Committee of Ministers, Ministry of Finance, reform.

1. Введение

Пенсионный устав 1827 г. стал основой системы пенсионного обеспечения государственных служащих в Российской империи (Раскин, 2020). Судьба основных положений этого устава, безуспешно поставленных под сомнение в середине XIX в. и не претерпевших радикальных изменений в дальнейшем, отразила основные закономерности развития пенсионной системы России XIX – нач. XX вв. Создание этой системы завершило процесс формирования бюрократии в Российской империи. Российская пенсионная система включила принципы неотъемлемого права служащих на получение пенсии за долговременную беспорочную службу (а также обеспечения их вдов и детей), зависимости размера пенсии от служебного стажа и пенсионные привилегии для «особых родов службы» (придворной, учебной, медицинской, таможенной и т.д.). Для гражданских чиновников размер пенсии определялся соответствующим разрядом.

* Corresponding author

E-mail addresses: d.raskin@mail.ru (D.I. Raskin), aas98@bk.ru (A.A. Solnyshkin)

Указ 6 декабря 1827 г. определял порядок и размеры назначения пенсий и гражданским, и военным служащим, но в Своде законов Пенсионный устав был кодифицирован как часть Уставов о службе гражданской. Законодательные основы пенсионного обеспечения военнослужащих стали частью Свода военных постановлений.

Изучение попыток реформирования Пенсионного устава 1827 г. является принципиальным для характеристики всей системы пенсионного обеспечения и в конечном счете государственного аппарата в Российской империи.

2. Материалы и методы

Основным источником изучения истории эволюции Пенсионного устава 1827 г. являются материалы высших учреждений Российской империи, в частности журналы Комитета министров и приложения к ним (РГИА. Ф. 1263). Последние содержат обоснования позиции высших сановников империи по вопросам реформы Пенсионного устава, статистические данные и другие подготовительные материалы. Вопросы сокращения пенсионных расходов казны отражены в журналах Департамента государственной экономии Государственного совета (РГИА. Ф. 1152). И, наконец, сведения о попытке реформы Пенсионного устава в 1866–1883 гг. имеются в делах Общей канцелярии министра финансов (РГИА. Ф. 560). Все эти фонды хранятся в Российском государственном историческом архиве.

Ценные сведения об опыте применении Пенсионного устава за первые десятилетия имеются в опубликованных трудах Комиссии для пересмотра правил о служебных преимуществах и пенсионного устава. Используются также законодательные акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи (2-е собрание).

В статье применен классический сравнительно-исторический метод в сочетании с формально-юридическим методом с преобладанием классических методов исторического анализа. Недостаточность формально-юридического метода демонстрируют имеющиеся историко-правовые исследования по данной теме.

Использованы также методы источниковедческого анализа, системный и институциональный подходы.

Преобладающими подходами при изучении судьбы Пенсионного устава 1827 г. являются анализ подготовительных материалов к указу 6 ноября 1852 г. в широком контексте финансовой и социальной политики правительства, рассмотрение предложений министерств и ведомств, изучение объективных предпосылок реформы устава и причин сохранения основных положений последнего (для гражданского ведомства) вплоть до 1917 г.

3. Обсуждение

Почти все работы по истории пенсионной системы в Российской империи являются историко-правовыми исследованиями. Поэтому они лишь констатируют соответствующие законодательные акты, в том числе частичные изменения 1852 г., не касаясь предыстории и причин этих изменений (Федяев, 2008; Кульчитцкий, 2008; Халтурина, 2009; Чеснокова, 2012; Ермаков, 2013; Шамкина, Землякова, 2018; Лапаева, 2020). Кратко упомянуты изменения в пенсионном законодательстве и в работах автора настоящей статьи (Раскин, 2001: 254).

Г.П. Дегтярев более подробно коснулся подготовки указа 6 ноября 1852 г., ошибочно датированного им 1853 г. Он упоминает о некоем «особом комитете», записке гр. Д.Н. Блудова, мнениях гр. П.Д. Киселева, принца Ольденбургского, «министра народного просвещения Оношковича-Яцыны» (на самом деле Ф.А. Оношкович-Яцына был представителем МНП в Комиссии 1866 г.; подобная ошибка, как и выборочный характер указанных мнений и отсутствие ссылок, характерны для данного исследования) и заканчивает «указом 6 ноября 1853 г.» (Дегтярев, 2003: 19–25). Судя по отсутствию записей в листах использования соответствующих архивных дел, к ним автор не обращался. Очевидно, он использовал «Труды высочайше утвержденной комиссии для пересмотра правил о служебных преимуществах и пенсионного устава» (Труды..., 1871), ссылка на которые имеется в тексте. Об этом свидетельствует и перешедшая из «Трудов...» в работу Г.П. Дегтярева опечатка в дате указа: 1853 г. вместо 1852 г. Эта ошибка (без ссылки на источник) перекочевала в большинство публикаций других авторов (Квасов, 2005: 58; Федяев, 2008: 167; Халтурина, 2009: 155; Чеснокова, 2012: 175; Ермаков, 2013: 19; Лапаева, 2020: 20).

В диссертации Д.А. Квасова вкратце повторены (без ссылки на источник) упоминания о мифическом «особом комитете», записке Блудова и «указе 6 ноября 1853 г.» (Квасов, 2005: 57–58). И, наконец, Д.Б. Гусаков воспроизводит эту версию со ссылкой на Д.А. Квасова (Гусаков, 2015: 65).

4. Результаты

При разработке Пенсионного устава 1827 г. финансовые соображения практически игнорировались, за исключением краткого замечания Е.Ф. Канкрин (Раскин, 2020: 2489). Но по мере применения этого устава расходы на пенсии стали слишком обременительными для казны и начались попытки сократить или даже полностью устранить эти расходы.

В 1842 г. генерал-адъютант О.И. Раутенштраух представил императору проект создания в России (по польскому образцу) эмеритальной кассы, призванной заменить или по крайней мере восполнить расходы казны на пенсионное обеспечение. Николай I создал для разработки закона об эмеритуре Эмеритальный комитет из министров (во главе с председателем Комитета министров кн. И.В. Васильчиковым) и подведомственный ему «другой» («второстепенный») комитет из товарищей министров (для предварительной подготовки сведений к законопроекту). 27 февраля 1843 г. Главный эмеритальный комитет заключил, что для составления первоначального эмеритального капитала (из процентов которого выплачивались бы пенсии) потребовалось бы 165 млн руб. (сумма неподъемная), а для выяснения причин резкого увеличения расходов на пенсии и наиболее отягощающих казну родов пенсий необходима детальная проработка вопроса, возложенная на «Второстепенный комитет» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2276-б. Л. 272-289). Из составленных последним ведомостей вытекало, что заменить казенные пенсии эмеритурой нереально. 6 апреля 1848 г. император приказал передать дела Главного эмеритального комитета (в том числе проект изменений пенсионного устава, который был использован при дальнейшем обсуждении) в Комитет министров (РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2275. Л. 92), а 16 октября 1849 г. поручил комитету пересмотреть все предложения по изменению Пенсионного устава. Подготовка предложений по реформе этого устава была возложена на II отделение Собственной е.и.в. канцелярии (РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2095. Л. 247-249).

Это обсуждение происходило на фоне общей политики по сокращению расходов казны. Департамент государственной экономии Государственного совета в 1851 г. по повелению Николая I рассматривал пути сокращения расходов основных ведомств, в том числе за счет отмены пенсионных привилегий для учебной, медицинской и других служб (РГИА. Ф. 1152. Оп. 4. Д. 113, 155-а, 160, 186).

Но почти во всех предложениях о реформе Пенсионного устава присутствовали и указания на недостаточность пенсий гражданских чиновников, их отставание от военных пенсий и необходимость повысить пенсии тем или иным разрядам чиновников гражданского ведомства.

25 мая 1850 г. главноуправляющий II отделением гр. Д.Н. Блудов представил проект радикальных изменений в пенсионной системе.

Он предлагал считать пенсии милостью, «от престола истекающей», и распространять эту милость лишь на служащих, не имеющих «собственного достояния» (о чем должно свидетельствовать начальство), т.е. вернуться к доекатерининским временам. Гр. Блудов считал необходимым отменить все привилегированные пенсии, подчинив все ведомства одному пенсионному уставу. Полные пенсии предлагалось назначать лишь за 35-летнюю службу, а за 45-летнюю - в полutorном размере. Ранее 35-летнего стажа Блудов предлагал назначать («неимущим») в случае потери здоровья лишь постоянные (вплоть до выздоровления) пособия («по самому строгому удостоверению как от начальства их, так и от медицинских чинов»). Проект Блудова предусматривал также некоторые изменения пенсионных прав для судимых и «худо аттестованных» чиновников и их семейств и другие уточнения (РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2276-б. Л. 291-292).

Главным оппонентом Блудова выступил министр государственных имуществ гр. П.Д. Киселев. Отвергая устаревший принцип пенсионного обеспечения лишь для неимущих, он подчеркивал, что, исходя из «начал монархического правления», каждый чиновник должен быть уверен в обеспечении в старости. «Распространение этого убеждения между сословием чиновников, чрез которых обращается вся машина государственного управления, необходимо и в нравственном отношении, дабы устранить для чиновников необходимость помышлять об обеспечении своей старости средствами предосудительными» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2276-б. Л. 292). Указывал Киселев и на сложности (в том числе чреватые коррупцией) определения принадлежности чиновника к разряду неимущих. Он считал, что назначение пенсии лишь за 35-летнюю службу «несоразмерно с обыкновенными силами человека», предлагая (в соответствии с предложениями Эмеритального комитета) установить 2 пенсионных стажа – 35 лет для полной пенсии и 25 – для половинной. Далее гр. Киселев указывал на необходимость хотя бы некоторого уравнивания пенсионных разрядов с окладами жалования, в частности повышения пенсий чиновникам первых трех разрядов, достаточных для их достойного существования. Для пополнения средств казначейства он предлагал заменить существующий 4-процентный вычет из жалования 5-процентным, а также составить в ведомствах особый капитал для дополнительных пенсий. Против отмены пенсионных привилегий Киселев (в министерстве которого привилегированных пенсий не было) не возражал, «ибо служба государю равна по всем частям».

Гр. Д.Н. Блудов представил объяснения на замечания Киселева, в которых указывал, что действующий Пенсионный устав основан главным образом на иностранном опыте, а законодательство Елизаветы Петровны и Екатерины II связывало право на пенсию с отсутствием состояния, и призывал восстановить это «древнее начало русского законодательства». Приводил он дополнительные аргументы и в пользу других своих предложений, в частности о целесообразности увеличить пенсии не высшим, а 7 низшим пенсионным разрядам.

Министрам было предложено высказаться по всем пунктам предложений гр. Д.Н. Блудова и возражений гр. П.Д. Киселева.

Министр юстиции гр. В.Н. Панин считал возможным увеличение пенсионных окладов только для низших разрядов. Единым стажем для получения пенсии он предлагал 30 лет, а в случае неизлечимой болезни 1/3 пенсии за 10 лет службы, 2/3 за 20 лет.

Морской министр св. кн. А.С. Меншиков обратил внимание на сумму вычетов из жалования чиновников, которая могла бы составить общий пенсионный капитал, отвергая превращение пенсий в пособие на бедность. При этом он соглашался с установлением единого порядка начисления пенсий, т.е. с отменой пенсионных льгот для отдельных категорий служащих. По поводу пенсионного стажа Меншиков соглашался с гр. П.Д. Киселевым. Существующие пенсионные оклады он (ввиду возрастающих расходов казны на пенсии) предлагал оставить без изменений.

Главначальствующий над Почтовым департаментом гр. В.Ф. Адлерберг, дипломатично соглашаясь считать пенсию милостью монарха, полагал, что эта милость должна тем не менее распространяться на всех чиновников, т.к. из их жалования делаются специальные вычеты, а определение степени «недостаточности» средств отставных служащих вызывает затруднения. Он соглашался также с отменой всех пенсионных привилегий, т.к. «при настоящем состоянии образования в нашем Отечестве» нет нужды в привилегиях даже для ученых иностранцев», а «всякая служба имеет свои трудности». Пенсионный стаж гр. Адлерберг предлагал установить от 20 до 25 лет для половинной пенсии и от 35 до 45 лет для полной. Пенсионные оклады он считал возможным увеличить и для первых трех, и для низших разрядов, а увеличивать вычеты нецелесообразным.

Товарищ министра финансов П.Ф. Брок по финансовым соображениям присоединился к мнению гр. Д.Н. Блудова относительно назначения пенсий только нуждающимся. Соглашаясь с принципом уравнивания пенсионных прав всех гражданских чиновников, он, однако, настаивал на привилегиях таможенных и горных чинов. Предложения гр. Блудова о сроках выслуги пенсий Брок поддержал.

Министр народного просвещения кн. П.А. Ширинский-Шихматов убедительно защищал пенсионные привилегии своего ведомства.

Министр внутренних дел гр. Л.А. Перовский категорически отверг назначение пенсий лишь «недостаточным» как противоречащее действующему законодательству и «существенно вредное в нравственном отношении», отстаивал привилегии для медицинской службы и согласился с предложением гр. П.Д. Киселева по пенсионному стажу. Он обратил также внимание на необходимость ускорения процедуры назначения пенсий, признавая желательным назначение непосредственно при отставке (РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2276-б. Л. 417-427).

Кавказский наместник гр. М.С. Воронцов также настаивал на сохранении привилегий таможенных и карантинных чиновников (РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2276-б. Л. 430-431).

Главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями гр. П.П. Клейнмихель, отвергая принцип пенсии как «милости», защищал пенсионные привилегии служащих своего ведомства и присоединился к предложениям Киселева о сроках выслуги пенсии, а увеличение пенсионных окладов признавал желательным для всех разрядов (РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2276-б. Л. 441-442).

Главноуправляющий IV отделением Собственной е.и.в. канцелярии принц Петр Георгиевич Ольденбургский также считал трудноисполнимым выплату пенсий лишь «недостаточным», настаивал на необходимости особых пенсионных правил для учебной и медицинской службы (и, конечно, возглавляемого им ведомства), но разделял мнение гр. Блудова по поводу сроков пенсионного стажа (РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2276-б. Л. 477-481об.).

Аргументированный и красноречивый отзыв вел. кн. Александра Николаевича сыграл важную роль в обсуждении проекта преобразования Пенсионного устава. Будущий император справедливо указал на некорректность ссылок гр. Д.Н. Блудова на указы Елизаветы и Екатерины и древнюю традицию. Отметил он и практическую неприменимость проекта Блудова: «Сколько тут будет злоупотреблений и хитростей? Фаворитизма и притеснений? Если пенсии¹ производить только людям недостаточным, то почему же и жалованья не производить только им же? Смее думать, что служба Государю всех одинакова. Государь жалует жалованьем, награждает службу каждого по его трудам и не желает, чтобы служили Ему как бы из милости, не ожидая Его милостей. Относительная оценка службы, а не семейных частностей должна давать и относительные права, сначала на жалованье, а потом на пенсию как продолжение жалованья».

Наследник престола категорически возражал и против уравнивания всех родов службы, указывая на особые свойства учебной службы: «Служба учебная требует особого приготовления, в котором проходят ученические годы того, кто к ней готовится... Служба учебная не предполагает движения... Никто не будет спорить, что одна из важнейших потребностей правительства есть приобретение для молодого поколения учителей достойных: людей нравственных, просвещенных и способных. Единственное преимущество таких людей перед чиновниками заключается ныне только в пенсиях...». Увеличение окладов высшим разрядам вел. кн. Александр Николаевич считал «неблаговидным», т.к. это предложение исходило от людей, принадлежавших к этим разрядам,

¹ Здесь и далее все выделения в цитируемом документе.

и предлагал повысить пенсии двум или трем низшим разрядам, сохранив существующие сроки выслуги (РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2276-б. Л. 445-475). Отмену пенсионных привилегий для преподавателей он называл «политической ошибкой», но с отменой выплаты пенсий во время учебной службы готов был согласиться. Однако одним из первых указов Александра II стало восстановление права преподавателей на сохранение пенсий на службе сверх жалованья (2ПСЗ. Т. 30. № 29195. 05.04.1855; Середонин, 1902: 46-51).

Таким образом, радикальный проект гр. Д.Н. Блудова по изменению главного принципа Пенсионного устава был отвергнут почти всеми участниками обсуждения, большинство из них настаивало на сохранении привилегированного пенсионного обеспечения специальных родов службы, а относительно сроков выслуги пенсии и ряда менее значительных вопросов наблюдался разброс мнений.

В результате 1 ноября 1852 г. на заседании Комитета министров была объявлена воля императора. Ввиду разногласий и затруднительности окончательного решения, а также обременительности увеличивающегося каждый год расхода на пенсии, Николай I считал необходимым, «не изменяя главных оснований нынешнего Пенсионного устава, сделать такие частные в оном перемены, кои могли бы остановить постоянно возрастающее увеличение пенсионного расхода и привести этот расход в такую норму, которая не превышала бы ныне отпускаемой на пенсии суммы» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2274. Л. 21-31).

6 ноября был подписан указ, внесший частные изменения в Пенсионный устав. Поскольку некоторые участники обсуждения в Комитете министров, опираясь на данные Эмеритального комитета, указывали, что на пенсии чиновникам, вышедшим в отставку после 20 лет службы, приходилось больше всего расходов казначейства, было оставлено (вместо прежних трех – 20, 30 и 25 лет) лишь 2 срока выслуги: 35 лет для полной пенсии и 25 для половинной.

В учебных и ученых заведениях было отменено производство пенсий на службе сверх жалованья и оставлено (вместо прежних трех – 15, 20 и 15 лет) 2 срока выслуги: 25 для полной и 20 лет для половинной пенсии, причем учителя каллиграфии, рисования, танцев, музыки, пения, фехтования и гимнастики были подчинены действию общего пенсионного устава. Оставлено лишь 2 срока выслуги и для медицинского ведомства: 30 лет для полной и 20 для половинной пенсии. Особые пенсии для служащих горного и таможенного ведомства были оставлены лишь для служащих непосредственно при горных заводах и таможенных учреждениях. Пенсии чиновникам устанавливались по окладу должностей, занимаемым ими не менее 5 лет. Единовременные пособия семьям умерших чиновников устанавливались в размере полугодового жалованья при службе до 10 лет и годового – от 10 до 25 лет (2ПСЗ. Т. 27. № 26747).

Так, некоторые предложения Эмеритального комитета и отдельных министров были учтены, но наименее радикальные и спорные и направленные на сокращение расходов, а не на повышение пенсий.

Указ 6 ноября 1852 г. был первой и последней реформой Пенсионного устава 1827 г. Но не последней попыткой реформы.

25 октября 1866 г. Александр II утвердил всеподданнейший доклад министра финансов М.Х. Рейтерна и государственного контролера В.А. Татаринова о сокращении государственных расходов. Они предлагали сократить издержки на содержание лиц, не занимавших штатных должностей, сократить предоставленные отдельным ведомствам особые (повышенные) оклады и преобразовать Пенсионный устав, создав специальную комиссию (РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 126. Л. 1-2). Она получила наименование «Высочайше утвержденной комиссии для пересмотра правил о служебных преимуществах и Пенсионного устава». В нее вошли представители всех министерств и ведомств. Возглавил комиссию член Совета министра финансов А.К. Гирс, а после его смерти в 1880 г. – член этого же Совета Д.Ф. Кобеко (РГИА. Ф. 560. оп. 22. Д. 126. Л. 300б.-310б.). Главным в работе комиссии стал вопрос о реформе Пенсионного устава.

Как указывал М.Х. Рейтерн, «пенсии, производимые на основании действующего ныне пенсионного устава, до такой степени ничтожны, что они не обеспечивают пенсионеров даже в самых необходимых потребностях жизни. Между тем в общей сложности пенсионные выдачи составляют весьма значительный для Государственного казначейства расход, простирающийся до 16800000 р. и ежегодно возрастающий в размере от 500 тыс. р. до 1 м. р. Столь очевидная неудовлетворительность теперешней системы пенсий указывает на необходимость преобразования пенсионного устава на новых, более соответствующих существу дела началах» (РГИА. Ф. 560. оп. 22. Д. 126. Л. 70б.-9).

Комиссия по предложению А.К. Гирса постановила собрать как можно более полные статистические сведения о выплате пенсий за разные периоды, причем взять эти сведения из Общей государственной книги пенсий и единовременных пособий, ведшейся в Департаменте Государственного казначейства, а также составить историческое обозрение и обозрение пенсионного законодательства иностранных государств. Для этой весьма обширной работы должны были быть откомандированы чиновники Министерства финансов, не имеющие определенных занятий (РГИА. Ф. 560. оп. 22. Д. 126. Л. 32-320б.). Были разработаны формы статистических ведомостей.

Собранный комиссией исторический материал публиковался (*Историческое обозрение...*, 1869), а затем был опубликован и 1-й том трудов комиссии (*Труды...*, 1871).

Часть членов комиссии (в том числе председатель А.К. Гирс) предлагала вернуться к идее пенсионного обеспечения гражданских служащих путем создания пенсионной кассы, но это предложение встретило возражения. Работа затянулась на несколько лет. В мае 1876 г. на рассмотрение Государственного контроля был представлен проект нового пенсионного устава, одобренный министром финансов. Но государственный контролер Д.М. Сольский в сентябре 1879 г. вернул этот проект, указав, что «введение преобразования в пенсионном деле на указанных в проекте комиссии основаниях представляется несвоевременным». Новый министр финансов С.А. Грейг согласился с этим и 20 ноября 1879 г. поручил комиссии ограничиться исправлениями действующего устава.

Эти исправления должны были включать установление единого стажа пенсионной выслуги (40 лет), уменьшение числа должностей, дающих право на пенсию, уменьшение числа особых пенсионных уставов, установление минимального размера пенсии 300 руб. в год (вместо существовавших 85) и соответствующее повышение окладов более высоких разрядов. Проект был рассмотрен в 1881 г. Советом министра финансов, но т.к. он предусматривал значительное увеличение расходов казны, было решено ограничиться разработкой правил испрашивания усиленных пенсий. После всеподданнейшего доклада министра финансов Н.Х. Бунге 1 апреля последовало повеление закрыть комиссию (РГИА. Ф. 560. оп. 22. Д. 126. Л. 50-51).

Больше попыток реформировать Пенсионный устав в Российской империи не производилось.

Архаизм Пенсионного устава и в дальнейшем осознавался многими государственными деятелями России (Гурко, 2000: 106).

Уверенность чиновника в обеспечении в старости делалась все более актуальной по мере увеличения доли служащих, не имевших поместий и другой недвижимой собственности (о капиталах в 1-ю пол. XIX в. говорить не приходится). Даже среди чинов IV класса, отнесенных к 1-му пенсионному разряду, в 1850-е г. 35,1 % не имел собственности, V класса – 49 %, а к 1878 г. чиновников IV класса, не имевших недвижимости, было уже 56,9 %, в 1902 г. – 69 % (Зайончковский, 1978: 92-96). Для низших разрядов эта доля была еще более значительной.

Все большей части чиновников приходилось в старости надеяться либо на пенсию, либо «помышлять о обеспечении своей старости средствами предосудительными». Надежду на первое власть должна была поддерживать, с «предосудительными средствами» – по мере сил и с переменным успехом боролась.

До некоторой степени скудость содержания по пенсионным разрядам компенсировалась назначением усиленных пенсий отдельным лицам. Эти усиленные пенсии «по многим гражданским ведомствам уже стали общим правилом». Но, во-первых, такие пенсии каждый раз испрашивались в индивидуальном порядке и в качестве особой милости, а во-вторых, их назначение зависело от министра финансов, что «увеличивало влияние и возвышало положение этого министра. По мнению военного министра А.Ф. Редигера, именно по этой причине Министерство финансов не желало менять пенсионное законодательство (Редигер, 1999: 33-34). Думается, что причиной этого были и опасения неизбежного в случае такой перемены увеличения расходов казны.

5. Заключение

Пенсионное обеспечение было необходимым условием стабильности российской бюрократии.

Рост общего числа чиновников и ограниченные финансовые возможности государства уже в первые два десятилетия применения Пенсионного устава сделали расходы на выплату пенсий серьезной проблемой для казны.

Попытки реформы Пенсионного устава были порождены стремлением уменьшить финансовое бремя правительства, но при этом учитывался и недостаточный размер пенсий. В итоге правительство ограничилось лишь частными косметическими изменениями.

Эти изменения не могли существенно повлиять на недостаточность пенсионного обеспечения государственных служащих. Существенно сократить пенсионные расходы казны также не получалось. С годами эти проблемы только усугублялись.

Создаваемые в некоторых ведомствах эмеритальные, а затем и пенсионные кассы могли лишь частично дополнить скудное пенсионное содержание чиновников за счет внебюджетных источников.

Так сложилась судьба Пенсионного устава и, соответственно, системы пенсионного обеспечения служащих гражданского ведомства в Российской империи.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта РНФ № 22-28-00060.

Литература

Гусаков, 2015 – Гусаков Д.Б. Генезис государственного пенсионного обеспечения и социального страхования в Российской империи: историко-правовой вопрос: Дисс. ... канд. юр. наук. СПб., 2015. 161 с.

Гурко, 2000 – Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 810 с.

- Дегтярев, 2003 – Дегтярев Г.П. Пенсионные реформы в России. М.: Academia, 2003. 335 с.
- Ермаков, 2013 – Ермаков Д.Н. Тенденции развития российской пенсионной системы: Дисс. ... док. экон. наук. М., 2013. 421 с.
- Зайончковский, 1978 – Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.
- Историческое обозрение..., 1869 – Историческое обозрение пенсионных постановлений в России и законодательных по сему предмету работ. СПб.: Тип. В.М. Майкова, 1869. 42 с.
- Квасов, 2005 – Квасов Д.А. Становление и развитие пенсионного законодательства о государственных служащих Российской империи XIX – начала XX в.: Дисс. ... канд. юр. наук. М., 2005. 191 с.
- Кульчицкий, 2008 – Кульчицкий А.В. История пенсионного обеспечения россиян: 1827–1917 гг. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. № 35(76) Ч. 1. Общественные и гуманитарные науки: Научный журнал. СПб.: Книжный дом, 2008. С. 199–204.
- Лапаева, 2020 – Лапаева А.В. Пенсионное обеспечение в Российской империи в период действия Устава о пенсиях и единовременных пособиях государственным (военным и гражданским) служащим 1827 г. / Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: Сб. материалов XVII Междунар. науч.-практ. конф. Тольятти, 2020. С. 30–33.
- 2ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 27, 30. СПб., 1830. 801, 778 с.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Раскин, 2001 – Раскин Д.И. Российская империя XIX – начала XX века как система государственных учреждений, службы, сословий, государственного образования и элементов гражданского общества. Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2001. 467 с.
- Редигер, 1999 – Редигер А.[Ф]. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2 томах. Т. 2. М.: «Канон-пресс Ц», «Кучково поле», 1999. 528 с.
- Середонин, 1902 – Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 3, ч. 2. Комитет Министров в царствование Императора Александра Второго (1855 г. февраля 19 – 1881 г. марта 1). СПб.: Канцелярия Комитета министров, 1902. 315 с.
- Труды..., 1871 – Труды высочайше утвержденной комиссии для пересмотра правил о служебных преимуществах и пенсионного устава. СПб.: Тип. В.М. Майкова, 1871. 692 с.
- Федяев, 2008 – Федяев Г.Н. Пенсионная политика государства в дореволюционной России // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 7. С. 166–168.
- Халтурина, 2009 – Халтурина О.А. Исторический опыт пенсионного обеспечения в России // Сибирская финансовая школа: АВАЛЬ. 2009. № 3. С. 153–158.
- Чеснокова, 2012 – Чеснокова Ю.В. Становление пенсионного обеспечения в России в XVI – начале XX вв. // Известия ПГПУ имени В.Г. Белинского. 2012. № 28. С. 173–175.
- Шамкина, Землякова, 2018 – Шамкина Е.В., Землякова Н.С. Особенности формирования и становления пенсионного обеспечения России в XIX – XX вв. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 4(48). С. 150–158.
- Raskin, 2020 – Raskin D.I. Pension Reform of Nikolai I // Bylye Gody. 2020. Vol. 58. Is. 4: 2485–2494.

References

- 2PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii). Sobranie 2-e [The complete collection of laws of the Russian Empire). 2nd collection]. Vol. 27, 30. SPb., 1830. 801, 778 p. [in Russian]
- Chesnokova, 2012 – Chesnokova, Ju.V. (2012). Stanovlenie pensionnogo obespechenija v Rossii v XVI – nachale XX vv. [The formation of pension provision in Russia in the 19th century – the beginning of the 20th century]. *Izvestija PGPU imeni V.G. Belinskogo*. 28: 173–175. [in Russian]
- Degtyarev, 2003 – Degtyarev, G.P. (2003). Pensionnye reformy v Rossii [Pension reforms in Russia]. M.: Academia, 335 p. [in Russian]
- Ermakov, 2013 – Ermakov, D.N. (2013). Tendentsii razvitija rossijskoj pensionnoj sistemy [Trends in the development of the Russian pension system]: dis... dok. jekon. nauk. M., 421 p. [in Russian]
- Fedyayev, 2008 – Fedyayev, G.N. (2008). Pensionnaja politika gosudarstva v dorevoljucionnoj Rossii [State pension policy in pre-revolutionary Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 7: 166–168. [in Russian]
- Gurko, 2000 – Gurko, V.I. (2000). Cherty i silujety proshlogo: Pravitel'stvo i obshhestvennost' v carstvovanie Nikolaja II v izobrazhenii sovremennika [Features and silhouettes of the past: The government and the public in the reign of Nicholas II in the image of a contemporary]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 810 p. [in Russian]
- Gusakov, 2015 – Gusakov, D.B. (2015). Genezis gosudarstvennogo pensionnogo obespechenija i social'nogo strahovanija v Rossijskoj imperii: istoriko-pravovoj vopros [The Genesis of State Pensions and Social Insurance in the Russian Empire: a Historical and Legal Question]: diss. ... kand. jur. nauk. SPb., 161 p. [in Russian]

Istoricheskoe obozrenie..., 1869 – Istoricheskoe obozrenie pensionnyh postanovlenij v Rossii i zakonodatel'nyh po semu predmetu rabot [Historical review of pension regulations in Russia and legislative works on this subject]. SPb.: Tip. V.M. Majkova, 1869. 42 p. [in Russian]

Khalturina, 2009 – *Khalturina, O.A.* (2009). Istoricheskij opyt pensionnogo obespechenija v Rossii [Historical experience of pension provision in Russia]. *Sibirskaja finansovaja shkola: AVAL*. 3: 153-158. [in Russian]

Kul'chitckij, 2008 – *Kul'chitckij, A.V.* (2008). Istorija pensionnogo obespechenija rossijan: 1827-1917 gg. [The history of pension provision for Russians: 1827-1917]. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. Aspirantskie tetradi*. 35(76) Ch. 1. Obshhestvennye i gumanitarnye nauki: Nauchnyj zhurnal. SPb.: Knizhnyj dom. Pp. 199-204. [in Russian]

Kvasov, 2005 – *Kvasov, D.A.* (2005). Stanovlenie i razvitie pensionnogo zakonodatel'stva o gosudarstvennyh sluzhashchih Rossijskoj imperii XIX – nachala XX v. [Formation and development of pension legislation on civil servants of the Russian Empire in the XIX – early XX centuries]: dis. ... kand. jur. nauk. M., 191 p. [in Russian]

Lapaeva, 2020 – *Lapaeva, A.V.* (2020). Pensionnoe obespechenie v Rossijskoj imperii v period dejstvija Ustava o pensijah i edinovremennyh posobijah gosudarstvennym (voennym i grazhdanskim) sluzhashchim 1827 g. [Pension provision in the Russian Empire during the period of the Statute on pensions and lump-sum allowances for state (military and civil) employees of 1827]. *Tatishhevskie chtenija: aktual'nye problemy nauki i praktiki: sb. materialov XVII Mezhdunar. nauch.-prak. konf. Tol'jatti*. Pp. 30-33. [in Russian]

Raskin, 2001 – *Raskin, D.I.* (2001). Rossijskaja imperija XIX – nachala XX veka kak sistema gosudarstvennyh uchrezhdenij, sluzhby, soslovij, gosudarstvennogo obrazovanija i elementov grazhdanskogo obshhestva [The Russian Empire of the 19th – early 20th centuries as a system of state institutions, services, estates, state education and elements of civil society]. Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 467 p. [in Russian]

Raskin, 2020 – *Raskin, D.I.* (2020). Pension Reform of Nikolai I. *Bylye Gody*. 58(4): 2485-2494.

Rediger, 1999 – *Rediger, A.[F.]* (1999). Istorija moej zhizni. Vospominanija voennogo ministra. V 2-h tomah [Story of my life. Memoirs of the Minister of War. In 2 volumes]. T. 2. M.: «Kanon-press C», «Kuchkovo pole», 528 p. [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archives].

Seredonin, 1902 – *Seredonin, S.M.* (1902). Istoricheskij obzor dejatel'nosti Komiteta ministrov. T.3, ch. 2. Komitet Ministrov v carstvovanie Imperatora Aleksandra Vtorogo (1855 g. fevralja 19 – 1881 g. marta 1) [Historical overview of the activities of the Committee of Ministers. Vol. 3, part 2. Committee of Ministers in the reign of Emperor Alexander II (1855 February 19 – 1881 March 1)]. SPb.: Kanceljarija Komiteta ministrov, 315 p. [in Russian]

Shamkina, Zemljakova, 2018 – *Shamkina, E.V., Zemljakova, N.S.* (2018). Osobennosti formirovanija i stanovlenija pensionnogo obespechenija Rossii v XIX – XX vv. [Features of the formation and development of pension provision in Russia in the XX – XX centuries]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki*. 4(48): 150-158. [in Russian]

Trudy..., 1871 – Trudy vysochajshe utverzhdennoj komissii dlja peresmotra pravil o sluzhebnyh preimushhestvah i pensionnogo ustava [Proceedings of the Supremely Approved Commission for the Revision of the Service Benefit and Pension Rules]. SPb.; Tip. V.M. Majkova, 1871. 692 p. [in Russian]

Zajonchkovskij, 1978 – *Zajonchkovskij, P.A.* (1978). Pravitel'stvennyj apparat samodержavnoj Rossii v XIX v. [The government apparatus of autocratic Russia in the twentieth century]. M.: Mysl', 288 p. [in Russian]

Судьба Пенсионного устава 1827 г. в Российской империи

Давид Иосифович Раскин ^{a, *}, Андрей Александрович Солнышкин ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена судьбе Пенсионного устава 1827 г. Пенсионный устав 1827 г. стал основой системы пенсионного обеспечения государственных служащих в Российской империи. Он завершил процесс формирования российской бюрократии. Во время принятия устава не учитывались финансовые возможности государства. Но уже очень скоро выяснилось, что выплата пенсий отставным служащим ложится тяжелым бременем на Государственное казначейство. В то же время размер пенсий все больше и больше отставал от размеров жалования чиновников и был явно недостаточным. В результате появился проект перехода на «накопительную пенсионную

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: d.raskin@mail.ru (Д.И. Раскин), aas98@bk.ru (А.А. Солнышкин)

систему» путем создания эмеритальной кассы (по примеру Царства Польского). Но специально созданный в 1843 г. для разработки этого проекта Эмеритальный комитет установил, что создание такой системы нереально. При обсуждении реформы Пенсионного устава в Комитете министров в 1850–1851 гг. граф Д.Н. Блудов предложил вернуться к практике XVIII в., когда пенсии выплачивались только тем, кто не имел собственных средств к существованию. Это предложение было единодушно отвергнуто всеми министрами. Высказывалось также предложение отменить все пенсионные льготы для «особых родов службы» – учебной, медицинской, таможенной и т.д. Это предложение также не было поддержано большинством министров. Указ Николая I 6 ноября 1852 г. внес лишь частичные изменения в Пенсионный устав 1827 г. Эти изменения касались главным образом сроков службы, необходимых для получения пенсии. Но проблема необходимости, с одной стороны, сокращения расходов государства на выплату пенсий, а с другой – повышения размеров пенсий оставалась. В 1866 г. при Министерстве финансов была создана специальная комиссия для подготовки нового пенсионного устава, но ее предложения так и не были реализованы, а в 1883 г. комиссия была закрыта. Архаизм Пенсионного устава 1827 г. к концу XIX – началу XX вв. был очевиден, но до 1917 г. этот устав остался почти неизменным.

Ключевые слова: пенсионный устав, бюрократия, пенсии, Блудов, Николай I, Эмеритальный комитет, Комитет министров, Министерство финансов, реформа.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1721-1732
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1721

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Troickij Cathedral as the Example of Stone Buildings Dendrochronological Dating (Kyakhta, East Siberia)

Zakhar Yu. Zharnikov ^{a, b, *}, Valeria V. Dzyuba ^c, Vladimir S. Myglan ^a, Irina L. Vakhnina ^{a, d}

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Sukachev Institute of Forest SB RAS, Russian Federation

^c Far Eastern Federal University, Russian Federation

^d Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Russian Federation

Abstract

The article is about dendrochronological dating of stone sites in East Siberia. This work based on Troickij cathedral (the XIX century) of Kyakhta, Republic of Buryatia. In the discussion we compared the use of dendrochronological analysis for dating stone sites from North America (USA), European countries and Russia. The results are about dendrohistory analysis of the Troickij cathedral: a) showed the available historical sources and literary bases and illustrated the stages of the construction and functioning of the cathedral; b) revealed chronological difference in the official data of the cultural heritage passport and historical sources; c) dendrochronological analysis showed the calendar date of Troickij Cathedral roof details (1829) d) interpreted the built history of the Troickij Cathedral of Kyakhta. The outmost ring of wooden samples (1829) confirmed the information contained in paper of Transbaikalian diocesan sources which not reflected in official data.

As a result, in the article we made dendrochronological dating of Siberian stone historical site. We proved that the previously publicly available historical information can be substantially corrected.

Thus, this work represents a unique experience of interdisciplinary analysis of the stone architecture sites of Transbaikalia and prospects of such researches. We illustrated that calendar-linked information helps to significantly correct the data of stone construction in the Siberian region.

Keywords: History of Siberia, Modern times, architectural monument, dendrochronology, dating, Kyakhta.

1. Введение

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к архитектурным объектам культурного наследия Сибири. Проводятся многочисленные реконструкции и реставрации исторических сооружений по целевым государственным программам (Паспорт проекта «Енисейск-400», 2016; О федеральной целевой программе, 2012). Но в то же время значительное количество старинных зданий в последние десятилетия было утрачено, а многие находятся в крайне плохом состоянии. Поэтому очень важной задачей является сохранение не только самих построек, но и получение максимально возможного количества информации, которую они в себе содержат.

На сегодняшний день в научной сфере можно отметить широкое внедрение междисциплинарного подхода. Ярким примером данной тенденции является дендрохронологический метод. Перекрестный древесно-кольцевой анализ применяется в эколого-географических, физиологических, биохимических, социо-гуманитарных, криминалистических и

* Corresponding author

E-mail addresses: zaxari1@yandex.ru (Z.Yu. Zharnikov), lera.dzyuba.2015@mail.ru (V.V. Dzyuba), v.myglan@gmail.com (V.S. Myglan), vahnina_il@mail.ru (I.L. Vakhnina)

других направлениях. Для исторической науки важный вклад вносит дендрохронологическое исследование объектов культурного наследия, которое позволяет определить календарное время заготовки исследуемой древесины – археологических памятников, архитектурных сооружений, корабельной древесины, деревянной посуды, произведений искусства и т.д. При обследовании массового древесного материала появляется возможность восстановить информацию об этапах застройки городов в разные периоды, а также предоставить дополнительные сведения о перестройках, пожарах, наводнениях и других событиях.

В связи со спецификой дендрохронологической методики особый интерес представляют каменные сооружения. Учитывая, что пробы отбираются не со стен (наименее изменяемых элементов), а с межэтажных перекрытий, перекрытий крыши и кровли, оконных рам, дверных проемов, элементов пола и лестниц и др., то полученные даты могут иметь широкий разброс и не соответствовать году сооружения самого здания. Отсюда возникает ряд вопросов: как с методической точки зрения датировать каменные архитектурные сооружения; какую информацию в качестве датировочного материала может дать древесина, содержащаяся в них; насколько специфична практика датирования каменных сооружений в разных исторических регионах.

Рассмотрим эти вопросы на примере уникального сибирского памятника XIX в. – Троицкого собора г. Кяхты. Долгое время объект находился в аварийном состоянии. В 2018 г. собор попал в программу реставрации памятников архитектурного наследия «Культура России (2012–2018 гг.)». Несмотря на то, что на его восстановление затрачены огромные усилия, в настоящее время он все еще находится на реставрации, в ходе которой с межэтажных перекрытий и перекрытий крыши были сняты деревянные элементы. С них были отобраны дендрохронологические образцы хорошей сохранности, в результате чего появилась уникальная возможность уточнить строительную историю столь значимого для Сибири объекта культурного наследия.

2. Материалы и методы

2.1. Материалы

Письменные материалы: а) информационные справочники – памятные книжки Забайкальской области (*Памятная книжка, 1895; Памятная книжка, 1899; Памятная книжка, 1891*); б) источники личного происхождения – записки и мемуары сибирских путешественников (*Паршин, 1844; Мартос, 1872; Птицин, 1896*); г) церковная периодическая печать (*Епархиальная ведомость, 1917*); д) научные труды в монографиях (*Черных, 1996; Мыглан и др., 2010; Успенский собор, 2016* и др.) и периодической печати (*Tegel, Brun, 2008; Opała-Owczarek, Klys, 2011; Werle et al., 2013; Bridge et al., 2020; Worthington, Seiter, 2015; Тарабардина, 2009; Соловьева, Карпучин, 2013; Жарников, Барин, 2019; Сидорова и др., 2017* и др.).

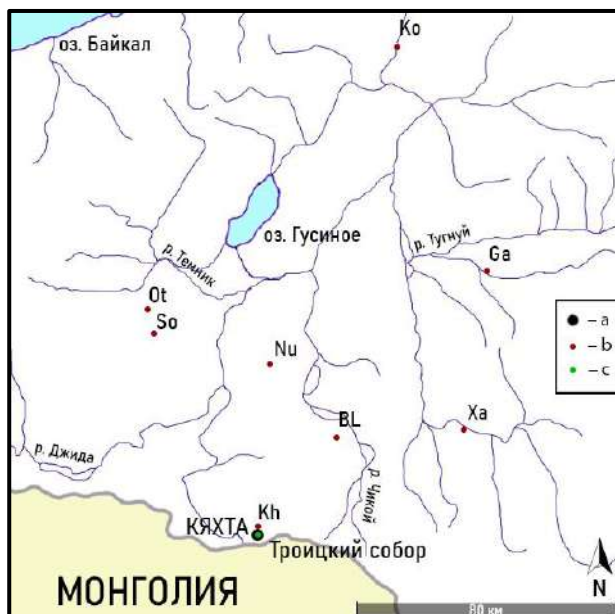

Рис. 1. Карта-схема расположения Троицкого собора в г. Кяхте. Условные обозначения: а – г. Кяхта, б – пробные площади, с которых отбиралась древесина с живых деревьев, с – Троицкий собор

Дендрохронологические материалы: 20 образцов сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris* L.), отобранных со снятых и складированных перекрытий второго яруса и купола собора (конкретная атрибуция местоположения элемента не представлялась возможной).

Сеть древесно-кольцевых хронологий (далее ДКХ) по произрастающим деревьям сосны обыкновенной, объединенных в один кластер лесных массивов, обрамляющих Бичурскую впадину (с северо-востока прилегающей к г. Кяхте) (Государственная регистрация базы данных) (Рисунок 1) длительностью 343 г. с 1677 по 2020 гг. Учитывая, что предполагаемая дата возведения собора – первая четверть XIX в., протяженности этой сети достаточно для надежной календарной датировки исследуемых конструкций.

Иллюстративные материалы: фотографии, на которых было запечатлено здание Троицкого собора в г. Кяхте до пожара 1963 г. (Кяхтинский Троицкий собор; Республика Бурятия), а также в современном состоянии (Рисунок 2).

Рис. 2. Троицкий собор г. Кяхты, 2020 г. (личный фонд лаборатории).

2.2. Методы

В основе работы лежит междисциплинарный подход, основанный на комплексе общенаучных (анализ, синтез, индукция), специально-исторических (историко-сравнительный, хронологический и ретроспективный) (Ковальченко, 2003) и естественнонаучных методах (дендрохронологический) (Мыглан и др., 2018; Larsson, 2013; Douglass, 1919; Holmes, 1983; Rinn, 1996; Cook, Kairiukstis, 1990; Wigley et al., 1984).

На их основе были выявлены особенности датирования каменных сооружений Северной Америки (США), Европы и России. Благодаря комплексному историко-дендрохронологическому анализу (Майничева, 2016) удалось с календарной точностью реконструировать цепь истории строительства и эксплуатации Троицкого собора г. Кяхты. В итоге были выявлены особенности и перспективы применения дендрохронологического анализа для датирования каменных сооружений Сибири.

3. Обсуждение

Метод древесно-кольцевого анализа в настоящее время активно используется для датирования археологических объектов, архитектурных сооружений, предметов быта и искусства. Среди них особую группу источников представляют каменные сооружения, в конструкциях которых содержится древесина. Каменный дом, в отличие от деревянного, менее подвержен влиянию внешних факторов, деревянные элементы конструкции за счет каменной оболочки дольше сохраняются и могут нести в себе ранее неизвестную историческую информацию. Также, если деревянный дом вследствие пожара выгорает полностью, то каменный – может устоять и потребуются только замена крыши (в случае необходимости и других деревянных элементов). В таких случаях дендрохронологический анализ дает возможность получить данные о перестройках и реконструкциях, информация о которых часто не сохраняется в письменных источниках.

Изучение опыта применения дендрохронологического датирования в разных странах мира (Северная Америка (США), страны Европы, Россия) позволило выделить следующие особенности использования метода дендрохронологии для датирования каменной архитектуры.

В Европе дендрохронологический метод для датировки как каменных, так и деревянных сооружений распространен по всему континенту. Такую массовость можно объяснить большим количеством дендрохронологических школ, которые производят свои исследования не только в научных целях, но в первую очередь по инициативе государства. Среди каменных объектов, которые были датированы методом древесно-кольцевого анализа, можно выделить средневековые культовые сооружения (Tegel, Brun, 2008), замки (Opala-Owczarek, Klys, 2011), жилые и фермерские дома (Susperregi et al., 2017), оборонительные сооружения (башни) (Werle et al., 2013), инженерные сооружения и другие объекты архитектурного и исторического наследия. Встречаются исследования, в которых датируются комплексы сооружений (Werle et al., 2017).

Для дендрохронологического анализа каменных сооружений отбор проб производят с таких элементов конструкций, как перекрытия крыш, сваи, лаги, колонны (столбы), лежни, перемычки, стропила и др. Кроме того, было обнаружено, что для возведения некоторых европейских сооружений используется строительный материал, заготовленный и привезенный из других мест. В большинстве случаев в строительстве используются следующие виды пород: дуб (*Quercus* spp.), сосна (*Pinus sylvestris*), ель (*Pinus abies*), лиственница (*Larix decidua*) и другие в зависимости от территории исследования.

Широкое распространение получил комплексный анализ на основе сопоставления исторических источников, радиоуглеродного (Bridge et al., 2020) и дендрохронологического методов. Это связано с проблемой качества перекрестной датировки при низкой чувствительности в условиях отсутствия ярко выраженного лимитирующего фактора. Дендрохронология здесь выступает лишь инструментом, тогда как сама цель – всесторонний хронологический анализ памятника архитектуры. Поэтому как радиоуглеродный анализ, так и письменные сведения выступают не менее важным источником информации.

В Северной Америке (США) датировка каменных сооружений сосредоточена на северо-востоке и в Средней Атлантике. Одной из главных причин такой концентрации является массовая вырубка леса, произошедшая на юго-востоке, которая привела к нехватке старой древесины, необходимой для разработки региональной древесно-кольцевой шкалы, пригодной для датировки сооружений южных штатов (Harvey, 2012).

Значительная часть исследованных сооружений представляет собой здания гражданского назначения (жилые дома, фермы и общественные здания) (Krusic et al., 2004; Worthington, Seiter, 2015 и др.). Конструктивный материал, с которого производится отбор проб для древесно-кольцевого анализа, достаточно разнообразен. Можно выделить такие типы конструкций, как чердачные бревна, балки, перекрытия и вагонка крыши и другие деревянные элементы здания.

Отмечается, что в сооружениях данной территории одновременно могут использовать до 3–4 различных видов строительной древесины (Griggs, Wazny), встречаются такие виды, как восточный болиголов (*Tsuga canadensis*), ясень (*Fraxinus* sp.), тамарак (*Larix laricina*) и др., однако основными являются дуб (*Quercus* sp.) и сосна (*Pinus rigida/strobus*). Кроме того, на данных территориях широко распространена практика повторного использования строительной древесины (Griggs), в результате чего образцы, взятые с подобной постройки, не дают точной даты.

Важно отметить, что в своих работах американские дендрохронологи часто обращаются к истории архитектуры того или иного округа или штата (Miles, Worthington, 2006), выясняя, где и в какое время появилась и начала активно внедряться та или иная технология в строительстве. Эта информация позволяет скорректировать или проверить полученную в ходе древесно-кольцевого анализа датировку исследуемого сооружения.

Дендрохронологическая датировка в Америке осуществляется не только в рамках научно-исследовательских работ, но и по приглашению местных властей и заинтересованных лиц, которые пытаются восстановить и сохранить архитектурную историю своего штата.

Результаты датировки каменных сооружений в России сильно разнятся в зависимости от территории исследования. В европейской части страны, несмотря на высокий потенциал, датировка каменных строений единична, а основная часть исследований приходится на памятники археологии и деревянное зодчество (Тарабардина, 2009; Соловьева, Карпухин, 2013; Черных, 1996; Карпухин, Соловьева, 2013; Успенский собор, 2016 и др.). В Сибири каменных сооружений достаточно мало (сосредоточены они в основном в городах), но, несмотря на это, исследовательский интерес к таким объектам с годами растет (Воронин, 2010; Мыглан и др., 2010; Сидорова и др., 2017; Жарников, Барин, 2019 и др.).

В отличие от Европы и Америки, в России основная масса исследований базируется на культовых сооружениях (Тарабардина, 2009; Успенский собор, 2016; Воронин, 2010 и др.), также датируют крепостные сооружения (Черных, 1996) и единичные постройки гражданского характера (Мыглан и др., 2010; Сидорова и др., 2017). В целом, если в европейских странах данное направление имеет широкий охват, то в России на сегодняшний день оно носит эпизодический характер. К примеру, во всем Сибирском регионе из более 200 датированных дендрохронологических памятников архитектурного наследия доля каменных составляет всего 3 %.

Конструкционный материал в основном заготавливался на месте строительства или неподалеку от него. Основными видами древесины в западной части России как в Европе, так и в Америке являются дуб (*Quercus sp.*), сосна (*Pinus sylvestris*) и ель (*Pinus abies*). На территории Сибири это хвойные породы – сосна (*Pinus sylvestris L.*) и лиственница (*Larix sibirica Ledeb.*).

В качестве вспомогательных методов, используемых в ходе дендрохронологических исследований в нашей стране, можно назвать исторический и архитектурный анализ (Жарников, Баринов, 2019). Метод радиоуглеродного датирования не приобрел в России такой же популярности, как в Европе.

Существенных различий в датировке каменных и деревянных сооружений России нами обнаружено не было (Таблица 1). Однако работа с каменными сооружениями несет в себе специфические моменты, которые были подтверждены в результате изучения опыта дендрохронологических исследований в разных странах мира. Основная особенность датировки каменных сооружений состоит в том, что зачастую анализ проводится для незначительного количества пригодного материала, содержащегося в технических конструктивных элементах (сваи, перекрытия и стропила, оконные и дверные проемы и т.п.). Тем не менее датирование данных элементов позволяет установить информацию, не отраженную в письменных источниках, так как не все данные об эксплуатации здания фиксируются письменно (к примеру, восстановление здания после сильного пожара, в результате которого могли остаться только стены).

В целом дендрохронологическое исследование Троицкого собора в г. Кяхте является логичным продолжением анализа культовых российских сооружений и позволяет ответить на вопрос о дате возведения (а возможно, перестройки) завершающих конструкций (крыши, купола и второго яруса).

4. Результаты

4.1. История строительства Троицкого собора г. Кяхты

Кяхта (Троицкосавск) – один из богатейших сибирских городов XVIII–XIX вв. Он был заложен на месте Барсуковского зимовья в 1727 г. по указанию С.Л. Владиславича-Рагузинского в соответствии с Буринским трактатом, подписанным в августе 1727 г., а годом позже был подписан Кяхтинский трактат, по условию которого Троицкосавск становится одним из ключевых пунктов торговли с Китаем (Дацишен, 2017: 636).

Первым каменным сооружением города стал Троицкий собор, который представляет собой редкое для Южной Сибири православное монументальное сооружение, выполненное в стиле русского классицизма (архитектурное описание см. (Минерт, 1983). Воздвигли собор вместо его деревянного предшественника Троицкой церкви, заложенной еще во время основания Троицкосавского острога в 1727 г. На протяжении 80 лет церковь постепенно приходила в упадок и к началу XIX в. окончательно стала непригодной для ведения служб. В 1812 г. юго-западнее обветшалых остатков крепости состоялась закладка нового каменного собора во имя святой Живоначальной Троицы, на строительство которого жертвовало кяхтинское купечество (Епархиальная ведомость, 1917: 99).

В сохранившихся до наших дней письменных источниках содержится разрозненная информация, не позволяющая восстановить детальную историю строительства собора. Документы об эксплуатации собора если и велись, то на данный момент либо уничтожены (в 1868 г. местный архив пострадал в пожаре (Птицин, 1896: 111), либо утеряны.

Согласно официальной версии, изложенной в паспорте объекта культурного наследия (Паспорт объекта..., 1960), который опирается на данные исследователя Л.К. Минерта «Памятники архитектуры Бурятии», собор был заложен в 1812 г. и строился в течение 5 лет, а в 1817 г. собор освятили (Минерт, 1983: 60). На эту же дату окончания строительства собора указывают и другие источники. Например, Памятные книги Забайкальской области (Памятная книжка, 1891: 52; Памятная книжка, 1899: 162; Памятная книжка, 1895: 101) указывают дату окончания строительства – 1817 г. обоснование даты не дается.

Кроме представленных выше источников, были рассмотрены свидетельства путешественников, у которых информация о времени сооружения собора не сходит с официальной. Статский советник А.И. Мартос в «Письмах о восточной Сибири» за 21 декабря 1823 г. о Троицкосавске писал: «Строения здесь лучше Губернского города Красноярска, хотя нет каменных зданий, исключая еще не совсем достроенного Троицкого собора» (Мартос, 1872: 61). Отсюда можно предположить, что собор не был достроен в 1817 г., так как прибывший в 1823 г. в город путешественник писал о соборе как о незавершенном строении.

В путевых записках В.П. Паршина говорится, что «церквей в городе три: две деревянные и одна каменная – собор» (Паршин, 1844: 75), хотя автор не указывает название строения в своей работе, можно точно сказать, что в данном отрывке речь идет о Троицком соборе, так как далее можно найти информацию о месте нахождения здания: «собор стоит почти в середине города». В книге В.П. Паршин ничего не говорит о состоянии строительства собора.

Наиболее ценную информацию дает статья в журнале «Забайкальские епархиальные ведомости» за 1917 г., посвященная 100-летию Троицкого собора. В ней четко указано, что на 1817 г. «Троицкий придел или главный храм был доведен лишь до сводов» (Епархиальная ведомость, 1917:

98). В этой же статье упоминаются неоднократные достройки собора. 29 мая 1829 г. Иркутской духовной консисторией была выдана сборная книга для сбора пожертвований на достройку Троицкого собора. Всего на его достройку поступило 15 698 руб. 62 коп. Деньги были израсходованы: «из записи расходов по достройке храма видно, что и на этот раз он был достроен только вчера» (Епархиальная ведомость, 1917: 99). Прибывший в 1837 г. Преосвященный Иркутский Иннокентий застал собор в запущении и беспорядке. За превращение храма «в голубятню» причту и старосте был дан строгий выговор и предписано окончить храм в 1838 г., однако этого сделано не было.

В 1840-х гг. для окончания постройки собора строителю И.Я. Куликову была выдана соборная книга, которая позже сгорела вместе с домом строителя. Однако ему удалось спасти от огня собранные деньги, которые были предъявлены начальству, после чего ему была выдана новая сборная книга сроком на два года. К 5 апреля 1844 г. причт собора сообщил Иркутской духовной консистории, что на достройку собора было собрано 13 878 руб. Об окончании строительства в статье говорится следующее: «Наконец, в 1844 году августа 31 дня постройка и ремонт храма были окончены и в этот день храм Св. Троицы был освящен. Никаких известий и записей об этом событии в делах собора не сохранилось» (Епархиальная ведомость, 1917: 101). Однако, как говорится в самой статье, дата эта ничем не обоснована.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что здание Троицкого собора строили в несколько этапов. На первом этапе (1812–1817 гг.) здание собора было доведено лишь до сводов. С 1829 г. по середину 1830-х гг. храм был доведен до чернового вида, а в 1844 г. постройка и ремонт храма были закончены. Однако окончательный свой вид храм приобрел только после 1854 г., когда старостой собора стал кяхтинский купец 1-й гильдии Я.А. Немчинов. Самой последней деталью стала установка на колокольне собора башенных часов в 1867 г. (Минерт, 1983: 60).

В 1934 г. здание собора было отдано под экспозицию музея, а все церковное имущество описано и конфисковано (антирелигиозная политика государства). В этом же году в нем был установлен маятник Фуко. Спустя какое-то время музейную экспозицию закрыли, а храм забросили. Статус памятника истории и культуры собор получил в 1960 г., однако это не убергло его от пожара 1963 г., который уничтожил купол, хоры и полхрама, крышу и частично деревянные сводчатые конструкции перекрытия над вторым этажом. В 2018 г. в рамках федеральной программы «Культура России (2012–2018 гг.)» началась реставрация собора, которая продолжается и в настоящее время.

4.2. Результат комплексного историко-дендрохронологического анализа Троицкого собора г. Кяхты

В результате перекрестной датировки индивидуальных серий по образцам конструкций Троицкого собора г. Кяхты была получена обобщенная ДКХ – SK_std протяженностью 319 лет, межсерийный коэффициент корреляции составил 0,75, что говорит о крайне высокой связи данных серий между собой (вероятно, деревья для перекрытий были срублены на одном лесном участке). Образцы № 19 и № 20 содержат небольшое количество колец относительно других образцов, так как отобраны с визуально сильно стесанных лаг купола, из-за чего их коэффициенты корреляции ниже остальных, также, возможно, они срублены в другом месте.

Таблица 1. Перекрестная древесно-кольцевая датировка индивидуальных стандартизированных серий Троицкого собора г. Кяхты

№	Название серии	Интервал		r	σ	m
1	20sk01	1639	1829	0,75	0,53	0,39
2	20sk02	1661	1829	0,81	0,53	0,33
3	20sk03	1711	1829	0,75	0,73	0,32
4	20sk04	1619	1829	0,78	0,65	0,36
5	20sk05	1658	1829	0,85	0,56	0,35
6	20sk06a	1619	1808	0,75	0,51	0,34
7	20sk06b	1726	1829	0,79	0,37	0,40
8	20sk07	1516	1828	0,74	0,34	0,32
9	20sk08	1633	1829	0,84	0,92	0,49
10	20sk09	1711	1829	0,73	0,64	0,42
11	20sk10	1656	1829	0,76	0,63	0,34
12	20sk11	1585	1829	0,77	0,29	0,33
13	20sk12	1704	1829	0,79	0,63	0,40
14	20sk13	1608	1829	0,80	0,55	0,39

15	2osk14	1626	1829	0,88	0,41	0,32
16	2osk15	1618	1829	0,74	0,60	0,37
17	2osk16	1665	1829	0,62	0,52	0,32
18	2osk17	1511	1829	0,79	0,32	0,39
19	2osk18	отбракован (креневая древесина)				
20	2osk19	1627	1738*	0,58	0,70	0,40
21	2osk20	1688	1768*	0,52	0,36	0,35
Средние значения				0,75	0,54	0,36

Примечания: r – межсерийный коэффициент корреляции; σ – стандартное отклонение; m – чувствительность; жирным выделены годы образцов, содержащих подкорковый слой; * выделены годы, на которые приходятся периферийные кольца сильно стесанных образцов купольных элементов

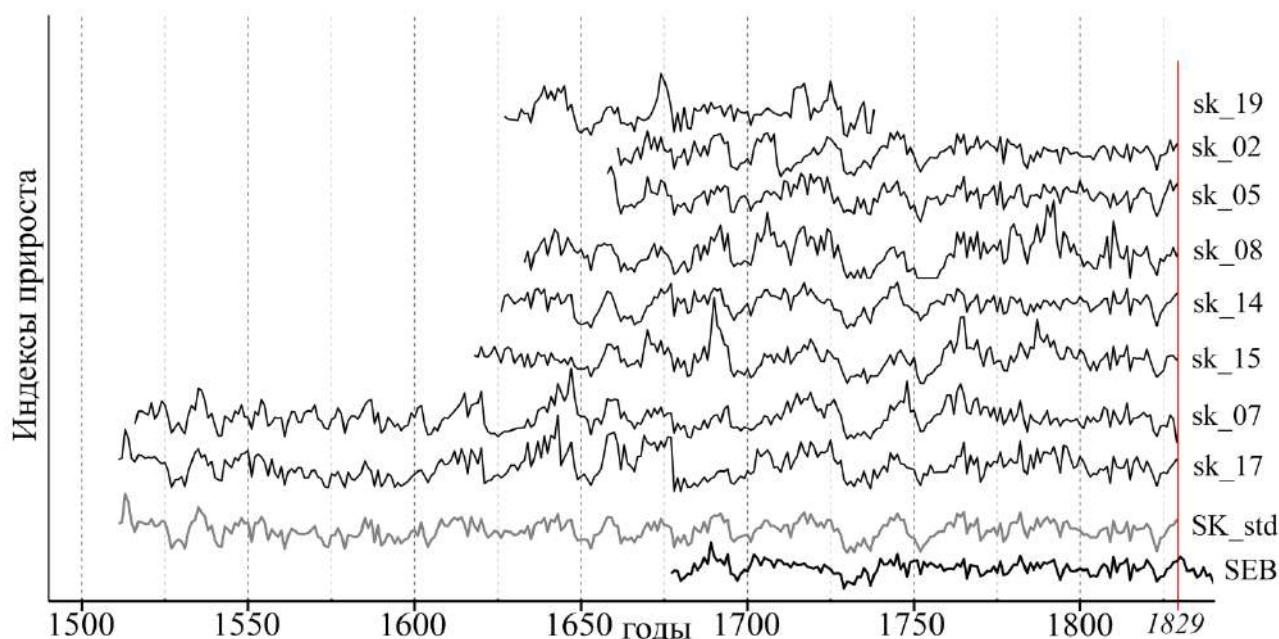

Рис. 3. Календарная датировка древесных образцов с перекрытий Троицкого собора (sk) и региональной древесно-кольцевой хронологии (SEB)

Обобщенная ДКХ – SK_std была перекрестно датирована с ДКХ – SEB, построенной по живым деревьям лесных массивов Бичурской впадины Республики Бурятия (Рисунок 3). Полученный результат показал, что последнее прижизненное кольцо у 16 образцов (содержащих подкорковый слой) было сформировано в 1829 г. Коэффициент корреляции Пирсона на периоде перекрытия в 153 года составил 0,69 (при $P \geq 0,95$), что говорит о точности проведенной перекрестной календарной датировки, а следовательно, и о примерном месте заготовки древесины (перекрытия Собора возведены из сосны обыкновенной, произраставшей в окрестностях г. Кяхты).

В итоге древесно-кольцевой анализ показал, что официальная дата (1817 г.) окончания строительства Троицкого собора в г. Кяхте не подтвердилась. Время сооружения перекрытий (1829 г.) четко согласуется с данными, изложенными в «Забайкальских епархиальных ведомостях». Следовательно, здание собора в черновом виде действительно было отстроено в 30-е гг. XIX в. Затем на протяжении еще 40 лет собор неоднократно достраивался, однако основной облик собора остался с 1830-х гг. без изменений. Таким образом, благодаря комплексному историко-дендрохронологическому анализу удалось с календарной точностью установить этапы застройки конструкций Троицкого собора г. Кяхты. Полученная информация подтвердила тезис о том, что хронология возведения каменных сооружений может быть существенно растянутой во времени и отличаться от дат, изложенных в официальных источниках.

5. Заключение

Исследование каменных сооружений естественнонаучными методами (дендрохронологический и др.) на сегодняшний день приобрело мировой охват, особенно в европейских странах и Северной Америке. К сожалению, в России таких исследований проведено немного, несмотря на значительный

потенциал в европейской части страны. В силу как общественно-исторических, так и объективно-природных причин на территории Сибири не сложилось массовой культуры каменного строительства. Известных каменных сооружений Нового времени здесь мало, так как строительство преимущественно велось из дерева. В этом случае крайне важно получить максимально полное представление о культурно-историческом пласте каменного сибирского зодчества.

Как показало данное исследование, даже для самых уникальных и значительных каменных сооружений Сибири комплексный подход позволяет более глубоко раскрыть их строительную историю. При анализе Троицкого собора г. Кяхты было установлено, что время окончания возведения его чернового вида укладывается в рамки начала 30-х гг. XIX в. (что подтвердилось как данными «Забайкальских епархиальных ведомостей», так и дендрохронологическим анализом). Следовательно, официальная дата – 1817 г. – никак не может являться датой окончания строительства. Кроме того, благодаря высокому качеству исследованных древесных материалов, удалось продлить региональную древесно-кольцевую хронологию (ДКХ) до 1511 г., что открывает широкие возможности в массовых датировках объектов деревянного зодчества и каменной архитектуры Забайкалья, а также социально-климатических реконструкций Нового времени в данном регионе.

Таким образом, анализ каменных сооружений комплексным историко-дендрохронологическим методом открывает широкие перспективы для дальнейшего изучения архитектурно-исторического прошлого Сибири. Расширение географии подобных исследований позволит намного детальней раскрыть градостроительные процессы, в особенности исторических городов – Тобольска, Томска, Красноярска, Енисейска, Иркутска и др.

6. Благодарности

Дендрохронологическая часть исследования выполнены в рамках проекта РНФ 18-14-00072-П.

Литература

Воронин, 2010 – Воронин В.И. Дендрохронологическая датировка бревен лежни под фундаментом колокольни Спасской церкви в Иркутске // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2010. № 1(41). С. 78-82.

Государственная регистрация базы данных – Государственная регистрация базы данных, охраняемой авторскими правами RU2022621012 Длительная древесно-кольцевая хронология по сосне обыкновенной для проведения судебно-ботанических (дендрохронологических) экспертиз и датировки архитектурных построек в южных и центральных районах Республики Бурятия. Авторы и правообладатели: И.Л. Вахнина, В.С. Мыглан, З.Ю. Жарников, А.В. Тайник, В.В. Баринов (UR). № 2022620855; заявл. 20.04.2022; опубл. 05.05.2022, Бюл. № 5. 1 с.

Дацышен, 2017 – Дацышен В.Г. «Кяхтинский трактат 21 октября 1727 г.»: проблемы текста и датировки // *Общество и государство в Китае*. 2017. № 1. С. 635-649.

Епархиальные ведомости, 1917 – Ко дню столетия существования Троицкосавского Троицкого собора // *Забайкальские епархиальные ведомости*. Чита, 2017. С. 98-115.

Жарников, Баринов, 2019 – Жарников З.Ю., Баринов В.В. «Дом воеводы» города Енисейска: историко-дендрохронологический анализ // *Баландинские чтения*. 2019. № 1. С. 32-39.

Карпухин, Соловьева, 2013 – Карпухин А.А., Соловьева Л.Н. Дендрохронология археологических и архитектурных сооружений Соловецкого монастыря. М., 2013. С. 16-32.

Ковальченко, 2003 – Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., Наука. 2003. 486 с.

Кяхтинский Троицкий собор – Кяхтинский Троицкий собор. Фото кон. XIX – нач. XX вв. [Электронный ресурс]. URL: <https://drevo-info.ru/pictures/9064.html> (дата обращения 11.04.2022).

Майничева, 2016 – Майничева А.Ю. Методика полевого этнографического исследования жилищ русских в Сибири: проблемы выявления традиций и новаций // *Баландинские чтения*. 2016. № 1. С. 52-55.

Мартос, 1872 – Мартос А.И. Письма о Восточной Сибири. М., 1872. 291 с.

Минерт, 1983 – Минерт Л.К. Памятники архитектуры Бурятии. Новосибирск, 1983. 192 с.

Мыглан и др., 2018 – Мыглан В.С., Жарников З.Ю., Сидорова М.О. и др. Применение метода blue intensity для датирования памятников деревянного зодчества Сибири // *Археология, этнография и антропология Евразии*. Т. 46. № 4, 2018. С. 109-113.

Мыглан и др., 2010 – Мыглан В.С., Ведмидь Г.П., Майничева А.Ю. Берёзово: историко-архитектурное очерки. Красноярск, 2010. 159 с.

О федеральной целевой программе, 2012 – О федеральной целевой программе «Культура России (2012–2018 годы)» [Электронный ресурс]. URL: <https://culture.gov.ru/documents/o-federalnoy-tselevoy-programme-kultura-rossii-2012-2018-gody/> (дата обращения 25.02.2022).

Памятная книжка, 1891 – Памятная книжка Забайкальской области на 1891 г. Чита, 1891. 134 с.

Памятная книжка, 1895 – Памятная книжка Забайкальской области на 1895 г. Ч. 1. Чита, 1895. 284 с.

- Памятная книжка, 1899 – Памятная книжка Забайкальской области на 1899 г. Ч. 1. Чита, 1899. 314 с.
- Паршин, 1844 – Паршин В. Поездка в Забайкальский край. Ч. 1. М., 1844. 143 с.
- Паспорт объекта..., 1960 – Паспорт объекта культурного наследия «Троицкий собор г. Кяхты» [Электронный ресурс]. URL: <http://nasledie-archive.ru/objs/0410019000.html#> (дата обращения 21.10.2021).
- Паспорт проекта «Енисейск-400», 2016 – Паспорт проекта Красноярского края «Енисейск-400» [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/V7kXC> (дата обращения 11.04.2022).
- Птицын, 1896 – Птицын В.В. Селенгинская Даурия: очерки Забайкальского края. СПб., 1896. 306 с.
- Республика Бурятия – Республика Бурятия, Кяхта. Собор Троицы Живоначальной [Электронный ресурс]. URL: <https://sobory.ru/photo/260347> (дата обращения 31.10.2021).
- Сидорова и др., 2017 – Сидорова М.О., Жарников З.Ю., Доржу З.Ю. и др. Дендрохронологические методы в архитектурно-этнографическом обследовании поселений русских в Сибири (на примере города Тары Омской области) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2017. № 4. С. 122-131.
- Соловьева, Карпунин, 2013 – Соловьева Л.Н., Карпунин А.А. Дендрохронологические исследования лаборатории естественнонаучных методов в 1960–1961 гг. // *Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов*. М., 2013. Вып. 3. С. 33-54.
- Тарабардина, 2009 – Тарабардина О.А. Дендрохронология средневекового Новгорода (по материалам археологических исследований 1991–2006 гг.) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2009. № 1. С. 77-84.
- Успенский собор, 2016 – Успенский собор. Изучение и сохранение. Казань, 2016. 252 с.
- Черных, 1996 – Черных Н.Б. Дендрохронология и археология. М., 1996. 216 с.
- Bridge et al., 2020 – Bridge M., Tyers C., Bayliss A. et al. 44 West Street Chipping Norton Oxfordshire: Tree-ring Analysis and Radiocarbon Wiggle-matching of Oak Timbers // *Historic England*. 2020. Research Report Series no. 96-2019. 22 p.
- Cook, Kairiukstis, 1990 – Cook E.R., Kairiukstis I. Methods of Dendrochronology: applications in environmental sciences. Dordrecht; Boston; L.: Kluwer acad. publ., 1990. 394 p.
- Douglass, 1919 – Douglass A.E. Climatic cycles and tree-growth. A study of the annual rings in trees in relation to climate and solar activity. Washington, D.C.: Carnegie Institution of Washington. 1919. Vol. I. 127 p.
- Griggs – Griggs C. Dendrochronological dates for the Crailo House, Rensselaer, NY // Cornell University, Ithaca. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/YUHxX> (дата обращения: 31.10.2021).
- Griggs, Wazny – Griggs C., Wazny T. Dendrochronological dates for the Warren and Polly Hull House and Barn // Cornell University, Ithaca. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/32035087/Dendrochronological_dates_for_the_Warren_and_Polly_Hull_House_and_Barn (дата обращения: 31.10.2021).
- Harvey, 2012 – Harvey E. Dendrochronology: A Status Report for the Eastern United States. 2012. 131 p.
- Holmes, 1983 – Holmes R.L. Dendrochronological Program Library. Laboratory of Tree-ring Research. Tucson: Univ. of Arizona. 1983. 51 p.
- Krusic et al., 2004 – Krusic P.J., Wright W.E., Cook E.R. Tree-Ring Dating of the Cahn House New Paltz, New York // Rosanne Cahn. 2004. [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/260318895_Tree-Ring_Dating_of_the_Cahn_House_New_Paltz_New_York (date of access: 31.10.2021).
- Larsson, 2013 – Larsson L. CooRecorder and Cdendro programs of the CooRecorder/Cdendro package version 7.6. 2013. [Electronic resource]. URL: <https://www.cybis.se/forfun/dendro/prgintro/index.htm> (дата обращения 08.11.2021).
- Miles, Worthington, 2006 – Miles D.H., Worthington M.J. The Tree-Ring Dating of the Adam Keeling House, Virginia Beach, Virginia. *Dendrochronology*. [Electronic resource]. URL: <https://www.dendrochronology.com/kelx1.html> (date of access: 29.04.2022).
- Opala-Owczarek, Klys, 2011 – Opala-Owczarek M., Klys G. Dendrochronological analysis of the manor house in Miejsce near Świerczów on the basis of historical wood // *Opole Scientific Society Nature Journal*. 2011. № 44. P. 21-24.
- Rinn, 1996 – Rinn F. (1996). TSAP V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. Heidelberg: Frank Rinn Distribution. 269 p.
- Susperregi et al., 2017 – Susperregi J., Telleria, I., Urteaga, M. et al. The Basque farmhouses of Zelaa and Maiz Goena: New dendrochronology-based findings about the evolution of the built heritage in the northern Iberian Peninsula // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2017. 11: 695-708.
- Tegel, Brun, 2008 – Tegel W., Brun O. Premiers résultats des analyses dendrochronologiques relatives aux boullins de construction // Nouveaux regards sur la cathédrale de Reims. Sous la direction de Bruno Decrock et Patrick Demouy. Actes du colloque international des 1er et 2 octobre 2004. Ed. Dominique Guéniot. 2008. P. 29-40.

- Werle et al., 2017 – Werle M., Dormoy C., Tegel W. et al. Trois maisons de Strasbourg construites sur les cendres de l'incendie de 1397 // *Cahiers Alsaciens d'Archéologie, d'Art et d'Histoire*. 2017. T. 60. P. 71-99.
- Werle et al., 2013 – Werle M., Seiller M., Tegel W. The towers of Cigognes or Ribeauville (Haut-Rhin) face the Burgundian threat (around 1475) // *Revue Archéologique de l'Est*. 2013. T. 62. Pp. 367-383.
- Wigley et al., 1984 – Wigley T.M.L., Briffa K.R., Jones P.D. On the average value of correlated time series, with applications in dendroclimatology and hydrometeorology // *J. of Climate and Applied Meteorology*. 1984. Vol. 23. Is. 2. Pp. 201-213.
- Worthington, Seiter, 2015 – Worthington M.J., Seiter J.I. The Tree-Ring Dating of the Fine/Riegel Barn (Holland Township Barn Survey #20), Holland Township, New Jersey // Oxford Tree-Ring Laboratory. Report 2015/16. [Electronic resource]. URL: <https://www.dendrochronology.com/pdf/Fine-RiegelBarnFinalReport.pdf> (date of access: 01.11.2021).

References

- Bridge et al., 2020 – Bridge, M., Tyers, C., Bayliss, A. et al. (2020). 44 West Street Chipping Norton Oxfordshire: Tree-ring Analysis and Radiocarbon Wiggle-matching of Oak Timbers. *Historic England*. Research Report Series no. 96-2019. 22 p.
- Chernykh, 1996 – Chernykh, N.B. (1996). Dendrokronologiya i arkheologiya [Dendrochronology and archaeology]. M. 216 p. [in Russian]
- Cook, Kairiukstis, 1990 – Cook, E.R., Kairiukstis, I. (1990). *Methods of Dendrochronology: applications in environmental sciences*. Dordrecht; Boston; L.: Kluwer acad. publ. 394 p.
- Datsyshen, 2017 – Datsyshen, V.G. (2017). «Kyakhtinskii traktat 21 oktyabrya 1727 g.»: problemy teksta i datirovki [«Kyakhta treaty of 21st October 1727»: problems of text and dating]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. 1: 635-649. [in Russian]
- Douglass, 1919 – Douglass, A.E. (1919). Climatic cycles and tree-growth. A study of the annual rings in trees in relation to climate and solar activity. Washington, D.C.: Carnegie Institution of Washington. Vol. I. 127 p.
- Eparkhial'nye vedomosti, 1917 – Ko dnyu stoletiya sushchestvovaniya Troitskosavskogo Troitskogo sobora (2017). [On the day of the centenary of the existence of the Troitskosavsky Troitsky Cathedral]. *Zabaikal'skie Eparkhial'nye vedomosti*. Chita. Pp. 98-115. [in Russian]
- Gosudarstvennaya registratsiya bazy dannykh – Gosudarstvennaya registratsiya bazy dannykh, okhranyaemoi avtorskimi pravami RU2022621012 Dlitel'naya drevnesno-kol'tsevaya khronologiya po sosne obyknovennoi dlya provedeniya sudebno-botanicheskikh (dendrokronologicheskikh) ekspertiz i datirovki arkhitekturnykh postroek v yuzhnykh i tsentral'nykh raionakh Respubliki Buryatiya [Long-term tree-ring chronology of scots pine for forensic botanical (dendrochronological) examinations and dating of architectural buildings in the southern and central regions of the Republic of Buryatia]. Avtory i pravoobladateli: I.L. Vakhnina, V.S. Myglan, Z.Yu. Zharnikov, A.V. Tainik, V.V. Barinov (UR). № 2022620855; zayavl. 20.04.2022; opubl. 05.05.2022, Byul. № 5. 1 p. [in Russian]
- Griggs – Griggs, C. Dendrochronological dates for the Crailo House, Rensselaer, NY. Cornell University, Ithaca. [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/YYHxX> (date of access: 31.10.2021).
- Griggs, Wazny – Griggs, C., Wazny, T. Dendrochronological dates for the Warren and Polly Hull House and Barn. Cornell University, Ithaca. [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/32035087/Dendrochronological_dates_for_the_Warren_and_Polly_Hull_House_and_Barn (date of access 31.10.2021).
- Harvey, 2012 – Harvey, E. (2012). *Dendrochronology: A Status Report for the Eastern United States*. 131 p.
- Holmes, 1983 – Holmes, R.L. (1983). *Dendrochronological Program Library*. Laboratory of Tree-ring Research. Tucson. Univ. of Arizona. 51 p.
- Karpukhin, Solov'eva, 2013 – Karpukhin, A.A., Solov'eva, L.N. (2013). Dendrokronologiya arkheologicheskikh i arkhitekturnykh sooruzhenii Solovetskogo monastyrya [Dendrochronology of archaeological and architectural structures of the Solovetsky Monastery]. M. Pp. 16-32. [in Russian]
- Koval'chenko, 2003 – Koval'chenko, I.D. (2003). *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. M. Nauka. 486 p. [in Russian]
- Krusic et al., 2004 – Krusic, P.J., Wright, W.E., Cook, E.R. (2004). Tree-Ring Dating of the Cahn House New Paltz, New York. Rosanne Cahn. 2004. [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/260318895_Tree-Ring_Dating_of_the_Cahn_House_New_Paltz_New_York (date of access: 31.10.2021).
- Kyakhtinskii Troitskii sobor – Kyakhtinskii Troitskii sobor. Foto kon. XIX -nach. XX vv. [Kyakhtinsky Trinity Cathedral. Photo late XIX – early XX centuries]. [Electronic resource]. URL: <https://drevo-info.ru/pictures/9064.html> (date of access: 11.04.2022). [in Russian]
- Larsson, 2013 – Larsson L. CooRecorder and Cdendro programs of the CooRecorder/Cdendro package version 7.6. 2013. [Electronic resource]. URL: <https://www.cybis.se/forfun/dendro/prgintro/index.htm> (date of access 08.11.2021).
- Mainicheva, 2016 – Mainicheva, A.Yu. (2016). Metodika polevogo etnograficheskogo issledovaniya zhilishcha russkikh v Sibiri: problemy vyyavleniya traditsii i novatsii [Methods of field ethnographic research

- of Russian dwellings in Siberia: problems of revealing traditions and innovations]. *Balandinskie chteniya*. 1: 52-55. [in Russian]
- Martos, 1872** – Martos, A.I. (1872). Pis'ma o Vostochnoi Sibiri [Letters about Eastern Siberia]. M. 291 p. [in Russian]
- Miles, Worthington, 2006** – Miles, D.H., Worthington, M.J. (2006). The Tree-Ring Dating of the Adam Keeling House, Virginia Beach, Virginia. [Electronic resource]. URL: <https://www.dendrochronology.com/kelx1.html> (date of access: 29.04.2022).
- Minert, 1983** – Minert, L.K. (1983). «Pamyatniki arkhitektury Buryatii» ["Architectural monuments of Buryatia"]. Novosibirsk. 192 p. [in Russian]
- Myglan i dr., 2018** – Myglan, V.S., Zharnikov, Z.Yu., Sidorova, M.O. i dr. (2018). Primenenie metoda blue intensity dlya datirovaniya pamyatnikov derevyannogo zodchestva Sibiri [Application of the Blue-Intensity Method for Dating Wooden Buildings in Siberia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 46(4): 109-113. [in Russian]
- Myglan i dr., 2010** – Myglan, V.S., Vedmid', G.P., Mainicheva, A.Yu. (2010). Berezovo: istoriko-arkhitekturnoe ocherki [Berezovo: Historical and Architectural Essays]. Krasnoyarsk. 159 p. [in Russian]
- O federal'noi tselevoi programme, 2012** – O federal'noi tselevoi programme «Kul'tura Rossii (2012–2018 gody)» [About the federal target program "Culture of Russia (2012–2018)"]. [Electronic resource]. URL: <https://culture.gov.ru/documents/o-federalnoy-tselevoy-programme-kultura-rossii-2012-2018-gody/> (date of access: 25.02.2022). [in Russian]
- Opala-Owczarek, Klys, 2011** – Opala-Owczarek, M., Klys, G. (2011). Dendrochronological analysis of the manor house in Miejsce near Świerczów on the basis of historical wood. *Opole Scientific Society Nature Journal*. 44: 21-24.
- Pamyatnaya knizhka, 1891** – Pamyatnaya knizhka Zabaikal'skoi oblasti na 1891 g. [Commemorative book of the Trans-Baikal region for 1891]. Chita. 1891. 134 p. [in Russian]
- Pamyatnaya knizhka, 1895** – Pamyatnaya knizhka Zabaikal'skoi oblasti na 1895 g. [Commemorative book of the Trans-Baikal region for 1895]. Chita. 1895. 284 p. [in Russian]
- Pamyatnaya knizhka, 1899** – Pamyatnaya knizhka Zabaikal'skoi oblasti na 1899 g. [Commemorative book of the Trans-Baikal region for 1891]. Chita. 1899. 314 p. [in Russian]
- Parshin, 1844** – Parshin, V. (1844). Poezdka v Zabaikal'skii kraj [Trip to the Trans-Baikal Territory]. Ch. 1. M. 143 p. [in Russian]
- Pasport ob"ekta..., 1960** – Pasport ob"ekta kul'turnogo naslediya «Troitskii sobor g. Kyakhta» [Passport of the object of cultural heritage "Trinity Cathedral of Kyakhta"]. [Electronic resource]. URL: <http://nasledie-archive.ru/objs/0410019000.html#> (date of access: 21.10.2021). [in Russian]
- Pasport proekta «Eniseisk-400», 2016** – Pasport proekta Krasnoyarskogo kraja «Eniseisk-400» [Passport of the project of the Krasnoyarsk Territory «Yeniseysk-400»]. [Electronic resource]. URL: <https://goo.su/B7kXC> (date of access: 11.04.2022). [in Russian]
- Ptitsyn, 1896** – Ptitsyn, V.V. (1896). Selenginskaya Dauriya: ocherki Zabaikal'skogo kraja [Selenginskaya Dauria: essays of the Trans-Baikal Territory]. SPb. 306 p. [in Russian]
- Respublika Buryatiya** – Respublika Buryatiya, Kyakhta. Sobor Troitsy Zhivonachal'noi [Republic of Buryatia, Kyakhta. Cathedral of the Holy Trinity]. [Electronic resource]. URL: <https://sobory.ru/photo/260347> (date of access: 31.10.2021). [in Russian]
- Rinn, 1996** – Rinn, F. (1996). TSAP V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. Heidelberg. Frank Rinn Distribution. 269 p.
- Sidorova i dr., 2017** – Sidorova, M.O., Zharnikov, Z.Yu., Dorzhu, Z.Yu. i dr. (2017). Dendrokronologicheskie metody v arkhitekturno-etnograficheskom obsledovanii poselenii Russkikh v Sibiri (na primere goroda Tary Omskoi oblasti) [Dendrochronological Methods in the Architectural and Ethnographic Study of Russian Towns in Siberia: The Case of Tara, Omsk Region]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 4: 122-131. [in Russian]
- Solov'eva, Karpukhin, 2013** – Solov'eva, L.N., Karpukhin, A.A. (2013). Dendrokronologicheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov v 1960–1961 gg. [Dendrochronological studies of the Laboratory of Natural Science Methods in 1960-1961.]. *Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov*. 3: 33-54. [in Russian]
- Susperregi et al., 2017** – Susperregi, J., Telleria, I., Urteaga, M. et al. (2017). The Basque farmhouses of Zelaa and Maiz Goena: New dendrochronology-based findings about the evolution of the built heritage in the northern Iberian Peninsula. *Journal of Archaeological Science: Reports*. 11: 695-708.
- Tarabardina, 2009** – Tarabardina, O.A. (2009). Dendrokronologiya srednevekovogo Novgoroda (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy 1991–2006 gg.) [Dendrochronological Studies of Medieval Novgorod (Based on the Findings of Archaeological Excavations 1991–2006)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 1: 77-84. [in Russian]
- Tegel, Brun, 2008** – Tegel, W., Brun, O. (2008). Premiers résultats des analyses dendrochronologiques relatives aux boullins de construction [First results of dendrochronological analyzes relating to construction putlogs]. Nouveaux regards sur la cathédrale de Reims. Sous la direction de Bruno

Decrock et Patrick Demouy. Actes du colloque international des 1er et 2 octobre 2004. Ed. Dominique Guéniot. Pp. 29-40. [in French]

[Uspenskii sobor, 2016](#) – Uspenskii sobor. Izuchenie i sokhranenie. (2016). [Assumption Cathedral. Study and conservation]. Kazan'. 252 p. [in Russian]

[Voronin, 2010](#) – *Voronin, V.I.* (2010). Dendrokronologicheskaya datirovka breven lezhni pod fundamentom kolokol'ni Spasskoi tserkvi v Irkutске [Dendrochronological Dating of the Groundsill for the Bell Tower of the Spasskaya Church in Irkutsk]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 1(41): 78-82. [in Russian]

[Werle et al., 2017](#) – *Werle, M., Dormoy, C., Tegel, W. et al.* (2017). Trois maisons de Strasbourg construites sur les cendres de l'incendie de 1397 [Three houses in Strasbourg built on the ashes of the fire of 1397]. *Cahiers Alsaciens d'Archéologie, d'Art et d'Histoire*. 60: 71-99. [in French]

[Wigley et al., 1984](#) – *Wigley, T.M.L., Briffa, K.R., Jones, P.D.* (1984). On the average value of correlated time series, with applications in dendroclimatology and hydrometeorology. *J. of Climate and Applied Meteorology*. 23(2): 201-213.

[Zharnikov, Barinov, 2019](#) – *Zharnikov, Z.Yu., Barinov, V.V.* (2019). "Dom voevody" goroda Eniseiska: istoriko-dendrokronologicheskii analiz [Historical and year-ring analysis of «Dom Voevody» in Yeniseysk]. *Balandinskie chteniya*. 1: 32-39. [in Russian]

К вопросу дендрохронологического датирования каменных сооружений на примере Троицкого собора г. Кяхты

Захар Юрьевич Жарников ^{a, b, *}, Валерия Вячеславовна Дзюба ^c,
Владимир Станиславович Мыглан ^a, Ирина Леонидовна Вахнина ^{a, d}

^a Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

^b Институт леса им. В.Н. Сукачева СО РАН, Красноярск, Российская Федерация

^c Дальневосточный федеральный университет, Российская Федерация

^d Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, Чита, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена вопросам применения дендрохронологического метода для определения времени сооружения памятников каменной архитектуры Сибири на примере здания XIX в. – Троицкого собора г. Кяхты Республики Бурятия. В обсуждении рассмотрены особенности использования и интерпретации результатов древесно-кольцевого анализа каменных сооружений (содержащих древесные конструкции) территорий Северной Америки (США), европейских стран и России. В результатах приведен историко-дендрохронологический анализ Троицкого собора в г. Кяхте: а) выполнена оценка источниковой и литературной базы, на основании которой раскрыты этапы возведения и функционирования собора; б) выявлены хронологические расхождения в официальных данных паспорта объекта культурного наследия и исторических источниках; в) при помощи дендрохронологического анализа получена календарная дата заготовки древесины, использованной при возведении перекрытий Троицкого собора (1829 г.); г) на основании комплексного анализа дендрохронологических и исторических данных интерпретирована строительная история Троицкого собора г. Кяхты: наиболее позднее подкорковое кольцо (1829 г.) в конечном счете подтвердило данные «Забайкальских епархиальных ведомостей», не отраженные в официальных источниках.

В итоге в данной работе был выполнен анализ возможностей дендрохронологического метода для исследования каменных исторических памятников Сибири. Установлено, что благодаря этому подходу ранее общедоступная историческая информация может быть в существенной степени скорректирована.

Таким образом, данная работа представляет собой уникальный опыт междисциплинарного анализа каменного памятника архитектуры Забайкалья, показавшая перспективы подобных исследований. Получив календарно привязанную информацию, можно существенно скорректировать данные о процессах каменного строительства в Сибирском регионе.

Ключевые слова: история Сибири, Новое время, памятник архитектуры, дендрохронология, датировка, г. Кяхта.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: zaxari1@yandex.ru (З.Ю. Жарников),
lera.dzyuba.2015@mail.ru (В.В. Дзюба), v.myglan@gmail.com (В.С. Мыглан),
vahnina_il@mail.ru (И.Л. Вахнина)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1733-1743
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1733

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Epidemic Riots of the 1830s: Regional Specificity and Imperial Commonality

Ksenia S. Barabanova^{a,*}

^a Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation

Abstract

An epidemic is an emergency situation during which conflicts hidden in ordinary times appear. Epidemic riots become such a manifestation. Their special concentration fell on the 1830s and the first cholera epidemic in the Russian Empire. The implementation of anti-epidemic measures, which most often led to a riot, allows us to look at the activities of the local administration. Through the history of rumors, we will also learn about whom the population endowed with power, and whom and for what reasons they considered enemies. Important cases were the events of 1830 in Sevastopol and the so-called “Plague” or “Women's riot”, the St. Petersburg “Riot on Sennaya Square”, the events in St. Petersburg, Olonets and Kazan provinces, in Pskov, Tula and Tver. Speaking about epidemic riots, one should not forget that not in every locality engulfed by an epidemic, the population destroyed hospitals and killed doctors or officials. Such places are characterized by the presence of an active local society, primarily represented by the merchant class. Active actors who from the very beginning of the epidemic participate in the organization of cholera hospitals, which do not represent a “transitional place” from the house to the cemetery, provide food or ready meals to the needy and help the orphans. Through epidemic riots, we will consider general imperial problems and their regional specifics during the reign of Emperor Nicholas I. Through individual cases of plague or cholera riots, it becomes possible to study regional problems, ideas about authorities and enemies. You can also refer to the history of society in the Russian Empire and confirm the thesis that it should be viewed through the regions and speak of a local society, and not a general imperial one.

Keywords: riot, epidemic, rumors, plague, cholera.

1. Введение

Эпидемии, последствия которых можно сравнить с военными действиями, являлись серьезной угрозой мирному существованию Российской империи в XVIII–XIX вв. Холерные и чумные бунты, являвшиеся результатом обострения скрытых в обыденное время конфликтов, были присущи обоим столетиям. Наибольшая их концентрация пришлась на начало 1830-х гг. и первую эпидемию холеры в России. В данной работе мы обратимся к региональной специфике и имперской общности эпидемических бунтов.

Под понятием «эпидемический бунт» мы понимаем бунт, поводом к которому стали противоэпидемические мероприятия или их последствия, а причиной служили скрытые конфликты внутри охваченного эпидемией сообщества.

2. Материалы и методы

Отметим широкий круг источников по истории эпидемий и эпидемических бунтов. Для современников эти происшествия были незаурядными событиями, поэтому они нашли свое отражение в дневниках, переписке, а позднее и в воспоминаниях. П.А. Вяземский и А.В. Никитенко в своих дневниковых записях особое внимание уделяли слухам и поведению горожан. Эпидемии и

* Corresponding author

E-mail addresses: barabanova13@gmail.com (K.S. Barabanova)

бунты стали важным сюжетом в воспоминаниях современников, в которых авторы сосредоточились на поведении людей в период чрезвычайной ситуации и многочисленных нарушениях (Пржецлавский, 1874; Пупарев, 1884; Селиванов, 1868).

Основной комплекс материалов, посвященных чумному бунту в Севастополе в 1830 году, отложился в Российском государственном архиве военно-морского флота (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Здесь хотелось бы отдельно отметить воспоминания доктора Н.И. Закревского, который во время рассматриваемых событий служил в Севастополе. Его воспоминания стали единственным свидетельством, оставленным врачом. К сожалению, врачи не оставили большого корпуса источников о своей работе и мы не можем рассматривать эпидемии 1830-х гг. с точки зрения профессионального медика, как и не можем узнать их мнения о мероприятиях и отношении к ним обывателей.

Важным источником для данной работы стали слухи, которые удалось собрать не только благодаря личным источникам, но и материалам фонда департамента полиции исполнительной МВД Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация).

Для анализа причин и хода эпидемических бунтов следует обратиться к методам исторической компаративистики. Важно отметить, что эпидемические бунты в Российской империи не были чем-то уникальным. В Великобритании во время эпидемии холеры 1831–1832 гг. обыватели точно так же открыли охоту на врачей, будучи недовольными противоэпидемическими мерами (Burrell, Gill, 2005; Schwartz, 2006). П. Болдуин обратился в своем исследовании к эволюции отношения к болезням в Российской империи, Великобритании, Франции, Швеции и немецких государствах. Также для его исследования важной задачей стало изучение влияния формы правления на методы борьбы с эпидемиями (Baldwin, 2005).

Слухи стали порождением страхов перед неизвестной болезнью и противоэпидемическими мероприятиями. Основным источником информации для большинства обывателей были разговоры на улице, досужие сплетни. В этом свете для нас становятся важными методы анализа слухов и применения их как источников для исторического исследования. Как отмечал Б.И. Колоницкий по отношению к истории Февральской революции, исследователи порой отбрасывали слухи и вымыслы «как нечто малозначительное» и при этом «объясняли» через них те или иные события (Колоницкий, 2010: 20). Эта мысль применима и к рассматриваемым нами событиям.

К холерным бунтам второй половины XIX века обращался Ш. Визе. В своей работе он сравнивал их с еврейскими погромами. Для нас важно то, как исследователь работал со слухами. Как показал Ш. Визе в своем исследовании, существуют «путешествующие слухи» (Визе, 2001: 309). Следует отметить, что сценарии эпидемического бунта начала и конца XIX в. мало отличаются, также повторяются и слухи.

3. Обсуждение

Историография эпидемических бунтов представлена работами по таким отдельным эпизодам, как чумной бунт в Севастополе (Леписевич, 2012; Полканов, 1936; Фесенко, 2011) или бунты военных поселян. В исследованиях, посвященных последним, акцент смещен с эпидемической составляющей на недовольство самой системой (Гессен, 1932; Кункль, 1929; Военные поселения, 1980; Мальцев, 1992; Петров, 1871). Также холерные бунты освещаются и в контексте исследований, посвященных истории эпидемий. Среди них можно выделить работы К.Г. Васильева и А.Е. Сегала (Васильев, Сегал, 1960) и Р. МакГру (McGrew, 1965).

История эпидемий – удобный контекст для изучения совершенно разных проблем. Среди исследований, которые стали уже классическими, следует назвать книгу Ричарда Эванса о смертоносных эпидемиях холеры в Гамбурге, политике и обществе в холерные 1830–1910 гг. Эванс в своем исследовании рассмотрел проблемы, связанные с развитием урбанизации, которые привели к крупной эпидемии холеры в 1892 году (Evans, 1987). Не менее известным является исследование Чарльза Розенберга, посвященное истории эпидемий холеры в Америке в 1832, 1849 и 1866 годах. Целью автора было понять, какие факторы повлияли на восприятие холеры и отношение к ней. Розенберг сравнивал эпидемии 1832, 1849 и 1866 гг. В центре его внимания было изменение отношения к холере медиков-профессионалов и эволюция городского пространства во время эпидемий (Rosenberg, 1987). Схожие проблемы подняла Ш. Хенц в работе, написанной на материалах поволжских губерний, при этом для Российской империи актуальность сохраняли вопросы, которые в Европе уже были решены (Henze, 2011).

4. Результаты

Рассуждая об эпидемиях, мы, не задумываясь, употребляем военную лексику. Эта же терминология встречается в описаниях и в воспоминаниях об эпидемиях холеры и чумы первой половины XIX века, что ранее отмечал и К.А. Богданов (Богданов, 2005: 351). Для современников эпидемии были равны войне. Российская медицинская корпорация начала формироваться из-за нехватки отечественных специалистов в армии, после же отставки военные врачи пополняли ряды гражданских медиков и привносили в мирную жизнь свой опыт службы во время военных кампаний.

Мероприятия, вводимые для предотвращения распространения эпидемии и для борьбы с ней в местах, куда болезнь была уже занесена, были разработаны изначально для армии.

Первой реакцией на угрозу вторжения врага, то есть проникновение эпидемии на территорию Российской империи, была организация защиты границ государства. И если в случае угрозы военных действий выставлялись патрули, усиливался военный контингент на границе, то перед угрозой эпидемии организовывались карантинные. Эта мера была разработана в первую очередь против чумы, о чем свидетельствует Карантинный устав (ПСЗ РИ-1. 1818. Т. 35. № 27490), действовавший с 1818 по 1833 годы.

Карантин, или обсервация, – это самый простой и действенный способ остановить распространение эпидемии. Путники и обозы задерживались для выдерживания карантина, за время которого должны были проявиться больные. В ситуации, когда болезнь проникала в город, организовывались внутренние карантинные. Границы города для жителей могли в таком случае сократиться до их домов или квартир.

Когда карантины не справлялись и в город приходила эпидемия, власти начинали внедрять комплекс противоэпидемических мероприятий. Первым шагом была организация временной структуры, которая должна была реализовывать меры против эпидемии. В состав временных комитетов и советов входил широкий круг акторов. Ведущую роль в реализации противоэпидемических мероприятий играли временные чиновники, которые уже работали во время чрезвычайной ситуации и были знакомы с чиновным миром империи. И хотя важнейшая роль в борьбе с болезнями была отведена врачам, они не всегда принимали участие в ее организации. Зачастую они играли роль исполнителей, отвечавших только за медицинские вопросы. Такое решение в условиях крупной эпидемии лишало чиновников профессиональной экспертизы и сводило мероприятия к бюрократическим решениям, которые в свою очередь не способствовали снижению заболеваемости и смертности, а порой только увеличивали их.

Во время эпидемии в городах выделялись медицинские части. В них создавалась аналогичная система временных структур. Дробление города позволяло быстрее реагировать на проблемы на местах. В частях организовывалась госпитализация, носившая принудительный характер. Заболевшие помещались во временные больницы. Если пациенту удавалось выжить, то он выдерживал еще один карантин и мог возвратиться домой. Умерших во время эпидемии хоронили на специальных временных кладбищах в общих могилах без отпевания.

Комплекс мероприятий против эпидемии был единым для всей Российской империи. Различия сводились, скорее, к выполнению этих мер. Власти не могли сократить те или иные неудобные мероприятия, но могли свести их к чисто формальной реализации.

Любую чрезвычайную ситуацию сопровождают слухи, порой их объемы достигают эпидемии. Данный феномен можно объяснить слабой информированностью населения. Слухи также выступают в качестве канала для коммуникации и отражают восприятие событий глазами обывателя, а не чиновника.

Проводимые по единому сценарию мероприятия вызвали схожие по сюжету слухи. Они, как лесной пожар, распространялись по империи и эволюционировали, подстраиваясь под условия того или иного региона.

Первым общим сюжетом стал слух об отсутствии эпидемии. В Петербурге и ближайших губерниях популярностью пользовалось предположение об отравлении рек. В Сяских рядах Новоладожского уезда в июне 1831 года прапорщики Ведомства путей сообщения Рокштуль и Гуцин были обвинены и избиты за отравление воды в реке Сясь, куда они якобы вылили жидкость из бутылки со «смертельным зельем» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 457. Л. 1-11). Такое пристальное внимание к водным ресурсам объясняется их особым местом в этой местности. Для данного региона важную финансовую составляющую играли Вышневолоцкая, Тихвинская и Мариинская водные системы, которые начинались на Волге: Вышневолоцкая – в районе Твери, а остальные – возле Рыбинска. Отметим, что обыватели первыми обратили внимание на опасность, исходящую от воды во время эпидемии. Холерный вибрион чаще всего и попадает в организм человека через некипяченую воду. В медицинской литературе проблема грязной воды поднимается крайне редко и рекомендация пить чистую воду не является основной. Если же мы рассматриваем эпидемию в сравнительной перспективе с военными действиями, то понятен и страх перед отравленными колодцами и водоемами. В них неприятель мог скидывать трупы зараженных чумой и таким образом подрывать боеспособное состояние противника.

Даже для мест, куда не проникла эпидемия, были характерны толки о карантинах, которые или уже там появились, или только организовывались. Во время бунта в д. Александровщина Олонецкой губернии 7 июля 1831 года главным требованием крестьян была отмена карантинных (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 190. Л. 64), так как через них они заражаются холерой (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 190. Л. 69). Местные жители утверждали также, что «подозрительные лекари вместе с чиновниками» давали им вместо лекарства яд (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 190. Л. 74). Такое отношение к обсервационным заставам объясняется, во-первых, теми изменениями в жизни обывателей, которые влекли за собой карантинные. Местные жители оказывались оторванными от привычных промыслов, не могли

торговать, а также были вынуждены принимать у себя тех, кто должен был выдержать карантин на данной заставе. Во-вторых, карантинные работы с многочисленными нарушениями, из-за которых их работа была бессмысленной и эпидемия продолжала распространяться. И наконец, первыми жертвами на пути эпидемии становились те, в чьем селении размещалась обсервация. Недоверие к карантинным мерам предотвращения развития эпидемии было характерно для мест, где эти карантинные ставились.

Принудительная госпитализация и временные холерные больницы вызывали у населения не доверие, а панический страх. Петербуржцы летом 1831 года были уверены, что в больницы забирают здоровых, а потом убивают. Нельзя исключать, что госпитализировали пьяных, так как многие считали алкоголь лучшим лекарством. В городе была объявлена охота на холерные кареты, которые перевозили больных: их ломали или сбрасывали в каналы (ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 343. Л. 1-6об.; Селиванов, 1868: 962). По мнению А.В. Никитенко, больницы были «только переходным местом из дома в могилу» (Никитенко, 1955: 107). В ходе холерных бунтов в Петербурге было разгромлено несколько больниц, а их персонал был избит или выброшен в окно (Селиванов, 1868: 962). 22–23 июня 1831 года на Сенной площади в Петербурге разразился бунт, на усмирение которого прибыл император Николай I. В первый день бунта была разрушена временная холерная больница в доме купца Таирова. Из ее окон были выброшены врачи, а пациентов на руках вынесли горожане.

В условиях информационного голода слухи становились самым доступным способом получения и распространения информации. Слухи, как реакция на противоэпидемические мероприятия, имели схожие наборы сюжетов, так как меры были одинаковыми. Модификации слухов зависели от набора мероприятий в данной местности. Анализ слухов указывает на то, что во время эпидемии население не доверяло как решению властей, так и экспертному мнению чиновников и врачей.

Эпидемический бунт происходил из-за противоэпидемических мероприятий, осложненных многочисленными слухами. Так как мероприятия и слухи отличались модификациями, то мы можем выделить основные черты бунта, развивающегося во время эпидемии. Для этого обратимся к событиям чумного бунта в Севастополе в 1830 году. Многие современники и исследователи сходятся в том, что в Севастополе в рассматриваемый период не было чумы (Закревский, 1861; Закревский, 1861; Закревский, 1863). Об этом свидетельствует в первую очередь низкий для чумной эпидемии уровень смертности в 1829–1830 гг. Данный кейс является уникальным, так как эпидемический бунт произошел вне самой эпидемии. Актуальным является и то, что на его материалах можно исследовать нарушения, характерные для периода эпидемии, но обычно списываемые в связи с большим количеством жертв. Перед нами «чистый» эпидемический бунт, который можно рассматривать как эталонный.

Следует отметить, что бунт в Севастополе не первый чумной бунт в России. Во время эпидемии в 1770–1771 гг. в Москву с театра русско-турецкой войны 1768–1774 гг. была занесена чума. Пик эпидемии пришелся на август–сентябрь 1771 г., когда из города бежали все, кто мог (Москва в 1771 г., 1861: 336). Некоторые уходили уже больными и уносили с собой зараженные вещи. После того как в село Пушкино московский ямщик привез зараженный кокошник, оно почти все вымерло (Нечаев, 1911: 26). 15 сентября в Москве вспыхнул бунт (Супотницкий, Супотницкая, 2006; Alexander, 2003). Поводом к нему стали распространившиеся слухи о том, что архиепископ Московский и Калужский Амвросий хочет убрать икону Богородицы с Варварских ворот, которую в то время почитали как лечащую. На следующий день, 16 сентября, толпа обнаружила Амвросия и жестоко расправилась с ним. Гнев горожан был направлен не только на священнослужителя, разрушению подверглись чумные карантинные пункты и больницы. В городе нападали на врачей, большая часть из которых была иностранцами. После бунта в город был направлен Г. Орлов. Он внес коррективы в противоэпидемические мероприятия и тем самым уничтожил повод к новым выступлениям (Алефиренко, 1947; Брикнер, 1884; Мордовцев, 1875; Нечаев, 1911). Внимательное изучение событий в Москве позволяет говорить о том, что причиной выступления горожан стал страх перед принудительной госпитализацией, которой занимались мортусы (колодники). Москвичи были напуганы чумными карантинными пунктами и больницами, где не были созданы условия для лечения, а только изоляция больных от здоровых.

В период русско-турецкой войны 1828–1829 гг. в Российскую империю вновь была занесена чума. Первыми от нее пострадали Бессарабия и Одесса. Под угрозой оказалась стратегическая база черноморского флота – Севастополь. Чтобы предотвратить заражение города и распространение в глубь империи чумы, город был взят в оцепление уже в 1828 г. С 17 июня 1829 г. в городе был объявлен «полный карантинный термин», результатом которого стала изоляция города. Для жителей Севастополя это означало грядущее повышение цен, нехватку самых необходимых продуктов и товаров, в городе расцвела спекуляция и коррупция. Для подозрительных больных на Павловском мысу был открыт чумной карантин, в который свозились все заболевшие города вне зависимости от болезни. Неудивительно, что для горожан Павловский мыс был олицетворением могилы (РГА ВМФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 17. Л. 1-24). Комиссия по погашению чумы в Севастополе под руководством инспектора врачебной управы Таврической губернии П.И. Ланга и штаб-лекаря П.А. Верболозова вводила новые карантинные правила, в результате чего в городе было запрещено свободное перемещение и самые бедные слои населения лишились не только возможности заработка себе на пропитание, но и даже возможности

свободно набирать воду. Жители города были заперты в своих домах и не могли покидать их; конечно, обеспеченные горожане имели послабления. Снабжение населения было возложено на местную администрацию, которая должна была обеспечить горожан провиантом, водой и дровами.

В свете такой реализации противоэпидемических мероприятий горожане пребывали в уверенности, что болезни нет, а в карантин попадают или полностью здоровые люди, или больные чем угодно, только не чумой. Для жителей Севастополя врачи олицетворяли смерть. Особую ненависть они испытывали к П.А. Верболозову и его помощникам, которые признавали один единственный правильный диагноз – чума.

Более всех пострадали жители Корабельной слободки, для которых карантин был продлен и после 27 мая 1830 года. Именно ее жители, доведенные до отчаяния нехваткой продуктов, холодной зимой и беззащитностью перед произволом врачей и мортусов, которые признавали любого больного чумным, выступили по набату вечером 3 июня. Толпа двинулась (к ней примкнули матросы флотских экипажей), подступила к дому военного генерал-губернатора Столыпина, которого она растерзала в тот же день вместе с несколькими другими чиновниками.

К ночи Севастополь был полностью захвачен мятежниками, полиция бежала из города, а гарнизон отказался участвовать в подавлении восстания. Толпа требовала, чтобы власти признали, что чумы в городе нет и сняли карантин. Мятежникам удалось выбить у контр-адмирала Скаловского, генерал-лейтенанта Турчанинова и городского головы И. Носова бумаги о том, что в городе нет и не было чумы. Такую же расписку написал протоиерей Севастопольского собора Софроний Гаврилов (Гаврилов, 1867: 1381). После введения войск 5 июня бунт пошел на спад и 7 июня полностью прекратился (РГА ВМФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 17; РГА ВМФ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 320; РГА ВМФ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 338; РГА ВМФ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 336; РГА ВМФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16). Следует отметить, что желание получить от официального лица (чиновника, военного или священнослужителя) некую расписку, которая подтверждала бы мнение толпы о природе эпидемической болезни, присутствует во многих эпизодах чумных и холерных бунтов. Бунтующие пытались не только придать выступлению видимость законности, но и говорили с чиновниками на их языке.

Подводя итог, отметим, что бунт в Севастополе был результатом всех тех нарушений, которые обычно сопровождали эпидемии и списывались за счет высокой смертности. Поэтому севастопольские события можно брать как эталон эпидемического бунта, через который видны реальные причины выступления населения города, а не многочисленные слухи и легенды.

Анализ севастопольских событий лета 1830 года указывает на общеимперскую проблему, которая проявилась и в холерные бунты: недоверие населения к властям, которое проявлялось через неприятие ее решений, и подозрение в отношении ее представителей на местах.

Неприятие решений власти распространилось на все территории империи, охваченные эпидемией. Самым ярким его выражением было отрицание самого существования холеры. Обыватели считали, что высокая смертность является следствием яда. И действительно, симптомы холеры схожи с отравлением мышьяком. Под сомнение ставились и все противоэпидемические мероприятия – от карантинных до холерных больниц.

Вторым проявлением недоверия к власти стало предубеждение против ее представителей на местах. Именно их обвиняли в отравлении воды и продуктов. Формируется образ врага, характерный для общеимперского пространства. В каждом регионе эта фигура олицетворяет ту властную группу, с которой у большинства населения был затяжной конфликт.

В начале эпидемии фигура «отравителей» была анонимна, но с увеличением недоверия к решениям властей уточнялся образ врага. В Петербурге слух о неизвестном «отравителе» в 1830 году (Петербургские записки, 1830) под воздействием противоэпидемических мероприятий эволюционировал и стал более четким, приобрел новые черты. Особо подозрительными для петербуржцев были «прилично» одетые прохожие. На них петербуржцы начали охоту, в ходе которой их раздевали догола и заставляли съесть все, что толпа считала подозрительным. Чаще всего это был раствор хлориновой извести или крепкий уксус, рекомендованные к использованию Министерством внутренних дел (Врачевание, 1831). В Санкт-Петербурге, как столичном городе, сконцентрировался мир чиновников. Можно предположить, что в качестве отравителей для петербуржцев выступали чиновники.

Нельзя вычеркивать из числа эпидемических бунтов выступления военных поселян (Гессен, 1832). Их тяжелое положение (причина бунта) и жесткие противоэпидемические мероприятия (повод к бунту) создали условия для бунта. Среди военных поселян сначала фигура отравителей также была анонимна: некие злоумышленники травили реки и колодцы, рассыпали яд в огородах и хлебных полях. Затем в отравлении народа обвинили начальников военных поселений и всех офицеров. Так, в Старой Руссе схватили поручика Ашенбреннера и обвинили его в том, что, когда он ехал по берегу реки, он сыпал в воду какой-то порошок (Ушаков, 1874: 145). Таким образом, противоэпидемические мероприятия, которыми были недовольны поселяне, и слухи об «отравителях» создали идеальные условия для возникновения бунта. Объектом же нападения мятежников стали чиновники и военные, с которыми у местных жителей был конфликт в контексте системы военных поселений.

К общеимперским проблемам мы относим восприятие эпидемии не как чрезвычайной ситуации в области здравоохранения, а как крупной военной кампании. Данный аспект проявился не

только в противоэпидемических мероприятиях, но и в расширении списка акторов, воспринимаемых в качестве врага. В связи с этим в отдельную группу врагов следует выделить иностранцев (или тех, кого население воспринимало так).

Для мест, где приезжие из других стран были чем-то необычным, это были некие люди, говорившие на незнакомом языке. В Вологодской губернии крестьянка Марфа Гаврилова созналась в «умышленном отравлении крестьян» села Кубенского. Отравила она их «по научению» трех неизвестных мужчин, заплативших ей 150 руб. Как показала Марфа, с ней они говорили по-русски, а между собой на неизвестном ей языке (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 484. Л. 1). Следствие выяснило, что оговорить себя Гаврилову заставили крестьяне, которые привязали ее к столбу, а затем «перевели» через огонь. Показательно, что в своей истории Марфа в качестве «заказчиков» выбирает иностранцев, то есть наиболее правдоподобную, по ее мнению, кандидатуру на место «отравителей».

В городах, где проживали иностранцы, фигура отравителя уже приобретала более четкую привязку к национальности. В Петербурге «отравителями» признали поляков (в меньшей степени немцев), поданных Российской империи, но все еще иностранцев для сограждан. Ходил слух, что на польских кораблях в город завезли «целые грузы мышьяку и всыпали их в Неву» (Пржедлавский, 1874: 695). В городе появился слух, будто поляки хотят уничтожить русский народ и «вся холера есть их штука» (Башуцкий, 1866: 234). Важную роль здесь сыграло Ноябрьское восстание 1830–1831 гг. и отрицательный образ поляка, который формировался на страницах газет властями.

Схожая история развернулась в Твери в июне 1831 г. В городе были распространены многочисленные слухи о том, что болезнь от испорченной зельями воды в колодцах и реках, «отравителями» же были неизвестные люди, подсланные поляками. Толпа поймала и привела тверскому гражданскому губернатору «отравителей»: отставного подпоручика Е. Чеботова и подмастерье портного Г. Гельда. Причиной стало то, что первый был «дурно и бедно одет и должен быть поляк, а последнего, потому что он немец» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 479. Л. 120б.). Розыск распространителей слухов привел к учителю гимназии В. Будревичу и проживавшему у него И. Чечоте (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 479. Л. 6). Оба подозреваемых были участниками тайного общества филوماتов в Виленском университете, которое было открыто в ходе следствия по делу общества филаретов (Вильна 1823–1824, 2008). Тверским властям не удалось доказать причастность бывших филوماتов к распространению слухов.

Фигура врача стала воплощением всех страхов и ранее рассмотренных нами проблем как имперского, так и регионального уровня. Эпидемия холеры пришлась на период, когда в Российской империи формировалась медицинская корпорация. Для этого использовалась военная модель, и большая часть отечественных врачей к 1830-м гг. имела военный опыт, была отставными военными. Для властей медики были чиновниками, а для населения – еще и главными представителями власти во время эпидемии. Отметим, что нехватка врачей компенсировалась иностранными докторами, которые зачастую не знали русского языка. Таким образом, в представлении обывателей врачи были чиновниками, врачами и иностранцами, что превращало их в олицетворение образа врага.

В Путивльском уезде Курской губернии в поместье Л. Черепова был уничтожен холерный лазарет. Он был создан на средства помещика. Поводом к бунту стал слух, что врачи «производят больным на шеях пузыри, которые режут ножницами, дают будто бы отраву и льют оную в колодцы и ставки/то есть пруды/, припущают пиявки, открывают кровь» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 190. Л. 1).

В селе Никольском Тамбовского уезда в смерти односельчан обвинили врачей, которые «людей режут и варят в котле» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 482. Л. 4). Ворвавшаяся в больницу толпа вытащила из нее труп крестьянина и кричала, что его «сварили и зарезали». Местных лекарей Гофа и Клеменса «сковали» и заперли в доме, где до того был холерный больной, а самих больных освободили и разобрали по домам. Крестьяне сняли оцепление с села. Пьяный дьякон обыскал Гофа и нашел у того медицинское наставление и порошок сладкой ртути, в котором распознал мышьяк. 17 ноября толпа мещан и однодворцев собралась у Тамбовской городской думы. Главное недовольство вызывало оцепление города и помещение больных в больницу, где доктора пускают им кровь и они от этого умирают (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 445. Л. 15-15об.).

Самой большой вспышкой ненависти к врачам следует считать охоту на медиков и разрушение больниц во время петербургской эпидемии. Одной из жертв стал штаб-лекарь Ф.Ф. Кралицкий (Пупарев, 1884: 71), которого избил толпа, несмотря на то, что до этого он проявил себя во время наводнения 1824 года (ЦГИА СПб. Ф. 187. Оп. 1. Д. 96. Л. 78об.). Как потом показал Кралицкий, на улице от дома Боровикова до Коммерческого училища мгновенно собралось более двух тысяч человек, которые хотели расправиться с ним. Благодаря кучеру, лошади вынесли медика из толпы, откуда на него посыпались камни, из которых два попали ему в спину, один в грудь, а несколько угодило в лошадей. Спасение Кралицкий нашел в съезжем доме Московской части.

Таким образом, недоверие к власти было распространено на всей территории, охваченной холерой. Региональная специфика проявилась в объектах недоверия. Когда местное население отвергало те или иные решения властей, оно обращалось к региональным кейсам, которые влияли непосредственно на их жизнь. Ставя под сомнение деятельность представителей власти на местах,

обыватели выбирали тех акторов, которые регламентировали их жизнь и с кем были скрытые конфликты. Знак равенства между эпидемией и войной привел к поиску традиционных врагов – иностранцев. От удаленности региона от столицы и количества проживающих там иностранцев зависело, насколько подробное описание будет составлено. Ярче всего недоверие к властям проявилось в случае с врачами. Они воплощали в себе все то, что ненавидели в разных регионах империи: чиновников, военных, иностранцев, реализовавших противоэпидемические мероприятия.

Не во всех губерниях, охваченных холерой, вспыхивали бунты. Так, осенью 1830 г. эпидемия холеры разгорелась в Москве. Среди горожан циркулировали многочисленные слухи. Самым распространенным был слух о том, что в больницы забирают здоровых, чтобы уморить там (Вяземский, 1992: 140). П.А. Вяземский в своих записках приводит пример письма остафьевского столяра из Москвы: «Нас здесь режут как скотину» (Вяземский, 1992: 141). Можно выделить уникальный московский слух о том, что в больницах работали проститутки (Вяземский, 1992: 147). Так почему в Москве не было холерного бунта?

Ответ на этот вопрос заключается в разнице между реализацией противоэпидемических мероприятий в двух столичных городах и в составе акторов, задействованных в борьбе с холерой. В Москве чрезвычайная система управления была более продуманная, чем в Петербурге. Налаженный диалог властей и горожан позволил избежать бунта в Москве (McGrew, 1965: 109). Здесь следует отметить, что привлечение широкого круга акторов было более результативным, чем использование лишь административного ресурса, как это было в Санкт-Петербурге до холерного бунта на Сенной площади.

Схожая ситуация сложилась в Воронеже. Воронежский гражданский губернатор докладывал о том, что «слухи, достигнувшие до Воронежа о народном волнении в Санкт-Петербурге при появлении эпидемической болезни холеры, не произвели никакого неблагоприятного впечатления» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 483. Л. 1). Слухи выступали в качестве средства коммуникации. Власти отслеживали их влияние и распространение. Почему же в Воронеже горожане не начали охоту на врачей или больницы? Гражданский губернатор объяснял это тем, что в городе не было проблем с продуктами, цены на «жизненные припасы» и на лекарства не взвинтились до небес. То есть в городе, несмотря на чрезвычайное положение, удалось сократить неудобства и повод для бунта к минимуму. Важную роль здесь сыграла благотворительность. Как и в Москве, в Воронеже купечество жертвовало деньги, продукты и лекарства для горожан (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 483. Л. 106.), тем самым восполняя нехватку их и пробелы в работе администрации. Конечно, слухи в Воронеже наверняка курсировали, но так как они не привели к неповиновению толпы, то не попали в зону интересов властей.

Таким образом, в случае с регионами, где не вспыхивали эпидемические бунты, следует обратиться к концепции Л. Хефнера «местного общества» (Хефнер, 2002: 190), обращаясь, таким образом, к сфере общественной самоорганизации, находящейся между государством и семьей (Хефнер, 2002: 197). Таким образом, наличие активного местного общества, которое сотрудничало с государством в рамках борьбы с холерой и тем самым расширяло комплекс противоэпидемических мероприятий, позволило избежать эпидемических бунтов.

5. Заключение

Рассматривая эпидемические бунты 1830-х гг., можно говорить о проблемах, которые были характерны для всей Российской империи. На материалах холерных бунтов мы видим, что население не доверяло власти, ее решениям и представителям. История же чумного бунта в Севастополе указывает на то, что это недоверие имело под собой основания и долгую предысторию. Истории о тех событиях в формате слухов могли распространиться по империи и повлиять на восприятие холеры и противоэпидемических мероприятий, но никаких подтверждающих это свидетельств нами не найдено. О бунте в Севастополе не упоминается в личных источниках или материалах полиции в связи с холерными бунтами. Таким образом, нет подтверждения того, что севастопольский бунт запустил цепную реакцию. Но эпидемические бунты не были чем-то новым для 1830-х гг., и опыт предыдущих лет был известен достаточно хорошо. Слухи могли распространяться из одной губернии в другую, но не в каждую деревню, это, скорее, свидетельство об общих представлениях и страхах, характерных для этой ситуации.

Из недоверия к власти вытекает ряд общеимперских проблем, характерных для данного периода. Население не доверяло решениям власти и результате отвергало их. Отсюда уверенность, что народ травят мышьяком или каким-то другим ядом. От региона зависело представление о том объекте, который отравили. Недоверие к представителям власти рождало образы врага, в роли которого выступали те акторы, с которыми в повседневной жизни у обывателей были конфликты, и те, кто олицетворял власть в данном регионе. Поэтому в Петербурге нападали на людей, в которых видели чиновников, а в Старой Руссе – на военных.

Из-за понимания эпидемии как войны в качестве отравителей выступают некие иностранцы. Слухи о них различались в регионах только подробностями: от неизвестных, говоривших на непонятном языке, до поляков. Чем больше иностранцев проживало в той местности, тем более подробным был образ. Возможно, в представлении населения власти оставили их без помощи в этой

войне (или даже сами помогают врагу) и обыватели защищают себя и свою страну от вражеской армии. Также важную роль сыграли и власти, работавшие над отрицательным образом поляков в связи с Ноябрьским восстанием. А значит, чем больше в регионе было образованных людей, знакомившихся с прессой, тем больше шансов было услышать толки о поляках-отравителях.

Обращаясь к российской медицинской корпорации того периода, можно увидеть недоверие к ней как к эксперту со стороны потенциальных пациентов. Обыватели сомневаются в существовании болезни и тем самым ставят под сомнение экспертное заключение врачей. Недоверие и даже ненависть к врачам – это еще один показатель проблемы недоверия к власти, так как в глазах населения медики выступают в роли чиновников, военных и иностранцев.

Следует отметить, что эпидемический бунт выступал в качестве средства коммуникации между населением и властями, единственно доступной формой проявления как недовольства, так и страха. Напрямую бунтующие не обвиняли власти в их некомпетенции или желании убить население той или иной местности, но, обвиняя врачей в убийстве пациентов, толпа обвиняла и власти в оставлении их в опасности. Бунт толпы для властей был таким происшествием, на которое нельзя было не реагировать. В Петербурге после событий на Сенной площади отменили противоэпидемические мероприятия, которые вызывали недовольство горожан. Были открыты новые холерные больницы, а их устройство легло на плечи петербургского купечества. Новые актеры позволили снизить уровень напряженности в городе, благодаря чему бунты в нем не повторились. После выступления в селе Никольском Тамбовского уезда и Тамбове было принято решение об осмотре холерных больниц и находящихся там больных. Местные власти должны были проверить надежность оцепления зараженных мест. Остальные мероприятия были также направлены на укрепление принятых ранее противоэпидемических мероприятий, а не как в случае с Петербургом – на отмену мероприятий.

Можно предположить, что холерные бунты развивались в тех частях империи, где местное общество было пассивным. Страх перед неизвестной болезнью, больше похожей на отравление мышьяком, перед принудительной госпитализацией в плохо организованные больницы и недостаток и дороговизна продуктов (из-за карантин) создавал отличную почву для слухов об отравителях и врачах-убийцах. Следующим шагом в этих условиях был бунт. Там же, где местное общество, в первую очередь купечество, помогало продуктами, лекарствами и организацией больниц, которые не были похожи лишь на переходное место из них на кладбище, слухи не получали нужных условий для бунта.

Литература

- Алефиренко, 1947** – Алефиренко П. Чумной бунт в Москве в 1771 г. // *Вопросы истории*. 1947. № 4. С. 82-89.
- Башуцкий, 1866** – Башуцкий А.П. Первая холера в Петербурге // *Русский вестник*. 1866. Т. 64. № 7. С. 225-236.
- Богданов, 2005** – Богданов К.А. Врачи, пациенты, читатели: патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М., 2005.
- Брикнер, 1884** – Брикнер А. О чуме в Москве 1771 г. // *Русский вестник*. 1884. № 9.
- Васильев, Сегал, 1960** – Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. М., 1960.
- Визе, 2001** – Визе Ш. Слухи и насилие: холерные бунты в Саратове в 1892 г. // *Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории*. Челябинск, 2001.
- Вильна 1823–1824, 2008** – Вильна 1823–1824: Перекрестки памяти. Минск, 2008.
- Военные поселения, 1980** – Военные поселения // *Вопросы истории*. 1980. № 2. С. 178-183.
- Врачевание, 1831** – Врачевание. Краткое наставление к распознаванию признаков холеры, предохранению от оной и к первоначальному ее лечению // *Северная пчела*. 1831. № 138. 23 июня.
- Вяземский, 1992** – Вяземский П.А. Записные книжки. М., 1992.
- Гаврилов, 1867** – Гаврилов С. О чумном возмущении в Севастополе 1830 года // *Русский архив*. 1867.
- Гессен, 1932** – Гессен Г.Я. Холерные бунты. М., 1932.
- Закревский, 1861** – Закревский Н.И. Корабль «Эриван», 1829 // *Морской сборник*. 1861. Т. 42. № 3. Неф. отд. С. 62-94.
- Закревский, 1861** – Закревский Н.И. На берегу в Севастополе, 1830 // *Морской сборник*. 1861. Т. 42. № 4. Неф. отд. С. 289-312.
- Закревский, 1863** – Закревский Н.И. Севастополь 1830–1831 // *Морской сборник*. 1863. Т. 54. № 2. Неф. отд. С. 139-168.
- Колоницкий, 2010** – Колоницкий Б.И. Трагическая эротика: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. СПб., 2010.
- Кункль, 1929** – Кункль А.А. Аракчеевщина. М., 1929.
- Леписевич, 2012** – Леписевич Н.З. «Чумной бунт» 1830 года в Севастополе: из воспоминаний военного врача Н.И. Закревского // *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки»*. Т. 25 (64). № 1. 2012. С. 106-118.

- Мальцев, 1992 – Мальцев Н.А. Военные поселения в России XIX века // *Военно-исторический журнал*. 1992. № 12. С. 2-7.
- Мордовцев, 1875 – Мордовцев Д.Л. Чума в Москве 1771 г. // *Древняя и Новая Россия*. Т. 2. СПб., 1875.
- Москва в 1771 г., 1866 – Москва в 1771 г. (Письма А.А. Саблукова к отцу своему) // *Русский архив*. 1866. № 3.
- Нечаев, 1911 – Нечаев В. Чума 1771 г. в Москве. М., 1911.
- Никитенко, 1955 – Никитенко А.В. Дневник (1826–1877). Т. 1. М., 1955.
- Петербургские записки, 1830 – Петербургские записки. Нелепые толки // *Северная пчела*. 1830. № 134. 8 ноября.
- Петров, 1871 – Петров А.Н. Устройство и управление военными поселениями в России / *Граф Аракчеев и военные поселения*. СПб., 1871. С. 71-134.
- Полканов, 1936 – Полканов А. Севастопольское восстание 1830 г. Симферополь, 1936.
- Пржецлавский, 1874 – Пржецлавский О.А. Воспоминания О.А. Пржецлавского 1818–1831 гг. // *Русская старина*. Т. 11. № 9. 1874.
- ПСЗ РИ-1. 1818. Т. 35. № 27490 – ПСЗ РИ-1. 1818. Т. 35. № 27490. Устав о карантинах. С. 427-517.
- Пупарев, 1884 – Пупарев А.Г. Холерный месяц в Петербурге. Июнь 1831 г. // *Русская старина*. 1884. Т. 44. № 12.
- РГА ВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Селиванов, 1868 – Селиванов И.В. Холера в Петербурге в 1831 г. Рассказ очевидца // *Русский архив*. 1868. № 6. С. 958-962.
- Супотницкий, Супотницкая, 2006 – Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы. М., 2006. Т. 1.
- Ушаков, 1874 – Ушаков А.Ф. Холерный бунт в Старой Руссе // *Русская старина*. 1874. Т. 9. № 1.
- Фесенко, 2011 – Фесенко А. Чумной бунт в Севастополе // *Культура народов Причерноморья*. 2011. № 204. С. 52-57.
- Хефнер, 2002 – Хефнер Л. Civil society, Buergertum и «местное общество»: в поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в поздней имперской России // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 187-202.
- ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.
- Alexander, 2003 – Alexander J. Bubonic plague in Early Modern Russia: Public Health and Urban Disaster. New York: Oxford University Press, 2003.
- Baldwin, 2005 – Baldwin P. Contagion and the State in Europe, 1830–1930. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Burrell, Gill, 2005 – Burrell S., Gill G.V. The Liverpool Cholera Epidemic of 1832 and Anatomical Dissection – Medical Mistrust and Civil Unrest // *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*. 2005. 60(4): 478-498.
- Evans, 1987 – Evans R. Death in Hamburg: Society and Politics in the cholera years, 1830 – 1910. New York: Penguin Books, 1987.
- Henze, 2011 – Henze C.E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia. Life and death on the Volga, 1823–1914. London: Routledge, 2011.
- McGrew, 1965 – McGrew R.E. Russia and the Cholera, 1823–1832. Madison: University of Wisconsin Press, 1965.
- Rosenberg, 1987 – Rosenberg C. Cholera Years: The United States in 1832, 1849, and 1866. Chicago: The University of Chicago Press, 1987.
- Schwartz, 2006 – Schwartz J.Z. A Melancholy and Trying Season: Cholera and the Conflict over Cultural Boundaries in Early Michigan // *Journal of the Early Republic*. 2006. 26(1).

References

- Alefirenko, 1947 – Alefirenko, P. (1947). Chumnoj bunt v Moskve v 1771 g. [Plague riot in Moscow in 1771]. *Voprosy istorii*. 4: 82-89. [in Russian]
- Alexander, 2003 – Alexander, J. (2002). Bubonic plague in Early Modern Russia: Public Health and Urban Disaster. New York: Oxford University Press.
- Baldwin, 2005 – Baldwin, P. (2005). Contagion and the State in Europe, 1830–1930. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bashuckij, 1866 – Bashuckij, A.P. (1866). Pervaya holera v Peterburge [The first cholera in St. Petersburg]. *Russkij vestnik*. 64(7): 225-236. [in Russian]
- Bogdanov, 2005 – Bogdanov, K.A. (2005). Vrachy, pacienty, chitateli: patograficheskie teksty russkoj kul'tury XVIII – XIX vekov [Doctors, patients, readers: pathographic texts of Russian culture of the 18th – 19th centuries]. М. [in Russian]
- Brikner, 1884 – Brikner, A. (1884). O chume v Moskve 1771 g. [About the plague in Moscow in 1771]. *Russkij vestnik*. 9. [in Russian]

- Burrell, Gill, 2005 – Burrell, S., Gill, G.V. (2005). The Liverpool Cholera Epidemic of 1832 and Anatomical Dissection – Medical Mistrust and Civil Unrest. *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*. 60(4): 478-498.
- CGLA SPb – Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga [Central State Historical Archive of St. Petersburg].
- Evans, 1987 – Evans, R. (1987). Death in Hamburg: Society and Politics in the cholera years, 1830–1910. New York: Penguin Books.
- Fesenko, 2011 – Fesenko, A. (2011). Chumnoj bunt v Sevastopole [Plague riot in Sevastopol]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. 204: 52-57. [in Russian]
- Gavrilov, 1867 – Gavrilov, S. (1867). O chumnom vozmushchenii v Sevastopole 1830 goda [About the plague outbreak in Sevastopol in 1830]. *Russkij arhiv*. [in Russian]
- Gessen, 1932 – Gessen, G.Ya. (1932). Holernye bunty [Cholera riots]. M. [in Russian]
- Hefner, 2002 – Hefner, L. (2002). Civil society, Buerkertum i «mestnoe obshchestvo»: v poiskah analiticheskikh kategorij izucheniya obshchestvennoj i social'noj modernizacii v pozdneimperskoj Rossii [Civil society, Buerkertum and “local society”: in search of analytical categories for studying social and social modernization in late imperial Russia]. *Ab Imperio*. 3: 187-202. [in Russian]
- Henze, 2011 – Henze, C.E. (2011). Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia. Life and death on the Volga, 1823–1914. London: Routledge.
- Kolonickij, 2010 – Kolonickij, B.I. (2010). Tragicheskaya erotika: obrazy imperatorskoj sem'i v gody Pervoj mirovoj vojny [Tragic erotica: images of the imperial family during the First World War]. SPb. [in Russian]
- Kunkl', 1929 – Kunkl', A.A. (1929). Arakcheevshchina [Arakcheevshchina]. M. [in Russian]
- Lepisevich, 2012 – Lepisevich, N.Z. (2012). “Chumnoj bunt” 1830 goda v Sevastopole: iz vospominanij voennogo vracha N.I. Zakrevskogo [“Plague riot” of 1830 in Sevastopol: from the memoirs of a military doctor N.I. Zakrevskogo]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya “Istoricheskie nauki”*. T. 25 (64). 1: 106-118. [in Russian]
- Mal'cev, 1992 – Mal'cev, N.A. (1992). Voennye poseleniya v Rossii XIX veka [Military settlements in Russia in the 19th century]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. 12: 2-7. [in Russian]
- McGrew, 1965 – McGrew, R.E. (1965). Russia and the Cholera, 1823–1832. Madison: University of Wisconsin Press.
- Mordovcev, 1875 – Mordovcev, D.L. (1875). Chuma v Moskve 1771 g. [Plague in Moscow in 1771]. *Drevnyaya i Novaya Rossiya*, T. 2, SPb. [in Russian]
- Moskva v 1771 g., 1866 – Moskva v 1771 g. (Pis'ma A.A. Sablukova k otcu svoemu) [Moscow in 1771 (Letters from A.A. Sablukov to his father)]. *Russkij arhiv*. 1866. 3. [in Russian]
- Nechaev, 1911 – Nechaev, V. (1911). Chuma 1771 g. v Moskve [The plague of 1771 in Moscow]. M. [in Russian]
- Nikitenko, 1955 – Nikitenko, A.V. (1955). Dnevnik (1826–1877) [Diary (1826–1877)]. T. 1. M. [in Russian]
- Peterburgskie zapiski, 1830 – Peterburgskie zapiski (1830). Nelepye tolki [Petersburg notes. Ridiculous talk]. *Severnaya pchela*. № 134. 8 noyabrya. [in Russian]
- Petrov, 1871 – Petrov, A.N. (1871). Ustrojstvo i upravlenie voennymi poseleniyami v Rossii [The device and management of military settlements in Russia]. Graf Arakcheev i voennye poseleniya. SPb. Pp. 71-134. [in Russian]
- Polkanov, 1936 – Polkanov, A. (1936). Sevastopol'skoe vosstanie 1830 g. [Sevastopol uprising of 1830]. Simferopol'. [in Russian]
- Przheclavskij, 1874 – Przheclavskij, O.A. (1874). Vospominaniya O.A. Przheclavskogo 1818–1831 gg. [Memoirs of O.A. Przheclavsky 1818–1831]. *Russkaya starina*. T. 11. № 9. [in Russian]
- PSZ RI-1. 1818 T. 35. № 27490 – PSZ RI-1. 1818 T. 35. № 27490. Ustav o karantinah [Charter on quarantines]. Pp. 427-517. [in Russian]
- Puparev, 1884 – Puparev, A.G. (1884). Holernyj mesyac v Peterburge. Iyun' 1831 g. [Cholera month in St. Petersburg. June 1831]. *Russkaya starina*. 44(12). [in Russian]
- RGA VMF – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv voенно-morskogo flota [Russian State Archives of the Navy].
- RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].
- Rosenberg, 1987 – Rosenberg, C. (1987). Cholera Years: The United States in 1832, 1849, and 1866. Chicago: The University of Chicago Press.
- Schwartz, 2006 – Schwartz, J.Z. (2006). A Melancholy and Trying Season: Cholera and the Conflict over Cultural Boundaries in Early Michigan. *Journal of the Early Republic*. 26(1).
- Selivanov, 1868 – Selivanov, I.V. (1868). Holera v Peterburge v 1831 g. Rasskaz ochevidca [Cholera in St. Petersburg in 1831. Eyewitness account]. *Russkij arhiv*. 6: 958-962. [in Russian]
- Supotnickij, Supotnickaya, 2006 – Supotnickij, M.V., Supotnickaya, N.S. (2006). Oчерki istorii chumy [Essays on the history of the plague]. M. T. 1. [in Russian]

- Ushakov, 1874** – *Ushakov, A.F.* (1874). Holernyj bunt v Staroj Russe [Cholera riot in Staraya Russa]. *Russkaya starina*. 9(1). [in Russian]
- Vasil'ev, Segal, 1960** – *Vasil'ev, K.G., Segal, A.E.* (1960). Istoriya epidemij v Rossii [History of epidemics in Russia]. M. [in Russian]
- Vil'na 1823 – 1824, 2008** – Vil'na 1823 – 1824: Perekrestki pamyati (2008) [Crossroads of memory]. Minsk: Limarius. [in Russian]
- Vize, 2001** – *Vize, Sh.* (2001). Sluhi i nasilie: holernye bunty v Saratove v 1892 g. [Rumors and violence: cholera riots in Saratov in 1892]. *Sluhi v Rossii XIX – XX vekov. Neoficial'naya kommunikaciya i «krutye povoroty» rossijskoj istorii*. Chelyabinsk. [in Russian]
- Voennye poseleniya, 1980** – Voennye poseleniya [Military settlements]. *Voprosy istorii*. 1980. 2: 178-183. [in Russian]
- Vrachevanie, 1831** – Vrachevanie. Kratkoe nastavlenie k raspoznaniyu priznakov holery, predohraneniyu ot onoj, i k pervonachal'nomu eya lecheniyu [Doctoring. A brief guide to recognizing the signs of cholera, preventing it, and to its initial treatment]. *Severnaya pchela*. 1831. № 138. 23 iyunya. [in Russian]
- Vyazemskij, 1992** – *Vyazemskij, P.A.* (1992). Zapisnye knizhki [Notebooks]. M. [in Russian]
- Zakrevskij, 1861** – *Zakrevskij, N.I.* (1861). Korabl' «Erivan», 1829 [Ship “Erivan”, 1829]. *Morskoj sbornik*. 42(3): 62-94. [in Russian]
- Zakrevskij, 1861** – *Zakrevskij, N.I.* (1861). Na beregu v Sevastopole, 1830 [On the shore in Sevastopol, 1830]. *Morskoj sbornik*. 42(4): 289-312. [in Russian]
- Zakrevskij, 1863** – *Zakrevskij, N.I.* (1863). Sevastopol' 1830–1831 [Sevastopol 1830–1831]. *Morskoj sbornik*. 54(2): 139-168. [in Russian]

Эпидемические бунты 1830-х гг.: региональная специфика и имперская общность

Ксения Сергеевна Барабанова^{a, *}

^a Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Российская Федерация

Аннотация. Эпидемия является чрезвычайной ситуацией, во время которой проявляются скрытые в обыденное время конфликты. Таким проявлением становятся эпидемические бунты. Их особая концентрация пришлась на 1830-е гг. и первую эпидемию холеры в Российской империи. Реализация противоэпидемических мероприятий, чаще всего приводившая к бунту, позволяет взглянуть на деятельность местной администрации. Через историю слухов мы узнаем о том, кого население наделяло властными полномочиями, а кого и по каким причинам считало врагами. Важными кейсами стали события 1830 г. в Севастополе (так называемый «Чумной», или «Женский бунт»), петербургский «Бунт на Сенной площади», события в Петербургской, Олонецкой и Казанской губерниях, в Пскове, Туле и Твери. Рассуждая об эпидемических бунтах, не следует забывать о том, что не в каждом населенном пункте, охваченном эпидемией, население уничтожало больницы и убивало врачей или чиновников. Для таких мест характерно наличие активного местного общества, в первую очередь представленного купечеством. Активные акторы, участвовавшие с самого начала эпидемии в организации холерных больниц, которые не представляли собой «переходное место» из них на кладбище, снабжали продуктами или готовыми обедами нуждающихся и помогали сиротам. Через эпидемические бунты мы рассмотрим общеимперские проблемы и их региональную специфику во время правления императора Николая I. Через отдельные кейсы чумных или холерных бунтов появляется возможность изучить региональные проблемы, представления о властях и врагах. Также можно обратиться к истории общества в Российской империи и подтвердить тезис о том, что его следует рассматривать через регионы и говорить о местном обществе, а не общеимперском.

Ключевые слова: бунт, эпидемия, слухи, чума, холера.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: barabanova13@gmail.com (К.С. Барабанова)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1744-1752
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1744

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Organization of Children's Asylums in Penitentiary Institutions of the Russian Empire in the 19th and early 20th centuries (Case Study of Krasnoyarsk Asylum for Prisoners' Children)

Pavel V. Lapo ^{a, *}, Tatiana A. Kattsina ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

Children's asylums played an important role in the organization of social assistance to convicts and their families in the second half of the 19th and early 20th centuries. By the mid-1880s, the vast majority of such institutions were located in the European part of Russia. At the same time, in the territory of Siberia, the possibilities for placing and educating the children of prisoners outside prisons were extremely limited. That is why the opening, in 1886, at the initiative of the Krasnoyarsk provincial prison committee, of an asylum for prisoners' children within the local prison castle was an important event for the region. Based on an analysis of extensive archival data, the author reconstructs a picture of the life and activities of the asylum. One by one the issues of management, relations with city and provincial authorities, organization of children admission, educational and upbringing process, and leisure time of the asylum inmates are examined in detail. A special place within the study is taken by the problem of financing the orphanage. Statistical data allows one to speak about the gradual increase of its welfare from 7 thousand rubles in 1886 to 24 thousand rubles in 1915. But its resources remained rather modest, especially compared to, e.g., the T.I. Shegoleva Orphanage, which had a charter capital of 50,000 rubles. Despite this, the orphanage performed its functions in full, taking in about a hundred children a year. As a result, it played an important role in the organization of social assistance in the penitentiary institutions of Siberia in the pre-revolutionary period.

Keywords: Krasnoyarsk Asylum for Prisoners' Children, Krasnoyarsk prison, orphanage, children of prisoners, social assistance, Enisey province.

1. Введение

Изучение приюта для арестантских детей в Красноярске необходимо начать с периода 1850-х гг., к которому относятся первые сохранившиеся отчеты о состоянии дел в Красноярском тюремном замке. Данные документы свидетельствуют о плачевном состоянии зданий тюрьмы. В отчетах Красноярского губернского тюремного комитета Попечительного о тюрьмах общества (далее – КТК) за 1857 и 1859 гг. сообщалось, что помещения для содержания арестантов находились в ветхом состоянии (ГАРФ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 441. Л. 3; Д. 458. Л. 1). Подобное положение дел сохранялось и в последующие годы, что было типично для сибирских тюрем в целом (Гернет, 1961: 10, 372-374). В особенно плачевном состоянии находилась красноярская пересыльная тюрьма. Ремонт, проведенный в период 1861–1866 гг., лишь ненадолго улучшил ее состояние (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 36. Л. 56-57, 141; Д. 61. Л. 1-4, 7-8; Д. 585. Л. 1). К началу же 1880-х гг. требовался новый ремонт (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 37А. Л. 15-18; ГАРФ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 36. Л. 183-184), который, впрочем, не предусматривал постройку отдельного здания для арестантских детей (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 36. Л. 83-85). Он завершился в 1885 г. постройкой трех новых барачков вместо запланированных шести, так как первоначальная смета была урезана вдвое (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 36. Л. 210). Таким образом, проблема размещения детей арестантов в подходящих для них условиях, несмотря на все усилия

* Corresponding author

E-mail addresses: plapo@sfu-kras.ru (P.V. Lapo)

губернского правления, по-прежнему сохранялась. Вероятно, именно поэтому в 1885 г. им было принято решение об открытии приюта для арестантских детей.

2. Материалы и методы

Характеристика деятельности Красноярского приюта для арестантских детей дана с опорой на делопроизводственные документы архивного характера (фонды: 32 – «Енисейский губернский комитет попечительного общества о тюрьмах», 884 – «Енисейская губернская тюремная инспекция», 16 – «Горный исправник Красноярско-Канского гор. округа полицейского управления» Государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация); 122 – «Главное тюремное управление при Министерстве юстиции», 123 – «Общество попечительское о тюрьмах Министерства юстиции» Государственного архива Российской Федерации (Москва, Российская Федерация) и материалы Главного тюремного управления при Министерстве юстиции Российской империи (Российская государственная библиотека, Москва, Российская Федерация).

Исследование строилось на основных принципах научно-исторического познания – объективности, историзме, комплексности. Для решения поставленных задач в нем применялись общенаучные (анализ, синтез, системный, экстраполяция, умозаключение по аналогии) и частнонаучные методы (исторический, диахронное сравнение, статистический, формально-юридический). Исторический метод использовался для построения общей структуры исследования и организации взаимного расположения ее отдельных частей в хронологическом порядке. Диахронное сравнение позволило охарактеризовать деятельность приюта в разные годы его существования. Формально-правовой метод применялся для анализа официальной документации, благодаря чему была выявлена высокая степень вовлеченности местных и губернских органов власти в деятельность приюта. На основе статистического метода была охарактеризована динамика изменений финансирования приюта в период с 1889 по 1915 гг. Экстраполяция и умозаключение по аналогии применялись для устранения пробелов в архивных данных.

3. Обсуждение

Заведения общественного призрения для детей арестантов стали привлекать внимание отечественных исследователей только в конце XIX в., хотя собственно система приютов, как и законодательная база, на которой строилась ее работа, были достаточно обширны ([Обзор..., 1889](#)). Первые значимые работы в этой области относятся к рубежу 1890–1900 гг. ([Детские приюты, 1889](#); [Яблоков, 1901](#)). В них довольно подробно описывались организация и деятельность конкретных приютов, в основном расположенных в европейской части России. Особое внимание уделялось вопросам трудового обучения и духовно-нравственного воспитания детей. После революции данная тема утратила актуальность и потому не вызывала значительного интереса. Так, фундаментальный труд о царской тюрьме М.Н. Гернета ([Гернет, 1961](#); [Гернет, 1962](#)), в основном написанный в период 1910-х гг. и дополненный уже в советское время, не содержит о приютах для арестантских детей практически никаких сведений. Аналогичным образом внимание этому вопросу не было уделено и в пятитомной «Истории Сибири с древнейших времен до наших дней» ([История Сибири..., 1968](#)). В начале 1990-х г. с повышением актуальности проблемы призрения несовершеннолетних некоторые исследователи обратили внимание на опыт имперского периода. Ввиду узости тематики она зачастую находит отражение в работах общего характера ([Мешалкин, 1995](#); [Власов, 2001](#); [Асочаков, Катцина, 2004](#); [Бибикова, 2004](#); [Катцина, 2018](#)). Вместе с тем отдельные ученые уделяют внимание вопросам организационно-правовой, педагогической и воспитательной деятельности приютов, существовавших при различных пенитенциарных учреждениях ([Колокольникова и др., 2014](#); [Казаченок, 2018](#); [Казаченок, 2020](#); [Карчаева, Малафеев, 2020](#); [Катцина, 2020](#)). Однако значительные массивы данных в центральных и региональных архивах остаются практически не изученными, поэтому рассматриваемая тема, безусловно, требует дальнейшего исследования.

4. Результаты

Официальной датой учреждения приюта следует считать 10 января 1886 г.: именно в этот день Министерством юстиции был утвержден устав нового заведения, открытого при КТК ([ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 6](#)). Документ включал семнадцать статей, посвященных вопросам организации деятельности приюта. Согласно §1, цель создания приюта состояла в том, «чтобы не допускать помещения в арестантских камерах тюрьмы вместе с родителями детей арестуемых и тем самым удалить их от вредного влияния арестантской среды и вместе с тем приучить их к труду, обучить грамоте, ремеслам и вообще подготовить их к честной трудовой жизни, влияя на нравственное их развитие и борясь с привычками их к прежней жизни, поскольку последние являются порочными» ([ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 6](#)).

Для нужд приюта при Красноярском тюремном замке была определена территория, отделенная от основной части тюрьмы глухой стеной, и возведены жилые и хозяйственные постройки. С юридической точки зрения приют считался частью тюрьмы ([ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 212. Л. 2](#)), хотя на плане тюрьмы не указывался ([ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 203. Л. 5](#)). При этом, как следует из решения

Красноярской городской думы от 13 июня 1891 г., в хозяйственном отношении приют действовал самостоятельно и не мог рассчитывать на покрытие расходов из тюремного бюджета. Так, например, закупку дров он оплачивал из собственных средств (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 212. Л. 12-13).

Здание приюта, построенное уже в 1886 г., представляло собой деревянный дом на каменном фундаменте, крытый железом. В нем располагалось большое количество помещений: три детских спальни, столовая (она же – рекреационный зал), классная комната (здесь также проходили уроки мастерства для девочек), комната смотрительницы, кухня и умывальная. В прихожей за отдельной перегородкой находилась сапожная мастерская. Во дворе приюта были расположены баня и прачечная (в одном шестистенном доме), амбар для сена и соломы и кладовая с подвалом для хранения продуктов. Отдельное место занимал небольшой сад (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 14-15).

В правление приюта, согласно §11 Устава, входили попечительница, избиравшаяся из наиболее влиятельных горожанок Красноярска, и два попечителя-директора – «по хозяйственной части» и «по распорядительной части». Их из своего состава избирал Тюремный комитет. В число членов правления традиционно включался также прокурор Красноярского окружного суда (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 13; ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 6).

Почетными попечителями, согласно §5 Устава, состояли иркутский генерал-губернатор и енисейский губернатор (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 1; ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 6-7). Помимо них, почетными попечителями могли стать лица, сделавшие значительные денежные пожертвования или оказавшие значительные услуги в пользу приюта. Постоянными попечителями становились те, кто одновременно пожертвовал приюту 1000 р. В число попечителей входили также лица, ежегодно делавшие взнос в размере 60 р., но только на период уплаты взноса. При этом в состав правления входили только почетные попечители, все прочие могли лишь вносить предложения, а также получать ежегодные отчеты о состоянии дел приюта.

Общее число попечителей приюта, не считая двух губернаторов, было невелико. Так, согласно отчету о деятельности приюта за 1896 г., почетными попечителями приюта состояли Н.П. Скрынников и В.Н. Сысоев, а постоянными – И.С. Токарева и А.М. Шаранов (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 13).

Состав служащих включал, помимо попечительницы, смотрительницу приюта, ее помощницу (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 13), учительницу, законоучителя, кухарку, прачку, няньку и дворника. Для преподавания ремесел на содержании приюта находились мастера корзиночного и сапожного дела (1914 г., ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 7).

Организацией приема детей в приют занимался КТК (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 46). Он же рассматривал прошения арестантов и ссыльных, а также давал указания о зачислении детей непосредственно правлению приюта, которое обязано было отчитываться о приеме каждого ребенка (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 181. Л. 5, 10). В случаях, не терпящих отлагательств, разрешение на помещение детей в приют и назначение им кормовых денег могли дать полицмейстер г. Красноярска (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 239. Л. 9) или смотритель Красноярского тюремного замка (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 181. Л. 20; Д. 201. Л. 77).

Помещение детей в приют происходило сразу по прибытии родителей в Красноярский тюремный замок, причем их согласие на это не требовалось (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 13). Согласно первой редакции Устава, в приют принимались две категории несовершеннолетних: дети подсудимых, срочных и пересыльных арестантов на время нахождения последних в тюрьмах, и сироты, оставшиеся после смерти родителей-арестантов (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 6). Нижняя возрастная граница приема детей в Уставе приюта была не указана. Устав о содержащихся под стражей 1857 г. также не давал по этому поводу разъяснений (Устав..., 1857: 70-72). Однако из практики работы приюта следует, что грудных детей принимали только в случае смерти матери-арестантки либо жены арестанта (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 13). В 1890 г. в новом издании Устава о содержащихся под стражей ст. 348 было определено, что помещение детей в заведения общественного призрения происходит по достижении полутора лет (Устав..., 1890: 195). Верхней же границей был обозначен возраст в 16 лет (ГАКК. Ф. 884. Оп. 1. Д. 12. Л. 2). Что касается основного числа воспитанников, то они поступали в приют в возрасте от четырех до девяти лет (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 2, 5, 9-11, 43-44, 53-55, 67; Д. 210. Л. 1-3).

Приют получил известность уже в первые годы своего существования. Это следует из отчета за 1891 г., где указано, что количество воспитанников после 1887 г. значительно выросло (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 17, 20). Кроме того, к этому моменту стало очевидно, что число категорий призреваемых детей требуется расширить. В адрес губернатора, губернского тюремного комитета и городского полицмейстера из разных частей губернии стали регулярно поступать прошения о приеме детей в приют со стороны арестантов и ссыльных, чьи семьи остались на свободе без средств к существованию (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 2, 5, 9-11, 43-44, 53-55, 67; Д. 210. Л. 1; Д. 239. Л. 1, 5; Д. 475. Л. 5). Во всех случаях по инициативе КТК проводилась проверка действительного положения вещей в семье подавшего прошение. В место проживания ссыльнопоселенца отправлялся судебный пристав, в задачу которого входила проверка сведений из прошения и, если они подтвердятся, обеспечить доставку детей в приют. Удаленность места проживания не являлась причиной для отказа

в рассмотрении прошения. Проверки приходилось проводить как в самом Красноярске, так и в его окрестностях, и даже на значительном удалении. Сохранились сведения о посещении судебными приставами с. Частоостровское, д. Зелеево, д. Чернореченской, д. Бартаг, г. Ачинска, г. Канска, с. Устьянское, расположенных в пределах от двадцати до двухсот пятидесяти верст от губернской столицы (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 239. Л. 36, 43, 61; Д. 475. Л. 3, 8, 26, 37).

По большей части проверки подтверждали плачевное состояние дел ссыльных и их детей принимали в приют. Но встречались и случаи отказа. По данным КТК, некоторых детей брали на попечение родственники или соседи осужденных (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 239. Л. 66-69). В других случаях финансы ссыльного позволяли ему содержать детей (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 475. Л. 34-37). Наконец, иногда ссыльные сами отказывались передавать детей в приют даже после получения согласия от КТК. Подобное произошло осенью 1891 г., когда жена ссыльнопоселенца из г. Ачинска Д. Самойлова обратилась с просьбой о приеме дочери 6 лет. Когда же Самойлову было объявлено положительное решение КТК, он отказался передать дочь в приют и оставил при себе (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 211. Л. 1-6). Аналогичный случай имел место в 1898 г. в деревне Куваршино Частоостровской волости с той лишь разницей, что на этот раз с прошением обратился сам ссыльнопоселенец Н. Елисеев, а передать детей в приют отказалась его жена (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 324. Л. 1-9).

В 1894 г. правлением приюта было принято решение о приеме в приют детей ссыльных, а также тех, у кого один из родителей находится в тюрьме, а оставшийся на свободе не в состоянии прокормить семью (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 6). К 1896 г. практика приема в приют детей ссыльнопоселенцев получила уже такое распространение, что правление приюта направило ходатайство в Министерство внутренних дел о внесении соответствующих изменений в Устав (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 14). Положительное решение было принято Министерством не ранее 1899 г., т.к. в 1898 г. еще встречались случаи отказа в приеме детей ссыльнопоселенцев на том основании, что эта категория не значится в Уставе приюта (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 325. Л. 1-3).

К 1914 г. количество категорий детей, принимаемых в приют, выросло до пяти. Согласно отчету за соответствующий год, в приюте находились дети арестантов, ссыльнопоселенцев, ссыльнокаторжных, брошенные родителями и круглые сироты (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 6, 8).

Каких-либо ограничений по числу призываемых детей Уставом не вводилось, поскольку срок пребывания их колебался от нескольких месяцев до нескольких лет и зависел в первую очередь от срока наказания родителей. В разные годы общее количество детей, находившихся в приюте, составляло от тридцати до восьмидесяти человек (ГАКК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 47. Л. 1; ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 22; ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 8). Например, к 1 января 1895 г. в приюте состояло двадцать восемь мальчиков и девять девочек. В течение того же года прибыло девятнадцать мальчиков и двадцать девочек, а убыло двадцать восемь мальчиков и восемнадцать девочек. Таким образом, в течение года в приюте состояло семьдесят шесть воспитанников, а к 1 января 1896 г. осталось тридцать – девятнадцать мальчиков и одиннадцать девочек (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 14). В свою очередь, к 1 января 1914 г. в приюте состояло двадцать мальчиков и двадцать две девочки, прибыло, соответственно, шесть и десять, а убыло три и семь. Тем самым в течение года в приюте состояло пятьдесят восемь воспитанников, а к 1 января 1916 г. – сорок восемь (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 8).

Воспитанники приюта начинали получать образование с шести лет. В 1890-е гг. Закон Божий, церковно-славянский язык и священную историю им преподавал священник тюремной церкви, русский язык и арифметику – смотрительница. После подобной подготовки некоторые дети поступали в городские учебные заведения – школы, семинарии (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 14). Например, в 1895 г. в приюте обучалось тридцать семь человек и еще двое посещали Красноярскую учительскую семинарию (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 14).

Не позднее 1910 г. Епархиальный попечительный совет открыл при Красноярском тюремном замке церковно-приходскую школу (ГАКК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 47. Л. 1). По данным отчета приюта за соответствующий год, эту школу посещали двадцать восемь человек, еще два человека учились в городских школах (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 7). На расходы по ее содержанию Красноярский епархиальный училищный совет ассигновал ежегодно из своих средств 720 р. В 1914 г. в целях улучшения качества образования воспитанников приюта КТК подал в Главное тюремное управление ходатайство с просьбой о выделении из своих средств дополнительно 720 р. на те же нужды (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 4072. Л. 57). Ходатайство было удовлетворено, но с сокращением суммы до 600 р. (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 4072. Л. 58-59).

В свободное от занятий время дети, в зависимости от возраста, обучались различным домашним и ремесленным работам. Девочки младшего возраста мыли полы, делали уборку комнат и чистили белье, более старшие дежурили на кухне и помогали кухарке с приготовлением пищи. Мальчики чистили обувь, помогали топить печи, следили за чистотой во дворе приюта. Все дети младшего возраста учились ручному, а старшие – машинному шитью белья и одежды. Кроме того, старшие девочки осваивали вязание коклюшечного кружева, а мальчики – сапожное ремесло и переплетно-картонажное дело, причем последнее – в приюте для мальчиков Синельниковского благотворительного общества (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 14). К 1910 гг. обучение ремеслам

происходило уже в трех мастерских, организованных при самом приюте: швейной, сапожно-башмачной и столярной (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 7; ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 4072. Л. 53; ГАКК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 47. Л. 1).

Особую гордость приюта составлял смешанный детский церковный хор, который по воскресным и праздничным дням пел при совершении литургии в Покровской церкви (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 14). Инициатива создания хора принадлежала смотрителю Красноярского тюремного замка А. Померанцеву. Согласно его рапорту от 3 февраля 1890 г., тюремный священник нередко сталкивался с тем, что для отправления богослужения среди арестантов не находилось людей, умевших читать по-славянски. Поэтому Померанцев рекомендовал священнику начать обучение детей церковному пению и чтению, а также привлекать к службе в церкви, что впоследствии и было сделано (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 181. Л. 14).

Досуг детей составляли беседы со смотрительницей на нравоучительные темы, заучивание басен и стихотворений, подготовка и проведение праздников, совместные игры. Тем, чьи родители содержались в самом тюремном замке, разрешались регулярные встречи с ними (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 181. Л. 12). На Рождество для детей устанавливали праздничную ель и дарили подарки – ситец на платья, конфеты и пряники, торты, елочные украшения, карамель, яблоки (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 8). В этот день их традиционно посещали члены правления и некоторые из первых лиц губернии, проживавшие в Красноярске (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 7). С 1896 г. деятельное участие в жизни приюта и общении с воспитанниками принимало вновь учрежденное Дамское отделение КТК, заботам которого было поручено физическое и нравственное состояние арестантов и их детей (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 283. Л. 2).

Распорядок дня в приюте строился следующим образом: день начинался в летом в шесть, зимой – в семь часов утра. Далее дети одевались и умывались, после чего шли в столовую для общей молитвы и около восьми часов утра пили чай. С девяти до двенадцати часов продолжалось обучение, в час воспитанники обедали. С двух до пяти часов летом и до четырех часов зимой они занимались домашними делами или освоением ремесла, а члены хора – пением. В шесть часов вечера летом и в семь часов зимой вновь проходило чаепитие, после чего часть детей готовила уроки, а остальные слушали чтение нравоучительной литературы, а также вели беседы на заданные темы. Ужин начинался в восемь часов летом и в девять зимой. День завершался общей молитвой, после чего дети ложились спать. Накануне воскресных и праздничных дней старшие воспитанники посещали всенощную службу и литургию. Зимой все дети участвовали во всенощных богослужениях, которые совершались тюремным священником на территории приюта (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 14-15).

Условия проживания детей, особенно с учетом скромного финансирования приюта, были обеспечены на сравнительно высоком уровне. Каждый воспитанник имел отдельную железную кровать с подушкой и соломенным матрасом, а также три комплекта постельного белья. Помимо этого, детям выделялось по четыре комплекта нижнего и верхнего белья, а также верхняя одежда на каждый сезон. Так, осенью и весной обычно носили черные пальто из солдатского сукна, зимой – овчинные шубы или капоты из бумажной материи с подбивкой из верблюжьей шерсти. Для работы в мастерских мальчикам выдавались фартуки (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 14-15).

Питание детей и служащих приюта не отличалось особенным разнообразием и строилось на основе сезонных продуктов. Меню составляли чай с молоком и пшеничным хлебом утром и вечером, обед из двух блюд и ужин из одного. Во время постов и постных дней подавались соответствующие блюда. Расходы на питание исчислялись, исходя из норм, введенных для взрослых арестантов (Устав..., 1857: 27, 30; Устав..., 1890: 182, 202). В разные годы они колебались от 3 до 9 коп. в сутки. (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 20, 36; Д. 286. Л. 1, 12; ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 4072. Л. 53). К праздникам попечители приюта, а также неравнодушные горожане жертвовали в пользу приюта те или иные продукты. Например, в 1914 г. такие пожертвования составили: один пуд крупчатой муки, пятнадцать фунтов гречневой крупы, два торта, окорок баранины, а также различные сладости (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 8).

Отдельного внимания заслуживает финансирование деятельности приюта. Согласно §17 Устава, его бюджет составляли четыре статьи (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 86). Первая – проценты от капитала приюта, хранящегося в ценных бумагах и на сберегательном счете в государственном банке. Вторая – ежегодная субсидия губернского тюремного комитета. Третья – пожертвования от различных частных лиц, государственных служащих и коммерческих обществ, сделанные через подписные листы по случаю церковных праздников либо по личной инициативе. Четвертая – доходы от лотерей-аллегри, которые устраивались специально в пользу приюта. Помимо этого, периодически приюту оказывала поддержку Красноярская управа, выделяя деньги на освещение (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 16; ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 9). Расходы на лечение детей, согласно ст. 180 Устава о содержащихся под стражей 1857 г., покрывались за счет средств общих экономических сумм ссыльных (Устав..., 1857: 40; ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 227).

Первоначальный капитал приюта составлял около 6 тыс. руб. Первая точная цифра встречается только в отчете за 1889 г. – 6 379 р. 19 коп. (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 181. Л. 1). К 1896 г. он вырос уже до 15 000 руб. (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 15), но далее размер его менялся лишь незначительно. К 1914 г.

он насчитывал 17 889 р. 22 коп. (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 9). Основную часть капитала использовать не допускалось, а проценты были невелики и лишь в малой степени позволяли обеспечить его деятельность. Основная часть средств поступала благодаря трем остальным статьям доходов.

Субсидия КТК в пользу приюта изначально составляла 1000 р. в год. Однако данные отчетов КТК за 1890-е гг. показывают, что эта сумма могла колебаться весьма значительно, порой превышая 2 400 р. (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 19-20, 160). В 1891 г. КТК впервые направил в Главное тюремное управление ходатайство об увеличении субсидии до 1 500 р. (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 23). Неоднократные повторные запросы наконец привели к тому, что в 1903 г. было получено разрешение увеличить субсидию до 1 500 р. (ГАКК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 47. Л. 1). В период 1900–1915 гг. с учетом надбавок она составляла от 1 525 до 1 780 р. в год (ГАКК. Ф. 884. Оп. 1. Д. 12. Л. 21; ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 2866. Л. 5; Д. 4072. Л. 23; Д. 4677. Л. 16). При этом в отдельные годы средства на содержание приюта могли вообще не выделяться. Подобное имело место в 1894–1895 гг. (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 274. Л. 12-14) и в 1906–1907 гг. (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 2866. Л. 5). Каких-либо объяснений по этому поводу в архивах нет.

Пожертвования в пользу приюта поступали двумя путями. Во-первых, каждый год в связи с праздниками Рождества Христова и Пасхи выпускались подписные листы. Число жертвователей составляло от ста пятидесяти до двухсот двадцати человек. Размеры пожертвований от года к году колебались незначительно. Так, к Рождеству в 1891 г. было пожертвовано 349 р. 20 коп., на Пасху – 346 р. 75 коп.; в 1892 г. – соответственно 341 р. 95 коп. и 256 р. 69 коп.; в 1895 г. – 341 р. 96 коп. и 261 р. 20 коп.; в 1897 г. – 363 р. 60 коп. и 150 р. 20 коп. (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 174. Л. 57, 59, 61; Д. 201. Л. 38-42, 61; Д. 286. Л. 1-68; Д. 300. Л. 4-6).

Во-вторых, время от времени пожертвования от жителей губернии поступали в приют, не будучи приурочены к какой-либо конкретной дате. Объемы подобных поступлений обычно были невелики и насчитывали не более 15-25 рублей в год (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 228; Д. 335. Л. 40). Здесь стоит упомянуть случай, относящийся к 1891 г. Вице-президент губернского тюремного комитета С.П. Долинский, состоявший в правлении приюта, сочинил музыкальное произведение и организовал продажу двадцати пяти экземпляров. Было выручено 7 р. 50 коп., которые поступили в пользу приюта (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 231). В целом пожертвования могли составлять около 1 000-1 300 р. в год. Например, в 1890 г. в пользу приюта поступило суммарно 1 396 р. 33 коп. (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 20).

Что касается лотереи-аллегри в пользу приюта, то в соответствии с §7 Устава приюта она проводилась под эгидой КТК почти каждый год. Традиционная сумма составляла 1 500 р., но реальные сборы обычно превышали эту цифру. Так, в 1891 г. по итогам лотереи было собрано 2 072 р. 81 коп., а в 1898 г. – 1 745 р. 98 коп. (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 23, 57; Д. 335. Л. 5, 14).

Финансовая история приюта, рассмотренная выше достаточно подробно, свидетельствует о постепенном повышении его благосостояния. Впрочем, к началу Первой мировой войны г. баланс едва превышал 17 000 р. (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 9). Для сравнения, сиропитательный дом им. Т.В. Щеголевой, основанный в 1894 году, обладал уставным капиталом в 50 000 р. (Колокольникова и др., 2014: 18). Вдобавок постоянно растущие потребности регулярно приводили к тому, что приют оказывался в значительных долгах (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 160). Так, в 1914 г. долг магазинам Гадалова и Савельева составил суммарно 481 р. 52 коп. (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4677. Л. 9).

Сложное финансовое положение дел приюта неизменно обращало на себя внимание властей. Например, в 1891 г. КТК обращался в Главное тюремное управление с просьбой об увеличении пособия на нужды приюта с 1 000 до 1 500 р. (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 201. Л. 23). В конечном итоге пособие увеличили только десять лет спустя. Еще один подобный случай относится к 1914 г.: Енисейский губернатор направил в столицу письмо с просьбой ради улучшения условий содержания детей в приюте увеличить ежегодное пособие приюту с 1 500 до 3 000 р., т.к. военные действия резко сократили поступления от пожертвований (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 4072. Л. 53). Уже в декабре 1914 г. президент попечительного общества о тюрьмах в виде исключения разрешил выделить из средств КТК 2 500 р. на содержание приюта в 1915 г. Было также рекомендовано принять меры к открытию в Красноярске общества патроната, которое приняло бы на себя заботу о приюте (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 4072. Д. 55). Попытки начать работу общества предпринимались еще в 1910 г., но не увенчались успехом (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 455. Л. 1-8).

5. Заключение

Создание приюта для арестантских детей в Красноярске позволило в значительной степени решить многолетнюю проблему с размещением детей срочных и пересыльных арестантов в Енисейской губернии. Открытие данного учреждения было тем более необходимо, что состояние тюремного замка и пересыльной тюрьмы не соответствовало требованиям содержания не только детей, но даже взрослых арестантов. Последнее неоднократно отмечали и ревизоры тюремного ведомства, и чиновники губернского тюремного комитета. Деятельность приюта своим успехом была обязана во многом активной работе правления и попечительского совета, в которых состояли первые лица Енисейской губернии. Последние регулярно осведомлялись о состоянии дел учреждения,

посещали его и следили за судьбой отдельных воспитанников. Особое внимание уделялось и состоянию финансов. Прекрасно понимая их ограниченность, енисейские чиновники во главе с губернатором постоянно вели диалог с вышестоящими властями по поводу увеличения субсидий для приюта, организовывали лотереи и пожертвования в его пользу. Учитывая, что приют для арестантских детей был лишь одним из нескольких приютов в небольшом по численности населения Красноярске, столь пристальное внимание к нему со стороны местных властей являлось показателем его значимости в социальной жизни города. Как свидетельствуют архивные данные дореволюционного периода, приют действовал вплоть до 1917 г. Дальнейшая же его история все еще ждет изучения.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20109, <https://rscf.ru/project/22-18-20109/>, Красноярского краевого фонда науки.

Литература

Асочаков, Катцина, 2004 – Асочаков А.С., Катцина Т.А. Специфика управления приказами общественного призрения в Восточной Сибири (последняя четверть XVIII – конец XIX вв.) / *История, культура, общество: Материалы Всерос. заочной науч. конф.* Красноярск, 2004.

Бибикова, 2004 – Бибикова В.В. Роль частной и общественной инициативы в развитии образования в Енисейской губернии в XIX – начале XX в. Красноярск, 2004. 210 с.

Власов, 2001 – Власов П.В. Благотворительность и милосердие в России. М., 2001. 443 с.

Гаврилина, 2010 – Гаврилина Н.А. Законодательное регулирование социального призрения в России в XVI–XIX вв. // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки.* 2010. № 2. С. 66–74.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Гернет, 1961 – Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 3. М., 1961. 430 с.

Гернет, 1962 – Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 4. М., 1962. 302 с.

Детские приюты, 1889 – Детские приюты ведомства учреждений Императрицы Марии (1839–1889). К пятидесятилетию со времени издания Положения о детских приютах 27 дек. 1839 года. СПб., 1889. 391 с.

История Сибири..., 1968 – История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 3.: Сибирь в эпоху капитализма. 529 с.

Казаченок, 2018 – Казаченок В.В. Организационно-правовые основы деятельности пенитенциарных органов и учреждений в системе Министерства внутренних дел Российской империи // *Вестник Казанского юридического института МВД России.* 2018. № 1(31). С. 12–17.

Казаченок, 2020 – Казаченок В.В. Правовое регулирование и организация деятельности пенитенциарной системы Российской империи (на примере Казанской губернии). М., 2020. 174 с.

Карчаева, Малафеев, 2020 – Карчаева Т.Г., Малафеев А.В. К вопросу о состоянии тюремных учреждений города Красноярска Енисейской губернии (по материалам служебной переписки местных чиновников) // *Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ.* 2020. № 2. С. 172–179.

Катцина, 2018 – Катцина Т.А. Общественное призрение и благотворительность в Енисейской губернии (1822–1917 гг.). Красноярск, 2018. 199 с.

Катцина, 2020 – Катцина Т.А. Исправительно-воспитательные учреждения для несовершеннолетних в Сибири в 1890–1940-е гг.: организационный, правовой, педагогический аспекты. Э. Красноярск, 2020. 194 с.

Колокольникова и др., 2014 – Колокольникова З.У., Лобанова О.Б., Пономарева Е.А. Трудовое воспитание детей-сирот в учреждениях общественного призрения в Енисейской губернии в конце XIX – начале XX века // *Вестник ТППУ.* 2014. № 3 (144). С. 16–21.

Мешалкин, 1995 – Мешалкин П.Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей. Вторая половина XIX – начало XX вв. Красноярск, 1995. 160 с.

Обзор..., 1889 – Обзор десятилетней деятельности Главного тюремного управления. 1879–1889. СПб., 1889. 196 с.

Устав..., 1857 – Устав о содержащихся под стражею. Свод законов Российской империи. Т. XIV. СПб., 1857. 168 с.

Устав..., 1890 – Устав о содержащихся под стражею. Свод законов Российской империи. Т. XIV. СПб., 1890. С. 148–227.

Яблоков, 1901 – Яблоков Н.В. Призрение детей в Воспитательных домах. СПб., 1901. 71 с.

References

Asochakov, Kattsina, 2004 – Asochakov, A.S., Kattsina, T.A. (2004). Spetsifika upravleniya prikazami obshchestvennogo prizreniyav Vostochnoi Sibiri (poslednaya chetvert XVIII – konets XIX vv.) [The Specifics

of Management by the Prikazes of Public Welfare in Eastern Siberia (Last Quarter of the 18th – Late 19th Centuries)]. *Istoriya, kul'tura, obshchestvo: Materialy Vseros. zaochnoi nauch. konf.* Krasnoyarsk. P. 31. [in Russian]

[Bibikova, 2004](#) – *Bibikova, V.V.* (2004). Rol' chastnoj i obshchestvennoi initsiativy v razvitií obrazovaniya v Eniseyskoi gubernii v XIX – nachale XXv. [The role of private and public initiative in the development of education in the Yenisei Province in the XIX – early XX centuries]. Krasnoyarsk, 210 p. [in Russian]

[Detskiye priyuty, 1889](#) – Detskiye priyuty vedomstva uchrezhdenii imperatritsy Marii (1839–1889). Kpatidesyatiletiiyu so vremeni izdaniy Polozheniya o detskih priyutakh 27 dek. 1839 goda [Children's Asylums of the Institution of the Empress Maria (1839–1889). For the fiftieth anniversary of the publication of the Statute on children's asylums, 27th Dec. 1839]. SPb., 1889. 391 p. [in Russian]

[GAKK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of Krasnoyarsk Krai].

[GARF](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiyskoy Federacii [State Archive of the Russian Federation].

[Gavrilina, 2010](#) – *Gavrilina, N.A.* (2010). Zakonodatelnoe regulirovaniye cotsialnogo prizreniya v Rossii v XVI-XIX vv. [Legislative regulation of social care in Russia in the XVI-XIX centuries]. *Izvestiya TulGU*. 2: 66-74. [in Russian]

[Gernet, 1961](#) – *Gernet, M.N.* (1961). Istoriya tsarskoi turmy [History of the Tsarist Prison]. V. 3. M., 430 p. [in Russian]

[Gernet, 1962](#) – *Gernet, M.N.* (1962). Istoriya tsarskoi turmy [History of the Tsarist Prison]. V. 4. M., 302 p. [in Russian]

[Istoriya Sibiri..., 1968](#) – Istoriya Sibiri s drevneishikh vremen do nashikh dhei [History of Siberia from ancient times to the present]. L., 1968. V. 3.: Sibir v epokhy kapitalizma, 529 p. [in Russian]

[Karchaeva, Malafeev, 2020](#) – *Karchaeva, T.G., Malafeev, A.V.* (2020). K voprosu o sostoyanii turemnykh uchrezhdenii Eniseyskoi gubernii (po materialam sluzhebnoi perepiski mestnykh chinovnikov) [On the Condition of Prisons in Krasnoyarsk, Yenisei Province (based on official correspondence of local officials)]. *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyi zhurnal Krasnoyarskogo GAU*. 2:172-179. [in Russian]

[Kattsina, 2018](#) – *Kattsina, T.A.* (2018). Obshchestvennoye prizreniye i blagotvoritelnost v Eniseyskoy gubernii (1822–1917) [Public Welfare and Charity in the Yenisei Province (1822–1917)]. Krasnoyarsk, 199 p. [in Russian]

[Kattsina, 2020](#) – *Kattsina, T.A.* (2020). Ispravitelno-vospitatelnyye uchrezhdeniya dlya nesovershennoletnykh v Sibiri v 1890–1940-e gg.: organizatsionnyi, pravovoi, pedagogicheskii aspekty [Correctional Facilities for Juveniles in Siberia in the 1890–1940s: Organizational, Legal, and Pedagogical Aspects]. Krasnoyarsk, 1940 p. [in Russian]

[Kazachenok, 2018](#) – *Kazachenok, V.V.* (2018). Organizatsionno-pravovyye osnovy deatelnosti penitentsiarnykh organov i uchrezhdenii v sisteme Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Imperii [Organizational and legal basics of the penitentiary bodies and institutions in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 1(31): 12-17. [in Russian]

[Kazachenok, 2020](#) – *Kazachenok, V.V.* (2020). Pravovoe regulirovaniye i organizatsiya deyatelnosti penitentsiarnoy sistemy Rossiiskoi imperii (na primere Kazanskoi gubernii) [Legal regulation and organization of the penitentiary system of the Russian Empire (on the example of the Kazan Province)]. M., 174 p. [in Russian]

[Kolokolnikova i dr., 2014](#) – *Kolokolnikova, Z.U., Lobanova, O.B., Ponomareva, E.A.* (2014). Trudovoye vospitaniye detei-sirot v uchrezhdeniyakh obshchestvennogo prizreniya v Eniseyskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX veka [Labor education of orphans in institutions of public charity in the Yenisei Province in the late XIX – early XX century]. *Vestnik TGPU*. 3(144): 16-21. [in Russian]

[Meshalkin, 1995](#) – *Meshalkin, P.N.* (1995). Metsenatstvo i blagotvoritelnost sibirskikh kuptsov-predprinimatelei. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv. [Philanthropy and charity of Siberian merchants-entrepreneurs. The second half of the 19th – beginning of the 20th centuries]. Krasnoyarsk, 160 p. [in Russian]

[Obzor deyatelnosti, 1889](#) – Obzor desyatiletnei deyatelnosti Glavnogo tyuremnogo upravleniya [A Ten-Year Review of the Main Prison Directorate]. 1879–1889. SPb., 1889. 196 p. [in Russian]

[Ustav..., 1857](#) – Ustav o soderzhashchikhsya pod strazheyu. Svod zakonov Rossiiskoi imperii [Statute on prisoners in custody. Code of Laws of the Russian Empire]. V. XIV. SPb., 1857. 168 p. [in Russian]

[Ustav..., 1890](#) – Ustav o soderzhashchikhsya pod strazheyu. Svod zakonov Rossiiskoi imperii. V. XIV. SPb., 1890, pp. 148-227. [in Russian]

[Vlasov, 2001](#) – *Vlasov, V.P.* (2001). Blagotvoritelnost i miloserdie v Rossii [Charity and Mercy in Russia]. M., 443 p. [in Russian]

[Yablokov, 1901](#) – *Yablokov, N.V.* (1901). Prozreniye detei v vospitatelnykh domakh [Care for children in foster homes]. SPb., 71 p. [in Russian]

Организация деятельности детских приютов при пенитенциарных учреждениях Российской империи в XIX – начале XX вв. (на примере Красноярского приюта для арестантских детей)

Павел Валерьевич Лапо ^{a, *}, Татьяна Анатольевна Катцина ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Детские приюты играли важную роль в организации социальной помощи осужденным и их семьям во второй половине XIX – начале XX вв. При этом к середине 1880-х гг. подавляющее большинство таких учреждений находилось на территории европейской части России. В то же время на территории Сибири возможности для размещения и воспитания детей арестантов за пределами тюрем были крайне ограничены. Поэтому открытие в 1886 г. по инициативе Красноярского губернского тюремного комитета приюта для арестантских детей при местном тюремном замке стало важным событием для региона. На основе анализа обширных архивных данных автор воссоздает картину жизни и деятельности приюта. Один за другим подробно рассматриваются вопросы управления, взаимоотношений с городскими и губернскими властями, организации приема детей, образовательного и воспитательного процессов, досуга воспитанников приюта. Особое место в рамках исследования занимает проблема финансирования приюта. Статистические данные позволяют говорить о постепенном повышении его благосостояния с 7 тыс. руб. в 1886 до 24 тыс. руб. в 1915 гг. Однако в целом ресурсы учреждения оставались довольно скромными, особенно по сравнению, например, с сиропитательным домом им. Т.И. Щеголевой, который обладал уставным капиталом в 50 тыс. руб. Несмотря на это, приют в полной мере выполнял свои функции, принимая на воспитание ежегодно около сотни детей. Благодаря этому он сыграл важную роль в организации социальной помощи в пенитенциарных учреждениях Сибири в дореволюционный период.

Ключевые слова: Красноярский приют для арестантских детей, Красноярский тюремный замок, сироты, дети арестантов, социальная помощь, Енисейская губерния.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: plapo@sfu-kras.ru (П.В. Лапо)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1753-1758
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1753

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the Complex of Historical Sources of the mid–XIX – early XX centuries (On the Example of Ivan Filippovich Cherkasov' Family)

Aleksandr A. Cherkasov ^{a, *}

^a Cherkas Global University, Washington, USA

Abstract

Using the example of the family of I.F. Cherkasov (1856–1900), the article considers a set of available historical sources of a genealogical nature. In methodological terms, the work is based on the generalization of various facts from the family history of Ivan Filippovich Cherkasov, which is why the work is a narrative with a large number of events. This enabled the author to create a holistic picture of a family's life in the Keret village. Besides this, the identification of historical sources made it possible to systematize a set of available archival materials for further genealogical research both in the Keret village and in the whole territory of the Republic of Karelia (Russian Federation).

The author concludes that historical sources on the Keret village of the mid–XIX – early XX centuries are located in two regional archives of the Russian Federation (the State Archive of the Arkhangelsk Region and the National Archive of the Republic of Karelia). Among these sources there are materials of revisions (the 10th revision – 1858), spiritual murals from confessional books, metrics from metric books, as well as materials of the First All-Russian Population Census of 1897. Despite the incompleteness of information from the metric books, in general, thanks to information from other listed sources, according to the author, it is possible to create a fairly complete picture of the composition of the family under study. In these documents, you can find not only information about birth, marriage and death, but also about the class origin, literacy and basic occupations of every single individual. Thus, the author summarizes that the researcher has at his disposal a sufficient set of historical sources for conducting genealogical research on the village of Keret during the mid–XIX – early XX centuries.

Keywords: Cherkasovs (Keretskys), Ivan Filippovich Cherkasov (1856–1900), historical sources.

1. Введение

При проведении генеалогического исследования важное значение имеет полнота используемого комплекса исторических источников. Именно поэтому исследователь обязан иметь значительные знания в истории изучаемой эпохи и региона. В данной работе мы бы хотели рассмотреть на примере семьи Ивана Филипповича Черкасова (1856–1900 гг.) из Керети Архангельской губернии комплекс исторических источников, который может быть использован для генеалогического исследования.

2. Материалы и методы

Село Кереть в дореволюционный период относилось к территории Архангельской губернии, а в советское время из ее состава была выделена Карельская АССР. В результате сегодня одна часть документов по жителям села Кереть находится в Архангельске, а другая – в административном центре Карелии – Петрозаводске.

* Corresponding author

E-mail addresses: a.cherkasov@cherkasgu.net (A.A. Cherkasov)

В Государственном архиве Архангельской области (Архангельск, Российская Федерация) представлены материалы 10-й ревизии населения Российской империи по селу Кереть за 1858 г., Архангельской духовной консистории Архангельской казенной палаты (духовные исповедальные росписи) за 1859, 1875, 1880, 1889, 1900, 1906 и 1915 гг., а также Первой Всероссийской переписи населения 1897 г.

В Национальном архиве Республики Карелия (Петрозаводск, Российская Федерация) отложились метрические книги по селу Кереть с 1861 по 1918 гг. Однако степень их сохранности неполна.

В методологическом плане работа строится на обобщении различных фактов из истории семьи Ивана Филипповича Черкасова, ввиду чего работа представляет собой нарратив с большим количеством событий. Это дает нам возможность создать целостную картину жизни семьи в селе Кереть. Помимо этого, выявление исторических источников позволяет систематизировать комплекс доступных архивных материалов для дальнейших генеалогических исследований как по селу Кереть, так и в целом по территории Республики Карелия.

3. Обсуждение

Ввиду узости данной темы исследования мы хотели бы разделить историографию на две проблемные группы: первая – история семьи Черкасовых из Керети, вторая – из опыта проведения генеалогических исследований.

К первой группе можно отнести несколько наиболее важных работ автора: «Cherkasovs (Keretskys): Historical and Genealogical Research (based on the Materials from the second half of the XVIII – first half of the XX centuries)», в которой в хронологической последовательности рассматриваются первые девять поколений семьи Черкасовых (Cherkasov, 2021); «The Combat Path of a Common Soldier Ivan Ivanovich Cherkasov» – о боевом пути Ивана Ивановича Черкасова, стрелка в годы Второй мировой войны (Cherkasov, 2022); «Cherkasovs (Keretskys): Alexey Pavlovich Cherkasov (1910–1969)» – биографическая статья, посвященная жизнеописанию советского чиновника, участника Второй мировой войны Алексея Павловича Черкасова (Cherkasov, 2022a).

Что касается второй группы, то здесь в качестве примера генеалогических исследований нужно отметить труд К.А. Соловьева «Пятьсот лет истории Дмитровских фамилий Елизаровых и Поляниновых как предварительный опыт генеалогического исследования» (Соловьев, 2017). Е.П. Загваздин обратился к изучению генеалогии сибирского духовенства (Загваздин, 2020). Е.А. Брюханова рассматривала российские и зарубежные генеалогические интернет-ресурсы в качестве инструмента поиска архивных материалов Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. (Брюханова, 2018), а А.В. Жиборкина анализировала внутрисемейную миграцию в XVII веке на материалах писцовых и переписных книг (Жиборкина, 2019).

4. Результаты

Итак, Иван Филиппович Черкасов был представителем старинного рода Черкасовых из Керети, который восходил к 1685 г. (Cherkasov, 2021: 1673), и был представителем рода в его 7-й генерации (поколении) (Cherkasov, 2021: 1676).

Родителями Ивана Филипповича были Филипп Иванович Черкасов 1821 г.р. и Устина Даниловна Черкасова 1826 г.р. (ГААО. Ф. 29. Оп. 29. Д. 449. Л. 209-209об.).

В семье было семеро детей (из них два Ивана): Параскева (1848 г.р.), Епистимия (1851 г.р.), Катерина (1853 г.р.), Иван (1856 г.р.), Иван (1859 г.р.), Яков (1861 г.р.) и Александра (1864 г.р.) (Cherkasov, 2021: 1676).

Первое упоминание об Иване Филипповиче Черкасове отложилось в ревизской сказке за 1858 г., в период проведения 10-й ревизии населения Российской империи. Согласно этим данным, в семье Филиппа Ивановича значится как новорожденный его сын Иван (Таблица 1).

Таблица 1. Семья Ф.И. Черкасова в материалах 10-й ревизии (1858 г.) (ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т. 23. Д. 421. Л. 200б.-22)

	По прежней переписи	Выбыло	Ныне лет
	1850 год	Когда именно	1858 год
Филипп Иванович Черкасов	28		36
Его сын Иван	новорожденный		2
Филиппа Ивановича мать Матрена Ильинична			56
Филиппа жена Устина Даниловна			33
Его же дочери:	Параскева		10
	Катерина		5

В [Таблице 1](#) мы можем видеть, что в 1858 г. Ивану Филипповичу Черкасову было 2 года, что, в свою очередь, позволяет нам установить его год рождения как 1856 г.

Следующим важным источником генеалогической информации выступают материалы Архангельской духовной консистории Архангельской казенной палаты. В Государственном архиве Архангельской области имеются данные за 1859 г. Так, согласно записям, в 1859 г. в семье Филиппа Ивановича, которому в то время было 38 лет, проживали: его мать (вдова) Матрена Ильинична – 58 лет, его жена Устина Даниловна – 34 года, сын Иван – 3 года, еще один сын Иван – 8 месяцев, дочь Параскева – 10 лет, дочь Екатерина – 6 лет ([ГААО. Ф. 29. Оп. 29. Д. 449. Л. 209-209об.](#)).

Очередная духовная перепись проводилась спустя 16 лет – в 1875 году. К этому времени родители Ивана Филипповича уже умерли и в записях семьи фигурировали только сам Иван Филиппович, которому в то время было 19 лет, его сестра Александра – 11 лет и его бабка, вдова Матрена Ильинична – 73 года ([ГААО. Ф. 29. Оп. 29. Д. 478. Л. 583об.-584](#)). Последний ребенок в семье – Александра родилась 23 апреля 1864 г., это значит, что отцу в то время было 43 года, а матери – 39 лет. Более поздних данных о родителях Ивана Филипповича нет.

Начиная с 1861 г., в селе Кереть велась метрические книги, которые сегодня хранятся в Национальном архиве Республики Карелия (Петрозаводск, Российская Федерация). Благодаря этому источнику мы можем восстановить судьбу детей Филиппа Ивановича. Степень сохранности метрических книг по селу Кереть в НАРК неполна. Так, автор дважды работал в этом архиве (в 2010 и в 2022 гг.), но недостающих сведений (например, о родителях или некоторых детях) так найдено и не было. Итак, о первом ребенке Филиппа Ивановича, дочке Параскеве, известно только, что в 1859 г. ей было 10 лет. О втором ребенке, дочке Епистимии, известно, что в 1852 г. ей был 1 год, третий ребенок, дочь Катерина, 31 января 1875 г. вышла замуж за Петра Ивановича Карыхалова ([НАРК. Ф. 25. Оп. 23. Д. 43. Л. 636об.](#)). Четвертый ребенок, сын Иван (старший – 1856 г.р.), женился 8 февраля 1878 г. на Гликерии Сергеевне Дворниковой (1855 г.р.) ([НАРК. Ф. 25. Оп. 23. Д. 47. Л. 214](#)). Пятый ребенок, сын Иван (младший – 1859 г.р.), умер от горячки 27 октября 1863 г. ([НАРК. Ф. 25. Оп. 23. Д. 37. Л. 1210б.](#)), шестой ребенок, сын Яков, родившийся 1 декабря 1861 г. ([НАРК. Ф. 25. Оп. 23. Д. 37. Л. 120б.](#)), умер от родимца 18 октября 1863 г. ([НАРК. Ф. 25. Оп. 23. Д. 37. Л. 1210б.; Черкасов, 2013: 46](#)). Последний, седьмой ребенок, дочь Александра, 24 января 1883 г. вышла замуж за Ивана Стефановича Шеглачева (1861 г.р.) ([НАРК. Ф. 25. Оп. 27. Д. 23. Л. 820б.](#)).

Таким образом, в 1863 г. с интервалом в 9 дней умерли сразу два из трех сыновей Филиппа Ивановича Черкасова, а из четырех дочерей, согласно имеющимся данным, только две вышли замуж.

Итак, в 1878 г. Иван Филиппович в возрасте 21 года женился на 22-летней Гликерии, дочери крестьянина Сергея Дворникова из Варзуского Успенского прихода. От этого брака было девять детей, а 10-й ребенок родился уже после смерти Ивана Филипповича в 1900 г. См. рис. 1.

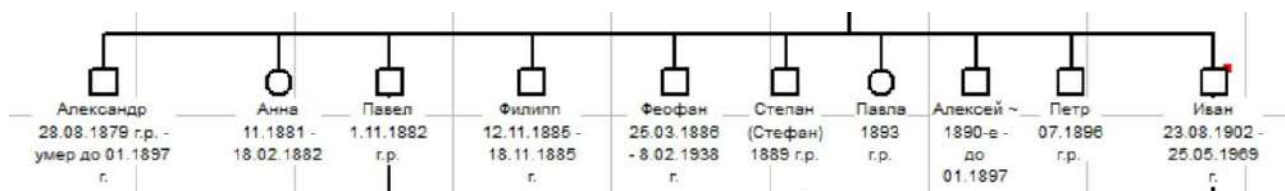

Рис. 1. Восьмая генерация. Ивановская ветвь ([Cherkasov, 2021: 1677](#))

28 августа 1879 г. в семье Ивана Филипповича родился первенец – сын Александр ([НАРК. Ф. 25. Оп. 23. Д. 50. Л. 1330б.](#)).

16 ноября 1881 г. родился второй ребенок – дочь Анна ([НАРК. Ф. 25. Оп. 23. Д. 54. Л. 2950б.](#)), которая умерла от родимца 18 февраля 1882 г. ([НАРК. Ф. 25. Оп. 23. Д. 56. Л. 2480б.](#)).

1 ноября 1882 г. родился второй сын Павел ([НАРК. Ф. 25. Оп. 27. Д. 23. Л. 780б.](#)), который впоследствии стал основателем Павловской ветви рода.

12 ноября 1885 г. родился третий сын, названный в честь деда Филиппом ([НАРК. Ф. 25. Оп. 27. Д. 23. Л. 1410б.](#)). Ребенок был крещен 16 ноября, а одним из его восприемников была родная тетка Александра Филипповна Шелгачева (в девичестве Черкасова). Однако спустя два дня 18 ноября 1885 г., вероятно от природной слабости, ребенок умер ([НАРК. Ф. 25. Оп. 27. Д. 23. Л. 1580б.](#)).

12 марта 1886 г. родился пятый ребенок – сын Феофан ([НАРК. Ф. 25. Оп. 27. Д. 23. Л. 1960б.](#)).

29 июля 1889 г. родился шестой ребенок – сын Степан (в документах также значится как Стефан). На таинстве крещения восприемником Степана был Константин Ильич Смольков ([НАРК. Ф. 25. Оп. 27. Д. 23. Л. 2590б.](#)).

Степень сохранности метрических книг за 1890-е гг. была неполной, поэтому о трех следующих детях есть весьма поверхностные данные, которые обнаружены в духовных росписях Архангельской консистории: седьмой ребенок, дочь Павла, родилась в 1893 г., в 1900 г. ей было 7 лет ([ГААО. Ф. 29. Оп. 29. Д. 606. Л. 143](#)). Согласно устным источникам, в семье восьмым ребенком был сын Алексей,

умерший в младенчестве между 1894 и 1896 гг. Девятым ребенком был сын Петр, родившийся в июле 1896 г. (ГААО. Ф. 6. Оп. 19. Д. 28. Л. 149-150).

Десятый ребенок родился уже вне брака 23 августа 1902 г. – сын Иван. Таинство крещения было проведено 14 сентября 1902 г. Восприемниками Ивана были псаломщик Керетской церкви Николай Федорович Шешенин и крестьянская девица деревни Новой Анна Егоровна Яковлева (НАРК. Ф. 25. Оп. 27. Д. 73. Л. 440б.).

Однако вернемся к духовным росписям Архангельской консистории. Как мы уже отмечали, согласно данным на 1875 г., семья Ивана Филипповича включала его, сестру его Александру и их бабушку Матрену Ильиничну. В 1880 г. Ивану Филипповичу было уже 24 года, с ним проживали его жена Гликерия Сергеевна – 25 лет, его сестра Александра – 16 лет и его бабушка Матрена Ильинична – 78 лет (ГААО. Ф. 29. Оп. 29. Д. 510. Л. 9120б.-913).

Спустя 9 лет, в 1889 г., согласно духовным росписям исповедальных книг, Ивану Филипповичу было 33 года, его жене Гликерии Сергеевне – 34 года. В семье было уже трое детей: Павел – 6 лет, Феофан – 2 года и Стефан – 1 месяц (ГААО. Ф. 29. Оп. 29. Д. 556. Л. 7010б.).

Следующая духовная роспись производилась в 1900 г., сразу после смерти Ивана Филипповича. Его семья была в составе вдовы Черкасовой Гликерии Сергеевны – 45 лет и детей: Павла – 17 лет, Феофана – 13 лет, Степана – 11 лет, Павла – 7 лет (ГААО. Ф. 29. Оп. 29. Д. 606. Л. 143).

Важно понимать, что и материалы ревизий, и духовные росписи исповедных книг, и церковные метрические книги являлись весьма скудными историческими источниками. Как правило, в таких источниках, кроме сведений о рождении (восприемников), бракосочетании (поручителей), количестве лет (на момент ревизии или составления росписи), а также смерти (место захоронения), ничего нет. Принципиальное отличие от этого имеют материалы Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., отложившиеся в Государственном архиве Архангельской области. В них собирались следующие сведения: об условиях проживания семьи, ее составе с описанием статуса каждого члена, его возрасте, семейном положении, сословной принадлежности, месте рождения и жительства, вероисповедании, родном языке, грамотности, а также об источниках существования – основном и второстепенном.

Так, согласно Первой Всероссийской переписи 1897 г. по селу Кереть, семья Ивана Филипповича Черкасова проживала в собственном доме (во дворе жилых строений – 1, построено и крыто деревом). Состав семьи:

- Черкасов Иван Филиппович – хозяин, 41 год, женат; крестьянин из государственных, родился, приписан, обыкновенно проживает – здесь; православный; родной язык – русский; грамотный, обучался в 1-классном училище Министерства народного просвещения; главное занятие, которое доставляет средства для существования – рыбопромышленник, хозяин; побочное занятие – рабочий поденщик.

- Черкасова Гликерия Сергеевна – жена, 40 лет; крестьянка из государственных; родилась в Кемском уезде Архангельской губернии; приписана, обыкновенно проживает – здесь; православная; родной язык – русский; неграмотная; главное занятие – при муже.

- Черкасов Павел Иванович – сын, 14 лет; крестьянин из государственных; родился, приписан, обыкновенно проживает – здесь; православный; родной язык – русский; грамотный, обучался в церковноприходской школе; главное занятие – при родителях.

- Черкасов Феофан Иванович – сын, 10 лет; крестьянин из государственных; родился, приписан, обыкновенно проживает – здесь; православный; родной язык – русский; неграмотный; главное занятие – при родителях.

- Черкасов Степан Иванович – сын, 8 лет; крестьянин из государственных; родился, приписан, обыкновенно проживает – здесь; православный; родной язык – русский; неграмотный; при родителях.

- Черкасов Петр Иванович – сын, 6 месяцев; крестьянин из государственных; родился, приписан, обыкновенно проживает – здесь; православный; родной язык – русский; при родителях.

- Черкасова Павла Ивановна – дочь, 4 года; крестьянка из государственных; родилась, приписана, обыкновенно проживает – здесь; православная; родной язык – русский; при родителях (ГААО. Ф. 6. Оп. 19. Д. 28. Л. 149-150).

Согласно данным переписи, мы получаем важные сведения о семье, включая ценные данные о грамотности отдельных представителей семьи.

Что касается членов семьи Ивана Филипповича, то, согласно данным метрических книг, Гликерия Сергеевна умерла 9 марта 1918 г. на 63-м году жизни (НАРК. Ф. 25. Оп. 27. Д. 126. Л. 1490б.). Старший сын Павел будет жить и работать в Керети, где и умрет в 1931 г. (Cherkasov, 2022b: 5). Второй сын Феофан будет рыбопромышленником, участником Первой мировой войны, за свободолюбивый нрав в 1933 г. он был осужден на 3 года ГУЛАГа (Беломорканал), в 1938 г. будет вновь арестован и расстрелян (Cherkasov, 2021). Судьба Степана и Павлы неизвестна. Возможно, Павла вышла замуж, но записей об этом в настоящий момент не найдено. Петр умер в детском возрасте. Последний, 10-й ребенок – Иван прошел всю Вторую мировую войну в пехоте – стрелком, работал в рыбнадзоре и скончался в послевоенный период в 1969 г. (Cherkasov, 2022c).

5. Заключение

Подводя итоги, важно отметить, что исторические источники по селу Кереть рубежа середины XIX – начала XX вв. находятся в двух региональных архивохранилищах Российской Федерации (Государственный архив Архангельской области и Национальный архив Республики Карелия). Среди этих источников есть материалы ревизий (10-я ревизия – 1858 г.), духовные росписи из исповедальных книг, метрики из метрических книг, а также материалы Первой Всероссийской переписи населения 1897 года. Несмотря на неполноту сведений из метрических книг, в целом благодаря сведениям из других перечисленных источников можно создать достаточно полную картину о составе исследуемой семьи. В этих документах можно обнаружить не только сведения о рождении, браке и смерти, но и о сословном происхождении, грамотности и основных занятиях каждого в отдельности индивида. Таким образом, можно резюмировать, что в распоряжении исследователя имеется достаточный комплекс исторических источников для проведения генеалогического исследования по селу Кереть периода середины XIX – начала XX вв.

Литература

Брюханова, 2018 – Брюханова Е.А. Российские и зарубежные генеалогические интернет-ресурсы как инструмент поиска архивных материалов переписи населения 1897 г. // *Эхо веков*. 2018. № 2. С. 173-186.

ГААО – Государственный архив Архангельской области.

Жиборкина, 2019 – Жиборкина А.В. Внутриволостная миграция в Устюжском уезде в XVII в. по материалам писцовых и переписных книг: первые наблюдения // *Вестник Московского университета. Серия 8 «История»*. 2019. № 2. С. 3-16.

Загваздин, 2020 – Загваздин Е.П. От могилы до архива: к проблеме изучения генеалогии сибирского духовенства // *Genesis: исторические исследования*. 2020. № 12. С. 109-119.

НАРК – Национальный архив Республики Карелия.

Соловьев, 2017 – Соловьев К.А. Пятьсот лет истории Дмитровских фамилий Елизаровых и Поляниновых как предварительный опыт генеалогического исследования // *Клио*. 2017. № 2(122). С. 158-169.

Черкасов, 2013 – Черкасов А.А. Из истории рода Черкасовых (1685–1954 гг.). Сочи, 2013.

Cherkasov, 2021 – Cherkasov A.A. Cherkasovs (Keretskys): Feofan Ivanovich Cherkasov (1886–1938) // *European Researcher. Series A*. 2021. 12(2): 75-80.

Cherkasov, 2021 – Cherkasov A.A. Cherkasovs (Keretskys): Historical and Genealogical Research (based on the Materials from the second half of the XVIII – first half of the XX centuries) // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1671-1682.

Cherkasov, 2022 – Cherkasov A.A. The Combat Path of a Common Soldier Ivan Ivanovich Cherkasov // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2022. 67(2): 414-451.

Cherkasov, 2022a – Cherkasov A.A. Cherkasovy (Keretskie): Aleksei Pavlovich Cherkasov (1910–1969) [Cherkasovs (Keretskys): Alexey Pavlovich Cherkasov (1910–1969)] // *Voprosy istorii*. 2022. 5(2): 122-128.

Cherkasov, 2022b – Cherkasov A.A. Cherkasov Petr Pavlovich (1912–1942 years): Party Documents as a Historical Source // *History and Historians in the Context of the Time*. 2022. 20(1): 3-12.

Cherkasov, 2022c – Cherkasov A.A. Cherkasovs (Keretskys): Ivan Ivanovich Cherkasov (1902–1969) // *Gardarika*. 2022. 9(1): 19-32.

References

Bryukhanova, 2018 – Bryukhanova, E.A. (2018). Rossiiskie i zarubezhnye genealogicheskie internet-resursy kak instrument poiska arkhivnykh materialov perepisi naseleniya 1897 g. [Russian and foreign genealogical Internet resources as a tool for searching archival materials of the 1897 population census]. *Ekho vekov*. 2: 173-186. [in Russian]

Cherkasov, 2013 – Cherkasov, A.A. (2013). Iz istorii roda Cherkasovykh (1685–1954 gg.) [From the history of the Cherkasov family (1685–1954)]. Sochi. [in Russian]

Cherkasov, 2021 – Cherkasov, A.A. (2021). Cherkasovs (Keretskys): Feofan Ivanovich Cherkasov (1886–1938). *European Researcher. Series A*. 12(2): 75-80.

Cherkasov, 2021 – Cherkasov, A.A. (2021). Cherkasovs (Keretskys): Historical and Genealogical Research (based on the Materials from the second half of the XVIII – first half of the XX centuries). *Bylye Gody*. 16(4): 1671-1682.

Cherkasov, 2022 – Cherkasov, A.A. (2022). The Combat Path of a Common Soldier Ivan Ivanovich Cherkasov. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 67(2): 414-451.

Cherkasov, 2022a – Cherkasov, A.A. (2022). Cherkasovy (Keretskie): Aleksei Pavlovich Cherkasov (1910–1969) [Cherkasovs (Keretskys): Alexey Pavlovich Cherkasov (1910-1969)]. *Voprosy istorii*. 5(2): 122-128.

Cherkasov, 2022b – Cherkasov, A.A. (2022). Cherkasov Petr Pavlovich (1912–1942 years): Party Documents as a Historical Source. *History and Historians in the Context of the Time*. 20(1): 3-12.

Cherkasov, 2022c – Cherkasov, A.A. (2022). Cherkasovs (Keretskys): Ivan Ivanovich Cherkasov (1902–1969). *Gardarika*. 9(1): 19–32.

GAAO – Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti [State Archive of the Arkhangelsk Region].

NARK – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kareliya [National Archives of the Republic of Karelia].

Solov'ev, 2017 – Solov'ev, K.A. (2017). Pyat'sot let istorii Dmitrovskikh familii Elizarovykh i Polyaninovykh kak predvaritel'nyi opyt genealogicheskogo issledovaniya [Five hundred years of the history of the Dmitrovsky families of the Elizarovs and Polyaninovs as a preliminary experience of genealogical research]. *Klio*. 2(122): 158–169. [in Russian]

Zagvazdin, 2020 – Zagvazdin, E.P. (2020). Ot mogily do arkhiva: k probleme izucheniya genealogii sibirskogo dukhovenstva [From the grave to the archive: to the problem of studying the genealogy of the Siberian clergy]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 12: 109–119. [in Russian]

Zhiborkina, 2019 – Zhiborkina, A.V. (2019). Vnutrivolostnaya migratsiya v Ustyuzhskom uezde v XVII v. po materialam pistsovykh i perepisnykh knig: pervye nablyudeniya [Intravolost migration in the Ustyug district in the 17th century. based on the materials of scribes and census books: first observations]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8 «Istoriya»*. 2: 3–16. [in Russian]

К вопросу о комплексе исторических источников середины XIX – начала XX вв. (на примере семьи Ивана Филипповича Черкасова)

Александр Арвелодович Черкасов^{a, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. В статье на примере семьи И.Ф. Черкасова (1856–1900 гг.) рассматривается комплекс доступных исторических источников генеалогического характера. В методологическом плане работа строится на обобщении различных фактов из истории семьи Ивана Филипповича Черкасова, ввиду чего работа представляет собой нарратив с большим количеством событий. Это дало возможность автору создать целостную картину жизни семьи в селе Кереть. Помимо этого, выявление исторических источников позволило систематизировать комплекс доступных архивных материалов для дальнейших генеалогических исследований как по селу Кереть, так и в целом по территории Республики Карелия (Российская Федерация).

В заключении автор отмечает, что исторические источники по селу Кереть рубежа середины XIX – начала XX вв. находятся в двух региональных архивохранилищах Российской Федерации (Государственный архив Архангельской области и Национальный архив Республики Карелия). Среди этих источников есть материалы ревизий (10-я ревизия – 1858 г.), духовные росписи из исповедальных книг, метрики из метрических книг, а также материалы Первой Всероссийской переписи населения 1897 года. Несмотря на неполноту сведений из метрических книг, в целом благодаря сведениям из других перечисленных источников, по мнению автора, можно создать достаточно полную картину о составе исследуемой семьи. В этих документах можно обнаружить не только сведения о рождении, браке и смерти, но и о сословном происхождении, грамотности и основных занятиях каждого в отдельности индивида. Таким образом, автор резюмирует, что в распоряжении исследователя имеется достаточный комплекс исторических источников для проведения генеалогического исследования по селу Кереть периода середины XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: Черкасовы (Керетские), Иван Филиппович Черкасов (1856–1900 гг.), исторические источники.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.cherkasov@cherkasgu.net (А.А. Черкасов)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1759-1769
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1759

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Factors Hindering Distribution of Orthodoxy among the Kazakhs in the second half of the XIX – early XX centuries

Zakish T. Sadvokassova ^a, Ziyabek Ye. Kabuldinov ^a, Yulia A. Lysenko ^{b, *}

^aCh.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Republic of Kazakhstan

^bAltai State University, Russia Federation

Abstract

The article highlights certain factors that prevented the spread of Orthodoxy among the Kazakhs in the second half of the 19th – early 20th centuries (on the basis of documentary sources, introduced into scientific circulation for the first time). The difficulties encountered in the activities of Orthodox missionaries were not always associated with indigenous population's and Islam priests' negative attitude towards the new religion. Often, the Kazakhs listened to the speeches of Orthodox preachers with interest and curiosity, and the preachers noticed this reaction of the nomads. Using this attitude, they focused on the points of interest in their enlightening conversation.

Some obstacles in the way of the propaganda of Orthodoxy were created by Russian settlers, which the missionaries could not foresee at all. Russian officials of the colonial administration, for example, verbally supported the activities of Orthodox missionaries. In fact, quite often, they “forgot” about their promises when the missionary left the newly baptized alone with the official. A number of other factors associated with the difficulties of introducing Orthodoxy among the Kazakhs were also created by Russian settlers. These include some traditions regarding the use of alcoholic beverages. The article provides information about the other obstacles.

Keywords: Russian settlers, baptized Kazakhs, Orthodoxy, obstacles, Islam, factors, obstacle, missionaries.

1. Введение

В последние десятилетия неизменным остается интерес к истории Российской империи с точки зрения формирования и развития ее как полиэтничного и поликонфессионального государства. Устойчивость крайне неоднородного российского имперского пространства во многом определялась стремлением политических кругов к его унификации и интеграции. Важным аспектом данной политики выступала миссионерская деятельность Русской православной церкви, призванная обеспечить культурно-языковую и духовно-мировоззренческую аккультурацию народов национальных окраин Российской империи. Казахское кочевое население выступило объектом внимания православных миссионеров в 60–70 гг. XIX в. и подверглось наименьшей степени их влияния. На фоне успеха других православных миссий XIX в., работавших в Зауралье, Сибири, на Крайнем Севере, научные интерес представляет попытка выявления причин и факторов данной ситуации.

2. Материалы и методы

Работа подготовлена на основе разнообразных по происхождению документальных материалов, которые можно условно объединить в несколько групп. Наиболее информативной

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Yu.A. Lysenko), tungatar_k@mail.ru (Z.T. Sadvokassova), kabulzia@rambler.ru (Z.Ye. Kabuldinov)

группой стали документы делопроизводства региональных органов государственной и церковной власти Степного и Туркестанского генерал-губернаторств: переписка чиновников и церковных служащих по вопросам развития миссионерства в Степи, отчеты миссионеров Алтайской и Киргизской миссий Томской епархии, Православной миссии Оренбургской епархии о своей работе; донесения и рапорты, отражающие миссионерскую деятельность Русской православной церкви среди казахского населения. Вторая группа источников – нормативно-правовые акты Российской империи (прежде всего Временные положения об управлении регионом 60–90 гг. XIX в.), позволяющие выявить эволюцию этноконфессиональной политики государства в Степи, определить направления социальной политики, связанной с попытками стимулирования перехода казахов-кочевников в лоно православия. Третья группа источников – материалы личного происхождения: Записки о путешествиях миссионеров киргизских православных миссий. Они, как правило, создавались в духе беллетристического жанра, где описывались суровые условия и трудности миссионерской работы, особенно в период поездок по Степи. В Записках содержится значительное количество информации о религиозном быте кочевников, деятельности среди них мусульманских проповедников. В совокупности анализ представленных групп источников позволяет в полном объеме выявить факторы, препятствовавшие продуктивной работе миссионеров киргизских православных миссий в Степном крае и Туркестане во второй половине XIX – начале XX вв. Основным массив использованных при подготовке статьи материалов выявлен в центральных архивах Республики Казахстан и Республики Узбекистан и впервые вводится в научный оборот.

Методологической основой статьи выступил цивилизационный подход, который позволяет рассматривать миссионерство Русской православной церкви в Центрально-Азиатском регионе Российской империи как попытку организации государством взаимодействия генетически разноплановых цивилизационных систем – христианской/православной культуры, носителем которой выступало славянское/оседлое население, с мусульманской культурой, носителем которой выступало кочевое казахское население. В статье использовались конкретно-исторические методы исследования. Историко-генетический метод позволил выявить глубинные факторы, влиявшие на процесс развития православной пропаганды в Казахской степи и отразившиеся в конечном итоге на ее эффективности. Историко-сравнительный метод был связан собственно с анализом хода миссионерства Русской православной церкви в Степном крае и Туркестане – двух регионах центральноазиатских окраин Российской империи, выявлением общих и особенных причин незначительных успехов православного прозелитизма в них.

3. Обсуждение

Глубокое изучение проблемы, связанной с распространением православия в национальных регионах Российской империи, относится к постсоветскому периоду. Российские ученые исследуют миссионерскую деятельность Русской православной церкви на Урале, северо-востоке России, в Сибири, Забайкальском крае (Нечаев, 1997: 69-83; Лифантьева, 2001: 70-75; Батурич, Батурина, 2015: 7-12; Волнина, 2013: 37-41 и др.).

Объектом исследований историков является деятельность российских государственных чиновников, педагогических работников, оказывавших содействие работе миссионеров (Бородавкин, Храпова, 1994: 208; Жировов, 1998: 137-157; Файзрахманов, 2008: 146-150).

Одним из направлений научных изысканий является изучение христианизации мусульманских народов (Мавлютова, 2002: 195-197; Остапенко, 2018: 59-76; Мавлютова, 2016: 201-206).

Представляют интерес научные публикации и коллективные монографии, в которых раскрывается противомусульманская пропаганда миссионерских учреждений и православных проповедников (Лысенко, Ефименко, 2020: 793-809; Садвокасова, 2021: 37-42; Садвокасова, 2022: 462).

4. Результаты

Колониальная политика самодержавия на территории современного Казахстана проводилась в различных сферах жизни народа. Одно из направлений было связано с оказанием влияния на духовную, прежде всего религиозную жизнь казахов. К середине XIX века среди казахов был распространен ислам ханафитского толка, как наиболее приспособленного к условиям кочевой жизни и воззрениям казахов. Распространение этой религии арабскими миссионерами началось в Казахстане еще в VI веке. Государственной религией на территории Казахстана ислам был объявлен в X веке. В то же время в мировосприятии казахов продолжали бытовать элементы тенгрианства, вера в аруахов – духов предков. По этой причине в глазах соседних мусульманских и христианских народов казахи не выглядели ревностными правоверными, строго выполняющими требования и неукоснительно следующими предписаниям ислама. Русский исследователь А.И. Левшин, занимавшийся изучением Казахской степи и ее жителей, затруднялся при определении религиозной принадлежности казахов, тем не менее вынужден был признать, что «из всех частей смешения различных исповеданий преимущественно пред прочими обнаруживается магометанское» (Левшин, 1996: 314). Следует заметить, что религиозная политика самодержавия после вхождения Казахстана в состав Российской империи в XVIII веке была направлена на распространение и укрепление ислама

среди казахов. Во второй половине XVIII – начале XIX веков в Казахскую степь направлялись татарские муллы с целью укрепления среди казахов «своего» течения в исламе в противовес другим течениям, распространявшимся миссионерами из-за пределов Российской империи – арабами, персами, бухарцами и др. В то же время спорадические попытки привлечения казахов в лоно православия носили неорганизованный характер и были связаны с деятельностью служителей церкви, переселявшихся в начале XIX века вместе с русскими чиновниками, казаками и крестьянами в Казахскую степь.

Первая попытка перехода к организованному распространению православия среди казахов относится к 30-м годам XIX века, когда была учреждена Алтайская духовная миссия. Архиепископ Тобольский Евгений разрешил иеромонаху Макарию занять должность миссионера и просил генерал-губернатора Западной Сибири И.А. Вельяминова оказать содействие в устройстве миссии в Кокчетаве. В просьбе было отказано из опасений вызвать недовольство казахов. Запрет позволил усилить проповедь ислама.

Тем не менее правительство всячески содействовало переходу казахов из прежней веры в православие, стремясь создать благоприятную среду для крещеных. В законодательных актах, связанных с новыми правилами управления Казахской степью, особо оговаривались создаваемые для них условия. Так, в разделе о правах киргизов «Положения об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» от 1868 года два параграфа отводились неопитам: «247 Киргизам, принявшим христианство, дозволяется или оставаться в своих обществах, или прикочевывать к русским селениям в Степи, с сохранением предоставленных киргизам прав; 248. Принявшие христианство киргизы, если пожелают, могут приписываться к городским и сельским общинам всех наименований, не испрашивая на то предварительного согласия обозначенных обществ» (Жакыпбек, 2001: 88). Тем самым, во-первых, создавалась возможность оградить крещеных от враждебного отношения соплеменников, вплоть до убийства вероотступников. Во-вторых, закладывалась основа для инкорпорирования крещеных в православные общины, несмотря на неприятие ими новых единоверцев. В-третьих, указанные пункты использовались проповедниками православия в пропаганде Слова Божия, подчеркивавшими заботу правительства о своих единоверцах.

Только через 50 лет была учреждена православная миссия, в задачи которой входили не только проповедь христианства среди казахов, но и противодействие возраставшему влиянию ислама. Миссионеры в своей работе сталкивались с множеством препятствий. Одной из серьезных преград являлось мусульманское духовенство. Почти все миссионеры подчеркивали вред и зло, идущее от служителей ислама – татар, таджиков, сартов. Эти «религиозные вожжи киргизов – великое зло в орде как для самих киргизов, так в особенности для нашего Правительства: киргизов они развращают, а Правительству мешают проводить в орду свои идеи» (Миссионерский сборник, 1910: 157). Русскими чиновниками было замечено, что даже при выборе оседлого образа жизни казах чаще «усваивает быт не русский, а татарский» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2216. Л. 7). В дополнение к сказанному «татарско-магометанская грамотность, распространяющаяся между киргизами, разлагает народный склад и стремится обратить их в татар; чего в конце концов и достигнет, если не будут приняты меры к предупреждению этого» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2216. Л. 10). Привлекательность для казахов татарского быта и их грамоты объясняется прежде всего близостью уклада жизни и общностью происхождения языков.

Во Всеподданнейшем докладе туркестанского генерал-губернатора, генерала от инфантерии С.М. Духовского подчеркивалось: «Ислам, в настоящем его виде и силе, будучи учением, крайне инертным и враждебным христианской культуре, исключает всякую возможность полного нравственного ассимилирования с нами наших нынешних подданных мусульман. Чистый мусульманин, крепко верующий в букву Корана и шариата, не может быть искренним, верным другом христианина» (ЦГА РУ. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1260. Л. 5). Из этой констатации следует, что лишь искоренение ислама позволит сблизиться коренному населению с православными.

Миссионеры неоднократно отмечали, что их старания по привлечению в лоно православия сводились на нет резким ухудшением положения своих новых подопечных. С одной стороны, после крещения новообращенные сталкивались с негативным отношением к ним соплеменников. С другой – обещания миссионеров не всегда выполнялись гражданскими властями, вследствие чего принявшие православие казахи оказывались в несравненно худшем положении, чем до принятия христианства.

В качестве примера приведем рапорт от 27 ноября 1893 года священника Кирилло-Мефодиевской церкви при Николаевском одноклассном училище Федора Соколова на имя военного губернатора Тургайской области Я.Ф. Барабаша о выделении принявшим православие казахам земельных наделов. Из документа следует, что положение новокрещеных зависело большей частью от взгляда на них местной уездной администрации, не оказывавшей им какого-либо содействия. Отметив такое отношение чиновников, священник пишет о том, что к нему приходили казахи, желавшие принять крещение. Он направлял их в уездное управление «для получения вида и засвидетельствования его искреннего и непреодолимого желания принять святое крещение. Уездная администрация отказывалась засвидетельствовать последнее, а заботу о получении вида возлагала на самого же готовящегося к крещению, направляя его к волостному управителю. Такой прием уездной

администрации служит прямо к преграждению доступа в христианство со стороны киргиз» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1426. Л. 36-39). Необходимо пояснить, почему священник оценивает «такой прием» уездных властей как прямое препятствие для готовящегося к крещению. Дело в том, что волостные правители назначались из представителей степной аристократии или наиболее влиятельных баев. Если в отношении желающих принять православие уездная администрация создавала множество помех, то не лучше обстояло дело с наделением земель новокрещеных. Несмотря на распоряжение военного губернатора не тянуть с решением земельного вопроса, «обыкновенно приводятся в осуществление после продолжительного времени, после долгих со стороны киргиз и волостного управителя издевательств над новопросвещенным, и надел выдается не как законный, а как бы из сожаления к пропавшему их собрату, как будто киргиз принимает христианство в наказание!» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1426. Л. 37). Конечно, после указанных долгих мытарств принявший новую религию инородец испытывал обиду и разочарование, что зачастую приводило к возвращению в свою прежнюю веру.

Помимо наделения участком земли, миссионеры поднимали вопрос о приписке крещеных казахов к какому-либо обществу и снабжении их видом на жительство. Но, по свидетельствам проповедников православия, они не видели «ни малейшего участия со стороны уездной администрации и без чего, однако, положение новопросвещенных является, прежде всего, неупорядоченным» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1426. Л. 38).

Решения губернского начальства о выделении новокрещеным земли для образования особого поселка нередко оставались на бумаге, поскольку уездное руководство не спешило претворять их в жизнь. Как отмечал священник, «приведение в исполнение этого высокого распоряжения вашего превосходительства требует большой осмотрительности, а главное любви или по крайней мере сочувственного отношения к нарождающемуся здесь миссионерскому делу, чего судя по данным, я не могу видеть. К великому прискорбию, от местной уездной администрации поддержки нету» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1426. Л. 39).

Игнорирование запросов миссионеров местными чиновниками негативно отражалось на их дальнейшей работе. Передававшиеся по Степи вести о нелегкой жизни вчерашних соплеменников, отказавшихся от религии предков, порождали соответствующие настроения. Такие примеры приводили казахов к заключению: беречь свою веру и не поддаваться обещаниям хороших перемен после перехода в православие.

Усложнялось положение новокрещеных и тем, что, разрывая связь со своими единоплемениками, они подвергались еще преследованиям с их стороны. Вчерашние сородичи почти всегда относятся «неприятно к обращающимся в христианство, считая их отступниками от веры отеческой и своего племени и всячески теснят в пользовании землей и другими хозяйственными угодьями. С другой стороны, новообращенному трудно прочно примкнуть и к русскому крестьянскому обществу (если оно есть вблизи), и еще труднее – к казачьему, и это потому, во-первых, что как те, так и другие к новокрещеным относятся часто с предубеждением против них и, во-вторых, очень дорожат землей, чтобы отвести ее в надел чужим, пришлым людям» (Елисеев, 1900: 172). И здесь возникали новые проблемы перед миссионером: охранять крещеного казаха от своих и создавать для него условия, если не лучше, то хотя бы не хуже прежнего. Как свидетельствуют документы, решить возникавшие задачи удавалось не всегда.

Еще одним примером может служить судьба одного из выпускников Перовского городского училища Тургайской области Алексея Петровича Степанова, получившего это имя после крещения. До принятия христианства он звался Кипчан Джуманыходжинов (Джуманов). В городе Кустанае обряд крещения вместе с ним прошли еще 30 человек. Им должны были выделить землю для создания поселка из крещеных кочевников. Об обещании скоро забыли, не вспоминали также и самих новоиспеченных «русских». Главное – задача по привлечению инородцев в лоно православия – было выполнено. Ожидания же крещеных оказались, к сожалению, иллюзорными.

Владеющий русской грамотой крещеный Джуманов-Степанов оказался в Казани. Помыкавшись около полугода, он писал о том, что вынужден ходить по разным учреждениям с просьбой принять его на работу, но везде получает отказ. Отчаявшись, он заключает: «Я весь прожился, задолжал, я ж – отставной, того гляди, в какой части в яму посадят. Да разве я не русский человек?» (Мироппиев, 1901: 136). Звание учителя начального и приходского училища не дало А.П. Степанову возможности реализовать свои знания и способности. Хотя, судя по отчету военного губернатора Тургайской области за 1896 год, именно в это время здесь озаботились «об устранении недостатка в учительском персонале» (ЦГА РК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 29. Л. 4). Даже дефицит учительских кадров не изменил положения крещеного.

Подобные случаи встречались довольно часто. Окончив русские учебные заведения, молодые казахи становились чужими среди своих. В Докладной записке об учреждении учительской школы для «инородцев» Оренбургского края от 11 марта 1871 года миссионер, востоковед Н.Н. Ильминский писал: «Я заметил в степи, что киргизские юноши, получившие и довольно усвоившие русское образование в кадетском корпусе, остаются как-то одиноко и бесприютно среди киргизского народа, их русским идеям никто не сочувствует и не подражает» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2216. Л. 7).

Обстоятельства складывались таким образом, что полученные знания оставались не востребованными: казахи не принимали выпускников русских учебных заведений, а гражданские власти и переселенцы не нуждались в образованных инородцах.

Совершенно иначе обстоит дело с выпускниками мусульманских учебных заведений. Русские чиновники отмечали, что дети богатых киргизов (казахов) получали образование в бухарских и татарских медресе. По их мнению, полученное юношами мусульманское образование оказывало вредное влияние на казахов, укрепляло среди них ислам. Эти выпускники пользовались «необыкновенным почётом среди киргизов и каждому его слову внимают с благоговением. Киргизы, имеющие возможность отдать своих детей такому «молде», почитают себя счастливейшими» ([Препятствия и нужды..., 1893: 5](#)).

Как известно, близкие контакты представителей разных культур приводят к взаимопроникновению и взаимозаимствованию различных элементов, по той или иной причине привлекательных как для одной, так и для другой стороны. Неожиданным, хотя и естественным, стало появление окиргизившихся, омусульманившихся русских переселенцев – казаков, крестьян. Переселенцы, оказавшись в непривычной среде, перенимали язык и обычаи местных жителей. Происходила естественная адаптация к новым условиям. К примеру, заготовка мяса, проводившаяся ежегодно в зимнее время казахами, принята была и переселенцами. В своей работе, посвященной Сибирскому казачьему войску, известный путешественник и этнограф Г.Н. Потанин писал о том, что казаки совершенно не пренебрегают казахским языком и даже используют его в своей среде в качестве разговорного. Казаки перенимали культуру казахского народа, пели песни, представляющие «смесь киргизского и русского языков» ([Потанин, 1891: 36](#)). Последствия влияния казахов на казаков отражались и на одежде последних. Некоторые русские путешественники в своих записках отмечали, что на всем пути они видели казаков, которые «и на службе носят чаще всего киргизские халаты» ([Радлов, 1989: 83](#)). Казаки же при полной парадной форме, соответствующей их сословию, вызывали даже удивление проезжающих. К сожалению, перенимались и не самые лучшие обычаи. Имевшую давнюю историю барымту (баранту), с помощью которой разрешались межплеменные и межродовые конфликты, переняли и казаки и возвели ее «до того же искусства, как и у самих киргизов» ([Потанин, 1891: 37](#)).

Влияние казахов на русских казаков, соседствующих по границе «киргизской степи» отмечал и исследователь Сибири и Центральной Азии Н.М. Ядринцев. Им указывалось на то, что казаки местами переходили к скотоводству, «нравы киргиз проникли в среду офицерского сословия. Иногда офицеры возвращались в города совершенно «окиргизившиеся» ([Ядринцев, 1891: 64](#)). Однако проповедники столкнулись не только с указанными явлениями, но и с вопросами, связанными с религиозными воззрениями казаков.

Волновали служителей Русской православной церкви изменения, происходившие у казаков по отношению к христианской вере. Священник Флоро-Лаврской церкви Коряковской станицы докладывал епископу Омскому и Семипалатинскому, а также атаману Сибирского казачьего войска о фактах нарушения религиозных требований православными. Церковнослужитель писал о том, что лица из казачьего населения не исполняют долга исповеди в течение ряда лет. Некоторые не посещают церковь. Пастырские увещания совершенно не действуют. В список, составленный священником, включены были фамилии более трех десятков человек в возрасте от 23 до 55 лет ([ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 876. Л. 3-7](#)). Отмечались целые семьи, перешедшие из православия в ислам. В рапорте, направленном в Сырдарьинское правление Туркестанского генерал-губернаторства, приводятся данные о том, что 7 человек переходят из «православия в магометанство всей семьей» ([ЦГА РУ. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 2058. Л. 107](#)).

Желание перейти в ислам православных женщин заслуживает особого внимания. Чаще всего такой поступок они объясняли любовной связью. Так, отказ казачки Бородихиной от православия, которой пытался сделать внушение служитель церкви, был связан с вступлением в «преступное сожитительство» ([ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1265. Л. 5-6](#)) с мусульманином, следствием чего стало принятие ею ислама. Своего сына она наряжала в татарскую одежду, сама совершала омовение и другие обряды магометанской религии. Попытка священника воздействовать на нее с помощью родителей никаких результатов не дала. «По долгу пастыря я давал родителям девицы пастырское увещание о христианском прощении виновной дочери и об использовании родительской власти» ([ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1265. Л. 6](#)). Особенно удивило служителя церкви поведение отца, не спешившего оказать влияние на дочь. Он вынужден был признать, что данный факт являлся подтверждением равнодушного отношения большинства казаков к религиозным вопросам.

Случай с казачкой оказался не единственным. Количество желающих принять мусульманство увеличилось после Указа императора от 17 апреля 1905 года, дающего право «свободы веры». К 1907 году в Туркестане до 500 русских девушек «отпали» в ислам ([ЦГА РУ. Ф. И-182. Оп. 1. Д. 53. Л. 16](#)).

На новых землях русские переселенцы сталкивались с определенными трудностями. Наблюдая за жизнью коренных жителей, они видели поддержку малоимущих со стороны сородичей, что побуждало иногда на принятие непростого решения. В марте 1910 года епископ Туркестанский и

Ташкентский в своем докладе писал, что ему неоднократно доносили об отказе православных от своей веры. Причем он вынужден был признать, что к изменению веры православных подтолкнули собственные материальные трудности и наблюдаемый ими непривычный уклад жизни мусульманской общины. Особенно привлекательным было то, что в ней была широко организована «материальная помощь нуждающимся сочленам» (ЦГА РУ. Ф. И-182. Оп. 1. Д. 53. Л. 3). Факты появления омусульманившихся и окиргизившихся русских переселенцев вызывали негативную реакцию гражданского и церковного начальства, когда «отступники от православия объясняют свой поступок расположением к религии Магомета» (ЦГА РУ. Ф. И-182. Оп. 1. Д. 53. Л. 5). Один из миссионеров в ходе своих поездок в 1892 году по киргизским степям в Тургайской области с целью пропаганды православия посетил и русские селения. По поводу этой поездки он писал в отчете о замеченных фактах ассимиляции переселенцев, выразившихся в том, что многие из них на протяжении долгого времени не выполняют заповеди русской церкви, дети забыли родной язык и в повседневной жизни используют казахский, учатся в ауле у муллы. Объехавший более тысячи верст за 42 дня и посетивший 1 596 русских поселенцев, проживавших среди казахов, миссионер, уверенный в том, что русские крестьяне будут влиять на коренных жителей, вынужден был признать, что увиденное им, скорее всего, свидетельствовало об обратном. Крестьян, живущих «среди киргиз и почти забывших русский язык» (Отчет миссионера, 1893), вряд ли можно было считать помощниками проповедника православия.

Миссионер Е. Елисеев во время своих поездок встретился «близ Марка-Куля с письмоводителем Калджирской волости, человеком по происхождению русским, но по образу жизни и костюму – скорее магометанином» (Елисеев, 1900: 24). Выразив свое недовольство относительно нерусской одежды коллежского асессора – халата и турецкой фески, миссионер подчеркнул, что русский человек, «облеченный доверием начальства» должен служить примером святому делу просветительства веры Христовой. Вероятно, миссионер не оставил без внимания пренебрежение окиргизившегося чиновника и посодействовал его удалению, поскольку уездная администрация позже отстранила от службы этого асессора в халате и феске.

Таким образом, миссионеры не всегда могли рассчитывать на помощь русских переселенцев в увеличении рядов христиан из числа казахов. Проповедники православия вынуждены были признать, что образ жизни отдельных новоселов никак не способствует проводимым мерам по привлечению инородцев в новую веру. Более того, перечисленные трансформации православного русского человека в мусульманина или казаха напрямую противоречили проводимой религиозной политике самодержавия в национальных регионах. По мнению миссионеров, подобные факты могли вызвать нежелательную реакцию казахов на пропаганду православия, так как окиргизившиеся и омусульманившиеся русские являлись наглядным примером признания и принятия ими инородческой культуры и религии.

Переселявшиеся в казахские степи крестьяне порой проявляли недоброжелательность в отношении коренных жителей. Среди таковых выделялись прежде всего раскольники (старообрядцы) и другие сектанты. Казахам сложно было отличить последователя официальной религии от адептов иных течений. По внешнему виду они все были одинаковы, все были русские. Раскольники, по характеристике миссионера Е. Елисеева, отличались грубостью и пренебрежением не только к казахам, но и к православным русским. Они создавали образ недоброго русского человека, обижающего казахов. Приводились факты жестокого обращения с кочевниками, разгона поселившихся поблизости коренных жителей выстрелами из ружей. Сами русские называли их быловодцами, потому что они, «избегая отбывания воинской и других повинностей, ушли далеко к быловодью, т.е. к таким местам, где сказочные кисельные берега и молочные реки. Киргизы же эти русские деревни называли «Жаман-Кала», т.е. дурные деревни, а самих жителей называют «жаман-урыс, т.е. дурной русский» (Елисеев, 1900: 26) (Неправильный перевод. «Жаман» в переводе с казахского – «плохой»). То есть, плохой город, плохой русский. – Авт.). Подобная оценка казахами раскольников могла иметь нежелательные последствия для пропагандистской работы. Миссионеру надо было убеждать казахов в том, что это другие русские и их вера отличается от той, которую он проповедует.

Следует отметить, что старообрядцы являлись еще одним объектом миссионерской деятельности. Служителей церкви волновала нежелательная реакция инородцев на раскольников. В предписании от 4 сентября 1893 года Оренбургской духовной консистории по указу императора Александра III ставилась задача о проведении миссионерской деятельности среди раскольников. Духовенству строго предписывалось, помимо совершения церковной службы для раскольников «по чину и благоговейно, читать ясно и внятно, пения придерживаться старинного и умиленного, и избегать пения крикливого и чуждого церковного характера, крестное знамение возлагать на себя истово» (ЦГА РК. Ф. 706. Оп. 2. Д. 3. Л. 91), учитывать их предубеждения. Священникам указывалось, что они должны непрерывно вести миссионерское дело, действуя против раскольников. Им следовало «выбирать из среды прихожан людей, способных и расположенных вести собеседования с раскольниками и сектантами о предметах их разномыслия с церковью и содействовать таковым лицам в и трудах наставлениями, указаниями и в особенности снабжением их необходимыми книгами» (ЦГА РК. Ф. 706. Оп. 2. Д. 3. Л. 92об.). Постоянное внимание и миссионерская работа с

раскольниками должны были привести к сокращению их числа и тем самым устранить нежелательную помеху в деле распространения православия среди казахов.

Еще одним фактором, препятствующим распространению православия, явилось то, что крещеные казахи вместе с устоями христианской веры, к огорчению проповедников, перенимали отдельные традиции русского народа, связанные с употреблением спиртного. В отчетах миссионеров приводились факты буйства и разлада в семьях крещеных казахов на почве пьянства. До общения с русскими подобные явления среди кочевников не наблюдались, так как по шариату алкоголь был под строгим запретом. Как писал известный русский путешественник П.П. Семенов-Тянь-Шанский, «драк в семье, при всей прирожденной грубости киргиз, не бывает; даже дети редко наказываются телесно» (Семенов, 1885: 192). С принятием православия некоторые крещеные казахи стали вести нетрезвый образ жизни. Миссионер отмечал, что у них «выпивкой сопровождается семейная радость, всякая удача в продаже земли без ведома миссионера, как хозяина стана. Некоторые предаются этому пороку по случаю и без случая» (ЦГА РК. Ф. 393. Оп. 1. Д. 83. Л. 204).

В то же время отдельные представители духовенства были не без греха относительно трезвого образа жизни. Даже проводимый отбор среди служителей церкви не смог избавить ее от пьющих. Те, кто своим безупречным поведением и образом жизни должен был стать примером и тем самым привлекать в лоно православия коренное население, сами мало чем отличались от мирян своей тягой «заложить за воротник». Вышестоящие духовные инстанции получали немало сведений из разных мест о нетрезвых церковных служителях, нарушавших порядок при богослужении.

В 1872 году в Туркестанскую духовную консисторию поступили донесения о пьянстве псаломщика и пономаря кафедрального собора, которые, будучи не в состоянии «выстоять богослужения, выходили из храма при чтении псалмов, оскорбили при выходе генеральшу Михайловскую, громко разговаривали и смеялись во время литургии» (ЦГА РК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 6. Л. 12). Подобное поведение не только оскорбляло религиозные чувства прихожан, но и серьезным образом вредило проповеди христианства среди инородцев. Если наблюдение пьяных православных в быту не способствовало привлечению иноверцев в лоно церкви, то что уж говорить о появлении нетрезвых и неподобающем их поведении в божьем храме.

Разумеется, церковные служители, понимая пагубность увлечения алкоголем русского населения, проводили упорную борьбу с этим злом. Одним из ярых противников употребления горячительных напитков являлся аулие-атинский протоиерей А. Богословский. Его хлопоты о полном прекращении употребления всякого рода алкоголя заслуживают особого внимания. Наглядным примером для него служило коренное население, ведущее трезвый образ жизни. В борьбе с этим пороком в помощь ему было и вышедшее антиалкогольное постановление Туркестанской духовной консистории (ЦГА РК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 100. Л. 3). В связи с этим он часто выступал с проповедями, беседовал на указанную тему в школах и других местах. Проводил опрос русского населения относительно вреда алкоголя, агитировал за трезвый образ жизни, создание общества непьющих. В результате его активных действий от 5 тысяч русского населения Аулие-Аты (ЦГА РК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 31. Л. 7) было собрано 300 подписей, половина из которых принадлежала женщинам. В числе подписавшихся было также небольшое количество несовершеннолетних. Любопытно отметить, что через некоторое время отдельные лица из этого списка обращались с просьбой о разрешении на покупку бутылки водки.

Поддерживая антиалкогольные действия священнослужителей, миссионеры предлагали дополнительные меры по пресечению этого дурного искушения для казахов. Они выразились в запрете открытия винных лавок и кабаков, особенно в миссионерских селениях. Считая кабак соблазном не только для русских людей, но и для крещеных казахов, миссионеры делают следующий вывод: «если правительство считает нужным принимать меры против пьянства, – то еще нужнее сделать это для новокрещеных инородцев...», которых в конце XIX века уже характеризовали как «очень слабых и падких на водку. И чем меньше будет для них соблазна в этом отношении, тем лучше» (Елисеев, 1900: 180).

Еще одно явление, создававшее трудности в деле распространения православия, наблюдалось в среде русских рабочих. Миссионер, близко столкнувшийся с ними, отмечает вредное влияние русских рабочих, создающих неблагоприятные условия для работы миссии. Проповедник православия, давая характеристику «сибирскому рабочему люду», пишет о «вредном влиянии этого элемента». Нелестные отзывы связаны с тем, что рабочие «заражают инородцев сквернословием настолько, что между последними можно встретить детей и не только мальчиков, но и девочек, бранящихся скверными словами. С другой стороны, примеры приисковых рабочих начинают мало-помалу увлекать и самих инородцев к разгульной, бесшабашной приисковой жизни» (Отчет о миссиях..., 1892: 14). Очевидно, такое общение и особенно подражание казахов образу жизни рабочих не способствовало успешности миссии.

5. Заключение

Таким образом, исходя из анализа приведенных документальных материалов, можно выделить три группы факторов, препятствовавших распространению православия в среде казахов во второй

половине XIX – начале XX веков. Первая группа факторов относится к деятельности гражданской администрации и церковных служителей:

- неказание содействия желающим принять православие и крещеным казахам со стороны гражданских властей, прежде всего на уездном уровне. Следствием такого небрежения становились ухудшение положения крещеных казахов, разочарование и возврат к прежней вере. В свою очередь незавидная участь неопитов служила убедительным доводом в пользу сохранения традиционной веры;

- пьянство отдельных церковных служителей. Такой порок особенно нетерпим для представителей духовенства, поскольку дискредитировал в глазах инородцев не просто их самих, но и их веру. Соответственно, доводы миссионеров в пользу христианства теряли убедительность.

Вторая группа факторов связана с взаимодействием переселенцев с коренным населением:

- недоброжелательное, порой враждебное отношение отдельных категорий переселенцев к коренному населению. Негативное восприятие казахами таких переселенцев распространялось, естественно, и на их веру;

- небрежное отношение к исполнению христианского долга некоторых переселенцев, прежде всего казаков. Сюда также можно отнести распространение среди отдельных групп переселенцев таких пороков, как пьянство и сквернословие. Эти факты также не добавляли убедительности проповеди миссионеров;

- привлекательность для переселенцев образа жизни и обычаев коренного населения как наиболее приспособленного к условиям среды обитания. Для представительниц женского пола дополнительным мотивом становились личные чувства. Окиргизивание зачастую влекло за собой и омусульманивание, что также наносило ущерб делу распространения христианства.

Третья группа факторов относится к коренному населению:

- распространение и укрепление позиций ислама в среде казахов, в том числе и за 50-летний период, предшествующий началу миссионерской деятельности на территории Казахстана. Искоренение ислама, такой же религиозной доктрины, как и христианство, оказалось значительно более трудным делом, чем победа над язычеством;

- родовая организация казахского общества. Жизнь и благосостояние кочевника целиком зависели от силы его рода, которая позволяла защищать пастбища и пути кочевков, табуны лошадей, стада коров и отары овец от агрессивных соседей. Поэтому разрыв связи с родом был очень болезненным для казаха, оставляя его порой практически без средств к существованию.

Перечисленные факторы явились одной из причин неэффективности и низкой результативности миссионерской деятельности.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения проекта по программно-целевому финансированию КН МВОН РК OR11465469 по теме: «Разработка академического издания «История Казахстана с древнейших времен до наших дней» в семи томах».

Литература

Батурич, Батурина, 2015 – Батурич С.П., Батурина Т.В. К вопросу о вероисповедной политике Российской империи на рубеже XIX–XX веков (на примере Сибири) // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 4(64). С. 7-12.

Бородавкин, Храпова, 1994 – Бородавкин А.П., Храпова Н.Ю. Сперанский и Алтайская миссия // *Культурное наследие Сибири*. Барнаул, 1994. 208 с.

Волнина, 2013 – Волнина Н.Н. Особенности миссионерской деятельности русской православной церкви в Забайкальском крае конца XIX – начала XX в. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Грамота. Тамбов, 2013. № 12(38): В 3-х ч. Ч. I. С. 37-41.

Елисеев, 1900 – Елисеев Е. Записки миссионера Буконского стана Киргизской миссии за 1892–1899 гг.: Буконского миссионера, священника Ефрема Елисеева. СПб., 1900. 172 с.

Жакыпбек, 2001 – Жакыпбек С.К. История Казахстана. Сборник документов XVIII – начала XX веков / Под общей ред. Алматы, 2001. 307 с.

Жировов, 1998 – Жировов В.И. К.П. Победоносцев – идеолог российского самодержавия рубежа XIX–XX вв. / *Российская монархия: вопросы истории и теории*. Воронеж, 1998. С. 137-157.

Левшин, 1996 – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996. 656 с.

Лифантьева, 2001 – Лифантьева Н. Распространение православия на северо-востоке России // *Отечественные архивы*. 2001. № 4. С. 70-75.

Лысенко, Ефименко – Лысенко Ю.А., Ефименко М.Н. Киргизская антиисламская миссия Оренбургской епархии (90-е гг. XIX – начало XX в.) // *Вестник РУДН. Серия «История»*. 2020. № 4. С. 793-809.

Мавлютова, 2002 – Мавлютова Г.Ш. Об обращении в православие татар Западной Сибири / *Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири»*. Томск-Омск, 2002. С. 195-197.

Мавлютова, 2016 – Мавлютова Г.Ш. Христианизация мусульман Тобольской губернии в начале XX в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 411. С. 201-206.

Миропиев, 1901 – *Миропиев М.А.* О положении русских инородцев. СПб., 1901. 515 с.

Миссионерский сборник..., 1910 – Миссионерский сборник статей и заметок о калмыках и киргизах, кочующих в Астраханской губернии. Издание Астраханского комитета Православного миссионерского общества. Астрахань, 1910. 304 с.

Нечаев, 1997 – *Нечаев М.Г.* Миссионерская деятельность церкви на Урале (1905–1916 гг.) // *Христианское миссионерство как феномен истории и культуры / Материалы международной научно-практической конференции*. В 2 т. Т. 1. Пермь, 1997. С. 69-83.

Остапенко, 2018 – *Остапенко Р.А.* Православная миссия среди адыгов Северо-Западного Кавказа: социокультурные условия, трудности, итоги (1864–1917) // *Наследие веков*. № 2. 2018. С. 59-76.

Отчет о миссиях..., 1892 – Отчет о миссиях Томской епархии Алтайской и Киргизской за 1891 год. Томск, 1892. 71 с.

Отчет миссионера – Отчет миссионера // *Оренбургский край*. № 5. 1893.

Потанин, 1891 – *Потанин Г.* Заметки о Сибирском казачьем войске // *Военный сборник*. Т. XIX. № 5–6. 1891. С. 25-48.

Препятствия и нужды..., 1893 – Препятствия и нужды Киргизской миссии. Отчет о деятельности Томской епархии Алтайской и Киргизской православных миссий за 1892 год // *Православный благовестник*. № 11. 1893. С. 4-5.

Радлов, 1989 – *Радлов В.В.* Из Сибири. М., 1989. 749 с.

Садвокасова, 2021 – *Садвокасова З.Т.* Противомусульманская деятельность православных миссионеров и ее последствия / *Материалы международной научно-практической конференции «Независимый Казахстан: история создания и актуальные проблемы государственности», посвященной 30-летию независимости Республики Казахстан в рамках «Нурпеисовских чтений»*. Алматы, 2021. С. 37-42.

Садвокасова, 2022 – *Садвокасова З.Т.* Мусульманские и православные миссионеры в Казахстане: деятельность и результаты (XIX – начало XX веков). Алматы, 2022. 462 с.

Семенов, 1885 – *Семенов П.П.* Живописная Россия. Русская Средняя Азия. Т. 10. М.-СПб., 1885. 448 с.

Файзрахманов, 2008 – *Файзрахманов Л.М.* Н.П. Остроумов – миссионер и исламовед // *Известия АлтГУ*. № 4/1. 2008. С. 146-150.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

ЦГА РУ – Центральный государственный архив Республики Узбекистан.

Ядринцев, 1891 – *Ядринцев Н.М.* Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891. 308 с.

References

Baturin, Baturina, 2015 – *Baturin, S.P., Baturina, T.V.* (2015). K voprosu o veroispovednoi politike Rossiiskoi imperii na rubezhe 19-20 vekov (na primere Sibiri) [To the Issue of the Religious Policy of the Russian Empire at the Turn of the 19th-20th Centuries (on the Example of Siberia)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4(64): 7-12. [in Russian]

Borodavkin, Khrapova, 1994 – *Borodavkin, A.P., Khrapova, N.Yu.* (1994). Speranskii i Altaiskaya missiya [Speransky and Altai mission]. *Kul'turnoe nasledie Sibiri*. Barnaul, 208. p. [in Russian]

Eliseev, 1900 – *Eliseev, E.* (1900). Zapiski missionera Bukonskogo stana Kirgizskoi missii za 1892–1899 gg.: Bukonskogo missionera, svyashchennika Efrema Eliseeva [Notes of the missionary of the Bukonsky camp of the Kirghiz mission for 1892-1899: Bukonsky missionary, priest Efrem Eliseyev]. Sankt-Peterburg, 172 p. [in Russian]

Faizrahmanov, 2008 – *Faizrahmanov, L.M.* (2008). N.P. Ostroumov – missioner i islamoved [Ostroumov – missionary and Islamic scholar]. *Izvestiya AltGU*. 4/1: 146-150. [in Russian]

Levshin, 1996 – *Levshin, A.I.* (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei [Description of the Kirghiz-Kazak, or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. *Almaty*, 656 p. [in Russian]

Lifant'eva, 2001 – *Lifant'eva, N.* (2001). Rasprostranenie pravoslaviya na severo-vostoke Rossii [The Spread of Orthodoxy in the North-East of Russia]. *Otechestvennye arkhivy*. 4: 70-75. [in Russian]

Lysenko, Efimenko, 2020 – *Lysenko, Yu.A., Efimenko, M.N.* (2020). Kirgizskaya antiislamskaya missiya Orenburgskoi eparkhii (90-e gg. XIX – nachalo XX v.) [Kirghiz Anti-Islamic Mission of the Orenburg Diocese (1890s – early 20th century)]. *Vestnik RUDN. Seriya Istoriya*. 4: 793-809. [in Russian]

Mavlyutova, 2002 – *Mavlyutova, G.Sh.* (2002). Ob obrashchenii v pravoslavie tatar Zapadnoi Sibiri [On the conversion of Western Siberia Tatars to Orthodoxy]. *Tyurkskie narody: Materialy V-go Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri»*. Tomsk-Omsk, pp. 195-197. [in Russian]

- [Mavlyutova, 2016](#) – *Mavlyutova, G.Sh.* (2016). Khristianizatsiya musul'man Tobol'skoi gubernii v nachale XX v. [Christianization of the Tobolsk province Muslims in the early 20th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 411: 201-206. [in Russian]
- [Miropiev, 1901](#) – *Miropiev, M.A.* (1901). O polozhenii russkikh inorodtsev [On the situation of Russian indigenous people]. SPb., 515 p. [in Russian]
- [Missionerskii sbornik..., 1910](#) – *Missionerskii sbornik statei i zametok o kalmykakh i kirgizakh, kochuyushchikh v Astrakhanskoi gubernii* [Missionary collection of articles and notes about the Kalmyks and Kirghiz nomads in the Astrakhan province]. Izdanie Astrakhanskogo komiteta Pravoslavnogo missionerskogo obshchestva. Astrakhan', 304 p. [in Russian]
- [Nechaev, 1997](#) – *Nechaev, M.G.* (1997). Missionerskaya deyatel'nost' tserkvi na Urale (1905–1916 gg.) [Missionary activity of the church in the Urals (1905–1916)]. *Khristianskoe missiонерство kak fenomen istorii i kul'tury: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii v 2 t.* T. 1. Perm', pp. 69-83. [in Russian]
- [Ostapenko, 2018](#) – *Ostapenko, R.A.* (2018). Pravoslavnyaya missiya sredi adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza: sotsiokul'turnye usloviya, trudnosti, itogi (1864–1917) [Orthodox mission among the Circassians of the North-Western Caucasus: socio-cultural conditions, difficulties, results (1864–1917)]. *Nasledie vekov*. 2:59-76. [in Russian]
- [Otchet missionera](#) – *Otchet missionera. Orenburgskii krai*. 1893. 5. 71 p. [in Russian]
- [Otchet o missiyakh..., 1891](#) – *Otchet o missiyakh Tomskoi eparkhii Altaiskoi i Kirgizskoi za 1891 god* [Report on the missions of the Tomsk diocese of Altai and Kirghiz for 1891]. Tomsk, 1892. [in Russian]
- [Potanin, 1891](#) – *Potanin, G.* (1891). Zametki o Sibirskom kazach'em voiske [Notes on the Siberian Cossack Host]. *Voennyi sbornik*. XIX(5-6): 25-48. [in Russian]
- [Prepyatstviya i nuzhdy..., 1893](#) – *Prepyatstviya i nuzhdy Kirgizskoi missii. Otchet o deyatel'nosti Tomskoi eparkhii Altaiskoi i Kirgizskoi pravoslavnykh missii za 1892 god* [Obstacles and Needs of the Kirghiz Mission. Report on the activities of the Tomsk diocese of the Altai and Kirghiz Orthodox missions for 1892]. *Pravoslavnyi blagovestnik*. 11: 4-5. [in Russian]
- [Radlov, 1989](#) – *Radlov, V.V.* (1989). Iz Sibiri [From Siberia]. M., 749 p. [in Russian]
- [Sadvokasova, 2021](#) – *Sadvokasova, Z.T.* (2021). Protivomusul'manskaya deyatel'nost' pravoslavnykh missionerov i ee posledstviya [Anti-Muslim activity of Orthodox missionaries and its consequences]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Nezavisimyi Kazakhstan: istoriya sozdaniya i aktual'nye problemy gosudarstvennosti», posvyashchennoi 30-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan v ramkakh «Nurpeisovskikh chtenii»*. Almaty, pp. 37-42. [in Russian]
- [Sadvokasova, 2022](#) – *Sadvokasova, Z.T.* (2022). Musul'manskie i pravoslavnye missionery v Kazakhstane: deyatel'nost' i rezul'taty (XIX – nachalo XX vekov) [Anti-Muslim activity of Orthodox missionaries and its consequences (XIX – early XX centuries)]. Almaty, 462 p. [in Russian]
- [Semenov, 1885](#) – *Semenov, P.P.* (1885). Zhivopisnaya Rossiya. Russkaya Srednyaya Aziya [Picturesque Russia. Russian Central Asia]. T. 10. SPb, M., 448 p. [in Russian]
- [TsGA RK](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- [TsGA RU](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Uzbekistan [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan].
- [Volnina, 2013](#) – *Volnina, N.N.* (2013). Osobennosti missionerskoi deyatel'nosti russkoi pravoslavnoi tserkvi v Zabaikal'skom krae kontsa XIX – nachala XX v. [Features of the missionary activity of the Russian Orthodox Church in the Trans-Baikal Territory of the late XIX – early XX centuries]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Gramota*. Tambov. №12 (38): v 3-kh ch. Ch. I. Pp. 37-41. [in Russian]
- [Yadrintsev, 1891](#) – *Yadrintsev, N.M.* (1891). Sibirskie inorodtsy, ikh byt i sovremennoe polozhenie [Yadrintsev N.M. Siberian indigenous people, their way of life and current situation]. SPb., 308 p. [in Russian]
- [Zhakypbek, 2001](#) – *Zhakypbek, S.K.* (2001). Istoriya Kazakhstana. Sbornik dokumentov XVIII – nachala XX vekov [History of Kazakhstan. Collection of documents of the 18th – early 20th centuries]. Almaty, 307 p. [in Russian]
- [Zhirovov, 1998](#) – *Zhirovov, V.I.* (1998). K.P. Pobedonostsev – ideolog rossiiskogo samodержaviya rubezha XIX–XX vv. [Pobedonostsev – the ideologist of the Russian autocracy at the turn of the XIX–XX centuries]. *Rossiiskaya monarkhiya: voprosy istorii i teorii*. Voronezh, pp. 137-157. [in Russian]

Факторы, препятствовавшие распространению православия среди казахов во второй половине XIX – начале XX веков

Закиш Тулехановна Садвокасова ^a, Зиябек Ермуханович Кабульдинов ^a,
Юлия Александровна Лысенко ^{b, *}

^a Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова, Республика Казахстан

^b Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе документальных источников, впервые вводимых в научный оборот, освещаются отдельные факторы, препятствовавшие распространению православия среди казахов во второй половине XIX – начале XX веков. Трудности, встречавшиеся в деятельности православных миссионеров, не всегда были связаны с негативным отношением к новой религии коренных жителей и служителей ислама. Нередко казахи с интересом и любопытством слушали речи православных проповедников, замечавших эту реакцию кочевников. Используя такое отношение, они делали упор на заинтересовавшие места своей просветительской беседы. Опытные миссионеры знали, что казахи в силу своего образа жизни рады были послушать любого человека, и старались осторожно привлечь их внимание к вопросам религии. Новички, недостаточно верно оценивая ситуацию, могли навредить работе, если сразу без подготовки резко отзывались о вере казахов, служителях ислама, что вряд ли помогало увеличить количество крещеных.

Отдельные препятствия на пути пропаганды православия создавали русские переселенцы, что совершенно не могли предвидеть миссионеры. Русские чиновники колониальной администрации, к примеру, на словах поддерживали деятельность православных миссионеров. На деле, что бывало довольно часто, «забывали» о своих обещаниях, когда миссионер оставлял новокрещеных один на один с чиновником. Ряд других факторов, связанных со сложностями внедрения православия среди казахов, создавали и русские переселенцы. К ним можно отнести некоторые традиции, касающиеся употребления спиртных напитков. В статье дается информация и о других преградах.

Ключевые слова: русские переселенцы, крещеные казахи, православие, ислам, факторы, препятствие, миссионеры.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко),
tungatar_k@mail.ru (З.Т. Садвокасова), kabulzia@rambler.ru (З.Е. Кабульдинов)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1770-1779
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1770

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Diplomatic Missions of Mining Engineers in the Foreign Policy of Russia in the XIX – early XX centuries

Vladimir G. Afanas'ev ^a, Irina V. Voloshinova ^{a, *}

^aSaint-Petersburg Mining University, Russian Federation

Abstract

The foreign economic relations of the states include cooperation in various fields of the economy, including business partnership in mining. Russian spiritual missions organized in China in the XVIII century were also the political representation of Russia. The interests of the spiritual missions were not only in missionary work, but also in establishing special contacts in the mining industry. Participation in international processes of mining engineers of Russia (until the end of the XIX century, exclusively graduates of the St. Petersburg Mining Institute as the only higher educational institution of mining profile in the country) was explained by the mutual need to exchange experience in the field of technology and technological processes, to receive assistance in the development of minerals, as well as in the organization of labor and safety during the operation of deposits. The practice of cooperation in mining has shown that mutually enriching experience, it is possible to find optimal solutions to facilitate the work of miners and environmental protection. It was important to think over or adopt ways of rational use of natural resources to provide the country with minerals, etc. It is obvious that the tasks of the past centuries are still relevant, since international cooperation in the mining industry now consists of the work of international and global organizations. This article discusses diplomatic missions in the XIX – early XX centuries, led by mining engineers of Russia: their tasks and results.

Keywords: Russian spiritual missions, diplomacy, mining, Mining Institute, mining engineers.

1. Введение

В императорской России большое распространение получила деятельность русских духовных миссий, которые представляли собой оригинальное учреждение, совмещавшее научно-исследовательские, дипломатические и миссионерские функции. Истоки таких миссий берут начало с указа Петра I от 18 июня 1700 г., в котором ставились задачи о необходимости изучения российскими подданными местных языков, обычаев и культуры соседнего Китая (ПСЗРИ, Т. IV. 1700-1712. № 1800). В XVIII – первой половине XIX вв., до прибытия в Пекин в 1861 г. первого постоянно аккредитованного российского посланника Л.Ф. Баллюзека, основным учреждением для развития русско-китайских отношений в области науки и культуры были русские духовные миссии в Пекине, возглавляемые архимандритами. С точки зрения дипломатии они стали источником информации для России о ситуации в Китае, настроениях в правительстве и торговых интересах. В состав миссии входили и светские члены. За 1715–1856 гг. состоялось 20 миссий, в двух из которых участвовали горные инженеры. Поскольку в Горном институте значительное внимание уделялось изучению иностранных языков, то выпускники в совершенстве владели одним или двумя языками, а лучшие из них за государственный счет направлялись в другие страны на стажировку для глубокого изучения зарубежного опыта горного дела.

* Corresponding author

E-mail addresses: VIV10@yandex.ru (I.V. Voloshinova), vga.prof@mail.ru (V.G. Afanas'ev)

2. Материалы и методы

В данной работе использовались архивные документы Российского государственного исторического архива и ЦГИА СПб, отчеты, публиковавшиеся в «Горном журнале», и монографии. Статья написана с позиций принципа историзма, концепция строится из полученных фактов, точка зрения авторов при всей оригинальности не противоречит выработанному взгляду в историографии на объект исследования. Также был применен сравнительно-исторический метод.

3. Обсуждение

Следует отметить, что горное дело является одной из актуальной тем для изучения в мире (Румянцева и др., 2021; Черданцев, Жарков, 2021; Босиков, Майер, 2021). А его история в целом по России (Тропов et al., 2021; Трушко, Трушко, 2021) или по регионам (Mokeyev, Podolsky, Yanchenko, 2021; Новаков, Кунгурова, Москалева, 2021; Алексеев, 2021) в историографии освещена в достаточной степени. Также существует большое количество статей о деятельности выдающихся горных инженеров (Afanasyev et al., 2021; Podolskiy, Lyubichankovski, 2021), которые, в свою очередь, обязательно затрагивают историю Санкт-Петербургского горного института (Rudnik et al., 2020; Шукина и др., 2020). Такая обширная историография имеет исключение: история деятельности горных инженеров в дипломатических представительствах Российской империи, как видно из современных научных трудов, все еще относится к малоизученной проблеме (Тропов, Иорданская, 2022).

4. Результаты

В очередной состав Русской духовной миссии 1831–1840 гг. во главе с архимандритом Вениамином (Морачевичем) был включен горный инженер Алексей Иванович Кованько (1808–1870). Он окончил институт в июле 1828 г. с большой золотой медалью и занесением фамилии на памятную доску в конференц-зале учебного заведения. Отметим, что еще в годы учебы на публичном экзамене 28 июня 1827 г. он выступил с обширным докладом «Общий взгляд на окаменелости», который в 1830 г. был опубликован в «Горном журнале» (Цинкобурова и др., 2013: 69).

История с включением его в состав миссии началась с того, что директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел, признав полезным назначить в ее состав одного из воспитанников Горного кадетского корпуса для сбора сведений о естественной истории вообще и особенно о геологии пограничных с Россией китайских и монгольских степей, 29 августа 1828 г. обратился с просьбой к управляющему Департаментом горных и соляных дел об избрании для миссии одного из наиболее способных выпускников. При этом было оговорено, что каждый член миссии получит по 500 рублей серебром в год, а при отъезде в Пекин принимается на действительную службу одним чином выше других. Эта просьба получила полную поддержку со стороны Департамента, который принял решение о направлении в состав миссии Алексея Кованько. В декабре 1829 г. ему был присвоен чин гиттенфервалтера 10 класса, а в марте 1830 г. он отправился из Екатеринбурга в Кяхту для соединения с другими членами миссии. 6 мая 1830 г. в соответствии с договоренностями ему был присвоен чин маркшейдера 9 класса (РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 67. Л. 2).

Вернувшись в Россию, 19 января 1837 г. А. Кованько представил подробный рапорт на имя начальника штаба Корпуса горных инженеров генерал-майора Е.П. Ковалевского о занятиях во время пребывания в Пекине. Кованько отметил, что китайцы не составили письменных инструкций заводских работ и «горная часть никому неизвестна, кроме работающих на рудниках, отстоящих от Пекина на две тысячи верст. Земледелие доведено у них до степени совершенства... Должно желать, чтобы помещики безлесных наших губерний обратили внимание на особый род китайского крупного проса под именем гаолян, которого двухсаженный ствол может идти на загоры и на топку печей, а самое зерно на корм скоту и на выгон хлебного вина» (РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 67. Л. 12–19).

Содержание рапорта произвело на ответственных российских чиновников большое впечатление. Вскоре после знакомства с ним, 24 января 1837 г., министр финансов граф Е.Ф. Канкрин обратился с просьбой к министру иностранных дел К.В. Нессельроде с просьбой о повышении Кованько в следующий чин и о награждении его. 26 января того же года Е.П. Ковалевский написал письмо в Департамент мануфактур и внутренней торговли о том, что в отчете Кованько содержатся полезные сведения о крашении китайцами шелковых тканей с приложением выписки из отчета. К сожалению, последнее обращение не дало никакой практической пользы. Отметим лишь, что на основании ходатайства Нессельроде 25 февраля 1837 г. Николай I распорядился выдать Кованько 1500 рублей серебром из сумм государственного казначейства, а на следующий день царь подписал указ о переводе Кованько в следующий чин гиттенфервалтера 8 класса (РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 67. Л. 20, 22, 37, 39).

Большой интерес представляет то, что Алексей Кованько, как и его отец, известный горный инженер Иван Афанасьевич Кованько (1773–1830), член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, обладал хорошим литературным талантом. Ярким доказательством этого является то, что под псевдонимом Дэ-мин в авторитетнейшем журнале «Отечественные записки» в 1841–1843 гг. он опубликовал 10 статей под общим названием «Поездка в Китай». Эти публикации

получили высокую оценку в печати и привлекли пристальное внимание В.Г. Белинского, который неоднократно упоминал их в своих работах. Заслуживает внимания то, что появлению этих статей предшествовала публикация в 1838 г. в «Горном журнале» двух статей Кованько – «Взгляд на окрестности Пекина» и «Жжение древесного угля в Китае». В первой из них описывались прогулки автора по окрестностям китайской столицы для знакомства с природой, почвами и геологическим строением (*Горный журнал, 1838: 35-36*). Во второй статье, посвященной, казалось бы, сугубо техническим вопросам, автор подчеркивает бережное отношение китайцев к окружающей среде, к использованию расходного древесного материала, которое они довели «до такого совершенства, что у них всякий сучок, всякая ветка обращается в уголь без малейшего изменения в наружной форме» (*Горный журнал, 1838: 77*). Как здесь не выразить сожаление о том, что как в дореволюционное время на металлургических заводах Урала, использовавших древесный уголь для получения высококачественного металла, так и в настоящее время на многих лесных делянках отношение к сохранению лесных богатств оставляет желать лучшего.

К сожалению, в России знания Кованько китайского языка не нашли применения. Однако он продолжал успешно работать в качестве горного инженера. В 1841 г. был назначен управляющим платиновым заведением столичного Монетного двора, а в 1845 г. там же управляющим лабораторией разделения золота от серебра. В 1858 г. ему было присвоено звание генерал-майора. Указом Александра II 30 декабря 1860 г. Кованько уже в должности управляющего экспедицией заготовления государственных бумаг был награжден орденом Святого Станислава I степени. Приказом по Корпусу горных инженеров от 17 февраля 1861 г. за подписью министра финансов А.М. Княжевича он был назначен членом Совета Корпуса горных инженеров с оставлением членом Ученого комитета (*ЦГИА. Ф. 37. Оп. 45. Д. 159. Л. 2, 6*).

Занимался Кованько и коммерческой деятельностью. Так, 19 ноября 1862 г. он обратился в штаб корпуса с просьбой войти в состав столичного купечества с сохранением занимаемых обязанностей, т.к., «владея более десяти лет химическим заводом в Санкт-Петербургском уезде и встречая затруднения в торговых оборотах о неимении гильдейского свидетельства». Положительное решение ему было дано Кабинетом министров (*РГИА. Ф. 37. Оп. 45. Д. 1098. Л. 1*).

Прошло несколько лет после успешной миссии с участием А.И. Кованько, и в 1841–1842 гг. снова поступила просьба от эмира Бухары хана Насруллы «о защите ханства от нападения Хивинского хана Аллакули и английских военных». Русскую дипломатическую миссию возглавил горный инженер Константин Федорович Бутенев (1805–1869). Отметим, что уроженец Петрозаводска закончил Горный кадетский корпус в 1826 г. с малой золотой медалью, после чего был направлен на золотоустовские заводы Южного Урала. В 1829 г. его как молодого энергичного специалиста по предложению директора Горного департамента Е.В. Карнеева направили на стажировку за границу для дальнейшего совершенствования в горных науках и изучения опыта работы зарубежных предприятий. За три года пребывания за рубежом Бутенев прослушал курс Фрейбергской горной академии, осмотрел горные предприятия Германии и Венгрии. Возвратившись в Россию, он был назначен преподавателем горного и маркшейдерского искусства, а также горной статистики, проявив себя и здесь с лучшей стороны. В 1838 г. по инициативе министра финансов Е.Ф. Канкрин он был назначен редактором еженедельной газеты «Мануфактурные и горнозаводские известия». Таким образом, к началу выполнения миссии в Бухаре Бутенев обладал высокопрофессиональными знаниями и организаторскими способностями для выполнения поставленной задачи.

Кроме него в состав миссии входили востоковед Н.В. Ханьков, естествоиспытатель А.А. Леман и топограф П. Яковлев. Бутеневу поручалось заключить договор между Бухарой и Россией: об освобождении пленных, равном таможенном сборе, о защите русских торговых караванов и безопасности русских граждан и их собственности в Бухаре. В свою очередь Россия также должна была обеспечить неприкосновенность личной жизни и имущества бухарских граждан, в случае ограбления бухарских караванов осуществить поиск товара и не предпринимать никаких военных действий против Бухары (*Хужаева, 2015: 352-356*).

Обстоятельства сложились так, что в политическом отношении миссии не удалось добиться решения поставленных целей, и 29 июля 1842 г. она завершила работу. Однако ее члены провели большую научно-исследовательскую работу и собрали много интересных данных о Бухаре. Так, Бутенев в конце 1842 г. в «Горном журнале» опубликовал шесть статей по результатам поездки: «Минеральные богатства Бухары», «Заводское дело в Бухаре», «Монетное дело в Бухаре», «Замечания о ковке булата в Бухаре», «Об увеличении сбыта изделий русских горных заводов», «Результаты метеорологических наблюдений по пути из Оренбурга в Бухарию и во время пребывания в ней в 1841 и 1842 гг.» (*Горный журнал. 1842: 137-185*). За участие в миссии Бутенев был награжден орденом Святого Станислава II степени и единовременным денежным вознаграждением в 400 червонцев (*Алексеев, 1864: 339*).

Как же сложилась дальнейшая судьба Константина Федоровича? В 1843–1852 гг. он служил в столичном Монетном дворе в должности управляющего переделами и начальника механического производства, после чего был назначен директором Санкт-Петербургского технологического института. За пять лет пребывания в нем он создал химическую лабораторию и расширил музей,

а также принимал активное участие в подготовке материалов для составления нового положения об институте. В 1858–1863 гг. он вновь работал на Монетном дворе, но уже в качестве начальника, развернув энергичную деятельность по совершенствованию производства (РБС, 1908: 519, 699).

Если Кованько получил широкую известность благодаря активному участию в духовной миссии и несомненному литературному таланту, а Бутенев – благодаря миссии в Бухару, то выпускник Института корпуса горных инженеров 1845 г. Александр Георгиевич Влангали (1823–1908), который в 1897 г. был назначен членом Государственного совета, со временем стал профессиональным дипломатом, был послом в ряде стран и даже дослужился до должности заместителя министра иностранных дел России. Он родился в семье дворянина, действительного статского советника Георгия Михайловича Влангали (1781–1834), известного тюрколога, начальника Ученого отделения восточных языков Азиатского департамента МИД. Примечательно, что его сын в начале дипломатической карьеры сделал много полезного для России, являясь чрезвычайным посланником в Китае, а пока в возрасте одиннадцати лет 25 августа 1834 г. был зачислен пенсионером Государственного казначейства в Институт корпуса горных инженеров (ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 6666. Л. 1).

Учился он хорошо, о чем свидетельствует рапорт инспектора учебного заведения полковника Д.И. Соколова на имя директора института генерал-майора К.К. Вейценбрейера от 1 апреля 1838 г. о том, что «кадет Влангали находится в третьем кадетском классе и обучается со следующими успехами: очень хорошими: по французскому языку, всеобщей истории и географии, чистописанию; хорошими: – закону Божию, русскому и иностранному языкам, алгебре и геометрии; посредственными – рисованию. Поведения хорошего» (ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 6666. Л. 22). Через 11 лет Влангали завершил учебу. 20 июня 1845 г. уже новый директор института генерал-майор П.П. Шредер сообщил в правление Главного казначейства, что Влангали по окончании курса наук 31 мая 1845 г. произведен в поручики и направлен на службу на Алтайские горные заводы (ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 6666. Л. 24).

За несколько лет работы на них он показал себя знающим специалистом и талантливым администратором. 23 апреля 1846 г. его прикомандировали к геологоразведочной партии, занимавшейся поисками серебряносодержащих руд между реками Бия и Катунь. После этого Влангали некоторое время преподавал на горном отделении Барнаульского окружного училища. В 1849 и 1851 гг. он обстоятельно исследовал современные районы восточного Казахстана. Их результатом стало написание монографии «Геогностические поездки в восточную часть Киргизской степи в 1849 и 1851 гг.», опубликованной в 1853 г. и представленной на соискание наиболее престижной в то время Демидовской премии. Рецензент книги академик Г.П. Гельмерсен дал положительный отзыв, указав, что главное достоинство исследования «заключается в геогностических сведениях и приложенных к ним картах и разрезах». Работа Влангали была удостоена почетного отзыва без премии (XXIII присуждение, 1854: 191, 28).

В 1850 г. Александр Георгиевич руководил доставкой серебра из Алтая в Петербург, в 1851 г. сопровождал инженера-полковника Е.П. Ковалевского через Семипалатинск и Киргизскую степь к Кульдже. После возвращения из этой командировки он становится смотрителем Главной физической обсерватории, а затем старшим адъютантом штаба Корпуса горных инженеров.

Во время Крымской войны 1853–1856 гг. организаторский талант Влангали, являвшегося прикомандированным к штабу главнокомандующего Южной армией и военно-сухопутным и морским силам в Крыму, раскрылся в полной мере. С 5 июня по 18 августа 1855 г. он состоял при Управлении генерал-квартирмейстера в должности старшего адъютанта для занятий по инженерной и артиллерийской части, принимая участие в боевых действиях. Так, 4 августа Влангали участвовал в сражении при Черной реке, затем поступил в распоряжение генерал-майора Э.И. Тотлебена в Севастополь, где был назначен старшим офицером по подготовке инженерных сооружений на Корниловском бастионе и заведовал там оборонительными работами. В один из самых драматических периодов войны, с 20 по 27 августа 1855 г., Александр Георгиевич находился на Малаховом кургане и за отличие и храбрость был награжден орденом Святого Станислава II степени с мечами. После заключения мира Влангали ненадолго вернулся к работе горного инженера, занимаясь определением свойств месторождений железных руд в районе Олонца.

После этого его служба в основном была связана с Министерством иностранных дел. Сначала в 1858 г. он командировается с особым поручением в Черногорию, которое с успехом выполняет, а уже в 1860 г. приказом по Министерству иностранных дел назначается генеральным консулом в Сербии. В 1863 г. А.Г. Влангали назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Пекин. Как ни странно, занимаясь дипломатической работой, он все это время состоял в штате Корпуса горных инженеров, приказом по которому в 1865 г. был произведен в генерал-майоры. Известно, что в 1871 г. Влангали в Пекине оказал большую помощь Н.М. Пржевальскому в организации его экспедиции по Китаю, выхлопотав ему дополнительные деньги, которые пошли на улучшение снаряжения членов экспедиции (РБС, 1908: 770–771). По состоянию здоровья в 1873 г. Александр Георгиевич уволился со службы и почти 10 лет находился в отставке до тех пор, пока в июне 1882 г.

вновь не поступил на службу в должности товарища министра иностранных дел. 12 марта 1891 г. он был назначен чрезвычайным и полномочным послом в Италию.

Хорошо знавший его государственный секретарь, член-учредитель Русского исторического общества А.А. Половцев (1832–1909) незадолго до отъезда дипломата в эту страну писал о нем 20 марта 1891 г.: «Влангали я знаю скоро 40 лет. Это добрый, честный человек, не способный ни на какой двусмысленный поступок. По происхождению он грек... Небольшой ростом, ни в каком отношении не блестящий, воспитанник Горного корпуса, вероятно, и заглох бы на горной службе, если бы не попал, благодаря представительству сильных мира, сначала в комиссию об определении границ Сербии, потом, если не ошибаюсь, генеральным консулом в Сербию, а затем посланником в Пекин, где пробыл 10 лет...» (Половцев, 1966: 351–352). Отметим лишь, что с 1874 г. Александр Георгиевич был почетным членом Русского географического общества.

Характеризуя деятельность горных инженеров в области внешнеэкономической деятельности, надо подчеркнуть, что они десятилетиями направлялись в зарубежные страны для изучения опыта в области техники и технологических процессов, содействия в различных процессах, касающихся полезных ископаемых, а также организации труда и техники безопасности при эксплуатации месторождений.

В качестве примера возьмем только золотодобывающую отрасль горного дела. 27 мая 1891 г. горные инженеры А. Левицкий и М. Богданов были командированы в США сроком на один год для изучения гидравлического способа разработки золотоносных месторождений в штатах Аризона, Колорадо, Невада и Калифорния.

18 ноября того же года горный инженер Л.А. Перре был командирован сроком на один год в Австралию для изучения новейших способов разработки золотоносных месторождений. Наконец, 2 ноября 1892 г. горный инженер Н.Е. Китаев был командирован в Южную Африку сроком на восемь месяцев для изучения химических и механических способов разработки месторождений золота, а также для знакомства с горным законодательством, действующим в Южно-Африканской республике (РГИА, Ф. 37. Оп. 44. Д. 841. Л. 10). Мы выбрали для примера командировок лишь одну из отраслей горного дела в наиболее удаленные от России места, но таких примеров можно найти значительно больше.

Важным было и то, что горных инженеров привлекали консультантами в различные страны для оказания помощи по разведке, оценке мощности, разработке и эксплуатации месторождений полезных ископаемых. Ярким доказательством этого служит участие Николая Николаевича Курмакова (1853 – после 1917), руководившего экспедицией по добыче золота в Эфиопии в 1904–1905 гг. После окончания Горного института в 1876 г. он в основном работал на различных горных предприятиях Закавказья. Так, в 1891 г. его направили в Карабахский район Персии для анализа месторождений меди и других полезных ископаемых. Были и другие командировки в этот район. Не случайно 20 марта 1898 г. инженер путей сообщения Ф.Е. Енакиев и горный инженер А.М. Горяинов направили министру земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолову прошение, в котором писали: «Имея в виду создать в Закавказье крупное горнопромышленное предприятие, ...мы в течение нескольких лет употребляем свои средства и труды для изучения минеральных богатств Закавказья и сопредельных с ним областей Турции и Персии... При этих исследованиях мы пользовались указаниями и советами горного инженера Курмакова Н.Н., хорошо изучившего рудные залежи Кавказа и пограничные с ним области Персии и Турции, знающего турецко-татарский язык» (РГИА. Ф. 37. Оп. 48. Д. 2243. Л. 53).

18 августа 1903 г. министр иностранных дел России В.Н. Ламздорф обратился с письмом к заместителю министра земледелия и государственных имуществ А.П. Энгельгардту, в котором писал: «Абиссинский император через нашего министра-резидента обратился с ходатайством о командировании русского горного инженера для производства изысканий и разработки золота во вновь открытом золотоносном участке Уаллага в Абиссинии, эксплуатацию которого желает предпринять местное правительство. Полагая, что с точки зрения политических интересов России в стране императора Менелика было бы весьма желательно удовлетворить таковое ходатайство... Прошу уведомить меня: возможно ли это и на каких основаниях» (РГИА. Ф. 37. Оп. 44. Д. 841. Л. 1).

Получив данное предложение, директор Горного департамента министерства Иосса Николай Александрович (1845–1916), представитель известной династии горных инженеров-металлургов, остановил свой выбор на Курмакове. Уже 2 сентября 1903 г. тот поблагодарил Иоссу за предложение возглавить экспедицию и высказал соображения о предполагаемом ее составе (РГИА. Ф. 37. Оп. 44. Д. 841. Л. 3–4). Еще через пять дней Николай Николаевич вновь написал Иоссе, «что из литературы об Абиссинии я узнал, что период тропических дождей бывает в Абиссинии летом. В это время в этом гористом крае прекращаются всякие сообщения. Таким образом, работы наши придется вести только до летних месяцев и потому медлить с отъездом не следует» (РГИА. Ф. 37. Оп. 44. Д. 841. Л. 6).

12 января 1904 г. вопрос об экспедиции в Абиссинию был рассмотрен императором Николаем II. Им были утверждены расходы на нее в сумме 43 380 рублей, в том числе 29 620 рублей на закупку необходимого оборудования, транспортные и другие расходы, а 15 760 рублей выделялись на содержание участников экспедиции. В справке директора Горного департамента, приложенной к

докладу императору, Курмакову предлагалось «озаботиться с приглашением по собственному его усмотрению помощника-техника (он же съемщик и казначей), а равно набором и наймом трех рабочих для промывания руды и двух слуг сроком на восемь месяцев». Для найма необходимого персонала экспедиции Курмакову было поручено съездить на Урал, поскольку там работали наиболее квалифицированные специалисты по добыче золота (РГИА. Ф. 37. Оп. 44. Д. 841. Л. 64-65).

Император Абиссинии Менелик II, узнав о положительном решении вопроса об отправке экспедиции, согласно докладу министра-резидента России Лишина Константина Николаевича (1851–1906) министру иностранных дел России Ламздорфу, «обещал дать Курмакову конвой, провожатых, переводчиков и рабочих..., я же высылаю в Джибути состоящего при вверенной мне миссии классного фельдшера Сергея Сасона, знающего абиссинский язык и много путешествовавшего между Джибути и Адиес-Абебой» (РГИА. Ф. 37. Оп. 44. Д. 841. Л. 121). Что касается экспедиции, то, быстро завершив подготовительные работы, она отправилась в путь. 24 февраля 1904 г. Курмаков телеграфировал из Одессы: «Партия собралась 14 февраля в Одессе... Выезжаем первым прямым рейсом в Порт-Саид. К партии присоединился волонтером молодой инженер Лишин» (РГИА. Ф. 37. Оп. 44. Д. 841. Л. 113).

25 апреля 1904 г. Ламздорф сообщил министру Ермолову, что на основании донесения Лишина от 20 марта известно, что экспедиция прибыла в портовый город Джибути. Он высказал предположение, что с учетом переезда и других факторов Курмаков прибывает к месту назначения не ранее 1 июня. Так как он командирован на девять месяцев, то необходимо ходатайствовать о продлении командировки, на что необходимо получить согласие Николая II» (РГИА. Ф. 37. Оп. 44. Д. 841. Л. 129). Такое согласие в виде распоряжения было дано 12 июня 1904 г. Поскольку предполагалось продление работы экспедиции еще на два с половиной месяца, то на покрытие дополнительных расходов было выделено девять тысяч рублей, в том числе 4 675 рублей на содержание личного состава и 4 325 рублей на различные операционные расходы (РГИА. Ф. 40. Оп. 2. Д. 120. Л. 57).

Касаясь начала работы экспедиции, Курмаков впоследствии писал: «Потянулась обычная походная жизнь: вставание до света, погрузка караванов, охрана их в пути и на остановках, привалы, ночлеги и непрерывная работа путешественника, состоящая в собирании коллекций, наблюдениях, в писании журнала...» (Курмаков, 1905: 11-12).

О том, как проходила дальнейшая работа экспедиции, видно из сообщения Лишина в МИД от 1 октября 1904 г. Он докладывал: «Русская горная экспедиция, работающая в Уаллаге под руководством Курмакова, достигла благоприятных результатов как в определении золотоносности почвы, так и в определении характера работ... Курмакову удалось обнажить слои кварца со значительно большим содержанием золота, нежели в тех поверхностных слоях, которые разрабатываются абиссинцами».

Начальник горной экспедиции находит, что покупка и провоз усовершенствованных машин, равно как и наем европейских рабочих, легли бы тяжелым бременем на задуманное императором предприятие. Он предпочел бы разработку рудников местными рабочими, снабженными простыми, но удобными инструментами. Курмаков указывает, «что находит полезным посылку на Урал нескольких абиссинских рабочих, уже привыкших к приемам наших горных инженеров. Обучившись русской грамоте и пробыв два года на Урале, где они могли бы практически изучить горное дело, эти люди послужили бы рассадником горнорабочих среди абиссинцев. В местности, где работают инженеры, теперь наступил дождливый период, а с ним появилась и лихорадка. Вследствие этого они скоро должны возвратиться в Адиес-Абебу, где пробудут некоторое время для составления отчета, перевод которого на абиссинский язык будет представлен императору» (РГИА. Ф. 37. Оп. 44. Д. 841. Л. 194-195).

После того как работы были завершены, по возвращении в столицу Абиссинии Адиес-Абебу подготовлен и переведен отчет о работе, 4 ноября 1904 г. ее император принял членов русской экспедиции. Во время беседы, продолжавшейся более полутора часов, Курмаков передал главе государства список оставленных на руднике предметов и материалов, включающий как привезенные из России, так и сделанные на месте самими рабочими. Для их изготовления они построили на реке Мети кузницу и столярную мастерскую, в которой рабочие из местного населения работали четыре месяца.

После ознакомления императора с отчетом Курмаков передал ему небольшое количество платины, добытой в земле Уаллага. При этом он сказал, что на всем земном шаре находится не более 5–6 известных месторождений платины и объяснил свойства этого драгоценного металла. Император был удивлен и одновременно обрадован этим сообщением, сказав: «Отчего же другие европейцы никогда ничего мне об этом не говорили? Почему русские инженеры сообщают мне об этом? Потому что они присланы с единственной целью быть полезными Абиссинии и её повелителю». В заключение беседы император наградил членов экспедиции орденами, а рабочих – медалями (РГИА. Ф. 37. Оп. 44. Д. 841. Л. 209).

3 января 1905 г. экспедиция возвратилась в Одессу. Уже через четыре дня Курмаков написал письмо в Горный департамент, в котором ходатайствовал о награждении всех членов экспедиции и подробно охарактеризовал ее участников: «Из четырех русских рабочих один все время оставался на руднике в качестве кузнеца. Остальные сопровождали инженеров на работы. Я лично кроме общего

руководства всеми работами взял на себя обследование всего района в рудно-геологическом отношении, освещал местность для разведочных работ. Не первый раз я делаю экспедиции в диких краях с русскими рабочими и каждый раз преклоняюсь перед их честным, сознательным отношением к интересам дела, их способностью быстро усваивать себе походную дисциплину. Эти люди, взятые часто из шахтерской вольницы, как, например, мои юзовские рабочие в экспедициях в Персию, через две недели похода образовали уже стройную, хорошо спевшуюся команду, с которой не страшны были никакие случайности» (Курмаков, 1905: 27, 29).

Нет смысла останавливаться на дальнейших отношениях России и Эфиопии в области горного дела. В целом, несмотря на усилия Министерства иностранных дел России, они оказались замороженными на длительное время в основном из-за недостатка финансовых средств, что в основном было связано с огромнейшими расходами Русско-японской войны 1904–1905 гг. Так, 22 июня 1905 г. Ламздорф писал министру финансов В.Н. Коковцеву, что «письмом от 31 мая № 4390 Вы решили решительно отказать за недостатком свободных средств Государственного казначейства возникшее предложение об отпуске хотя бы взаимобразно сумм для оборудования золотопромышленного дела на земле императора Менелика» (РГИА. Ф. 37. Оп. 44. Д. 841. Л. 290). Естественно, что последующие революционные события в России также не способствовали плодотворному развитию экономических связей с этой страной, которые и в последующие десятилетия развивались волнообразно.

Что касается Николая Николаевича Курмакова, то его работа в Эфиопии получила высокую оценку. Именным указом Николая II от 22 февраля 1905 г. он был назначен начальником Иркутского горного правления, а 6 мая того же года император России «за выдающиеся труды, понесенные в особой горной экспедиции в Абиссинию», «пожаловал вне нормы и срока... горному инженеру статскому советнику Николаю Курмакову чин действительного статского советника» (РГИА. Ф. 37. Оп. 48. Д. 2243. Л. 224).

Прибыв в Восточную Сибирь и приступив к должностным обязанностям, Курмаков за короткий срок успел увидеть как огромные богатства региона, так и серьезнейшие проблемы в сфере эксплуатации природных ресурсов, кстати, не потерявшие значения и в настоящее время. 18 января 1906 г. он телеграфировал в Горный департамент: «Кроме училища, требующего преобразования, солеваренного завода, где есть неотложные вопросы, необходимо лично получить указания относительно открытого летом вблизи завода каменноугольного месторождения, оказавшегося хорошим. Леса вырублены. Черемховский уголь дорог, принятия мер против развития массовой самовольной разработки золота, наплыва китайцев, особенно в приамурской тайге. Сообщал с Амура – хищничество страшно увеличивается, многие сотни хищников работают на чужих отводах. Хищничают и китайцы. Малые воинские команды бессильны бороться» (РГИА. Ф. 37. Оп. 44. Д. 841. Л. 232).

После недолгого пребывания в Сибири Курмаков снова получил повышение по службе. 22 марта 1908 г. приказом по горному ведомству № 6 он был назначен директором Горного департамента. Однако в этой должности он оставался немногим более двух с половиной лет и на основании именного указа Николая II от 7 сентября 1910 г. был уволен с мундиром и чином горного ведомства (РГИА. Ф. 37. Оп. 44. Д. 841. Л. 290, 258, 272). Наконец, последнее место работы Курмакова в области горного дела – главноуправляющий именными княгини Абамелек-Лазаревой на Урале (1914–1917), после чего о его судьбе не сохранилось сведений (Заблоцкий, 2014: 137).

Еще одним воспитанником Горного института, оставившим заметный след во внешней политике, был Ипполит Бернардович Гливиц (1878–1943). Окончив гимназию с золотой медалью, он продолжил обучение на физико-математическом факультете Новороссийского университета в Одессе. В 1900 г. получив диплом первой степени, он продолжил учебу в Горном институте и закончил его в 1907 г. горным инженером по заводскому отделению. За проект по горнозаводской механике, представленный на защите, он получил почетный отзыв (ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 11084. Л. 3, 6, 34).

После окончания учебного заведения, наряду с работой на производстве, занимая руководящие должности на предприятиях сталелитейного профиля, он до 1913 г. продолжал работу в институте. Гливиц являлся внештатным преподавателем по начертательной геометрии, занимаясь со студентами практическими занятиями по интегральному исчислению на курсе, который читал выдающийся математик и механик, в дальнейшем академик АН СССР Николай Митрофанович Крылов (1879–1955) (Горный журнал, 1914: 60). Постепенно он начинает принимать активное участие в общественно-политической работе и в начале 1917 г. входит в число членов Польского демократического комитета в Петрограде, который приветствовал Февральскую революцию. Последующие события и особенно получение Польшей независимости коренным образом изменили судьбу Гливица. Оставаясь крупным предпринимателем, хорошо знавший иностранные языки, он с 1920 г. – торговый представитель Польши в Париже. В 1922 г. – первый, а затем генеральный советник, а вскоре и посол Польши в Вашингтоне. В 1925–1926 гг. Гливиц являлся директором департамента Министерства промышленности и торговли. После майского переворота 1926 г., установившего в стране авторитарный режим во главе с Ю. Пилсудским, Гливиц некоторое время возглавлял Министерство промышленности и торговли. В последующие годы, являясь одним из

организаторов концерна «Объединение горнорудных интересов» в Катовицах, а с 1931 г. преподавая экономику на дипломатическом факультете университета Яна Казимира во Львове, он продолжал заниматься внешнеполитической деятельностью. Гливиц являлся экономическим представителем Польши в Лиге наций и на крупных международных конференциях. В годы второй мировой войны он отказался от сотрудничества с немцами. 9 апреля 1943 г. Гливиц был арестован как противник оккупационного режима и на следующий день покончил жизнь самоубийством, чтобы избежать жестоких пыток.

5. Заключение

Таким образом, на примере этих личностей можно составить представление об активном участии горных инженеров во внешней политике России. К этому следует добавить, что они были постоянными участниками различных международных выставок, приглашались консультантами для решения технико-экономических вопросов. Представительство в дипломатии горных инженеров являлось частью научно-технической политики государства и выражала его стратегические интересы в прогрессе горной науки и техники.

Литература

- [XXIII присуждение, 1854](#) – XXIII присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. 1854: 191, 28.
- [Алексеев, 1864](#) – *Алексеев П.* Константин Федорович Бутенев. Некролог // *Горный журнал*. 1864. № 2. С. 339.
- [Алексеев, 2021](#) – *Алексеев В.И.* Тектоно-магматические факторы локализации литий-фтористых гранитов Востока России // *Записки Горного института*. 2021. Т. 248. С. 173-179.
- [Босиков, Майер, 2021](#) – *Босиков И.И., Майер А.В.* Комплексная оценка и анализ перспектив нефтегазоносности мезо-кайнозойских отложений Северного Кавказа // *Записки Горного института*. 2021. Т. 251. С. 648-657.
- [Горный журнал, 1842](#) – *Горный журнал*. 1842. № 12. С. 137-185.
- [Заблоцкий, 2014](#) – *Заблоцкий Е.* Горное ведомство дореволюционной России. М., 2014. С. 137.
- [Курмаков, 1905](#) – *Курмаков Н.* От Индийского океана к границам Верхнего Судана. СПб., 1905. С. 11-12.
- [Новаков и др., 2021](#) – *Новаков Р.М., Кунгурова В.Е., Москалева С.В.* Условия образования благороднометалльной минерализации в сульфидных кобальт-медно-никелевых рудах Камчатки (на примере рудопроявления Аннабергитовая Щель) // *Записки Горного института*. 2021. Т. 248. С. 209-222.
- [Половцев, 1966](#) – *Половцев А.А.* Дневник. Т. 2. М., 1966. С. 351-352.
- [ПСЗРИ, 1700-1712](#) – Полное собрание законов Российской империи. Т. IV. 1700–1712. № 1800. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. С. 59-61.
- [РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.
- [РСБ](#) – Русский биографический словарь. Т. 3. СПб, 1908.
- [Румянцева и др., 2021](#) – *Румянцева Н.А., Ванштейн Б.Г., Скублов С.Г.* Петрохимическая характеристика толеитов хребта Шака (Южная Атлантика) // *Записки Горного института*. 2021. Т. 248. С. 223-231.
- [Тропов, Иорданская, 2022](#) – *Тропов И.А., Иорданская А.М.* Служебные обязанности и материально-бытовые условия службы западных дипломатов в России (конец XIX – начало XX в.) // *Вопросы истории*. 2022. № 2–1. С. 150-159.
- [Трушко, Трушко, 2021](#) – *Трушко В.Л., Трушко О.В.* Комплексное освоение железорудных месторождений на основе конкурентоспособных подземных геотехнологий // *Записки Горного института*. 2021. Т. 250. С. 569-577.
- [Хужаева, 2015](#) – *Хужаева С.Х.* Особенности торговых взаимоотношений между Россией и Бухарским эмиратом (конец XVIII – середина XIX века) // *Молодой ученый*. 2015. № 1. С. 352-356.
- [ЦГИА СПб](#) – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.
- [Цинкобурова и др., 2013](#) – *Цинкобурова М.Г., Бодылевская И.В., Безгодова Д.П.* Неизвестные страницы из истории преподавания палеонтологии в Горном институте // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2013. № 2. С. 69.
- [Черданцев, Жарков, 2021](#) – *Черданцев Г.А., Жарков А.М.* Перспективы нефтегазоносности верхнепермских отложений юго-западной части Вилуйской синеклизы на основе анализа обстановок осадконакопления и геохимических условий нефтегазоносности // *Записки Горного института*. 2021. Т. 251. С. 698-711.
- [Afanasyev et al., 2021](#) – *Afanasyev V.G., Leiberov A.I., Gutman S.S.* Dynasties of Mining Engineers as a Subject of Historical Research // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 64-73.
- [Mokeyev et al., 2021](#) – *Mokeyev A.B., Podolsky S.I., Yanchenko D.G.* Mining Industry and Education in the Kingdom of Poland in the second half of the 19th – early 20th centuries *Bylye Gody* // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 307-315.

Podolskiy, Lyubichankovski, 2021 – Podolskiy S.I., Lyubichankovski S.V. The Auerbach Dynasty of Engineers and the Development of Mining in Russia in the second half of the XIXth – early XXth centuries // *Bylye Gody*. 2021. 58(4): 2631-2639.

Rudnik et al., 2020 – Rudnik S.N., Mokeev A.B., Kudryavtseva R.-E. Russian and Western European Mining Schools in the first half of the 19th century: A Comparative Analysis of Educational Process Organization // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2514-2521.

Shchukina et al., 2020 – Shchukina D.A., Egorenkova N.A., Bondareva O.N., Vieira de Camargo Grillo S. The Charter of Saint-Petersburg Mining University as a Historical and Cultural Document // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(4): 1011-1020.

Tropov et al., 2021 – Tropov I.A., Podolskiy S.I., Lyubichankovski S.V. The Development of the Mineral and Raw Materials Base of Russia in the Works of Scientists of the Mining Institute (second half of the 19th and early 20th centuries) // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 281-287.

References

Afanasyev et al., 2021 – Afanasyev, V.G., Leiberov, A.I., Gutman, S.S. (2021). Dynasties of Mining Engineers as a Subject of Historical Research. *Bylye Gody*. 16(1): 64-73.

Alekseev, 1864 – Alekseev, P. (1864). Konstantin Fedorovich Butenev. Nekrolog [Konstantin Fedorovich Butenev. Obituary]. *Gornyi zhurnal*. 2:339. [in Russian]

Alekseev, 2021 – Alekseev, V.I. (2021). Tektono-magmatische faktory lokalizatsii litii-floristykh granitov Vostoka Rossii [Tectonic-magmatic factors of localization of lithium-fluoride granites of the East of Russia]. *Zapiski Gornogo instituta*. 248: 173-179. [in Russian]

Bosikov, Maier, 2021 – Bosikov, I.I., Maier, A.V. (2021). Kompleksnaya otsenka i analiz perspektiv neftegazonosnosti mezo-kainozoiskikh otlozhenii Severnogo Kavkaza [Complex assessment and analysis of prospects for oil and gas potential of Meso-Cenozoic deposits of the North Caucasus]. *Zapiski Gornogo instituta*. 251: 648-657. [in Russian]

Cherdantsev, Zharkov, 2021 – Cherdantsev, G.A., Zharkov, A.M. (2021). Perspektivy neftegazonosnosti verkhnepermiskikh otlozhenii yugo-zapadnoi chasti Vilyuiskoi sineklizy na osnove analiza obstanovok osadkonakopleniya i geokhimicheskikh uslovii neftegazonosnosti [Prospects of oil and gas potential of the Upper Permian deposits of the southwestern part of the Vilyuisk syncline based on the analysis of sedimentation conditions and geochemical conditions of oil and gas content]. *Zapiski Gornogo instituta*. 251: 698-711. [in Russian]

Gornyi zhurnal, 1842 – *Gornyi zhurnal*. 1842. 12: 137-185. [in Russian]

Khuzhaeva, 2015 – Khuzhaeva, S.Kh. Osobennosti torgovykh vzaimootnoshenii mezhdru Rossiei i Bukharskim emiratom (konets XVIII – seredina XIX veka) [Features of trade relations between Russia and the Emirate of Bukhara (late XVIII – mid XX centuries)]. *Molodoi uchenyi*. 1: 352-356. [in Russian]

Kurmakov, 1905 – Kurmakov, N. (1905). Ot Indiiskogo okeana k granitsam Verkhnego Sudana [From the Indian Ocean to the borders of Upper Sudan]. SPb. Pp. 11-12. [in Russian]

Mokeev et al., 2021 – Mokeev, A.B., Podolskiy, S.I., Yanchenko, D.G. (2021). Mining Industry and Education in the Kingdom of Poland in the second half of the 19th – early 20th centuries *Bylye Gody*. *Bylye Gody*. 16(1): 307-315.

Novakov i dr., 2021 – Novakov, R.M., Kungurova, V.E., Moskaleva, S.V. (2021). Usloviya obrazovaniya blagorodnometall'noi mineralizatsii v sul'fidnykh kobalt'-medno-nikelevykh rudakh Kamchatki (na primere rudoproyavleniya Annabergitovaya Shchel') [Conditions for the formation of noble-metal mineralization in sulfide cobalt-copper-nickel ores of Kamchatka (on the example of the Annabergite Gap ore occurrence)]. *Zapiski Gornogo instituta*. 248: 209-222. [in Russian]

Podolskiy, Lyubichankovski, 2021 – Podolskiy, S.I., Lyubichankovski, S.V. (2021). The Auerbach Dynasty of Engineers and the Development of Mining in Russia in the second half of the XIXth – early XXth centuries. *Bylye Gody*. 58(4): 2631-2639.

Polovtsev, 1966 – Polovtsev, A.A. (1966). Dnevnik [Diary]. T. 2. M. Pp. 351-352. [in Russian]

PSZRI, 1700–1712 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. T. IV. 1700–1712. № 1800. [Sobranie 1-e. S 1649 po 12 dekabrya 1825 g.]. SPb.: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. kantselyarii, 1830. Pp. 59-61. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

RSB – Russkii biograficheskii slovar' [Russian Biographical Dictionary]. T. 3. SPb, 1908. [in Russian]

Rudnik et al., 2020 – Rudnik, S.N., Mokeev, A.B., Kudryavtseva, R.-E. (2020). Russian and Western European Mining Schools in the first half of the 19th century: A Comparative Analysis of Educational Process Organization. *Bylye Gody*. 58(4): 2514-2521.

Rumyantseva i dr., 2021 – Rumyantseva, N.A., Vanshtein, B.G., Skublov, S.G. (2021). Petrokhimicheskaya kharakteristika toleitov khrebta Shaka (Yuzhnaya Atlantika) [Petrochemical characteristics of the toleites of the Shaka ridge (South Atlantic)]. *Zapiski Gornogo instituta*. 248: 223-231. [in Russian]

Shchukina et al., 2020 – Shchukina, D.A., Egorenkova, N.A., Bondareva, O.N., Vieira de Camargo Grillo, S. (2020). The Charter of Saint-Petersburg Mining University as a Historical and Cultural Document. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 1011-1020.

Tropov et al., 2021 – Tropov, I.A., Podolskiy, S.I., Lyubichankovskiy, S.V. (2021). The Development of the Mineral and Raw Materials Base of Russia in the Works of Scientists of the Mining Institute (second half of the 19th and early 20th centuries). *Bylye Gody*. 16(1): 281-287.

Tropov, Iordanskaya, 2022 – Tropov, I.A., Iordanskaya, A.M. (2022). Sluzhebnye obyazannosti i material'no-bytovye usloviya sluzhby zapadnykh diplomatov v Rossii (konets XIX – nachalo XX v.) [Official duties and material and living conditions of service of Western diplomats in Russia (late XIX – early XX centuries)]. *Voprosy istorii*. 2–1: 150-159. [in Russian]

Trushko, Trushko, 2021 – Trushko, V.L., Trushko, O.V. (2021). Kompleksnoe osvoenie zhelezorudnykh mestorozhdenii na osnove konkurentosposobnykh podzemnykh geotekhnologii [Integrated development of iron ore deposits based on competitive underground geotechnologies]. *Zapiski Gornogo instituta*. 250: 569-577. [in Russian]

TsGIA SPb – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga [Central state historical archive of Saint Petersburg].

Tsinkoburova i dr., 2013 – Tsinkoburova, M.G., Bodylevskaya, I.V., Bezgodova, D.P. (2013). Neizvestnye stranitsy iz istorii prepodavaniya paleontologii v Gornom institute [Unknown pages from the history of teaching paleontology at the Mining Institute]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 2: 69. [in Russian]

XXIII prisuzhdenie, 1854 – XXIII prisuzhdenie uchrezhdeniy P.N. Demidovym nagrad [XXIII award of awards established by P.N. Demidov]. 1854: 191, 28. [in Russian]

Zablotskii, 2014 – Zablotskii, E. (2014). Gornoe vedomstvo dorevolyutsionnoi Rossii [Mining Department of pre-revolutionary Russia]. M. P. 137. [in Russian]

Дипломатические миссии горных инженеров во внешней политике России XIX – начала XX вв.

Владимир Георгиевич Афанасьев ^a, Ирина Валерьевна Волошинова ^{a,*}

^a Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Внешнеэкономические связи государств включают сотрудничество в различных областях экономики, в том числе деловое партнерство в горном деле. Русские духовные миссии, организованные в Китай в XVIII веке являлись и политическим представительством России. Интересы духовных миссий заключались не только в миссионерстве, но и в установлении специальных контактов в горной отрасли. Участие в международных процессах горных инженеров России (до конца XIX в. исключительно выпускников Санкт-Петербургского горного института как единственного в стране высшего учебного заведения горного профиля) объяснялось взаимной необходимостью обмена опытом в области техники и технологических процессов, получения содействия в разработке полезных ископаемых, а также в организации труда и техники безопасности при эксплуатации месторождений. Практика сотрудничества в горном деле показала, что, взаимно обогащаясь опытом, можно найти оптимальные решения для облегчения труда горняков и охраны окружающей среды. Важно было продумывать или перенимать пути рационального использования природных ресурсов для обеспечения страны полезными ископаемыми и т.д. Очевидно, что поставленные задачи прошлых веков до сих пор актуальны, поскольку международное сотрудничество в горной промышленности теперь состоит в работе международных и всемирных организаций. В данной статье рассматриваются дипломатические миссии в XIX – начале XX вв., возглавляемые горными инженерами России, их задачи и результаты.

Ключевые слова: русские духовные миссии, дипломатия, горное дело, Горный институт, горные инженеры.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: VIV10@yandex.ru (И.В. Волошинова), vga.prof@mail.ru (В.Г. Афанасьев)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1780-1787
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1780

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Comparative Characteristics of the State of the Judicial System of the Russian Empire before and after the Judicial Reform of 1864. Part 2

Ivan S. Denisov^{a, b, *}, Ruslan M. Allalyev^{c, d}, Mikhail G. Smirnov^{e, f}, Mikhail I. Katsarskiy^c

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^b Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^c Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^d Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation

^e Gubkin National University of Oil and Gas, Moscow, Russian Federation

^f MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

Abstract

This article is the second part of the study devoted to the analysis of the judicial system of the Russian Empire before and after the Judicial Reform of 1864. In continuation of the first part of the study, which examined the state of the justice system of the pre-reform period, the authors consider the main changes made to the justice system after the Judicial Reform in 1864. The authors examine the key provisions of such documents as: the Statute of Criminal Proceedings, the Statute of Civil Proceedings, the Statute of the World Court, as well as the Statute of Judicial Places. The authors of the scientific article examined in detail the new judicial system of the Russian Empire, where the competence of courts, namely general courts and magistrates, was also investigated. The article analyzes such key principles of the new judicial system after the reform of 1864 as: the principles of independence of both the judicial system in general and judges in particular, as well as the principles of transparency and adversarial proceedings. Such an innovation as the institute of advocacy (sworn attorneys) was also considered. Particular attention was paid to the emergence and functioning of the institute of jurors. In addition, the key shortcomings of the format of the application of the new judicial system in the Russian Empire were identified, which, among other things, contributed to an increase in the growth of revolutionary sentiments among the population of the state. As an example, the rather revealing trial of Vera Zasulich in 1878 was considered.

Keywords: The Russian Empire, Alexander II, Judicial reform of 1864, courts of the Russian Empire, principles of judicial procedure, judicial statutes of 1864, Vera Zasulich.

1. Введение

К середине XIX века кризис системы судопроизводства в Российской империи стал очевиден, что было одним из мотивов роста революционных настроений среди населения государства. Таким образом, перед императором Александром II стояла задача, которая заключалась в создании новой судебной системы, основанной на таких принципах, как независимая судебная власть, открытые судебные процессы, пожизненный статус судьи, а также в формировании институтов присяжных и адвокатуры.

2. Материалы и методы

В ходе работы над данным исследованием в качестве источниковой базы были использованы нормативные документы, историко-юридические очерки современников Судебной реформы

* Corresponding author

E-mail addresses: is.denisov@mail.ru (I.S. Denisov)

1864 года, а также материалы периодической печати. К нормативным документам относятся Манифест императора Александра II от 19 февраля 1861 г. «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта») (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 730 б. Л. 27-41об., 1861), Судебные уставы, утвержденные 20-го ноября 1864 года (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 770, 1864), а также Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ, 1866). Среди историко-юридических очерков стоит выделить: историко-юридический очерк Ивана Блинова и историко-юридические этюды Джаншиева. В качестве материалов периодической печати, в целях анализа отношения периодической печати к новой системе судоустройства в Российской империи, была использована газета Московские ведомости (Московские ведомости, 1866).

В качестве методов исследования для написания данной статьи были применены такие методы, как историко-системный, хронологический, а также контент-анализ. Хронологический метод был применен в целях последовательного изучения событий и обстоятельств, которые послужили мотивами для свершения судебной реформы, а позднее – мотивами введения контрреформ. Историко-системный метод и метод контент-анализа позволили произвести сравнительный анализ систем судопроизводства до и после Судебной реформы 1864 года, определить значение данной реформы, выявить ее ключевые недостатки, а также предпосылки их возникновения, корень которых заключался в заблуждении создателей реформы относительно того, что западно-европейская модель судопроизводства может быть настолько же успешно применена и в Российской империи, а также игнорировании разницы в менталитете жителей западноевропейских государств и населения Российской империи.

3. Обсуждение

Анализ значения Судебной реформы 1864 года был и остается актуальным предметом исследований не только дореволюционных ее современников, но и современных и советских исследователей.

Известный российский ученый-юрист и политический деятель начала XX века Г.Г. Тельберг отметил весомый вклад Судебной реформы 1864 года в развитие юридической науки: «...Судебная реформа создала ряд благоприятных условий для развития русской юридической науки: она повысила интерес к ней, признала и допустила практическую ценность в деле государственного строительства, вернула к жизни коллективные формы проявления научной работы, развернула перед наукой более широкий материал, подготовила и создала круг лиц, связанных с наукой определенными интересами и отношениями; одним словом, реформа и по ходу ее подготовки, и по началу ее провозглашения внесла и призвала внести большое и притом прочное оживление в деятельность отечественной юриспруденции» (Тельберг, 1915: 364).

Газетой «Московские ведомости», в которой регулярно публиковались отчеты о публичных судебных заседаниях, в целом была выражена положительная оценка судебной реформы, а также заложенных ею принципов судопроизводства (Московские ведомости, 1866).

Среди советских исследований значения Судебной реформы 1864 года вызывает особый интерес монография Н.А. Троицкого, в которой он связывает введение принципа гласности судопроизводства с еще более возросшими революционными настроениями в 1870–1880-х годах: «В 70-е годы, а также в 1880 и 1881 гг., пока на политических процессах сохранялась относительная гласность судопроизводства, народники с успехом использовали скамью подсудимых как трибуну для революционной пропаганды» (Троицкий, 1976: 333).

Историк права Т. Тарановский отмечает вклад молодых и прогрессивных чиновников того времени в успешное развитие Судебной реформы 1864 года: «Интеллектуальная цельность и политический успех реформы были в основном заслугой сравнительно молодых, принадлежавших к элите государственной бюрократии чиновников...» (Тарановский, 1992: 306).

Современными учеными Судебная реформа 1864 г. отнесена к наиболее прогрессивным реформам эпохи Великих реформ Александра II: «Судебная реформа считается наиболее прогрессивной из всех «великих реформ», которые стали первым шагом на пути превращения России из самодержавной в буржуазную монархию» (Климанов, 2017: 129).

4. Результаты

Вопрос формирования новой судебной системы в Российской империи был довольно острым задолго до царствования Александра II, однако именно в период его правления данная задача стала наиболее актуальной, в том числе по причине такого значительного события, как отмена крепостного права в 1861 году (Манифест императора Александра II от 19 февраля 1861 г. «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта») (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 730 б. Л. 27-41об., 1861). Как писал профессор А.В. Никитенко в своем дневнике, «освобождение крестьян – дело, без сомненья, великое. Но великость его заключается еще и в том, что оно полагает начало для других неизбежных и столь же великих реформ» (Никитенко, 1905: 310). В качестве примера можно привести действовавший на тот момент сословный принцип

судебной системы. С отменой крепостного права крестьян уже не могли судить помещики. Таким образом, необходимым стало становление нового суда, общего для всех сословий.

В целях реорганизации судебной системы Государственным советом Российской империи в качестве органа, выполнявшего функции законодательной власти, была сформирована специальная комиссия, основной задачей которой была разработка новых судебных уставов. В числе ее 34 членов стоит назвать таких видных политических деятелей того времени, как В.П. Бутков, А.М. Плавский, С.И. Зарудный, а также Н.А. Буцковский.

Основополагающими документами судебной реформы Александра II принято считать Судебные уставы, утвержденные 20-го ноября 1864 года (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 770, 1864). Всего было разработано четыре новых судебных устава, а именно: Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства, Устав мирового суда, а также Устав о судебных местах (Судебные уставы..., 1864).

Стоит отметить, что Судебная реформа 1864 года носила по-настоящему прогрессивный характер. Авторы новых судебных уставов стремились даже в текстах статей подчеркнуть переход от старой судебной системе к новой, противопоставив нововведения недостаткам дореформенной системы судопроизводства. Как отмечает И.В. Гессен, ряд статей новых Уставов был направлен на прямую отмену положений, которые критиками дореформенной системы судопроизводства считались серьезными недостатками, например «теория доказательств, основанная единственно на их формальности отменяется», «оставление в подозрении не допускается», «различие подсудности по сословиям отменяется» и т.д. (Гессен, 1905: 59).

В первой части данного исследования автор уделял внимание таким принципам дореформенной системы судопроизводства, как сословный принцип, принцип презумпции виновности, принцип верховенства закона, принцип доказательности, а также принцип негласности судебного процесса. В связи с этим в рамках этой статьи необходимо рассмотреть новые принципы судопроизводства, которые были введены вместе с Судебной реформой 1864 года.

Первостепенно важным принципом реформированной судебной системы, по мнению авторов, является независимость судебной власти от власти административной. Как отмечает советский ученый-правовед Б.В. Виленский, «...судебная реформа в корне изменила судостроительство, процессуальное и отчасти материальное право Российской империи. Она отделила судебные органы от административных и законодательных» (Виленский, 1991: 15). Однако многие современные ученые указывают на то, что в связи с довольно острыми революционными настроениями правительство Российской империи все же стремилось к установлению контроля над политическими процессами: «Цель правительства состояла в установлении полного и непосредственного контроля верховной власти над политическими процессами и ужесточении карательных мер для подавления революционного народничества» (Shchankina et al., 2020: 2690).

Возвращаясь на несколько лет назад, необходимо отметить, что важной ступенью, предваряющей Судебную реформу 1864 года, была Полицейская реформа 1860 года, одной из первостепенных задач которой было отделение следственной части от полиции таким образом, чтобы в полномочия полиции входило пресечение правонарушений, а также первичный сбор улик, а само судебное расследование стало входить в полномочия судебных следователей (Блинов, 1914: 104).

Еще одни новые принципы судопроизводства, которым необходимо уделить внимание, – это принципы состязательности, а также гласности судопроизводства. Принцип гласности заключался в том, что рассмотрение дел в суде становилось не закрытым, как в дореформенный период, а, напротив, должно было носить публичный характер.

Принцип состязательности судопроизводства подразумевал проведение во время судебного заседания дебатов между двумя сторонами спора, например между прокурором, выступавшим на стороне обвинения, и стороной защиты. Таким образом, важным достижением Судебной реформы 1864 года является становление института адвокатуры, благодаря чему подсудимые получили право на судебную защиту путем представления их интересов в суде профессиональными юристами – адвокатами, должность которых в то время носила наименование – присяжные поверенные. Появилась первая в стране коллегия адвокатов (присяжных поверенных), которая представляла собой независимую коммерческую структуру, благодаря чему профессия присяжного поверенного быстро стала набирать популярность, стала престижной и высокооплачиваемой.

С введением судебной реформы, кроме института присяжных поверенных, сформировался также институт присяжных заседателей, который успешно функционировал в западноевропейских странах. И таким образом было принято решение о необходимости рассмотрения абсолютно всех уголовных дел при участии двенадцати присяжных заседателей. Необходимо подчеркнуть, что в отличие от присяжных поверенных присяжные заседатели не были профессиональными юристами. Список присяжных поверенных составлялся в каждом территориальном субъекте Российской империи из числа правоспособных граждан, причем из всех сословий: как из дворян и офицеров, так и из купцов и крестьян. Отметим, что участие в судебном процессе в качестве присяжного заседателя было не правом, а скорее обязанностью, о которой граждане узнавали, получая повестку из суда.

Необходимо отметить установление определенного имущественного ценза для присяжных заседателей в целях борьбы с коррупцией: «Для избрания присяжных заседателей предполагался имущественный ценз: не менее 100 десятин земли или иное недвижимое имущество ценою от 2 тыс. до 500 р., или «жалование, или доход от своего капитала, занятия, ремесла или промысла» в сумме от 200 до 500 р. В этом довольно высоком имущественном цензе реформаторы искали гарантию деятельности суда присяжных для сохранения правопорядка» (Коротких, 1989: 152).

В обязанности присяжных заседателей входило их обязательное присутствие в суде во время рассмотрения дела, заслушивание дебатов сторон процесса без права комментирования, а также вынесение самого вердикта путем дачи односложных ответов (да или нет) на вопросы председательствующего в процессе, а именно: был ли факт преступления, виновен ли подсудимый, а также заслуживает ли подсудимый снисхождения. Если на первый или второй вопрос был дан ответ «нет», то подсудимый должен был быть немедленно отпущен на свободу. Приговор присяжных заседателей оспариванию не подлежал.

Если ранее в дореформенный период для судопроизводства был характерен сословный принцип, то новая система судопроизводства была существенно упрощена и включала в себя лишь две ветви: мировые и общие суды.

В компетенцию мировых судей входило рассмотрение гражданских дел, где сумма иска не превышала пятисот рублей, а также рассмотрение уголовных дел, где в качестве меры наказания мировой судья не мог выбрать меру строже, чем штраф в размере пятнадцати рублей или арест, длительность которого не должна была превышать трое суток. Мировые судьи разрешали дела единолично. Был установлен срок разрешения дел мировыми судьями – всего одни сутки, что, безусловно, положительно повлияло на скорость рассмотрения дел по сравнению с дореформенной системой судопроизводства. Жалобы на решения мировых судей в качестве второй инстанции рассматривал уездный съезд мировых судей. Б.Н. Миронов, проведя статистическое исследование, основанное в том числе на отчетах Министерства юстиции, которое содержит сведения о количестве рассмотренных уголовных и гражданских дел, а также о количестве апелляций на решения судов в период с 1835 по 1903 гг., пришел к выводу, что «пореформенный суд существенно превосходил дореформенный в скорости решения дел, но не в справедливости приговоров» (Миронов, 2003: 65). Вывод о несправедливости приговоров был сделан на основе возросшего числа жалоб на решения судов по сравнению с дореформенным периодом. Однако, по мнению авторов, утверждение о возросшей несправедливости судебных решений в постреформенный период является спорным. Авторы предполагают, что малое количество апелляций на решения судов в дореформенный период вызвано не высоким коэффициентом справедливости решений, принятых в судах первой инстанции, а скорее сложностью самой дореформенной судебной системы, которая усугублялась масштабной коррупцией, а также судебной волокитой.

Общие суды включали в себя три инстанции. Суды первой инстанции назывались окружными. Они рассматривали уголовные и гражданские дела, которые превышали подсудность мировых судей. Как указывалось выше, вердикты присяжных заседателей оспариванию не подлежали, однако существовало право возбуждения вопроса об их некомпетентности либо о нарушении норм правосудия. В связи с этим все же существовало право апелляционного обжалования. В качестве апелляционной инстанции выступали Судебные палаты. Тем не менее даже если Судебной палатой было вынесено решение о неправомерности вердикта присяжных заседателей, то данный вердикт не мог быть отменен сразу. Вместо отмены выносилось решение о повторном рассмотрении дела с иным составом присяжных заседателей. Функции третьей судебной инстанции выполнял Правительствующий сенат, в полномочия которого входило издание указов о назначении должностных лиц судебной системы, а также контроль и рассмотрение судебной практики судов нижестоящих инстанций.

Следующий принцип новой судебной системы – это принцип независимости самих судей, в целях функционирования которого был введен иммунитет несменяемости. В данном контексте речь идет о том, что председатели и члены окружных судов, судебных палат, члены Правительствующего сената и судебные исследователи получили статус пожизненной несменяемости. Лишить этого статуса не мог даже сам император. Единственной причиной снятия с должности было доказанное совершение уголовного преступления. Предполагалось, что таким образом будет исключена возможность оказания давления и влияния на вышеназванных судебных служащих. Интересным является то, что данных судебных служащих нельзя было не только снять с должности, но и присваивать им награды и чины, так как заинтересованность в подобных привилегиях могла негативно отразиться на осуществлении принципа независимости.

Стоит отметить, что иммунитетом несменяемости не обладали мировые судьи. В случае избрания на должность мирового судьи срок его полномочий составлял три года с правом последующего переизбрания на новый срок.

Также следует отметить, что у введения статуса пожизненной несменяемости было немало противников: «защитники выборной системы, предлагавшие замещать по выборам сословий не только мировых судей, но и всех советников как окружных судов, так и областных судебных палат,

указывали на то, что доверие к суду, которое составляет главное условие общего в государстве спокойствия, достигается только в том случае, если судьи назначаются не исключительно по усмотрению администрации, но при участии общества» (Джаншиев, 1891: 82).

Одной из ключевых проблем дореформенного судопроизводства была широкомасштабная коррупция. Как утверждают многие современные ученые, «на протяжении многих веков государственная власть неоднократно предпринимала попытки если не ликвидировать, то хотя бы обуздать коррумпированность многочисленного управленческого и административного аппарата» (Korneva et al., 2016: 30).

Для решения данной проблемы для таких должностей в системе судопроизводства, как председатели и члены окружных судов, судебных палат, члены Правительствующего сената и судебные исследователи были установлены довольно высокие жалования.

Таким образом, можно говорить о безусловной прогрессивности Судебной реформы 1864 года. Введение новых судебных уставов оказало огромное позитивное влияние на отправление судопроизводства в Российской империи. Тем не менее, по мнению авторов, в целях справедливого анализа судебной реформы необходимо также сказать и о ее недостатках. В целом можно согласиться с А.Ф. Кони, который справедливо отмечал: «Обнаружилось, что признаваемые теоретически безупречными Судебные Уставы в их практическом применении вызывают против себя ряд нареканий, сначала единичных и несмелых, а с течением времени настойчивых и громогласных, в которых очень часто личное раздражение тесно сливалось с грубым незнанием сущности основ новых судебных порядков» (Кони, 1914: 297).

Необходимо отметить, что в целом новая реформированная судебная система была построена на западноевропейских моделях. Ее создатели, исследовав зарубежный опыт, стремились перенять все самые лучшие практики судопроизводства. Как справедливо отмечает О.В. Большакова, «...нельзя недооценивать значение реформы. Она, безусловно, дала образованной части русского общества механизм европейского судоустройства с его предсказуемостью юридических последствий человеческих поступков» (Большакова, 2000: 10).

Однако в целях наиболее успешного внедрения данных практик создателям реформы следовало учитывать ментальную разницу между населением западноевропейских государств и соотечественниками. Под ментальной разницей авторы понимают разницу между совокупностью умственных, эмоциональных, культурных особенностей и ценностей.

В частности, спорным является такое новшество, как обязательное участие присяжных заседателей в уголовном процессе. Наиболее показательным в данном контексте является довольно известный процесс над Верой Засулич, где в качестве ее защитника выступал адвокат Александров (Процесс Веры Засулич, 1906).

Суть дела состояла в том, что 24 января 1878 года Вера Засулич совершила выстрел из револьвера в градоначальника Ф.Ф. Трепова, который получил ранение в левый бок, а Вера Засулич была сразу же арестована. В качестве мотива покушения на жизнь Трепова В. Засулич назвала его приказ о применении телесных наказаний для политического преступника А.С. Боголюбова, который не снял головной убор перед градоначальником. Данный приказ был, по мнению Засулич, неправомерным, так как телесные наказания были отменены Указом от 17 апреля 1863 года «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных (Полное собрание..., 1866: 352-353). В марте 1878 года данное уголовное дело, как и все уголовные дела того времени в Российской империи, рассматривалось двенадцатью присяжными заседателями. В качестве председательствующего выступал А.Ф. Кони. На его вопрос в адрес присяжных заседателей о том, был ли факт преступления, прозвучал ответ: «Да». А на вопрос о том, виновна ли подсудимая Вера Засулич, присяжные заседатели ответили: «Нет». Данный судебный процесс является наглядным примером того, как присяжные заседатели, будучи непрофессиональными юристами, выносили решения, основываясь не на законе, а скорее на своих эмоциональных чувствах и личных симпатиях.

Анализируя недостатки судебной реформы, в целом можно согласиться с И.А. Исаевым, который указывает на несоответствие новых принципов судопроизводства социальным особенностям Российской империи: «Однако принципы и институты судебной реформы оказались в действительности не соответствующими особенностям общественного и государственного быта страны (по замечанию министра юстиции Н.В. Муравьева), чем и была вызвана ответная негативная реакция властей в период последовавших «контрреформ» (Исаев, 2014: 131).

5. Заключение

Подводя итог всему вышесказанному, можно прийти к выводу о том, что Судебная реформа 1864 года имела колоссальное значение. 20-го ноября 1864 года были утверждены четыре судебных устава, а именно: Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства, Устав мирового суда, а также Устав о судебных местах.

Система судов включала в себя две ветви: мировые судьи и общие суды. Общие суды включали в себя три инстанции, куда входили Окружные суды, Судебные палаты, а также Правительствующий сенат.

Данная реформа ввела такие принципы судопроизводства, как принцип независимости судебной системы, принцип независимости судей, принцип гласности (публичного судопроизводства), принцип состязательности судебного процесса. Появился институт адвокатуры (присяжных заседателей). В качестве особого нововведения можно назвать рассмотрение всех уголовных дел при участии присяжных заседателей.

К основным достоинствам новой судебной системы после ее реформирования можно отнести ее независимость, снижение коррупции, стремительное развитие профессии адвоката, а также быстрое разрешение дел, относящихся к компетенции мировых судей. Однако характер участия присяжных заседателей в уголовном процессе, по мнению авторов, является спорным по тем причинам, что лица, не являющиеся профессиональными юристами, принимали участие в рассмотрении абсолютно всех уголовных дел и выносили решения, которые были окончательными и не подлежали обжалованию. Данные решения довольно часто были несправедливы, так как принимались скорее на основании эмоций и чувств, а не буквы Закона.

В целом Судебная реформа 1864 г. внесла достаточно позитивные изменения, направленные на стремительное развитие гражданского общества. Однако именно колоссальную прогрессивность данной реформы, которая некоторым образом опережала свое время, можно считать одним из ее ключевых недостатков.

Литература

Блинов, 1914 – Блинов И.А. Судебная реформа 20 ноября 1864 г.: историко-юридический очерк Ив. Блинова. Петроград: Сенатская типография, 1914. [2], 234 с.

Большакова, 2000 – Большакова О.В. Судебная реформа 1864 года и формирование правовой культуры в дореволюционной России: Обзор англояз. лит. / *Социал. и гуманитар. науки. Отеч. и зарубеж. лит. Сер. 5 «История»*. М., 2000. № 1. С. 7-23.

Виленский, 1991 – Виленский Б.В. Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. Судебная реформа. М., 1991. 496 с.

Гессен, 1905 – Гессен И.В. Судебная реформа / Санкт-Петербург, 1905. [4]. 267 с.

Джаншиев, 1891 – Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы: (К 25-летию нового суда): историко-юридические этюды [сочинение] Гр. Джаншиева. М.: Типография М.П. Щепкина, 1891. XVI, 364, 52 с.

Исаев, 2014 – Исаев И.А. Судебная реформа 1864 года: цели и противоречия // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2014. № 9–2. С. 39-43.

Климанов, 2017 – Климанов А.Ю. Из отечественной истории реформирования судебной системы: судебная реформа 1864 года // *Вестник Международного института экономики и права*. 2017. № 1(26). С. 123-130.

Кони, 1914 – Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы: К пятидесятилетию Судебных Уставов. СПб., 1914. С. 313.

Коротких, 1989 – Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж: Издательство Воронежского университета. 1989. 183 с.

Мионов, 2003 – Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) / В 2 т. 3-е изд., испр., доп. СПб., 2003. Т. 2. 582 с.

Никитенко, 1905 – Никитенко А.В. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был»: записки и дневник (1804–1877 гг.) / А.В. Никитенко; под ред., с примеч. [и предисл.]. М.К. Лемке. 2-е изд., испр. и доп. по рукоп., с алф. указ. СПб., 1905. 2 т. 632 с.

ПСЗРИ, 1866 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 28. Отделение 1. СПб., 1866. № 59504.

Процесс Веры Засулич, 1906 – Процесс Веры Засулич: (Суд и после суда): [Сборник]. СПб.: Современник, [1906]. 125, [2] с. 18.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Московские ведомости, 1866 – *Московские ведомости*. 1866. № 87. 24 апреля.

Судебные уставы..., 1864 – Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изъяснением статей законов, на которые содержатся в уставах ссылки, и с прибавлением: I. Правил судопроизводства охранительного. II. Правил о печатании решений судебных мест [и др. материалов]. Карман. (неофиц.) изд. СПб.: Печ. В. Головина, 1866. XXXII, 670 с.; 15.

Тарановский, 1992 – Тарановский Т. Судебная реформа и развитие политической культуры царской России // Великие реформы в России, 1855–1874. М., 1992. С. 301-317.

Тельберг, 1915 – Тельберг Г.Г. Влияние судебной реформы на науку права // Судебная реформа / Под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского. М.: Книгоиздательство «Объединение», 1915. С. 354-380.

Троицкий, 1976 – Троицкий Н.А. Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871–1880 гг. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1976. 406 с.

Korneva et al., 2016 – Korneva N.M., Krapivin M.Yu., Makarov Yu.N., Dalgatov A.G. Anti-corruption legislation of the Russian empire XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 39(1): 29-44.

[Shchankina et al., 2020](#) – *Shchankina L.N., Fedorova I.A., Tyurin I.V.* The Special Court of the Governing Senate as the Russian Empire Highest Judicial Body for the Political Cases // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 58. Is. 4: 2688-2697.

References

[Blinov, 1914](#) – *Blinov, I.A.* (1914). Sudebnaya reforma 20 noyabrya 1864 g.: istoriko-yuridicheskij ocherk Iv. Blinova [Judicial reform on November 20, 1864: a historical and legal essay by Ivan Blinov]. Petrograd: Senatskaya tipografiya. [2], 234 p. [in Russian]

[Bol'shakova, 2000](#) – *Bol'shakova, O.V.* (2000). Sudebnaya reforma 1864 goda i formirovanie pravovoj kul'tury v dorevolucionnoj Rossii: Obzor angloyaz. lit. [Judicial reform of 1864 and the formation of legal culture in pre-revolutionary Russia: Review of English-language literature]. *Social. i gumanit. nauki. Otech. i zarubezh. lit. Ser. 5, Istoriya*. M., № 1. Pp. 7-23. [in Russian]

[Dzhanshiev, 1891](#) – *Dzhanshiev, G.A.* (1891). Osnovy sudebnoj reformy: (K 25-letiyu novogo suda) [Fundamentals of Judicial reform: (For the 25th anniversary of the new court)]: istoriko-yuridicheskie etyudy [sochinenie] Gr. Dzhanshieva. Moskva: tipografiya M. P. Shchepkina, 1891. XVI, 364, 52 p. [in Russian]

[Gessen, 1905](#) – *Gessen, I.V.* (1905). Sudebnaya reforma [Judicial reform]. Sankt-Peterburg, [4]. 267 p. [in Russian]

[Isaev, 2014](#) – *Isaev, I.A.* (2014). Sudebnaya reforma 1864 goda: celi i protivorechiya [Judicial reform of 1864: goals and contradictions]. *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs*. 9-2: 39-43. [in Russian]

[Klimanov, 2017](#) – *Klimanov, A.Yu.* (2017). Iz otechestvennoj istorii reformirovaniya sudebnoj sistemy: sudebnaya reforma 1864 goda [From the domestic history of the reform of the judicial system: judicial reform of 1864]. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ekonomiki i prava*. 1(26): 123-130. [in Russian]

[Koni, 1914](#) – *Koni, A.F.* (1914). Otcy i deti sudebnoj reformy: K pyatidesyatiletiju Sudebnyh Ustavov [Fathers and Children of Judicial Reform: To the fiftieth anniversary of Judicial Statutes]. SPb., P. 48. [in Russian]

[Korneva et al., 2016](#) – *Korneva, N.M., Krapivin, M.Yu., Makarov, Yu.N., Dalgatov, A.G.* (2016). Anti-corruption legislation of the Russian empire XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 39(1): 29-44.

[Korotkih, 1989](#) – *Korotkih, M.G.* (1989). Samoderzhavie i sudebnaya reforma 1864 goda v Rossii. [Autocracy and judicial reform of 1864 in Russia]. Voronezh: izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta. 183 p. [in Russian]

[Mironov, 2003](#) – *Mironov, B.N.* (2003). Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [Social History of Russia during the Empire Period [XVIII – early XX centuries]. V 2 t. 3-e izd., ispr., dop. SPb. V. 2. 582 p. [in Russian]

[Moskovskie vedomosti, 1866](#) – *Moskovskie vedomosti*. 1866. №87. April, 24. [in Russian]

[Nikitenko, 1905](#) – *Nikitenko, A.V.* (1905). Moya povest' o samom sebe i o tom, «chemu svidetel' v zhizni byl»: zapiski i dnevnik (1804–1877 gg.) [My story about myself and about "what I witnessed in my life": notes and diary (1804–1877)]. Pod red., s primech. [i predisl.] M. K. Lemke. 2-e izd., ispr. i dop. po rukop., s alf. ukaz. SPb. 2 V. 632 p. [in Russian]

[PSZRI, 1866](#) – *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii* [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 2. T. 28. Otdelenie 1. SPb., 1866. № 59504. [in Russian]

[Process Very Zasluch, 1906](#) – *Process Very Zasluch: (Sud i posle suda)* [Vera Zasluch Trial: (Trial and after trial)].: [Sbornik]. Sankt-Peterburg: Sovremennik. 1906. 125, [2] p. 18. [in Russian]

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

[Shchankina et al., 2020](#) – *Shchankina, L.N., Fedorova, I.A., Tyurin, I.V.* (2020). The Special Court of the Governing Senate as the Russian Empire Highest Judicial Body for the Political Cases. *Bylye Gody*. 58(4): 2688-2697.

[Sudebnye ustavy..., 1864](#) – *Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda s iz'yasneniem statej zakonov, na kotorye sodержatsya v ustavah ssylki, i s pribavleniem: I. Pravil sudoproizvodstva ohranitel'nogo. II. Pravil o pechatanii reshenij sudebnyh mest [i dr. materialov].* [Judicial charters of November 20, 1864 with an explanation of the articles of laws to which the charters contain references, and with the addition of: I. Rules of Protective proceedings. II. Rules on printing decisions of judicial places [etc. materials]]. Karman. (neofic.) izd. Sankt-Peterburg : pech. V. Golovina, 1866. XXXII, 670 p.; 15. [in Russian]

[Taranovski, 1992](#) – *Taranovski, T.* (1992). Sudebnaya reforma i razvitie politicheskoy kul'tury carskoj Rossii [Judicial reform and the development of the political culture of Tsarist Russia]. *Velikie reformy v Rossii. 1855–1874*. M. Pp. 301-317. [in Russian]

[Tel'berg, 1915](#) – *Tel'berg, G.G.* (1915). Vliyanie sudebnoj reformy na nauku prava [The impact of judicial reform on the science of law]. *Sudebnaya reforma*. Pod red. N.V.Davydova i N.N.Polyanskogo. M.: Knigoizdatel'stvo «Ob'edinenie». Pp. 354-380. [in Russian]

[Troitskii, 1976](#) – *Troitskii, N.A.* (1976). Tsarskie sudy protiv revolyutsionnoi Rossii. Politicheskie protsessy 1871–1880 gg. [Tsarist courts against revolutionary Russia. Political processes of 1871–1880]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 406 p. [in Russian]

Vilenskij, 1991 – *Vilenskij, B.V.* (1991). Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. Tom 8. Sudebnaya reforma [Russian legislation of the X - XX centuries. Volume 8. Judicial reform]. M., 496 p. [in Russian]

Сравнительная характеристика состояния судебной системы Российской империи до и после Судебной реформы 1864 года. Часть 2

Иван Сергеевич Денисов^{a, b, *}, Руслан Мурадович Аллалыев^{c, d}, Михаил Гурамович Смирнов^{e, f}, Михаил Ильич Кацарский^c

^a Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^b Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^c Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^d Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

^e РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Москва, Российская Федерация

^f МИРЭА Российский технологический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья представляет собой вторую часть исследования, посвященного анализу судебной системы Российской империи до и после Судебной реформы 1864 года. В продолжение первой части исследования, в которой рассматривалось состояние системы правосудия дореформенного периода, авторы рассматривают основные изменения, внесенные в систему правосудия после проведения Судебной реформы в 1864 году. Авторы исследуют ключевые положения таких документов, как Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства, Устав мирового суда, а также Устав о судебных местах. Авторами данной работы была подробно рассмотрена новая судебная система Российской империи, где была также исследована компетенция судов, а именно общих судов и мировых судей. В статье были проанализированы такие ключевые принципы новой судебной системы после реформы 1864 г., как принципы независимости как судебной системы в целом, так и судей в частности, а также принципы гласности и состязательности судебного процесса. Также было рассмотрено такое нововведение, как институт адвокатуры (присяжных поверенных). Особое внимание было уделено появлению и функционированию института присяжных заседателей. Кроме этого, были выявлены ключевые недостатки формата применения новой системы судостроительства в Российской империи, которые в том числе поспособствовали росту революционных настроений среди населения государства. В качестве примера был рассмотрен довольно показательный судебный процесс над Верой Засулич в 1878 году.

Ключевые слова: Российская империя, Александр II, Судебная реформа 1864 г., суды Российской империи, принципы судопроизводства, судебные уставы 1864 года, Вера Засулич.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: is.denisov@mail.ru (И.С. Денисов)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1788-1795
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1788

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Influence of the Zemstvo Reform of 1864 on the Development of the History of the Russian Empire

Anton V. Gurko ^{a,*}, Raul' S. Dzhindzholiya ^b, Sergej N. Rozhnov ^c, Krystsina D. Savitskaya ^d

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^b MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

^c Gubkin National University of Oil and Gas, Moscow, Russian Federation

^d Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, Novopolotsk, Republic of Belarus

Abstract

This article is devoted to one of the largest transformations in the era of the Great Reforms of Alexander II – the Zemstvo Reform of 1864. In this study, the authors analyzed the reasons that became prerequisites for the need to introduce Zemstvo reform, and also considered the contribution to the development of this reform of such statesmen as the director of the Economic Department of Internal Affairs Milyutin N.A., as well as the Minister of Internal Affairs Valuev P.A. The article discusses the concept of zemstvo, as well as its key principles: omniscience and electability. The authors of the article studied in detail the structure of zemstvo assemblies, the procedure for appointing their members, the procedure for forming zemstvo assemblies, as well as the competence of zemstvos and their key functions. In addition, the authors analyzed the order of formation and sources of the zemstvo budget. The authors paid special attention to the issues of the significance of the Zemstvo Reform and its impact on the development of the Russian Empire, as well as opinions and disputes expressed in periodicals and confidential notes regarding the local self-government bodies themselves and their competence. The positive aspects of the Zemstvo reform were analyzed, as well as the criticism of well-known statesmen, including the Minister of Finance of the Russian Empire S.Yu. Witte towards reform. The authors of the article provide statistical data confirming the success of the Zemstvo reform and its successful impact on the development of the Russian Empire. At the same time, the authors discuss the significant impact of the Zemstvo reform on the arrival of revolutionary upheavals at the beginning of the XX century.

Keywords: the Russian Empire, Alexander II, Zemstvo reform, zemstvos, zemstvo assemblies, the great reforms of Alexander II, the budget of the Zemstvos, Minister of Finance S.Yu. Witte.

1. Введение

Целью Великих реформ Александра II являлась модернизация Российской империи в экономическом, техническом, административном и культурном отношениях. Одним из крупнейших преобразований этой эпохи можно назвать Земскую реформу 1864 года, которая стала своего рода очередным последовательный шагом перехода Российской империи к новому этапу своего развития после отмены крепостного права 1861 года. Как справедливо отмечают ученые, «десятилетие между 1860 и 1870 гг. по праву считается периодом Великих реформ Российской империи. Безусловно, в качестве самой масштабной необходимо назвать Крестьянскую реформу 1861 года... Позднее императором Александром II был предпринят целый комплекс реформ, направленных на социально-экономическое развитие государства» (Denisov et al., 2022: 1190).

* Corresponding author

E-mail addresses: gurkoantonwork@gmail.com (A.V. Gurko)

1 января 1864 г. императором Александром II было подписано Положение о губернских и уездных земских учреждениях» ([Положение о губернских..., 1864](#)), которое ввело в Российской империи начало функционирования выборных и всесословных учреждений местного общественного самоуправления. «В соответствии с законодательством земства вводились только в великорусских губерниях, в которых преобладало русское дворянство (34 из 74 российских губерний), и их введение растянулось на 15 лет» ([Завражин 2009: 109](#)). Стоит сказать, что Земская реформа в целом просуществовала чуть более пятидесяти лет и была ликвидирована в период революции 1917–1918 годов. Однако за этот небольшой, по меркам истории, срок данная реформа оказала значительное влияние как на развитие государства, так и на глобальные изменения политического характера и смены властного режима.

2. Материалы и методы

В ходе данного исследования были использованы архивные материалы из Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), в частности «Записки: петербургского губернского предводителя дворянства князя Г.А. Щербатова – в связи с Положением о губернских и уездных земских учреждениях (с замечаниями П.А. Валуева), саратовского губернского предводителя дворянства князя Г.А. Щербатова – о правах и обязанностях губернского предводителя дворянства, Щербинина – о проекте устройства земских учреждений; справка, составленная в Министерстве внутренних дел, об установлении круга вопросов, подлежащих обсуждению на дворянских выборах. Подлинник и копии» ([РГИА. Ф. 809. Оп. 1. Д. 114. Л. 7](#)).

При исследовании темы значения Земской реформы 1864 года были использованы материалы периодической печати, архивные и нормативно-правовые документы («Положение о губернских и уездных земских учреждениях» ([Положение о губернских..., 1864](#)), а также источники личного происхождения – «Конфиденциальная записка министра финансов статс-секретаря С.Ю. Витте» ([Витте, 1899](#)).

В качестве материалов периодической печати были использованы газеты «Московские ведомости» ([Московские ведомости, 1863: 21 сен.](#)) и «Санкт-Петербургские ведомости» ([С.-Петербургские ведомости, 1867: 17–18 фев.](#)). Изучение данных источников представляло особый интерес, так как позволило проанализировать различные оценки Земской реформы в средствах массовой информации.

В процессе данного исследования авторами были применены такие методы научного познания, как метод историзма, синтеза, а также статистического анализа. С помощью метода историзма в процессе исследования Земской реформы от года ее провозглашения (1864) до ее ликвидации в годы революции были выявлены ее ключевые характеристики, оказавшие существенное влияние на развитие Российской империи. В частности, авторами были изучены статистические данные как в социальных сферах жизни населения Российской империи в XIX веке, так и экономические показатели, отражающие бюджетное распределение земствами денежных средств. При помощи метода синтеза при совокупном изучении данных характеристик было исследовано значение Земской реформы. В ходе исследования авторы пришли к выводу о глобальной роли реформы как в модернизации империи, так и в разрушении самодержавия.

3. Обсуждение

Вопрос значения Земской реформы 1864 года был наиболее актуален для царской России. Современник реформы А.А. Кизеветтер в своих оценках указывал на неполную самостоятельность и независимость учреждений местного самоуправления и призывал снять любые ограничения с их деятельности ([Кизеветтер, 1917: 105](#)).

После революции наблюдался значительный спад интереса исследователей к данной теме. Советские и современные ученые, рассматривающие вопросы значения Земской реформы, наибольший акцент делают на недостаточности ее предварительной проработки. Среди работ советских авторов интересным представляется труд В.В. Гармизы, который особое внимание уделяет теме ее подготовки: «Вопрос о подготовке земской реформы почти не получил освещения. Царское правительство не было заинтересовано в выяснении закулисной стороны своей законодательной деятельности» ([Гармиза, 1957: 9](#)).

Данную точку зрения не разделяет ряд современных ученых. В данном контексте можно привести высказывание А.Ю. Шутова, который, напротив, считает, что Земская реформа является удачным примером «...тщательной разработки как общей концепции, так и конкретных мер, вариантов и способов реформирования» ([Шутов, 2011: 58](#)).

4. Результаты

Рассматривая вопрос значения Земской реформы 1864 года, в первую очередь необходимо определить ее причины и предпосылки. К данным причинам можно отнести социально-экономическую отсталость государства; возникшую после отмены крепостного права необходимость усиления влияния дворянства на местную жизнь по причине утраты помещиками власти над

крестьянами; неэффективную модель управления и решения региональных вопросов, основанную на жесткой централизации власти и в связи с этим возникшую необходимость передачи части управленческих функций местным властям; острую необходимость преобразования мышления гражданского общества в сторону поступательного движения от безответственности и безынициативности к активному самостоятельному решению вопросов развития края; формирование нового политического радикального движения, основанного на задаче социалистического переустройства Российской империи.

Изначально в качестве основоположника Земской реформы выступал известный государственный деятель, разработчик Крестьянской реформы, директор Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел Н.А. Милютин, по мнению которого «устройство земских учреждений» должно повлечь за собой важные изменения в предметах ведомства губернских правлений и других присутственных мест», которые «необходимо преобразовать... одновременно с открытием земских учреждений» (ОР РНБ. Ф. 379. Корнилов Ф. П. Оп. 1. Д. 269. Л. 13).

Характеризуя Н.А. Милютину, стоит согласиться с мнением Е.Н. Морозовой: «Милютин действительно являлся сторонником сохранения неограниченной самодержавной власти» (Морозова, 2015: 27).

Однако на завершающем этапе проведения Земской реформы первостепенно важную роль сыграл министр внутренних дел П.А. Валуйев.

В результате проделанной работы названных государственных деятелей в Российской империи стали функционировать земства. Само понятие «земства» означает местные учреждения общественного самоуправления.

Стоит отметить, что, по воспоминаниям современников Земской реформы, население Российской империи не верило в экономический и социальный успех данных преобразований: «Из всех реформ последнего пятнадцатилетия нашей истории на земскую реформу русское общество возлагало самые скромные, самые ограниченные надежды» (Мордовцев, 1877: 1). Также при ознакомлении с «Положением о губернских и уездных земских учреждениях» (Положение о губернских..., 1864) петербургский губернский предводитель дворянства князь Г.А. Щербатов высказал ряд критических замечаний в адрес Земской реформы: «...земские учреждения... не будут отличаться от тех присутствий, комиссий и прочих учреждений, которым в настоящее время поручено заведование предметами, покрываемыми земскими сборами и капиталами» (РГИА. Ф. 809. Оп. 1. Д. 114. Л. 7).

В качестве ключевых принципов функционирования земств можно назвать всеословность, а также выборность их членов. Земства состояли из распорядительных (законодательных) и исполнительных структур. В качестве распорядительных учреждений земства выступали земские собрания, члены которых назывались гласными, то есть имеющими голос. Срок их полномочий составлял 3 года. В качестве исполнительных структур функционировали уездные земские управы и губернские земские управы. Земские управы состояли из председателя и нескольких членов: от двух до четырех, в зависимости от размера уезда. Губернские земские управы в свою очередь также состояли из председателя и нескольких членов: от четырех до шести, в зависимости от величины губернии.

В компетенцию земств входило решение так называемых местных нужд, а именно: местное образование, здравоохранение, экономика, коммуникации, рассмотрение дел в качестве строительной и дорожной комиссии, а также решение других вопросов местного характера (РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 397. Л. 36-37). Как отмечает историк Б.Б. Веселовский, формирование земств стало необходимой, вынужденной мерой, без которой невозможно бы было успешное развитие государства: «Таким образом, на основании многолетнего опыта правящие сферы убедились, наконец, в необходимости учреждения выборных органов, снабженных «действительной и самостоятельной властью в заведовании делами местного интереса»» (Веселовский, 1909: 10).

Порядок формирования уездных земских собраний был основан на привлечении всех сословий к решению вопросов местной жизни. По этой причине выборы в земские собрания были всеословные. Было принято решение о разделении разных категорий населения в целях формирования трех избирательных курий, каждая из которых получала определенную квоту, определяющую количество избираемых членов (гласных) земских собраний. В состав первой курии входили крупные частные землевладельцы, а также собственники недвижимости. Вторая курия включала в себя всех собственников городской недвижимости. Третья и самая многочисленная курия состояла из жителей сельского общества (крестьян) (Веселовский, 1914: 23). Особые споры вызвал вопрос о целесообразности включения духовных служащих (священников) в состав избирателей земств. Высказывались мнения о том, что участие в общественных делах и подобная гражданская активность «не вполне свойственны характеру духовного сана». Тем не менее министр внутренних дел П.А. Валуйев настаивал на обратной точке зрения, объясняя это тем, что участие духовенства было бы особенно полезно «в тех местах, где есть различия в происхождении, языке и вере» (РГИА. Ф. 1316. Оп. 1. Д. 148. Л. 9).

Важность присутствия крестьян среди гласных земских собраний была обусловлена тем, что крестьяне составляли самое массовое сословие, интересы которого безусловно должны были быть

учтены при решении вопросов местного характера. Тем не менее крестьянство не могло доминировать в земских собраниях по причине недостаточного уровня образования и, соответственно, некомпетентности в решении вопросов, входящих в компетенцию местного самоуправления. В рамках данной темы справедливым выглядит высказывание М.П. Драгоманова: «Составители Положения упустили из виду, что, даже при количественной равноправности в земском представительстве крестьян и привилегированных классов, последние всегда будут иметь перевес и большую силу за собой» (Драгоманов, 1883: 34).

Уездные земские собрания проходили минимум раз в год. На них гласные принимали решения по таким вопросам, как, например, строительство или ремонт школ, больниц, коммуникаций и т.д. В случае наступления чрезвычайных ситуаций с разрешения губернатора могло быть созвано внеплановое уездное земское собрание.

Функции губернских земских собраний включали в себя решение и координацию вопросов, связанных с реализацией межземских или крупных губернских программ. Гласные губернских земских собраний избирались из числа гласных уездных земских собраний.

Как уже говорилось выше, земства занимались только решением местных вопросов. Они не имели права заниматься какими-либо политическими вопросами, в частности вопросами государственного переустройства, функциями администрации, а также полномочиями губернатора. В случае, если повестка земского собрания включала в себя вопрос, который выходит из рамок указанной в законе компетенции, то губернатор, который в свою очередь осуществлял контроль над деятельностью земских собраний, закрывал земское собрание и возбуждал дело о преследовании гласных, виновных в нарушении пределов компетенции земского собрания. Причиной подобного жесткого контроля за рамками компетенции земских собраний являлась угроза роста антиправительственных протестов и революционных настроений.

Земства при осуществлении своих полномочий имели право на формирование собственного бюджета и на самостоятельное распределение данных бюджетных средств. Бюджет земств формировался из нескольких источников: правительственных субсидий, добровольных пожертвований меценатов, а также сумм доходов, полученных земством, а именно доходов от земских сборов – налогов на имущество, недвижимость и земли, акцизов и т.д. Земства имели право самостоятельно устанавливать величину и порядок уплаты земских сборов. Данные земские сборы существенно превышали размер государственных сборов и, несмотря на то, что, в отличие от государственных сборов, земские сборы расходовались земствами на благоустройство и улучшение качества жизни в конкретной местности, их размер вызывал немало недовольства среди населения.

В целях правомерного использования бюджета в земствах велись сметы, которые в себе содержали данные о размерах земских сборов, планы касаясь определения размера расходов, а также материалов, характеризующих расходы земств. Стоит сказать, что расходы земств на протяжении всего срока их существования неизменно росли. В качестве примера можно привести Воронежское земство, где сумма расходов на отрасль здравоохранения за первые двенадцать лет составляла на 4 % меньше, чем сумма аналогичных расходов, однако же в период следующих двенадцати лет (Щербина, 1891: 627).

В целом можно говорить о том, что земства стали своего рода автономными самостоятельными учреждениями с собственным бюджетным финансированием.

Рассматривая вопрос значения Земской реформы, необходимо отметить как ее положительные стороны, так и отрицательные. Реформа безусловно оказала огромное влияние на развитие регионов путем строительства инфраструктуры: школ, больниц, санитарных служб и коммуникаций. Особенно стоит отметить вклад в развитие здравоохранения, вследствие чего наблюдалось снижение холерных, тифозных эпидемий и детской смертности. Таким образом, в короткие сроки после провозглашения Земской реформы в Российской империи наблюдался стремительный демографический рост. За пятьдесят лет численность населения выросла более чем в два с половиной раза и составила 178 миллионов человек (Миронов, 2003: 20).

Кроме этого, земства оказали значительное влияние на рост огнестойкого строительства, что вызвало снижение количества пожаров в домах крестьян; на развитие агрономии, что поспособствовало росту урожаев и доходности полей; а также рост уровня культуры и образования. Благодаря Земской реформе началось строительство школ в регионах, вследствие чего удалось существенно повысить уровень грамотности населения. В 1840 году количество учащихся общеобразовательных школ составляло всего 5 человек на 1000 населения, что в процентном соотношении составляло 0,5 %. К 1890 году количество учащихся составляло 2,1 % (21 человек на 1000 населения), а через 50 лет после провозглашения Земской реформы – 5,9 % (59 человек на 1000 населения) (Миронов, 2003: 265). Образование справедливо являлось первой отраслью после лидирующего здравоохранения по величине выделяемых из земского бюджета денежных средств (Анненков, 1890: 36).

Земская реформа оказала также положительное влияние и на развитие земледелия в регионах путем введения необходимых экономических поддерживающих мер. В частности, в Полтавской губернии в 1878 году на губернском земском собрании председателем Заленским в целях решения

вопроса о слабом развитии ссудо-сберегательных товариществ было предложено организовать порядок выдачи поземельного кредита для мелких собственников (*Краткий очерк...*, 1894: 5).

Таким образом, можно говорить о существенном вкладе в экономическое, технологическое и социальное развитие Российской империи благодаря формированию земств. Однако, производя справедливый анализ значения Земской реформы, необходимо сказать также и о ее противоречивости.

Различные издания периодической печати кардинальным образом расходились во мнении относительно оценки Земской реформы. В частности, газета «Московские ведомости» неоднократно выступала с ее критикой. В качестве примера можно привести выпуск 1890 года, где критиковался принцип всеобщности земских учреждений, так как данный принцип, по мнению авторов публикации в газете, не гарантировал высокое и справедливое качество состава членов земств и их успешной деятельности (*Московские ведомости*, 1890: 21 сен.). Газета «Санкт-Петербургские ведомости», напротив, выступала на стороне защиты Земской реформы. Например, статья А.И. Кошелева «Несколько слов по поводу нападок на земство и земские учреждения» была посвящена рассуждениям об участившейся несправедливой критике деятельности земств (*С.-Петербургские ведомости*, 1867: 17-18 фев.).

Еще с момента введения реформы в 1864 г. ее создателями закладывалась идея дуализма в государственном управлении: с одной стороны, система местного самоуправления, основанная на выборности ее членов, а с другой – коронная администрация, основанная на самодержавии и вертикали власти. Несмотря на замысел создателей Земской реформы, успешное взаимодействие этих двух ветвей управления было затруднено, а скорее, наоборот, – они противоречили друг другу. Земства были заинтересованы в введении третьего уровня земств, который представлял бы собой центральное земство, координирующее деятельность всех земств государства. Стоит отметить, что вопрос о компетенции земств выглядел довольно острым для современников Земской реформы: «Если нельзя ожидать в скором времени устранения такого в высшей степени аномального положения вещей в нашем самоуправлении путем законодательным, то нельзя не желать, чтобы сами губернские земства обратили, наконец, большее внимание на вопрос об их компетенции и затем сами постарались, путем расширения сферы ее, устранить такое положение вещей, так как и им, к счастью, существующий закон открывает к этому полную возможность, предоставление права брать ту или другую отрасль земского дела в свое заведование посредством принятия необходимых на нее расходов за счет губернского сбора» (*Анненков*, 1890: 99).

Коронная администрация в свою очередь была больше заинтересована в сохранении установленного политического и управленческого строя. Как справедливо отмечают исследователи, «...одним из недостатков земского самоуправления была ограниченность его компетенции в рамках общественно-хозяйственных вопросов. На практике провести четкую границу между полномочиями земств и администрации было крайне трудно. Это вело к путанице, дублированию функций, плодило на местах постоянные конфликты» (*Пилусова*, 2014: 118). Осуществляя контроль над деятельностью земств, коронная администрация имела рычаги влияния на рост оппозиционных настроений внутри органов местного самоуправления. Однако успешная работа земств в целях удовлетворения нужд местного населения способствовала, по мнению авторов, обессиливанию самодержавия путем отдаления народа от центральной власти, тем самым приблизив революционные потрясения начала XX века.

В данном контексте особый интерес представляет конфиденциальная записка министра финансов, статс-секретаря С.Ю. Витте, которая была адресована министру внутренних дел И.Л. Горемыкину. Министр финансов предлагал прекратить работу по расширению земских учреждений, указывая на их опасность для самодержавия в силу исторической тенденции развития земств: «Не предлагая упразднения существующих у нас земских учреждений, которые стали уже свершившимся фактом русской государственной жизни и при настоящем положении дела не представляют еще серьезной опасности для целостности нашего государственного строя, и, исходя из изложенных выше соображений, я высказывал однако же мысль о том, что всякое дальнейшее, т.е. и проектированное Вами территориальное расширение деятельности земства не соответствует государственной пользе и что для блага страны вообще и, в частности, для урегулирования отношений земских учреждений к местным органам Правительства и к центральной власти, – отношений, которые я, со своей стороны, никак не могу признать нормальными, – гораздо более целесообразна коренная реформа нашего местного управления...» (*Витте*, 1899: 4). Более века спустя, оценивая роль Земской реформы 1864 г. в истории нашего государства, можно с уверенностью говорить о правоте статс-секретаря С.Ю. Витте.

5. Заключение

1 января 1864 года императором Александром II было подписано «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», которое ввело в Российской империи начало функционирования выборных и всеобщих учреждений местного общественного самоуправления. Данную меру в целом можно назвать вынужденной, так как государству для его дальнейшего процветания необходимо было выходить на новый виток своего развития.

В целом Земскую реформу можно назвать довольно противоречивой. И современные и дореволюционные историки нередко расходились во мнении относительно ее успешности. То же самое можно сказать и об оценках реформы в периодической печати середины XIX – начала XX веков. Безусловно, реформа обладала существенным набором сильных сторон и преимуществ. Формирование земских учреждений оказало значительное влияние на экономическое, аграрное, просветительское и культурное развитие государства. Благодаря Земской реформе 1864 года в стране наблюдался рост уровня жизни. Путем развития таких направлений первостепенной важности, как здравоохранение и образование, в стране произошел стремительный прирост населения, а также уровень грамотности. В результате Земской реформы в Российской империи появилась целая когорта земских служащих: врачей, учителей и других просветителей, целью которых был труд во имя развития и облагораживания государства, а также просвещение и подъем культуры народа. Немаловажной заслугой Земской реформы можно также назвать укрепление роста гражданской активности населения, причем среди всех сословий.

Тем не менее, анализируя роль Земской реформы в утрате власти самодержавия, можно говорить о ее недостаточной проработанности, а также о некоторых ошибках правящих структур, выраженных в игнорировании ряда предлагаемых земствами инициатив, направленных на расширение границ их компетенций. Коронная власть стремилась ввести максимальные ограничительные меры, направленные на жесткий контроль деятельности земств в целях сохранения стратегии невмешательства земств в политическую жизнь государства. Однако по причине укрепления влияния земств на жизнь народа Российской империи, результатом данной стратегии, напротив, стал прогрессирующий рост революционных настроений в обществе, что в итоге привело к падению самодержавия.

Литература

Анненков, 1890 – Анненков К.Н. Задачи губернского земства. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890. [2], 99 с.

Веселовский, 1909 – Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет / Борис Веселовский. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, Т. 1: Бюджет. Медицина. Общественное призвание. Народное образование. Систематический указатель литературы по земским вопросам. 1909. XVI, 724 с.

Веселовский, 1914 – Веселовский Б.Б. Исторический очерк деятельности земских учреждений Тверской губернии (1864–1913 гг.) / Составлен Б.Б. Веселовским по поручению Тверской губернской земской управы. Тверь: Тверское губернское земство, 1914. [2], X, [4], 591 с.

Витте, 1899 – Витте С.Ю. Самодержавие и земство: Конфиденц. записка министра финансов статс-секр. С.Ю. Витте (1899 г.) / С предисл. и прим. Р.Н.С.; Печ. "Зарей". Stuttgart: I.H.W. Dietz nachf., 1901. XLIV, 212 с.

Гармиза 1957 – Гармиза В.В. Подготовка земской реформы 1864 года. М.: Изд-во Московского университета, 1957. 263 с.

Драгоманов, 1883 – Драгоманов М.П. Восемнадцать лет войны чиновничества с земством = Dix-huit ans lutte de la Bureaucratie avec les Zemstvos/ З.С. Geneve: H. Georg, 1883. Авт. установлен по изд.: Свод. кат. рус. нелег. и запрещ. печати XIX в.: Кн. и период. изд. 2-е доп. и перераб. изд. М., 1981. Ч. 1.

Завражин 2009 – Завражин А.В. Земская реформа 1864 года и развитие местного самоуправления в России // *Государственная служба*. 2009. № 1(57). С. 108-111.

Кизеветтер, 1917 – Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России. IX–XIX ст.: исторический очерк. Издание 2-е. М.: Задруга, 1917. 120 с.

Краткий очерк..., 1894 – Краткий очерк экономических мероприятий земств 23 губерний России: (1865–1892 гг.) / издание Полтавской губернской земской управы. Полтава: Тип. Л. Фришберга, 1894. [6], VI, 246 с.

Миронов, 2003 – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. 3-е изд., испр., доп. СПб., 2003. Т. 1. 549 с.

Мордовцев, 1877 – Мордовцев Д.Л. Десятилетие русского земства, 1864–1875. СПб.: В Тип. А.А. Краевского, 1877. [2], II, VI, 374 с.

Морозова, 2015 – Морозова Е.Н. История формирования концепции земской реформы: «соображения по проекту о земских учреждениях» Н.А. Милютина // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения»*. 2015. Т. 15. № 2. С. 26-32.

Московские ведомости, 1890 – Московские ведомости. 1890. 21 сентября.

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Пилусова, 2014 – Пилусова М.М. Отражение в периодической печати государственной земской политики (1860-е гг.) // *Вестник Брянского государственного университета*. 2014. № 2. С. 114-119.

Положение о губернских..., 1864 – Положение о губернских и уездных земских учреждениях; Правила о порядке приведения в действие Положения о земских учреждениях. Чернигов: Тип. Ильин. монастыря, 1864. 63 с.; 22. Прибавление к № 15 "Черниговских епарх. известий" 1864 г.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

[С.-Петербургские ведомости, 1867](#) – Санкт-Петербургские ведомости. 1867. № 48–49. 17–18 февраля.

[Шутов, 2011](#) – Шутов А.Ю. Роль Н.А. Милютина в подготовке земской реформы 1864 г. // Вестник Московского университета. Серия 12 «Политические науки». 2011. № 3. С. 58–76.

[Щербина, 1891](#) – Щербина Ф.А. Воронежское земство, 1865–1889 г.: историко-статистический обзор. Воронеж: Издание Воронежского губернского земства, 1891. 830 с.

[Denisov et al., 2022](#) – Denisov I.S., Allalyev R.M., Katsarskiy M.I., Smirnov M.G. Comparative Characteristics of the State of the Judicial System of the Russian Empire before and after the Judicial Reform of 1864. Part 1 // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1189–1196.

References

[Annenkov, 1890](#) – Annenkov, K.N. (1890) Zadachi gubernskogo zemstva [Tasks of the provincial Zemstvo]. Sankt-Peterburg: tip. M.M. Stasyulevicha, [2], 99 p. [in Russian]

[Denisov et al., 2022](#) – Denisov, I.S., Allalyev, R.M., Katsarskiy, M.I., Smirnov, M.G. (2022). Comparative Characteristics of the State of the Judicial System of the Russian Empire before and after the Judicial Reform of 1864. Part 1. *Bylye Gody*. 17(3): 1189–1196.

[Dragomanov, 1883](#) – Dragomanov, M.P. (1883) Vosemnadcat' let vojny chinovnichestva s zemstvom [Eighteen years of the bureaucracy's war with the Zemstvo] = Dix-huit ans lutte de la Bureaucratie avec les Zemstvos. Z.S. Geneve: H. Georg, 1883. Avt. ustanovlen po izd.: Svod. kat. rus. neleg. i zapreshch. pechati XIX v.: Kn. i period. izd. 2-e dop. i pererab. izd. M. Ch. 1. 538 p. [in Russian]

[Garmiza 1957](#) – Garmiza, V.V. (1957). Podgotovka zemskoj reformy 1864 goda [Preparation of the Zemstvo reform of 1864]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 263 p. [in Russian]

[Kizevetter, 1917](#) – Kizevetter, A.A. (1914) Mestnoe samoupravlenie v Rossii. IX – XIX st.: istoricheskij ocherk [Local self-government in Russia. IX – XIX centuries: historical essay]. Izdanie 2-e. Moskva: Zadruga, 120 p. [in Russian]

[Kratkij ocherk..., 1894](#) – Kratkij ocherk ekonomicheskikh meropriyatij zemstv 23 gubernij Rossii: (1865–1892 gg.) [A brief outline of the economic activities of the zemstvos of the 23 provinces of Russia: (1865–1892)]. Izdanie Poltavskoj gubernskoj zemskoj upravy. Poltava: Tip. L. Frishberga, 1894. [6], VI, 246 p. [in Russian]

[Mironov, 2003](#) – Mironov, B.N. (2003). Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [Social History of Russia during the Empire Period of XVIII – early XX centuries]. V 2 T. 3-e izd., ispr., dop. SPb. V.1. 549 p. [in Russian]

[Mordovcev, 1877](#) – Mordovcev, D.L. (1877). Desyatiletie russkago zemstva, 1864–1875 [The Decade of the Russian Zemstvo, 1864–1875]. Sankt-Peterburg: V Tip. A. A. Kraevskago, [2], II, VI, 374 p. [in Russian]

[Morozova, 2015](#) – Morozova, E.N. (2015). Istoriya formirovaniya koncepcii zemskoj reformy: "soobrazheniya po proektu o zemskikh uchrezhdeniyah" N.A. Milyutina [The history of the formation of the concept of zemstvo reform: "considerations on the project on zemstvo institutions" by N.A. Milyutin]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 15(2): 26–32. [in Russian]

[Moskovskie vedomosti, 1890](#) – *Moskovskie vedomosti*. 1890. Septeber, 21. [in Russian]

[OR RNB](#) – Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki [Department of Manuscripts of the Russian National Library].

[Pilyusova, 2014](#) – Pilyusova, M.M. (2014). Otrazhenie v periodicheskoy pechati gosudarstvennoj zemskoj politiki (1860-e gg.) [Reflection in the periodical press of the state zemstvo policy (1860s)]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2: 114–119. [in Russian]

[Polozhenie o gubernskih..., 1864](#) – Polozhenie o gubernskih i uezdnyh zemskikh uchrezhdeniyah; Pravila o poryadke privedeniya v dejstvie Polozheniya o zemskikh uchrezhdeniyah. [Regulations on provincial and county Zemstvo institutions; Rules on the procedure for putting into Effect the Regulations on Zemstvo Institutions]; Chernigov: tip. Il'in. monastyrya, 1864. 63 p.; 22. Pribavlenie k № 15 "Chernigovskih eparh. izvestij". [in Russian]

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

[S.-Peterburgskie vedomosti, 1867](#) – *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 1867. № 48–49. February, 17–18. [in Russian]

[Shcherbina, 1891](#) – Shcherbina, F.A. (1891) Voronezhskoe zemstvo, 1865–1889 g.: istoriko-statisticheskij obzor [Voronezh Zemstvo, 1865–1889: historical and statistical review]. Voronezh: izdanie Voronezhskogo gubernskogo zemstva, 830 p. [in Russian]

[Shutov, 2011](#) – Shutov, A.Yu. (2011). Rol' N.A. Milyutina v podgotovke zemskoj reformy 1864 g [The role of N.A. Milyutin in the preparation of the Zemstvo reform of 1864]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*. 3: 58–76. [in Russian]

[Veselovskij, 1909](#) – Veselovskij, B.B. (1909). Istoriya zemstva za sorok let [The history of the Zemstvo for forty years]. Sankt-Peterburg: Izd-vo O. N. Popovoj, V. 1: Byudzhet. Medicina. Obshchestvennoe prizrenie. Narodnoe obrazovanie. Sistemicheskij ukazatel' literatury po zemskim voprosam. XVI, 724 p. [in Russian]

Veselovskij, 1914 – *Veselovskij, B.B.* (1914). Istoricheskij ocherk deyatel'nosti zemskih uchrezhdenij Tverskoj gubernii (1864–1913 gg.) [Historical sketch of the activities of zemstvo institutions of Tver province (1864–1913)]. Sostavlenn B.B. Veselovskim po porucheniyu Tverskoj gubernskoj zemskoj upravy. Tver': Tverskoe gubernskoe zemstvo. [2], X, [4], 591 p. [in Russian]

Vitte, 1899 – *Vitte, S.Yu.* (1899). Samoderzhavie i zemstvo : Konfidenc. zapiska ministra finansov stats-sekr. S.Yu. Vitte [Autocracy and Zemstvo: Confidential. Note by the Minister of Finance, State Secretary S.Y. Witte]. S predisl. i prim. R.N.S.; Pech. "Zarej". Stuttgart: I.H.W. Dietz nachf., 1901. XLIV, 212 p. [in Russian]

Zavrzhin 2009 – *Zavrzhin, A.V.* (2009). Zemskaya reforma 1864 goda i razvitie mestnogo samoupravleniya v Rossii [The Zemstvo Reform of 1864 and the development of local self-government in Russia]. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 1(57): 108-111. [in Russian]

Влияние Земской реформы 1864 года на развитие истории Российской империи

Антон Владимирович Гурко^{a,*}, Рауль Сергеевич Джинджолия^b,
Сергей Николаевич Рожнов^c, Кристина Дмитриевна Савицкая^d

^a Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^b МИРЭА Российский технологический университет, Москва, Российская Федерация

^c РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Москва, Российская Федерация

^d Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой, Новополоцк, Республика Беларусь

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена одному из крупнейших преобразований в эпоху Великих реформ Александра II – Земской реформе 1864 года. В данном исследовании авторами был произведен анализ причин, ставших предпосылками к необходимости введения Земской реформы, а также рассмотрен вклад в ее разработку таких государственных деятелей, как директор Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел Н.А. Милютин, а также министр внутренних дел П.А. Валуев. В статье рассматривается понятие земства, а также его ключевые принципы: всеословность и выборность. Авторы статьи подробно исследовали структуру земских собраний, порядок назначения их членов, порядок формирования земских собраний, а также компетенцию земств и их ключевые функции. Кроме этого, авторы проанализировали порядок формирования и источники земского бюджета. Особое внимание было уделено ими вопросам значения Земской реформы и ее влияния на развитие Российской империи, а также высказанным в периодической печати и конфиденциальных записках мнениям и спорам относительно самих органов местного самоуправления и их компетенции. Были проанализированы как положительные стороны Земской реформы, так и критика известных государственных деятелей, в том числе и министра финансов Российской империи Витте С.Ю. в адрес реформы. Авторы статьи приводят статистические данные, подтверждающие достижения Земской реформы и ее успешное влияние на развитие Российской империи, но в то же время рассуждают на тему значительного воздействия Земской реформы на приход революционных потрясений в начале XX века.

Ключевые слова: Российская империя, Александр II, Земская реформа, земства, земские собрания, Великие реформы Александра II, бюджет земств, министр финансов С.Ю. Витте.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gurkoantonwork@gmail.com (А.В. Гурко)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1796-1803
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1796

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Functional Potential of the Finnish Gendarmes during the Great Reforms of Alexander II

Pavel S. Seleznev ^{a,*}, Olga V. Panina ^a, Valery N. Belik ^a, Elena G. Bagreyeva ^a

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The study is devoted to the study of the functional potential of the Finnish gendarmes during the great reforms of Alexander II. The methodological basis of the work includes elements of structural, comparative and genetic analysis. The source base was formed by attracting office materials deposited in the fund of the Third Branch of His Own Imperial Majesty's Chancellery. The study of the collected material led to the conclusion that the functional potential of the gendarmes operating on the territory of the Grand Duchy during the reforms of Alexander II was significantly limited. The scope of the rights of employees of the local gendarmerie department gave them the opportunity to fully implement only tasks related to monitoring the situation inside Finland. Many significant functions traditionally associated with the work of the secret police were delegated to the governor-general, whose position allowed him to pursue a policy independent of the opinion of the leadership of the regional gendarmes. In this situation, the gendarmes could implement their initiatives only with the support of the governor-general and, in some cases, the emperor himself. The central leadership of the Gendarmes Corps did not always react in the expected way to the signals coming from the regional administration. The state of affairs was aggravated both by the small number of gendarmerie apparatus in the Grand Duchy and by the excessively wide range of duties of the Corps employees. In the latter case, the actions of the gendarmes were also hampered by the fact that they often did not have the proper amount of rights, while the local departments vested with them were staffed mainly by representatives of the indigenous population, many of whom were opposed. The most striking example in this case is the participation of gendarmes in censorship activities. As a result, the effectiveness of the work of the gendarme apparatus in the Grand Duchy directly depended on the support of its initiatives from the local and central leadership.

Keywords: gendarmes, Finland, Alexander II, great reforms, potential.

1. Введение

Изучение истории Корпуса жандармов в Российской империи традиционно отличает высокая степень политизации. Соответствующие сюжеты зачастую изучаются либо в ключе апологетики, либо в рамках демонизации. При этом исследователи предпочитают концентрировать внимание на процессах макроуровня либо освещать их в рамках изучения биографии и личного вклада в дело обеспечения общественного порядка в империи конкретных исторических деятелей.

В то же время зачастую игнорируется то обстоятельство, что мнения, оценки и планы представителей центрального аппарата далеко не всегда отражали позицию жандармов, работавших на территории конкретных регионов.

Равным образом в опубликованных исследованиях зачастую игнорируется такой важный фактор, как влияние на работу жандармов специфики правового статуса конкретных территорий

* Corresponding author

E-mail addresses: PSeleznev@fa.ru (P.S. Seleznev), ol87691@gmail.com (O.V. Panina), 7226905@mail.ru (V.N. Belik), bagreg@yandex.ru (E.G. Bagreyeva)

империи, взаимоотношений представителей корпуса с местными элитами и руководителями территориального административного аппарата.

Естественным следствием этого стало возникновение множества лакун в доступной научному сообществу системе знаний о работе Корпуса жандармов. Равным образом указанные факторы способствовали искажению представлений как об эффективности, так и условиях его работы. Более того, обозначенные тенденции способствовали возникновению структурных диспропорций в степени научной разработанности темы. Как результат, несмотря на достаточно высокий уровень осведомленности о деятельности жандармского аппарата в целом, работа его представителей в стратегически значимых регионах зачастую изучалась по остаточному принципу.

Наглядным примером в данном случае может служить история деятельности жандармов в Великом княжестве Финляндском в период великих реформ Александра II. Именно на протяжении этого временного отрезка, с одной стороны, были сформированы важнейшие предпосылки для развития национального и революционного движения в Финляндии, а также превращения Великого княжества в «опорную территорию» противников действующей власти в дальнейшем. С другой стороны, именно в этот период в Великом княжестве был сформирован жандармский аппарат, относящийся к современной модели организации спецслужб, т.е. возникла структура, способная на системной основе противодействовать политическим экстремистам.

Значимость изучения истории становления и развития жандармского аппарата в Финляндии в обозначенный период обуславливает не только полезный потенциал данного направления работы с точки зрения усовершенствования системы представлений об эволюции правоохранительных органов в Российской империи. Разработка данного направления дает возможность уточнить информацию относительно национальной, кадровой и культурной политики Александра II, реконструировать контекст миграционных процессов и расширить объем знаний относительно специфики управленческой культуры российского чиновничества.

Цель представленного исследования заключается в изучении функционального потенциала финляндских жандармов в период великих реформ Александра II.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования была сформирована в первую очередь за счет использования делопроизводственных материалов, отложившихся в фонде Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Материалы последнего находятся на хранении в Государственном архиве Российской Федерации (далее – ГАРФ). Основной акцент был сделан на использовании данных 1-й и 3-й экспедиций за период 1867–1880 гг.

Методологическая основа работы выстроена на основе сочетания элементов структурного, сравнительного и генетического анализа.

Применение структурного анализа позволило реконструировать систему управления подразделениями Корпуса жандармов на территории Финляндии. Сравнительный анализ (в диахронной разновидности) дал возможность сопоставить состояние анализируемых объектов на протяжении разных отрезков исследуемого периода. Обращение к генетическому анализу сделало возможной интерпретацию явлений и процессов с учетом обстоятельств их происхождения.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии деятельность жандармов рассматривалась по большей части в контексте освещения цензурной политики российских властей в Финляндии и взаимодействия представителей корпуса с генерал-губернаторами (Бородкин, 1908; Гильфердинг, 2009; Липранди, 1909; Мессарош, 1897; Морозов, 1895).

В рамках советской историографии тема также разрабатывалась преимущественно косвенным образом: исследователи затрагивали отдельные ее аспекты в рамках изучения смежных вопросов либо в контексте изучения данных, собранных жандармами относительно работы таможи, социально-экономического положения в княжестве, обеспечения населения продовольствием и т.д. (Бобович, 1968; Корнилов, 1971; Лайдинен, 1982; Похлебкин, 1975; Суни, 1963).

В современный период интересующая нас проблематика исследовалась чаще всего в контексте иных тем. Так, деятельность жандармов в Великом княжестве получила освещение в исследованиях, посвященных национальной политике властей империи (Вортман, 1999; Дякин, 1995; Кудряшев, 2013; Миллер, 2007; Мюллер и др., 2017; Погодин, 2015; Погодин, Рябова, 2016; Симонов, 2003; Сосновских, 2016), взаимодействию представителей корпуса с местными администрациями (Бибиков, 2019; Бикташева, 2015) и трансформации режима управления Финляндией (Ланко, 2020; Швейцер, 2015). Напрямую деятельность жандармов в Великом княжестве рассматривала лишь М.Г. Загора, однако ее исследования носят во многом биографический характер, поскольку ориентированы преимущественно на изучение деятельности конкретных штаб-офицеров Корпуса.

Таким образом, степень научной разработанности темы характеризует высокий уровень фрагментарности, поскольку по большей части она исследовалась в контексте изучения более широких по объему вопросов либо смежной проблематики.

4. Результаты

Обращаясь напрямую к заявленной теме, в первую очередь необходимо отметить, что период великих реформ Александра II стал для работавших в Финляндии жандармов периодом масштабных перемен в организационном и функциональном плане. И это требует предварительных пояснений за счет обращения к событиям предшествующего периода.

Корпус жандармов (в 1836 г. переименованный в Отдельный Корпус жандармов) был сформирован в 1827 г. Данная структура управлялась Третьим отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее – Третье отделение). Главой (или шефом) корпуса являлся сам начальник Третьего отделения. Функционал жандармов включал в себя защиту и обеспечение государственного и общественного порядка. При этом указанная цель трактовалась в максимально широких рамках, и потому сфера их деятельности охватывала почти все стороны жизни общества ([Бикташева, 2015: 135](#)).

С 1827 г. Великое княжество, наряду с Санкт-Петербургской, Архангельской и иными соседними губерниями, было организационно включено в Первый жандармский округ. В Гельсингфорсе размещался административный центр одного из пяти отделений округа. Присутствие жандармов на территории региона большую часть времени ограничивалось тремя городами – Выборгом, Або и Куопио. Размещенные здесь жандармские команды были призваны решать достаточно узкий круг задач. В частности, в 1836 г. глава жандармов А.Х. Бенкендорф сообщал генерал-губернатору Великого княжества о том, что жандармы могут использоваться в целях «наведения» порядка в государственных или частных театрах, а также в ходе публичных мероприятий, включая балы, маскарады и даже похороны ([Загора, 2020a: 41](#)).

Однако во второй половине 1860-х гг. сложившаяся ранее система подверглась существенным трансформациям. В 1867 г. были упразднены жандармские округа, которые заменили территориальные управления, в том числе – Финляндское жандармское управление. Его сотрудникам поручалась организация надзора за политической благонадежностью жителей Великого княжества, иностранцами и работой местных властей. Также в круг обязанностей жандармов входило наблюдение за подозрительными лицами, особо опасными уголовными преступниками. Неофициально им было доверено осуществлять контроль за деятельностью СМИ и театров. В частности, жандармы собирали информацию о пропущенных местной цензурой оппозиционных публикациях в газетах и содержании театральных постановок (особенно пристально отслеживалась ситуация в шведском театре в Гельсингфорсе) ([ГАРФ. Ф. 109. Оп. 46. Д. 5. Ч. 10. Л. 41-47, 53-55; Загора, 2020b: 15](#)).

Однако на практике жандармские офицеры зачастую произвольно выходили за пределы очерченного им круга обязанностей. В частности, жандармы проявляли повышенное внимание к эпизодам бытового насилия между российскими военнослужащими и местными жителями. Большой интерес представители управления проявляли и к деятельности вновь открытого в 1863 г. сейма – собрания сословий Великого княжества. С середины 1870-х гг. жандармы также начали составлять отчеты, посвященные персоналиям наиболее влиятельных лиц в общественной, экономической и политической жизни региона. Отдельно проводился мониторинг управления Великого княжества генерал-губернатором (в Санкт-Петербург направлялась информация в том числе о результатах личного общения главы региона с начальником жандармского управления) ([ГАРФ. Ф. 109. Оп. 45. Д. 5. Ч. 16. Л. 52-65; Очерк устройства..., 1872: 10](#)).

Административные структуры жандармского управления размещались в Гельсингфорсе. Здесь находилась его канцелярия и главный наблюдательный состав – орган прямого надзора, включавший в себя унтер-офицеров и конную команду. Дополнительные наблюдательные составы также были созданы в Выборге и Або – городах с наибольшей долей русскоязычного населения. В 1868 г. было принято решение направить унтер-офицеров еще в 5 финляндских городов – Порвоо, Уусикаупunki, Лаппеенранте, Кююрёля и Наантали (последний впоследствии решили заменить в перечне объектов наблюдения на Сало). В 1874–1875 гг. особый режим контроля со стороны жандармов также действовал в Тавастгусе ([ГАРФ. Ф. 109. Оп. 162. Д. 49. Л. 44-45; Военное обозрение..., 1876: 12](#)).

В 1870 г. в Финляндии появилась также обособленная структура Корпуса – Жандармское полицейское управление Финляндских железных дорог. Его сотрудникам было поручено осуществлять таможенный досмотр грузов и паспортный контроль граждан на железной дороге между Санкт-Петербургом и Гельсингфорсом ([Загора, 2020b: 17](#)).

Обращаясь непосредственно к анализу деятельности жандармов на территории Финляндии, стоит отметить, что в первой половине 1860-х гг. жандармское управление ужесточило надзор за деятельностью театров, поскольку последние все чаще начали выступать в качестве площадки для политической агитации. В частности, в конце 1866 г. в шведском театре Гельсингфорса была поставлена пьеса «Время в качестве директора театра», в которой в аллегорической форме отображалась общественно-политическая ситуация в Великом княжестве. В качестве положительных персонажей в ней были представлены «рыцарь Сейм» и «госпожа Пресса», в роли отрицательных – «господин Аристократ» и «Милитарист». Последние представляли собой образцы «обрусевшего» дворянства и российского офицера, соответственно ([ГАРФ. Ф. 109. Оп. 41. Д. 5. Ч. 1. Л. 12-15](#)).

Примечательно, что генерал-губернатор Н.В. Адлерберг предпочитал игнорировать политизацию театра, вероятно, рассматривая ее как способ канализации недовольства. По этой причине руководству жандармского управления приходилось на постоянной основе акцентировать внимание на соответствующей проблематике в рамках общения с генерал-губернатором. Однако эти усилия не приносили желаемого результата. Так, Н.В. Адлерберг лично снял запрет с демонстрации пьесы «Время в качестве директора театра», несмотря на возражения жандармов, включая главу управления полковника А.Р. Тобизена (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 42. Д. 5. Ч. 9. Л. 21).

Генерал-губернатор, как правило, поддерживал предложения жандармов об ужесточении политики контроля за театральными постановками лишь в ситуациях, когда их демонстрация напрямую приводила к беспорядкам. Так, в 1874 г. в шведском театре Гельсингфорса была поставлена пьеса, сюжет которой был выстроен вокруг актуальной на тот момент теме вывоза финского леса. Согласно сюжету пьесы, хищническую эксплуатацию ресурсов Финляндии поддерживали проживавшие в Великом княжестве этнические шведы, в то время как противостоявшие им представители автохтонного населения решительно осуждали такую политику. Демонизация шведов в итоге спровоцировала массовую драку между присутствовавшими в театре студентами Александровского университета, представлявшими обе этнические группы (Бородкин, 1908: 72; ГАРФ. Ф. 109. Оп. 160. Д. 115. Л. 77).

В рамках контроля над финской прессой жандармы выполняли скорее мониторинговые функции, не обладая правом для организации прямой цензуры, которая оставалась прерогативой местных чиновников, преимущественно этнических финнов или шведов. По этой причине жандармы ограничивались сбором информации и формированием донесений для генерал-губернатора и представителей центральной власти. В данном случае жандармы могли рассчитывать на использование инструментов косвенной цензуры: в июне 1869 г. Н.В. Адлербергу было предоставлено право закрывать шведские и финские газеты по своему усмотрению (однако он так им и не воспользовался) (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 43. Д. 5. Ч. 16. Л. 71; Великое княжество Финляндское, 1872: 11).

Особое внимание уделялось перепечаткам из шведских и иных зарубежных газет, помещаемым в местной прессе. Однако творчество финских журналистов также неоднократно привлекало внимание жандармов. С 1867 г. в Великом княжестве действовал закон о печати, предполагавший использование предварительной цензуры. Однако это не лишило журналистов возможности критиковать действующую власть посредством эзопова языка. Например, в декабре 1869 г. в газете «Hufvudstadsblade» вышла статья, в которой при освещении биографии отрицательных персонажей античной истории использовались узнаваемые черты поведения генерал-губернатора Н.В. Адлерберга (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 44. Д. 5. Ч. 11. Л. 51-53).

Обеспокоенность у жандармов вызывали не только публикации в прессе, посвященные текущему положению внутри империи или деятельности конкретных чиновников. Жандармы отслеживали статьи, посвященные совместной истории Финляндии, Швеции и России. Последние зачастую несли в себе четкий отпечаток свеннофильской (шведскофильской) позиции либо косвенно подводили читателя к мысли о том, что присоединение Финляндии к России было невыгодно жителям Великого княжества и носило подчеркнуто насильственный характер (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 164. Д. 24. Л. 32-34; Гильфердинг, 2009: 81).

Помимо прессы и театров, жандармы концентрировали внимание на настроениях среди студенчества, а точнее – учащихся Императорского Александровского университета в Гельсингфорсе. В данном случае необходимо отметить, что для данного учебного заведения были характерны регулярные академические контакты с Упсальским университетом. Жандармы рассматривали их как источник распространения «скандинавизма», т.е. условного учения об общей идентичности народов Скандинавии, и прошведских настроений среди местных элит и интеллигенции. Необходимо отметить, что донесения финляндских жандармов в данном плане вызвали серьезную обеспокоенность у центрального руководства, и весной 1871 г. в Санкт-Петербурге даже рассматривали возможность закрытия университета (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 165. Д. 26. Л. 58-59; Мессарош, 1897: 57).

Опасения у жандармов вызывали и усилия студентов по распространению грамотности среди населения. Занятия с крестьянами и мещанами рассматривались как скрытая форма политической агитации, и в 1875 г. жандармам даже удалось добиться у генерал-губернатора приказа на установление тайного наблюдения за студентами (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 165. Д. 26. Л. 101, 103).

Важным участком работы жандармов был сбор информации об урожайности и состоянии продовольственного рынка. После крупномасштабного голода, произошедшего на рубеже 1860–1870-х гг., жандармы начали на регулярной основе осуществлять мониторинг урожайных заготовок и зерновых запасов в Великом княжестве. Соответствующая информация собиралась как в ходе инспекторских поездок жандармских офицеров, так и от агентуры. При этом полученные данные впоследствии использовались с целью верификации аналогичных сведений, направленных руководству империи генерал-губернатором (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 165. Д. 29. Л. 112; Липранди, 1909: 41).

Особого внимания заслуживает такая функция жандармов, как сбор информации о наиболее влиятельных фигурах в Великом княжестве. Отсутствие единой методики приводило к тому, что

система анализа и описания наиболее влиятельных и авторитетных лиц носила во многом интуитивный характер и несла на себе отпечатки субъективизма. По этой причине имели место эпизоды, когда направленные в головное подразделение Третьего отделения отчеты финляндских жандармов воспринимались как не заслуживающие внимания. Однако большая часть поступавшей в Санкт-Петербург информации расценивалась все же как обладающая высокой значимостью (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 165. Д. 27. Л. 81-82, 93-95, 102-107).

В то же время необходимо отметить, что внимание жандармов в данном плане концентрировалось преимущественно на ключевых чиновниках местных администраций и их ближайших подчиненных (включая адъютантов). Как правило, авторитетные представители общественности и деловых кругов получали со стороны жандармов куда меньше внимания (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 165. Д. 31. Л. 45-53).

В плане организации отчетности и делопроизводства для финляндских жандармов в рассматриваемый период в целом был характерен высокий уровень дисциплины. Случаи, какие-либо значимые ситуации отражались в бумагах на местном уровне, но опускались при информировании центра, носили лишь эпизодический характер. В частности, в 1866 г. был зарегистрирован лишь один такой случай: жандармы сообщили в Санкт-Петербург о взыскании штрафа с редактора газеты «Helsingfors Dagblad» за размещение перепечатанной из зарубежного издания публикации предосудительного характера, но, как выяснилось, ранее не уведомили руководство о самом появлении этой статьи (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 165. Д. 25. Л. 97-99).

5. Заключение

Подводя итоги исследования, мы можем заключить, что функциональный потенциал финляндских жандармов в период великих реформ Александра II был существенно ограничен. Объем прав представителей корпуса позволял им относительно полноценно реализовывать лишь задачи, связанные с мониторингом ситуации в регионе. Многие функции, традиционно ассоциируемые с тайной полицией, фактически были переданы генерал-губернатору, положение которого позволяло проводить политику, независимую от мнения руководства местного жандармского управления. Жандармы могли полноценно реализовывать свои инициативы лишь в случае поддержки со стороны генерал-губернатора и в отдельных случаях – самого императора. Финляндское жандармское управление, как и прочие территориальные органы Корпуса, не пользовалось абсолютным доверием со стороны руководства Третьего отделения, в силу чего центральное руководство далеко не всегда реагировало ожидаемым образом на сигналы, поступающие из Великого княжества. Ситуацию усугубляли, с одной стороны, малочисленность жандармского аппарата в Великом княжестве, а с другой – предельно широкий круг обязанностей сотрудников Корпуса. В последнем случае действия жандармов затрудняло еще и то, что они зачастую не обладали должным объемом прав, в то время как наделенные ими местные ведомства комплектовались преимущественно представителями коренного населения, многие из которых были настроены оппозиционно. Наиболее ярким примером в данном случае может служить участие жандармов в цензурной деятельности. Как следствие, эффективность работы жандармского аппарата в Великом княжестве напрямую зависела от поддержки его инициатив со стороны местного и центрального руководства.

Литература

- Бибиков, 2019 – Бибиков Г.Н. Надзор III отделения за частной жизнью губернских чиновников (1820–1830-е гг.) // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2019. Т. III. № 2. С. 79-108.
- Бикташева, 2015 – Бикташева А.Н. Жандармы и модернизация местного управления в России (опыт и перспективы изучения) // *Quaestio Rossica*. № 2. 2015. С. 132-143.
- Бобович, 1968 – Бобович И.М. Русско-финляндские экономические отношения накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1968.
- Бородкин, 1908 – Бородкин М.М. История Финляндии. Т. VI. Время императора Александра II. СПб., 1908.
- Великое княжество Финляндское, 1872 – Великое княжество Финляндское. Очерк. Издание редакции народного журнала «Мирской Вестник». СПб., 1872.
- Военное обозрение..., 1876 – Военное обозрение Финляндского военного округа. Гельсингфорс, 1876.
- Вортман, 1999 – Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // *РОССИЯ/RUSSIA*. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. М.: ОГИ, 1999. С. 233-244.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Гильфердинг, 2009 – Гильфердинг А.Ф. Россия и ее иносторонние окраины на западе / Россия и славянство. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 278-295.
- Дякин, 1995 – Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // *Вопросы истории*. 1995. № 9. С. 130-142.

Загора, 2020a – Загора М.Г. Жандармский контроль в Великом княжестве Финляндском в XIX в. // *Вестник Ярославского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2020. № 3 (сентябрь). С. 40-44.

Загора, 2020b – Загора М.Г. На службе империи: начальник финляндского жандармского управления Август Тобизен (1810–1885) // *Человеческий капитал*. 2020. № 9. С. 11-24.

Корнилов, 1971 – Корнилов Г.Д. Русско-финляндские таможенные отношения в конце XIX – начале XIX вв. Л., 1971.

Кудряшев, 2013 – Кудряшев В.Н. Идея русской нации в общественно-политической мысли России второй половины XIX в.: проблемы национальной идентичности // *Сибирские исторические исследования*. 2013. № 1. С. 58-66.

Лайдинен, 1982 – Лайдинен А.П. Социально-экономические реформы 50–70-х годов в Финляндии. Л., 1982.

Ланко, 2020 – Ланко Д.А. Модернизация в окружении: случай Финляндии. Часть II: вторая половина XIX – начало XX века. СПб., 2020.

Липранди, 1909 – Липранди А.П. Финляндский вопрос. СПб., 1909.

Мессарош, 1897 – Мессарош П.И. Финляндия – Государство или Русская Окраина? СПб., 1897.

Миллер, 2007 – Миллер А.И. Русский национализм в империи Романовых / Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 332-350.

Миронов, 2003 – Миронов Б.Н. Социальная история периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2003. Т. 1. 547 с.

Морозов, 1895 – Морозов П. Финляндия в торгово-промышленном отношении. СПб., 1895.

Мюллер и др., 2017 – Мюллер А.М., Рябова А.Л., Саблина М.А. Национальная политика Александра III // *Россия в глобальном мире*. 2017. № 11(34). С. 201-208.

Очерк устройства..., 1872 – Очерк устройства правления Великого княжества Финляндского. СПб., 1872.

Погодин, 2015 – Погодин С.Н. Фенномания и процесс становления национального самосознания в Российской империи в XIX веке // *Международные отношения и диалог культур*. 2015. № 3 (2014). С. 347-356.

Погодин, Рябова, 2016 – Погодин С.Н., Рябова А.Л. Первый период русификации Финляндии (1899–1905 гг.) // *Россия в глобальном мире*. 2016. № 9(32). С. 338-348.

Похлебкин, 1975 – Похлебкин В.В. СССР–Финляндия: 260 лет отношений. М., 1975.

Симонов, 2003 – Симонов В.А. Национальная политика Российской империи на территории Великого княжества Финляндского и реформирование власти в субъектах Российской Федерации // *Региональная и местная власть: проблемы реформирования*. Омск, 2003. С. 6-53.

Сосновских, 2016 – Сосновских А.В. Национальная политика Российской империи в отношении Финляндии в период конца XIX – начала XX века и ее влияние на развитие кризисной ситуации в государстве // *Социально-экономические науки и гуманитарные исследования*. 2016. № 11. С. 125-129.

Суни, 1963 – Суни Л.В. Финляндско-русские торговые отношения во второй половине XIX века. (1858–1885). Тарту, 1963.

Швейцер, 2015 – Швейцер Р. Консенсус в период между нарушениями конституции: российско-финляндские отношения от царствования Николая I до Февральского манифеста (1826–1899) // *Русский сборник: исследования по истории России*. Т. XVII. Россия и Финляндия. М., 2015. С. 144-197.

References

Bibikov, 2019 – Bibikov, G.N. (2019). Nadzor III otdeleniya za chastnoi zhizn'yu gubernskikh chinovnikov (1820–1830–e gg.) [Supervision of the III department over the private life of provincial officials (1820–1830s)]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. III(2): 79-108. [in Russian]

Biktasheva, 2015 – Biktasheva, A.N. (2015). Zhandarmy i modernizatsiya mestnogo upravleniya v Rossii (opyt i perspektivy izucheniya) [Gendarmes and modernization of local government in Russia (experience and perspectives of study)]. *Quaestio Rossica*. 2: 132-143. [in Russian]

Bobovich, 1968 – Bobovich, I.M. (1968). Russko-finlyandskie ekonomicheskie otnosheniya nakanune Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii [Russian-Finnish economic relations on the eve of the Great October Socialist Revolution]. L. [in Russian]

Borodkin, 1908 – Borodkin, M.M. (1908). Istoriya Finlyandii. T. VI. Vremya imperatora Aleksandra II [History of Finland. T. VI. Time of Emperor Alexander II]. SPb. [in Russian]

Dyakin, 1995 – Dyakin, V.S. (1995). Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX v.) [The national question in the internal politics of tsarism (XIX century)]. *Voprosy istorii*. 9: 130-142. [in Russian]

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].

Gil'ferding, 2009 – Gil'ferding, A.F. (2009). Rossiya i ee inorodcheskie okrainy na zapade (Russia and its foreign suburbs in the west). *Rossiia i slavyanstvo*. М. Pp. 278-295. [in Russian]

Kornilov, 1971 – Kornilov, G.D. (1971). Russko –finlyandskie tamozhennye otnosheniya v kontse XIX – nachale XIX vv. [Russian-Finnish customs relations in the late XIX – early XIX centuries]. L. [in Russian]

Kudryashev, 2013 – *Kudryashev, V.N.* (2013). Ideya russkoi natsii v obshchestvenno-politicheskoi mysli Rossii vtoroi poloviny XIX v.: problemy natsional'noi identichnosti [The idea of the Russian nation in the socio-political thought of Russia in the second half of the 19th century: problems of national identity]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 1: 58-66. [in Russian]

Laidinen, 1982 – *Laidinen, A.P.* (1982). Sotsial'no-ekonomicheskie reformy 50–70-kh godov v Finlyandii [Socio-economic reforms of the 50–70s in Finland]. L. [in Russian]

Lanko, 2020 – *Lanko, D.A.* (2020). Modernizatsiya v okruzhenii: sluchai Finlyandii. Chast' II: vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka [Modernization in the environment: the case of Finland. Part II: the second half of the 19th – the beginning of the 20th century]. SPb. [in Russian]

Liprandi, 1909 – *Liprandi, A.P.* (1909). Finlyandskii vopros [Finnish question]. SPb. [in Russian]

Messarosh, 1897 – *Messarosh, P.I.* (1897). Finlyandiya – Gosudarstvo ili Russkaya Okraina? [Finland – State or Russian Outskirts?]. SPb. [in Russian]

Miller, 2007 – *Miller, A.I.* (2007). Russkii natsionalizm v imperii Romanovykh. Natsionalizm v mirovoi istorii. [Russian nationalism in the Romanov Empire]. M., pp. 332-350. [in Russian]

Mironov, 2003 – *Mironov, B.N.* (2003). Sotsial'naya istoriya perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [The social history of the period of the empire (XVIII – beginning of the twentieth century)]. V 2 t. 3–e izd., ispr. i dop. SPb., Vol. 1. 547 p. [in Russian]

Morozov, 1895 – *Morozov, P.* (1895). Finlyandiya v torgovo–promyshlennom otnoshenii [Finland in trade and industry]. SPb. [in Russian]

Myuller i dr., 2017 – *Myuller, A.M., Ryabova, A.L., Sablina, M.A.* (2017). Natsional'naya politika Aleksandra III [National policy of Alexander III]. *Rossiya v global'nom mire*. 11(34): 201-208. [in Russian]

Ocherk ustroistva..., 1872 – Ocherk ustroistva pravleniya Velikogo knyazhestva Finlyandskogo [Essay on the structure of the government of the Grand Duchy of Finland]. 1872. SPb. [in Russian]

Pogodin, 2015 – *Pogodin, S.N.* (2015). Fennomaniya i protsess stanovleniya natsional'nogo samosoznaniya v Rossiiskoi Imperii v XIX veke [Fennomania and the process of formation of national identity in the Russian Empire in the XIX century]. *Mezhdunarodnye otnosheniya i dialog kul'tur*. 3: 347-356. [in Russian]

Pogodin, Ryabova, 2016 – *Pogodin, S.N., Ryabova, A.L.* (2016). Pervyi period rusifikatsii Finlyandii (1899–1905 gg.) [The first period of Russification of Finland (1899–1905)]. *Rossiya v global'nom mire*. 9(32): 338-348. [in Russian]

Pokhlebin, 1975 – *Pokhlebin, V.V.* (1975). SSSR – Finlyandiya: 260 let otnoshenii [USSR – Finland: 260 years of relations]. M. [in Russian]

Shveitser, 2015 – *Shveitser, R.* (2015). Konsensus v period mezhdunarudnykh narusheniyami konstitutsii: rossiisko-finlyandskie otnosheniya ot tsarstvovaniya Nikolaya I do Fevral'skogo manifesta (1826–1899) [Consensus in the period between violations of the constitution: Russian-Finnish relations from the reign of Nicholas I to the February Manifesto (1826–1899)]. *Russkii sbornik: issledovaniya po istorii Rossii*. T. XVII. Rossiya i Finlyandiya. M., Pp. 144-197. [in Russian]

Simonov, 2003 – *Simonov, V.A.* (2003). Natsional'naya politika Rossiiskoi imperii na territorii Velikogo knyazhestva Finlyandskogo i reformirovanie vlasti v sub'ektakh Rossiiskoi Federatsii [National policy of the Russian Empire on the territory of the Grand Duchy of Finland and the reform of power in the constituent entities of the Russian Federation]. *Regional'naya i mestnaya vlast': problemy reformirovaniya*. Omsk, Pp. 6-53. [in Russian]

Sosnovskikh, 2016 – *Sosnovskikh, A.V.* (2016). Natsional'naya politika Rossiiskoi imperii v otnoshenii Finlyandii v period kontsa XIX – nachala XX veka i ee vliyanie na razvitie krizisnoi situatsii v gosudarstve [The national policy of the Russian Empire in relation to Finland during the late XIX – early XX centuries and its influence on the development of the crisis in the state]. *Sotsial'no-ekonomicheskie nauki i gumanitarnye issledovaniya*. 11: 125-129. [in Russian]

Suni, 1963 – *Suni, L.V.* (1963). Finlyandsko russkie torgovye otnosheniya vo vtoroi polovine XIX veka. (1858–1885) [Finnish-Russian trade relations in the second half of the 19th century. (1858–1885)]. Tartu. [in Russian]

Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe, 1872 – Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe. Ocherk. Izdanie redaktsii narodnogo zhurnala «Mirskoi Vestnik» [Grand Duchy of Finland. Feature article. Publication of the editorial board of the people's magazine "Mirskoy Herald"]. 1872. SPb. [in Russian]

Voennoe obozrenie..., 1876 – Voennoe obozrenie Finlyandskogo voennogo okruga [Military Review of the Finnish Military District]. 1876. Gel'singfors. [in Russian]

Vortman, 1999 – *Vortman, R.* (1999). «Ofitsial'naya narodnost'» i natsional'nyi mif rossiiskoi monarkhii XIX veka [Political and economic situation of Jews in Russia]. *ROSSIYA/RUSSIA*. Vyp. 3 (11): *Kul'turnye praktiki v ideologicheskoi perspektive*. M., Pp. 233-244. [in Russian]

Zagora, 2020a – *Zagora, M.G.* (2020). Zhandarmskii kontrol' v Velikom knyazhestve Finlyandskom v XIX v. [Gendarmerie control in the Grand Duchy of Finland in the 19th century]. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. Nr 3 (sentyabr'). Pp. 40-44. [in Russian]

Zagora, 2020b – Zagora, M.G. (2020). Na sluzhbe imperii: nachal'nik finlyandskogo zhandarmskogo upravleniya Avgust Tobizen (1810–1885) [On the service of the empire: head of the Finnish gendarmerie department August Tobizen (1810–1885)]. *Chelovecheskii kapital*. 9: 11-24. [in Russian]

Функциональный потенциал финляндских жандармов в период великих реформ Александра II

Павел Сергеевич Селезнев ^{a, *}, Ольга Владимировна Панина ^a, Валерий Николаевич Белик ^a, Елена Геннадиевна Багреева ^a

^a Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Исследование посвящено изучению функционального потенциала финляндских жандармов в период великих реформ Александра II. Методологическая база работы включает в себя элементы структурного, сравнительного и генетического анализа. Источниковая база была сформирована за счет привлечения делопроизводственных материалов, отложившихся в фонде Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Изучение собранного материала позволило сделать вывод о том, что функциональный потенциал жандармов, действовавших на территории Великого княжества в период реформ Александра II, был существенно ограничен. Объем прав сотрудников местного жандармского управления давал им возможность полноценно реализовывать лишь задачи, связанные с мониторингом ситуации внутри Финляндии. Многие значимые функции, традиционно ассоциируемые с работой тайной полиции, были делегированы генерал-губернатору, положение которого позволяло ему проводить политику, независимую от мнения руководства регионального жандармского управления. В данной ситуации жандармы могли воплощать в жизнь свои инициативы только при условии поддержки со стороны генерал-губернатора и в отдельных случаях – самого императора. Центральное руководство Корпуса жандармов не всегда реагировало ожидаемым образом на сигналы, поступающие из регионального управления. Положение дел усугубляли как малочисленность жандармского аппарата в Великом княжестве, так и чрезмерно широкий круг обязанностей сотрудников Корпуса. В последнем случае действия жандармов затрудняло еще и то, что они зачастую не обладали должным объемом прав, в то время как наделенные ими местные ведомства комплектовались преимущественно представителями коренного населения, многие из которых были настроены оппозиционно. Наиболее ярким примером в данном случае может служить участие жандармов в цензурной деятельности. Как следствие, эффективность работы жандармского аппарата в Великом княжестве напрямую зависела от поддержки его инициатив со стороны местного и центрального руководства.

Ключевые слова: жандармы, Финляндия, Александр II, великие реформы, потенциал.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: PSeleznev@fa.ru (П.С. Селезнев), ol87691@gmail.com (О.В. Панина), 7226905@mail.ru (В.Н. Белик), bagreg@yandex.ru (Е.Г. Багреева)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1804-1811
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1804

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Local Self-Government and Traditional Institutions: Problems of the Influence of Historical and Cultural Heritage in Post-Reform Russia

Oksana V. Golovashina ^{a, *}, Sergey K. Lyamin ^a

^a Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract

This paper presents, drawing on archival records and published sources, problems in the local governments functioning that have emerged as a result of the Great Reforms. Theoretical and methodological background of the work are ideas of B. N. Mironov, A. Ribera, M. de Certeau. The authors emphasize that the responsibilities of the municipal government bodies had not been clearly defined, therefore, in practice, there were conflicts between them and the provincial administration or the estates bodies. Often the personal authority of powerful officials had precedence over the formal laws. Duma did not come into open conflict, but it used a variety of delays, which had a negative effect on the possibilities of dialogue between the local government and the previous government authorities. A work of self-government bodies was complicated by the fact that they almost did not have any material resources; new social and political institutions could not earn social respect without a demonstration of its concrete and practical effectiveness, which could not be achieved without public backing. Thus, it is possible to state a lack of independence of public self-governance in the analyzed period, as well as difficulties in the practical implementation of its activities. The reason is the fact that the modernized socio-political institutions have been functioning and interacting with each other in an environment of mainly traditional concepts.

Keywords: modernization, Great Reforms, local government, modernization theory, institutional economics, zemstvo, estates government.

1. Введение

Эпоха Великих реформ наметила в российском обществе тенденцию к внесословной самоорганизации, расширению возможностей различных социально-политических институтов в сфере децентрализации и самоуправления. Эти явления обозначились, прежде всего, в создании институтов местного всесословного самоуправления, что позволяет некоторым исследователям делать вывод о формировании в этот период пусть непрочной, но жизнеспособной структуры правового государства и гражданского общества (Линдмейер, 1992: 297). Однако мы исходим из того, что для объективной оценки процесса необходимо обратиться к исследованию реакции населения на работу этих институтов, потому что необходимость самоорганизации повлияла на изменение не только повседневности жителей, но и общественного сознания. В свою очередь на деятельность органов местного самоуправления также действовала инерция традиционного сознания жителей.

В центре внимания в данной работе находятся изменения традиционного образа жизни в рассматриваемый период под воздействием новых формальных социально-политических институтов и анализ того, как этот образ жизни изменял и адаптировал эти новые институты. На наш взгляд, такая постановка вопроса позволит иначе взглянуть на некоторые аспекты теории модернизации и возможности их применения.

* Corresponding author

E-mail addresses: ovgolovashina@urfu.ru (O.V. Golovashina), laomin@mail.ru (S.K. Lyamin)

2. Материалы и методы

Основными источниками в данной статье стали архивные и опубликованные материалы городских дум и управ Тамбовской губернии. Мы считаем, что результаты исследования в данном регионе могут быть использованы для изучения модернизационных процессов в Центральной России вообще. При этом некоторые частные аспекты теории модернизации более эффективно рассматривать на примере отдельных эпизодов, которые имеют не иллюстративное значение, а выступают в качестве примеров несоответствия заявленной стратегии и ее реализации на местах.

Задачи исследования диктуют необходимость использования как общенаучных методов (методы обобщения, анализа и синтеза, дедукции и индукции, аналогии), так и специальных исторических методов и приемов. Мы применяли историко-сравнительные методы, которые позволяют выявить общее и частное в сравниваемых объектах.

Теория модернизации в исторических работах часто объявляется теоретико-методологической основой (Martin, 2010), однако нам такая позиция представляется эвристически непродуктивной. В предлагаемой статье мы будем использовать категорию «осадочного общества», разработанную А. Рибером (Rieber, 1991), так как считаем, что эта модель, с одной стороны, позволяет осмыслить такие характерные для российской модернизации черты, как «многоукладность» или «мозаичность», с другой – она предлагает исследовательскую оптику для объяснения взаимовлияния состояния общественного сознания и модернизационной динамики через метафору «перегрева».

Так как целью нашей работы является не сама институциональная модернизация, а выявление причин ее недостаточной реализации, мы обратимся к повседневному уровню обыденных практик взаимодействия. В центре нашего внимания будут типичные реакции, представления, практики горожан, а не какие-либо исключительные явления или идеи немногих интеллектуалов того времени. В связи с этим полезными для данной работы могут послужить идеи французского исследователя повседневности М. де Серто (де Серто, 2013). Если М. Фуко, изучая государство и его отдельные институты, концентрировал внимание на «всеподнадзорности», то М. де Серто настаивал на реальности изменения навязанных порядков путем их «освоения». Тактика личности позволяет создавать себе свободное пространство в рамках, определяемых стратегией власти. Чтобы избежать навязанных теорией модернизации ярлыков, мы использовали некоторые идеи Й. Фабиана (Fabian, 2002), настаивающего на необходимости преодоления противопоставления знающего субъекта и пассивного объекта исследования.

3. Обсуждение

Б.Н. Миронов в своей недавно вышедшей фундаментальной монографии убедительно доказывает, что «концепция модернизации до сих пор является прагматичной и работоспособной при изучении исторической динамики, особенно России» (Миронов, 2015: 672). Вариантами адаптации теории модернизации для исследования различных периодов истории России и современной модернизационной динамики занимались также Н.Н. Зарубина (Зарубина, 1997), Н.Ф. Наумова (Наумова, 2006), А.В. Фадин (Фадин, 1995), а также авторы этой статьи (Головашина, 2013; Головашина, 2016; Zhukov, Lyamin, 2016) и др.

Однако теория модернизации в силу ее востребованности не только в научном дискурсе, но и различными политическими акторами сама становится объектом критики и дискуссий. Начиная с эпохи Просвещения и по сей день, модерном, современным считается то, что способствует объективному выражению спонтанно обновляющейся актуальности духа времени (Хабермас, 1992: 40). Концептуализация модерна связана с переосмыслением опыта экономической и культурной трансформации, которая характерна для некоторых западных государств, однако этот опыт, в силу его популяризации как в научном, так и общественно-политическом дискурсе, начинает претендовать на статус универсальной модели для всего остального мира. Таким образом, модернизацию можно интерпретировать как «постоянно воспроизводимый антитрадиционализм» (Межуев), «операционную фикцию» (Osborne, 2013: 81), однако линейность последовательного «осовременивания» противоречит отечественному социальному времени и вызывает естественную реакцию со стороны традиционных обществ, описанную вышеупомянутым А. Рибером.

Западные исследователи институционализма стараются избегать модернизационных схем (Autio-Sarasma, 2013; Dennison, 2011). Распространенной теоретической рамкой для исследования модернизационной динамики в западных работах является идея социетального институционализма, предложенная Д. Нортгом и Д. Найтом. Ее особенность заключается в том, что она рассматривает влияние различных неформальных институтов на экономическую и социокультурную динамику. На наш взгляд, проблемы соотношения формальных и неформальных институтов, сложности их взаимодействия оказали влияние на российскую модернизационную динамику и предопределили развитие модернизационного проекта в России. Г. Хелмке и С. Левицки (Helmke, Levitsky, 2004) обратили внимание на то, что изучение только формальных правил и институтов ограничивает применение институциональной теории, так как многие неформальные практики (например, клиентелизм и патримониализм, обычаи и т.д.) напрямую влияют на экономические, социальные и политические процессы, а также могут определять деятельность отдельных акторов.

4. Результаты

Одним из решений городской реформы 1870 года было предоставление широких полномочий местному самоуправлению. Соответствующее городское положение позволяло перейти от сословного управления к представительству, в основе которого лежал имущественный ценз – конечно, еще не совсем демократия, но все же это можно признать более прогрессивной практикой, если сравнивать с ситуацией до Великих реформ. Прогрессивным также можно назвать и законодательное появление определенной самостоятельности городских дум, их независимости от администрации.

Нельзя сказать, что появление нового городского положения 1870 года вызвало резкую трансформацию местного самоуправления, но определенные изменения происходили. Внесословный принцип позволил участвовать в работе местного самоуправления населению, относившемуся к различным социальным группам (Пажитнов, 1913: 26, 83, 85), однако степень их участия была различной, что являлось следствием целого ряда причин (материальная обеспеченность, социальный статус и т.д.). В качестве усложняющего фактора можно назвать то, что обязанности новых институтов не были описаны в каких-либо действующих законоположениях, что на практике приводило к постоянному вмешательству администрации в работу дум. Как и в дореформенный период, личное влияние отдельных губернаторов или каких-либо других высших чиновников, а также авторитетных представителей общественности оказывалось более значимым, чем то, что прописано в законах. В качестве примера можно привести случай из общественной жизни Тамбова – типичного провинциального губернского города. В конце 1884 года в Тамбовских губернских ведомостях появилась статья, посвященная деятельности комитета тамбовской богадельни. Претензию неизвестного автора вызывало то, что попечитель «избирается Думой не по собственному её усмотрению, а по указанию извне (выделено Авт.) ...За городской Думой осталось, на самом деле, право, или, лучше сказать, принудительная обязанность вознаграждать этого попечителя из скудных городских средств» (Тамбовские..., 1984). Автор возмущается не столько вмешательством в дела городской думы, сколько необходимостью содержать назначенного со стороны человека. Такую реакцию можно понять, если знать, что бюджет города был очень незначительным. Из-за того, что попечитель богадельни получил содержание из средств города, дума, например, не смогла обеспечить финансирование параллельных классов женской гимназии (ГАТО. Ф. 17. Оп. 11. Д. 5. Л. 11). Автор анализируемой статьи в Тамбовских губернских ведомостях настаивает на том, что интересы отдельных лиц не могут противоречить воле всего населения, которую должна выражать дума. Таким образом, автор относится к новому институту как инструменту общественного контроля, поэтому настаивает на его самостоятельности от внешних сил и необходимости защищать интересы представителей всех сословий.

Взаимоотношение попечительского комитета тамбовской богадельни и городской думы – пример определенной зависимости городского общественного самоуправления в пореформенный период. Причем давление оказывалось на новые структуры не только «сверху» (со стороны администрации), но и «снизу» (например, со стороны богатых горожан). Однако независимо от того, с какой стороны оказывалось это давление, принцип самоуправления оказывался дискредитированным, что вызывало недовольство горожан.

Городские думы пытались изменить ситуацию, в которой они не могли действовать самостоятельно, несмотря на закрепленные в городском положении права: демонстративно срывали выборы, устраивали повторные или мешали решениям вышестоящих органов. Так, П.П. Карцов прибыл со своей дивизией в Тамбов, где должен был встать лагерем. Однако, несмотря на прямое указание царя, организация лагеря сильно затянулась, потому что городская дума никак не могла согласовать все детали этого вопроса (Карцов, 1888: 412-413). «Начальствовать частью там, где нет земства и нет городских положений, гораздо легче, менее столкновений, меньше отношения к всевозможным учреждениям», – сделал свой вывод Карцов (Карцов, 1888: 400). Часто возникающие конфликты были невелики по масштабам, однако в самом их появлении можно было увидеть зачатки гражданского самосознания (Нардова, 1994: 180).

Интересно, но прямых открытых конфликтов между администрацией и городской думой в изученных нами документах зафиксировано не было, однако мы нашли много примеров разнообразных предлогов, которые помогли бы откладывать выполнение поручений, как в случае с лагерем Карцова. С одной стороны, это можно проинтерпретировать как слабость местного самоуправления перед лицом административной машины. Но с другой – эта практика является одним из способов сопротивления более сильным институтам, с которыми невозможен диалог. Сложившаяся ситуация не предоставляла какой-либо площадки, места для сотрудничества на равных, поэтому разногласия, которые постоянно возникали, подавлялись более сильными институтами, а недоверие между администрацией и общественностью росло.

Ситуацию усложняло то, что Великие реформы не могли привести к быстрой смене общественного сознания, следовательно, новым институтам приходилось взаимодействовать не только друг с другом, но и средой традиционных представлений, которые мешали формированию как политической культуры, так и возможностям какой-либо эффективной коммуникации между акторами. В исследуемый период и дума, и губернская администрация не могли транслировать модернизационные образцы в своей работе.

Их деятельность прежде всего протекала в поле повседневного взаимодействия жителей. А там, несмотря на происходившие изменения, продолжали доминировать традиционные установки. То есть деятельность новых, модернизированных институтов встречала сопротивление «осадочного общества» (Rieber, 1991), в котором отсутствовали практики взаимодействия с этими институтами. Эти практики не могли появиться только в результате какого-либо одного мероприятия, принятия закона или, к примеру, городского положения. Поэтому в пореформенный период и губернские власти, и общественность в целом осваивались в сложившейся ситуации в соответствии со своими, все еще традиционными представлениями о роли органов власти и положении влиятельных персон.

Зафиксированное законодательно разграничение полномочий органов самоуправления и губернской администрации не приводило к росту эффективности этих институтов. Наоборот, следствием описываемой нами ранее волокиты стало снижение уровня доверия со стороны населения к новым органам власти, что также не способствовало повышению их авторитета и развитию практик взаимодействия с ними. Властные субъекты, пользуясь путаницей, перекладывали ответственность друг на друга за случающиеся провалы. Ситуацию усложняло то, что органы самоуправления располагали довольно незначительными материальными средствами (Нардова, 1994: 250).

Следствием вышесказанного было то, что, как сообщают источники, жители города не стремились занимать общественные должности. В 1872 году купцы Степан Иванович Сорокин и Иван Алексеевич Багрянцев подали прошение об освобождении их от должности, потому что их личные «коммерческие дела» не оставляют им возможности исполнять общественные поручения (Журнал... 9.06.1872: 4). О финансовых причинах нежелания участвовать в деятельности городской думы заявляли и Михаил Федорович Дьяконов и Егор Александрович Селезнёв (Журнал... 13.03.1872: 46-48), однако это прошение не было удовлетворено, так как иначе возникли бы сложности в деятельности торговой депутации вообще, потому что других желающих занять эту должность не было (Журнал... 13.03.1872: 46-48). То есть, как свидетельствуют источники, жители города не считали работу в органах местного самоуправления способом защитить свои интересы или получить какие-либо выгоды, а, скорее, рассматривали ее в качестве не слишком приятной повинности. Плата за выполнение обязанностей не предполагалась, поэтому подобной деятельностью могли заниматься только довольно состоятельные граждане, однако общественная работа наносила вред той занятости, которая непосредственно приносила им доход.

Доминирование традиционных установок в общественном сознании населения проявилось в отношении к общегородском проблеме, разрешением которых должны были заниматься органы местного самоуправления. Например, городская дума обратила внимание на необходимость ремонта улиц, находящихся рядом с Базарной площадью. В городском бюджете средств на соответствующий ремонт не было, поэтому горожанам, проживающим на этих улицах, было предложено отремонтировать часть мостовой на свои средства. Для того чтобы результат всего ремонта не зависел от меняющихся финансовых возможностей жильцов, дума производила ремонт за собственные средства, которые согласившиеся собственники потом постепенно возвращали. Когда пришло время уплаты долга, один из горожан – купец А.М. Лоскутов – отказался возвращать долг, так как требуемая с него сумма (442 рубля 67 копеек) «в деле общественном весьма неблагоприятна в деле одного частного лица», тем более, подчеркнул Лоскутов, жители других домов, примыкающих к этому месту, «вообще не обременены ничем подобным»; а так как рядом находятся общественные здания, дума также обязана оплачивать мощение улиц (Журнал... 27.02.1874: 16-17). С одной стороны, можно сказать, что Лоскутов, делегируя городской думе заботу об общественном пространстве и соблюдая свой личный интерес, ведет себя как представитель формирующегося индустриального общества. С другой – это будет не совсем верно. Не просто отстаивание своего, положенного по закону права, а абсолютная непримиримость частного и общественного интереса – черта традиционного сознания. В этой модели разрешение противостояния общественного и частного возможно только в случае минимизации одного из интересов. Обычно частное «кладется на алтарь» общественного, однако может быть и другая ситуация. Человек в гражданском обществе ощущает себя свободным, в традиционной же культуре свобода невозможна, однако существует приоритет воли, которую можно определить как право без обязанностей, без оглядки на какие-либо социальные нормы.

Отдельно коснемся тех противоречий, которые постоянно возникали между земствами и новыми органами городского самоуправления. Горожане не видели ничего полезного в работе земств. Городской глава в 1883 году отмечал, что город вынужден нести колоссальные расходы (дороги, содержание управления, медицина и др.) в соответствии с Положением о земских учреждениях, однако никакой пользы от этих расходов нет. «Действия земской управы в одном только случае касаются города, именно взимание налога с города и его жителей на земские повинности» (ГАТО. Ф. 17. Оп. 2. Д. 100. Л. 23-26об.). Жители города также не считали земские повинности вложением в общее дело, которое принесет выгоды всем жителям. Получался порочный круг: новые институты не могли завоевать авторитет, так как горожане не видели конкретную эффективность их работы, а эта эффективность не могла получиться без поддержки общества.

В 1870-х годах с интересами общества у горожан все еще ассоциировались органы сословного самоуправления. Общество мещан г. Тамбова было создано в начале 1871 года «для заведования

делами общества» (*Журнал... 14.11.1872: 3*). Сразу возникла проблема размещения управы. По мнению членов общества, управа должна была находиться в общественном доме, в котором на тот момент располагались городские учреждения (*Журнал... 14.11.1872: 3*). Губернатор поддержал мещан, и обществу было временно выделено помещение, в котором прежде находилась квартирная комиссия (*ГАТО. Ф. 17. Оп. 3. Д. 45. Л. 1-106.*). Однако помещение показалось им тесным, и мещане стали требовать помещение женского училища, утверждая, что некоторые члены городской управы согласились на это (*ГАТО. Ф. 17. Оп. 3. Д. 45. Л. 106.*). Городская управа это отрицала, подчеркивая, что мещанская управа является сословным учреждением, следовательно, не имеет права на место в помещении, приобретенном на городские налоги (*Журнал... 9.06.1972: 4; ГАТО. Ф. 17. Оп. 3. Д. 45. Л. 4-406.*). «Что же касается ссылки мещанской управы на приговор свой 30 января 1871 года, где будто бы сказано, чтобы мещанская управа состояла при общественном доме, то приговор этот, постановленный без участия городской думы, как незаконное притязание на чужую собственность ни к чему не может обязывать городскую Думу» (*ГАТО. Ф. 17. Оп. 3. Д. 45. Л. 5-506.*). Поэтому мещанскую управу необходимо выселить из здания и «предоставить ей возможность поискать помещение вне городского общественного дома. По примеру других городов мещанская управа должна нанимать себе дом на собственные средства» (*Журнал... 9.06.1972: 4*).

Этот случай хорошо иллюстрирует недостаточную степень модернизации социальной структуры провинциального города к началу 1870-х. Горожане еще не представляли город как внесословную структуру, связанную общественным интересом, и не могли разобраться в полномочиях новых и старых органов власти. Следствием подобного отношения стал еще один случай. Священник кладбищенской церкви попросил у городской думы оплату караула при кладбище. Однако это финансирование было выделено бывшей городской думой, которая состояла в основном из купцов и мещан и пользовалась финансовыми возможностями соответствующих обществ, а новая дума таких обязательств нести не может (*Журнал... 27.02.1874: 15*). На повторный запрос священника дума ответила, что за содержание церквей отвечают их прихожане, а не все общество Тамбова, от лица которого говорит дума (*Журнал... 3.07.1874: 8*).

Таким образом, можно констатировать, что в пореформенной России корпоративное сознание доминировало над гражданским. Горожане не всегда понимали различия органов общественного и сословного самоуправления. То есть появившиеся элементы гражданского общества функционировали в поле традиционной культуры и свойственной ей представлений о сути социальных институтов. Конечно, это среда постепенно менялась, однако она и приспособлялась под себя новые общественно-политические организации, которые также адаптировались к влиянию среды. Новые институты гражданского общества не смогли быстро стать органичной частью городской среды, однако вынужденные к нему приспособляться горожане меняли и сами эти институты. Постепенно трансформировалось и общественное сознание жителей.

5. Заключение

Модернизационные преобразования в России второй половины XIX века сталкивались с инерцией традиционного сознания. Анализ источников показывает невозможность констатации независимости органов местного самоуправления от влиятельных граждан или местной администрации. Наряду с внесословными органами управления, продолжали существовать и сословные, и сферы их интересов постоянно пересекались. Это приводило к дискредитации принципа самоуправления как общественно-политического института, представляющего общие интересы жителей города. Ситуация осложнялась тем, что органы самоуправления располагали очень незначительными материальными возможностями, что также не способствовало желанию отдельных горожан принимать активное участие в работе этих институтов.

Таким образом, инерция традиционного общества препятствовала развитию гражданского самосознания. Органы местного управления вели свою деятельность в уже сложившейся системе сложных взаимоотношений корпоративных и сословных институтов, поэтому вынуждены были приспособляться к имеющимся моделям взаимодействия. Инерция традиционного сознания населения также мешала развитию практик гражданского общества, так как горожане не понимали специфику работы новых институтов и их роль в своей повседневной жизни.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Литература

Блинов, 1911 – Блинов И.А. Отношение Сената к местным учреждениям после реформ 60-х годов // История правительствующего Сената за 200 лет в 5 томах. СПб., 1911. Т. 4. С. 108-214.

ГАТО – Государственный архив Тамбовской области.

- Головашина, 2013 – Головашина О.В. Модернизация после модерна // *Вопросы культурологии*. 2013. № 10. С. 20-24.
- Головашина, 2016 – Головашина О.В. Трансформация методов трансляции опыта предыдущих поколений и проблема идентичности // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика»*. 2016. Т. 16. № 3. С. 249-253.
- де Серто, 2013 – де Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб., 2013. 330 с.
- Зарубина, 1997 – Зарубина Н.Н. Модернизация и хозяйственная культура (Концепция М. Вебера и современные теории развития) // *Социологические исследования*. 1997. № 4. С. 46-54.
- Журнал... – Журнал заседаний тамбовской городской думы.
- Заседание 13 марта 1872 г. – Заседание 13 марта 1872 г. Тамбов, 1872.
- Заседание 14 ноября 1872 г. – Заседание 14 ноября 1872 г. Тамбов, 1872.
- Заседание 27 февраля 1874 г. – Заседание 27 февраля 1874 г. Тамбов, 1874.
- Заседание 3 июля 1874 г. – Заседание 3 июля 1874 г. Тамбов, 1874.
- Заседание 9 июня 1872 – Заседание 9 июня 1872 г. Тамбов, 1872.
- Карпов 1888 – Карцов П.П. Из прошлого (личные и служебные воспоминания). Ч. 1. 1831–1876. СПб., 1888. 520 с.
- Линденмейер, 1992 – Линденмейер А. Добровольные благотворительные общества в эпоху Великих реформ // *Великие реформы в России (сборник)*. М., 1992. С. 283-300.
- Медушевский, 1996 – Медушевский А.Н. И. Баберовский. Самодержавие и юстиция. Соотношение правовой государственности и отсталости на исходе Российской империи (1864–1914); П. Лиссем. Административная юстиция в поздней Российской империи. Правительствующий Сенат и его решения по вопросам самоуправления в России (1864–1917) // *Вопросы истории*. 1996. № 7. С. 160-164.
- Межуев – Межуев В.М. Ценности современности в контексте модернизации и глобализации // *Знание. Понимание. Умение*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/Mezhuev/> (дата обращения 1.09.2022).
- Миронов, 2015 – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: В 3 т. Т. 3. СПб., 2015. 992 с.
- Нардова, 1994 – Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – 90-х годах XIX в. правительственная политика. Л.: Наука, 1994. 260 с.
- Наумова, 2006 – Наумова Н.Ф. Человек и модернизация России. М., 2006. 592 с.
- Пажитнов, 1913 – Пажитнов К.А. Городское и земское самоуправление. СПб., 1913. 211 с.
- Фадин, 1995 – Фадин А. Модернизация через катастрофу? (Не более чем взгляд...) // *Хрестоматия российского самосознания*. 1995. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/antolog/inoe/fadin.htm/fadin.htm> (дата обращения: 15.09.2022).
- Хабермас, 1992 – Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // *Вопросы философии*. 1992. № 4. С. 40-52.
- Autio-Sarasma, 2013 – Autio-Sarasma S. National Identity, Modernization, and the Environment // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 14. No 4. P. 898-909.
- Dennison, 2011 – Dennison T. K. The institutional framework of Russian serfdom. London: Cambridge University Press, 2011.
- Fabian, 2002 – Fabian J. Time and the Other. How anthropology makes its object. New York, 2002. 206 p.
- Helmke, Levitsky 2004 – Helmke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // *Perspectives on Politics*. 2004. Vol. 2. № 4. Pp. 725-740.
- Martin, 2010 – Martin A. History, Memory, and the Modernization of 19th-Century Urban Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2010. Vol. 11. Vol. 4. Pp. 837-870.
- Osborne, 2013 – Osborne P. Global Modernity and the Contemporary: Two Categories of the Philosophy of Historical Time // Lorenz Ch., Bevernage B. Breaking up Time: Negotiating the Borders between Present, Past and Future. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2013.
- Rieber, 1991 – Rieber A. The Sedimentary Society // *Between Tsar and People, Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia*. Princeton Univ. Press, 1991. P. 343–366.
- Zhukov, Lyamin, 2016 – Zhukov D.S., Lyamin S.K. The modeling of institutional by means of fractal geometry // *SAGE Open*. 2016. Vol. 6. No 2.

References

- Autio-Sarasma, 2013 – Autio-Sarasma, S. (2013). National Identity, Modernization, and the Environment. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 14(4): 898-909.
- Blinov, 1911 – Blinov, I.A. (1911). Otnoshenie Senata k mestnym uchrezhdeniyam posle reform 60-kh godov [The attitude of the Senate to the local agencies after the reforms of 60-ies]. *Istoriya pravitel'stvuyushchego Senata za 200 let v 5-ti tomakh*. SPb., vol. 4, pp. 108-214 [in Russian]
- de Serto, 2013 – de Serto, M. (2013). Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat' [The Practice of

Everyday Life]. Per. s fr. D. Kalugina, N. Movninoi. SPb., 330 p. [in Russian]

Dennison, 2011 – *Dennison, T.K.* (2011). The institutional framework of Russian serfdom. London: Cambridge University Press, 276 p.

Fabian, 2002 – *Fabian, J.* (2002). Time and the Other. How anthropology makes its object. New York, 206 p.

Fadin, 1995 – *Fadin, A.* (1995). Modernizatsiya cherez katastrofu? (Ne bolee chem vzglyad...) [Modernization through catastrophe? (Never more than a glance...)]. *Inoe: Khrestomatiya rossiiskogo samosoznaniya*. [Electronic resource]. URL: <http://www.russ.ru/antolog/inoe/fadin.htm/fadin.htm> (date of access: 15.09.2022). [in Russian].

Golovashina, 2013 – *Golovashina, O.V.* (2013). Modernizatsiya posle moderna [Modernisation after modernity]. *Voprosy kul'turologii*. 10: 20-24. [in Russian]

Golovashina, 2016 – *Golovashina, O.V.* (2016). Transformatsiya metodov translyatsii opyta predydushchikh pokolenii i problema identichnosti [Transformation of the ways in which the experience of previous generations is transmitted and the problem of identity]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 16(3): 249-253. [in Russian]

GATO – Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti [State archive of the Tambov region].

Helmke, Levitsky, 2004 – *Helmke, G., Levitsky, S.* (2004). Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda. *Perspectives on Politics*. 2(4): 725-740.

Kartsov, 1888 – *Kartsov, P.P.* (1888). Iz proshlogo (lichnye i sluzhebnye vospominaniya) [From the past (personal and official memories)]. Ch. 1. 1831–1876. SPb., 520 p. [in Russian]

Khabermas, 1992 – *Khabermas, Yu.* (1992). Modern – nezavershennyi proekt [Modern – unfinished project]. *Voprosy filosofii*. 4: 40-52. [in Russian]

Lindenmeier, 1992 – *Lindenmeier, A.* (1992). Dobrovol'nye blagotvoritel'nye obshchestva v epokhu Velikikh reform [Voluntary charitable society in the era of the Great reforms]. *Velikie reformy v Rossii (sbornik)*. M., pp. 283-300. [in Russian]

Martin, 2010 – *Martin, A.* (2010). History, Memory, and the Modernization of 19th-Century Urban Russia. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 11(4): 837-870.

Medushevskii, 1996 – *Medushevskii, A.* (1996). N.I. Baberovskii. Samoderzhavie i yustitsiya. Sootnoshenie pravovoi gosudarstvennosti i otstalosti na iskhode Rossiiskoi imperii (1864–1914); P. Lissem. Administrativnaya yustitsiya v pozdnei Rossiiskoi imperii. Pravitel'stvuyushchii Senat i ego resheniya po voprosam samoupravleniya v Rossii (1864–1917) [I. Baberovskii. Autocracy and justice. The ratio of the rule of law and underdevelopment at the end of the Russian Empire (1864–1914). P. Lissem. Administrative justice in the late Russian Empire. Governing the Senate and its decisions on matters of self-government in Russia]. *Voprosy istorii*. 7: 160-164. [in Russian]

Mezhuev – *Mezhuev, V.M.* Tsennosti sovremennosti v kontekste modernizatsii i globalizatsii [The values of modernity in the context of modernization and globalization]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. [Electronic resource]. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/Mezhuev/> (date of access: 01.09.2022). [in Russian]

Mironov, 2015 – *Mironov, B.N.* (2015). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modern [The Russian Empire: from tradition to modernity]: v 3 t. T. 3. SPb., 992 p. [in Russian]

Nardova, 1994 – *Nardova, V.A.* (1994). Gorodskoe samoupravlenie v Rossii v 60-kh – 90-kh godakh XIX v. pravitel'stvennaya politika. [City government in Russia in 60-ies – 90-ies of the XIX century: government policy]. L.: Nauka, 260 p. [in Russian]

Naumova, 2006 – *Naumova, N.F.* (2006). Chelovek i modernizatsiya Rossii [The man and the modernization of Russia]. M., 592 p. [in Russian]

Osborne, 2013 – *Osborne, P.* (2013). Global Modernity and the Contemporary: Two Categories of the Philosophy of Historical Time. Lorenz Ch., Bevernage B. Breaking up Time: Negotiating the Borders between Present, Past and Future. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht.

Pazhitnov, 1913 – *Pazhitnov, K.A.* (1913). Gorodskoe i zemskoe samoupravlenie [Urban and Zemstvo self-government]. SPb., 211 p. [in Russian]

Rieber, 1991 – *Rieber, A.* (1991). The Sedimentary Society. Between Tsar and People, Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton Univ. Press, pp. 343-366.

Tambovskie gubernskie vedomosti – *Tambovskie gubernskie vedomosti* (neofitsial'nyi otdel). Vol. 129. 29 dekabrya 1884 g. [in Russian]

Zarubina, 1997 – *Zarubina, N.N.* (1997). Modernizatsiya i khozyaistvennaya kul'tura (Kontseptsiya M. Vebera i sovremennye teorii razvitiya) [Modernization and economic culture (the Concept of M. Weber and modern theories of development)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 4: 46-54. [in Russian]

Zhukov, Lyamin, 2016 – *Zhukov, D.S., Lyamin, S.K.* (2016). The modeling of institutional by means of fractal geometry. *SAGE Open*. 6(2).

Zhurnal... – *Zhurnal Tambovskoi gorodskoi dumy*. [in Russian]

Zasedanie 13 marta 1872 g. – Zasedanie 13 marta 1872 g. [Meeting 13 March 1872 y.]. Tambov, 1872. [in Russian]

Zasedanie 14 noyabrya 1872 g. – Zasedanie 14 noyabrya 1872 g. [Meeting 14 November 1872 y.].

Tambov, 1872. [in Russian]

[Zasedanie 3 iyulya 1874 g.](#) – Zasedanie 3 iyulya 1874 g. [Meeting 3 July 1874 y.]. Tambov, 1874. [in Russian]

[Zasedanie 9 iyunya 1872 g.](#) – Zasedanie 9 iyunya 1872 g. [Meeting 9 June 1872 y.] Tambov, 1872. [in Russian]

Местное самоуправление и традиционные институты: проблемы влияния историко-культурного наследия в пореформенной России

Оксана Владимировна Головашина ^{a,*}, Сергей Константинович Лямин ^a

^aУральский федеральный университет, Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. В статье с опорой на данные архивов и опубликованные источники рассматриваются проблемы функционирования органов местного самоуправления, появившихся в результате Великих реформ. Теоретико-методологической основой работы выступают идеи Б.Н. Миронова, А. Рибера, М. де Серто. Авторы подчеркивают, что круг обязанностей органов городского самоуправления не был четко определен, поэтому на практике возникали конфликты между ними и губернской администрацией или сословными органами. Зачастую личный авторитет влиятельных чиновников имел приоритет перед формальными законами. Дума не вступала в открытый конфликт, но использовала разнообразные проволочки, что отрицательно сказывалось на возможностях диалога между самоуправлением и прежними органами власти. Осложнялась работа органов самоуправления тем, что они практически не располагали материальными возможностями; новые социально-политические институты не могли приобрести общественное уважение, не продемонстрировав свою конкретно-практическую эффективность, которую не могли достичь без общественной поддержки. Таким образом, можно констатировать недостаточную самостоятельность общественного самоуправления в исследуемый период, сложности с практической реализацией проводимых ими мероприятий. Причиной является то обстоятельство, что модернизированные социально-политические институты функционировали и взаимодействовали друг с другом в среде по преимуществу традиционных представлений.

Ключевые слова: модернизация, Великие реформы, местное самоуправление, теория модернизации, институционализм, земство, сословное самоуправление.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ovgolovashina@urfu.ru (О.В. Головашина), laomin@mail.ru (С.К. Лямин)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1812-1822
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1812

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Russian Kerosene on the Chinese Market in the late 19th – early 20th centuries

Ildar R. Hamzin ^{a,*}, Rustam T. Ganiev ^a, Anton V. Kochnev ^a

^a Ural Federal University, Russian Federation

Abstract

The article raises the problem of Russian kerosene trade on the market of the Qing Empire in the late 19th – early 20th centuries. During the second half of the 19th century, the oil industry of the Russian Empire began to actively explore foreign markets in Europe and Asia, including the Chinese market. At the same time, other major world exporters of petroleum products – the American company Standard Oil, the Dutch company Royal Dutch and the English Shell were also interested in developing the Chinese market. As a result, at the beginning of the 20th century, Russian kerosene was practically ousted from the Chinese market. The article examines the general situation of foreign kerosene trade in China; the activities of the main companies selling kerosene; the reconstruction of the process of kerosene delivery to China; the organization of trade in goods on the Chinese market. The materials of the central archives of Russia (Archive of the foreign policy of the Russian Empire, Russian state historical archive) also helped to reconstruct the process of trading Russian kerosene in certain "open" ports of the Qing Empire – Tianjin, Fuzhou, etc. The main difficulties associated with the Russian kerosene trade in China are shown, the main reasons for the decline of this trade direction are identified.

Keywords: Russian-Chinese trade, kerosene, open ports of China, Standard Oil, Royal Dutch / Shell.

1. Введение

В структуре современных торговых связей России и Китая главнейшая роль в российском экспорте принадлежит энергоресурсам (Спартак, 2019; Российско-китайский диалог..., 2021). В последние годы Россия заняла лидирующие позиции среди стран-экспортеров нефти в Китай, на ее долю приходится более 15 % ввоза нефти и нефтяных изделий (Гу и др., 2019; Спартак, 2019; Полещенко, Слободяник, 2022). В связи с нарастающей в мире борьбой за передел рынков энергоресурсов (Ергин, 2021) развитие экспорта товаров нефтяной промышленности в Китай является стратегической задачей, стоящей перед Российской Федерацией. Однако для того чтобы удержать Китай в качестве главного рынка сбыта, а тем более развивать это направление внешней торговли в качественную сторону, России необходимо учитывать огромное количество политических и макроэкономических факторов. В этом отношении изучение исторического опыта русской торговли в Китае товарами нефтяной промышленности может способствовать более углубленному пониманию современной российско-китайской торговли энергоресурсами.

В конце XIX – начале XX вв. Российская империя стала одним из главных поставщиков нефтепродуктов на китайский рынок. Речь идет в первую очередь о торговле керосином, который успешно стал ввозиться в открытые порты империи Цинь морским путем. Однако в Китае русский керосин встретил жесткую конкуренцию сначала со стороны американского керосина, а затем керосина, привозимого с голландских колоний на о. Суматра. Российский нефтепродукт, первоначально успешно противостоявший иностранной конкуренции, в начале XX в. был вытеснен с

* Corresponding author

E-mail addresses: ildar.hamzin1991@mail.ru (I.R. Khamzin), rusthist@yandex.ru (R.T. Ganiev), anton_kochnev.usu@mail.ru (A.V. Kochnev)

рынка Китая. Таким образом, в статье поставлены задачи изучить развитие торговли русским керосином в империи Цин, выявить характерные особенности данного процесса и определить причины, приведшие к упадку торговли.

2. Материалы и методы

Источниковая база поднятой проблемы весьма обширна, включает в себя как опубликованные, так и архивные дореволюционные материалы. В исследовании активно задействованы документы из фондов Архива внешней политики Российской империи и Российского государственного исторического архива. Материалы российских консулов, служивших в «открытых» портах цинского Китая в 70–90-е гг. XIX в., содержат уникальную статистику по ввозу бакинского керосина в Фучжоу и Тяньцзинь (АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1217; АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 421). В других документах АВПРИ можно обнаружить характеристику трудностей российской торговли в Китае, причины неудачи торговли керосином (АВПРИ. Ф.148. Оп. 487. Д. 488). Названные источники дополняют материалы РГИА, из которых можно выявить информацию о продаже российского керосина в Шанхай (РГИА. Ф. 20. Оп. 5. Д. 45). В этом же архиве хранится документ под названием «Керосин. О ввозе его и торговле им в Китае», содержащий исчерпывающую информацию о развитии данной отрасли торговли за период 1897–1900 гг. (РГИА. Ф. 560. Оп. 29. Д. 188). Материалы центральных архивов не являются единственными источниками для исследования заявленной проблемы. Динамику торговли иностранным керосином в Китае можно проследить на основе статистических сборников, среди которых отметим ежегодное издание Министерства финансов «Обзор внешней торговли Российской империи», статистический сборник о торговле России с Китаем за 1907 г., статистический сборник «История экономического развития Китая. 1840–1948 гг.», статистический сборник о внешней торговле Китая за авторством Сяо Лианлина. Таким образом, привлеченные к исследованию отчеты русских консулов, различного рода аналитические записки и данные статистики должны способствовать полноценной исторической реконструкции рассматриваемого процесса.

Ключевыми методами исследования выступают системно-исторический анализ и сравнительно-исторический метод. Для того чтобы реконструировать объемную картину российской торговли керосином на рынке империи Цин, необходимо обратиться к исследованию мировой системы торговли нефтепродуктами в конце XIX в., определить место России внутри этой системы, проследить общие тенденции торговли иностранным керосином в Китае. Системный подход также предполагает реконструкцию структуры российской торговли в Китае, изучение вопросов организации доставки керосина, распространения товара непосредственно на китайском рынке и других особенностей сбыта. Проблемы, с которыми сталкивалась российская торговля, наиболее наглядны в сравнении с аналогичными процессами сбыта нефтепродуктов других иностранцев (Standard Oil, Shell, Royal Dutch) и в сопоставлении российского сбыта в различные порты империи Цин. Это определило необходимость использования сравнительно-исторического подхода.

3. Обсуждение

Необходимо заметить, что при достаточно солидной историографии русско-китайских отношений вопрос о торговле керосином изучен весьма поверхностно. Данную проблему рассматривали дореволюционные авторы, для которых торговля керосином на китайском рынке была актуальной ввиду общего кризиса русского сбыта в Китай в конце XIX – начале XX вв. (Покотилов, 1895; Коростовец, 1898; Меркулов, 1903). Советская историография сконцентрировала внимание на изучении сухопутного направления транзита (Сладковский, 1974). Соответственно, не был должным образом рассмотрен и сбыт керосина. Среди современных работ характеристику русской торговли керосином в цинском Китае можно увидеть в работе В.Г. Дацышена (Дацышен, 2014), но другие авторы мало обращаются к этой теме.

В зарубежной литературе проблема иностранной торговли керосином в империи Цин рассмотрена в большей степени. Подробный анализ данного процесса можно увидеть в работах Ч. Чена (Cheng, 1986), Я. Хао (Hao, 1992), Ф. Ван дер Паттена (Van der Putten, 1970), Э. Лефевра (Le Fevour, 1968). Авторы упоминают, в том числе и роль Российской империи в экспорте керосина на китайский рынок, отмечают причины его упадка.

4. Результаты

Во второй половине XIX в. ряд нововведений в российской нефтяной промышленности способствовал ее быстрому развитию. Центром нефтяной добычи Российской империи стал г. Баку, где в 70-е гг. XIX в. появилось более 200 нефтяных заводов (Уразгалиев, 2013). Огромное значение приобрело привлечение к разработке нефтедобычи иностранных инвестиций. В 1879 г. братьями Нобель была основана знаменитая компания «БраНобель», которая на долгие годы оставалась локомотивом нефтяной промышленности России (Мальшева, 2012). Не меньшую роль играли капиталовложения дома Ротшильдов и британских инвесторов. Стоит отметить и развитие технологии нефтедобычи, что было заслугой отечественных ученых, инженеров и предпринимателей (Уразгалиев, 2013).

В совокупности эти факторы позволили российским нефтяным изделиям в конце XIX в. завоевать внутренний рынок, вытеснив господствовавшую здесь в предыдущий период американскую продукцию. Основным товаром нефтяной отрасли являлся керосин, используемый в качестве топлива для освещения. После того как русский керосин утвердился на внутреннем рынке, появилась возможность развивать экспортную торговлю данным товаром.

Таблица 1. Объемы экспорта керосина из России и США, миллионов пудов
(Обзор внешней торговли..., 1897)

Год	Объем производства керосина в России	Экспорт керосина из России	Экспорт керосина из США
1891	78,8	45,1	105
1892	82,2	48,2	108
1893	89,5	50,0	130
1894	67,8	43,3	133
1895	87,6	51,6	124
1896	91,1	53,3	138
1897	91,4	50,4	146

Данные официальной статистики (Таблица 1) показывают, что на протяжении 90-х гг. XIX в. объем производства российского керосина возрастал параллельно с объемами вывоза данного товара на внешние рынки. Аналогичный процесс наблюдается и в американской нефтяной отрасли, с той лишь разницей, что объемы экспорта керосина из США значительно превышали русский экспорт.

Процентное распределение по странам-потребителям российского керосина отражает основные тенденции внешней торговли Российской империи. Главными рынками сбыта являлись Европа (в 1897 г.: Англия – 13 %, Австро-Венгрия – 5,6 %, Франция – 4,8 %, Италия – 2 %, Финляндия – 2 %) и Ближний Восток (Египет – 30 %, Турция – 13 %), на долю которых в совокупности приходилось наибольшая часть экспорта. Керосин активно вывозился и в Британскую Индию (в 1897 г. – 13 %). На долю Китая в 1897 г. пришлось 7 % от общего вывоза керосина из России за рубеж (Обзор внешней торговли..., 1897). Однако, несмотря на скромную долю экспорта, китайский рынок рассматривался современниками как одно из наиболее перспективных направлений вывоза керосина, что имело под собой объективную основу.

Внешняя торговая экспансия в Китай начала активно развиваться после Первой опиумной войны (1840–1842), когда, согласно условиям Нанкинского договора 1842 г., сначала было открыто пять морских портов, а затем, по мере усиления политического давления извне, их количество возрастало, достигнув к началу XX в. 35 открытых портов (История экономического развития Китая, 1953: 53). Среди основных товаров, экспортируемых в Китай, стали опиум, шерстяные и хлопчатобумажные ткани, металлические изделия, техника, лес и др.

Керосин впервые был ввезен в Китай из США в 70-е гг. XIX в. В это же время европейский рынок ввиду развития электрификации стал все меньше нуждаться в осветительном топливе. Напротив, цинский Китай при огромной численности населения был практически не затронут мировыми процессами модернизации (Cheng, 1986). Ведущие мировые экспортеры нефтяных изделий (Standard Oil, Shell, Royal Dutch¹) увидели в китайском рынке огромный потенциал для сбыта своей продукции. Объем керосинового экспорта стал расти (Рисунок 1).

По данным, приводимым Л. Сяо, ввоз керосина вырос с 1886 г. по 1896 г. с 23 млн галлонов² до 66,9 млн галлонов (Рисунок 1). В 1900 г. было ввезено 83,5 млн галлонов, а уже в 1904 г. – 156,8 млн галлонов керосина. В 1914 г. объем экспорта составил цифру 230,2 млн галлонов керосина, но затем, с началом Первой мировой войны, ввоз нефтепродуктов в Китай значительно сократился (Hsiao, 1974: 42-43).

В 70–80-е гг. XIX в. американская компания Standard Oil являлась монополистом по ввозу керосина на китайский рынок. В 1888 г. впервые из Батуми в Шанхай был ввезен русский керосин при посредничестве английской фирмы Jardine, Matheson & Co (РГИА. Ф. 560. Оп. 29. Д. 188. Л. 23). Уже в 90-е гг. XIX в. объем ввоза российского нефтяного товара в Китай занял второе место после американского, что хорошо видно по данным И.Я. Коростовцева: в 1891 г. в китайские порты было ввезено американского керосина на 4 308 839 лян, русского – 958 212 лян; в 1894 г. – американского на 4 905 228 лян, русского – 2 100 086 лян (Коростовец, 1898: 234). С 1894 г. начинает активно развиваться сбыт на китайский рынок керосина с голландской колонии на о. Суматра, привозимого

¹ Голландская компания Royal Dutch и английская компания Shell объединятся в корпорацию Royal Dutch/Shell в 1907 г.

² 1 галлон = 4,5 л (Англия) / 3,7 л (США).

компанией Royal Dutch. В 1897 г. распределение иностранного экспорта выглядело следующим образом: американского керосина ввезено 48 212 505 галлонов, русского – 36 924 125 галлонов, голландского керосина с о. Суматра – 14 212 278 галлонов (РГИА. Ф. 20. Оп. 5. Д. 45. Л. 850б.-86). Таким образом, к началу XX в. США, Россия и Голландия стали главными поставщиками нефтяной продукции в империю Цин.

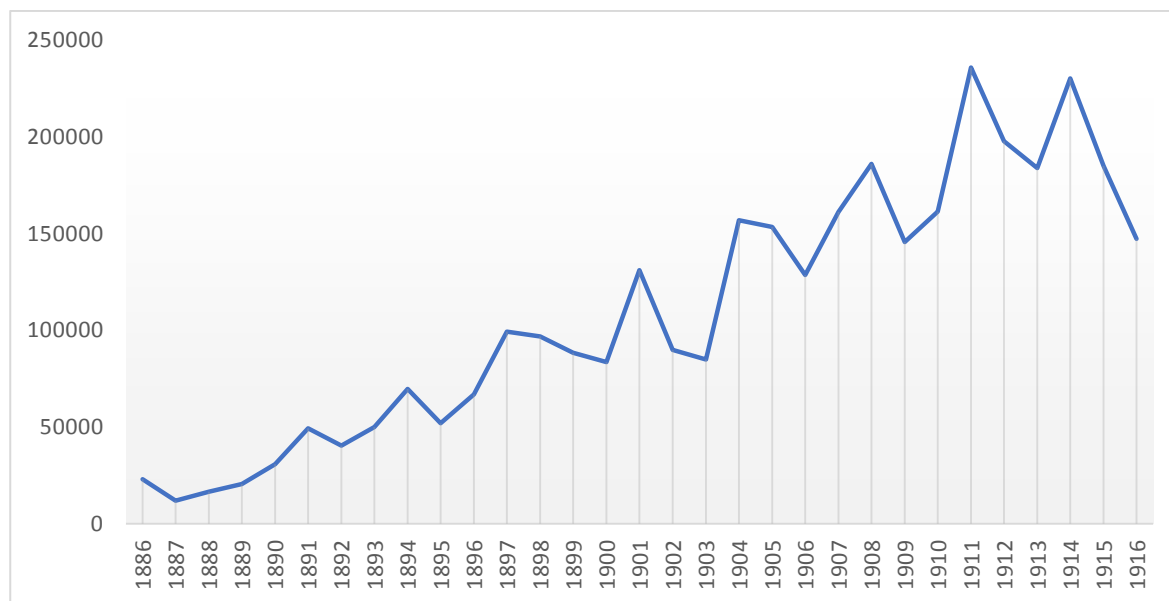

Рис. 1. Динамика экспорта керосина в Китай в 1886–1916 гг. (Hsiao, 1974: 42-43)

Керосин с бакинских нефтепромыслов доставлялся до черноморского порта в Батуми, откуда на иностранных пароходах он перевозился к китайским берегам транзитом через Суэцкий канал. В 1890 г. из Батуми в Китай вышло 10 английских пароходов, 2 норвежских; в 1891 г. – 8 английских, 4 норвежских, 2 итальянских; в 1895 г. – 10 английских, 1 австро-венгерский; в 1899 г. – 20 английских пароходов (Обзор внешней торговли..., 1891–1901). Статистика хорошо отражает ведущую роль британской компании Jardine, Matheson & Co в экспорте бакинского керосина в китайские порты. Объяснить такое положение можно тем, что у Российской империи отсутствовали в рассматриваемое время пароходы, способные перевозить керосин наливным способом.

В самом Китае главная роль в торговле русским керосином также принадлежала иностранцам. Уже упомянутый торговый дом Jardine, Matheson & Co держал в своих руках торговлю нефтяным товаром из России в Фучжоу и Тяньцзине. Основным же распространителем русской продукции в китайских портах был немецко-датский торговый дом Arnhold, Karberg & Co (РГИА. Ф. 560. Оп. 29. Д. 188. Л. 3). Если взглянуть на опыт американской керосиновой торговли, то Standard Oil опиралась в этом процессе на американский торговый дом Butterfield & Swire, который наравне с Jardine, Matheson & Co являлся крупнейшей иностранной фирмой, действующей в Китае (РГИА. Ф. 560. Оп. 29. Д. 188. Л. 4). Голландская Royal Dutch торговала в Китае через фирму Meyer & Co, кроме того, в конце XIX в. к керосиновой торговле о. Суматра начинает активно присоединяться британская Shell (РГИА. Ф. 560. Оп. 29. Д. 188. Л. 80б.).

Однако деятельность западных торговых домов была ограничена открытыми портами империи Цин. Распространителями керосина на внутреннем рынке Китая являлись компрадоры – национальные торговые дома или частные предприниматели, взявшие на себя роль посредников между иностранцами и китайскими потребителями (Meyer, 2003: 53). Крупнейшим из таковых русские источники называют торговый дом W. Chin Chong, контролирующей большую часть керосиновой торговли в Китае. Помимо крупных компрадоров, существовали десятки мелких фирм. Только в одном Шанхае в конце XIX в. насчитывалось от 50 до 60 китайских фирм, занятых перепродажей керосина на внутренний рынок (РГИА. Ф. 560. Оп. 29. Д. 188. Л. 50б.-6).

В конце XIX – начале XX вв. существовало два способа доставки иностранного керосина в Китай: в ящиках и наливным способом. Первый вариант предполагал доставку товара в деревянном ящике, который вмещал два жестяных контейнера по 10 галлонов керосина в каждом. Во втором случае керосин ввозился в китайский порт на специально оборудованном пароходе и с пристани перекачивался в построенные на береговой линии цистерны (АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1217. Л. 50-53).

Сложно выделить однозначные преимущества названных способов доставки керосина. К примеру, Standard Oil вплоть до начала XX в. включительно придерживалась ввоза керосина в Китай в деревянных ящиках, считая этот вариант более выгодным, так как, помимо самого керосина,

китайский потребитель высоко ценил ящики и жестянки, которые затем можно было приспособить для различных хозяйственных нужд (Cheng, 1986).

Напротив, русские производители керосина в Баку были не просто сторонниками ввоза керосина наливным способом, но даже боролись за это право с китайскими властями (АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1217). Результатом этой борьбы стало то, что в 1893 г. были открыты резервуары для наливного русского керосина в Шанхае. В 1894 г. началось строительство аналогичных цистерн в Амое и Сватоу (АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1217. Л. 37). Разрешив России ввоз керосина наливом, китайские власти обложили русский товар дополнительной пошлиной. Считалось, что керосин, доставленный наливом, затем переупакованный в ящики и отправляемый в другие порты, попадает под статьи таможенных правил, согласно которым товар обкладывался дополнительным сбором, если был заново укупорен в китайском порту (АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1217. Л. 41-43). Русским консулам потребовалось немало усилий, чтобы убедить китайских чиновников в необходимости отмены этого правила для керосина. С 1893 г. русский керосин стал ввозиться в Китай и переправляться между портами без дополнительных пошлин.

Что касается Royal Dutch, то в конце XIX в. голландские торговцы использовали оба способа доставки, привозя свой товар в ящиках и параллельно строя цистерны в китайских портах для наливного керосина (РГИА. Ф. 560. Оп. 29. Д. 188. Л. 9).

Соотношение экспорта керосина между названными странами, а также развитие русской керосиновой торговли хорошо прослеживается на примере отдельных открытых портов Китая.

В конце XIX в. наибольший объем экспорта русского керосина в Китай осуществлялся в Тяньцзинь – северный порт Китая, который в рассматриваемое время являлся перегрузочным пунктом для чая, отправляемого из внутренних китайских провинций в Россию (Скальковский, 1883: 297). Несмотря на важное значение Тяньцзиня в русско-китайской чайной торговле, сбыт российского товара в данный порт был развит очень слабо. Единственное исключение составляли продажи русского керосина.

Таблица 2. Экспорт иностранного керосина в Тяньцзинь, галлоны (АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 488. Л. 18)

Год	Русский керосин	Американский керосин
1889	809 500	1 198 600
1890	913 800	1 296 331
1891	3 563 000	2 673 000
1892	1 256 000	788 000
1893	2 342 500	2 628 418
1894	2 050 800	2 226 180
1895	3 610 940	2 328 330
1896	3 246 000	3 743 200
1897	5 208 380	4 560 500

С 1891 г. объем ввоза русского керосина стал превышать ввоз американского товара. В 1893–1894 гг. русский экспорт несколько уступал американскому так же, как и в 1896 г., а в 1895 г. и 1897 г. превышал американский почти на 1 млн галлонов (Таб. 2). При этом близость Тяньцзиня к русскому Дальнему Востоку не играла никакой роли в развитии экспорта, так как бакинский керосин ввозился сюда транзитом из Шанхая. Более значимую роль для русской торговли сыграли цены на керосин: в 1889 г., сообщает Д.Д. Покотилов, «жестянка вместимостью 10 галлонов обходилась в 1 р. 78 к.м. (копеек металлических – Авт.), на 22 к.м. дешевле американского» (Покотилов, 1895: 15).

Другим местом успешной торговли русским керосином стал Фучжоу – южный город Китая (провинция Фуцзянь), который стал вторым после Ханькоу экспортером китайского чая в Россию. Русское присутствие наблюдается в Фучжоу, начиная с 1875 г., когда в провинции Фуцзянь были открыты отделения торговых домов, закупающих чай для российского рынка (Gardella, 1989). Видимо, укрепление торговых позиций России в Фучжоу способствовало развитию экспорта бакинского керосина:

Таблица 3. Экспорт иностранного керосина в Фучжоу, галлоны (АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 421)

Год	Русский	Американский	Голландский	Всего
1893	1 147 490	514 300	-	1 661 790
1894	502 930	623 150	-	1 126 080
1895	1 381 510	544 950	15 000	1 941 460
1896	1 475 995	577 880	55 000	2 108 865
1897	1 846 360	697 320	458 520	3 002 200
1898	894 835	229 900	1 147 590	2 272 325
1899	1 792 050	872 970	427 980	3 093 000

Данные русских консулов (Таблица 3) показывают, что в 90-е гг. XIX в. русский керосин занял лидирующие позиции среди иностранного ввоза в Фучжоу нефтепродуктов. Его ввоз сократился только в 1894 г. до 502 930 галлонов в сравнении с предыдущим годом (1 147 590 галлонов), в остальные же годы русский экспорт превосходил американский в несколько раз. С 1895 г. консульские отчеты отмечают ввоз голландского керосина с о. Суматра, и при этом наблюдается качественный рост экспорта: если в 1895 г. в Фучжоу было ввезено только 15 тыс. галлонов керосина, то в 1897 г. объем достиг 458 520 галлонов, а в 1898 г. – 1 147 590 галлонов керосина. Этот качественный прирост сократился уже в 1899 г., когда ввоз керосина с о. Суматра упал до 427 980 галлонов. В это же время русский экспорт в Фучжоу продолжал удерживать первые позиции.

Связать успех русской керосиновой торговли в провинции Фуцзянь в 1890-е гг. стоит с более низкими ценами на товар из России. В 1896 г. ящик русского керосина продавался по цене от 1 доллара 96 центов до 2 долларов 42 центов, американский – от 2 долларов 5 центов до 2 долларов 50 центов, керосин с о. Суматра – от 2 долларов 4 центов до 2 долларов 24 центов (АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 421. Л. 218об.). В 1899 г. русский керосин «за ящик в две жестянки» продавался от 2 долларов 50 центов до 3 долларов 50 центов, американский – от 2 долларов 58 центов до 3 долларов 45 центов, керосин с о. Суматра – от 2 долларов 50 центов до 3 долларов 45 центов (АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 421. Л. 276об.).

В целом пример Тяньцзиня и Фучжоу показывает более низкую стоимость товара из России по сравнению с американским и голландским конкурентом. Однако это кажущееся преимущество связано не с логистической эффективностью доставки керосина из Батуми в Китай (или с его более низким качеством), а только лишь с вопросом конкуренции. Обозреватели отмечали, что русский керосин поздно добрался до китайского рынка, и чтобы получить здесь спрос в условиях американской монополии, вынужден был продаваться по искусственно заниженным ценам (РГИА. Ф. 560. Оп. 29. Д. 188. Л. 100б.).

Таблица 4. Экспорт керосина из России в Китай, рублей (Статистические сведения..., 1908: 5)

Год	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907
Объем экспорта	3 498 684	802 776	1 426 199	2 811 946	940 082	364 495	79 185

Если обратиться к данным по другим портам империи Цин, то мы уже не увидим такого роста керосинового экспорта из России, как в Тяньцзине и Фучжоу. Например, в северо-восточных портах Китая сбыт был крайне низким: в 1892 г. в Нючжуан было ввезено 212 тыс. галлонов американского керосина и 1 тыс. русского; в 1891 г. в Чифу русского керосина было ввезено 50 тыс. галлонов из общего ввоза в 1 318 000 галлонов. В Шанхае ввоз бакинского керосина составлял только 25 % от американского и по большей части перенаправлялся в другие китайские порты (Покотилов, 1895). Странно выглядит ситуация с данными по русской торговле керосином в Ханькоу – порту в долине р. Янцзы, во второй половине XIX в. являвшемся главным поставщиком китайского чая в Россию (Шаронова, 2019). Документы русских консулов, служивших в Ханькоу, практически не упоминают торговлю керосином. И.Я. Коростовец приводил сведения, что в 1894 г. из общего количества ввезенного в Ханькоу керосина в 7 565 096 галлонов русского было ввезено 1 100 700 галлонов, что выглядит мало на фоне экспорта в Тяньцзинь, но вполне соответствует экспорту в Фучжоу (Коростовец, 1898: 252).

Несмотря на некоторые положительные тенденции в 1890-х гг., сбыт русского керосина в Китай в начале XX в. стал сокращаться.

Если в 1901 г. общая стоимость экспорта керосина на китайский рынок составила 3 498 684 руб., то в следующем году она упала до 802 776 руб. Затем в 1903–1904 гг. сбыт начинает восстанавливаться, но, начиная с 1905 г., резко падает: в 1907 г. керосина вывезено всего на 79 185 руб. (Таблица 4).

Упадок экспорта пришелся на период Первой русской революции (1905–1907). Исследователи отмечали, что после событий в Баку в 1905 г.¹ нефтяная промышленность Российской империи уже не смогла восстановить прежние объемы внешнего экспорта (Уразгалиев, 2013; Степанов, 2020) и китайский рынок был потерян для русской керосиновой торговли.

Однако не стоит сводить неудачи русской торговли только к внутреннему кризису Российской империи. В конце XIX – начале XX вв. в Китае российская торговля керосином столкнулась с целым рядом трудностей, преодолеть которые оказалась неспособной. Среди таковых основное значение имела конкуренция с другими экспортерами нефтепродуктов, прежде всего с американской компанией Standard Oil.

На примере Тяньцзиня и Фучжоу видно, что успешная продажа русского керосина была обусловлена его дешевизной. Однако в начале XX в. американские производители керосина стали снижать цены на свой товар для вытеснения конкурентов с китайского рынка (Cheng, 1968). Как отмечал Чен, Standard Oil пошла даже на то, чтобы завозить в Китай наиболее дешевые сорта керосина из Техаса, практически необработанную нефть (petroline). С учетом развитого у США морского судоходства и поддержки влиятельного американского торгового дома Butterflied & Swire в Китае американский экспорт смог выдержать условия крайне низких цен на керосин, в то время как его русские конкуренты не могли себе позволить проводить подобного рода демпинговую политику.

Несмотря на эксперименты с ценой и качеством керосина, Standard Oil проводила весьма грамотную торговую политику в самом Китае. К примеру, США активно торговали керосиновыми лампами с логотипами, которые могли бы расположить китайского потребителя покупать именно американский товар. В течение 1890-х гг. Standard Oil смогла продать более 8 миллионов керосиновых ламп в Китай (Cheng, 1986).

В русской керосиновой торговле наблюдается прямо противоположная ситуация. Современники писали, что купцы, ведущие свои дела в Ханькоу по закупке и изготовлению чая для России, не просто не желали способствовать развитию русского сбыта в Китай, но даже считали, что это занятие может подорвать их репутацию. В документах отмечалось, что московские заказчики чая склонны были смотреть на такого рода предприимчивость в Китае как на легкомыслие, нежелание придерживаться годами установленных правил (то есть заниматься исключительно чайной торговлей) (РГИА. Ф. 560. Оп. 29. Д. 188. Л. 12). В итоге не было прямого контроля за продажей керосина в Китае: все операции находились либо в руках иностранных торговых домов, либо местных китайских компраторов. Когда в 1896 г. был открыт Русско-китайский банк, современники возложили надежды на его помощь в керосиновой торговле, но дело так и не было организовано (РГИА. Ф. 560. Оп. 29. Д. 188. Л. 13).

В то же время конкуренты российского экспорта прилагали все усилия для подрыва русской торговли. Материалы русских служащих пестрят примерами распространения слухов о плохом качестве русского керосина, огнеопасности наливных цистерн, подкупе китайских властей и т.п. (РГИА. Ф. 560. Оп. 29. Д. 188. Л. 11). Относительно последних стоит упомянуть большую проблему коррупции среди китайских чиновников, которая также мешала свободному развитию торговли. В источниках не без сарказма отмечается, что один из китайских купцов в Гуанчжоу, «устроивший якобы очистительный завод для керосина с целью расширения его сбыта, объявил затем, что никакая партия не будет пропущена внутрь страны, не побывав на очистительном заводе, где керосин если и очищался, то разве только взятками» (АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1219. Л. 150б.). Подобного рода практика была повсеместной.

Что касается конкуренции со стороны керосина, привозимого в Китай с о. Суматра, то во второй половине 1890-х гг. она не была ярко выражена. Голландский экспорт в это время занял устойчивую третью позицию после американского и русского. В 1904 г. Standard Oil даже подписывала контракт с Royal Dutch о совместной разработке нефти на Зондском архипелаге. Однако после объединения английского и голландского капитала в единую компанию Royal Dutch/Shell США получили сильнейшего конкурента на китайском рынке сбыта керосина. К этому времени экспорт из России составлял едва 2 % от общего иностранного ввоза нефтепродуктов в Китай (Cheng, 1986).

5. Заключение

Проведенный анализ показал, что русская торговля керосином в Китае в начале XX в. проиграла борьбу за китайский рынок. Этому способствовали как внутрироссийские обстоятельства

¹ В конце 1904 – начале 1905 гг. в Баку произошли массовые стачки рабочих, сопровождавшиеся разрушением нефтепромышленной инфраструктуры.

(события в Баку в 1905 г.), так и ситуация в Китае (конкуренция с иностранными фирмами). Основная проблема заключалась в отсутствии согласованных действий между российским правительством, владельцами нефтяных заводов в Баку и русскими торговцами в Китае. Заинтересованность в развитии сбыта керосина на китайском рынке проявляли русские консулы и экономические обозреватели, считая, что такая торговля должна способствовать укреплению русско-китайских связей в целом. Однако русское купечество, ведущее свои дела в китайских портах (Ханькоу, Шанхай, Фучжоу и др.), проявило абсолютную инертность в распространении товаров из России, сосредоточившись на чайной торговле. В связи с этим русский керосин на китайском рынке продавали европейские торговые дома и китайские компродоры. Кроме этого, в России отсутствовали морские суда, предназначенные для перевозок нефтепродуктов наливным способом, поэтому доставка бакинского керосина в Китай также оказалась в руках иностранцев. В итоге капитал, обращавшийся в русско-китайской нефтяной торговле, оставался практически полностью в руках английских, немецких и прочих иностранных компаний. С учетом того, что бакинские нефтепромыслы в начале XX в. все больше становились частью иностранного финансового капитала, создалась ситуация, когда керосин, будучи продуктом российской промышленности, оказался товаром, вырванным из собственно русско-китайской торговли и ставшим частью европейской торговли с Китаем. Ценнейшие ресурсы России, таким образом, продолжали служить на благо западноевропейской капиталистической системы, не принося никакой выгоды отечественной экономике.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства "Приоритет-2030".

The research funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University Program of Development within the Priority-2030 Program) is gratefully acknowledged.

Литература

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

Гу и др., 2019 – Гу С., Чень Х., Моу Х. Прогноз и анализ ситуации развития российско-китайской торговли товарами / Проблемы торгово-экономического сотрудничества российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая. М.: ИДВ РАН, 2019. С. 142-162.

Дацышен, 2014 – Дацышен В.Г. История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв. М.: Директ-Медиа, 2014. 592 с.

Ергин, 2021 – Ергин Д. Новая карта мира. Энергетические ресурсы, меняющие климат и столкновение наций. М.: Альпина паблишер, 2021. 443 с.

История экономического развития Китая, 1958 – История экономического развития Китая. 1840–1948 гг. М.: Изд-во иностр. литературы, 1958. 378 с.

Короستовец, 1898 – Коростовец И.Я. Китайцы и их цивилизация. СПб.: Н. Аскарханов, 1898. 625 с.

Мальшева, 2012 – Мальшева О.Л. Государственная политика в становлении и развитии нефтяной отрасли России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Вестник Казанского технологического университета*. 2012. Т. 15. № 10. С. 259-267.

Меркулов, 1903 – Меркулов С.Д. Возможные судьбы русской торговли на Дальнем Востоке. СПб.: Тип. инж. Г.А. Бернштейна, 1903. 55 с.

Обзор внешней торговли..., 1891 – Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границе за 1890 год. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1891.

Обзор внешней торговли..., 1892 – Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границе за 1891 год. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1892.

Обзор внешней торговли..., 1897 – Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границе за 1895 год. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1897.

Обзор внешней торговли..., 1899 – Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границе за 1897 год. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1899.

Обзор внешней торговли..., 1901 – Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границе за 1899 год. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1901.

Покотилов, 1895 – Покотилов Д.Д. Китайские порты, имеющие значение для русской торговли на Дальнем Востоке. Ч. 1. СПб.: Министерство финансов, 1895. 158 с.

Полещенко, Слободяник, 2022 – Полещенко Д.В., Слободяник В.В. Российско-китайские внешнеторговые отношения в условиях санкций // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2022. № 3. С. 94-112.

Российско-китайский диалог..., 2021 – Российско-китайский диалог: модель 2021: доклад № 70/2021. М.: НП РСМД, 2021. 201 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Скальковский, 1883 – Скальковский К.А. Русская торговля в Тихом океане: экономическое исследование русской торговли и мореходства в Приморской области, Восточной Сибири, Корее, Китае, Японии и Калифорнии. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1883. 515 с.

Сладковский, 1974 – Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М.: Наука, 1974. 363 с.

Спартак, 2019 – Спартак А.Н. Современный масштаб российско-китайского торгово-экономического сотрудничества и перспективы удвоения взаимной торговли к 2024 году // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2019. Т. 220. № 6. С. 83-108.

Статистические сведения..., 1908 – Статистические сведения о торговле России с Китаем и по отдельным восточноазиатским границам за 1901–1907 гг. М.: Тип. П.П. Рябушинского, 1908. 23 с.

Степанов, 2020 – Степанов В.Л. Правительственные меры по возрождению бакинских нефтепромыслов в 1905–1907 гг. // *Российская история*. 2020. № 5. С. 92-107.

Уразгалиев, 2013 – Уразгалиев В.Ш. Становление и развитие нефтяного дела в Российской империи // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2013. № 1. С. 69-80.

Шаронова, 2019 – Шаронова В.Г. Экспортно-импортные операции русско-китайской чайной торговли (с середины XIX до начала XX века) / *Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие: Материалы Третьей Всерос. науч. конф., г. Томск, 21–23 сентября 2018 г.* Томск: Изд-во ТГАСУ, 2019. С. 241-250.

Gardella, 1989 – Gardella R.P. The boom years of the Fukien tea trade, 1842-1888 // *American's China trade in historical perspective: the China and American performance* / ed. by E.R. May, J.K. Fairbank. London: The Community of American-East Asian relations of the department of history, 1989. Pp. 34-78.

Cheng, 1989 – Cheng C. The United States petroleum trade with China, 1876–1949 // *American's China trade in historical perspective: the China and American performance* / ed. by E.R. May, J.K. Fairbank. London: The Community of American-East Asian relations of the department of history, 1989. Pp. 205-237.

Hao, 1992 – Hao Y. The commercial revolution in Nineteenth-Century China. The rise of Sino-Western mercantile capitalism. Berkeley: Univ. of California Press, 1992. 380 p.

Hsiao, 1974 – Hsiao L. China's foreign trade statistics, 1864–1949. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1974. 275 p.

Van der Patten, 2001 – Van der Patten F. Corporate Behavior and Political Risk: Dutch Companies in China, 1903-1941. Leiden: Leiden University Publ., 2001. 287 p.

Le Fevour, 1968 – Le Fevour E. Western Enterprise in Late Ch'ing China. Cambridge, Harvard University Press, 1968. 215 p.

Meyer, 2003 – Meyer D.R. Hong-Kong as a global metropolis. New York: Cambridge university press, 2003. 247 p.

References

AVPRI – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of the foreign policy of the Russian Empire].

Cheng, 1989 – Cheng, C. (1989). The United States petroleum trade with China, 1876–1949. In: *American's China trade in historical perspective: the China and American performance*. Ed. by E.R. May, J.K. Fairbank. London: The Community of American-East Asian relations of the department of history. Pp. 205-237.

Datsyshen, 2014 – Datsyshen, V.G. (2014). Istoriya rossiisko-kitaiskikh otnoshenii v kontse XIX – nachale XX vv. [History of Russian-Chinese relations in the late XIX – early XX centuries]. М.: Direkt-Media, 592 p. [in Russian]

Ergin, 2021 – Ergin, D. (2021). Novaya karta mira. Energeticheskie resursy, menyayushchie klimat i stolknovenie natsii [The new map: energy, climate, and the clash of nations]. М.: Al'pina publisher. 443 p. [in Russian]

Gardella, 1989 – Gardella, R.P. (1989). The boom years of the Fukien tea trade, 1842-1888. In: *American's China trade in historical perspective: the China and American performance*. Ed. by E.R. May, J.K. Fairbank. London: The Community of American-East Asian relations of the department of history. Pp. 34-78.

Gu i dr., 2019 – Gu, S., Chen', Kh., Mou, Kh. (2019). Prognoz i analiz situatsii razvitiya rossiisko-kitaiskoi trgovli tovarami [Forecast and analysis of the situation of development of Russian-Chinese trade in goods]. Problemy torgovo-ekonomicheskogo sotrudnichestva rossiiskogo Dal'nego Vostoka i Severo-Vostoka Kitaya. М.: IDV RAN. Pp. 142-162. [in Russian]

Hao, 1992 – Hao, Y. (1992). The commercial revolution in Nineteenth-Century China. The rise of Sino-Western mercantile capitalism. Berkeley: Univ. of California Press, 380 p.

Hsiao, 1974 – Hsiao, L. (1974). China's foreign trade statistics, 1864–1949. Cambridge: Harvard Univ. Press, 275 p.

- Istoriya ekonomicheskogo razvitiya Kitaya, 1958** – Istoriya ekonomicheskogo razvitiya Kitaya. 1840–1948 gg. [The history of China's economic development. 1840–1948]. M.: Izd-vo inostr. literatury, 1958. 378 p. [in Russian]
- Korostovets, 1898** – *Korostovets, I.Ya.* (1898). Kitaitsy i ikh tsivilizatsiya [The Chinese and their civilization]. SPb.: N. Askarkhanov, 625 p. [in Russian]
- Le Fevour, 1968** – *Le Fevour, E.* (1968). Western Enterprise in Late Ch'ing China. Cambridge, Harvard University Press, 215 p.
- Malysheva, 2012** – *Malysheva, O.L.* (2012). Gosudarstvennaya politika v stanovlenii i razvitii neftyanoi otrasli Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [State policy in the formation and development of the Russian oil industry (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*. 10(15): 259-267. [in Russian]
- Merkulov, 1903** – *Merkulov, S.D.* (1903). Vozmozhnye sud'by russkoi trgovli na Dal'nem Vostoke [Possible destinies of Russian trade in the Far East]. St. Petersburg: Typography of G. Bernstein, 55 p. [in Russian]
- Meyer, 2003** – *Meyer, D.R.* (2003). Hong-Kong as a global metropolis. New York: Cambridge university press, 247 p.
- Obzor vneshnei trgovli ..., 1891** – Obzor vneshnei trgovli Rossii po evropeiskoi i aziatskoi granitse za 1890 god (1891) [Review of Russia's foreign trade along the European and Asian borders for 1890]. Saint Petersburg: Tip. V. Kirshbaum. [in Russian]
- Obzor vneshnei trgovli ..., 1892** – Obzor vneshnei trgovli Rossii po evropeiskoi i aziatskoi granitse za 1891 god. (1892) [Review of Russia's foreign trade along the European and Asian borders for 1891]. Saint Petersburg: Tip. V. Kirshbaum. [in Russian]
- Obzor vneshnei trgovli ..., 1896** – Obzor vneshnei trgovli Rossii po evropeiskoi i aziatskoi granitse za 1895 god (1896) [Review of Russia's foreign trade along the European and Asian borders for 1895]. Saint Petersburg: Tip. V. Kirshbaum. [in Russian]
- Obzor vneshnei trgovli ..., 1898** – Obzor vneshnei trgovli Rossii po evropeiskoi i aziatskoi granitse za 1897 god (1898). [Review of Russia's foreign trade along the European and Asian borders for 1897]. Saint Petersburg: Tip. V. Kirshbaum. [in Russian]
- Obzor vneshnei trgovli ..., 1901** – Obzor vneshnei trgovli Rossii po evropeiskoi i aziatskoi granitse za 1899 god (1901). [Review of Russia's foreign trade along the European and Asian borders for 1899]. Saint Petersburg: Tip. V. Kirshbaum. [in Russian]
- Pokotilov, 1895** – *Pokotilov, D.D.* (1895). Kitayskie porty imeyushchie znachenie dlya russkoy trgovli na Dal'nem Vostoke [Chinese ports that have significance for Russian-Chinese trade]. SPb.: Ministerstvo finansov. 158 p. [in Russian]
- Poleshchenko, Slobodyanik, 2022** – *Poleshchenko, D.V., Slobodyanik, V.V.* (2022). Rossiisko-kitaiskie vneshnetorgovnye otnosheniya v usloviyakh sanktsii [Russian-Chinese foreign trade relations under sanctions]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*. 3: 94-112. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].
- Rossiisko-kitaiskii dialog..., 2021** – Rossiisko-kitaiskii dialog: model' 2021: doklad № 70/2021 (2021) [Russian-Chinese Dialogue: Model 2021: Report No. 70/2021]. Moscow: Russian Council for International Affairs, 201 p. [in Russian]
- Sharonova, 2019** – *Sharonova, V.G.* (2019). Eksportno-importnye operatsii russko-kitaiskoi chainoi trgovli (s serediny XIX do nachala XX veka) [Export-import operations of the Russian-Chinese tea trade (from the middle of the XIX to the beginning of the XX century)]. *Sibirskoe kupechestvo: istoki, deyatelnost', nasledie : materialy Tret'ej Vseros. nauch. konf. Tomsk, September 21-23, 2018*. Tomsk: TGASU Publ., pp. 241-250. [in Russian]
- Skalkovskij, 1883** – *Skalkovskij, K.A.* (1883). Russkaya trgovlya v Tikhom okeane: ekonomicheskoe issledovanie russkoi trgovli i morekhodstva v Primorskoj oblasti, Vostochnoi Sibiri, Koree, Kitae, Yaponii i Kalifornii [Russian trade in the Pacific Ocean: An Economic study of Russian trade and navigation in the Coastal region, Eastern Siberia, Korea, China, Japan, and California]. SPb.: Tip. A.S. Suvorina, 515 p. [in Russian]
- Sladkovskij, 1978** – *Sladkovskij, M.I.* (1978). Istoriya trgovno-ekonomicheskikh otnoshenii narodov Rossii s Kitaem (do 1917 g.) [History of trade and economic relations of the peoples of Russia with China]. M.: Nauka, 439 p. [in Russian]
- Spartak, 2019** – *Spartak, A.N.* (2019). Sovremenniy masshtab rossiisko-kitaiskogo trgovno-ekonomicheskogo sotrudnichestva i perspektivy udvoeniya vzaimnoi trgovli k 2024 godu [The current scale of Russian-Chinese trade and economic cooperation and prospects for doubling mutual trade by 2024]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*. 6(220): 83-108. [in Russian]
- Statisticheskie svedeniya..., 1908** – Statisticheskie svedeniya o trgovle Rossii s Kitaem i po otdel'nym vostochnoaziatskim granitsam za 1901–1907 gg. (1908) [Statistical data on Russia's trade with China and on certain East Asian borders for 1901–1907]. Tip. P.P. Ryabushinskogo, 23 p. [in Russian]

Stepanov, 2020 – Stepanov, V.L. (2020). Pravitel'stvennye mery po vozrozhdeniyu bakinskikh neftepromyslov v 1905–1907 gg. [Government measures to revive the Baku oil fields in 1905–1907]. *Rossijskaya istoriya*. 5: 92-107. [in Russian]

Urazgaliev, 2013 – Urazgaliev, V.Sh. (2013). Stanovlenie i razvitie neftyanogo dela v Rossiiskoi imperii [Formation and development of the oil business in the Russian Empire]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika*. 1(29): 69-80. [in Russian]

Van der Patten, 2001 – Van der Patten, F. (2001). Corporate Behavior and Political Risk: Dutch Companies in China, 1903–1941. Leiden: Leiden University Publ., 287 p.

Русский керосин на рынке Китая в конце XIX – начале XX вв.

Ильдар Рашидович Хамзин ^{a, *}, Рустам Талгатович Ганиев ^a, Антон Владимирович Кочнев ^a

^aУральский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается проблема торговли русским керосином на рынке империи Цин в конце XIX – начале XX вв. В свете активного развития современных торгово-экономических отношений России и Китая и наращивания экспорта российских энергоносителей на китайский рынок поднятый в статье вопрос представляется весьма актуальным и значимым с точки зрения выявления исторического опыта. В историографии торговых отношений России и Китая проблема сбыта российского керосина на рынке империи Цин рассмотрена весьма поверхностно, что делает настоящее исследование научно значимым. В статье показано, что в изучаемый период нефтяная промышленность Российской империи начинает активно осваивать зарубежные рынки сбыта, в том числе и рынок Китая. Уделяется внимание крупнейшим мировым экспортёрам нефтепродуктов – американской компании Standard Oil, голландской компании Royal Dutch и английской компании Shell, которые также были заинтересованы в освоении китайского рынка. Изучается общая ситуация торговли иностранным керосином в Китае, рассматривается деятельность основных компаний, торгующих керосином. Проводится реконструкция процесса доставки керосина в Китай и организации торговли товаром на китайском рынке. На основе материалов центральных архивов России проведен анализ торговли русским керосином в отдельных открытых портах империи Цин – Тяньцзине, Фучжоу и др. Показаны основные трудности, сопутствующие русской торговле керосином в Китае. Выявлено, что в начале XX в. русский керосин по причине конкуренции с другими поставщиками нефтепродуктов был вытеснен из Китая.

Ключевые слова: русско-китайская торговля, керосин, открытые порты Китая, Standard Oil, Royal Dutch/Shell.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ildar.hamzin1991@mail.ru (И.П. Хамзин), rusthist@yandex.ru (Р.Т. Ганиев), anton_kochnev.usu@mail.ru (А.В. Кочнев)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2022. 17(4): 1823-1830
DOI: 10.13187/bg.2022.4.1823

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Problem of the Development of Institutions of Interaction between the State and Business in the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries

Konstantin V. Simonov ^{a, *}, Tatiana V. Evgenyeva ^a, Konstantin N. Babichev ^b

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^b Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract

The article examines the development of the system of interaction between the state and business from the perspective of the socio-economic modernization of the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries. The source base of the research includes unpublished office documents from the funds of the Russian State Historical Archive. The methodological frame of the study is based on comparative and structural analysis.

It is concluded that in the end XIX - early XX centuries. In Russia, the institutions of representation of the entire business community were extremely poorly developed, which was largely due to resistance from conservative-minded representatives of the political leadership of the empire. At the same time, a network of non-integrated sectoral and territorial associations of entrepreneurs was being formed quite actively in the Russian Empire. At the same time, the continuing disunity of the Russian business stratum, the inconsistency of the interests of representatives of leading industries seriously limited their effectiveness. It should also be noted that the most active representative structures of entrepreneurs expressed mainly the interests of large manufacturers. At the beginning of the 20th century, after the emergence of parliamentary institutions, the possibilities of domestic business in terms of lobbying their own interests increased slightly, since the parties expressing the interests of the business community (the Cadets and the Octobrists) were either in conflict with the government, or, on the contrary, were forced to coordinate their political position with it. Thus, the system of interaction between government and business in Russia in the late nineteenth and early twentieth centuries did not receive an acceptable institutional formalization, could not ensure effective coordination and expression of the interests of all layers of the business community and sectors of the economy within the framework of a continuous dialogue with the state. This, in turn, made it difficult to implement the plans of the reformist wing of the Russian political elite, since the potential of business could not be fully used to modernize the country, and the existing institutional environment created prerequisites for conflict between the business community and government structures.

Keywords: business, state, modernization, institutions, congresses of entrepreneurs, cadets.

1. Введение

Тема социально-экономической модернизации Российской империи в конце XIX – начале XX вв. является одной из наиболее активно обсуждаемых в экспертном сообществе. Причины повышенного интереса исследователей к соответствующей проблематике вполне очевидны. Именно релевантная оценка результатов и перспектив процесса социально-экономической модернизации России в обозначенный период является стержневым элементом системы оценочных координат,

* Corresponding author

E-mail addresses: KVSimonov@fa.ru (K.V. Simonov), etv133@mail.ru (T.V. Evgenyeva), babichev_ks@mail.ru (K.N. Babichev)

позволяющей объективно оценить динамику и закономерности развития как внутренних процессов развития Российской империи, так и ее положения на международной арене.

Нередко сам процесс социально-экономической и политической модернизации в России анализируется историками в рамках модели «одного актора». В качестве его главной движущей силы традиционно рассматривается государство, что во многом обусловлено воздействием отечественных историографических и философских традиций. Как следствие, естественным образом умалчивается роль другого, также весьма важного, субъекта российской модернизации, сформировавшегося в результате реформ Александра II: деловое сообщество, как правило, позиционируется либо в качестве «младшего партнера» государства, либо вовсе в роли объекта для приложения усилий властей. В силу этого коммуникация между политическим и бизнес-истеблишментом Российской империи часто рассматривается как редуцированная, однонаправленная конструкция. Этот факт, в свою очередь, закономерно способствует искажению исторических представлений о взаимодействии российского государства и бизнеса в ходе социально-экономической модернизации страны в начале XX века.

2. Материалы и методы

Источниковая база работы выстроена на основе сочетания ранее не опубликованных архивных документов, хранящихся в фондах Российского государственного исторического архива (Министерства торговли и промышленности, Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов и Департамента государственной экономии Государственного совета). В том числе были задействованы представления и переписка ведомств о выделении средств на нужды экономического развития, регулировании тарифной политики, товарооборота и труда промышленных рабочих и материалы относительно деятельности съездов купцов и фабрикантов. Также при подготовке исследования широко использовались источники личного происхождения (Богданович, 1990; Витте, 1960; Головин, 2006; Гурко, 2000; Гучков, 1993; Кизеветтер, 2001; Коковцов, 1992).

Методологическая основа исследования была сконструирована путем комбинации элементов структурного и сравнительного анализа. Применение структурного анализа позволило выделить и детально проанализировать в рамках единой системы институты коммуникации между бизнесом и государством. Использование сравнительного анализа дало возможность отследить динамику взаимодействия государства и деловых кругов в исследуемый период.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии тема взаимодействия власти и бизнеса в процессе социально-экономической модернизации Российской империи раскрывалась либо в подчеркнuto деполитизированном, лишенном идеологической составляющей контексте, в силу чего авторы ретушировали конфликты и противоречия между властью и бизнесом, либо, напротив, освещалась сквозь призму идеологии конкретных партий (что проявлялось, в том числе, в виде стигматизации «буржуазии») (Витте, 1912; Витчевский, 1909; Глезмер, 1906; Гушка, 1912; Ерманский, 1910; Ерманский, 1909; Каминка, 1909; Лурье, 1913; Лященко, 1914; Менделеев, 1892; Нисселович, 1887; Фомин, 1908; Шнейдер, 1884; Шульце-Геверниц, 1901).

В рамках советской историографии был накоплен, систематизирован и введен в научный оборот широкий пласт источникового материала. Однако исследователи в подавляющем большинстве случаев были вынуждены корректировать свои выводы в соответствии с положениями официальной идеологии (Берлин, 1922; Бовыкин, 1967; Бондаренко, 1961; Буранов, 1972; Гиндин, 1963; Зайончковский, 1970; Комин, 1965; Лаверычев, 1974; Лившин, 1959; Лившин, 1961; Святловский, 1923; Струмилин, 1960; Шепелев, 1987).

Современная историография темы характеризуется развернутой попыткой ревизии связанной с ней проблематики на внеидеологической основе. Однако при этом следует отметить, что сегодня отдельные авторы также склонны интерпретировать взаимоотношения государства и бизнеса в ключе апологии одной из сторон, в зависимости от того, на изучение какой из сторон диалога фокусируются их исследовательские интересы. Также при освещении заявленной темы эпизодически проявляется следование сложившимся ранее историографическим традициям даже в случаях, когда новый источниковый материал объективно указывает на необходимость их корректировки (Бессолицын, 2014; Бессолицын, 2004; Боханов, 2006; Воронцова, 2013; Изнар, 2004; Муравьева, 2017).

4. Результаты

Обращаясь непосредственно к заявленной теме, в первую очередь необходимо отметить, что сложившаяся в Российской империи к началу XX в. система взаимодействия государства и бизнеса представляла собой результат длительного процесса эволюции институциональной структуры государственного управления и государственно-общественных отношений в целом.

Следует отметить, что еще в 1872 г. властями империи был учрежден Совет торговли и мануфактур, призванный обеспечить координацию государственной политики с интересами и устремлениями предпринимателей (преимущественно – представителей крупного бизнеса). В состав данной структуры входили не только чиновники, промышленники и купцы, но и ученые-экономисты, технические

специалисты (представители профессиональной корпорации инженеров и изобретатели), статистики и иные профильные специалисты. Однако потенциал данного института так и не был реализован, в значительной степени – в силу отсутствия сбалансированного представительства заинтересованных сторон (РГИА. Ф. 1152. Оп. 11. Д. 447. Л. 13-15). Купцы и фабриканты представляли меньшинство в Совете, благодаря чему значительная часть его членов обладала достаточно отдаленными представлениями об актуальных отраслевых проблемах ведения бизнеса в регионах России.

При этом ключевую роль в работе института играли представители бюрократии, в большинстве своем слабо ориентированные на развитие диалоговых форматов взаимодействия с различными сегментами российского предпринимательского сообщества. Во многом по этой причине конструктивная критика со стороны предпринимателей воспринималась зачастую либо как попытка обогатиться за счет сокращения объема обязательств перед государством, либо как стремление подорвать авторитет руководства конкретного ведомства. Представители чиновничества в большинстве случаев рассматривали промышленников и купцов не как равноправных партнеров по диалогу, а скорее в качестве «просителей». В результате предприниматели все менее охотно использовали институциональную площадку Совета, предпочитая решать накопившиеся проблемы сугубо непублично, путем лоббирования интересов через личные контакты, либо посредством создания неформальных групп интересов, в которые, помимо коммерсантов, входили выходцы из высшей аристократии, военного руководства и высокопоставленных гражданских чиновников (Богданович, 1990: 53; Витте, 1960: 41; Нисселович, 1887: 29). В итоге неэффективность Совета были вынуждены признать даже представители высшего политического руководства.

В 1893 г. министр финансов С.Ю. Витте разработал новую программу развития промышленности. Она предполагала создание новой системы представительства интересов торгово-промышленных кругов. В ее основу был положен принцип делегирования части государственных функций коллегиальным органам, сформированным из представителей бюрократии и делового сообщества и наделенным правом инициативы. В частности, речь шла о возможности вносить на обсуждение вопросы относительно усовершенствования законодательного регулирования коммерческой деятельности. Однако важно особо подчеркнуть – в данной программе не поднимался вопрос о формировании коллегиальных структур на паритетных основах. Проект также не содержал предложений относительно выделения представителей из числа купцов и фабрикантов (что предполагало возможность их назначения) (Богданович, 1990: 55; Витте, 1960: 44; РГИА. Ф. 1152. Оп. 11. Д. 447. Л. 16).

Однако даже в столь умеренном виде идея формирования совещательного органа, в рамках которого представители государства и бизнеса могли бы обсуждать проблематику социально-экономического развития страны, вызвала резкое отторжение со стороны части высшего чиновничества. В поддержку реализации плана С.Ю. Витте выступал сам председатель Комитета министров Н.Х. Бунге, однако ему пришлось столкнуться с оппозицией в лице главы МВД И.Н. Дурново, руководителя Министерства юстиции Н.А. Манассеина, министра путей сообщения А.В. Кривошеина, государственного контролера Т.И. Филиппова и секретаря Государственного совета Н.В. Муравьева (Витте, 1960: 45-46; РГИА. Ф. 1152. Оп. 11. Д. 447. Л. 13). Отчасти их позиция, вероятно, была продиктована стремлением сохранить за собой и собственными группами интересов полноту контроля над доступными механизмами выработки и принятия решений в сфере экономической и торгово-промышленной политики империи, отчасти – специфической корпоративной культурой управления, не только консервативной по своим идеологическим установкам, но и ориентированной на «вертикальные», иерархические механизмы коммуникации с обществом. В данном ракурсе интересно отметить, что в числе «идеологических» аргументов против реформы ее противники акцентировали внимание на том, что создание совещательного органа может сформировать у общественности иллюзии относительно готовности властей пойти на создание полноценного парламента (Кизеветтер, 2001: 72; Шульце-Геверниц, 1901: 35-37).

В итоге следует констатировать, что к началу XX в. в России так и не сложилась полноценная, развернутая система площадок согласования интересов государства и предпринимательского сообщества. Ситуация усугублялась и тем, что на тот момент в России, как известно, отсутствовал общенациональный представительный орган, в рамках деятельности которого деловое сообщество могло бы скоординированно отстаивать собственные интересы, вести диалог и с действующей властью, и с представителями других социальных слоев империи. Вместо них функционировала сеть отраслевых и территориальных объединений, отражавших интересы отдельных – часто весьма узких и замкнутых – групп предпринимателей и не взаимодействующих на регулярной основе с государством. В частности, именно эту роль выполняли биржевые комитеты (объединявшие преимущественно представителей сферы торговли), всероссийские съезды промышленников и союзы работодателей, наделенные правом направлять ходатайства органам власти.

Важно отметить, что в данный период наиболее востребованной и популярной среди предпринимателей формой представительства интересов бизнеса были именно отраслевые съезды. Например, к 1914 г. в России на постоянной основе функционировали около 40 всероссийских и региональных съездов предпринимателей (Витчевский, 1909: 22; РГИА. Ф. 23. Оп. 10. Д. 284. Л. 123-

127). Данные структуры, будучи весьма ограниченными с точки зрения имеющегося у них потенциала влияния на государственную политику, выполняли преимущественно три функции:

- коммуникационную (в плане выстраивания связей между системно значимыми коммерческими структурами внутри отрасли и в целом сообществом предпринимателей и профильными государственными ведомствами);
- репрезентации, то есть представительства интересов отраслевой корпорации перед правительственными структурами;
- информационную (в рамках формального информирования органов власти и общественности о текущем состоянии конкретных сфер экономики) (Ераманский, 1910: 32-34).

Как правило, на проходивших съездах участники делились друг с другом оценками текущего состояния и перспектив развития отрасли, согласовывали и осуществляли подготовку документов для органов власти, проводили неофициальную экспертизу правительственных и парламентских законопроектов, а также решали вопросы о делегировании представителей в состав разнообразных комиссий и совещаний по экономическим вопросам (Лященко, 1914: 61; РГИА. Ф. 20. Оп. 10. Д. 556. Л. 115).

В тот период чаще всего в качестве главного предмета для обсуждения выступал тарифный вопрос. При этом отраслевое разделение съездов предпринимателей способствовало тому, что эти съезды зачастую направляли центральным органам власти мало согласованные между собой либо прямо противоположные по содержанию ходатайства относительно трансформации тарифной политики. Так, например, нефтепромышленников волновал вопрос о пошлинах на жесть зарубежного производства, используемую для производства тары для нефти и ее производных, а внимание добытчиков угля естественным образом концентрировалось на дорожных тарифах. Просьбы представителей горной промышленности повысить тарифы на продукцию зарубежных конкурентов, в свою очередь, наталкивались на прямо противоположные по содержанию ходатайства промышленников-потребителей соответствующего сырья (Доклады и материалы Совета съездов, 1908: 21-3; Лурье, 1913: 26; РГИА. Ф. 22. Оп. 2. Д. 2237. Л. 233).

Отдельно следует отметить и то важное обстоятельство, что отраслевые съезды объединяли в первую очередь крупные компании, что являлось естественным следствием развития процессов монополизации внутри российской экономики. Как следствие, данная форма представительства лишь в малой степени отражала интересы и устремления малого и среднего бизнеса (Каминка, 1909: 38-39).

Проблеме усугубляло то, что продвижение указанных ходатайств осуществлялось по иерархическому принципу – от низших инстанций к высшим. Как следствие, процесс рассмотрения ходатайств, как правило, был весьма длительным и затягивался на период от нескольких месяцев до года. При этом сроки рассмотрения закономерно увеличивались по мере роста числа отраслевых съездов (РГИА. Ф. 1152. Оп. 11. Д. 147. Л. 19-20).

Таким образом, в рамках той политико-управленческой конфигурации, которая сложилась в Российской империи на рубеже XIX–XX вв., полноценное представительство интересов бизнеса на государственном уровне не было обеспечено. Влияние предпринимательского сообщества на экономическую и промышленную политику, проводимую руководством империи, было опосредованным, слабо институционализированным и конвертировалось в теневые форматы ситуативного взаимодействия отдельных коммерческих структур с правящей бюрократией.

Более того, весьма симптоматично, что кардинальные политические изменения начала XX века не привели к улучшению ситуации. С одной стороны, доминировавшая в рамках I и II созывов Государственной думы партия кадетов поддерживала проекты проведения крупномасштабных реформ в интересах российских предпринимателей. С другой стороны, непоследовательная позиция партии по целому ряду социально-экономических вопросов, а также относительно действий силовых ведомств в ходе подавления революционных беспорядков превращали конституционных демократов в малоперспективных партнеров для значительной части российских предпринимателей: так, например, представители крупного бизнеса вполне обоснованно сомневались в стабильности позиций кадетов в Думе. Механизм «октябристского маятника» также не гарантировал даже частичной реализации инициатив, выдвигаемых деловым сообществом. Все они могли быть легко заблокированы голосованием консерваторов и правого крыла октябристов, действовавших в соответствии с пожеланиями правительства (Бессолицын, 2004: 54-57; Головин, 2006: 72-73; Гурко, 2000: 87; Гучков, 1993: 65, 71; Коковцов, 1992: 79, 88, 110).

5. Заключение

Необходимо признать, что на начало рассматриваемого периода в России отсутствовали институты представительства всего делового сообщества на национальном уровне, что в значительной степени было обусловлено сопротивлением со стороны консервативно настроенных представителей политического руководства империи.

В то же время в России активно развивалась сеть не интегрированных между собой отраслевых и территориальных объединений предпринимателей. Их разобщенность, несогласованность интересов представителей конкретных отраслей, ограниченность функционала правом ходатайства и публичной

экспертизы, низкая скорость рассмотрения обращений в органы власти в значительной степени нивелировали эффективность работы соответствующих институтов. Также следует отметить, что наиболее активные представительские структуры выражали преимущественно интересы крупных производителей.

После возникновения парламентских институтов возможности бизнеса в плане лоббирования собственных интересов увеличились незначительно, поскольку выражавшие интересы делового сообщества партии (в первую очередь кадеты и октябристы) либо находились в состоянии конфликта с правительством, либо, напротив, были вынуждены жестко согласовывать с ним свою политику и в результате занимали непоследовательную позицию по целому ряду экономических вопросов, стратегически значимых для различных слоев российского предпринимательского сообщества.

Можно сделать вывод, что на протяжении всего этого времени система взаимодействия власти и бизнеса в России в рамках социально-экономической модернизации страны в начале XX в. так и не получила полноценной институциональной основы, которая обеспечила бы согласование интересов всех слоев делового сообщества, представителей различных отраслей экономики путем непрерывного диалога с государством. Такое положение дел негативно влияло не только на деятельность российских предпринимателей. Оно также закономерно затрудняло реализацию планов части российской политической элиты относительно реформ, поскольку потенциал бизнеса не мог быть полностью использован, а существовавшая институциональная среда порождала предпосылки для конфликта между деловым сообществом и государством. При этом, однако, важно отметить, что внутри политических элит отсутствовал консенсус относительно необходимости полномасштабного диалога с бизнес-сообществом – создания широкой и функционально эффективной «площадки» для согласования интересов предпринимателей и «политического класса» империи.

На протяжении всего этого времени значительная часть российских политических элит была в целом согласна с соответствующими планами институциональных преобразований, направленных на совершенствование диалоговой коммуникации «власть – предпринимательская среда» (в том числе с комплексом предложений, ранее сформулированных С.Ю. Витте). Последовательное сопротивление соответствующим инициативам оказывали преимущественно представители консервативного и условно «силового» блоков, публично мотивируя свою позицию необходимостью обеспечения социально-политической стабильности, в том числе стремлением не допустить возникновения у общественности каких-либо надежд на дальнейшее развитие представительских институтов с последующим переходом России к полномасштабному политическому парламентаризму.

6. Благодарности

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету.

Литература

- Берлин, 1922 – Берлин П.А. Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922.
- Бессолицын, 2014 – Бессолицын А.А. Государство и отраслевые съезды предпринимателей: проблемы взаимодействия в годы Первой мировой войны // *Экономическая политика*. 2014. № 4. С. 33-41.
- Бессолицын, 2004 – Бессолицын А.А. Становление предпринимательских организаций в Поволжье (конец XIX – начало XX века). Волгоград, 2004.
- Бовыкин, 1967 – Бовыкин В.И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967.
- Богданович, 1990 – Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990.
- Бондаренко, 1961 – Бондаренко Е.Л. Съезды горнопромышленников Юга России – крупнейшая представительная организация монополистического капитала России // *Вестник Московского университета*. Серия VIII. № 1. 1961. С. 52-59.
- Боханов, 2006 – Боханов А.Н. Последний царь. М., 2006.
- Буранов, 1972 – Буранов Ю.А. Съезды уральских горнопромышленников в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы истории капиталистической России. Проблемы многоукладности. Свердловск, 1972. С. 268-282.
- Витте, 1960 – Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960.
- Витте, 1912 – Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. СПб., 1912.
- Витчевский, 1909 – Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших. СПб., 1909.
- Воронцова, 2013 – Воронцова Е.А. Предпринимательские организации в России: историография, источники, история. М., 2013.
- Гиндин, 1963 – Гиндин И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // *История СССР*. 1963. № 2. С. 57-80.
- Головин, 2006 – Головин Ф.А. Николай II // Николай Второй. Воспоминания. Дневники. М., 2006. С. 11-25.
- Глезмер, 1906 – Глезмер С. К проекту «Положения о выборных учреждениях торгово-промышленного класса и о биржевом устройстве». СПб., 1906.

- Гурко, 2000 – Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
- Гучков, 1993 – Гучков А.И. А.И. Гучков рассказывает... М., 1993.
- Гушка, 1912 – Гушка А.О. Представительные организации торгово- промышленного класса в России. СПб., 1912.
- Доклады и материалы Совета съездов, 1908 – Доклады и материалы Совета съездов XXXII съезду горнопромышленников Юга России. Харьков, 1908.
- Ераманский, 1910 – Ераманский А. Крупная буржуазия в 1905–1907 гг. // *Общественное движение в России в начале XX века*. Т. 2. Ч. 2. СПб., 1910. С. 30–100.
- Ерманский, 1909 – Ерманский А. Союзы работодателей // *Современный мир*. 1909. № 12. С. 25–42.
- Зайончковский, 1970 – Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.
- Изнар, 2004 – Изнар Н.Н. Записки инженера // *Вопросы истории*. 2004. № 12. С. 69–95.
- Каминка, 1909 – Каминка А.И. Предпринимательские союзы. СПб., 1909.
- Кизеветтер, 2001 – Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. М., 2001.
- Коковцов, 1992 – Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Т. 2. М., 1992.
- Комин, 1965 – Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965.
- Краткий отчет..., 1915 – Краткий отчет о деятельности Совета съездов судовладельцев в 1914 г. Пг., 1915.
- Лаверычев, 1974 – Лаверычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861–1900 гг. М., 1974.
- Лившин, 1959 – Лившин Я.И. «Представительные» организации крупной буржуазии в России в конце XIX – начале XX вв. // *История СССР*. 1959. № 2. С. 95–117.
- Лившин, 1961 – Лившин Я.И. Монополии в экономике России: Экономические организации и политика монополистического капитала. М., 1961.
- Лурье, 1913 – Лурье Е.С. Организация и организации торгово- промышленных интересов в России. СПб., 1913.
- Лященко, 1914 – Лященко П.И. Мукомольная промышленность России и иностранные потребительские рынки. СПб., 1914.
- Менделеев, 1892 – Менделеев Д.И. Толковый тариф или исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 г. СПб., 1892.
- Муравьева, 2017 – Муравьева Л.А. Экономическое развитие России во второй половине XIX – начале XX века // *Международный бухгалтерский учет*. 2017. Т. 20. № 21. С. 1271–1286.
- Нисселович, 1887 – Нисселович Л.Н. Торгово-промышленные совещательные учреждения в России. Исторический очерк. СПб., 1887.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Святловский, 1923 – Святловский В.В. История экономических идей в связи с историей экономического быта. М., 1923.
- Струмилин, 1960 – Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России. М., 1960.
- Фомин, 1908 – Фомин П.И. Краткий очерк истории съездов горнопромышленников Юга России. Харьков, 1908.
- Шепелев, 1987 – Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг.: проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987.
- Шнейдер, 1884 – Шнейдер В. О совещательных учреждениях по делам торговли и промышленности. СПб., 1884.
- Шульце-Геверниц, 1901 – Шульце-Геверниц Г. Очерки общественного хозяйства и экономической политики России. СПб., 1901.

References

- Berlin, 1922 – Berlin, P.A. (1922). Russkaya burzhuaziya v staroe i novoe vremya [Russian bourgeoisie in old and new times]. M. [in Russian]
- Bessolitsyn, 2004 – Bessolitsyn, A.A. (2004). Stanovlenie predprinimatel'skikh organizatsii v Povolzh'e (konets XIX – nachalo KhKh veka) [The Formation of Entrepreneurial Organizations in the Volga Region (late 19th – early 20th centuries)]. Volgograd. [in Russian]
- Bessolitsyn, 2014 – Bessolitsyn, A.A. (2014). Gosudarstvo i otraslevye s"ezdy predprinimatelei: problemy vzaimodeistviya v gody Pervoi mirovoi voiny [State and industry congresses of entrepreneurs: problems of interaction during the First World War]. *Ekonomicheskaya politika*. 4: 33–41. [in Russian]
- Bogdanovich, 1990 – Bogdanovich, A.V. (1990). Tri poslednikh samoderzhitsa. Dnevnik [The last three autocrat]. M. [in Russian]
- Bokhanov, 2006 – Bokhanov, A.N. (2006). Poslednii tsar' [The last king]. M. [in Russian]
- Bondarenko, 1961 – Bondarenko, E.L. (1961). S"ezdy gornopromyshlennikov Yuga Rossii – krupneishaya predstavitel'naya organizatsiya monopolisticheskogo kapitala Rossii [Congresses of Miners of

the South of Russia – the largest representative organization of the monopoly capital of Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya VIII*. 1: 52-59. [in Russian]

Bovykin, 1967 – *Bovykin, V.I.* (1967). Zarozhdenie finansovogo kapitala v Rossii [The origin of financial capital in Russia]. M. [in Russian]

Buranov, 1972 – *Buranov, Yu.A.* (1972). S"ezdy Ural'skikh gornopromyshlennikov v kontse XIX – v nachale XX vv. [Congresses of the Ural Miners in the late XIX – early XX centuries]. *Voprosy istorii kapitalisticheskoi Rossii. Problemy mnogoukladnosti*. Sverdlovsk. Pp. 268-282. [in Russian]

Doklady i materialy Soveta s"ezdov, 1908 – *Doklady i materialy Soveta s"ezdov XXXII s"ezdu gornopromyshlennikov Yuga Rossii* [Reports and materials of the Council of Congresses to the XXXII Congress of Miners of the South of Russia]. Khar'kov, 1908. [in Russian]

Eramanskii, 1910 – *Eramanskii, A.* (1910). Krupnaya burzhuaziya v 1905–1907 gg.. Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale KhKh veka [Big bourgeoisie in 1905–1907]. T. 2. Ch. 2. SPb., Pp. 30-100. [in Russian]

Ermanskii, 1909 – *Ermanskii, A.* (1909). Soyuzy rabotodatelei [Unions of employers]. *Sovremenniy mir*. 12: 25-42. [in Russian]

Fomin, 1908 – *Fomin, P.I.* (1908). Kratkii ocherk istorii s"ezdov gornopromyshlennikov Yuga Rossii [Brief essay on the history of congresses of miners in the South of Russia]. Khar'kov. [in Russian]

Gindin, 1963 – *Gindin, I.F.* (1963). Russkaya burzhuaziya v period kapitalizma, ee razvitie i osobennosti [Russian bourgeoisie in the period of capitalism, its development and features]. *Istoriya SSSR*. 2: 57-80.

Glezmer, 1906 – *Glezmer, S.* (1906). K proektu «Polozheniya o vybornykh uchrezhdeniyakh torgovo-promyshlennogo klassa i o birzhevom ustroistve» [To the draft “Regulations on elective institutions of the commercial and industrial class and on the exchange structure”]. SPb. [in Russian]

Golovin, 2006 – *Golovin, F.A.* (2006). Nikolai II. Nikolai Vtoroi. Vospominaniya. Dnevnik [Nicholas II]. M. Pp. 11-25. [in Russian]

Guchkov, 1993 – *Guchkov, A.I.* (1993). A.I. Guchkov rasskazyvaet... [Guchkov tells...]. M. [in Russian]

Gurko, 2000 – *Gurko, V.I.* (2000). Cherty i siluety proshlogo. Pravitel'stvo i obshchestvennost' v tsarstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika [Features and silhouettes of the past. The government and the public in the reign of Nicholas II in the image of a contemporary]. M. [in Russian]

Gushka, 1912 – *Gushka, A.O.* (1912). Predstavitel'nye organizatsii torgovo-promyshlennogo klassa v Rossii [Representative organizations of the commercial and industrial class in Russia]. SPb. [in Russian]

Iznar, 2004 – *Iznar, N.N.* (2004). Zapiski inzhenera [Notes of an engineer]. *Voprosy istorii*. 12: 69-95. [in Russian]

Kaminka, 1909 – *Kaminka, A.I.* (1909). Predprinimatel'skie soyuzy [Business unions]. SPb. [in Russian]

Kizeveter, 2001 – *Kizevetter, A.A.* (2001). Na rubezhe dvukh stoletii. Vospominaniya. 1881–1914 [At the turn of two centuries. Memories. 1881–1914]. M. [in Russian]

Kokovtsov, 1992 – *Kokovtsov, V.N.* (1992). Iz moego proshlogo [From my past]. V. 2. M. [in Russian]

Komin, 1965 – *Komin, V.V.* (1965). Bankrotstvo burzhuaznykh i melkoburzhuaznykh partii Rossii v period podgotovki i pobedy Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii [Bankruptcy of the bourgeois and petty-bourgeois parties in Russia during the preparation and victory of the Great October Socialist Revolution]. M. [in Russian]

Kratkii otchet..., 1915 – *Kratkii otchet o deyatelnosti Soveta s"ezdov sudovladel'tsev v 1914 g.* [Brief report on the activities of the Council of Congresses of Shipowners in 1914]. Pg., 1915. [in Russian]

Laverychev, 1974 – *Laverychev, V.Ya.* (1974). Krupnaya burzhuaziya v poreformennoi Rossii. 1861–1900 gg. [Big bourgeoisie in post-reform Russia. 1861–1900]. M. [in Russian]

Livshin, 1959 – *Livshin, Ya.I.* (1959). «Predstavitel'nye» organizatsii krupnoi burzhuazii v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. [“Representative” organizations of the big bourgeoisie in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. *Istoriya SSSR*. 2: 95-117. [in Russian]

Livshin, 1961 – *Livshin, Ya.I.* (1961). Monopolii v ekonomike Rossii: Ekonomicheskie organizatsii i politika monopolisticheskogo kapitala [Monopolies in the Russian economy: Economic organizations and the policy of monopoly capital]. M. [in Russian]

Lur'e, 1913 – *Lur'e, E.S.* (1913). Organizatsiya i organizatsii torgovo-promyshlennykh interesov v Rossii [Organization and organization of commercial and industrial interests in Russia]. SPb. [in Russian]

Lyashchenko, 1914 – *Lyashchenko, P.I.* (1914). Mukomol'naya promyshlennost' Rossii i inostrannye potrebitel'skie rynki [Russian flour milling industry and foreign consumer markets]. SPb. [in Russian]

Mendelev, 1892 – *Mendelev, D.I.* (1892). Tolkoviy tarif ili issledovanie o razvitiu promyshlennosti Rossii v svyazi s ee obshchim tamozhennym tarifom 1891 g. [An explanatory tariff or a study on the development of Russian industry in connection with its general customs tariff of 1891] SPb. [in Russian]

Murav'eva, 2017 – *Murav'eva, L.A.* (2017). Ekonomicheskoe razvitie Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Economic development of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Mezhdunarodnyi bukhgalterskii uchet*. 20(21): 1271-1286. [in Russian]

Nisselovich, 1887 – *Nisselovich, L.N.* (1887). Torgovo-promyshlennye soveshchatel'nye uchrezhdeniya v Rossii. Istoricheskii ocherk [Commercial and industrial advisory institutions in Russia. Historical essay]. SPb. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Shepelev, 1987 – *Shepelev, L.E.* (1987). Tsarizm i burzhuziia v 1904–1914 gg.: problemy torgovo-promyshlennoi politiki [Tsarism and the bourgeoisie in 1904–1914: problems of commercial and industrial policy]. L. [in Russian]

Shneider, 1884 – *Shneider, V.* (1884). O soveshchatel'nykh uchrezhdeniyakh po delam torgovli i promyshlennosti [On advisory institutions for trade and industry]. SPb. [in Russian]

Shul'tse-Governits, 1901 – *Shul'tse-Governits, G.* (1901). Ocherki obshchestvennogo khozyaistva i ekonomicheskoi politiki Rossii [Essays on the social economy and economic policy Russia]. SPb. [in Russian]

Strumilin, 1960 – *Strumilin, S.G.* (1960). Ocherki ekonomicheskoi istorii Rossii [Outlines Russian economic history]. M. [in Russian]

Svyatlovskii, 1923 – *Svyatlovskii, V.V.* (1923). Istoriya ekonomicheskikh idei v svyazi s istoriei ekonomicheskogo byta [The history of economic ideas in connection with the history of economic life]. M. [in Russian]

Vitchevskii, 1909 – *Vitchevskii, V.* (1909). Torgovaya, tamozhennaya i promyshlennaya politika Rossii so vremen Petra Velikogo do nashikh [Trade, customs and industrial policy of Russia from the time of Peter the Great to ours]. SPb. [in Russian]

Vitte, 1912 – *Vitte, S.Yu.* (1912). Konspekt lektsii o narodnom i gosudarstvennom khozyaistve [Abstract of lectures on the national and state economy]. SPb. [in Russian]

Vitte, 1960 – *Vitte, S.Yu.* (1960). Vospominaniya [Memories]. T. 3. M. [in Russian]

Vorontsova, 2013 – *Vorontsova, E.A.* (2013). Predprinimatel'skie organizatsii v Rossii: istoriografiya, istochniki, istoriya [Entrepreneurial organizations in Russia: historiography, sources, history]. M. [in Russian]

Проблема развития институтов взаимодействия государства и бизнеса в Российской империи в конце XIX – начале XX вв.

Константин Васильевич Симонов ^{a, *}, Татьяна Васильевна Евгеньева ^a,
Константин Николаевич Бабичев ^b

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^b Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется вопрос развития системы взаимодействия государства и бизнеса в ракурсе обеспечения социально-экономической модернизации Российской империи в конце XIX – начале XX вв. Источниковая база исследования включает в себя неопубликованные делопроизводственные документы из фондов Российского государственного исторического архива. Методологическую основу исследования образуют сравнительный и структурный анализ.

Сделан вывод о том, что в конце XIX – начале XX вв. в России были крайне слабо развиты институты представительства всего делового сообщества, что в значительной степени было обусловлено сопротивлением со стороны консервативно настроенных представителей политического руководства империи. В то же время в Российской империи достаточно активно формировалась сеть не интегрированных между собой отраслевых и территориальных объединений предпринимателей. При этом сохраняющаяся разобщенность российского предпринимательского слоя, несогласованность интересов представителей ведущих отраслей промышленности серьезно ограничивали их эффективность. Также следует отметить, что наиболее активные представительские структуры предпринимателей выражали, как правило, интересы крупного бизнеса. В начале XX века, после возникновения парламентских институтов, возможности отечественного бизнеса в плане лоббирования собственных интересов увеличились незначительно, поскольку выражавшие интересы делового сообщества партии (в первую очередь кадеты и октябристы) либо находились в состоянии конфликта с правительством, либо, напротив, были вынуждены согласовывать с ним свою политическую позицию. Таким образом, система взаимодействия власти и бизнеса в России в конце XIX – начале XX столетий так и не получила приемлемого институционального оформления, не могла обеспечить эффективное согласование и выражение интересов всех слоев делового сообщества и отраслей экономики в рамках непрерывного диалога с государством. Это в свою очередь затрудняло реализацию планов реформистского крыла российской политической элиты, поскольку потенциал бизнеса не мог быть полностью использован для модернизации страны, а существовавшая институциональная среда порождала предпосылки для конфликта между деловым сообществом и государственными структурами.

Ключевые слова: бизнес, государство, модернизация, институты, съезды предпринимателей, кадеты.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: KVSimonov@fa.ru (К.В. Симонов), etv133@mail.ru (Т.В. Евгеньева), babichev_ks@mail.ru (К.Н. Бабичев)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1831-1842
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1831

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The First Concept of Archaeological Education in Russia

Yulia G. Kokorina ^{a, *}, Vasily A. Rogozhkin ^a, Lyailya G. Khusnutdinova ^a, Elena Z. Zulkarnaeva ^b

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

^b Ufa State Petroleum Technical University, Russian Federation

Abstract

Modern archaeological education in Russia, as the archaeologists themselves note, is in a state of crisis. Therefore, it is relevant to study the experience of teaching archaeology in the XIX century. This experience is often undeservedly forgotten. The authors of this article introduce into scientific circulation a new archival document – lectures given by the outstanding Russian archaeologist Count A.S. Uvarov to Grand Dukes Sergei Alexandrovich and Pavel Alexandrovich, use the memories of contemporaries to realize the influence of archaeological education on the life and work of Grand Dukes, on the development of higher education in Russia. The novelty of this work lies in the analysis of lectures to representatives of the House of Romanov and the speech of Count A.S. Uvarov at the III Archaeological Congress in the context of the development of Russian and world archaeological thought at the end of the XIX century. As a result, the authors came to the conclusion that the concept of archaeological education proposed by Count A.S. Uvarov was ahead of its time. It included the theory of archaeology from the definition of this science to the interpretation of its basic concepts, the empirical part based on the latest achievements of world archaeological thought, the idea of protecting ancient monuments, which is reflected in the concept of the State Historical Museum and educational Archaeological Museums, and a number of provisions that archaeologists began to address only in the XXI century.

Keywords: history of archeology, archaeological education, Grand Duke Sergei Alexandrovich, Grand Duke Pavel Alexandrovich, Third Archaeological Congress, Count A.S. Uvarov.

1. Введение

Археология как область человеческого знания позволяет реконструировать прошлое человечества в дописьменную эпоху и во времена, когда письменные источники для подобных реконструкций недостаточно информативны. Она дает возможность понять истоки явлений современности не только в области материальной, но и духовной культур. Не случайно выдающийся российский археолог А.М. Лесков в своих лекциях называл археологию гуманистической дисциплиной. Не боясь патетики, можно сказать, что без знания древнейшего прошлого народов своей страны невозможна любовь к Родине.

Состояние современного археологического образования в России сами российские археологи характеризуют как кризисное (Винокуров, 2020; Канторович и др., 2010; Клейн, 2017; Кокорина и др., 2022; Умиткалиев и др., 2020; Шер, 2011). Преодоление сложившейся ситуации видится в обращении к опыту разработки программ археологического образования, имеющемуся в отечественной науке, опыту, который оказывается по-настоящему не оцененным и незаслуженно забытым. В анализе такого опыта видится актуальность данной статьи. Задачей нашей работы является рассмотрение одной из первых концепций археологического образования в России на основе архивных и опубликованных материалов в

* Corresponding author

E-mail addresses: kokorina@inbox.ru (Yu.G. Kokorina), dmitrow16@yandex.ru (V.A. Rogozhkin), Lavanda-55@mail.ru (L.G. Khusnutdinova), zulkarnaeva@mail.ru (E. Zulkarnaeva)

контексте развития археологической науки в нашей стране и за рубежом. Подобный ракурс не использовался в отечественной историографии, в чем состоит новизна данной работы.

Первые российские археологи видели свою задачу не только в проведении широких полевых исследований и осмыслении их результатов, но и в создании системы археологического образования в России. Значительное место в этой работе принадлежит одному из организаторов археологической науки, председателю Московского археологического общества (МАО), графу А.С. Уварову (1825–1884). Вклад одного из пионеров российской археологии в отечественную и мировую науку еще нуждается во всесторонней оценке, и масштаб этой личности еще предстоит осознать. Целью данной статьи является изучение опыта создания концепции археологического образования, созданной А.С. Уваровым и воплощенной в его лекционном курсе для великих князей, который был прочитан в 1876 году, и в выступлении на Третьем археологическом съезде, материалы которого опубликованы в 1878 году.

2. Материалы и методы

Материалом данного исследования является рукописная программа лекций по археологии, прочитанных графом А.С. Уваровым великим князьям Сергею Александровичу и Павлу Александровичу, сыновьям императора Александра II, в 1876 году, которая обнаружена нами в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (Москва, Российская Федерация). Таким образом, мы вводим в научный оборот новый исторический источник. Кроме того, нами проанализирована статья А.С. Уварова, помещенная в документах Третьего археологического съезда в Киеве.

В качестве материалов нами использованы также воспоминания супруги А.С. Уварова, графини П.С. Уваровой, которая активно участвовала в деятельности Московского археологического общества и сменила супруга на посту председателя МАО в 1885 году, поэтому ее воспоминания имеют значительную ценность (Уварова, 2005).

Рукописная программа лекций по археологии занимает 19 листов тетради, а к ней, кроме вкладок с планами лекций, прилагается подробная программа создания Исторического музея, написанная в записной книжке самим графом А.С. Уваровым мельчайшим почерком. Программа создания музея – отдельный исторический документ, требующий специального исследования (Щербатов, 1911).

Нами использованы такие методы исторической науки, как сравнительно-исторический (сопоставление событий и явлений), классификационный (выделение классов явлений), дескриптивный (описание событий). Мы применяли общеисторические принципы: историзма (выделение структуры и развития явления, подхода к нему конкретно-исторически), объективности (всестороннее рассмотрение явления без сокрытия и замалчивания фактов). Сравнительно-исторический метод позволил нам сравнить уровень преподавания археологии графом А.С. Уваровым с мировыми достижениями науки в этой области. Классификационный метод использован нами для выделения черт А.С. Уварова как историка, археолога, педагога.

3. Обсуждение

Литература нашего исследования распадается на три блока. Первый – включает работы, освещающие деятельность А.С. Уварова. Его личность стала объектом изучения более ста лет назад (Граф Алексей Сергеевич Уваров, 1910). Но в этих работах не говорится о педагогической деятельности графа. В литературе до 1917 года преобладало восторженное отношение к его творчеству, кроме статьи А.А. Спицына (Спицын, 1905). В советское время отношение к деятельности А.С. Уварова было как положительным (Готье, 1925; Жебелев, 1923), так и резко отрицательным (Равдоникас, 1930; Арциховский, 1947; Арциховский, 1955). Богатый материал о личности и творчестве графа А.С. Уварова собрал А.А. Формозов (Формозов, 1993). Эту работу с некоторыми уточнениями изложил в своем труде Л.С. Клейн (Клейн, 2018). Уделяя внимание теоретическим работам основателя МАО, эти авторы ничего не пишут о педагогической деятельности ученого.

Современные исследователи изучают различные аспекты многогранной деятельности А.С. Уварова (Пискотина, 2017; Макаров, 2015; Бархат, 1955; Кызласов, 2009), но ни в одном из их трудов не упоминается педагогическая работа графа.

Второй блок – биографии великих князей Сергея Александровича и Павла Александровича, в которых раскрываются их личности, причем особый интерес историков вызывает персона Сергея Александровича. Для целей нашей работы интересно проследить роль, которую сыграл курс, прочитанный графом А.С. Уваровым, в интеллектуальном и нравственном формировании великих князей, поэтому мы использовали публикации документов и материалов к биографии Сергея Александровича (1857–1905), 165-летие со дня рождения которого отмечается в 2022 году, его дневники, крымский дневник великого князя Георгия Михайловича (Авчинников, 1915; Великий князь..., 2006; Из юношеских дневников, 2006).

Третий блок составляют труды, освещающие уровень развития археологической науки и археологического образования в конце XIX века в России и мире (Арциховский, 1955; Клейн, 2011; Клейн, 2018; Лебедев, 1992; Платонова, 2010).

4. Результаты

Теоретические вопросы археологии в концепции археологического образования

Первая лекция начинается с определения понятия «археология», которое А.С. Уваров, приведя исходные греческие корни этого слова, трактует как «наука о древностях» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 2). В этом выдающийся российский археолог во многом опередил свое время: в мировой науке археологию понимали как часть истории античного искусства, «монументальную филологию» (Клейн, 2011: 203). Об этом писал и сам граф: «Объем археологии понимали различно, даже доселе принимают историю художеств за всю археологию» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 2). Поэтому так ценно сформулированное А.С. Уваровым понятие археологии, более чем на столетие определившее суть этой науки для российских археологов: наука, изучающая «древний быт народов по вещным источникам какого бы ни было рода, оставшихся от древней жизни каждого народа» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 2). Это понимание позволит Г.С. Лебедеву назвать российскую археологию того периода «бытоописательной» (Лебедев, 1992: 187).

Граф А.С. Уваров дает определение археологического памятника, подчеркивая, что «не каждый из предметов древнего быта имеет научное значение для археологии, а только тот для нас важен, который действительно способствует к достижению известного научного вывода» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 2). При этом исследователь вносит свой вклад не только в теоретическую, но и в полевую археологию, выделяя три условия признания вещи археологическим памятником: «1) на каком месте найден был и сделан был памятник? 2) при каких условиях найден был этот памятник? 3) к какому времени принадлежит памятник и какая степень его сохранности» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 2).

Специфика понимания археологического памятника во второй половине XIX века заключается в следующих словах графа А.С. Уварова: «Археологическим памятником следует признать только тот остаток вещественный, письменный или изустный, который поясняет нам культурное состояние быта какого-либо народа в известную эпоху» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 3). В этом состоит отличие от современного понимания археологического памятника как исключительно материального объекта, сделанного человеком, – артефакта. Обращение российского исследователя к теоретическим проблемам археологии говорит не только о глубине его познаний, но и об определенной научной смелости: осмысление теоретических основ археологической науки только разворачивается в наши дни.

А.С. Уваров отмечает в своих лекциях необходимость выявления следующих особенностей археологического памятника в ходе полевых исследований: «1) место (находки – Авт.), 2) при каких условиях найден; 3) время и степень сохранности» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 3). Эти наблюдения являются обязательными для современных археологов. Сам граф в ходе своих раскопок неукоснительно ими пользовался, что подтверждают исследователи, изучавшие его научное наследие (Макаров, 2015).

При этом граф А.С. Уваров выделяет три стороны в археологическом памятнике – собственно археологическую, художественную и техническую (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 3). Здесь прослеживается попытка выделения подсистем изучения и описания вещи, которые будут открыты в 2000-х годах как единство формы, технологии и декора артефактов (Кокорина, Лихтер, 2010: 17; Лихтер, 2015: 90; Шапова, 2000: 41).

Граф А.С. Уваров никогда не был чисто «кабинетным ученым», поэтому в своих лекциях он ставит задачи русской археологии: изучать памятники, «оставшиеся от народов, из которых сперва слагалась Русь, а потом – Русь-государство» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 4). «История, как и археология, занимается исследованием памятников древнего быта, и они обе суть отрасли одной и той же общей науки – бытописания народов» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 5).

При этом ученый указывает на, выражаясь современным языком, междисциплинарный характер археологии: он говорит о необходимости обращения к геологии, при этом не только европейской, но и американской. Так, он упоминает коралловую скалу на Юго-Восточной оконечности Флориды и нанос земли у Нового Орлеана. Заметим, что о междисциплинарном характере археологии российские исследователи заговорили только недавно (Археология..., 2009: 1080), а изучение памятников Нового Света остается за бортом археологического образования до сих пор. Таким образом, А.С. Уваров опережал развитие российской науки более чем на полтора столетия.

Российский археолог свободно ориентировался в отечественной и иностранной литературе по истории, археологии, искусствоведению, религиоведению, о чем говорят составленные им каталоги его книжных собраний, как, например, «Библиографические записки по археологии» объемом 116 листов (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 235) и «Словарь иконописцев», составленный графом в 1857 году объемом 115 листов (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 276). Ученый следит за новейшими открытиями в теоретической мысли: в его программе выделены имена Й. Ворсо, О. Монтелиуса, Т. Моммзена, А.А. Спицына (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 4). А.С. Уваров вводит современную ему и сохранившуюся поньше антропологическую терминологию в свой курс, указывая на необходимость отличать брахикефальные и доликефальные черепа, сравнивать объем теменной части (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 4). Лекции читаются в 1876 году, но в их программе упомянут открытый всего двадцатью годами ранее грот

Неандерталь с останками предка человека, названного по месту этой находки (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 4). Все это свидетельствует о внимании графа к последним достижениям мировой археологии.

Эмпирическая часть курса археологии

Начинается изложение курса археологии по только созданной О. Монтелиусом так называемой «системе трех веков» – каменного, бронзового и железного. Заметим, что самому А.С. Уварову принадлежит авторство начальной части задуманного им учебника по археологии, называемой «Каменный период» (Уваров, 1881). Исследователь выделяет в читаемом им великим князьям курсе периоды внутри каменного века: «1) древнейший, или отбивных орудий; 2) новейший, или шлифованных орудий» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 11). При этом на полях написаны красными чернилами фамилии Й. Ворсо и О. Монтелиуса, что говорит о знакомстве А.С. Уварова с новейшими работами датских ученых. Именно они стали основателями так называемого «типологического метода» в археологии, не утратившего своего значения и в наши дни (Клейн, 2011: 444).

Иллюстрировать свой курс преподаватель планирует реальными находками из раскопок в своем имении Поречье, публикациями артефактов из Сибири и упоминает сообщения Третьего археологического съезда, в материалах которого имелись статьи, посвященные находкам эпохи камня (Труды..., 1978: 141-152; 171-180). Лектор пытается привить слушателям навыки исторических реконструкций на археологическом материале: он упоминает иглы из кости – «следовательно, шили одежду из шкуры медведя» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 12).

Повествуя о бронзовом веке, А.С. Уваров пытается увлечь слушателей эмоциональными оценками: «появляются красивые изделия из бронзы» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 14). Лектор отмечает появление нового погребального обряда – трупосожжения и строительство мегалитических памятников, смело проводя историческую аналогию: «остаток древнейшего обычая (мать сыра земля)» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 14).

Рассуждая о бронзовом веке, ученый упоминает памятники Миноса и Кносса, раскопки которых начаты А. Эвансом в 1878 году. Исследователь говорит о сложности определения пропорций меди и олова в первых бронзовых изделиях (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 13), ставя проблему проведения анализа химического состава находок, что приобретет широкий размах только в 1950-е годы (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 14).

К бронзовому веку ученый относит культуру скифов, упоминая книгу «Мельпомена» в «Истории» Геродота как источник информации об обычаях этого народа (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 14). Современная наука внесла коррективы, и археологи XXI века относят культуру скифов к эпохе железа, но во времена чтения курса многочисленные скифские памятники Северного Причерноморья еще не были открыты. Здесь же А.С. Уваров приводит названия основных греческих колоний на побережье Черного моря, указывая даты их основания: Диоскуриада (1500 до Р.Х.), Ольвия (5 в.), Феодосия, Пантикапей (511 г.), Фанагория (511 г.), Херсонес (500 г.), Гераклея Понтийская, Нимфей, Горгишия. К бронзовому веку ученый относит и гробницы этрусков (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 14).

Одной из ярчайших черт железного века исследователь называет появление курганов, отмечая, что «обычай этот, кажется, начинается с греческой эпохи» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 14), упоминая работу А.А. Котляревского о погребальных обрядах и описания Ибн-Фадлана. Сейчас мы знаем, что Ибн Фадлан писал о древнеславянских курганах, но для нас интересно стремление лектора понять истоки явления (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 14).

В литературе обсуждалась ошибочность отнесения раскопанных А.С. Уваровым раннеславянских курганов к мерянским памятникам (Формозов, 1993). О мерянах по материалам своих раскопок собирается рассказывать ученый и в своих лекциях, он ассоциирует славянские «племена» «Повести временных лет» с конкретными археологическими памятниками, указывая: «Кривичи – раскопки из Смоленска, северяне – Черниговские курганы Самоквасова, славяне ильменские или новгородские – Илловайский» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 14). Смело проводя исторические реконструкции, А.С. Уваров говорит о том, что о торговых путях прошлого свидетельствуют находки монет, отмечая находки кладов восточных монет от Волги до Балтийского моря (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 15). Повествуя об археологии Древней Руси, граф разделяет позицию искусствоведов, прослеживающих западные влияния в древнерусской архитектуре. При этом его рассказ охватывает не только собственно архитектуру, но и мозаики, образцы финифти (эмали), в которой ученый отличает перегородчатую и поливную (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 18).

Граф А.С. Уваров как педагог

Примечательно, что первая лекция посвящена теоретическим проблемам археологии, она вводит слушателя в суть вопроса. Чтобы усвоение материала было оптимальным, А.С. Уваров структурирует информацию, выделяя первое, второе, третье и последующие положения.

Рассказывая об античном периоде в Северном Причерноморье, А.С. Уваров стремится сделать свое повествование и научным, и наглядным. Так, напротив записи черными чернилами «Ольвия в 655 г. до Р.Х.» он делает пометку красными чернилами: «рисунок плюща» (имея в виду живопись жидкой глиной по черному лаку), против записи «Херсонес около 500 г. до Р.Х.» – красным: «план города, предметы», черным: «Фанагория основана около 511 г. до Р.Х.», красным: «курган Суворовского редута» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 17). Свои рассуждения А.С. Уваров

предполагает иллюстрировать не только книжными изображениями, но и демонстрируя реальные артефакты из своих раскопок (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 4).

Темой отдельной работы может стать программа создания Музея государя цесаревича (ныне – Государственного исторического музея). А.С. Уваров понимает необходимость познакомить великих князей не только с основами археологии, но и разъяснить им необходимость сохранения памятников прошлого, чему призван был служить музей. А.С. Уваровым составлена подробная программа содержательного наполнения каждого зала музея, написанная в самодельной записной книжке объемом в 21 страницу.

В дневнике великого князя Сергей Александровича от 4 февраля 1876 года записано: «Были с Графом Уваровым в Эрмитаже и рассматривали керченские вещи, он много мне объяснил, было очень интересно» (Из юношеских дневников, 2006: 277).

Представляется важным проследить сходство и различие концепций преподавания археологии в курсе, читанном детям Александра II, и в опубликованных материалах III Археологического съезда.

Программа курса археологии в выступлении на Третьем археологическом съезде

Выступая на открытии съезда, граф А.С. Уваров характеризовал подлежащие обсуждению проблемы, среди которых – «указать на способ преподавания археологии и, наконец, поставить археологическую науку в число наук, преподаваемых в наших университетах» (Труды..., 1878: 15). Начиная с этимологии слова «археология» как «наука о древностях», А.С. Уваров критикует установившееся в мировой науке понимание археологии как изучение древнего искусства. При этом российский ученый рассматривает работы немецких, французских и итальянских археологов на языке оригиналов (Уваров, 1878: 19-20) и с сожалением замечает, что в России «слишком мало доселе занимались археологиею, чтобы составить себе самостоятельное определение этой науки» (Уваров, 1878: 20). Археологию в своем выступлении на археологическом съезде он трактует так же, как и в курсе, читанном великим князьям: как науку, «изучающую древний быт народов по всем памятникам, какого бы ни было рода, оставшимся от древней жизни каждого народа» (Уваров, 1878: 21).

А.С. Уваров понимает под археологическим памятником, выражаясь современным языком, фрагмент или артефакт, обнаруженный в ходе раскопок и соответствующим образом интерпретированный. В докладе ученый иллюстрирует свою мысль конкретными примерами, только упомянутыми в конспекте лекций. Например, если в конспекте написано «железный гвоздь», «фреска», то в публикации выступления дается развернутая характеристика: «гвоздь, если он найден в древней могиле, несомненно указывает на эпоху железного века» (Уваров, 1878: 21) и фрагмент фресковой живописи, найденный на уровне помоста Десятичной церкви в Киеве, говорит о наличии росписей (Уваров, 1878: 21). А.С. Уваров, не применяя этого термина, впервые ставит вопрос о роли аналогий в археологических исследованиях и необходимости обоснования подлинности древних вещей.

Как и в курсе, читаемом А.С. Уваровым великим князьям, так и в своем выступлении на археологическом съезде, выделены две стороны в каждом памятнике: археологическая и художественная. Под археологической стороной понимается «значение памятника в те времена, к которым он принадлежал» (Уваров, 1878: 23). В этом значении исследователь выделяет два, как он говорит, «оттенка»: общий, характеризующий эпоху, и личный, указывающий на особенности творчества автора памятника. Выделять общее, частное и индивидуальное при анализе археологических памятников ученые начнут только в начале XXI века (Щапова, 2000: 29). В художественной стороне ученый выделяет также две стороны: собственно художественную (стиль и эстетика, выражаясь современным языком) и техническую (материал и технология изготовления древней вещи). Здесь прослеживаются зачатки рассмотрения древней вещи как системы, состоящей из подсистем: материал, технология, декор, конструкция, функция, к чему археологи придут также в XXI веке (Кокорина, Лихтер, 2010: 17).

Рассуждая о художественной части археологического памятника, А.С. Уваров отмечает характерное для древних эпох «поглощение (художественной – Авт.) школою всякого личностного оттенка» (Уваров, 1878: 25), то есть, выражаясь современным языком, говорит о традиционном характере древнего искусства, что обусловлено мифологическим характером мышления людей далекого прошлого. В отечественной и мировой науке об этом заговорили только в XX веке (например, Кассирер, 2002, Т. 2: 104; Раевский, 2006: 281; Фрейденберг, 1997 passim; Фрейденберг, 1998: 28; Eliade, 1963).

А.С. Уваров дискутирует с И.Е. Забелиным в определении задач археологии, закладывая основы российской научной традиции, согласно которой археология является частью комплекса исторических наук. «Не предмет их исследований составляет существенное между ними различие, а сам способ или метод, употребляемый при этих исследованиях» (Уваров, 1878: 30). Отстаивая право археологии на собственную методику, граф А.С. Уваров дает определение задач русской археологии, как и в лекциях: исследование «древнего русского быта по памятникам, оставшимся от народов, из которых сперва сложилась Русь, а потом и русское государство» (Уваров, 1878: 32).

Переходя к задачам преподавания археологии, А.С. Уваров предлагает строить его из двух частей: теоретического и практического курсов. Под теоретической частью исследователь понимает изложение результатов, полученных в ходе исследования археологических памятников, а под

практической – методику полевых исследований (Уваров, 1878: 34). При этом ученый обосновывает необходимость создания систематических собраний древностей, «устроенных для преподавания» (Уваров, 1878: 35). Он систематизирует коллекции: в первую группу войдут памятники зодчества, ваяния и живописи, во вторую – «памятники палеографические, письма и языка, эпиграфические, нумизматические и сфрагистические», в третью – «остальные памятники религиозного, общественного и домашнего быта» (Уваров, 1878: 35). При этом ученый указывает на роль слепков, фотографий и рисунков в преподавании археологии (Уваров, 1878: 35). Впоследствии слушавший курс А.С. Уварова великий князь Сергей Александрович на посту московского генерал-губернатора сделает очень много для поддержки открытия «Музея изящных искусств имени императора Александра III при Императорском Московском университете» (ныне ГМИИ имени А.С. Пушкина). Этот музей составлялся И.В. Цветаевым именно как учебный, и слепки с выдающихся произведений искусства занимают в нем значительное место.

При обсуждении доклада А.С. Уварова на археологическом съезде особое внимание слушателей было вызвано положениями о сущности археологии как науки, чему был посвящен специально доклад И.Е. Забелина (Забелин, 1878). А.С. Уваров видит задачу археологии в описании быта народа, о чем говорит и в докладе, и в курсе. Так еще в начале своего развития российская археология формировала свою научную методику, теорию и методологию, выкристаллизовываясь в столкновении неоднозначных мнений, как, например, высказанное И.Е. Забелиным положение о независимости археологии и истории (Труды..., 1878: XXIII).

Значение разработок графом А.С. Уваровым программы преподавания археологии

А.С. Уваров прочитал курс археологии великим князьям и выступил с концепцией ее преподавания перед коллегами. Сложно однозначно судить о том влиянии, которое оказали лекции ученого на членов Дома Романовых, но некоторые предположения возможны.

Великий князь Сергей Александрович в юности проводил раскопки в Крыму под руководством А.С. Уварова. Согласно дневникам августейшего археолога, 30 сентября 1875 года «нашли бронзовые вещи; я, между прочим, нашел большое кольцо с отверстием, вероятно, на шею, выделанные раковинки и бронзовые бляхи. Михайловичи были. Николай в своем дольмене нашел человеческий череп и был очень доволен; это хорошее открытие...» (Софьин, Софьина, 2017: 203). Сергей Александрович в 1883 году содействовал археологическим раскопкам в Иерусалиме. «Будучи почетным членом Императорского Московского Археологического Общества, он лично посещал его, делал свои замечания, показывавшие в нем не обычного только любителя, а знатока дела, особенно когда это касалось церковной археологии» (Авчинников, 2015: 57). В конфликте между Московским археологическим обществом и городским головой Н.А. Алексеевым, который в своих грандиозных строительных планах не щадил памятники древней архитектуры, пережившие пожар 1812 года, Сергей Александрович поддержал позицию археологов (Софьин, 2021: 58).

Он активно содействовал И.В. Цветаеву, не жалел сил и средств на постройку музея, задуманного как учебный при Московском университете. Как писала графиня П.С. Уварова, «могу быть справедливым судьей того интереса, с каким взялся великий князь за вопрос о музее и с какой настойчивостью он вызывал его к жизни» (Уварова 2005: 145). Великий князь являлся обладателем коллекции античных терракот (Цветаев, 1894), и не случайно А.С. Уваров называл Сергея Александровича «великим князем от археологии» (Авчинников, 2015: 12). Граф был главным руководителем поездки великих князей по Северу России с участием в раскопках курганов (Посещение Пскова..., 1878: 116-17; Соколов, 1879).

«Великий князь состоял председателем Императорского Российского исторического музея имени Императора Александра III, почетным членом Русского исторического общества, Императорских Русского и Московского археологических обществ, Археологического музея в Константинополе, был покровителем Русского археологического института в Константинополе. В зрелом возрасте Сергей Александрович даже председательствовал на археологических съездах, удивляя профессиональных ученых основательностью суждений» (Софьин, 2021: 53).

Великий князь принимает активное участие в создании Исторического музея в Москве. Он вместе с младшим братом, великим князем Павлом Александровичем, с которым слушал курс А.С. Уварова, финансирует создание одного из залов музея (Софьин, 2021: 59). «Сергей Александрович явно горел желанием поскорее сформировать всю экспозицию, доводимую по плану Уварова до середины XIX века... Доводы профессионалов Великий Князь принимает безоговорочно, не допуская ни малейшего давления с высоты своего положения... В 1899 году Великий Князь на личные средства покупает для музея коллекцию старинных крестов и монет. Но особенно его каждый раз радует возможность обогатить собрание археологическими находками. Так в музей попадают украшения вятичей из курганов в Ильинском, Калуге и Черневе, а также русские шлемы XVI века, найденные при строительных работах в Москве на Варварке» (Гришин, 2013: 48). По инициативе и на средства Сергея Александровича в 1890–1891 годах проводятся крупные раскопки в Витебской губернии. Находки передаются в Исторический музей (Гришин, 2013: 49).

Масштабные раскопки проводятся в 1894–1895 годах в Кремле, «с полученным генерал-губернатором разрешения Императора привлекают самое пристальное его внимание» (Гришин, 2013:

49-50). «Он следит за работами по восстановлению дворца в Угличе, за реставрацией Архангельского и Успенского соборов в Кремле и Покровского собора на Красной площади; беспокоится об обветшалых приделах кремлевских храмов, о надгробьях в Крутицах, о состоянии старых московских церквей» (Гришин, 2013: 50). Отдельная тема – раскопки, проведенные в Иерусалиме по инициативе и на средства Сергея Александровича. При этом великий князь заботится о научном анализе материалов раскопок, о чем лично запрашивает Русское археологическое общество (Великий князь, 2009: 128-129). О значении курса А.С. Уварова в биографии Павла Александровича судить сложно из-за того, что большую часть жизни великий князь прожил за границей. Но братья были очень дружны, вместе участвовали в раскопках под руководством своего наставника (Белякова, 1999: 73).

5. Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что граф А.С. Уваров был не только выдающимся ученым и организатором археологической науки, но и замечательным педагогом, лекции которого оставили глубокий след в душах его учеников и отразились на их дальнейшей деятельности. У великих князей были талантливые учителя, в том числе и по истории, но понимание необходимости и важности археологических исследований, охраны памятников старины, создания музеев национального масштаба было сформировано, следует надеяться, в ходе обучения курсу археологии графа А.С. Уварова.

Председатель Московского археологического общества заботился о воспитании нового поколения археологов, поэтому ставил перед коллегами вопрос преподавания новой для России науки. При этом он демонстрировал глубокое понимание необходимости теоретических исследований, широкую эрудицию, знание современных ему отечественных и зарубежных разработок. А.С. Уваров – не только теоретик, но и практик, он уделяет внимание подготовке будущих археологов к полевым исследованиям и делает акцент на создании учебных археологических музеев как важном элементе такой подготовки.

В своей концепции археологического образования в России граф А.С. Уваров во многом опережал свое время, ставя и решая проблемы, к которым отечественная и мировая научная мысль обратится уже в наши дни: это и системное изучение вещей, и поиск аналогий и подлинности памятников, и статус археологии как науки со своим предметом и методикой, и целый ряд других. Перед нами предстает уникальная и разносторонняя личность одного из первых российских археологов, не жалевшая усилий для воспитания научных кадров по самым последним мировым стандартам, личность, истинный масштаб которой отечественной науке еще предстоит оценить.

Литература

- Авчинников, 1915 – Авчинников А.Г. Великий князь Сергей Александрович. Екатеринбург: Типография М.С. Копылова, 1915. 79 с.
- Археология..., 2009 – Археология – междисциплинарная наука. Обсуждение научного сообщения // *Вестник РАН*. 2009. Т. 79. № 12. С. 1079-1081.
- Арциховский, 1947 – Арциховский А.В. Введение в археологию. М.: МГУ, 1947. 220 с.
- Арциховский, 1955 – Арциховский А.В. Археология // *Очерки истории исторической науки в СССР*. М.-Л.: Наука, 1955. Т. 1. С. 521-550.
- Бархат, 1955 – Бархат И.М. А.С. Уваров – Герцену // *Литературное наследство*. 1955. Т. 62. С. 604.
- Белякова, 1999 – Белякова З.И. Великие Князья Алексей и Павел Александровичи. Дворцы и судьбы. СПб.: Белое и Черное, 1999. 142 с.
- Великий князь..., 2009 – Великий князь Сергей Александрович Романов на посту Председателя Императорского Православного Палестинского общества. М.: Новоспасский монастырь, 2009. 160 с. С. 128-129.
- Великий князь..., 2006 – Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы / Составитель И.В. Плотникова. Книга 1.: 1857–1877. М.: Новоспасский монастырь, 2006. 400 с.
- Винокуров 2020 – Винокуров Н.И. К концепции развития археологического образования в России // *Преподаватель 21 века*. 2020. № 2. С. 140.
- Готье, 1925 – Готье Ю.В. Очерки по истории материальной культуры восточной Европы до основания первого русского государства. Л.: Брокгауз–Ефрон, 1925. Т. 1. 270 с.
- Граф Алексей Сергеевич Уваров, 1910 – Граф Алексей Сергеевич Уваров. Материалы для биографии и статьи по теоретическим вопросам: Сборник: Издан ко дню 25-летия со дня кончины / Под ред. гр. П.С. Уваровой. М.: Товарищество типографий А.И. Мамонтова, 1910. Т. 3. 1910. 374 с.
- Гришин, 2013 – Гришин Д.Б. Историческая память в служении Великому князю Сергею Александровичу / *На службе России. Великий Князь Сергей Александрович. Материалы научных конференций 2011–2012 гг.* М.: Издание Фонда памяти Великого Князя Сергея Александровича, 2013. С. 44-56.
- Жебелев, 1923 – Жебелев С. А. Введение в археологию. Петроград: Наука и школа, 1923. Ч. 1. 172 с.

Забелин, 1878 – *Забелин И.Е.* В чем заключаются задачи археологии как самостоятельной науки? // *Труды Третьего Археологического съезда. Киев: В типографии Императорского университета имени Святого Владимира.* 1878. С. 1-17.

Иванов, 2017 – *Иванов В.А.* Кризис вузовского археологического образования в Башкортостане и перспективы его преодоления // *Педагогический журнал Башкортостана.* 2017. № 6. С. 55-63.

Из юношеских дневников..., 2006 – Из юношеских дневников Великого Князя Сергея Александровича. 1873–1877 // *Великий Князь Сергей Александрович Романов. Биографические материалы. Книга 1: 1857–1877. М.: Новоспасский монастырь, 2006. 400 с.*

Канторович и др., 2010 – *Канторович А.Р., Лбова Л.В., Енисосова Н.В.* О состоянии и перспективах археологического образования в вузах России в условиях перехода на двухуровневую систему // *Вестник Новосибирского государственного университета.* 2010. Серия «История, филология». Т. 10. Выпуск 3. Археология, этнография. С. 6-113.

Кассирер, 2002 – *Кассирер Э.* Философия символических форм: В 3 тт. М.-СПб.: Университетская книга, 2002.

Клейн, 2018 – *Клейн Л.С.* История Российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2018. 704 с.

Клейн, 2011 – *Клейн Л.С.* История археологической мысли. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2011. Т. 1. 628 с.

Клейн, 2017 – *Клейн Л.С.* Об идеальной среде для преподавания археологии // *Университетская археология: прошлое и настоящее.* СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2017. С. 13-18.

Кокорина и др., 2022 – *Кокорина Ю.Г., Вагабов М.М., Акимова А.А.* Современное археологическое образование в России: решение проблем гуманитариев с привлечением опыта подготовки высших технических кадров // *Перспективы науки и образования.* 2022. № 3(57). С. 23-37.

Кокорина, Лихтер, 2010 – *Кокорина Ю.Г., Лихтер Ю.А.* Морфология декора. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 200 с.

Кызласов, 2009 – *Кызласов И.Л. П. Кондаков и А.С. Уваров (по материалам переписки) // ARCHEOLOGIA ABRAHAMICA. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М.: Индрик, 2009. С. 93-115.*

Лебедев, 1992 – *Лебедев Г.С.* История отечественной археологии (1700–1917 гг.). СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 1992. 463 с.

Лихтер, 2015 – *Лихтер Ю.А.* Вещественный источник и база данных – принципы взаимодействия. М.: ООО «ТМ Продакшн», 2015. 414 с.

Макаров, 2015 – *Макаров Н.А. А.С. Уваров и начало археологического изучения Северо-Восточной Руси // Археология Владимиро-Суздальской земли.* 2015. № 5. С. 3-13.

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

Пискотина, 2017 – *Пискотина В.А. А.С. Уваров и проведение первых археологических съездов: дело, ставшее традицией / Актуальные проблемы отечественной истории. Сборник научных трудов.* М.: Планета, 2017. С. 27-32.

Платонова, 2010 – *Платонова Н.И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 314 с.

Посещение Пскова..., 1878 – Посещение Пскова Их Императорскими Высочествами Великими Князьями Сергеем и Павлом Александровичами, Константином и Дмитрием Константиновичами с 8 по 12 июня 1878 года. Псков: Типография Губернского правления, 1878. 37 с.

Равдоникас, 1930 – *Равдоникас В.И.* За марксистскую историю материальной культуры // *Известия Государственной академии истории материальной культуры.* 1930. Т. VII. Вып. 3–4. 94 с.

Раевский, 2006 – *Раевский Д.С.* Мир скифской культуры. М.: Языки славянских культур, 2006. 598 с.

Софьин, Софьина, 2017 – *Софьин Д.М., Софьина М.В.* «...Сергей и я, мы были на раскопках, но ничего не нашли»: Крымский дневник Великого князя Георгия Михайловича. 1875 г. // *Вестник архивиста.* 2017. № 3. С. 199-209.

Софьин, 2021 – *Софьин Д.М.* Великий князь Сергей Александрович // *Вопросы истории.* 2021. № 8–1. С. 51-75.

Спицын, 1905 – *Спицын А.Л.* Владимирские курганы. СПб. Б.и. 1905. 90 с.

Труды..., 1878 – *Труды Третьего Археологического съезда. Киев: В типографии Императорского университета имени Святого Владимира,* 1878. 447 с.

Уваров, 1881 – *Уваров А.С.* Археология России. Каменный период. М., 1881. Т. 1. 268 с.

Уваров, 1878 – *Уваров А.С.* Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии и в каком систематическом порядке должна быть распределена эта программа? // *Труды Третьего Археологического съезда. Киев: В типографии Императорского университета имени Святого Владимира,* 1878. С. 19-58.

Уварова, 2005 – *Уварова П.С.* Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Издательство имени Сабашниковых, 2005. 296 с.

Умиткалиев и др., 2020 – Умиткалиев У.У., Лбова Л.В., Хабдулина М.К. Новые методы и технологии в профессиональной подготовке специалистов в сфере археологии и этнологии // *Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева*. 2020. № 2. Серия «Исторические науки. Философия. Религиоведение». С. 85-94.

Формозов, 1993 – Формозов А.А. А.С. Уваров и его место в истории русской археологии // *Российская археология*. 1993. № 3. С. 228-245.

Фрейденберг, 1997 – Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Издательство «Лабиринт», 1997. 448 с.

Фрейденберг, 1998 – Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. 800 с.

Цветаев, 1894 – Цветаев И. Древнегреческие терракоты из собрания Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича. М.: Университетская типография, 1894. 25 с.

Шер, 2011 – Шер Я.А. Возродится ли в России археологическое образование? // *Российский археологический ежегодник*. 2011. № 1. С. 574-588.

Щапова, 2000 – Щапова Ю.Л. Введение в вещеведение. М.: МГУ, 2000. 204 с.

Щербатов, 1911 – Щербатов И.С. Граф А.С. Уваров как основатель Исторического музея // *Древности: Труды Московского археологического общества*. М., 1911. Т. 23. Вып. 1. С. 7-11.

Eliade, 1863 – Eliade M. Aspects du mythe. Paris: Gallimard, 1963. 247 p.

References

Arkheologiya, 2009 – Arkheologiya – mezhdistsiplinarnaya nauka. Obsuzhdenie nauchnogo soobshcheniya [Archaeology is an interdisciplinary science. Discussion of the scientific message]. *Vestnik RAN*. 2009. 79(12): 1079-1081. [in Russian]

Artsikhovskii, 1947 – Artsikhovskii, A.V. (1947). Vvedenie v arkheologiyu [Introduction to archaeology]. М.: MGU, 220 p. [in Russian]

Artsikhovskii, 1955 – Artsikhovskii, A.V. (1955). Arkheologiya [Archeology]. Ocherki istorii istoricheskoi nauki v SSSR. М.-Л.: Nauka. Т. 1. Pp. 521-550. [in Russian]

Avchinnikov, 1915 – Avchinnikov, A.G. (1915). Velikii knyaz' Sergei Aleksandrovich [Grand Duke Sergei Aleksandrovich]. Ekaterinoslav: Tipografiya M.S. Kopylova, 79 p. [in Russian]

Barkhat, 1955 – Barkhat, I.M. (1955). A.C. Uvarov – Gertsenu [A.C. Uvarov – Herzen]. *Literaturnoe nasledstvo*. 62: 604. [in Russian]

Belyakova, 1999 – Belyakova, Z.I. (1999). Velikie Knyaz'ya Aleksei i Pavel Aleksandrovichi [Grand Dukes Alexey and Pavel Alexandrovich. Palaces and destinies]. *Dvortsy i sud'by*. SPb.: Beloe i Chernoe, 142 p. [in Russian]

Formozov, 1993 – Formozov, A.A. (1993). A.S. Uvarov i ego mesto v istorii russkoi arkheologii [A.S. Uvarov and his place in the history of Russian archaeology]. *Rossiiskaya arkheologiya*. 3: 228-245. [in Russian]

Freidenberg, 1997 – Freidenberg, O.M. (1997). Poetika syuzheta i zhanra [Poetics of plot and genre]. М.: Izdatel'stvo «Labirint», 448 p. [in Russian]

Freidenberg, 1998 – Freidenberg, O.M. (1998). Mif i literatura drevnosti [Myth and literature of antiquity]. М.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 800 p. [in Russian]

Got'e, 1925 – Got'e, Yu.V. (1925). Ocherki po istorii material'noi kul'tury vostochnoi Evropy do osnovaniya pervogo russkogo gosudarstva [Essays on the history of material culture of Eastern Europe before the foundation of the first Russian state]. Л.: Brokgauz–Efron. Т. 1. 270 p. [in Russian]

Graf Aleksei Sergeevich Uvarov, 1910 – Graf Aleksei Sergeevich Uvarov. Materialy dlya biografii i stat'i po teoreticheskim voprosam: Sbornik: Izdan ko dnyu 25-letiya so dnya konchiny [Count Alexey Sergeevich Uvarov. Materials for a biography and articles on theoretical issues: Collection: Published on the day of the 25th anniversary of his death]. Pod red. gr. P.S. Uvarovoi. М.: Tovarishchestvo tipografii A.I. Mamontova, 1910. Т. 3. 1910. 374 p. [in Russian]

Grishin, 2013 – Grishin, D.B. (2013). Istoricheskaya pamyat' v sluzhenii Velikogo knyazya Sergeya Aleksandrovicha [Historical memory in the ministry of Grand Duke Sergei Alexandrovich]. Na sluzhbe Rossii. Velikii Knyaz' Sergei Aleksandrovich. Materialy nauchnykh konferentsii 2011–2012 gg. М.: Izdanie Fonda pamyati Velikogo Knyazya Sergeya Aleksandrovicha. Pp. 44-56. [in Russian]

Ivanov, 2017 – Ivanov, V.A. (2017). Krizis vuzovskogo arkheologicheskogo obrazovaniya v Bashkortostane i perspektivy ego preodoleniya [The crisis of university archaeological education in Bashkortostan and prospects for overcoming it]. *Pedagogicheskii zhurnal Bashkortostana*. 6: 55-63. [in Russian]

Iz yunosheskikh dnevnikov..., 2006 – Iz yunosheskikh dnevnikov Velikogo Knyazya Sergeya Aleksandrovicha. 1873–1877 [From the youth diaries of Grand Duke Sergei Alexandrovich. 1873–1877]. Velikii Knyaz' Sergei Aleksandrovich Romanov. Biograficheskie materialy. Kniga 1: 1857–1877. М.: Novospasskii monastyr'. 400 p. [in Russian]

Kantorovich i dr., 2010 – Kantorovich, A.R., Lbova, L.V., Eniosova, N.V. (2010). O sostoyanii i perspektivakh arkheologicheskogo obrazovaniya v vuzakh Rossii v usloviyakh perekhoda na dvukhurovnevuyu sistemu [On the state and prospects of archaeological education in Russian universities in

- the transition to a two-level system]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. Seriya «Istoriya, filologiya». 10(3). *Arkheologiya, etnografiya*. Pp. 6-113. [in Russian]
- Kassirer, 2002** – *Kassirer, E.* (2002). *Filosofiya simvolicheskikh form* [Philosophy of symbolic forms]: V 3 tt. M.- SPb.: Universitetskaya kniga. [in Russian]
- Klein, 2011** – *Klein, L.S.* (2011). *Istoriya arkhologicheskoi mysli* [The history of archaeological thought]. SPb.: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet. T. 1. 628 p. [in Russian]
- Klein, 2017** – *Klein, L.S.* (2017). *Ob ideal'noi srede dlya prepodavaniya arkhologii* [On the ideal environment for teaching archaeology]. *Universitetskaya arkhologiya: proshloe i nastoyashchee*. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pp. 13-18. [in Russian]
- Klein, 2018** – *Klein, L.S.* (2018). *Istoriya Rossiiskoi arkhologii: ucheniya, shkoly i lichnosti* [History of Russian Archaeology: Teachings, Schools and personalities. Vol. 1. General overview and pre-revolutionary time]. T. 1. *Obshchii obzor i dorevolutsionnoe vremya*. SPb.: EVRAZIYA. 704 p. [in Russian]
- Kokorina i dr., 2022** – *Kokorina, Yu.G., Vagabov, M.M., Akimova, A.A.* (2022). *Sovremennoe arkhologicheskoe obrazovanie v Rossii: reshenie problem gumanitarnykh s privlecheniem opyta podgotovki vysshikh tekhnicheskikh kadrov* [Modern archaeological education in Russia: solving the problems of humanitarians with the involvement of experience in the training of higher technical personnel]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 3(57): 23-37. [in Russian]
- Kokorina, Likhter, 2010** – *Kokorina, Yu.G., Likhter, Yu.A.* (2010). *Morfologiya dekora* [Morphology of decor]. M.: LIBROKOM, 200 p. [in Russian]
- Kyzlasov, 2009** – *Kyzlasov, I.L.* (2009). *P. Kondakov i A.S. Uvarov (po materialam perepiski)* [P. Kondakov and A.S. Uvarov (based on correspondence materials)]. *ARCHEOLOGIA ABRAHAMICA*. *Issledovaniya v oblasti arkhologii i khudozhestvennoi traditsii iudaizma, khristianstva i islama*. M.: Indrik. Pp. 93-115. [in Russian]
- Lebedev, 1992** – *Lebedev, G.S.* (1992). *Istoriya otechestvennoi arkhologii (1700–1917 gg.)*. [History of Russian Archeology]. SPb.: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, 463 p. [in Russian]
- Likhter, 2015** – *Likhter, Yu.A.* (2015). *Veshchestvennyi istochnik i baza dannykh – printsipy vzaimodeistviya* [Material source and database – principles of interaction]. M.: OOO «TM Prodakshn», 414 p. [in Russian]
- Makarov, 2015** – *Makarov, N.A.* (2015). *A.S. Uvarov i nachalo arkhologicheskogo izucheniya Severo-Vostochnoi Rusi* [Uvarov and the beginning of the archaeological study of North-Eastern Russia]. *Arkheologiya Vladimir-Suzdal'skoi zemli*. 5: 3-13. [in Russian]
- OPI GIM** – *Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Department of Written Sources of the State Historical Museum].
- Piskotina, 2017** – *Piskotina, V.A.* (2018). *A.S. Uvarov i provedenie pervykh arkhologicheskikh s"ezdov: delo, stavshee traditsiei* [Uvarov and the holding of the first archaeological congresses: a matter that has become a tradition]. *Aktual'nye problemy otechestvennoi istorii. Sbornik nauchnykh trudov*. M.: Planeta. Pp. 27-32. [in Russian]
- Platonova, 2010** – *Platonova, N.I.* (2010). *Istoriya arkhologicheskoi mysli v Rossii. Vtoraya polovina XIX – pervaya tret' XX veka* [The history of Archaeological thought in Russia. The second half of the XIX–the first third of the XX century]. SPb.: Nestor-Istoriya, 314 p. [in Russian]
- Poseshchenie Pskova..., 1878** – *Poseshchenie Pskova Ikh Imperatorskimi Vysochestvami Velikimi Knyaz'yami Sergeem i Pavlom Aleksandrovichami, Konstantinom i Dmitriem Konstantinovichami s 8 po 12 iyunya 1878 goda* [Visit to Pskov by Their Imperial Highnesses Grand Dukes Sergei and Pavel Alexandrovich, Konstantin and Dmitry Konstantinovich from 8 to 12 June 1878]. Pskov: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1878. 37 p. [in Russian]
- Raevskii, 2006** – *Raevskii, D.S.* (2006). *Mir skifskoi kul'tury* [The world of Scythian culture]. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 598 p. [in Russian]
- Ravdonikas, 1930** – *Ravdonikas, V.I.* (1930). *Za marksistskuyu istoriyu material'noi kul'tury* [For the Marxist history of material culture]. *Izvestiya Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury*. VII(3-4): 94. [in Russian]
- Shchapova, 2000** – *Shchapova, Yu.L.* (2000). *Vvedenie v veshchevedenie* [Introduction to material science]. M.: MGU, 204 p. [in Russian]
- Shcherbatov, 1911** – *Shcherbatov, I.S.* (1911). *Graf A.S. Uvarov kak osnovatel' Istoricheskogo muzeya* [Count A.S. Uvarov as the founder of the Historical Museum]. *Drevnosti: Trudy Moskovskogo arkhologicheskogo obshchestva*. M. 23(1): 7-11. [in Russian]
- Sher, 2011** – *Sher, Ya.A.* (2011). *Vozrozditsya li v Rossii arkhologicheskoe obrazovanie?* [Will archaeological education be revived in Russia?]. *Rossiiskii arkhologicheskii ezhegodnik*. 1: 574-588. [in Russian]
- Sofin, 2021** – *Sofin, D.M.* (2021). *Velikii knyaz' Sergei Aleksandrovich* [Grand Duke Sergei Alexandrovich]. *Voprosy istorii*. 8-1: 51-75. [in Russian]
- Sofin, Sofina, 2017** – *Sofin, D.M., Sofina, M.V.* (2017). «...Sergei i ya, my byli na raskopkakh, no nichego ne nashli»: Krymskii dnevnik Velikogo knyazya Georgiya Mikhailovicha. 1875 g. [“...Sergey and I,

- we were at the excavations, but found nothing": Crimean Diary of Grand Duke George Mikhailovich. 1875]. *Vestnik arkhivista*. 3: 199-209. [in Russian]
- [Spitsyn, 1905](#) – *Spitsyn, A.L.* (1905). Vladimirskie kurgany [Vladimir mounds]. SPb. B.i. 90 p. [in Russian]
- [Trudy..., 1878](#) – Trudy Tret'ego Arkheologicheskogo s'ezda [Proceedings of the Third Archaeological Congress]. Kiev: V tipografii Imperatorskogo universiteta imeni Svyatogo Vladimira, 1878. 447 p. [in Russian]
- [Tsvetaev, 1894](#) – *Tsvetaev, I.* (1894). Drevnegrecheskie terrakoty iz sobraniya Ego Imperatorskogo Vysochestva Velikogo Knyazya Sergeya Aleksandrovicha [Ancient Greek terracotta from the collection of His Imperial Highness Grand Duke Sergei Alexandrovich]. M.: Universitetskaya tipografiya, 25 p. [in Russian]
- [Umitkaliev i dr., 2020](#) – *Umitkaliev, U.U., Lbova, L.V., Khabdulina, M.K.* (2020). Novye metody i tekhnologii v professional'noi podgotovke spetsialistov v sfere arkheologii i etnologii [New methods and technologies in the professional training of specialists in the field of archeology and ethnology]. *Vestnik Evraziiskogo natsional'nogo universiteta imeni L.N. Gumileva. Seriya «Istoricheskie nauki. Filosofiya. Religiovedenie»*. 2: 85-94. [in Russian]
- [Uvarov, 1878](#) – *Uvarov, A.S.* (1878). Chto dolzhna obnimat' programma dlya prepodavaniya russkoi arkheologii i v kakom sistematicheskom poryadke dolzhna byt' raspredelena eta programma? [What should the program for teaching Russian archaeology embrace and in what systematic order should this program be distributed?]. *Trudy Tret'ego Arkheologicheskogo s'ezda*. Kiev: V tipografii Imperatorskogo universiteta imeni Svyatogo Vladimira. Pp. 19-58. [in Russian]
- [Uvarov, 1881](#) – *Uvarov, A.S.* (1881). Arkheologiya Rossii. Kamennyi period [Archeology of Russia. The Stone period]. M. T. 1. 268 p. [in Russian]
- [Uvarova, 2005](#) – *Uvarova, P.S.* (2005). Byloe. Davno proshedshie schastlivye dni [The Past. Happy days long gone]. M.: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovoykh, 296 p. [in Russian]
- [Velikii knyaz'..., 2006](#) – Velikii knyaz' Sergei Aleksandrovich Romanov: biograficheskie materialy [Grand Duke Sergei Alexandrovich Romanov: Biographical materials]. Sostavitel' I.V. Plotnikova. Kniga 1.: 1857–1877. M.: Novospasskii monastyr', 2006. 400 p. [in Russian]
- [Velikii knyaz'..., 2009](#) – Velikii knyaz' Sergei Aleksandrovich Romanov na postu Predsedatelya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva [Grand Duke Sergei Alexandrovich Romanov as Chairman of the Imperial Orthodox Palestine Society]. M.: Novospasskii monastyr', 2009. 160 p. Pp. 128-129. [in Russian]
- [Vinokurov 2020](#) – *Vinokurov, N.I.* (2020). K kontseptsii razvitiya arkheologicheskogo obrazovaniya v Rossii [On the concept of the development of archaeological education in Russia]. *Prepodavatel' 21 veka*. 2: 140. [in Russian]
- [Zabelin, 1878](#) – *Zabelin, I.E.* (1878). V chem zaklyuchayutsya zadachi arkheologii kak samostoyatel'noi nauki? [What are the tasks of archeology as an independent science?]. *Trudy Tret'ego Arkheologicheskogo s'ezda*. Kiev: V tipografii Imperatorskogo universiteta imeni Svyatogo Vladimira. Pp. 1-17. [in Russian]
- [Zhebelev, 1923](#) – *Zhebelev, S.A.* (1923). Vvedenie v arkheologiyu [Introduction to archaeology]. Petrograd: Nauka i shkola. Ch. 1. 172 p. [in Russian]
- [Eliade, 1863](#) – *Eliade, M.* Aspects du mythe. Paris: Gallimard, 247 p.

Первая в России концепция археологического образования

Юлия Георгиевна Кокорина ^{a, *}, Василий Алексеевич Рогожкин ^a,
Ляйля Гельсовна Хуснутдинова ^a, Елена Зульффаровна Зулькарнаева ^b

^aМосковский политехнический университет, Российская Федерация

^bУфимский государственный нефтяной технический университет (УГНТУ),
Российская Федерация

Аннотация. Современное археологическое образование в России, как отмечают сами археологи, находится в состоянии кризиса, поэтому актуальным представляется изучение опыта обучения археологии в XIX веке. Этот опыт часто оказывается незаслуженно забытым. Авторы данной статьи вводят в научный оборот новый архивный документ – лекции, которые читал выдающийся российский археолог граф А.С. Уваров великим князьям Сергею Александровичу и Павлу Александровичу, используют воспоминания современников для осознания влияния археологического образования на жизнь и деятельность великих князей, на развитие высшей школы в России. Новизна данной работы заключается в анализе лекций представителям Дома Романовых и

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kokorina@inbox.ru (Ю.Г. Кокорина), dmitrow16@yandex.ru (В.А. Рогожкин), Lavanda-55@mail.ru (Л.Г. Хуснутдинова), zulkarnaeva@mail.ru (Е.З. Зулькарнаева)

выступления графа А.С. Уварова на Третьем археологическом съезде в контексте развития российской и мировой археологической мысли конца XIX века. В результате авторы пришли к выводу, что предложенная графом А.С. Уваровым концепция археологического образования опережала свое время. Она включала теорию археологии, начиная с определения этой науки до трактовки ее основных понятий, эмпирическую часть, основанную на последних достижениях мировой археологической мысли, идею охраны памятников старины, которая отражена в концепции Государственного исторического музея и учебных археологических музеев, и целый ряд положений, к которым археологи начали обращаться только в XXI веке.

Ключевые слова: история археологии, археологическое образование, великий князь Сергей Александрович, великий князь Павел Александрович, Третий археологический съезд, граф А.С. Уваров.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1843-1849
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1843

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Reflection of the Russian-Turkish War of 1877–1878 on the Pages of “Irkutskie Eparkhial'nye Vedomosti” Newspaper

Victor V. Barabash ^{a,*}, Alexander A. Grabelnikov ^a, Roman A. Savastenko ^a, Maria Y. Lavrentyeva ^a

^a Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of the “Irkutskie Eparkhial'nye Vedomosti” newspaper as a source covering the events of the Russian-Turkish War of 1877–1878 from an Orthodox-spiritual point of view. The main source was the issues of the newspaper from the 15th to the 52nd for 1877 and from the 1st to the 7th for 1878, that is, those issues that corresponded to the chronological framework of the war. The memoirs of participants and contemporaries of this war were used as additional sources.

The historiographical method (or content analysis) was used as the main research method; the historical-system, historical-comparative method and the method of synthetic analysis were also used.

Russian Russian-Turkish War of 1877–1878, which had the widest voluntary and charitable response in Russian society, was not only the mouthpiece of the church-Orthodox life of Irkutsk province, but also covered the events of the Russo-Turkish War of 1877–1878, which was very relevant for Russia.

The issues of the newspaper published the decrees of the emperor, the definitions of the Holy Synod (which contained reports on charitable assistance to the wounded and the families of the fallen soldiers), as well as speeches (“words”) of Irkutsk clergy who called for patriotism, volunteer and charitable activities. Thus, the conclusion is made about the unconditional support of the Russian-Turkish war by the Irkutsk diocese.

At the same time, most of the issues did not cover military topics, preferring to publish data on regional Orthodox-church events of a small scale, which, in our opinion, is due to the remoteness from the theater of military operations and, consequently, the lack of corresponding hardships of military life, which were borne by residents of the western regions of the Russian Empire.

Keywords: periodical press, Russian-Turkish War of 1877–1878, synod, church publications, newspaper, “Irkutskie Eparkhial'nye Vedomosti”, Irkutsk province, Irkutsk.

1. Введение

Победа в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов стала эпохальным событием для Российской империи, так как юридически упразднила условия крайне невыгодного Парижского мира. Об этом противостоянии осталось очень много воспоминаний. Вместе с тем интересно было бы узнать, как воспринималась эта далекая «европейская» война в русской глубинке, а именно – в юго-восточной Сибири. Также интерес представляет отношение духовного ведомства к войне. Попробуем на примере «Иркутских епархиальных ведомостей» за 1877–1878 годы сделать анализ восприятия этой войны глазами провинциальных русских подданных.

2. Материалы и методы

Основным источником исследования послужила газета «Иркутские епархиальные ведомости» за 1877–1878 годы.

* Corresponding author

E-mail addresses: barabash.victor@gmail.com (V.V. Barabash)

Эта церковная газета выходила с 1863 по 1909 годы и являлась официальным изданием Иркутской православной епархии. Так как она выходила под патронажем Святейшего синода и в целом была церковным изданием, то основным ее содержанием были указы, определения Синода, а также новости и прочие заметки, касающиеся православных духовных событий. Издание выходило еженедельно. Каждый новый год газета начинает с нового номера, поэтому ежегодно издание включает около 52 номеров – по количеству недель. Безусловно, такое событие, как русско-турецкая война, не могло не отразиться на страницах газеты.

В «Иркутских епархиальных ведомостях» публиковали свои духовные статьи («слова») известные священнослужители, такие как А. Орлов, Мелетий, Спасокукоцкий и др.

Основным методом исследования в нашей работе стал историографический метод (или контент-анализ). Из специальных исторических методов исследования использовался историко-системный метод (анализ источников в неотрывной связи с политической, экономической и военной обстановкой), историко-сравнительный метод (сравнение газеты «Иркутские епархиальные ведомости» с другими источниками). Из общенаучных методов был применен метод синтетического анализа.

3. Обсуждение

Вопросы, связанные с анализом Русско-турецкой войны 1877–1878 годов в периодической печати, исследованы недостаточно полно.

В дореволюционной историографии данная тема практически не поднималась. В советской историографии З.П. Левашевой и К.В. Сеницыной был издан библиографический указатель «Русская военная периодическая печать (1702–1916)», однако анализа содержания статей как такового в нем не было (Левашева, Сеницына, 1959). Также следует отметить статью Е.И. Лагутиной, исследовавшей дореволюционный журнал «Морской сборник» в качестве источника по истории русского военно-морского флота в 1848–1905 годах и опубликовавшей ее в «Советских архивах» (Лагутина, 1981).

Из современных исследователей тему русско-турецкой войны в периодической печати весьма подробно осветил С.А. Кочуков. Одной из главных работ в этом направлении следует назвать фундаментальный труд «Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в освещении периодической печати России» (Кочуков, 2011). Также С.А. Кочуковым был опубликован ряд статей, в частности «Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в поэтической публицистике» (Кочуков, 2014), «Национально-освободительное движение на Балканах и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. на страницах газеты «Саратовский справочный листок» (Кочуков, 2016b), «...Печать по отношению к славянскому вопросу представляет редкое единодушное...» (военная пресса о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.) (Кочуков, 2016a) и др. Также следует отметить работу Р.П. Гришиной «Российское общественное мнение и Балканы», опубликованную в сборнике статей «Человек на Балканах глазами русских» (Гришина, 2011); автор исследует отношение подданных Российской империи к народам Балканских стран, их освободительному движению и отношению к османскому владычеству.

Однако проблема анализа отношения сибирского населения Российской империи, в частности Иркутской губернии, осталась за пределами внимания историков, что обуславливает актуальность нашей темы. Попробуем более подробно осветить этот вопрос.

4. Результаты

Как известно, война началась 12 марта 1877 года; войну России объявила Османская империя, надеясь на помощь союзников по Крымской войне 1853–1856 годов, прежде всего Англии и Франции. Понимая, что затяжная война может обернуться в очередную Крымскую, военное руководство Российской империи и лично император Александр II разработали план войны, предусматривающий ее молниеносный характер. Заблаговременно общественное движение Балкан и России также было настроено против Турции весьма агрессивно, что предопределило огромное количество добровольцев и очень высокий моральный дух русских войск. В итоге война продлилась меньше года и стала одной из наиболее триумфальных за всю историю России.

Номер 15-й «Иркутских епархиальных ведомостей» от 16 апреля 1877 года «не успел» среагировать на начало войны и в своем содержании никак ее не упоминает (Ведомости, 16.04.1877), однако следующий номер весьма в патриотичной манере в опубликованных императору телеграммах Иркутского духовенства выражает поддержку населения губернии в целом и церковного ведомства в частности Отечеству и лично императору: «Всемиловнейший Государь! ...Весть о Священной Воле Вашего Императорского Величества: обнажить меч на защиту единоверных нам Славян достигла до нас, граждан далекого Иркутска, и наполнила сердца наши чувством благоговейной надежды. ...В торжественный день рождения Вашего Императорского Величества приносим пред Алтарем Всевышнего молитвы о здравии Вашего Императорского Величества и об успехе великого дела и повергаем чувства нашей верноподданнической любви и преданности» (Телеграммы Иркутского духовенства, 1877: 92); «...Известная всему миру, святая цель настоящей войны – защита угнетённых братьев наших, по вере и крови, от варварства турок – обязывает, всех православных христиан с горячею мольбою просить Господа сил, да увенчает правое оружие Великого Монарха нашего, защитника православия, полную победою над неверным супостатом. ...Прошу духовенство Иркутской

епархии немедленно начать моления во всех церквях о победе над супостатом и для этого к великой и сугубой ектении на вечерни, утрени и литургии присоединять прошения из первого молебна, положенного на сей случай в книге молебных пений и сверх того молитву с коленопреклонением на литургии по сугубой ектении из того же молебна» ([Телеграммы Иркутского духовенства, 1877: 93](#)).

«Иркутские епархиальные ведомости» от 28 мая 1877 года № 21 в статье протоиерея Александра Орлова «Слово на день Рождества Христова» указано: «Но, вот, может быть, в скором времени нам придется вступить в войну с Турцией, чтобы защитить без меры угнетенных в их владениях, Славян...» ([Орлов, 1877: 295](#)). «...Но многолетний, многовековой гул всего народа русского, а наконец и ясный глас долготерпеливого Монарха нашего, призывающего изъять из рук варваров миллионы страдальцев-христиан, разве это не благословение Божие на открывающуюся брань? А отшествие наших добровольцев в Сербию неужели еще не картина, достойная кисти великих художников?» ([Орлов, 1877: 296-297](#)). В целом статья имеет церковно-патриотический стиль изложения, выдержками из библии оправдывающая с точки зрения религии войну России против Турции; делает и экскурс в прошлые славные победы в истории государства и призывает сплотиться вокруг идеи войны. В заключении автор подытоживает: «Итак, Русь святая! Препоясуй себя мечем по бедру красотою и добротою твоею! И чтобы воинству твоему, особливо юному, не убояться воспламененного фанатизма врагов... А позади вооруженных сил своих умолкни со своими домашними неприятелями и ропотами и припоминай великих патриотов, в годину напряженного состояния государства приносивших на алтарь отечества силы духа и тела, все достояние свое... Видя такое воодушевленное вооружение России, сами недруги наши уразумеют, что именно мы призваны защитить Славянское племя во стране неисправимых и надменных до безумия варваров, и покорятся воззрениям нашим на предстоящее дело. С нами Бог. Разумейте языцы и покарайтесь! Аминь» (стилистика источника сохранена – *Авт.*) ([Орлов, 1877: 300](#)).

В следующем номере опубликован высочайший манифест – обращение императора Александра II к нации: «Всем нашим любезным верноподданым известно то живое участие, которое Мы всегда принимали в судьбах угнетенного Христианского населения Турции. Желание улучшить и обезценить положение его разделил с Нами и весь Русский народ, ныне выражающий готовность свою на новые жертвы для облегчения участи Христиан Балканского полуострова... Исчерпав до конца миролюбие Наше, Мы вынуждены высокомерным упорством Порты приступить к действиям более решительно...» ([Манифест от 12.04.1877, 1877: 117-119](#)).

В номере 25-м от 25 июня 1877 года содержится «Высочайший рескрипт Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Главному управлению общества попечения о раненых и больных воинах» ([Рескрипт императрицы..., 1877: 131-132](#)).

Номер 25-й от 2 июля 1877 года содержит приглашение к пожертвованиям от Иркутской консистории в пользу больных и раненных на фронте бойцов (за авторством протоиерея В. Карташова, члена Иркутской консистории) ([Карташов, 1877: 137-138](#)). В этом же номере содержится и «Слово Преосвященного Платона, епископа томского», который также много говорит о войне, патриотизме и справедливости с точки зрения России и всего мира этой войны: «Около года, если не более, приносят с востока вести о бедствиях, которые претерпевают славяне, вызванные тяжкими угнетениями к защите оружием своей веры, жизни, собственности, право человеческих. Эта защиты вызвала новые жестокости. Описание ужасных зверских неистовств, производимых Турками над безоружными старцами, женщинами и детьми, возбуждает невольное чувство ужаса и отвращения» ([Слово епископа томского, 1877: 351](#)). Как видим, православная церковь активно разжигала не только межконфессиональную, но и национальную рознь, возбуждая, таким образом, патриотические чувства.

В 28-м номере имеется обширная статья о пожертвованиях и работе Красного Креста ([Ведомости, 16.07.1877: 145-149](#)).

В 33-м номере газеты в статье «Отношение за № 116-м С.-Петербургского Славянского Благотворительного общества к Его Преосвященству, Преосвященнейшему Вениамину, Епископу Иркутскому и Нерчинскому» (автор К. Бестужев-Рюмин) говорится о размерах и перечне товаров благотворительной помощи Иркутской епархии Славянскому благотворительному обществу для целей вспомоществования как бойцам русско-турецкой войны, так и прочим категориям нуждающихся; также обозначаются и перспективные цели благотворительной деятельности после войны ([Бестужев-Рюмин, 1877: 165-167](#)).

В 33-м номере от 8 октября 1877 года содержится статья «От 13-го – 30-го июля 1877 г. за № 1069 о провозглашении при совершении молебствий по случаю особо важных и радостных событий на театре военных действий, вечной памяти убиенным воинам» и проведении по указу императора Александра II молебнов по случаю успехов на фронте, а также боевых потерь ([Определение № 1069, 1877: 189-192](#)).

В 43-м номере опубликована статья священника Г. Шергина «Слово на поклонение животворящему кресту на 14 сентября», в которой приводится речь священнослужителя, анализирующая с духовной точки зрения причины войны, страдания балканских народов и помощь им со стороны российского народа – правительства, воинов, добровольцев, благотворителей ([Шергин, 1877: 553-559](#)).

Статья «Крайние нужды наших раненых», опубликованная в 44-м номере газеты от 5 ноября 1877 года, взывает к благотворительности на нужды Красного Креста, а также публикует отчет о собранных средствах ([Крайние нужды..., 1877: 573-574](#)).

В 46-м номере от 19 ноября 1877 года опубликована речь архимандрита Мелетия «Слово в день Покрова Пресвятой Богородицы», в которой, помимо чисто религиозных моментов, содержится и мысль о пользе молитвы в войне с Турцией и поднятии, таким образом, морального духа как воинов, так и подданных, находящихся на «гражданке» и готовых к добровольческому и благотворительному движению ([Мелетий, 1877: 589-594](#)). Затрагиваются также и вопросы вспомоществования: «Войска жертвуют своим мужеством и храбростью, не щадя жизней, а мы, удаленные от театра войны, усилим молитвы наши и откликнемся на зов Благочестивейшей нашей Государыни, призывающей нас помочь больным и раненым воинам, кто чем может, эти лепты пойдут не (на) суетные дела и утехи плоти, а для спасения лучших братьев наших...» ([Мелетий, 1877: 594](#)).

В номере 48 от 3 декабря 1877 года в разделе «Объявления» также содержится просьба оказать посильную гуманитарную помощь Красному Кресту и другим благотворительным организациям ([Объявления, 1877: 610-614](#)).

В номере 50 от 17 декабря 1877 года в статье «Хроника» священник Спасокукоцкий на литургии говорит о подвиге и взятии Плевны, Карса и т.д. (речь от 6 декабря 1877 г.) ([Спасокукоцкий, 17.12.1877: 653-654](#)).

Номер 5-й от 4 февраля 1878 года публикует два определения Святейшего синода (датированные ноябрем 1877 года), в которых содержатся отчеты о благотворительности в пользу раненых и погибших воинов ([Определения Синода, 1878а: 27-32](#)), в номере 7-м от 18 февраля 1878 года в соответствующих определениях (датированы 16–26 ноября 1877 года) опубликованы отчеты о деятельности Красного Креста ([Определения Синода, 1878b: 39-42](#)).

Как известно, мирный договор, ознаменовавший окончание Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, был подписан 19 февраля 1878 года в местечке Сан-Стефано, пригороде Константинополя (Турция). Безусловно, это нашло отражение и в газете «Иркутские епархиальные ведомости» (№ 7 от 25 февраля 1878 года); данный номер завершает хронологические рамки нашего исследования и является последним в историографическом обзоре. Подписанию мирного соглашения посвящены две небольшие по своему объему статьи: «Телеграмма о подписании мира с Турцией» ([Телеграмма о подписании мира, 1878: 39-42](#)) военного министра Д.А. Милютин и заметка «Торжество 20 февраля в городе Иркутск по случаю заключения славного мира с Турцией» о праздновании в епархии соответствующего соглашения ([Торжество 20 февраля, 1878: 102-103](#)).

В других номерах «Иркутских епархиальных ведомостей» периода русско-турецкой войны военная тематика не упоминается.

Отметим, что большинство номеров газеты печатали всевозможные заметки, объявления по церковной и не особо церковной тематике, имена крещеных иноверцев, источники отрывки (см., напр., «Жалоба на неизвестного вора (1684)» ([Жалоба..., 1877: 279](#)), прочие события из жизни города с двухвековой историей и вопросы отправления православного культа, однако такому актуальному событию, как русско-турецкая война, внимания посвящали относительно немного, несмотря на то, что Иркутская епархия эту войну безоговорочно поддерживала. Это, на наш взгляд, объясняется удаленностью от линии фронта и, соответственно, отсутствием тех тягот военной жизни, которые выпали на долю населения в западной части России.

Вместе с тем, когда война начинает набирать обороты, военная тематика встречается в журналах все чаще и чаще. Безусловно, газета «Иркутские епархиальные ведомости» стала одним из пропагандистских инструментов в руках действовавшей власти.

5. Заключение

В ходе проделанной работы мы можем сделать следующие выводы:

1. Ежедневная газета «Иркутские епархиальные ведомости» стала рупором духовной жизни Иркутской губернии, которая освещала не только церковно-православные, но и другие актуальные новости.

2. Русско-турецкая война 1877–1878 годов стала весьма актуальным событием в жизни Российской империи, которая, помимо чисто политических, экономических и военных моментов, имела широчайший отклик в сфере добровольческого и благотворительного движения. Безусловно, этому событию было посвящено внимание и на страницах анализируемой нами газеты.

3. Прежде всего (с учетом духовной специфики данного издания) публиковались императорские указы. Также печатались определения Святейшего синода, в которых содержались отчеты о благотворительной помощи раненым и семьям погибших бойцов.

4. Иркутская епархия русско-турецкую войну безоговорочно поддерживала. Большая часть статей призывает к патриотизму, добровольчеству, а также к благотворительной помощи воинам-фронтовикам и их семьям.

5. Большинство номеров не освещало военную тематику, предпочитая публиковать данные о местных (региональных) событиях, пусть и совершенно небольшого (в сравнении с войной) масштаба.

Такая ситуация, по нашему мнению, может быть обусловлена удаленностью от театра военных действий и, соответственно, отсутствием многих тягот военной жизни, которые несли жители западных регионов Российской империи.

6. Благодарности

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН / This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

Литература

Бестужев-Рюмин, 1877 – Бестужев-Рюмин К. Отношение за № 116-м С.-Петербургского Славянского Благотворительного общества к Его Преосвященству, Преосвященнейшему Вениамину, Епископу Иркутскому и Нерчинскому // *Иркутские епархиальные ведомости*. 20 августа 1877 года. № 33. С. 165-167.

Ведомости, 16.04.1877 – *Иркутские епархиальные ведомости*. 16 апреля 1877 года. № 15.

Гришина, 2011 – Гришина Р.П. Российское общественное мнение и Балканы / Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011.

Жалоба..., 1877 – Жалоба на неизвестного вора (1684) // *Иркутские епархиальные ведомости*. 21 мая 1877 года. № 20. С. 279.

Карташов, 1877 – Карташов В. Приглашение к пожертвованиям от Иркутской консистории в пользу больных и раненных воинов // *Иркутские епархиальные ведомости*. 2 июля 1877 года. № 26. С. 137-138.

Кочуков, 2011 – Кочуков С.А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в освещении периодической печати России. Саратов: Наука, 2011.

Кочуков, 2014 – Кочуков С.А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в поэтической публицистике // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения»*. 2014. Т. 14. Вып. 1.

Кочуков, 2016а – Кочуков С.А. «...Печать по отношению к славянскому вопросу представляет редкое единодушие...» (военная пресса о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.) // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения»*. 2016. Т. 16. Вып. 3.

Кочуков, 2016б – Кочуков С.А. Национально-освободительное движение на Балканах и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. на страницах газеты «Саратовский справочный листок» // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения»*. 2016. Т. 16. Вып. 3.

Крайние нужды..., 1877 – Крайние нужды наших раненных // *Иркутские епархиальные ведомости*. 5 ноября 1877 года. № 44. С. 573-574.

Лагутина, 1981 – Лагутина Е.И. Журнал «Морской сборник» как источник по истории русского военно-морского флота (1848–1905 гг.) // *Советские архивы*. 1981. № 2.

Левашева, Синицына, 1959 – Левашева З.П., Синицына К.В. Русская военная периодическая печать (1702–1916): библиографический указатель. М., 1959.

Манифест от 12.04.1877, 1877 – Высочайший Манифест от 12 апреля 1877 года // *Иркутские епархиальные ведомости*. 4 июня 1877 года. № 22. С. 117-119.

Мелетий, 1877 – Архимандрит Мелетий. Слово в день Покрова Пресвятой Богородицы // *Иркутские епархиальные ведомости*. 19 ноября 1877 года. № 46. С. 589-594.

Объявления, 1877 – Объявления // *Иркутские епархиальные ведомости*. 3 декабря 1877 года. № 48. С. 610-614.

Определение № 1069, 1877 – От 13-го – 30-го июля 1877 г. за № 1069 о провозглашении при совершении молебствий по случаю особо важных и радостных событий на театре военных действий, вечной памяти убиенным воинам // *Иркутские епархиальные ведомости*. 8 октября 1877 года. № 40. С. 189-192.

Определения Синода, 1878а – Определения Святейшего Синода // *Иркутские епархиальные ведомости*. 4 февраля 1878 года. № 5. С. 27-32.

Определения Синода, 1878б – Определения Святейшего Синода // *Иркутские епархиальные ведомости*. 18 февраля 1878 года. № 7. С. 39-42.

Орлов, 1877 – Орлов А. Слово на день Рождества Христова // *Иркутские епархиальные ведомости*. 28 мая 1877 года. № 21. С. 294-300.

Рескрипт императрицы..., 1877 – Высочайший рескрипт Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Главному управлению общества попечения о раненых и больных воинах // *Иркутские епархиальные ведомости*. 25 июня 1877 года. № 25. С. 131-132.

Слово епископа томского, 1877 – Слово Преосвященного Платона, епископа томского // *Иркутские епархиальные ведомости*. 2 июля 1877 года. № 26. С. 350-355.

Спасокукоцкий, 1877 – Спасокукоцкий. Хроника // *Иркутские епархиальные ведомости*. 17 декабря 1877 года. № 50. С. 633-634.

Телеграмма о подписании мира, 1878 – Телеграмма о подписании мира с Турцией // *Иркутские епархиальные ведомости*. 25 февраля 1878 года. № 7. С. 39-42.

Телеграммы Иркутского духовенства, 1877 – Телеграммы // *Иркутские епархиальные ведомости*. 16 апреля 1877 года. № 16. С. 91-93.

Торжество 20 февраля, 1878 – Торжество 20 февраля в городе Иркутск по случаю заключения славного мира с Турцией // *Иркутские епархиальные ведомости*. 25 февраля 1878 года. № 7. С. 102-103.

Шергин, 1877 – Шергин Г. Слово на поклонение животворящему кресту на 14 сентября // *Иркутские епархиальные ведомости*. 29 октября 1877 года. № 43. С. 553-559.

References

Bestuzhev-Ryumin, 1877 – Bestuzhev-Ryumin, K. (1877). Otnoshenie za № 116-m S.-Peterburgskogo Slavyanskogo Blagovoritelnogo obshchestva k Ego Preosvyashchenstvu, Preosvyashchennishemu Veniaminu, Episkopu Irkutskomu i Nerchinskomu [Attitude No. 116 of the St. Petersburg Slavic Charitable Society to His Grace, His Grace Benjamin, Bishop of Irkutsk and Nerchinsk]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. 20 avgusta 1877 goda. 33: 165-167. [in Russian]

Grishina, 2011 – Grishina, R.P. (2011). Rossiiskoe obshchestvennoe mnenie i Balkany [Russian public opinion and the Balkans]. Chelovek na Balkanakh glazami russkikh. SPb. [in Russian]

Kartashov, 1877 – Kartashov, V. (1877). Priglasenie k pozhertvovaniyam ot Irkutskoi konsistorii v pol'zu bol'nykh i ranennykh voinov [Invitation to donations from the Irkutsk Consistory in favor of the sick and wounded soldiers]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. 2 iyulya 1877 goda. 26: 137-138. [in Russian]

Kochukov, 2011 – Kochukov, S.A. (2011). Russko-turetskaya voina 1877–1878 gg. v osveshchenii periodicheskoi pechati Rossii [Russo-Turkish War 1877–1878 in the coverage of the periodical press of Russia]. Saratov: Nauka. [in Russian]

Kochukov, 2014 – Kochukov, S.A. (2014). Russko-turetskaya voina 1877–1878 gg. v poeticheskoi publitsistike [Russo-Turkish War 1877–1878 in poetic journalism]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya «Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya»*. 14(1). [in Russian]

Kochukov, 2016a – Kochukov, S.A. (2016). «...Pechat' po otnosheniyu k slavyanskomu voprosu predstavlyaet redkoe edinodushie...» (voennaya pressa o Russko-turetskoi voine 1877–1878 gg.) [“... The press in relation to the Slavic question represents a rare unanimity ...” (military press about the Russian-Turkish war of 1877–1878)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya «Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya»*. 16(3). [in Russian]

Kochukov, 2016b – Kochukov, S.A. (2016). Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie na Balkanakh i Russko-turetskaya voina 1877–1878 gg. na stranitsakh gazety «Saratovskii spravochnyi listok» [The National Liberation Movement in the Balkans and the Russo-Turkish War of 1877–1878 on the pages of the newspaper "Saratov spravochny sheet"]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya «Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya»*. 16(3). [in Russian]

Krainie nuzhdy..., 1877 – Krainie nuzhdy nashikh ranennykh [Urgent needs of our wounded]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. 5 noyabrya 1877 goda. 44: 573-574. [in Russian]

Lagutina, 1981 – Lagutina, E.I. (1981). Zhurnal «Morskoi sbornik» kak istochnik po istorii russkogo voenno-morskogo flota (1848–1905 gg.) [“Morskoi sbornik” journal as a source on the history of the Russian Navy (1848–1905)]. *Sovetskie arkhivy*. 2. [in Russian]

Levasheva, Sinitsyna, 1959 – Levasheva, Z.P., Sinitsyna, K.V. (1959). Russkaya voennaya periodicheskaya pechat' (1702–1916): bibliograficheskii ukazatel' [Russian military periodicals (1702–1916): bibliographic index]. M. [in Russian]

Manifest ot 12.04.1877, 1877 – Vysochaishii Manifest ot 12 aprelya 1877 goda [The Highest Manifesto of April 12, 1877]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. 4 iyunya 1877 goda. 22: 117-119. [in Russian]

Meletii, 1877 – Arkhimandrit Meletii (1877). Slovo v den' Pokrova Presvyatoi Bogoroditsy [Archimandrite Meletius. Word on the day of the Intercession of the Most Holy Theotokos]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. 19 noyabrya 1877 goda. 46: 589-594. [in Russian]

Ob'yavleniya, 1877 – Ob'yavleniya [Announcements]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. 3 dekabrya 1877 goda. 48: 610-614. [in Russian]

Opreделение № 1069, 1877 – Ot 13-go – 30-go iyulya 1877 g. za № 1069 o provozglashenii pri sovershenii molebstvii po sluchayu osobo vazhnykh i radostnykh sobytii na teatre voennykh deistvii, vechnoi pamyati ubiennym voenam [Determination No. 1069, 1877 - From July 13 - 30, 1877 for No. 1069 on the proclamation during the performance of prayers on the occasion of especially important and joyful events in the theater of military operations, the eternal memory of the slain soldiers]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. 8 oktyabrya 1877 goda. 40: 189-192. [in Russian]

Opredeneniya Sinoda, 1878a – Opredeneniya Svyateishego Sinoda [Definitions of the Holy Synod]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. 4 fevralya 1878 goda. 5: 27-32. [in Russian]

Opredeneniya Sinoda, 1878b – Opredeneniya Svyateishego Sinoda [Definitions of the Holy Synod]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. 18 fevralya 1878 goda. 7: 39-42. [in Russian]

Orlov, 1877 – Orlov, A. (1877). Slovo na den' Rozhdestva Khristova [Word on the day of the Nativity of Christ]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. 28 maya 1877 goda. 21: 294-300. [in Russian]

[Reskript imperatritsy..., 1877](#) – Vysochaishii reskript Ee Imperatorskogo Velichestva Gosudaryni Imperatritsy Glavnomu upravleniyu obshchestva popecheniya o ranenyykh i bol'nykh voynakh [The Highest Rescript of Her Imperial Majesty the Empress to the Main Directorate of the Society for the Care of the Wounded and Sick Soldiers]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. 25 iyunya 1877 goda 25: 131-132. [in Russian]

[Shergin, 1877](#) – *Shergin, G.* (1877). Slovo na poklonenie zhivotvoryashchemu krestu na 14 sentyabrya [Worshipping the life-giving cross on September 14]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. 29 oktyabrya 1877 goda. 43: 553-559. [in Russian]

[Slovo episkopa tomskogo, 1877](#) – Slovo Preosvyashchennogo Platona, episkopa tomskogo [Word of the Right Reverend Platon, Bishop of Tomsk]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. 2 iyulya 1877 goda. 26: 350-355. [in Russian]

[Spasokukotskii, 1877](#) – *Spasokukotskii* (1877). Khronika [Chronicle]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. 17 dekabrya 1877 goda. 50: 633-634. [in Russian]

[Telegramma o podpisanii mira, 1878](#) – Telegramma o podpisanii mira s Turtsiei [Telegram on the signing of peace with Turkey]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. 25 fevralya 1878 goda. 7: 39-42. [in Russian]

[Telegrammy Irkutskogo dukhovenstva, 1877](#) – Telegrammy [Telegrams]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. 16 aprelya 1877 goda. 16: 91-93. [in Russian]

[Torzhestvo 20 fevralya, 1878](#) – Torzhestvo 20 fevralya v gorode Irkutsk po sluchayu zaklyucheniya slavnogo mira s Turtsiei [Celebration on February 20 in the city of Irkutsk on the occasion of the conclusion of a glorious peace with Turkey]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. 25 fevralya 1878 goda. 7: 102-103. [in Russian]

[Vedomosti, 16.04.1877](#) – *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. 16 aprelya 1877 goda. № 15. [in Russian]

[Zhaloba..., 1877](#) – Zhaloba na neizvestnogo vora (1684) [Complaint about an unknown thief (1684)]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. 21 maya 1877 goda. 20: 279. [in Russian]

Отражение Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на страницах «Иркутских епархиальных ведомостей»

Виктор Владимирович Барабаш^{a, *}, Александр Анатольевич Грабельников^a, Роман Андреевич Савастенко^a, Мария Юрьевна Лаврентьева^a

^a Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу газеты «Иркутские епархиальные ведомости» как источника, освещающего с православно-духовной точки зрения события Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Основным источником стали номера газеты с 15-го по 52-й за 1877 год и с 1-го по 7-й за 1878 год, то есть те номера, которые соответствовали хронологическим рамкам войны. В качестве дополнительных источников использовались мемуары участников и современников данной войны.

В качестве основного метода исследования был применен историографический метод (или контент-анализ); также использовались историко-системный, историко-сравнительный метод и метод синтетического анализа.

В ходе исследования были сделаны выводы о том, что газета стала не только рупором церковно-православной жизни Иркутской губернии, но и освещала события весьма актуальной для России Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, которая имела в русском обществе широчайший добровольческий и благотворительный отклик.

В номерах газеты публиковались указы императора, определения Святейшего синода (в которых содержались отчеты о благотворительной помощи раненым и семьям погибших бойцов), а также речи («слова») иркутских священнослужителей, призывавших к патриотизму, добровольческой и благотворительной деятельности. Таким образом, делается вывод о безусловной поддержке русско-турецкой войны Иркутской епархией.

Вместе с тем большая часть номеров не освещала военную тематику, предпочитая публиковать данные о региональных православно-церковных событиях небольшого масштаба, что, по нашему мнению, обусловлено удаленностью от театра военных действий и, следовательно, отсутствием соответствующих тягот военной жизни, которые несли жители западных регионов Российской империи.

Ключевые слова: периодическая печать, Русско-турецкая война 1877–1878 годов, Святейший синод, церковные издания, газета, «Иркутские епархиальные ведомости», Иркутская губерния, Иркутск.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: barabash.victor@gmail.com (В.В. Барабаш)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1850-1857
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1850

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Russian-Turkish War (1877–1878) in the Sources of Personal Origin

Oleg E. Chuikov ^{a,*}, Varvara V. Bogdan ^b, Konstantin V. Taran ^c, Leonid L. Balanyuk ^d

^a Kursk State University, Russian Federation

^b Southwest State University, Kursk, Russian Federation

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of the famous memoirs of participants and contemporaries of the Russian-Turkish War of 1877–1878. There were used as sources the memoirs of participants in the fighting and contemporaries, such as A.I. Kosich, V.V. Krestovsky, N.V. Maksimov, K.N. Favrikodorov, L.V. Shakhovskaya, A. Robush, V.V. Guryev, etc.

The research methodology includes the following methods: historiographical (content analysis), historical-system and historical-comparative, as well as the method of synthetic analysis.

The paper classifies the memoirs on this war, conditionally identifies three of their types: memoirs of military personnel, memoirs of volunteers and civilian employees, memoirs of contemporaries.

The memoirs of servicemen are distinguished by scrupulousness, the use of a special terminological apparatus, and an emphasis on combat and organizational elements. The memoirs of volunteers and civilian employees focus on the emotional and sensual elements of war, camp life, as well as psychological features and deviations in war conditions. The memoirs of contemporaries who were not participants in the war emphasize the psychological aspect of family relations, including in the case of prolonged absence, loss or injury of a loved one, some economic and everyday difficulties associated with the war. The memoirs are imbued with the spirit of patriotism, thoughts about the inevitability of war and its just nature; at the same time, they point to its severity and complexity, the stubbornness of the enemy, etc.

The analysis carried out allowed us to conclude that only a comprehensive analysis of all types of memoirs can give an objective conclusion about the Russian-Turkish war of 1877–1878, since each of the indicated types of memoirs of participants/contemporaries focuses on certain areas of the military life of Russian society.

Keywords: Russian-Turkish war of 1877–1878, sources of personal origin, memoirs, Russian Empire.

1. Введение

Русско-турецкая война 1877–1878 годов стала знаковым событием для России, так как продемонстрировала не только успехи русского оружия, но и дипломатии: молниеносный разгром Османской империи менее чем за год (война длилась с 12 апреля 1877 года по 19 февраля 1878 года¹) и значительные внешнеполитические достижения, прежде всего – ликвидация условий кабального Парижского мирного договора 1856 года.

Эта война и ее предыстория вызвали как в России, так и за рубежом широкий общественный резонанс, который повлек за собой не только патриотический настрой русского общества, но и массовое добровольческое и благотворительное движение.

* Corresponding author

E-mail addresses: chuikov-ru@mail.ru (O.E. Chuikov)

¹ Здесь и далее все даты – по старому стилю.

2. Материалы и методы

Основным источником исследования стали мемуары участников событий Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. В частности, были рассмотрены воспоминания А.И. Косича (Косич, 2010), В.В. Крестовского (Крестовский, 1879), Н.В. Максимова (Максимов, 1879), В.И. Немировича-Данченко (Немирович-Данченко, 1878), Л.В. Шаховского (Шаховской, 1878), В.В. Гурьева (Гурьев, 1883), О.В. Дубецкого (Дубецкий, 1888), М.С. Робуша (Робуш, 1888), К.Н. Фаврикодорова (Фаврикодоров, 1885), П.Н. Обнинского (Обнинский, 1892), Н.И. Сперанского (Письма Сперанского, 1994), Е.А. Рагозиной (Рагозина, 1910), А. Форбеса (Форбес, 1893) и др. (Герои и деятели, 1878; Альбом..., 1881; Альбом картин, 1878; Материалы для описания..., 1904 и др.).

Небольшая часть воспоминаний современников русско-турецкой войны 1877–1878 годов содержится и в специализированных статьях «Unprinted documents: Russo-British relations during the Eastern Crisis», опубликованных в сборниках «The Slavonic and East European Review» (см., напр., Unprinted documents, 1946, Unprinted documents, 1947).

Основным методом исследования в нашей работе стал историографический (или контент-анализ). Из специальных исторических методов применены историко-системный и историко-сравнительный, из общенаучных – использовался метод синтеза.

3. Обсуждение

Русско-турецкая война 1877–1878 годов и мемуары ее участников описаны в научной литературе весьма полно. Основные труды, которые мы использовали, сгруппированы нами по периоду их издания.

Из дореволюционных работ значительный интерес представляют монографии С.О. Кишмишева «Война в Турецкой Армении 1877–1878 гг.» (Кишмишев, 1884), П.А. Гейсмана «Славянский крестовый поход: (По случаю 25-летия со времени начала войны 1877–1878 гг.)» (Гейсман, 1902), В.А. Гиляровского «Шипка – прежде и теперь. 1877–1902» (Гиляровский, 1902) и др. В своих работах исследователи делают глубокий, хотя и тенденциозный анализ событий, так как фактически являются современниками тех людей, чьи мемуары они используют.

Отдельным эпизодам войны посвящены монографии Н.Р. Овсяного «Русское управление в Болгарии в 1877–79 гг.» (в трех томах) (Овсяный, 1906), А.И. Пирожникова «История 10-го пехотного Новоингерманландского полка» (Пирожников, 1913) и др., где содержатся воспоминания служащих соответствующих формирований.

Кроме того, все русско-турецкие войны описаны в статье И.И. Ореуса «Турецкие войны России», которая опубликована в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (Ореус, 1907); в ней также широко используются мемуары ветеранов русско-турецких войн.

В советский период по русско-турецкой войне 1877–1878 годов были изданы монографии Н.А. Епанчина «Памятка крестового похода 1877–1878 гг.» (Епанчин, 1927), А.А. Свечина «Русско-турецкая война 1877/78 г.» (Свечин, 1928), Н.И. Беляева «Русско-турецкая война 1877–1878 гг.» (Беляев, 1956), В.И. Виноградова «Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии» (Виноградов, 1978), В.А. Золотарева «Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в отечественной историографии» (Золотарев, 1978), а также «Использование русскими моряками минного оружия в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.» (сборник статей и источников, выпущенный под редакцией А.А. Самарова и Ф.А. Петрова) (Использование..., 1951) и сборник статей и документов «Русско-турецкая война 1877–1878 гг.», изданный под редакцией И.И. Ростунова (Русско-турецкая война..., 1977). Советские историки зачастую апеллируют к содержащим мемуары работам дореволюционных исследователей и самих участников событий Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, однако некоторые воспоминания фронтовиков вводят в научный оборот впервые.

Среди современных работ также большое внимание уделяется данной войне; из огромного многообразия трудов, широко исследующих воспоминания ветеранов русско-турецкой войны, выделим монографии В.М. Бочкарева «40-я Пехотная дивизия в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. (Кавказский фронт)» (Бочкарев, 2005), Н.П. Игнатьева «Походные письма 1877 года (Письма Е.Л. Игнатьевой с балканского театра военных действий)» (Игнатьев, 1999), а также главу «Русско-турецкая война 1877–1878 гг.» в курсе лекций Н.А. Троицкого «Россия в XIX веке» (Троицкий, 1997).

Значительный интерес представляет совместная монография российских и болгарских ученых В.В. Глазкова, С.Ю. Копытова, А.А. Литвина, П. Митева, Т. Георгиевой и В. Колева «Освобождение Болгарии. Лики Войны и Памяти. К 140-летию окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.» (Глазков и др., 2018).

Отдельные вопросы Русско-турецкой войны 1877–1878 годов затронуты в работах А.А. Керсновского (монография «История русской армии», том 2) (Керсновский, 2006), А.Г. Мерникова, А.А. Спектора (монография «Всемирная история войн») (Мерников, Спектор, 2005), а также статьях М.С. Лапиной (исследует участие харьковской общественности и ученых-медиков Харьковского университета в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.; Лапина, 2003), И.В. Мартыненко (анализирует деятельность Службы военных сообщений в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.; Мартыненко, 2011) и др., которые также широко цитируют фронтовиков и современников этой войны.

Большое внимание уделили мемуарам о данной войне и зарубежные историки. Сразу после начала войны в 1877 году вышел труд Генрю Монтегю Хозьера «Русско-турецкая война: проблема подъема и упадка Османской державы и история восточного вопроса», в которых, помимо истории русско-турецких взаимоотношений, на основе воспоминаний фронтовиков анализируются ключевые причины конфликтов в свете политических притязаний сторон, а также очередная война как закономерная попытка разрешить возникшие противоречия (Hozier, 1877).

Среди наиболее известных, на наш взгляд, работ следует отметить фундаментальный труд Джона Генри Верриндера-Кроу «Русско-турецкие войны», посвященный всем военным противостояниям Российской и Османской империй – русско-турецким войнам (Verrinder Crowe, 1911), а также монографию Вильяма Эдварда Дэвида Аллена и Пола Муратова «Кавказский театр военных действий: история войн на турецко-кавказской границе в период 1828–1921 годов» (Allen, Muratoff, 1953), в которой авторы делают анализ непростых русско-турецких отношений в XIX – начале XX веков. Также отметим монографию Ц. Генова «Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и подвиг освободителей» (Генов, 1979). В этих трех работах цитаты из мемуаров участников войны используются повсеместно.

4. Результаты

Мемуары генерала от инфантерии Андрея Ивановича Косича о рущукском отряде (Косич, 2010), опубликованные в Саратовском государственном университете, содержат воспоминания командующего 12-м армейским корпусом, прославившегося своими дерзкими операциями на наиболее ответственных участках фронта.

Интересны и мемуары офицеров рангом ниже, в частности штабс-ротмистра Лейб-гвардии Уланского полка В.В. Крестовского «Двадцать месяцев в действующей армии (1877–1878)» (Крестовский, 1879), Н.В. Максимова «Максимов Н.В. Две войны 1876–1878 гг.», а именно часть 1 «Война в Сербии» и часть 2 «Война в Болгарии» (Максимов, 1879), В.И. Немировича-Данченко «Год войны» в двух томах (Немирович-Данченко, 1878), Л.В. Шаховского «С театра войны 1877–78. Два похода за Балканы» (Шаховской, 1878).

Войну глазами походного священнослужителя изложил священник В.В. Гурьев в работе «Письма священника с похода 1877–1878 гг.» (Гурьев, 1883).

Воспоминания ветеранов этой войны содержатся и в периодических изданиях того времени, в частности в статье «Военные подвиги частей, войск и отдельных лиц, совершенные во славу русского оружия, в Восточную войну 1877 г.», вышедшей в журнале «Чтение для солдат» (Военные подвиги..., 1878), отрывки из воспоминаний О.В. Дубецкого «На выстрел от выстрелов», опубликованные в журнале «Исторический вестник: историко-литературный журнал» (Дубецкий, 1888), воспоминания М.С. Робуша в журнале «Исторический вестник» (статья «Английский консул в роли русского волонтера») (Робуш, 1888), мемуары К.Н. Фаврикодорова «Воспоминания лазутчика русской армии в войну 1877–1878 годов» (сборник «Исторический вестник») (Фаврикодоров, 1885), мемуары П.Н. Обнинского «Рассказ раненого под Плевной» (журнал «Русский архив: историко-литературный журнал») (Обнинский, 1892), письма Н.И. Сперанского с азиатского театра Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (журнал «Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.») (Письма Сперанского, 1994), мемуары Е.А. Рагозиной «Из дневника русской в Турции перед войной 1877–1878 гг.» (журнал «Русская старина») (Рагозина, 1910), воспоминания А. Форбеса «Критическая минута на Шипке», опубликованные в «Историческом вестнике» (Форбес, 1893).

Также мемуары содержатся в иллюстрированных изданиях «Герои и деятели Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: 20 художественно исполненных портретов с подробной биографией и описанием выдающихся событий войны» (Герои и деятели, 1878), «Альбом Русско-турецкой войны в европейской Турции 1877–1878» (Альбом..., 1881), «Альбом картин в память 25-летия Русско-Турецкой войны 1877–1878» (Альбом картин, 1878), в «Материалах для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре: в 7 томах» (Материалы для описания..., 1904) и др.

Как видим, много источников датируется 1878–1879 годом, то есть непосредственно после завершения войны (19 февраля 1878 года¹), что предполагает их актуальность и востребованность на тот период в силу тех задач, которые смогла решить эта война для России.

Огромный интерес представляют сборники источников «Неопубликованные документы: российско-британские отношения во время Восточного кризиса (часть VII. Накануне перемирия)» (Unprinted documents, 1946) и «Неопубликованные документы: российско-британские отношения во время Восточного кризиса (часть VIII. На грани войны)» (Unprinted documents, 1947), опубликованные в журнале «Славянское и восточноевропейское обозрение».

5. Заключение

В ходе проделанной работы были сделаны следующие выводы:

¹ Здесь и далее все даты – по старому стилю.

1. Условно можно разделить мемуары по Балканской войне 1877–1878 годов на три категории:
 - мемуары военнослужащих (кадровых военных и призывных военнослужащих срочной службы);
 - мемуары добровольцев и гражданских вольнонаемных служащих (священников, поваров и пр.);
 - мемуары современников, которые не принимали участие в боевых действиях.
2. Мемуары военнослужащих (А.И. Косич, В.В. Крестовский, Н.В. Максимов, К.Н. Фаврикодоров, Л.В. Шаховской и др.) отличаются скрупулезностью, оперированием значительным количеством военных терминов, акцентом на боевых и организационных элементах.
3. Мемуары добровольцев и гражданских вольнонаемных служащих (А. Робуш, В.В. Гурьев и др.) отличаются акцентом на эмоционально-чувственных элементах войны, особенностях походной жизни и быта, а также психологических компонентах личности и соответствующих девиациях в условиях войны.
4. Мемуары современников, которые не являлись участниками войны (Н. Сперанский, Е.А. Рагозина и др.), делают упор на психологические аспекты родственных отношений, лишений, которые испытывали семьи/люди в отсутствие (смерти/ранения) близкого человека, а также некоторые экономические и бытовые сложности, связанные с войной.
5. Все мемуары, написанные русскими авторами, проникнуты духом патриотизма, мыслями о неизбежности войны и ее справедливом характере. Несмотря на быстрое течение войны, они указывают на ее тяжесть и сложность, упорство противника и т.п.
6. Только комплексный анализ всех типов мемуаров позволит сделать объективный вывод о Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, так как каждый из обозначенных типов воспоминаний участников/современников делает акцент на какой-либо одной сфере военной жизни русского общества.

Литература

- Альбом картин, 1902** – Альбом картин в память 25-летия Русско-Турецкой войны 1877–1878. М.: Типолит. Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1902.
- Альбом..., 1881** – Альбом Русско-турецкой войны в европейской Турции 1877–1878. СПб., 1881.
- Беляев, 1956** – *Беляев Н.И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956.
- Бочкарев, 2005** – *Бочкарев В.М.* 40-я Пехотная дивизия в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. (Кавказский фронт). Саратов: Изд. Саратовского университета, 2005.
- Виноградов, 1978** – *Виноградов В.И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М.: Мысль, 1978.
- Военные подвиги..., 1878** – Военные подвиги частей, войск и отдельных лиц, совершенные во славу русского оружия, в Восточную войну 1877 г. // Чтение для солдат. СПб., 1878.
- Гейсман, 1902** – *Гейсман П.А.* Славянский крестовый поход: (По случаю 25-летия со времени начала войны 1877–1878 гг.). СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1902.
- Генов, 1979** – *Генов Ц.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и подвиг освободителей. София: София Пресс, 1979.
- Герои и деятели..., 1878** – Герои и деятели Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг.: 20 худож.-исполн. портр. с подроб. биогр. и описанием выдающихся событий войны. СПб.: Турба, 1878.
- Гиляровский, 1902** – *Гиляровский В.А.* Шипка – прежде и теперь. 1877–1902. М.: Тип. И.Д. Сытина, 1902.
- Глазков и др., 2018** – *Глазков В.В., Копытов С.Ю., Литвин А.А., Митев П., Георгиева Т., Колев В.* Освобождение Болгарии. Лики Войны и Памяти. К 140-летию окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. / Сост. и науч. ред.: О. Леонов, Р. Михнева. М.: Фонд «Русские Витязи», 2018.
- Гурьев, 1883** – *Гурьев В.В.* Письма священника с похода 1877–1878 гг. М.: Унив. тип. (М. Кратков), 1883; (репринт). М.: ГПИБ, 2007.
- Дубецкий, 1888** – *Дубецкий В.О.* На выстрел от выстрелов (Отрывок из воспоминаний) // Исторический вестник: историко-литературный журнал / Гл. ред. Б.Б. Глинский. СПб., 1888. Т. 34. № 12.
- Епанчин, 1927** – *Епанчин Н.А.* Памятка крестового похода 1877–1878 гг. Петроград: Изд. Союза преображенцев, 1927.
- Золотарев, 1978** – *Золотарев В.А.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в отечественной историографии. М., 1978.
- Игнатъев, 1999** – *Игнатъев Н.П.* Походные письма 1877 года (Письма Е.Л. Игнатъевой с балканского театра военных действий) / Подг. текста, вступ. статья и комментарии В.М. Хевролиной. М.: РОССПЭН, 1999.
- Использование..., 1951** – Использование русскими моряками минного оружия в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. / Под ред. А.А. Самарова и Ф.А. Петрова. М.: Военмориздат ВМФ СССР, 1951.
- Керсновский, 2006** – *Керсновский А.А.* История русской армии. Т. 2. М.: Эксмо, 2006.
- Кишмишев, 1884** – *Кишмишев С.О.* Война в Турецкой Армении 1877–1878 гг. СПб.: Военная типография, 1884.

- Косич, 2010** – Косич А.И. Рущукский отряд (По воспоминаниям генерала А.И. Косича) // Известия Саратовского университета. Саратов: СГУ, 2010. Т. 10. Вып. 1.
- Крестовский, 1879** – Крестовский В.В. Двадцать месяцев в действующей армии (1877–1878): Письма в ред. газ. «Правительственный вестник» от ея офиц. кор. Лейб-гвардии Уланск. е. вел. полка штабс-ротмистра Всеволода Крестовского. Т. 1. СПб.: Тип. М-ва вн. дел, 1879.
- Лапина, 2003** – Лапина М.С. Участие харьковской общественности и ученых-медиков Харьковского университета в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // *Наука и просвещение: научно-популярный журнал*. Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина. 2003. № 3.
- Максимов, 1879** – Максимов Н.В. Две войны 1876–1878 гг.: Ч. 1–2. Война в Сербии. Война в Болгарии: Воспоминания. СПб.: И.Л. Тузов, 1879.
- Мартыненко, 2011** – Мартыненко И.В. Служба военных сообщений в Русско-Турецкой войне (1877–1878 гг.) // *Железнодорожный транспорт: научно-теоретический технико-экономический журнал*. 2011. № 3.
- Материалы для описания..., 1904** – Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре: В 7 томах. СПб., Тифлис, 1904–1911.
- Мерников, Спектор, 2005** – Мерников А.Г., Спектор А.А. Всемирная история войн. Минск: Харвест, 2005.
- Немирович-Данченко, 1878** – Немирович-Данченко В.И. Год войны. Т. 1–2. СПб., 1878.
- Обнинский, 1892** – Обнинский П.Н. Рассказ раненого под Плевной // *Русский архив: историко-литературный журнал*. 1892. Т. 3. Вып. 12.
- Овсяный, 1906** – Овсяный Н.Р. Русское управление в Болгарии в 1877–79 гг. Т. 1–3. СПб., 1906–1907.
- Ореус, 1907** – Ореус И.И. Турецкие войны России / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.
- Пирожников, 1913** – Пирожников А.И. История 10-го пехотного Новоингерманландского полка. Томск: Электротпечатная тип. И.Д. Фортунатова, 1913.
- Письма Сперанского, 1994** – Письма Н.И. Сперанского с азиатского театра Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. / Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. 5. М.: Студия ТРИТЭ, 1994.
- Рагозина, 1910** – Рагозина Е.А. Из дневника русской в Турции перед войной 1877–1878 гг. // *Русская старина: историческое издание*. Т. 141. № 2–3. СПб., 1910.
- Робуш, 1888** – Робуш М.С. Английский консул в роли русского волонтера (Из воспоминаний о войне 1877–1878 гг.) // *Исторический вестник*. Т. 34. № 12. СПб., 1888.
- Русско-турецкая война..., 1977** – Русско-турецкая война 1877–1878 гг. / Под ред. И.И. Ростунова. М.: Воениздат, 1977.
- Свечин, 1928** – Свечин А.А. Русско-турецкая война 1877/78 г. // *Эволюция военного искусства*. Т. 1-2. М.-Л.: Воениздат, 1928.
- Троицкий, 1997** – Троицкий Н.А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. // *Россия в XIX веке (Курс лекций)*. М.: Высшая школа, 1997.
- Фаврикодоров, 1885** – Фаврикодоров К.Н. Воспоминания лазутчика русской армии в войну 1877–1878 годов // *Исторический вестник*. Т. 22. № 10–11. СПб., 1885.
- Форбес, 1893** – Форбес А. Критическая минута на Шипке // *Исторический вестник*. Т. 53. № 7. СПб., 1893.
- Шаховской, 1878** – Шаховской Л.В. С театра войны 1877–78. Два похода за Балканы. М.: Университ. тип., 1878.
- Allen, Muratoff, 1953** – Allen W.E.D., Muratoff P.P. Caucasian Battlefields: A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border. 1828-1921. Cambridge: CUP, 1953.
- Hozier, 1877** – Hozier H.M. The Russo-Turkish war: including an account of the rise and decline of the Ottoman power and the history of the Eastern question. In 2 Vol. London: William Mackenzie, 1877.
- Unprinted documents, 1946** – Unprinted documents: Russo-British relations during the Eastern Crisis (VIII. The eve of the armistice) // *The Slavonic and East European Review*. November 1946. Vol. 25. № 64.
- Unprinted documents, 1947** – Unprinted documents: Russo-British relations during the Eastern Crisis (VIII. On the edge of war) // *The Slavonic and East European Review*. April 1947. Vol. 25. № 65.
- Verrinder Crowe, 1911** – Verrinder Crowe J.H. Russo-Turkish wars / *The Encyclopaedia Britannica*. London: At the University Press, 1911. Vol. 23.

References

- Al'bom kartin, 1902** – Al'bom kartin v pamyat' 25-letiya Russko-Turetskoi voiny 1877–1878 [Album of paintings in memory of the 25th anniversary of the Russian-Turkish war of 1877–1878]. М.: Tipolit. T-va I.N. Kushnerev i Ko, 1902. [in Russian]
- Al'bom, 1881** – Al'bom Russko-turetskoi voiny v evropeiskoi Turtsii 1877–1878 [Album of the Russian-Turkish war in European Turkey 1877–1878]. SPb., 1881. [in Russian]

- Allen, Muratoff, 1953 – Allen, W.E.D., Muratoff, P.P. (1953). *Caucasian Battlefields: A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border. 1828–1921*. Cambridge: CUP.
- Belyaev, 1956 – Belyaev, N.I. (1956). *Russko-turetskaya voina 1877–1878 gg.* [Russo-Turkish War 1877–1878]. M. [in Russian]
- Bochkarev, 2005 – Bochkarev, V.M. (2005). *40-ya Pekhotnaya diviziya v russko-turetskoi voine 1877–1878 gg. (Kavkazskii front) [40th Infantry Division in the Russo-Turkish War 1877–1878 (Caucasian Front)]*. Saratov: Izd. Saratovskogo universiteta. [in Russian]
- Dubetskii, 1888 – Dubetskii, V.O. (1888). *Na vystrel ot vystrel'ov (Otryvok iz vospominanii) [On a shot from shots (An excerpt from memoirs)]*. *Istoricheskii vestnik: istoriko-literaturnyi zhurnal*. Gl. red. B.B. Glinskii. SPb. T. 34. № 12. [in Russian]
- Epanchin, 1927 – Epanchin, N.A. (1927). *Pamyatka krestovogo pokhoda 1877–1878 gg.* [Crusade memo 1877–1878]. Petrograd: Izd. Soyuz preobrazhentsev. [in Russian]
- Favrikodorov, 1885 – Favrikodorov, K.N. (1885). *Vospominaniya lazutchika russkoi armii v voynu 1877–1878 godov [Memoirs of a scout of the Russian army in the war of 1877–1878]*. *Istoricheskii vestnik*. 22(10–11). SPb. [in Russian]
- Forbes, 1893 – Forbes, A. (1893). *Kriticheskaya minuta na Shipke [Critical minute on Shipka]*. *Istoricheskii vestnik*. 53(7). SPb. [in Russian]
- Geisman, 1902 – Geisman, P.A. (1902). *Slavyanskii krestovyi pokhod: (Po sluchayu 25-letiya so vremeni nachala voiny 1877–1878 gg.) [Slavic Crusade: (On the occasion of the 25th anniversary of the start of the war of 1877–1878)]*. SPb.: Tip. V.D. Smirnova. [in Russian]
- Genov, 1979 – Genov, Ts. (1979). *Russko-turetskaya voina 1877–1878 gg. i podvig osvoboditelei [Russian-Turkish war 1877–1878. and the feat of the liberators]*. Sofiya: Sofiya Press. [in Russian]
- Geroi i deyateli, 1878 – Geroi i deyateli Russko-Turetskoi voiny 1877–1878 gg. [Heroes and figures of the Russian-Turkish war of 1877–1878]: 20 khudozh.-ispoln. portr. s podrob. biogr. i opisaniem vydayushchikhsya sobytii voiny 2. SPb.: Turba, 1878. [in Russian]
- Gilyarovskii, 1902 – Gilyarovskii, V.A. (1902). *Shipka – prezhde i teper'. 1877–1902 [Shipka – before and now]*. M.: Tip. I.D. Sytina. [in Russian]
- Glazkov i dr., 2018 – Glazkov, V.V., Kopytov, S.Yu., Litvin, A.A., Mitev, P., Georgieva, T., Kolev, V. *Osvobozhdenie Bolgarii. Liki Voiny i Pamyati. K 140-letiyu okonchaniya Russko-turetskoi voiny 1877–1878 gg. [Liberation of Bulgaria. Faces of War and Memory. To the 140th Anniversary of the End of the Russo-Turkish War of 1877–1878]*. Sost. i nauch. red.: O. Leonov, R. Mikhneva. M.: Fond «Russkie Vityazi». [in Russian]
- Gur'ev, 1883 – Gur'ev, V.V. (1883). *Pis'ma svyashchennika s pokhoda 1877–1878 gg.* [Letters from a priest from the campaign of 1877–1878]. M.: Univ. tip. (M. Kratkov), 1883; (reprint). M.: GPIB, 2007. [in Russian]
- Hozier, 1877 – Hozier, H.M. (1877). *The Russo-Turkish war: including an account of the rise and decline of the Ottoman power and the history of the Eastern question*. In 2 Vol. London: William Mackenzie.
- Ignat'ev, 1999 – Ignat'ev, N.P. (1999). *Pokhodnye pis'ma 1877 goda (Pis'ma E.L. Ignat'evoi s balkanskogo teatra voennykh deistvii) [Marching letters of 1877 (Letters of E.L. Ignatieva from the Balkan theater of operations)]*. Podg. teksta, vstup. stat'ya i kommentarii V.M. Khevrolinoi. M.: ROSSPEN. [in Russian]
- Ispol'zovanie..., 1951 – Ispol'zovanie russkimi moryakami minnogo oruzhiya v russko-turetskoi voine 1877–1878 gg. [The use of mine weapons by Russian sailors in the Russian-Turkish war of 1877–1878]. Pod red. A.A. Samarova i F.A. Petrova. M.: Voenmorizdat VMF SSSR, 1951. [in Russian]
- Kersnovskii, 2006 – Kersnovskii, A.A. (2006). *Istoriya russkoi armii [History of the Russian army]*. T. 2. M.: Eksmo. [in Russian]
- Kishmishev, 1884 – Kishmishev, S.O. (1884). *Voyna v Turetskoi Armenii 1877–1878 gg.* [War in Turkish Armenia 1877–1878]. SPb.: Voennaya tipografiya. [in Russian]
- Kosich, 2010 – Kosich, A.I. (2010). *Rushchukskii otryad (Po vospominaniyam generala A.I. Kosicha) [Ruschuk detachment (According to the memoirs of General A.I. Kosich)]*. *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. Saratov: SGU. 10(1). [in Russian]
- Krestovskii, 1879 – Krestovskii, V.V. (1879). *Dvadtsat' mesyatsev v deistvuyushchei armii (1877–1878) [Twenty Months in the Active Army (1877–1878)]*: Pis'ma v red. gaz. «Pravitel'stvennyi vestnik» ot eya ofits. kor. Leib-gvardii Ulansk. e. vel. polka shtabs-rotmistra Vsevoloda Krestovskogo. T. 1. SPb.: Tip. M-va vn. del. [in Russian]
- Lapina, 2003 – Lapina, M.S. (2003). *Uchastie khar'kovskoi obshchestvennosti i uchenykh-medikov Khar'kovskogo universiteta v russko-turetskoi voine 1877–1878 gg.* [Participation of the Kharkov public and medical scientists of Kharkov University in the Russian-Turkish war of 1877–1878]. *Nauka i prosveshchenie: nauchno-populyarnyi zhurnal*. Khar'kov: KhNU im. V.N. Karazina. № 3. [in Russian]
- Maksimov, 1879 – Maksimov, N.V. (1879). *Dve voiny 1876–1878 gg.* [Two Wars 1876–1878]: Ch. 1–2. *Voyna v Serbii. Voyna v Bolgarii: Vospominaniya*. SPb.: I.L. Tuzov. [in Russian]
- Martynenko, 2011 – Martynenko, I.V. (2011). *Sluzhba voennykh soobshchenii v Russko-Turetskoi voine (1877–1878 gg.) [Military communications service in the Russian-Turkish war (1877–1878)]*. *Zhelezodorozhnyi transport: nauchno-teoreticheskii tekhniko-ekonomicheskii zhurnal*. 3. [in Russian]

- [Materialy dlya opisaniya..., 1904](#) – Materialy dlya opisaniya russko-turetskoi voiny 1877–1878 gg. na Kavkazsko-Maloaziatskom teatre [Materials to describe the Russo-Turkish war of 1877–1878 at the Caucasian-Asia Minor Theatre]: V 7 tomakh. SPb., Tiflis, 1904–1911. [in Russian]
- [Mernikov, Spektor, 2005](#) – *Mernikov, A.G., Spektor, A.A.* (2005). Vsemirnaya istoriya voyn [World history of wars]. Minsk: Kharvest. [in Russian]
- [Nemirovich-Danchenko, 1878](#) – *Nemirovich-Danchenko, V.I.* (1878). God voiny [Year of the war]. T. 1-2. SPb. [in Russian]
- [Obninskii, 1892](#) – *Obninskii, P.N.* (1892). Rasskaz ranenogo pod Plevnoi [The story of the wounded near Plevna]. *Russkii arkhiv: istoriko-literaturnyi zhurnal*. 3(12). [in Russian]
- [Oreus, 1907](#) – *Oreus, I.I.* (1907). Turetskie voiny Rossii [Turkish wars of Russia]. Entsiklopedicheski slovar' Brokgauza i Efrona: V 86 t. (82 t. i 4 dop.). SPb., 1890–1907. [in Russian]
- [Ovsyanyi, 1906](#) – *Ovsyanyi, N.R.* (1906). Russkoe upravlenie v Bolgarii v 1877–79 gg. [Russian Administration in Bulgaria in 1877–79]. T. 1–3. SPb., 1906–1907. [in Russian]
- [Pirozhnikov, 1913](#) – *Pirozhnikov, A.I.* (1913). Istoriya 10-go pekhotnogo Novoiingermanlandskogo polka [History of the 10th Novoiingermanland Infantry Regiment]. Tomsk: Elektropechatnaya tip. I.D. Fortunatova. [in Russian]
- [Pis'ma Speranskogo, 1994](#) – Pis'ma N.I. Speranskogo s aziatskogo teatra Russko-turetskoi voiny 1877–1878 gg. [Letters from N.I. Speransky from the Asian theater of the Russian-Turkish war of 1877–1878]. Rossiiskii arkhiv: istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. T. 5. M.: Studiya TRITE, 1994. [in Russian]
- [Ragozina, 1910](#) – *Ragozina, E.A.* (1910). Iz dnevnika russkoi v Turtsii pered voinoi 1877–1878 gg. [From the diary of a Russian in Turkey before the war, 1877–1878]. *Russkaya starina: istoricheskoe izdanie*. 141 2–3). SPb. [in Russian]
- [Robush, 1888](#) – *Robush, M.S.* (1888). Angliiskii konsul v roli russkogo volontera (Iz vospominanii o voine 1877–1878 gg.) [The English Consul as a Russian Volunteer (From the Memoirs of the War of 1877–1878)]. *Istoricheskii vestnik*. 34(2). SPb. [in Russian]
- [Russko-turetskaya voina, 1977](#) – Russko-turetskaya voina 1877–1878 gg. [Russian-Turkish war 1877–1878]. Pod red. I.I. Rostunova. M.: Voenizdat, 1977. [in Russian]
- [Shakhovskoi, 1878](#) – *Shakhovskoi, L.V.* (1878). S teatra voiny 1877–78. Dva pokhoda za Balkany [From the theater of war 1877–78. Two campaigns for the Balkans]. M.: Universit. tip. [in Russian]
- [Svechin, 1928](#) – *Svechin, A.A.* (1928). Russko-turetskaya voina 1877/78 g. [Russian-Turkish war of 1877/78]. Evolyutsiya voennogo iskusstva. T. 1–2. M.-L.: Voengiz. [in Russian]
- [Troitskii, 1997](#) – *Troitskii, N.A.* (1997). Russko-turetskaya voina 1877–1878 gg. [Russo-Turkish War 1877–1878]. Rossiya v XIX veke (Kurs lektsii). M.: Vysshaya shkola. [in Russian]
- [Unprinted documents, 1946](#) – Unprinted documents: Russo-British relations during the Eastern Crisis (VIII. The eve of the armistice). *The Slavonic and East European Review*. November 1946. 25(64).
- [Unprinted documents, 1947](#) – Unprinted documents: Russo-British relations during the Eastern Crisis (VIII. On the edge of war). *The Slavonic and East European Review*. April 1947. 25(65).
- [Verrinder Crowe, 1911](#) – *Verrinder Crowe, J.H.* (1911). Russo-Turkish wars. The Encyclopaedia Britannica. London: At the University Press. Vol. 23.
- [Vinogradov, 1978](#) – *Vinogradov, V.I.* (1978). Russko-turetskaya voina 1877–1878 gg. i osvobozhdenie Bolgarii [Russo-Turkish War 1877–1878 and the liberation of Bulgaria]. M.: Mysl'. [in Russian]
- [Voennye podvigi, 1878](#) – Voennye podvigi chastei, voisk i otdel'nykh lits, sovershennyye vo slavu russkogo oruzhiya, v Vostochnuyu voynu 1877 g. [Military exploits of units, troops and individuals, committed for the glory of Russian weapons, in the Eastern War of 1877]. Chtenie dlya soldat. SPb., 1878. [in Russian]
- [Zolotarev, 1978](#) – *Zolotarev, V.A.* (1978). Russko-turetskaya voina 1877–1878 gg. v otechestvennoi istoriografii [Russo-Turkish War 1877–1878 in national historiography]. M. [in Russian]

Русско-турецкая война (1877–1878 гг.) в источниках личного происхождения

Олег Евгеньевич Чуйков ^{a, *}, Варвара Владимировна Богдан ^b, Константин Викторович Таран ^c, Леонид Леонидович Баланюк ^d

^a Курский государственный университет, Курск, Российская Федерация

^b Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им. Плеханова, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: chuiikov-ru@mail.ru (О.Е. Чуйков)

Аннотация. Статья посвящена анализу известных мемуаров участников и современников Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. В качестве источников работы использовались воспоминания участников боевых действий и современников, таких как А.И. Косич, В.В. Крестовский, Н.В. Максимов, К.Н. Фаврикодоров, Л.В. Шаховской, А. Робуш, В.В. Гурьев и др.

Методология исследования включает в себя следующие методы: историографический (контент-анализ), историко-системный и историко-сравнительный, а также метод синтетического анализа.

В работе дана классификация мемуаров по данной войне, условно выделено три их типа: мемуары военнослужащих, мемуары добровольцев и гражданских вольнонаемных служащих, мемуары современников.

Мемуары военнослужащих отличаются скрупулезностью, употреблением специального терминологического аппарата, акцентом на боевых и организационных элементах. Мемуары добровольцев и гражданских вольнонаемных служащих акцентируют внимание на эмоционально-чувственных элементах войны, походной жизни, а также психологических особенностях и девиациях в условиях войны. Мемуары современников, не являвшихся участниками войны, делают упор на психологический аспект родственных отношений, в том числе при длительном отсутствии, потере или ранении близкого человека, некоторые экономические и бытовые сложности, связанные с войной. Мемуары проникнуты духом патриотизма, мыслями о неизбежности войны и ее справедливом характере; вместе с тем они указывают на ее тяжесть и сложность, упорство противника и пр.

Проделанный анализ позволил сделать вывод о том, что только комплексный анализ всех типов мемуаров способен дать объективный вывод о Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, так как каждый из обозначенных типов воспоминаний участников/современников акцентирует свое внимание на определенных сферах военной жизни русского общества.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1877–1878 годов, источники личного происхождения, мемуары, Российская империя.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1858-1866
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1858

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The History of Contraction of Railway in Siberia: from the Idea to the Final Project

Evgeny A. Akhtamov ^{a,*}, Denis N. Gergilev ^a, Tatyana V. Izluchenko ^a, Michail G. Tarasov ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The construction of the railway in Siberia has greatly increased the economic and cultural development of the region. The effect of putting the railway into operation exceeded all expectations in the first years. The railway played a significant role both in the life of Siberia and the country as a whole in subsequent periods of historical development. This circumstance causes the constant interest of researchers to the history of the railway. The object of this article is the process of making decisions on the direction of the Siberian railway line: from the first projects to survey work that finally determined the paths of the railway lines.

The importance of the railroad from the Chinese border to European Russia was first raised in public space in the 1830s. The authors paid considerable attention to the railway construction projects that were sent to St. Petersburg from Siberia in the following decades, as well as to the personalities who influenced the promotion of the projects. The reasons that contributed to the delay in the decision to build a railway in Siberia are shown: the lack of consensus in the capital circles, which manifested itself in the discussion in the press, disagreements among the Siberian public, government fears about the foreign capital domination in the transport industry. The authors noted the proposed directions of the railway line, when the government had already made a fundamental decision on the construction of the railway, considered the factors that influenced the final decision on the choice of the route: geological conditions, the cost of construction, the population of the territories, the difficulties in constructing access roads, the expected time of economic effect.

Keywords: Siberia, Central Siberian Railway, Trans-Baikal Railway, projection, research, Krasnoyarsk, Irkutsk.

1. Введение

Вопрос транспортного сообщения Европейской России с Сибирью всегда имел ключевое политическое, экономическое и культурное значение для развития отдаленного региона. В XVII веке правительство предпочло отказаться от исследования и использования северного морского пути. В результате на протяжении долгого времени единственным путем, связывающим Сибирь с Европейской Россией, оставался Сибирский тракт. Стоит отметить, что передвижение по нему осложнялось плохим состоянием дорог, суровыми климатическими условиями, а также дальними расстояниями. Между тем развитие капиталистических отношений во второй половине XIX века, а также необходимость усиления позиций Российской империи в Тихоокеанском регионе требовали создание надежной транспортной сети, которая позволила бы связать Европейскую Россию с Сибирью. Железнодорожная магистраль позволяла ответить на вызовы времени. Несмотря на то, что история железнодорожного сообщения стала темой целого ряда исследований, считать этот вопрос изученным до конца не представляется возможным ввиду той роли, которую железнодорожное сообщение стало играть в жизни страны, а также ввиду многоаспектности данной темы.

* Corresponding author

E-mail addresses: akhtamov@gmail.com (E.A. Akhtamov), turilak@yandex.ru (D.N. Gergilev), izluchenko@mail.ru (T.V. Izluchenko), tmg.nauka@yandex.ru (M.G. Tarasov)

2. Материалы и методы

Для проведения исследования авторами были привлечены как опубликованные, так и неопубликованные источники. Основу работы составили опубликованные проекты железной дороги, а также результаты изысканий, проведенных в конце 1880 – начале 1890 годов исследовательскими партиями на Средне-Сибирском, Кругобайкальском и Забайкальском участках Транссибирской магистрали, отчеты по строительству. Также авторы обращались к фондам Государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация), в фондах которого отложились правительственные распоряжения по ведомству Министерства путей сообщения, приказы и циркуляры начальника Сибирской железной дороги, сведения о сезонных колебаниях уровня рек в местах постройки железной дороги, проекты кузниц при паровозных мастерских. Материалы официального делопроизводства позволяют дополнить общую картину истории строительства Сибирской железной дороги фактами локальной истории Енисейской губернии.

Работа выполнена на основе методологии исторической науки, принципах научной объективности и историзма. Методы синхронно-сравнительного направления компаративистского подхода позволили рассмотреть особенности развития взглядов на необходимость строительства железной дороги в Сибири: отличительной чертой здесь был достаточно долгий период общественного обсуждения. Стоит отметить, что за этот период был накоплен необходимый опыт по эксплуатации железных дорог в Европейской России, выработаны технические нормы, что позволило осуществить масштабный проект по строительству железной дороги в Сибири. Сравнительно-исторический и системный методы позволили учесть обстоятельства, определявшие особенности развития взглядов на железнодорожное строительство. Таким образом, изучение истории и условий проектирования различных участков железной дороги в Сибири, исследования геологических особенностей, зависимости от видения и понимания правительством роли Сибири в Российской империи основано на изучении данных явлений как единого комплекса исторических условий развития железнодорожного сообщения в Сибири.

3. Обсуждение

История строительства Транссибирской железнодорожной магистрали всегда привлекала внимание исследователей, инженеров, государственных чиновников и публицистов, что объясняется значимостью магистрали для развития Сибирского региона и страны в целом. В дореволюционный период Транссибирская магистраль рассматривалась исследователями в контексте укрепления границ Российской империи на востоке и ускорения экономического развития региона. Авторы указывали на то, что сооружение постоянно действующего, надежного транспортного пути дает возможность сибирским крестьянам поставлять свою продукцию на западные рынки, позволяет развиваться добывающей и обрабатывающей промышленности, обеспечивает развитие культурной жизни, способствует росту общей грамотности сибирского населения (Богданович, 1868; Красовский, 1890; Коверский, 1896).

В печати также нашла отражение и противоположная точка зрения. Так, Н.М. Ядринцев (Ядринцев, 1882) указывал на то, что соединение Сибири с европейской частью России приведет к вывозу сырья из Сибири, не даст развиваться местной перерабатывающей промышленности. Г.Н. Потанин был в целом скептически настроен по отношению к перспективам железнодорожного строительства в Сибири (Потанин, 1910).

В первые десятилетия советской власти в центре внимания исследователей находились проблемы экономического развития региона и роли транспортных путей в этом развитии, чему были посвящены работы Фомина, Гляуделя (Фомин, 1922; Гляудель, 1926). В последующие десятилетия интерес исследователей к истории путей сообщения только возрос, что было связано с ролью железной дороги в Великой Отечественной войне, развитии Сибири и страны (Паталеев, 1951; Тарновский, 1964).

Со второй половины 1980-х годов историография пополнилась работами, в центре внимания которых были проблемы, ранее в недостаточной степени освещенные в исследованиях: деятельность Комитета Сибирской железной дороги (Горюшкин, 1986), строительство железных дорог частными лицами (Борзунов, 1995; Баталова, 2007), различные проекты железных дорог в Сибири (Коновалова, 1990; Тимошенко, 1999).

К столетию Транссибирской магистрали был опубликован ряд обобщающих трудов. Так, коллективом авторов в работе «Стальное звено Транссиба» было исследовано развитие Красноярского участка Транссибирской железной дороги за столетний период ее деятельности (Стальное звено Транссиба, 1998). В коллективном труде под редакцией В.Г. Третьякова рассмотрены различные аспекты истории создания и работы Транссибирской железнодорожной магистрали (Железнодорожный транспорт Восточной Сибири, 2001). Авторы проанализировали вопросы проектных, изыскательных и строительных работ, особенности функционирования дороги в разные исторические периоды.

В работах В.Г. Третьякова проанализирована история проектирования железной дороги в направлении Кяхты-Урги и Монголии, в целом истории железнодорожного транспорта в Сибири (Третьяков, 2012; Третьяков, 2014а; Третьяков, 2014б). Исследование М.А. Гилько посвящено роли железной дороги в социально-экономическом развитии Енисейской губернии (Гилько, 2013).

Деятельность государственных органов по развитию Сибирской железной дороги, а также ее роль в модернизационных процессах исследованы в статье С.Т. Гайдина, Г.А. Бурмакиной, Р.В. Павлюкевича, Т.Г. Шереметовой (Гайдин и др., 2020). Вклад частных лиц, а именно представителей купеческого сословия, в строительство железных дорог в Сибири и Казахстане рассмотрен А.Ж. Габдулиной, А.Ж. Турхановой, Л.Т. Курманбаевой, Ж.Р. Абишевой (Габдулина и др., 2022).

В работе Дж. Хартера (Harter, 2005) проанализирована мировая история железных дорог XIX века. Автор исследует широкий круг вопросов: развитие техники на железнодорожном транспорте, ключевые события в развитии мирового железнодорожного строительства, создании сети дорог в Российской империи. Также Дж. Хартер рассматривает роль железной дороги в международных отношениях, отмечая, что железные дороги не только ускоряли экономическое развитие государств, но и усиливали их геополитические позиции. История Сибири, ее социального и экономического развития исследована в коллективной работе под редакцией С. Коткина и Д. Волфа (Kotkin, Wolff, 2015). Таким образом, к истории железнодорожного сообщения в Сибири сохраняется высокий интерес.

4. Результаты

Во второй половине XIX века потребность в надежном транспортном сообщении отдаленного региона с европейским центром стала ощущаться острее. Это было связано как с экономическими, так и политическими причинами: развитием капиталистических отношений – российскому капиталу требовались новые источники сырья и рынки сбыта, надежная транспортная сеть позволила бы теснее связать Восточную Сибирь и Дальний Восток с Европейской Россией, а также усилила бы позиции России в Тихоокеанском регионе, где быстро развивающиеся восточные государства все громче заявляли о своих территориальных притязаниях.

Понимая необходимость надежного транспортного сообщения Европейской России с Сибирью, государственные и общественные деятели предлагали соединить Сибирь с Россией железной дорогой. Еще в 1837 году инженер путей сообщения Николай Иванович Богданов предложил строить железную дорогу от Нижнего Новгорода до Китая. Он считал, что железная дорога будет способствовать экономическому развитию, стимулировать промышленность и торговлю в Сибири, поможет «умножить народное богатство» (Железнодорожный транспорт..., 2001: 81) В том же году Павел Петрович Мельников, в будущем первый министр путей сообщения России, писал: «Глубоко убежден, что железные дороги необходимы России, что они, можно сказать, выдуманы для нее более, нежели для какой-либо другой страны Европы... Нет никакого сомнения, что в такой пространной стране, как Россия, железные дороги призваны не только возвысить ценности, как в государствах Европы, а создать их, ибо естественные богатства наши остаются непроизводительными и бесценными от неимения для них надлежащего сбыта» (Стальное звено Транссиба, 1998: 5).

Другой проект был предложен золотопромышленником Рафаилом Александровичем Черносвитовым в 1849 году. В своей записке правительству «Виды на Сибирь» он предлагал проект строительства дороги от Екатеринбурга до Иркутска. Отличительной особенностью проекта было то, что рельсовый путь должен был быть построен из дерева. По проекту строительством и обслуживанием дороги должны были заниматься ревизские души, поселенные вдоль дороги в количестве 100 человек на версту. Перевозка грузов должна была осуществляться лошадьми. В результате скорость передвижения в Сибири должна была существенно возрасти. Проект предусматривал строительство дороги и в восточном направлении: от Байкала до места слияния Шилки и Аргуни, а также строительство гостиниц, фабрик, заводов вдоль всего рельсового пути (Железнодорожный транспорт..., 2001: 84)

Н.Н. Муравьев-Амурский был первым из государственных деятелей Сибири, кто увидел потенциал железной дороги и ходатайствовал о поддержке проектов железнодорожного строительства. Он руководствовался идеей увеличить численность русского населения и разместить русские войска на Дальнем Востоке. В 1857 году Н.Н. Муравьев-Амурский снарядил экспедицию инженера Д.И. Романова для проведения исследований. Также Д.И. Романовым был составлен проект постройки железной дороги. В том же году Н.Н. Муравьев-Амурский ходатайствовал о поддержке проекта гражданина США Коллинза. Согласно этому проекту, железная дорога должна была пройти от Иркутска до Читы, однако он был отклонен Сибирским комитетом ввиду гражданства Коллинза. В последующем на страницах газеты «Иркутские губернские ведомости» развернулась широкая общественная дискуссия о перспективах железнодорожного строительства в Сибири (Железнодорожный транспорт..., 2001: 85).

Через несколько лет чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел полковник Евгений Богданович был командирован в Уральский край для расследования обстоятельств разразившегося там голода среди местного населения. В марте 1866 года он телеграфировал в Санкт-

Петербург: «Единственным надежным средством к предупреждению голода в Уральском крае в будущем была бы постройка железной дороги из внутренних губерний в Екатеринбург и далее до Тюмени. <...> Такая дорога, будучи впоследствии продолженной через Сибирь к китайской границе, получила бы важное стратегическое и международное значение» ([Стальное звено Транссиба, 1998: 10-11](#)). Е. Богданович был одним из первых, кто высказался о необходимости строительства железнодорожного пути через всю Сибирь. В последующем им были проведены исследования местности, по результатам которых в 1868 году был составлен и опубликован проект Сибирско-Уральской железной дороги ([Богданович, 1868](#)).

Существовали и другие проекты железной дороги в Сибири, почти все они рассматривались на правительственном уровне, однако в этот период не получили шанс на реализацию. Нельзя не учесть и то, что именно в столичных кругах существовало достаточно серьезное сопротивление начинаниям по освоению огромного края. Это нашло отражение в ряде изданий того времени. Князь Мещерский писал: «Один Невский проспект по крайней мере в пять раз ценнее всей Сибири» (Цит. по: [Стальное звено Транссиба, 1998: 10](#)). Генерал Андреевич разделял мнение о непригодности Сибири для земледелия, об отсутствии стратегического и общекультурного значения у предполагавшейся железной дороги: «Сибирская железная дорога желательна для служащих, военных и гражданских чинов, выгодная для купечества, бесполезная для 999 из 1000 человек местных обывателей, безусловно вредна для государства. Сибирь бедна, безлюдна, некультурна...» (Цит. по: [Стальное звено Транссиба, 1998: 10](#)) Также в сибирских изданиях областники-автономисты выступали против естественной колонизации края. Противники постройки железной дороги указывали на то, что продажа сырья сибирским крестьянином нисколько не пойдет ему на пользу. По выражению Н.М. Ядринцева, постройка дороги будет «последней ликвидацией богатств края» ([Ядринцев, 1882: 72](#)).

В начале 1880-х годов из Сибири вновь были направлены предложения о строительстве дороги. Так, генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин высказывался о необходимости поддержки проектов сооружения отдельных железнодорожных линий между Екатеринбургом и Тюменью, Томском и Иркутском, Владивостоком и верховьями Усури, впадающей в Амур. В это же время купец Овсянников из Красноярска обратился к правительству с проектом проведения железной дороги от Томска до Иркутска. В случае согласия он был готов спроектировать направления дороги, рассчитать объемы и стоимость сооружения дороги, принять личное участие в строительстве. Однако эти предложения не были приняты правительством ([Железнодорожный транспорт..., 2001: 86](#)).

В 1884 году было учреждено Приамурское генерал-губернаторство, в связи с чем Восточно-Сибирское генерал-губернаторство было переименовано в Иркутское. В 1886 году с тщательным обоснованным предложением о строительстве магистрали выступил иркутский генерал-губернатор А.П. Игнатьев. Помимо такого преимущества, как возможность в короткие сроки доставлять в Забайкалье войска, А.П. Игнатьев отмечал, что сооружение рельсового пути «несомненно благотворно отразилось бы и на оживлении весьма слабой промышленности и торговли Восточной Сибири; с удешевлением же провоза товаров из Европейской России явилась бы возможность усилить вывоз наших изделий и тем умерить невыгоды нашего торгового баланса на китайской границе, между тем именно в отсутствии в Сибири сколько-нибудь устроенных путей сообщения и заключалась главнейшая причина слабого развития производительности этой страны и наблюдавшегося там застоя в промышленных делах» ([Саблер, Сосновский, 1903: 37](#)).

Стоит отметить, что отчет А.П. Игнатьева сыграл важную роль в принятии Александром III решения о строительстве железной дороги в Сибири: «Уже столько отчетов генерал-губернаторов Сибири я читал и должен с грустью и стыдом сознаться, что правительство до сих пор почти ничего не сделало для удовлетворения потребностей этого богатого, но запущенного края. А пора, давно пора!» ([Саблер, Сосновский, 1903: 69](#)). По его распоряжению отчет А.П. Игнатьева был внесен для обсуждения в Комитет министров.

В том же 1886 году в правительство поступило ходатайство генерал-губернатора Приамурья А.Н. Корфа о поддержке железнодорожного строительства в Забайкалье. Этот проект также был отклонен правительством, несмотря на то что в 1887 г. по инициативе Александра III было создано особое совещание по проектам А.П. Игнатьева и А.Н. Корфа. По итогам работы совещание пришло к выводу о необходимости строительства железнодорожного пути в Сибири. В том же году начались исследования в местах будущего строительства. Исследовательские работы между Томском и Иркутском проходили под руководством Н.П. Меженинова, между Байкалом и Амуром – О.П. Вяземского ([Железнодорожный транспорт..., 2001: 87](#)).

Предполагалось, что строительство западной части Сибирской железнодорожной линии будет существенно легче. Это было связано с тем, что Западная Сибирь была более подробно изучена: имелись подробные карты местности, исследованы геологические особенности региона. Также по проекту железнодорожная линия должна была пройти вдоль Московского тракта мимо крупных населенных пунктов, поэтому на западном участке изучалась только относительно узкая полоса местности вблизи тракта. За Байкалом же местность была исследована очень слабо, проект предусматривал строительство магистрали в стороне от трактов. Это требовало проведение изысканий широкой полосой, достигавшей 200–300 верст ([Железнодорожный транспорт..., 2001: 88](#)).

На этапе предварительных изысканий было определено направление трассы железной дороги до Иркутска. При этом рассматривались три различных варианта. Самый ранний проект, автором которого был министр путей сообщения К.Н. Посыет, предусматривал строительство пути через Челябинск, Омск, Томск, Красноярск, Нижнеудинск, Иркутск, то есть по большей части вдоль Сибирского тракта. Вице-адмирал Н.В. Копытов в декабре 1887 г. предложил провести трассу южнее – по линии Оренбург, Актюбинск, Павлодар, Бийск, Минусинск, Нижнеудинск, Иркутск. Также было предложение направить линию в обход Байкала с севера.

Н.П. Меженинов, руководивший изысканиями по линии от Томска до Иркутска, на заседании комиссии Императорского Русского технического общества 30 марта 1889 г., поддержал проект К.Н. Посыета. Он указал, что местность от Томска до Ачинска идет по равнине, что лишь от Ачинска до Иркутска она пересекает возвышенности, но и здесь встречаются места, которые «можно пройти при технических условиях равнинных участков». Н.П. Меженинов делал вывод о том, что вдоль Сибирского тракта «вся остальная линия представляет удобные условия для проведения железной дороги, <...> несмотря на то, что проект железной дороги от Красноярска до Иркутска еще не составлен, по имеющимся данным можно сказать, что линия обойдется не выше средней стоимости русских железных дорог» (*Труды комиссии...*, 1889: 4). Также Н.П. Меженинов обратил внимание на то, что по проекту Н.В. Копытова линия железной дороги будет длиннее северного направления на 605 верст и пройдет по более гористой и менее населенной местности.

Бывший генерал-губернатор Восточной Сибири, сенатор Д.Г. Анучин поддержал вариант трассы, предложенный Н.П. Межениновым. По вопросу о постройке трассы севернее Байкала Д.Г. Анучин ответил: «Мы слишком бедны средствами, и железная дорога по Восточной Сибири от Томска до Амура вследствие малого развития края в экономическом отношении долго будет делать дефицит. Поэтому умышленно строить линию, которая была бы еще менее производительна, не следует, и, я думаю, что должно оставить всякие варианты, которые удлиняют эту линию и имеют стремление к северу» (*Труды комиссии...*, 1889: 7). В результате 10 февраля 1893 года Комитет Сибирской железной дороги одобрил строительство дороги через Ачинск, Красноярск, Канск, Нижнеудинск и Иркутск (*Железнодорожный транспорт...*, 2001: 89).

Для удешевления строительства железной дороги правительством было решено упростить технические нормы. Новые требования для Западно-Сибирской железной дороги были приняты в 1892 г., для Средне-Сибирской – в 1893 г., для Забайкальской – в 1897 г. По новым требованиям сокращалась ширина земельного полотна, уменьшался радиус кривых, при укладке пути использовались более легкие рельсы (*ГАКК. Ф. 390. Приказы и циркуляры начальника Сибирской железной дороги. Оп. 1. Д. 8. Л. 2*). В пользу такого решения приводились прогнозы о меньшей загруженности Сибирской железной дороги по сравнению с дорогами в Европейской России.

Стоит отметить, что Средне-Сибирской участок, от Оби в направлении на Красноярск и Иркутск, оставался в значительной степени неисследованным. В 1892–1894 гг. под руководством начальника Средне-Сибирской горной партии Карла Богдановича на участке между Ачинском и Канском были обнаружены и подробно описаны выходы угольных пластов. К. Богданович дал высокую оценку местному углю, подчеркивая экономическую выгоду использования местных бурых углей. Также были обнаружены месторождения материалов, которые впоследствии могли использоваться для строительства: балласта и огнеупорных глин, бутового и облицовочного камня и известняка (*ГАКК. Ф. 390. Приказы и циркуляры начальника Сибирской железной дороги. Оп. 1. Д. 6. Л. 14*). Сведения об обнаруженных месторождениях, результаты анализов и механических испытаний были учтены Н.П. Межениновым.

Масштаб проводимых изыскательных и строительных работ потребовал использования труда ссыльных. Летом 1895 года на Средне-Сибирском участке работало 1377 наиболее благонадежных ссыльных и каторжан Енисейской и Иркутской губерний (*ГАКК. Ф. 390. Приказы и циркуляры начальника Сибирской железной дороги. Оп. 1. Д. 6. Л. 26*).

Как показали предварительные исследования, наиболее сложный участок для прокладки пути был в районе Байкала. Сложность и стоимость постройки были настолько существенными, что было принято решение отложить строительство на этом участке. Для того чтобы соединить Средне-Сибирскую и Забайкальскую железные дороги, министр финансов С.Ю. Витте в 1893 году предложил построить временную переправу через Байкал. По проекту, до завершения Кругобайкальского участка связь между Средне-Сибирской и Забайкальской дорогами должен был осуществлять паром-ледокол. В 1894 г. начались изыскания по определению мест пристаней на Байкале. Зимой 1894–1895 гг. в Северную Америку для изучения опыта паромной переправы был командирован инженер Соколов. Он предложил построить на Байкале ледокол, аналогичный американскому парому-ледоколу, перевозившему железнодорожные составы между озерами Мичиган и Гурон. Уже в 1895 г. был заключен контракт с английской фирмой «Армстронг и Ко» о строительстве такого ледокола, а в 1896 г. были выделены средства на сооружение Байкальской переправы (*Железнодорожный транспорт...*, 2001: 92).

В ноябре 1894 г. было принято решение о строительстве Кругобайкальской дороги. В 1895–1896 гг. были проведены первоначальные изыскания для определения трассы участка. Более

серьезные исследования местности, примыкающей к южному берегу Байкала, были произведены летом 1898 года. В результате было установлено, что восточная часть линии железной дороги может проходить только вдоль берега Байкала от села Култук до Мысовой.

В качестве направлений западной части железнодорожной линии рассматривалось несколько вариантов: по долине реки Иркут через Зыркузунский хребет, по долинам рек Большой Олхи и Крутой Губы через Тункинский хребет. Довольно быстро было решено отказаться от этих вариантов, поскольку каждый из них предполагал проведение крупных инженерных работ: строительство туннелей, подпорных стенок. Поэтому было решено строить железную дорогу вдоль берега Байкала, несмотря на то, что и это требовало больших затрат. Окончательный выбор этого варианта строительства был сделан в июне 1899 года.

Значительные исследовательские работы необходимо было провести в Забайкалье. Железнодорожные инженеры и топографы Иркутской топографической части приступили к ним уже в 1892 г. Ввиду сложности задачи им в помощь были направлены военные топографы. В последующие годы экспедиции провели большую работу по составлению карт, изучению гидрологических и геологических условий местности в восточном направлении от Мысовой на Байкале. В 1895 г. Комитет Сибирской железной дороги утвердил направление Забайкальской линии от Мысовой до Сретенска.

5. Заключение

От впервые высказанной идеи о соединении железнодорожным путем Сибири и Европейской России до появления окончательного проекта прошло около полувека. За этот период в России был накоплен значительный опыт эксплуатации железных дорог, сформированы технические нормы, подготовлены кадры, что позволило спроектировать и осуществить постройку Великого Сибирского железнодорожного пути. Большую роль в положительном решении правительством вопроса о строительстве Сибирской железной дороги имели проекты и отчеты инженеров, купцов и промышленников, чиновников разных уровней, которые они направляли в Санкт-Петербург. Большое значение в принятии правительством такого решения имели ходатайства иркутского генерал-губернатора А.П. Игнатьева и приамурского генерал-губернатора А.Н. Корфа в 1880-е годы. Отчет А.П. Игнатьева по распоряжению Александра III был внесен на обсуждение в Комитет министров.

Создание проекта железной дороги стимулировало проведение исследований в самых разных областях. Так, под руководством Министерства финансов изучалось влияние железной дороги на экономику, Морского министерства – гидрографические условия Ледовитого океана, Министерства земледелия – вопросы землеустройства и водоснабжения в Сибири. Министерство путей сообщения руководило исследованиями Ангары. Экспедиционная партия под руководством М. Чернцова описывала наиболее трудные для судоходства участки реки. Особенно детально обследовались Братские пороги. В результате экспедиции гидрографа Ф.К. Дриженко были изданы «Атлас и Лоция озера Байкал». В эти же годы директор Иркутской обсерватории А.В. Вознесенский организовал по берегам Байкала сеть метеорологических станций, которые также производили гидрологические наблюдения.

Стоит отметить, что первые результаты деятельности Сибирской дороги превзошли ожидания. Огромное значение в жизни страны и Сибири приобрело пассажирское движение. В Сибирь хлынули потоки переселенцев, крестьян, отправлявшихся туда в поисках работы на золотых приисках, служащих и коммерсантов. Быстрыми темпами росла и перевозка грузов.

Литература

Баталова, 2007 – Баталова Т.Н. Территориальное размещение частных железных дорог Азиатской России и политика государства / *Региональные особенности управления государственным хозяйством России XVIII – начала XX вв.* Томск, 2007. С. 134-141.

Богданович, 1868 – Богданович Е.В. Проект Сибирско-Уральской железной дороги. СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского. 1868. 42 с.

Борзунов, 1995 – Борзунов В. Государство и частный капитал на строительстве Транссибирской железной дороги в конце XIX – начале XX вв. // *Бизнес и политика.* 1995. № 11. С. 53-55.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Геологические исследования..., 1896 – Геологические исследования и разведочные работы по линии Сибирской железной дороги. СПб., 1896. Вып. 3. 104 с.

Гилько, 2013 – Гилько М.А. Влияние транссибирской магистрали на размещение кустарных промыслов Енисейской губернии в конце XIX – начале XX вв. // *Известия Алтайского государственного университета. Алтайский государственный университет.* 2013. № 4–2(80). С. 51-55.

Гляудель, 1926 – Гляудель И.А. Железнодорожные пути сообщения // *Проблемы капитального строительства Восточной Сибири: Сборник статей* / Под ред. И.Ф. Трелина и А.И. Говарского. РСФСР. Иркутск губ. план. комис. Иркутск, 1926. С. 1-32.

Горюшкин, 1986 – Горюшкин Л.М. Материалы фонда Комитета Сибирской железной дороги как исторический источник для изучения проблемы освоения Сибири в конце XIX – нач. XX вв. // *Исторический опыт освоения Сибири*. Вып. 1. Новосибирск, 1986. С. 78-81.

Железнодорожный транспорт, 2001 – Железнодорожный транспорт Восточной Сибири: из XIX в XX век. В 2 т. / Под общей ред. В.Г. Третьякова. Иркутск, 2001. Т. 1. 416 с.

Коверский, 1896 – Коверский Э.А. О геодезических работах и сооружении Великого Сибирского пути. СПб., 1896. 107 с.

Красовский, 1890 – Красовский А. Нужна ли Сибири железная дорога. Красноярск, 1890. 39 с.

Краткое описание..., 1894 – Краткое описание исследования реки Ангары, произведенного Ангарской описной партией в 1887–1889 годах под начальством инженера М. Чернцова. СПб., 1894. 72 с.

Паталеев, 1951 – Паталеев А.В. История строительства Великого Сибирского железнодорожного пути. Хабаровск, 1951. 24 с.

Потанин, 1910 – Потанин Г.Н. Очерк проектов железнодорожного строительства в Сибири. СПб.: Тип. Э.Ф. Мекс, 1910. 36 с.

Саблер, Сосновский, 1903 – Саблер С.В., Сосновский И.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. Исторический очерк. СПб., 1903. 478 с.

Стальное звено Транссиба, 1998 – Стальное звено Транссиба. 100 лет Красноярской железной дороге. 1899–1999 / Сост. В.В. Чагин, В.Г. Саклаков. Красноярск, 1998. 464 с.

Тарновский, 1964 – Тарновский К.Н. Советская историография российского империализма. Акад. наук СССР. Инт-т истории. М.: Наука, 1964. 244 с.

Тимошенко, 1999 – Тимошенко А.И. Дискуссия о строительстве транссибирской магистрали в 1840–1980-е гг. / *Транссиб-99: Материалы регион. науч.-практ. конф., 24–25 июня 1999*. Новосибирск, 1999. С. 548-551.

Третьяков, 2012 – Третьяков В.Г. К вопросу об историографии изучения транспортных коммуникаций на российско-монгольском направлении. Транспортная инфраструктура Сибирского региона. Иркутский государственный университет путей сообщения. Т. 2. 2012. С. 596-601.

Третьяков, 2014а – Третьяков В.Г. Железная дорога – важнейшее средство достижения экономического и политического влияния в странах и регионах на рубеже XIX–XX вв. // *Культура. Наука. Образование. Иркутский государственный университет путей сообщения*. 2014. № 1(30). С. 83-97.

Третьяков, 2014б – Третьяков В.Г. Золотая лихорадка и первая узкоколейка в Сибири // *Культура. Наука. Образование. Иркутский государственный университет путей сообщения*. 2014. № 2 (31). С. 46-55.

Труды комиссии..., 1890 – Труды комиссии Императорского Русского технического общества по вопросу о железной дороге через всю Сибирь. 1889–1890 гг. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1890. 364 с.

Фомин, 1922 – Фомин А.А. Товарные перевозки по железным дорогам Сибири в 1913–1916 гг. / Товарное потребление в Сибири. Новониколаевск, 1922. 201 с.

Хартер, 2005 – Хартер Дж. Мировые железные дороги девятнадцатого века. Изд-во Университета Джона Хопкинса, 2005. 572 с.

Ядринцев, 1882 – Ядринцев Н.М. Сибирь как колония: к юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. 471 с.

Gabdulina et al., 2022 – Gabdulina A.Zh., Turkhanova A.Zh., Kurmanbaeva L.T., Abisheva Zh.R. On the Question of the Construction of Railways in Siberia and the Steppe (Kazakh) Region: the Contribution of the Merchants to the Development of the Railway in the late XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 834-843.

Gaidin et al., 2020 – Gaidin S.T., Burmakina G.A., Pavlyukevich R.V., Sheremetova T.G. The Activities of State Bodies for the Development of Siberia during the Period of modernization of the Russian Empire (1892–1914) // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2777-2789.

Kotkin, Wolff, 2015 – Kotkin S., Wolff D. Rediscovering Russia in Asia. Siberia and the Russian Far East. Routledge Taylor and Francis Group, 2015. 356 p.

References

Batalova, 2007 – Batalova, T.N. (2007). Territorial'noe razmeshchenie chastnykh zheleznykh dorog Aziatskoi Rossii i politika gosudarstva [Territorial location of private railways in Asian Russia and state policy]. *Regional'nye osobennosti upravleniya gosudarstvennym khozyaistvom Rossii XVIII – nachala XX vv.* Tomsk. Pp. 134-141. [in Russian]

Bogdanovich, 1868 – Bogdanovich, E.V. (1868). Proekt Sibirsko-Ural'skoi zheleznoi dorogi [Project of the Siberian-Ural Railway]. SPb.: Tip. F.S. Sushchinskogo. 42 p. [in Russian]

Borzunov, 1995 – Borzunov, V. (1995). Gosudarstvo i chastnyi kapital na stroitel'stve Transsibirskoi zheleznoi dorogi v kontse XIX nachale – XX vv. [State and private capital in the construction of the Trans-Siberian railway in the late XIX – early XX centuries]. *Biznes i politika*. 11: 53-55. [in Russian]

Fomin, 1922 – *Fomin, A.A.* (1922). Tovarnye perevozki po zheleznym dorogam Sibiri v 1913–1916 gg. [Freight transportation on the railways of Siberia in 1913–1916]. *Tovarnoe potreblenie v Sibiri*. Novonikolaevsk, 201 p. [in Russian]

Gabdulina et al., 2022 – *Gabdulina, A.Zh., Turkhanova, A.Zh., Kurmanbaeva, L.T., Abisheva, Zh.R.* (2022). On the Question of the Construction of Railways in Siberia and the Steppe (Kazakh) Region: the Contribution of the Merchants to the Development of the Railway in the late XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 17(2): 834-843.

Gaidin et al., 2020 – *Gaidin, S.T., Burmakina, G.A., Pavlyukevich, R.V., Sheremetova, T.G.* (2020). The Activities of State Bodies for the Development of Siberia during the Period of modernization of the Russian Empire (1892–1914). *Bylye Gody*. 58(4): 2777-2789.

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State Archive of the Krasnoyarsk Territory].

Geologicheskie issledovaniya..., 1896 – Geologicheskie issledovaniya i razvedochnye raboty po linii Sibirskoi zheleznoi dorogi [Geological research and exploration work along the line of the Siberian railway]. SPb. 1896. Issue 3. 104 p. [in Russian]

Gil'ko, 2013 – *Gil'ko, M.A.* (2013). Vliyanie transsibirskoi magistrali na razmeshchenie kustarnykh promyslov Eniseiskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX vv. [Influence of the Trans-Siberian Railway on the location of handicrafts in the Yenisei province in the late XIX – early XX centuries]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Altaiskii gosudarstvennyi universitet*. 4-2(80): 51-55. [in Russian]

Glyaudel', 1926 – *Glyaudel', I.A.* (1926). Zheleznodorozhnye puti soobshcheniya [Railway lines]. Problemy kapital'nogo stroitel'stva Vostochnoi Sibiri: Sbornik statei. Pod red. I.F. Trelina i A.I. Govarskogo. RSFSR. Irkutsk gub. plan. komis. Irkutsk. Pp. 1-32. [in Russian]

Goryushkin, 1986 – *Goryushkin, L.M.* (1986). Materialy fonda Komiteta Sibirskoi zheleznoi dorogi kak istoricheskii istochnik dlya izucheniya problemy osvoeniya Sibiri v kontse XIX – nach. XX vv. [Materials of the fund of the Committee of the Siberian Railway as a historical source for studying the problem of the development of Siberia in the late XIX – early of the XX centuries]. *Istoricheskii opyt osvoeniya Sibiri*. Is. 1. Novosibirsk. Pp. 78-81. [in Russian]

Harter, 2005 – *Harter, J.* (2005). *World Railways of the Nineteenth Century*. John Hopkins University Press, 2005. 572 p.

Kotkin, Wolff, 2015 – *Kotkin, S., Wolff, D.* (2015). *Rediscovering Russia in Asia. Siberia and the Russian Far East*. Routledge Taylor and Francis Group. 356 p.

Koverskii, 1896 – *Koverskii, E.A.* (1896). O geodezicheskikh rabotakh i sooruzhenii Velikogo Sibirskogo puti [On geodetic work and the construction of the Great Siberian Route]. SPb. 107 p. [in Russian]

Krasovskii, 1890 – *Krasovskii, A.* (1890). Nuzhna li Sibiri zheleznyaya doroga [Does Siberia need a railway]. Krasnoyarsk, 39 p. [in Russian]

Kratkoe opisanie..., 1894 – *Kratkoe opisanie issledovaniya reki Angary, proizvedennogo Angarskoi opisnoi partii v 1887-1889 godakh pod nachal'stvom inzhenera M. Cherntsova* [A brief description of the study of the Angara River, carried out by the Angara inventory party in 1887-1889 under the command of engineer M. Cherntsov]. SPb, 1894. 72 p. [in Russian]

Pataleev, 1951 – *Pataleev, A.V.* (1951). Istoriya stroitel'stva Velikogo Sibirskogo zheleznodorozhnogo puti [The history of the construction of the Great Siberian Railway]. Khabarovsk, 1951. 24 p. [in Russian]

Potantin, 1910 – *Potantin, G.N.* (1910). Oчерk proektov zheleznodorozhnogo stroitel'stva v Sibiri [Outline of railway construction projects in Siberia]. SPb.: Tip. E.F. Meks, 36 p. [in Russian]

Sabler, Sosnovskii, 1903 – *Sabler, S.V., Sosnovskii, I.V.* (1903). Sibirskaya zheleznyaya doroga v ee proshlom i nastoyashchem [Siberian railway in its past and present]. *Istoricheskii oчерk*. Sankt-Peterburg, 478 p. [in Russian]

Stal'noe zveno Transsiba, 1998 – *Stal'noe zveno Transsiba. 100 let Krasnoyarskoi zheleznoi doroge 1899–1999* [Steel link of the Trans-Siberian. 100 years of the Krasnoyarsk Railway 1899–1999]. Sost. V.V. Chagin, V.G. Saklakov. Krasnoyarsk, 1998. 464 p. [in Russian]

Tarnovskii, 1964 – *Tarnovskii, K.N.* (1964). Sovetskaya istoriografiya rossiiskogo imperializma [Soviet historiography of Russian imperialism]. Akad. nauk SSSR. Int-t istorii. M.: Nauka, 244 p. [in Russian]

Timoshenko, 1999 – *Timoshenko, A.I.* (1999). Diskussiya o stroitel'stve transsibirskoi magistrali v 1840-19890-e gg. [Discussion about the construction of the Trans-Siberian Railway in the 1840–1980s]. *Transsib-99: Materialy region. nauch.-prakt. konf., 24–25 iyunya 1999*. Novosibirsk. Pp. 548-551. [in Russian]

Tret'yakov, 2012 – *Tret'yakov, V.G.* (2012). K voprosu ob istoriografii izucheniya transportnykh kommunikatsii na rossiisko-mongol'skom napravlenii [To the question of the historiography of the study of transport communications in the Russian-Mongolian direction]. *Transportnaya infrastruktura Sibirskogo regiona. Irkutskii gosudarstvennyi universitet putei soobshcheniya*. 2: 596-601. [in Russian]

Tret'yakov, 2014a – *Tret'yakov, V.G.* (2014) Zheleznyaya doroga – vazhneishee sredstvo dostizheniya ekonomicheskogo i politicheskogo vliyaniya v stranakh i regionakh na rubezhe XIX-XX vv. [The railway is the most important means of achieving economic and political influence in countries and regions at the turn of the 19th-20th centuries]. *Kul'tura. Nauka. Obrazovanie. Irkutskii gosudarstvennyi universitet putei soobshcheniya*. 1(30): 83-97. [in Russian]

[Tret'yakov, 2014b](#) – *Tret'yakov, V.G. (2014). Zolotaya likhoradka i pervaya uzkokoleika v Sibiri [Gold rush and the first narrow-gauge railway in Siberia]. Kul'tura. Nauka. Obrazovanie. Irkutskii gosudarstvennyi universitet putei soobshcheniya. 2(31): 46-55. [in Russian]*

[Trudy komissii..., 1890](#) – *Trudy komissii Imperatorskogo Russkogo tekhnicheskogo obshchestva po voprosu o zheleznoi doroge cherez vsyu Sibir' 1889–1890 gg. [Proceedings of the commission of the Imperial Russian Technical Society on the issue of the railway across Siberia in 1889–1890]. SPb.: Tip. br. Panteleevykh, 364 p. [in Russian]*

[Yadrintsev, 1882](#) – *Yadrintsev, N.M. (1882). Sibir' kak koloniya : k yubileyu trekhstoletiya. Sovremennoe polozhenie Sibiri. Ee nuzhdy i potrebnosti. Ee proshloe i budushchee [Siberia as a colony: to the anniversary of the tercentenary. The current state of Siberia. Her wants and needs. Her past and future]. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 471 p. [in Russian]*

[Zheleznodorozhnyi transport..., 2001](#) – *Zheleznodorozhnyi transport Vostochnoi Sibiri: iz XIX v XX vek. V 2-kh t. [Railway transport of Eastern Siberia: from the 19th to the 20th century. In 2 volumes]. Pod obshchei red. V.G. Tret'yakova. Irkutsk, 2001. Vol. 1. 416 p. [in Russian]*

История строительства железной дороги в Сибири: от идеи до окончательного проекта

Евгений Александрович Ахтамов ^{a, *}, Денис Николаевич Гергилев ^a,
Татьяна Владимировна Излученко ^a, Михаил Георгиевич Тарасов ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Строительство железной дороги в Сибири резко ускорило экономическое и культурное развитие региона, уже в первые годы эффект от введения в действие железной дороги превзошел все ожидания. В последующие периоды исторического развития железная дорога играла значимую роль как в жизни Сибири, так и страны в целом. Это обстоятельство обуславливает постоянный интерес исследователей к истории железной дороги. Объектом изучения данной статьи является длительный процесс выработки решений о направлении Сибирской железнодорожной магистрали: от первых проектов до изыскательных работ, окончательно определивших пути железнодорожных линий.

В общественном пространстве вопрос о важности железной дороги от китайской границы до Европейской России впервые был поднят в 1830-е годы. Авторами уделено значительное внимание проектам строительства железной дороги, которые направлялись в Санкт-Петербург из Сибири в последующие десятилетия, а также персоналиям, оказавшим влияние на продвижение проектов. Показаны причины, способствовавшие затягиванию принятия решения о строительстве железной дороги в Сибири: отсутствие единого мнения в столичных кругах, проявившееся в дискуссии на страницах печати, разногласия среди сибирской общественности, опасения правительства по поводу проникновения иностранного капитала и влияния в транспортную отрасль. Авторами отмечены предполагаемые направления железнодорожной линии, когда правительством уже было принято принципиальное решение о строительстве железной дороги, рассмотрены факторы, оказывавшие влияние на принятие окончательного решения о выборе маршрута: геологические условия, стоимость постройки, заселенность территорий, сложность при прокладке подъездных путей, ожидаемое время получения экономического эффекта.

Ключевые слова: Сибирь, Средне-Сибирская железная дорога, Забайкальская железная дорога, проектирование, изыскания, Красноярск, Иркутск.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: akhtamov@gmail.com (Е.А. Ахтамов), turilak@yandex.ru (Д.Н. Гергилев), izluchenko@mail.ru (Т.В. Излученко), tmg.nauka@yandex.ru (М.Г. Тарасов)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1867-1876
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1867

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

From the History of Countering Terror against Officials of the Russian Prison Department at the turn of the 19th – 20th centuries

Alexander Y. Epifanov ^{a, b, *}

^a Moscow City University, Moscow, Russian Federation

^b Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article from the historical and legal positions shows the causes and conditions, characteristic features and statistics of terror against the ranks of the Russian prison department at the turn of the XIX-XX centuries. The authors analyze the actions of the prison administration, the supervision of the staff, the police and military formations to neutralize terrorist manifestations in Russian places of detention. The influence on the level of terror against the ranks of the prison administration and the supervision of the placement by the opposition press of falsified information about the lawlessness and violence committed against prisoners is shown. The authors draw a direct dependence of terror on the development of the revolutionary situation and socio-political conditions that have developed in the Russian Empire, and come to the conclusion that it has become one of the most radical forms of revolutionary struggle. The influence on the level of terror against the ranks of the prison administration and the supervision of the placement by the opposition press of falsified information about the lawlessness and violence committed against prisoners is shown. The authors draw a direct dependence of terror on the development of the revolutionary situation and socio-political conditions that have developed in the Russian Empire, and come to the conclusion that it has become one of the most radical forms of revolutionary struggle. The article is prepared on the basis of a variety of sources, including regulations and archival materials, many of which were introduced into scientific circulation for the first time. The article uses not only general scientific (historical, dialectical, logical, system-functional analysis and synthesis), but also special-historical (historical-comparative and statistical) methods of cognition. The study analyzes statistical data from various sources on violent acts committed against the ranks of the prison department, including their murders and injuries. The authors come to the conclusion about the significant scale and great social danger of terrorist manifestations against the leadership and personnel of Russian penitentiary institutions. Their level was associated with the development of the revolutionary movement, the state of prisons and the regime of serving sentences.

Keywords: General Prison Administration, prisons, administration, guards, police, troops, terror, newspapers, revolutionaries, assassination attempts.

1. Введение

Проблематика тюремной системы России вызывает постоянный интерес у исследователей. Особенности режима заключения, проблемы структурной организации, ведомственной принадлежности и финансирования, сословная, социальная и политическая регламентация отбывания наказания в виде лишения свободы являются предметом научной дискуссии исследователей. К актуальным вопросам можно отнести и феномен «тюремного террора», проявившийся в многочисленных актах революционного экстремизма против сотрудников пенитенциарной системы Российской империи начала XX века. В исследовании предпринята

* Corresponding author

E-mail addresses: mvd_djaty@mail.ru (A.Y. Epifanov)

попытка, помимо фактологического отражения феномена, проанализировать причины и факторы его появления и распространения.

Обвинения царизма в необоснованных репрессиях и «непропорциональном» насилии по отношению к оппозиционному движению и его участникам звучали всегда, и этому есть достаточно подтверждений. Вполне объяснимое и оправданное противодействие жестоким формам и методам обеспечения тюремного режима в царской России со стороны представителей революционного движения, в свою очередь, характеризовалось наличием неоправданных террористических проявлений. Поэтому целью настоящей статьи является выяснение наиболее характерных особенностей этих проявлений и оценка обоснованности террора в отношении чинов российского тюремного ведомства

Исследование сложившихся в изучаемой сфере общественных отношений, организации и деятельности тюремного ведомства позволит расширить наши представления об отечественной истории изучаемого периода. Систематизировать и обобщить данный опыт, сделать из него правильные выводы составляет важнейшую задачу нашей работы.

2. Материалы и методы

В качестве эмпирических источников авторами были использованы разнообразные материалы, в числе которых литература по теме, нормативные акты и правоприменительная практика, Свод законов Российской империи ([Свод..., 1906](#)) в частности. Значительное внимание было уделено архивным документам. Из фонда Государственного архива Волгоградской области (ГАВО) № 290 Камышинской уездной тюрьмы (1867–1917 гг.) Саратовской губернии были использованы служебные материалы Главного тюремного управления, Саратовского и иных тюремных инспекторов.

Важной группой источников, при помощи которых была раскрыта затронутая тема, явились опубликованные собрания документов, касающиеся организации и деятельности дореволюционных пенитенциарных учреждений. В частности, были использованы Тюремные вестники ([Тюремный вестник, 1903. № 3](#); [Тюремный вестник, 1907. № 3, № 6, № 8, № 9](#); [Тюремный вестник, 1908. № 12](#); [Тюремный вестник, 1909. № 1, № 5, № 10](#); [Тюремный вестник, 1910. № 4, № 5](#)).

В статье нашли применение общенаучные и исторические методы исследования, в числе приоритетных – диалектический и логический. Активно использовался метод системно-функционального анализа и синтеза. Основное внимание в исследовании было уделено таким специально-историческим методам, как историко-сравнительный и статистический. При помощи исторического метода обобщался исследуемый материал, происходило его сопоставление с историей развития России в соответствующий период. На основе полученных новых данных были сделаны выводы, характеризующие террор арестантов в отношении представителей администрации и надзорсостава пенитенциарных учреждений дореволюционной России изучаемого периода.

Метод системно-функционального анализа позволил выделить из общей структуры изучаемых государственно-правовых явлений отдельные существенные признаки и неповторимые особенности российского государства, а также его правовой системы. При помощи логического метода авторами были сделаны выводы и обобщения. Применявшийся в исследовании общенаучный диалектический метод научного познания дал возможность рассмотреть процессы противодействия террору в пенитенциарной системе Российской империи в их единстве и противоречивости.

С помощью историко-сравнительного метода в организации и деятельности пенитенциарных учреждений конца XIX – начала XX вв. было выделено общее и повторяющееся, с одной стороны, и отличное – с другой. Благодаря статистическому методу обработке подверглись количественные характеристики, содержащиеся в служебных материалах Главного тюремного управления.

3. Обсуждение

Комплексное раскрытие аспектов, связанных с проявлениями террора арестантов в отношении представителей администрации и надзорсостава пенитенциарных учреждений дореволюционной России изучаемого периода, их причинами, условиями и характерными чертами, равно как и анализ проблем истории российской тюремной системы в целом, отличается существенной новизной. Несмотря на все многообразие отечественной литературы по тюремоведению, названная проблема затрагивалась в ней в основном фрагментарно, в зависимости от отраслевой принадлежности соответствующих исследований. Что касается дореволюционного периода, то такие российские авторы, как Н.Ф. Лучинский ([Лучинский, 1910](#)), С.В. Максимов ([Максимов, 1900](#)), И.А. Малиновский ([Малиновский, 1909](#)), А.Л. Парвус ([Парвус, 1908](#)), Л.Л. Як ([Як, 1912](#)) и др., касались ее в историческом и политологическом аспектах.

Особенностью исследований советского периода являлась прежде всего их идеологизированность и тенденциозное изложение истории отечественной пенитенциарной системы. В работах К.В. Адамовича ([Адамович, 1928](#)), С.С. Анисимова ([Анисимов, 1923](#)), И.Н. Брильона ([Брильон, 1927](#)), В.Л. Бурцева ([Бурцев, 1923](#)), И.И. Генкина ([Генкин, 1922](#)), А.В. Герасимова ([Герасимов, 1985](#)), В.Н. Залежского ([Залежский, 1925](#)), Я.М. Зильберштейна ([Зильберштейн, 1925](#)), С.В. Каллистова ([Каллистов, 1923](#)), И.В. Короткова ([Коротков, 1923](#)), Е.Д. Никитиной ([Никитина, 1927](#)), Н.А. Троицкого

(Троицкий, 1979), С.С. Ушеровича (Ушерович, 1933) и др. порядок отбывания наказания в царских тюрьмах однозначно оценивался как бесчеловечный и преступный, противодействие его узников чинам администрации и надзора квалифицировалось исключительно как героизм.

Многие аспекты истории мест лишения свободы Российской империи, в том числе связанные с противостоянием заключенных и чинов тюремного ведомства, затрагивались М.Н. Гернетом в его многотомном исследовании «История царской тюрьмы» (Гернет, 1961; Гернет, 1962; Гернет, 1963).

Современные работы А.А. Гейфмана (Гейфман, 1997), Э.Р. Кадикова (Кадиков, 2016), О.Н. Квасова (Квасов, 2021), Н.П. Курускановой (Курусканова, 2012), А.П. Михеева (Михеев, 2013), К.Н. Морозова (Морозов, 1998), О.Н. Науменко (Науменко, 2008), В.О. Пырх (Пырх, 2018), Г.А. Салтык (Салтык, 2008), С.В. Сухорукова (Сухоруков, 2007) и др. характерны их деидеологизацией и введением в научный оборот новых исторических источников.

Проблема противодействия побегам заключенных пенитенциарных учреждений России на рубеже XIX–XX вв., в том числе сопряженным с насилием в отношении чинов администрации и надзора, стала объектом исследования А.Е. Епифанова, Е.Е. Красноженовой и С.Н. Кулика (Epifanov et al., 2022).

В названных работах вопросы, касающиеся истории противодействия террору в отношении чинов российского тюремного ведомства на рубеже XIX–XX вв. нашли отражение лишь фрагментарно, комплексного и систематического исследования они не получили.

4. Результаты

Возникшая в России с конца 1905 г. революционная ситуация грозила внести полное расстройство в тюремное дело. В подавляющем большинстве своем ветхие и не удовлетворяющие самым скромным требованиям пенитенциарные учреждения Российской империи под влиянием резко возросшей преступности оказались переполненными. Преобладающим их контингентом стали опасные преступники, проникнутые к тому же чувством глубокой ненависти к законности и правопорядку.

Политические заключенные, прежде ограничивавшиеся пассивными формами протеста в виде отказа от пищи и голодовок, перешли к активным и открытым враждебным действиям против администрации и надзора, в основном террористического характера. Зачастую при этом они опирались на оставшихся на свободе соучастников и единомышленников. К политзаключенным примкнули и уголовники, охотно принимавшие участие в экспроприациях частного и казенного имущества.

Весьма малочисленные и переутомленные крайне тяжелыми условиями службы тюремная администрация и надзоростав были деморализованы непрекращающимися нападками левой печати и оппозиционно настроенной части общества. Напуганные направленными против них непрекращающимися террористическими актами, они оказались не в состоянии проявлять необходимую распорядительность, решимость и бдительность в должной мере.

Тяжелое положение, в котором оказалось Главное тюремное управление (ГТУ), особенно усугублялось нападками оппозиционной прессы, которая неизменно изображала его орудием мести царского самодержавия. Любые меры, направленные на поддержание порядка и дисциплины в тюрьмах, оценивались ею именно с данной точки зрения. Без всякого стеснения и чувства меры левые газеты красочно описывали надуманные зверства в застенках, истязания и издевательства по отношению к героям – революционерам.

Возбуждая общественное мнение против тюремных служащих, вселяя в них тревогу за собственную безопасность и всячески подрывая их авторитет в глазах общественности, газетные инсинуации о насилиях и жестокостях в тюрьме придавали заключенным, в особенности политическим, смелость, вселяли в них чувство безнаказанности. Без всякого стеснения они предъявляли администрации дерзкие требования о всевозможных льготах, совершенно недопустимых в условиях установленного тюремного режима.

Еще большее смятение в среде чинов тюремного ведомства вносили газеты правого толка. Они, напротив, видели причиной беспорядков в тюрьмах исключительно либерализм тюремных чинов, по своей гуманности якобы превративших тюрьмы в рай для мошенников, грабителей и убийц, в угоду революционным настроениям потворствующих политическим заключенным. Таким образом, в революционную эпоху Главное тюремное управление и вверенные ему пенитенциарные учреждения оказались как бы между молотом и наковальней (Тюремный вестник, 1907. № 9: 678-695).

Устав о содержащихся под стражей, а тем более правила содержания политических заключенных были написаны очень мягко и сами по себе не доставляли арестантам чрезмерных тягот и лишений (Epifanov, Pavlenko, 2021: 1901-1917). Вместе с тем многие начальники мест заключения, желая прослыть гуманными и передовыми, а также снискать популярность среди заключенных, находили возможным отступать от требований закона и предоставлять арестантам подчас такие льготы, которые превращали место заключения в очень удобный отель с казенным содержанием. В таких тюрьмах, «открытых» по арестантской терминологии, заключенные хозяйничали, как им заблагорассудится, и фактически сами управляли своим местом лишения свободы. Вследствие этого там регулярно имели место убийства чинов администрации и надзора, в большинстве своем

беззаветных тружеников, многодетных, вынужденных подвергать свою жизнь ежеминутной опасности за 12-15 рублей месячного жалования.

Начальники подобных мест заключения чаще всего доводили свою гуманность до такого предела, что уже и сами боялись заходить в свою тюрьму. После какого-нибудь грандиозного скандала они по обыкновению увольнялись со службы, причинив огромный вред своему последователю, вынужденному с риском для жизни приводить тюрьму в надлежащий порядок. Естественным образом своими непопулярными, репрессивными мерами они навлекали на себя гнев заключенных и их единомышленников на воле, чреватый убийством за жестокость. Тем самым новому добросовестному начальнику тюрьмы приходилось расплачиваться за нечестность и преступную слабость своего предшественника.

Действия революционеров имели свою собственную логику и смысл. По их разумению, если в одной тюрьме арестанты имеют безграничные льготы и могут делать все что угодно, а ее начальник не только сохраняет при этом свою должность, но и получает награды, следовательно, те чины тюремного ведомства, которые строго придерживаются установленных правил и режима, являются находящими удовольствие в притеснениях арестантов извергами и подлежат уничтожению (*Тюремный вестник, 1907. № 9: 678-695*).

Результатом заведомо ложных сообщений прессы о репрессиях в местах заключения явились массовые убийства тех чинов тюремной администрации и надзора, которым они приписывались. Один за другим от рук подпольных убийц гибли тюремные инспектора, начальники мест заключения и тюремные надзиратели. Тенденциозные сообщения, описывающие самыми мрачными красками невыносимое положение арестантов в русских тюрьмах, переполняли и зарубежную прессу, активно подогреваемую эмигрантскими авторами. Совершенно бездоказательно ими возводились самые тяжкие обвинения на всю тюремную администрацию, которой приписывались по большей части деяния не просто не имевшие места в действительности, но и явно неправдоподобные. Российскому тюремному ведомству голословно приписывались безграничный произвол, систематические притеснения и жестокости, побои, истязания и пытки в отношении арестантов, якобы доводившие их до самоубийства. Цель, которая преследовалась авторами данных сообщений, была очевидна: во что бы то ни стало очернить перед европейским общественным мнением российское правительство.

ГТУ взяло за правило отвечать на каждую газетную заметку о мнимых истязаниях и репрессиях подробными разъяснениями, наглядно опровергавшими клевету и измышления в адрес тюремного ведомства. Как правые, так и левые газеты стали привлекаться им к суду за подобные, не соответствующие действительности сообщения. Администрации было предоставлено право штрафовать соответствующие издания за размещение ложных корреспонденций о беспорядках в тюрьмах. Лишь после этого террор в отношении чинов тюремной администрации и надзора пошел на спад. До этого опровержения ГТУ, как правило, замалчивались, а чины тюремного ведомства гибли десятками (*Тюремный вестник, 1907. № 9: 672*).

Резкое увеличение числа убийств и насилий в отношении чинов администрации, надзора и конвоя явилось весьма характерным для изучаемого периода. Своего максимума оно достигло в 1907 г. (152 случая), что в 10–12 раз превышало показатели 1899–1900 гг.

Таблица 1. Сведения о происшествиях в местах заключения в 1899–1908 гг. (*Тюремный вестник, 1910. № 5: 698*)

Годы	Убийство арестантами чинов тюремного надзора, администрации и медицинского персонала	Насильственные действия в отношении чинов надзора, управления и караула
11899	-	9
11900	-	11
11901	-	34
11902	-	30
11903	2	55
11904	3	49
11905	-	46
11906	11	85
11907	33	119
11908	5	36

В некоторых губерниях тревожной тенденцией явилось растущее сочетание беспорядков в местах заключения и насилия в отношении надзирателей. Подобные проявления стали особенно характерны для Киевской (17 беспорядков, 18 убийств и насилий в отношении надзорсостава), Екатеринославской (15 и 18 соответственно) и Вятской (18 и 13) губерний. Нападениям арестантов на чинов администрации и надзора были особенно подвержены такие губернии, как Киевская и

Екатеринославская (по 18 случаев), Саратовская (17), Таврическая (14) и Вятская (13). Что же касается убийств и насилий в отношении надзорсостава, то на тысячу человек тюремного населения их число по губерниям распределялось следующим образом: Амурская – 14 случаев, Батумская – 13, Бакинская и Донская – по 6, Дагестанская, Самаркандская, Уфимская и Астраханская – по 5 ([Тюремный вестник, 1910. № 5: 699](#)).

Один из самых кровавых бунтов изучаемого периода произошел 11 сентября 1907 г. в Купянской тюрьме. 6 обвиняемых в вооруженных разбоях подследственных арестантов, попросившись в отхожее место, в коридоре набросились на надзирателя и задушили его. После этого, выпустив из камер остальных арестантов, бунтовщики захватили и подожгли тюремный корпус, убивая при этом одного за другим надзирателей. Прибывшие по сигналу тревоги чины надзора, конвойной и конно-полицейской стражи ворвались в тюрьму и вступили в перестрелку с заключенными, вооружившимися захваченными у надзирателей револьверами. Конвойная команда и полицейские действовали решительно и беспощадно: застигнутых с оружием в руках расстреливали на месте. В ходе бунта тюрьма была сожжена дотла вместе со служебной документацией. 6 надзирателей были зверски убиты восставшими. Благодаря своевременным и самоотверженным действиям надзорсостава, конвойной команды, полицейской стражи, а также подоспевшего воинского подразделения бунт был подавлен, арестанты изолированы, а 17 активных бунтовщиков, принимавших участие в убийствах надзирателей, преданы военному суду ([Тюремный вестник, 1907. № 8: 641-644](#)).

В наиболее резонансных случаях приговоры по аналогичным делам приводились в исполнение публично, в назидание прочим заключенным. Так, 15 октября 1903 г. приговором военного суда в г. Херсоне к смертной казни через повешение были приговорены двое арестантов губернской тюрьмы, обвиняемые в убийстве надзирателя и покушении на убийство помощника ее начальника. Приговор был приведен в исполнение во дворе срочного отделения Елисаветградской тюрьмы в присутствии 70 арестантов губернской тюрьмы и исправительного арестантского отделения ([Тюремный вестник, 1903. №10: 792-793](#)).

Как это следовало из циркуляра ГТУ № 44 от 1 сентября 1909 г., случаи дерзких нападений арестантов (в основном числившихся за военно-окружными судами либо приговоренных к смертной казни) на тюремную стражу были не единичны и имели место в ряде мест заключения, причем некоторые ее чины были убиты отобранным у них же огнестрельным оружием ([Тюремный вестник, 1909. № 10: 926](#)). Подобные проявления свидетельствовали о неосмотрительности надзирателей, отсутствии у них решительности и неумении обращаться с оружием.

В период с 1906 по 1908 гг. при рассматриваемых обстоятельствах были убиты и ранены 305 тюремных чинов ([Тюремный вестник, 1908. № 12: 880](#)). Только с января по сентябрь 1907 г. были убиты 14 чинов тюремной администрации, в том числе 2 губернских тюремных инспектора, 9 начальников тюрем и 3 их помощника. За тот же период 4 начальника тюрем и 5 их помощников были ранены. При этом из 23 названных случаев лишь 6 преступлений были совершены арестантами. Ряд покушений на чинов тюремной администрации окончился безрезультатно, причем в одном случае по проезжавшему в экипаже начальнику тюрьмы было сделано до 50 выстрелов ([Тюремный вестник, 1907. № 8: 605](#)).

Ревностное исполнение предписаний о порядке содержания политических заключенных для чинов тюремной администрации требовало большого мужества и зачастую было сопряжено с риском для жизни. Так, руководствуясь указаниями ГТУ и областного начальства, начальник Новочеркасской тюрьмы Гирилович добился во вверенном ему учреждении установления надлежащего режима, в частности для этой категории заключенных. Однако вместе с тем он навлек на себя неудовольствие радикально настроенной части общества, а также отражавших ее настроения органов печати. От имени Донской боевой организации он стал получать письма угрожающего содержания с требованиями предоставления политическим заключенным в тюрьме полной свободы действий. 10 февраля 1907 г., когда Гирилович возвращался в сопровождении невооруженного надзирателя из тюрьмы на квартиру, на него напали около 10 вооруженных неизвестных, в ходе перестрелки он получил контузию. За твердое и мужественное исполнение служебных обязанностей Гирилович удостоился благодарности начальника Главного тюремного управления и наказного атамана области Войска Донского ([Тюремный вестник, 1907. № 3: 183-184](#)).

Необходимо отметить, что подобные покушения заканчивались благополучно далеко не всегда. Поднаторевшие в политических убийствах революционеры всячески стремились доводить террористические акты до логического завершения. 19 февраля 1907 г. от рук революционного подполья погиб уфимский губернский тюремный инспектор Колбе. Накануне им было получено письмо от местной революционной партийной ячейки с упреками в ухудшении обращения администрации местной тюрьмы с политическими арестантами. На случай отказа изменить подобное положение в письме содержалась угроза «поставить ему крест». В своем сообщении по этому поводу в ГТУ Колбе отметил, что поступившие угрозы ни в коей мере не поколеблют его отношения к политзаключенным. Убийца – молодой рабочий – схватившей его толпе заявил, что он не убил, а казнил тюремного инспектора. Как предполагалось, убийство Колбе должно было послужить устрашающим примером для его коллег ([Тюремный вестник, 1907. № 3: 210-211](#)).

Ряд убийств чинов тюремной администрации имел место на Нерчинской каторге. После того как в Акатуевской тюрьме были отданы распоряжения запереть камеры государственных преступников, переодеть их в казенную одежду и отобрать имевшиеся у них на руках большие деньги, подчинив их тем самым элементарным правилам тюремной дисциплины, в оппозиционной печати незамедлительно появились сообщения «об издевательствах над личностью», «напрасных мучениях» и т.п. Приспартные отзывы газет об оказанном каторжниками сопротивлении наведению порядка повторились и с трибуны Государственной Думы. Наконец, 28 мая 1907 г. выстрелом из браунинга был убит начальник Нерчинской каторги и заведующий тюремной частью Забайкальской области Метус. Совершившая его убийство женщина на следствии заявила, что сделала то, что поручили ей товарищи (*Тюремный вестник*, 1907. № 6: 442). В августе того же года от рук террористов пал один из наиболее энергичных сотрудников Метуса – начальник Алгачинской тюрьмы Бородулин.

Высокое положение чинов тюремной администрации не спасало их от пуль террористов. 15 октября 1907 г. выстрелом из револьвера в лицо, совершенным явившейся к нему под видом просительницы революционерки, был смертельно ранен начальник Главного тюремного управления Максимовский (*Тюремный вестник*, 1907. №8: 1). Убийца со смехом призналась полицейским в принадлежности к летучему отряду боевой дружины партии социалистов-революционеров Санкт-Петербургского района и совершении своего деяния по приговору партии. При обыске на ее теле было обнаружено мощное взрывчатое вещество в количестве, вполне достаточном для уничтожения всего здания ГТУ.

31 октября 1907 г., учитывая многочисленные ходатайства подчиненных и сослуживцев погибшего начальника ГТУ Максимовского, император по представлению министра юстиции распорядился об учреждении из средств добровольных пожертвований особого фонда его имени для выдачи пособий неимущим семьям чинов тюремного ведомства, павших при исполнении служебного долга (*Тюремный вестник*, 1907. № 9: 655).

Безусловно, тюремное ведомство относилось к числу наиболее опасных для жизни и здоровья его служащих. При этом жертвами злоумышленников, как правило, оказывались наиболее добросовестные и доблестные чины. Еще 16 февраля 1884 г. император по представлению министра внутренних дел предоставил чинам тюремного ведомства, получившим при исполнении служебных обязанностей увечья или неизлечимые болезни, а равно семействам убитых или умерших от ран, право на получение пенсии независимо от выслуги лет (*Тюремный вестник*, 1907. № 8: 603).

Со временем установленное прежде материальное обеспечение должностных лиц, пострадавших от насильственных действий при исполнении служебных обязанностей, было признано совершенно недостаточным в связи со значительным увеличением риска пасть жертвой исполнения служебного долга. При этом в пенсионном отношении чины тюремного ведомства оказались в явно неблагоприятных условиях по сравнению с представителями иных ведомств, полиции и жандармерии.

В этой связи 21 декабря 1908 г. императором был утвержден закон «О предоставлении чинам тюремного ведомства, пострадавшим при исполнении или по поводу исполнения служебных обязанностей, а равно семействам сих чинов, особых пенсионных преимуществ» (*Тюремный вестник*, 1909. № 1: 4-5), согласно которому всем названным классным и нижним чинам тюремного ведомства, независимо от времени их службы, в соответствии с их семейным и имущественным положением, а также заслугами предоставлялось право на пенсию вследствие ущерба здоровью, наступившего в связи с исполнением служебных обязанностей. Допускалось назначение пенсии тюремным чинам, которые пострадали хотя и не при исполнении служебных обязанностей, но если преступные посягательства были направлены против них как должностных лиц. Семьи убитых или умерших в результате преступных посягательств тюремных чинов также наделялись правом на получение пенсии и единовременного пособия в размере годового оклада погибших кормильцев. Подобно детям военнослужащих, погибших на русско-японской войне, детям чинов тюремного ведомства, согласно названному закону, назначались пособия из казны, а также предоставлялось право на занятие свободных мест в воспитательных и учебных заведениях.

18 марта 1909 г. императором был утвержден закон «О пенсиях и пособиях лицам, пострадавшим от преступных деяний, совершенных с политической целью, и семействам сих лиц» (*Тюремный вестник*, 1909. № 5: 507-510). Названным законом на чинов тюремного ведомства и членов их семей были распространено право на казенное пособие, предусмотренное ранее для детей погибших или пострадавших в ходе беспорядков и покушений чинов полиции и отдельного корпуса жандармов (*Свод...*, 1906).

Несмотря на наметившийся некоторый спад насильственных проявлений в российских тюрьмах, в 1908 г. там обнаружили 15 бомб, пироксилиновых шашек и иных взрывчатых устройств. Кроме того, был зарегистрирован ряд новых, крайне жестоких и кровопролитных нападений заключенных на чинов надзора и администрации. Так, 29 апреля 1908 г. заключенные Симферопольской тюрьмы, действуя по заранее составленному плану, набросились на надзирателей и связали их, убив при этом одного из них. Затем в ходе возникших беспорядков были убиты еще один надзиратель, помощник начальника тюрьмы и тюремный врач, начальник тюрьмы был ранен (*Тюремный вестник*, 1910. № 4: 563). Произведенные расследования со всей очевидностью показали, что основным мотивом нападений арестантов на администрацию и надзорсостав являлись не какие-

либо неправильные или незаконные действия со стороны последних, а исключительно стремление к побегу (Тюремный вестник, 1910. № 4: 564).

5. Заключение

Организация и деятельность российских мест лишения свободы на рубеже XIX–XX вв. в значительной степени была отягощена проблемой противодействия террору в отношении чинов российского тюремного ведомства, особенно возросшей в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. Реорганизация мест заключения Российской империи во многом диктовалась именно ростом числа террористических актов по отношению к тюремной администрации и надзорскому составу.

Возрастанию количества подобных проявлений в тюремных учреждениях способствовали наступившие изменения в характере и составе их контингента, переполненность мест заключения и рост удельного веса в них политических заключенных, допускавшиеся чинами администрации и надзора просчеты в обеспечении режима отбывания наказания, ослабление дисциплины и небрежное исполнение служебных обязанностей с их стороны.

Характерной особенностью революционного периода явилось активное участие в направленном против чинов тюремной администрации и надзора терроре остававшихся на свободе соучастников и сподвижников арестантов, которые не только совершали террористические акты против чинов тюремного ведомства сами, но и нередко оказывали содействие в этом арестантам путем передачи им вооружения, взрывчатых веществ и пр.

Служащие тюремной администрации, надзора и конвойной стражи во многих случаях становились жертвой насильственных действий, вплоть до тяжких увечий и лишения жизни, в результате фальсификации сведений о якобы совершенных в местах заключения противозаконных действиях в отношении заключенных, имевших место со стороны оппозиционной прессы.

Противодействие террору в местах заключения в отношении чинов их администрации и надзора потребовало действенных мер по опровержению фальсифицированных данных о беззакониях в отношении арестантов, укреплению среди них дисциплины и режима отбывания наказания.

Литература

Адамович, 1928 – Адамович К. Отбитая тюрьма. М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1928. 88 с.

Анисимов, 1923 – Анисимов С.С. Бунт в тобольской каторжной тюрьме (Из материалов С.С. Анисимова) // *Каторга и ссылка*. 1923. № 6. С. 200–224.

Брильон, 1927 – Брильон И.Н. На каторге: воспоминания революционера. М.-Л.: *Московский рабочий*. 1927. 207 с.

Бурцев, 1923 – Бурцев В.Л. Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания (1882–1922). Берлин: Гамаюн, 1923. Т. I. 379 с.

ГАВО – Государственный архив Волгоградской области.

Гейфман, 1997 – Гейфман А.А. Революционный террор в России, 1894–1917. М.: Крон-Пресс, 1997. 448 с.

Генкин, 1922 – Генкин И.И. По тюрьмам и этапам. СПб.: Государственное издательство, 1922. 487 с.

Герасимов, 1985 – Герасимов А.В. На лезвии с террористами. Париж: ИМКА-Пресс, 1985. 205 с.

Гернет, 1930 – Гернет М.Н. В тюрьме. Очерки тюремной психологии. 2-е издание, дополненное новыми очерками и иллюстрациями. Харьков, 1930. 263 с.

Гернет, 1961 – Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 3. М., 1961. 430 с.

Гернет, 1962 – Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 4. М., 1962. 302 с.

Гернет, 1963 – Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 5. М., 1963. 340 с.

Залежский, 1925 – Залежский В.Н. На партийном фронте между двумя революциями. М.-Л.: Печатный двор, 1925. Ч. 1: В эпоху реакции (1906–1912 гг.). 92 с.

Зильберштейн, 1925 – Зильберштейн Я.М. Воспоминания о Смоленской каторжной тюрьме (1909–1910 гг.) // По тюрьмам в эпоху первой революции. М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1925. Книга VII. С. 29–46.

Кадиков, 2016 – Кадиков Э.Р. Эсэровский террор в Сибири в начале XX века // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. 2016. № 1(9). С. 42–69.

Каллистов, 1923 – Каллистов С.В. За товарищей (Памяти Н. Шишмарева) // *Каторга и ссылка*. 1923. № 6. С. 262–263.

Квасов, 2021 – Квасов О.Н. Тюремный террор революционеров в Российской империи // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2021. № 72. С. 44–49.

Коротков, 1923 – Коротков И.В. В Саратовской тюрьме // *Каторга и ссылка*. 1923. № 6(6). С. 189–199.

Курусканова, 2012 – Курусканова Н.П. Пенитенциарная тематика в нелегальной печати сибирских эсеров в начале XX в. // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение»*. 2012. № 1. С. 174–182.

- Лучинский, 1910 – Лучинский Н.Ф. Наши тюремные и тюремно-благотворительные учреждения // *Журнал Министерства юстиции*. 1910. № 1. С. 165-197.
- Максимов, 1900 – Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб.: Издание В.И. Губинского, 1900. 487 с.
- Малиновский, 1909 – Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни. Томск: Типолитография Сибирского товарищества печатного дела, 1909. Выпуск II. 159 с.
- Михеев, 2013 – Михеев А.П. Пенитенциарная преступность в тобольской каторге в начале XX века: проблемы тюремного надзора // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2013. № 1(1). С. 106-109.
- Морозов, 1998 – Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М.: РОССПЭН, 1998.
- Науменко, 2008 – Науменко О.Н. Тобольский тюремный замок: страницы истории. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2008. 181 с.
- Никитина, 1927 – Никитина Е.Д. Покушение на тюремного инспектора Ефимова // *Каторга и ссылка*. 1927. № 2(21). С. 135-141.
- Парвус, 1908 – Парвус А.Л. По тюрьмам во время революции. Мой побег из Сибири. СПб.: Шиповник, 1908. 219 с.
- Пырх, 2018 – Пырх В.О. Революционный терроризм в России начала XX в.: убийство сибирского тюремщика И.С. Могилева // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 432. С. 144-149.
- Салтык, 2008 – Салтык Г.А. Каторга и ссылка в судьбе неонародников Центрального Черноземья: 1908–1916 гг. // *Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2008. № 3.
- Свод..., 1906 – Свод законов Российской Империи. 1906. Т. XIII. Ст. 356. Примечание 3. Приложение III.
- Сухоруков, 2007 – Сухоруков С.В. История Екатеринбургской тюрьмы // *Урал*. 2007. № 12. С. 148-224.
- Троицкий, 1979 – Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866–1895 гг. М.: Мысль, 1979. 350 с.
- Тюремный вестник, 1903 – *Тюремный вестник*. 1903. № 10. 856 с.
- Тюремный вестник, 1907 – *Тюремный вестник*. 1907. № 3. 249 с.
- Тюремный вестник, 1907 – *Тюремный вестник*. 1907. № 6. 56 с.
- Тюремный вестник, 1907 – *Тюремный вестник*. 1907. № 8. 653 с.
- Тюремный вестник, 1907 – *Тюремный вестник*. 1907. № 9. 712 с.
- Тюремный вестник, 1908 – *Тюремный вестник*. 1908. № 12. 948 с.
- Тюремный вестник, 1909 – *Тюремный вестник*. 1909. № 1. 115 с.
- Тюремный вестник, 1909 – *Тюремный вестник*. 1909. № 10. 1024 с.
- Тюремный вестник, 1909 – *Тюремный вестник*. 1909. № 5. 640 с.
- Тюремный вестник, 1910 – *Тюремный вестник*. 1910. № 4. 618 с.
- Тюремный вестник, 1910 – *Тюремный вестник*. 1910. № 5. 810 с.
- Ушеревич, 1933 – Ушеревич С.С. Смертные казни в царской России. Харьков: Изд-во Всеукраинского совета общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. 504 с.
- Як, 1912 – Як Л.Л. В тюрьмах и в ссылке // *Ежегодник газеты «Речь» на 1912 г.* СПб.: Издание редакции газеты «Речь», 1912. С. 533-540.
- Epifanov et al., 2022 – Epifanov A.E., Krasnozhenova E.E., Kulik S.N. Escapes of Prisoners in the History of Russian Penitentiary Institutions of the late XIX – early XX centuries // *Bylye gody*. 2022. 17(2): 876-889.
- Epifanov, Pavlenko, 2021 – Epifanov A.E., Pavlenko E.M. From the History of Ensuring the Rights of Prisoners in Prisons of the Russian Empire at the turn of the 19th – 20th centuries (based on materials from the Saratov Province // *Bylye Gody*. 2021. 16 (4): 1910-1921.

References

- Adamovich, 1928 – Adamovich, K. (1928). Otbitaya tyur'ma [Recaptured prison]. M.: Izdatel'stvo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev, 88 p. [in Russian]
- Anisimov, 1923 – Anisimov, S.S. (1923). Bunt v tobol'skoi katorzhnoi tyur'me (Iz materialov S.S. Anisimova) [Riot in the Tobolsk hard labor prison (From the materials of S.S. Anisimov)]. *Katorga i ssylka*. 6: 200-224. [in Russian]
- Bril'on, 1927 – Brill'on, I.N. (1927). Na katorge: vospominaniya revolyutsionera [In hard labor: memoirs of a revolutionary]. M.-L.: Moskovskii rabochii. 207 p. [in Russian]
- Burtsev, 1923 – Burtsev, V.L. (1923). Bor'ba za svobodnuyu Rossiyu. Moi vospominaniya (1882–1922) [Fight for a free Russia. My memories (1882–1922)]. Berlin: Gamayun. T. I. 379 p. [in Russian]
- Epifanov et al., 2022 – Epifanov, A.E., Krasnozhenova, E.E., Kulik, S.N. (Escapes of Prisoners in the History of Russian Penitentiary Institutions of the late XIX – early XX centuries. *Bylye gody*. 2022. 17(2): 876-889.

- Epifanov, Pavlenko, 2021** – *Epifanov, A.E., Pavlenko, E.M.* (2021). From the History of Ensuring the Rights of Prisoners in Prisons of the Russian Empire at the turn of the 19th – 20th centuries (based on materials from the Saratov Province. *Bylye Gody*. 16 (4): 1910-1921.
- GAVO** – Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti [State Archive of the Volgograd Region].
- Geifman, 1997** – *Geifman, A.A.* (1997). *Revolutsionnyi terror v Rossii, 1894–1917* [Revolutionary terror in Russia, 1894–1917]. M.: Kron-Press, 448 p. [in Russian]
- Genkin, 1922** – *Genkin, I.I.* (1922). *Po tyur'mam i etapam* [Through prisons and stages]. SPb.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 487 p. [in Russian]
- Gerasimov, 1985** – *Gerasimov, A.V.* (1985). *Na lezvii s terroristami* [On the edge with terrorists]. Parizh: IMKA-Press, 205 p. [in Russian]
- Gernet, 1930** – *Gernet, M.N.* (1930). *V tyur'me. Ocherki tyuremnoi psikhologii* [In prison. Essays in Prison Psychology 2nd edition, updated with new essays and illustrations]. 2-e izdanie, dopolnennoe novymi ocherkami i illyustratsiyami. Khar'kov, 263 p. [in Russian]
- Gernet, 1961** – *Gernet, M.N.* (1961). *Istoriya tsarskoi tyur'my* [History of the royal prison]. T. 3. M., 430 p. [in Russian]
- Gernet, 1962** – *Gernet, M.N.* (1962). *Istoriya tsarskoi tyur'my* [History of the royal prison]. T. 4. M., 302 p. [in Russian]
- Gernet, 1963** – *Gernet, M.N.* (1963). *Istoriya tsarskoi tyur'my* [History of the royal prison]. T. 5. M., 340 p. [in Russian]
- Kadikov, 2016** – *Kadikov, E.R.* (2016). *Eserovskii terror v Sibiri v nachale XX veka* [Eserovsky terror in Siberia at the beginning of the 20th century]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"*. 1(9): 42-69. [in Russian]
- Kallistov, 1923** – *Kallistov, S.V.* (1923). *Za tovarishchei (Pamyati N. Shishmareva)* [For comrades (in memory of N. Shishmarev)]. *Katorga i ssylka*. 6: 262-263. [in Russian]
- Korotkov, 1923** – *Korotkov, I.V.* (1923). *V Saratovskoi tyur'me* [In the Saratov prison]. *Katorga i ssylka*. 6(6): 189-199. [in Russian]
- Kuruskanova, 2012** – *Kuruskanova, N.P.* (2012). *Penitentsiarnaya tematika v nelegal'noi pechati sibirskikh eserov v nachale XX v.* [The penitentiary theme in the illegal press of the Siberian Socialist-Revolutionaries at the beginning of the 20th century]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Politologiya. Religiovedenie"*. 1: 174-182. [in Russian]
- Kvasov, 2021** – *Kvasov, O.N.* (2021). *Tyuremnyi terror revolyutsionerov v Rossiiskoi imperii* [Prison terror of revolutionaries in the Russian Empire]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 72: 44-49. [in Russian]
- Luchinskii, 1910** – *Luchinskii, N.F.* (1910). *Nashi tyuremnye i tyuremno-blagotvoritel'nye uchrezhdeniya* [Our prison and prison charitable institutions]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. 1: 165-197. [in Russian]
- Maksimov, 1900** – *Maksimov, S.V.* (1900). *Sibir' i katorga* [Siberia and hard labor]. SPb.: Izdanie V.I. Gubinskogo, 487 p. [in Russian]
- Malinovskii, 1909** – *Malinovskii, I.A.* (1909). *Krovavaya mest' i smertnye kazni* [Bloody revenge and death penalty]. Tomsk: Tipolitografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela. Vypusk II. 159 p. [in Russian]
- Mikheev, 2013** – *Mikheev, A.P.* (2013). *Penitentsiarnaya prestupnost' v tobol'skoi katorge v nachale KhKh veka: problemy tyuremnogo nadzora* [Penitentiary crime in Tobolsk penal servitude at the beginning of the 20th century: problems of prison supervision]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*. 1(1): 106-109. [in Russian]
- Morozov, 1998** – *Morozov, K.N.* (1998). *Partiya sotsialistov-revolutsionerov v 1907–1914 gg.* [Party of Socialist Revolutionaries in 1907–1914]. M.: ROSSPEN. [in Russian]
- Naumenko, 2008** – *Naumenko, O.N.* (2008). *Tobol'skii tyuremnyi zamok: stranitsy istorii* [Tobolsk prison castle: pages of history]. Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 181 p. [in Russian]
- Nikitina, 1927** – *Nikitina, E.D.* (1927). *Pokushenie na tyuremnogo inspektora Efimova* [Attempt on prison inspector Efimov]. *Katorga i ssylka*. 2(21): 135-141. [in Russian]
- Parvus, 1908** – *Parvus, A.L.* (1908). *Po tyur'mam vo vremya revolyutsii* [Through prisons during the revolution]. *Moi pobeg iz Sibiri*. SPb.: Shipovnik, 219 p. [in Russian]
- Pyrkh, 2018** – *Pyrkh, V.O.* (2018). *Revolutsionnyi terrorism v Rossii nachala KhKh v.: ubiistvo sibirskogo tyuremshchika I.S. Mogileva* [Revolutionary terrorism in Russia at the beginning of the 20th century: the murder of the Siberian jailer I.S. Mogilev]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 432: 144-149. [in Russian]
- Saltyk, 2008** – *Saltyk, G.A.* (2008). *Katorga i ssylka v sud'be neonarodnikov Tsentral'nogo Chernozem'ya: 1908–1916 gg.* [Penal servitude and exile in the fate of the neo-populists of the Central Chernozem region: 1908-1916]. *Uchenye zapiski: elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. [in Russian]

- [Sukhorukov, 2007](#) – *Sukhorukov, S.V.* (2007). Istoriya Ekaterinburgskoi tyur'my [History of the Yekaterinburg prison]. *Ural*. 12: 148–224. [in Russian]
- [Svod..., 1906](#) – *Svod zakonov Rossiiskoi Imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. 1906. T. XIII. St. 356. Primechanie 3. Prilozhenie III. [in Russian]
- [Troitskii, 1979](#) – *Troitskii, N.A.* (1979). Tsarizm pod sudom progressivnoi obshchestvennosti: 1866–1895 gg. [Tsarism under the judgment of the progressive public: 1866–1895]. M.: Mysl', 350 p. [in Russian]
- [Tyuremnyi vestnik, 1903](#) – *Tyuremnyi vestnik*. 1903. № 10. 856 p. [in Russian]
- [Tyuremnyi vestnik, 1907](#) – *Tyuremnyi vestnik*. 1907. № 3. 249 p. [in Russian]
- [Tyuremnyi vestnik, 1907](#) – *Tyuremnyi vestnik*. 1907. № 6. 56 p. [in Russian]
- [Tyuremnyi vestnik, 1907](#) – *Tyuremnyi vestnik*. 1907. № 8. 653 p. [in Russian]
- [Tyuremnyi vestnik, 1907](#) – *Tyuremnyi vestnik*. 1907. № 9. 712 p. [in Russian]
- [Tyuremnyi vestnik, 1908](#) – *Tyuremnyi vestnik*. 1908. № 12. 948 p. [in Russian]
- [Tyuremnyi vestnik, 1909](#) – *Tyuremnyi vestnik*. 1909. № 1. 115 p. [in Russian]
- [Tyuremnyi vestnik, 1909](#) – *Tyuremnyi vestnik*. 1909. № 10. 1024 p. [in Russian]
- [Tyuremnyi vestnik, 1909](#) – *Tyuremnyi vestnik*. 1909. № 5. 640 p. [in Russian]
- [Tyuremnyi vestnik, 1910](#) – *Tyuremnyi vestnik*. 1910. № 4. 618 p. [in Russian]
- [Tyuremnyi vestnik, 1910](#) – *Tyuremnyi vestnik*. 1910. № 5. 810 p. [in Russian]
- [Usherovich, 1933](#) – *Usherovich, S.S.* (1933). Smertnye kazni v tsarskoi Rossii [Death penalty in tsarist Russia]. Khar'kov: Izd-vo Vseukrainskogo soveta obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev, 504 p. [in Russian]
- [Yak, 1912](#) – *Yak, L.L.* (1912). V tyur'makh i v ssylke [In prisons and in exile]. *Ezhegodnik gazety "Rech" na 1912 g.* SPb.: Izdanie redaktsii gazety «Rech'». Pp. 533–540. [in Russian]
- [Zalezhskii, 1925](#) – *Zalezhskii, V.N.* (1925). Na partiinom fronte mezhdv dvumya revolyutsiyami [On the party front between two revolutions]. M.-L.: Pechatnyi dvor. Ch. 1: V epokhu reaksii (1906–1912 gg.). 92 p. [in Russian]
- [Zil'bershtein, 1925](#) – *Zil'bershtein, Ya.M.* (1925). Vospominaniya o Smolenskoii katorzhnoi tyur'me (1909–1910 gg.) [Memories of the Smolensk hard labor prison (1909–1910)]. Po tyur'mam v epokhu pervoi revolyutsii. M.: Izdatel'stvo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev. Kniga VII. Pp. 29–46. [in Russian]

Из истории противодействия террору в отношении чинов российского тюремного ведомства на рубеже XIX–XX веков

Александр Егорович Епифанов ^{a, b, *}

^a Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

^b Академия управления Министерства внутренних дел России, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье с историко-правовых позиций показаны причины и условия, характерные черты и статистика террора в отношении чинов российского тюремного ведомства на рубеже XIX–XX веков. Авторами анализируются действия тюремной администрации, надзорсостава, полиции и войсковых формирований по нейтрализации террористических проявлений в российских местах заключения. Показано влияние на уровень террора в отношении чинов тюремной администрации и надзора размещения оппозиционной прессой сфальсифицированных сведений о беззакониях и насилии, допускавшихся в отношении арестантов. Авторы проводят прямую зависимость террора от развития сложившейся в Российской империи революционной ситуации и социально-политических условий, приходят к выводу о том, что он превратился в одну из наиболее радикальных форм революционной борьбы. Статья подготовлена на основе разнообразных источников, в том числе нормативных актов и архивных материалов, многие из которых введены в научный оборот впервые. В работе используются не только общенаучные (исторический, диалектический, логический, системно-функционального анализа и синтеза), но и специально-исторические (историко-сравнительный и статистический) методы познания. В исследовании проанализированы статистические данные из разного рода источников о совершенных в отношении чинов тюремного ведомства насильственных действиях, в том числе их убийствах и увечьях. Авторы приходят к выводу о значительных масштабах и большой общественной опасности террористических проявлений в отношении руководства и личного состава российских пенитенциарных учреждений. Их уровень был связан с развитием революционного движения, состоянием мест лишения свободы и режима отбывания наказания.

Ключевые слова: Главное тюремное управление, тюрьмы, администрация, надзиратели, полиция, войска, террор, газеты, революционеры, покушения.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mvd_djaty@mail.ru (А.Е. Епифанов)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1877-1884
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1877

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the Pedagogical Periodical Press of the Church Department of the Russian Empire of the late XIX – early XX centuries

Anvar M. Mamadaliev ^{a, *}, Valentina S. Nikitina ^b, Natalia V. Svechnikova ^c,
 Irina Yu. Cherkasova ^d

^a Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^b Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Cherkas Global University, Washington, USA

Abstract

The article is devoted to the historiographical analysis of the pedagogical periodical press of the church department of the Russian Empire of the late XIX – early XX centuries.

The authors analyzed such publications as “Tserkovno-prikhodskaya shkola”, “Narodnoe obrazovanie”, “Bozh'ya Niva”, “Zapadno-russkaya nachal'naya shkola”, “Zakonouchitel”; as well as “Tsirkulyar po dukhovno-uchebnomu vedomstvu” journals and “Listok Vserossiiskoi tserkovno-shkol'noi vystavki” catalog.

The research methodology includes the following methods: historical-systemic, historiographical (or content analysis) and historical-chronological.

The results of the study showed that the church press has become an integral part of Russian pedagogical thought, since well-known methodist teachers, such as S.I. Miropolsky, S.A. Rachinsky, P.P. Mironositsky, and others published their didactic views in journals. The journals also became a platform for publishing Orthodox-Russian pedagogical ideas of many clergymen of the Russian Empire. The teachers and clergymen of very high rank recognized in the world community were the editors.

The publications were created at the end of the XIX and (most of) the beginning of the XX centuries, but after the socialist revolution of 1917 they were naturally curtailed, since the Bolshevik communist ideology did not imply the existence of any religion and its influence on secular life. The Soviet authors subjected the church-pedagogical publications to very harsh criticism, some editors of journals died during investigative measures (in particular, P.P. Mironositsky).

Keywords: periodicals, “Church-parochial school”, “Tsirkulyar po dukhovno-uchebnomu vedomstvu”, journals, Russian Empire, late XIX – early XX centuries.

1. Введение

В данной работе мы анализируем церковно-педагогическую печать конца XIX – начала XX веков. Она стала определенной вехой не только в плане духовной, но и педагогической литературы, так как известно, что законоучители (то есть, говоря современным языком, учителя религиоведения) присутствовали как в каждой школе, то есть в начальных учебных заведениях, так и в абсолютном большинстве низших и средних учебных учреждений. Актуальность исследования очень точно подчеркивает профессор К.Е. Нетужилов: «...Между тем сама история церковной журналистики представлена в научной литературе фрагментарно. Несмотря на массовую включенность материалов дореволюционной церковной повременной (то есть периодической – Авт.)

* Corresponding author

E-mail addresses: anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

печати в современную гуманитарную культуру, существующие на сегодняшний день фундаментальные труды по истории журналистики почти полностью игнорируют данную тему. Не говоря о работах советского периода, где она была обойдена вниманием по понятным причинам, следует указать, что и в современных монографиях и сборниках как по истории отечественной журналистики, так и по истории православной церкви тема церковной периодической печати XIX – начала XX вв. освещена крайне неравномерно» ([Нетужилов, 2010](#)).

Мы же в данной работе проанализируем лишь часть церковной печати, а именно ту, которая имела отношение к педагогической сфере.

2. Материалы и методы

Материалом для работы послужили номера дореволюционных журналов церковного ведомства педагогической направленности, таких как «Церковно-приходская школа» (см., напр., [Церковно-приходская школа, 1887](#)), ежемесячный журнал «Народное образование» ([Народное образование, 1896](#)), ежемесячный журнал «Божья Нива» ([Божья Нива, 1902](#)), журнал «Западно-русская начальная школа» ([Западно-русская начальная школа, 1906](#)), журнал «Законоучитель» ([Законоучитель, 1912](#)); а также «Циркуляр по духовно-учебному ведомству» ([Циркуляр](#)) и каталог «Листок Всероссийской церковно-школьной выставки» ([Каталог, 1909](#)).

В работе используются такие методы исторического исследования, как:

- историко-системный (анализ источников проводился в комплексной связи с политической и социальной обстановкой того времени, а именно – через призму исключительно сильного влияния церкви на жизнь светского общества в Российской империи);
- историографический анализ или контент-анализ (то есть исследование содержания обозначенных выше источников);
- историко-хронологический (представленные издания сгруппированы в хронологическом порядке).

3. Обсуждение

Работ, целенаправленно исследующих педагогическую печать церковного ведомства, нет, что и обуславливает актуальность и научную новизну нашего исследования.

Из дореволюционных трудов прежде всего отметим «Исторический очерк развития церковных школ за истекшее 25-летие (1884–1909)» А.Я. Трошина, в котором делается обзор некоторых журналов, посвященных церковно-приходским школам; в частности, дается описание журнала «Божья Нива» ([Трошин, 1909а](#)) и «Западно-русская начальная школа» ([Трошин, 1909б](#)).

Также огромный интерес представляет «Алфавитный указатель к циркулярам по духовно-учебному ведомству. № 1–22 (1888–1903)», выполненный А. Кузнецовым и изданный в Санкт-Петербурге в 1904 году ([Кузнецов, 1904](#)).

Огромный пласт работы проделал Н.Н. Аблов в библиографическом указателе «Педагогическая периодическая печать» ([Аблов, 1937](#)) с кратким описанием каждого библиографического наименования. Правда, работа не свободна от советских идеологических антирелигиозных идей и штампов.

Из современных публикаций отметим пласт работ (более 50) К.Е. Нетужилова, посвященных церковной печати в целом и отдельным духовным изданиям. В данной статье мы опирались на монографию «Церковная периодическая печать в России XIX столетия» ([Нетужилов, 2008](#)) и диссертационное исследование «Формирование системы церковной периодической печати в России XIX – начала XX веков: историко-типологический анализ» ([Нетужилов, 2010](#)). Отметим, что педагогическая церковная печать попадала в сферу интересов К.Е. Нетужилова лишь опосредованно.

Помимо указанных, есть также еще ряд публикаций, монографий, кандидатских и докторских диссертационных исследований, анализирующих церковную печать (определенных территорий, отдельных изданий и т.п.), но к теме нашего исследования непосредственного отношения они не имеют.

Из зарубежных работ интерес представляет трехтомный сборник Г.Л. Андреева «Христианская периодическая печать на русском языке, 1801–1917 гг.: библиографический указатель» ([Андреев, 1997](#)), изданный в Нью-Йорке (США).

4. Результаты

В начале XX века в Российской империи церковными структурами издавалось семь периодических изданий педагогической направленности. Рассмотрим их.

1. Изданием, которое стало своего рода внутренним нормативным актом Святейшего синода, стал «Циркуляр по духовно-учебному ведомству», публикуемый Синодом в 1888–1915 годах. Как указывает А. Кузнецов, циркуляр «выпускался в неопределенные сроки от одного до трех номеров в год. В очень ярких постановлениях церковнической камарильи отражена наиболее темная, наиболее реакционная полоса в истории русского народного образования» ([Кузнецов, 1904: 6](#)).

2. Журнал «Церковно-приходская школа» издавался ежемесячно при Киевском епархиальном училище под редакцией П. Игнатовича. Как указывает Н.Н. Аблов, журнал являлся «...одним из ярко-реакционных педагогических журналов, проводил в вопросах воспитания борьбу с земской школой, был проводником православия, самодержавия, русификации и т.д.» (Аблов, 1937: 48). Вместе с тем нельзя не отметить, что Н. Аблов издавал свое описание в печально известном 1937 году, на который пришелся пик политических репрессий, поэтому его книга «Педагогическая периодическая печать» не свободна от идеологической компоненты.

На титульной странице указывались название журнала, место издания, период, на протяжении которого он издавался, а также месяц, год и данные типографии (см. Рисунок 1).

Рис. 1. Титульная страница ежемесячного журнала «Церковно-приходская школа» за октябрь 1896 год

3. Ежемесячный журнал «Народное образование» (см., напр., Народное образование, 1896) издавался училищным советом при Синоде с 1896 по 1917 годы. Первым редактором издания стал известный русский педагог-методист и член-ревизор Учебного комитета при Святейшем синоде Сергей Иринеевич Миропольский (1-я книга 1896 года), автор более 15 монографий по педагогике, методике и истории педагогики, также служивший помощником редактора «Журнала Министерства народного просвещения». Однако после издания 1-й книги первого номера он покинул редакцию. Приложением к журналу стало издание «Школьное пение», редактором которого также выступал С.И. Миропольский, являвшийся апологетом церковно-приходских школ, за что и был нещадно критикуем большевиками: «С. Миропольский, участник либерально-буржуазной прессы 70-х годов, ...превратившийся в 90-х годах в ярко выраженного реакционера, был первым редактором синодского журнала» (Аблов, 1937: 59).

В дальнейшем журнал редактировали А. Банчаков (на протяжении 1896 года) и в остальное время – духовный деятель, педагог, церковный композитор П.П. Мироносицкий (с 1897 по 1917 гг.), издавший более 16 образовательных и обучающих книг по музыке, церковным православным праздникам и пр.; при советской власти был арестован и умер в 1933 году в следственном изоляторе в Ленинграде.

«Народное образование» пропагандирует консервативные взгляды, о чем советские авторы пишут следующее: «Журнал является отражением победоносцевского¹ периода в истории русской народной школы; проводил идеи «удушения» русского начального обучения путем церковно-приходских школ, церковно-руссификаторской политики в школах на окраинах и пр. Участниками издания, существовавшего до самой Октябрьской революции были, главным образом, представители церковной педагогики. Среди участников журнала выделяется своеобразный «друг Победоносцева»,

¹ Константин Петрович Победоносцев – главный идеолог контрреформ Александра III и преподаватель как его самого, так и его сына Николая II, действительный тайный советник, специалист в области права и ближайший советник императора; известен своими ортодоксально-консервативными взглядами на государственное устройство, быт, воспитание и образование, которые активно и претворял в жизнь, используя свое привилегированное положение при дворе.

известный педагог С.А. Рачинский, сотрудничавший в журнале с самого его основания и поместивший на его страницах почти все свои педагогические статьи» (Аблов, 1937: 58-59).

Рис. 2. Русский педагог-методист Сергей Иринеевич Миропольский – первый редактор журнал «Народное образование»

Вполне закономерно, что в связи с социалистической революцией деятельность издания была прекращена, а флагманом школьной периодической печати стал журнал «Народное просвещение», основанный на базе свернутого в 1918 году «Журнала Министерства народного просвещения».

4. Журнал «Божья Нива» (см., напр., [Божья Нива, 1902](#)) издавался ежемесячно в Троице-Сергиевской лавре в городе Сергиев Посад Московской губернии в период с 1902 по 1917 годы. Включал несколько педагогических рубрик/отделов, таких как «Церковь и школа», «Школа и народная жизнь», «Школа как воспитательница эстетического чувства», «Летопись церковной школы», «Семья и школа». Другими, уже с типично духовным содержанием, были рубрики «Посевы и всходы», «Наш дневник». Всего насчитывалось семь рубрик. Своеобразной рубрикой можно считать отдел «Переписка наших читателей», в которой публиковались наиболее интересные сообщения в редакцию.

Основателем и редактором на протяжении всего периода издания журнала был архимандрит (позднее – епископ и архиепископ) Никон (Рождественский). Московский митрополит Владимир (Богоявленский) по просьбе Никона представил Синоду программу журнала и просил благословение (если быть точным – финансирование) на его выпуск, которое было получено в ноябре 1901 года. В 1903 г. училищным советом Святейшего синода «Божья Нива» была рекомендована библиотекам всех церковно-приходских школ в качестве методического и педагогического пособия.

Главная задача журнала – «оказывать нравственную поддержку всем, кто трудится в церковноприходских школах, в великом деле воспитания детей народа в духе христианского благочестия и родных преданий старины» ([Божья Нива, 1902: 1](#)). Авторами и корреспондентами журнала являлись в основном сельские учителя и священники, особенностью издания являлась простота стиля и содержания ([Андреев, 1997: 243](#)).

На титульной странице присутствовал подзаголовок «Троицкий собеседник для церковно-приходских школ» (в период с 1902 по 1905 годы) и «Троицкий собеседник для православной школы и семьи» (в период с 1906 по 1917 годы) ([Рисунок 3](#)). Последним номером «Божьей Нивы» стал № 185, вышедший в мае 1917 г. Журнал имел приложение «Зернышки Божьей Нивы: Троицкое чтение для детей», выходившее с 1903 по 1917 годы; всего было выпущено 173 номера.

Н.Н. Аблов отмечал: «(Журнал «Божья Нива» – Авт.) ...типичный педагогический листок монашества, воинствующего за феодально-церковную школу. ...Очень ярко отражает мрачный период в истории русского народного образования – период церковно-приходских школ» ([Аблов, 1937: 62](#)). Однако дореволюционные историографы относились к изданию весьма комплементарно, считая его «подлинно русским», «по-настоящему православным» журналом (см., напр., [Трошин, 1909а: 643](#)).

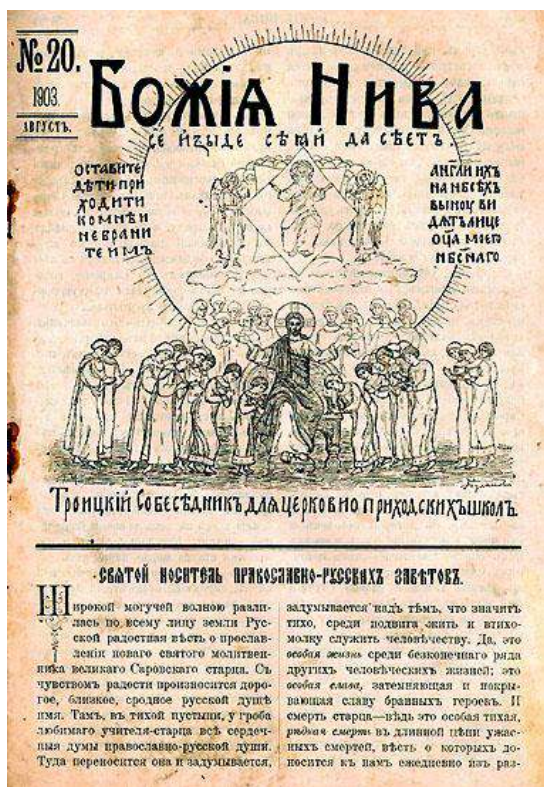

Рис. 3. Первая страница журнала «Божья Нива»

5. Журнал «Западно-русская начальная школа» ([Западно-русская начальная школа, 1906](#)) – еще один ежемесячный журнал церковно-педагогической направленности, который издавался Киевским епархиальным училищным советом в период с 1906 по 1917 годы; заменил собой публиковавшийся ранее этим же ведомством журнал «Церковно-приходская школа» (см. выше).

Основной задачей издания было «дать местным педагогическим силам доступ и возможность общего и гласного обсуждения теоретических и практических вопросов народной школы и народного учительства» ([Западно-русская начальная школа, 1906: 1](#)).

Согласно описанию А.Я. Трошина, «...в журнале печатались правительственные распоряжения и разъяснения, относящиеся к сфере образования, распоряжения епархиальных училищных советов; отчеты о состоянии церковноприходских школ западнорусских епархий; общие педагогические и методические статьи, преимущественно относящиеся к программам начальных и учительских школ; назидательные статьи, очерки и рассказы о внутренней жизни школы, о внешкольной деятельности учителей, об участии школьников в богослужениях, паломничествах, о занятиях ремеслами и рукоделием; материалы по внешкольному образованию, школьным библиотекам, вечерним и воскресным классам для взрослых, чтениям для народа; обзоры и рецензии изданий по педагогике ([Трошин, 1909b: 622](#)). Также в качестве приложения публиковались некоторые документы съезда училищного совета (в 1907 году), отчеты о состоянии церковноприходских школ Киевской епархии (в период с 1914 по 1917 годы).

Редакторами журнала были председательствовавшие в училищном совете Киевского епархиального училища епископы Уманский Агапит (Вишневецкий) (с 1906 по 1908 гг.), Уманский Павел (Преображенский) (с 1908 по 1910 гг.) и Уманский Димитрий (Вербицкий) (с 1910 по 1917 гг.).

6. Сборник «Листок/каталог Всероссийской церковно-школьной выставки» ([Рисунок 4](#)) ([Каталог, 1909](#)). Периодическим изданием как таковым не является, так как издался однократно. Вместе с тем в каталоге собран целый пласт весьма ценных материалов, а издавался он училищным советом при Святейшем синоде; в силу этого считаем целесообразным рассмотреть данное издание. Выставка была организована к 25-летию церковно-приходских школ. Также сборник содержит ряд статей С.А. Рачинского, С.И. Миропольского и др.

Каталог включал в себя 534 страницы с иллюстрациями; редактором сборника выступил П.П. Мироносицкий, печатался в Синодальной типографии. Включал «список экспонентов (экспонатов – Авт.) в порядке №№, под коими значатся на Всероссийской церковно-школьной выставке представленные ими предметы» ([Каталог, 1909: 2](#)). Включал такие рубрики, как «Начальные церковные школы для детей», «Учительские церковные школы» (включая «Подотдел инородческих школ»), «Просвещение взрослого населения», «Издательское и книжное дело Училищного Совета», «Литература по церковно-школьному делу», «Организация статистики

церковных школ» и «Администрация и инспекция». Всего в каталоге 1 131 церковно-приходская школа (Каталог, 1909: 325).

Рис. 4. Обложка сборника «Каталог Всероссийской церковно-школьной выставки»

7. Церковно-педагогический и общественный журнал «Законоучитель» (см., напр., [Законоучитель, 1912](#)). Выходил два раза в месяц (за исключением каникулярного времени) в г. Житомире Волынской губернии с 1912 по 1917 годы. Редактором и издателем журнала был протоиерей А. Голосов. Являлся своеобразной методической рекомендацией для педагогов-священнослужителей (то есть законоучителей; имелись в педагогическом составе каждой школы – Авт.) в церковно-приходских и народных школах Российской империи, в силу чего советские историографы писали следующее: «Журнал, проводивший церковно-монархическую политику, создан был для «натаскивания» «батюшек» по осуществлению этой политики в школе. Журнал характеризует упорство и планомерность проведения «поповской линии» в русской школе» ([Аблов, 1937: 94](#)).

5. Заключение

В ходе проделанной работы мы можем сделать следующие выводы:

1. Церковная педагогическая печать была представлена такими изданиями, как журналы «Церковно-приходская школа», «Народное образование», «Божья Нива», «Западно-русская начальная школа» «Законоучитель», а также «Циркуляр по духовно-учебному ведомству», и каталог «Листок Всероссийской церковно-школьной выставки».

2. Церковная педагогическая печать стала неотъемлемой частью русской педагогической мысли. В журналах печатались такие известные педагоги-методисты, как С.И. Миропольский, С.А. Рачинский и др. Также журналы стали платформой для публикации православно-русских педагогических идей многих священнослужителей Российской империи.

3. Редакторами журнала являлись профессионалы своего дела, признанные в мировом сообществе педагоги (напр., С.И. Миропольский или П.П. Мироносицкий) и священнослужители весьма высокого ранга (в большинстве своем – епископы, архиепископы, в частности Никон Рождественский, Агапит Вишневский, Павел Преображенский, Димитрий Вербицкий и др.).

4. Издания были созданы в конце XIX и (большая часть) начале XX веков, но после социалистической революции 1917 года закономерно свернуты, так как большевистская коммунистическая идеология не подразумевала наличие какой-либо религии и ее влияние на светскую жизнь. Многие редакторы журналов подверглись репрессиям, часть из которых умерла во время следственных мероприятий (в частности, П.П. Мироносицкий). Советские авторы подвергли весьма жесткой критике церковно-педагогические издания.

Литература

- [Аблов, 1937](#) – Аблов Н.Н. Педагогическая периодическая печать. М., 1937.
[Андреев, 1997](#) – Андреев Г.Л. Христианская периодическая печать на русском языке, 1801–1917 гг.: библиографический указатель. В 3 т. N.Y.: Norman Ross Publ. Inc., 1997.
[Божья Нива, 1902](#) – От редакции // *Божья Нива*. 1902. № 1. С. 1.
[Законоучитель, 1912](#) – *Законоучитель*. Житомир. 1912. № 1.

- [Западно-русская начальная школа, 1906](#) – От редакции // Западно-русская начальная школа Киев: Киевское епархиальное училище, № 1 (январь). 1906. С. 1.
- [Каталог..., 1909](#) – Каталог Всероссийской церковно-школьной выставки (11 мая – 10 июня 1909 г.). СПб.: Синодальная типография, 1909.
- [Кузнецов, 1904](#) – *Кузнецов А.* Алфавитный указатель к циркулярам по духовно-учебному ведомству. № 1–22 (1888–1903). СПб., 1904.
- [Народное образование, 1896](#) – Народное образование: ежемесячный журнал / Под ред. С.И. Миропольского. Книга первая. СПб.: Синодальная типография, 1896. № 1.
- [Нетужилов, 2008](#) – *Нетужилов К.Е.* Церковная периодическая печать в России XIX столетия. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.
- [Нетужилов, 2010](#) – *Нетужилов К.Е.* Формирование системы церковной периодической печати в России XIX – начала XX веков: историко-типологический анализ. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010.
- [Трошин, 1909a](#) – *Трошин А.Я.* «Божия Нива» // Исторический очерк развития церковных школ за истекшее 25-летие (1884–1909). СПб., 1909.
- [Трошин, 1909b](#) – *Трошин А.Я.* Журнал «Западно-русская начальная школа» // Исторический очерк развития церковных школ за истекшее 25-летие (1884–1909). СПб., 1909.
- [Церковно-приходская школа, 1887](#) – Церковно-приходская школа: ежемесячный журнал / Под ред. П. Игнатовича. Киев: Киевское епархиальное училище. 1887. № 1.
- [Циркуляр...](#) – Циркуляр по духовно-учебному ведомству. СПб.: Синодальная типография, 1888–1915.

References

- [Ablov, 1937](#) – *Ablov, N.N.* (1937). *Pedagogicheskaya periodicheskaya pechat'* [Pedagogical periodical press]. М. [in Russian]
- [Andreev, 1997](#) – *Andreev, G.L.* (1997). *Khristianskaya periodicheskaya pechat' na russkom yazyke, 1801–1917 gg.: bibliograficheskii ukazatel'* [Christian periodical press in Russian, 1801–1917: a bibliographic index.]. V 3 t. N.Y.: Norman Ross Publ. Inc. [in Russian]
- [Bozh'ya Niva, 1902](#) – *От редаксии* [Editorial]. *Bozh'ya Niva*. 1902. 1: 1. [in Russian]
- [Katalog..., 1909](#) – *Katalog Vserossiiskoi tserkovno-shkol'noi vystavki (11 maya – 10 iyunya 1909 g.)* [Catalog of the All-Russian Church and School Exhibition (May 11 – June 10, 1909)]. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 1909. [in Russian]
- [Kuznetsov, 1904](#) – *Kuznetsov, A.* (1904). *Alfavitnyi ukazatel' k tsirkulyaram po dukhovno-uchebnomu vedomstvu* [Alphabetical index to circulars for the spiritual and educational department]. 1–22 (1888–1903). SPb. [in Russian]
- [Narodnoe obrazovanie, 1896](#) – *Narodnoe obrazovanie: ezhemesyachnyi zhurnal* [“Narodnoe obrazovanie”: a monthly journal]. Pod red. S.I. Miropol'skogo. Kniga pervaya. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 1896. 1. [in Russian]
- [Netuzhilov, 2008](#) – *Netuzhilov, K.E.* (2008). *Tserkovnaya periodicheskaya pechat' v Rossii XIX stoletiya* [Church periodicals in Russia in the 19th century]. SPb.: Izd-vo SPbGU. [in Russian]
- [Netuzhilov, 2010](#) – *Netuzhilov, K.E.* (2010). *Formirovanie sistemy tserkovnoi periodicheskoi pechati v Rossii XIX – nachala XX vekov: istoriko-tipologicheskii analiz* [Formation of the system of church periodicals in Russia in the 19th – early 20th centuries: a historical and typological analysis]. Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk. SPb. [in Russian]
- [Troshin, 1909a](#) – *Troshin, A.Ya.* (1909). «Bozhiya Niva». *Istoricheskii ocherk razvitiya tserkovnykh shkol za istekshee 25-letie (1884–1909)*. SPb. [in Russian]
- [Troshin, 1909b](#) – *Troshin, A.Ya.* (1909). *Zhurnal «Zapadno-russkaya nachal'naya shkola»* [“Zapadno-russkaya nachal'naya shkola” journal]. *Istoricheskii ocherk razvitiya tserkovnykh shkol za istekshee 25-letie (1884–1909)*. SPb. [in Russian]
- [Tserkovno-prihodskaya shkola, 1887](#) – *Tserkovno-prihodskaya shkola: ezhemesyachnyi zhurnal* [Parish School: a monthly journal]. Pod red. P. Ignatovicha. Kiev: Kievskoe eparkhial'noe uchilishche. 1887. № 1. [in Russian]
- [Tsirkulyar...](#) – *Tsirkulyar po dukhovno-uchebnomu vedomstvu* [Circular for the spiritual and educational department]. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 1888–1915. [in Russian]
- [Zakonouchitel', 1912](#) – *Zakonouchitel'. Zhitomir*. 1912. 1. [in Russian]
- [Zapadno-russkaya nachal'naya shkola, 1906](#) – *От редаксии* [Editorial]. *Zapadno-russkaya nachal'naya shkola* Kiev: Kievskoe eparkhial'noe uchilishche, № 1 (yanvar'). 1906. P. 1. [in Russian]

К вопросу о педагогической периодической печати церковного ведомства Российской империи конца XIX – начала XX веков

Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{a, *}, Валентина Сергеевна Никитина ^b,
Наталья Викторовна Свечникова ^c, Ирина Юрьевна Черкасова ^d

^a Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^b Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^d Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. Статья посвящена историографическому анализу педагогической периодической печати церковного ведомства Российской империи конца XIX – начала XX веков.

Нами были проанализированы такие издания, как журналы «Церковно-приходская школа», «Народное образование», «Божья Нива», «Западно-русская начальная школа», «Законоучитель»; а также «Циркуляр по духовно-учебному ведомству» и каталог «Листок Всероссийской церковно-школьной выставки».

Методология исследования включает следующие методы: историко-системный, историографический (или контент-анализ) и историко-хронологический.

Результаты исследования показали, что церковная печать стала неотъемлемой частью русской педагогической мысли, так как в журналах публиковали свои дидактические воззрения известные педагоги-методисты, такие как С.И. Миропольский, С.А. Рачинский, П.П. Мироносицкий и др. Также журналы стали платформой для публикации православно-русских педагогических идей многих священнослужителей Российской империи. Редакторами выступали признанные в мировом сообществе педагоги и священнослужители весьма высокого ранга.

Издания были созданы в конце XIX и (большая часть) начале XX веков, но после социалистической революции 1917 года закономерно свернуты, так как большевистская коммунистическая идеология не подразумевала наличие какой-либо религии и ее влияние на светскую жизнь. Советские авторы подвергали весьма жесткой критике церковно-педагогические издания, некоторые редакторы журналов умерли во время следственных мероприятий (в частности, П.П. Мироносицкий).

Ключевые слова: периодическая печать, «Церковно-приходская школа», «Циркуляр по духовно-учебному ведомству», журналы, Российская империя, конец XIX – начало XX вв.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1885-1896
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1885

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Charitable Activities in Novorossiysk in the late 19th – 20th centuries: Organizations and Private Initiatives

Nataliia A. Garazha^{a, *}, Irina N. Voblava^a

^a Novorossiysk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

Abstract

The institutions of guardianship and charity in the 21st century are again in demand in order to preserve and increase the cultural and intellectual potential of Russia, to provide assistance and support to socially vulnerable categories of the population. The content of charity is currently dictated by the search for forms and methods to ensure the effectiveness and expediency of priority social support for the population and regions. The historical experience accumulated, including at the turn of the 19th-20th centuries, is an invaluable proven basis for regulatory and organizational action in this area, not only at the national, but at the regional and local levels.

In the late 19th and early 20th centuries, the development of public initiative in charity work, the growth in the number of charitable societies, and increased public attention to social issues led to the emergence of an alternative to privileged departments in the field of charity, the promotion of socially active and enterprising citizens – representatives of different classes of Russian society.

In Novorossiysk, the following groups of actors emerged during the indicated period: individual projects of M.A. Veksler, E.E., Ballion, N.P. Bogarsukova, L.E. Adamovich and others; at the level of organizations – the Novorossiysk Committee of the Russian branch of the Red Cross, boards of trustees of educational, socio-cultural and medical institutions, activation of charitable initiatives among the national communities of the city. An unconditional coordinating role was played by state, provincial and city structures (the Emperor and the Imperial Humanitarian Society, the Governor of the Black Sea Governorate, the City Duma of Novorossiysk, the Chief Police Chief of Novorossiysk (Ministry of Internal Affairs)).

The creation and commissioning of educational, socio-cultural and medical institutions (city library, women's and men's gymnasiums, a maternity hospital, objects of religious worship (Orthodox and Greek Catholic churches and others) contributed to the harmonization of the social climate in the context of the empowerment and general socialization of women, creating social lifts for representatives of the third estate.

Keywords: Charity, Novorossiysk, philanthropist, Novorossiysk Committee of the Russian Red Cross Society, public charity.

1. Введение

Сущностью благотворительной деятельности является добровольная, безвозмездная помощь, осуществляемая как в материальной форме (передача имущества, в том числе денежных средств), так и в нематериальной (сочувствие, сострадание). Благотворитель не заявляет и не определяет заранее выгоду от своего благотворительного действия, даже если эта выгода наступает; благотворительность может быть анонимной и направленной на поощрение и развитие каких-либо общественно значимых форм деятельности; благотворительность может употребляться в качестве синонима филантропии, аккумулируя энергию помощи и покровительства нуждающимся. Настоящее понимание

* Corresponding author

E-mail addresses: ngarazha@yandex.ru (N.A. Garazha), savinvaav@mail.ru (I.N. Voblava)

благотворительной активности субъекта в деле помощи и поддержки неимущих и нуждающихся вырастает своими корнями в глубинную историю человечества, находя отклик у современного человека.

Исторический экскурс в проблему организации благотворительной деятельности явственно демонстрирует процессы складывания навыков государства и общества взаимодействовать во благо развития России: понимать и принимать инициативы как «сверху», так и «снизу», консолидировать усилия, доверять и разделять полномочия и ресурсы. Благотворительность для Российского государства второй половины XIX – начала XX вв. стала инструментом последовательного развития при деятельной самоорганизации провинциального общества, выделяя в нем лидеров, аккумулирующих инициативы созидания в социальной и культурной сфере, в образовании.

Для Новороссийска в обозначенный период благотворительность стала возможностью становления и развития городской социальной инфраструктуры. Именно с выдающимися благотворителями и меценатами (Э. Баллион, М. Векслер, И. Мензелинцев и др.), общественными организациями и простыми активистами – неравнодушными гражданами и жертвователями – связано возникновение в городе библиотек, школ и училищ, строительство храмов, вовлечение в помощь другим регионам империи в периоды неурожая, Первой мировой войны. Изучение опыта сосредоточения энергии созидания и помощи обогащает не только историческую память горожан о прошлом своих предков, но дает опыт позитивного взаимодействия общества и власти в русле формирования опорных социально-культурных и образовательных объектов.

2. Материалы и методы

Ключевым для данной работы стал принцип социального подхода в историческом исследовании как отражение позиции авторов в их гуманистической оценке благотворительной деятельности населения города Новороссийска во второй половине XIX – начале XX вв. Именно в благотворительности, деятельности меценатов и филантропов индивидуально-субъективные, узкогрупповые, сословно-классовые интересы так явно и ярко соотносятся с общечеловеческими, при этом реализуясь не в теории, а на практике.

Контекст исследования не анонимен: он насыщен фактами о благотворительной деятельности отдельных персон. Перефразируем В. Дильтея: изучение личных мотивов совершения социально-благих дел благотворителями позволяет понять глубинную сущность и специфику этой деятельности. Отдельные приемы и сама идея биографического метода значительно помогли в процессе работы. Делопроизводственные документы из фондов Управления архива муниципального образования город Новороссийск, представленные деловой перепиской, стенограммами и отчетами заседаний городской думы, дают в совокупности разнообразные сведения о ключевых персонах – благотворителях. В стенограммах заседаний думы, помимо объективных данных, есть и зафиксированные дебаты, отзывы горожан, например, о личных причинах Михаила Андреевича Векслера в открытии и патронаже лечебницы. По мнению некоторых жителей города, именно трагическая гибель сына повлияла на его мировоззрение, определила вовлечение в благотворительную деятельность. Для объективного исторического знания подобный факт выступает в качестве косвенного, но позволяет, детализируя, понять многогранность личности благотворителя и симптоматичность мотивации акторов глобального феномена.

В целом настоящая работа строится на обобщении разрозненных фактов о персонах, организациях, характере взаимодействия власти и общества в создании комфортной городской социальной инфраструктуры путем активной как монетарной, так и деятельностной позиции граждан. Поэтому исследование представляет собой нарратив, насыщенный фактами и событиями, воссоздающими модель среза новороссийского городского общества – неравнодушного, чуткого, способного сопереживать и, главное, знающего, каким должен быть его город, и прикладывающего существенные усилия для достижения цели.

3. Обсуждение

В силу праведности идеи, накопленного опыта в виде социального компромисса и практики эффективного взаимодействия общества и государства тема благотворительности вызывала и вызывает закономерный общественный и исследовательский интерес. Внимание ученых к проблеме организации благотворительной деятельности и меценатства в России в XIX – начале XX вв. выражается в подготовке многочисленных диссертаций, научных монографий и статей, публицистических эссе. Все они отражают цели исследователей, писателей и журналистов заполнить лауну непознанного в истории своей страны, более того – в истории своего региона. Совершенно иным предстает родной город, когда узнаешь о его насыщенной социальной жизни, истинно-патриотичной, ответственной позиции управленцев, бизнеса и горожан.

Исследователи, работающие в рамках данной темы, уделяют особое внимание источниковой базе, вводя в научный оборот документы не только из федеральных архивов, но, что особенно важно, местных (региональных, муниципальных) (Питулько, 2022: 130-135). Этот факт объясняет ряд специфических черт исследований: проблемно-хронологический подход в методологическом выборе историков-специалистов по теме детерминирует исследовательский фокус на узких либо масштабных

эпохах (Потенциал..., 2010; Ульянова, 2005); с точки зрения определения географических рамок изучаются или региональные, или общегосударственные закономерности, условия и процессы эволюции благотворительной деятельности. В совокупности исследований собирается единая насыщенная картина знаний современников о характере, событийной канве, субъектах-участниках благотворительной деятельности в российском государстве.

Примечательна еще одна особенность изучения темы – значительная представленность диссертационными исследованиями, в которых находят отражение обозначенные выше методологические ориентиры. Выделяется комплекс обобщающих исследований, региональных, ориентированных на изучение отдельных сторон феномена благотворительности.

Закономерен историографический интерес специалистов в тщательной выборке и анализе всей совокупности исследований, позволяющий определить степень разработанности проблемы в срезах хронологии и географии, выделить лакуны, не ставшие предметом специальных исследований, и проблемы с этим связанные (Мантурова, 2012: 42; Лебедев, Штепа, 2013: 63-72; Климова, 2021: 87-95).

В силу вневременного общегосударственного внимания к проблеме благотворительности как рычагу консолидации общества для решения разнообразных системных и локальных социальных вопросов, необходимости вовлечения бизнеса и лидеров мнения в зону социальной ответственности и активности, ее рамки закономерно выходят за пределы только лишь научного – исторического, социологического, юридического анализа. Необходимо отметить проведение большой просветительской работы, направленной на информирование населения обо всех аспектах благотворительной работы, а также формирование компетенций будущих субъектов данной деятельности. Поэтому можем констатировать вовлеченность системы высшего образования в процесс посредством внедрения специализированных курсов, подготовки учебных пособий, которые в свою очередь аккумулируют не только результаты научных исследований по теме, но и содержат иной методический аппарат в виде, например, анализа и списков нормативно-правовых источников, специализированных сайтов или благотворительных организаций (Антонович, 2014; История благотворительности..., 2017; Богданов, 2019).

В настоящем исследовании, целью которого авторы ставили рассмотрение разнообразия возможных направлений и организационных структур благотворительной деятельности в городе Новороссийске в XIX – начале XX вв., использовался материал обобщающих исторических исследований по теме благотворительной деятельности в российской империи, а также работы авторов, раскрывающих различные аспекты проблемы в региональном и местном срезе.

Можем подчеркнуть состоятельность и перспективность направления изучения историко-культурных практик призрения и благотворительности для науки в целом, государства в его формировании социальной политики и, безусловно, граждан России.

4. Результаты

История Российского государства насыщена не просто индивидуальными примерами социально ответственного поведения своих граждан, но и активной позицией государства, выработкой им идеологии и действенной, юридически обоснованной системы организации благотворительной деятельности. Для России благотворительность становится масштабным общественным явлением к концу XIX века, более того, инструментом развития социальной инфраструктуры провинции.

Стратегия формирования благотворительных учреждений в качестве своеобразного гибрида государственного учреждения и общественной организации была сформулирована Екатериной II и стала доминирующей до начала XX века. Приказы общественного призрения не имели своего штата и государственного финансирования, кроме 15 тыс. рублей, получаемых каждым приказом из «местных доходов» в момент его создания. В дальнейшем они, опираясь на кредитные обороты и частные пожертвования (как целевые, так и без особого назначения), обязаны были учреждать больницы, аптеки, школы, воспитательные и сиротские дома и т.д. (Соколов, 2005: 137-138). К 1902 году в России функционировало 11 040 благотворительных учреждений, подотчетных (общий и финансовый отчет) государству, предоставляющему в свою очередь некоторые льготы при уплате платежей, сборов и пошлин (Сулакшин, 2013: 7, 52).

Знаковыми, определяющими вектор развития благотворительности и ее место в диалоге между государством и обществом стали решения Александра I. На основании двух указов 1802 года приказы общественного призрения и в целом «благочинная» деятельность переходили под контроль Министерства внутренних дел, вызывая в нем определенные коллизии: с одной стороны, бюрократические стремления подчинить себе приказы, с другой – всемерно поощрять частную благотворительную инициативу. Уставы новых благотворительных обществ, действовавших под ведомством Императорского человеколюбивого общества, высочайшее соизволение могли получить с 1813 года лишь по ходатайству МВД. В Управлении архива муниципального образования город Новороссийск хранится проект подобного устава – «Устав Новороссийского благотворительного общества». Документ включает в себя 15 пунктов, регламентирующих задачи общества, параметры членства и систему осуществления финансовой поддержки «бедным и больным гражданам»

(УАМОГН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119. Л. 13-14). Средства общества должны были формироваться с членских взносов, пожертвований, концертов и вечеров, устраиваемых обществом.

Активизация общественной жизни и эволюция государственных институтов закономерно побуждали к большей открытости и расширению поля социальных контактов представителей императорской семьи. Хотя патриархальные представления о монаршей власти сохраняли свою прочность, постреформенный рост уровня образования, появление разночинной интеллигенции приводили к пониманию об увеличении взыскательности общества к монархии (Бякина, Качалова, 2011: 191), на что надо было прогрессивно реагировать. Даже в известной традиции мероприятий общегосударственного чествования знаменательных дат императорской фамилии стала набирать силу общественная инициатива и общественное активное участие. Так, для коронационных торжеств Александра III город Новороссийск выделил из бюджета 300 рублей, остальная сумма должна была быть собрана жителями города (УАМОГН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 105. Л. 10). На выделенные деньги были организованы гонка гребных судов с вручением победителям ценных призов, торжественный молебен и 101 выстрел стоящей на рейде шхуны «Дон». На собранные пожертвования «гражданами города Новороссийска предложена на городской площади общая трапеза для войск и всего народа» (УАМОГН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 105. Л. 32). Горожанам были переданы благодарственные слова императора («искренне благодарю всех»), главе государства – впечатления о «небывалом оживлении и беспредельном восторге» жителей города (УАМОГН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 105. Л. 11, 13).

К этому примеру мы можем отнести критично, интерпретировав в качестве стремления власти дополнительно возложить на плечи граждан часть своих расходов, выгодно встроить благотворительность в государственную систему жизнедеятельности и жизнеобеспечения. Тем не менее поддержание в обществе праздничной культуры, пусть символическое, но единение в торжественных событиях монарха и подданных были крайне важны для поддержания климата взаимного доверия и консенсуса. Очевидно, что демонстрация монаршей заботы о подданных была призвана сделать имидж власти более привлекательным во всех социальных группах российского общества. Вложения же горожан в празднования как финансовые, так и организационные рассматривались в качестве инициативы «снизу», показателем активного и позитивного диалога монархии и общества.

Справедливо подчеркнуть, что императорская семья была прочно встроена в систему благотворительности: инициативно, персонально и действительно, привлекая и вовлекая в проекты представителей дворянской элиты, промышленников, активистов из регионов. Так, например, по предложению великой княгини Елизаветы Федоровны для лечения раненых офицеров, принимавших участие в Русско-японской войне, в 1904 году был построен санаторий, получивший название «Елизаветинская санатория» (Крючкова, 2017: 47-50). Участок предоставила О.В. Козловская (жительница города) на «...самом берегу моря на южном склоне глубокого ущелья на 9-й версте Новороссийско-Сухумского шоссе» (К открытию..., 1904). Весомый вклад в строительстве санатория внес господин Кольегорн, директор цементного завода «Цепь», предоставивший цемент «по дешевой цене» и устроивший для снабжения учреждения водой «колодезь, дающий прекрасную питьевую воду», а также пожертвовавший цементные плитки, из которых проложили дорожки между зданиями (Зорина, 1996: 141-142). В дальнейшем на содержание лечебного учреждения принимались любые пожертвования, при этом активно поощряемые: за взнос не менее 25 рублей предоставлялось право в течение месяца «содержать в санатории кровать от своего имени» (Официальный сайт...).

Государство демонстрировало ясную и четкую политическую позицию и волю в развитии системы участия общества в создании системы социального благоустройства страны при намерении самовластно распоряжаться капиталами, собранными благодаря усилиям частных благотворителей. В качестве признания подлинной благотворительности частных лиц подразумевались только передаваемые в полное распоряжение приказов средства и заведения. Поэтому дарители зачастую выдвигали условия исполнения должностных обязанностей наверяемом городе объекте, пытаясь таким образом сохранить некоторый контроль (не из корыстных или эгоистичных соображений, а в целях содействия развитию и процветанию для благородной пользы обществу своего дела). Эрнестом Баллионом при передаче городу Новороссийску библиотеки было выдвинуто единственное условие, чтобы она была названа его именем и именно он был назначен директором («...и что я буду ее директором и полным распорядителем относительно умножения и улучшения оной») (УАМОГН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 128. Л. 7).

В рассматриваемый период общественные библиотеки открывались лишь по инициативе и за счет частных лиц, так как Черноморская губернская администрация отпускала на благоустройство «кабинета для чтения» совсем небольшие средства. Отсюда и объясняется малодоступность их для широких масс. В начале 1892 г. профессор Э. Баллион обратился с заявлением в Новороссийскую городскую полицию о создании публичной библиотеки: «Принимая во внимание, что в Новороссийске нет Публичной библиотеки, ни читальни, ни даже книжной лавки, я решился пожертвовать городу для общей пользы мною довольно значительную библиотеку, состоящую из нескольких тысяч томов по разным отраслям человеческого знания, и положить этим основание городской Публичной библиотеки» (УАМОГН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 128. Л. 11). 29 мая 1892 года на заседании

общественного присутствия городской полиции данное заявление было рассмотрено, принято после подготовки описи, представленной к 10 мая 1893 г. дарителем.

Полный каталог, к сожалению, не сохранился, но есть краткий перечень книг, в котором указано, что на момент передачи библиотека имела 2 909 томов, в том числе 1 437 на русском языке и 1 472 на иностранных языках. Это были книги по философии (18 шт. на русском и 14 на иностранных языках), политической экономике и статистике (24 шт. на русском языке), по сельскому хозяйству (245 шт. на русском и 21 на иностранных языках), по зоологии (101 шт. на русском и 1 198 на иностранных языках), по медицине (37 на русском и 13 на иностранных языках), журналы и газеты (340 на русском и 80 на иностранных языках) и по многим другим отраслям знаний (УАМОГН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 128. Л. 31). Э. Баллион в течение своей деятельности в должности директора библиотеки постоянно пополнял ее книжный фонд. И уже к 1898 году он составлял 3 344 тома.

После смерти Э. Баллиона в 1904 году было принято решение установить две городские стипендии имени Баллиона в размере 65 рублей в год по одной в мужской и женской гимназиях (Эрнест Эрнестович Баллион..., 2016: 13). Традиция проведения просветительских мероприятий и конкурсов, призванных привлечь читающую молодежь города, сохранилась до настоящего времени. Примечательно также, что в повседневном тезаурусе горожан присутствует идентификация архитектурного объекта в качестве «библиотеки Баллиона».

Стратегия передачи частных коллекций в учреждения или формирование просветительского учреждения вокруг коллекции – это деяния на долгосрочную перспективу культурного строительства, вложения в интеллектуальное, духовно-нравственное развитие представителей всех сословий города. Так, гласный городской думы Илиодор Иванович Мензелинцев пожертвовал городской больнице библиотеку из 170 книг и нескольких собраний газет. В своем письме городскому голове Михаилу Федотовичу Пенчулу он делал следующий акцент: «...Имея в виду разнообразный контингент лечащихся, я составил нарочно библиотеку, приспособленную и для малограмотного, и для интеллигентного читателя. Всего на 50 рублей. Препровождаю при сем приносимую мной в дар библиотеку с каталогом...» (УАМОГН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 128. Л. 1).

Примеры Э. Баллиона и И. Мензелинцева демонстрируют еще одну характерную черту развития благотворительности в XIX веке: трансформацию акторов благотворительной деятельности и расширение зоны социальной активности благотворителей и меценатов – инициатива главным образом переходит к представителям нового сословия – промышленникам, купцам и предпринимателям (Бараненкова, 2013: 142). Причины их прихода в благотворительность были самые разные: религиозные убеждения, семейные обстоятельства и традиции, патриотические чувства, общий рост уровня образования и культуры предпринимателей и осознания всей меры социальной ответственности. Новые филантропы чаще не присоединялись к уже реализуемым городским проектам, а создавали новые треки социально-культурной, социально-медицинской, образовательной активности.

Ярчайшим примером вышесказанному выступает деятельность гласного городской думы Михаила Андреевича Векслера, передавшего городу в 1908 году возведенное им здание больничного павильона из 8 комнат, ванной и прихожей. На средства дарителя были проведены водопровод и канализация. Михаил Андреевич предложил городу объект в собственность с обязательством содержать в нем лечебное заведение (гинекологическое отделение с родильным залом), назвать его в честь жертвователя и его супруги, разместив на здании соответствующую мраморную доску с надписью (Прокопенко, 1994: 4). Горожане также долгие годы будут называть больницу именем Векслера. Эта инициатива вписывалась в принимаемую в Российской империи биомедицинскую модель клинического родовспоможения, разрушавшую традиционную культуру родов, но направленную на снижение уровня материнской и младенческой смертности (Mitsyuk et al., 2022).

Пример М.А. Векслера – пример инициативной, целенаправленной и посильно-постоянной персональной благотворительной деятельности, содействовавшей развитию социальной инфраструктуры города. В 1912 году Михаил Андреевич предложил городу строительство городской богадельни, на которую выделял 10 тыс. рублей. Т. Прокопенко обратила внимание и опубликовала очень любопытный диалог из стенограммы заседания городской думы по данному вопросу. Общество пособия бедным (скорее всего, подразумевается Новороссийское городское благотворительное общество) собрало для строительства объекта 2 600 рублей, 3 946 рублей 90 копеек было завещано мещанкой Феонией Прыговой с условием обязательного использования для богадельни (Прокопенко, 1998: 8).

Спектр социальных учреждений в обозначенный период разнообразится. Особое значение начинают придавать созданию народных домов, суть которых заключалась в служении «...интересам преимущественно простого люда...». Дома создавались на средства государственной казны, муниципальных властей, общественных организаций (прежде всего попечительств о народной трезвости) и предпринимателей с целью просвещения городских низов и крестьян и «отвлечения их от пьянства» (Градостроительство России..., 2003: 166). 1 июля 1900 года в Черноморской губернии вводится в действие «Положение о казенной продаже питей» (ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 6. Л. 10-100б.), и 16 октября 1900 года в г. Новороссийске начинает свою деятельность Новороссийский особый

комитет попечительства о народной трезвости, действия которого распространялись на всю Черноморскую губернию (ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 6. Л. 11). Средства комитета составляли суммы от частных пожертвований и поступлений из казны. Второй народный дом попечительство открыло в «Зацемесской» части города, которое получило название «чайной-столовой». Здесь был зрительный зал на 200 мест, что позволяло проводить лекции, спектакли, также работала библиотека (Справочник и путеводитель..., 1907: 285-286). Комитет осуществлял свою деятельность вплоть до октября 1917 года.

Знаковой организацией, основывавшей свою деятельность на принципах гуманности и милосердия, стало Российское Общество Красного Креста (РОКК). Среди множества его региональных отделений был и Новороссийский комитет Российского Общества Красного Креста (НКРОКК), учрежденный 5 ноября 1891 года. Организатором и первым председателем был назначен управляющий Новороссийской таможенно-карантинной конторой статский советник Навроцкий Евфимий Данилович.

С момента образования представители НКРОКК традиционно занимались приемом и регистрацией благотворительных пожертвований и перераспределением бюджетных средств. Основными жертвователями были врачи и офицеры, лица, занимающие государственные и военные должности, работники заводов и частных учреждений, а также простые горожане (УАМОГН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 6. Л. 16).

Социальная ответственность местного бизнеса и в то же время умелое позиционирование комитета в качестве серьезной благотворительной организации демонстрируют пожертвования: с 1 по 20 ноября 1891 года цементный завод в г. Новороссийске внес в кассу 100 руб., сотрудники Новороссийской карантинно-таможенной конторы – 76 руб.; члены комитета А.А. фон-Виссель, И.П. Кулишевич, Л.К. Маврогордато, А.А. Реботье по 50 руб. (УАМОГН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 5. Л. 4). НКРОКК довольно быстро набрал популярность и среди простых жителей Новороссийска: только за месяц работы, с ноября по декабрь 1891 года, на счет комитета поступило 768,22 руб. пожертвований (УАМОГН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 6. Л. 6).

Несмотря на недостаточность данных о приходе и расходе денежных средств в НКРОКК, очевидно отсутствие стабильно прослеживаемой тенденции увеличения сумм благотворительных пожертвований и взносов членов комитета, что связано главным образом с наличием экономических кризисов и различных социальных проблем начала XX века (Гаража, Мухтарова, 2016: 42).

Довоенная деятельность НКРОКК была посвящена, главным образом, помощи голодающим, пострадавшим от неурожая 1892–1893 гг., 1898–1899 гг. Призывы к помощи согражданам проходили под лозунгом «помощь страждущему ближнему». Так, например, в апреле-октябре 1898 года в городе массово собирали пожертвования для помощи пострадавшим от неурожая губерниям: Воронежской, Калужской, Курской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Тульской, Казанской, Самарской, Саратовской, Уфимской, Вятской, Пермской и Рязанской (УАМОГН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 6. Л. 15, 65). В самом Новороссийске было открыто множество бесплатных столовых и пунктов питания, организовано большое количество благотворительных лотерей и создано несколько передвижных санитарных отрядов для помощи пострадавшим от эпидемий, в целом оказавшимся в сложной жизненной ситуации (УАМОГН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 6. Л. 23).

События войн, в которые была вовлечена Россия в начале XX века, вызвали дополнительную активность НКРОКК и соответствующий отклик со стороны населения города. 12 июля 1904 года благодаря местным пожертвованиям по инициативе НКРОКК на Дальнем Востоке был открыт Черноморский лазаретный отряд на 25 кроватей, в состав которого вошли 2 врача, 5 сестер милосердия и 6 санитаров (УАМОГН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1. Л. 183).

С началом Первой мировой войны, в 1914 году, лазарет на 100 раненых был организован в самом городе Новороссийске на старом цементном заводе (Ерошенко, Черкасов, 2010: 66). В организации сбора на обустройство лазарета и шитья белья для раненых принимал активное участие женский клуб под председательством супруги черноморского губернатора А.В. Барановского. Активные участницы клуба отмечались благодарностью от НКРОКК, например, Александра Шебейко и молочница Сафронова, «...которые со дня открытия лазарета № 1 в доме Певунова постоянно балуют раненых и больных воинов своими приношениями».

18 августа 1914 г. в городе началась подготовка сестер милосердия. На курсы записалось 24 сестры милосердия, почти все выпускницы местной гимназии (Ерошенко, Черкасов, 2010: 65). Помимо ухода за ранеными военнослужащими, активную помощь сестры милосердия оказывали жителям Новороссийска.

Большой проблемой для города в этот период стали беженцы, которых на 1 ноября 1915 года было зарегистрировано свыше 1,7 тысяч человек. Они размещались в приюте на Афонском подворье, в котором имелись два отделения – «для интеллигентных беженцев и для низших слоев»; в приюте на Стандарте и в доме Общества попечительства о трезвости; в частных квартирах (Полякова, 2011: 146). Комитет по обеспечению беженцев осуществлял свою работу на государственные и частные средства, которые собирались во время вечеров и сборов. В «Черноморской газете» писали:

«...8 ноября 1915 года кофейни и вечера, устроенные в кондитерских «Ватикан» и Маханькова, дали чистого дохода 220 рублей. Помимо этого, было собрано много вещей, главным образом платья».

Активность в поддержке регионов своего компактного проживания в период Первой мировой войны проявляли национальные диаспоры. Участие по сбору финансовых средств в Новороссийске, который, как правило, осуществлялся на национальных вечерах, принимали армяне. Так, например, 22 сентября 1915 года в Народном доме местными актерами-любителями была поставлена пьеса «Сасун горит». Чистый доход составил 153 руб. 14 коп., из которых 20 % отчислили местному Обществу Красного Креста, а остальную сумму – беженцам-армянам ([Черноморская газета \(Новороссийск\). 1915](#)).

Власти Черноморской губернии и города Новороссийска поощряли диаспоры в их желании интегрироваться в местное общество, более того, стать его активной созидающей частью. Поэтому и в таких деликатных вопросах, как строительство религиозных сооружений, диаспорам шли на определенные уступки. В 1895 году после обращения Общества новороссийских армян греко-григорианского вероисповедания за разрешением на сбор средств для строительства церкви городом для этой цели был безвозмездно выделен участок земли в 900 кв. саженей ([УАМОГН. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1. Л. 3](#)).

Стоит отметить значение купца, промышленника и мецената Никиты Павловича Богарсукова в поддержке благотворительных организаций. Так, он в начале 1900-х годов на собственные средства построил армяно-григорианскую церковь в Новороссийске ([Колесов, Леусян, 2014](#)), которая находилась на углу нынешних улиц Энгельса и Новороссийской Республики (снесена в 1930 году).

Городская дума Новороссийска уделяла внимание и строительству православных храмов, привлекая благотворителей. Генерал Леонид Ефремович Адамович по соглашению с городским головой П. Калининым в декабре 1909 г. передал в дар Новороссийску часть собственной земли под строительство приходской школы, церкви и кладбища (порядка 3 200 квадратных саженей) ([Кольцевая, 2017: 23](#)). Л.Е. Адамович написал в своем обращении к П. Калинину и городской думе следующее: «В ответ на ходатайство Ваше и ссылаясь на личный разговор с Господином Городским Головою П.К. Калининым, при бытности Вашей и в присутствии жителей участка на балке, сообщаю Вам, что я охотно соглашаюсь отвести безвозмездно в дар обществу по Божий храм в количестве 500 кв. саженей, ...при чем высказываю пожелание, чтобы будущий храм носил название «Храм Спасителя Нашего Иисуса Христа ([Официальный сайт администрации...](#)). ...Принимая во внимание просьбы жителей относительно отвода им места под кладбище, я в свою очередь изъявляю согласие на принесение в дар Новороссийскому городскому общественному управлению одной десятины земли под православное кладбище с отделениями для лютеран и для католиков» ([УАМОГН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 541. Л. 7-70б.](#)).

В 1899 году был образован комитет по сбору средств, необходимых для строительства каменной церкви на Стандарте (район города, земля передана Л.Е. Адамовичем). Участие принял и император Николай II, пожертвовавший 22 марта 1901 года 1000 рублей ([Селиверстов, 2020: 75-77](#)). 10 декабря 1906 г. было совершено торжественное освящение главного престола в честь Святой Троицы архиерейским чином. Храм пережил все перипетии XX века: закрытие в феврале 1938 г., кратковременное возобновление службы в 1942 г., подрыв в 1957 г. в связи с «высоким аварийным состоянием». В 1963 г. на этом месте был построен первый в городе кинотеатр «Россия», и лишь с 3 декабря 1997 г. храм заново начал проводить богослужения.

В 1890-е годы рабочие, проживающие в ближайших поселках, также жертвовали деньги на строительство православного храма в пределах рабочего городка. Однако собранных средств хватило лишь на небольшую деревянную церковь в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», при которой были открыты одноклассные (мужское и женское) церковно-приходские училища, и уже в 1898 году в них занималось 42 ученика и 30 учениц ([Официальный сайт Свято-Троицкого...](#)). В городской газете было отмечено, что церковь, которая получила название по иконе Скорбященская, была построена на средства рабочих и служащих ([Официальный сайт администрации...](#)).

Открытие в Новороссийске двухклассного мужского училища в 1870 году связано с именем полковника Дмитрия Васильевича Пиленко ([Добрицкая, 2006](#)). Суходольская Жозефина Станиславовна и супруга Д.В. Пиленко – Надежда Борисовна необходимые средства для открытия училища для девочек собрали посредством проведения лотереи-аллегри¹. В 1872 году Надежда Борисовна согласовала свои намерения с Новороссийской полицией и директором училищ Кубанской области, который подчеркнул отсутствие препятствий для открытия в городе начального одноклассного училища на средства городского общества при руководстве постановлениями Министерства народного просвещения ([УАМОГН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 48. Л. 3-4об.](#)).

На собранные благотворительные средства было куплено помещение для учебного заведения, которое находилось на углу Серебряковской (ныне Советов) и Раевской (ныне Новороссийская Республика) улиц. В настоящее время на этом месте расположен офис Госбанка. В целом училище

¹ Лотерея-аллегри, или «быстрая» лотерея, когда розыгрыши и выдача призов проводятся сразу после покупки билета. Традиционно лотерея-аллегри проводилась благотворительно. Участники таких лотерей не только покупали дорогие билеты, но и вносили в фонд лотереи призовые вещи.

осуществляло свою деятельность за счет частных благотворителей и сборов от проводимых лотерей, а также за счет концертов, устраиваемых самими учащимися. Председателем попечительского комитета училища была избрана Надежда Борисовна Пиленко, благодаря которой школа существовала безбедно (Ковина, 2004: 20). В целом институт попечительства вносил большой вклад в организацию благотворительной деятельности в образовательных учреждениях дореволюционной России. Первые попечительские советы появились в 1860 году. Попечитель утверждался городской думой сроком на 3 года, мог персонально влиять на образовательную политику учебного заведения. Среди целей попечительского совета были поддержка сверходаренных детей, общественно-государственный контроль за деятельностью учебного заведения (Бабаян, Радченко, 2015: 113).

Общественная женская активность в Новороссийске продолжилась и в начале XX века. Так, 21 октября 1907 г. в городе начинает свою работу Дамский клуб, председателем которой становится Елена Александровна Франгопуло (Вартминская), дочь полицмейстера Новороссийска А.П. Вартминского. Целью Клуба было объединение, умственное и нравственное развитие женщин. Его деятельность осуществлялась за счет денежных взносов членов клуба, но зачастую организация испытывала денежные трудности. Для разрешения финансовых проблем проводились платные культурные и просветительские мероприятия.

Женский клуб на постоянной основе сотрудничал с различными общественными организациями. Например, в мае 1911 года им была организована лекция врача пограничной стражи И.Д. Стратоновича, собравшая более 2 700 рублей, впоследствии пожертвованных на борьбу с туберкулезом. В 1914 г. Клубом было предоставлено помещение для устройства отделения «белой ромашки» (Общества Всероссийской лиги по борьбе с туберкулезом). 9 ноября 1907 г. была проведена акция в виде спектакля, сбор от которого был направлен на устройство школы «Детский сад» (Нагаева, 2012: 179).

Гражданские пожертвования и влияние председательницы (супруга губернатора Е.Н. Волкова) Веры Андреевны Волковой позволили в 1904 году приобрести помещения для «Общества вспомоществования недостаточным учащимся города Новороссийска» и для «Черноморского общества содействия воспитанию и защите детей». В 1901 году при городском женском училище открывается отделение кройки и шитья, а уже в 1903 году при поддержке В.А. Волковой заработал приют «Ясли», который находился в районе Стандарт и предназначался для детей от грудного возраста до 7 лет.

27 декабря 1916 года состоялось торжественное открытие Музея природы и истории Черноморского побережья Кавказа, который был основан по инициативе Л.А. Сенько-Поповского (вице-губернатор Черноморской губернии) 7 июля 1916 г. Основным источником средств на развитие и содержание данного музея были «добровольные пожертвования лиц, сочувствующих процветанию музея» (Официальный сайт Новороссийского...).

5. Заключение

Инициатором новых направлений помощи и поддержки остро нуждающимся слоям городского общества в XIX – начале XX вв. прежде всего выступало государство, аккумулируя с помощью своего институционального ресурса общие усилия для решения задачи. Тем не менее, как показано в исследовании, общество откликнулось на призыв власти. Общественные организации в это время ставят перед собой не только благотворительные цели, но и начинают осваивать разнообразные сферы досуга и интеллектуального развития различных слоев населения.

Среди благотворителей было много богатых и знатных людей, но в целом движение охватывало все слои российского общества, в том числе провинциального, содействуя разрешению множества острых социальных проблем. Очевиден переход от аккумуляции личных средств для личных нужд к их вложению в нужды города, на улучшение жизни граждан. Как утверждал М. Блок, «предметом истории является человек» (Блок, 1988: 17) и как сама благотворительная деятельность наполнена именами ее активистов, так и историческое исследование не может избежать исторической персоналистики.

Литература

- Антонович, 2014 – Антонович И.В. Благотворительность и добровольчество в российском обществе: история и современность: Учеб. пособие. Барнаул, 2014. 196 с.
- Бабаян, Радченко, 2015 – Бабаян А.В., Радченко В.А. Благотворительность в отечественном образовании середины XIX – начала XX вв. Ульяновск, 2015. 168 с.
- Бараненкова, 2013 – Бараненкова Т. Благотворительность: история, традиции, современность // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2013. № 2. С. 139-152.
- Богданов, 2019 – Богданов В.П. История благотворительности в России. Москва и московская пресса конца XIX века: Учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М., 2019. 353 с.
- Блок, 1988 – Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. 254 с.

Бякина, Качалова, 2011 – Бякина В.П., Качалова В.Г. Благотворительность и меценатство в Российской империи (XVIII–XIX вв.) // *Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии*. 2011. № 3(40). С. 184-198.

Гаража, Мухтарова, 2016 – Гаража Н.А., Мухтарова Д.М. Формы и методы работы Новороссийского комитета Российского общества Красного креста в 1891–1916 гг. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016. № 9(71). С. 41-43.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

Градостроительство России, 2003 – Градостроительство России середины XIX – начала XX веков. Кн. 2. Города и новые типы поселений. М., 2003. 557 с.

Добрицкая, 2006 – Добрицкая С. Город благоустроивали коммерсанты за свой счет: Дмитрий Пиленко – начальник Черноморского округа // *Новороссийский рабочий*. 2006. 1 апр.

Ерошенко, Черкасов, 2010 – Ерошенко А.П., Черкасов А.А. Россия в Первой мировой войне (1914–1918 гг.): военно-санитарная деятельность Российского Общества Красного Креста // *История и историки в контексте времени*. 2010. № 7. С. 60-72.

Зорина, 1996 – Зорина А. Судьба Елизаветинской санатории // *Исторические записки. Исследования и материалы*. Вып. 2. Новороссийск, 1996. С. 141-142.

История благотворительности..., 2017 – История благотворительности и социальной работы в России и за рубежом: Учебное пособие / Сост. Т.С. Еремеева, Н.Ю. Щека. Благовещенск, 2017. 214 с.

Климова, 2021 – Климова О.Г. Социокультурные практики Сибирского купечества второй половины XIX – начала XX века в освещении современной российской историографии // *Гуманитарный вектор*. 2021. Т. 16. № 6. С. 87-95.

Ковина, 2004 – Ковина Н. Лично для себя никаких вознаграждений не желаю // *Кубанские новости*. 2004. 24 декабря. С. 20.

Колесов, Леусян, 2014 – Колесов В.И., Леусян О.А. Один Род – Две Генеалогии: Загадки Семейной Истории Черкесогоаев Богарсуковых // *Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность*. Выпуск VI: Сборник статей. Владикавказ, 2014. 304 с

К открытию Елизаветинской Санатории..., 1904 – К открытию Елизаветинской Санатории в Новороссийске // *Черноморское побережье*. 1904. 21 сентября.

Кольцевая, 2017 – Кольцевая Л.Г. Улицы Новороссийска рассказывают... Краснодар, 2017. 116 с.

Крючкова, 2018 – Крючкова М.Н. Традиции российского милосердия. Марфо-Мариинская обитель. М., 2018. 495 с.

Лебедев, Штепа, 2013 – Лебедев А.Г., Штепа А.В. Историография социального попечения и благотворительности в России и Калужской губернии во второй половине XVIII – начале XX веков // *Вестник Калужского университета*. 2013. № 1–2. С. 63-72.

Мантурова, 2012 – Мантурова С.Ч. Сибирская историография историко-культурных практик государственного призрения и благотворительности во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестник ВГУТУ*. 2012. № 2(37). С. 42.

Нагаева, 2012 – Нагаева Г.А. Социальные и культурные инициативы женщин Черноморья и Кубани в конце XIX – начале XX века // *Женщины и мужчины в контексте исторических перемен*. Том 1. Тверь, 2012. С. 178-181.

Официальный сайт администрации... – Официальный сайт администрации и городской Думы МО город-герой Новороссийск. Рубрика «Листая страницы». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.admnvrsk.ru/podrazdeleniya/upravleniya/upravlenie-arkhiva/novosti/news-20191216151712-188302/>

Официальный сайт... – Официальный сайт Марфо-Мариинской обители милосердия. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mmom.ru/mmom/news/novosti-obiteli/o-sudbe-novorossiyskogo-elizavetinskogo-sanatoriya-dlya-ranenykh-v-russko-yaponskoj-vojne.html>

Официальный сайт Новороссийского... – Официальный сайт Новороссийского исторического музея-заповедника города Новороссийск. [Электронный ресурс]. URL: <https://novomuseum.ru/muzey/istoriya-muzeya.html>

Официальный сайт Свято-Троицкого... – Официальный сайт Свято-Троицкого храма, город Новороссийск. Кубанская Митрополия Новороссийская епархия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trinity-novoros.ru/index.php/istoriya>

Питулько, 2022 – Питулько Г.Н. Российская благотворительность как фактор доверия между обществом и государством в XIX веке // *Управленческое консультирование*. 2022. № 4. С. 130-135.

Полякова, 2011 – Полякова Л.Г. Беженцы в годы первой мировой войны: проблемы статуса и обеспечения (на примере Черноморской губернии) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2011. № 4(10): В 3-х ч. Ч. II. С. 145-147.

Потенциал и пути развития филантропии, 2010 – Потенциал и пути развития филантропии в России / Под ред. И.В. Мерсияновой, Л.И. Якобсона. М., 2010. 419 с.

Прокопенко, 1994 – Прокопенко Т. Репортаж из прошлого // *Новороссийский рабочий*. 1994. № 202. 26 ноября. С. 4.

- [Прокопенко, 1998](#) – Прокопенко Т. Утоли моя печали... // *Новороссийский рабочий*. 1998. № 79. 25 апреля. С. 8.
- [Селиверстов, 2020](#) – Селиверстов А.В. Все храмы края. Кубанская митрополия. Т. II. Краснодар, 2020. 334 с.
- [Соколов, 2005](#) – Соколов А.Р. Роль Министерства внутренних дел в развитии российской благотворительности // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2005. № 5(262). С. 137-154.
- [Справочник и путеводитель, 1907](#) – Справочник и путеводитель по Черноморской губернии. Ч. 2. Новороссийск, 1907. 646 с.
- [Сулакшин, 2013](#) – Сулакшин С.С. Благотворительность в России и государственная политика. М., 2013. 222 с.
- [Ульянова, 2005](#) – Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи: XIX – нач. XX в. М., 2005. 402 с.
- [УАМОГН](#) – Управление архива муниципального образования город Новороссийск.
- [Эрнест Эрнестович Баллион..., 2016](#) – Эрнест Эрнестович Баллион: К 200-летию со дня рождения основателя первой городской публичной библиотеки Новороссийска / Сост. И. Белогурова, Е. Стеценко. Новороссийск, 2016. 20 с.
- [Mitsyuk et al., 2022](#) – Mitsyuk N.A., Pushkareva N.L., Belova A.V. Organization of the Space of the First Maternity Clinics in Russia (XVIII – beginning of the XX centuries) // *Bylye gody*. 2022. 17(2): 621-630.

References

- [Antonovich, 2014](#) – Antonovich, I.V. (2014). Blagotvoritel'nost' i dobrovol'chestvo v rossijskom obshchestve: istoriya i sovremennost' [Charity and Volunteerism in Russian Society: Past and Present]: ucheb. Posobie. Barnaul. 196 p. [in Russian]
- [Babayan, Radchenko, 2015](#) – Babayan, A.V., Radchenko, V.A. (2015). Blagotvoritel'nost' v otechestvennom obrazovanii serediny XIX – nachala XX vv. [Charity in domestic education in the mid-19th – early 20th centuries]. Ul'yanovsk. 168 p. [in Russian]
- [Baranenkova, 2013](#) – Baranenkova, T. (2013). Blagotvoritel'nost': istoriya, tradicii, sovremennost' [Charity: history, traditions, modernity]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk*. 2: 139-152. [in Russian]
- [Blok, 1988](#) – Blok, M. (1988). Apologiya istorii ili remeslo istorika [Apology of history or the craft of the historian]. М. 254 p. [in Russian]
- [Bogdanov, 2019](#) – Bogdanov, V.P. (2019). Istoriya blagotvoritel'nosti v Rossii. Moskva i moskovskaya pressa konca XIX veka [History of charity in Russia. Moscow and the Moscow press at the end of the 19th century]: uchebnoe posobie dlya bakalavriata i magistratury. М. 353 p. [in Russian]
- [Byakina, Kachalova, 2011](#) – Byakina, V.P., Kachalova, V.G. (2011). Blagotvoritel'nost' i mecenatstvo v Rossijskoj imperii (XVIII-XIX vv.) [Charity and patronage in the Russian Empire (XVIII-XIX centuries)]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii*. 3(40): 184-198. [in Russian]
- [Dobrickaya, 2006](#) – Dobrickaya, S. (2006). Gorod blagoustraivali kammersanty za svoj schet: Dmitriy Pilenko – nachal'nik Chernomorskogo okruga [The city was landscaped by merchants at their own expense: Dmitry Pilenko – Head of the Black Sea District]. *Novorossijskij rabochij*. 1 apr. [in Russian]
- [Ernest Ernestovich Ballion..., 2016](#) – Ernest Ernestovich Ballion: K 200-letiyu so dnya rozhdeniya osnovatelya pervoj gorodskoj publichnoj biblioteki Novorossijska [Ernest Ernestovich Ballion: On the 200th anniversary of the birth of the founder of the first city public library of Novorossiysk]. Sost. I. Belogurova, E. Stecenko. Novorossiysk, 2016. 20 p. [in Russian]
- [Eroshenko, Cherkasov, 2010](#) – Eroshenko, A.P., Cherkasov, A.A. (2010). Rossiya v Pervoj mirovoj vojne (1914–1918 gg.): voenno-sanitarnaya deyatel'nost' Rossijskogo Obshchestva Krasnogo Kresta [Russia in the First World War (1914-1918): military and sanitary activities of the Russian Red Cross Society]. *Istoriya i istoriki v kontekste vremeni*. 7: 60-72. [in Russian]
- [GAKK](#) – Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja. [State archive of Krasnodar Krai].
- [Garazha, Muhtarova, 2016](#) – Garazha, N.A., Muhtarova, D.M. (2016). Formy i metody raboty Novorossijskogo komiteta Rossijskogo obshchestva Krasnogo kresta v 1891–1916 gg. [Forms and methods of work of the Novorossiysk Committee of the Russian Red Cross Society in 1891–1916]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 9(71): 41-43. [in Russian]
- [Gradostroitel'stvo Rossii, 2003](#) – Gradostroitel'stvo Rossii serediny XIX – nachala XX vekov. Kn. 2. Goroda i novye tipy poselenij [Town-planning of Russia, 2003 – Town-planning of Russia in the middle of the 19th – early 20th centuries. Book. 2. Cities and new types of settlements]. М. 557 p. [in Russian]
- [Istoriya blagotvoritel'nosti..., 2017](#) – Istoriya blagotvoritel'nosti i social'noj raboty v Rossii i za rubezhom [History of charity and social work in Russia and abroad]: uchebnoe posobie. Sost. T.S. Eremeeva. Blagoveshchensk. 214 p. [in Russian]

K otkrytiyu Elizavetinskoj Sanatorii..., 1904 – K otkrytiyu Elizavetinskoj Sanatorii v Novorossiyske (1904) [To the opening of the Elizabethan Sanatorium in Novorossiysk]. Chernomorskoe poberezh'e. 21 sentyabrya. [in Russian]

Klimova, 2021 – *Klimova, O.G.* (2021). Sotsiokul'turnye praktiki Sibirskogo kupechestva vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka v osveshchenii sovremennoj rossijskoj istoriografii [Sociocultural practices of the Siberian merchants in the second half of the 19th – early 20th centuries in the light of modern Russian historiography]. *Gumanitarnyj vektor*. 16(6): 87-95. [in Russian]

Kolesov, Leusyan, 2014 – *Kolesov, V.I., Leusyan, O.A.* (2014). Odin Rod – Dve Genealogii: Zagadki Semejnoj Istorii Cherkesogaev Bogarsukovyh [One genus – two genealogies: riddles of the family history of the Cherkesogaev Bogarsukovs]. *Genealogiya narodov Kavkaza. Tradicii i sovremennost'*. Vypusk VI: *sbornik statej*. Vladikavkaz. 304 p. [in Russian]

Kol'tsevaya, 2017 – *Kol'tsevaya, L.G.* (2017). Ulitsy Novorossiyska rasskazyvayut... [The streets of Novorossiysk tell...]. Krasnodar. 116 p. [in Russian]

Kovina, 2004 – *Kovina, N.* (2004). Lichno dlya sebya nikakih voznagrazhdenij ne zhelayu [I don't want any rewards for myself]. *Kubanskije novosti*. 24 dekabrya. P. 20. [in Russian]

Kryuchkova, 2018 – *Kryuchkova, M.N.* (2018). Traditsii rossijskogo miloserdiya. Marfo-Mariinskaya obitel' [Traditions of Russian mercy. Marfo-Mariinsky Convent]. M. 495 p. [in Russian]

Lebedev, Shtepa, 2013 – *Lebedev, A.G., Shtepa, A.V.* (2013). Istoriografiya social'nogo popecheniya i blagotvoritel'nosti v Rossii i Kaluzhskoj gubernii vo vtoroj polovine XVIII - nachale XX vekov [Historiography of social care and charity in Russia and the Kaluga province in the second half of the 18th – early 20th centuries]. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta*. 1-2: 63-72. [in Russian]

Manturova, 2012 – *Manturova, S.Ch.* (2012). Sibirskaya istoriografiya istoriko-kul'turnyh praktik gosudarstvennogo prizreniya i blagotvoritel'nosti vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Siberian historiography of historical and cultural practices of state charity and charity in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik VSGUTU*. 2(37): 42. [in Russian]

Mitsyuk et al., 2022 – *Mitsyuk, N.A., Pushkareva, N.L., Belova, A.V.* (2022). Organization of the Space of the First Maternity Clinics in Russia (XVIII – beginning of the XX centuries). *Bylye gody*. 7(2): 621-630.

Nagaeva, 2012 – *Nagaeva, G.A.* (2012). Social'nye i kul'turnye iniciativy zhenshchin Chernomor'ya i Kubani v konce XIX – nachale XX veka [Social and cultural initiatives of the women of the Black Sea and Kuban in the late XIX – early XX centuries]. *Zhenshchiny i muzhchiny v kontekste istoricheskikh peremen*. T. 1. Tver'. Pp. 178-181. [in Russian]

Oficial'nyj sajt – Oficial'nyj sajt Marfo-Mariinskoj obiteli miloserdiya [Official website of the Novorossiysk Historical Museum-Reserve of the city of Novorossiysk]. [Electronic resource]. URL: <https://www.mmom.ru/mmom/news/novosti-obiteli/o-sudbe-novorossiyskogo-elizavetinskogo-sanatoriya-dlya-ranenykh-v-russko-yaponskoy-vojne.html> [in Russian]

Oficial'nyj sajt administracii... – Oficial'nyj sajt administracii i gorodskoj Dumy MO gorod-geroj Novorossiysk. Rubrika «Listaya stranicy» [Official website of the administration and the City Duma of the Moscow Region Hero City Novorossiysk. Rubric "Flipping through the pages"]. [Electronic resource]. URL: <https://www.admnvrsk.ru/podrazdeleniya/upravleniya/upravlenie-arkhiva/novosti/news-20191216151712-188302/> [in Russian]

Oficial'nyj sajt Novorossiyskogo... – Oficial'nyj sajt Novorossiyskogo istoricheskogo muzeya-zapovednika goroda Novorossiysk [Official website of the Holy Trinity Church, Novorossiysk. Kuban Metropolis Novorossiysk Diocese]. [Electronic resource]. URL: <https://novomuseum.ru/muzey/istoriya-muzeya.html> [in Russian]

Oficial'nyj sajt Svyato-Troickogo... – Oficial'nyj sajt Svyato-Troickogo hrama, gorod Novorossiysk. Kubanskaya Mitropoliya Novorossiyskaya eparhiya [Official website of the Holy Trinity Church, Novorossiysk. Kuban Metropolis Novorossiysk Diocese] [Electronic resource]. URL: <http://www.trinity-novoros.ru/index.php/istoriya> [in Russian]

Pitul'ko, 2022 – *Pitul'ko, G.N.* (2022). Rossijskaya blagotvoritel'nost' kak faktor doveriya mezhdru obshchestvom i gosudarstvom v XIX veke [Russian charity as a factor of trust between society and the state in the 19th century]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 4: 130-135. [in Russian]

Polyakova, 2011 – *Polyakova, L.G.* (2011). Bezhency v gody pervoj mirovoj vojny: problemy statusa i obespecheniya (na primere Chernomorskoj gubernii) [Refugees during the First World War: problems of status and security (on the example of the Black Sea province)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 4(10): v 3-h ch. Ch II. Pp. 145-147. [in Russian]

Potencial i puti razvitiya filantropii, 2010 – Potencial i puti razvitiya filantropii v Rossii [Potential and ways of development of philanthropy in Russia]. Pod red. I.V. Mersyanovoj, L.I. Yakobsona. M. 419 p. [in Russian]

Prokopenko, 1994 – *Prokopenko, T.* (1994). Reportazh iz proshlogo [Reporting from the past]. *Novorossiyskij rabochij*. 202. 26 noyabrya. P. 4. [in Russian]

- Prokopenko, 1998 – Prokopenko, T. (1998). Utoli moya pechali... [Soothe my sorrows...]. *Novorossiiskij rabochij*. № 79. 25 aprelya. P. 8. [in Russian]
- Seliverstov, 2020 – Seliverstov, A.V. (2020). Vse hramy kraja. Kubanskaya mitropoliya [All temples of the edge. Kuban Metropolis]. Т. II. Krasnodar. 334 p. [in Russian]
- Sokolov, 2005 – Sokolov, A.R. (2005). Rol' Ministerstva vnutrennih del v razvitiі rossijskoj blagotvoritel'nosti [The role of the Ministry of Internal Affairs in the development of Russian charity]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie*. 5(262): 137-154. [in Russian]
- Spravochnik i putevoditel', 1907 – Spravochnik i putevoditel' po Chernomorskoj gubernii [Handbook and guide to the Black Sea province]. Ch. 2. Novorossiisk, 1907. 646 p. [in Russian]
- Sulakshin, 2013 – Sulakshin, S.S. (2013). Blagotvoritel'nost' v Rossii i gosudarstvennaya politika [Charity in Russia and State Policy]. M. 222 p. [in Russian]
- UAMOGN – Upravlenie arhiva municipal'nogo obrazovaniya gorod Novorossiisk [Office of the archive of the municipality city of Novorossiisk]. [in Russian]
- Ul'yanova, 2005 – Ul'yanova, G.N. (2005). Blagotvoritel'nost' v Rossijskoj imperii: XIX – nach. XX v. [Charity in the Russian Empire: XIX – early of the 20th centuries] M. 402 p. [in Russian]
- Zorina, 1996 – Zorina, A. (1996). Sud'ba Elizavetinskoj sanatorii [The fate of the Elizabethan sanatorium]. *Istoricheskie zapiski. Issledovaniya i materialy*. Vyp. 2. Novorossiisk. Pp. 141-142. [in Russian]

Благотворительная деятельность в г. Новороссийске в конце XIX – начале XX вв.: организации и частные инициативы

Наталья Алексеевна Гаража^{а, *}, Ирина Николаевна Вобляя^а

^а Новороссийский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. Институты попечительства и благотворительности в XXI веке вновь востребованы в целях сохранения и приумножения культурного и интеллектуального потенциала России, осуществления помощи и поддержки социально уязвимым категориям населения. Содержание благотворительности в настоящее время продиктовано поиском форм и методов обеспечения эффективности и целесообразности приоритетной социальной поддержки населения, регионов. Исторический опыт, накопленный на рубеже XIX–XX вв., является бесценным апробированным базисом нормативно-правового и организационного действия в данной сфере не только в общегосударственном, но и региональном и местном уровне.

В конце XIX – начале XX веков развитие общественной инициативы в благотворении, рост числа благотворительных обществ, повышение общественного внимания к социальным вопросам вели к появлению альтернативы привилегированным ведомствам в области призрения, выдвижению социально активных и инициативных граждан – представителей разных сословий российского общества.

В Новороссийске в обозначенный период выделились следующие группы акторов: индивидуальные проекты М.А. Векслера, Э.Э. Балиона, Н.П. Богарсукова, Л.Е. Адамовича и других; на уровне организаций – Новороссийский комитет Российского отделения Красного Креста, попечительские советы образовательных, социально-культурных и медицинских учреждений, активизация благотворительных инициатив среди национальных общин города. Безусловную координирующую роль выполняли государственные, губернские и городские структуры (император и Императорское человеколюбивое общество, губернатор Черноморской губернии, городская дума Новороссийска, главный полицмейстер Новороссийска (Министерство внутренних дел).

Создание и введение в действие образовательных, социально-культурных и медицинских учреждений (городская библиотека, женская и мужская гимназии, родильный дом, объекты религиозного климата в контексте расширения прав и общей социализации женщин, создания социальных лифтов для представителей третьего сословия.

Ключевые слова: благотворительность, Новороссийск, меценат, Новороссийский комитет РОКК, общественное призрение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ngarazha@yandex.ru (Н.А. Гаража), savinvaav@mail.ru (И.Н. Вобляя)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1897-1908
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1897

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Socio-Cultural Role of Officials of the Russian Empire on the Territory of Kazakhstan in the late XIX century – early XX centuries (based on Museum Photo-Documentary Sources)

Yermek A. Jassybayev ^{a, *}, Temirton Galiya ^a

^a Central State Museum of the Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article tells about biographical episodes from the service life of an official of the Russian Empire, who found himself on one of its outskirts in the late 19th - early 20th centuries. and linked his fate with the activities of the Statistical Committee and the museum of the Semirechensk region. Some aspects of the professional biography of the public figure of the city of Verny (now Almaty) - V.E. Nedzvetsky, restored by attracting and analyzing such a type of historical sources as photographic documents deposited in the fund of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan. The personal fund of the secretary of the Semirechye Statistical Committee also includes written sources telling about his service activities from 1882 to 1918 inclusive. In order to clarify a number of points in the professional life of V.E. Nedzvetsky, documentary materials were attracted from the funds of the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. The use of these archival documents made it possible to restore the chronological and other gaps in the photographic annotations. On the other hand, the visual information contained in the space of photographs made it possible to correct some of the contradictions and doubts deposited in the text of documentary sources. The proposed publication, thus describing the unknown pages of the life path of this person, demonstrates how, perhaps, to more fully reflect the historical canvas based on the use of photographic material in conjunction with a documentary complex of historical sources. Which is quite relevant in the light of the reconstruction of historical phenomena on the basis of an ever-expanding source base and against the backdrop of an ever-increasing number of audiovisual means.

Keywords: photographs, documents, source studies, museum, archive, collection, funds, culture.

1. Введение

С порога своего становления, получив в дар от природы неординарные способности образного восприятия и абстрактного мышления, осознав феномен времени, человек издревле ищет способ его обуздать и повлиять на него. Высеченные изображения на скалистой породе повествуют о людском стремлении запечатлеть время, вырвать из его стремительного потока событийную канву, определить свое присутствие в изменчивой стихии действительности, непреодолимо движущейся от прошлого к будущему. Фиксируя моменты жизни на бумаге или холсте, человек все также одержим стремлением уловить ускользающую нить времени, ее действительный облик. И хотя лицо времени, созданное людской рукой, несет в себе искажения, вызванные жизненным опытом и переживаниями его непосредственного создателя, объективная реальность в эпистолярных и художественных произведениях все же присутствует. Способы и приемы вычленения этой реальности давно и бурно обсуждаются, создав целый исследовательский комплекс вспомогательной исторической дисциплины, известной нам как «Источниковедение». В изучаемом перечне этого научного предмета с развитием технологического гения человека, наряду с письменными и иными формами фиксации действительности, появился считавшийся в свое время «фантастическим» способ «остановки»

* Corresponding author

E-mail addresses: ormik80@mail.ru (Y.A. Jassybayev), gt_csmrk@mail.ru (T. Galiya)

времени – светом запечатленное время. Речь идет о фотографии. За двухсотлетний период своего существования фотография проникла фактически во все области человеческой деятельности, став источником не менее, а быть может и более, достоверно отражающим окружающую действительность и человека в ней. Отличие авторов художественного и тем более эпиграфического полотна от фотографического, пожалуй, заключается в том, что первые отображают видимые (выделяемые) только ими предметы, людей, окружающую среду, второй же независимо от собственного восприятия фиксирует действительность во всей ее полноте. То есть в выбранный (отображаемый) кадр фотографии попадают не только избранные ракурсы и акценты, но и вещи, на которые намеренно или наоборот автор съемки не обратил своего внимания и которые мог бы выделить и приметить сторонний наблюдатель, зритель. Согласитесь, ведь каждый из нас, просматривая семейные фотоальбомы, выделит в перечне фотоиллюстраций свои переживания и связанные с этим соответствующие предметы и персоналии, не говоря уже о выборке зрителя, совершенно незнакомого с Вашим семейным кругом и родственным окружением. Таким посторонним зрителем-наблюдателем может стать любой посетитель, к примеру, любой музейной выставки, на которой присутствуют фотоснимки. Таким же наблюдателем становится ученый-специалист, изучающий отдельный период истории на основе фотодокументальных источников в фондах того или иного музея.

Предметом целенаправленного музееведческого исследования фотодокументы стали в конце 1920 – начале 1930-х гг. Правда, отношение к ним как к историческому источнику до сегодняшнего дня неоднозначное. Ряд исследователей видит в них лишь разновидность изобразительных источников, другие же, напротив, считают их полноценными документальными памятниками (Кучеренко, 2009: 3-4). В любом случае необходимо согласиться с тем, что фотография – это специфический, самостоятельный тип исторических источников, который вкупе с вещественными, письменными и другими может дополнить, а в ряде случаев и по-новому представить историческую картину того или иного событийного явления.

В свете высказанных соображений хотелось бы в рамках отдельной публикации наметить анализ ряда фотодокументов, хранящихся в Центральном государственном музее Республики Казахстан (далее ЦГМ РК) и относящихся к личности, сыгравшей значительную роль в формировании его фондовых коллекций на раннем этапе. Повествование коснется основателя музея Семиреченской области, общественного деятеля города Верного (в последующем Алматы) – Недзвецкого Владимира Ефимовича.

2. Материалы и методы

В качестве источников для написания статьи были использованы фотографии (индивидуальные, групповые) и документы (формулярный список, справка, некролог), составляющие личный комплекс секретаря Семиреченского областного статистического комитета В.Е. Недзвецкого, из фонда Центрального государственного музея Республики Казахстан. Для определения более уточненной информации в профессиональной биографии указанной личности привлекались документальные материалы из фонда Центрального государственного архива Республики Казахстан, в числе которых формулярные списки, личные дела, приказы по Степному генерал-губернаторству, переписка и докладные записки секретаря Семиреченского областного статистического комитета с учреждениями и частными лицами по устройству музея и библиотеки при комитете, соответствующая финансовая документация и списки.

В процессе исследования были использованы традиционные методы, применяемые в изучении выбранной источниковой базы. К ним в первую очередь относится метод описательно-повествовательный, основанный на сборе и анализе необходимых данных, перечня характеристик предмета исследования. Изучение комплекса фотодокументального материала путем обнаружения аналогий и отличий в их культурно-социальной принадлежности и значимости осуществляется на основе применения сравнительно-исторического, типологического методов, составляющих суть более обширного культурологического подхода. Из его составляющего перечня, в нашем случае, также применим метод диахронический в качестве манеры и стиля изложения исторических фактов. Характеристика и набор личностных факторов определенной исторической персоналии производится в неразрывной связи с особенностями и критериями определенно взятой исторической эпохи (периода), где отдельно взятый индивид находит свое развитие в рамках установленных правил и канонов общественно-политической жизни, что соответствует использованию структурно-функционального методологического приема. Созвучно ему и применение системного подхода, где анализ целостности отдельной культурно-исторической формации достигается путем обнаружения ее составляющих функционально-личностных структур. Значимость духовно-психологических качеств, их вычленение и обоснование в анализе отдельно взятого исторического субъекта основывается на использовании аксиологического (ценностного) подхода, подразумевающего рассмотрение и вычленение базовых социальных парадигм и норм. Наряду с аксиологическим принципом, применим и историко-типологический метод в отношении осмысления культурных явлений эпохи через призму определения ее индивидуально-субъективного портрета.

3. Обсуждение

Несмотря на то, что личность одного из общественных деятелей города Верного, коим является В.Е. Недзвецкий, казалось бы, должна быть достаточно освещена на страницах местной краеведческой литературы, о нем мы имеем крайне скудную информацию, что и сподвигло авторов предлагаемой публикации более подробно остановиться на его биографии. История изучения послужной жизни этого чиновника подробно будет разобрана ниже, здесь же вкратце остановимся на значении особого вида исторических источников, которые легли в основу нашего исследовательского описания и которые с недавних пор стали объектом пристального внимания со стороны ученого сообщества. Имеются в виду фотодокументы как специфический визуальный тип информативно наполненного ресурса для анализа событийного прошлого и исторических изысканий. Фотоисточники, по-видимому, стали приобретать историческую ценность уже спустя довольно короткое время после своего возникновения. Об этом ярко повествует история деятельности единично возникших музейных учреждений Казахстана на рубеже второй половины XIX столетия. Так, в каталоге Семипалатинского историко-краеведческого музея (одного из первых казахстанских музеев) за 1893 г. фигурирует «список предметов музейного характера, не вошедших в главный список», где в параграфе 17 указаны «фотографии с юрт», художественный раздел каталога, среди прочего, включал в себя 50 фотографий видов города Семипалатинска, типов и сцен киргизской жизни, 11 фотооткрыток, альбомы фотографий и видовых фотографий Сибири и, что примечательно, негативы на стеклах и желатине (ЦДНИ ВКО. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1. Л. 83. 84-85). Необходимо отметить, что интерес к фотодокументальным источникам в последней четверти XIX века проявляется и со стороны российских научных обществ. Об этом свидетельствует письмо Уральского общества любителей естествознания от 28 мая 1886 г. на имя председателя Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества с просьбой о высылке на организуемую в 1887 г. Сибирско-Уральскую научно-промышленную выставку живых представителей из башкир, мещеряков, татар, киргизов, в крайнем случае, отмечается далее в письме, «при невозможности присылки живых представителей народностей возможности прислать их фотографии» (ОГАОО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 10. Л. 379). Программа отделов выставки действительно включала в себя: по отделу «Антропологии» – «фотографические снимки типов разных народностей (мужчин и женщин), черепов и скелетов; по классу «Этнографии» – «фотографии кухонной посуды и комнатной утвари». Фотографии же археологических предметов должны были сопровождаться в павильоны выставки с указанием их истинных размеров (ОГАОО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 10. Л. 381об, 398об-399). В целом Уральское общество любителей естествознания оставляло за собой право производить фотографические снимки предметов, представляющих особый интерес (ОГАОО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 10. Л. 387об.). Отношение к фотоисточникам как к музейным предметам не изменилось, а еще более усилилось в плане их классификации и в 20-х годах XX столетия. Из текстового отчета Семипалатинского отдела Русского географического общества за январь–март 1925 года мы узнаем, что поступления Семипалатинского краеведческого музея по отделу «История» составили различные по характеру «фотографические снимки». Более того, один из членов отдела Н.Ф. Селиванов «занимался разработкой и классификацией фотографий, (а другой из членов) М.Г. Лаптев составил альбом из фотографий музея» (ЦДНИ ВКО. Ф. 374. Оп. 1. Д. 2. Л. 24-26). Как уже отмечалось выше, фотодокументы стали предметом музееведческого исследования в 20–30-х гг. прошлого столетия, однако в плане разработки методологии их использования на них стали обращать пристальное внимание лишь недавно. Один из видных ученых в области фотодокументального источниковедения В.М. Магидов относит фотографии к изобразительным типам исторических источников и предлагает классифицировать их по родам (документальные, научные, игровые (художественные) и видам (официальные, творческие и личного происхождения) (Магидов, 1992: 111). Однако в данной системе распределения фотодокументов не совсем ясны критерии их выделения, что напрямую связано с нашей темой исследования. Так, если следовать классификации ученого, то не совсем ясно, к каким видам и родам относить анализируемый нами фотоматериал. К примеру, в одном приводимом ниже фотоснимке прослеживаются все три критерия разделения фотоисточника по родам, связанного с процессом создания документа посредством фотосъемки. Речь идет о фотографии, где В.Е. Недзвецкий изображен на фоне предгорий Заилийского Алатау. На этом снимке мы видим, с одной стороны, стремление фотографа отразить реальную действительность в виде демонстрации окружающего природного пейзажа, научно-технических достижений той эпохи путем фиксации на заднем плане палаточного поселения с оборудованием и, наконец, использование художественных средств съемки и актерской игры в виде постановочного кадра – чиновника российских окраин, восседающего на коне с устремленным вдаль взглядом. Не до конца понятным становится и видовое определение другого приводимого нами фотоснимка, на котором тот же В.Е. Недзвецкий представлен в кругу семьи – супруги и сыновей. Казалось бы, фотографию можно отнести к фотоматериалам личного происхождения, но, поскольку фото произведено и отпечатано в конкретном ателье города Верного, оно может составлять и круг фотодокументов творческого происхождения. В охарактеризованной классификации возможно выделение, как нам кажется, не только конкретных видовых страт, но и дополнительных – переходных стадий систематизации фотографического материала.

В целом отношение к фотодокументам как историческим источникам по настоящее время остается незаслуженно второстепенным, поскольку «в рамках классической истории был создан своеобразный культ письменного текста, который всегда ценился выше любого другого источника. Между тем, по замечанию одного из исследователей в области фотографии, даже «классические» историки периодически испытывают острую потребность в визуализации вербальных реконструкций исторических процессов и феноменов» (Главацкая, 2012: 217). Между тем «зрительные образы, по замечанию другого исследователя, полисемантически, они позволяют изучать визуальные объекты как социальную и культурную практику, конструирующую действительность, и интерпретировать их как особый вид текста» (Костенко, 2015: 5). Приводя данные доводы в пользу фотоисточников, мы ни в коей мере не умаляем роль нарративных источников, хотя источниковедческий аспект фотодокументов изучен недостаточно и их «изучение..., безусловно, требует привлечение к анализу соответствующих письменных документов и уже разработанных или нуждающихся в разработке методов комплексного источниковедения» (Юмашева, 2020: 11). Таким образом, сами по себе фотодокументы не раскрывают в полной мере событийную хронику прошлого и ее достоверность напрямую зависит от комплексного использования как фотографических, так и письменных видов источников, на что и делается акцент в предлагаемой Вашему вниманию публикации.

4. Результаты

О В.Е. Недзвецком, работавшем долгие годы на окраине Российской империи, мы имеем скудную информацию, главным образом, энциклопедического характера, которая повествует о следующем: «Недзвецкий Владимир Ефимович (1854–1918 гг.), юрист, общественный деятель. Выпускник юридического факультета Казанского университета (1882 г.) За участие в политическом движении был сослан в Сибирь. В 1882–1884 гг. возглавлял Главное управление Западной Сибири. По предложению генерал-губернатора Г. Колпаковского в 1884 г. приезжает в г. Верный (Алматы), где прожил более 30 лет. Первоначально занимал должности начальника судебного отделения Семиреченского областного правления, мирового судьи Верненского уезда. В 1879 году в образованном статистическом комитете Семиреченской области, членом-секретарем которого он был, провел первую городскую перепись. К началу XX века В.Е. Недзвецкий зарекомендовал себя признанным краеведом, одним из создателей Семиреченского областного музея, его заведующий с 1901 г. по 1917 г.» (Ауэзов, Кунаева, 2009: 287–288; Казахстан, 2006: 128). В ряде публикаций упоминается имя Недзвецкого не как Владимир, а как Владислав и годы жизни определяются рамками с 1955, 1956 по 1928 гг. Информация о В.Е. Недзвецком, отраженная на страницах сборника архивных документов «И вздрогнула земля... Из истории землетрясений в Семиречье 1885–1912 гг.» (Самигулин, Жанаев, 2011: 644–645), взята из текста его формулярного (послужного) списка за 1892 г., хранящегося в Центральном государственном архиве Республики Казахстан (далее ЦГА РК) (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 2. Д. 519. Л. 1–28). Необходимо отметить, что, помимо данного списка, в фондах архива отложились и его послужные списки за 1893 г. (ЦГА РК. Ф. 75. Оп. 3. Д. 2. Л. 1–17). Один его формулярный список, составленный на 8 листах 6 сентября 1903 г., хранится в фонде ЦГМ РК (инвентарный номер: КП 18930) и, как упомянутые списки ЦГА РК, расходится в ряде случаев с данными, приведенными в энциклопедических изданиях. Дата и год рождения во всех послужных списках определены одни и те же – 29 мая 1856 г., в них Недзвецкий именуется Владиславом. После окончания курса в Императорском Казанском университете, отмечается далее в списках, В.Е. Недзвецкий приказом генерал-губернатора Западной Сибири был определен на службу с причислением к Главному управлению Западной Сибири без содержания. Затем приказом по Степному генерал-губернаторству от 16 августа 1882 г. был зачислен в штат канцелярии упомянутого ведомства. После этого, 20 августа 1882 г., был назначен столоначальником канцелярии Степного генерал-губернаторства. Примечательно, что «столоначальниками» с 1811 по 1917 гг. являлись должностные лица, возглавлявшие так называемый стол – низшую структурную часть центральных и местных государственных учреждений, обычно они были чиновниками VII класса по «Табели о рангах» Российской империи и соответствовали чину надворного советника. Хотя чин коллежского секретаря (X класс) В.Е. Недзвецкий получил лишь 27 мая 1883 г., а чин надворного советника – только 16 марта 1892 г. Однако в любом случае, исходя из данной информации, он не возглавлял Главное управление Западной Сибири с 1882 по 1884 гг., как указано в упомянутых энциклопедических изданиях. Кроме того, по распоряжению степного генерал-губернатора с 23 августа по 18 октября 1883 г. В.Е. Недзвецкий был направлен на помощь действительному статскому советнику Павлову-Сильванскому в его работе по ревизии Лепсинского, Копальского, Верненского уездных управлений Семиреченской области, исходя из чего не мог быть приглашен Г. Колпаковским в Верный в 1884 г. Что касается вопроса служебной деятельности В.Е. Недзвецкого в судебных ведомствах, список упоминает, что с 18 мая 1884 г. он был направлен в Семиреченское областное правление для рассмотрения судебных дел в качестве временного члена. Затем с 28 августа 1884 г. был назначен исправляющим должность начальника судебного отделения Семиреченского областного правления (а не начальником судебного отделения), после приказом военного губернатора Семиреченской области от 25 ноября 1889 г. был командирован для ревизии

делопроизводства Токмакского уездного судьи. Он действительно занимал должность мирового судьи Верненского уезда с 14 сентября 1893 г. на основании Положения о судебном устройстве в областях Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской приказом по ведомству Министерства юстиции за № 43 (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 2. Д. 519. Л. 28). По определению Семиреченского областного суда, дважды, с 28 декабря 1893 г. по 25 января 1894 г. и с 24 июня по 2 августа 1894 г., командировался для заведования мировой городской камерой по случаю болезни мирового судьи города Верного (ЦГА РК. Ф. 75. Оп. 3. Д. 2. Л. 16). Согласно собственному прошению, 12 октября 1896 г. В.Е. Недзвецкий был уволен с государственной службы, но 5 июня 1899 года был восстановлен в ней в должности канцелярского чиновника Семиреченского областного правления. Ввиду присоединения Семиреченской области к Туркестанскому краю 1 июля 1899 г. был переведен из ведения Министерства внутренних дел в Военное ведомство. С 13 марта 1901 г. он был утвержден в должности члена и делопроизводителя комиссии по выяснению положения садовых культур и связанных с ними отраслей сельского хозяйства и промышленности в Семиреченской области. К слову сказать, В.Е. Недзвецкий и в дальнейшем был весьма популярен по части знания садовых культур края, забегая вперед отметим, что в 1912 г. он по просьбе Департамента земледелия был утвержден в должности члена наблюдательного комитета Верненской школы садоводства 1-го разряда среди прочих агрономов-профессионалов (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3931. Л. 6). 28 апреля 1901 г. В.Е. Недзвецкий был назначен делопроизводителем комиссии для пересмотра Степного положения (1891 г.) в отношении Семиреченской области ввиду присоединения ее к Туркестанскому генерал-губернаторству. С мая 1901 г. по февраль 1902 г. исполнял должность секретаря Семиреченского областного тюремного комитета, параллельно с начала декабря 1901 г. заведовал казенным складом сельхозорудий и семян города Верного. Приказом военного губернатора Семиреченской области 15 декабря 1901 г. за № 494 был назначен секретарем Семиреченского областного статистического комитета.

Фотодокументальный материал Центрального государственного музея, касающийся личности В.Е. Недзвецкого, насчитывает 26 единиц хранения, среди которых выделяются фотографические материалы. На одном из фотоснимков (КП 15595/2) мы можем увидеть В.Е. Недзвецкого в окружении семьи. Снимок представляет собой черно-белый позитив на глянцево-бумаге, где изображен групповой павильонный портрет с изображением фигур в фас в полный рост. На нем В.Е. Недзвецкий сидит справа, в парадном мундире штаб-офицерского ранга, с погонями надворного советника. На левой стороне его мундира имеется знак об окончании не медицинских факультетов Императорских Российских университетов, ближе к груди на ленте – орден Святого Станислава 2-й степени, на правой стороне мундира – медаль «В память царствования в Бозе почивающего императора Александра III» на ленте ордена Св. Александра Невского. Рядом с ним, слева, сидит его супруга А.А. Недзвецкая, позади стоят их сыновья – Борис (справа) и Аркадий (слева), в мундирах гимназистов, на пряжках ремней которых высечены буквы «ВГ», что означает – учащиеся Верненской мужской гимназии. Позитив подклеен на картонный фирменный бланк фотоателье, в нижней части которого имеется рельефная надпись «Cabinet Portrait» и гербовое изображение посередине, вместе они обрамлены линиями в виде растительных орнаментов. На оборотной стороне имеется овальная фирменная печать «Фотография К. Махницкого в г. Верном, по проспекту Генерала Колпаковского против Губернаторского дома». Махницкий Казимир Иванович, согласно справочнику по российским фотографам, изданному А.П. Поповым, владел фотостудиями в Симбирской губернии в городе Сызрань и в городе Верном (Попов, 2013: 805). Рассматриваемая фотография не имеет аннотации на предмет даты выпуска. Однако, сравнивая ее с тем же послужным списком В.Е. Недзвецкого за 1903 г., можно выделить приблизительные хронологические рамки снимка. Из приведенной выше информации известно, что чин надворного советника В.Е. Недзвецкий получил в 1892 г., а серебряная медаль «В память царствования в Бозе почивающего императора Александра III» была ему пожалована 26 февраля 1896 г., исходя из этого, фотоснимок был сделан после 1896 г. Учитывая информацию, представленную в формулярном списке о семейном положении В.Е. Недзвецкого, где среди прочего отмечено, что он имеет двух сыновей: Бориса, родившегося 18 февраля 1887 г. и Аркадия – 1892 года рождения, имея возможность по фотографии определить приблизительный их возраст (Борису 17–18 лет от роду, Аркадию – 12–13 лет), возможно предположить, что снимок был сделан в промежутке между 1904–1905 годами, что согласуется с временем обучения его старшего сына, поскольку гимназии в тот период оканчивали в 19–20 лет.

Рис. 1. В.Е. Недзвецкий с супругой и сыновьями

Еще одна неаннотированная фотография (КП 15595/4) из фондов ЦГМ РК, изображающая В.Е. Недзвецкого верхом на коне в профиль, представляет собой черно-белое пейзажное фотоизображение на глянцевой бумаге. На перспективном снимке фигуры лошади и наездника представлены средним планом на фоне пейзажа протекающей реки в одном из ущелий предгорья Заилийского Алатау, на заднем плане присутствует палаточный лагерь с людскими фигурами. В.Е. Недзвецкий изображен на фото в походном мундире с погонями титулярного советника (IX классный чин по «Табели о рангах» Российской империи). Вновь сравнивая данный фотоснимок с информацией, представленной в послужных списках, можно определить приблизительные годы его выпуска. В чин титулярного советника В.Е. Недзвецкий был произведен 16 апреля 1885 г., последующий по старшинству чин – коллежского асессора (IX классный чин по «Табели о рангах» Российской империи) – ему был присвоен 4 июля 1888 г. (ЦГА РК. Ф. 75. Оп. 3. Д. 2. Л. 4), в одном из списков фигурирует другая дата – 7 июля 1887 г. (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 2. Д. 519. Л. 17). Таким образом, фотоснимок был сделан в промежутке между 1885–1888 годами, соответственно.

Рис. 2. В.Е. Недзвецкий в предгорьях Заилийского Алатау

Самый поздний из доступных нам формулярных списков В.Е. Недзвецкого заканчивается декабрем 1901 года, когда он был назначен секретарем Семиреченского областного статистического комитета. Далее, судя по данным из архивных документов, информация, отраженная в энциклопедических и иных изданиях, подтверждается. Став секретарем, он с энтузиазмом берется за дальнейшую организацию музея при статистическом комитете, начатую до него в 1897 году председателем статистического комитета Г. Ивановым и его помощником статским советником Н. Пантусовым. Губернские статистические комитеты, в нашем случае статистический комитет Семиреченской области, повсеместно создавались в городах Российской империи с 1834 г. «Являясь в ряде случаев единственными центрами изучения губерний, статистические комитеты привлекали к своей деятельности местную интеллигенцию. Сюда доставлялись сведения, коллекции и отдельные предметы, характеризующие природу, народное хозяйство и историю края. На основе этих

материалов, носивших зачастую случайный, отрывочный характер, и создавались музеи» (Равикович, 1960: 152). Уже в январе 1902 г. В.Е. Недзвецкий, именуя себя «секретарем областного статистического комитета и хранителем областного музея» (печатный бланк с подобными регалиями, к примеру, встречается в листах архивных дел за 1907 г. (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 3. Л. 5), обращается с письмом в правление Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей с просьбой о бесплатной высылке программ для наблюдений и собраний коллекций по геологии, почвоведению, жалуясь на недостаток средств для музея (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1. Л. 180). В письме к некоему Николаю Антоновичу Дьяченко В.Е. Недзвецкий, жалуясь на отсутствие лаборатории в музее, просит о налаживании прочных отношений с петербургскими научными лабораториями (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1. Л. 182), отмечая, что при наличии его любимой специальности – ботаники – он приступает к собиранию энтомологических и орнитологических коллекций, здесь же указывая на тот факт, что «препарирует он не дурно, но набивка чучел ему не удается» (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1. Л. 182). Хранитель музея также печется о покупке необходимого для него оборудования (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 3. Л. 5). Острая нехватка денежных средств для организации музея заставляет секретаря статистического комитета обратиться в Верненскую городскую управу с письмом, в котором он пишет о том, что в период учреждения областного музея и научной библиотеки программа их устройства была напечатана в «Областных ведомостях» и разослана в разные учреждения заинтересованным лицам, в результате чего в музей поступило большое количество различных предметов, что требовало организации отдельного помещения для него. В 1899 г., далее отмечает автор, на устройство музея со стороны Верненского общественного управления было ассигновано 200 рублей, в 1900 г. – 100 рублей, с 1901 г. пособия со стороны города прекратились. В этой связи В.Е. Недзвецкий обращается с просьбой о внесении расходов по устройству музея в смету городской думы, отмечая, что хлопоты по обработке уже имеющихся музейных коллекций приняли на себя профессора Томского университета, Киевского политехнического института и члены Императорской академии наук во главе с его почетным членом П.П. Семеновым-Тянь-Шанским (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-2). Получив отказ от Верненской городской управы, В.Е. Недзвецкий обращается с просьбами об ассигновании необходимых средств для музея в городские общины Пржевальска, Пишпека, Джаркента, Копальска, Лепсинска, на что получает переводы от них в размере 50 рублей (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 2. Л. 6-9, 12-31). Ассигнации от указанных городских общин продолжают входить вплоть до 1908 г. (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 2. Л. 32-38).

Фонды Семиреченского областного музея пополняются в 1902 г., после проведения в городе Верном первой сельскохозяйственной выставки. Об этом свидетельствуют личные просьбы В.Е. Недзвецкого о пожертвовании экспонатов (посуда киргизской (казахской) работы, таранчинские игральные инструменты и т.д.), бывших на выставке от Верненского уезда (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 48462. Л. 23). Хранитель областного музея и сам принимал непосредственное участие в организации упомянутой выставки. В одном из рапортов на имя военного губернатора Семиреченской области и председателя организационного комитета он просит разрешить принять участие на первой областной выставке от имени статистического комитета путем демонстрации коллекций садовых инструментов и проведении «конкурса плугов», где среди прочего «показаны будут киргизский, таранчинский и практикуемый крестьянами и казаками способы обработки почвы» (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 180. Л. 54). Вскоре на данный запрос поступил положительный ответ за подписью военного губернатора области (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 180. Л. 55).

Благодаря многолетним усилиям В.Е. Недзвецкого залы Семиреченского областного музея все-таки были открыты для посетителей в 1906 году: «в двух комнатах арендованного частного дома на углу улиц Капальской и Балхашской (в городе Верном) размещалась библиотека, а три были отведены под экспозиции музея, состоявшие из предметов древности, найденных при археологических раскопках, чучел птиц, зверей и коллекций местных насекомых и флоры. Предметом гордости музея была коллекция из 350 старинных монет, древние сосуды и украшения, найденные в курганах. В музее была и этнографическая коллекция, представляющая быт казахов, дунган, уйгуров и других народов, населяющих (Семиреченскую) область» (Лухтанов, 2009: 122). К концу первого десятилетия XX века денежные ассигнования на содержание музея со стороны городских властей продолжают поступать, так за наем квартиры, где располагаются музей и библиотека, было израсходовано в 1909 и 1910 гг. – 350 рублей, в 1911 г. – 375 рублей (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 7. Л. 7). Однако музейные расходы по другим статьям не поступают в счет статистического комитета, о чем говорит сам его секретарь в докладе членам комитета в январе 1913 г.: «в нынешнем году, по сравнению с предыдущим, задача значительно сложнее, так как источники дохода остаются те же, а расходы должны увеличиться» (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 6. Л. 47). В этом же докладе В.Е. Недзвецкий озвучивает основную задачу в работе Семиреченского статистического комитета по участию в устройстве осенью 1913 года в Верном сельскохозяйственной и промышленной выставки, организуемой в честь 300-летия царствования дома Романовых. В преддверии этого значительного события в жизни провинциального города власти в конце 1912 г. выделяют под областной статистический комитет и музей при нем отдельное здание в «бывшем доме Щербаковой, против парка» (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 8. Л. 11). Ввиду этого секретарь комитета в упомянутом уже докладе

озвучивает предполагаемые затраты на ремонт здания, облагораживание прилегающей к нему территории, дезинфекцию музейных коллекций, строительство экспозиции по отделу археологии (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 6. Л. 49). Касательно постройки экспозиционного раздела естественной истории хранитель музея предлагает стены позади стеклянной галереи закрыть панорамами горных видов Заилийского Алатау, однако, как он отмечает далее, болезнь члена комитета Н.Г. Хлудова «лишила возможности выяснить, во сколько может обойтись эта панорама, приглашенный А.П. Зенковым живописец за квадратный аршин (полотна) запросил 5 рублей», что по меркам тогдашних цен было довольно дорого. В результате стены предлагалось закрыть «хотя бы фотографическими снимками» работы фотографа П.Л. Лейбина (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 6. Л. 50). Примечательно упоминание в рассматриваемых архивных материалах имени художника Н.Г. Хлудова, возможно, с ним у В.Е. Недзвецкого сложились достаточно дружественные отношения, поскольку фотодокументальный комплекс В.Е. Недзвецкого, хранящийся ныне в фондах ЦГМ РК, был передан в 1978 году правнуком Н.Г. Хлудова – Н. Драгошем (Акт № 159 от 27 ноября 1978 г.), в числе переданных музеем материалов выделяется также портрет супруги В.Е. Недзвецкого (КП 15595/21), написанный рукой Николая Гавриловича. Накануне организации сельскохозяйственной и промышленной выставки на Семиреченский областной музей возлагалась задача по устройству ее «Горного отдела», ввиду чего В.Е. Недзвецкий был назначен председателем данного отдела (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 8. Л. 21), кроме того, в процессе подготовки выставки был открыт и «научный» ее отдел, председателем которого также стал Владимир Ефимович. Стоит отметить, что среди его помощников (так называемых «товарищей председателя») по отделу фигурировала личность ученого-лесоведа, председателя Семиреченского сельскохозяйственного общества Э.О. Баума (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 8. Л. 40). Протокол совещания членов «научного подотдела» областного комитета по устройству выставки еще в декабре 1912 г. определял в состав «Научного отдела» внести экспонаты, отражающие естественнонаучные богатства края, археологические и этнографические коллекции, вещи, которые нельзя разместить по специальным отделам, предлагалось включить в состав «смешанного» подотдела (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 8. Л. 45). Участники совещания подтверждали и тот факт, что здание областного музея непригодно для организации «Научного отдела» выставки, так как «собственные коллекции займут все комнаты и террасу (возле) здания» (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 8. Л. 50). Кроме председательства в упомянутых разделах выставки, В.Е. Недзвецкий был приглашен к руководству «Научным подотделом» и X секции «Горное дело» 2-го сельскохозяйственного съезда, параллельно проводимого с выставкой в городе Верном (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 8. Л. 8, 34). Помимо того, секретарь Семиреченского статистического комитета был озабочен и отправкой экспонатов на выставку по киргизскому (казахскому) быту Ниже-Каратавского и Копальского уездов (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 8. Л. 14-16).

Участие статистического комитета и областного музея в организации выставки 1913 г. в городе Верном отражает и хлопоты секретаря комитета и хранителя музея по охране памятников археологии. Упомянув о вознаграждении за обнаружение медных (бронзовых) котлов казаку станицы Больше-Алматинской А. Бендюкову, В.Е. Недзвецкий в докладе военному губернатору Семиреченской области ставит вопрос об охране курганов, упоминая, что в 1909 г. статистический комитет обращался в Императорскую археологическую комиссию с просьбой о предоставлении членам комитета права на производство раскопок в Верненском регионе, на что комиссия тогда не представила должного ответа. Ответ поступил лишь от академика, востоковеда В.В. Бартольда, который известил: «Наше ходатайство отложено до издания нового (соответствующего) закона». Найденные же казаком древние котлы были приняты на хранение в Семиреченский музей, а их фотоснимки В.Е. Недзвецкий намеревался отправить тому же академику В.В. Бартольду для атрибуции (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 6. Л. 18-19). Безусловно, помимо археологических артефактов, по итогам сельскохозяйственной и промышленной выставки 1913 г. музей Семиреченской области обогатился и другими предметными материалами, побывавшими ранее в экспозиционных павильонах, о чем свидетельствует переписка В.Е. Недзвецкого с учреждениями и частными лицами о пополнении фондовых коллекций музея (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 9. Л. 1-21). Более того, видимо, успешное проведение Верненской выставки сподвигло военного губернатора и Семиреченское областное правление всерьез задуматься о финансировании «музея местного края», исходя из чего 15 ноября 1913 г. была утверждена смета Семиреченского областного комитета по содержанию музея и библиотеки из запасной суммы сметы областных денежных земских повинностей на общую сумму в 1021 руб. 67 коп., денежные ассигнования в размере 1000 руб. предполагалось выдавать статистическому комитету до 1915 г. (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 6. Л. 169-170). В этом успехе прослеживается и упорство секретаря областного статистического комитета, его просьбы в адрес военного губернатора о ходатайстве перед главным начальником Семиреченского края о расходах по содержанию музея, обсуждению требуемой сметы расходов по комитету еще весной 1912 года (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 6. Л. 104). В 1912 г. В.Е. Недзвецкий просит «Его Превосходительство» – председателя Семиреченского статистического комитета – поддержать перед общим собранием ходатайство об избрании из 3–4 членов комитета особый, «так сказать», «Музейный комитет»,

который бы докладывал о ходе и «постепенности» работ по обустройству музея (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 6. Л. 107-108).

В связи с началом Первой мировой войны и участием в ней Российской империи в 1914 году денежные ассигнации для Семиреченского статистического комитета, видимо, резко сокращаются, о чем повествует докладная записка секретаря комитета, в которой отмечено, что на 1914 г. была утверждена сумма в 3191 руб. 17 коп. для расходов по деятельности статистического комитета, из которых 1191 руб. предполагалось расходовать на музейные нужды. Ввиду не зачисления означенных сумм «предположения, что сумму эту можно собрать путем устройства публичных увеселений, сбора пожертвований, не оправдались», резюмирует в своей записке В.Е. Недзвецкий (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 10. Л. 1). Несмотря на финансовые трудности, Семиреченский статистический комитет строит планы по расширению музея и устройству отдельного сельскохозяйственного музея в 1915 г. путем постройки помещения на усадебном участке, принадлежащем областному музею (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 10. Л. 6). Этим начинаниям не суждено было сбыться. В 1915 г. от военного губернатора было получено 50 рублей в январе только на отопление принадлежащего статистическому комитету здания, 100 рублей в марте на хозяйственные расходы и музей, а в апреле – всего 50 рублей. В.Е. Недзвецкий, как и в 1902 г., вновь был вынужден обратиться в городские общества городов Семиреченской области, из которых Пржевальск ассигновал 50 рублей на нужды музея (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 10. Л. 14, 16, 18, 20). В конце 1915 г. секретарь Семиреченского статистического комитета с грустью сообщал, что «ассигнование кредитов на 1916 г., по всей вероятности, также запоздает», исходя из чего просил разрешение в штатных суммах 1915 г. освободить остаток расходов на заготовку отопления, «сократив на этот предмет расходы (будущего года)» (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 10. Л. 29). В начале 1917 г. финансовое положение как статистического комитета, так и музея при нем стало совершенно плачевным, о чем свидетельствует письмо В.Е. Недзвецкого чиновнику по счетной части Семиреченского областного правления, в котором он просит «отрезать купоны от хранящихся в Верненском казначействе, в депозитах господина Военного губернатора процентных бумаг, составляющих завещанный комитету капитал имени его члена Н. Пантусова, и разменять эти купоны на деньги» (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 11. Л. 5).

В ряде публикаций, посвященных биографии В.Е. Недзвецкого, отмечается его уход с должности хранителя Семиреченского областного музея в 1918 г. по причине старости (Лухтанов, 2009: 122). Такому утверждению в некоторой степени противоречит его доклад на имя народного комиссара Семиреченской области от 4 апреля 1918 г. № 182, где он, характеризуя кратко историю музея и библиотеки, вспоминает: «Первое время библиотека и музей помещались в наемных зданиях, что вредно отзывалось на их существовании. В 1913 г. получило разрешение ходатайство статистического комитета о приобретении для музея постоянного здания. К сожалению, при решении устроить музей и библиотеку общее собрание (комитета) не коснулось вопроса по работе штата заведования им, последнее возложено было на секретаря, который, занятый письменными работами по комитету, не имел достаточно времени уделить внимание библиотеке и музею» (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 14. Л. 1). В этой докладной записке на трех листах В.Е. Недзвецкий выдвигает свои предложения по дальнейшему налаживанию работы Семиреченского статистического комитета, библиотеки и музея при нем.

К фотоматериалам из фондов ЦГМ РК, на которых изображен В.Е. Недзвецкий после 1910 года, возможно отнести две фотографии. На одной из них он представлен среди сослуживцев (КП 15595/3). Фотоснимок черно-белого цвета, представлен групповым портретом на глянцевой бумаге, где изображена группа людей в полный рост на фоне степного пейзажа позади. Группа лиц стоит перед четырехколесной запряженной телегой, на переднем плане слева присутствует фигура собаки. На снимке В.Е. Недзвецкий стоит в 1-м ряду 1-й слева, в походном мундире штаб-офицерского ранга с погонями надворного советника, на левой стороне его мундира имеется знак об окончании не медицинских факультетов Императорских Российских университетов. Его супруга Антонина Антоновна располагается в первом ряду (3-я слева) среди фигур женщин справа от нее. Мужчины на фотоснимке в фуражках с арматурой (металлической эмблемой) ведомства народного просвещения. Мужчины (справа 2-й и 3-й) в шинелях с петлицами служащих, не имеющих гражданского чина. Фотография, по всей видимости, сделана в момент, когда группа служащих, возможно работников и членов Семиреченского статистического комитета, находилась на отдыхе.

Вторая фотография (КП 15595/1) сделана гораздо позже вышеописанной, поскольку на ней Владимир Ефимович стоит в вицмундире с погонями коллежского советника (VI классный чин по «Табели о рангах» Российской империи).

Рис. 3. В.Е. Недзвецкий с супругой

Не имея в своем распоряжении послужных списков позднее 1903 г., мы не в состоянии точно определить, когда В.Е. Недзвецкому был присвоен чин, приравниваемый в тот период к воинскому званию «полковник». Однако из официальных писем фонда Центрального государственного архива Казахстана возможно наметить приблизительные годы выхода рассматриваемого фотоизображения. В одном из писем за сентябрь 1910 г. чиновник по счетной и экзекуторской частям Семиреченского областного правления обращается к секретарю Семиреченского статистического комитета не иначе, как «надворный советник» (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 3. Л. 12). В самом начале 1913 г. Семиреченское областное правление также направляет свое письмо на имя «надворного советника, секретаря статистического комитета» (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 7. Л. 99). Таким образом, встречая упоминания данного чина в архивных документах возможно предположить, что фотографический снимок был сделан в промежутке между 1913-м и 1918-м годом, годом, когда В.Е. Недзвецкий скончался. Хотя ряд публикаций, как уже отмечалось выше, определяет момент его смерти десятью годами позже (Лухтанов, 2009: 126; Самигулин, Жанаев, 2011: 644). В находящемся на хранении в Центральном государственном музее «Некрологе» от 22 декабря 1918 г. (КП 15595/15) говорится о том, что «19-го (6) декабря 1918 года скончался в г. Верном, на 65 году жизни, старожил Семиречья – Владимир Ефимович Недзвецкий». В данном документе упоминается, что в последние годы он работал «помощником Заведывающего Статистическим подотделом Отдела Земледелия при Облисполкоме, где и продолжал до самой кончины работать на пользу народа в деле подготовки Земельной реформы». Примечателен упоминаемый возраст покойного – 65 лет, исходя из чего следует, что рожден он был в 1853 году, что противоречит информации, представленной в охарактеризованных выше формулярных (послужных) списках.

Резюмируя анализ профессиональной деятельности в биографии В.Е. Недзвецкого, учитывая его вклад в организацию музея Семиреченской области, исходя из вышеперечисленных фактов, возможно процитировать слова научного сотрудника Среднеазиатского государственного университета В.С.Титова, озвученные им в 1929 году в краткой справке «Памяти В.Е. Недзвецкого» (КП 15595/16): «Создание Музея представляет такую заслугу перед наукой, которой одной достаточно для того, чтобы отметить Недзвецкого как одного из выдающихся работников на поприще изучения местного края». Перспективы развития музея, фонды которого в последующем войдут в состав Центрального государственного музея Казахстана, Владимир Ефимович отмечал еще в 1913 году: «Рассчитывать на пособие со стороны правительства, пока музей, так сказать, себя не зарекомендовал, невозможно. Правительство охотно субсидирует подобные учреждения, каковы областные и губернские музеи, только после того, когда убедится, что местные общества сами готовы понести (для них) значительные затраты» (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 6. Л. 109).

5. Заключение

Исследование фотографического материала Центрального государственного музея Республики Казахстан, составляющего личный фонд В.Е. Недзвецкого, таким образом, дает возможность иначе взглянуть на значение этого своеобразного типа исторических источников. Вкупе с документальными, письменными источниками он дает возможность не только образно представить себе конкретное лицо эпохи, в виде обмундирования и регалий одного из чиновников степных окраин Российской империи конца XIX – начала XX вв., но и позволяет раскрыть ряд важных моментов в биографическом перечне его жизненного пути. Понятно, что сами по себе фотоиллюстрации при наличии должной аннотации позволяют различить ряд важных исторических фактов в судьбе той или иной личности. Отсутствие же аннотированной информации может осложнить процесс интерпретации фотоисточника по отношению к его биографическому содержанию, то есть недостаток или полное отсутствие аннотации к фотоснимку восполняется данными, имеющимися в архивных и

документальных материалах. В нашем случае отсутствие даты производства (выхода) отдельных фотоснимков из личного комплекса В.Е. Недзвецкого компенсируются за счет косвенных данных, представленных в архивных и документальных источниках, соответствующих иллюстративной информации, имеющейся на фотографии. С другой стороны, сам фотоисточник, заключая в себе образное отражение тех или иных вещественных материалов и предметов, дает отсыл к поиску не освещенных на страницах документальных источников фактов из жизни конкретного человека. Так, наличие погон «коллежского советника» на мундире В.Е. Недзвецкого невольно заставляет нас искать следы неизвестных сторон его биографии. Возможно, дальнейшие изыскания в этом направлении дадут свои результаты в виде новых фотодокументальных материалов, отражающих этапы жизни одного из общественных деятелей и ревнителей истории Семиреченского края начала позапрошлого столетия, в честь которого были названы один из сортов яблоки и цветок, произрастающий на склоне Чу-Илийских гор.

Фотодокументальный комплекс В.Е. Недзвецкого, включающий фотографии его супруги и детей в разные годы, текстовые источники из фондов ЦГМ РК, представлен оригинальными материалами, в числе которых особо выделяются фотоснимки. Ряд из них вырезан из групповых снимков и наклеен на картон, другие – хранятся в виде позитивов из числа портретных фото, наклеенных на бумажные паспарту. Особо выделяется одна фотография – это уже охарактеризованный выше позитив, наклеенный на фирменное паспарту одного из фотоателье города Верного. Для оценки музейной значимости фотоисточников определение их авторства является важным критерием (Кучеренко, 2009: 8), тем более, что на фотографии имеется фирменный штамп самого фотомастера. Эта коллекция фотодокументов, как и другие, из фондов ЦГМ РК, требует дальнейшего их всестороннего изучения с целью установления возможно полной атрибуции и ждет своих исследователей как исторического, так и других гуманитарных профилей и смежных наук.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках научно-прикладного проекта «Фотодокументальные источники по истории и культуре Казахстана второй половины XIX – первой четверти XX вв. (по коллекциям отечественных музеев). Научный каталог» по линии финансирования Министерства культуры и спорта Республики Казахстан.

Литература

- Ауэзов, Кунаева, 2009 – Ауэзов Е.К., Кунаева Г.С. Алматы. Энциклопедия. Алматы, 2009. 422 с.
 Главатцкая, 2012 – Главатцкая Е.М. Фотодокументы как исторический источник: опыт атрибуции, критического анализа и научного цитирования // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2.* 2012. № 1(99). С. 217-225.
 Казахстан, 2006 – Казахстан. Национальная энциклопедия. Том 4. Алматы, 2006. 560 с.
 Костенко, 2015 – Костенко А.В. Визуальная история России XIX–XX вв. Владивосток, 2015. 97 с.
 Кучеренко, 2009 – Кучеренко М.Е. Атрибуция фотоисточников в музее: методические рекомендации. М., 2009. 31 с.
 Лухтанов, 2009 – Лухтанов А.Г. Город Верный и Семиреченская область. Алматы, 2009. 220 с.
 Магидов, 1992 – Магидов В.М. Кинофотофонодокументы как исторический источник // *Отечественная история.* 1992. № 5. С. 104-117.
 ОГАОО – Объединенный государственный архив Оренбургской области.
 Попов, 2013 – Попов А.П. Российские фотографии (1839–1930): словарь-справочник. Коломна, 2013. Том 1. 820 с.
 Равикович, 1960 – Равикович Д.А. Музеи местного края во второй половине XIX – начале XX века (1861–1917 гг.) / Очерки истории музейного дела в России. М., 1960. С. 175-224.
 Самигулин, Жанаев, 2011 – Самигулин И.М., Жанаев Б.Т. И вздрогнула земля... Из истории землетрясений в Семиречье 1885–1912 гг. Алматы, 2011. 758 с.
 ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
 ЦДНИ ВКО – Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области.
 Юмашева, 2020 – Юмашева Ю.Ю. Цифровая трансформация аудиовизуальных архивов. Аудиовизуальные архивы онлайн. М., 2020. 600 с.

References

- Auevov, Kunayeva, 2009 – Auevov, Y.K., Kunayeva, G.S. (2009). Almaty. Entsiklopediya. [Almaty. Encyclopedia]. Almaty, 422 p. [in Russian]
 Glavatskaya, 2012 – Glavatskaya, Y.M. (2012). Fotodokumenty kak istoricheskiy istochnik: opyt atributsii, kriticheskogo analiza i nauchnogo tsitirovaniya [Photographic Documents as a Historical Source: Experience of Attribution, Critical Analysis and Scientific Citation]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2.* 1(99): 217-225. [in Russian]
 Kazakhstan, 2006 – Kazakhstan. Natsional'naya entsiklopediya [Kazakhstan. National Encyclopedia]. Almaty, 2006, 560 p. [in Russian]

- [Kostenko, 2015](#) – *Kostenko, A.V.* (2015). Vizual'naya istoriya Rossii XIX – XX vv. [Visual history of Russia XIX – XX centuries]. Vladivostok, 97 p. [in Russian]
- [Kucherenko, 2009](#) – *Kucherenko, M.Y.* (2009). Atributsiya fotoistochnikov v muzeye: metodicheskiye rekomendatsii [Attribution of photo sources in the museum: guidelines]. Moskva, 31 p. [in Russian]
- [Lukhtanov, 2009](#) – *Lukhtanov, A.G.* (2009). Gorod Vernyy i Semirechenskaya oblast' [The city of Verny and the Semirechensk region]. Almaty, 220 p. [in Russian]
- [Magidov, 1992](#) – *Magidov, V.M.* (1992). Kinofotofonodokumenty kak istoricheskiy istochnik [Film and photo documents as a historical source]. *Otechestvennaya istoriya*. 5: 104-117. [in Russian]
- [OGA00](#) – Ob'yedinenny gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti [United State Archive of the Orenburg Region]. [in Russian]
- [Popov, 2013](#) – *Popov, A.P.* (2013). Rossiyskiye fotografy (1839–1930): slovar'-spravochnik [Russian photographers (1839-1930): a dictionary-reference book]. Kolomna, 820 p. [in Russian]
- [Ravikovich, 1960](#) – *Ravikovich, D.A.* (1960). Muzei mestnogo kraya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka (1861 – 1917 gg.) [Museums of the local region in the second half of the 19th - early 20th century (1861 - 1917)]. Ocherki istorii muzeinogo dela v Rossii. Moskva. Pp. 175-224. [in Russian]
- [Samigulin, Zhanayev, 2011](#) – *Samigulin, I.M., Zhanayev, B.T.* (2011). I vzdrognula zemlya... Iz istorii zemletryaseniy v Semirech'ye 1885-1912 gg. [And the earth shuddered... From the history of earthquakes in Semirechye 1885-1912]. Almaty, 758 p. [in Russian]
- [TSDNI VKO](#) – Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Vostochno-Kazakhstanskoy oblasti [Center for Documentation of the Modern History of the East Kazakhstan Region]. [in Russian]
- [TSGA RK](#) – Tsentral'nyy Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- [Yumasheva, 2020](#) – *Yumasheva, Y.U.* (2020). Tsifrovaya transformatsiya audiovizual'nykh arkhivov. Audiovizual'nyye arkhivy onlayn [Digital transformation of audiovisual archives. Audiovisual archives online]. Moscow, 600 p. [in Russian]

Общественно-культурная роль чиновников Российской империи на территории Казахстана в конце XIX – начале XX вв. (на основе музейных фотодокументальных источников)

Ермек Аманжолович Джасыбаев^{a, *}, Темиртон Галия^a

^a Центральный государственного музея Республики Казахстан, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются биографические эпизоды из послужной жизни чиновника российской империи, оказавшегося на одной из ее окраин в конце XIX – начале XX вв. и связавшего свою судьбу с деятельностью статистического комитета и музея Семиреченской области. Некоторые аспекты профессиональной биографии общественного деятеля города Верного (ныне Алматы) – В.Е. Недзвецкого восстановлены путем привлечения и анализа такого вида исторических источников, как фотодокументы, отложившиеся в фонде Центрального государственного музея Республики Казахстан. Личный фонд секретаря Семиреченского статистического комитета также включает в себя и письменные источники, отражающие его служебную деятельность с 1882 по 1918 годы. С целью уточнения ряда моментов в профессиональной судьбе В.Е. Недзвецкого были привлечены документальные материалы из фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан. Использование данных архивных документов позволило восстановить хронологические и иные пробелы, имеющиеся в фотографических аннотациях. С другой стороны, визуальная информация, заключенная в пространстве фотоснимков, дала возможность скорректировать некоторые противоречия и сомнения, встречающиеся в текстах документальных источников. Предлагаемая публикация, таким образом, описывая неизвестные страницы жизненного пути указанной личности, демонстрирует, каким образом возможно более полно отразить историческую канву на основе использования фотографического материала в совокупности с документальным комплексом исторических источников, что является довольно актуальным в свете реконструкции исторических явлений на основе все более расширяющейся источниковой базы и на фоне все возрастающего числа аудиовизуальных средств.

Ключевые слова: фотографии, документы, источниковедение, музей, архив, коллекция, фонды, культура.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ormik80@mail.ru (Е.А. Джасыбаев), gt_csmrk@mail.ru (Т. Галия)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1909-1917
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1909

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Ethnization of the Late Imperial City: Jewish communities of the Orenburg Province in the second half of the 19th – early 20th centuries

Andrey A. Avdashkin ^{a, *}, Alexander V. Chernykh ^a

^aSouth Ural State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the problem of ethnicization of urban space in the late imperial period of Russian history. On the example of Jewish communities that emerged in the cities of the Orenburg province – Orenburg, Troitsk and Chelyabinsk – the authors show how the ethnicization of the urban space took place, what mechanisms formed objects and locations marked in terms of confessionality, and later ethnicity. Not only “Jews” and “their communities” as such played an important role in this, but also representatives of local authorities, host communities, etc. The basis of the empirical base in the preparation of the presented manuscript was the Address-calendars of the Orenburg province for 1894–1915, as well as archival documents deposited in the funds of the United State Archive of the Chelyabinsk Region (OGACHO) and the State Archive of the Orenburg Region (SAOO). These sources used in combination are able to show the processes of emergence and development of the institutions of Jewish communities: prayer houses and synagogues, Jewish cemeteries, charitable societies and brotherhoods, schools, segments of economic and entrepreneurial activity, which in the optics of the host side acquired a pronounced "Jewish" appearance.

Keywords: migration, ethnicity, Orenburg province, Jews, urban space, Russian Empire.

1. Введение

Современный российский город все больше наполняется новыми культурными практиками. В этой связи возрастает потребность в осмыслении исторического опыта существования, воспроизводства и трансформаций этничности в городском пространстве. Исторически этнизация общественных пространств вызвана развитием городской культуры, изменением функций городских ландшафтов и локальностей под воздействием модернизации в позднеимперский период российской истории. Наглядным примером конструирования новой полиэтничной городской культуры стало образование институтов и организаций еврейских общин в Оренбургской губернии в середине XIX – начале XX вв. В подготовленном авторами обзоре рассматривается этнизация публичного пространства дореволюционного города на примере еврейских общин Оренбурга, Челябинска и Троицка.

Словный характер организации дореволюционного общества привел к постепенному образованию объектов, приобретавших конфессиональную, а позднее этническую маркировку. Здесь мы ведем речь о еврейских улицах и кладбищах, молитвенных домах, торговых лавочках и др. По всей империи возникали и активно функционировали еврейские благотворительные организации, школы и т.д. Несмотря на то, что еврейские общины практически исчезли из пространства современного российского города, а им на смену пришли новые мигрантские группы, некоторые следы присутствия еврейских сообществ различимы и по сей день в облике изучаемых городов.

* Corresponding author

E-mail addresses: adrianmaricka@mail.ru (A.A. Avdashkin)

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы составили Адрес-календари Оренбургской губернии за 1894–1915 гг., архивные документы, отложившиеся в фондах Объединенного государственного архива Челябинской области и Государственного архива Оренбургской области. Примененные в комплексе, эти материалы способны показать возникновение и развитие основных объектов, маркированных как «еврейские» в пространстве изучаемых городов.

Адрес-календари, издававшиеся в губерниях Российской империи, представляют собой ценный исторический источник, поскольку аккумулируют в сжатой форме основные сведения о развитии городов (социальный и конфессиональный состав населения, наполнение общественных пространств и др.). Организация материалов, помещенных на страницах Адрес-календарей, позволяет проследить моменты, когда представительство той или иной конфессиональной группы становилось важным фактором в публичном образе региона и (или) его отдельного города.

Кроме того, в работе использованы сведения из следующих архивных фондов Объединенного государственного архива Челябинской области: И-226 («Коллекция документов учреждений религиозных культов»), И-3 («Челябинская городская управа») и И-1 («Челябинская городская дума»). Из хранилищ Государственного архива Оренбургской области (ГАОО) привлечены документы фондов 6 («Канцелярии оренбургского генерал-губернатора») и 21 («Оренбургское губернское жандармское управление»). Стоит отметить, что многие полезные для нашего исследования дела и документы к настоящему времени не сохранились, остальная часть недоступна для исследователя по причине ветхости, существенная доля важных материалов хранится крайне дисперсно и распределена по различным фондам и описям. Все это заметно осложняет сбор эмпирической базы непосредственно в архивах.

Методологической основой представленного обзора послужили подходы в русле исторической урбанистики, трактующие маркировку социального пространства в терминах этничности. Миграции являлись и, надо отметить, остаются по сей день непременным условием существования и развития переселенческих сообществ в Азиатской части России. Крайне важен учет социального контекста этих событий. Дело в том, что эти сообщества складывались как часть общества сословного, во многом еще основанного на традиционалистских началах, но при этом уже вступившего в фазу модернизации. Так, представители самых разных региональных, сословных и конфессиональных групп становились уральцами, сибиряками и т.д. Происходило это не только исключительно добровольно, но и с определенным элементом принуждения со стороны имперских властей. Несмотря на активную политику «конфессионализации» российского общества (см.: [Круз, 2020](#)), с началом эпохи модернизации заметно возрастает значение этнических характеристик в повседневной жизни. Как результат, и потоки миграции воспринимались сквозь иную социальную оптику, уже как дифференцированные по этническому признаку и разнообразные. Этническое многообразие на этапе формирования переселенческих обществ начало рассматриваться современниками как одна из важнейших их характеристик наряду с сословной и конфессиональной принадлежностью ([Дятлов, 2014](#); [Дятлов, 2015: 10](#)).

3. Обсуждение

В исторической литературе востребован более детальный анализ реакций позднеимперского общества на этнизацию общественной жизни в условиях модерна, маркирование в этнических категориях объектов пространства позднеимперского города и др. Понимание той социальной оптики, сквозь которую конструировались образы «других», поможет лучше видеть социальные и политические процессы в Российской империи рубежа XIX–XX вв. ([Восток России..., 2011](#); [Переселенческое общество..., 2013](#)). Однако исследовательские вопросы, связанные с этнизацией социальных пространств и развитием переселенческих обществ на Востоке России, только относительно недавно попали в поле зрения историков и зачастую рассматриваются в литературе применительно к советскому и постсоветскому времени ([Балдано, Кириченко, 2014](#); [Балдано, Кириченко, 2015](#); [Алексеев и др., 2022](#)). Позднеимперские ракурсы этих процессов изучены значительно меньше. Сегодня важно понять, как различные группы мигрантов встраивались в повседневную жизнь локальных сообществ. Наиболее разработана, на наш взгляд, эта тематика пока применительно к проблеме китайской миграции ([Нестерова, 2008](#); [Урбански, 2021](#)).

Одной из заметных страниц в истории уральских городов имперского периода являются возникновение и развитие еврейских общин в результате нескольких волн миграций второй половины XIX – начала XX вв. ([Каган, 1996](#); [Денисов, Моргунов, 2015](#)). Евреи тогда образовали преимущественно урбанизированную группу. В конце XIX в. доля городского еврейского населения в Российской империи превышала 80 % ([Миронов, 2017: 173](#)).

4. Результаты

Присутствие и развитие еврейских общин существенно видоизменяло пространство городов Оренбургской губернии. Участниками этих процессов выступали не только «евреи» как таковые, но и любые «другие». Также активно включались в конструирование этих этнизированных пространств,

категоризацию и содержательное наполнение образа «других» органы местных властей, представители элит и рядовые члены принимающих сообществ. Осознанное или спонтанное применение сторонами механизмов этнизации городского пространства постепенно превратило конфессиональность в этничность. Тем самым социокультурный феномен трансформировался в инструментальный. Этничность в повседневной жизни ключевых агентов городской жизни становилась инструментом формирования пространства городов, трансформации функций тех или иных социальных или архитектурных ландшафтов. В этом смысле этнизация городского пространства привела к тому, что посредством этнических маркеров в социальное пространство городов пришел новый набор практик, смыслов и образов, которые заметно отличали их от привычных сословных и (или) конфессиональных.

В 1868 г. численность евреев в Оренбургской губернии составила 592 человека ([Справочная книжка..., 1870: 11](#)). Первые группы еврейского населения образовывали солдаты-евреи, вышедшие в отставку после длительной службы. В Оренбурге они традиционно расселялись на восточной окраине крепости, в районе артиллерийского арсенала, конюшен и сараев, здания местной инженерной команды и ее кузниц. Со временем этот район застраивался ими жильем после ухода со службы ([Денисов, Моргунов, 2015: 9](#)). Кроме того, современниками все чаще фиксировались различные эпизоды миграции, не связанные напрямую с военной службой. Так, в 1887 г. отмечен «наплыв евреев в Оренбург. Массами приезжают по железной дороге» ([Адрес-календарь..., 1894: 71](#)). Отметим характерную для «миграционного дискурса» того времени формулировку «наплыв», которая переводила понимание географической мобильности в область неконтролируемых и труднопредсказуемых сдвигов, своего рода стихийного бедствия, как об этом писали в отношении, например, китайцев («наплыв»).

В Челябинске, в ту пору уездном городе, евреи строили свои дома преимущественно на ул. Мастерской (сегодня это ул. Пушкина), Никольской (сегодня это ул. Советская), Степной (сегодня это ул. Коммуны) и Исетской (сегодня это ул. Карла Маркса). Впрочем, рост городского населения, в том числе еврейского, в конце XIX – начале XX вв. характерен для всех городов края ([Никонова, Тимофеев, 2022](#)). Однако в силу действия целого ряда сложных административных ограничений и существования черты оседлости евреи жили в основном в съемных комнатах и квартирах, что позволяло им в некотором смысле ускользать из поля зрения местных властей. Так, в 1895 г. из 1 265 жилых строений Челябинска только 12 принадлежали евреям. Из них 8 – отставным солдатам ([Ерусалимчик, 1999: 28](#)). В целом перепись населения 1897 г. зафиксировала в Оренбургской губернии 1 965 иудеев (см. [Таблицу 1](#)). Известно, что по состоянию на 1915 г. в Челябинске проживало 283 еврейских семьи ([Каган, 1996: 49](#)).

Таблица 1. Распределение населения Оренбургской губернии по вероисповеданиям (по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.) ([Первая Всеобщая перепись...](#))

Вероисповедание	Мужчины	Женщины	Оба пола
Православные и единоверцы	572 557	602 315	1 174 872
Старообрядцы и уклоняющиеся от православия	23 670	26 314	49 984
Армяно-григориане	18	1	19
Армяно-католики	2	0	2
Римско-католики	1 762	1 035	2 797
Лютеране	1 603	1 420	3 023
Реформаты	51	40	91
Баптисты	6	10	16
Менониты	878	888	1 766
Англикане	0	1	1
Лица остальных христианских исповеданий	5	3	8
Караимы	11	19	30
Иудеи	1 037	928	1 965
Магометане	192 149	173 394	365 543
Буддисты и ламаиты	7	3	10
Лица остальных нехристианских вероисповеданий	15	3	18
Итого	793 771	806 374	1 600 145

По мере роста численности еврейского населения постепенно возникали и развивались конфессиональные институты. Для проведения богослужений кантонисты устраивали молельни. Известно, что в 1840–1860-е гг. в Оренбурге действовали 3 еврейских молитвенных дома:

«батальонный», «инженерный» и «бухарский». В 1850 г. устроили молельню в Челябинске. В 1870 г. члены «батальонной» общины Оренбурга получили разрешение Строительного отделения Губернского правления на сооружение каменного здания по Канонирскому пер. (ныне пер. Шевченко), куда перенесли богослужения. «Инженерная» община купила и приспособила для религиозных целей деревянный жилой дом на Артиллерийском пер. (ныне ул. Орджоникидзе) (Денисов, Моргунов, 2015: 9).

В 1894 г. купец 2-й гильдии С. Брен завещал еврейской общине Челябинска участок земли для строительства здания синагоги. В декабре 1900 г. вышел указ Оренбургской духовной консистории, разрешающий ее строительство. В марте 1901 г. Челябинская городская дума приняла положительное решение по этому вопросу: «К допущению постройки молельни препятствий не имеется» (ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 629). В 1905 г. каменную синагогу достроили и открыли.

Кроме того, развитие общинной жизни влекло за собой создание и формирование еврейских образовательных учреждений. Так, в оренбургском хедере, возникшем в 1900 г., училось 20 мальчиков, в 1902 г. – 18, в 1904 г. – 65, в 1906 г. – 18 (Адрес-календарь..., 1901; Адрес-календарь..., 1904; Адрес-календарь..., 1906; Адрес-календарь..., 1908). В 1910 г. в городах губернии действовали уже 3 хедера (2 – в Оренбурге и 1 – в Челябинске) (Адрес-календарь..., 1912).

Рис 1. Одна из дореволюционных маццев на еврейском кладбище г. Троицка
Фото из архива автора, 2015 г.

Рис 2. Одна из дореволюционных маццев на еврейском кладбище г. Троицка
Фото из архива автора, 2015 г. На могильной плите изображено ритуальное благословение двумя руками, осуществляемое козном

Появление ритуальных комплексов – еврейских кладбищ – один из признаков продолжительного пребывания общины и ее институционализации в принимающей среде. Сохранившиеся источники позволяют проследить возникновение еврейских кладбищ в рассматриваемых городах губернии. Уникальным памятником для еврейской истории, а также культуры и зодчества является старинное еврейское кладбище, расположенное в Троицке (см. [Рисунок 1](#)). Анализ датировок, указанных на надгробиях, позволяет заключить, что наиболее ранние захоронения относятся к середине XIX в. Если быть точными, то это 1854 г. ([Вишневский, 2017: 192](#)). В общей сложности до установления советской власти на кладбище захоронили свыше 130 представителей местной еврейской общины. Стоит отметить, что изученные надгробия на сегодняшний день представляют собой уникальный источник об умерших в дореволюционный период членах общины. Дело в том, что специальных записей о погребениях не сохранилось, а в метрической книге о евреях г. Троицка раздел «умершие» вовсе отсутствует ([ОГАЧО. И-226. ОП. 22. Д. 45](#)). Сохранились некоторые сведения об организации еврейского кладбища в Челябинске. В региональном архиве нами найден документ от 1863 г., в котором командир 10-го линейного батальона подполковник Быковский ходатайствовал об отведении «на выгонной земле» места под «погребение умерших низших чинов еврейского закона» ([ОГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 5684. Л. 1-4](#)). Указаны сведения о размерах участка. Он составлял 600 кв. саженей. В 1870-е гг. по просьбе верующих власти Оренбурга согласились выделить землю для организации еврейского кладбища площадью в 1 500 кв. саженей ([Денисов, Моргунов, 2015: 11](#)).

В документах за 1838–1840 гг. встречены сведения о занятиях евреев, живших в ту пору в Оренбурге: это ювелиры («бриллианщики и золотых дел мастера»), часовщик, резчик печатей, красильщик, портной, водочный мастер, мясник (скорее всего, речь идет о шойхете) и артель музыкантов. Всего вместе с женщинами и детьми их насчитывалось примерно 60 человек ([ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11381. Л. 6-23](#)).

К концу XIX в. существенная часть еврейского населения в Российской империи занималась торговой деятельностью – это примерно 42 %. Подавляющее большинство приходилось на хозяев, закупающую мелкими торговцев, которые осуществляли коммерческие операции самостоятельно, не обладая возможностью для найма приказчиков ([Фельдман, 2005: 272](#)). Участие евреев в экономической жизни городов губернии оценивалось наблюдателями как значительное. Так, А.М. Нечаева в очерке, написанном после приезда в Челябинск в 1909 г., отмечала, что «большой процент среди местных торговцев составляют евреи и татары» ([Нечаева, 1909: 238](#)). Изучение адрес-календарей способно пролить свет на сферы деятельности видных представителей еврейских общин. В частности, в Оренбурге и Челябинске крупными типографиями владели Б.А. Бреслин и А.Я. Елькин ([Адрес-календарь..., 1905: 99, 105](#)). Из 8 провизоров Оренбурга 5 являлись евреями ([Адрес-календарь..., 1915: 173](#)).

В общей сложности в 1913 г. еврейским купцам и торговцам в Челябинске принадлежали 12 из 13 портновских мастерских, все ювелирные магазины и лавки, 7 из 8 аптек, 2 из 3 часовых магазина и

мастерских, 2 из 3 типографий, 2 из 4 мастерских по ремонту мебели, 4 из 6 шляпных и шапочных мастерских, 8 из 27 лавок и магазинов готового платья ([Ерусалимчик, 1999: 35-36](#)). Все это показывает высокую плотность повседневных контактов жителей с представителями еврейской общины, дает основание предполагать, что многие хозяйственные процессы на локальном уровне интерпретировались акторами, в том числе в терминах этничности.

Постепенно складывалась сеть благотворительных институтов и практик, направленных на социальную поддержку, укрепление через общее дело солидарности внутри сообщества. Вот некоторые факты. Во время неурожая 1879–1880 гг. еврейская община Оренбурга приняла на полное содержание 40 бедных семейств. Нуждающиеся получали специальные талоны, по которым в 2 лавках бесплатно можно было получать продукты питания ([Денисов, Моргунов, 2015: 28](#)). Из сохранившихся документов известно, что осуществлялись попытки сбора пожертвований для создания специализированного библиотечного фонда, посвященного жизни евреев в России и за рубежом. Однако после того как вдохновители этой идеи – молодые и прогрессивно настроенные представители общины, заручившиеся поддержкой раввина – покинули Оренбург, практические шаги в этом направлении прекратились, а собранные средства раздали обратно жертвователям ([ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 226. Л. 1-18](#)).

Распространенной формой выражения благочестия членами общины являлся дар рукописной Торы. Вот характерный пример, приведенный на страницах местной печати. В январе 1899 г. по инициативе сына состоятельного оренбургского купца А.А. Бухгалтера молодые прихожане 2-го молитвенного дома собрали внушительную сумму денег и преподнесли в дар общине Тору, написанную на пергаменте и «дорого оформленную», в том числе золотом. Торжественное освящение и внесение свитка под балдахин в Ковчег Святыни (арон кодеш) совершил новый кантор со старейшинами. После церемонии прихожане собрали сумму в 76 руб., часть из которой предполагалось потратить на возведение ограды вокруг еврейского кладбища города ([Оренбургская газета, 1899b](#)).

Учитывая, что благотворительные еврейские организации могли создаваться по закону только в черте оседлости, в Оренбурге действовала неформальная благотворительная комиссия еврейских молитвенных домов. Еженедельные взносы в размере от 10 коп. до 2 руб. позволяли общине аккумулировать фонд в 200 руб. Иными словами, в месяц общая сумма, собираемая на благотворительные нужды, вполне могла достигать 800 руб. Данный фонд предназначался для оказания адресной финансовой помощи больным, безработным и престарелым, которым выплачивалась пенсия или временные пособия ([Оренбургская газета, 1898](#); [Оренбургская газета, 1899a](#)). После утверждения Николаем II указа «О временных правилах об обществах и союзах» (1906 г.) еврейская община Оренбурга предпринимала попытки создать благотворительное общество. В 1909 г. было дано разрешение на регистрацию «Общества пособия бедным евреям». Кроме того, в Челябинске и Оренбурге действовали еврейские похоронные братства. Одной из их функций являлось погребение за счет общины неимущих евреев. В Челябинске в годы Первой мировой войны при обществе пособия бедным евреям открылись комитет помощи беженцам и «еврейский очаг для детей беженцев» ([Ерусалимчик, 1999: 53-54](#)).

5. Заключение

Проведенный обзор показал, что неотъемлемой чертой облика городов губернии стала и по сей день остаются полиэтничность и многоконфессиональность. Еврейские общины и созданные ими локации играли в этом процессе одну из заметных ролей. В дальнейшей разработке темы необходимо определить:

- 1) насколько городам Урала была присуща этничность как часть городского пространства;
- 2) какой набор функций выполняла этничность в жизни дореволюционного города;
- 3) чем актуализировались ее основные проявления.

Вышеописанные сюжеты, разумеется, не содержат исчерпывающих описаний этнизации. Собственно, задачи текста были несколько иными: описать основные предпосылки, динамику и механизмы этого процесса.

6. Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FENU-2020-0021).

Литература

[Адрес-календарь..., 1894](#) – Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1895 г. Оренбург: Типолит. губернского правления, 1894.

[Адрес-календарь..., 1901](#) – Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1902 год. Оренбург: Губернская типолитогрфия, 1901.

[Адрес-календарь..., 1904](#) – Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1904 год. Оренбург: Губернская типолитогрфия, 1904.

- Адрес-календарь..., 1905** – Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1905 год. Оренбург: Губернская типолитография, 1905.
- Адрес-календарь..., 1906** – Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1906 год. Оренбург: Губернская типолитография, 1906.
- Адрес-календарь..., 1908** – Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1908 г. Оренбург: Губернская типография, 1908.
- Адрес-календарь..., 1912** – Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1912 год. Оренбург: Губернская типография, 1912.
- Адрес-календарь..., 1915** – Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1915 год. Оренбург: Тип. Д.Х. Мазина, 1915.
- Алексеевко и др., 2020** – Алексеевко А.Н., Аубакирова Ж.С., Дятлов В.И. Город в проектах национально-территориального самоуправления: советская автономия в Сибири и суверенный Казахстан // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2022. Т. 15. № 2. С. 204-219.
- Балдано, Кириченко, 2014** – Балдано М.Н., Кириченко С.В. Этнизация городского пространства Верхнеудинска / Улан-удэ: город как инструмент выращивания современной городской нации // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение»*. 2014. Т. 10. С. 50-66.
- Балдано, Кириченко, 2015** – Балдано М.Н., Кириченко С.В. Городское пространство Верхнеудинска / Улан-Удэ: от уездного города к столице республики // *Идеи и идеалы*. 2015. № 2(24). С. 74-93.
- Восток России..., 2011** – Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / Научный редактор В.И. Дятлов. Иркутск, 2011. 624 с.
- Вишневский, 2017** – Вишневский В.В. Захоронения троцкого еврейского некрополя // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2017. № 2. С. 190-205.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Денисов, Моргунов, 2015** – Денисов Д.Н., Моргунов К.А. Евреи в Оренбургском крае: религия и культура. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2015. 126 с.
- Дятлов, Григоричев, 2014** – Дятлов В.И., Григоричев К.В. Сибирь: динамика этнизации городского пространства переселенческого общества // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение»*, vol. 10, 2014, pp. 8-19.
- Дятлов, 2015** – Дятлов В.И. Этнизация общественного пространства: причины и механизмы процесса // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2015. № 5. С. 9-15.
- Ерусалимчик, 1999** – Ерусалимчик Г.И. Разные судьбы – одна судьба (из истории челябинских евреев). Челябинск: Изд-во Татьяны Лурье, 1999. 447 с.
- Каган, 1996** – Каган И.В. Очерк истории евреев Оренбуржья в XIX – начале XX вв. (По документам государственного архива Оренбургской области). Оренбург, 1996.
- Круз, 2020** – Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение. 2020. 408 с.
- Миронов, 2017** – Миронов Б.Н. Кризис еврейской диаспоры в постсоветской России // *Новейшая история России*. 2017. № 1. С. 170-193.
- Нестерова, 2008** – Нестерова Е.И. «Атлантида городского масштаба»: китайские кварталы в дальневосточных городах (конец XIX – начало XX в.) // *Этнографическое обозрение*. 2008. № 4. С. 44-58.
- Нечаева, 1909** – Нечаева А.М. Челябинские впечатления // *Исторический вестник*. 1909. Июль. С. 236-269.
- Никонова, Тимофеев, 2022** – Никонова О.Ю., Тимофеев А.А. Железная дорога и миграция в уездном городе Челябинске в конце XIX – начале XX в. // *Уральский исторический вестник*. 2022. № 1(74). С. 137-146.
- ОГАЧО** – Объединенный государственный архив Челябинской области.
- Оренбургская газета, 1898** – *Оренбургская газета*. 1898. 5 декабря.
- Оренбургская газета, 1899a** – *Оренбургская газета*, 1899. 2 апреля.
- Оренбургская газета, 1899b** – *Оренбургская газета*. 1899. 2 февраля.
- Первая всеобщая перепись...** – Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по вероисповеданиям и регионам. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_rel_97.php?reg=144 (дата обращения: 31.10.2022)
- Переселенческое общество..., 2013** – Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества / Науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: «Отгиск», 2013. 624 с.
- Справочная книжка..., 1870** – Справочная книжка Оренбургской губернии на 1870 г. Оренбург: Губ. типография, 1870.
- Урбански, 2021** – Урбански С. «Китайская чума»: синофобские дискурсы во Владивостоке, Сан-Франциско и Сингапуре в конце XIX – начале XX века // *Регионы Российской империи. Идентичность, репрезентация, (на)значение* / Под. ред. Болутновой, Сандерленда. М.: Новое литературное обозрение. С. 269-294.

Фельдман, 2005 – Фельдман Д.З. Страницы истории евреев России XVIII–XIX вв.: Опыт архивного исследования. М.: Древлехранилище, 2005. 422 с.

References

Adres-kalendar'..., 1894 – Adres-kalendar' i spravocnaja knizhka Orenburgskoj gubernii na 1895 g. [Address-calendar and reference book of the Orenburg province for 1895]. Orenburg: Tipo-lit. gubernskogo pravlenija, 1894. 168 p. [in Russian]

Adres-kalendar'..., 1901 – Adres-kalendar' i pamjatnaja knizhka Orenburgskoj gubernii na 1902 god [Address-calendar and memorial book of the Orenburg province for 1902]. Orenburg: Gubernskaja Tipolitografija, 1901. 83 p. [in Russian]

Adres-kalendar'..., 1904 – Adres-kalendar' i pamjatnaja knizhka Orenburgskoj gubernii na 1904 god [Address-calendar and memorial book of the Orenburg province for 1904]. Orenburg: Gubernskaja Tipolitografija, 1904. [in Russian]

Adres-kalendar'..., 1905 – Adres-kalendar' i pamjatnaja knizhka Orenburgskoj gubernii na 1905 god [Address-calendar and memorial book of the Orenburg province for 1905]. Orenburg: Gubernskaja Tipolitografija, 1905. [in Russian]

Adres-kalendar'..., 1906 – Adres-kalendar' i pamjatnaja knizhka Orenburgskoj gubernii na 1906 god [Address-calendar and memorial book of the Orenburg province for 1906]. Orenburg: Gubernskaja Tipolitografija, 1906. [in Russian]

Adres-kalendar'..., 1908 – Adres-kalendar' i spravocnaja knizhka Orenburgskoj gubernii na 1908 g [Address-calendar and reference book of the Orenburg province for 1908]. Orenburg: Gubernskaja tipografija, 1908. [in Russian]

Adres-kalendar'..., 1912 – Adres-kalendar' i spravocnaja knizhka Orenburgskoj gubernii na 1912 god [Address-calendar and reference book of the Orenburg province for 1912]. Orenburg: Gubernskaja tipografija, 1912. [in Russian]

Adres-kalendar'..., 1915 – Adres-kalendar' i pamjatnaja knizhka Orenburgskoj gubernii na 1915 god [Address-calendar and memorial book of the Orenburg province for 1915]. Orenburg: Tip. D. H. Mazina, 1915. [in Russian]

Alekseenko i dr., 2020 – *Alekseenko, A.N., Aubakirova, Zh.S., Djatlov, V.I.* (2022). Gorod v proektah naciestroitel'stva: sovetskaja avtonomija v Sibiri i suverennyj Kazahstan [City in nation-building projects: Soviet autonomy in Siberia and sovereign Kazakhstan]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki.* 2(15): 204-219. [in Russian]

Baldano, Kirichenko, 2014 – *Baldano, M.N., Kirichenko, S.V.* (2014). Etnizacija gorodskogo prostranstva Verhneudinska. Ulan-udje:gorod kak instrument vyrashhivanija sovremennoj gorodskoj nacii [Ethnization of the urban space of Verkhneudinsk. Ulan-Ude: the city as a tool for growing a modern urban nation]. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Politologija. Religiovedenie.* 10: 50-66. [in Russian]

Baldano, Kirichenko, 2015 – *Baldano, M.N., Kirichenko, S.V.* (2015). Gorodskoe prostranstvo Verhneudinska [Urban space of Verkhneudinsk]. Ulan-Udje: ot uezdno goroda k stolice respubliki. *Idei i idealj.* 2(24): 74-93. [in Russian]

Denisov, Morgunov, 2015 – *Denisov, D.N., Morgunov, K.A.* (2015). Evrei v Orenburgskom krae: religija i kul'tura [Jews in the Orenburg region: religion and culture]. Orenburg. [in Russian]

Djatlov, Grigorichev, 2014 – *Djatlov, V.I., Grigorichev, K.V.* (2014). Sibir': dinamika jetnizacii gorodskogo prostranstva pereselencheskogo obshhestva [Siberia: the dynamics of the ethnicization of the urban space of the resettlement society]. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Politologija. Religiovedenie.* 10: 8-19. [in Russian]

Djatlov, 2015 – *Djatlov, V.I.* (2015). Jetnizacija obshhestvennogo prostranstva: prichiny i mehanizmy processa [Ethnization of public space: causes and mechanisms of the process]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija.* 5: 9-15. [in Russian]

Erusalimchik, 1999 – *Erusalimchik, G.I.* (1999). Raznye sud'by – odna sud'ba (iz istorii Cheljabinskih evreev). [Different fates – one fate (from the history of the Chelyabinsk Jews)]. Cheljabinsk: Izd-vo Tat'jany Lur'e. [in Russian]

Fel'dman, 2005 – *Fel'dman, D.Z.* (2005). Stranicy istorii evreev Rossii XVIII – XIX vv.: Opyt arhivnogo issledovanija [Pages of the history of the jews of Russia in the 18th – 19th Centuries: an experience of archival research]. Moscow.

GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [State Archive of the Orenburg Region].

Kagan, 1996 – *Kagan, I.V.* (1996). Oчерк istorii evreev Orenburzh'ja v XIX-nachale XX vv. (Po dokumentam gosudarstvennogo arhiva Orenburgskoj oblasti). [Essay on the history of the Jews of the Orenburg region in the 19th – early 20th centuries. (According to the documents of the state archive of the Orenburg region)] Orenburg. [in Russian]

Kruz, 2020 – *Kruz, R.* (2020). Za proroka i carja. Islam i imperija v Rossii i Central'noj Azii [For Prophet and King. Islam and Empire in Russia and Central Asia]. Moscow. [in Russian]

- Mironov, 2017 – Mironov, B.N. (2017). Krizis evrejskoj diaspory v postsovetskoj Rossii [The Crisis of the Jewish Diaspora in Post-Soviet Russia]. *Novejšaja istorija Rossii*. 1: 170-193. [in Russian]
- Nesterova, 2008 – Nesterova, E.I. (2008). "Atlantis on a city scale": Chinatowns in the Far Eastern cities (late 19th – early 20th centuries) [«Atlantida gorodskogo masshtaba»: kitajskie kvartaly v dal'nevostochnyh gorodah (konets XIX – nachalo XX v.)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4: 44-58. [in Russian]
- Nechaeva, 1909 – Nechaeva, A.M. (1909). Cheljabinskie vpechatlenija [Chelyabinsk impressions]. *Istoricheskij vestnik*. Ijul'. Pp. 236-269. [in Russian]
- Nikonova, Timofeev, 2022 – Nikonova, O.Ju., Timofeev, A.A. (2022). Zheleznaja doroga i migracija v uezdnom gorode Cheljabinske v konce XIX – nachale XX v. [Railway and migration in the county town of Chelyabinsk in the late 19th – early 20th centuries]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 1(74): 137-146. [in Russian]
- OGACHO – Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoj oblasti [United State Archive of the Chelyabinsk Region].
- Orenburgskaja gazeta, 1898 – *Orenburgskaja gazeta*. 1898. 5 dekabnja. [in Russian]
- Orenburgskaja gazeta, 1899a – *Orenburgskaja gazeta*. 1899. 2 aprelja. [in Russian]
- Orenburgskaja gazeta, 1899b – *Orenburgskaja gazeta*. (1899). 2 fevralja. [in Russian]
- Pereselencheskoe obshhestvo..., 2013 – Pereselencheskoe obshhestvo Aziatskoj Rossii: migracii, prostranstva, soobshhestva [Resettlement Society of Asian Russia: migrations, spaces, communities]. nauchnyi redaktor V.I. Djatlov, K.V. Grigorichev. Irkutsk: «Ottisk», 2013. 624 p.
- Spravochnaja knizhka..., 1870 – Spravochnaja knizhka Orenburgskoj gubernii na 1870 g. [Reference book of the Orenburg province for 1870] Orenburg: Gub. Tipografija, 1870. [in Russian]
- Urbanski, 2021 – Urbanski, S. (2021). "Kitajskaja chuma": sinofobskie diskursy vo Vladivostoke, San-Francisko i Singapure v konce XIX – nachale XX veka. Regiony Rossijskoj imperii. Identichnost', reprezentacija, (na)znachenie ["Chinese Plague": Sinophobic Discourses in Vladivostok, San Francisco and Singapore in the late 19th and early 20th centuries. Published in Regions of the Russian Empire. Identity, representation, (on)meaning]. Pod. red. Bolutnoj, Sanderlenda. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. Pp. 269-294. [in Russian]
- Vishnevskij, 2017 – Vishnevskij, V.V. (2017). Zahoroneniya troickogo evrejskogo nekropolja [Burials of the Trinity Jewish necropolis]. *Magistra Vitae: jelektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii*. 2: 190-205. [in Russian]
- Vostok Rossii..., 2011 – Vostok Rossii: migracii i diaspory v pereselencheskom obshhestve. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov [East of Russia: migrations and diasporas in a resettlement society. Frontiers of the XIX–XX and XX–XXI centuries]. Irkutsk, 2011. [in Russian].

Этнизация позднеимперского города: еврейские общины Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX вв.

Андрей Александрович Авдашкин ^{a, *}, Александр Васильевич Черных ^a

^a Южно-Уральский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме этнизации городского пространства в позднеимперский период российской истории. На примере еврейских общин, возникших в городах Оренбургской губернии – Оренбурге, Троицке и Челябинске, авторами показано, как происходила этнизация городского пространства, какие механизмы формировали объекты и локации, маркированные в терминах конфессиональности, а позднее этничности. Свою важную роль в этом играли не только «евреи» и «их общины» как таковые, но и представители местных властей, принимающие сообщества и т.д. Основу эмпирической базы при подготовке представленной рукописи составили Адрес-календари Оренбургской губернии за 1894–1915 гг., а также архивные документы, отложившиеся в фондах Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО) и Государственного архива Оренбургской области (ГАОО). Примененные в комплексе, данные источники способны показать процессы возникновения и развития институтов еврейских общин: молитвенные дома и синагоги, еврейские кладбища, благотворительные общества и братства, школы, сегменты хозяйственной и предпринимательской деятельности, которые в оптике принимающей стороны приобретали ярко выраженный «еврейский» облик.

Ключевые слова: миграция, этничность, Оренбургская губерния, евреи, городское пространство, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: adrianmaricka@mail.ru (А.А. Авдашкин)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1918-1926
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1918

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Formation of the Imperial Model of the All-Russian National-State Identity at the turn of the 19th – 20th centuries

Viktor V. Titov ^{a,*}

^aState Academic University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Abstract

Within the framework of the present study, the question of the specifics of the process of formation of the imperial model of the all-Russian national-state identity at the turn of the 19th – 20th centuries is revealed. The methodological basis of the work is formed through a combination of elements of comparative and structural analysis. The source base of the work includes office documents of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire and sources of personal origin that were not previously introduced into scientific circulation. On the basis of the conducted research, the author comes to the conclusion that the imperial model of the all-Russian national-state identity at the turn of the XIX–XX centuries formed largely in the inertial regime. The authorities reproduced the traditional system of practices for integrating new macrosocial groups through integration into the system of the imperial military and administrative elite of their establishment. This model demonstrated high efficiency in a traditional, agrarian society. However, the great reforms of Alexander II launched the process of large-scale modernization of Russian society, which resulted in the destruction of the traditional system of identities and the acquisition of subjectivity by new political and social groups. The situation was complicated by the active dissemination of nationalist ideas, including through the emergence of ethnic intelligentsia and the resuscitation of xenophobic stereotypes. At the same time, the authorities failed to form a system of universal primary education in Russian, which made it difficult for the integration of national outlying districts, and in some cases contributed to the stigmatization of the titular nation. The potential of Russian culture as a tool of «soft power» in the framework of building relationships with minorities was also not realized due to the relatively low degree of development of the network of primary and secondary educational institutions. The selective principle of applying universal military service to various peoples minimized the potential of the army as an institution of assimilation. At the same time, many national outskirts were much more closely connected economically and culturally with neighboring countries than with the core of the empire. It is also noted that the authorities considered the imperial identity in a simplified way, through the prism of the ideas of previous eras. It was actually built on the basis of loyalty to the sacralized figure of the monarch, belonging to the official church and a sense of belonging to a bureaucratic, military or class corporation. However, this model was inoperable in the conditions of an actively modernizing society, within which the process of building nations of the modern type began to proceed. Accordingly, the indicated problems of the formation of imperial identity were due to both subjective (rigidity of the establishment's thinking) and objective factors (lack of funds for the simultaneous solution of all modernization tasks in a historically short time frame).

Keywords: imperial identity, national-state identity, model, Russian Empire, nationalism.

1. Введение

Социально-политическая история России на рубеже XIX–XX вв. (т.е. период, непосредственно предшествующий революциям 1917 г. и падению монархии) традиционно пользуется повышенным

* Corresponding author

E-mail addresses: titov-msu@mail.ru (V.V. Titov)

вниманием со стороны исследователей. Эксперты вполне обоснованно рассматривают динамику социальных, политических и экономических процессов в России той эпохи в качестве ключевого источника информации в рамках моделирования ситуации, приведшей в итоге к гибели империи Романовых. Однако внимание исследователей традиционно концентрируется на хозяйственных и социальных изменениях либо внешних факторах, без учета трансформации поля символической политики государства, и в том числе – политики идентичности.

Как известно, состояние идентичности макросоциальных групп напрямую определяет их жизнеспособность, поскольку именно ее устойчивость и структурная специфика определяют степень консолидации общества. Кризисные тенденции в процессе социально-экономического и политического развития России в рассматриваемый период, безусловно, были связаны с крупномасштабными трансформациями общества, являвшимися, в свою очередь, политическими и во многом ментальными производными Великих реформ Александра II, и сопутствующим накоплением противоречий между новой моделью развития и прежде сложившейся системой устройства общества. Однако соответствующие изменения в отношениях между макросоциальными группами протекали постепенно и опосредованно. Между моментом реализации преобразований и трансформацией социально-экономической системы фиксировался значительный временной лаг. Его наличие было вызвано необходимостью, в том числе, трансформации идентичности, изменений в «картине мира» затронутых преобразованиями социальных слоев. Смена модели самоидентификации создавала новые смыслы и ценностные системы, а также по-новому маркировала прочие сообщества, составлявшие окружение соответствующих социальных корпораций.

Следует признать, что без развернутого понимания логики и специфики изменений российской идентичности в рассматриваемый период становится невозможно достоверно и объективно интерпретировать поведение различных слоев, составляющих население империи. Поэтому ключевое значение приобретает изучение имперской модели национально-государственной идентичности россиян данного периода. Имперская модель была призвана интегрировать в единое сообщество представителей всех народов, конфессий и сословий государства, гармонизировав взаимоотношения между ними.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования была сформирована за счет привлечения ранее не введенных в научный оборот делопроизводственных материалов различных подразделений Министерства внутренних дел, отложившихся в фондах Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного исторического архива. Помимо того, при написании исследования автор обращался к источникам личного происхождения (Бок, 1992; Витте, 1960; Гурко, 1897; Деникин, 1990).

Методология работы представляет собой исследовательский комплекс, полученный посредством комбинации структурного и сравнительного анализа. Использование первого метода позволило вычлнить наиболее значимые источники генерации имперской модели идентичности и факторы ее эрозии с учетом специфики их взаимодействия, применение второго – сопоставить вариацию имперской модели в рассматриваемый период с ее более ранними видами.

3. Обсуждение

В рамках дореволюционной историографии заявленная тема исследовалась преимущественно в контексте изучения политических дискуссий и на основе преимущественно опубликованных документов и источников личного происхождения. Также следует отметить, что тема изучалась вне контекста теории социальной идентичности. Для исследователей также была характерна концентрация внимания на развитии имперской модели идентичности в пределах конкретных территориальных и этнических кейсов (Бирюкович, 1883; Бородкин, 1905; Гессен, 1906; Катков, 1897; Корнилов, 1915; Липранди, 1909; Мессарош, 1897; Мехелин, 1908; Морозов, 1895; Спасович, Пильц, 1903; Толстой, Гессен, 1907).

В работах, опубликованных в советский период, был введен в научный оборот широкий пласт фактологического материала за счет изучения делопроизводственных документов. Помимо того, данные исследования носили преимущественно системный характер и описывали ситуацию на общенациональном уровне. И в то же время на содержание данных публикаций существенным образом влияла официальная идеология (Бурмистрова, 1962; Зайончковский, 1970).

В постсоветский период были предприняты попытки ревизии в изучении темы на основе принципа объективизма. Однако соответствующая проблематика исследовалась преимущественно вне контекста теории социальной идентичности. Также на проведение изысканий в равной степени влияли как сложившиеся ранее историографические стереотипы, так и социально-политическая конъюнктура (Боханов, 2006а; Боханов, 2006б; Вортман, 1999; Горизонтов, 1999; Дякин, 1995; Кисляков, 2011; Кудряшев, 2013; Кудряшев, 2018; Левин, 2017; Майорова, 2012; Миллер, 2007; Миронов, 2003; Мюллер, Рябова, Саблина, 2017; Сосновских, 2016).

В целом можно отметить, что степень научной разработанности заявленной темы характеризуют фрагментарность, наличие историографических пробелов и недостаточная степень теоретической фундированности.

4. Результаты

Имперская модель идентичности предполагает конструирование «суперэтнуса», имеющего гетерогенную ценностно-коммуникативную природу. В его рамках сохраняются все развитые системы национального самоопределения, однако в то же время их интегрируют между собой универсальная система коммуникации и декларация лояльности общим ценностям и смыслам. За счет последнего выстраивается многоуровневая национально-государственная идентичность, обладающая рядом специфических черт (Хобсбаум, 2000: 50).

Следует учитывать, что в рамках «стандартной» модели национально-государственной идентичности представления о принадлежности к соответствующей макросоциальной общности, как правило, ограничиваются лишь одним этносом (а в рамках аграрного общества дополняются также декларацией конфессиональной идентичности). Даже условно дружественные народы, проживающие на той же территории, воспринимаются в качестве «значимых чужих». Имперская же модель предполагала принципиально иное позиционирование. Такие факторы, как регулярная совместная повседневная деятельность гетерогенных широких слоев населения, отсутствие формальной и неформальной сегрегации (в том числе – в плане заключения браков) и, в большинстве случаев, лингвистической дискриминации, возможность приобщения к группе через принятие ее «титულიной» религии, широкое вовлечение этнических элит в функционирование военного и административного аппарата, формируют механизм работы «плавильного котла», благодаря которому представители разных национальностей, проживающих в империи, перестают воспринимать прочих ее подданных как полноценных «чужих». Они могут рассматривать друг друга в данном качестве в ситуации конфликта и изоляции, но при появлении третьей, внешней стороны будут выступать уже как носители общей идентичности (Эрикссон, 1996: 53, 72, 75-77).

В данном ракурсе особенно важно и то, что формирование имперских идентичностей Нового времени исторически предшествует возникновению национальных моделей самоидентификации. Традиционная имперская модель восприятия политической картины мира начала формироваться уже в период разложения феодальных отношений, однако органично вобрала в себя многие их элементы. Феодализм предполагал необходимость верности сеньору, а не нации или государству, а также сословный корпоративизм. Данные установки благоприятствовали переходу феодалов на службу к монархам, принадлежавшим к другому этносу или конфессии, благодаря чему условные «инородцы» достаточно быстро и органично вливались в состав военной, а затем и административной аристократии. Благодаря этому этнический истеблишмент – то есть наиболее влиятельная, ресурсно обеспеченная часть конкретного народа, формирующая представления о престижном образе жизни и задающая динамику развития культуры – достаточно быстро ассимилировался (частично или полностью) и начинал вовлекать в этот процесс широкие слои населения. Его драйвером служила система формальных и неформальных льгот, полагававшихся подданным, перенимавшим элементы идентичности титульной нации (наиболее ярким примером в данном случае является смена религиозной принадлежности) (Бок, 1992: 41; Евгеньева, 2012: 29-30).

Однако у традиционной модели распространения имперской идентичности имелись и свои недостатки. Она возникла и функционировала в реалиях аграрного общества, в рамках которого большинство населения вело преимущественно натуральное хозяйство, стабильно проживало в пределах одной локации, в подавляющем большинстве случаев – за пределами городов и иных центров образования и культуры. Среди основной массы населения преобладали локальные, региональные и религиозные модели самоидентификации. Имперская модель идентичности охватывала преимущественно военный и административный аппарат, население крупных городов, дворянство, купечество и иные социальные группы, вовлеченные в обеспечение жизнедеятельности государства и поддержание единства его территории (Баглай, 2016: 799; Евгеньева, 2012: 30).

Такого рода система национально-государственной идентичности могла успешно функционировать лишь до того момента, пока оставалась стабильной ее социально-экономическая база, а внешнее окружение пребывало на том же уровне развития. Однако процессы, запущенные Великими реформами Александра II, поставили под вопрос возможность сохранения имперской идентичности в привычной форме. Проведенные императором преобразования повлекли за собой резкий рост мобильности населения и транспортной доступности крупных городов, увеличение численности городского населения и промышленных рабочих, повышение числа грамотных и распространение единого литературного языка, размывание традиционной сословной системы деления общества. Синергия этих факторов обусловила возникновение благоприятных условий для формирования националистических настроений как среди представителей титульной нации, так и на этнических окраинах империи (Миллер, 2007: 334).

Развитию данного процесса способствовали и иные, внешние факторы. С одной стороны, следует отметить, что конец XIX – начало XX вв. в целом характеризовал рост национализма в

глобальных масштабах, детерминированный успехами в индустриальном развитии великих держав, научно-техническим прогрессом, ростом противоречий между ключевыми акторами геополитики и формированием национального бизнеса на окраинах империй. С другой стороны, многие из великих держав осознанно и целенаправленно подпитывали рост националистических настроений среди различных меньшинств на территории государств-соперников, рассчитывая использовать их как прокси-силы либо источник комплектования агентурной сети в случае возникновения прямого конфликта. В частности, такого рода тактику использовала Австро-Венгрия в отношении украинцев – подданных Российской империи, а Германия – в рамках работы с русофобски настроенными польскими националистами (ГАРФ. Ф. 102. Оп 1. Д. 215. Л. 37-40; РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 5. Л. 31-32; Сосновских, 2016: 206).

В итоге к концу XIX в. состояние имперской идентичности России характеризовало наличие двух противоречащих друг другу тенденций. С одной стороны, на уровне элит общая имперская идентичность по-прежнему существовала преимущественно вне контекста кризисных тенденций. В частности, большинство представителей дворянства скептически относились к этническому национализму, в том числе – в силу традиционного толерантного отношения к принятию в ряды своего сословия зарубежной аристократии, широкого присутствия среди офицерства и представителей высших слоев гражданской администрации «обрусевших» представителей других этносов и наличия привычной модели интеграции «инородцев» через обращение в православие (Витте, 1960: 72; ГАРФ. Ф. 102. Оп 77. Д. 178. Л. 90-91; Мюллер, Рябова, Саблина, 2017: 204).

С другой стороны, наблюдался рост популярности национализма среди отдельных категорий предпринимателей, обеспокоенных экспансией зарубежных конкурентов либо доминированием на территории этнических окраин структур компаний-монополий, головные отделения которых базировались в Санкт-Петербурге и Москве (РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 21. Л. 74; Сосновских, 2016: 205; Спасович, Пильц, 1903: 59).

Роль деструктивного фактора, негативно сказывающегося на формировании общероссийской идентичности имперского типа, играл и рост численности «этнической» интеллигенции, активно воспринимавшей и воспроизводившей доктрины зарубежных идеологов национализма. На фоне постепенного слома сословной системы деления общества и роста числа социальных конфликтов (по причине высоких темпов индустриального развития и все большего проникновения рыночных отношений в сельское хозяйство) националистически настроенная интеллигенция в почти априорном порядке присваивала себе статус выразителя интересов этноса, обозначая при этом в качестве виновника всех проблем власти империи и представителей иных народов, присутствующих на территории. В качестве наглядного примера в данном случае можно привести выжимки из программных тезисов украинских националистов (т.н. «10 заповедей», разработанных одним из идеологов Украинской народной партии Н.И. Михновским): «Все люди – твои братья, но москали, ляхи, венгры, румыны и евреи – это враги нашего народа, пока они господствуют над нами и обируют нас. ...Украина – для украинцев! Итак, выгони отовсюду с Украины чужаков-угнетателей. ...Всегда и везде используй украинский язык. Пускай ни жена твоя, ни дети твои не оскверняют твой дом языком чужаков-угнетателей. ...Не обворовывай собственный народ, работая на врагов Украины. ...Помогай своему земляку прежде всех, держись в центре товарищей. ...Не бери себе жену из чужаков, поскольку твои дети будут тебе врагами, не дружи с врагами нашего народа» (Кисляков, 2011: 139-140).

Ситуацию усугубляло то, что националистические настроения начали распространяться в том числе среди представителей русского «этнического большинства». При этом зачастую они выстраивались на основе не столько интруппового фаворитизма (то есть устойчивых представлений о позитивной исключительности этнических русских), сколько аутгрупповой дискриминации – тенденции к стигматизации и даже «демонизации» иных этносов. В качестве конкретного примера в данном случае можно привести разжигание антисемитских настроений, осуществлявшееся на основе реанимации средневековых и откровенно иррациональных стереотипов (Бирюкович, 1883: 675). Показательно в данном случае «дело Бейлиса», в рамках которого его основной фигурант был обвинен в употреблении в пищу в ритуальных целях крови детей-христиан (Миллер, 2007: 338).

При этом власти на местах в большинстве случаев не реагировали должным образом на эпизоды крупномасштабного нарушения закона радикальным сегментом националистов. Еврейский погром в Николаеве в апреле 1899 г. продолжался три дня подряд. В ходе погрома 7 апреля 1903 г. в Кишеневе на улицах города присутствовали вооруженные патрули, сформированные из солдат местного гарнизона, однако из-за отсутствия приказа они большую часть времени не препятствовали толпе. Вполне закономерно низкая эффективность действий представителей власти не только породила слухи о том, что региональные администрации причастны к погромам (либо сочувствуют их организаторам), но и спровоцировали всплеск экстремизма среди представителей еврейских общин. И в данном случае речь идет не о создании отрядов самообороны (существовавших де факто вне правового поля империи), а о случаях ответного террора. В частности, упомянутый выше кишиневский погром был во многом инспирирован усилиями публициста П.А. Крушевана (активно участвовавшего в дальнейшем в публикации сфабрикованных «Протоколов сионских мудрецов»),

распространившего при помощи газеты «Бессарабец» ложную информацию о якобы ритуальном характере убийства местного подростка. Однако в итоге журналист не был привлечен к какой-либо ответственности, что спровоцировало покушение на него П.И. Дашевского (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 153. Л. 54-57; Платонов, 2005: 85).

Ситуацию усугубляло то, что в исследуемый период в России не была сформирована до конца система всеобщего начального образования, которая охватывала бы всех подданных соответствующего возраста в рамках унифицированной учебной программы. Как следствие, власти были лишены возможности использовать такие инструменты распространения имперской идентичности, как универсальный язык общения, а также единая система нарративов и символов. Равным образом отсутствовала возможность полноценно использовать ресурсы «мягкой силы» в виде произведений литературы и искусства. При этом в отдельных регионах империи (Финляндия, Польша, остзейские губернии) существовали фактически собственные образовательные системы, функционировавшие на частной основе. За счет этого уровень грамотности среди их жителей был заметно выше, чем в целом в рамках империи. И это способствовало активному формированию местных идентичностей. С одной стороны, собственный этнос ассоциировался у местных жителей с высоким уровнем образования и культуры, а титульная нация империи – с неграмотностью (Гильфердинг, 2009а: 170; Гурко, 1897: 95; Деникин, 1990: 87-88; Погодин, 2015: 352). Последнее подпитывало интрупповой фаворитизм жителей национальных регионов, создавая у них представление о собственном превосходстве по отношению к этническим русским. С другой стороны, получая образование не на русском языке, они выпадали из российского культурного поля (Гильфердинг, 2009b: 283; РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 19. Л. 76-79).

Проблемы для формирования имперской идентичности на макросоциальном уровне (с точки зрения идентификационной интеграции широких масс населения) создавала и специфика экономического развития многих регионов. В частности, Финляндия, Польша, Литва, остзейские губернии были тесным образом связаны хозяйственными отношениями с зарубежными государствами, в то время как экономическое присутствие регионов ядра империи в их жизни ощущалось слабо. Показателен в данном отношении тот факт, что к началу XX в. на Балтийском море практически полностью отсутствовало собственно русское торговое судоходство: корабли под российским флагом обслуживались преимущественно командами и капитанами иного происхождения (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 198. Л. 32-34; Бородкин, 1905: 43; Корнилов, 1915: 312; Погодин, Рябова, 2016: 343).

Также следует учитывать, что власти империи не задействовали в полной мере такой ресурс выработки коллективной идентичности, как служба в армии. Большинство мусульманских народов империи (исключение составляли башкиры и волжские татары) не подлежали призыву и поступали на службу в добровольном порядке. Попытка властей империи расформировать обособленные финские воинские подразделения и принудить жителей Великого княжества служить в частях российской армии за пределами региона в 1901–1905 гг. закончилась провалом, после чего жители Финляндии и вовсе были освобождены от воинской повинности (Липранди, 1909: 21; Миллер, 2007: 337; РГИА. Ф. 1287. Оп. 35. Д. 1376. Л. 29-30).

Роль источника рисков играла и экстраполяция укоренившегося в практике элит принципа религиозной лояльности на ассимиляцию широких масс. Отдельные конфессиональные группы (например, униаты) рассматривались как в принципе неблагонадежные, а применение дискриминационных мер по отношению к этническим евреям напрямую зависело от их религиозной принадлежности: переход из иудаизма в православие автоматически давал им освобождение от существующих ущемлений в правах. В результате восприятие имперской идентичности начало закономерно восприниматься как отказ от изначальной модели самоидентификации с сопутствующим разрывом социальных связей с представителями ближайшего окружения, включая родственников. При этом наличие именно негативных стимулов (в виде поражения в правах в случае отказа смены религии) способствовало скорее обособлению конфессиональных меньшинств (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 4. Д. 125. Л. 52-54; Гессен, 1906: 49; Толстой, Гессен, 1907: 33).

5. Заключение

Подводя итоги исследования, мы приходим к выводу, что имперская модель общероссийской национально-государственной идентичности на рубеже XIX–XX вв. формировалась во многом в инерционном режиме. Власти воспроизводили традиционную систему практик интеграции имперского территориально-политического пространства через, во многом, механическое включение местных «этнократических элит» в систему военной и административной элиты Российской империи.

Данная модель демонстрировала высокую эффективность в условиях традиционного, аграрного общества. Однако Великие реформы Александра II запустили процесс широкомасштабной модернизации российского общества, результатом чего стал слом традиционной системы идентичностей и обретение субъектности новыми политическими и социальными группами. Ситуацию усложняло активное распространение националистических идей, в том числе за счет появления этнической интеллигенции и реанимации ксенофобских стереотипов. При этом власти так

и не успели сформировать систему всеобщего начального образования на русском языке, что затрудняло интеграцию национальных окраин в имперское ценностно-политическое поле. Потенциал русской культуры как инструмента «мягкой силы» в рамках выстраивания взаимоотношений с меньшинствами также не был реализован по причине относительно низкой степени развития сети образовательных учреждений начального и среднего звена. Избирательный принцип применения всеобщей воинской повинности к различным народам минимизировал потенциал армии как института ассимиляции. В то же время многие национальные окраины были куда более тесно связаны в экономическом и культурном плане с сопредельными странами, нежели с ядром империи.

Также следует отметить, что власти рассматривали имперскую идентичность упрощенным образом, сквозь призму представлений предшествующих эпох. Она выстраивалась фактически на основании лояльности сакрализованной фигуре монарха, принадлежности к официальной церкви и факта формальной интеграции в военную или бюрократическую «корпорацию» империи. Однако данная модель являлась, по существу, дисфункциональной и показала свою ограниченность в условиях многосоставного и активно трансформировавшегося российского общества.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки РФ (регистрационный номер НИОКТР 122101000050-8). Проект FZNF-2022-0007 «Российская национально-государственная идентичность: новые политико-психологические вызовы в условиях «холодной войны 2.0» реализован в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» по итогам отбора научных проектов, проведенного Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Литература

- Баглай, 2016 – Баглай С.С. Особенности национальной политики в период правления Александра III и Николая II // *Молодежь третьего тысячелетия* / Сборник научных статей. 2016. С. 798-801.
- Бирюкович, 1883 – Бирюкович В.В. Политическое и экономическое положение евреев в России // *Русское богатство*. 1883. № 12. С. 655-690.
- Бок, 1992 – Бок М.П. П.А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. М., 1992.
- Бородкин, 1905 – Бородкин М.М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобринкова. СПб., 1905.
- Боханов, 2006 – Боханов А.Н. Император Александр III. 4-е изд. М., 2006.
- Боханов, 2006 – Боханов А.Н. Последний царь. М., 2006.
- Бурмистрова, 1962 – Бурмистрова Т.Ю. Национальная политика партии большевиков в Первой русской революции 1905–1907 гг. Л., 1962.
- Витте, 1960 – Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960.
- Вортман, 1999 – Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // *РОССИЯ/RUSSIA*. Вып. 3 (11). Культурные практики в идеологической перспективе. М.: ОГИ, 1999. С. 233-244.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Гессен, 1906 – Гессен Ю.И. Евреи в России. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. СПб., 1906.
- Гильфердинг, 2009a – Гильфердинг А.Ф. Польский вопрос // *Россия и славянство*. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 168-251.
- Гильфердинг, 2009b – Гильфердинг А.Ф. Россия и ее инородческие окраины на западе // *Россия и славянство*. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 278-295.
- Горизонтов, 1999 – Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999.
- Гурко, 1897 – Гурко В.И. Очерки Привислянья. М., 1897.
- Деникин, 1990 – Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1991. 300 с.
- Дякин, 1995 – Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // *Вопросы истории*. 1995. № 9. С. 130-142.
- Евгеньева, 2012 – Евгеньева Т.В. Историческая память и национально-государственная идентичность в современной России // *Ценности и смыслы*. 2012. № 5 (21). С. 27-36.
- Зайончковский, 1970 – Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.
- Катков, 1897 – Катков М.Н. Права и положение русского языка в Прибалтийском крае. Московские Ведомости. 1865. 10 июля // *Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1865 г.* М., 1897. С. 421-426.
- Кисляков, 2011 – Кисляков А.С. Формирование национальных партий на западных окраинах Российской империи. Конец XIX – начало XX в. // *Вопросы истории*. 2011. № 11. С. 135-143.

- Корнилов, 1915** – Корнилов А.А. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Петроград, 1915.
- Кудряшев, 2013** – Кудряшев В.Н. Идея русской нации в общественно-политической мысли России второй половины XIX в.: проблемы национальной идентичности // *Сибирские исторические исследования*. 2013. № 1. С. 58-66.
- Кудряшев, 2018** – Кудряшев В.Н. "Польский вопрос" в русской либеральной публицистике 1860–1880-х гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 431. С. 97-103.
- Левин, 2017** – Левин В.И. Октябрьская революция и евреи России // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2017. Т. 9. № 6–2. С. 29-32.
- Липранди, 1909** – Липранди А.П. Финляндский вопрос. Спб., 1909.
- Майорова, 2012** – Майорова Е.И. Александр III – богатырь на русском троне. М., 2012.
- Мессарош, 1897** – Мессарош П.И. Финляндия – государство или окраина? Спб., 1897.
- Мехелин, 1908** – Мехелин Л. Разногласия по русско-финляндским вопросам: критический обзор. Спб., 1908.
- Миллер, 2007** – Миллер А.И. Русский национализм в империи Романовых / Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 332-350.
- Миронов, 2003** – Миронов Б.Н. Социальная история периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. Т. 2. СПб., 2003.
- Морозов, 1895** – Морозов П. Финляндия в торгово-промышленном отношении. СПб., 1895.
- Мюллер и др., 2017** – Мюллер А.М., Рябова А.Л., Саблина М.А. Национальная политика Александра III // *Россия в глобальном мире*. 2017. № 11 (34). С. 201-208.
- Платонов, 2005** – Платонов О.А. Еврейский вопрос в России. М., 2005.
- Погодин, 2015** – Погодин С.Н. Фенномания и процесс становления национального самосознания в Российской Империи в XIX веке // *Международные отношения и диалог культур*. 2015. № 3 (2014). С. 347-356.
- Погодин, Рябова, 2016** – Погодин С.Н., Рябова А.Л. Первый период русификации Финляндии (1899–1905 гг.) // *Россия в глобальном мире*. 2016. № 9 (32). С. 338-348.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сосновских, 2016** – Сосновских А.В. Национальная политика к началу XX века и ее влияние на развитие кризисной ситуации в Российской империи // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 205-207.
- Спасович, Пильц, 1903** – Россия и ее западные окраины. Ответы на очередные вопросы в Царстве Польском / Под ред. В. Спасовича и Э. Пильца. Киев, 1903.
- Толстой, Гессен, 1907** – Толстой И.И., Гессен Ю.И. Факты и мысли. Еврейский вопрос в России. СПб., 1907.
- Хобсбаум, 2000** – Хобсбаум Э. Изобретение традиций // *Вестник Евразии*. 2000. № 1. С. 47-62.
- Эриксон, 1996** – Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

References

- Baglai, 2016** – Baglai, S.S. (2016). Osobennosti natsional'noi politiki v period pravleniya Aleksandra III i Nikolaya II [Features of national policy during the reign of Alexander III and Nicholay II]. *Molodezh' tret'ego tysyacheletiya. Sbornik nauchnykh statei*. Pp. 798-801. [in Russian]
- Biryukovich, 1883** – Biryukovich, V.V. (1883). Politicheskoe i ekonomicheskoe polozhenie evreev v Rossii [The political and economic situation of Jews in Russia]. *Russkoe bogatstvo*. 12: 655-690. [in Russian]
- Bok, 1992** – Bok, M. (1992). P.A. Stolypin: Vospominaniya o moem ottse [P.A. Stolypin: Memories of my father]. M. [in Russian]
- Bokhanov, 2006** – Bokhanov, A. N. (2006). Poslednii tsar' [The last king]. M. [in Russian]
- Bokhanov, 2016** – Bokhanov, A.N. (2006). Imperator Aleksandr III [Emperor Alexander III]. 4-e izd. M. [in Russian]
- Borodkin, 1905** – Borodkin, M.M. (1905). Iz noveishei istorii Finlyandii. Vremya upravleniya N.I. Bobrikova [From the recent history of Finland. N.I. Control time of N.I. Bobrikov]. SPb. [in Russian]
- Burmistrova, 1962** – Burmistrova, T.Yu. (1962). Natsional'naya politika partii bol'shevikov v Pervoi russkoi revolyutsii 1905–1907 gg. [The National Policy of the Bolshevik Party in the First Russian Revolution of 1905–1907]. L. [in Russian]
- Denikin, 1990** – Denikin, A.I. (1990). Put' russkogo ofitsera [The path of the Russian officer]. M. [in Russian]
- Dyakin, 1995** – Dyakin, V.S. (1995). Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX v.) [The national question in the internal politics of tsarism (XIX century)]. *Voprosy istorii*. 9: 130-142. [in Russian]
- Erikson, 1996** – Erikson, E. (1996). Identichnost': yunost' i krizis [Identity: youth and crisis]. M. [in Russian]

- Evgen'eva, 2012** – *Evgen'eva, T.V.* (2012). Istoricheskaya pamyat' i natsional'no-gosudarstvennaya identichnost' v sovremennoi Rossii [Historical memory and national-state identity in modern Russia]. *Tsenosti i smysly*. 5(21): 27-36. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].
- Gessen, 1906** – *Gessen, Yu.I.* (1906). Evrei v Rossii. Ocherki obshchestvennoi, pravovoi i ekonomicheskoi zhizni russkikh evreev [Jews in Russia. Essays on the social, legal and economic life of Russian Jews]. SPb. [in Russian]
- Gil'ferding, 2009a** – *Gil'ferding, A.F.* (2009). Pol'skii vopros [The Polish question]. *Rossiya i slavyanstvo*. M. Pp. 168-251. [in Russian]
- Gil'ferding, 2009b** – *Gil'ferding, A.F.* (2009). Rossiya i ee inorodcheskie okrainy na zapade (Russia and its foreign suburbs in the west). *Rossiya i slavyanstvo*. M., Pp. 278-295. [in Russian]
- Gorizontov, 1999** – *Gorizontov, L.E.* (1999). Paradoksy imperskoi politiki: polyaki v Rossii i russkie v Pol'she (XIX – nachalo XX v.) [Paradoxes of imperial politics: Poles in Russia and Russians in Poland (XIX – beginning of XX century)]. M. [in Russian]
- Gurko, 1897** – *Gurko, V.I.* (1897). Ocherki Privislyan'ya [The essays on Privislyan'ya]. M. [in Russian]
- Katkov, 1897** – *Katkov, M.N.* (1897). Prava i polozenie russkogo yazyka v Pribaltiiskom krae. Moskovskie Vedomosti. 10 iyulya [Rights and position of the Russian language in the Baltic region. Moscow Gazette. 1865. July 10]. *Peredovye stat'i iz Moskovskikh Vedomostei za 1865 g.* M. Pp. 421-426. [in Russian]
- Khobsbaum, 2000** – *Khobsbaum, E.* (2000). Izobretenie traditsii [The invention of tradition]. *Vestnik Evrazii*. 1: 47-62. [in Russian]
- Kislyakov, 2011** – *Kislyakov, A.S.* (2011). Formirovanie natsional'nykh partii na zapadnykh okrainakh Rossiiskoi imperii. Konets XIX – nachalo XX v. [Formation of national parties on the western outskirts of the Russian Empire. Late 19th – early 20th centuries]. *Voprosy istorii*. 11: 135-143. [in Russian]
- Kornilov, 1915** – *Kornilov, A.A.* (1915). Russkaya politika v Pol'she so vremeni razdelov do nachala XX veka [Russian policy in Poland from the time of partitions to the beginning of the 20th century]. Petrograd. [in Russian]
- Kudryashev, 2013** – *Kudryashev, V.N.* (2013). Ideya russkoi natsii v obshchestvenno-politicheskoi mysli Rossii vtoroi poloviny XIX v.: problemy natsional'noi identichnosti. [The idea of the Russian nation in the socio-political thought of Russia in the second half of the 19th century: problems of national identity]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 1: 58-66. [in Russian]
- Kudryashev, 2018** – *Kudryashev, V.N.* (2018). "Pol'skii vopros" v russkoi liberal'noi publitsistike 1860–1880-kh gg. ["The Polish Question" in Russian liberal journalism of the 1860–1880s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 431: 97-103. [in Russian]
- Levin, 2017** – *Levin, V.I.* (2017). Oktyabr'skaya revolyutsiya i evrei Rossii [The October Revolution and the Jews of Russia]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. Vol. 9. 6–2: 29-32. [in Russian]
- Liprandi, 1909** – *Liprandi, A.P.* (1909). Finlyandskii vopros [Finnish question]. SPb. [in Russian]
- Maierova, 2012** – *Maierova, E.I.* (2012). Aleksandr III – bogatyr' na russkom trone [Alexander III is a hero on the Russian throne]. M. [in Russian]
- Mekhelin, 1908** – *Mekhelin, L.* (1908). Raznoglasiya po russko-finlyandskim voprosam: kriticheskii obzor [Disagreements on Russian-Finnish Issues: A Critical Review]. SPb. [in Russian]
- Messarosh, 1897** – *Messarosh, P.I.* (1897). Finlyandiya – Gosudarstvo ili Russkaya Okraina? [Finland – State or Russian Outskirts?]. SPb. [in Russian]
- Miller, 2007** – *Miller, A.I.* (2007). Russkii natsionalizm v imperii Romanovykh. Natsionalizm v mirovoi istorii. [Russian nationalism in the Romanov empire] M. Pp. 332-350. [in Russian]
- Mironov, 2003** – *Mironov, B.N.* (2003). Sotsial'naya istoriya perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [The social history of the period of the empire (XVIII – beginning of the twentieth century)]. V 2 t. 3-e izd., ispr. i dop. SPb., Vol. 2. 547 p. [in Russian]
- Morozov, 1895** – *Morozov, P.* (1895). Finlyandiya v torgovo-promyshlennom otnoshenii [Finland in trade and industry]. SPb. [in Russian]
- Myuller i dr., 2017** – *Myuller, A.M., Ryabova, A.L., Sablina, M.A.* (2017). Natsional'naya politika Aleksandra III [National policy of Alexander III]. *Rossiya v global'nom mire*. 11(34): 201-208. [in Russian]
- Platonov, 2005** – *Platonov, O.A.* (2005). Evreiskii vopros v Rossii [The Jewish Question in Russia]. M. [in Russian]
- Pogodin, 2015** – *Pogodin, S.N.* (2015). Fennomaniya i protsess stanovleniya natsional'nogo samosoznaniya v Rossiiskoi Imperii v XIX veke [Fennomania and the process of formation of national identity in the Russian Empire in the XIX century]. *Mezhdunarodnye otnosheniya i dialog kul'tur*. 3: 347-356. [in Russian]
- Pogodin, Ryabova, 2016** – *Pogodin, S.N., Ryabova, A.L.* (2016). Pervyi period rusifikatsii Finlyandii (1899–1905 gg.) [The first period of Russification of Finland (1899–1905)]. *Rossiya v global'nom mire*. 9(32): 338-348. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Sosnovskikh, 2016** – *Sosnovskikh, A.V.* (2016). Natsional'naya politika k nachalu XX veka i ee vliyanie na razvitie krizisnoi situatsii v Rossiiskoi imperii [National policy by the beginning of the 20th century and

its impact on the development of the crisis in the Russian Empire]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*. T. 5. 1(14): 205-207. [in Russian]

Spasovich, Pil'ts, 1903 – Rossiya i ee zapadnye okrainy. Otvety na ocherednye voprosy v Tsarstve Pol'skom (1903). Pod red. V. Spasovicha i E. Pil'tsa. Kiev. [in Russian]

Tolstoi, Gessen, 1907 – Tolstoi, I.I., Gessen, Yu.I. (1907). Fakty i mysli. Evreiskii vopros v Rossii [Facts and thoughts. Jewish Question in Russia]. SPb. [in Russian]

Vitte, 1960 – Vitte, S.Yu. (1960). Vospominaniya [Memories]. T. 3. M. [in Russian]

Vortman, 1999 – Vortman, R. (1999). «Ofitsial'naya narodnost'» i natsional'nyi mif rossiiskoi monarkhii XIX veka [Political and economic situation of Jews in Russia]. *ROSSIYA/RUSSIA*. 3(11): *Kul'turnye praktiki v ideologicheskoi perspektive*. M. Pp. 233-244. [in Russian]

Zaionchkovskii, 1970 – Zaionchkovskii, P.A. (1970). Rossiiskoe samodержavie v kontse XIX stoletiya [Russian autocracy at the end of the XIX century]. M. [in Russian]

Формирование имперской модели общероссийской национально-государственной идентичности на рубеже XIX–XX вв.

Виктор Валериевич Титов^{a, *}

^a Государственный академический университет гуманитарных наук, Российская Федерация

Аннотация. В рамках представленного исследования раскрывается вопрос о специфике процесса формирования имперской модели общероссийской национально-государственной идентичности на рубеже XIX–XX вв. Методологическая основа работы сформирована за счет симбиоза элементов сравнительного и структурного анализа. Источниковая база статьи включает в себя ранее не введенные в научный оборот делопроизводственные документы Министерства внутренних дел Российской империи и источники личного происхождения. На основе проведенных изысканий автор приходит к выводу, что имперская модель общероссийской национально-государственной идентичности на рубеже XIX–XX вв. формировалась во многом в инерционном режиме. Власти воспроизводили традиционную систему практик интеграции «этнократических элит» в ценностно-смысловое поле российской государственности через их включение в общеимперские социальные иерархии – политическую, военную, административную.

Данная модель демонстрировала высокую эффективность в условиях традиционного, аграрного общества. Но Великие реформы Александра II запустили процесс широкомасштабной модернизации российского общества, результатом чего стал слом традиционной системы идентичностей и обретение субъектности новыми политическими и социальными группами. Ситуацию усложняло активное распространение националистических идей, в том числе за счет появления этнической интеллигенции и реанимации ксенофобских стереотипов. При этом власти так и не сумели сформировать систему всеобщего начального образования на русском языке, что затрудняло интеграцию национальных окраин, а в отдельных случаях способствовало стигматизации титульной нации. Потенциал русской культуры как инструмента «мягкой силы» в рамках выстраивания взаимоотношений с меньшинствами также не был реализован по причине относительно низкой степени развития сети образовательных учреждений начального и среднего звена. Избирательный принцип применения всеобщей воинской повинности к различным народам минимизировал потенциал армии как института ассимиляции. В то же время многие национальные окраины были куда более тесно связаны в экономическом и культурном плане с сопредельными странами, нежели с ядром империи.

Также отмечено, что власти рассматривали формирующуюся имперскую идентичность в ретроспективном ракурсе – сквозь призму представлений предшествующих эпох. Она выстраивалась фактически на основании лояльности сакрализованной фигуре монарха, принадлежности к официальной церкви и ощущения причастности к бюрократической, военной либо сословной «корпорации» империи. Однако данная модель являлась неработоспособной в условиях активно модернизовавшегося общества.

Ключевые слова: имперская идентичность, национально-государственная идентичность, модель, Российская империя, национализм.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: titov-msu@mail.ru (В.В. Титов)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1927-1935
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1927

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Evolution of the Tactics of the Social Revolutionary Terror in the Period of 1902–1907

Pavel S. Seleznev ^{a,*}, Stanislav P. Mitrakhovich ^a, Daniel V. Petrosyants ^a, Natalia V. Malanicheva ^a

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The present study is devoted to the question of the evolution of the tactics of the Social Revolutionary terror in the period 1902–1907. The aim of the work is to assess the dynamics of the terrorist tactics of the Social Revolutionaries in the period 1902–1907 taking into account the influence of external and internal factors. The research methodology includes elements of structural, diachronic and descriptive analysis. The source base of the work includes a corpus of sources of personal origin and documents from the funds of the Central Committee of the Socialist-Revolutionary Party (RGASPI), and the Police Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire (GARF). Based on the results of the research, it was concluded that initially the leadership of the Social Revolutionaries was not focused on the use of terror as the main element of the political struggle. However, the circumstances of the party's genesis associated with the participation of active supporters of terrorist methods in its creation, the absence of a broad social base in the early stages of its existence, and the image results of major actions of the period 1902–1904 contributed to a significant increase in the popularity of these methods. During the revolution of 1905–1907 the leadership of the party has repeatedly suspended terrorist acts for political reasons and even intended to completely abandon this form of activity. However, in practice, the significance of the relevant decisions was leveled by a rather high degree of autonomy of the local cells of the party. Initially, the party concentrated on the implementation of political terror, aimed exclusively at representatives of the top leadership of the empire. However, with the beginning of the revolution of 1905–1907, the terror not only acquired a mass character, but also acquired a multi-vector character. Not only representatives of the authorities, but also private individuals, who acted in the eyes of ordinary party supporters as “exploiters”, began to act as its objects. The leadership of the AKP eventually decided to abandon the “factory” and “agrarian” terror, despite the widespread support for these forms of activity on the ground. At the same time, over time, the local structures of the Social Revolutionary terrorists began to lose their original specialization due to the acquisition of new functions related to solving the pressing problems of party cells.

Keywords: socialist-revolutionaries, terror, revolution of 1905–1907, militant organization, expropriations.

1. Введение

История эсеровского террора по праву считается одним из наиболее значимых аспектов революционного процесса в начале XX в. Однако ее реконструкция в рамках научной системы знаний по-прежнему остается предметом для дискуссий среди экспертов. Зачастую террористическая тактика эсеров позиционируется как в целом статичный элемент методологии борьбы либо раскрывается преимущественно в морально-этическом контексте, в рамках критики терроризма как такового.

При этом за рамками обсуждения зачастую остаются как конфликты по вопросам использования террора внутри эсеров, так и развитие соответствующей тактики в организационном

* Corresponding author

E-mail addresses: PSeleznev@fa.ru (P.S. Seleznev), ol87691@gmail.com (O.V. Panina), 7226905@mail.ru (V.N. Belik), bagreg@yandex.ru (E.G. Bagreyeva)

плане и в контексте политического целеполагания. Малоизученными остаются вопросы о реакции потенциальных сторонников эсеров на разные формы террора и проблемных аспектах взаимодействия центральных и местных органов партии в рамках выстраивания единого курса по вопросам политического насилия.

Помимо того, внимание исследовательского сообщества к теме эсеровского террора обуславливает наличие задачи историографической ревизии в ключе избавления от последствий влияния социальной конъюнктуры и политического заказа на систему научных представлений об этом предмете. В данном случае необходимо подчеркнуть, что дискурсивные рамки обсуждения темы зачастую задавались именно политическим контекстом, в силу чего оценки относительно террористической активности эсеров детерминировались в первую очередь спецификой того или иного мемориального режима. Наиболее ярко это проявлялось в случае советской историографии. Реконструкция событий начала XX в. в данном случае не могла содержать принципиальных расхождений с позицией, закреплённой в источниках ещё основателями советской государственности.

Целью представленной работы является оценка динамики террористической тактики эсеров в период 1902–1907 гг. с учетом влияния внешних и внутренних факторов.

Выбор хронологических рамок исследования обусловлен следующими обстоятельствами: нижняя временная планка соответствует периоду начала террора партии против представителей центрального руководства империи, верхняя – завершению революции 1905–1907 гг., когда после пикового всплеска практика использования эсерами политического насилия начала затухать в общероссийских масштабах.

2. Материалы и методы

Источниковая база представленной статьи сформирована в первую очередь за счет привлечения делопроизводственных документов фонда Центрального комитета партии эсеров, хранящегося в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), и материалов фонда Департамент полиции Министерства внутренних дел Российской империи (Государственный архив Российской Федерации – ГАРФ).

Также при написании исследования использовался широкий круг источников личного происхождения (Вознесенский, 1928; Герасимов, 2004; Гончаров, 1930; Дейч, 1926; Кальманович, 1928; Козлинина, 1913; Кошко, 1916; Мартынов, 2004; Нестроев, 1910; Новицкий, 1991).

Методология исследования включает в себя элементы дескриптивной, диахронной и структурной разновидностей анализа. Дескриптивный анализ дал возможность аналитическим образом обозреть эволюцию террористической тактики эсеров как единый процесс. Диахронный анализ позволил исследовать эсеровский террор в контексте причинно-следственных связей с учетом обстоятельств происхождения изучаемого предмета и влияния на него внешних факторов. При помощи структурного анализа был реконструирован организационный контур управления террором в динамике его развития.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии заявленная тема изучалась преимущественно в ключе исследования противодействия терроризму со стороны правоохранительных органов и влияния революционного насилия на ситуацию внутри административных элит, при этом авторы полагались преимущественно на источники личного происхождения (Берман, 1913; Гредескул, 1912). В советский период эсеровский террор нашел широкое освещение в работах историков, основанных преимущественно на анализе делопроизводственных материалов. Однако в соответствии с положениями официальной идеологии, террористическая активность эсеров так или иначе интерпретировалась с позиций, закреплённых в творческом наследии лидеров большевистской партии (Грачев, 1982; Гусев, 1975; Жуков, 1979; Луначарский, 1922; Черномордик, 1929).

В современный период исследователи провели ревизию части аспектов заявленной темы с позиции объективизма и с учетом ввода в научный оборот новых источников. Однако в то же время для некоторых исследований также характерна осязаемая степень политизации и интерпретации фактов сквозь призму ранее сложившихся в историографии стереотипов (Будницкий, 1994; Булдаков, 1997; Варфоломеев, 2008; Варфоломеев, 2009; Вахрушев, 2001; Галкин, 1996; Гинев, 1999; Головков, 2005; Ермаков, 1996; Кузнецов, 2010; Морозов, 1995; Шарапов, 2009).

4. Результаты

В массовом порядке эсеры использовали тактику террора в период с середины весны 1902 по конец лета 1911 гг. Масштабы террористической активности эсеров охватывали почти всю территорию империи, на которой присутствовала развитая транспортная инфраструктура. Общее число подданных империи, пострадавших за этот период от действий террористов-эсеров, оценивается в пределах до 17 тыс. убитых и раненых. Лишь за период революции 1905–1907 гг. жертвами эсеровского террора стало около 4,5 тыс. представителей государственной власти (включая

убитых и раненых). Террористические акции зачастую не обходились без «сопутствующих жертв»: непредумышленно эсерами было убито около 2,2 тыс. и ранено приблизительно 2,5 тыс. частных лиц, не имевших отношения к административному, военному или полицейскому аппарату (Головков, 2005: 72; Черномордик, 1929: 33).

Партия приступила к активному использованию тактики террора едва ли не сразу после своего формального возникновения в начале 1901 г. В данном случае необходимо подчеркнуть, что, безусловно, процесс генезиса партии социалистов-революционеров носил длительный и сложный характер, и его начало датируется приблизительно рубежом 1894–1895 гг., когда начали формироваться многие политические объединения, выступившие впоследствии в роли первоосновы партии эсеров. Однако в полноценном и устойчивом виде она сформировалась только в начале XX в. (Гредескул, 1912: 7; Вознесенский, 1928: 53).

Вполне обоснованно принято считать, что выбор эсерами тактики политического террора был обусловлен во многом тем, что партия выстраивалась на основе принципа лояльности неонародническим традициям. Однако также нужно признать, что большую роль в принятии соответствующих решений сыграла специфика личных политических взглядов лидеров объединений, выступивших в роли организационной основы партии эсеров. В качестве наглядного примера в данном случае можно привести действовавшую на территории Украины и Белоруссии Рабочую партию политического освобождения России (РППОР), которой руководил Г.А. Гершуни – будущий глава Боевой организации эсеров. В программе данной партии террор был изначально обозначен в качестве основного средства борьбы с действующей властью, чему сопутствовала декларация необходимости создания специализированной структуры с целью ведения соответствующей деятельности (Будницкий, 1994: 204; Варфоломеев, 2008: 25).

Партия эсеров на момент своего создания была крайне малочисленной и к началу революции 1905–1907 гг. не сумела добиться значимых успехов с точки зрения рекрутирования новых сторонников (ее численность достигала около 2,6 тыс. человек), что существенно ограничивало потенциал партии. И именно террор рассматривался в качестве средства преодоления этого барьера. За счет данного инструмента «недостаток численной силы заменялся энергией действия». Предполагалось, что его применение в отношении наиболее влиятельных чиновников будет способствовать росту авторитета эсеров среди широких масс населения и одновременно вынудит власти с осторожностью действовать в отношении манифестаций и иных акций революционеров, мотивируя армию и полицию отказаться от чрезмерного насилия в отношении протестующих. Исходя из этого, можно заключить, что идеологи эсеров фактически игнорировали опыт применения террора как российскими, так и зарубежными революционерами, поскольку ни в одном из известных на тот момент кейсов использование данных методов не приводило к смягчению репрессивной политики властей и значимому увеличению численности членов революционных структур. В то же время необходимо подчеркнуть, что в программных установках эсеров систематический террор прочно увязывался с организацией массовых рабочих манифестаций. Также подчеркивалось, что террор не может носить реактивный и неорганизованный характер и должен проводиться системно именно по линии партии. Таким образом, эсеры, по крайней мере, формально, не абсолютизировали террор на этапе возникновения своей партии (Галкин, 1996: 112; Герасимов, 2004: 83; Дейч, 1926: 21; РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 2. Л. 54).

В «Основных положениях программы Союза социалистов-революционеров» террор позиционировался в качестве средства пропаганды и агитации. Его описывали как форму «открытой, совершающейся на глазах своего народа борьбы, подрывающей обаяние правительственной власти, доказывающей возможность этой борьбы и вызывающей к жизни новые революционные силы, рядом с непрерывающейся устной и печатной пропагандой» (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 3. Л. 17).

В то же время необходимо подчеркнуть, что далеко не все лидеры партии и ее территориальные отделения поддерживали террористические методы. В частности, против их применения выступали как многие отделения, действовавшие на юге европейской части империи, так и некоторые находившиеся в эмиграции лидеры эсеров, такие как Л.Э. Шишко и А.О. Бонч-Осмоловский (Гусев, 1975: 39-40).

Первой формализованной структурой эсеров, призванной реализовывать функцию проведения террора, стала созданная в сентябре 1901 г. особая «инициативная группа», позже получившая название Боевой организации. При этом ее статус носил достаточно сложный характер, поскольку по формальным основаниям она не относилась к партийной структуре. Даже связь боевой организации с Центральным комитетом (ЦК) эсеров осуществлялась через особого уполномоченного. При этом же Боевой организации официально придавалась роль «охранительного отряда партии». Подобные противоречия, вероятно, были обусловлены сочетанием двух разнонаправленных векторов в плане управления террором. С одной стороны, руководство Боевой организации желало обладать максимальной степенью автономии, фактически придавая данной структуре экстраординарный характер. С другой – излишнее обособление могло повлечь за собой трудности со снабжением ресурсами и использованием потенциала местных ячеек партии. В данном случае важно подчеркнуть, что изначально Боевая организация действовала независимо от территориальных отделений эсеров,

однако по мере сокращения ее численности и увеличения давления со стороны правоохранителей изоляция от основной части партии превратилась в значимый негативный фактор (Жуков, 1979: 34; Луначарский, 1922: 21).

Боевой организации было доверено проведение «центрального террора», т.е. акций, направленных против наиболее значимых представителей действующей власти и призванных вызвать широкий общественный резонанс. Первым актом «центрального террора» стало убийство министра внутренних дел Д.С. Сипягина в апреле 1902 г. При этом важно отметить, что руководство партии и Боевой организации вскоре после убийства министра обозначило публично, что террористические акции призваны усилить и дополнить, но не подменить собой массовые формы работы с потенциальными сторонниками партии. Данная позиция была четко сформулирована в статье «Террористический элемент в нашей программе», изданной в седьмом номере газеты «Революционная Россия» за 1902 г. (в качестве ее авторов выступили В.М. Чернов и Г.А. Гершуни). Однако на практике переход к террористической тактике привел к ее широкой популяризации внутри партии в ущерб иным методам работы. Последнее четко проявилось на прошедшем в июле 1903 г. заграничном съезде эсеров, участники которого активно отстаивали концепцию усиления террора (Нестроев, 1910: 27).

При этом уже в краткосрочной перспективе организационная структура эсеро-террора существенным образом трансформировалась. В начале 1904 г. внутри Боевой организации были выделены московское, петербургское и киевское отделения, получившие однотипные задания в виде ликвидации соответствующих градоначальников и великого князя Владимира Александровича. Однако уже 16–17 марта 1904 г. полиция арестовала большинство членов столичного отделения, вскоре после чего были арестованы несколько ключевых членов московской ячейки. Ввиду крайней малочисленности Боевой организации (максимальное число ее членов за все время существования равнялось 30) это привело к крайнему ослаблению центрального аппарата эсеро-террора. В дальнейшем Боевой организации так и не удалось повысить свою численность до прежнего уровня, количество ее членов составляло около 10–15 человек (Морозов, 1995: 252; Шарапов, 2009: 181).

На этом фоне начали активно формироваться региональные структуры эсеров-террористов в формате так называемых летучих боевых отрядов, осуществлявших «акции возмездия» в пределах нескольких губерний одновременно (Морозов, 1995: 253).

Эта организационная перестройка в целом совпала по времени с изменением подхода партии к использованию террористической тактики. После издания Манифеста 17 октября 1905 г. Центральный комитет ПСР постановил временно прекратить теракты, но затем сделал исключение для акций, направленных против организаторов подавления революционных выступлений либо осуществляемых на основе прямых распоряжений ЦК (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Л. 41).

Данное решение было результатом компромисса между фракцией, настаивавшей на необходимости перехода к борьбе на «конституционном поле» (наиболее ярко это позицию выражали М.Р. Гоц и Л.Э. Шишко), и группой, возглавляемой В.М. Черновым, который настаивал на том, что уступки со стороны властей являются временной мерой, и после укрепления своих позиций монархия непременно предпримет «контрнаступление». С учетом данных обстоятельств В.М. Чернов настаивал на необходимости временного и ограниченного отказа от терактов, а также сохранения Боевой организации (Кузнецов, 2010: 31).

Первоначально возобладали точка зрения Гоца–Шишко: руководство эсеров приняло решение отказаться от террора и распустить Боевую организацию. Однако уже в ноябре 1905 г. представители региональных отделений начали настаивать на необходимости возвращения к террору в качестве реакции на подавление властями крестьянских восстаний. В итоге 4 декабря ЦК было принято решение о частичном возобновлении террора, в том числе – «центрального» (для реализации данной задачи был запущен процесс восстановления «Боевой организации») (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 42. Л. 11).

В следующий раз руководство эсеров приостановило террористические акции в мае 1906 г. (на период предполагаемой осенней сессии Государственной Думы). Впрочем, уже в ноябре того же года это решение было отменено. Внутри ЦК возоблидала точка зрения, согласно которой обострение конфликта между властью и революционерами в ближайшей перспективе неизбежно (что, однако, не помещало эсерам участвовать в выборах во II Думу), в силу чего партия должна отказаться от взятых на себя ограничений. При этом возвращение к тактике террора сопровождало признание необходимости экспроприации оружия и денег (при условии контроля со стороны областных комитетов) (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 42. Л. 75).

Однако решение о возобновлении террористической активности вскоре было отменено. Эсеры получили 37 мест в новой Государственной Думе, партия получила парламентский статус, в силу чего на прошедшем 12–15 февраля 1907 г. в Таммерфорсе (Великое княжество Финляндское) II съезде социалистов-революционеров было принято решение временно ослабить террор (Кузнецов, 2010: 34).

Однако описанные выше решения на практике затрагивали преимущественно центральный аппарат террора в лице Боевой организации. К тому времени, помимо летучих боевых отрядов, были созданы боевые дружины местных комитетов партии. Они формировались из активистов на местах и подчинялись на практике региональным органам партии. В некоторых случаях данные структуры

комплектовались фактически из криминальных элементов и подчинялись лишь своему непосредственному руководству, представляя собой скорее концентрирующиеся на грабежах банды, чем полноценные террористические ячейки. Пребывание многих авторитетных лидеров партии, обладавших организационными навыками, в эмиграции либо в ссылке создавало при этом благоприятные условия для автономизации террористических структур на местах. В данном случае необходимо подчеркнуть, что В.М. Чернов играл в партии скорее роль стратега и идеолога, но не обладал навыками, необходимыми для налаживания повседневного функционирования организации как единой структуры. В то же время руководство Боевой организации всячески стремилось сохранить за собой статус обособленной структуры с высоким барьером доступа для новых членов. Его представители (как и большинство членов ЦК) скептически относились к идее превращения Боевой организации в центр принятия решений в рамках выстраивания террористической активности. Принцип сетевого построения структур эсеров-террористов затруднял для правоохранителей борьбу с ними, но в то же время делал невозможным выстраивание полноценной системы централизованного управления террором. Ситуацию усугубляло то, что с началом широкомасштабного использования экспроприаций местные ячейки эсеров приобрели собственный источник приобретения денежных средств и оружия, что закономерно ослабляло их зависимость от ЦК (Гончаров, 1930: 35; РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 37. Л. 58-60; Кошко, 1916: 55).

Как следствие, решения ЦК зачастую слабо влияли на действия местных партийных органов и затрагивали преимущественно Боевую организацию и действовавшие в «столичных» губерниях летучие отряды (Нестроев, 1910: 38-39).

При этом также наблюдалось постепенное расширение числа специфических форм эсеровского террора. К моменту начала революции 1905–1907 гг. на уровне руководства партии были признаны лишь две формы террора – «политический» (заклучавшийся в ликвидации высокопоставленных представителей органов власти на общероссийском и местном уровнях по решению соответствующих структур во внутрипартийной иерархии) и «аграрный». В последнем случае речь шла о насильственной деятельности, в качестве объекта которой выступали личность или имущество землевладельцев – «экономических угнетателей крестьянства». Данная форма террористической деятельности проявлялась посредством вооруженных нападений и убийств крупных и средних землевладельцев (чаще всего – помещиков), уничтожения или захвата их собственности. «Аграрный террор», начиная с 1904 г., продвигала с разрешения ЦК группа эсеров-максималистов во главе с М.И. Соколовым. Необходимо отметить, что собственно члены партии в данном случае выступали скорее в качестве организаторов и методистов. Непосредственными же исполнителями чаще всего были группы «распропагандированных» крестьян, именовавшихся «братствами» (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 5. Л. 20-22).

В скором времени «аграрный террор» был дополнен «фабричной» формой. Следует подчеркнуть, что центральное руководство партии выступало резко против «фабричного террора», однако это мало влияло на низовую активность. «Фабричный террор» фокусировался как на насилии в отношении управляющих, директоров и мастеров на фабричных предприятиях, так и на причинении собственникам экономического ущерба посредством порчи оборудования и уничтожения хозяйственных построек (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 327. Ч. 9. Л. 50; Нестроев, 1910: 22).

Необходимо отметить, что «аграрная» и «фабричная» разновидности террора находили в период революции 1905–1907 гг. широкий отклик как среди крестьян и рабочих, так и со стороны представителей низовых ячеек партии. Однако ЦК ПСР к концу революции приняло решение отказаться от данных форм террористической деятельности (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 45. Л. 10).

Рост числа революционных выступлений в армии и на флоте ожидаемо повлек за собой возникновение специфической формы «военного террора». Его отличительной чертой являлось стремление эсеров уйти от прямого участия в ликвидации офицеров, находящихся на стороне действующей власти. Первоочередными целями «военного террора» являлись подготовка и мотивация солдат и матросов к самостоятельным действиям против командования, в том числе – в рамках восстаний (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 235. Д. 1613. Л. 9).

Также широкое распространение получила практика «тюремного террора». В качестве ее объектов выступали представители судебной и пенитенциарной систем, ставшие известными благодаря наиболее суровым приговорам или жестокому обращению с заключенными. В качестве примера в данном случае можно привести убийство начальника губернской тюрьмы в Саратове, совершенное боевиками дружины регионального комитета эсеров 13 мая 1906 г. Помимо того, члены боевых дружин эсеров регулярно совершали нападения на представителей полиции, пытались освободить членов и сторонников партии из-под стражи (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 701. Л. 77; Кальманович, 1928: 49).

Имел место и «полицейский террор», направленный против правоохранителей. Так, в январе 1906 г. в Пензе был убит Д.Д. Кандауров, возглавлявший полицейский аппарат в административном центре губернии. В декабре 1907 г. самарские эсеры ликвидировали главу губернского жандармского управления полковника М.П. Боброва (Галкин, 1996: 139, 151).

Отдельно необходимо отметить, что на фоне увеличения числа форм террора имело место и размывание «центральной» его разновидности. С течением времени и Боевая организация, и террористические группы местных ячеек партии все чаще нарушали принцип функционального разделения. Наглядным примером в данном случае может служить ликвидация генерал-адъютанта В.В. Сахарова летучим отрядом эсеров в Поволжье в ноябре 1905 г., во время посещения чиновником Саратовской губернии (Мартынов, 2004: 35; Новицкий, 1991: 49).

Одновременно можно зафиксировать начало существенного расширения задач террористических структур местных ячеек эсеров. По мере развития революционного процесса их все чаще использовали для решения задач, не имеющих отношения к ликвидации представителей власти. В частности, им передавались функции выявления и уничтожения провокаторов, проведения экспроприаций и охраны митингов. Последняя форма деятельности стала для эсеров-террористов едва ли не основной в период 1906–1907 гг. При этом вопреки решению центральных органов партии в качестве объектов экспроприации избирались в том числе частные лица. Так, боевая дружина Самарского комитета эсеров летом–осенью 1906 г. совершила серию нападений на винные лавки. При этом неоднократно выявлялись злоупотребления: часть полученных средств утаивалась от ЦК и либо направлялась на нужды местных ячеек партии, либо присваивалась отдельными функционерами (Козлинина, 1913: 23; РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 2. Д. 32. Л. 47).

5. Заключение

В целом можно заключить, что изначально руководство эсеров не было ориентировано на использование террора в качестве основного элемента политической борьбы. Однако обстоятельства генезиса партии, связанные с участием в ее создании активных сторонников террористических методов, отсутствие широкой социальной базы на первых этапах существования и имиджевые результаты крупных акций периода 1902–1904 гг. способствовали значительному росту популярности соответствующих методов. В период революции 1905–1907 гг. руководство партии неоднократно приостанавливало проведение террористических актов из политических соображений и даже намеревалось полностью отказаться от данной формы деятельности. Однако на практике значение соответствующих решений нивелировалось достаточно высокой степенью автономии местных ячеек партии. Первоначально партия концентрировалась на реализации политического террора, направленного исключительно на представителей высшего руководства империи. Однако с началом революции 1905–1907 гг. террор приобрел не только массовый, но и многовекторный характер. В качестве его объектов начали выступать как представители власти, так и частные лица, выступавшие в глазах рядовых сторонников партии в качестве «эксплуататоров». Руководство ПСР в итоге приняло решение отказаться от «фабричного» и «аграрного» террора, несмотря на широкую поддержку данных форм активности на местах. При этом с течением времени местные структуры эсеров-террористов начали утрачивать первоначальную специализацию за счет приобретения новых функций, связанных с решением насущных проблем партийных ячеек. В том числе они переключались на проведение экспроприаций, что в целом разлагающим образом отразилось на состоянии партийных кадров. В целом можно отметить, что руководству эсеров так и не удалось наладить эффективную систему управления террором, что было отчасти связано с выбранным партией сетевым принципом организации политического насилия, отчасти – наличием низкого организационного потенциала у действующего состава ЦК. Последнее обусловило утрату полноценного контроля за террористической активностью и, как следствие, возможности полноценно использовать ее в качестве инструмента борьбы. Политический террор, хотя и повышал роль партии в глазах общественности, не привлекал на ее сторону широкие массы, поскольку прямо либо косвенно не был связан с решением наиболее острых вопросов для общества – аграрного, рабочего и т.д. Ликвидация очередного высокопоставленного чиновника не влекла за собой реформ со стороны власти. Рост массовой поддержки партии частично обеспечивал экономический террор, однако руководство эсеров в итоге отказалось от данной формы работы. Практика функционирования местных ячеек эсеров показала, что для обеспечения их жизнеспособности «силовые» ресурсы партии необходимо использовать для решения иных задач. Таким образом, террористическая тактика эсеров ближе к концу революции 1905–1907 гг. начала исчерпывать свой потенциал, поскольку, с одной стороны, привлекала к партии повышенное внимание со стороны правоохранителей, а с другой – не позволяла далее расширять базу сторонников и добиваться уступок со стороны власти.

Литература

- Берман, 1913 – Берман Я. Влияние социально-правового и экономического фактора на государственную преступность // Право. 1913. № 33. С. 1912-1914.
 Будницкий, 1994 – Будницкий О.В. «Кровь по совести»: терроризм в России. Вторая половина XIX – начало XX вв. // Отечественная история. 1994. № 6. С. 203-209.
 Булдаков, 1997 – Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997.

- Варфоломеев, 2008** – Варфоломеев Ю.В. «Русский способ»: Феномен революционного терроризма в России начала XX в. // *Российский исторический журнал*. 2008. № 2. С. 3-51.
- Варфоломеев, 2009** – Варфоломеев Ю.В. Знаменитые судебные процессы по делам революционных террористов в России (1901–1911). Энгельс, 2009.
- Вахрушев, 2001** – Вахрушев В.А. Исторические аспекты терроризма // *Вестник академии военных наук*. 2011. № 2(35). С. 187-196.
- Вознесенский, 1928** – Вознесенский А.Н. Тени прошлого: (По царским судам). Из воспоминаний политического защитника. М., 1928.
- Галкин, 1996** – Галкин В.В. Царская тайная полиция в борьбе с революционным движением в России (1880–1910 гг.). М., 1996.
- Герасимов, 2004** – Герасимов А.В. На лезвии с террористами / «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М., 2004. С. 141-345.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Головков, 2005** – Головков Г.З. Бунт по-русски: палачи и жертвы: Рандеву с революцией 1905–1907 гг. М., 2005.
- Гончаров, 1930** – Гончаров В.Ф. За Невской заставой: Записки рабочего Алексея Бузинова. М.-Л., 1930.
- Грачев, 1982** – Грачев А.С. Тупики политического насилия: Экстремизм и терроризм на службе международной реакции. М., 1982.
- Гредескул, 1912** – Гредескул Н.А. Террор и охранка. СПб., 1912.
- Гусев, 1975** – Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975.
- Дейч, 1926** – Дейч Л.Г. Провокаторы и террор. По личным воспоминаниям. Тула, 1926.
- Жуков, 1979** – Жуков А.Ф. Идеино-политический крах эсеро-максимализма. Л., 1979.
- Кальманович, 1928** – Кальманович С.Е. Царская расправа. М., 1928.
- Козлинина, 1913** – Козлинина Е.И. За полвека. 1862–1912 гг. (Пятьдесят лет в стенах суда). Воспоминания, очерки и характеристики. М., 1913.
- Кошко, 1916** – Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914). Новгород-Самара-Пенза. Пг., 1916.
- Кузнецов, 2010** – Кузнецов В.Н. Революционный террор и акты экспроприации в Поволжье в начале XX века // *Вопросы истории*. 2010. № 12. С. 24-38.
- Луначарский, 1922** – Луначарский А.В. Бывшие люди: Очерк истории партии эсеров. М., 1922.
- Мартынов, 2004** – Мартынов А.П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов: Воспоминания / «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 28-410.
- Морозов, 1995** – Морозов К.Н. Б.В. Савинков и Боевая организация партии эсеров 1909–1911 гг. // *Минувшее. Исторический альманах*. Выпуск 18. М.-СПб., 1995. С. 243-317.
- Нестроев, 1910** – Нестроев Г.А. Из дневника максималиста. Париж, 1910.
- Новицкий, 1991** – Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991.
- РГАСПИ** – Российский государственный архив социально-политической истории.
- Салтык, 2002** – Салтык Г.А. Неонародническое движение Черноземного Центра России. 1901–1923 гг. М., 2002.
- Черномордик, 1929** – Черномордик С.И. Эсеры (Партия социалистов-революционеров). Харьков, 1929.
- Шарапов, 2009** – Шарапов А.К. Террористический аспект в политической борьбе леворадикальных сил России на рубеже XIX и XX в. // *Вестник алтайской науки*. 2009. № 3. С. 176-189.

References

- Berman, 1913** – Berman, Ya. (1913). Vliyanie sotsial'no-pravovogo i ekonomicheskogo faktora na gosudarstvennuyu prestupnost' [Influence of the socio-legal and economic factor on state crime]. *Pravo*. 33: 1912-1914. [in Russian]
- Budnitskii, 1994** – Budnitskii, O.V. (1994). “Krov' posovesti”: terrorism v Rossii. Vtorayapolovina XIX – nachalo XX vv. [“Blood for Conscience”: Terrorism in Russia. Second half of the 19th – early 20th centuries]. *Otechestvennaya istoriya*. 6: 203-209. [in Russian]
- Buldakov, 1997** – Buldakov, V.P. (1997). Krasnayasmuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya [Red confusion. The nature and consequences of revolutionary violence]. М. [in Russian]
- Chernomordik, 1929** – Chernomordik, S.I. (1929). Esery (Partiya sotsialistov-revolutsionerov) [Socialist-Revolutionaries (Party of Socialist Revolutionaries)]. Khar'kov. [in Russian]
- Deich, 1926** – Deich, L.G. (1926). Provokatory i terror. Po lichnym vospominaniyam [Provocateurs and terror. From personal memories]. Tula. [in Russian]
- Galkin, 1996** – Galkin, V.V. (1996). Tsarskaya tainaya politsiya v bor'be s revolyutsionnym dvizheniem v Rossii (1880–1910 gg.) [Tsarist secret police in the fight against the revolutionary movement in Russia (1880–1910)]. М. [in Russian]

- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation].
- Gerasimov, 2004** – *Gerasimov, A.V.* (2004). Na lezvii s terroristami [On the edge with terrorists]. «Okhranka»: Vospominaniya rukovoditelei okhrannykh otdelenii. T. 2. M.: 141-345. [in Russian]
- Golovkov, 2005** – *Golovkov, G.Z.* (2005). Bunt po-russki: palachi i zhertyvy: Randevu s revolyutsiei 1905–1907 gg. [Revolt in Russian: Executioners and Victims: Rendezvous with the Revolution of 1905–1907]. M. [in Russian]
- Goncharov, 1930** – *Goncharov, V.F.* (1930). Za Nevskoi zastavoi: Zapiski rabochego Alekseya Buzinova [Behind the Nevskaya Zastava: Notes of the worker Alexei Buzinov]. M., L. [in Russian]
- Grachev, 1982** – *Grachev, A.S.* (1982). Tupiki politicheskogo nasiliya: Ekstremizm i terorizm na sluzhbe mezhdunarodnoi reaktzii [Dead Ends of Political Violence: Extremism and Terrorism in the Service of International Reaction]. M. [in Russian]
- Gredeskul, 1912** – *Gredeskul, N.A.* (1912) Terror i okhranka [Terror and secret police]. SPb. [in Russian]
- Gusev, 1975** – *Gusev, K.V.* (1975). Partiya eserov: ot melkoburzhuznogo revolyutsionarizma k kontrevolyutsii [Socialist-Revolutionary Party: from petty-bourgeois revolutionism to counter-revolution]. M. [in Russian]
- Kal'manovich, 1928** – *Kal'manovich, S.E.* (1928) Tsarskaya rasprava [Tsarist massacre]. M. [in Russian]
- Koshko, 1916** – *Koshko, I.F.* (1916). Vospominaniya gubernatora (1905–1914) [Memoirs of the Governor (1905–1914)]. Novgorod-Samara-Penza Pg. [in Russian]
- Kozlinina, 1913** – *Kozlinina, E.I.* (1913). Zapolveka. 1862–1912 gg. (Pyat'desyat let v stenakhsuda). Vospominaniya, ocherki i kharakteristiki [For half a century. 1862–1912 (Fifty years in the walls of the court). Memories, Essays and Characteristics]. M. [in Russian]
- Kuznetsov, 2010** – *Kuznetsov, V.N.* (2010). Revolyutsionnyi terror i aktyekspropriatsii v Povolzh'e v nachale KhKh veka [Revolutionary terror and acts of expropriation in the Volga region at the beginning of the twentieth century]. *Voprosy istorii*. 12: 24-38. [in Russian]
- Lunacharskii, 1922** – *Lunacharskii, A.V.* (1922). Byvshie lyudi: Ocherk istorii partii eserov [Former people: Essay on the history of the Socialist-Revolutionary Party]. M. [in Russian]
- Martynov, 2004** – *Martynov, A.P.* (2004). Moyasluzhba v otdel'nomkorpusezhandarmov: Vospominaniya. «Okhranka»: Vospominaniyarukovoditeleiokhrannykhotdelenii [My service in a separate gendarme corps: Memoirs]. T. 1. M.: 28-410. [in Russian]
- Morozov, 1995** – *Morozov, K.N.* (1995). B.V. Savinkov i Boevaya organizatsiya partii eserov 1909–1911 gg. [Savinkov and the Fighting Organization of the Socialist-Revolutionary Party 1909–1911]. *Minushee. Istoricheskii al'manakh*. Vypusk 18. M., SPb.: 243-317. [in Russian]
- Nestrov, 1910** – *Nestrov, G.A.* (1910). Izdnevnikamaksimalista [Nestrov From the diary of a maximalist]. Parizh. [in Russian]
- Novitskii, 1991** – *Novitskii, V.D.* (1991). Iz vospominanii zhandarma [Novitsky From the memoirs of a gendarme]. M. [in Russian]
- RGASPI** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Social and Political History].
- Saltyk, 2002** – *Saltyk, G.A.* (2002). Neonarodnicheskoe dvizhenie Chernozemnogo Tsentra Rossii. 1901–1923 gg. [Saltyk Neo-People's Movement of the Black Earth Center of Russia. 1901–1923]. M. [in Russian]
- Sharapov, 2009** – *Sharapov, A.K.* (2009). Terroristicheskii aspekt v politicheskoi bor'be levoradikal'nykh sil Rossii na rubezhe XIX i KhKh v. [The terrorist aspect in the political struggle of the left-wing radical forces in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries]. *Vestnik altaiskoi nauki*. 3: 176-189. [in Russian]
- Vakhrushev, 2001** – *Vakhrushev, V.A.* (2011). Istoricheskie aspekty terorizma [Historical aspects of terrorism]. *Vestnik akademii voennykh nauk*. 2(35): 187-196. [in Russian]
- Varfolomeev, 2009** – *Varfolomeev, Yu.V.* (2009). Znamenitye sudebnye protsessy po delam revolyutsionnykh terroristov v Rossii (1901–1911) [The famous revolutionary terrorist trials in Russia (1901–1911)]. Engel's. [in Russian]
- Varfolomeev, 2008** – *Varfolomeev, Yu.V.* (2008). “Russkiisposob”: Fenomen revolyutsionnogo terorizma v Rossii nachala XX v. [“Russian Way”: The Phenomenon of Revolutionary Terrorism in Russia at the beginning of the 20th century]. *Rossiiskii istoricheskii zhurnal*. 2: 3-51. [in Russian]
- Voznesenskii, 1928** – *Voznesenskii, A.N.* (1928). Teniproshlogo: (Po tsarskimsudam). Izvospominanii politicheskogo zashchitnika [Shadows of the Past: (According to the royal courts). From the memoirs of a political defender]. M. [in Russian]
- Zhukov, 1979** – *Zhukov, A.F.* (1979). Ideino-politicheskii krakh eserovskogo maksimalizma [The ideological and political collapse of the Socialist-Revolutionary maximalism]. L. [in Russian]

Эволюция тактики эсеровского террора в период 1902–1907 гг.

Павел Сергеевич Селезнев ^а · * , Станислав Павлович Митрахович ^а , Даниэл Викторович Петросянц ^а , Наталья Викторовна Маланичева ^а

^а Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Представленное исследование посвящено вопросу эволюции тактики эсеровского террора в период 1902–1907 гг. Целью работы является оценка динамики террористической тактики эсеров в период 1902–1907 гг. с учетом влияния внешних и внутренних факторов. В основе методологии исследования лежат элементы структурного, диахронного и дескриптивного анализа. Источниковая база работы включает в себя корпус источников личного происхождения, документы из фондов Центрального комитета партии эсеров (РГАСПИ) и Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи (ГАРФ). На основании результатов проведенных изысканий сделан вывод, что изначально руководство эсеров не было ориентировано на использование террора в качестве основного элемента политической борьбы. Однако обстоятельства генезиса партии, связанные с участием в ее создании активных сторонников террористических методов, отсутствие широкой социальной базы на первых этапах существования и имиджевые результаты крупных акций периода 1902–1904 гг. способствовали значительному росту популярности соответствующих методов. В период революции 1905–1907 гг. руководство партии неоднократно приостанавливало проведение террористических актов из политических соображений и даже намеревалось полностью отказаться от данной формы деятельности. Однако на практике значение соответствующих решений нивелировалось достаточно высокой степенью автономии местных ячеек партии. Первоначально партия концентрировалась на реализации политического террора, направленного исключительно на представителей высшего руководства империи. Однако с началом революции 1905–1907 гг. террор приобрел не только массовый, но и многовекторный характер. В качестве его объектов начали выступать как представители власти, так и частные лица, выступавшие в глазах рядовых сторонников партии в качестве «эксплуататоров». Руководство ПСР в итоге приняло решение отказаться от «фабричного» и «аграрного» террора, несмотря на широкую поддержку данных форм активности на местах. При этом с течением времени местные структуры эсеров-террористов начали утрачивать первоначальную специализацию за счет приобретения новых функций, связанных с решением насущных проблем партийных ячеек.

Ключевые слова: эсеры, террор, революция 1905–1907 гг., Боевая организация, экспроприации.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: PSeleznev@fa.ru (П.С. Селезнев), SPMitrahovich@fa.ru (С.П. Митрахович), DVPetrosyants@fa.ru (Д.В. Петросянц), NVMalanicheva@fa.ru (Н.В. Маланичева)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1936-1944
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1936

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Agrarian Question in the Program of the Cadet Party in 1905–1907

Sergey V. Rastorguev^{a, *}

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The presented study is devoted to the dynamics of the content of the agrarian program of the Cadet Party in the period 1905–1907. The research methodology is formed to account for the synthesis of elements of the observed, structural and descriptive analysis. The basis of the basic work includes unpublished files and production documents of the Cadet Party, revealing the topics of internal discussions on the agrarian question. The author concludes that during the observed period, the agrarian program of the Cadets as a whole has undergone few changes, but the ways and possibilities of its changes have caused active discussions within the party. The reason for the fierce disputes was primarily the basic contradiction of the agrarian project of the Cadets. Initially, it was built around the idea of achieving a balance of interests between peasants and large landowners. In the end, however, this proved unattractive to the peasants and aroused a sensitivity of dislike towards the majority of the inhabitants. Under the circumstances, the party radicalizes its approach to solving the agrarian question and enlists the support of the majority of the peasants. However, there were moderates within the party opposed to this. In the end, the leaders of the Cadets refused to resolve this issue in any way, thereby "freezing" the problem of radiation prevention of a split within the party. In most cases, the Cadets limited themselves to the specific presence of the program. As a result, the party actually lost its side of expanding support both from the moderate liberals (who were impressed by the Octobrists) and from the broad masses of the peasantry, which led to a fall in its assessment among the bulk of the population in the future. The Cadets were forced to secure for themselves the image of the "party of an educated minority". In the long term, the rejection of the long-term development of the agrarian program led to the political defeat of the Cadets already in the course of the events of 1917, since the "Milyukovites" and their allies could no longer offer the soldiers' mass initiative for their subject of bargaining as part of the pursuit of the thesis of war "to a victorious end". At the same time, it is necessary to urge that during the period of the revolution of 1905–1907. The party had the potential to increase support for its agrarian program among all sections of the peasantry. It should be especially noted that, at the same time, the implementation of the agrarian program of the Cadets could exacerbate ethnic strife in some of the ethnic outskirts of the empire.

Keywords: cadets, agrarian question, peasantry, landowners, reforms.

1. Введение

К началу XX в. подавляющее большинство населения Российской империи проживало в деревне. И потому ключевым вопросом внутренней политики закономерно являлся аграрный, то есть проблема крестьянского перенаселения и, как следствие, малоземелья. Даже бурно растущая промышленность не могла абсорбировать избыточную массу населения. При этом зависимость экономики от хлебного экспорта регулярно ставила власти империи перед сложным выбором: стоит ли пожертвовать продовольственной безопасностью ради получения прибыли помещиков-экспортеров и товарных крестьянских хозяйств? Решение земельного вопроса за счет

* Corresponding author

E-mail addresses: SRastorguev@fa.ru (S.V. Rastorguev)

перераспределения земель так или иначе затрагивало интересы ключевых политических «игроков» в лице членов императорской фамилии, церкви и крупных землевладельцев из числа дворян и предпринимателей. После издания Манифеста 17 октября 1905 г. и вплоть до установления режима «третьеиюньской монархии» именно позиция политических партий по аграрному вопросу определяла распределение голосов избирателей между участниками электорального процесса.

Вполне закономерно, что аграрный вопрос достаточно быстро превратился в главную детерминанту внутривнутриполитической борьбы в империи. Однако изучение межпартийной борьбы вокруг соответствующей повестки чаще всего протекает в статическом ключе: позиция той или иной силы относительно аграрного вопроса позиционируется в уже завершенном виде, без учета ее эволюции и внутривнутрипартийных дискуссий. Равным образом динамика положения политических акторов анализируется зачастую без учета того, как корректировалась их аграрная программа в ходе налаживания обратной связи с крестьянской массой и губернскими, уездными комитетами.

Обозначенные тенденции фиксируются, в частности, в рамках освещения истории кадетской партии в 1905–1907 гг., когда конституционные демократы достигли пика своего влияния на политический процесс в России. Это закономерно побуждает научное сообщество к проведению дополнительных исследований в рамках комплексного осмысления рассматриваемого вопроса.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования формируют в первую очередь ранее не опубликованные делопроизводственные материалы кадетской партии, отложившиеся в соответствующем фонде Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), и ее программные документы.

Помимо того, при написании работы активно использовалась дореволюционная литература по соответствующей проблематике. Достоинством данного вида источников является достаточно хорошая осведомленность авторов, многие из которых имели непосредственное отношение к описываемым событиям.

Методология работы основана на синтезе сравнительного, структурного и дескриптивного анализа. Сравнительный анализ применялся для сопоставления позиций партии по аграрному вопросу в разные периоды и для выявления специфики мнений конкретных групп внутри партии и их лидеров. С помощью сравнительного анализа выявляются тенденции эволюции программных положений в период Первой русской революции и деятельности двух первых созывов Государственной Думы.

Структурный анализ позволил выявить основные механизмы решения аграрного вопроса кадетами. Данные механизмы отражают системные представления руководства партии о целях, ресурсах и стратегии решения аграрного вопроса в контексте предвыборной борьбы за голоса крестьян. Дескриптивный анализ дал возможность аналитически описать трансформацию позиции партии в целом, а также скрытое противостояние левого и правого крыла партии, которое сглаживала компромиссная позиция центристов.

В качестве методологической рамки используется концепция «групп интересов», которая позволяет выявлять в публичной деятельности коллективных акторов (политических партий), декларируемых лозунгах, предвыборных программах фундаментальные, прежде всего материальные, интересы определенной социальной группы.

3. Обсуждение

В рамках дореволюционной историографии тема получила освещение преимущественно в контексте описания конкуренции партий в борьбе за голоса крестьянского электората и попыток согласовать аграрные проекты с представителями землевладельческой элиты (Балашев, 1915; Винавер, 1907; Езерский, 1907; Зворыкин, 1905; Львович, 1906; Мышцин, 1906; Скворцов, 1906; Ухтубужский, 1912). При этом, как правило, авторы в порядке самоцензуры не использовали сведения, которые могли бы негативно позиционировать их политических симпатизантов, либо выступали с апологией последних.

В советский период в научный оборот был введен широкий пласт ранее неизвестных источников. Однако исследователи были вынуждены следовать заданному официальной идеологией тезису об априорной бесперспективности аграрных проектов противников большевиков (Волобуев, Миллер, Шелохаев, 1989; Гиндин, 1963; Иллерицкая, 1981; Комин, 1965; Лаверычев, 1967; Спиринов, 1968; Спиринов, 1977; Черменский, 1970; Шелохаев, 1970).

В современный период были произведены достаточно успешные попытки ревизии темы на основе принципа объективности и вовлечения в источниковую базу новой эмпирики, в том числе полученной в процессе междисциплинарных исследований. Однако развитие научной разработанности темы во многом продолжают определять сформулированные ранее историографические традиции. Большое влияние на развитие степени изученности темы оказывает и социально-политическая конъюнктура (Верхолюмова, 2007; Галай, 1991; Дорофеев, 2006; Кочешков, 2019; Марченя, Разин, 2012; Нефедова, 2017; Шардыко, 2005; Шаццлло, 1985; Шукин, 2004).

Все это свидетельствует о необходимости проведения дальнейших изысканий в рамках заявленной тематики.

4. Результаты

Первые попытка выработки системного решения аграрного вопроса была предпринята будущими лидерами партии кадетов в рамках съезда земцев-конституционалистов 24-26 февраля 1905 г. В данном случае необходимо пояснить, что именно земцы-конституционалисты вместе с «Союзом освобождения» в итоге выступили в качестве структурной первоосновы при создании кадетской партии. Дискуссии в рамках съезда позволили будущим кадетам рамочно определить свою аграрную программу в следующем виде:

- проблема крестьянского малоземелья должна быть минимизирована посредством создания государством особого земельного фонда, в состав которого вошли бы изъятые казенные земли, часть уделных владений императорской фамилии и приобретенные в формате обязательного выкупа (по «справедливой цене» ниже рыночного уровня) части помещичьих владений. При этом в последнем случае устанавливался приоритет относительно изъятия конкретных типов земель. Так, первоначально планировалось в возмездном порядке реквизировать у землевладельцев водопой, выгоны, «черезполосные» земли и угодья, примыкавшие к крестьянским владениям. В последнюю очередь, в качестве чрезвычайной меры, допускался принудительный выкуп арендуемого у землевладельца участка. Выработку соответствующих решений предлагалось доверить органам медиации в лице общественно-государственных посреднических комиссий (Белоконский, 1907: 26; Кувшинов, 1997: 15; Мартынов, 1914: 32-33);

- перераспределение земельного фонда должны дополнить государственные программы переселения избыточного аграрного населения;

- их реализацию следует подкрепить реформой функционирования Крестьянского банка в ключе создания системы мер поддержки аграрных кооперативов и повышения доступности кредитования для мелких и средних собственников;

- в рамках регулирования поземельных отношений необходимо ликвидировать пробелы и противоречия в межвом законодательстве, добиться исчерпывающей регламентации порядка аренды и запретить практику обмена участками (Львович, 1906: 27-28; Шардыко, 2005: 125-127).

В роли второго элемента парадигмы взглядов кадетов на аграрный вопрос выступили положения программы Союза освобождения, принятой в марте 1905 г. Члены союза выработали формальный консенсус относительно необходимости следующих мер:

- наделения как безземельных, так и малоземельных крестьян новыми владениями путем изъятия государственных и кабинетских земель (являвшихся собственностью императорской фамилии). В пределах губерний, где соответствующие типы земельной собственности отсутствовали, предлагалось изымать помещичьи владения на основе принципа выкупа;

- параллельно должен был быть сформирован государственный фонд, основной функцией которого стало бы переселение крестьян из наиболее малоземельных губерний;

- также члены Союза освобождения настаивали на необходимости ревизии системы правового регулирования земельной аренды в рамках расширения и упрочения прав арендаторов;

- увеличения зоны охвата фабричного законодательства за счет распространения его норм на наемных работников, занятых в аграрной сфере, с учетом специфики их рода деятельности (Винавер, 1907: 8; Кирьянов, 2006: 24; Мышцин, 1906: 23-24; Шелохаев, 1970: 182-184).

Таким образом, к моменту начала организационного оформления кадетской партии внутри структур, выступивших в роли основы для ее конституирования, уже были выработаны программы решения аграрного вопроса, в большинстве аспектов идентичные по своему содержанию.

Последнее первоначально способствовало отсутствию острых дискуссий относительно позиции партии по решению аграрного вопроса при обсуждении соответствующего раздела ее программы в ходе учредительного съезда (был проведен 12-18 октября 1905 г.). В итоге Конституционно-демократическая партия официально продекларировала свой взгляд на решение проблем в аграрном секторе следующим образом:

- политика государства в данной области должна преследовать цель увеличения площади наделов, обрабатываемых владельцами при помощи собственного труда, т.е. поддержки мелких и средних собственников;

- изъятие частновладельческих или государственных земель принципиально допустимо, но лишь в необходимых пределах и при условии обязательного возмещения по справедливой (но не рыночной) цене за счет казны;

- поддержка мелких и средних землевладельцев из числа крестьян должна предполагать в том числе наделение их дополнительными участками, выделяемыми специальным государственным земельным фондом, созданным путем изъятия казенных, уделных, кабинетских, монастырских земель, а также отчуждения части помещичьих владений (за исключением хозяйств, практикующих передовые методы аграрного производства) (Программы политических партий, 1995: 72).

Стратегической целью аграрной программы партии объявлялось увеличение удельной доли земельного фонда, обрабатываемого за счет личного труда владельцев, что предполагало в первую очередь наделение земель мелких собственников.

Следует также особо отметить, что выбор механизма передачи земель крестьянам (напрямую или через общину) и форму обладания недвижимостью (собственность или право пользования) предполагалось установить в зависимости от специфики землевладения и землепользования в конкретных регионах (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 1. Л. 17; Езерский, 1907: 9).

По оценкам членов ЦК партии (в частности, А.Я. Хоментовского), крестьяне в целом позитивно отреагировали на аграрную составляющую программы кадетов, но их представители так и не подписали документ из-за его неопределенности. При этом землевладельцы (т.е. в первую очередь дворяне-помещики) восприняли ее крайне негативно. И это, наряду с вовлечением в партию новых членов, включая представителей региональных отделений с собственными взглядами на решение аграрного вопроса, способствовало возникновению острой полемики (Васильев, 1907: 35).

В ходе расширенного заседания ЦК кадетов, прошедшего 12-14 ноября 1905 г., был поднят вопрос о коррекции позиции партии по аграрному вопросу в пользу крестьян. Так, А.И. Шингарев предложил сделать акцент на отчуждении частновладельческих земель, чтобы привлечь на сторону кадетов крестьянскую массу (т.е. подавляющее большинство избирателей) и обеспечить присутствие ее представителей на новом съезде. Эту позицию поддержал и Г.В. Филатьев, представлявший партийные структуры на территории области Войска Донского. Е.Н. Трубецкой и Л.Н. Новосильцев охарактеризовали аграрную программу партии как излишне умеренную. Однако ряд членов ЦК высказался резко против данной точки зрения, приводя в качестве аргументов кейсы из опыта конкретных регионов (собранные в рамках обсуждения программы в губернских комитетах). В частности, А.А. Свечин настаивал на том, что крестьяне черноземных губерний – выраженные индивидуалисты, вполне готовые к активному проникновению в аграрную сферу товарно-денежных отношений и с недоверием относящиеся к планам отчуждения у кого-либо земельной собственности (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 27. Л. 9; Скворцов, 1906: 17).

А.Я. Хоментовский настаивал на том, что в умеренном виде аграрная программа отталкивает как крестьян, так и помещиков, поэтому нужно либо включить в нее пункт о полномасштабном изъятии частных угодий, либо вовсе отказаться от этой меры. А.Н. Букейханов обратил внимание однопартийцев на то, что многие кабинетские земли, которые планировалось использовать для решения аграрного вопроса, фактически находятся в пользовании коренного населения национальных окраин империи, и их изъятие фактически спровоцирует «инородцев» на бунт. В итоге члены ЦК так и не пришли к консенсусу относительно направлений коррекции аграрной программы партии (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 27. Л. 12).

В ходе II съезда партии (прошедшего в январе 1906 г.) развернулась острая полемика вокруг предложений особого аграрного комитета кадетов, выраженных П.Д. Долгоруковым и А.А. Кауфманом.

Первый представил однопартийцам доклад, ключевые тезисы которого предполагали минимизацию изменений в уже сформулированной позиции по земельному вопросу. Изменения предполагалось вносить лишь в части определения потребного для крестьянина количества земли, конкретизации размеров или процедуры оценки стоимости отчуждаемых участков арбитражными комиссиями из местных общественных деятелей и представителей крестьян (с учетом их средней доходности при условии обработки собственными силами и без учета арендной платы), утверждения форм землепользования и проработки стимулов для развития интенсивного земледелия (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 35. Л. 29-31; Езерский, 1907: 31).

А.А. Кауфман в своем докладе настаивал на том, что наделение крестьян землей по норме, соответствующей трудовым возможностям домохозяйства, невозможно. Даже возвращение к нормам подушевого крестьянского владения землей на 1861 г. (4 десятины на человека), согласно подсчетам А.А. Кауфмана, потребовало бы изъятия 75 млн десятин при наличных 50 млн, сосредоточенных в руках помещиков и иных собственников, не занимающихся непосредственно обработкой земли. В связи с этим А.А. Кауфман предложил решать аграрный вопрос не столько в контексте перераспределения земель, сколько за счет «повышения культуры и введения правовых норм» (что предполагало необходимость увеличения производительности труда в сельском хозяйстве примерно в 2,5 раза и сохранения крупных хозяйств). При этом признавалась необходимость частичного и оперативного наделения крестьян хотя бы ограниченным количеством земли ради предотвращения роста беспорядков. Достичь последнего предлагалось за счет использования казенных и удельных земель, а также переселения крестьян в азиатскую часть империи (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 35. Л. 32-35).

Доклады членов особого комитета подверглись острой критике как слева (Н.Н. Черненко, В.М. Владиславлев, Ф.А. Березов, П.С. Усов, В.Е. Якушкин), так и справа (Л.И. Петражицкий, Ф.И. Родичев, Л.В. Гантовер). В итоге И.И. Петрункевич предложил не вносить в программу партии существенных изменений, а лишь конкретизировать отдельные ее положения в соответствии с

пожеланиями участников дискуссии. Это предложение было поддержано большинством делегатов (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 35. Л. 37-38, 41-43, 45, 47).

Как результат, по итогам съезда были лишь конкретизированы пункты аграрной программы, касающиеся изъятия земель помещиков. Все потенциально подлежащие отчуждению частные владения разделили на три вида в соответствии с принципом приоритетности реквизиции.

К первому типу (безусловно подлежащим изъятию) отнесли владения, которые представляли собой источники рентного дохода для владельцев, т.е. участки, арендуемые крестьянами либо обрабатываемые их инвентарем.

Ко второму типу владений (условно подлежащим изъятию) отнесли земли, обрабатываемые сугубо силами самих владельцев (точнее – их постоянных работников) при помощи собственного инвентаря. В данном случае подчеркивалось, что отчуждение земель данного типа может спровоцировать нарушение уже сложившегося единого хозяйственного комплекса;

К третьему типу относились не подлежащие изъятию земли, обладающие исключительным культурным значением (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 35. Л. 48-52).

В ходе III съезда кадетов (проходил 21–25 апреля 1906 г.) положения аграрной программы партии были конкретизированы, а в некоторых аспектах подверглись расширению. Во-первых, было одобрено предложение расширить круг источников для формирования государственного земельного фонда. В его состав предложили включать все церковные (а не только монастырские) владения и, при необходимости, участки, принадлежащие коммерческим структурам. Во-вторых, государственный земельный фонд было решено сделать структурой, функционирующей на постоянной основе.

В-третьих, были установлены критерии отчуждения земель, находившихся в частном владении. В частности, реквизиции на возмездной основе подлежали участки, чей размер выходил за пределы высшей планки площади владений, установленной законом для конкретной местности. Также к категории отчуждаемых были отнесены сдаваемые в аренду земли и участки, обрабатываемые за счет наемного труда крестьян. Кроме того, изымать предлагалось необрабатываемые земли, пригодные, в соответствии с оценкой профильных структур, для сельскохозяйственного использования (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 47. Л. 29-30).

В-четвертых, кадетами был решен вопрос о порядке распределения отчужденных земель между крестьянами. На один средний двор предполагалось выделять 6 десятин земли. При этом лидеры партии фактически признавали, что даже в этом случае крестьянское хозяйство будет испытывать затруднения с полноценным обеспечением собственных нужд в продовольствии. Эта оценка, в том числе, выступала в качестве одного из обоснований отказа от полного изъятия помещичьих земель, поскольку работа на землевладельцев служила для крестьян источником дополнительного заработка. При этом было решено, что между крестьянами будет распределена лишь часть изъятых угодий, прочие же войдут в состав государственного земельного фонда и будут сдаваться крестьянам на условии долгосрочного пользования (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 47. 31-33).

Таким образом, фактически именно на III съезде кадетов аграрная программа партии приобрела законченный вид и в дальнейшем в нее не вносились принципиальные изменения (Щукин, 2004: 24).

Итак, кадеты привязывали решение аграрного вопроса в первую очередь к устранению крестьянского малоземелья. Данный ориентир в их программе прочно увязывался с задачей повышения эффективности производства сельхозпродукции. При этом партия признавала необходимость оперативного увеличения размера крестьянских наделов с целью предотвращения восстаний на фоне дальнейшей экономической поляризации сельского населения и увеличения его численности. Аграрная программа кадетов не включала в себя радикальных мер, способных полностью либо по большей части устранить проблему аграрного перенаселения. Партия скорее предлагала обеспечить временной лаг для поиска соответствующего решения в отдаленном будущем.

5. Заключение

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода аграрная программа кадетов в целом претерпела мало изменений, однако пути и возможности ее изменения выступали в качестве повода для активных дискуссий внутри партии. Поводом для ожесточенных споров служило в первую очередь базовое противоречие аграрного проекта кадетов. Изначально он был выстроен вокруг идеи достижения баланса интересов между крестьянами и крупными землевладельцами. Однако в итоге данный подход оказался малопривлекательным для крестьян и вызвал решительное неприятие большинства помещиков. В сложившихся условиях партия могла радикализировать подход к решению аграрного вопроса и заручиться поддержкой большинства крестьян.

Однако против этого выступили умеренные внутри партии. В итоге лидеры кадетов отказались решать данный вопрос каким-либо образом, тем самым «заморозив» проблему ради предотвращения раскола внутри партии, то есть кадеты ограничились конкретизацией отдельных положений программы. В результате партия фактически лишила себя потенциала наращивания поддержки как со стороны умеренных либералов (которым импонировали октябристы), так и со стороны широких

масс крестьянства, что обусловило в перспективе падение ее популярности среди основной массы населения. Кадеты вынуждено закрепили за собой образ «партии образованного меньшинства».

В долгосрочной перспективе отказ от дальнейшего развития аграрной программы обусловил политическое поражение кадетов уже в ходе событий 1917 г., поскольку «милюковцы» и их союзники уже не могли предложить солдатской массе привлекательный для нее предмет торга в рамках отстаивания тезиса о войне «до победного конца». Тем не менее необходимо подчеркнуть, что в период революции 1905–1907 гг. партия имела потенциал для наращивания поддержки своей аграрной программы среди всех слоев крестьянства. Отдельно также важно отметить, что в то же время реализация аграрной программы кадетов могла обострить межнациональную рознь на окраинах империи, заселенных коренными национальностями.

Литература

- Балашев, 1915 – Балашев И.П. Берегите Думу. Пг., 1915.
- Белококонский, 1907 – Белококонский И.П. Земское движение до образования партии народной свободы // *Былое*. 1907. № 10. С. 246-270.
- Васильев, 1907 – Васильев Н.П. Правда о кадетях. СПб., 1907.
- Верхоломова, 2007 – Верхоломова С.Н. Аграрный законопроект Пешехонова в I и II Государственных Думах: постановка вопроса о характере крестьянского землепользования // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2007. № 4(140). С. 74-77.
- Винавер, 1907 – Винавер М.М. Конфликты в первой Думе. СПб., 1907.
- Волобуев и др., 1989 – Волобуев О.В., Миллер В.И., Шелохаев В.В. Непролетарские партии России: итоги изучения и нерешенные проблемы / Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С. 10-11.
- Галай, 1991 – Галай Ш. Конституционалисты-демократы и их критики // *Вопросы истории*. 1991. № 12. С. 3-14.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Гиндин, 1963 – Гиндин И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // *История СССР*. 1963. № 2. С. 57-80.
- Дорофеев, 2006 – Дорофеев М.В. Земельный вопрос и переселение в Сибирь в годы столыпинской аграрной реформы // *Омский научный вестник*. 2006. № 9(47). С. 32-34.
- Езерский, 1907 – Езерский Н.Ф. Государственная дума первого созыва. Пенза, 1907.
- Зворыкин, 1905 – Зворыкин Н.Н. Крестьянское землеустройство и необходимая аграрная реформа в России. СПб., 1905.
- Иллерицкая, 1981 – Иллерицкая Е.В. Аграрный вопрос: провал аграрных программ и политики непролетарских партий в России. М.: Наука, 1981.
- Кириянов, 2006 – Кириянов И.К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006.
- Комин, 1965 – Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965.
- Кувшинов, 1997 – Кувшинов В.А. Кадеты в России и за рубежом (1905–1943 гг.). М., 1997.
- Кочешков, 2019 – Кочешков Г.Н. Русская революция и аграрный вопрос: время несбывшихся надежд. Ярославль, 2019.
- Лаверычев, 1967 – Лаверычев В.Я. По ту сторону баррикад. Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967.
- Львович, 1906 – Львович А. Партии и крестьянство в Государственной думе. Ростов-на-Дону, 1906.
- Мартынов, 1914 – Мартынов А. Конституционно-демократическая партия // *Общественное движение в России в начале XX века*. Т. III. Кн. 5. Партии – их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в думе. СПб., 1914. С. 1-72.
- Марченя, Разин, 2012 – Марченя П.П., Разин С.Ю. Аграрный вопрос и русская революция: первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» *Российская история*. 2012. № 5. С. 219.
- Мышцин, 1906 – Мышцин В.Н. Политические партии и их идеалы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1906.
- Нефедова, 2017 – Нефедова О.М. Аграрный вопрос в программах и практике российских либералов начала XX в. / *Прорывные научные исследования: проблемы, закономерности, перспективы*. Сборник статей IX Международной научно-практической конференции. В 4 частях. Пенза, 2017. С. 11-14.
- Программы политических партий, 1995 – Программы политических партий России (конец XIX в. – XX в.). М., 1995.
- Скворцов, 1906 – Скворцов Л.И. Аграрный вопрос и государственная дума. СПб., 1906.
- Спирин, 1968 – Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968.

- Спирин, 1977** – *Спирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977.
- Ухтубужский, 1912** – *Ухтубужский П.* Наши идеалы и русская современность // *Прямой путь*. 1912. № 10. С. 1-15.
- Черменский, 1970** – *Черменский Е.Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. 2-е изд. М., 1970.
- Шардыко, 2005** – *Шардыко И.В.* Аграрный вопрос в программных документах партии кадетов (1907–1917 гг.) // *Романовские чтения. Сборник трудов Международной научной конференции*. Могилев, 2005. С. 126-131.
- Шацилло, 1985** – *Шацилло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985.
- Шелохаев, 1970** – *Шелохаев В.В.* Аграрная программа кадетов // *Исторические записки*. М., 1970. Т. 86. С. 172-230.
- Щукин, 2004** – *Щукин Д.В.* Позиция партии кадетов по аграрному вопросу в III Государственной Думе // *Проблемы Российской политической истории / Сборник научных статей*. Воронежский государственный университет. Воронеж, 2004. С. 20-25.

References

- Balashov, 1915** – *Balashov, I.P.* (1915). Beregite Dumu [Take care of Duma]. Pg. [in Russian]
- Belokonsky, 1907** – *Belokonskii, I.P.* (1907). Zemskoe dvizhenie do obrazovaniya partii narodnoi svobody [Zemskoe movement before the formation of the People's Freedom Party]. *Byloe*. 10: 246-270. [in Russian]
- Chermensky, 1970** – *Chermenskii, E.D.* (1970). Burzhuaziya i tsarizm v pervoi russkoi revolyutsii [The bourgeoisie and tsarism in the first Russian revolution]. 2-e izd. M. [in Russian]
- Dorofeev, 2006** – *Dorofeev, M.V.* (2006). Zemel'nyi vopros i pereselenie v Sibir' v gody stolypinskoi agrarnoi reform [Land issue and resettlement in Siberia during the years of the Stolypin agrarian reform]. *Omskii nauchnyi vestnik*. 9(47): 32-34. [in Russian]
- Ezerskii, 1907** – *Ezerskii, N.F.* (1907). Gosudarstvennaya дума pervogo sozyva [State Duma of the first convocation]. Penza. [in Russian]
- Galai, 1991** – *Galai, Sh.* (1991). Konstitutsionalisty–demokraty i ikh kritiki [Constitutional Democrats and Their Critics]. *Voprosy istorii*. 12: 3-14. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].
- Gindin, 1963** – *Gindin, I.F.* (1963) Russkaya burzhuaziya v period kapitalizma, ee razvitie i osobennosti [Russian bourgeoisie in the period of capitalism, its development and features]. *Istoriya SSSR*. 2: 57-80. [in Russian]
- Illeritskaya, 1981** – *Illeritskaya, E.V.* (1981). Agrarnyi vopros: proval agrarnykh programm i politiki neproletarskikh partii v Rossii [The agrarian question: the failure of agrarian programs and the policy of non-proletarian parties in Russia]. М.: Nauka. [in Russian]
- Kir'yanov, 2006** – *Kir'yanov, I.K.* (2006). Rossiiskie parlamentarii nachala KhKh veka: novye politiki v novom politicheskom prostranstve [Russian parliamentarians at the beginning of the 20th century: new politicians in a new political space]. Perm'. [in Russian]
- Kocheshkov, 2019** – *Kocheshkov, G.N.* (2019). Russkaya revolyutsiya i agrarnyi vopros: vremya nesbyvshikhsya nadezhd [The Russian revolution and the agrarian question: the time of unfulfilled hopes]. Yaroslavl'. [in Russian]
- Komin, 1965** – *Komin, V.V.* (1965). Bankrotstvo burzhuaznykh i melkoburzhuaznykh partii Rossii v period podgotovki i pobedy Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii [Bankruptcy of the bourgeois and petty-bourgeois parties in Russia during the period of preparation and victory of the Great October Socialist Revolution]. М. [in Russian]
- Kuvshinov, 1997** – *Kuvshinov, V.A.* (1997). Kadety v Rossii i za rubezhom (1905–1943 gg.) [Cadets in Russia and Abroad (1905–1943)]. М. [in Russian]
- Laverychev, 1967** – *Laverychev, V.Ya.* (1967). Po tu storonu barrikad. Iz istorii bor'by moskovskoi burzhuazii s revolyutsiei [On the other side of the barricades. From the history of the struggle of the Moscow bourgeoisie against the revolution]. М. [in Russian]
- L'vovich, 1906** – *L'vovich, A.* (1906). Partii i krest'yanstvo v Gosudarstvennoi dume [Parties and the peasantry in the State Duma]. Rostov-na-Donu. [in Russian]
- Marchenya, Razin, 2012** – *Marchenya, P.P., Razin, S.Yu.* (2012). Agrarnyi vopros i russkaya revolyutsiya: pervoe zasedanie teoreticheskogo seminarina «krest'yanskii vopros v otechestvennoi i mirovoi istorii» [The Agrarian Question and the Russian Revolution: The First Session of the Theoretical Seminar “The Peasant Question in Russian and World History”]. *Rossiiskaya istoriya*. 5: 219. [in Russian]
- Martynov, 1914** – *Martynov, A.* (1914). Konstitutsionno–demokraticeskaya partiya [Constitutional Democratic Party]. Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale XX veka. Т. III. Kn. 5. Partii – ikh sostav, razvitie i proyavlenie v massovom dvizhenii, na vyborah i v dume. SPb. Pp. 1-72. [in Russian]

- Myshtsin, 1906** – *Myshtsin, V.N.* (1906). Politicheskie partii i ikh idealy [Political parties and their ideals]. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra. [in Russian]
- Nefedova, 2017** – *Nefedova, O.M.* (2017). Agrarnyi vopros v programmakh i praktike rossiiskikh liberalov nachala XX v. [The agrarian question in the programs and practice of Russian liberals at the beginning of the 20th century]. *Proryunye nauchnye issledovaniya: problemy, zakonomernosti, perspektivy. Sbornik statei IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 4-kh chastyakh.* Penza, pp. 11-14. [in Russian]
- Programmy politicheskikh partii, 1995** – Programmy politicheskikh partii Rossii (konets XIX v. – XX v.) [Programs of political parties in Russia (end of XIX – XX centuries)]. M. [in Russian]
- Shardyko, 2005** – *Shardyko, I.V.* (2005) Agrarnyi vopros v programmykh dokumentakh partii kadetov (1907-1917 gg.) [The Agrarian Question in the Program Documents of the Party of Cadets (1907–1917)]. *Romanovskie chteniya. sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Mogilev, pp. 126-131. [in Russian]
- Shatsillo, 1985** – *Shatsillo, K.F.* (1985). Russkii liberalizm nakanune revolyutsii 1905–1907 gg. [Russian liberalism on the eve of the revolution of 1905–1907]. M. [in Russian]
- Shchukin, 2004** – *Shchukin, D.V.* (2004) Pozitsiya partii kadetov po agrarnomu voprosu v III Gosudarstvennoi Dume [The position of the Kadet Party on the agrarian question in the 3rd State Duma]. *Problemy Rossiiskoi politicheskoi istorii. Sbornik nauchnykh statei. Voronezhskii gosudarstvennyi universitet.* Voronezh, pp. 20-25. [in Russian]
- Shelokhaev, 1970** – *Shelokhaev, V.V.* (1970). Agrarnaya programma kadetov [Agrarian program of the Cadets]. *Istoricheskie zapiski.* M., T.86. Pp. 172-230. [in Russian]
- Skvortsov, 1906** – *Skvortsov, L.I.* (1906). Agrarnyi vopros i gosudarstvennaya дума [The Agrarian Question and the State Duma]. SPb. [in Russian]
- Spirin, 1968** – *Spirin, L.M.* (1968). Klassy i partii v grazhdanskoi voine v Rossii [Classes and parties in the civil war in Russia]. M. [in Russian]
- Spirin, 1977** – *Spirin, L.M.* (1977). Krushenie pomeshchich'ikh i burzhuaznykh partii v Rossii (nachalo XX v. – 1920 g.) [The collapse of the landlord and bourgeois parties in Russia (the beginning of the 20th century – 1920)]. M. [in Russian]
- Ukhtubuzhskii, 1912** – *Ukhtubuzhskii, P.* (1912). Nashi idealy i russkaya sovremennost' [Our ideals and Russian modernity]. *Pryamoi put'.* 10: 13-15. [in Russian]
- Vasiliev, 1907** – *Vasil'ev, N.P.* (1907). Pravda o kadetakh [The truth about the cadets]. SPb. [in Russian]
- Verkholomova, 2007** – *Verkholomova, S.N.* (2007). Agrarnyi zakonoproekt peshekhonova v I i II Gosudarstvennykh Dumakh: postanovka voprosa o kharaktere krest'yanskogo zemlepol'zovaniya [Peshekhonov's agrarian bill in the I and II State Dumas: raising the question of the nature of peasant land use]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki.* 4(140): 74-77. [in Russian]
- Vinaver, 1907** – *Vinaver, M.M.* (1907). Konflikty v pervoi Dume [Conflicts in the First Duma.]. SPb. [in Russian]
- Volobuev i dr., 1989** – *Volobuev, O.V., Miller, V.I., Shelokhaev, V.V.* (1989). Neproletarskie partii Rossii: itogi izucheniya i nereshennye problem [Non-proletarian parties in Russia: the results of the study and unresolved problems]. *Neproletarskie partii Rossii v trekh revolyutsiyakh.* M., pp. 10-11. [in Russian]
- Zvorykin, 1905** – *Zvorykin, N.N.* (1905). Krest'yanskoe zemleustroistvo i neobkhodimaya agrarnaya reforma v Rossii [Peasant land management and the necessary agrarian reform in Russia]. SPb. [in Russian]

Аграрный вопрос в программе кадетской партии 1905–1907 гг.

Сергей Викторович Расторгуев^{а, *}

^а Финансовый университет при Правительстве РФ, Российская Федерация

Аннотация. Представленное исследование посвящено изучению динамики содержания аграрной программы кадетской партии в период 1905–1907 гг. Методология исследования сформирована за счет синтеза элементов сравнительного, структурного и дескриптивного анализа. Основа источниковой базы работы включает в себя неопубликованные делопроизводственные документы кадетской партии, раскрывающие тематику внутренних дискуссий по аграрному вопросу. Автор заключает, что на протяжении рассматриваемого периода аграрная программа кадетов в целом претерпела мало изменений, однако пути и возможности ее изменения выступали в качестве повода для активных дискуссий внутри партии. Поводом для ожесточенных споров служило в первую

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: SRastorguev@fa.ru (С.В. Расторгуев)

очередь базовое противоречие аграрного проекта кадетов. Изначально он был выстроен вокруг идеи достижения баланса интересов между крестьянами и крупными землевладельцами. Однако в итоге данный подход оказался малопривлекательным для крестьян и вызвал решительное неприятие большинства помещиков. В сложившихся условиях партия могла радикализировать подход к решению аграрного вопроса и заручиться поддержкой большинства крестьян. Однако против этого выступили умеренные внутри партии. В итоге лидеры кадетов отказались решать данный вопрос каким-либо образом, тем самым «заморозив» проблему ради предотвращения раскола внутри партии. В итоге кадеты ограничились конкретизацией отдельных положений программы. В результате партия фактически лишила себя потенциала наращивания поддержки как со стороны умеренных либералов (которым импонировали октябристы), так и со стороны широких масс крестьянства, что обусловило в перспективе падение ее популярности среди основной массы населения. Кадеты вынужденно закрепили за собой образ «партии образованного меньшинства». В долгосрочной перспективе отказ от дальнейшего развития аграрной программы обусловил политическое поражение кадетов уже в ходе событий 1917 г., поскольку «милюковцы» и их союзники уже не могли предложить солдатской массе привлекательный для нее предмет торга в рамках отстаивания тезиса о войне «до победного конца». В то же время необходимо подчеркнуть, что в период революции 1905–1907 гг. партия имела потенциал для наращивания поддержки своей аграрной программы среди всех слоев крестьянства. Отдельно необходимо отметить, что в то же время реализация аграрной программы кадетов могла обострить межнациональную рознь на некоторых из этнических окраин империи.

Ключевые слова: кадеты, аграрный вопрос, крестьянство, землевладельцы, реформы.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1945-1954
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1945

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“Voprosy Kolonizatsii” Journal as a Historical Source on Colonization Processes in the Russian Empire at the beginning of the 20th century

Goran Rajović ^{a, b, *}, Sergei N. Bratanovskii ^c, Aleksandr Y. Epifanov ^{d, e}, Sergey A. Buryanov ^e

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Russian Federation

^e Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the historiographical analysis of the problems of colonization processes, published in the “Voprosy kolonizatsii” journal, which was published in the Russian Empire at the beginning of the 20th century in St. Petersburg. The source of the work was ten issues of the journal, published in the period from 1907 to 1917. The method of historiographic analysis (the so-called content analysis) became the main in the work, historical-systemic and historical-genetic methods and a complex of general scientific methods (as synthesis, analogy, etc.) were also used.

“Voprosy kolonizatsii” journal filled a narrow but relevant niche for the Russian Empire. The articles studied by authors analyze the process of colonization in the territories of the Caucasus, the Caspian and Black Sea regions, Turkestan and Siberia. The main idea of the analyzed articles is the need for russification of the colonized territories. Some authors (in particular, N. Shavrov) talk about the benefits of friendly relations with local residents (in particular, Cossacks and Chechens), while others (for example, V. Grunberg) believe that russification should be tough (if not violent) character. It can be noted that most of the analyzed articles are not free from the ideas of russian nationalism. Most authors insist on the need to create a special state agency that would coordinate the colonization processes and have the appropriate powers and means.

The articles analyzed here are of great value in terms of containing a huge layer of statistical information on the ethnic, class and confessional composition of the above regions, as well as their economy, industry, geography, etc.

Keywords: periodicals, “Voprosy kolonizatsii” journal, collection of articles, Russian Empire.

1. Введение

Журнал «Вопросы колонизации» издавался с 1907 года и выходил два раза в год. Первоначально он назывался сборником статей, позднее – периодическим сборником. С учетом определенной периодичности выхода в тираж и средним объемом в 200–300 страниц данное издание вполне можно считать журналом (журналом, как известно, называют периодическое издание с постоянной рубрикацией и определенным содержанием (тематикой) статей). Таким образом, «Вопросы колонизации» вполне подходят под определение «журнал». Стоимость его составляла от 1 руб. 75 коп. до 2 руб. 50 коп. (в зависимости от количества страниц). Периодичность выхода – один раз в шесть месяцев.

В первом номере журнала обозначены цель и миссия издания. По мнению редакционной коллегии, «...колонизационная работа нуждается в критике и постоянном идейном освещении ее.

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović)

Это нужно было всегда, но теперь особенно необходимо работать на виду общества и при свете идей (имеется в виду изменение формы правления в Российской империи из абсолютной монархии в де-факто конституционную в результате революции 1905–1907 годов – Авт.). Россия переживает великий момент зарождения новой жизни, нового строя. Колонизация как явление народной жизни не может идти вне общего направления последней: ей в новом строе принадлежит большое значение. Возможно полное освещение колонизации как государственно-народного дела, безусловно, необходимо» (ВК, 1907: 1).

В данной работе мы делаем историографический обзор статей, которые затрагивали проблемы колонизации на территориях Кавказа, Прикаспия и Причерноморья, Туркестана, Сибири, а также северных районов Российской империи и таежных районов Алтая.

2. Материалы и методы

Материалом для работы послужили номера дореволюционного журнала (сборника статей) «Вопросы колонизации».

Анализ выполнен с помощью комплекса исторических и общенаучных методов исследования. Основным в работе стал метод историографического анализа (так называемый контент-анализ).

Из специальных исторических методов был применен историко-системный (статьи, заметки и материалы анализировались в неотрывной связи с историческим контекстом), а также историко-генетический (анализ причинно-следственной связи между появлением статьи на определенную тематику после соответствующего исторического события).

Из общенаучных методов, помимо контент-анализа, применялись такие методы, как синтез, аналогия и пр.

3. Обсуждение

Трудов, которые бы делали историографический анализ содержания периодического сборника «Вопросы колонизации», на сегодняшний день нет. Однако встречаются статьи, в которых основным источником выступает данное издание.

Из советских работ выделим статью В.В. Покшишевского «Пореформенные переселения в Сибирь», опубликованную в сборнике «Заселение Сибири: историко-географические очерки», выполненную под редакцией В.А. Кротова (Покшишевский, 1951). В статье анализируются колонизационные процессы в Сибири, которые были интенсифицированы либеральными реформами Александра II, а также освещаются результаты этой колонизации, напрямую отразившиеся в экономической и политической жизни всей России. К сожалению, статья несвободна от идеологической составляющей, которая нарочито подчеркивает деспотичность и косность «царского режима».

Среди современных работ отметим статью Н.С. Зуевой «Сборник "Вопросы колонизации" о проблемах переселения на Дальний Восток» (Зуева, 2015), в которой она дала общую характеристику журнала, выявила специфику его дальневосточной тематики, особенности переселения и сословный состав переселенцев; также автор анализирует цели и задачи русских переселенцев, в частности, вытеснение труда мигрантов и укрепление представительства славянского этноса.

Также отметим исследование И. Овсянкина «Колонизация и переселенческое дело», вышедшее в сборнике статей «Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков» (составитель В.А. Скубневский и др.) (Овсянкин, 2005). Автор характеризует типы колонизации (добровольная, принудительная и тайная) на Алтай, ее особенности, социальный и этнический состав переселенцев, а также трудности, с которыми сталкивались колонизаторы в процессе заселения Алтайского региона; статья имеет обширные статистические данные.

Публикация М. Соколова «Переселение в Сибирь и ее колонизация», включенная в «Сибирскую советскую энциклопедию» (главный редактор Б.З. Шумяцкий и др.) (Соколов, 1992), исследует проблемы колонизации Сибири, а также насущные задачи, которые вынуждены были решать поселенцы для того, чтобы выжить и развиваться в тяжелом с климатической точки зрения крае.

4. Результаты

Первый номер сборника статей «Вопросы колонизации» вышел в 1907 году, причем сразу на обложке оговаривается тот факт, что издание является периодическим. Редактором выступил О.А. Шкапский, а издавался номер в «Издании А.В. Успенского» в Санкт-Петербурге. Позднее журнал выпускался под редакцией Г.Ф. Чиркина и Н.А. Гаврилова, а издавался при поддержке Санкт-Петербургского книжного магазина «Учебное дело». Также поменялся титул журнала: теперь тип издания трактовался как «периодический сборник».

Архитектоника была следующей: содержание журнала начиналось с нескольких весьма объемных статей по тематике издания, далее могли быть включены соответствующие нормативно-правовые и статистические акты (постановления, отчеты о командировочных работах, записки председателя Совета министров и пр.); следом шел раздел «Хроника», включавший документацию официальных ведомств, ответственных за вопросы колонизации в государстве (проекты, сметы

расходов, положения, заключения различных комиссий и многое другое); завершал содержание библиографический список (а также краткий перечень, содержание, стоимость предыдущих номеров «Вопросов колонизации»).

В связи с задачами данной работы мы анализируем историографию в журнале «Вопросы колонизации», касающуюся соответствующих процессов на территориях Кавказа, Прикаспия и Причерноморья, Туркестана, Сибири, а также северных районов Российской империи и таежных районов Алтая.

В номере 8 «Вопросов колонизации» проблемам русской колонизации на Кавказе посвящена статья Н. Шаврова (Шавров, 1911). Автор указывает, что «переселение русских в пределы Кавказа началось так же, как и переселение в южнорусские степи, на Урал и т.д., то есть в леса севернокавказской низменности, когда-то широко раскинувшиеся в местности, прорезанной р. Кумой, где ныне они совершенно уничтожены, направлялись беглые люди и в них селились кутами (мононациональными деревнями-общинами – Авт.)» (Шавров, 1911: 119). Планомерное заселение, согласно Н. Шаврову, началось в середине XVII века «...по ходатайству Черкасского князя Темрюка крепости Терки на Тюменском городище близ устьев реки Терека, с образованием особого Терского воеводства. Около того же времени был заложен и Сунженский острог, оконченный в 1652 году» (Шавров, 1911: 119). Позднее территория стала заселяться остатками армии Степана Разина, которые «ходили» в Персию за «зипунами» (добычей – Авт.), так называемыми «гребенскими казаками», ставшими ядром Терского казачьего войска. Они брали в жен чеченских женщин, что привело к сильному кровосмешению, но именно с этого обстоятельства началась крепкая дружба двух народов – с этого момента позиция Российской империи на Северном Кавказе была прочно занята: «...С этого времени в течение 200 лет мы применяли один и тот же метод – подвигаясь вперед, мы заселяли русскими наш тыл. Вот как шло заселение этой части Кавказского края» (Шавров, 1911: 119-120).

В правление императрицы Екатерины II 517 семей волжских казаков и 100 семей донских казаков были расквартированы на Кавказе и образовали Моздокский полк. Далее казаки продвигались к Черному и Азовскому морям и заселили территории, ставшими впоследствии Кубанской областью (большая часть современного Краснодарского края – Авт.). В 90-х годах XVIII века от Терских территорий до Черноморского побережья были выстроены несколько редутов (своеобразный прообраз фортов – Авт.), при которых в 12 станицах жили 3 000 семей донских казаков. «Таким образом, путем поселения казачьего войска была на вечные времена закреплена вся обширная полоса от устьев Терека до устьев Кубани», резюмирует автор (Шавров, 1911: 120). Впоследствии, в 1817 году, генерал Ермолов создает Сунженскую линию обороны, заложив ряд крепостей, таких как Грозная, Внезапная, Бурная, Владикавказ и другие.

В 1820 году начинают весьма активно заселяться территории Черноморского казачьего войска, куда переселились 25 000 малороссийских (украинских – Авт.) казаков; заселяются Лабинская и Урупская станицы, а позднее начинается и усиленное заселение Закубанья – территории Майкопского и части Екатеринодарского отделов (Шавров, 1911: 121).

Помимо казаков, в этой местности было много «вольных людей» (не причисленных к казачьим частям и лично свободных подданных Российской империи – Авт.). Н. Шавров пишет: «Станицы закубанские и причерноморские по преимуществу были заселены вольными людьми, которые всегда аттестовались как пьяницы и низкого уровня нравственности люди, что, однако, не помешало им превратиться с течением времени (а именно, по мнению Н. Шаврова, после приписки в казачество – Авт.) в богатое, трудоспособное население и совершенно слиться с казачеством» (Шавров, 1911: 121).

На эти территории в поисках лучшей жизни стали активно приходить иностранцы, а также жители других русских городов из «глубинки». Автор прямо указывает, что «...так как, однако, обойтись без „немцев“ было решительно невозможно, то мы поселили несколько немецких колоний и даже одну шотландскую» (Шавров, 1911: 122), указывая далее: «...говоря о немцах, нельзя не указать на весьма интересное явление: все поселенные на колониистском праве сохранились без малейшего слияния с русским поселением, все же, поселенные на правах государственных крестьян, в течение 25 лет совершенно слились с русским населением и превратились в очень хороших казаков» (Шавров, 1911: 123). Как видим, Российская империя делала ставку на космополитизм, а не национализм, как это принято указывать в некоторых современных работах, считающих, что русификация в процессе колонизации носила весьма агрессивный характер (см., напр., Соколов, 1992).

По аналогичной схеме был заселен и Ставропольский край. Общая численность в Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областях к 1907 году составляла 4,35 млн человек, большинство из которых (почти 90 процентов) составляло сельское население (3 937,1 тыс. против 417,7 тыс. городского населения), причем количество лиц мужского пола преобладало над числом лиц женского пола, прежде всего по причине переезда семейных переселенцев-мужчин, ищущих заработка (Шавров, 1911: 123).

Плотность населения Закавказья и Северного Кавказа, по мнению Н. Шаврова, была приблизительно одинакова; наиболее густо заселенными были Кутаисская губерния, два уезда Эриванской губернии и один округ в Дагестанской области (Шавров, 1911: 147), причем в Кутаисской губернии и Закатальском округе (Тифлисской губернии – Авт.) практически не было русских поселений.

В заключение автор крайне негативно относится к попыткам проявления местного («туземного») национализма: «Итак, рассмотрев ход колонизации Кавказа, мы видим, что Северный Кавказ был заселен русскими и укреплен этим прочно за Россией, Закавказье же мы заселяли иноплеменниками, преимущественно армянами, и создали этим весьма шаткое положение России, возбудив у туземного населения антигосударственные стремления и попытку захватить край в свои руки, не допуская водворения здесь русских. ...Сознав эту ошибку, мы должны употребить все усилия к ее исправлению и устранению последствий ее: путь для этого один – создание преобладания русского элемента в крае»; «От слияния великорусского и малорусского элементов с неизбежной некоторой примесью туземной крови выработается свой тип Закавказского Русского, одаренного свойствами обеих главных национальностей. Насколько превосходный получается при этом тип, видно из примера гребенских и кубанских казаков» (Шавров, 1911: 147). Как видим, тезисы автора несводны от идей русского национализма...

В этом же номере В. Грюнбергом, который занимал должность старшего смотрителя рыболовства, описывается колонизация восточного побережья Каспийского моря (Грюнберг, 1911). Из особенностей колонизации этого региона автор отмечает, что «...из всех областей Туркестанского края одна лишь Закаспийская область не имеет своей особой переселенческой организации и в делах переселения не подведомственна ни одному из существующих в крае районных переселенческих управлений» (Грюнберг, 1911: 220). Автор подчеркивает важность государственного регулирования процессов колонизации: «Нужно ли доказывать, что создание на восточном побережье Каспия непрерывной русской оседлости, вплоть до самой границы с Персией, должно иметь выдающееся государственное значение? Значение это становится ясным само собой, а в особенности в настоящее время, когда государственная необходимость внедрения коренного русского населения во все наши азиатские окраины получила окончательное признание» (Грюнберг, 1911: 220).

Инициатором заселения восточного побережья Каспия, по мнению В. Грюнберга, были русские рыболовы; большую роль в колонизации сыграл генерал А.Н. Куропаткин: «Назначенный в 1890 г. первым самостоятельным начальником Закаспийской области, в то время только что выделенной из состава Кавказского края и образовавшей самостоятельную административную единицу, ген. Куропаткин в самом начале своего управления областью пришел к заключению, что только путем планомерного насаждения русской народности в области можно с большею или меньшею надеждою на успех достигнуть и наиболее быстрого насаждения русской гражданственности в этой нашей новой окраине, в то время только что покорившейся силе русского оружия» (Грюнберг, 1911: 223). Именно А.Н. Куропаткин был сторонником расширения и увеличения числа рыболовецких поселков и активно претворял эту политику в жизнь, давая поселенцам ряд льгот и обеспечивая их всем необходимым.

В заключение В. Грюнберг указывает, что успешность колонизации во многом зависит от наличия «...специально устроенной для этой цели переселенческой организации, обладающей соответствующими полномочиями и располагающей необходимыми денежными средствами» (Грюнберг, 1911: 248).

Землеустройству Черноморского побережья как колонизационному мероприятию посвящена статья Д. Розалиона-Сошальского в 11-м номере журнала «Вопросы колонизации» за 1912 год (Розалион-Сошальский, 1912). Автор подчеркивает, что «...с окончанием покорения Западного Кавказского края туземцы-черкесы почти поголовно покинули свою родину, нынешнюю Черноморскую губернию (осталось всего 5 аулов), и край оставался совершенно пустынным», поэтому «...на основании Положения, Высочайше утвержденного 10 марта 1866 года, преступлено к образованию новых поселений. Согласно этому положению, переселенцы получали землю не в собственность, а в потомственное пользование по расчету 30 дес. на двор» (Розалион-Сошальский, 1912: 198). Законом устанавливалась общинная форма землепользования. Землемерные работы проводились «на глаз», «без планов и съемки», зато земли давали всем желающим, однако желающих было немного, и колонизация региона до 90-х годов XIX века продвигалась весьма вяло. Причину этого Д. Розалион-Сошальский видит в неподходящем колонизационном элементе (казаки, бродячее крестьянство и пр.), а также непригодность восточного Черноморского побережья для зернового сельского хозяйства и скотоводства (Розалион-Сошальский, 1912: 199). Вместе с тем климат представляется автору весьма удобным для проживания.

Из недостатков землеустройства Д. Розалион-Сошальский, прежде всего, выделяет сложный правовой статус дарованной переселенцам земли и, следовательно, неопределенность частной собственности на нее: «Отсутствие определенных правовых отношений к земле стало особенно ощутительно, когда жизнь на побережье начала развиваться, когда явились предприятия на надельных землях, например цементные заводы, дачи, курорты. Бывшие казаки, являясь юридически собственниками, фактически использовать свое право собственности были не в состоянии. После весьма подробного и обстоятельного исследования этого запутанного дела Черноморским вице-губернатором Гребенщиковым, была признана необходимость фактического размежевания слитых воедино двух юридических категорий крестьян» (Розалион-Сошальский, 1912:

204). В заключение автор считает, что справедливым был бы выкуп спорных земель при посредничестве и экономической поддержке (выдача ссуды) государства.

Проблему состояния территорий Азербайджана в Муганской степи в 1913 году освещает «Записка Главноуправляющего землеустройством и земледелием по поездке в Муганскую степь в 1913 г. (Приложение к всеподданнейшему докладу)», опубликованная в 1914 году в 14-м номере журнала ([Записка..., 1914](#)).

Отмечается, что сельское хозяйство не работает на «полную мощность»: «Говорить о сельском хозяйстве Закавказья значит говорить, главным образом, о будущем края, о его сельскохозяйственных „возможностях“. До такой степени настоящее не отвечает разнообразию и богатству природных сил Закавказья. ...Печать запущенности, отсталости, беспорядочной растраты щедрых даров Юга сказывается на всем и прежде всего, конечно, на наиболее ценных культурах» ([Записка..., 1914: 136](#)).

Проблема неразвитости видится в следующем: «Основная причина сельскохозяйственной отсталости Закавказья, однако, – не в недостатке у населения знаний и не в слабости агрономической помощи; она коренится гораздо глубже: в земельной неурядице края. Для дорогих сельских культур, требующих вкладывания в землю больших денег и большого труда, очевидна необходимость оградить раньше всего право на самую землю, снять с нее пастбищные и другие сервитуты, дать хозяину спокойное пользование, не нарушаемое чрепалосностью и захватами, дать ему, наконец, собственность, без чего не может быть ни кредита, ни правильного перехода земель в наиболее умелые руки» ([Записка..., 1914: 142](#)).

С началом Первой мировой войны в журнале появились статьи на военную тематику, а также колониальные задачи воюющих сторон в проблеме передела сфер влияния в мире.

Весьма актуальной для внешней политики тех времен представляется статья Г. Чиркина «Колониальные интересы в современной войне и наши задачи на Ближнем Востоке», опубликованная в 17-м номере журнала за 1915 год ([Чиркин, 1915a](#)). Автор отмечает, что «в современной великой борьбе народов вопросы экономические, а в том числе и колониальные, тесно переплетаясь с политическими, играют едва ли не первостепенную роль. Народно-хозяйственные мотивы, которые привели Германию к воинствующему империализму, а затем и к настоящей мировой войне, в основе своей имеют „колониально-экономические“ интересы», продолжая, что «...для немецкого народа за последние годы с очевидностью стало ясно, что для союзной немецкой империи – как широкой пангерманистской державы явилась настоятельная необходимость развивать свое хозяйство за пределами своих политических границ. Германия стала промышленной страной. Она вывозит фабрикаты, ввозит сырье и продукты питания» ([Чиркин, 1915a: 1](#)). Важнейшую роль в борьбе за колонии играли коммуникации, в том числе и на Ближнем Востоке, части так называемого «шелкового пути»: «Вопрос о Багдадской дороге сделался важнейшей проблемой международных отношений, оказался одним из главнейших „стержней“, вокруг которого вращалась международная политика последнего времени... Багдадская дорога со всеми вопросами, которые она породила, и со всеми изменениями, которые она вызвала в международных отношениях, предопределив, с одной стороны, чрезвычайной важности сдвиг „владычицы“ морей Англии в сторону ее недавних врагов России и Франции, с другой – более тесное вовлечение Австрии, не говоря уже о Турции, в орбиту Германии – представляет собой идеальный тип „мирового пути“» ([Чиркин, 1915a: 12-13](#)). Задачи России же видятся в завладении Черноморскими проливами и укреплении влияния в Персии посредством колонизации через Каспийское море и Закавказье, вытесняя Англию из этих территорий. Первоочередной же задачей видится раздел Турции, оправдываемый религиозными догмами: «Раздел Турции для значительного большинства подвластного ей разноплеменного народа принесет желаемое освобождение из-под турецкого ига и на месте векового рабства создаст условия свободной жизни. Для России раздел Турции открывает возможность осуществления заветных вековых желаний водрузить крест на храм Святой Софии и овладеть „ключом нашего дома“, а для Европы даст лишние надежные гарантии для прочного и долгого мира в мире» ([Чиркин, 1915a: 25](#)).

В этом же номере представляет интерес статья В. Воцинина, анализирующего современные внешнеполитические задачи России в северной части Персии ([Воцинин, 1915](#)). Уже в 1915 году автор не сомневается в победе Антанты: «Переживаемая нами великая битва народов, еще далеко не завершившаяся, но неизбежно сулящая в конечном своем итоге победные лавры державам тройственного согласия (т.е. стран так называемого «сердечного соглашения», или Антанты – Англии, Франции и России; не следует путать с так называемым «тройственным союзом» – Германией, Австро-Венгрией, Италией – Авт.), успела уже обнаружить целый ряд немаловажных последствий» ([Воцинин, 1915: 26](#)). Автор видит Россию в качестве «защитницы порядка и права (защита народов, проживающих в Персии – Авт.) в терзаемой внутренними междоусобицами стране» ([Воцинин, 1915: 28](#)), присоединение территорий современного Ирана, а также постепенное вытеснение оттуда других империалистических держав, прежде всего Великобритании.

В 18-м номере журнала Г. Чиркин задается вопросом о колонизационно-культурных задачах после войны ([Чиркин, 1915b](#)). Первоочередную задачу в послевоенное время автор видит в

задействовании внутренних резервов страны: «Россия с ее обширным глубоким тылом, простирающимся от театра войны в глубь страны на тысячи верст до берегов Тихого океана, таит в себе неисчислимые естественные производительные силы, а в глубинах нашего народа дремлют неисчерпаемые живые силы. В умении их использовать и заключается залог того, чтобы наша родина оказалась в состоянии не только быстро залечить раны, нанесенные небывалой мировой войной, но и открыть путь для той новой культурной мощи, которая возможна и необходима России, как обширной мировой державе, занимающей шестую часть суши, население которой в ближайшие годы достигнет двухсот миллионов человек» (Чиркин, 1915b: 25). Другими задачами, по мнению Г. Чиркина, является создание колонизационных баз в азиатской части России (Чиркин, 1915b: 27), развитие сельского хозяйства в Приамурье и освоение Дальнего Востока (Чиркин, 1915b: 33-36), принятие мер по ограничению вывоза орудий сельско-хозяйственного производства и широкое кредитование крестьян (Чиркин, 1915b: 43-46), а также соглашения с восточными и юго-восточными соседями Российской империи (Персия, Монголия и др.) для взаимовыгодного обмена продукцией (Чиркин, 1915b: 39-41).

В этом же номере Е. Яшнов анализирует проблемы колонизации Туркестана (территория современной Средней Азии – Авт.) за последнее время (Яшнов, 1915). Автор делает исторический экскурс в особенности процесса переселения русскоязычного населения в Туркестан, приводит широкий пласт статистических данных, в частности национальный, сословный и конфессиональный социальный состав региона, экономические и промышленные сведения о количестве производимой продукции и многое другое. Также приводится этнический и сословный состав переселенцев в Туркестанский регион. Так, «...около 3/4 переселенцев падают на долю малороссов (т.е. украинцев – Авт.), впрочем – в значительной мере обрусевших, и лишь 23,5 % составляют великороссы (причем, возможно, что в числе последних зарегистрирована часть и вполне обрусевших малороссов). На первый взгляд остается непонятным, каким образом, несмотря на категорическое требование закона о допущении в край лишь лиц коренного русского происхождения, в числе вновь устроенных в Ташкентском уезде переселенцев оказались 84 немецких семьи» (Яшнов, 1915: 110). «По вероисповеданию, за исключением 2 % католиков и лютеран и 2,2 % сектантов и старообрядцев, вся масса переселенцев – православная. Из сословий крестьянство дает 97,4 % переселенцев» (Яшнов, 1915: 110-111). В целом автор резюмирует, что, несмотря на отдельные нарушения закона, колонизация Туркестана идет весьма успешно и регион органично вписывается в экономическую и социальную сферу Российской империи.

Также в 18-м номере «Вопросов колонизации» П. Хворостанский освещает эволюцию киргизского хозяйства в Тургайской области (территории современного Казахстана и Киргизии – Авт.) (Хворостанский, 1915). Автор начинает статью со статистико-экономического очерка, в котором делает подробнейший анализ этнического, сословного и конфессионального состава региона, кратко описывает историю его колонизации, а также анализирует экономику и географию региона. Определенную трудность для учета статистической информации представляет, по мнению П. Хворостанского, кочевой и полукочевой образ жизни некоторой части населения Тургайской области. Также определенной проблемой является и разный уровень культурного развития народов, населяющих данный регион: «Иргизский (киргизский – Авт.) хлебопашец находится на той ступени, которую перешагнул кустанайский (северо-казахский народ – Авт.) и уже забывает актюбинец (западно-казахский народ – Авт.). ...Размерам запашки сопутствует и большее обеспечение северного (северо-казахского – Авт.) хозяйства мертвым инвентарем» (Хворостанский, 1915: 176). Также, по мнению автора, значительную сложность в управлении регионом представляет тот факт, что народы Тургайской области активно соперничают между собой и занимаются междоусобными войнами/конфликтами. П. Хворостанский приводит занятную информацию, характеризующую местный менталитет и нравы: по производству продуктов питания (данные сведены в таблицу: Хворостанский, 1915: 182) местные жители производят весьма немного продукции (в силу достаточно сурового пустынного климата) и сами потребляют очень немного продукции; однако, когда приезжают гости (в том числе и русскоязычные), то для застолья забивается много скота и поэтому у гостя создается впечатление благополучия: «Необходимо оговориться, что из мясных продуктов при расчете суточного рациона принято только мясо от скота, зарезанного в «согум» (мясо или скот, заготовленные впрок – Авт.), так как при гостях и во время жертв и поминок своей семье достается лишь незначительное количество мяса, а гости не всегда принадлежат к группе В (то есть группа с относительно благополучным рационом – Авт.)» (Хворостанский, 1915: 182). В целом автор подчеркивает исключительную гостеприимность казахов и киргизов, причем – даже в ущерб собственным интересам. В заключение автор подытоживает, что региону нужна планомерная русификация, так как от научных и экономических/промышленных достижений России выигрывают прежде всего местные этносы.

В 20-м номере журнала «Вопросы колонизации» интерес для нас представляет статья Г. Чиркина «Колонизационные задачи на русском севере» (Чиркин, 1917), в которой автор ставит приоритетные, с его точки зрения, экономические, социальные и политические задачи для северных регионов России. Одной из главных задач исследователь считает развитие северного морского пути:

«Поставленная военными событиями необходимость развития северных морских путей и наших северных портов потребовала ускоренного сооружения железнодорожной магистрали, соединяющей Петроград с незамерзающим портом на берегу Ледовитого океана» (Чиркин, 1917: 1). Второй важной задачей представляется широкое строительство железных и грунтовых дорог, а также упорядочение внутренних водных путей, в том числе и устройство каналов; пути сообщения и связанная с ними инфраструктура, по мнению Г. Чиркина, являются совершенно необходимым условием для успешного развития региона. И третья приоритетная задача – это наделение собственностью, прежде всего землей: «Главным побудительным поводом к притоку на север людей и капиталов явится представление возможности каждому русскому подданному прочно приложить его силы и средства к земле» (Чиркин, 1917: 3-4).

П. Кокоулин в этом же номере рассуждает о проблемах и возможностях более качественной колонизации тайги (Кокоулин, 1917). Автор приводит географическую статистику таежной части Сибири и отмечает достаточно слабую реализацию поставленных правительством задач по колонизации этих регионов: «Несмотря на то, что за последние два десятилетия за Урал переселилось сельского населения, за вычетом обратных, 3700 тысяч человек, все же Сибирь крайне бедна людьми, необозримые равнины ее долго еще будут ждать человека, чтобы принять участие в народнохозяйственной жизни» (Кокоулин, 1917: 23). В заключение автор полагает, что колонизация не только вполне возможна, но и необходима: «Этот беглый обзор условий сельского хозяйства в лесной полосе Сибири дает основание утверждать, что колонизация ее вполне возможна, а потому должна быть осуществляема с настойчивостью, которой это дело заслуживает по соображениям экономического и политического свойства» (Кокоулин, 1917: 43).

И, наконец, Л. Гиппиус также анализирует как процесс заселения северной части России, так и перспективы, которые открывает освоение указанного региона (Гиппиус, 1917). Статья изобилует статистическими материалами, раскрывает краткую историю заселения северных регионов и понятия «Европейский Север», дает общий статистический обзор, освещает земельный порядок и переселение, анализирует сельскохозяйственную деятельность и использование лесных богатств, а также исследует три основных района промышленной колонизации: Вычегодско-Печорский край, Олонецкий край и Мурман (современный Мурманск и Мурманская область – Авт.). Статья также изобилует статистическими таблицами. Автор указывает на необходимость снаряжения научных и промышленных экспедиций для качественного улучшения рыболовства, охотничьего промысла и скотоводства, отмечая богатство региона пушшиной, рыбой, зверем, полезными ископаемыми и природными ресурсами. Также Л. Гиппиус указывает перспективу традиционных для местных этносов, но весьма экзотичных для остальной России способов добывания пищи, в частности рыбной муки, вытопки рыбьего жира из мелкой рыбы («колюшки») и т.п. (Гиппиус, 1917: 121-123). В экономическом плане больше всего край страдает от бездорожья, что сильно замедляет промышленное развитие региона (Гиппиус, 1917: 121-123). Помимо вышеуказанного, «...другими столь же насущными задачами Мурмана является создание моторного флота для наших промышленников, устройство становищ и убежищ (в виде волнорезов), особенно в Гаврилове и Вайда-Губе, а также освещение побережья, настоятельно необходимое ввиду двухмесячной полярной ночи. Исполнение этих насущных потребностей нашей северной промышленной колонии не может быть долее отсрочиваемо, поскольку вопрос о необходимости заселения района северной дороги, привлечения к ней грузов и вовлечения всей хозяйственной жизни Севера в товарообмен, порождаемый проведением новой магистрали, признается бесспорным. В этом смысле организация помощи Мурманским колонистам является первоочередной государственной задачей» (Гиппиус, 1917: 132).

Итак, проанализировав ряд статей в журнале «Вопросы колонизации», перейдем к формулированию выводов нашего исследования.

5. Заключение

В ходе проделанной работы мы можем сделать следующие выводы:

1. Журнал «Вопросы колонизации», выпускавшийся на протяжении 10 лет (с 1907 по 1917 годы) заполнил весьма узкую, но актуальную для Российской империи тему, так как неравномерность заселения и огромные ненаселенные территории представляли из себя весьма серьезную экономическую, социальную, политическую и военную проблему.
2. Коллектив авторов журнала на протяжении многих лет был постоянным, а содержание статей не вызывает сомнений в их профессионализме.
3. Структура журнала также за прошедшие десять лет не претерпела изменений: вначале располагались теоретические изыскания, далее – документы официальных ведомств, в заключительной части в рубрике «Хроника» – статистические отчеты, доклады, выдержки из официальных документов и другая полезная заинтересованному читателю информация. В конце издания располагались объявления как с колонизационной, так и с библиографической тематикой; имелись также и частные объявления, которые, вероятно, финансово «подпитывали» издателей. В объявлении дается информация и о нераспроданных предыдущих номерах «Вопросов колонизации».

4. Наиболее популярными темами стали исследования колонизации Сибири, Азии и Дальнего Востока. Следующей по популярности стала тема оптимизации колонизационных процессов.

5. Основная идея проанализированных нами статей – это необходимость русификации колонизированных территорий. Некоторые авторы (в частности, Н. Шавров) говорят о пользе дружественных отношений с местными жителями (в частности, казаков и чеченцев), другие же (например, В. Грюнберг) полагают, что русификация должна носить жесткий (если не сказать, насильственный) характер. Можно отметить, что большая часть проанализированных нами статей несвободна от идей русского национализма.

6. Большинство авторов настаивает на необходимости создания специального государственного ведомства, которое бы координировало колонизационные процессы и обладало соответствующими полномочиями и средствами.

7. Статьи имеют значительную ценность с точки зрения содержания в них огромного пласта статистической информации по этническому, сословному и конфессиональному составу вышеназванных регионов, а также их экономике, промышленности, географии и пр.

Литература

ВК, 1907 – От редакции / *Вопросы колонизации: Сборник статей с картой и диаграммой* / Ред. А.О. Шкапского. СПб. 1907. № 1. С. 1-2.

Воцинин, 1915 – *Воцинин В.* Современные задачи России на севере Персии // *Вопросы колонизации: Периодический сборник* / Под ред. Г.Ф. Чиркина и Н.А. Гаврилова. СПб. 1915. № 17. С. 26-51.

Гиппиус, 1917 – *Гиппиус Л.* Север Европейской России (к вопросу о его заселении) // *Вопросы колонизации: Периодический сборник* / Под ред. Г.Ф. Чиркина и Н.А. Гаврилова. СПб. 1917. № 20. С. 86-135.

Грюнберг, 1911 – *Грюнберг В.* Колонизация восточного побережья Каспия // *Вопросы колонизации: Периодический сборник* / Под ред. Г.Ф. Чиркина и Н.А. Гаврилова. СПб. 1911. № 8. С. 220-248.

Записка..., 1914 – Записка Главноуправляющего землеустройством и земледелием по поездке в Муганскую степь в 1913 г. (Приложение к всеподданнейшему докладу) // *Вопросы колонизации: Периодический сборник* / Под ред. Г.Ф. Чиркина и Н.А. Гаврилова. СПб. 1914. № 14. С. 134-182.

Зуева, 2015 – *Зуева Н.С.* Сборник "Вопросы колонизации" о проблемах переселения на Дальний Восток // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 1 (33). С. 15-18.

Кокоулин, 1917 – *Кокоулин П.* Колонизация тайги // *Вопросы колонизации: Периодический сборник* / Под ред. Г.Ф. Чиркина и Н.А. Гаврилова. СПб. 1917. № 20. С. 23-44.

Овсянкин, 2005 – *Овсянкин И.* Колонизация и переселенческое дело // *Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков* / Сост. В.А. Скубневский и др. Барнаул, 2005.

Покшишевский, 1951 – *Покшишевский В.В.* Пореформенные переселения в Сибирь // *Заселение Сибири: историко-географические очерки* / Под ред. В.А. Кротова. Иркутск, 1951.

Розалион-Сошальский, 1912 – *Розалион-Сошальский Д.* Землеустройство Черноморского побережья как колонизационное мероприятие // *Вопросы колонизации: Периодический сборник* / Под ред. Г.Ф. Чиркина и Н.А. Гаврилова. СПб. 1912. № 11. С. 198-207.

Соколов, 1992 – *Соколов М.* Переселение в Сибирь и ее колонизация // *Сибирская советская энциклопедия* / Гл. ред. Б.З. Шумяцкий и др. Нью-Йорк, 1992.

Хворостанский, 1915 – *Хворостанский П.* Эволюция киргизского хозяйства в Тургайской области // *Вопросы колонизации: Периодический сборник* / Под ред. Г.Ф. Чиркина и Н.А. Гаврилова. СПб. 1915. № 18. С. 158-206.

Чиркин, 1915b – *Чиркин Г.* О колонизационно-культурных задачах после войны // *Вопросы колонизации: Периодический сборник* / Под ред. Г.Ф. Чиркина и Н.А. Гаврилова. СПб. 1915. № 18. С. 25-49.

Чиркин, 1915a – *Чиркин Г.* Колониальные интересы в современной войне и наши задачи на Ближнем Востоке // *Вопросы колонизации: Периодический сборник* / Под ред. Г.Ф. Чиркина и Н.А. Гаврилова. СПб. 1915. № 17. С. 1-25.

Чиркин, 1917 – *Чиркин Г.* Колонизационные задачи на русском севере // *Вопросы колонизации: Периодический сборник* / Под ред. Г.Ф. Чиркина и Н.А. Гаврилова. СПб. 1917. № 20. С. 1-14.

Шавров, 1911 – *Шавров Н.* Русская колонизация на Кавказе // *Вопросы колонизации: Периодический сборник* / Под ред. Г.Ф. Чиркина и Н.А. Гаврилова. СПб. 1911. № 8. С. 119-177.

Яшнов, 1915 – *Яшнов Е.* Колонизация Туркестана за последние годы // *Вопросы колонизации: Периодический сборник* / Под ред. Г.Ф. Чиркина и Н.А. Гаврилова. СПб. 1915. № 18. С. 107-157.

References

Chirkin, 1915a – *Chirkin, G.* (1915). Kolonial'nye interesy v sovremennoy voine i nashi zadachi na Blizhnem Vostoke [Colonial interests in the modern war and our tasks in the Middle East]. *Voprosy kolonizatsii: Periodicheskii sbornik*. Pod red. G.F. Chirkina i N.A. Gavrilova. SPb. 17: 1-25. [in Russian]

- Chirkin, 1915b** – Chirkin, G. (1915). O kolonizatsionno-kul'turnykh zadachakh posle voyny [On colonization and cultural tasks after the war]. *Voprosy kolonizatsii: Periodicheskii sbornik*. Pod red. G.F. Chirkina i N.A. Gavrilova. SPb. 18: 25-49. [in Russian]
- Chirkin, 1917** – Chirkin, G. (1917). Kolonizatsionnye zadachi na russkom severe [Colonization tasks in the Russian north]. *Voprosy kolonizatsii: Periodicheskii sbornik*. Pod red. G.F. Chirkina i N.A. Gavrilova. SPb. № 20. P. 1-14. [in Russian]
- Gippius, 1917** – Gippius, L. (1917). Sever Evropeiskoi Rossii (k voprosu o ego zaselenii) [The North of European Russia (on the issue of its settlement)]. *Voprosy kolonizatsii: Periodicheskii sbornik*. Pod red. G.F. Chirkina i N.A. Gavrilova. SPb. 20: 86-135. [in Russian]
- Gryunberg, 1911** – Gryunberg, V. (1911). Kolonizatsiya vostochnogo poberezh'ya Kaspiya [Colonization of the eastern coast of the Caspian]. *Voprosy kolonizatsii: Periodicheskii sbornik*. Pod red. G.F. Chirkina i N.A. Gavrilova. SPb. 8. Pp. 220-248. [in Russian]
- Khvorostanskii, 1915** – Khvorostanskii, P. (1915). Evolyutsiya kirgizskogo khozyaistva v Turgaiskoi oblasti [The evolution of the Kyrgyz economy in the Turgai region]. *Voprosy kolonizatsii: Periodicheskii sbornik*. Pod red. G.F. Chirkina i N.A. Gavrilova. SPb. 18: 158-206. [in Russian]
- Kokoulin, 1917** – Kokoulin, P. (1917). Kolonizatsiya taigi [Colonization of the taiga]. *Voprosy kolonizatsii: Periodicheskii sbornik*. Pod red. G.F. Chirkina i N.A. Gavrilova. SPb. 20: 23-44. [in Russian]
- Ovsyankin, 2005** – Ovsyankin, I. (2005). Kolonizatsiya i pereselencheskoe delo [Colonization and resettlement]. *Altai v trudakh uchenykh i puteshestvennikov XVIII – nachala XX vekov*. Sost. V.A. Skubnevskii i dr. Barnaul. [in Russian]
- Pokshishevskii, 1951** – Pokshishevskii, V.V. (1951). Poreformennye pereseleniya v Sibir' [Post-reform migrations to Siberia]. *Zaselenie Sibiri: istoriko-geograficheskie ocherki*. Pod red. V.A. Krotova. Irkutsk. [in Russian]
- Rozalion-Soshal'skii, 1912** – Rozalion-Soshal'skii, D. (1912). Zemleustroistvo Chernomorskogo poberezh'ya kak kolonizatsionnoe meropriyatie [Land management of the Black Sea coast as a colonization event]. *Voprosy kolonizatsii: Periodicheskii sbornik*. Pod red. G.F. Chirkina i N.A. Gavrilova. SPb. 11: 198-207. [in Russian]
- Shavrov, 1911** – Shavrov, N. (1911). Russkaya kolonizatsiya na Kavkaze [Russian colonization in the Caucasus]. *Voprosy kolonizatsii: Periodicheskii sbornik*. Pod red. G.F. Chirkina i N.A. Gavrilova. SPb. № 8. Pp. 119-177. [in Russian]
- Sokolov, 1992** – Sokolov, M. (1992). Pereselenie v Sibir' i ee kolonizatsiya [Relocation to Siberia and its colonization]. *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya*. Gl. red. B.Z. Shumyatskii i dr. N'yu-Iork. [in Russian]
- VK, 1907** – Ot redaktsii. *Voprosy kolonizatsii: Sbornik statei s kartoi i diagrammoi* [From the Editor. Issues of colonization: Collection of articles with a map and diagram]. Red. A.O. Shkapskogo. SPb. 1907. № 1. Pp. 1-2. [in Russian]
- Voshchinin, 1915** – Voshchinin, V. (1915). Sovremennye zadachi Rossii na severe Persii [Modern tasks of Russia in the north of Persia]. *Voprosy kolonizatsii: Periodicheskii sbornik*. Pod red. G.F. Chirkina i N.A. Gavrilova. SPb. 17: 26-51. [in Russian]
- Yashnov, 1915** – Yashnov, E. (1915). Kolonizatsiya Turkestana za poslednie gody [The colonization of Turkestan in recent years]. *Voprosy kolonizatsii: Periodicheskii sbornik*. Pod red. G.F. Chirkina i N.A. Gavrilova. SPb. 18. Pp. 107-157. [in Russian]
- Zapiska..., 1914** – Zapiska Glavnoupravlyayushchego zemleustroistvom i zemledeliem po poezdke v Muganskuyu step' v 1913 g. (Prilozhenie k vsepoddanneishemu dokladu) [Note of the Chief Manager of land management and agriculture on a trip to the Mugan steppe in 1913 (Appendix to the most submissive report)]. *Voprosy kolonizatsii: Periodicheskii sbornik*. Pod red. G.F. Chirkina i N.A. Gavrilova. SPb. 1914. № 14. Pp. 134-182. [in Russian]
- Zueva, 2015** – Zueva, N.S. (2015). Sbornik "Voprosy kolonizatsii" o problemakh pereseleniya na Dal'nii Vostok [Collection "Issues of colonization" about the problems of resettlement in the Far East]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1(33): 15-18. [in Russian]

Журнал «Вопросы колонизации» как исторический источник по колониационным процессам в Российской империи начала XX века

Горан Райович ^{a, b, *}, Сергей Николаевич Братановский ^c, Александр Егорович Епифанов ^{d, e}, Сергей Анатольевич Бурьянов ^e

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович)

^d Академия управления МВД России, Российская Федерация

^e Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена историографическому анализу проблем колониционных процессов, опубликованных в журнале «Вопросы колонизации», который издавался в Российской империи в начале XX века в Санкт-Петербурге. Источником работы послужили десять номеров журнала, выпущенных в период с 1907 по 1917 годы. Основным в работе стал метод историографического анализа (так называемый контент-анализ), также применялись историко-системный и историко-генетический методы и комплекс общенаучных методов (как синтез, аналогия и пр.).

Журнал «Вопросы колонизации» заполнил узкую, но актуальную для Российской империи нишу. Исследованные нами статьи анализируют процесс колонизации на территориях Кавказа, Прикаспия и Причерноморья, Туркестана и Сибири. Основная идея проанализированных нами статей – это необходимость русификации колонизированных территорий. Некоторые авторы (в частности, Н. Шавров) говорят о пользе дружественных отношений с местными жителями (в частности, казаков и чеченцев), другие же (например, В. Грюнберг) полагают, что русификация должна носить жесткий (если не сказать, насильственный) характер. Можно отметить, что большая часть проанализированных нами статей несвободна от идей русского национализма. Большинство авторов настаивает на необходимости создания специального государственного ведомства, которое бы координировало колониционные процессы и обладало соответствующими полномочиями и средствами.

Проанализированные нами статьи имеют огромную ценность с точки зрения содержания в них огромного пласта статистической информации по этническому, сословному и конфессиональному составу вышеназванных регионов, а также их экономике, промышленности, географии и пр.

Ключевые слова: периодическая печать, журнал «Вопросы колонизации», сборник статей, Российская империя.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1955-1967
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1955

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The “Cine-Phono” Journal as a Source on the History of Film Adaptation of Literary Works in Russia at the beginning of the 20th century

Aleksandra A. Sitnikova ^{a,*}, Natalia M. Leshchinskaia ^a, Ekaterina A. Sertakova ^a, Maria A. Kolesnik ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The relevance of the study of the cinematography of the Russian Empire in the mirror of advertising and criticism on the pages of the leading film journals of the early 20th century is determined by the fact that at an early stage in the development of national cinematography, a successful model for the development of cinematography in the country (free enterprise) was formed, and meaningful directions for development of Russian cinema were outlined: staging patriotic pictures of national history, film adaptation of Russian classics as a quick introduction to a wide range of viewers with outstanding works of literature, entertainment films with criminal plots or didactic immersion in the sphere of love experiences, etc. The article analyzes such a direction in the development of the cinema of the Russian Empire as film adaptation of Russian literary classics. The study is based on the analysis of advertising and critical essays on Russian film adaptations on the pages of the “Cine-Fono” journal, which was published from 1907 to 1918 and was an independent edition, as well as on the material of the analysis of Russian literary film adaptations of 1909–1916 using the methods of V. Zhukovsky, N. Koptseva. Based on the results of the study, the characteristics of film adaptations in the work of directors P. Chardynin and V. Goncharov, as well as in the work of such directors as V. Viskovskiy, Y. Protazanov, N. Malikov, V. Gardin and others are presented. The literary preferences of the directors of the early Russian cinema when choosing books for making films are highlighted – these are the works of A.S. Pushkin, L.N. Tolstoy, I.S. Turgenev, as well as later in the cinema appeared the film adaptations of the works of A.P. Chekhov and N.V. Gogol. The article also highlights the trends in the development of the cinematographic skills of Russian directors from 1909 to 1916 and analyzes the features of presenting the achievements of Russian pre-revolutionary cinematography on the pages of the “Cine-Fono” journal.

Keywords: historical document, journal "Sine-phono", film adaptation, Russian literature.

1. Введение

Появление нового вида искусства – кино – на просторах Российской империи повлекло за собой необходимость его осмысления, изучения, популяризации и представления его возможностей широкой публике. В связи с этим зародился новый жанр в журналистике – киножурналистика.

В 1907 году энтузиаст кино Самуил Викторович Лурье основал российский журнал «Сине-фоно: журнал синематографии, говорящих машин и фотографии», посвященный новому для того времени искусству – кинематографу. Неоднозначное и порой скептическое отношение современников к искусству кино экстраполировалось и на журнал. Но тем не менее в издании на протяжении одиннадцати лет (с 1907 по 1918 гг.) освещались актуальные темы: вопросы кинопроизводства, художественные и технические стороны киноискусства, возможности использования звука и цвета, анализ зарубежного опыта, а также киноанонсы и рецензии.

* Corresponding author

E-mail addresses: sem_dobrianka@mail.ru (A.A. Sitnikova), trognonulia@gmail.com (N.M. Leshchinskaia), sertachok@mail.ru (E.A. Sertakova), masha_kolesnik@mail.ru (M.A. Kolesnik)

Целью настоящего исследования является анализ журнала «Сине-фоно» в качестве источника по истории экранизации литературных произведений в России начала XX века. В кинематографе Российской империи были определены основные направления развития российского кино на тематическом и жанровом уровне (картины национальной истории России, духовный мир русской литературы и т.п.). Но на тот момент выразительные средства кинематографа были весьма скромными. Затем в эпоху Советского Союза идея обновления коснулась всех сфер, в том числе и кино. История кино была начата по-другому и по-новому: достижения имперской кинематографии были забыты. В связи с этим актуальным является исследование того, как видели направления развития российского кино в досоветский период. В частности, использование сюжетов русской литературы являлось самым важным источником сценариев для досоветских фильмов, то есть экранизация была определена как важнейшее направление российского киноискусства.

2. Материалы и методы

2.1 Источником исследовательского материала для данной статьи выступили номера журнала «Сине-фоно», опубликованные в период с 1907 года по 1918 год. Это издание является ценным источником исторических сведений о кино, наравне с подобными изданиями, такими как «Вестник кинематографии», «Живой экран», «Проектор», «Пегас», но обладает явным преимуществом: журнал «Сине-фоно» являлся независимым, не связанным с кинокомпаниями. Для анализа были выбраны публикации, раскрывающие историю экранизации литературных произведений в кино времен Российской империи.

2.2. В качестве основного метода был применен качественный контент-анализ для поиска информации о фильмах в жанре «экранизация» в российском дореволюционном кинематографе. Данный инструментарий позволил зафиксировать изначальное положение отечественной продукции в мировой кинематографии – крайне незначительное, а также отметить существенный прирост упоминаний отечественных кинокартин на страницах журнала и внимания к их особенностям и востребованности среди зрительской аудитории. Также в качестве метода исследования кинокартин был применен метод философско-искусствоведческого анализа произведений визуального искусства В.И. Жуковского и Н.П. Копцевой ([Жуковский, Копцева, 2004](#)), позволяющий выявить переход в отечественной кинематографии от простой иллюстративности к выработке самостоятельного киноязыка, от лубочных кинокартинок к произведениям киноискусства.

3. Обсуждение

Журнал «Сине-фоно» многими исследователями рассматривается как ценнейший исторический источник материалов об искусстве кино дореволюционной России, а также издание исследуется как культурный феномен, как репрезентант журналистики Российской империи.

В ряду изданий о кинематографе М.А. Кушниров ([Кушниров, 2008](#)) рассматривает журнал «Сине-фоно», анализирует специфику киножурналов, а также сравнивает дореволюционные издания и советские, отмечает их преемственность, несмотря на смену исторической парадигмы.

Многие материалы, опубликованные в журнале «Сине-фоно», исследователи рассматривают как источник по истории того или иного аспекта искусства кино.

В качестве значимого исторического источника журнал «Сине-фоно» рассматривает С. Лурье ([Лурье, 1939](#)). Опираясь на анализ материалов данного издания, автор раскрывает важную для отечественной культуры тему – Лев Николаевич Толстой и кино.

Историю взаимоотношений дореволюционного киноискусства и детской аудитории изучает А. Ковалова ([Ковалова, 2010](#)), и одним из источников для нее стали хроники, опубликованные в журнале «Сине-фоно».

А.Ю. Рокка ([Рокка, 2014](#)), реконструируя историю создания и деятельность российской кинофирмы «Биохром» («Биофильм»), в своей работе в качестве источника исторических сведений использует в том числе и публикации журнала «Сине-фоно».

Изучению развития провинциального кинематографа посвящена публикация М.В. Александровой ([Александрова, 2017](#)). Автор, основываясь на материалах журнала «Сине-фоно», исследует деятельность ярославского предпринимателя и кинопрокатчика Г.И. Либкена – основателя ярославской киностудии «Г.И. Либкен», функционировавшей в 1914–1917 гг.

В качестве важного источника по истории провинциального кинематографа – кинематографа губернской Перми – журнал «Сине-фоно» рассматривает В.В. Устюгова ([Устюгова, 2021](#)).

Н.П. Копцева, К.В. Резникова, Ю.Н. Менжуренко ([Копцева и др., 2021](#)), рассматривая журнал «Сине-фоно» как исторический источник, выделяют три периода в становлении провинциального кинематографа, анализируют регионы в зависимости от уровня развития кинематографии и устанавливают наиболее значимые темы в развитии провинциального кинематографа (общие вопросы функционирования кинотеатров, политические действия в отношении кинематографа, просвещение, чрезвычайные ситуации, благотворительность).

Также в качестве исторического источника, но уже из области российских рекламных объявлений в сфере киноиндустрии начала XX века, журнал «Сине-фоно» анализирует К.П. Тарасова (Тарасова, 2018).

Особую ценность публикации журналов о кинематографе имеют для изучения несохранившихся кинолент. Так, исследуя экранизации произведений Ф.М. Достоевского, Н.В. Шмулевич (Шмулевич, 2019) основывается на рецепции в прессе рецензий и либретто.

Обращение к произведениям искусства как источникам формирования национального или этнического самосознания рассматривают К.А. Дегтяренко (Дегтяренко, 2021), Н.П. Копцева и А.А. Ситникова (Копцева, Ситникова, 2022; Ситникова, 2022), Е.А. Сертакова, М.А. Колесник и Н.М. Лещинская (Сертакова и др., 2022).

Обзор научных работ позволяет раскрыть значимость журнала «Сине-фоно» прежде всего как документа, позволяющего изучить различные грани истории национального кинематографа. В рамках настоящего исследования данное издание рассматривается как исторический источник, позволяющий реконструировать особенности экранизации литературных произведений.

4. Результаты

Появление литературных сюжетов в кино. Экранизации Петра Ивановича Чардынина

Содержание ранних выпусков «Сине-фоно» в значительной степени связано с освещением выхода кинолент иностранных компаний «Пате» и «Гомон». Помимо этого, фирма бр. Пате активно выкупала рекламу на обложке, отдельных страницах, в нижних регистрах страниц, на которых располагались статьи и анонсы. Постепенно ситуация начала меняться, появилась конкуренция в виде продукции отечественных киноателье, предложений прокатных контор, фирм по продаже кинооборудования.

«Торговый дом Ханжонкова» стал одной из первых компаний в Российской империи, ориентированной на создание национального кино. Для этого А. Ханжонков привлекал к работе талантливых работников театра и рассматривал в качестве материала для фильмов знакомые российской публике исторические события и издания русской литературной классики. По его мнению, именно такой выбор тем смог бы переориентировать зрителей на просмотр российских картин.

Одним из первых отечественных режиссеров, который стал работать у А. Ханжонкова с произведениями литературы в качестве источников сценария, был Петр Чардынин (1873–1934). В 1908 году его как артиста Введенского народного дома предприниматель пригласил на роль в фильме «Выбор царской невесты», а вслед за этим привлек его к работе в качестве режиссера-постановщика.

В журнале «Сине-фоно», начиная с выпуска № 3 за 1909 год, работы Чардынина стали регулярно появляться в анонсах. Впервые здесь дается подробное описание ключевых сцен кинофильма «Власть тьмы, или Коготок увяз – всей птичке пропасть» по драме Л.Н. Толстого (Сине-фоно, 1909, 3: 17). Картина повествует о преступлениях, совершенных героями во имя собственного блага, и раскаянии, без которого жить далее невозможно. Нравоучительность, характерная для творчества Л.Н. Толстого и показанная в эксцентричной актерской игре актеров театра, эмоционально действовала на зрителей кинокартины. Данный фильм стал популярен не только в России, но и за рубежом, привлекая внимание иностранцев красочным изображением жизни в русской деревне.

Далее в журнале появился сюжет кинокартины «Боярин Орша», снятой в качестве экранизации одноименной поэмы М.Ю. Лермонтова (Сине-фоно, 1909, 5: 17). Содержание картины, построенное на конфликте отцов и детей, сурового патриархального нрава и пылкой и самоотверженной любви молодых, заканчивается драматично для всех героев повествования.

После были картины «Женитьба» и «Мертвые души» по сочинениям Н.В. Гоголя. Данные проекты были подготовлены в киноателье Ханжонкова к столетию со дня рождения великого писателя, который и сам появлялся в финале в качестве фотографии скульптурного бюста. По неопытности и техническим ограничениям ранней киноаппаратуры пленки получились нечеткими, однако поспособствовали самоопределению Чардынина и окончательно привели его в кино. Хоть сам он был разочарован в данных фильмах, в «Сине-фоно» «Женитьба» описывалась как «совершенно невероятное зрелище» (Сине-фоно, 1909, 14: 10).

В 1910 году Чардынин снял несколько знаковых экранизаций: «Вадим», «Идиот», «Маскарад» и «Пиковая дама». «Вадиму» в журнале «Сине-фоно» был отведен достаточно внушительный фрагмент текста. Эта кинокартина была снята на материале одноименной повести М.Ю. Лермонтова о юноше, потерявшем все из-за зависти соседа и жаждущем возмездия. Помимо описания сложных перипетий сюжета, в журнале давались оценочные суждения, выступая элементом ранней кинокритики: «Почти целиком разыгранная на природе, картина изобилует красивейшими видами. Великолепно разыгранная и прекрасно исполненная технически, эта картина далеко оставляет за

собой все, созданное нами до сего времени» (Сине-фоно, 1910, 2: 19). По Лермонтову также была снята драма «Маскарад», эмоциональный накал в которой не мог оставить никого равнодушным.

«Пиковая дама», поставленная по либретто оперы П.И. Чайковского и сюжету А.С. Пушкина, стала первой в ряду картин отечественных режиссеров, заинтересовавшихся психологизмом и мистицизмом повести. Данный сюжет был одним из популярнейших в российской литературе. Журнал неоднократно привлекал внимание к фильму. Вначале появился анонс: «...огромное впечатление произведет постановка этой ленты в сопровождении музыки Чайковского» (Сине-фоно, 1910, 2: 10). Потом последовало подробное описание фильма, в котором «Сине-фоно» фактически озвучивает немую картину по сценам, придавая четкость эксцентричным жестам и мимике актеров. Это заметно, например, в описании сцены явления призрака Герману: «Мрачный, сидит Герман в своей комнате в казарме и вдруг в распахнувшееся окно видит призрак умершей графини... В ужасе Герман бросается вон, но на пороге страшный призрак: зловеще указывает он на стену, а там появляются три таинственные карты: тройка, семерка, туз! Как безумный выбирает Герман из колоды роковые карты и бежит вон...» (Сине-фоно, 1910, 3: 23). Картина, по мнению современников, удалась и ничуть не уступала заграничным кинолентам.

Рис. 1. Кадр из фильма «Пиковая дама», реж. П. Чардынин, 1910 г.

«Пиковая дама» представляет собой скорее киноверсию популярной оперы, которая к тому времени уже два десятка лет шла в Большом театре. Отсюда упор был сделан на костюмы, танцы и жесты, характерные для музыкальной постановки. Три карты, являющиеся наваждением Германа, несколько раз появлялись на экране, демонстрируя, что герой перешел опасную черту, забыв о чести, достоинстве, совести. В ключевой сцене они обрели гигантские масштабы, подавляя героя и сводя его с ума (Рисунок 1).

Первая экранизация знаменитого романа Ф.М. Достоевского «Идиот» не только еще сильнее раскрыла назидательность национальной литературы и, соответственно, национального кинематографа, но и сильнее проявила творческие особенности Чардынина. Роман был не просто фрагментарно проиллюстрирован режиссером, но переосмыслен с точки зрения визуальности. Пространство кадра в данном фильме не только обозначалось декорациями, но и стало включать интересные элементы, благодаря которым «картинка» усложнилась и позволила передать дополнительные смыслы литературного первоисточника в небольшом отрезке времени. Режиссер намеренно вводил «двойственность» героини Настасьи Филипповны за счет ее сопоставления с живописными или скульптурными изображениями в тех местах, где она появлялась, или за счет противопоставления с Аглаей, где они часто зеркалили друг друга. Через акценты на нарядах героинь режиссер демонстрировал, что обе девушки были земными и страстными, но в борьбе за Мышкина использовали разные подходы: Аглая – рассудок, что подчеркивалось светлым головным убором, а Настасья Филипповна – тело, акцентируемое за счет белого жемчуга бус на груди. Князь же, подобно изображению на стене, где показано усмирение коня всадником, был представлен единственным носителем духовного начала, тем, кто пытался усмирить бушующие вокруг него страсти (Рисунок 2).

Рис. 2. Кадр из фильма «Идиот», реж. П. Чардынин, 1910 г.

В 1911 году Чардынин подготовил для широкого экрана «Крейцерову сонату» по повести Л.Н. Толстого (*Сине-фоно, 1911, 23: 33*), «На бойком месте» по пьесе А.Н. Островского и «Евгения Онегина» по А.С. Пушкину. Захватывающие сюжеты, связанные с любовными переживаниями, были особенно востребованы публикой, и в дальнейшем режиссер станет признанным мастером мелодрам. Экранизации передавали не весь сюжет произведений: внимание режиссера было сосредоточено только на некоторых избранных сценах. Подобная фрагментарность объяснялась и хронометражем работ (примерно 10–20 минут), и попыткой раскрыть один конфликт между героями, не вдаваясь в глубокие философские размышления. В «Крейцеровой сонате» дебютировал И. Мозжухин – будущая звезда дореволюционного кинематографа, мастер психологических ролей.

В дальнейшем режиссер еще не раз обращался к русской классике, среди снятых фильмов были «Барышня-крестьянка», «Руслан и Людмила», комедия «Домик в Коломне» по А.С. Пушкину, «Обрыв» по И.А. Гончарову, «Война и мир» и отдельно «Наташа Ростова» по Л.Н. Толстому и т.д. Последний из названных фильмов был весьма необычен: до Чардынина, экранизируя произведения литературы, никто еще не уходил от общего повествования к жизни и чувствам только одного героя.

В целом до 1917 года режиссер снял порядка 200 лент, многие из которых были связаны с экранизацией сочинений известных русских классиков XIX столетия. Интерес к произведениям национальной литературы сохранялся в творчестве Чардынина до 1915 года, после чего он полностью переориентировался на модные «салонные драмы». Это был новый этап, в котором отечественный кинематограф, доказав свою самостоятельность и востребованность в качестве национального искусства, вышел на общеевропейский уровень и по качеству, и по универсальности сюжетных линий.

В профессиональной среде существуют разные мнения относительно творчества Чардынина. Многие уверены, что, будучи пионером в экранизации русской классической литературы, он довольствовался лишь иллюстрированием некоторых важных сцен повествования, уходя от сложных философских тем, которые составляли суть первоисточников. Другие же, напротив, говорят о том, что Чардынин был первым, кто начал переосмысливать литературный сюжет и вносить новые элементы своей интерпретации в визуальный ряд, показывая, что русское слово может быть наглядным и понятным для гораздо более широкой публики. В частности, он развил приемы театральности, характерные для раннего этапа кино, и фотографичности кадра. Журнал «Сине-фоно» сыграл важную роль в становлении творчества Чардынина. В ранних выпусках стали публиковаться анонсы его фильмов, их подробные описания, оценочные суждения. Для привлечения внимания использовался эмоциональный язык, речевые конструкции, характерные для рекламных сообщений. Очень важно, что на страницах журнала отводилось достаточное место, чтобы материал выделялся среди прочей информации.

Экранизации в творчестве первого российского кинорежиссера Василия Михайловича Гончарова

Василий Гончаров считается вдохновителем и сценаристом первого русского игрового фильма «Понизовая вольница» (1908). О его жизни известно немного, но некоторые моменты, которые упоминаются в воспоминаниях А. Ханжонкова и на страницах дореволюционных журналов, помогают понять некоторые особенности творчества этого режиссера. Первоначально он пытался стать драматургом и добиться того, чтобы пьесы по его сценариям ставили на сцене, но в театральной среде его тексты были признаны слишком буквальными повторениями первоисточников, а вот для кино такая буквальность оказалась уместной. Упоминается тот факт, что В. Гончаров был впечатлен произведениями исторической живописи и мыслил воплощение своих сценариев как воспроизведение на экране художественных произведений. Также В. Гончаров старался применять

инновационные методы работы с актерами – например, для достижения динамичности он заставлял актеров работать по секундомеру, что было отвергнуто иными работниками кинематографии. Большинство своих фильмов В. Гончаров поставил в сотрудничестве с А. Ханжонковым в его «Товариществе»: их объединяло стремление превратить кинематограф в возможность представить на экранах для самой широкой публики и для зарубежных зрителей картины русской национальной истории, к которой оба относились очень уважительно. Вершиной их совместной работы стало создание фильма «Оборона Севастополя» в 1911 году. В фильме представлен эпизод Крымской войны 1853–1856 годов, который снят с использованием инновационных приемов для своего времени: В. Гончарову удалось получить государственное софинансирование для создания фильма, он снимался на натуре с выездом съемочной бригады в Севастополь, во время съемок для натуралистичности был потоплен корабль, а также в финале фильма был создан групповой портрет настоящих ветеранов севастопольского сражения, запечатлевший пиетет людей начала XX века перед камерой. Фильм стал хитом кинопроката: по крайней мере лента на протяжении нескольких номеров рекламировалась на страницах журнала «Сине-фоно», а также вокруг нее возник монопольный скандал, который свидетельствует о том, что прокатчики стремились заполучить монопольные права на показ этой картины в определенных регионах. Режиссер не был привязан к работе на определенной киностудии, был известен своим перфекционизмом, что доставляло трудности в работе, поэтому, помимо компании «А. Ханжонков и Ко», он также сотрудничал и с иностранными кинокомпаниями (например, «Гомон»).

Экранизация литературных произведений занимала в творчестве В. Гончарова не последнее место. В первую очередь он специализировался на съемках фильмов по мотивам произведений А.С. Пушкина: известны три его экранизации – «Мазепа» (1909), «Русалка» (1910), «Евгений Онегин» (1911). Также в кинокомпании «Гомон» он снял биографический фильм об А.С. Пушкине, «Жизнь и смерть Пушкина», в 1910 году. Фильм «Мазепа» снят по поэме А.С. Пушкина «Полтава». Традиционно в журнале «Сине-фоно» за месяц до премьеры появлялась реклама фильма, а за две недели до – краткое описание среди новинок кино, чтобы прокатчики могли сориентироваться и заказать себе понравившиеся картины. Наиболее выдающимся фильмам в журнале «Сине-фоно» посвящали «рецензии» – отзывы, впечатления о фильмах, заметки с обращением внимания на выдающиеся качества тех или иных произведений. По поводу фильма «Мазепа» в журнале «Сине-фоно» имеется рекламная афиша и краткое описание. В № 1 за 1909 год от 1 октября размещена реклама, где описаны десять сцен, из которых состоит фильм, соответствующий пушкинскому тексту: от сватовства Мазепы к Марии, дочери Кочубея, до казни Кочубея и оплакивающей его Марии ([Сине-фоно, 1909, 1: 44](#)). В. Гончаров отличался мастерством съемок на натуре, поэтому фильм снят традиционно для тех лет статичной камерой, но преимущественно не в павильоне, а на природе: сватовство происходит в саду, казнь Кочубея на фоне леса и т.п. В этом, как и в других фильмах В. Гончарова, снималась труппа профессиональных актеров Введенского народного дома, они были облачены в костюмы, позаимствованные в театре, поэтому фильму свойственна театральная эстетика. Как было обозначено ранее, режиссер стремился к построению композиций кадров в своих фильмах наподобие живописных картин – в фильме «Мазепа» использован подобный подход: например, сцена казни Кочубея выстроена по диагональной композиции и подчинена законам исторической живописи, хотя сам момент отрубания головы путем монтажной перебивки остается за кадром и не демонстрируется ([Рисунок 3](#)). В № 2 «Сине-фоно» за 1909 год приведено описание фильма, обращает внимание то, что описание фильма существенно расширено (обычно описания краткие и составляют один–два абзаца, а описание данного фильма занимает почти три столбца журнального текста) за счет цитирования отрывков из произведения «Полтава» А.С. Пушкина. Также в тексте сказано: «Содержание прекрасной поэмы А.С. Пушкина слишком хорошо известно, а потому мы приводим лишь краткие выдержки из нее, иллюстрацией коей является настоящая картина» ([Сине-фоно, 1909, 2: 15](#)).

Рис. 3. Кадр из фильма «Мазепа», реж. В. Гончаров, 1909 г.

Другой фильм В. Гончарова – «Русалка» – представляет собой экранизацию одноименной пьесы А.С. Пушкина. Здесь режиссер также совмещает натурные съемки и павильонные, снимается театральная труппа Введенского народного дома, вторая сцена – «Свадьба» – повторяет некоторые постановочные приемы, которые В. Гончаров применял при съемках фильма «Русская свадьба XVI столетия» (1909). Несмотря на то, что режиссерский стиль В. Гончарова определяют как архаичный и лубочный, он старательно изобретает художественные приемы, придающие богатство кадрам: например, А. Ханжонков вспоминает, что при съемках первой сцены этого фильма за мельницей сидел мальчик, бил веслом по воде и создавал брызги в кадре; финальная сцена происходит под водой, и здесь также создали атмосферную рамку вокруг кадра с изображением морской растительности, указывающей на то, что действие происходит под водой (Рисунок 4). Реклама фильма размещена в журнале «Сине-фоно» в № 10 от 15 февраля 1910 г., а описание фильма – в № 11 от 1 марта 1910 г.: «Нам кажется излишним передавать содержание драмы не знающим ее... Но мы уверены, что таковых нет, а, впрочем, пусть каждый лишний раз доставит себе удовольствие и прочтет ее в оригинале. Что сказать о передаче картины? Нам придется повторить то, что мы не раз уже говорили об успехах фабрики и о том, что она с каждым новым выпуском продолжает совершенствоваться» (Сине-фоно, 1910, 11: 8). Таким образом, журнал «Сине-фоно» дает представление о том, что в начале XX века его подписчики были прекрасно знакомы с произведениями А.С. Пушкина, а художественные качества фильмов В. Гончарова только улучшались вместе с техническим оснащением ателье А. Ханжонкова. Правда, информация о третьей экранизации В. Гончаровым поэмы «Евгений Онегин» А.С. Пушкина уже не встречается на страницах журнала «Сине-фоно». На сайте Госфильмофонда РФ про нее сказано, что это была не совсем экранизация, а съемка сцен из одноименной оперы П.И. Чайковского.

Рис. 4. Кадр из фильма «Русалка», реж. В. Гончаров, 1910 г.

Также в творчестве В. Гончарова имеется экранизация пьесы А.К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного» (1909), снятая на киностудии «П. Тиман и Ф. Рейнгардт». В фильме снимался Я. Протазанов в роли Гарабурды, он же вспоминал позднее, что приглашенный иностранный оператор Антонио Серрано совершенно не умел обращаться с кинотехникой, в результате чего фильм получился не в фокусе и размытым. Переснять его не удалось. Но по поводу этого фильма в журнале «Сине-фоно» № 4 за 1909 год появилась нетипичная публикация в разделе «Мнения и впечатления». Господин Розин сравнивает кинокартину «Воскресенье» французской кинокомпании «Пате» (экранизация сцен из одноименного романа Л.Н. Толстого) и фильм В. Гончарова, размышляя о том, что только русские люди могут понять смысл этих литературных произведений, поэтому иностранцам не удалось изобразить психологическую глубину характеров произведения Л.Н. Толстого, оправдывая это тем, что иностранцы только начали знакомиться с русской культурой в начале XX века, а также говоря о том, что произведение использовалось только для создания картин из русской жизни для того, чтобы познакомить иностранную публику с ее атрибутами – например, самоваром (Сине-фоно, 1909, 4: 8). Картину В. Гончарова Розин критикует за плохое владение синематографическими технологиями, что непозволительно для современной кинематографии, так как не позволяет соревноваться на равных с качеством иностранных кинокартин.

Экранизации разных режиссеров в российском дореволюционном кинематографе

В период, когда издавался журнал, вышло достаточно много картин-экранизаций, из которых не все сохранились или сегодня известны только узкому кругу специалистов.

За 1910 г. в № 6 журнала есть объявление о запуске серии классических фильмов по произведениям русских писателей. Первый из них – «Идиот» торгового дома «Ханжонков и Ко», в 1911 г. ожидается выход в русской серии «Анны Карениной» фирмы «Пате» (Сине-фоно, 1910, 6). В другом номере журнала за 1910 г. сообщается о фильме «Поединок» по произведению А.И. Куприна, представленного в качестве иллюстрации к повести, о чем прямо сообщается в рекламе: «При переработке данного сюжета для синематографа усиленное внимание было обращено на сохранение возможно большей близости к оригиналу, и лишь необходимостью оттенить логическую связь между отдельными сценами так, чтобы она стала понятной на картине, обусловлена неизбежность вводных обстоятельств, по поводу которых считаем долгом оговориться» (Сине-фоно, 1910, 24: 1). В целом в данном тексте представлен режиссерский подход к работе с литературным материалом, характерный для кинематографистов начала XX в.

Судя по выпускам «Сине-фоно», развитие киноиллюстраций было популярным делом, в последующие годы о подобном рода произведениях будет сообщаться регулярно. В одном из номеров за 1911 г. содержится описание новинки – «Сказки о рыбаке и рыбке» по произведению А.С. Пушкина фирмы «Пате» режиссера Кая Ганзена по сценарию Чеслава Сабинского, в которой отмечается все та же дотошность авторов картины в воспроизведении изображения, близкого к тексту. В частности, описана поездка на берег моря, природа которого похожа на описание поэта, чтобы там снять одну из сцен фильма (Сине-фоно, 1911, 4: 14). В № 22 за 1912 г. дано развернутое описание фильма «Гроза» тех же создателей. Акцент в нем сделан на особенностях литературного произведения, где внешние действия сочетаются с внутренними – с переживаниями главной героини Катерины. Именно такая особенность и является большой сложностью для создателей кинематографического произведения, с которой те успешно справляются. Автором заметки также уделено внимание превосходной актерской игре и изображению волжского пейзажа, соответствующему оригинальному произведению (Сине-фоно, 1912, 22: 13-14).

Важно упомянуть фильм «Роман с контрабасом» 1911 года, который является экранизацией одноименного рассказа А.П. Чехова, в постановке режиссера Кая Ганзена, поставленный в Московском отделении кинокомпании «Пате». В № 2 журнала «Сине-фоно» от 15 октября 1911 года, в разделе «Новинки кино», дана краткая характеристика фильма: «Это, если не ошибаемся, первая интерпретация Чеховских произведений на синематографическом экране. И нужно отдать справедливость, к нему отнеслись со всем тем уважением, которое заслуживает имя Антон Павловича. Прекрасно разыгранная лента отличается еще поразительно чистой и сочной фотографией и красотой мест, в которых и происходит действие». Фильм снят в жанре «комедия», что является редкостью для российского кинематографа начала XX века. Съемки натурные и происходят в нескольких локациях: на веранде, на берегу реки, на светском вечере, где главная героиня неожиданно и предстает в крайне пуританском купальнике, хотя для тех лет такое обнажение женского тела было аморальным» (Сине-фоно, 1912, 2: 12).

Рис. 5. Кадр из фильма «Ночь перед Рождеством», реж. В. Старевич. Иллюстрация из журнала «Сине-фоно» № 4 от 23 ноября 1913 г. Научная электронная библиотека

Безусловно, знаковым явлением в российском дореволюционном кинематографе было творчество В. Старевича, которому принадлежит экранизация произведения Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством»; премьера этого фильма состоялась в декабре 1913 г., накануне Нового года. Реклама

фильма появляется в журнале «Сине-фоно», как обычно, за месяц в № 4 от 23 ноября 1913 года со специальным обозначением «Серия русских классиков» Акционерного общества «А. Ханжонков и Ко». Стиль В. Старевича отличало то, что он сочетал кинематографию и искусную рукотворную анимацию, что было мировым новшеством для начала XX века. Особенную значимость кинокартины обозначает тот факт, что в разделе «Новинки» в этом же номере размещены два знаменитых кадра из этого фильма – с поеданием галушек, где как раз применены анимационные эффекты, и с чертом, отличавшимся ярким и выразительным гримом, который редко делали в российском дореволюционном кино (Рисунок 5). А позже, в № 5 от 7 декабря 1913 года, уже дана краткая характеристика фильма: «Очень хорош г. Можжухинъ в роли чорта. Хороши также и остальные артисты. Картина будет иметь большой успех» (Сине-фоно, 1913, 5: 26).

В журналах за 1915 г. представлены рекламные афиши кинопроизведений режиссера Вячеслава Вискковского, сотрудничавшего с кинокомпанией «П. Тиман и Ф. Рейнгагерт». Это такие фильмы, как «Первая любовь» в 3 частях и 4 картинах и «Отцы и дети», над декорациями к которым работал Антон Грезин (Сине-фоно, 1915, 16-17: 14, 20). В этих же номерах также дается большая реклама еще одной экранизации по произведению Ивана Тургенева – «Накануне» режиссеров Николая Маликова и Владимира Гардина в 4 частях (Сине-фоно, 1915, 16-17: 51), сообщается о завершении съемок фильма производства фабрики «А.А. Ханжонков» «Песнь торжествующей любви» режиссера Евгения Бауэра с участием знаменитой Веры Холодной. Вообще в разделе «Хроника» содержатся заметки по поводу нескольких экранизаций по произведениям русских писателей: по романам А.И. Куприна поставлены «Олеся» (кинематографическая фабрика «Г.И. Либкен»), «Яма» («Русское кинематографическое товарищество»), товариществом И. Ермольева намечены постановки «Чайки» А.П. Чехова и «Семейного счастья» по роману Л.Н. Толстого, фирмой «В. Венгеров и В. Гардин» – постановка «Гранатового браслета» А.И. Куприна, выпущена картина «Дикарка» по А.Н. Островскому (Сине-фоно, 1915, 16-17: 73-77).

В № 19–20 в разделе «Хроника» уже содержится более развернутая заметка о деятельности фирмы «В. Венгеров и В. Гардин», в которой отмечается старание авторов фильма «Накануне» перевести произведение писателя на язык кинематографа в наиболее точном виде, воссоздать атмосферу времени в костюмах и деталях. Сообщается также, что все фильмы создаются с целью показа и за рубежом, в связи с чем в них монтировались английские надписи. Также в заслугу деятельности фирмы ставится попытка экранизировать комические произведения русской литературы, чего практически никто не делал на тот момент в отечественном кинопроизводстве. К такому отношению уже упомянутый фильм по А.Н. Островскому «Дикарка», сообщается также о планах экранизации двух произведений А.Т. Аверченко (Сине-фоно, 1915, 19-20: 71). Здесь же, в разделе «Новые ленты», даны описания нескольких кинолент (Сине-фоно, 1915, 19-20: 90-96). По поводу фильма «Первая любовь» приводится просто отрывок из начала произведения, в заметке о кинокартине «Отцы и дети» детально излагается сюжет. В приложении к журналу также представлены рекламные развороты этих фильмов с кадрами из них, призванные продемонстрировать убедительность типажей и соответствие изображаемой эпохе.

В журнале за 1918 г. появляется небольшая заметка и рекламный разворот к фильму «Отец Сергей» известного русского режиссера Якова Протазанова. О картине сообщается, что она пользуется большим успехом у публики, а в рекламе ставится акцент на имени исполнителя главной роли – Ивана Можжухина, популярного у публики (Сине-фоно, 1918, 5-6: 23, 34-35). Таким образом, получается, что творчество одного из самых интересных и сильных режиссеров своего времени оказывается почти не отмеченным в данном журнале.

Рис. 6. Кадр из фильма «Смерть богов», реж. В. Касьянов, 1916 г. Иллюстрация из журнала «Сине-фоно», № 5–6, 1916 г. Научная электронная библиотека

В журнале «Сине-фоно» содержатся ценные заметки о несохранившихся фильмах.

Например, первая часть кинотрилогии Владимира Касьянова «Смерть богов» (1916) по произведению Дмитрия Мережковского была представлена в журнале в виде нескольких больших разворотов, на первом из которых сразу заявлялось, что в России появилось грандиозное произведение, способное конкурировать с масштабными кинематографическими картинами итальянских режиссеров, экранизовавших литературные произведения на сюжеты из римской истории. Далее сообщается, что товарищество «Кинотворчество» в результате долгих переговоров с писателем получило разрешение на постановку картины и приступило к осуществлению своего проекта с большой тщательностью: были изучены исторические материалы, на их основе созданы эскизы, реквизит и бутафория с целью воссоздания духа древнеримской эпохи. Фотографии, представленные на страницах журнала, действительно показывают, что кинокартина отличалась масштабностью и визуально весьма похожа на будущие фильмы в жанре «пеплума».

Размах картины подтверждается также последующими сообщениями, помещенными рядом с изображениями кадров из фильма: это и продолжительность съемки в течение семи месяцев, и привлечение 3 000 статистов для участия в массовых сценах, необходимость возводить бутафорские здания в соответствии со стилем эпохи, впечатляющий бюджет – 100 000 рублей (Сине-фоно, 1916, 5-6: 31-38).

Об утраченной картине Мориса Метра «Анна Каренина» по произведению Льва Толстого сообщается в седьмом номере журнала за 1911 г., сначала в виде большой рекламной афиши с указанием ведущих актеров, а затем в разделе «Новые ленты» представлено описание, в котором обозначается образ героини как тонко чувствующей, жаждущей любви и отзывающейся на чувства красавца Вронского, причем в заметке неоднократно подчеркивается, что все это является типичными качествами русской женщины. Довольно подробное описание переживаний Анны дает понять читателю, что в кинотеатре перед ним должна развернуться мелодрама. Не преминул автор заметки украсить свой текст описанием страшных останков героини после ее падения под поезд, заставляя предполагать, что зрителя может впечатлить заключительная сцена своим натурализмом (Сине-фоно, 1911, 7: 19-20).

К 1917 году значительно вырастает качество производства российских художественных кинокартин, в частности, в жанре «экранизация» режиссеры применяют новые художественные средства (светотеневая игра, затуманивание кадра с помощью тюля и подобных материалов, сочетание натурной и павильонной съемки, создание глубины кадра, построение композиций кадра по законам живописи, растет психологизм актерской игры и т.п.). Вместе с этим повышается качество презентации отечественного кино на страницах журнала «Сине-фоно»: реклама становится цветной, растет количество критиков, умеющих содержательно оценить уровень мастерства российских кинорежиссеров, поднимаются сложные вопросы о необходимости изобретения языка исключительно кинематографической выразительности и т.д. В 1916 году на российские экраны выходит первый шедевр в жанре «экранизация» – фильм Я. Протазанова «Пиковая дама».

Рис. 7. Реклама фильма Я. Протазанова «Пиковая дама» «Товарищества Ермольева» на страницах журнала «Сине-фоно», № 9–10, 1916 г. Научная электронная библиотека

Примечательно, что 6 лет назад П. Чардынин уже снял фильм по этой повести А.С. Пушкина, поэтому Я. Протазанов намеренно обращается к повторной экранизации произведения, желая сделать фильм лучше, чем предыдущий, показать новую степень развития киноискусства. В отличие от первого фильма, снятого как театральная постановка в трехстенном павильоне, где актеры двигались перед камерой как на сцене театра, а режиссер стремился к тому, чтобы в короткометражном фильме успеть хотя бы показать основные сюжетные перипетии повести, фильм Я. Протазанова снят более совершенно: сочетается натурная и павильонная съемка, активно используется игра светотеней для передачи мистической атмосферы, появляется глубина кадра, создаваемая, например, открытыми на заднике дверьми, наконец, самым впечатляющим достижением фильма являлся психологизм актерской игры И. Мозжухина, исполнявшего роль Германа. Он использовал богатство своей мимики для того, чтобы не только показать на экране действия Германа, но и глубину его психологических сомнений и переживаний. Конечно, современный зритель оценит игру И. Мозжухина как искусственную; да и зрители 1916 года тоже замечали ее в кадре, и все же на страницах журнала «Сине-фоно» этот фильм оценили как «шедевр», а актерская игра И. Мозжухина и режиссерская работа Я. Протазанова заставили критиков рассуждать о том, что кинематограф наконец-то выходит за пределы литературности, развлекательности и обретает собственный оригинальный художественный язык. В частности, эти размышления представлены критиком Сен-Марсом в статье «Современная психика и кинематограф»: «Совершенно законченные постановки, в особенности «Пиковая дама», – они являются вехами в развитии кинематографа, делают аксиомой возможность художественного творчества в кинематографе» (Сине-фоно, 1916, 11-12: 41).

5. Заключение

Экранизация литературных произведений – важнейшее направление в становлении национального кинематографа. Анализ материалов, опубликованных в журнале «Сине-фоно», позволяет осмыслить исторический процесс развития экранизаций в российском дореволюционном кино. Публикации о фильмах-экранизациях весьма разноплановы. Здесь встречаются подробные описания сюжетов, положенных в основу фильмов, детальные описания собственно экранизаций, рецензии – отзывы первых кинокритиков, впечатления и мнения зрителей о кинопроизведениях, а также анонсы, киноафиши, рекламные публикации, целью которых является привлечение публики.

Анализ статей о деятельности Петра Чардынина, Василия Гончарова, Вячеслава Висковского, Якова Протазанова, Николая Маликова, Владимира Гардина и других режиссеров, в репертуаре которых множество экранизаций, позволяет проследить динамику развития их как авторов кинопроизведений. А также изучить процесс трансформации литературного слова в визуальные образы, которые и являются сутью кинематографа, преобразование кино из иллюстрации к литературному тексту в самостоятельное произведение искусства.

В целом анализ материалов журнала «Сине-фоно», посвященных экранизациям литературных произведений, позволяет проследить процесс обособления кинематографа как самостоятельного вида искусства, его отграничивание от литературы, драматического театра, оперы, в том числе и за счет развития технических возможностей, определяющих уникальный спектр художественных средств кино.

Также обращает на себя внимание тот факт, что для первых киноопытов режиссеры выбирают в качестве сюжета классические произведения русской литературы. И именно эти произведения получают признание профессионалов и выводят национальный кинематограф на общеевропейский уровень.

Литература

Александрова, 2017 – Александрова М.В. Пограничность творчества в провинции: Григорий Либкен и первые опыты ярославского кинематографа // *Ярославский педагогический вестник*. 2017. № 6. С. 309-313.

Дегтяренко, 2021 – Дегтяренко К.А. Концептуальные основания этнических исследований // *Северные архивы и экспедиции*. 2021. № 5(4). С. 8-16.

Жуковский, Копцева, 2004 – Жуковский В.И., Копцева Н.П. Пропозиции теории изобразительного искусства. Красноярск, 2004. 266 с.

Замараева и др., 2019 – Замараева Ю.С., Лузан В.С., Метляева С.В. [и др.]. Религия эвенков: история и современность // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2019. № 12(5). С. 853-871.

Ковалова, 2010 – Ковалова А. Дореволюционное кино и... дети // *Киноведческие записки*. 2010. № 94-95. С. 362-377.

Копцева и др., 2021 – Копцева Н.П., Резникова К.В., Менжуренко Ю.Н. Журнал «Сине-фоно» как исторический источник: отечественный провинциальный кинематограф в 1907–1916 гг. // *Былые годы*. 2021. № 16(4). С. 2043-2052.

Копцева, Ситникова, 2022 – Копцева Н.П., Ситникова А.А. Историческая память коренных малочисленных народов Эвенкийского муниципального района: методологические подходы к

исследованию // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2022. № 15(5). С. 666-678.

[Кушниров, 2008](#) – Кушниров М.А. Эти старые, старые журналы... // *Родина*. 2008. № 7. С. 118-123.

[Лурье, 1939](#) – Лурье С. Толстой и кино // *Литературное наследство*. 1939. № 37. С. 713-721.

[Рокка, 2014](#) – Рокка А.Ю. Создание и деятельность российской кинофирмы «Биохром» («Биофильм») в 1913–1918 гг. / *Модернизация в России: история, политика, образование / Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 5 апреля 2014 года*. 2014. С. 132-137.

[Сертакова и др., 2022](#) – Сертакова Е.А., Колесник М.А., Лещинская Н.М. «Героическое» и «трагическое» в живописи неоклассицизма XVIII столетия (на примере анализа произведений Ж.-Л. Давида) // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2022. № 15(6). С. 867-878.

[Сине-фоно..., 1907–1918](#) – Сине-фоно: журнал синемаатографии, говорящих машин и фотографии, М., 1907–1918.

[Ситникова, 2022](#) – Ситникова А.А. Северные экспедиции и образ Арктики в зарубежной живописи XIX века // *Северные архивы и экспедиции*. 2022. № 6(1). С. 240-249.

[Устюгова, 2021](#) – Устюгова В.В. Источники по истории кинематографа в губернской Перми конца XIX – начала XX века: по направлению к поиску и изучению // *Культурный код*. 2021. 4. С. 130.

[Ханжонков, 1937](#) – Ханжонков А.А. Первые годы русской кинематографии. Воспоминания. М., 1937. С. 175.

[Koptseva et al., 2021](#) – Koptseva N.P., Reznikova K.V., Menzhurenko Yu.N. The Journal «Cinephono» as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907–1916 // *Bylye Gody*. 16(4): 2043-2052.

[Koptseva, Kirko, 2014](#) – Koptseva N.P., Kirko V.I. Post-soviet practice of preserving ethnocultural identity of indigenous peoples of the North and Siberia in Krasnoyarsk region of the Russian Federation // *Life Science Journal*. 2014. № 11 (7). Pp. 180-185.

References

[Aleksandrova, 2017](#) – Aleksandrova, M.V. (2017). Pogranichnost' tvorchestva v provintsii: Grigoriy Libken i pervyye opyty yaroslavskogo kinematografa [Borderline creativity in the provinces: Grigory Libken and the first experiences of Yaroslavl cinema]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 6: 309-313. [in Russian]

[Degtyarenko, 2021](#) – Degtyarenko, K.A. (2021). Kontseptual'nyye osnovaniya etnicheskikh issledovaniy [Conceptual Foundations of Ethnic Studies]. *Severnye arkhiy i ekspeditsii*. 5 (4): 8-16. [in Russian]

[Hanzhonkov, 1937](#) – Hanzhonkov, A.A. Pervyye godi russkoi kinematographii. Vospominaniya [The first years of Russian cinema. Memories]. Moscow, 175 p. [in Russian]

[Koptseva, Kirko, 2014](#) – Koptseva, N.P., Kirko, V.I. (2014). Post-soviet practice of preserving ethnocultural identity of indigenous peoples of the North and Siberia in Krasnoyarsk region of the Russian Federation. *Life Science Journal*. 11 (7): 180-185.

[Koptseva et al., 2021](#) – Koptseva, N.P., Reznikova, K.V., Menzhurenko, Yu.N. (2021). The Journal «Cine-phono» as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907–1916. *Bylye Gody*. 16(4): 2043-2052.

[Koptseva, Sitnikova, 2022](#) – Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A. (2022). Istoricheskaya pamyat' korennykh malochislennykh narodov Evenkiiskogo munitsipal'nogo raiona: metodologicheskie podkhody k issledovaniyu [Historical Memory of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Evenk Municipal District: Methodological Approaches to Research]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. 15 (5): 666-678. [in Russian]

[Kovalova, 2010](#) – Kovalova, A. (2010). Dorevolyutsionnoye kino i... deti [Pre-revolutionary cinema and ... children]. *Kinovedcheskiye zapiski*. 94-95: 362-377. [in Russian]

[Kushnirov, 2008](#) – Kushnirov, M.A. (2008). Eti staryye, staryye zhurnaly... [These old, old magazines...]. *Rodina*. 7: 118-123. [in Russian]

[Lur'ye, 1939](#) – Lur'ye, S. (1939). Tolstoy i kino [Tolstoy and cinema]. *Literaturnoye nasledstvo*. 37: 713-721. [in Russian]

[Rokka, 2014](#) – Rokka, A.Yu. (2014). Sozdaniye i deyatelnost' rossiyskoy kinofirmy "Biokhrom" ("Biofil'm") v 1913–1918 gg. [Creation and activity of the Russian film company "Biokhrom" ("Biofilm") in 1913–1918]. *Modernizatsiya v Rossii: istoriya, politika, obrazovaniye: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, Sankt-Peterburg, 05 aprelya 2014 goda*. 132-137. [in Russian]

[Sertakova i dr., 2022](#) – Sertakova, E.A., Kolesnik, M.A., Leshchinskaya, N.M. (2022). «Geroicheskoye» i «tragicheskoye» v zhivopisi neoklassitsizma XVIII stoletiya (na primere analiza proizvedeniy Zh.-L. Davida) [“Heroic” and “tragic” in the painting of neoclassicism of the 18th century (on the example of the analysis of the works of J.-L. David)]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. 15(6): 867-878. [in Russian]

Sine-fono..., 1907–1918 – Sine-fono: zhurnal sinematografii, govoryashchikh mashin i fotografii [Sine-fono: a journal of cinematography, talking machines and photography], Moskva, 1907–1918. [in Russian]

Sitnikova, 2022 – *Sitnikova, A.A.* (2022). Severnyye ekspeditsii i obraz Arktiki v zarubezhnoy zhivopisi XIX veka [Northern Expeditions and the Image of the Arctic in Foreign Painting of the 19th Century]. *Severnye arkhivy i ekspeditsii*. 6(1): 240–249. [in Russian]

Ustyugova, 2021 – *Ustyugova, V.V.* (2021). Istochniki po istorii kinematografa v gubernskoy Permi kontsa XIX – nachala XX veka: po napravleniyu k poisku i izucheniyu [Sources on the history of cinema in provincial Perm at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries: towards search and study]. *Kul'turnyy kod*. P. 130. [in Russian]

Zamaraeva i dr., 2019 – *Zamaraeva, Yu.S., Luzan, V.S., Metlyaeva, S.V. [i dr.]* (2019). Religion of the evenki: history and modern times. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. 12(5): 853–871.

Zhukovskiy, Koptseva, 2004 – *Zhukovskiy, V.I., Koptseva, N.P.* (2004). Propozitsii teorii izobrazitel'nogo iskusstva [Propositions of the theory of fine art]. Krasnoyarsk, 266 p. [in Russian]

Журнал «Сине-фоно» как источник по истории экранизации литературных произведений в России начала XX века

Александра Александровна Ситникова ^{а, *}, Наталья Михайловна Лещинская ^а,
Екатерина Анатольевна Сертакова ^а, Мария Александровна Колесник ^а

^а Сибирский федеральный университет», Российская Федерация

Аннотация. Актуальность исследования киноискусства Российской империи в зеркале рекламы и критики на страницах ведущих киножурналов начала XX века определяется тем, что на раннем этапе развития отечественной кинематографии была сформирована успешная модель развития кинематографического дела в стране (свободная предпринимательская деятельность), а также намечены содержательные направления развития российского кино – постановка патриотических картин национальной истории, экранизация русской классики как быстрое ознакомление широкого круга зрителей с выдающимися произведениями литературы, кино развлекательного характера с криминальными сюжетами или дидактичным погружением в сферу любовных переживаний и др. В статье проанализировано такое направление развития кинематографа Российской империи, как «экранизация русской литературной классики». Исследование проведено на материале анализа рекламы и критических очерков русских экранизаций на страницах журнала «Сине-фоно», который издавался с 1907 по 1918 годы и являлся изданием, независимым от кинокомпаний, а также на материале анализа русских литературных экранизаций 1909–1916 годов методами В.И. Жуковского, Н.П. Копцевой. По итогам исследования представлена характеристика экранизаций в творчестве режиссеров П. Чардынина, В. Гончарова, В. Висковского, Я. Протазанова, Н. Маликова, В. Гардина и др. Выделены литературные предпочтения режиссеров раннего отечественного кино при выборе книг для создания фильмов – это произведения А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, позднее в кинематографе появляются экранизации произведений А.П. Чехова и Н.В. Гоголя. Также в статье выявлены тенденции развития кинематографического мастерства отечественных режиссеров от 1909 года к 1916 году и проанализированы особенности представления достижений российской дореволюционной кинематографии на страницах журнала «Сине-фоно».

Ключевые слова: исторический документ, журнал «Сине-фоно», экранизация, русская литература.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sem_dobrianka@mail.ru (А.А. Ситникова),
trognonulia@gmail.com (Н.М. Лещинская), sertachok@mail.ru (Е.А. Сертакова),
masha_kolesnik@mail.ru (М.А. Колесник)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1968-1975
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1968

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Far East of Russia as a Region of Transit Migration on the Eve of the First World War

Alexey V. Antoshin ^{a,*}

^a Ural Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the role of the Far East as a region of transit migration in the Russian Empire at the beginning of the 20th century. The author focuses on the period on the eve of the First World War, associated with the implementation of government resettlement policy in the framework of the agrarian reform of P.A. Stolypin. The source base for this study was the documents stored in the fund “Head of the Settlement of Settlers in the Khabarovsk District” of the State Archive of the Khabarovsk Territory (Khabarovsk, Russian Federation). In addition, materials from regional periodicals were used – the newspapers Priamurskiye Vedomosti (Khabarovsk), Priamurye (Khabarovsk), Priamurskaya Zhizn (Khabarovsk), and Dalniy Vostok (Vladivostok). The methodological basis of the study was the theoretical developments of national and foreign migration scientists. Using these conceptual approaches, the author shows a close connection between the failures of the government's resettlement policy and the development of the phenomenon of emigration from the Russian Empire. It is proved that the survival rate of new settlers remained an extremely acute problem in the Russian Far East at the beginning of the 20th century. At the same time, historical sources show that the reasons for this situation were not only the psychological unpreparedness of some of the settlers to settle in a certain place, but also the desire of some of them to use government loans for resettlement for selfish purposes. The documents involved allow substantiating the thesis that the expert community of the region associated with the structures of the administration of the Amur Governor-General realized that there were objective problems that prevented the successful consolidation of settlers in the region. These problems were associated with the underdevelopment of the socio-cultural infrastructure, unfavorable climatic conditions, and competition for the migrant peasants from agricultural producers from Manchuria. All these factors led to the fact that part of the settlers began to consider the Far East only as a transit region and moved on, emigrating to the USA, Australia and other countries.

Keywords: Far East, Stolypin agrarian reform, resettlement policy, survival rate of new settlers, problems of adaptation, transit migration, labor immigration to the USA, labor immigration to Australia, Hawaiian Islands.

1. Введение

Проблема транзитной миграции является чрезвычайно актуальной. В условиях роста миграционных обменов в современном мире эксперты обращают все большее внимание на то, что отдельные страны начинают выступать, скорее, не принимающими обществами, а пространствами, через которые проходят большие потоки мигрантов, направляющихся в другие государства. Так, важным евразийским центром транзитной миграции стала в начале XXI в. Российская Федерация, которая оказалась весьма привлекательной территорией для многих выходцев из Азии и Африки, стремившихся переселиться в страны Европейского Союза. Однако жесткий контроль на границе между РФ и ЕС привел к тому, что часть этих транзитных мигрантов надолго осталась на территории России, не планируя интегрироваться в наше общество. Данная ситуация ставит вопрос о выработке правовых механизмов,

* Corresponding author

E-mail addresses: alex_antoshin@mail.ru (A.V. Antoshin)

которые будут способствовать решению данной проблемы. Одновременно это делает актуальным обращение к историческому опыту, анализ того, как возникали подобные регионы транзитной миграции в прошлом и какие инструменты решения проблемы предлагали экспертные сообщества.

Одним из важнейших регионов, привлекавших мощные миграционные потоки в Российской империи, являлся Дальний Восток. Необходимость заселения и хозяйственного освоения территории, которая лишь недавно была присоединена к империи, вынуждала власти привлекать туда рабочую силу. Было очевидно, что в условиях крайнего дефицита людских ресурсов необходимо было задействовать широкий арсенал средств, чтобы более эффективно использовать ресурсный потенциал региона. Постепенно власти пришли к сочетанию факторов внешней и внутренней миграции, чтобы удовлетворить потребности региона в рабочей силе. Вместе с тем к началу Первой мировой войны региональному экспертному сообществу стало очевидно, что данная политика имеет лишь ограниченные результаты: значительная часть переселенцев не интегрировалась в экономические структуры региона и Дальний Восток во многом становился транзитной территорией. Анализ причин этой ситуации и тех механизмов, которые предлагались для решения проблем, является целью данной статьи.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования представлена различными группами исторических материалов. Прежде всего следует выделить документы фонда И-6 Государственного архива Хабаровского края (Хабаровск, Российская Федерация) «Заведующий водворением переселенцев Хабаровского уезда». Они представлены журналами Приморского областного по крестьянским делам присутствия, перепиской отдельных землеустроительных комиссий, документами землемера Приморского района, заведующего водворением переселенцев в Хабаровском подрайоне Приморской области, справками и подписками отдельных крестьян, переселявшихся на Дальний Восток из центральных районов Российской империи. Все эти материалы в совокупности формируют картину крайне противоречивой ситуации, которая складывалась в Приамурье в условиях переселенческой политики П.А. Столыпина.

К числу наиболее влиятельных представителей региональной общественности, выступавших в качестве экспертного сообщества, в том числе по проблематике, связанной с миграционными процессами, относились издатели и руководители редакций местных газет и журналов. Во Владивостоке среди них выделялся основатель старейшего печатного издания – газеты «Дальний Восток» – В.А. Панов. Его личный фонд 24 находится на хранении в Архиве Общества изучения Амурского края (Архив ОИАК, г. Владивосток). Материалы данного фонда позволяют охарактеризовать специфику формирования идейно-политических и ценностных установок В.А. Панова, что оказывало влияние на освещение на страницах газеты «Дальний Восток» миграционных процессов в регионе.

Именно материалы региональной периодической печати также являются важной группой исторических источников, использованных в данной статье. Ключевое место среди них принадлежит газете «Приамурские ведомости», которая печаталась в Хабаровске в типографии генерал-губернатора. Учитывая специфику Дальнего Востока (крайний дефицит в регионе квалифицированных специалистов, что вынуждало власти максимально использовать потенциал тех немногих представителей интеллигенции, которые здесь жили), вполне закономерно, что именно это издание отличалось наиболее квалифицированным анализом миграционных процессов, происходивших в Приамурье и Приморье.

Менее обстоятельно эти вопросы анализировались на страницах оппозиционной прессы – газет «Приамурье» и «Приамурская жизнь», также издававшихся в Хабаровске. Эти печатные органы, скорее, использовали просчеты миграционной политики властей как еще один повод для критики существовавшей социально-политической системы.

Старейшим владивостокским периодическим изданием являлась уже упоминавшаяся газета «Дальний Восток». Ее специфика состояла в том, что она была весьма близка местной организации Всероссийского национального союза (русских националистов) – консервативной политической партии, которая являлась главной опорой правительства П.А. Столыпина.

В работе использованы методологические подходы, характерные для миграциологии. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что уже в советское время в работах исследователей из Сибирского отделения АН СССР большое внимание уделялось анализу социально-экономических факторов, способствующих интеграции внутренних мигрантов в регионах-реципиентах. Проблема приживаемости новоселов являлась чрезвычайно важной, поскольку именно на это была ориентирована миграционная политика страны (Хорев, Чапек, 1978; Рыбаковский, 1987 и др.).

В современной миграциологии весьма популярны те концептуальные подходы, которые также нацелены на осмысление факторов, облегчающих или осложняющих интеграцию переселенцев. Как отмечают современные исследователи, нередко формирование транзитных мигрантов становится вынужденным явлением, связанным, например, с различными ожиданиями разных членов семьи от миграции. Именно на это нацелена теория экономики семейной миграции. Важную роль играет фактор наличия в регионе-реципиенте так называемого общественного капитала, социальных сетей,

созданных предшествующими волнами мигрантов и облегчающих для вновь прибывших интеграцию в принимающее общество (Massey et al., 1993). Именно основные методы, характерные для современной миграциологии, и выступают теоретической основой данного исследования.

3. Обсуждение

Отдельные аспекты проблемы превращения Дальнего Востока России в регион транзитной миграции в начале XX в. уже освещались в исследовательской литературе. Так, в дореволюционной историографии акцентировалось внимание на малоземелье крестьян Центральной России как главной причине их переселения в восточные районы страны (Кауфман, 1906; Веселовская, 1909 и др.). Вместе с тем уже в этот период отмечалось, что многие переселенцы не интегрировались в экономические структуры региона, возвращались домой или уезжали в другие страны.

В советской историографии данная проблема рассматривалась, прежде всего, в контексте анализа столыпинской аграрной реформы. Историки доказывали, что колонизация региона происходила очень медленно, что было связано с противоречивым характером экономической политики правительства и влиянием на нее помещиков (Георгиевский, 1926; Рябов, Штейн, 1958 и др.). Уже в советской историографии отмечалось, что для части крестьян-переселенцев Дальний Восток фактически стал транзитным регионом. Вместе с тем советские исследователи признавали тот факт, что переселенческая политика способствовала развитию капиталистических отношений в дальневосточной деревне, сыграла значительную роль в социально-экономическом развитии региона в целом.

Наконец, в постсоветский период новая методологическая ситуация позволила существенно расширить исследовательскую проблематику. Активно осваивается идейное наследие дореволюционных исследователей темы (Заколотная, 2013). При этом ряд современных историков обращает внимание на роль Дальнего Востока именно как транзитного региона для части переселенцев, показывая, что именно эти люди во многом формировали миграционный поток из России в США, Австралию и другие страны мира (Каневская, 2010: 14-27; Хисамутдинов, 2013: 66-75 и др.).

Значение миграционного потока с Дальнего Востока России в формировании русской диаспоры в США отмечается и в зарубежной историографии. В этом контексте нельзя не отметить труд американских исследователей Н. Богдан и Л. Заверюхи, посвященный становлению сообщества русских эмигрантов в Калифорнии (Bogdan, Zaverukha, 2009).

В постсоветский период стало возможным осуществление крупных международных исследовательских проектов, являвшихся результатом взаимодействия ученых из России и других государств. Среди них следует выделить коллективную монографию, выпущенную в Новосибирске под редакцией С.С. Пайчадзе И.А. Вальдмана. В ней представлены различные сюжеты, формирующие представление об Азиатско-Тихоокеанском регионе как крупном центре трансграничной миграции (Россия и страны АТР, 2019).

4. Результаты

Как имперское правительство в Петербурге, так и местные власти Дальнего Востока России (прежде всего, администрация Приамурского генерал-губернатора) возлагали большие надежды на активно осуществлявшуюся в рамках столыпинской аграрной реформы переселенческую политику, которая должна была не только создать прочный фундамент для осуществления экономической и политической модернизации России, но и решить проблему дефицита трудовых ресурсов на Дальнем Востоке, без чего было невозможно максимальное использование потенциала региона.

Однако, как доказывают исторические источники (в том числе документы, хранящиеся в Государственном архиве Хабаровского края), достичь тех результатов, на которые рассчитывали инициаторы переселенческой политики, не удалось. Характерно, что в фонде «Заведующий водворением переселенцев Хабаровского уезда» ГАХК хранится большое количество подписок крестьян, которые первоначально согласились на переселение на Дальний Восток, однако в итоге отказались от этого намерения (ГАХК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2. Л. 53, 56, 124-125, 134 и др.). Особенно впечатляющей является статистика, которую приводила Ямпольская уездная землеустроительная комиссия в письме заведующему водворением переселенцев в Хабаровском подрайоне Приморской области в декабре 1909 г. По данным этого документа, из 99 человек, которые планировали переселиться из данного уезда во вновь созданное в Киинской волости Хабаровского уезда селение Каменец-Подольское, 78 человек «совсем отказались от переселения», и только 19 человек твердо были намерены отправиться на Дальний Восток (ГАХК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2. Л. 30).

Очевидно, отрицательное решение по вопросу о переезде крестьяне часто принимали под влиянием информации, полученной от тех односельчан и друзей, которые уже рискнули отправиться в дальние края, но не нашли там счастья. В Приамурье чрезвычайно остро стоял вопрос приживаемости новоселов, закрепления переселенцев на новом месте. Нередкими были случаи, когда крестьяне, получив помощь от правительства на осуществление переселения, недолго жили на новом месте и возвращались обратно. Так, например, землемер Приморского района Г. Смирнов сообщал осенью 1909 г., что крестьянин Илья Мундрьк переселился в указанное выше село Каменец-Подольское, прожил там «с весны до осени», а затем вернулся на родину (ГАХК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2. Л. 22). Такие случаи были отнюдь не единичными.

Весьма характерна переселенческая статистика за 1911 г. по Амурской области. Как сообщалось в региональной прессе, из 3 887 переселенцев, прибывших в область за тот год, 2 191 человек вернулись обратно ([Приамурские ведомости. 1912. 22 марта. № 1832](#)).

Как показывают архивные документы, переселившиеся крестьяне не становились стабильным населением вновь созданных сел и деревень, а продолжали перемещаться по территории края в поисках лучшей доли. Переселенцы постоянно меняли места жительства, вместо старых свидетельств о водворении им приходилось выдавать новые ([ГАХК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2. Л. 100б.](#)). Часть вновь прибывших не сразу поселялась на выделенных участках, а сначала уходила на заработки ([Приамурские ведомости. 1912. 12 апреля. № 1839](#)). Властям приходилось искать приехавших в регион крестьян, однако это часто оказывалось непростой задачей. Так, крестьянин Подольской губернии А. Мирослин по документам должен был находиться все в том же Каменец-Подольском, однако его там не оказалось ([ГАХК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2. Л. 51](#)). Непросто оказалось найти и другого переселенца – Феодосия Стельмаха, чтобы вручить ему повестку о необходимости отбытия им воинской повинности ([ГАХК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2. Л. 20](#)).

В результате на Дальнем Востоке оказывалось немало переселенцев, статус которых был вообще не вполне понятен. Как свидетельствуют документы, этим людям как-то удалось получить проходные переселенческие свидетельства, но прав на поселение на новые участки они не имели. Вместо стабильного населения вновь освоенных сел и деревень новоселами, которые должны были развивать сельское хозяйство края, решать проблему его продовольственной безопасности, власти получали массу чрезвычайно мобильных людей, перемещавшихся с места на место.

Безусловно, здесь играли роль и психологические факторы. Те, кто решался на переселение из Украины на Дальний Восток, зачастую изначально обладали авантюрным складом характера, готовностью радикально менять свою жизнь. Расставшись со всем своим старым и начав движение в дальние края, они не могли остановиться и вовлекались в новые миграционные потоки. Как известно, у некоторых переселенцев присутствовало и желание просто воспользоваться правительственной политикой, субсидиями, которые выделяли власти на переезд. Такие люди заранее не планировали осесть на новом месте: потратив выданные на переселение средства, они ехали домой, пытаясь получить новый кредит.

Однако у всей этой ситуации были и другие причины. Как дореволюционные, так и современные исследователи нередко апеллируют к высказываниям самих крестьян, которые приводились в различных анкетах. Там встречались самые различные варианты: «не понравился край», «недостаточность средств», «малосильность семьи» и т.д. ([Приамурские ведомости. 1912. 19 апреля. № 1842](#)).

Однако встает вопрос об объективности этих оценок, необходимости их подтверждения в других исторических источниках. В исследованиях уже отмечался тот факт, что многие проблемы переселенцев были связаны с недостаточным знанием ими местных условий землепользования, что вело к невысокому уровню агрокультуры их хозяйства. Как отмечал один из чиновников Переселенческого управления, «китайцы и корейцы, живущие даже на нашей земле, где-нибудь в глухой тайге, и там обрабатывают тщательнее землю и получают с нее урожай вдвое и втрое больше, чем при русском способе обработки». Характеризуя состояние переселенческого хозяйства, он подчеркивал: «Везде замечается отсутствие самых необходимых и самых элементарных научных знаний» ([Рыжова, 2015: 18](#)).

Впрочем, были и объективные трудности, которые препятствовали закреплению переселенцев на Дальнем Востоке. Переселенческие хозяйства были маломощными, в результате увеличение площадей обрабатываемых земель шло крайне медленно. Чиновники Приморского переселенческого района, например, указывали на «непосильность производства значительных расчисток для экономически слабых переселенцев» ([Приамурские ведомости. 1914. № 2089. 21 января](#)). Мешала развитию хозяйства переселенцев и конкуренция со стороны производителей зерна из Маньчжурии, которые зачастую вытесняли с рынка крестьянские хозяйства Приамурья и Приморья.

Кроме того, как показывают документы, условия для ведения сельского хозяйства во многих районах Приамурья и Приморья действительно были не самые простые. Сезонные колебания климата, стихийные бедствия и т.д. были нередки в этих местах. Так, например, в 1911 г. переселенцы, оказавшиеся в Черняевозейском, Кухтеринском и Селенджинском подрайонах, сильно пострадали от недорода и наводнений, в результате властям пришлось им оказывать материальную помощь ([Приамурские ведомости. 1912. 3 января. № 1799](#)). В целом следует обратить внимание на важное обстоятельство: связанное с приамурским генерал-губернатором экспертное сообщество не замалчивало реальных проблем региона, открыто признавая тот факт, что условия для ведения сельского хозяйства здесь были далеко не идеальными. На самом излете предвоенной эпохи, буквально за месяц до начала Первой мировой войны, местные общественные деятели указывали: «Край наш для зерновых хлебов неудобен, лето действительно слишком жарко и влажно, зима действительно сурова и бесснежна» ([Приамурские ведомости. 1914. 3 июля. № 2152](#)).

Высказавший эти мысли Д.И. Ревякин одновременно обращал внимание и на неразвитость транспортной инфраструктуры в регионе, что препятствовало освоению Дальнего Востока.

«Переселение, расселение и колонизация только и возможны при наличии железной дороги», – подчеркивал он (Там же). Поэтому Д.И. Ревякин, как и многие другие представители дальневосточной общественности, отстаивал важность постройки Амурской железной дороги.

В целом вопрос о развитии инфраструктуры в регионе являлся чрезвычайно острым. На страницах оппозиционной прессы Дальнего Востока указывалось на необходимость развития социально-культурной среды, строительства новых учреждений культуры, которые могли бы сделать досуг переселенцев более разнообразным. Ведь среди тех, кто переезжал из центральных районов на Дальний Восток, были и люди с разнообразными культурными потребностями. Закрепление таких людей на новом месте требовало осуществления властями соответствующих мероприятий, что происходило далеко не всегда ([Приамурье. 1912. 27 января. № 1586](#); [Приамурская жизнь. 1912. 17 ноября. № 1054](#)).

В результате всего этого часть переселенцев решала попытать счастья еще раз и отправлялась зарабатывать деньги за пределы Российской империи. Особенно важно отметить, что окружение приамурского генерал-губернатора осознавало тесную связь между неудачами переселенческой политики и ростом числа эмигрантов. Незадолго до начала Первой мировой войны, в апреле 1914 г., на страницах местного официоза отмечалось: «Неблагоприятные экономические условия, сложившиеся в Восточной Сибири, трудность иметь постоянный заработок, невозможность конкуренции с дешевым желтым трудом служат причинами, создающими и поддерживающими движение переселенцев из Сибири в Америку и Австралию» ([Приамурские ведомости. 1914. № 2125. 19 апреля](#)).

Действительно, для некоторых переселенцев Дальний Восток оказывался лишь регионом транзитной миграции, временной остановкой на пути в Новый Свет. Этому способствовала деятельность в регионе эмиграционных агентств, которые вербовали переселенцев для работы за рубежом. Наиболее скандальную известность приобрела деятельность Эмиграционного бюро А.В. Перелестроуса и Компании, базировавшегося в Харбине. Именно оно, начиная с 1909 г., активно вербовало россиян для работы на плантациях сахарного тростника на Гавайских островах. Многие из тех, кто поверил вербовщикам, в итоге почувствовали себя обманутыми, начали писать открытые письма в адрес консульства Российской империи в Йокогаме с просьбой помочь им вернуться на родину. Часть трудовых эмигрантов так и не смогла возвратиться домой и осталась лежать в земле Гавайев ([Хисамутдинов, 2013: 66-75](#)). Впрочем, дальневосточная общественность весьма скептически оценивала попытки русской дипломатии вести контрпропаганду идеи переселения на Гавайи: по словам публицистов газеты «Дальний Восток», соответствующие прокламации консульства Российской империи в Йокогаме были составлены «в обычном сухом, официальном тоне», благодаря чему «результат получился совершенно обратный»: поток российских трудовых эмигрантов на Гавайи не прекратился ([Дальний Восток. 1910. № 40. 19 февраля](#)).

Однако, безусловно, Гавайские острова не являлись единственным потенциальным маршрутом движения тех переселенцев, для которых Дальний Восток России оказался лишь транзитным регионом. Пожалуй, наиболее крупный эмиграционный поток направлялся в начале XX в. из Российской империи в США. обстоятельный анализ этой проблемы был представлен уже в труде советского историка Н.Л. Тудоряну ([Тудоряну, 1986](#)). Переселенцы с Дальнего Востока России преимущественно выбирали тихоокеанское побережье США, прежде всего район Сан-Франциско. Неслучайно там возникло такое явление, как Русская горка, чья история нашла отражение и в американской историографии ([Bogdan, Zaverukha, 2009](#)).

Исследователи уже обращались и к анализу эмиграционного потока с российского Дальнего Востока в Австралию. Безусловно, он существенно уступал американскому, тем не менее его также не стоит игнорировать. Именно благодаря этому явлению были заложены основы русского присутствия на Пятом континенте, что стало возможным во многом благодаря трансформации в данный период иммиграционного законодательства Австралии. Как отмечает известный специалист по истории австралийской иммиграции, профессор Университета в Аделаиде Э. Ричардс, долгое время Австралия занимала весьма скромное место как направление переселения европейцев в Новый Свет. Во многом это было связано со спецификой настроений, доминировавших в австралийском обществе, негативным отношением местных жителей к потоку иммигрантов как конкурентов в борьбе за рабочие места. Этому способствовала и позиция австралийских профсоюзов, традиционно весьма сильных. И лишь в первое десятилетие XX в. ситуация начала меняться, чему содействовали и исследования структур только что возникшего Австралийского Союза, доказавших, что рост населения новой федерации не соответствовал потребностям освоения огромной территории ([Richards, 2008: 28-30](#)). Среди тех новых иммигрантов, кто прибыл в Австралию в эти годы, были и россияне – переселенцы с Дальнего Востока. Часть из них успешно интегрировалась в экономические структуры Австралии. Этим людям привлекал демократизм австралийского общества, отсутствие жесткой социальной стратификации, достаточно высокий уровень заработной платы. Некоторые из них смогли найти в Новом Свете то, чего им не довелось обнаружить на российском Дальнем Востоке.

Можно ли было противостоять превращению Дальнего Востока в транзитный регион для части переселенцев из центральной России? Как показывают исторические источники, общественность российского Дальнего Востока, осознавая тесную связь между неудачами переселенческой политики

и ростом эмиграции, тем не менее полагала, что необходимо использование финансовых механизмов регулирования данной проблемы. Особенно активно об этом говорилось на страницах владивостокской газеты «Дальний Восток», которую редактировал отставной морской офицер, капитан корпуса флотских штурманов В.А. Панов ([Архив ОИАК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 1](#)). Публицисты данной газеты полагали, что те россияне, которые переселились в рамках столыпинской политики, но предпочли зарабатывать деньги за океаном, должны возвращать Российскому государству средства, полученные ими на переезд из центральных районов империи на Дальний Восток. По мнению авторов «Дальнего Востока», введение такой практики было совершенно обоснованным, поскольку подобные люди пользовались правительственными льготами, однако в итоге уезжали за рубеж, а не развивали российские окраины ([Дальний Восток. 1910. № 40. 19 февраля](#)). Вместе с тем значительной части дальневосточной общественности было очевидно и то, что подобные меры недостаточны: необходимы серьезные инфраструктурные реформы, которые способствовали бы повышению привлекательности Приамурья и Приморья для переселенцев.

5. Заключение

Как показывает проведенный анализ исторических источников, в начале XX в. Дальний Восток России во многом стал регионом транзитной миграции. Этому способствовало как географическое положение данного региона, так и противоречивые результаты правительственной политики по его колонизации и хозяйственному освоению. Инициаторам переселенческой политики, важнейший этап которой связан с деятельностью П.А. Столыпина и его соратников, не удалось добиться того, чтобы подавляющее большинство тех, кто перебрался на восточную окраину империи с Украины и других районов страны, успешно интегрировалось в экономические структуры принимающего региона. Проблема приживаемости новоселов оказалась для российского Дальнего Востока начала XX в. исключительно острой. Результатом этой ситуации стало то обстоятельство, что значительная часть переселенцев либо возвращалась обратно, либо принимала решение искать счастье за рубежами империи.

Именно те, для кого Дальний Восток оказывался лишь транзитным регионом на пути в эмиграцию, и формировали потоки российских переселенцев в США, Австралию и другие страны. Как показывают исторические источники, чаще всего переселения такого рода носили не индивидуальный, а групповой характер: трудовые эмигранты надеялись на помощь со стороны товарищей, родственников, односельчан. В отличие от переселения из центральных районов Российской империи на Дальний Восток, они осуществляли такие акции на свой страх и риск, чаще всего не владея никакими иностранными языками, не имея представления о той стране, куда они уезжали. Многие из них поверили обещаниям вербовщиков, работавших на разнообразные эмиграционные агентства, и в итоге потеряли не только свои небольшие сбережения, но и здоровье, а то и жизни. Тем не менее часть переселенцев успешно интегрировалась в принимающие общества, внесла значительный вклад в социально-экономическую модернизацию США и Австралии предвоенного времени.

6. Благодарности

The research funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University Program of Development within the Priority-2030 Program) is gratefully acknowledged.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства "Приоритет-2030".

Литература

- [Архив ОИАК](#) – Архив Общества изучения Амурского края.
[Веселовская, 1909](#) – *Веселовская Е.Д.* Амурский край и наши переселенцы. М., 1909. 45 с.
[Георгиевский, 1926](#) – *Георгиевский А.П.* Русские на Дальнем Востоке. Владивосток: Типография Государственного дальневосточного университета, 1926. 70 с.
[ГАХК](#) – Государственный архив Хабаровского края.
[Дальний Восток](#) – *Дальний Восток*. 1910. 19 февраля. № 40.
[Заколотная, 2013](#) – *Заколотная А.С.* Дореволюционные авторы о причинах переселения крестьян на Дальний Восток России / *Тихоокеанская Россия в межцивилизационном и общероссийском пространстве. Прошлое, настоящее, будущее*. Владивосток: Дальнаука, 2013. С. 74-79.
[Каневская, 2010](#) – *Каневская Г.И.* «Мы еще мечтаем о России...». История русской диаспоры в Австралии (конец XIX – вторая половина 80-х гг. XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневост.ун-та, 2010. 372 с.
[Кауфман, 1906](#) – *Кауфман А.А.* Переселение. Мечты и действительность. М., 1906. 37 с.
[Приамурская жизнь](#) – *Приамурская жизнь*. 1912. 17 ноября. № 1054.

Приамурские ведомости – Приамурские ведомости. 1912. 3 января. № 1799.
 Приамурские ведомости – Приамурские ведомости. 1912. 22 марта. № 1832.
 Приамурские ведомости – Приамурские ведомости. 1912. 12 апреля. № 1839.
 Приамурские ведомости – Приамурские ведомости. 1912. 19 апреля. № 1842.
 Приамурские ведомости – Приамурские ведомости. 1914. 21 января. № 2089.
 Приамурские ведомости – Приамурские ведомости. 1914. 19 апреля. № 2125.
 Приамурские ведомости – Приамурские ведомости. 1914. 3 июля. № 2152.

Приамурье – Приамурье. 1912. 27 января. № 1586.
 Россия и страны АТР, 2019 – Россия и страны АТР: миграционные процессы и проблемы межкультурной коммуникации. Азия в России / Под ред. С.С. Пайчадзе и И.А. Вальдмана. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2019. 518 с.

Рыбаковский, 1987 – Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987. 199 с.

Рыжова, 2015 – Рыжова Л.В. Обзор архивных материалов по переселению крестьян морским путем из Европейской России в Приморскую область / Дорогами переселенцев: заселение и освоение территории Южно-Уссурийского края. Фокино, 2015. С. 13-22.

Рябов, Штейн, 1958 – Рябов Н.И., Штейн М.Г. Очерки истории русского Дальнего Востока XVII – начала XX вв. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1958. 170 с.

Тудоряну, 1986 – Тудоряну Н.Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма (в Германию, Скандинавские страны и США). Кишинев: Штиинца, 1986. 312 с.

Хисамутдинов, 2013 – Хисамутдинов А.А. Русские волны на Пасифике: Из России через Китай, Корею и Японию в Новый Свет. Пекин-Владивосток: Изд-во «Рубеж», 2013. 640 с.

Хорев, Чапек, 1978 – Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения. М.: Мысль, 1978. 254 с.

Bogdan, Zaverukha, 2009 – Bogdan N., Zaverukha L. Russian San Francisco, 2009. 128 p.

Massey et al., 1993 – Massey D., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor E. Theories of International Migration: A Review and Appraisal // Population and Development Review. 1993. 19(3): 431-466.

Richards, 2008 – Richards E. Destination Australia. Migration to Australia Since 1901. Sydney: University of New South Wales Press, 2008. 432 p.

References

Archiv OIAK – Archiv občestva izuchenija Amurskogo kraja [Archive of the Society for the Study of the Amur Territory]. [in Russian]

Bogdan, Zaverukha, 2009 – Bogdan, N., Zaverukha, L. (2009). Russian San Francisco. 128 p. [in Russian]

Dalny Vostok – Dalny Vostok. 1910. 40. [in Russian]

ГАНК – Gosudarstvennyy archiv Habarovskogo kraja [State Archive of the Khabarovsk Territory].

Georgievsky, 1926 – Georgievsky, A.P. (1926). Russkie na Dalnem Vostoke [Russians in the Far East]. Vladivostok: State Far East University. 70 p. [in Russian]

Hisamutdinov, 2013 – Hisamutdinov, A.A. (2013). Russkie volny na Pacifike: iz Rossii cherez Kotay. Koreyu i Japoniju v Novy Svet [Russian waves in the Pacific: From Russia through China, Korea and Japan to the New World]. Pekin; Vladivostok: Rubezh Publishing. 640 p. [in Russian]

Horev, Chapek, 1978 – Horev, B.S., Chapek, V.N. (1978). Problemy izuchenija migratsii naselenija [Problems of studying population migration]. Moscow: Mysl. 254 p. [in Russian]

Kanevskaya, 2010 – Kanevskaya, G.I. (2010). “My esche mechtaem o Rossii...”. Istorija russkoi diaspory v Avstralii (konets XIX – vtoraja polovina 80-h gg. XX v.) [“We still dream of Russia...”. History of the Russian Diaspora in Australia (late 19th – second half of the 20th centuries)]. Vladivostok: Far East University. 372 p. [in Russian]

Kaufman, 1906 – Kaufman, A.A. (1906). Pereselenie. Mechty i deistvitelnost [Resettlement. Dreams and reality]. Moscow. 37 p. [in Russian]

Massey et al., 1993 – Massey, D., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A., Taylor, E. (1993). Theories of International Migration: A Review and Appraisal. Population and Development Review. 19(3): 431-466.

Priamurie – Priamurie. 1912. 1586. [in Russian]

Priamurskaya jizn – Priamurskaya jizn. 1912. 1054. [in Russian]

Priamurskie vedomosti – Priamurskie vedomosti. 1912. 1799. [in Russian]

Priamurskie vedomosti – Priamurskie vedomosti. 1912. 1832. [in Russian]

Priamurskie vedomosti – Priamurskie vedomosti. 1912. 1839. [in Russian]

Priamurskie vedomosti – Priamurskie vedomosti. 1912. 1842. [in Russian]

Priamurskie vedomosti – Priamurskie vedomosti. 1912. 2125. [in Russian]

Priamurskie vedomosti – Priamurskie vedomosti. 1912. 2152. [in Russian]

Priamurskie vedomosti – Priamurskie vedomosti. 1914. 2089. [in Russian]

Richards, 2008 – Richards, E. (2008). Destination Australia. Migration to Australia Since 1901. Sydney: University of New South Wales Press. 432 p.

Rossija i strany ATR, 2019 – Rossija i strany ATR: migratsionnye process i problemy mejkulturnoy communicatsii. Azija v Rossii (2019) [Russia and Asia-Pacific countries: migration processes and problems of intercultural communication. Asia in Russia]. Novosibirsk: NGTU. 518 p. [in Russian]

Ryabov, Shtein, 1958 – Ryabov, N.I., Shtein, M.G. (1958). Oчерki istorii russkogo Dalnego Vostoka XVII – nachala XX v. [Essays on the history of the Russian Far East in the 17th – early 20th centuries]. Habarovsk: Habarovsk Book Publishing. 170 p. [in Russian]

Rybakovsky, 1987 – Rybakovsky, L.L. (1987). Migratsia naselenija: prognozy, factory, politika [Population migration: forecasts, factors, policy]. Moscow: Nauka. 199 p. [in Russian]

Ryzhova, 2015 – Ryzhova, L.V. (2015). Obzor arhivnyh materialov po pereseleniju krestian morskim putem iz Evropeiskoi Rossio v Primorskuyu oblast [Review of archival materials on the resettlement of peasants by sea from European Russia to the Primorsky region]. Drogami pereselentsev: zaselenie i osvoenie territorii Juzhno-Ussuriiskogo kraja. Fokino. Pp. 13-22. [in Russian]

Tudoryanu, 1986 – Tudoryanu, N.L. (1986). Oчерki rossiskoi trudovoi emigratsii perioda imperializma (v Germaniyu, Scandinvskie strany i SshA) [Essays on Russian labor emigration in the period of imperialism (to Germany, the Scandinavian countries and the USA)]. Kishinev: Shtiintsa. 312 p. [in Russian]

Veselovskaya, 1909 – Veselovskaya, E.D. (1909). Amursky kray i nashi pereselentsy [Amur Territory and our settlers]. Moscow. 45 p. [in Russian]

Zakolodnaya, 2013 – Zakolodnaya, A.S. (2013). Dorevolutsionnye avtory o prichinah pereselenija krestian na Dalny Vostok Rossii [Pre-revolutionary authors about the reasons for the resettlement of peasants in the Far East of Russia]. Tohookeanskaya Rossija v mejtsivilizatsionnom i obscherossiskom prostranstve. Proshloe, nastojashee, budushee. Vladivostok: Dalnauka. Pp. 74-79. [in Russian]

Дальний Восток России как регион транзитной миграции накануне Первой мировой войны

Алексей Валерьевич Антошин^{а,*}

^аУральский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена роли Дальнего Востока как региона транзитной миграции в Российской империи начала XX в. В центре внимания автора период накануне Первой мировой войны, связанный с проведением правительственной переселенческой политики в рамках аграрной реформы П.А. Столыпина. Источниковой базой данного исследования послужили документы, хранящиеся в фонде «Заведующий водворением переселенцев в Хабаровском уезде» Государственного архива Хабаровского края (Хабаровск, Российская Федерация). Кроме того, использованы материалы региональной периодической печати – газет «Приамурские ведомости» (Хабаровск), «Приамурье» (Хабаровск), «Приамурская жизнь» (Хабаровск), «Дальний Восток» (Владивосток). Методологической основой исследования послужили теоретические наработки отечественных и зарубежных миграциологов. Используя эти концептуальные подходы, автор показывает тесную связь между неудачами переселенческой политики правительства и развитием феномена эмиграции из Российской империи. Доказано, что приживаемость новоселов оставалась чрезвычайно острой проблемой на российском Дальнем Востоке в начале XX в. При этом исторические источники показывают, что причинами данной ситуации были не только психологическая неготовность части переселенцев к тому, чтобы осесть на определенном месте, но и желание некоторых из них воспользоваться правительственными кредитами на переселение в корыстных целях. Привлеченные документы позволяют обосновать тезис о том, что связанное со структурами администрации приамурского генерал-губернатора экспертное сообщество региона осознавало, что существовали объективные проблемы, которые препятствовали успешному закреплению переселенцев в регионе. Эти проблемы были связаны с неразвитостью социально-культурной инфраструктуры, неблагоприятными климатическими условиями, конкуренцией для крестьян-переселенцев со стороны производителей сельхозпродукции из Маньчжурии. Все эти факторы вели к тому, что часть переселенцев начинала рассматривать Дальний Восток лишь как транзитный регион и двигалась дальше, эмигрируя в США, Австралию и другие страны.

Ключевые слова: Дальний Восток, столыпинская аграрная реформа, переселенческая политика, приживаемость новоселов, проблемы адаптации, транзитная миграция, трудовая иммиграция в США, трудовая иммиграция в Австралию, Гавайские острова.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alex_antoshin@mail.ru (А.В. Антошин)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1976-1989
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1976

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“Niva” Journal (1909) as a Source on the History of the Artistic Culture of the Russian Empire

Anna A. Shpak ^a, Julia S. Zamaraeva ^a, Natalya N. Pimenova ^a, Natalya N. Seredkina ^{a,*}

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

“Niva” journal intended for family reading and in many ways became the legislator of Russian journal periodicals: weekly issues contained news content about world and national life, scientific achievements and events, biographies of outstanding contemporaries and historical figures, political review (including photo reports of military operations), reproductions of paintings and illustrations for Russian art works occupied a significant amount and European artists. Since 1894, monthly literary and popular science applications containing various articles about literature, fashion novelties, an application for children and wall calendars have become available to subscribers of the journal. The genre variety of literary, artistic and scientific texts intertwined with rich illustrative material, the compositional logic of the text placement and visual material, the steady thematic practice content of the journal's almost half-century existence – all this contributed to the formation of “Niva” as a significant source on the artistic history culture of the Russian Empire. It is worth noting the special journal role in shaping the image of contemporary Russian artistic life and the state of art among a wide range of its readers. The journal fully corresponded to the model of the educational mission.

Keywords: “Niva” journal, the artistic culture of the Russian Empire, journal periodicals of the turn of the XIX–XX centuries.

1. Введение

Журнал «Нива» – значимое явление в истории художественной культуры Российской империи, репрезентирующее актуально-исторический контекст времени и художественный образ российского государства второй половины XIX – начала XX веков (Рынков, 2010; Кортсева, Kirko, 2014; Середкина, Копцева, 2013; Букова, 2017; Жуковский, 2015; Пименова, 2016). Полувековая история систематического издания «Нивы» демонстрирует устойчивую культурную практику формирования социальной идентичности и самоидентификации, необходимой для многоукладного характера Российского государства (Шпак и др., 2021; Замараева, 2019). Особую роль журнал «Нива» приобрел благодаря синтезу литературного, художественного и публицистического жанрового разнообразия, отражающему результаты деятельности творческой интеллигенции (выдающиеся художники, поэты и литераторы, ученые), достижений в области науки, культуры и искусства. Данный журнал справедливо считают прародителем общественно-политических иллюстрированных еженедельников и законодателем композиционно-графических особенностей журнальной периодики (Сундуков, Яковлев, 2015).

Скульптурные произведения, хоть и в меньшей степени, чем живописные, тем не менее присутствуют на страницах журнала. В целом этот материал охватывает разнообразные тематики и акцентирует внимание на просветительской деятельности и формировании вкуса у читателя через знакомство с профессиональной станковой и мемориальной скульптурой. Материалы о скульптуре показывают и то, как использование разнообразных техник позволяет применять разные художественные приемы.

* Corresponding author

E-mail addresses: nnevolko@sfu-kras.ru (N.N. Seredkina), pimenovapluzhnik@mail.ru (N.N. Pimenova), annahey@gmail.com (A.A. Shpak), rybka08@bk.ru (Ju.S. Zamaraeva)

Журнал «Нива» богат иллюстративным материалом и, помимо собственно иллюстраций к публикуемым литературным произведениям, широко представляет особое направление – публикации репродукций произведений изобразительного искусства. Среди них как произведения разных видов, так и широко представленное разнообразие жанров каждого из них. Эти репродукции зачастую приурочены к обзору выставок, но также могут быть привлечены к другой актуальной тематике журнала – религиозным праздникам, памятным датам известных персон и мастеров искусства, историческим событиям.

Данная статья посвящена периодическому изданию «Нива» и истории художественной культуры Российского государства в нем.

2. Материалы и методы

2.1. Материалами исследования выступили публикации журнала «Нива», еженедельного периодического издания, имеющего в журнальной российской периодике самый высокий тираж, издававшегося книгоиздателем А.Ф. Марксом в Санкт-Петербурге с 1870 по 1918 годы.

2.2. Основным методом для проведения исследования является источниковедческий анализ, позволивший раскрыть периодическое издание «Нива» как значимое явление в истории художественной культуры Российской империи (Рынков, 2010; Артамонова, 2017; Каменская, 2017). Публикации номеров журнала 1909 года изучены и тематически систематизированы по наиболее характерным направлениям художественной культуры: «Изобразительное искусство», «Скульптура», «Выставочная деятельность», «Искусствознание», «Репродукции произведений искусства». Наиболее репрезентативные публикации проанализированы.

3. Обсуждение

Актуальность исследования периодического печатного издания «Нива» как источника, отражающего развитие художественной культуры в прессе Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков, проявлена в ряде современных научных исследований. Социокультурная роль журнала заключалась в широком охвате читательской аудитории: ключевое содержание удерживалось в формате энциклопедического знания и имело аполитичный характер (Пушкарская, 2008), транслировало идеалы и ценности культуры Серебряного века (Полонский, Глушкова, 2020), способствовало формированию литературного интереса у широкого круга российских читателей на основании позитивистско-просветительского стиля (Ким, 2019).

Просветительская функция журнальных текстов была направлена на формирование семейной культуры, идеолообразующей ценности родителей и детей, социальной роли мужчины и женщины, стремления к просвещению и разнообразному развитию личности (Егоркина, 2021). Во многом социальную востребованность во всех уголках Российской империи журнал имел по причине оперативного получения актуальной информации о политической и художественной культуре (Азарова, 2017). Тематика публикаций неизменно сохраняла образовательный и культурно-художественный характер своего содержания вплоть до последних лет издания (Брызгалова, 2017).

Как значимую часть отражения истории художественной культуры Российской империи рассматривают иллюстративный материал, выполняющий культурно-просветительскую функцию (Ситникова, 2022; Разумовская, 2021; Дмитриева, 2019; Ким, 2019; Пушкарская, 2010). В том числе журнальные выпуски изучаются как история становления российской рекламы в области книгопечатания и периодических изданий (Сухотерин, 2012), социальной рекламы (Годовова, 2016).

4. Результаты

4.1. Жанровое разнообразие опубликованных в журнале произведений изобразительного искусства

Иллюстративный материал журнала «Нива» отличает широкое разнообразие. Это и фотоматериалы, и коллажи, посвященные историческим событиям, и многое другое. Наибольшее количество изображений в журнале – это репродукции произведений искусства. Репродукции произведений изобразительного искусства, публикуемые в «Ниве», также представляют широкую и разнообразную картину как в отношении видов, так и в отношении жанров этих направлений искусства.

Среди видов изобразительного искусства в иллюстрациях журнала присутствуют следующие: скульптура, монументально-декоративная живопись, станковая живопись и графика.

Скульптура и монументально-декоративная живопись – наименее представленные в выпусках «Нивы» виды изобразительного искусства. Так, монументальная – стенная – живопись за 1909 год встречается в выпусках только единожды – это сцена «Кончина Моисея на горе Нево» работы Э. фон-Гегарта (№ 6: 111). Скульптура представлена в репродукциях шире и даже охватывает разные темы и формы. Произведения скульптуры, опубликованные на страницах журнала «Нива», относятся в основном ко времени рубежа XIX–XX веков. Это работы как известных ваятелей, так и начинающих скульпторов. Выделяется выпуск, почти полностью посвященный скульптуре, а именно – работам с выставки «Союза русских художников» в Санкт-Петербурге в 1909 году. Это журнал № 29 за 1909 год, в нем опубликовано большое количество репродукций скульптурных произведений. В этом номере

встречаются также изображения живописи и гравюры, но в большей степени представлена скульптура, которая также имеется и в блоке, посвященном Полтавским торжествам в Петербурге и Полтаве и представленном фотоколлажами. Там это городская скульптура: памятник Петру Великому, памятник-группа «Петр Великий спасает утопающих на Лахте» (фото двух ракурсов), мемориальный памятник полковнику Келлину. В номере 43 также представлены фотографии городской скульптуры: фото С. Смирнова «Открытие памятника Ф.П. Гаазу в Москве (1 октября 1909 г.)» (№ 43: 743), фото «Памятник Всемирного Почтового союза, открытый в Берне 4 октября 1909 г., работы парижского скульптора Рене де-С.-Марсо» (№ 43: 745). В № 7 представлено фото скульптуры В. Симонова «Борьба» с конкурсной выставки в Императорской Академии художеств (№ 7: 131). Это редкий случай репродуцирования скульптурного произведения практически на полную страницу, а не в формате страницы-коллажа, как в номере 29. Полностраничная публикация скульптуры встречается в пасхальном номере – это скульптура Христа работы М. Пиетрека под названием «Верующий в Меня имеет жизнь вечную» (№ 13: 252). Это репрезентант религиозного жанра в скульптуре. Встречается и мифологически-литературный жанр: «Илья Муромец» К. Раушфон-Траубенберга (№ 14: 271). Имеются среди репродукций и скульптуры портретного жанра, например, «Бетховен» Н. Аронсона (№ 15: 281). В основном представлена круглая скульптура, но встречаются и репродукции рельефов, как надгробие – плита с рельефом под названием «Встреча» Р. Диаза (№ 12: 229) и «Купидон» Л. Лаверецкого (№ 29: 514).

Графическим работам, а именно – произведениям оригинальной графики, посвящены целые выпуски журнала: в номерах 8, 9 и 10 опубликован целый ряд работ с Акварельной выставки в г. Санкт-Петербурге 1909 года. Помимо упомянутого большого числа акварелей, много в журнале публикуется и иллюстративной графики. Кроме собственно журнальных иллюстраций к выходящим на его страницах литературным произведениям, это также иллюстрации к произведениям известных литераторов, материалы о которых размещены в «Ниве».

В этой связи стоит отметить целый ряд иллюстраций к произведениям Н.В. Гоголя, творчеству которого посвящен отдельный выпуск журнала (№ 11) – к столетию писателя (Рисунок 1).

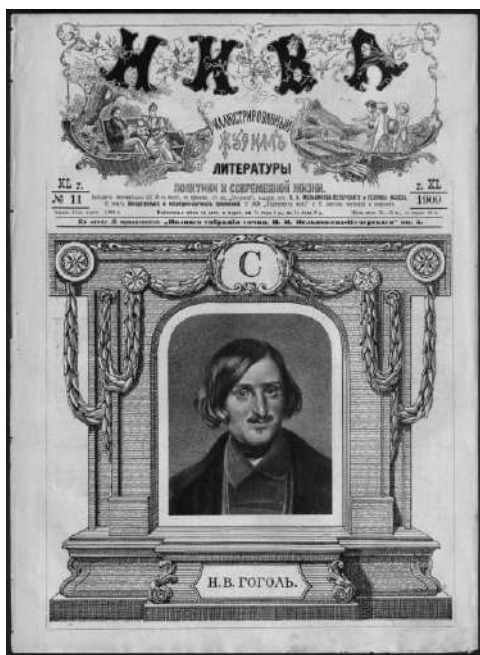

Рис. 1. Обложка выпуска журнала № 11

Это и иллюстрации из существовавших на тот момент изданий Гоголя, и самостоятельные произведения, как, например, рисунок А.Д. Кившенко «Тарас Бульба с сыновьями», картина Н. Крамского «Русалки («Майская ночь» Гоголя)» (гравюра с картины), рисунок М. Микешина «Ведьма на Хоме Бруте («Вий» Гоголя)», рисунки М. Далькевича «Чичиков у Собакевича» и «Тентетников» (из издания А.Ф. Маркса), «Чиновники за работой» Ф. Быстренина (из издания А.Ф. Маркса), рисунок Ф. Козачинского «Подколесин («Женитьба», комедия Гоголя)». Здесь же встречаются картины в качестве биографических зарисовок из жизни литератора: «Гоголь в своей усадьбе Васильевке» (картина И. Волкова), рисунок В.А. Табурина «Гоголь, читающий «Ревизора» перед артистами московского Малаго театра и приглашенными лицами». Опубликованы и портретные изображения: коллаж на стр. 204 объединяет два портретных изображения Гоголя (одно из них – с дагерротипа), посмертный портрет – рисунок с натуры А. Ястребцова, портрет его сестры. А также изображения памятных мест, связанных с писателем: коллаж на стр. 205, картины

Г. Кондратенко «Усадьба Гоголя «Яновщина» близ Диканьки, Полтавской губ.» и «Хата в Яновщине». Имеются в этом специальном выпуске и авторские рисунки Н.В. Гоголя: на стр. 209 напечатана линейная графика под названием «Собственноручный рисунок Гоголя в последней сцене «Ревизора»». Среди репродуцированных графических произведений встречаются работы как разнообразных техник, так и жанров. Например, помимо уже упоминаемой акварели, репродуцируется и другая оригинальная графика – работа Н. Добрынина «При царе Алексее Михайловиче. Пасхальное целование» в пасхальном номере (№ 13: 247). А также цветная печатная графика, как работа М. Якунчиковой «Деревенское кладбище», в подписи в журнале отмечено, что это «гравюра в красках» (№ 15: 278). Одна из работ отмечена как офорт: «Гаданье» А.Л. Пятигорского (№ 1: 4). Встречаются и рисунки, ярко демонстрирующие технику наброска: «Лидок» Л. Пастернака (№ 15: 289). В связи со статьей о художнике-карикатуристе под псевдонимом Карандаш (Э.Я. Пуаре) в журнале есть страница, посвященная публикации карикатуры: в номере 13 напечатана серия рисунков, рассказывающих историю под названием «Дядюшкина болезнь» работы Э.Я. Пуаре (№ 13: 259). Среди жанров можно также выделить бытовую, например рисунок «В детской» Л. Пастернака (№ 35: 608), и портрет: «А. Римский-Корсаков незадолго до смерти» В.К. Серова, представляющий собой линейный рисунок карандашом в технике наподобие наброска (№ 14: 269) (Рисунок 2).

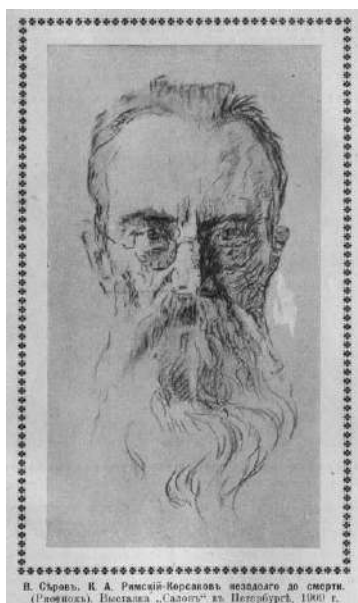

Рис. 2. «К.А. Римский-Корсаков», В. Серов

Живопись в журнале «Нива» в большинстве своем опубликована в варианте фотокопирования, но встречаются и традиционные для более ранних изданий XIX века гравюры по картинам. Например, работа И. Прянишникова «Воробушки» в виде гравюры В. Матэ по картине (№ 29: 512) и работа Н. Крамского «Русалки («Майская ночь» Гоголя)» в виде гравюры с картины (№ 11: 214). Большая часть репродукций живописи – это работы с выставок, обзор которых делает журнал. Среди имен встречаются и широко известные сегодня мастера, такие как М.А. Врубель, В.А. Серов, Н.К. Рерих, И.Я. Билибин, А.Н. Бенуа, М.В. Добужинский, И.Э. Грабарь и др. Журнал представляет очень широкую картину жанров русской живописи своего времени, среди которых пейзаж, портрет, исторический, религиозный, литературно-мифологический, бытовой, а также анималистический. Пейзаж представлен во множестве своих разновидностей – это и городской, и природный, которые представляют это разнообразие в рамках одного номера журнала. Можно привести в пример номер 15 с репродукциями картин И. Билибина «Корнвалийские этюды», К. Юона «Дождь. Город Вознесенск», Н. Рериха «Древняя жизнь», М. Добужинского «Казанский собор в Петербурге» (№ 15: 285-286) (Рисунок 3); а также номер 35 с изображениями произведений – «Пермский край» А. Чумакова, «Звонница церкви Иоанна Богослова в Пскове» А. Васнецова, «Внутренность часовни в Усть-Пинеге на Северной Двине» В. Переплетчикова (№ 35: 608-609). Встречаются и пейзажи с жанровыми сценами, как работа В. Плотникова «Соловецкий монастырь» (№ 20: 368).

Рис. 3. «Казанский собор в Петербурге», М. Добужинский

И в целом бытовой жанр, содержащий жанровые сцены, представлен в иллюстрациях «Нивы» довольно широко, например, работы «Весна на стрелке» А. Владимирова, «Без господ» С. Прохорова, «Благословение невесты» И. Куликова (№ 20: 361, 364, 365), «Воробушки» И. Прянишникова (№ 29: 512), а также работы с XXXVII передвижной выставки картин в Санкт-Петербурге – «Весна» Л. Попова и «Вечер» А. Моравова (№ 27: 480), «Святки (На вечеринку в чужую деревню)» Н.Я. Борисова, «Елка в детском приюте» Ж. Жофруа (№ 1: 5, 8). Живописный портретный жанр также занимает свое место в иллюстрациях журнала: Л. Пастернак «Нина» (№ 29: 505), Ф. Даньян-Буврэ «На заре жизни» (№ 35: 601). Литературно-мифологический жанр в 1909 году представлен не слишком широко, но также имеет место в выпусках, как работа Е. Лейтона «Тристан и Изольда» (№ 30: 525) и картины, посвященные произведениям Н.В. Гоголя, уже упоминаемые выше. Аллегии также встречаются в живописной подборке журнала, например работа «Светоч мира» Э. Даньян-Буврэ (№ 1: 1). Активно развивающиеся под руководством Императорской Академии художеств ключевые и системообразующие жанры – исторический и религиозный – и в журналах «Нива» отражены в таком же доминантном масштабе наряду с пейзажными работами. Среди репродукций картин исторического жанра можно отметить работы «Караул у тела Карла XII» и «Перенесение тела Карла XII» Г. Седерстрема (№ 27: 476-477), «Парад при Павле I» А. Бенуа (№ 15: 288), «Дела давно минувших дней» М. Малышева, «Ксения Годунова» И. Винцмана (№ 30: 528), «Шествие Ивана Грозного с опричниками» И. Горюшкина-Сорокопудова (№ 35: 605). Живопись религиозного жанра широко представлена в весенних «пасхальных» номерах. Это произведения: «Голгофа» Г. Клеменца, «Спаситель», И. Гертериха (№ 12), «Его нет здесь: Он воскрес», П. Дешвандена, «Обряд освящения куличей и пасх в старину» И. Горюшкина-Сорокопудова, «Учитель!» Г. Аусдероге, «Перед царским выходом в утро Христова Воскресения» и «Пасхальный звон» Г. Горелова (№ 13); «Друг обездоленных» Л. Лермитта, «Воскрешение дочери Иаира» А. Келлера (№ 14). Встречается на страницах журнала и редкий для русской живописи в его самостоятельности анималистический жанр – картина «Затравили» Ж. Желибера (№ 38: 649).

4.2. Скульптура

Репродукции произведений скульптуры на страницах «Нивы» охватывают период в основном рубежа XIX–XX веков. Журнал за 1909 год содержит один выпуск – № 29, практически полностью посвященный скульптуре, а именно – выставке «Союза русских художников» в Санкт-Петербурге в 1909 году. На страницах номера представлены следующие произведения: «Дети художника», «Бюст И.В. Ершова» Б. Кустодиева, балетная группа «О.О. Преображенская и Н.Г. Легат» Д. Стеллецкого, «Бюст артиста Л.В. Собинова» С. Судьбина, «Баба-Яга» К. Рауш-фон-Траубенберга, «Отдых», «Горе», «Вера» Ю.Н. Свирской, «Купидон» Н.И. Лаврецкого, «Тяжесть жизни» Ж. Бернара, «Молодая мать» Ван-дер-Степпена, «У источника» Миллера, «Нарциссы» М. Блонда.

Опубликованы в журнале и портретные скульптурные произведения. Они представляют выдающихся деятелей культуры, их портретные черты и динамичные позы. Сюжеты произведений скульптуры встречаются и на мифологические и исторические темы. Некоторые работы принадлежат уже известным скульпторам, другие – начинающим свой творческий путь. Так, например, представлены произведения скульптуры Ю.Н. Свирской, начинающего скульптора. В работах автора женственные аллегорические образы в круглой скульптуре переданы с использованием динамической композиции, высокой эмоциональной напряженности персонажей и французских традиций: «Воспроизводимые в настоящем номере «Нивы» ее группы «Отдых», «Горе» и «Вера» полны жизненности и носят следы тонкого художественного изящества, в котором чувствуется французское воспитание» (№ 29) (Рисунок 4).

Рис. 4. «Отдых», «Горе», «Вера», Ю. Н. Сви́рская

Помимо выставки, в номере присутствует и скульптура, демонстрирующая воинскую славу. Памятник Александру III (автор П. Трубецкой) содержит портретные черты русского императора. Фотографии монумента показывают его в разных ракурсах. Император представлен в качестве основателя Великого Сибирского пути. Еще одна работа связана с тематикой Полтавской битвы и восхвалением фигуры Петра I. Памятник-группа «Петр Великий спасает утопающих на Лахте» по проекту скульптора В. Беренштама представляет энергичную фигуру императора. Активная композиционная диагональ и спиралевидное движение придают образу динамичность.

Завершают выпуск два памятника Н.В. Гоголю, приуроченные к 100-летию писателя: один – в Нежинском городском саду, другой – в г. Москве. Памятник авторства Н. Андреева, помимо основной скульптуры, содержит барельефы, изображающие сцены и типы из произведений писателя. Сам объем скульптуры имеет неровные, рваные, фрагментарные очертания, моделируя образ писателя как человека задумчивого, зрящего вглубь себя, что также поддерживается спиралевидным движением фигуры. Барельефы в свою очередь более детализированы, в них зритель узнает ключевые фигуры из литературных произведений Н.В. Гоголя.

Таким образом, выпуск № 29 сформирован на базе произведений выставки «Союза русских художников» в Санкт-Петербурге в 1909 году и содержит разнообразные произведения скульптуры. Тематика отражает портретные образы как выдающихся деятелей прошлого, так и современников читателей журнала. Присутствуют также анималистические, мифологические и аллегорические мотивы.

Декоративно-прикладное искусство представлено работами княгини Марии Клавдиевны Тенишевой (№ 18). Создание керамических эмалированных украшений занимает важное место в творчестве автора, а также показывает возрождение древнерусских традиций.

Коллекции декоративно-прикладного искусства отражены в фотографиях музея Академии (№ 12), представляющего быт и культуру русского народа: головные обручи, свадебные венцы, блюда, запричастные чаши, старинные нательные кресты XV–XVI веков.

Большое количество скульптуры представляет важных политических и культурных деятелей русского народа на рубеже XIX–XX веков. Помимо уже упомянутых, стоит отметить следующие скульптурные произведения, изображающие известных общественных деятелей: «Памятник герою Севастопольской общины генерал-адмиралу графу Эдуарду Ивановичу Тотлебену» И.Н. Шредера в Севастополе (№ 35), «Бетховен» Н. Аронсона (№ 15), «Авраам Линкольн» (№ 12), «Бюст И.Е. Репина» Н. Андреева (№ 34), «Портрет-медаль графа Л.Н. Толстого» И. Гинцбурга (№ 34), «Памятник писателю-народнику Глебу Успенскому» Л.В. Шервуда (№ 41), «Памятник первопечатнику Ивану Федорову» С.М. Волнухина (№ 42), «Памятник Ф.П. Гаазу» Н. Андреева (№ 43).

Мифологические и аллегорические произведения скульптуры представлены следующими работами: «Илья Муромец» К. Рауш-фон-Траубенберга (№ 14), «Верующий в меня имеет жизнь вечную» М. Пиетрека (№ 13), «Встреча» Р. Диаза (№ 12).

Анималистические мотивы присутствуют в единственной работе «Портрет собаки» Г.И. Малышева, где собака представлена в лежащем положении. Скульптура отличается проработанностью черт отдельных элементов тела. Поза собаки указывает на спокойствие, но в то же время взгляд, направленный на зрителя, говорит о настороженности. В целом анималистические скульптурные произведения в журнале «Нива» широко не освещаются.

4.3. Выставочная деятельность

Выставочная деятельность занимала достаточно большую роль в развитии художественной культуры в начале XX в. Наряду с постоянно действующими выставками, в частности в Третьяковской галерее (№ 11) или Кушелевской галерее Императорской Академии художеств (№ 6), широко организовывались сезонные, регулярные или тематические (например, акварельные) выставки. Это были не только выставки картин художников и произведений скульпторов (выставка «Союза русских художников») (№ 29), но и выставки, связанные с декоративно-прикладным творчеством. Например, выставка Мариинской школы кружевниц (№ 5) или художественная декоративная выставка Первого дамского художественного кружка, организованная в Санкт-Петербурге (№ 9).

Особое значение имели выставки, проводимые в формате конкурса, нацеленные на выявление новых в художественной культуре талантов. Одной из самых заметных выставок была конкурсная выставка, проводимая ежегодно в Императорской Академии художеств (№ 7: 137). Открывалась она всегда 4 ноября, «в день годового акта». Согласно данным, опубликованным в заметке под названием «Ежегодный конкурс на «Весенней» выставке», в 1904 г. профессор Архип Иванович Куинджи, один из ведущих преподавателей в Академии художеств, ввел практику денежного премирования художников за лучшие произведения на ежегодных «Весенних» выставках, организованных в Академии. Первые три премии были именными: первая – имени императора Александра III, вторая – императорского высочества принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской и третья – имени Павла Михайловича Третьякова (№ 25: 451).

Подобного рода конкурсные выставки объединяли работы как уже сформированных художников, так и начинающих, которые только закончили обучение в Академии. По оценке совета Академии выпускники учебного заведения, авторы лучших работ, по итогам выставки получали звание художника, а также право на стипендию для завершения художественного образования за границей. Согласно заметке, посвященной конкурсной выставке, опубликованной в 7 номере журнала «Нива», выставка 1908 г. была особенно многочисленной, что свидетельствует о тенденции востребованности получения художественного образования и, соответственно, тенденции активного развития художественной культуры в Российской империи в начале XX в. На выставке представляли свои работы как художники, так и скульпторы. Звание художника в 1908 г. получили авторы, представившие «жанровые и исторические картины» (С.Л. Абугов, Л.П. Альбрехт, Е.Г. Геррунг, И.С. Далматов, В.П. Кузнецов, Э.Э. Лиснер, П.Ф. Порфиоров, М.М. Савинова, Н.А. Синцов, А.Н. Третьяков, А.Я. Хавкина, В.К. Эшкичевич), а также авторы, представившие произведения в жанре пейзажа (А.О. Вальтер, В.Е. Панов, Е.Н. Стахева, Л.Г. Фрик). По результатам оценки скульптурных произведений звание художника получил в 1908 г. Г.И. Малышев. Кроме звания художника, право на заграничную поездку получили В.Б. Аден, И.И. Бродский, А.И. Савинов и скульптор В.Л. Симонов. Б.Н. Липкину советом Академии присуждена «премия художника С. Ендугорова», которая выдается один раз в течение нескольких лет за лучший пейзаж на конкурсной выставке.

В 1909 г. по результатам ежегодного конкурса на «Весенней» выставке первую премию получил Евгений Иванович Столица за картину «Вечерний звон». Помимо выставок, организованных Академией художеств, Е.И. Столица принимал активное участие и в зарубежных выставках, в частности в Мюнхене, Льеже, где также был удостоен высших наград (№ 25). Вторая премия на «Весенней» выставке 1909 г. была присуждена Виктору Ивановичу Зарубину, получившему первоначальные художественные навыки у французских художников и в дальнейшем закончившему пейзажный класс в Академии художеств у А.И. Куинджи. Так же, как и Е.И. Столица, Виктор Иванович принимал активное участие и в зарубежных выставках (Мюнхен, Вена, Берлин, Льеж, С.-Луи) (№ 25).

4.4. Искусствознание

Проанализировав визуальный материал, опубликованный в номерах 1–52 журнала «Нива» за 1909 г., а также статьи на тему искусства, следует заметить, что художественная культура со всеми ее процессами и проявлениями в начале XX в. являлась одной из широко освещаемых тем на страницах журнала. В каждом номере опубликован ряд репродукций произведений изобразительного искусства, скульптуры, рисунки к литературным произведениям, статьи, посвященные отдельным темам из области художественной культуры, а также в отдельных номерах (№ 25, 27–52) опубликованы заметки – «К рисункам», которые посвящены описанию тех или иных картин номера. Наконец, в журнале опубликован ряд статей, посвященных жизни и творчеству художников, внесших определенный вклад в развитие российской живописи. Данный источниковедческий материал свидетельствует, во-первых, о стремлении зафиксировать авторами заметок журнала актуальные процессы, протекающие в сфере современной им художественной культуры, и донести эти знания до широкой публики, и во-вторых, это свидетельствует о развитии искусствоведческой составляющей художественной культуры Российской империи как области накопления и систематизации знаний об искусстве.

4.4.1. О художниках

Отдельные статьи журнала «Нива» представляют информацию об уникальных художниках конца XIX – начала XX вв., внесших определенный вклад в развитие искусства. Среди них Юлий Иванович Феддерс (1838–1909), выпускник Академии художеств, пейзажист, профессор, академик. В 1875 г. ему было присвоено звание художника 1 степени. Ю.И. Феддерс был известен и почитаем далеко за пределами Российской империи. Так, в труде «История живописи XIX в.» Мутер поставил имя Феддерса в ряд лучших русских пейзажистов (№ 12: 231-232).

Эмануил Яковлевич Пуаре – художник-сатирик, «король карикатуры». Родился Э.Я. Пуаре в Москве, но в юном возрасте переехал во Францию, где и получил образование. Особенностью его творчества является техника создания рисунков, согласно которой приоритет в финальном рисунке отдавался наиболее значимым линиям. Подобно «конспекту или резюме рисунка», они фиксировали собой ключевые идеи содержания замысла художника (№ 13: 258) ([Рисунок 5](#)).

Рис. 5. Карикатура «Дядюшкина болезнь», Э.Я. Пуаре (Карандаш).

Кроме того, среди особенностей его творчества выделяется традиция серийности, посредством которой художник создавал свой рассказ. Сюжетами его произведений выступали как бытовые, так и политические события. Придав карикатуре «мгновенность минуты и необычайную подвижность», Э.Я. Пуаре приобрел широкую известность и возможность публиковать свои произведения на страницах различных французских журналов (№ 13: 258).

Николай Михайлович Фокин (1869–1908) – выпускник Академии художеств, участник первой выставки «Нового общества художников» в Санкт-Петербурге, чье творчество при жизни высоко ценилось в художественных кругах. В 1902 г. Н.М. Фокин получил звание художника и право на заграничную поездку за конкурсную картину «Ранний снег». Она репрезентировала главную тему большинства его работ – это снег и зима. Внимание к тончайшим изменениям всех нюансов зимнего времени года сближало его с импрессионистами, в частности с К. Моне. По мнению В.Н. Пирогова, автора статьи о художнике, Н.М. Фокину обеспечено место в истории русского искусства ([Пирогов, 1909. № 17](#)).

Творчество Василия Дмитриевича Поленова также получает освещение на страницах журнала «Нива». Отмечается ценность его красок и техники работы, что отличало его от художников академической живописи и передвижников (№ 23). Обращение художника к сценам жизни Христа способствовало закреплению за ним репутации крупного историко-религиозного художника. При этом обращается внимание на то, что эти сцены трактуются в произведениях как жанровые и бытовые сцены.

Константин Яковлевич Крыжицкий – пейзажист, академик, являлся постоянным участником академических выставок и выставок Общества русских акварелистов. Первоначальное художественное образование получил в Киевской рисовальной школе Мурашко. В 1877 г. поступил в Академию художеств в пейзажный класс профессора М.П. Клодта. Первая картина К.Я. Крыжицкого «Утро» была выставлена в 1879 г. на академической выставке. Впоследствии картина была приобретена Обществом поощрения художеств. В 1883 г. Академия присудила ему малую золотую медаль за картину «Дубы». В 1884 г. за пейзаж «Хутор в Малороссии» К.Я. Крыжицкий получил звание художника первой степени, а сама картина была приобретена Академией для академического музея (№ 45: 784-785). Согласно опубликованной в журнале заметке, художник обращался к достаточно широкому кругу тем. Особенно репрезентативной в его творчестве является тема природы, которая визуализировалась такой, какая она есть. Именно это естество природы интерпретируется автором заметки как «душа Божьего мира» (№ 45: 786).

4.4.2. О возрождении эмальерного дела

В очерке Н.К. Рериха «Заклятое зверье: эмали кн. М.К. Тенишевой» поднимается проблема утраты связи культуры современности с культурой прошлых эпох. В этом видится причина того, что искусство начала XX в. – это искусство «странствующее», которое нуждается в «сильных символах» (Рерих, 1909, № 18: 341). Ценность прошлого видится автором в содержательной ценности произведений. Современное же творчество, в сравнении с произведениями художественных ремесел прошлого, является лишь «намеком на кустарные изделия» (Рерих, 1909. № 18: 340). Одна из причин, согласно автору, кроется в незнании путей создания искусства при работе с «народными формами», а также предвзятое отношение к наследию прошлого среди населения. Резьба, чеканка, керамика, мозаика, эмаль, плетенье – это те виды искусства, которые были актуальны в прошлом, но которые, по замечанию автора, недооценены в современное время, в эпоху начала XX в. Те люди, которые открывают эти «забытые пути искусства», особенно значимы, по мысли автора. Одним из таких людей была княгиня М.К. Тенишева, которая способствовала возрождению в начале XX в. одного из старейших производств – эмальерного дела. Под ее руководством в Париже была открыта мастерская, куда привлекались разные специалисты. М.К. Тенишева принимала участие в различных выставках – Салоне «Марсова поля», Осеннем салоне, Международной выставке в Лондоне, где ее эмали были высоко оценены. Они покрывали в различных сочетаниях ларцы, подсвечники, шкатулки. Наряду с возрождением эмальерного дела, возрождалось и символическое содержание как самих форм, фигур, так и орнаментов, того, что было актуальным для прошлых культур. Именно данная тенденция позволила бы, по мысли автора, решить проблему сохранения именно искусства, а не ремесла (Рерих, 1909. № 18).

4.4.3. Аналитика произведений изобразительного искусства

Аналитической составляющей в области художественной культуры отводилось достаточно большое место. В «Ниве» это проявлено через описание опубликованного в журнале обширного визуального материала, представленного произведениями как изобразительного искусства, так и скульптуры. География авторов, чьи произведения искусства публиковались на страницах журнала, достаточно широка. Это и российские художники и скульпторы (С. Жуковский, В. Бялынецкий-Бирули, Н. Андреев, И. Гинцбург и другие), и зарубежные (А. Пэддей, А. Диффенбах, В. Айролли, А. Уордла и другие).

Произведения искусства при этом рассматриваются авторами очерков как возможность расширить кругозор читателей, например, через описание отдельных видов других стран (М. Лелуара «Уличный певец» (№ 48), событий из жизни известных людей (В. Фольц «Св. Елизавета» (№ 36), историю древних цивилизаций (К.Х. Чарахов, А. Тадем (№ 42), Ф. Бойли (№ 43)) или эпохи Средневековья (К. Вудвиль, Ц. Иордан (№ 44)). Анализ картин зачастую основывается на описании сюжета произведения, обращении к историческим сведениям или сюжетам литературных произведений. Наряду с этим, анализ отдельных картин основывается на содержательной интерпретации художественных знаков, которые рассматриваются в их символическом значении. В номере 1 журнала «Нива» в рамках символического подхода проанализирована, например, картина французского художника Э. Даньян-Буврэ «Светоч мира» (Рисунок 6).

Рис. 6. Обложка выпуска журнала № 1. «Светоч мира», Э. Даньян-Буврэ

Данный подход позволил автору раскрыть идейное содержание произведения в его общемировом значении. Согласно очерку, «...картина французского художника Даньян-Буврэ изображает в красивом символическом образе две главенствующие в мире идеи, которые светят

человечеству во все века... Эти идеи – Слава и Любовь» (№ 1: 19). В символическом значении интерпретируются также такие художественные знаки, как женский персонаж и шар. Женщина соотносится с понятием «судьба», а такие характеристики шара, как «хрупкость» и «непостоянство», соотносятся с хрупкостью славы и любви. Слава и любовь, таким образом, становятся главными объектами изображения художника. Они же есть и цель всего человечества, но и достижение этой цели интерпретируется в очерке как то, что несет за собой разрушение: «...но горе тому, кто неосторожной рукою дотронется до них: мгновение – и от Любви, как и от Славы – нет и следа» (№ 1: 19).

5. Заключение

Таким образом, в иллюстративном ряду журнала «Нива» из произведений изобразительного искусства складывается репрезентативная картина современной изданию русской художественной практики. Во-первых, журнал демонстрирует различные виды изобразительного искусства: станковую живопись, графику, скульптуру, в меньшей степени – монументально-декоративную живопись. Во-вторых, журнал учитывает специфику видов изобразительного искусства, уделяя внимание деталям каждого отдельного направления. Например, в случае графики журнал показывает разнообразие техник (оригинальная графика – акварель, карандашный рисунок и т.д.; печатная – офорт, цветная печать и пр.) и видов (от иллюстраций до карикатуры). А в случае скульптуры – форм и ее видов (рельеф, памятный монумент, надгробие, круглая скульптура). В-третьих, широкая палитра жанров также представлена репродукциями журнала и в ней отражены реальные доли представленности определенных жанров в художественной практике. Например, широко представлены активно развивающиеся и мощно о себе заявившие к этому времени исторический, религиозный, бытовой жанры, городской и природный пейзажи. Каждому из жанров уделена практически соответствующая ему в художественной жизни ниша. Чего, правда, не скажешь о портрете, который в русской живописи рубежа веков продолжает занимать одну из лидирующих позиций, но в выпусках журнала за 1909 год встречается нечасто.

Скульптурные произведения на страницах журнала «Нива» за 1909 год встречаются не так часто, как живописные, но тем не менее создают целостный образ и отражают традиции искусства рубежа XIX–XX веков. Эмоциональная напряженность выходит на первый план, используются традиции импрессионизма, символизма, экспрессионизма и древнерусские. Ставится акцент на пластическую выразительность скульптурных форм.

В целом произведения скульптуры датируются периодом рубежа XIX–XX веков, кроме произведений декоративно-прикладного искусства, помещенных в журнал в рамках иллюстраций выставочной деятельности музеев и отражающих искусство XV–XVI веков.

Выбор современных времени журнала произведений скульптуры указывает на формирование определенного вкуса у читателя. Тип журнала – иллюстрированный еженедельник и содержит большое количество визуального материала. Восприятие станковой скульптуры более камерное, не рассчитано на массы. Помимо станковой, большое количество мемориальной скульптуры, отражающей фигуры важных общественных деятелей разных эпох.

Художники работают на разнообразные сюжеты: бюсты, памятники и статуи видных общественных деятелей, мифологические, аллегорические, анималистические и символические. Техники создания произведений скульптуры в данном выпуске журнала разнообразны: лепка, обработка твердых материалов (камень) и литье.

Выставочная деятельность в Российской империи в начале XX в. была достаточно разнообразна. Особое значение имели конкурсные выставки, организованные Императорской Академией художеств, на которых присуждались звания художника и соответственно определялись новые лица, формирующие своим творчеством современную историю художественной культуры в Российской империи. Важная роль в интеграции процессов художественной культуры в общество отводилась печатному тексту, посредством которого освещались все значимые события художественной культуры, в том числе раскрывались значения и смыслы отдельных художественных знаков произведений искусства, представленных на страницах журнала. Подобная аналитическая составляющая, представленная в очерках, посвященных искусству, позволяет говорить о развитии искусствознания в Российской империи в начале XX в.

Литература

Азарова, 2017 – Азарова А.В. Литературный журнал для семейного чтения «Нива» и общественно-политический, литературно-художественный и иллюстрированный еженедельник «Огонек»: преемственность и разрывы // *Молодежь XXI века: образование, наука, инновации*. 2017. С. 124-126.

Брызгалова, 2017 – Брызгалова Е.Н. Еженедельник «Нива» в 1917–1918 годах // *Вестник Тверского государственного университета*. 2017. № 3. С. 110-116.

Букова, 2017 – Букова М.И. Роль визуальной антропологии в социальном конструировании ценностей // *Сибирский антропологический журнал*. 2017. № 1(2). С. 6-23.

Годовова, 2016 – Годовова А.С. Российская газетная реклама начала XX в. (на примере журнала «Нива») // *Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность*. 2016. С. 147-151.

Дмитриева, 2021 – Дмитриева Н.Ю. «Литературный альбом» журнала «Нива»: ВА Жуковский // *Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития*. 2021. С. 128-137.

Егоркина, 2021 – Егоркина Е.Ю. Актуальные проблемы журналистики тема женского самоопределения на страницах печатных СМИ конца XIX в. (на примере семейного энциклопедического журнала «Нива») // *Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики*. 2021. С. 164-171.

Жуковский, 2015 – Жуковский В.И. Произведение искусства; концептуальный стержень художественной культуры // *Художественное образование и наука*. 2015. № 4. С. 26.

Ким, 2019 – Ким Ё.Х. Позитивистский стиль журнала «Нива» в начале XX века // *Академическая публицистика*. 2019. № 4. С. 66-74.

Крыжицкий, 1909 – Крыжицкий К.Я. // *Нива*. 1909. № 45. С. 785-786. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-25009/>

Нива, 1909 – Ежегодный конкурс на «Весенней» выставке // *Нива*. 1909. № 25. С. 451. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-24267/>

Нива, 1909 – Конкурсная выставка // *Нива*. 1909. № 7. С. 137-138. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-23629/>

Нива, 1909 – *НИВА*. Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни // Под ред. Л.Ф. Маркса. СПб., 1909. 928 с.

Нива, 1909 – Светоч мира // *Нива*. 1909. № 1. С. 19. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-23605/>

Пименова, 2016 – Пименова Н.Н. Механизмы социокультурных изменений коренных этносов Севера и Сибири: концепция культурной травмы П. Штомпки // *Социодинамика*. 2015. № 3. С. 37-45.

Пирогов, 1909 – Пирогов Н.В. Н.М. Фокин // *Нива*. 1909. № 17. С. 321-322. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-23647/>

Поленов, 1909 – Поленов В.Д. // *Нива*. 1909. № 17. С. 423. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-24265/>

Полонский, Глушкова, 2020 – Полонский А.В., Глушкова В.Г. Журнал «Нива» в контексте культуры серебряного века // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. 2020. № 3(38). С. 118-128.

Пуаре, 1909 – Пуаре Э.Я. Карандаш // *Нива*. 1909. № 13. С. 258-260. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-23641/>

Пушкарская, 2008 – Пушкарская Е.Ю. Роль журнала «Нива» в культурной коммуникации XIX века // *Известия СИЦ РАН*. 2008. № 8. С. 162-167.

Пушкарская, 2010 – Пушкарская Е.Ю. Значение иллюстрации на страницах журнала «Нива» // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*. 2010. № 3. С. 132-134.

Разумовская, 2021 – Разумовская О. Картины русских художников в журнале «Нива» // *История Петербурга*. 2021. № 2. С. 89-97.

Рерих, 1909 – Рерих Н.К. Заклятое зверье: эмали княгини М.К. Тенишевой: очерк // *Нива*. 1909. № 18. С. 340-341. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-23651/>

Рынков, 2010 – Рынков В.М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // *Отечественные архивы*. 2010. № 3. С. 44-50.

Середкина, Копцева, 2013 – Середкина Н.Н., Копцева Н.П. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе. Красноярск, 2013. 183 с.

Сертакова, Ситникова, 2022 – Сертакова Е.А., Ситникова А.А. Устав об "управлении инородцев", составленный М.М. Сперанским, и особенности его реализации по отношению к коренным малочисленным народам Енисейской губернии в XIX – начале XX веков // *Северные архивы и экспедиции*. 2022. № 6(2). С. 94-106.

Ситникова, 2022 – Ситникова А.А. Северные экспедиции и образ Арктики в зарубежной живописи XIX века // *Северные архивы и экспедиции*. 2022. № 6(1). С. 240-249.

Середкина, 2022 – Середкина Н.Н. Изобразительное искусство в художественной культуре коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2022. № 15(6). С. 853-866.

Сундуков, Яковлев, 2015 – Сундуков А.С., Яковлев М.Н. Композиционно-графическая модель журнала «Нива» // *Вестник Воронежского государственного университета*. 2015. № 2. С. 153-154.

Сухотерин, 2012 – Сухотерин Д.Я. Журнал «Нива» и его читательская аудитория на пути формирования массовой культуры (конец XIX – начало XX в.) // *Вестник Вятского государственного университета*. 2012. № 1(4). С. 101-105.

Феддерс 1909 – Феддерс Ю.И. (1838–1909) // *Нива*. 1909. № 12. С. 231-232. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-23639/>

Шпак и др., 2021 – Шпак А.А., Замараева Ю.С., Концева Н.П. Сложные формы идентичности: проблемы исследования. Красноярск, 2021. 248 с.

Sitnikova et al., 2022 – Sitnikova A.A., Kolesnik M.A., Leshchinskaia N.M., Sertakova E.A. The Features of Educational Activity in the Journal "Niva" in 1882 (based on the Analysis of Illustrative Material) // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 853-866.

Koptseva, Kirko, 2014 – Koptseva N.P., Kirko V. I. Post-Soviet practice of preserving ethnocultural identity of indigenous peoples of the North and Siberia in Krasnoyarsk Region of the Russian Federation // *Life Sci J*. 2014. № 11. (7). Pp. 180-185.

Zamaraeva et al., 2019 – Zamaraeva Y.S., Luzan V.S., Metlyaeva S.V., Seredkina N.N., Koptseva N.P., Fil'ko, A.I., Khrebtov, M.Y. Religion of the Evenki: history and modern times. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2019. № 12 (5). Pp. 853-871.

References

Azarova 2017 – Azarova, A.V. (2017). Literaturnyy zhurnal dlya semeynogo chteniya "Niva" i obshchestvenno-politicheskiy, literaturno-khudozhestvennyy i illyustrirovanny yezhenedel'nik "Ogonek": preymstvennost' i razryvy [Literary journal for family reading "Niva" and socio-political, literary and artistic and illustrated weekly "Spark": continuity and breaks]. *Molodezh' XXI veka: obrazovaniye, nauka, innovatsii*, pp. 124-126. [in Russian]

Bryzgalova, 2017 – Bryzgalova, E.N. (2017). Yezhenedel'nik «Niva» v 1917–1918 godakh [Weekly "Niva" in 1917-1918]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, pp. 110-116. [in Russian]

Bukova, 2017 – Bukova, M.I. (2017). Rol' vizual'noy antropologii v sotsial'nom konstruirovani tsennostey [The role of visual anthropology in the social construction of values]. *Sibirskiy antropologicheskii zhurnal*. 1(2): 6-23. [in Russian]

Dmitriyeva, 2021 – Dmitriyeva, N.Yu. (2021). «Literaturnyy al'bom» zhurnala «Niva»: V.A. Zhukovskiy ["Literary Album" of the Niva journal: V.A. Zhukovsky]. *Sovremennyye problemy knizhnoy kul'tury: osnovnyye tendentsii i perspektivy razvitiya*, pp. 128-137. [in Russian]

Fedders, 1909 – Fedders, Y.I. (1838–1909) (1909). *Niva*. 12: 231-232. [Electronic resource]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-23639/> [in Russian]

Godovova, 2016 – Godovova, A.S. (2016). Rossiyskaya gazetnaya reklama nachala XX v. (na primere zhurnala "Niva") [Russian newspaper advertising of the early twentieth century (on the example of the Niva journal)]. *Material'nyy faktor i predprinimatel'stvo v povesednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'*, pp. 147-151. [in Russian]

Kim, 2019 – Kim, O.Kh. (2019). Pozitivistskiy stil' zhurnala "niva" v nachale XX veka [The positivist style of the Niva journal at the beginning of the 20th century]. *Akademicheskaya publitsistika*. 4: 66-74. [in Russian]

Koptseva, Kirko, 2014 – Koptseva, N.P., Kirko, V.I. (2014). Post-Soviet practice of preserving ethnocultural identity of indigenous peoples of the North and Siberia in Krasnoyarsk Region of the Russian Federation. *Life Sci J*. 11 (7): 180-185.

Kryzhickij, 1909 – Kryzhickij, K.Y. (1909). *Niva*. 45: 785-786. [Electronic resource]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-25009/> [in Russian]

Niva, 1909 – Ezhegodnyj konkurs na «Vesennej» vystavke [Annual competition at the "Spring" exhibition]. *Niva*, 1909. 25: 451. [Electronic resource]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-24267/> [in Russian]

Niva, 1909 – Konkursnaya vystavka [Competitive Exhibition]. *Niva*. 109. 7: 137-138. . [Electronic resource]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-23629/> [in Russian]

Niva, 1909 – NIVA. Illyustrirovanny zhurnal literatury politiki i sovremennoy zhizni. [An illustrated journal of the literature of politics and modern life]. 1909. Pod red. L. F. Marksa, S.-Peterburg: 1-52. 928 p. [in Russian]

Niva, 1909 – Svetoch mira [Light of the world]. *Niva*. 1909. 1: 19. [Electronic resource]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-23605/> [in Russian]

Pimenova, 2015 – Pimenova, N.N. (2015). Mekhanizmy sotsiokul'turnykh izmeneniy korennykh etnosov Severa i Sibiri: kontseptsiya kul'turnoy travmy P. Shtompki [Mechanisms of socio-cultural changes in the indigenous ethnic groups of the North and Siberia: the concept of cultural trauma by P. Sztompka]. *Sotsiodinamika*. 3: 37-45. [in Russian]

Pirogov, 1909 – Pirogov, N.V. (1909). N.M. Fokin. *Niva*. 17: 321-322. [Electronic resource]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-23647/> [in Russian]

Polenov, 1909 – Polenov, V.D. (1909). *Niva*. 17: 423. [Electronic resource]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-24265/> [in Russian]

Polonskiy, Glushkova, 2020 – Polonskiy, A.V., Glushkova, V.G. (2020). Zhurnal "Niva" v kontekste kul'tury serebryanogo veka [Journal "Niva" in the context of the culture of the Silver Age]. *Aktual'nyye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki*. 3(38): 118-128. [in Russian]

Puare, 1909 – Puare, E.Y. (1909). Karandash [Pencil]. *Niva*. 13: 258-260. [Electronic resource]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-23641/> [in Russian]

- Pushkarskaya, 2008** – *Pushkarskaya, Ye.Yu.* (2008). Rol' zhurnala «Niva» v kul'turnoy kommunikatsii XIX veka [The role of the Niva journal in the cultural communication of the 19th century]. *Izvestiya SNTS RAN*. 8: 162-167. [in Russian]
- Razumovskaya, 2021** – *Razumovskaya, O.* (2021). Kartiny russkikh khudozhnikov v zhurnale «Niva» [Paintings by Russian artists in the Niva journal]. *Istoriya Peterburga*. 2: 89-97. [in Russian]
- Rerih, 1909** – *Rerih, N.K.* (1909). Zaklyatoe zver'e: emali knyagini M.K. Tenishevoj: ocherk [The cursed animal: the enamels of Princess M.K. Tenisheva: essay]. *Niva*. 18: 340-341. [Electronic resource]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-23651/> [in Russian]
- Rynkov, 2010** – *Rynkov, V.M.* (2010). Periodicheskaya pechat': mesto v sisteme istoricheskikh istochnikov [Periodical press: a place in the system of historical sources]. *Otechestvennye archives*. 3: 44-50. [in Russian]
- Seredkina, Koptseva, 2013** – *Seredkina, N.N., Koptseva, N.P.* (2013). Konstruirovaniye pozitivnoy etnicheskoy identichnosti v polikul'turnoy sisteme [Construction of a positive ethnic identity in a multicultural system]. Krasnoyarsk, 183 p. [in Russian]
- Sertakova, Sitnikova, 2022** – *Sertakova, Ye.A., Sitnikova, A.A.* (2022). Ustav ob "upravlenii inorodtsev", sostavlennyy M. M. Speranskim, i osobennosti yego realizatsii po otnosheniyu k korennyim malochislennym narodam Yeniseyskoy gubernii v XIX – nachale XX vekov [The charter on the "management of foreigners", compiled by M. M. Speransky, and the features of its implementation in relation to the indigenous peoples of the Yenisei province in the 19th – early 20th centuries]. *Severnyye arkhivy i ekspeditsii*. 6(2): 94-106. [in Russian]
- Sitnikova, 2022** – *Sitnikova, A.A.* (2022). Severnyye ekspeditsii i obraz Arktiki v zarubezhnoy zhivopisi XIX veka [Northern Expeditions and the Image of the Arctic in Foreign Painting of the 19th century]. *Severnyye arkhivy i ekspeditsii*. 6(1): 240-249. [in Russian]
- Seredkina, 2022** – *Seredkina, N.N.* (2022). Izobrazitel'noye iskusstvo v khudozhestvennoy kul'ture korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka RF [Visual art in the artistic culture of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*. 15 (6): 853-866. [in Russian]
- Shpak i dr., 2021** – *Shpak, A.A., Zamaraeva, Yu.S., Koptseva, N.P.* (2021). Slozhnyye formy identichnosti: problemy issledovaniya [Complex forms of identity: research problem]. Krasnoyarsk, 248 p. [in Russian]
- Sitnikova et al., 2022** – *Sitnikova, A.A., Kolesnik, M.A., Leshchinskaya, N.M., Sertakova, E.A.* (2022). The Features of Educational Activity in the Journal “Niva” in 1882 (based on the Analysis of Illustrative Material) *Bylye Gody*. 17(2): 853-866.
- Sukhoterin, 2012** – *Sukhoterin, D.Ya.* (2012). Zhurnal «Niva» i yego chitatel'skaya auditoriya na puti formirovaniya massovoy kul'tury (konets XIX-nachalo XX v.) [Niva journal and its readership on the way to the formation of mass culture (late XIX – early XX centuries)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1(4): 101-105. [in Russian]
- Sundukov, Yakovlev, 2015** – *Sundukov, A.S., Yakovlev, M.N.* (2015). Kompozitsionno-graficheskaya model' zhurnala "Niva" [Compositional and graphic model of the journal "Niva"]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2: 153-154. [in Russian]
- Volfson, 1902** – *Volfson, D.* (1902). Voskresnye shkoly v Tomske [Sunday Schools in Tomsk]. *Sibirskiy nablyudatel'*. 11. [Electronic resource]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-3104/> [in Russian]
- Yegorkina, 2021** – *Yegorkina, Ye.Yu.* (2021). Aktual'nyye problemy zhurnalistiki tema zhenskogo samoopredeleniya na stranitsakh pechatnykh smi kontsa xix v.(na primere semeynogo entsiklopedicheskogo zhurnala «Niva») [Actual problems of journalism, the topic of women's self-determination on the pages of the print media of the late 19th century (on the example of the Niva family encyclopedic journal)]. *Tatishchevskiy chteniya: aktual'nyye problemy nauki i praktiki*, pp. 164-171. [in Russian]
- Zamaraeva et al., 2019** – *Zamaraeva, Y.S., Luzan, V.S., Metlyaeva, S.V. et al.* (2019). Religion of the Evenki: history and modern times. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 12(5): 853-871.
- Zhukovskiy, 2015** – *Zhukovskiy, V.I.* (2015). Proizvedeniye iskusstva; kontseptual'nyy sterzhen' khudozhestvennoy kul'tury [Work of art; conceptual core of artistic culture]. *Khudozhestvennoye obrazovaniye i nauka*. 4: 26. [in Russian]

Журнал «Нива» (1909 г.) как источник по истории художественной культуры Российской империи

Анна Андреевна Шпак ^а, Юлия Сергеевна Замаева ^а, Наталья Николаевна Пименова ^а,
Наталья Николаевна Середкина ^{а, *}

^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Журнал «Нива» предназначался для семейного чтения и во многом стал законодателем российской журнальной периодики: еженедельные выпуски содержали новостной контент о мировой и отечественной жизни, научных достижениях и событиях, биографии выдающихся современников и исторических деятелей, политическое обозрение (включая фоторепортажи военных действий); значительный объем занимали репродукции картин и иллюстрации к художественным произведениям русских и европейских художников. С 1894 года подписчикам журнала стали доступны ежемесячные литературные и научно-популярные приложения, содержащие разнообразные статьи о литературе, новинки моды, приложение для детей и настенные календари. Жанровое разнообразие литературных, художественных и научных текстов, переплетенных с богатым иллюстративным материалом, композиционная логика размещения текстового и изобразительного материала, устойчивая практика тематического наполнения почти полувекового существования журнала – все это способствовало формированию «Нивы» как значимого источника по истории художественной культуры Российской империи. Стоит отметить особую роль журнала в формировании образа современной ему российской художественной жизни и состояния искусства у широкого круга его читателей. Журнал в полной мере соответствовал образцу просветительской миссии.

Ключевые слова: журнал «Нива», художественная культура Российской империи, журнальная периодика рубежа XIX–XX веков.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nnevolko@sfu-kras.ru (Н.Н. Середкина),
pimenovapluzhnik@mail.ru (Н.Н. Пименова), annaheyu@gmail.com (А.А. Шпак),
rybka08@bk.ru (Ю.С. Замаева)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1990-2000
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1990

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Crafts and Employment of Migrants in the Urman Zone of the Turinsk District of the Tobolsk Province According to the Results of a Statistical Survey Conducted under the Leadership of V.K. Kuznetsov in 1912

Dmitry N. Belyanin ^{a, *}, Viktor N. Razgon ^b, Anton V. Razgon ^c

^aT.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russian Federation

^bAltai state University, Russian Federation

^cFinancial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

In the article, based on the analysis of the materials of the statistical survey of settler farms conducted in 1911-1912 under the leadership of V.K. Kuznetsov, crafts and employment of the settlers of the urman zone of the Turinsk district of the Tobolsk province are studied. About a third of the migrants, who settled in the Turinsk district, were involved in economic activities outside their farms. Migrants of the "Stolypin" period were less involved in these activities than the more "aged" ones. This is explained both by the incompleteness of their adaptation to new places, and by the need in the first years after settlement to use the main labor resources to clear their land plots from forest trees.

Among the economic occupations outside farms of migrants, work on the construction of unpaved roads and hiring for agricultural work prevailed. The natural habitat of the settlers determined the prevalence of economic activities related to the use of forest resources: hunting, sawing, logging, transportation and processing of wood. At the same time, fishing, beekeeping, handicrafts, trade, entrepreneurship were poorly developed. This was due to the remoteness of the urman sites from commercial and industrial centers and transport communications as well as the lack of the necessary funds for the settlers to create industrial and commercial enterprises.

Keywords: agrarian resettlement, Stolypin's resettlement policy, Siberian village, peasantry, crafts, adaptation of migrants, urmans, Tobol province, Turinsk district.

1. Введение

На рубеже XIX–XX вв. государство активизировало политику колонизации Сибири, важнейшим условием результативности которой являлась успешная адаптация переселенцев на новых местах. В трудах отечественных историков эта проблема получила широкое освещение, однако исследователи главным образом делали акцент на итогах земледельческой колонизации Сибири, тогда как участие мигрантов в развитии промыслов в Сибирском регионе находится в тени исследовательского интереса.

Между тем возможность занятия промыслами была важным условием адаптации переселенцев на новых местах, так как промысловая деятельность была источником заработка для новоселов, значение которого трудно переоценить. В сибирских архивах сохранились документы, показывающие, что отсутствие промысловых заработков могло привести к обратным переселениям. Как, к примеру, было у 9 жителей Минской губернии, переселившихся в Мариинский уезд Томской губернии. Они водворились на уч. Ступишинский в мае 1898 г., а уже в октябре того же года подали прошение об обратном переселении. Одна из причин – отсутствие заработков. Еще один переселенец

* Corresponding author

E-mail addresses: bdn73@list.ru (D.N. Belyanin)

из Минской губернии Ф.Я. Лопатко после водворения на том же участке подал прошение о возвращении на родину по той же самой причине – отсутствие заработков (ГАТО. 1898. Ф. 3. Оп. 46. Д. 518. Л. 41, 72-75, 171-171об.).

Особенностью переселенческих участков, отводимых в урманной полосе Туринского уезда Тобольской губернии, являлась значительная удаленность от освоенных районов и высокая степень лесистости (многие из них вообще не имели расчищенных пространств). Туринский уезд пересекали относительно крупные реки Тавда и Тура, которые теоретически могли играть роль транспортных коммуникаций, связывающих урманы с обжитыми районами. Однако почти все группы переселенческих участков находились на удалении от этих рек. Кроме того, все отводимые новоселам участки располагались севернее 58°, а некоторые и севернее 59° (Атлас..., 1914: карта № 28), то есть в районе рискованного земледелия. Высокая степень лесистости наделов переселенцев обусловила медленные темпы расширения посевов и покосов, а северный характер расположения участков – повышенную зависимость урожая сельскохозяйственных культур от погодных условий. Земледелие в таких условиях не могло давать высокий и стабильный доход, вследствие чего многие переселенцы туринских урманов были вынуждены диверсифицировать хозяйственную деятельность, сочетая земледельческую и промысловую деятельность.

Исследование промысловой деятельности переселенцев представляет актуальную самостоятельную научную задачу, решение которой даст возможность сформировать более полное представление о процессе колонизации Сибири, специфике адаптации к новой среде обитания крестьян-переселенцев, водворявшихся в различных природно-географических зонах азиатской части Российской империи.

2. Материалы и методы

Источниковую базу статьи составляют данные статистико-экономического исследования переселенческих хозяйств, собранные в 1912 г. в урманной полосе Туринского уезда Тобольской губернии под руководством известного статистика начала XX в. В.К. Кузнецова. Эти исследования проводились в 12 волостях, охватили 86 переселенческих поселков, в ходе опроса были получены данные от 11 542 человек, из них 3 280 (28,4 %) сообщили об участии в промысловой деятельности (подсчитано нами по: Сборник... вып. IV, 1912: 108-109, 120-121). Исследования в урманной части Туринского уезда были частью масштабного статистико-экономического обследования переселенческих хозяйств, охватившего Акмолдинскую область, Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую губернии. Экономическое обследование переселенцев проводилось по настоянию Бюджетной комиссии Государственной Думы, либерально-оппозиционная часть которой высказывала немало критики в отношении столыпинской переселенческой политики. Общее руководство обследованием хозяйственного положения переселенцев было поручено В.К. Кузнецову, перед которым ставилась задача выяснить, насколько прочно новоселы устраивались на новых местах. Выполняя эту задачу, комиссия под руководством В.К. Кузнецова постаралась охватить в основном переселенцев «столыпинского» периода. Обследованные переселенческие хозяйства были разделены на несколько возрастных групп: I – поселившиеся на участке свыше 18 лет назад (ранее 1894 г.), II – поселившиеся 8–18 лет назад (1894–1904 гг.), III – поселившиеся 4–7 лет назад (1905–1908 гг.), IV – поселившиеся 3 года назад (1909 г.) и V – поселившиеся менее 3 лет назад (1909–1910 гг.).

Возрастные группы переселенческих хозяйств в урмане Туринского уезда имели две особенности. Во-первых, в обследованных 86 поселках не было зарегистрировано ни одного хозяйства самой старшей возрастной группы. Это было связано с тем, что таежная полоса Сибири стала активно заселяться лишь в связи с деятельностью Комитета Сибирской железной дороги с конца 1890-х гг. Поэтому среди подвергнутых обследованию переселенческих участков нет ни одного, который был образован ранее 1899 г. Во-вторых, поскольку заселение самого раннего из обследованных поселков датируется 1900 г., фактически II временная группа представлена хозяйствами, просуществовавшими не 8–18 лет, а 8–12 лет (Сборник... вып. IV, 1912: V-VII, 2, 8, 9, 15).

Статистико-экономическому обследованию были подвергнуты переселенческие поселки, «типичность» которых определялась различием их между собой в отношении важных культурно-экономических условий: расположением относительно железной дороги, больших грунтовых дорог, судоходных и сплавных рек, отдаленностью от промышленных центров, продолжительностью существования и т.п. Выбирались также в пропорциональных количествах поселки крупные, средние и мелкие, чисто земледельческие и с более или менее развитыми промыслами.

Программа экономического обследования состояла из двух частей – подворных карточек и поселенных бланков. Данные о промысловой деятельности переселенцев заносились и в те, и в другие. По подворным карточкам производилась сплошная перепись всего населения переселенческого участка, а в формуляр поселенного бланка вносились данные по каждому обследованному поселку. Местные исследования проводились статистическими отрядами, каждый из которых возглавлялся статистиком, имевшим опыт проведения подобных исследований. Общее руководство и наблюдение за сбором материала осуществлял сам В.К. Кузнецов. Непосредственно перед подворной переписью статистики с помощью личных наблюдений и бесед с переселенцами

знакомились с условиями и особенностями хозяйства и промыслов каждого поселка. Собранные материалы подвергались изучению и критике (*Сборник... вып. I, 1913: V-VII*). Абсолютное большинство опрошенных переселенцев (9 969 чел., или 86,4 %) принадлежало к числу «стольпинских» мигрантов (подсчитано нами по: *Сборник... вып. IV, 1912: 58-59*), и процесс их адаптации на новых местах еще не был до конца завершен.

Заметим, что в материалах комиссии В.К. Кузнецова к промыслам отнесены профессии, которые в начале ХХI в. вряд ли могли считаться промысловыми: стражники, городовые, лесники, тюремные надзиратели, урядники и т.п. Тем не менее все подобные профессии нами также учтены как промыслы в разделе «общественная служба и свободные профессии».

При работе с материалами, собранными под общим руководством В.К. Кузнецова, нами использовался комплекс общенаучных и специальных методов исследования: логический, аналитический, историко-сравнительный, системно-структурный, количественные. Эти методы позволили обработать, систематизировать, обобщить и подвергнуть критическому анализу данные, собранные комиссией В.К. Кузнецова.

3. Обсуждение

Проблема промысловой деятельности переселенцев в Сибири в обобщенном виде рассматривалась в нескольких капитальных трудах по истории Сибирского региона (*История Сибири..., 1968: 31-34; Крестьянство Сибири..., 1983: 79-90*). Стоит также отметить и несколько специальных работ отечественных историков по истории сибирских промыслов. К ним можно отнести труды В.Н. Большакова (*Большаков, 1978: 94-112*), Г.А. Бочановой (*Бочанова, 1978*) и Е.А. Соловьевой (*Соловьева, 1981*), а также научные публикации З.П. Горьковской, В.П. Зиновьева, Е.Л. Изергиной (*Горьковская, 1981; Зиновьев, 1991; Изергина, 1985*).

В последние два десятилетия наблюдается повышение исследовательского интереса к проблеме истории крестьянских промыслов в Сибири. В работах историков рассматриваются либо отдельные виды крестьянских промыслов (*Бодяк, 2021*), (*Карташова, 2018*), (*Гилько, 2013*), (*Мамонтова, 2012*), либо промыслы в отдельных регионах Сибири (*Belyanin et al., 2021*), (*Карпинец, 2019*), (*Razgon et al., 2021*). Однако вопрос о промысловой деятельности переселенцев в урманной местности колонизируемых территорий до сих пор не стал предметом специального исследования.

4. Результаты

Сведения о промыслах переселенцев урманной полосы Туринского уезда Тобольской губернии, собранные под руководством В.К. Кузнецова, представлены в *Таблице 1*. При ее составлении мы объединили в одну графу близкие по смыслу промысловые профессии («рубка дров», «пилка леса», «возка леса», «сплав леса», «корчевка пней»).

При составлении таблицы нами были скорректированы данные, представленные в сборнике материалов комиссии В.К. Кузнецова. Так, в нем в разделе «фабрично-заводское дело» объединены показания «рабочие на заводах» и «мельники». Владельцев мельниц, на наш взгляд, корректнее включить в группу «торговля и предпринимательство». Также, на наш взгляд, не совсем удачным выглядит объединение В.К. Кузнецовым в разделе «транспорт» лиц, содержащих земские и почтовые станции, с ямщиками и извозчиками. Содержателей земских и почтовых станций мы также включили в группу «торговля и предпринимательство». В эту же группу нами включены лица, занятые собственно торговлей, в том числе скотом, а также содержатели земских квартир.

Промыслы, в которых принимало участие статистически небольшое число переселенцев, нами были отнесены либо в обобщающие группы («прочие лесные промыслы», «прочие кустарные промыслы», «прочие строительные промыслы» и т.п.), либо в группу «разные неизвестные». В «прочие лесные промыслы» нами включены такие специальности, как «выделка шпал», «пилка и продажа плах, теса» и «выделка лопат». В разделе «прочие кустарные промыслы» мы объединили несколько профессий: решетников, овчинников, кожевников, пимокатов, гончаров, кирпичников, стекольщиков и пекарей. К «прочим строительным промыслам» мы отнесли подрядчиков, печников, каменщиков, десятников и конопатчиков.

При составлении *Таблицы 1* в графе «число показаний» учтены лица обоего пола, занятые промыслами. В группах по срокам проживания указано число показаний, а в скобках – процентные показатели. Подсчет процентных показателей произведен нами.

Первое, что обращает на себя внимание, это высокая доля переселенцев, занятых в работах на грунтовых дорогах. Доля новоселов туринских урманов, занятых в этом промысле, оказалась одинаково высокой во всех группах.

Таблица 1. Промысловая деятельность переселенцев урманной полосы Туринского уезда Тобольской губернии (*Сборник... вып. IV, 1912: 116-121*)

Название промысла	Число показаний	% от числа показаний	Группы по срокам проживания в Сибири				Не приписанные
			II	III	IV	V	
Работы на грунтовых дорогах	1 465	44,7	127 (46,2 %)	929 (45,8 %)	152 (44,2 %)	255 (41,9 %)	2 (8 %)
Сельскохозяйственные работники и пастухи	508	15,5	51 (18,5 %)	326 (16,1 %)	44 (12,8 %)	80 (13,2 %)	7 (28 %)
Охотники	286	8,7	38 (13,8 %)	193 (9,5 %)	32 (9,3 %)	23 (3,8 %)	-
Рубка дров, распилка, сплав и возка леса, корчевка пней	324	9,9	8 (2,9 %)	215 (10,6 %)	35 (10,2 %)	66 (10,9 %)	-
Выделка плашек для бочек	31	1,0	12 (4,4 %)	6 (0,3 %)	3 (0,9 %)	10 (1,6 %)	-
Сдирание бересты, лык и мочала	52	1,6	1 (0,4 %)	45 (2,2 %)	3 (0,9 %)	3 (0,5 %)	-
Дегтяри	30	0,9	-	26 (1,3 %)	-	4 (0,7 %)	-
Прочие лесные промыслы	19	0,6	2 (0,7 %)	12 (0,6 %)	1 (0,3 %)	4 (0,7 %)	-
Столяры	14	0,4	-	7 (0,4 %)	5 (1,4 %)	2 (0,3 %)	-
Бондари	17	0,5	-	11 (0,5 %)	3 (0,9 %)	3 (0,5 %)	-
Сапожники	15	0,5	1 (0,4 %)	7 (0,4 %)	3 (0,9 %)	4 (0,7 %)	-
Портные	20	0,6	1 (0,4 %)	9 (0,4 %)	-	7 (1,2 %)	3 (12 %)
Кузнецы	17	0,5	3 (1,1 %)	5 (0,2 %)	5 (1,4 %)	4 (0,7 %)	-
Прочие кустарные промыслы	34	1,0	2 (0,7 %)	14 (0,7 %)	3 (0,9 %)	14 (2,3 %)	1 (4 %)
Рабочие на заводе	24	0,7	1 (0,4 %)	-	-	16 (2,6 %)	7 (28 %)
Плотники	146	4,5	2 (0,7 %)	80 (4 %)	19 (5,5 %)	44 (7,2 %)	1 (4 %)
Пильщики	75	2,3	2 (0,7 %)	33 (1,6 %)	13 (3,8 %)	25 (4,1 %)	2 (8 %)
Прочие строительные промыслы	11	0,3	1 (0,4 %)	6 (0,3 %)	2 (0,6 %)	2 (0,3 %)	-
Ямщики и извозчики	32	1,0	1 (0,4 %)	17 (0,8 %)	5 (1,4 %)	9 (1,5 %)	-
Торговля и предпринимательство	18	0,6	7 (2,5 %)	5 (0,2 %)	-	5 (0,8 %)	1 (4 %)
Няни	62	1,9	2 (0,7 %)	38 (1,9 %)	9 (2,6 %)	13 (2,1 %)	-
Прочая прислуга	10	0,3	1 (0,4 %)	7 (0,4 %)	-	2 (0,3 %)	-
Общественная служба и свободные профессии	34	1,0	8 (2,9 %)	15 (0,7 %)	4 (1,1 %)	6 (1,0 %)	1 (4 %)
Работы с землемерами и техниками	15	0,4	-	13 (0,7 %)	-	2 (0,3 %)	-
Разные неизвестные	21	0,6	4 (1,4 %)	9 (0,4 %)	3 (0,9 %)	5 (0,8 %)	-
Всего заявивших о промысловой деятельности	3 280	100	275	2 028	344	608	25

Вторым по степени значимости промыслом у переселенцев урманной полосы Туринского уезда была работа сельскохозяйственными рабочими и пастухами, но в этом виде промысла было занято почти в 3 раза меньше мигрантов, чем в работах на грунтовых дорогах. Сопоставляя данные экономических обследований переселенцев туринских урманов Тобольской губернии и таежной зоны соседней Томской губернии, можно отметить несколько отличий. Во-первых, в таежной полосе Томской губернии работа на грунтовых дорогах в 1911–1912 гг. как вид промысла не была зафиксирована совсем. Во-вторых, работа в качестве сельскохозяйственных рабочих и пастухов у переселенцев в урмане Туринского уезда была заметно менее распространена, чем у новоселов таежной полосы Томской губернии – 15,4 % против 26,5 % (подсчитано нами по: [Belyanin et al., 2021: 2055-2056](#)).

На наш взгляд, эти два отмеченных выше промысла имеют некоторую связь. Заведующий Томским переселенческим районом в отчете за 1907 г. отмечал, что очень хороший урожай в таежных местностях губернии в период полевых работ повысил цены на рабочие руки и поденщина стала стоить выше, чем расценки за выполнение дорожно-строительных работ. В результате новоселы с дорожно-строительных работ ушли на более доходный промысел – сельскохозяйственные работы. Отток рабочих с дорожных работ был таким массовым, что далеко не все переселенческие дороги удалось достроить в соответствии с планом ([ГАТО. 1907. Ф. 239. Оп. 1. Д. 24. Л. 25](#)). Имел место и обратный процесс: в неурожайные годы из-за сокращения посевных площадей спрос на сельскохозяйственных рабочих падал, что приводило к оттоку рабочих рук из сельского хозяйства в другие сферы и даже к временному отъезду в другие губернии. Так, псаломщик одного из приходов Тобольской епархии в 1911 г. отмечал, что из-за неурожая 2/3 прихожан уехали на заработки в Восточную Сибирь. Остались в приходе только те, у кого не было денег уехать ([ТЕВ, 1911: 541-542](#)).

Экономическое обследование переселенцев в 1912 г. в Туринском уезде совпало с неурожаем, из-за которого посевная площадь яровых в этом уезде сократилась на 14,4 %, а собрано яровых хлебов было на 357 864 пуда меньше, чем в 1910 г. Если в 1910 г. урожай яровых составил сам-5,4, то в 1912 г. – сам-5,1 (подсчитано по: [Обзор..., 1913: 4-5](#)). В результате, вероятно, часть переселенцев туринских урманов в 1912 г. из сельскохозяйственной сферы перешла на строительство переселенческих дорог.

В «таежных» уездах Томской губернии в 1911–1912 гг. экономическое обследование новоселов, напротив, проводилось на фоне роста урожайности по сравнению с 1910 г. Так, если в 1910 г. в Мариинском уезде урожай основных зерновых культур составил 7 438 100 пудов, а картофеля – 2 733 830 пудов ([Обзор..., 1912: 7-8](#)), то в 1912 г. основных зерновых культур было собрано 9 404 764 пуда, а картофеля – 2 850 625 пудов ([Обзор..., 1914: 8](#)). Это объясняет, почему экономическое обследование переселенцев, проведенное под руководством В.Я. Нагнибеды, в таежной полосе Томской губернии зафиксировало высокий процент лиц, занятых на сельскохозяйственных работах, и не обнаружило тех, кто работал на строительстве грунтовых переселенческих дорог: повышение урожайности способствовало увеличению спроса на рабочие руки и притоку рабочих на сельскохозяйственные работы.

Следует также принять во внимание, что переселенческие поселки в туринских урманах возникали вдали от торговых центров и железных дорог. Из 86 обследованных поселков только один (Агименский) располагался относительно вблизи от уездного центра – в 18 верстах, а 59 поселков (68,6 %) вообще находились в 100 и более верстах от Туринска. От ближайшей ж/д станции (Тюмень) основная масса обследованных поселков находилась еще дальше – в 200 и более верстах (подсчитано нами по: [Сборник... вып. IV, 1912: 2, 8](#)). Поэтому крестьянские хозяйства туринских урманов были нацелены больше на удовлетворение собственных нужд, чем на товарное производство. Удовлетворение только собственных потребностей достигалось за счет использования труда членов семьи, и потребность в дополнительной рабочей силе была относительно невелика. В Томской же губернии через «таежный» Мариинский уезд проходила Сибирская железная дорога, поэтому часть переселенческих поселков, располагавшихся относительно вблизи этой транспортной магистрали, была вовлечена в товарные отношения и ориентировалась на рынок. Близость к важнейшей транспортной артерии Сибири и ориентация на товарное производство поднимали спрос на рабочие руки у «мариинских» новоселов, тогда как «туринские» переселенцы из-за удаленности участков ориентировались больше на производство сельскохозяйственной продукции для личного потребления, поэтому и спрос на сельскохозяйственных рабочих в туринских урманах был меньше. Это может быть еще одной причиной, почему среди занятых в промыслах новоселов таежной полосы Томской губернии доля сельскохозяйственных рабочих, по данным экономических обследований, оказалась заметно выше, чем у переселенцев туринских урманов.

Добавим, что в других районах колонизации переселенцы нередко нанимались на сельскохозяйственные работы к старожилам. В туринских урманах это редко представлялось возможным из-за значительной удаленности многих переселенческих участков от ближайших старожильческих селений: участки Ефимовский и Левопошахтайский находились более чем в 50 верстах от ближайшего селения, Средне-Татинский, Нижне-Татинский и Костюр-Татинский – в 90 и более верстах, а Средне-Анеповский был еще более отдаленным ([Список..., 1903: 76-77](#)).

Удаленность многих переселенческих участков урманной полосы Туринского уезда от обжитых районов заметно сужала для новоселов возможность наниматься сельскохозяйственными рабочими.

Следует обратить внимание на то, что доля новоселов, работавших сельскохозяйственными рабочими и пастухами в туринских урманах, была неодинаковой в разных по времени поселения групп хозяйств. Ранее мы отмечали, что в других районах колонизации в более «молодых» группах доля переселенческих хозяйств, продававших рабочую силу в качестве наемных сельскохозяйственных работников, была более высокой и, соответственно, понижалась в более «старших» группах. Это объяснялось тем, что новоселы «молодых» хозяйств нуждались в средствах на хозяйственное обустройство и были вынуждены работать по найму, но потом часть переселенческих семей обзаводилась своим хозяйством и переходила от батрачества к самостоятельному обеспечению своих нужд (Belyanin et al., 2021: 2056-2057). Однако в обследованных в 1912 г. переселенческих хозяйствах туринских урманов мы наблюдаем, скорее, обратную картину (Таблица 1). Хотя доля переселенцев, работавших сельскохозяйственными рабочими и пастухами, в разных возрастных группах представлена примерно сопоставимыми данными, но все же имеет место некоторая тенденция к повышению доли сельскохозяйственных рабочих от более «молодых» возрастных групп к более «возрастным». Этот факт можно объяснить тем, что переселенцы самых «молодых» возрастных групп по закону 5 июля 1912 г. могли воспользоваться усиленными ссудами, которые выдавались заселявшимся на трудных для освоения таежных участках. Если ранее во всех районах Сибири формально размер домообзаводственных ссуд был одинаков, то по закону 1912 г. все колонизируемые районы были разбиты на 6 групп в зависимости от сложности колонизации. Туринский уезд был включен в число районов, где размер ссуды составлял 250 руб. (Вощинин, 1915: 467) против 165 руб. по прежним правилам. За счет усиленных ссуд, получаемых по новому закону, переселенцы более «молодых» возрастных групп в туринских урманах менее нуждались в деньгах по сравнению с новоселами, водворившимися ранее. Как следствие – новоселы более «молодых» групп меньше занимались батрачеством, чем переселенцы, устроившиеся на участках до них. Этим же можно объяснить и тот факт, что доля новоселов, участвовавших в дорожно-строительных работах, имела тенденцию к последовательному повышению от самой «молодой» (V) группы к самой «старшей» (II).

К числу распространенных у новоселов туринских урманов относились также «лесные» промыслы: охотничий, рубка дров, распилка, сплавы и возка леса, корчевка пней, а также профессии плотников и пильщиков. Относительно высокая степень занятости переселенцев в этих видах промысловой деятельности объяснима как избытком лесных ресурсов в урманной полосе, так и контингентом переселенцев: на урманых участках Туринского уезда преобладали выходцы из «лесных» губерний Европейской России. В частности, из общего числа хозяйств, прибывших на участки и подвергнутых обследованию, на долю выходцев из Витебской, Могилевской, Минской, Вятской и Пермской губерний приходилось 74,9 % (подсчитано нами по: Сборник... вып. IV, 1912: 9, 12-13).

Относительно заметное место среди профессий у новоселов туринских урманов занимала работа нянями – 1,91 %. Этот факт, очевидно, следует объяснять востребованностью этой профессии. Заметим также, что большинство промысловых профессий, зафиксированных исследованием комиссии под руководством В.К. Кузнецова, относилось к числу «мужских», так как требовало применения физической силы или специальных навыков (охота, работа на грунтовых дорогах, корчевка пней, плотницкая работа и пр.). Профессия няни относилась к числу «женских», давала возможность девушкам и женщинам из переселенческих семей участвовать в промысловой деятельности наряду с мужчинами.

К числу слаборазвитых у переселенцев туринских урманов можно отнести такие промыслы, как столярный, бондарный, кузнечный, дегтярный. Причем это относится к хозяйствам всех возрастных групп. Также экономическое обследование 1912 г. зафиксировало среди переселенцев, водворившихся в этой местности, очень небольшое число рабочих на заводах, а также лиц, занятых торговлей и предпринимательством. Слабое развитие этих профессий и занятий объясняется тем, что Туринский уезд в целом, и тем более его урманная полоса, не относились к числу районов, избытовавших промышленными предприятиями. 60 из 86 обследованных переселенческих поселков вообще не имели промышленных заведений. На общем фоне выделялись лишь уч. Кумарьинский и Северухинский, в каждом из которых было отмечено по 7 промышленных заведений. Собственными капиталами для открытия промышленных предприятий новоселы туринских урманов почти не обладали: из обследованных хозяйств лишь 56 % показали, что при водворении на участке имели какие-то средства. Причем размеры этих средств были невелики: среднее хозяйство с посевом 1–3 дес. при водворении имело 101,5 руб., среднее с посевом 3–9 дес. – 162,6 руб. Лишь в группе дворов, засевавших свыше 9 десятин, в среднем на хозяйство при водворении приходилось 394 руб., но в обследованных 86 поселках таких многосеющих хозяйств было зафиксировано всего 4 (подсчитано нами по: Сборник... вып. IV, 1912: 2, 8, 112-113).

Теоретически, конечно, новоселы могли открывать промышленные предприятия за счет ссуд на общепользные надобности, выдававшихся в рамках закона 1909 г. Однако при общей значительности сумм, ассигнованных на общепользные ссуды, доля средств, выделенных на ссуды под строительство

промышленных заведений, была незначительной. Например, в 1912 г. во всех переселенческих районах Азиатской России (от Урала до Сахалина) переселенцам было ассигновано на строительство мельниц, маслобоен, кузниц и других предприятий 41 415 руб., что составило всего 2,2 % от общей суммы в 1 888 370 руб., выделенной на общепользные ссуды в этом году. Причем основная часть из этих 41 415 руб. пришлось на ссуды для постройки мельниц – 34 470 руб., на долю ссуд для строительства маслобоен во всей Азиатской России в 1912 г. было выделено 3 475 руб., а на долю ссуд для постройки кузниц и других предприятий – 3 470 руб. (подсчитано нами по: [Переселение..., 1913: 37, 40](#)). Таким образом, слабое финансирование тормозило процесс возникновения промышленных заведений в переселенческих поселках.

К слабо развитым во всех возрастных группах хозяйствам можно отнести также ямской и извозный промыслы. Этот факт объясняется значительной удаленностью урманных участков Туринского уезда от торговых центров и относительно слабой вовлеченностью переселенцев урманной полосы в торговые отношения.

Экономическое обследование под руководством В.К. Кузнецова почти не зафиксировало в туринских урманах новоселов, занятых рыболовством: всего 3 человека из 11 542 опрошенных заявили, что занимаются рыболовством. Поэтому в [Таблице 1](#) данные о рыболовном промысле нами были включены в группу «разные и неизвестные».

Факт слабого развития рыболовства был зафиксирован и экономическим обследованием, проведенным под руководством В.Я. Нагнибеды среди переселенцев Томской губернии в 1911–1912 гг.: в таежной полосе Томской губернии лишь 103, или 1,78 %, сообщили о занятии рыболовством ([Belyanin et al., 2021: 2055, 2058](#)). Слабое развитие рыболовного промысла у новоселов урманной полосы Туринского уезда, на первый взгляд, сложно объяснить, так как уезд имел обильные водные ресурсы – реки и озера. При этом 87 % обследованных переселенческих поселков находились непосредственно вблизи водных источников (подсчитано нами по: [Сборник... вып. IV, 1912: 2, 8](#)). Такое противоречие может иметь несколько объяснений: во-первых, многие реки в туринских урманах были небольшими и могли не быть судоходными в начале XX в., а по грунтовым дорогам транспортировка рыбы была проблематичной из-за удаленности урманных участков от центров торговли, поэтому рыбный промысел на продажу для новоселов не представлялся возможным. Во-вторых, многие речки, возле которых нарезались урманские участки, зимой промерзали и рыба в таких водоемах просто не водилась. Например, обследованные в 1912 г. участки Вересовый Падун, Средне-Татынский, Нижне-Татынский и Костюр-Татынский ([Сборник... вып. IV, 1912: 2, 8](#)) снабжались водой из местных речек, которые как раз зимой промерзали ([Список..., 1903: 77](#)). Нельзя исключать также, что некоторые переселенцы в ходе экономического обследования могли скрыть факт ловли рыбы из опасения возможных санкций, штрафов или дополнительных податей.

Обращает на себя внимание, что некоторые промыслы вообще не были зафиксированы экономическим обследованием, проведенным под руководством В.К. Кузнецова в туринских урманах. Например, это касается пчеловодства и маслоделия. Незрелость этих промыслов объяснима неподходящими климатическими условиями и удаленностью урманных переселенческих участков от торговых центров.

Необходимо также рассмотреть вопрос о степени вовлеченности в промысловую деятельность переселенцев, различавшихся по времени водворения в урманной зоне Туринского уезда. Соответствующие данные представлены в [Таблице 2](#).

Таблица 2. Участие в промысловой деятельности переселенцев урманной полосы Туринского уезда, принадлежавших к разным по срокам проживания группам ([Сборник... вып. IV, 1912: 58-59, 121](#))

Данные опроса переселенцев	Группы по срокам водворения				Не приписанные	Итого
	II	III	IV	V		
Всего опрошено переселенцев (д.об.п.)	1 484	6 392	1 191	2 386	89	11 542
Из них заявили об участии в промысловой деятельности (д.об.п.)	275	2 028	344	608	25	3 280
Доля занятых промыслами от числа опрошенных (%)	18,5 %	31,7 %	28,9 %	25,5 %	28,1 %	28,4 %

Таким образом, степень участия в промысловой деятельности разных возрастных групп была неодинаковой. Доля переселенцев, занятых в промыслах, повышается от V группы (самой «молодой») до III. Однако затем во II группе (проживших в Сибири 8–18 лет) процент занимающихся промыслами падает более чем на 13 %. Такая особенность может быть объяснена тем, что самые возрастные переселенческие хозяйства туринских урманов были больше ориентированы не на промысловую, а на традиционную для крестьян сельскохозяйственную деятельность. Тогда как среди

«стольпинских» новоселов доля промысловиков была больше и варьировалась в диапазоне от четверти до трети переселенцев.

Обращает на себя внимание и то, что доля занятых в промыслах в самой «молодой» (V) группе ниже, чем в IV и III. Это может быть объяснено как недостаточной степенью адаптации самых молодых хозяйств, так и иными причинами. Следует принять во внимание, что многие урманные участки Туринского уезда почти не имели чистых пространств. Например, именно такими были обследованные в 1912 г. участки Пайвинский, Ефимовский, Ловопоштайский, Средне-Емнинский и Ушкинский (*Сборник... вып. IV, 1912: 2, 8*). Пайвинский характеризовался так: «густо лесной, совершенно нет чистых мест»; Ефимовский и Ловопоштайский непосредственно пригодных под пашни земель не имели, лес покрывал почти всю их площадь; Средне-Емнинский и Ушкинский были покрыты сплошным лесом, лесных полян, чистых мест и сенокосов почти не имели (*Список..., 1903: 72-73, 76*). Подобные описания не редкость для участков урманной полосы Туринского уезда. Поэтому новоселы таких участков были вынуждены в первые год-два заниматься расчисткой наделов под первый посев, и выполнение такой трудоемкой работы вынуждало использовать все имевшиеся в семье рабочие руки. Поэтому доля лиц, занятых промыслами, у новоселов самой «молодой» (V) возрастной группы меньше, чем в более «старших» IV и III группах.

Среди неприписанных переселенцев доля вовлеченных в промыслы примерно соответствовала среднему показателю. Но фактически в этой группе переселенцев больше половины «промысловиков» относились только к двум «рабочим» специальностям – сельскохозяйственным работникам и рабочим на заводах (*Таблица 1*).

5. Заключение

Анализ статистических данных о развитии промыслов в переселенческих поселках урманной полосы Туринского уезда Тобольской губернии, собранных под руководством В.К. Кузнецова, позволяет сделать следующие выводы.

Наиболее распространенными видами промыслов у переселенцев туринских урманов был наем на дорожно-строительные и сельскохозяйственные работы. Экономическое обследование переселенческих хозяйств, водворившихся в туринские урманы, проводилось на фоне неурожая, что отразилось на полученных показателях. Самым востребованным промыслом у переселенцев оказалась работа на строительстве грунтовых дорог Переселенческого управления. Неурожай, а также удаленность многих участков урманной полосы Туринского уезда от старожильческих селений способствовали тому, что доля промысловиков, занятых в найме на сельскохозяйственные работы, была ниже, чем в других колонизируемых районах Западной Сибири.

Огромное влияние на характер промысловой деятельности у переселенцев туринских урманов оказывали природно-климатический и географический факторы. Особенности природной среды обитания способствовали развитию промыслов, связанных с добычей лесных ресурсов: охоты, работ по пиленю, рубке, транспортировке и обработке древесины. Вследствие удаленности от освоенных районов Сибири и суровых климатических условий у новоселов урманной части Туринского уезда были слабо распространены такие промыслы, как ямской, извозный, рыболовный, столярный, бондарный, кузнечный, дегтярный, работа на заводах. Не были зафиксированы обследованием пчеловодство и маслоделание.

В целом анализ материалов, собранных В.К. Кузнецовым, показал, что почти треть опрошенных переселенцев имела промысловые занятия. Урманная полоса Туринского уезда относилась к району рискованного земледелия, поэтому хозяйства новоселов отчасти вынужденно ориентировались не только на зерновое производство, но и на дополнительные источники дохода.

Анализ данных о промысловых занятиях разных по времени поселения групп мигрантов показал, что самые «молодые» переселенческие хозяйства были меньше втянуты в промысловую деятельность, чем более «возрастные». Это объясняется как незавершенностью процесса их адаптации на новых местах жительства, так и необходимостью в первые годы после водворения направлять основные трудовые ресурсы на расчистку покрытых лесом урманных участков.

Литература

Атлас..., 1914 – Атлас Азиатской России. СПб.: Т-во А.Ф. Маркс, 1914. 71 карта, 24 с.

Бодяк, 2021 – Бодяк М.Г. Промысловые занятия сибирских крестьян: особенности лесных промыслов во второй половине XIX века // *Евразийское научное объединение*. 2021. № 11–1(81). С. 64–65.

Большаков, 1978 – Большаков В.Н. Относительное перенаселение в России как объективное условие формирования рынка наемного труда в Сибири в конце XIX – начале XX вв. // *Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII – начале XIX вв.* Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 94–112.

Бочанова, 1978 – Бочанова Г.А. Обработывающая промышленность Западной Сибири (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. 255 с.

Вошнин, 1915 – *Вошнин В.П.* Переселение и землеустройство в Азиатской России: сборник законов и распоряжений. Петроград: Тип. Петроградской тюрьмы, 1915. XIV. 509 с.

ГАТО – Государственный архив Томской области (ГАТО).

Гилько, 2013 – *Гилько М.А.* Влияние Транссибирской магистрали на размещение кустарных промыслов Енисейской губернии в конце XIX – начале XX веков // *Известия Алтайского государственного университета*. 2013. Т. 2. № 4(80). С. 51-55.

Горьковская, 1981 – *Горьковская З.П.* Трудовые традиции русских крестьян в промыслах Сибири периода капитализма // *Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма*. Новосибирск: НГПИ МП РСФСР, 1981. С. 108-122.

Зиновьев, 1991 – *Зиновьев В.П.* Озерное рыболовство в Сибири в XIX – начале XX вв. // *Хозяйственное освоение Сибири: История, историография, источники*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. Вып. 1. С. 62-81.

Изергина, 1985 – *Изергина Е.Л.* Добывающие промыслы крестьянства Сибири эпохи капитализма // *Земледельческое и промысловое освоение Сибири*. XVII – начало XX вв. Новосибирск, 1985. С. 105-113.

История Сибири..., 1968 – История Сибири. Ленинград: Наука, 1968. Т. 3. 530 с.

Карпинец, 2019 – *Карпинец А.Ю.* Добывающие и отхожие промыслы крестьянского населения Кузбасского региона в период 1880-х – начала 1890-х годов // *Научный диалог*. 2019. № 6. С. 321-337. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-321-337

Карташова, 2018 – *Карташова М.В.* Главное управление землеустройства и земледелия и развитие кустарных промыслов на востоке России в начале XX вв. // *Российская история*. 2018. № 2. С. 35-40.

Крестьянство Сибири..., 1983 – Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. 400 с.

Мамонтова, 2012 – *Мамонтова О.С.* Кустарное гончарство Алтайского (Горного) округа в конце XIX – начале XX вв. // *Мир науки, культуры, образования*. 2012. № 4(35). С. 258-261.

Обзор..., 1913 – Обзор Тобольской губернии за 1912 г. Приложение ко всеподданнейшему отчету Тобольского губернатора. Тобольск: Тип. губерн. управления, 1913. [3], 33, [86] с.

Обзор..., 1912 г. – Обзор Томской губернии за 1910 г. Приложение ко всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Томск: Тип. губерн. управления, 1912. [1], 55, [93] с.

Обзор..., 1914 г. – Обзор Томской губернии за 1912 г. Приложение ко всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Томск: Тип. губерн. управления, 1914. [4], 61, [64] с.

Переселение..., 1913 – Переселение и землеустройство за Уралом в 1912 г. СПб.: Тип. А.Э. Коллинс, 1913. [3], 331 с.

Сборник..., 1913 – Сборник статистико-экономических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. Материалы по обследованию типичных переселенческих поселков, собранные и разработанные под руководством и редакцией В.К. Кузнецова. Изд-е 2. СПб.: Тип. «Экономия», 1913. Вып. I. XII. 194 с.

Сборник..., 1912 – Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. Западная Сибирь. Урман. Туринский уезд Тобольской губернии. СПб.: [б.и.], 1912. Вып. IV. 121 с.

Соловьева, 1981 – *Соловьева Е.И.* Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. 327 с.

Список..., 1903 – Список переселенческих участков, образованных с 1893 года по 1 июля 1903 года в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. СПб.: Тип. м-ва внутр. дел, 1903. Вып. XIV. 199 с.

ТЭВ..., 1911 – Тобольские епархиальные ведомости (отдел неофициальный). 1911. № 23. 1 декабря.

Belyanin et. al., 2021 – *Belyanin D.N., Razgon V.N., Razgon A.V.* Crafts and Hiring for Agricultural Work of Settlers of the Tomsk Province According to the Results of an Economic Survey Conducted Under the Leadership of V.Ya. Nagnibeda in 1911–1912 // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 2053-2062. DOI: 10.13187/bg.2021.4.2053

Razgon et. al., 2021 – *Razgon V.N., Belyanin D.N., Razgon A.V.* Craft Activities of Stolypin Migrants in the Altai Okrug // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 375-383. DOI: 10.13187/bg.2021.1.375

References

Atlas..., 1914 – Atlas Aziatskoj Rossii [Atlas of Asian Russia]. St. Petersburg: A.F. Marx Partnership, 1914. 71 map, 24 p. [in Russian]

Belyanin et. al., 2021 – *Belyanin D.N., Razgon V.N., Razgon A.V.* (2021). Crafts and Hiring for Agricultural Work of Settlers of the Tomsk Province According to the Results of an Economic Survey Conducted Under the Leadership of V.Ya. Nagnibeda in 1911–1912 years. *Bylye Gody*. 16(4): 2053-2062. DOI: 10.13187/bg.2021.4.2053

Bochanova, 1978 – *Bochanova, G.A.* (1978). Obrabatyvayushchaya promyshlennost' Zapadnoi Sibiri (konets XIX – nachalo XX vv.) [Manufacturing industry of Western Siberia (late XIX – early XX centuries)]. Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch, 255 p. [in Russian]

Bodyak, 2021 – *Bodyak M.G.* (2021). Promyslovye zanyatiya sibirskih krest'yan: osobennosti lesnykh promyslov vo vtoroj polovine XIX veka [Craft Activities of Siberian peasants: features of forest crafts in the second half of the XIX century]. *Evrazijskoe. Nauchnoe. Ob"edinenie.* 11-1(81): 64-65. [in Russian]

Bol'shakov, 1978 – *Bol'shakov, V.N.* (1978). Otnositel'noe perenaselenie v Rossii kak ob"ektivnoe uslovie formirovaniya rynka naemnogo truda v Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv. [Relative overpopulation in Russia as an objective condition for the formation of the wage labor market in Siberia in the late XIX – early XX centuries]. *Voprosy formirovaniya russkogo naseleniya Sibiri v XVII – nachale XIX vv.* Tomsk: Tomsk University Press. Pp. 94-112. [in Russian]

GATO – Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti [The State Archive of Tomsk Region].

Gil'ko, 2013 – *Gil'ko, M.A.* (2013). Vliyanie Transsibirskoi magistrali na razmeshchenie kustarnykh promyslov Enisejskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX vekov [The influence of the Siberian railway on the placement of handicrafts of the Yenisei province in the late XIX – early XX centuries]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta.* T. 2. 4(80): 51-55. [in Russian]

Gor'kovskaya, 1981 – *Gor'kovskaya, Z.P.* (1981). Trudovye traditsii russkikh krest'yan v promyslakh Sibiri perioda kapitalizma [Labor traditions of Russian peasants in the Siberian handicrafts of the capitalist period]. *Krest'yanstvo Sibiri perioda razlozheniya feodalizma i razvitiya kapitalizma.* Novosibirsk: Publishing House of the Novosibirsk State Pedagogical Institute, pp. 113-122. [in Russian]

Istoriya Sibiri..., 1968 – *Istoriya Sibiri.* T. 3 [History of Siberia. Vol. 3]. Leningrad: Nauka, 530 p. [in Russian]

Izergina, 1985 – *Izergina, E.L.* (1985). Dobyvayushchie promysly krest'yanstva Sibiri epokhi kapitalizma [Extractive crafts of the Siberian peasantry during the capitalist era]. *Zemledel'cheskoe i promyslovoe osvoenie Sibiri. XVII–nachalo XX vv.* Novosibirsk, pp. 105-113. [in Russian]

Karpinets, 2019 – *Karpinets A.YU.* (2019). Dobyvayushchie i othozhie promysly krest'yanskogo naseleniya Kuzbasskogo regiona v period 1880-h – nachala 1890-h godov [Mining and Seasonal Work of Kuzbass Peasants in 1880ies – early 1890ies]. *Nauchnyi dialog.* 6: 321-337. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-321-337 [in Russian]

Kartashova, 2018 – *Kartashova, M.V.* (2018). Glavnoe upravlenie zemleustroistva i zemledeliya i razvitie kustarnykh promyslov na vostoke Rossii v nachale XX vv. [Main Directorate of Land Management and Agriculture and the development of handicrafts in the East of Russia at the beginning of the XX century]. *Rossiiskaya istoriya.* 2: 35-40. [in Russian]

Krest'yanstvo Sibiri..., 1983 – *Krest'yanstvo Sibiri v epokhu kapitalizma* [The peasantry of Siberia in the era of capitalism.]. Novosibirsk: Nauka. Siberian branch, 400 p. [in Russian]

Mamontova, 2012 – *Mamontova, O.S.* (2012). Kustarnoe goncharstvo Altaiskogo (Gornogo) okruga v kontse XIX – nachale XX vv. [Artisanal pottery of the Altai (Mountain) district at the end of the XIX – beginning of the XX centuries.]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya.* 4(35): 258-261. [in Russian]

Obzor..., 1913 – *Obzor Tobol'skoj gubernii za 1912 g.* Prilozhenie ko vsepoddannejšhemu otchetu Tobol'skogo gubernatora [Review of the Tobolsk province for 1912 Appendix to the most comprehensive report of the Tobolsk Governor]. Tobolsk: Printing house of the provincial government, 1913. 33 p. [in Russian]

Obzor..., 1912 – *Obzor Tomskoj gubernii za 1910 g.* Prilozhenie ko vsepoddannejšhemu otchetu Tomskogo gubernatora. [Review of Tomsk province for 1910 Appendix to the most comprehensive report of the Tomsk Governor]. Tomsk: Printing house of the provincial Government, 1912. 55 p. [in Russian]

Obzor..., 1914 – *Obzor Tomskoj gubernii za 1912 g.* Prilozhenie ko vsepoddannejšhemu otchetu Tomskogo gubernatora. [Review of Tomsk province for 1912 Appendix to the most comprehensive report of the Tomsk Governor]. Tomsk: Printing house of the provincial Government, 1914. 55 p. [in Russian]

Pereselenie..., 1913 – *Pereselenie i zemleustrojstvo za Uralom v 1912 g.* [Resettlement and land management beyond the Urals in 1912]. St. Petersburg: A.E. Collins Printing House, 1913. [3], 331 p. [in Russian]

Razgon et. al., 2021 – *Razgon, V.N., Belyanin, D.N., Razgon, A.V.* (2021). Craft Activities of Stolypin Migrants in the Altai Okrug. *Bylye Gody.* 16(1): 375-383. DOI: 10.13187/bg.2021.1.375

Sbornik..., 1913 – *Sbornik statistiko-ekonomicheskikh svedenij ob ekonomicheskom polozhenii pereselencev v Sibiri.* Materialy po obsledovaniyu tipichnykh pereselencheskikh poselkov, sobrannye i razrabotannye pod rukovodstvom i redakciej V.K. Kuznetsova. Izd-e 2. [Collection of statistical and economic data on the economic situation of migrants in Siberia. Materials on the survey of typical resettlement settlements, collected and developed under the guidance and editorship of V.K. Kuznetsov. Ed. 2]. St. Petersburg: Printing house «Economy», 1913. Issue I. XII, 194 p. [in Russian]

Sbornik..., 1912 – *Sbornik statisticheskikh svedenij ob ekonomicheskom polozhenii pereselencev v Sibiri.* Zapadnaya Sibir'. Urman. Turinskij uezd, Tobol'skoj gubernii [Collection of statistical data on the economic situation of migrants in Siberia. Western Siberia. Urman. Turin county, Tobolsk province]. SPb.: [b.i.], 1912. Vyp. IV. 121 p. [in Russian]

Spisok..., 1903 – Spisok pereselencheskih uchastkov, obrazovannyh s 1893 goda po 1 iyulya 1903 goda v Stepnom krae, Tobol'skoj, Tomskoj, Enisejskoj i Irkutskoj guberniyah [The list of resettlement sites formed from 1893 to July 1, 1903 in the Steppe Region, Tobolsk, Tomsk, Yenisei and Irkutsk provinces]. SPb.: Tip. m-va vnutr. del, 1903. Vyp. XIV. 199 p. [in Russian]

Solov'eva, 1981 – *Solov'eva, E.I.* (1981). Promysly sibirskogo krest'yanstva v poreformennyi period [Crafts of the Siberian peasantry in the post-reform period]. Novosibirsk: Nauka. Siberian branch, 329 p. [in Russian]

TEV..., 1911 – Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti (otdel neofitsial'nyi) 1911. 1th December. [in Russian]

Voshchinin, 1915 – *Voshchinin, V.P.* (1915). Pereselenie i zemleustrojstvo v Aziatskoj Rossii: sbornik zakonov i rasporyazhenij [Resettlement and land management in Asian Russia: collection of laws and regulations]. Petrograd: Tip. Petrogradskoi tyur'my, XIV, 509 p. [in Russian]

Zinov'ev, 1991 – *Zinov'ev, V.P.* (1991). Ozerne rybolovstvo v Sibiri v XIX–nachale XX vv. [Lake fishing in Siberia in the XIX–early XX centuries]. Khozyaistvennoe osvoenie Sibiri: Istoriya, istoriografiya, istochniki. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. Is. 1. Pp. 62–81. [in Russian]

Промысловые занятия переселенцев урманной зоны Туринского уезда Тобольской губернии по результатам статистико-экономического обследования, проведенного под руководством В.К. Кузнецова в 1912 г.

Дмитрий Николаевич Беянин ^{a, *}, Виктор Николаевич Разгон ^b, Антон Викторович Разгон ^c

^a Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Российская Федерация

^b Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^c Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуются промысловые занятия переселенцев урманной полосы Туринского уезда Тобольской губернии в начале XX в. Промыслы играли важную роль в хозяйственной деятельности переселенцев. Материалы, собранные под руководством В.К. Кузнецова, свидетельствуют, что около 30 % новоселов туринских урманов были заняты промысловой деятельностью. Анализ данных о промысловых занятиях разных по времени водворения групп переселенцев показал, что самые «молодые» хозяйства были меньше втянуты в промысловую деятельность, чем более «возрастные». Это объясняется как незавершенностью процесса их адаптации к новым местам, так и необходимостью в первые годы после водворения направлять основные трудовые ресурсы на расчистку покрытых лесом урманых участков. Среди промысловых занятий преобладал наем на строительство переселенческих грунтовых дорог и сельскохозяйственные работы. Природная среда обитания определяла широкое развитие у переселенцев промыслов, связанных с добычей лесных ресурсов: охоты, пиления, рубки, транспортировки и обработки древесины. В то же время рыболовство, пчеловодство, кустарные ремесла, ямской и извозный промыслы, торговля, предпринимательство и ряд других видов хозяйственной деятельности были слабо развиты. Это объясняется удаленностью урманых участков Туринского уезда от торгово-промышленных центров и транспортных коммуникаций, а также отсутствием у новоселов необходимых средств для создания промышленных и торговых предприятий в колонизируемых районах.

Ключевые слова: аграрные переселения, столыпинская переселенческая политика, сибирская деревня, крестьянство, промыслы, адаптация переселенцев, урманы, Тобольская губерния, Туринский уезд.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: bdn73@list.ru (Д.Н. Беянин)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 2001-2009
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.2001

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of Electrification of the Caucasus at the beginning of the XX century

Goran Rajović ^{a, b, *}, Sergei N. Bratanovskii ^c

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of the development of the electric power generation system in the Caucasus in the Russian Empire. As a source, a filing of the statistical collection “Kavkazskii kalendar” was used, which contains information about the generation of electricity by power plants and hydroelectric power plants in the Caucasus. The work used historical-systemic, historical-comparative, historical-genetic, statistical research methods, as well as content analysis and synthesis method.

As a result of this research, the conclusions were drawn that the active electrification of the Caucasus began at the beginning of the XX century. The electricity was used in industry and for lighting streets and households.

As of 1916, 134 state-owned power plants with a total capacity of 53,057.05 kilowatts operated in the Caucasian Viceroyalty. They were used to illuminate settlements and industrial productions (factories, mines, ports, etc.).

Private power plants were also very popular, the number of which exceeded state-owned stations by almost three times. At the same time, the capacity of private power plants was relatively small. There were 318 private power plants operating in the Caucasus with a total capacity of 37,116.86 kilowatts. They were involved, as a rule, in private industrial enterprises, as well as lighting villages, estates, etc.

The total number of power plants in the Caucasus reached 452 units, which together generated 90,173.91 kilowatts of electricity.

The territory of the Caucasus with mountain streams was very conducive to the construction of hydroelectric power stations. In the Caucasian viceroyalty there were 23 hydroelectric power stations, which were, as a rule, private and intended for lighting settlements or copper production plants. The total capacity of the turbines of the hydroelectric power stations of the Caucasus reached 8080 horsepower and they gave out a combined capacity of 5462 kilowatts of electricity.

Keywords: Caucasus, periodical press, electrification of Russia, power plants, hydroelectric power plants, history of electrification, electrification of the Caucasus.

1. Введение

Общепринятой в советское время считается точка зрения, что электрификацию активно начали внедрять только в период советской власти. План ГОЭЛРО, – Государственной комиссии по электрификации России, – разработанный большевиками и принятый постановлением «О плане электрификации России» Совета Народных Комиссаров от 22 декабря 1920 г. сделал огромный шаг в электрификации государства, фактически способствовав тому, что электроэнергия стала доступна в самых отдаленных местах Советского государства, перестав быть «привилегией» развитых в

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović)

промышленном отношении регионов. Вместе с тем, начало электрификации было положено еще в дореволюционную эпоху; каким образом она развивалась на Кавказе и посвящена данная работа.

2. Материалы и методы

Основным источником нашей работы послужили статистические материалы из «Кавказского календаря» периода начал XX века. Данное издание представляет из себя сборник статистических сведений объемом почти в 1000 страниц и содержит такие разделы, как церковный, справочный, статистический, астрономический, а также адрес-календарь и отдел пошлин и сборов. Присутствует в календаре и реклама различных предприятий. Издавался он каждый год, что говорит о том, что данное издание можно относить к периодической печати. В статистическом отделе содержится и информация по электростанциям и гидроэлектростанциям. В целом, данный сборник является весьма ценным источником, так как содержит сведения по многим сферам жизни дореволюционного русского общества на Кавказе.

Методология исследования включает комплекс исторических и общенаучных методов исследования, а именно:

- историко-системный: применялся для анализа электрификации на территории Кавказа в комплексе и в неразрывной связи с экономической, социальной, демографической и политической ситуацией в регионе;
- историко-сравнительный: применялся для сравнения масштабов генерации электроэнергии на Кавказе в дореволюционный период (по состоянию на 1916 год) и планы по генерации в советский период (по состоянию на 1920 год);
- историко-генетический: применялся для исследования причинно-следственных связей объемов генерации электроэнергии от экономических (промышленных) и социальных потребностей Кавказского региона;
- контент-анализ (историографический анализ): применялся для анализа содержания используемых нами источников;
- статистический анализ (математический/количественный метод): применялся для оперирования статистическими данными по генерации электроэнергии;
- метод синтеза: использовался для подведения выводов о состоянии энергосистемы на территории Кавказа.

3. Обсуждение

Отметим, что анализ электрификации Кавказа в Российской империи в научной литературе исследован неполно: фундаментальных работ и обширных публикаций в периодических изданиях нами не найдено. Однако комплексных работ, посвященных электрификации других регионов, а также России в целом, достаточно много.

Традиционно, мы рассматриваем дореволюционную, советскую и современную историографию, посвященную вопросам.

Дореволюционных работ, посвященных электрификации, практически нет, за исключением различных статистических материалов.

Наибольший вклад в проблему электрификации Российского государства внесли советские ученые. Общие вопросы электрификации Советского государства освещают И.А. Гладков в монографии «Ленин и план электрификации России» (Гладков, 1947), П.И. Богдашкин в монографии «Электрификация сельского хозяйства СССР» (Богдашкин, 1960), А.Т. Золотухин в фундаментальном труде «Электрификация в сельском хозяйстве» (Золотухин, 1954) и Р.И. Рабинович в книге «Электрифицированный колхоз» (Рабинович, 1947).

Проблемам электрификации отдельных регионов посвящены: монография В.В. Алексеев «Электрификация Сибири» (Алексеев, 1973), коллективная монография «Электрификация сельского хозяйства Удмуртской АССР: Проблемы и перспективы» (Электрификация..., 1960), а также статьи М.А. Шателена о 25-летию Всероссийского электротехнического съезда (Шателен, 1946), П.Г. Грудинского о первом съезде советских электротехников (Грудинский, 1981), а также комплексная статья А. Ольшванга о сельском строительстве на Урале, в которой в числе прочих вопросов, затрагивается и проблема электрификации сельских поселений (Ольшванг, 1926).

Из фундаментальных работ современных исследователей выделим монографию М.И. Крайнева, А.М. Крайнева, С.А. Крайнева «Линии опоры», в которых подробно образом рассматривается история электрификации в России и особенности различных этапов в ее становлении (Крайнев и др., 2006). Среди статей в периодических изданиях, которые так или иначе затрагивают историю электрификации в России, отметим работы А. Галушки, А. Ниязметова, М. Окулова (Галушка и др., 2021), Б.И. Козлова (Козлов, 2000), Л.Н. Мазур (Мазур, 2009), Н.С. Симонова (Симонов, 2017), А.П. Кузьминой (Кузьмина, 2013), Г.Е. Корнилова (Корнилов, 2008), Я.А. Штейнберга (Штейнберг, 2010) и др.

Как видим, большая часть исследований посвящена передаче электроэнергии, прежде всего в малодоступные регионы. В то время как генерация электроэнергии, включая территорию Кавказа, в основном выходит из поля зрения ученых. Наша работа призвана восполнить этот пробел.

4. Результаты

Как известно, получение электрической энергии стало новым видом относительно недорогих производственных мощностей, которые массово стали вводиться в начале XX века в развитых государствах мира. Электроэнергия давала очевидные преимущества в производстве, а именно для «...механической работы (станки и машины заводов, фабрик, рудников; подъемные и погрузочные приспособления элеваторов и портов; машины холодильников, электрическая тяга на железных дорогах и трамваях; поднятие вод для орошения земель), для освещения городов и селений, фабрик, заводов, рудников, элеваторов, портов, железных дорог, для металлургических и химических процессов (руды и соответствующие сырые продукты)» (Электрификация Кавказа, 1920: 4).

Территория Кавказа с ее обилием быстрых горных рек весьма способствовала строительству гидроэлектростанций – наиболее выгодных (до изобретения атомных электростанций) и наиболее безопасных для генерации электроэнергии предприятий.

С начала XX века работа по налаживанию генерации электричества стала одной из главных промышленных отраслей на Кавказе. Этому способствовало активное развитие промышленности, прежде всего, добывающей (нефтедобыча, добыча металлов, химическая промышленность, а также изготовление строительных материалов). Способствовал электрификации и бурный демографический рост; население нуждалось в продукции текстильной, металлургической, строительной, кожевенной промышленности, освещении улиц, работы насосных станций (водопровод и пр.), портовых и погрузочных механизмов и т.п.

В 1915 и 1916 гг., по данным, предоставленным губернаторами, начальниками областей и окружными инженерами, в Кавказском наместничестве действовали 134 государственных электростанции общей мощностью в 53 057,05 киловатт и 318 частных электростанций общей мощностью в 37 116,86 киловатт (Кавказский календарь, 1915: 73; Кавказский календарь, 1916: 73).

Для более наглядного восприятия сведем данные о государственных электростанциях в Таблицу 1.

Таблица 1. Государственные электростанции на Кавказе в 1915–1916 гг. (Кавказский календарь, 1915: 73; Кавказский календарь, 1916: 73).

Регион	Количество электростанций	Мощность, киловатт	Максимальное напряжение электростанций, вольт
Бакинская губерния	н/д	н/д	н/д
Елисаветпольская губерния	12	762	5000
Кутаисская губерния	9	565	5000
Тифлисская губерния	24	1884,05	5000
Черноморская губерния	3	440	5000
Эриванская губерния	3	273	6000
Бакинское градоначальство	7	1698	6000
Терская область	23	3120	6000
Кубанская область	43	3067	2000
Карсская область	1	70	250
Батумская область	1	540	500
Дагестанская область	3	554	230
Сухумский округ	2	435	3000
1-й Кавказский горный округ	1	149	220
2-й Кавказский горный округ	2	39500	20000
Итого	134	53057,05	

Согласно сведениям Таблицы 1 мы можем видеть, что большее количество государственных электростанций находилось в Кубанской области, соответственно на втором и третьем местах были Тифлисская губерния и Терская область. Средняя мощность электростанций в этих регионах составляла 41 кВт, 78,5 и 135,6 кВт соответственно. Однако наиболее мощные электростанции находились в Бакинском градоначальстве. Здесь на одну электростанцию приходилось 242,5 кВт. Такая мощность электростанций в Бакинском градоначальстве объяснялась, на наш взгляд, резким промышленным развитием региона ввиду активной нефтедобычи.

Теперь о частных электростанциях на Кавказе. Статистические сведения об их числе и мощности мы свели в [Таблицу 2](#).

Таблица 2. Частные электростанции на Кавказе в 1915–1916 гг. ([Кавказский календарь, 1915: 73](#); [Кавказский календарь, 1916: 73](#))

Регион	Количество электростанций	Мощность, киловатт	Максимальное напряжение электростанций, вольт
Бакинская губерния	н/д	н/д	н/д
Елисаветпольская губерния	18	741	2540
Кутаисская губерния	10	239,5	2540
Тифлисская губерния	11	832,5	2540
Черноморская губерния	34	8364,86	2540
Эриванская губерния	2	29	2540
Бакинское градоначальство	34	2820	2540
Терская область	55	3946,9	2100
Кубанская область	60	200	2100
Карсская область	6	85	120
Батумская область	4	663	1170
Дагестанская область	11	517	1170
Сухумский округ	2	80	1170
1-й Кавказский горный округ	14	6394	3100
2-й Кавказский горный округ	4	6330	2100
3-й Кавказский горный округ	8	894	5000
4-й Кавказский горный округ	45	5480,1	20000
Итого	318	37116,86	

Рассматривая [Таблицу 2](#), мы можем видеть, что и здесь на первом месте была Кубанская область с количеством частных электростанций – 60, на втором месте была Терская область – 55 и на 3-м месте 4-й Кавказский горный округ. Однако частные электростанции на территории Кубанской области были исключительно маломощными – вырабатывали электроэнергию в общем объеме в 200 кВт, или по 3,3 кВт на одну частную станцию. Терские электростанции вырабатывали в среднем по 71,7 кВт, а частные электростанции 4-го Кавказского горного округа по 121 кВт. Однако и здесь лидером в производстве электроэнергии была территория, не входящая в ТОП-3, а именно молодая и активно развивающаяся – Черноморская губерния. Так, в 1915–1916 гг. Черноморская губерния своими 34-мя станциями вырабатывала более 8,3 тыс. кВт. Причинами такого спроса было обслуживание цементных заводов в Новороссийске и курортов в Сочи и Гагра.

Анализируя данные [Таблиц 1-2](#), можно сделать вывод о том, что весьма популярны были частные электростанции, количество которых превышает государственные станции почти в три раза. Вместе с тем, мощность частных электростанций была относительно небольшой (имеем в виду, в среднем отдельно взятую электростанцию), в сравнении с государственными. Наиболее сильная генерация электроэнергии была в густонаселенных и/или промышленно развитых регионах: Кубанской и Терской областях, Тифлисской и Черноморской губерниях, 1-м, 2-м и 4-м Кавказских округах. В 1-м и, особенно, 4-м Кавказском округе исключительно сильным было представительство частновладельческой генерации электроэнергии.

Общее количество электростанций на Кавказе достигало 452 штук, которые в совокупности вырабатывали 90 173,91 киловатт электроэнергии.

Как мы указывали выше, территория Кавказа весьма располагала к строительству гидроэлектрических станций (см. [Таблица 3](#)). В [Таблице 3](#) укажем основные сведения о таковых, опираясь на данные Кавказского календаря.

Таблица 3. Гидроэлектростанции на Кавказе в 1915–1916 гг. (Кавказский календарь, 1915: 74-77; Кавказский календарь, 1916: 74-77)

Место нахождения (населенный пункт, регион)	Владелец	Назначение	Тип и число двигателей	Мощность, л.с.	Число генераторов, шт.	Мощность генераторов, киловатт	Напряжение (вольт) и тип тока
пос. Гагры, Черноморская губерния	Гагринская климатическая станция	Освещение	Одна турбина	800	-	300	300
г. Сухум, Сухумский округ	Сухумское общество электричества	Электрическая станция общего пользования Сухума	Две турбины	1-я – 400 2-я – 200	2	1-я – 135, 2-я – 300	3300, трехфазный
Ново-Афонский Симоно-Канонитский монастырь, Сухумский округ	Монастырь	Освещение и энергия для мастерских	Две турбины	1-я – 24 2-я – 75	48	-	230, постоянный
г. Батум (в 10 верстах от города), Батумская губерния	Наследники Фефелова	Освещение города	Одна турбина	200	2	130	1300, постоянный
пос. Артвин, Батумская губерния	Хотские медные рудники Де-Бура и Гукасова	Обслуживание рудников	Две колеса Пельсона	1-я – 125, 2-я – 500	2	1-й – 100, 2-й – 400	3300, трехфазный
село Чаква, Батумская губерния	Удельное имение	Освещение и сельскохозяйственные нужды	Две турбины	120 x 2 = 240	2	79 x 2 = 158	220, постоянный
Мургулинское ущелье, Батумская губерния	Александровское Кавказское медно-промышленное общество	Обслуживание завода	Три колеса Пельсона	1200	3	900	Трехфазный
станция Аджаметы, Закавказская железная дорога, Кутаисская губерния	Наследники Анановых	Сельскохозяйственные нужды	Одна турбина	12	1	7,5	225, постоянный
пос. Боржом, Тифлисская губерния	Великий князь Николай Михайлович	Освещение	Три колеса Пельсона	300	3	1-й – 110, 2-й – 40, 3-й – 40	3100, трехфазный
г. Ахалцих, Тифлисская губерния	Николаев	Освещение и лесопильный завод	Одна турбина Френсиса	54,5 (с возможностью удвоения)	-	Установка не закончена	-
с. Аллаверды, Тифлисская губерния	Кавказское промышленное металлургическое общество	Плавка медной руды	Три турбины Френсиса	500 x 3 = 1500	3	900	3000, трехфазный
г. Ахалкалак, Тифлисская губерния	Шахпаронов	Освещение города	Одна турбина Френсиса	84,5 (с возможностью удвоения)	1	38,5	230, постоянный

				удвоени я)			
Колония Еленендорф, Елисаветпольская губерния	Кифус и Вирзум	Освещение	Одна турбина Френсиса	57	1	55	230, постоянный
с. Угурчай, Елисаветпольская губерния	Катарские заводы	Плавка медной руды	Две турбины Френсиса	300	-	250	5250, трехфазный
колония Георгиевская, Елисаветпольская губерния	Колония	Освещение	Одна турбина	59	1	43,5	220, постоянный
с. Делижан, Елисаветпольская губерния	Григорьянц	Освещение села Делижан	Два колеса	46	2	36	220, постоянный
колония Елендорф, Елисаветпольская губерния	Бр. Форер	Электрическая ст.	Одна турбина Френсиса	40	-	29,5	-
колония Екатериненфельд, Елисаветпольская губерния	Электрическое общество колонистов	Освещение	Одна турбина	55	-	40,5	-
колония Георгиевская, Елисаветпольская губерния	Рейтенбах	Освещение	Одна турбина Френсиса	55	-	40	230, постоянный
г. Эривань, Эриванская губерния	Товарищество Ампер	Освещение	Три турбины	400	1 трехфазный, 2 постоянного тока	275, 32 x 2	230/6000, 6000/230
г. Эривань, Эриванская губерния	Товарищество Шуство	Освещение	Одна турбина	40	1	51,5	235, трехфазный
Зангевурский уезд, Эриванская губерния	Катарский завод	Плавка меди	Одна турбина	300	1	220	5250, трехфазный
г. Пятигорск, Терская область	Управление Кавказских минеральных вод	Освещение и трамвай	Две турбины Френсиса	500 x 2 = 1000	4	750	2 x 8000, 3 x 2200, трехфазный
Итого:				8080		5462	

В Кавказском наместничестве имелись 23 гидроэлектростанции, расположенные в областях с наличием полноводных и быстрых рек: в Черноморской, Батумской, Кутаисской, Тифлисской, Елисаветпольской, Эриванской губерниях, а также в Сухумском округе и Терской области.

Гидростанции, как правило, были частными и предназначались для освещения населенных пунктов или заводов по выработке меди. В освещении использовался постоянный ток в пределах 220–230 вольт, на заводах же использовались высоковольтные (3–5 киловольт) установки переменного тока. Наиболее распространенным типом турбин были установки Френсиса и Пельсона. Общая мощность турбин гидроэлектростанций Кавказа достигала 8080 лошадиных сил и выдавали они совокупно мощность в 5462 киловатта электроэнергии.

5. Заключение

В ходе проделанной работы мы можем сделать следующие выводы:

1. Активная электрификация Кавказа началась еще в начале XX века в Российской империи. Электроэнергия использовалась для работы механизмов заводов, фабрик и рудников, портовых подъемных и погрузочных механизмов, холодильных установок, железных дорог, насосных станций водоснабжения, освещения улиц и домов и пр. Электрификация бурно развивалась вслед за промышленностью, так как являлась дешевым видом получения энергии, в особенности, гидроэлектростанции.

2. По состоянию на 1916 год в Кавказском наместничестве действовали 134 государственных электростанции общей мощностью в 53 057,05 киловатт. Они были задействованы для освещения населенных пунктов и промышленных производствах (заводы, рудники, порты и пр.).

3. Весьма популярны были частные электростанции, количество которых превышает государственные станции почти в три раза. Вместе с тем, мощность частных электростанций была относительно небольшой. На Кавказе действовало 318 частных электростанций общей мощностью в 37 116,86 киловатт. Задействованы они были, как правило, в частных промышленных предприятиях, а также в освещении сел, усадеб и пр.

4. Общее количество электростанций на Кавказе достигало 452 штук, которые в совокупности вырабатывали 90 173,91 киловатт электроэнергии.

Наиболее сильная генерация электроэнергии была в густонаселенных и/или промышленно развитых регионах: Кубанской и Терской областях, Тифлисской и Черноморской губерниях, 1-м, 2-м и 4-м Кавказских округах.

5. Территория Кавказа с горными реками весьма располагала к строительству гидроэлектрических станций. В Кавказском наместничестве имелись 23 гидроэлектростанции, расположенные в областях с наличием полноводных и быстрых рек: в Черноморской, Батумской, Кутаисской, Тифлисской, Елисаветпольской, Эриванской губерниях, а также в Сухумском округе и Терской области. Гидростанции, как правило, были частнособственническими и предназначались для освещения населенных пунктов или заводов по выработке меди. Общая мощность турбин гидростанций Кавказа достигала 8080 лошадиных сил и выдавали они совокупно мощность в 5462 киловатта электроэнергии.

Литература

- [Алексеев, 1973](#) – Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Новосибирск, 1973.
[Богдашкин, 1960](#) – Богдашкин П.И. Электрификация сельского хозяйства СССР. М., 1960.
[Гладков, 1947](#) – Гладков И.А. В.И. Ленин и план электрификации России. М., 1947.
[Грудинский, 1981](#) – Грудинский П.Г. Первый съезд советских электротехников. К 60-летию 8-го Всероссийского электротехнического съезда // *Электричество*. 1981. № 10.
[Золотухин, 1954](#) – Золотухин А.Т. Электрификация в сельском хозяйстве. Воронеж, 1954.
[Кавказский календарь, 1915](#) – Кавказский календарь. Статистический отдел. Тифлис, 1915.
[Кавказский календарь, 1916](#) – Кавказский календарь. Статистический отдел. Тифлис, 1916.
[Козлов, 2000](#) – Козлов Б.И. Вклад Академии Наук в индустриализацию России // *Вестник РАН*. М., 2000. № 12.
[Корнилов, 2008](#) – Корнилов Г.Е. Аграрная модернизация России в XX веке: региональный аспект // *Уральский исторический вестник*. Екатеринбург, 2008. № 2.
[Крайнев и др., 2006](#) – Крайнев М.И., Крайнев А.М., Крайнев С.А. Линии опоры. Саратов, 2006.
[Кузьмина, 2013](#) – Кузьмина А.П. Электрификация села на Урале в 1920–1953 гг. // *Уральский исторический вестник*. 2013. № 1(38).
[Мазур, 2009](#) – Мазур Л.Н. Электрификация российской деревни в 1920–1980-е гг. как элемент стратегии развития сельской местности (на материалах Урала) // *Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI вв.* Новосибирск, 2009.
[Ольшванг, 1926](#) – Ольшванг А. Сельское строительство на Урале // *Хозяйство Урала*. 1926. № 19.
[Рабинович, 1947](#) – Рабинович Р.И. Электрифицированный колхоз. Свердловск, 1947.
[Симонов, 2017](#) – Симонов Н.С. Энергетическая статистика дореволюционной России // *Статистика и экономика*. 2017. Вып. 4.
[Шателен, 1946](#) – Шателен М.А. Знаменательная дата в развитии электрификации СССР. К 25-летию VIII Всероссийского электротехнического съезда // *Электричество*. 1946. № 10.
[Штейнберг, 2010](#) – Штейнберг Я.А. Штрихи к портрету К.А. Круга / МЭИ: история, люди, годы: сборник воспоминаний. В 3 томах. Т.2. М.: Издательский дом МЭИ, 2010.
[Электрификация Кавказа, 1920](#) – Электрификация Кавказского района. Составлено Комиссией по Электрификации России. Научно-Технический Отдел ВСНХ. М., 1920.
[Электрификация..., 1960](#) – Электрификация сельского хозяйства Удмуртской АССР: Проблемы и перспективы. Ижевск, 1960.

References

- [Alekseev, 1973](#) – Alekseev, V.V. (1973). Elektrifikatsiya Sibiri [Electrification of Siberia]. Novosibirsk. [in Russian]
[Bogdashkin, 1960](#) – Bogdashkin, P.I. (1960). Elektrifikatsiya sel'skogo khozyaistva SSSR [Electrification of agriculture in the USSR]. M. [in Russian]
[Elektrifikatsiya Kavkaza, 1920](#) – Elektrifikatsiya Kavkazskogo raiona. Sostavleno Komissiei po Elektrifikatsii Rossii [Electrification of the Caucasus region. Compiled by the Commission for Electrification of Russia. Scientific and Technical Department of the Supreme Economic Council]. Nauchno-Tekhnicheskii Otdel VSNKh. M., 1920. [in Russian]
[Elektrifikatsiya..., 1960](#) – Elektrifikatsiya sel'skogo khozyaistva Udmurtskoi ASSR: Problemy i perspektivy [Electrification of agriculture in the Udmurt ASSR: Problems and prospects]. Izhevsk. [in Russian]
[Gladkov, 1947](#) – Gladkov, I.A. (1947). V.I. Lenin i plan elektrifikatsii Rossii [V.I. Lenin and the plan for the electrification of Russia]. M. [in Russian]

- Grudinskii, 1981** – *Grudinskii, P.G.* (1981). Pervyi s'ezd sovetskikh elektrotehnikov. K 60-letiyu 8-go Vserossiiskogo elektrotekhnicheskogo s'ezda [The first congress of Soviet electrical engineers. To the 60th anniversary of the 8th All-Russian Electrotechnical Congress]. *Elektrichestvo*. 10. [in Russian]
- Kavkazskii kalendar', 1915** – *Kavkazskii kalendar'*. Statisticheskii otdel. Tiflis, 1915. [in Russian]
- Kavkazskii kalendar', 1916** – *Kavkazskii kalendar'*. Statisticheskii otdel. Tiflis, 1916. [in Russian]
- Kornilov, 2008** – *Kornilov, G.E.* (2008). Agrarnaya modernizatsiya Rossii v XX veke: regional'nyi aspekt [Agrarian modernization of Russia in the 20th century: a regional aspect]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. Ekaterinburg, 2. [in Russian]
- Kozlov, 2000** – *Kozlov, B.I.* (2000). Vklad Akademii Nauk v industrializatsiyu Rossii [The contribution of the Academy of Sciences to the industrialization of Russia]. *Vestnik RAN*. M., 12. [in Russian]
- Kraïnev i dr., 2006** – *Kraïnev, M.I., Kraïnev, A.M., Kraïnev, S.A.* (2006). Linii opory [Support lines]. Saratov. [in Russian]
- Kuz'mina, 2013** – *Kuz'mina, A.P.* (2013). Elektrifikatsiya sela na Urale v 1920–1953 gg. [Electrification of a village in the Urals in 1920–1953.]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 1(38). [in Russian]
- Mazur, 2009** – *Mazur, L.N.* (2009). Elektrifikatsiya rossiiskoi derevni v 1920–1980-e gg. kak element strategii razvitiya sel'skoi mestnosti (na materialakh Urala) [Electrification of the Russian village in the 1920s–1980s. as an element of the strategy for the development of rural areas (on the materials of the Urals)]. *Problemy agrarnogo i demograficheskogo razvitiya Sibiri v XX – nachale XXI vv.* Novosibirs. [in Russian]
- Ol'shvang, 1926** – *Ol'shvang, A.* (1926). Sel'skoe stroitel'stvo na Urale [Rural construction in the Urals]. *Khozyaistvo Urala*. 19. [in Russian]
- Rabinovich, 1947** – *Rabinovich, R.I.* (1947). Elektrifitsirovannyi kolkhoz [Electrified farm]. Sverdlovsk. [in Russian]
- Shatelen, 1946** – *Shatelen, M.A.* (1946). Znamenatel'naya data v razvitií elektrifikatsii SSSR. K 25-letiyu VIII Vserossiiskogo elektrotekhnicheskogo s'ezda [A significant date in the development of the electrification of the USSR. To the 25th anniversary of the VIII All-Russian Electrotechnical Congress]. *Elektrichestvo*. 10. [in Russian]
- Shteinberg, 2010** – *Shteinberg, Ya.A.* (2010). Shtrikhi k portretu K.A. Kruga [Strokes to the portrait of K.A. Krug]. MEI: istoriya, lyudi, gody: sbornik vospominanii. V 3 tomakh. T.2. M.: Izdatel'skii dom MEI. [in Russian]
- Simonov, 2017** – *Simonov, N.S.* (2017). Energeticheskaya statistika dorevolyutsionnoi Rossii [Energy statistics of pre-revolutionary Russia]. *Statistika i ekonomika*. 4. [in Russian]
- Zolotukhin, 1954** – *Zolotukhin, A.T.* (1954). Elektrifikatsiya v sel'skom khozyaistve [Electrification in agriculture]. Voronezh. [in Russian]

К вопросу об электрификации Кавказа в начале XX в.

Горан Райович ^{a, b, *}, Сергей Николаевич Братановский ^c

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу развития системы генерации электрической энергии на Кавказе в Российской империи. В качестве источника использовалась подшивка статистического сборника «Кавказский календарь», в котором содержатся сведения о генерации электроэнергии электростанциями и гидроэлектростанциями на территории Кавказа. В работе применялись историко-системный, историко-сравнительный, историко-генетический, статистический методы исследования, а также контент-анализ и метод синтеза.

В ходе проделанной работы были сделаны выводы о том, что активная электрификация Кавказа началась еще в начале XX века. Электроэнергия использовалась в промышленности и для освещения улиц и домовладений.

По состоянию на 1916 год в Кавказском наместничестве действовали 134 государственных электростанции общей мощностью в 53 057,05 киловатт. Они были задействованы для освещения населенных пунктов и промышленных производствах (заводы, рудники, порты и пр.).

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович)

Также весьма популярны были частные электростанции, количество которых превышало государственные станции почти в три раза. Вместе с тем, мощность частных электростанций была относительно небольшой. На Кавказе действовало 318 частных электростанций общей мощностью в 37 116,86 киловатт. Задействованы они были, как правило, в частных промышленных предприятиях, а также освещении сел, усадеб и пр.

Общее количество электростанций на Кавказе достигало 452 штук, которые в совокупности вырабатывали 90 173,91 киловатт электроэнергии.

Территория Кавказа с горными реками весьма располагала к строительству гидроэлектрических станций. В Кавказском наместничестве имелись 23 гидроэлектростанции, которые были, как правило, частными и предназначались для освещения населенных пунктов или заводов по выработке меди. Общая мощность турбин гидростанций Кавказа достигала 8080 лошадиных сил и выдавали они совокупно мощность в 5462 киловатта электроэнергии.

Ключевые слова: Кавказ, периодическая печать, электрификация России, электростанции, гидроэлектростанции, история электрификации, электрификация Кавказа.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 2010-2019
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.2010

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Problems of Interaction between the Turkic Peoples of European Russia in the Coverage of Foreign Historiography

Tatyana N. Ivanova ^a, Elena K. Mineeva ^{a, *}, Alexey I. Mineev ^a

^aChuvash State University named after I.N. Ulyanova, Russian Federation

Abstract

The article discusses the views of foreign researchers on the problems of the historical development of the socio-political and socio-cultural interaction of kindred Turkic peoples (Tatars, Bashkirs and Chuvashes), including in the process of acculturation of their enclave and transboundary groups. The Volga-Priural region is considered by foreign scientists as a “frontier”, “window to the East”, “focus” of Russia’s colonization development of the eastern regions. At the same time, foreign historiography emphasizes the special role of the Tatar ethnic group as the most numerous, whose hegemony is based on the rich historical heritage of the Volga Bulgaria and the Golden Horde. The results of our work in 2022 Sociological surveys in Bashkortostan, Tatarstan, Chuvashia and the Sverdlovsk region indicate a calm interethnic climate in the Volga-Priural region, but the respondents also state certain problems. These interethnic problems can also be identified by analyzing the basic concepts of foreign historiography on this topic. The works of A. Kappeler, P. Werth, R. Gerasi, Ch. Hostler, L. Hyde, N. Devlet, D. Arik, H. Karadag and others deal with such problems as assimilation (Tatarization, Bashkirization, Russification), the impact of Islam and Orthodoxy on these processes, the role of national education in them. The complex, cross-border and enclave settlement of three kindred ethnic groups contributed to the acculturation of Tatars, Bashkirs and Chuvashes over the past two centuries. New problems arose in the first years of Soviet power, when large areas populated not only by the titular ethnic group, but also by representatives of other kindred Turkic peoples appeared on the territories of national autonomies.

Keywords: foreign historiography, Turkic peoples, Tatars, Bashkirs, Chuvashes, assimilation, acculturation, enclaves, cross-border territories.

1. Введение

Исторические судьбы тюркских народов европейской России предопределили теснейшую взаимосвязь их развития. Сегодня на территории европейской России проживают представители десятков тюркских народов, но три из них – татары, башкиры и чувашаи – не только имеют здесь свою национальную автономию, но и являются одними из самых многочисленных народов в РФ. Взаимовлияние татарского, башкирского и чувашского этносов определяется несколькими факторами: историческими судьбами их этногенеза, близостью языковой, культурной и ментальной составляющей, а также сложным переплетением национальных территорий расселения этих народов.

Наиболее дисперсное расселение в европейской России характерно для татар, которые проживают во всех субъектах Федерации. По данным переписи 2010 г., лишь около трети всех татар России проживала на территории Республики Татарстан, где составляла 48,48 % населения. Вторым субъектом РФ, где компактно проживают татары, является Республика Башкортостан (28,42 % населения). При этом в данной республике есть районы, где татары составляют абсолютное

* Corresponding author

E-mail addresses: mineevaek21@mail.ru (E.K. Mineeva), tivanovan@mail.ru (T.N. Ivanova), minalig@inbox.ru (A.I. Mineev)

большинство населения. Значительно меньшее количество татар проживает в Чувашской Республике (по данным переписи 2010 г. – 3,87 %) (ВПН, 2010). Однако следует отметить, что и в данном регионе имеются районы компактного проживания татар.

Иная картина территориального размещения характерна для башкир. Абсолютное большинство представителей башкирского этноса проживают в границах Республики Башкортостан. За пределами республики башкиры обитают в виде небольших компактных анклавов в Челябинской, Оренбургской, Пермской, Свердловской, Тюменской областях, в Татарстане и др. (ВПН, 2010).

Чуваши, по данным переписи 2010 г., составляют большинство населения Чувашской Республики (67,7 %), однако в соседних регионах имеются анклавные и трансграничные территории компактного расселения чувашей. В Татарстане проживает 116,2 тыс. чувашей в Аксубаевском, Буинском, Нурлатском, Тетюшском, Черемшанском районах. В Башкирии проживает 117 тыс. чувашей в виде компактных групп в Аургазинском, Бижбулякском, Стерлитамакском, Белебеевском и других районах (ВПН, 2010).

Таким образом, можно констатировать, что три родственных тюркских этноса достаточно тесно переплетены территориально. Это можно объяснить усиливающимися миграционными процессами, ростом количества межнациональных браков, увеличением числа людей со сложной этнической и языковой самоидентификацией. С другой стороны, важной причиной этой тесной территориальной взаимосвязи являются исторические судьбы трех тюркских этносов, которые в течение длительного времени проживали рядом.

После Октябрьской революции 1917 г. большевики взяли курс на установление национально-территориальных автономий, ломавших установившееся в Российской империи этнически нейтральное деление на губернии. При определении границ национальных автономий, по словам заместителя Наркомнаца РСФСР С.М. Диманштейна, «приходилось в пылу битв учитывать разные смежные обстоятельства, в том числе и стратегические соображения, и почти что случайно придавать то или название или форму любой территории» (Диманштейн, 1924: 33-34). Границы между автономиями устанавливались таким образом, что образовывались большие трансграничные территории, чересполосно населенные разными этносами, а также появлялись анклавные, как внутренние районы проживания одного этноса в окружении населенных пунктов титульного народа автономии. Этот, по словам Диманштейна, «сложный национальный узел» и сейчас создает трудноразрешимые проблемы социокультурного взаимодействия анклавных и трансграничных групп соседних тюркских народов (Иванова и др., 2022: 80).

2. Материалы и методы

Для изучения современных процессов, происходящих на данных территориях в 2022 г., было проведено социологическое исследование в Башкортостане, Татарстане, Чувашии и Свердловской области (Минеева и др., 2022). Отношение большей части респондентов к характеру этноконфессиональных взаимосвязей, сложившихся в их регионах, положительное. Авторы констатируют: «Подавляющее большинство не видят оснований для межэтнических и межрелигиозных конфликтов и не помнят таковых, что является результатом взвешенной политики региональных и федеральных властей в этой сфере, а также следствием традиционного совместного бесконфликтного проживания разных этнических групп. В то же время во всех регионах имеется меньшинство в пределах 10-15 %, которое указывает на определенные проблемы в этноконфессиональной сфере, в том числе на факты этнической дискриминации» (Минеева и др., 2022: 31). Эти проблемы необходимо изучать с помощью различных методов исторического познания. Поэтому важно исследовать межэтническую ситуацию в исторической ретроспективе и перспективе, анализируя, в том числе, зарубежную и отечественную историографию по данной проблеме. В результате основным методом исследовательской работы является метод компаративистического историографического анализа, включающего проблемно-хронологический, историко-генетический методы, а также методы ретроспективного и перспективного анализа. Целью данной статьи является изучение взглядов зарубежных исследователей на проблемы взаимодействия тюркских народов (татар, башкир и чувашей) в европейской России.

3. Обсуждение

К крупнейшим зарубежным научным центрам, изучающим проблемы национализма и религий, можно отнести Центрально-Европейский университет в Будапеште, Международный институт социологии во Франции, Центр евразийских, российских и восточно-европейских Джорджтаунского университета, Центр изучения России, Восточной Европы и Евразии в Стэнфордском университете и др.

Среди зарубежных ученых, работающих над выявлением проблем российской полиэтнической государственности и развитием тюркских народов РФ, можно отметить таких авторов, как А. Кашпелер, П. Верт, Р. Джераси, Ч. Хостлер, Л. Хайда, Н. Девлет, Д. Арик, Х. Карадаг. Наряду с ними следует назвать и других представителей зарубежной историографии. Например, Р. Пайпс рассматривает становление башкирской национальной автономии в контексте противоборства

башкирской элиты с объединенным русско-татарским партийным блоком. В. Дувлер выясняет позицию сторонников и противников метода Н.И. Ильминского на Особом совещании 1905 г. по начальному образованию нерусских на востоке, а также языковую политику на Востоке империи. М. Деррик анализирует попытки постсоветского Татарстана прийти к «суверенности» внутри РФ. В поле зрения А. Джерсильда – специфика «культурного диалога» между народностями Среднего Поволжья. Н. Наганова поднимает вопрос о значении и роли тюркского мусульманского контингента в военных кампаниях позднеимперской и Советской России. Аллен Дж. Франк акцентирует внимание на «булгарской» идентичности татар и башкир. Интерес к средневожским национальным республикам и истории многогранных взаимоотношений их коренных этносов можно встретить в трудах крупного тюрколога К. Мацузато. Таким образом, зарубежная историография представлена целой серией разнообразных исследований исторического, религиоведческого и политологического плана. В рамках одной статьи сложно дать характеристику всем концепциям зарубежной исторической мысли по обозначенной тематике.

4. Результаты

Выделим несколько проблем, которые имеют особое значение при изучении вопроса взаимодействия тюркских народов Поволжско-Приуральского региона. Важнейшей из них является изучение ассимиляционных процессов: это и русификация тюрков, и татаризация чувашей, и ассимиляция татар башкирами на территории Республики Башкортостан и т.д. Говоря о русификации и татаризации как особых социокультурных феноменах в жизни тюркских народов европейской России, зарубежные авторы связывают данные понятия прежде всего с усвоением чувашами, башкирами и другими этническими группами внешних атрибутивных качеств русских и татар – этносов, играющих в данном регионе центральную историко-культурную роль. Исследователи говорят об усвоении модели поведения обозначенных выше доминантных этносов, их пищевых предпочтений, элементов одежды, сельской и городской культуры, бытовых привычек, лексики. С этой проблемой тесно связано межконфессиональное взаимодействие тюрков-христиан и тюрков-мусульман, которое особого пика достигало в период так называемых «волн отступничества», когда массы крещеных инородцев, потерявшие доверие к русской православной церкви, начали, как отмечает Д. Арик, «искать истину в учениях татарских имамов» (Arik, 2007: 47). В зарубежной историографии рассматривается и вопрос о выстраивании некой иерархии во взаимодействии трех этносов, связанной с особой ролью татар в регионе. В свою очередь, изучение этой проблемы ставит вопрос о роли булгарского и суварского наследия, являющегося предметом давних острых внутрирегиональных прений. Еще одной проблемой стал процесс просвещения нерусских народов в Российской империи.

Один из родоначальников «имперской парадигмы» в современной историографии Андреас Каппелер считает важнейшим фронтиром российской истории зону ее многовекового взаимодействия с тюркскими народами Поволжья. Он отмечает эволюцию этого взаимодействия и различие с имперской политикой Европы: «Российский фронтальный опыт обнаруживает запаздывание России по сравнению с остальной Европой, запаздывание, причиной которого была долгая открытость культурной и религиозной границы между русскими и кочевниками или нехристианскими этносами. Хотя Россия, начиная с XVIII столетия, сознательно перенимала европейские ценности и критерии сегрегации, мусульмане, буддисты и часть анимистов смогли избежать христианизации, равно как и многочисленные крещеные нерусские народы сумели сохранить свои формы повседневной культуры и этническую идентичность вплоть до середины XX в., были чужды миссионерской политике, и теперь мусульмане стали уже сознавать пользу для себя Ваших идей» (Каппелер, 2003: 62). Американский историк Роберт Джераси считал, что «Казань и тяготевший к ней обширный Поволжско-Уральский край предстают окном Российской империи на Восток, фокусом одновременно и притяжения, и отталкивания между русским большинством и различными нерусскими меньшинствами» (Джераси, 2013: 4). Джон У. Слокум подчеркивает особое положение тюркских этносов: «Этническими группами, подпадавшими под школьные правила для инородцев, были нерусские жители Поволжья – татары, башкиры, мордва, чуваша, удмурты и черемисы (мари). Что касается второй половины XIX в., то башкиры, чуваша и другие нетатарские народы этого региона не были классифицированы как инородцы в юридическом смысле этого слова. [...] В середине XIX в. татары Поволжья (в отличие от оседлых «инородцев») подлежали рекрутским наборам, и официальная статистика населения второй половины XIX в. не причисляла их к «инородцам» (Слокум, 2005). Таким образом, зарубежные исследователи неоднократно подчеркивали важность данного региона для российской истории и особое значение татарского этноса, который среди трех изучаемых нами народов претендует на определенную «гегемонию».

М. Деррик, обосновывая этот тезис об особой татарской идентичности, пишет: «Татарские элиты подчеркивали свои родовые связи со Средней Волгой, тем самым конкретизируя исконные связи с территорией. Предварительный проект декларации о суверенитете 1990 г. иллюстрирует: «Татары – коренное население Татарии. Их корни уходят в Древнюю Болгарию, и они имели свое независимое государство с IX–XVI вв. до расширения царской империи». И далее: «Ссылаясь на

разрушенную Иваном Грозным «древнюю» государственность татар, руководство республики формировало общественную дискуссию об исторически обиженной этнокультурной группе» (Derrick, 2008: 79). Особым символическим актом «национального возрождения» татарского самосознания ученый считает воссоздание в Казанском Кремле мечети Кул Шариф: «Связывая современную Республику Татарстан с идеализированным Казанским ханством, физическое воскрешение Кул Шарифа наделяет силой татарскую нацию и способствует тому, чтобы ее члены преодолели то, что Рорлих называет “колониальное/доминирующее качество татарской идентичности”» (Derrick, 2008: 95). В то же время М. Деррик подчеркивает отсутствие у лидеров Татарстана стремления к сепаратизму. В своих речах президент ТР М. Шаймиев обращался не к татарскому, а к «многонациональному татарстанскому народу». Деррек отмечает, что, отдавая приказ о восстановлении мечети Кул Шариф, Шаймиев был осторожен, чтобы не оскорбить русских Татарстана: «Одновременно он распорядился восстановить Благовещенский собор в Казанском Кремле, который при советской власти пришел в ужасное запустение. Проявляя чувствительность к самому символу утраченной государственности своего народа, Шаймиев подчеркнул, что татарское национальное возрождение, воплощенное в возрождении мечети, не было направлено против русских. Таким образом, этнические и гражданские обоснования республики казались гармоничными» (Derrick, 2008: 92-93).

С особой ролью татар в регионе согласен Л. Хайда: «Только татары могут претендовать на наследие исторического государства (Казанского ханства XV–XVI вв.), городской культуры и давней литературной традиции, изначально основанной на исламских образцах. Действительно, в последующие десятилетия царского правления татары, наиболее мобилизованные из мусульманских подданных России, сыграли важную роль в распространении современной культуры и идей среди своих единоверцев – соседних пастушеских башкир и дальше в Средней Азии» (Hajda, 1993: 212).

Важной проблемой, рассматриваемой в зарубежной историографии, стали татаро-башкирские противоречия. Н. Девлет пишет: «По своему языку, культуре и этническому признаку татары и башкиры являются близкородственными народами и живут вместе на протяжении многих веков» (Devlet, 1989: 470). Однако именно эта близость народов и создавала между ними особые отношения.

А. Франк считает: «Башкиры – это другая основная мусульманская община в Волго-Уральском регионе. Лингвистическое положение башкир было сложным, т.к. башкиры Северного Башкортостана говорят на диалектах, по существу не отличимых от диалекта казанских татар. С другой стороны, южные башкиры говорят на несколько другом тюркском диалекте, разделяя многие лингвистические особенности с казахами и туркменами, а литературный башкирский язык основан на этих южных диалектах. Этническое происхождение башкир непонятно, но они упомянуты в трактате о путешествии Ибн-Фадлана как язычники, и многие ученые считают их произошедшими от средневековых венгров до их миграции в Центральную Европу. В любом случае есть небольшое сомнение, что исламизация башкир связана с исламизацией Золотой Орды под управлением Узбекхана в XIV веке. До XIX в. многие башкирские общины оставались степными кочевниками, в отличие от татар, и сохраняли многие особенности степных общин Центральной Азии. Первое и главное – они сохраняли систему племенной и клановой идентичности, которая сохранилась и по сей день, особенно в Южном Башкортостане» (Франк, 2008: 21).

Р. Пайпс, анализируя стремление башкир к независимости от татар, ярко проявившееся после революции 1917 г., замечает: «Большинство башкир находились под культурным влиянием своих более многочисленных и высокоцивилизованных единоверцев – поволжских татар, и накануне революции почти половина башкир считала своим родным языком татарский» (Pipes, 1950: 305).

Описывая события 1917 г. и деятельность Башкирского национального совета (Шуро), ученый обращает внимание на сложные противоречия между русскими, татарами и башкирами: «Самой сущностью своих экономических целей он (Шуро – Авт.) вызывал враждебность русского населения и мало мог ожидать сочувствия со стороны поволжских татар, видевших в башкирском ирредентизме недалекую и тщетную попытку добиться корыстных целей за счет общемусульманского движения» (Pipes, 1950: 308). Как известно, одним из первых проектов советской власти было создание в 1918 г. Татарско-Башкирской Советской Республики (ТБСР). Башкирский национальный деятель Г. Аитбаев в письме к И.В. Сталину выступил, как и многие другие башкирские революционеры, против этого проекта: «Башкирский народ скорее сговорится и столкнется с русским трудовым элементом, так как последний скорее поймет его нужду, но никогда башкиры не сговорятся и не сойдутся с татарами» (ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 26. Л. 47). Эта категоричность башкирской элиты определялась опасностью ассимиляции башкир со стороны татар. Пайпс считает, что башкиры, отказавшиеся от проекта ТБСР, стремились «освободиться от культурного господства татар и вернуть себе огромные земли...» (Pipes, 1950: 319). Русские заключили «союз с татарскими элементами, которые надеялись завоевать контрольную позицию среди советских мусульман и выступали против башкирского сепаратизма» (Pipes, 1950: 319).

Однако позднее, в 1920-е гг., в сложном процессе определения большевиками территориальных границ татарской и башкирской автономий к так называемой Малой Башкирии (населенной в

большинстве башкирами) была присоединена Уфимская губерния с многочисленным татарским и русским населением. Это создало определенные демографические проблемы. До настоящего времени в Башкирской Республике имеется значительное татарское население, которое, проживая в виде анклавов и трансграничных территорий среди иноязычной, но близкой по языку среды, подвергается ассимиляционным процессам со стороны башкир. Так, Л. Хайда замечает: «...Явно ненормальный рост числа башкир (по данным переписей – Авт.) объясняется официально поощряемым отказом от татарского языка, на котором говорила треть башкир еще в 1959 году» (Hajda, 1993: 233).

В 1989 г., по утверждению Н. Девлета, в «Башкирской АССР проживает более миллиона татар, и их численность несколько превышает численность башкир. Эти татары жаловались на пренебрежение их правами в республике», «в татарских сельских школах вместо татарского вводились курсы башкирского языка и литературы» (Devlet, 1989: 470).

К. Мацузато считает, что и в постсоветский период противоречия сохранялись: «Политика башкиризации (навязывание башкирского языка татароязычным башкирам), энергично проводившаяся в брежневское время, в период перестройки была приостановлена. Однако при Рахимове восстание «неосвоенного» юго-востока республики, населенного башкироязычными башкирами, возобновилось. Это восстание было против Уфы (столицы) и западного Башкортостана, населенных татароязычными башкирами, которые раньше считались более развитыми, чем их башкироязычные соседи, и поэтому имели больше шансов на успешную карьеру при коммунизме» (Matsuzato, 2004: 101).

Любопытную концепцию этногенеза татар и башкир выдвигает А. Франк: «До большевистской революции в 1917 г. национальная идентичность, основанная исключительно на этничности, была не присуща очень большой части волго-уральского исламского общества. Существенная часть волго-уральских мусульман считала себя «булгарами», что являлось выражением региональной идентичности, которая стала известной позже, в XIX в., и оставалась широко распространенной среди волго-уральских мусульман до конца 1920-х гг.» (Франк, 2008: 13). Ученый не только признает ведущей идею «булгарской» идентичности тюрков региона, но и считает определяющей в этом процессе роль ислама и волго-уральских улемов: «В действительности история региональной и этнической идентичности среди волго-уральских мусульманских субъектов Российской империи сложнее и интереснее, чем то, что показывают националистические и советские толкования. Реализация единой «татарской» националистической идентичности и уменьшение степени единой «башкирской» идентичности появились лишь в советскую эпоху, когда исламские волго-уральские улемы были истреблены» (Франк, 2008: 13-14).

Однако в этой концепции непонятной выглядит роль чувашей, также претендующих на «булгарское наследие». В 1990-е гг. среди этнической интеллигенции появилась «суварская теория» происхождения чувашей. Х. Карадаг пишет: «Основной отправной точкой тех, кто сегодня называет себя суваром и отказывается от использования чувашского этнического названия, является то, что название «чуваш» не упоминалось в исторических источниках до русского господства. По мнению представителей суварского движения, заявивших, что название «чуваш» стало употребляться в источниках с приходом в регион русских, употребление этого этнического названия в определенном смысле выражает разрыв с собственными корнями, а именно с суварскими предками» (Karadağ, 2017: 126). В этой концепции можно увидеть стремление создать особую суваро-чувашскую идентичность в борьбе за булгарское наследие с другими тюркскими этносами.

По мнению Р. Джераси, «чуваша были самым урбанизированным из национальных меньшинств Поволжья после татар» (Джераси, 2013: 55). Не вызывает сомнений, что именно чуваша сохранили наиболее близкий к булгарскому язык, бежав от исламизации в X веке в «ненаселенные северные районы» современной Чувашской Республики. А. Франк пишет: «Лингвисты отнесли чувашский язык к категории единственного выжившего члена полностью отдельной ветви тюркской языковой семьи (речь идет об огурах и огузах – примеч. авт.) и идентифицировали некоторые средневековые булгарско-арабские рукописные надписи как самые древние примеры чувашского языка. Современные татары, однако, говорят на форме тюркского языка, который близок к казахскому» (Франк, 2008: 19).

Таким образом, чуваша не только сохранили свой древний язык, но и свою самобытную религию. Однако при постоянно существовавшей исламизации чувашей в Казанском ханстве возникала опасность их татаризации. В. Дувлер пишет: «Татарский язык с его исламским посланием был самой мощной интеллектуальной силой среди всех нерусских региона. Без вмешательства языки местных народов постепенно татаризировались бы, а татарский, язык ислама, стал бы языком всех нерусских в степи» (Dowler, 1995: 518). Поэтому чуваша стремились дистанцироваться от татар, особенно в период обострения отношений между Казанским ханством и Москвой. А. Каппелер согласен с тезисом о «добровольном вхождении» чувашей в состав Российского государства. Он считает, что чуваша проявили собственную инициативу, когда «настоятельно просили молодого царя Ивана IV послать войска против казанского хана» и «заявили о своем желании служить государю и выступать вместе с его воеводами против Казани» (Каппелер, 2019: 44). После начала процесса христианизации у чувашского этноса появилась возможность сохранить свою самобытность,

ибо многочисленные примеры показывают, что во все века чувашаи, принимая ислам, очень быстро теряли свою этническую идентичность, подвергаясь «лингвистической и культурной татаризации» (Dowler, 1995: 517).

Интересно, что чувашаи имеют свои анклавные группы и в Татарстане, и в Башкортостане, однако существенных межэтнических конфликтов у них с титульными этносами нет. Однако Д. Арик убежден, что исламская/татарская культура оказывала большое влияние на эти анклавные группы. «Несмотря на многие меры, разработанные Русской православной церковью и администрацией, чувашаи продолжали переходить из христианства в ислам. Параллельно с этим чувашаи стали татаризироваться, говоря по-татарски с чувашским акцентом, трансформируя многочисленные чувашские слова в татаризированные формы или иным образом напоминая татар, с сохранением чувашских обычаев и одежды» (Arik, 2007: 48). Он приводит примеры такой аккультурации: «Показано влияние ислама на пищевые привычки чувашей, на примере этнографов. Обратите внимание на то, что у нижних (анатрийских) чувашей была распространена практика употребления в пищу конины и запрещения свинины. Эта практика и понимание возникли в результате тесного контакта анатрийских чувашей с татарами-мусульманами» (Arik, 2007: 51). И как следствие воздействия исламизации, исходившей от татар: «Чувашаи, принявшие ислам, оставались глубоко под татарским влиянием в отношении религии, языка и культуры, и в конечном итоге значительное число из них со временем превратилось в татар» (Arik, 2007: 41).

Говоря о татаризации и башкиризации этносов, нельзя не затронуть вопрос о русификации народов региона. Следует сразу отметить, что никаких сведений о планах и действиях по масштабной ассимиляции тюркских этносов со стороны русских властей не имеется. Даже насильственная христианизация нерусских народов для удобного управления ими не предусматривала массового превращения их в русских. Более того, ряд исследователей считает, что царская власть была не заинтересована в полном слиянии с русскими даже татарской элиты. Так, Р. Джераси, оценивая деятельность просветителя-миссионера Н.И. Ильминского, создавшего систему христианизации нерусских народов на основе развития их «иностранческой» письменности, пишет: «Ильминский, судя по всему, старался содействовать возникновению сложносоставной национально-имперской идентичности, в которой «иностранцы» могли бы становиться русскими, но в то же время иметь возможность оставаться чувашами, татарами или вотяками (во многом так же, как британцы могли одновременно являться ирландцами, шотландцами и валлийцами). Нам представляется, что во многом система Ильминского создавалась для дистанцирования «иностранцев» от русских из опасения, что неконтролируемая ассимиляция может привести к передаче негативных качеств новым членам общей русской семьи» (Джераси, 2013: 422). Д. Вэйн, не соглашаясь с критиками новой системы просвещения иностранцев, отмечал: «Ильминский понял то, чего не поняли противники его системы: что один только русский язык не может предотвратить татаризацию и исламизацию неистамских коренных народов региона; это может сделать только сохранение местных языков и через них усвоение православия» (Dowler, 1998: 765). С другой стороны, нельзя отрицать, что система Ильминского была очередной попыткой христианизации татар. П. Верт считал, что сутью системы Ильминского было использовать родные языки и местных преподавателей для передачи христианского послания нерусским. «Таким образом, ядром его «системы» были переводы, обучение на нерусских языках и продвижение нерусских на должности учителей и священнослужителей» (Werth, 2000: 109). Русификация могла им рассматриваться как некая отдаленная перспектива, однако, по мнению Верта, «что бы Ильминский ни говорил о русификации, его главной и ближайшей целью было убедить нерусских, что они могут исповедовать православие, не становясь русскими» (Werth, 2000: 113).

Проблема христианизации тюркских этносов наиболее четко прослеживается на примере кряшен, этноконфессиональной группы в составе татарского народа, которая исповедует православие. При этом имеется точка зрения, что кряшены – не субэтническая группа татар, а отдельный народ. Джераси писал: «Мусульмане часто относились к кряшенам с презрением, так как те говорили практически на том же языке, что и татары-мусульмане (возможно, с несколько меньшим количеством иранских и арабских слов – из-за исторических отличий), но при этом исповедовали «русскую» религию. Хотя русские относились к кряшенам с определенной симпатией, многие считали их людьми жалкими и не имеющими прочного самосознания или самоуважения» (Джераси, 2013: 59).

Еще более важной представляется проблема христианизации для чувашского этноса, не принявшего ислам в болгарские времена. П. Верт считает, что система Ильминского была наиболее важна для двух этнических групп: «Эти методы оказали наибольшее влияние на кряшен и чувашей, и действительно усилия Ильминского были сосредоточены на этих двух народах. Считалось, что кряшены, как наиболее близкие в языковом и культурном отношении татарам-мусульманам, находятся в наибольшей опасности отступничества, в то время как чувашаи составляли крупнейшую единую нерусскую православную этническую группу» (Werth, 2000: 113).

А. Капеллер считает чувашей самобытным народом России, оставившим свой след в событиях отечественной истории. Во время презентации его книги «Чувашаи. Народ в тени истории» в 2016 г. в

Чебоксарах автору был задан вопрос о названии: почему чуваша «в тени»? По его представлению, самобытность чувашского народа часто находилась под угрозой исчезновения. Чуваша, по его мнению, это «маргинализированное меньшинство» на периферии большой России, чей язык и этническая целостность находятся под угрозой (Иванова, Тюнтеров, 2022: 50). По мнению многих ученых, эта угроза исходила не только от русского народа, но и от татарской исламизации.

Ученик Ильминского, просветитель И.Я. Яковлев, создал чувашскую письменность на основе кириллического алфавита. Его видение исторического процесса, как отмечают Т. Егорова и Дж. Керн, сводилось к тому, что «русских он воспринимал как движущую силу страны, которая должна вдохновлять других на развитие» (Egorova, Kern). А. Каппелер справедливо отмечает, что И.Я. Яковлев «был умеренным реформатором, не желавшим конфронтации с господствующей русской культурой и царским правительством, но стремившимся к выравниванию, некоему симбиозу чувашской и русской культур» (Каппелер, 2019: 130). Интересное суждение приводит И. Крейндлер. Она считает, что еще при жизни Яковлев очертил своим сородичам роль «послушного исторического спутника русского народа», тем самым очертив их место в историческом процессе (Kreindler, 1977: 93). Таким образом, для судеб чувашского этноса справедливой представляется мысль П. Верта: «Для многих инородцев, зажатых между православным русским и мусульманско-татарским миром, продвижение православия в коренном реестре представляло наилучший путь одновременного достижения просвещения и сохранения своей самобытности. Православие также позволяло представителям разных нерусских национальностей объединяться, чтобы иметь больший вес, чем они могли бы иметь в противном случае. Более того, формирующаяся религиозная интеллигенция получила возможность стать новой социальной элитой, наделенной своим образованием и знанием русского языка правом говорить от имени своих этнических общностей и за инородцев в целом» (Werth, 2000: 132).

Можно еще раз отметить, что для чувашей христианизация была не столько русификацией, сколько возможностью сохранить себя как этнос, отличный от окружавших чувашей мусульман-татар и мусульман-башкир. И в этом процессе особую роль сыграл И.Я. Яковлев, создавший чувашскую азбуку и способствовавший христианскому просвещению чувашей на родном языке.

5. Заключение

Таким образом, проблемы взаимодействия тюркских народов европейской России в зарубежной историографии находятся в фокусе внимания исследователей на протяжении всех последних десятилетий. Поволжско-Приуральский регион рассматривается учеными как «фронтир», «окно на Восток», «фокус» колониационного освоения Россией восточных регионов. Отсюда большое внимание к тюркским народам региона. Подчеркивается особая роль татарского этноса как самого многочисленного, гегемония которого основана на богатом историческом наследии Волжской Булгарии и Золотой Орды.

В анализе взаимовлияния татарского, башкирского и чувашского этносов выделяется роль конфессионального фактора. Исламские этносы сближает общая конфессиональная принадлежность. Но это создает опасность для близких, родственных этносов. При этом татаризация башкир происходила под влиянием конфессионального фактора, а башкиризация татар – под влиянием политических факторов территориальных разграничений автономий в советские времена. В то же время для сохранения родственного упомянутым этносам чувашского народа исламизация была равносильна ассимиляции. Поэтому зарубежные ученые считают христианизацию чувашей средством сохранения их этнической идентичности. Господствующей в зарубежной историографии является точка зрения о том, что при всем желании царских властей приобщить тюркские этносы к русской культуре, христианизировать их, прямой цели ассимиляции этих народов не ставилось. Деятельность поощряемых властями просветителей способствовала не столько распространению православия, сколько появлению национальной элиты, лояльной по отношению к центральной власти. Попытки связать современную национальную идентичность рассматриваемых этносов с болгарским или суварским наследием скорее иллюстрирует этнополитические процессы, происходившие в республиках в 1990-е годы. В целом взаимодействие татарского, башкирского и чувашского народов на трансграничных и анклавных территориях при всем многообразии общественно-политических и социально-культурных проблем не демонстрирует повышенной конфликтности.

Этот ретроспективный анализ концепций зарубежной историографии позволяет более полно охарактеризовать в перспективе те проблемы, которые выявил проведенный нами социологический опрос, понять их исторические истоки. В то же время проведенное нами исследование представляет как бы «взгляд со стороны» на тюркские народы европейской России, объективность/субъективность которого определяется очень многими разнонаправленными факторами современности.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00840, <https://rscf.ru/project/22-28-00840/> («The study was funded by a grant Russian Science Foundation № 22-28-00840, <https://rscf.ru/en/project/22-28-00840/>»).

Литература

- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Джераси, 2013 – Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013. 548 с.
- Диманштейн, 1924 – Диманштейн С.М. Прошлое и настоящее: Жизнь народов СССР. М., 1924. 111 с.
- Иванова и др., 2022 – Иванова Т.Н., Минеева Е.К., Зыкина А.П. Исторические ошибки: деятель Наркомнаца С.М. Диманштейн о национальной политике Советского государства // *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2022. № 2(62). С. 74-82.
- Иванова, Тюнтеров, 2022 – Иванова Т.Н., Тюнтеров О.С. Взгляд извне на тюркские народы России: чуваша как субъект российской истории глазами А. Каппелера / *Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории* / Сборник материалов II Всеросс. науч. конф. с международным участием. Чебоксары, 2022. С. 44-50.
- Каппелер, 2000 – Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. 344 с.
- Каппелер, 2019 – Каппелер А. Чуваша. Народ в тени истории. Чебоксары, 2019. 268 с.
- Каппелер, 2003 – Каппелер А. Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII веках // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 47-65.
- Минеева и др., 2022 – Минеева Е.К., Старостин А.Н., Минеев А.И. Восприятие тюркскими народами Урало-Поволжья этноконфессиональной ситуации в регионах проживания: титульные этносы и трансграничное взаимодействие // *В.И.* 2022. № 8–2. С. 17-32.
- Официальные итоги... – Официальные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
- Слокум, 2005 – Слокум Дж.У. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет*. М., 2005. 507 с.
- Франк, 2008 – Франк Аллен Дж. Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России. Казань, 2008. 265 с.
- Хостлер, 2006 – Хостлер Ч.У. Тюркизм и Советы. Тюрки мира и их политические цели. Алматы, 2006. 288 с.
- Arik, 2007 – Arik D. Islam among the Chuvashes and its Role in the Change of Chuvash Ethnicity // *Journal of Muslim Minority Affairs*. 2007. № 1 (27). Pp. 37-54.
- Derrick, 2008 – Derrick M. Revisiting “Sovereign” Tatarstan // *USAK (Uluslararası Stratejik Araştırmalar Kurumu)*. 2008. № 6 (3). Pp. 75-103.
- Devlet, 1989 – Devlet N. The Tatars and Bashkirs afterglasnost // *Institute of Muslim Minority Affairs. Journal*. 1989. № 10 (2). Pp. 464-474.
- Dowler, 1998 – Dowler W. Pedagogy and politics: Origins of the special conference of 1905 on primary education for non-Russians in the east // *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*. 1998. №4 (26). Pp. 761-775.
- Dowler, 1995 – Dowler W. The Politics of Language in Non-Russian Elementary Schools in the Eastern Empire, 1865-1914 // *Russian Review*. 1995. № 54 (4). Pp. 516-538.
- Egorova, Kern – Egorova, T.A., Kern, J.H.C. I.Ia. Iakovlev's National Educational Ideas Regarding the Chuvash People in Late Tsarist Russia and Its Consequences in the Early Soviet State. [Electronic resource]. URL: <https://leidenuniv.academia.edu/TatianaKleerebezemEgorova>
- Hajda, 1993 – Hajda L. Ethnic politics and ethnic conflict in the USSR and the post-soviet states. // *Race, Gender & Ethnicity: Global Perspectives. Humboldt Journal of Social Relations*. 1993. № 2 (19). Pp. 193-278.
- Jersild, 2000 – Jersild A. Faith, Custom, and Ritual in the Borderlands: Orthodoxy, Islam, and the "Small Peoples" of the Middle Volga and the North Caucasus. // *Russian Review*. 2000. № 4 (59). Pp. 512-529.
- Karadağ, 2017 – Karadağ H. Ivan Yakovlevich Yakovlev: Çuvaş Kültürüne Can Suyu Veren Kültür ve Medeniyet İnsanı / *International Symposium on Multidisciplinary Studies (ISMS)*. Ankara, 2017. Pp. 125-145.
- Kreindler, 1977 – Kreindler I. A Neglected Source of Lenin's Nationality Policy // *Slavic Review*. 1977. № 1 (36). Pp. 86-100.
- Matsuzato, 2004 – Matsuzato K. Authoritarian transformations of the Mid-Volga national republics: an attempt at Macro-Regionology // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2004. № 20 (2). Pp. 98-123.
- Pipes, 1950 – Pipes R. The First Experiment in Soviet National Policy: The Bashkir Republic. 1917–1920. // *The Russian Review*. 1950. № 4 (9). Pp. 303-319.

Werth, 2000 – Werth P. Inorodtsy on Obrusenie: Religious Conversion, Indigenous Clergy, and the Politics of Assimilation in Late-Imperial Russia. // *Ab Imperio*. 2000. № 2. Pp. 105-134.

References

- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].
- Dzherasi, 2013** – *Dzherasi, R.* (2013). Okno na Vostok: Imperiya, orientalizm, natsiya i religiya v Rossii [Window to the East: Empire, Orientalism, Nation and Religion in Russia]. Moskva. [in Russian]
- Dimanshtein, 1924** – *Dimanshtein, S.M.* (1924). Proshloe i nastoyashchee: Zhizn' narodov SSSR [Past and Present: Life of the Peoples of the USSR]. Moskva. [in Russian]
- Ivanova i dr., 2022** – *Ivanova, T.N., Mineeva, E.K., Zykina, A.P.* (2022) Istoricheskie oshibki: deyatel' Narkomnatsa S.M. Dimanshtein o natsional'noi politike Sovetskogo gosudarstva [Historical mistakes: S.M. Dimanshtein on the National Policy of the Soviet State]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*. 2(62): 74-82. [in Russian]
- Ivanova, Tyunterov, 2022** – *Ivanova, T.N., Tyunterov, O.S.* (2022) Vzgl'yad izvne na tyurkskie narody Rossii: chuvashi kak sub'ekt rossiiskoi istorii glazami A. Kappelera [Outside view of the Turkic peoples of Russia: the Chuvash as a subject of Russian history through the eyes of A. Kappeler]. *Aktual'nye voprosy arkheologii, etnografii i istorii. Sbornik materialov II Vseross. nauch. konf. s mezhdunarodnym uchastiem*. Cheboksary. Pp. 44-50. [in Russian]
- Kappeler, 2000** – *Kappeler, A.* (2000). Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya. Vozniknovenie. Istoriya. Raspad [Russia is a multinational empire. Emergence. Story. Decay]. Moskva. [in Russian]
- Kappeler, 2019** – *Kappeler, A.* (2019). Chuvashi. Narod v teni istorii [Chuvash. People in the shadow of history]. Cheboksary. [in Russian]
- Kappeler, 2003** – *Kappeler, A.* (2003). Yuzhnyi i vostochnyi frontir Rossii v XVI–XVIII vekakh [The southern and eastern frontier of Russia in the 16th–18th centuries]. *Ab imperio*. 1: 47-65. [in Russian]
- Mineeva i dr., 2022** – *Mineeva, E.K., Starostin A.N., Mineev A.I.* (2022). Vospriyatie tyurkskimi narodami Uralo-Povolzh'ya etnokonfessional'noi situatsii v regionakh prozhivaniya: titul'nye etnosy i transgranichnoe vzaimodeistvie [Perception of the Turkic peoples of the Ural-Volga region of the ethno-confessional situation in the regions of residence: titular ethnic groups and cross-border interaction]. *Voprosy istorii*. 8–2: 17-32. [in Russian]
- Ofitsial'nye itogi...** – Ofitsial'nye itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda. [Official results of the 2010 All-Russian population census]. [Electronic resource]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm [in Russian]
- Slokum, 2005** – *Slokum, Dzh.U.* (2005), Kto i kogda byli «inorodtsami»? Evolyutsiya kategorii «chuzhie» v Rossiiskoi imperii [Who and when were "foreigners"? Evolution of the category "strangers" in the Russian Empire]. *Rossiiskaya imperiya v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let*. Moskva. [in Russian]
- Frank, 2008** – *Frank, A.Dzh.* (2008). Islamskaya istoriografiya i «bulgarskaya» identichnost' tatar i bashkir v Rossii [Islamic historiography and the "Bulgarian" identity of the Tatars and Bashkirs in Russia]. *Kazan'*. [in Russian]
- Khostler, 2006** – *Khostler, Ch.U.* (2006). Tyurkizm i Sovety. Tyurki mira i ikh politicheskie tseli [Turkism and Soviets. Turks of the world and their political goals]. Almaty. [in Russian]
- Arik, 2007** – *Arik, D.* (2007). Islam among the Chuvashes and its Role in the Change of Chuvash Ethnicity. *Journal of Muslim Minority Affairs*. 1(27): 37-54. [in Russian]
- Derrick, 2008** – *Derrick, M.* (2008). Revisiting “Sovereign” Tatarstan. *USAK (Uluslararası Stratejik Araştırmalar Kurumu)*. 6(3): 75-103. [in Russian]
- Devlet, 1989** – *Devlet, N.* (1989). The Tatars and Bashkirs afterglasnost. *Institute of Muslim Minority Affairs. Journal*. 10(2): 464-474. [in Russian]
- Dowler, 1998** – *Dowler, W.* (1998). Pedagogy and politics: Origins of the special conference of 1905 on primary education for non-Russians in the east. *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*. 4(26): 761-775.
- Dowler, 1995** – *Dowler, W.* (1995). The Politics of Language in Non-Russian Elementary Schools in the Eastern Empire, 1865-1914. *Russian Review*. 54(4): 516-538.
- Egorova, Kern** – *Egorova, T.A., Kern, J.H.C.* I.Ia. Iakovlev's National Educational Ideas Regarding the Chuvash People in Late Tsarist Russia and Its Consequences in the Early Soviet State. [Electronic resource]. URL: <https://leidenuniv.academia.edu/TatianaKleerebezemEgorova>
- Hajda, 1993** – *Hajda, L.* (1993). Ethnic politics and ethnic conflict in the USSR and the post-soviet states. *Race, Gender & Ethnicity: Global Perspectives. Humboldt Journal of Social Relations*. 2(19): 193-278.
- Jersild, 2000** – *Jersild, A.* (2000) Faith, Custom, and Ritual in the Borderlands: Orthodoxy, Islam, and the "Small Peoples" of the Middle Volga and the North Caucasus. *Russian Review*. 4 (59): 512-529.
- Karadağ, 2017** – *Karadağ, H.* (2017). Ivan Yakovlevich Yakovlev: Çuvaş Kültürüne Can Suyu Veren Kültür ve Medeniyet İnsanı [Ivan Yakovlevich Yakovlev: Person of Culture and Civilization who gave life to Chuvash Culture]. *International Symposium on Multidisciplinary Studies (ISMS)*. Ankara. Pp. 125-145. [in Turkish]

Kreindler, 1977 – Kreindler, I. (1977). A Neglected Source of Lenin's Nationality Policy. *Slavic Review*. 1(36): 86-100.

Matsuzato, 2004 – Matsuzato, K. (2004). Authoritarian transformations of the Mid-Volga national republics: an attempt at Macro-Regionology. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 20(2): 98-123.

Pipes, 1950 – Pipes, R. (1950). The First Experiment in Soviet National Policy: The Bashkir Republic. 1917–1920. *The Russian Review*. 4(9): 303-319.

Werth, 2000 – Werth, P. (2000). Inorodtsy on Obrusenie: Religious Conversion, Indigenous Clergy, and the Politics of Assimilation in Late-Imperial Russia. *Ab Imperio*. 2: 105-134.

Проблемы взаимодействия тюркских народов европейской России в освещении зарубежной историографии

Татьяна Николаевна Иванова^a, Елена Константиновна Минеева^{a,*},
Алексей Игоревич Минеев^a

^a Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды зарубежных исследователей на проблемы исторического развития общественно-политического и социокультурного взаимодействия родственных тюркских народов (татар, башкир и чувашей), в том числе в процессе аккультурации их анклавных и трансграничных групп. Поволжско-Приуральский регион рассматривается зарубежными учеными как «фронтир», «окно на Восток», «фокус» колонизационного освоения Россией восточных регионов. При этом в зарубежной историографии подчеркивается особая роль татарского этноса как самого многочисленного, гегемония которого основана на богатом историческом наследии Волжской Булгарии и Золотой Орды. Результаты проведенного нами в 2022 гг. социологического опроса в Башкортостане, Татарстане, Чувашии и Свердловской области свидетельствуют о спокойном межэтническом климате в Поволжско-Приуральском регионе, однако респондентами констатируются и определенные проблемы. Эти межэтнические проблемы можно также выявить, проанализировав основные концепции зарубежной историографии по данной тематике. В трудах А. Каппелера, П. Верта, Р. Джераси, Ч. Хостлера, Л. Хайда, Н. Девлета, Д. Арика, Х. Карадага и др. рассматриваются такие проблемы, как ассимиляция (татаризация, башкиризация, русификация), воздействие ислама и православия на данные процессы, роль в них национального просвещения. Сложное, трансграничное и анклавное расселение трех родственных этносов способствовало аккультурации татар, башкир и чувашей в течение последних двух столетий. Новые проблемы возникли в первые годы советской власти, когда на территориях национальных автономий оказались значительные районы, населенные не только титульным этносом, но и представителями других родственных тюркских народов.

Ключевые слова: зарубежная историография, тюркские народы, татары, башкиры, чувашы, ассимиляция, аккультурация, анклавы, трансграничные территории.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mineevaek21@mail.ru (Е.К. Минеева), tivanovan@mail.ru (Т.Н. Иванова), minalig@inbox.ru (А.И. Минеев)